ДХ
5104

Николай Алексеевич Любимов (1830–1897) – русский физик, проф. Моск. ун-та. Крайний реакционер. Сотрудник „Русского вестника" и „Моск. ведомостей".

КРУШЕНІЕ МОНАРХІИ ВО ФРАНЦІИ.

ОЧЕРКИ и ЭПИЗОДЫ

ПЕРВОЙ ЭПОХИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

(1787 — 1790).

Н. А. Любимова

Заслуженнаго Профессора Московскаго Университета.

МОСКВА.
Университетская типогр., Страстной бульв.
1893.

© ГПНТБ СОРАН

DX
5104

Сверено
1991 г.

59 26/91

ГИПК СОАН СССР
Гос. Публ. Ист.-техн.
библиотека

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ августѣ 1880 года въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, подъ заглавіемъ *Противъ теченія* и подъ псевдонимомъ Варѳоломея Кочнева, я помѣстилъ рядъ бесѣдъ о первой французской революціи, въ формѣ разговоровъ двухъ пріятелей. Трудъ былъ названъ *Противъ теченія*, такъ какъ время, въ какое онъ писался, носило несомнѣнный революціонный оттѣнокъ и культъ революціи, издавна распространенный во многихъ изъ нашихъ интеллигентныхъ кружковъ, грозилъ отъ мечтаній перейти къ практикѣ. Въ правительствѣ чувствовалась слабость; въ обществѣ обнаруживались явственные предреволюціонные симптомы. Самыя дерзкія, почти невѣроятныя покушенія слѣдовали одно за другимъ; приближалось страшное событіе 1 марта. Въ руку революціонеровъ играли тѣ, которые— яростно, повидимому, возставая противъ нихъ — для увраченія золъ предлагали, въ эпоху смуты умовъ и дѣлъ, заняться конституціоннымъ преобразованіемъ государства. О нихъ революціонеры въ заграничныхъ изданіяхъ откровенно говорили: «а все-таки вы наши и съ нами за-одно». Въ такую эпоху говорить о революціи, не какъ о благодѣтельномъ переворотѣ, неотразимо требуемомъ законами исторіи, — значило, очевидно, говорить противъ теченія.

Событія французской революціи съ давнихъ поръ были для меня предметомъ довольно внимательнаго изученія. Объ этомъ свидѣтельствуютъ нѣкоторыя мои статьи, писанныя въ шестидесятыхъ еще годахъ. Даже общее воззрѣніе на французскую революцію, высказанное въ статьѣ моей «Изъ исто-

© ГПНТБ СО РАН

ріи народнаго просвѣщенія во Франціи въ эпоху революціи», не далеко отходитъ отъ сужденій, выраженныхъ въ бесѣдахъ *Противъ теченія*. Перечитывая, въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ, старый *Монитёръ*, мемуары и другія документы революціонной эпохи, я замѣтилъ, что многое въ событіяхъ французской революціи, особенно въ годы непосредственно предшествовавшіе взрыву, чрезвычайно уясняется при освѣщеніи, какое доставляли явленія нашей общественной жизни въ эпоху нашего государственнаго и политическаго легкомыслія. Это отчасти и вызвало мой трудъ.

Сочиненіе мое было встрѣчено какъ крайне тенденціозное. Если въ началѣ оно и было не чуждо тенденціи, то исключительно лишь по отношенію къ нашимъ событіямъ, на сколько приходилось ихъ касаться. Но и это потомъ стало мало замѣтнымъ. Что же касается событій французской, а не нашей чаемой революціи, то по отношенію къ нимъ, я имѣлъ въ виду единственно возстановленіе, на сколько хватало знанія и разумѣнія, исторической истины, а никакъ не искусственный наборъ подтвержденій для предвзятой мысли.

За первымъ рядомъ бесѣдъ слѣдовали другіе; трудъ разросся; рамка разговора стала неподходящею къ содержанію сочиненія и была оставлена, какъ оставленъ былъ и псевдонимъ, замѣненный настоящимъ именемъ автора. При нынѣшней обработкѣ статей монхъ въ одно сочиненіе сдѣлалось неподходящимъ и первоначальное заглавіе его. Видѣть въ сочиненіи моемъ не серіозный ученый трактатъ, а тенденціозное произведеніе, вызванное въ свое время злобою дня, было бы крайне несправедливо. Пусть укажутъ хоть одинъ фактъ, изложенный, не говорю уже ложно, но хотя бы въ невѣрномъ освѣщеніи, чтобы подыскать параллель. Относиться къ событіямъ *французской* революціи иначе какъ съ полнымъ историческимъ безпристрастіемъ у меня не было и нѣтъ никакого побужденія и основанія. Иной вопросъ наши революціонныя затѣи. По отношенію къ нимъ,

думаю, умѣстны были нѣкоторыя предостереженія и параллели, неблагосклонно встрѣченныя въ мнимо-либеральныхъ кружкахъ, такъ какъ шли противъ теченія.

Между событіемъ великой исторической важности, какова французская революція, и нашими печальными явленіями революціоннаго характера есть громадная разница не только по сравнительной важности событій, но по самому существу явленій. Французская революція, какъ бы ни смотрѣть на нее, была явленіемъ центростремительнымъ; наша революціонная политика по существу *центробѣжная*. Революціонный французскій кличъ былъ къ единству Франціи; черта, спасавшая Францію въ критическое время ея существованія, была патріотизмъ. «Патріотизмъ, говорилъ я при описаніи празднествъ федераціи въ іюлѣ 1790 года, можетъ вывести страну и изъ революціонной бури. Революція, исключающая патріотизмъ, можетъ принести только гибель. А именно такова обѣщаемая намъ русская революція. Эта русская революція есть попросту русское разложеніе. Мы присутствовали при одномъ ея актѣ. О чемъ была забота въ эпоху смуты, ознаменованной польскимъ возстаніемъ 1863 года, такъ привѣтствованномъ нашими революціонерами, какъ не о раздробленіи Россіи, поборѣніи русскаго патріотизма и всяческомъ противодѣйствіи національной политикѣ? Русская революція по существу своему можетъ быть только *центробѣжною*, затѣваетъ ли она разбить всю страну на мелкія и независимыя волости или задается болѣе близкимъ вопросомъ о всеоружіи правъ и конституціонномъ устройствѣ страны».

Заключая серію статей, веденныхъ въ формѣ разговоровъ, я вложилъ въ уста «автора» слова, которыя позволю себѣ повторить и въ настоящемъ предисловіи:

«Я врагъ революцій, изъ изученія революціонной эпохи и наблюденій жизни вынесъ сильнѣйшую антипатію противъ тѣхъ натуръ, алчныхъ къ власти, безсердечныхъ, насквозь фальшивыхъ, мелкой и завистливой души, изъ которыхъ вы-

работались революціонные вожаки якобинской эпохи и которые суть типическіе представители революціонныхъ движеній не въ одной Франціи. Но если чувствую въ себѣ,— при легко смущающейся мягкости и внутренней робости нравственнаго существа своего, — какой-либо дѣятельный инстинктъ, то именно инстинктъ свободы, ближайше родственный съ инстинктомъ безпристрастія и отзывчивостію на каждое угнетеніе и страданіе. Тѣ кому не нравится *Противъ теченія* готовы выставить наши бесѣды какъ тенденціозное служеніе предвзятымъ идеямъ. Смѣю думать, что бесѣды наши суть произведеніе *свободнаго духа*».

Возможностію сдѣлать настоящее изданіе моего труда, я обязанъ редактору *Московскихъ Вѣдомостей* С. А. Петровскому, которому и приношу мою благодарность.

Надѣюсь, что знающіе замѣтятъ что̀ есть оригинальнаго въ моемъ сочиненіи, не указаннаго другими. Какъ писаніе во многихъ строкахъ своихъ призывавшее умы къ отрезвленію, оно въ свое время было не безслѣдно. Не знаю обратитъ ли на себя вниманіе, какъ трактатъ чисто ученаго характера.

Вмѣсто введенія помѣщаю первую бесѣду пріятелей. Она характеризуетъ настроеніе, подъ какимъ былъ начатъ мой трудъ.

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ.

ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЯ.

Разговоръ двухъ пріятелей въ іюлѣ 1880 года.

Пріятель (читаетъ газеты). Читаю о празднествахъ въ Парижѣ 14 іюля нынѣшняго года. Замѣчательно, что нигдѣ, кажется, празднество обновленной республиканской Франціи не привѣтствуется такъ сочувственно, какъ у насъ, если судить по нашимъ газетамъ. Подумаешь, что и у насъ сердца исполнены радостными воспоминаніями о томъ какъ „народъ“ взялъ „твердыню Бастиліи“ у не защищавшихся инвалидовъ.

Авторъ. У насъ очень силенъ культъ французской революціи, но къ сожалѣнію нигдѣ, конечно, не распространены такъ мало какъ у насъ свѣдѣнія объ этомъ событіи. О немъ имѣются у насъ лишь самыя неясныя, миѳическія представленія.

Пріятель. Это идетъ издалека. Помнишь, лѣтъ тридцать тому назадъ, въ наши студентскіе годы въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, подъ какимъ великимъ запретомъ и въ печати, и на каѳедрахъ было у насъ слово *революція*. Въ университетскихъ библіотекахъ книги гдѣ говорится о революціи были отставлены въ особые шкафы. На сочиненіяхъ, авторы которыхъ болѣе или менѣе сочувственно относятся къ событію, красовался ярлыкъ „запрещено безусловно“. Ихъ не давали даже профессорамъ, развѣ потихоньку. На простыхъ повѣствованіяхъ о происшествіяхъ запрещенной эпохи, мемуарахъ, сборникахъ, документахъ, значилось: „запрещено для публики“. Эти не выдавались студентамъ и посторонникъ читателямъ. И всѣ эти запреты не помѣшали революціоннымъ идеямъ чрезъ всѣ преграды проникать въ молодые умы.

© ГПНТБ СО РАН

Авторъ. Да. Какое бывало наслажденіе доставлялъ добытый отъ какого-нибудь обладателя запрещеннаго плода, профессора или иного счастливца, на самое короткое время, опасный томъ какой-нибудь исторіи революціи, въ которомъ казалось и заключается самая-то скрываемая истина. Помнишь съ какою жадностью одолѣвали мы въ одну ночь томъ Мишле, Луи Блана, въ четыреста, пятьсотъ страницъ, понимаемый изъ пятаго въ десятое и по недостаточному знанію языка, и по отсутствію свѣдѣній вообще. Чѣмъ сочиненіе запрещеннѣе тѣмъ казалось истиннѣе.

Пріятель. Надо признаться, что нашимъ юношескимъ увлеченіямъ не мало содѣйствовало то обстоятельство, что въ литературныхъ и профессорскихъ кружкахъ, имѣвшихъ наиболѣе вліянія на молодые умы, этотъ, какъ ты называешь, „культъ революціи", если не во всѣхъ подробностяхъ исполненія ея программы, то въ ея началахъ, идеяхъ, неотразимо имѣющихъ осуществиться и отдѣлить новый міръ отъ стараго, принадлежалъ къ числу основныхъ убѣжденій. Революція включалась въ общее понятіе объ историческомъ прогрессѣ, какъ самая капитальная его часть. Ея начала понимались менѣе опредѣленно, но за то и шире, чѣмъ такъ называемыя начала 89 года. Наше пониманіе революціонныхъ началъ обнимало собою все стремящееся и обѣщающее передѣлать неудовлетворительный существующій порядокъ вещей на новый, непремѣнно лучшій,—свободу во всѣхъ видахъ, борьбу со всякими притѣсненіями, изобличеніе злоупотребленій, уничтоженіе предразсудковъ, словомъ, цѣлый винегретъ прогресса, осуществить который мѣшаетъ только невѣжество массъ коснѣющихъ и удерживаемыхъ въ предразсудкахъ, а также своекорыстіе людей власть имѣющихъ. Въ какой мѣрѣ въ кружкахъ былъ силенъ этотъ широкій революціонный культъ, о томъ свидѣтельствуютъ изъ нихъ вышедшіе наши диллетанты всесвѣтной революціи: Герценъ, Огаревъ, съ ихъ изданіями, играющими не малую роль въ печатной исторіи русскаго сбиванья съ толку: наконецъ Бакунинъ, прямо пошедшій дѣлать чужія революціи.

Авторъ. Образованіе у насъ революціоннаго культа съ его оттѣнками—отъ поклоненія идеаламъ до поклоненія практикѣ,—чрезвычайно понятно. Наши литературные и научные руководители, при бо́льшихъ конечно познаніяхъ и большей опытности чѣмъ какія мы имѣли,—были по отношенію къ политическимъ вопросамъ, и къ дѣлу революціи въ томъ числѣ, такіе же неопытные

новички какъ и мы юноши. Между практикой окружающей жизни и тѣмъ что слагалось въ умахъ изъ книжнаго знакомства съ міромъ европейской цивилизаціи была тогда цѣлая пропасть. Чувствовалось внутреннее раздвоеніе. Съ одной стороны, непроглядная дѣйствительность съ явленіями невѣжества, грубаго стѣсненія всего что дорого человѣку дорожащему свободой своей мысли; съ другой—фантастическій идеалъ свободнаго цивилизованнаго государства осуществляемый на Западѣ, и если не осуществленный еще, то лишь благодаря противодѣйствію именно тѣхъ же темныхъ силъ, которыя такъ давали себя чувствовать вокругъ. Для серіозной оцѣнки явленій жизни требовалась степень зрѣлости, которою не обладали ни мы, ни наши руководители. Нѣкоторые спасались отъ раздвоенія идеаломъ древней Руси...

Пріятель. А какъ тяжело иногда чувствовалось это раздвоеніе! Въ эпоху Крымской войны, и великаго Севастопольскаго сидѣнья не мало было между нами почти радовавшихся нашимъ пораженіямъ, какъ побѣдѣ цивилизаціи надъ зазнавшимся варварствомъ. Въ комъ не заглушены были здоровые инстинкты патріотизма, тѣ чувствовали чудовищность явленія. Въ біографіи Грановскаго можно видѣть, какъ онъ съ испугомъ отклонился отъ космополитическихъ сужденій этого рода, почувствовавъ въ себѣ русскаго человѣка. Чрезъ нѣсколько лѣтъ наступила было минута, когда печальное раздвоеніе, о которомъ мы говоримъ, источникъ множества явленій—со „скитальчествомъ" включительно, о которомъ заговорили въ послѣднее время,—готово, казалось, было исчезнуть. Это минута нашего національнаго пробужденія въ 1863 году во время Польскаго возстанія. Вдругъ стало яснымъ, что русскій патріотизмъ не грубость массъ, не чудачество кружка, не притворство желающихъ выслужиться у правительства, а сознаніе себя Русскимъ, не стыдящимся исторіи своего народа, не отрекающимся отъ нея со всею ея нравственною отвѣтственностію и трудными задачами, указываемыми вѣчною справедливостью, по волѣ которой и возвышаются и падаютъ народы. Почувствовалось, что разумный патріотизмъ есть истинный признакъ образованнаго народа, а пошлый космополитизмъ, такой же признакъ варварства какъ и китайщина. Но плохо воспользовались мы этою минутой. Остановились, какъ остановились потомъ предъ стѣнами Константинополя. Медленны шаги исторіи!

Авторъ. Исторія прошедшаго, фундаменты быта западныхъ на-

родовъ для насъ были чужды. По отношенію къ ихъ историческимъ завѣтамъ мы чувствовали себя совершенно налегкѣ, подобно тому какъ почувствовали себя Французы революціонной эпохи, сбросившіе съ себя или лучше сказать вообразившіе, что сбросили всѣ тяготы своей исторіи. Тѣ силы, которыя, какъ напримѣръ католицизмъ, имѣютъ такое существенное значеніе въ жизни Французской націи, для насъ непонятны. Мы еще можемъ представить себѣ крестьянина ревностнаго католика, рисуя его себѣ по образцу православнаго крестьянина, но не можемъ войти въ кожу образованнаго Француза-католика. Такъ же мало понятенъ намъ Французъ-легитимистъ. Мотивы, одушевлявшіе людей къ борьбѣ съ революціей, были для насъ вообще мало доступны; наиболѣе понятны были худшія изъ нихъ, — своекорыстіе, нежеланіе отдать что имѣешь. Между тѣмъ, стремленіе къ обновленію во имя теоретическихъ началъ, простыхъ и привлекательныхъ съ виду, казалось чрезвычайно понятнымъ. У насъ сложилось политическое ученіе до наивности простое. Въ мятущемся человѣчествѣ двѣ стороны—темная сторона стараго порядка и свѣтлая сторона обновленія. Царство предразсудковъ и царство яснаго разума. Добродѣтель, честность, иныя хорошія качества, спеціальная принадлежность первой стороны — стороны либеральныхъ идей. Могутъ быть и въ ней заблужденія и даже заблужденія ужасныя, разыгрывающіяся кровавыми послѣдствіями, но и эти заблужденія проистекаютъ изъ чистаго въ началѣ своемъ источника. Могутъ, правда, быть явленія честности, добродѣтели, величія и на другой сторонѣ: но это честность и добродѣтель предразсудка, величіе паденія. Мотивы на этой сторонѣ или своекорыстные разсчеты, или темные инстинкты духа, а не желаніе блага, не свѣтлое представленіе разума, какъ тамъ. Обновленіе должно свершиться, препятствія къ нему должны быть убраны. Какъ — немедленно ли и всякими средствами, какъ требуютъ болѣе ретивые,—постепенно ли и безъ болѣзненныхъ операцій, какъ предлагаютъ болѣе спокойные: это можетъ быть предметомъ сомнѣнія, но сущности дѣла не измѣняетъ. При такой постановкѣ какое же можетъ быть колебаніе для ума свободно относящагося къ дѣлу куда примкнуть, на сторону ли враговъ или на сторону друзей революціи. А умомъ свободно относящимся къ дѣлу естественно чувствовалъ себя всякій изъ насъ, урывками и тайкомъ знакомясь съ событіями великой революціонной драмы

Пріятель. Все это очень понятно, но отъ того не легче. Незрѣлость нашихъ политическихъ понятій въ эпоху зарожденія революціоннаго культа далеко не имѣла того важнаго значенія какое можетъ получить нынѣ. Тогда лежала цѣлая пропасть между практическою жизнью и теоретическими идеями, для самаго незначительнаго меньшинства имѣвшими сколько-нибудь серіозную цѣну. Для большинства причислявшихъ себя тогда къ современно образованнымъ людямъ идеи эти проходили въ умѣ легкимъ и неяснымъ облакомъ. Культъ революціи являлся въ формѣ отдаленнаго поклоненія и лишенъ былъ практическаго значенія и силы. Далеко не то теперь, когда такъ бродятъ въ обществѣ стремленія къ дѣятельной политической жизни, когда понятія такъ смутны, когда мы испытываемъ злоупотребленія свободы безъ самой свободы, тиранію не власти, а безвластія и противовластія, когда на практикѣ есть русская соціально-революціонная партія съ сектами и подраздѣленіями. Отъ революціи и революціонеровъ въ тѣсномъ смыслѣ у насъ нынѣ принято искренно или неискренно отрекаться самымъ рѣшительнымъ образомъ. Не только газета *Голосъ*, считающая себя выразителемъ идей „либеральной фракціи“ нашихъ правящихъ людей, отрекается отъ революціонеровъ; отъ нихъ во всеуслышаніе недавно отреклись на судѣ сами участники „соціально-революціоннаго движенія“ — ихъ собственные коноводы, докторъ Веймаръ и студентъ Михайловъ. Когда послѣ кинжаловъ и взрывовъ начались со стороны глаголемыхъ (терминъ какой митрополитъ Филаретъ ввелъ относительно старообрядцевъ) либераловъ успленныя отреканія отъ революціонной партіи, доходившія до пафоса проклятій, партія въ заграничныхъ изданіяхъ посмѣвалась, говоря: „а все-таки вы наши и съ нами за одно“. Теперь, повидимому, и въ крайнемъ лагерѣ mot d'ordre отказываться отъ насильственныхъ мѣръ. Надолго ли? Никакой, говорятъ, насильственный переворотъ не желателенъ. Нашелся, наконецъ, успокоительный пунктъ, на которомъ кажется всѣ согласились, и крайніе, и умѣренные, и просто либеральные. Переворотъ желателенъ и требуется постепенный, законный, путемъ „либеральнаго прогресса“. Но и первая французская революція началась съ характеромъ законнаго переворота. Самый терминъ *революція*, до событій 1789 года и даже въ первую ихъ эпоху не имѣлъ значенія насильственнаго переворота. Никто не понималъ революцію какъ бунтъ или воз-

мущеніе. Захватъ власти безъ боя, проникновеніе во власть можетъ точно также своимъ послѣдствіемъ имѣть революцію, какъ и уличное возстаніе съ баррикадами и кровію. Суть дѣла — во имя какихъ идей производится или долженъ быть произведенъ переворотъ, чѣмъ именно должно было обновлено человѣчество вообще, и каждая страна въ отдѣльности. Если есть въ самомъ дѣлѣ такой рецептъ, который стóитъ только исполнить, и человѣчество несомнѣнно обновится въ новый счастливый міръ, то можно ли не желать осуществленія этого рецепта и не призывать всѣмъ сердцемъ того дня, когда осуществленіе это свершится? А если этотъ рецептъ заключается въ началахъ внесенныхъ въ міръ французскою революціей, то можно ли не раздѣлять культа революціи? Если цѣль ясна и извѣстна, то вопросъ только въ путяхъ для болѣе или менѣе удобнаго ея достиженія. Вся суть дѣла — ясна ли цѣль и не миражъ ли то что̀ указывается вдали. Цѣлое войско въ степи можетъ погибнуть принявъ миражъ за дѣйствительность. Отъ миража можетъ спасти или жизненный опытъ, стоящій иногда не малыхъ жертвъ, или научное знаніе достигнутое изученіемъ явленій.

Авторъ. Ты сказалъ слово. Нѣтъ у насъ зла бóльшаго какъ безпомощность нашего знанія. Ею объясняется наше невѣроятное легкомысліе въ серіознѣйшихъ дѣлахъ и то, какъ могутъ имѣть у насъ успѣхи обманы самаго грубаго свойства. Нечего закрывать глаза. Современное состояніе нашего общества скрываетъ въ себѣ не мало опасностей. И главная изъ нихъ не въ томъ темномъ пятнѣ, на которое направлено вниманіе: замажемъ, говорятъ, пятно, и все пойдетъ по маслу,—а въ томъ сѣромъ фонѣ въ какомъ это пятно выступило. Мы до страсти любимъ обличать зло нашего положенія, но настоящее его зло легкомысленнѣйше просматриваемъ. Мы всѣ жалуемся, но на то ли что̀ насъ дѣйствительно разслабляетъ? Ты помнишь нашего товарища П*. Онъ прислалъ мнѣ на дняхъ на эту тему довольно длинное письмо, родъ статейки которую не прочь бы напечатать. Я прочту ее. Высказанное въ ней мнѣ кажется весьма вѣрно.

„Едва ли есть въ настоящее время на протяженіи Россійской Имперіи человѣкъ, который бы не жаловался. Всѣ мы жалуемся и требуемъ улучшеній. Администраторъ жалуется, что его не довольно уважаютъ и награждаютъ; общественный дѣятель, что у него мало правъ и нѣтъ арены для краснорѣчія,—что̀ и мѣшаетъ ему исполнять обязанности; духовный пастырь жалуется, что скудно содержаніе; крестьянинъ, что мало землицы и поборы велики; хозяинъ, что мастеровые только пьянствуютъ, а не работаютъ; жалуется собственникъ, что собственность не приноситъ доходу, а обложена все возрастающими сборами; жалуется купецъ, что очень ужъ плутъ сталъ народъ; акціонеръ, что его обворовываютъ; предприниматель, что слишкомъ много требуется для „подмазки“ чтобы пустить въ ходъ какое-либо дѣло; судъ жалуется на администрацію, администрація на судъ; начальники жалуются, что подчиненные ихъ не слушаютъ, подчиненные зачѣмъ еще есть у нихъ начальники, когда каждый самъ себя отлично чувствуетъ начальникомъ; общество жалуется, что правительство все беретъ на себя, правительство, что общество ничего взять на себя не хочетъ; публика жалуется на разнузданность журнальныхъ нравовъ и жадно читаетъ скандалы; журналисты жалуются, что имъ недостаетъ свободы слова и съ азартомъ требуютъ „обузданія“ если кто заговоритъ не по камертону; раскольники жалуются, что не признаютъ ихъ архіереевъ и что чиновники и литераторы, съ тѣхъ поръ какъ приняли роль защитниковъ „свободы совѣсти“, обходятся дороже прежняго; чиновники жалуются, что у раскольниковъ туга стала мошна; профессора жалуются, что у нихъ нѣтъ студентовъ въ аудиторіяхъ, студенты что у нихъ нѣтъ профессоровъ на каѳедрахъ, тѣ и другіе, что не могутъ серіозно заниматься дѣломъ — студенты потому, что не имѣютъ кассъ и сходокъ, профессора потому, что „автономіи грозитъ опасность“ и требуется прибавка жалованья; не жалуются кажется только лѣса и горы,—горы потому, что ихъ нѣтъ, а лѣса потому, что мы ихъ повырубили.

„Но странное дѣло! во всемъ обширномъ и разноголосномъ хорѣ жалующихся и негодующихъ не слышится вовсе указанія и жалобъ на главное зло составляющее дѣйствительную язву нашего современнаго положенія. Послушать—мы всѣ находимся подъ гнетомъ какой-то тяжести и движемся въ сжатой и густой атмосферѣ. Но взглянувъ внимательнѣе, не трудно убѣдиться, что напротивъ всякая тяжесть сложена нами съ плечъ и мы идемъ налегкѣ; удушье, несомнѣнно чувствуемое, происходитъ не отъ того, что воздухъ сжатъ, а оттого что разрѣженъ и мы взапуски стараемся лишить его живительнаго кислорода. Не въ томъ зло, что трудно у насъ жить, а въ томъ, что *слишкомъ легко у насъ живется.* Трудъ ослабъ на всѣхъ ступеняхъ. Мы проживаемъ капи-

талъ, слѣпо не замѣчая, какъ легко этимъ могутъ воспользоваться наши враги. И не поблагодарятъ за это насъ наши потомки! Какая масса трудныхъ и серіозныхъ дѣлъ стоитъ безъ движенія и не потому, чтобы руки были связаны — никогда онѣ не были свободны какъ теперь, а потому что на всѣхъ путяхъ выгоднѣе оказывается бездѣлье. *Нѣтъ труда производительнаго, ибо въ выгодѣ и почетѣ трудъ кажущійся, непроизводительный.* Заслуга не замѣчается, не цѣнится, даже унижается, зато мнѣніе требуемой окраски, искреннее или фальшивое все равно, вмѣняется въ заслугу. Всѣ управленія кишатъ проектами, нѣтъ мало-мальски замѣтнаго чиновника который не былъ бы членомъ десяти коммиссій: все, кажется, изучается, взвѣшивается и здѣсь и во всѣхъ странахъ міра, и въ китайскомъ законодательствѣ, и въ англійскихъ архивахъ XIII или иного вѣковъ, и въ исторіи, и въ теоріи, и въ прошедшемъ, и въ будущемъ, а колесница стоитъ на мѣстѣ. Такъ и останется, ибо весь этотъ парадъ есть только внѣшнее подобіе дѣла, а не самое дѣло. Дѣло есть вещь трудная, руководить имъ могутъ немногіе, ихъ надлежитъ искать и дорожить ими, если найдены. Но трудиться и исполнять то что̀ предписываетъ обязанность должны всѣ. Условія нашей дѣйствительности требуютъ возможно простыхъ формъ и строгаго исполненія. А между тѣмъ мы видимъ только кандидатовъ въ руководители и набрасывателей проектовъ, задающихся задачей о напсложнѣйшихъ и наименѣе примѣнимыхъ комбинаціяхъ. Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, повѣствуя о своей петербургской дѣятельности, хвастался, что онъ только заходитъ въ департаментъ взглянуть, распорядиться, дать указанія, а тамъ уже этакія крысы-чиновники сидятъ и пишутъ, пишутъ, самъ же просвѣщенный чиновникъ по вечерамъ играетъ въ вистъ: „Французскій посланникъ, нѣмецкій посланникъ и я“; а въ минуты досуга пишетъ статьи для журналовъ. Создатель этого типа, великій изобразитель пошлости нашей жизни, самъ характеризовалъ Хлестакова какъ человѣка „безъ царя въ головѣ, изъ тѣхъ которыхъ въ канцеляріяхъ принято называть пустѣйшими“. Какъ изумился бы авторъ *Ревизора*, увидѣвъ воочію, что въ наше время Иваны Александровичи дѣйствительно играютъ въ вистъ съ французскимъ посланникомъ, даютъ направленіе дѣламъ и пишутъ передовыя статьи въ газетахъ, изобразуя собою общественное мнѣніе. За то племя крысъ-чиновниковъ исчезло, а „пустѣйшіе“, то-есть къ труду простому неспособные, и до труда высшаго, благодаря своему пустѣйшему воспитанію, не доросшіе, стали на первый планъ. Представь себѣ царство Гоголевскихъ городничихъ,—плутовъ, но по-своему не глупыхъ людей, какъ ихъ характеризуетъ авторъ *Ревизора*, замѣненнымъ царствомъ усовершенствованныхъ Хлестаковыхъ. Можно ли было бы счесть это значительнымъ прогрессомъ? Дѣло дѣлать некогда и на низшихъ и на высшихъ ступеняхъ. Время проводится въ обдѣлываніи своихъ дѣлишекъ, а для публики въ сборахъ къ дѣлу, въ хлопотахъ о томъ какъ бы намалевать такую декорацію подъ сѣнью которой дѣло само собою, въ нѣкоторомъ будущемъ, пошло бы наилучшимъ въ мірѣ образомъ. А пока пусть постоитъ. И легко и спокойно, а свои дѣла обдѣлать можно наилучшимъ образомъ. При такомъ настроеніи менѣе всего оцѣнивается дѣйствительный трудъ, выгоднѣе всего шарлатанство.

„Разгулъ бездѣлья много зависитъ отъ чрезвычайнаго въ наше время ослабленія понятія долга. Одинъ изъ основныхъ догматовъ нигилизма есть устраненіе понятія долга, обязанности. Никто ни къ чему не обязанъ, никто ни за что̀ не отвѣтственъ. Но развѣ этотъ догматъ нигилизма не есть въ то же время догматъ огромной части нашей интеллигенціи? Развѣ не чувствуется на всѣхъ путяхъ нашей жизни самое легкомысленное презрѣніе къ обязанностямъ, развѣ не свидѣтели мы почти повальнаго распущенія, безнаказанности вопіющихъ дѣяній и ожесточеннаго преслѣдованія, не по мѣрѣ вины и безъ вины, дѣяній, неписаннымъ кодексомъ отнесенныхъ къ разряду особо ненавистныхъ, по личности ли подсудимаго, по качеству ли поступковъ? Повидимому мы жаждемъ свободы. Но развѣ попущеніе и судьямъ и судимымъ, и правящимъ и правимымъ, избирающимъ и избираемымъ дѣлать кто что̀ хочетъ и можетъ, не подвергаясь отвѣтственности, если есть хоть малая сноровка ее обойти,– есть свобода? Развѣ замѣна патріархальнаго взяточничества усовершенствованнымъ казнокрадствомъ есть въ самомъ дѣлѣ прогрессъ? Развѣ возложеніе серіозныхъ дѣлъ на ребятъ разнаго возраста, на неспособности разнаго калибра, на бездарности разныхъ степеней, можетъ содѣйствовать успѣшному ихъ ходу? Развѣ призваніе всѣхъ и каждаго кому удѣлена большая или малая доля государственной власти къ исполненію обязанностей безъ произвола и самодурства, но съ серіозною отвѣтственностью, не есть настоятельная потребность минуты“?...

Пріятель. Совершенно справедливо. Вся бѣда наша въ томъ, что задачи серіозны и трудны, а силы слабы. Но неужели же земля наша такъ оскудѣла силами? Имѣя какую-либо вѣру въ Провидѣніе или даже просто наблюдая событія нашего прошлаго' невозможно примириться съ этою мыслію. Если рынокъ заваленъ фальшивою монетой, принимаемою за настоящую, то золото утрачиваетъ свою цѣну. Нѣтъ резона его беречь и копить. До дня настоящаго разчета фальшивый капиталъ не разнится отъ дѣйствительнаго. Пагубная потеря оцѣнки достоинства вещей величайшее зло. Если человѣкъ не въ состояніи различить каменнаго дома отъ воздушнаго замка и подъ декораціей лѣса считаетъ себя въ дѣйствительномъ лѣсу, то чтобъ онъ могъ предпринять что-нибудь дѣльное необходимо прежде всего, чтобы разсѣялась иллюзія. Возьми какую хочешь область и увидишь какимъ туманомъ обмана застланы всѣ ея очертанія. Вотъ хоть наука. Извѣстно, что мы нынѣ ея великіе поклонники. И въ самомъ дѣлѣ кто не знаетъ, что слабость у насъ этого великаго рычага всякой дѣятельности есть наша главная слабость. Всякій казалось бы долженъ также знать, что рычагъ этотъ вырабатывается въ школѣ. Если нѣтъ науки въ школѣ, то не будетъ ея и въ жизни. Что же между тѣмъ мы слышимъ и видимъ? Если идетъ дѣло о чемъ-нибудь внѣ школы, тутъ мы кажется минуты пробыть не можемъ безъ „науки“, безъ свободнаго изслѣдованія, смѣлаго построенія „на научныхъ началахъ“. Тутъ нѣчто именуемое „наукою“ идетъ на всѣхъ парахъ. Стóитъ вспомнить удивительные успѣхи и результаты „научной психіатріи“ въ нашихъ судахъ. Но коснется дѣло школы, тутъ со всѣхъ сторонъ слышимъ крики, что учиться не надо. Архимедъ говорилъ царственному ученику, что въ наукѣ нѣтъ особаго пути для царей. Кто минуетъ этотъ единственный путь, тотъ останется недоучкою. Какой кажется ужасъ внушаетъ намъ это слово „недоучка“, и между тѣмъ всѣ усилія наши направляются къ тому, чтобъ имѣть только недоучекъ, лишь бы съ дипломами. Мы придумали цѣлыя заведенія, гдѣ дѣти знатныхъ особъ имѣютъ достигать „высшей науки“ минуя Архимедовъ путь. Нынѣ требуется окончательно обличить Архимеда. А между тѣмъ насажденіе въ Россіи „высшаго образованія“, не по имени, а по сущности, есть очевидно дѣло неотложной потребности. Мы печалимся о недоучкахъ! Да гдѣ же и житье недоучкамъ какъ не унасъ! Они насъ учатъ, они насъ судятъ, они рядятъ. И къ тому же во имя „науки“, которую изъ школы надлежитъ выгнать, за тѣмъ, быть-можетъ, чтобы тѣмъ съ бóльшимъ почетомъ раскланяться съ ней на улицѣ.

Авторъ. Перестановка которую ты указываешь дѣйствительно заслуживаетъ вниманія. Это одно изъ тысячи свидѣтельствъ нашей умственной смуты. Декартъ, положивъ въ основу научнаго изслѣдованія природы и духа сомнѣніе, какъ первый шагъ къ достиженію истины, вмѣстѣ съ тѣмъ указывалъ, что въ практикѣ государственной и частной жизни должно господствовать другое начало: дѣйствовать такъ какъ еслибы принятыя и установленныя правила были абсолютно истинны, хотя бы для размышляющаго ума и представлялся поводъ къ колебаніямъ и сомнѣніямъ. Не такъ смотримъ мы на дѣло. Такъ гдѣ для успѣха самостоятельнаго и плодотворнаго знанія требуется серіозный духъ пытливаго изслѣдованія, а именно на каѳедрѣ и въ ученыхъ трудахъ—предписывается, какъ нѣчто обязательное, несвободное поклоненіе каждой гипотезѣ, почему-либо почитаемой послѣднимъ словомъ науки, и ученическая передача чужихъ мнѣній съ правомъ свысока трактовать противниковъ гипотезы, какъ бы авторитетны они ни были, и заявлять о своемъ вѣскомъ согласіи съ основателями „новѣйшаго ученія“. Тутъ сомнѣніе и самостоятельность не въ авантажѣ. За то въ практикѣ жизни рекомендуется свобода изслѣдованія и экспериментальный методъ во всемъ ихъ объемѣ.

Пріятель. Общественныя и государственныя построенія *по разуму*, съ забвеніемъ исторіи, съ пренебреженіемъ дѣйствительности, самое характеристическое явленіе революціонной эпохи. Различеніе посылокъ практическаго разума отъ посылокъ разума теоретическаго есть основаніе того, что зовется политическою мудростью. Тѣ и другія въ своей области серіозное и трудное дѣло. Ихъ перенесеніе и смѣшеніе—дѣло не серіозное въ положительномъ смыслѣ, но могущее быть весьма серіознымъ въ смыслѣ отрицательномъ, по производимому вреду. Изученіе революціонной эпохи, кажется мнѣ, способно доставить богатый запасъ уроковъ и предостереженій, которые въ нынѣшнюю эпоху нашей умственной смуты и путаницы понятій могли бы быть для насъ какъ нельзя болѣе полезны. Мы нуждаемся въ хорошихъ урокахъ всякаго рода, но теперь чуть ли не болѣе всего въ урокахъ политической мудрости, чтобы предохранить насъ отъ пагубнаго политическаго легкомыслія и недомыслія. Тысячи вліяній толкаютъ

насъ на неправильный путь; направляющей нити нѣтъ, идемъ ощупью, не зная что̀ будетъ завтра. Аппетиты сильно возбуждены. Сознаться, что музыка у насъ нейдетъ, потому что мы не хотимъ трудиться, чтобы научиться играть, а не потому что мало инструментовъ и не такъ сидимъ никто не хочетъ. Крыловъ не досказалъ, что̀ сдѣлали члены его *Квартета* послѣ замѣчанія соловья: „а вы друзья какъ ни садитесь, все въ музыканты не годитесь“. Полагать надо, соловья прогнали. Каждый политикующій у насъ думаетъ, что если перенести его, съ фельетономъ въ карманѣ, въ нѣкоторое внушительное собраніе, то онъ чрезъ это самое удивительно бы поумнѣлъ и вѣщалъ бы одну мудрость. Одинъ Англичанинъ говорилъ, что еслибы въ Лондонѣ на улицѣ предлагали каждому встрѣчному принять въ свои руки завѣдываніе дѣлами страны, то изъ тысячи встрѣтившихся девятьсотъ девяносто девять отказались бы, а въ Парижѣ девятьсотъ девяносто девять приняли бы предложеніе. У насъ приняла бы вся тысяча.

Авторъ. Нашъ разговоръ наводитъ меня на мысль. Что̀ еслибы мы перечитали какіе можемъ имѣть подъ рукой документы поучительной эпохи первой французской революціи и набросали бы свободный очеркъ главнѣйшихъ моментовъ событій, пользуясь такъ-сказать естественно-историческимъ методомъ, состоящимъ въ точномъ изученіи фактовъ и строгомъ выводѣ изъ нихъ заключеній. Можетъ-быть наброски наши и не были бы, по настоящимъ временамъ, безполезны.

Пріятель. Ты читалъ конечно Тэна *Les origines de la France contemporaine* (T. I, 1876; T. II, 1878). Его сочиненіе мнѣ кажется есть именно приложеніе такого точнаго метода къ изученію великаго историческаго событія.

Авторъ. Сочиненіе Тэна заслуживаетъ всякаго вниманія. Его поспѣшили провозгласить одностороннимъ, продиктованнымъ враждой къ революціи. У насъ оно, понятно, никакимъ кредитомъ не пользуется. Но это несомнѣнно самое правдивое изслѣдованіе революціи. Тэнъ, какъ ты замѣчаешь, слѣдовалъ естественно-историческому методу. Всѣ выводы сдѣланы правильно изъ фактовъ. Это точная историческая патологія, въ которой изслѣдователь въ заключеніи своемъ не подобралъ лучшаго сравненія наблюдаемаго имъ явленія съ другими извѣстными какъ сравненіе революціи съ состояніемъ опьяненія, постепенно, отъ веселаго періода переходящаго къ бѣшенству, къ delirium tremens. Но признать такой

выводъ было бы самоубійствомъ для друзей революціи. Между тѣмъ онъ сдѣланъ совершенно правильно. Фактическая сторона сочиненія совершенно безупречна. Тутъ не удалось ничего опровергнуть. Выборъ фактовъ сдѣланъ съ полнымъ безпристрастіемъ естествоиспытателя, внимательно наблюдающаго явленіе. И тѣмъ не менѣе сочиненіе выставляютъ пристрастнымъ, продиктованнымъ враждой. Со стороны друзей революціи это совершенно естественно. Но замѣчательно, что нѣкоторое чувство неудовлетворенности испытывается многими читателями желающими безъ пристрастія относиться къ событіямъ. Чего-то не достаетъ. Напрашивается вопросъ: неужели исторія есть только патологія? Не представится ли такимъ же и всякое другое историческое событіе если изучать его тѣмъ же методомъ? Много ли останется здоровыхъ явленій? Не обратится ли вся исторія человѣчества въ исторію заблужденій, глупостей и безумствъ? Вѣдь этого можно ужаснуться. И оказывается, что естественно-историческій методъ, съ точки зрѣнія котораго Тэнъ совершенно правъ, насъ не удовлетворяетъ. Методъ этотъ ограничиваетъ изслѣдователя изысканіемъ ближайшихъ, такъ-называемыхъ дѣйствующихъ причинъ (causae efficientes). Мы хотимъ *причинъ конечныхъ* (causae finales) и безъ указанія ихъ не удовлетворяемся. Мы требуемъ, чтобы намъ непремѣнно показали, что эта ступень безумства есть ступень прогресса. Мы хотимъ, чтобы насъ утѣшили, успокоили, хотя бы обманули. Отъ врача требуемъ мы не научной только исторіи болѣзни, но непремѣннаго указанія врачующихъ средствъ, хотя бы таковыхъ медицина и не имѣла, и утѣшительныхъ видовъ на выздоровленіе. Тѣмъ болѣе отъ историка. Но ужь это не естествовѣдѣніе, которымъ въ то же время хотимъ мы исключительно обойтись. Дайте намъ естественно-историческую истину. Намъ даютъ ее. Мы неудовлетворены и требуемъ лучше обмана.

Пріятель. Но ты самъ удовлетворенъ ли книгою Тэна?

Авторъ. Со стороны исторической вѣрности картинъ вполнѣ. Но именно, потому что это есть строго научное изслѣдованіе, книга не могла сдѣлаться популярною, тѣмъ болѣе, что выводы ея идутъ въ разрѣзъ съ господствующими увлеченіями. У насъ книга ужь и совсѣмъ не популярна.

Пріятель. Какое значеніе можетъ имѣть у насъ такой серіозный трактатъ, когда у насъ отсутствуютъ самыя элементарныя свѣдѣнія о событіяхъ. Это не мѣшаетъ,—а можетъ-быть именно это и

ОТЕЧЕСТВО

помогаетъ,—испытывать къ нимъ нѣкоторое почтительное благоговѣніе. Прекрасное сочиненіе Зибеля и то не могло появиться въ русскомъ переводѣ не пройдя чрезъ цензуру этого благоговѣнія, выразившагося въ примѣчаніяхъ. Попробовалъ Зибель сказать о продажности Дантона. Переводчикъ спѣшитъ оговорить автора и указываетъ, точно въ отместку, на продажность Мирабо, государственнымъ талантамъ котораго Зибель отдаетъ справедливость. Мирабо, какъ извѣстно, особымъ благоволѣніемъ у насъ не пользуется, какъ измѣнившій къ концу дѣлу революціи. Но возвратимся къ нашему замыслу. Полагаю мы не будемъ задаваться задачею написать исторію революціи.

Авторъ. Безъ сомнѣнія. Коснемся лишь нѣкоторыхъ событій и явленій, но—главное—именно въ ихъ подробностяхъ, не такъ какъ онѣ переданы тѣмъ или другимъ историкомъ, а какъ представляются въ первыхъ источникахъ. Заглянемъ не столько въ книги о революціи, сколько въ тѣ главные документы, какъ отчеты о собраніяхъ и подобные, на которыхъ основываются наши свѣдѣнія и должны основаться сужденія о событіяхъ эпохи. Страницы документовъ раскрываютъ любопытный міръ. Словомъ, сдѣлаемъ прогулку наблюдателя въ страну революціи, отмѣтимъ что бросается въ глаза и позволимъ себѣ нѣкоторыя размышленія по поводу видимаго. Вотъ вся наша претензія. Страна въ высокой степени заслуживаетъ вниманія. Прогулка наша не можетъ не быть поучительною.

КРУШЕНІЕ МОНАРХІИ ВО ФРАНЦІИ.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

ЧЕРТЫ ПРЕДРЕВОЛЮЦІОННОЙ ФРАНЦІИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Послѣдніе дни блеска французской монархіи. Жизнь для наслажденія.

I.

Въ официальномъ изданіи, *Французской Газеты* (*Gazette de France*), въ прибавленіи къ № 85, во вторникъ 23 октября 1781 года, было напечатано: „королева, почувствовавъ первыя боли утромъ около 9 часовъ, 22 октября, въ тотъ же день, въ 1 часъ 23 минуты по полудни благополучно разрѣшилась отъ бремени принцемъ, находящимся въ вожделѣнномъ здравіи. Государь дофинъ (Monsieur Dauphin) крещенъ въ тотъ же день въ три часа. Здоровье ея величества въ благополучномъ, сообразно обстоятельствамъ, состояніи".

Чрезъ три дня, въ нумерѣ *Газеты* отъ 26 октября сообщено нѣсколько подробностей о радостномъ событіи. Какъ только обнаружились страданія, гофмейстерина королевы (surintendante de la maison), княгиня де Ламбаль, распорядилась извѣстить членовъ королевской фамиліи. Немедленно прибыли „Monsieur", „Madame" (старшій изъ братьевъ короля и его супруга), графъ д'Артуа (второй братъ), принцессы-сестры (Mesdames): Аделаида, Викторія и Софія, и другіе принцы. Графиня д'Артуа, супруга втораго брата короля, отсутствовала по болѣзни. Хранитель печатей (garde des sceaux), министры, статсъ-секретари собрались въ большомъ кабинетѣ короля; придворные кавалеры и дамы наполнили залы *. Король не оставлялъ ко-

---

* При первыхъ родахъ королевы въ 1778 году, когда она разрѣшилась отъ бремени принцессою, еще былъ соблюденъ (Mém. de madame

© ГПНТБ СО РАН

ролевы ни на минуту. Новорожденный былъ торжественно перенесенъ въ его аппартаменты. При крещеніи онъ получилъ имена Людовикъ-Жозефъ-Ксавье-Францискъ (Louis-Joseph Xavier-François). Крестилъ кардиналъ де Рогапъ главный капелланъ (grand aumonier). Министръ иностранныхъ дѣлъ, де-Верженъ, отправилъ немедленно курьеровъ съ извѣщеніемъ о событіи къ французскимъ посламъ и посланникамъ при иностранныхъ дворахъ. Въ четыре съ половиною часа курьеры уже выѣхали изъ Версаля.

Народная радость шумно сказалась при торжественномъ пріѣздѣ короля 26 октября изъ Версаля въ Парижъ. Залпы пушекъ извѣстили о прибытіи Людовика XVI къ заставѣ столицы (barrière des Conférences). Въ парадной каретѣ, въ блестящемъ окруженіи, въ предшествіи и сопровожденіи многочисленныхъ отрядовъ разнообразной лейбъ-гвардіи (gardes du Corps, guet de gendarmes, chevaux legers, fauconnerie, vol du cabinet) король медленно шествовалъ въ соборъ Парижской Богоматери. Французскіе гарды стояли шпалерами на пути шествія. Послѣ благодарственнаго молебствія, въ присутствіи высшихъ государственныхъ чиновъ, членовъ парламента, палатъ, королевскій поѣздъ двинулся въ обратный путь. „Король сѣлъ въ карету при громѣ народныхъ кликовъ: да здравствуетъ король! всегда слу-

---

de Campan), старый варварскій этикетъ, допускавшій въ минуты разрѣшенія королевъ отъ бремени всѣмъ и каждому входъ во дворецъ гдѣ происходили роды. „Въ этотъ разъ, говоритъ г-жа де Кампанъ о родахъ 1778 года, этикетъ соблюденъ былъ въ такихъ размѣрахъ, что когда было возглашено: „королева разрѣшается отъ бремени", толпы любопытныхъ бросились въ комнату съ такимъ азартомъ, что можно было опасаться за безопасность королевы. Король ночью имѣлъ осторожность веревками привязать огромныя ширмы изъ ковровъ, окружавшія ложе ея величества. Безъ этой предосторожности ихъ непремѣнно ловалили бы на нее. Въ комнатѣ нельзя было двигаться. Среди смѣшанной толпы можно было подумать, что находишься на базарной площади. Два савойяра взгромоздились на мебель, чтобы лучше видѣть королеву, лежавшую на постели, воздвигнутой для родовъ, противъ камина. Этотъ шумъ, полъ ребенка, о которомъ королева заключила по знаку условленному ею съ княгинею де Ламбаль, можетъ быть и какая-нибудь ошибка акушера остановили на минуту естественныя послѣдствія родовъ. Кровь бросилась въ голову, ротъ перекривился (la bouche se tourne). Воздуху, теплой воды! воскликнулъ акушеръ, надо сдѣлать кровопусканіе изъ ноги. Окна были законопачены (colfeutrées); король открылъ ихъ съ силою, какую могла ему придать нѣжность къ королевѣ, ибо высокія рамы были на всемъ протяженіи заклеены полосами бумаги. Сосудъ съ водою принесли не довольно скоро и акушеръ сказалъ первому хирургу королевы, чтобы сдѣлалъ кровопусканіе безъ погруженія. Слуги и пристава выталкивали любопытныхъ медливщихъ очистить комнату. Этотъ безжалостный этикетъ былъ навсегда отмѣненъ".

жащихъ,—читаемъ въ *Gazette de France*,—выраженіемъ любви народа, восхищеннаго счастіемъ видѣть своего монарха, а въ особенности теперь по случаю событія столь пламенно желаннаго. Всѣ дома на пути его величества были иллюминованы. Въ толпу, по его повелѣнію, были бросаемы деньги, какъ и при въѣздѣ".

Радость была несомнѣнно искренняя и всеобщая. „Народъ и знать, говоритъ г-жа Кампанъ (Mém. I, 215),—все слилось, казалось, въ одну семью. Останавливались на улицахъ, говорили съ незнакомыми, обнимали каждаго, кого сколько-нибудь знали". Изъ Парижа въ Версаль приходили многочисленныя процессіи рабочаго и ремесленнаго люда разныхъ цѣховъ съ музыкою въ праздничныхъ нарядахъ, дефилировалъ предъ дворцомъ, подносили королю образцы своего искусства. Извѣстно, что король любилъ занятія слесарнымъ ремесломъ. „Цѣхъ слесарей*, гордившійся тѣмъ что могъ считать короля въ своихъ рядахъ, пожелалъ отличиться дивомъ механики, которое привлекло бы къ себѣ вниманіе государя. Придумали замокъ съ секретомъ. Какъ отворится, появлялся дофинъ, прекрасно сдѣланный. Король приказалъ принести удивительный замокъ. По внушенію нѣкоторыхъ придворныхъ, предувѣдомленныхъ заранѣе, король старался найти пружину. Его искусно навели на это и онъ остался такъ доволенъ остроумною мыслію, что вынулъ изъ кошелька 30 луидоровъ и вручилъ корпораціи слесарей".

Въ политическомъ отдѣлѣ распространеннаго журнала той эпохи, *Французскій Меркурій* (Mercure de France, въ политическомъ отдѣлѣ его, называвшемся „Journal politique de Bruxelles". Fevrier 1781, 80) встрѣчаемъ разсужденія вѣрно выражающія настроеніе значительной части общества. „Рожденіе дофина, сказано тамъ, достопамятная эпоха для Французовъ, день общаго счастія, дающій имъ поводъ выразить внѣшнимъ и блистательнымъ образомъ чувства любви, какими они проникнуты къ своимъ государямъ. Эти чувства, такъ сказать, врождены націи; привычка укрѣпляетъ ихъ, воспитаніе поддерживаетъ, мягкость природы и правленія благопріятствуетъ имъ. Они передаются непрерывно отъ отца къ сыну, сохраняются безъ противорѣчія отъ поколѣнія къ поколѣнію въ сердцахъ многочисленной націи. Основаніе ихъ должно быть великое, и да позволено будетъ намъ, по настоящему поводу, проникнуть къ ихъ источнику. Чувства эти, знакомыя другимъ націямъ лишь временно и вспышками, суть не иное что какъ признаніе любви, питаемой самими монархами къ подданнымъ. Они пріобрѣтены цѣною постоянныхъ, многовѣковыхъ усилій французскихъ королей, направленныхъ къ тому,

---

* Anécdotes du regne de Louis XVI, Paris, 1791, I, 12; „Анекдоты" эти, изданные анонимно, принадлежатъ Нугаре — Nougaret.

чтобы дать ихъ народамъ возможность наслаждаться подъ сѣнью законовъ, свободою, которой не было при двухъ первыхъ династіяхъ и которая ощутилась замѣтнымъ образомъ въ третьей линіи со времени деспотическаго министерства Ришелье". Далѣе, указывается что Англичане въ теченіе шестисотъ лѣтъ проливали кровь, чтобы установить права общинъ (pour établir les droits des communes), представляющихъ собою народъ. Короли же боролись, чтобы подчинить націю мечу своего деспотизма. „Французскіе же короли, напротивъ, всегда смотрѣли на себя какъ на отцевъ своихъ народовъ, и въ продолженіе того же времени боролись затѣмъ, чтобы разрушить и уничтожить власть магнатовъ и уменьшить толпу мелкихъ тирановъ, властвовавшихъ надъ народомъ, обращаясь съ нимъ, какъ съ рабомъ и вьючнымъ скотомъ. И тогда какъ англійскіе короли употребляли всѣ усилія, чтобы наложить цѣпи на англійскій народъ, французскіе короли, одушевленные инымъ духомъ, боролись за общую свободу націи". Слѣдуетъ упоминаніе о дѣяніяхъ Лудовика XVI: окончательномъ освобожденіи крѣпостныхъ, войнѣ съ Англіею за свободу Америки. „Вотъ уже семь лѣтъ Франція истощаетъ свои сокровища и проливаетъ свою кровь въ интересѣ европейскихъ націй"... „Еще замѣчательное обстоятельство—сказано далѣе въ статьѣ—ознаменовало первые годы царствованія нашего молодаго монарха. Никогда не появлялось столько указовъ и постановленій благотворительнаго характера."

Сообщаются нѣкоторыя подробности о рожденіи принца. „Король, держа на рукахъ залогъ своего счастія и счастія своихъ народовъ, стремится къ постели своей августѣйшей супруги, застаетъ ее въ слезахъ радости и безпокойства, между страхомъ и надеждою. Онъ не можетъ болѣе удержаться. Дофинъ! восклицаетъ онъ, и не можетъ болѣе произнести ни слова. Вѣсть распространяется отъ дворца въ Версаль, изъ Версаля въ столицу, съ быстротою молніи разносится по провинціямъ, вызывая общую радость. Общее опьяненіе восторга, какъ будто каждый получилъ вѣсть счастія, лично его касающагося. Города, бурги, села, монастыри, всѣ военныя, гражданскія, муниципальныя корпораціи празднуютъ свою радость. И такъ какъ въ возвышенныхъ душахъ чувство любви естественно ведетъ къ потребности благотворенія, то добродѣтельные граждане расточаютъ свои сокровища, дабы облегчить несчастныхъ. Уплачиваютъ подати, даютъ приданое дѣвицамъ, освобождаютъ заключенныхъ въ тюрьмахъ".

Городъ Парижъ далъ 28 января 1782 года великолѣпный праздникъ. Королева въ десять часовъ утра выѣхала изъ Версаля, посѣтила соборъ Богоматери, церковь святой Женевьевы и въ часъ прибыла въ зданіе думы, куда къ этому же времени прибылъ и король. Былъ обѣдъ, фейерверкъ, иллюминація города. Черезъ день новый праздникъ: большой балъ въ маскахъ въ залахъ думы.

Въ „Journal encyclopédique" 1782 года встрѣчаемъ упоминанія о торжествахъ въ различныхъ учебныхъ и ученыхъ учрежденіяхъ, по случаю рожденія дофина. Въ Аррасѣ, въ коллежѣ ораторіанцевъ было торжественное собраніе въ декабрѣ 1781; читались рѣчи, оды, стихи. Въ февралѣ былъ актъ въ Королевскомъ коллежѣ (Collège Royal). Деканъ Пуассонье (Poissonnier) говорилъ рѣчь, прославляя между прочимъ вѣкъ, когда родился дофинъ, какъ эпоху всяческихъ благотвореній и стремленій къ общему благу.

II.

Эпоху желаннаго рожденія дофина можно назвать послѣдними днями блеска монархіи во Франціи. Въ виду свидѣтельствъ, небольшая доля которыхъ приведена выше, лѣтописцу этой эпохи трудно не признать, что онъ имѣетъ предъ собою страну, глубоко проникнутую монархическимъ началомъ и привязанную къ своему королю. Семейная радость короля была, по всей видимости, искреннею радостью всего народа. Если есть что-либо прочнаго въ мірѣ, то по всѣмъ человѣческимъ разсчетамъ такимъ, повидимому, слѣдовало признать монархическій строй во Франціи въ описываемую эпоху. Онъ и былъ такимъ въ сознаніи современниковъ.

Не мало было, конечно, явленій, свидѣтельствовавшихъ о возбужденномъ состояніи общества, жаждавшаго перемѣнъ, преобразованій. Громко высказывались неудовольствія противъ правительственныхъ распоряженій. Когда въ 1780 году король, привѣтствуя герцога Ришелье по поводу его выздоровленія, спросилъ его: „вы, герцогъ, видѣли три царствованія, что скажете о нихъ?" Ришелье отвѣтилъ: „при Лудовикѣ XIV, государь, не смѣли слова сказать, при Лудовикѣ XV говорили шопотомъ; теперь говорятъ громко" *. Крики раздавались противъ „деспотизма министровъ", какъ тогда выражались, противъ придворной расточительности, финансовыхъ неурядицъ, злоупотребленій всякаго рода. Прославлялись Америка и свобода. Возрастали успѣхи и вліяніе „философовъ", мечтавшихъ о государственныхъ построеніяхъ на началахъ разума, боровшихся съ могущественною силою католической церкви и ратовавшихъ противъ „авторитета" во всякихъ его формахъ. Все это казалось однако битвами слова и пера въ областяхъ далекихъ отъ практической дѣйствительности. Злые пасквили, не щадившіе королевы, появившіеся вскорѣ послѣ рожденія дофина и набросанные грязными перьями наемныхъ писакъ исходили по всей вѣроятности отъ людей близкихъ ко двору и мо-

---

* Anecdotes du règne de Louis XVI, Paris, 1791, I, 220.

жетъ быть къ королевской семьѣ, изъ-за личныхъ счетовъ и озлобленій. Едва ли кто-либо даже въ рядахъ самыхъ передовыхъ политическихъ мечтателей эпохи на вопросъ: какая форма правленія приличествуетъ условіямъ страны и практически желательна во Франціи, рѣшился бы указать на какую иную форму, кромѣ монархической. Все это, увы! не помѣшало тому, чтобы чрезъ какой-либо десятокъ лѣтъ французская монархія, вопреки преданію и исторіи, потерпѣла страшное крушеніе среди неожиданнаго переворота, предавшаго страну, съ исчезновеніемъ какой либо правильной власти, стихійному столкновенію политическихъ страстей и силъ, имѣвшихся на лицо и порождавшихъ непредвидѣнныя событія, за которыми приходилось слѣдовать политическому разсчету и „разуму“, въ чье имя призывался переворотъ. Завѣса, скрывающая будущее, самая темная изъ завѣсъ. Революція была уже сдѣлана, тысячи признаковъ настойчиво указывали, что столбы подточены и зданіе завтра упадетъ и несмотря на это именно тѣ, кому наиболѣе грозило паденіе, или не видали опасности или закрывали глаза. Ждали событій, перемѣнъ, желали перемѣнъ, призывали перемѣны, но не видали пропасти, лежавшей въ нѣсколькихъ шагахъ. Бальи говоритъ, что когда онъ, обѣдая въ кондѣ декабря 1786 года у маршала Бове, услыхалъ, что рѣшено созвать нотаблей (собраніе имѣющее аналогію съ нашими земскими соборами), то „былъ пораженъ“. „Я предвидѣлъ, говоритъ онъ, великія перемѣны во всемъ порядкѣ вещей и даже въ формѣ правленія, но никакъ не предвидѣлъ революціи въ томъ видѣ, какъ она совершилась“.

Въ запискахъ князя Монбаре (*Mém. autographes de M. le prince de Montbarey*, Paris, 1827, T. III, 142), бывшаго въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка военнымъ министромъ при Людовикѣ XVI, встрѣчаемъ любопытную страницу, на которую онъ занесъ исповѣдь собственной и общей непредусмотрительности, въ виду надвигавшейся революціонной грозы. Говоря о блескѣ и праздникахъ двора, о шумѣ общественной жизни, онъ замѣчаетъ: „Парижская роскошь, театры, развлеченія и удовольствія всякаго рода, какія столица Франціи предлагала иностранцамъ, привлекали сюда значительное ихъ число. И Франція, на краю пропасти, никакъ не думала, что вся эта дутая напыщенность (bouffissure), казавшаяся яснымъ доказательствомъ процвѣтанія и превосходства надъ другими націями, была однимъ изъ вѣрнѣйшихъ средствъ, какими враги ея ускоряли ея гибель... Даже проницательнѣйшіе люди, начинавшіе, при видѣ того что творилось вокругъ, приходить въ безпокойство, тотчасъ разсѣивались отъ тревожныхъ мыслей каждодневными удовольствіями, силою привычки и увѣренностью, къ несчастію слишкомъ распространенною, въ любви Французовъ къ своимъ королямъ и въ преданности ихъ царствующему дому. Эта идея, потакавшая эгоизму и умственной лѣности, убаюкивала всѣхъ. Долженъ признаться, что и я поддавался ей, хотя два иностранца, люди большаго ума и значительной опытности, наблюдательные въ своемъ качествѣ путешественниковъ и предъ которыми наши сектаторы высказывали, быть-можетъ, многое скрывавшее ихъ тайные замыслы, предупреждали меня объ опасномъ положеніи Франціи, заклиная обратить на него вниманіе и подумать насколько это можетъ касаться и меня. Признаюсь, предупрежденіе это не произвело на меня никакого впечатлѣнія и показалось почти глупостью, объясняемою незнаніемъ твердости и несокрушимости началъ французской монархіи, такъ что я пожалѣлъ подавшихъ мнѣ совѣтъ. Основываясь на собственномъ опытѣ, признаніе о которомъ дѣлаю, считаю себя вправѣ полагать, что и въ другихъ подобное же предубѣжденіе вело къ тому же результату, когда случалось напасть на подобныя размышленія. Убаюканные, какъ я, сномъ національнаго самолюбія, поглощенные ежедневными удовольствіями, зараженные ядомъ эгоизма, мы всѣ спѣшили наслаждаться настоящимъ, не давая себѣ серіознаго отчета въ томъ что творится предъ нашими глазами и не думая о будущемъ“.

А будущее улыбалось. Въ февралѣ 1782 года Кондорсе, уже членъ Академіи Наукъ, говорилъ вступительную рѣчь при пріемѣ его членомъ во Французскую Академію. Указавъ на установившуюся связь литературы и науки и заявивъ потребность, чтобы науки нравственнаго міра изучались тѣмъ же путемъ какъ науки міра физическаго, онъ продолжалъ, обращаясь къ „порицателямъ нашего вѣка“: „Вы почитаете насъ вырождающимися, потому что суровость отцевъ нашихъ замѣнилась тою мягкостью, какая нынѣ присуща нашимъ добродѣтелямъ такъ же какъ и нашимъ порокамъ и которая вамъ кажется слишкомъ похожею на слабость. Но добродѣтель имѣетъ нужду подыматься поверхъ природы, лишь когда она заразъ борется и противъ страстей и противъ невѣжества. Вспомните, что просвѣщеніе облегчаетъ практику добродѣтели, что любовь къ общему благу и даже мужество отдать себя ему есть, такъ сказать, обычное состояніе просвѣщеннаго человѣка. Справедливость и правосудіе въ человѣкѣ невѣжественномъ есть страсть, несовмѣстимая, быть-можетъ, съ мягкостію; въ человѣкѣ образованномъ — гуманность, подчиненная законамъ разума. Предположеніе всѣхъ людей сдѣлать добродѣтельными нельзя не признать химерическимъ, но почему не наступилъ бы день, когда просвѣщеніе и геній создали бы, для болѣе счастливыхъ поколѣній, такую методу воспитанія и систему законовъ, которыя сдѣлали бы почти безполезными мужество добродѣтели? Направляемый такими спасительными установленіями, человѣкъ долженъ былъ бы лишь прислушиваться къ своему голосу сердца и ума, чтобы въ силу

естественнаго влеченія исполнять обязанности, нынѣ требующія усилій и жертвъ. Такъ мы видимъ, что помощію машинъ, этихъ чудесъ генія въ области ремесла, рабочій можетъ, безъ всякаго разумѣнія и ловкости, производить совершенства, какихъ никогда не достигло бы человѣческое ремесло, предоставленное собственнымъ силамъ. Эта самая мягкость, въ которой вы упрекаете насъ, не она ли сдѣлала войны болѣе рѣдкими и менѣе разрушительными, не она ли включила въ разрядъ преступленій жажду завоеваній, такъ долго украшавшуюся именемъ героизма. Не ей ли, наконецъ, обязаны мы увѣренностію, что никогда уже не будемъ свидѣтелями ни мятежныхъ лигъ, еще болѣе пагубныхъ благу гражданъ, чѣмъ спокойствію властителей, ни народныхъ убійствъ и изгнаній, какими замараны лѣтописи рода человѣческаго... Взгляните: съ одного конца Европы до другаго просвѣщенные люди соединяютъ усилія свои на благо человѣчества и направляютъ ихъ къ этой великой цѣли съ мужествомъ и единодушіемъ, какимъ нѣтъ примѣра ни въ одномъ вѣкѣ".

III.

Еслибы мы хотѣли въ нѣсколькихъ словахъ охарактеризовать состояніе французскаго общества въ эпоху предшествовавшую революціи, то могли бы сказать, что тогдашняя жизнь была жизнь для наслажденія. Жизнь для наслажденія—таковъ истинный девизъ предреволюціоннаго времени. „Кто не жилъ въ то время, говоритъ Талейранъ, тотъ не знаетъ что такое блаженство жить". И не одинъ Талейранъ, а всѣ лица, участвовавшія въ жизненномъ пиру предреволюціонной Франціи и потомъ пережившія страшное время революціи вспоминаютъ о предреволюціонной эпохѣ какъ о блаженномъ сновидѣніи, разсѣянномъ суровою дѣйствительностью. „Все соединялось, говоритъ де Сегюръ въ своихъ мемуарахъ (I, 45, третье изд.), чтобы дать намъ счастливые дни и никогда столь ужасному пробужденію не предшествовалъ сонъ столь сладкій и плѣнительный".

Развернемъ записки Мореле. Аббатъ Мореле скончавшійся девяностолѣтнимъ старцемъ въ 1819 году, былъ авторомъ многихъ политико-экономическихъ сочиненій, членомъ и потомъ директоромъ и секретаремъ Французской Академіи. Онъ пережилъ революціонный погромъ, заставшій его на шестьдесятъ второмъ году жизни, былъ свидѣтелемъ разрушенія Академіи, участвовалъ потомъ въ ея возстановленіи и является живою связью двухъ эпохъ. Посмотрите, съ какою любовью останавливается онъ на изображеніи дореволюціоннаго житья-бытья, вводя читателя въ міръ старой, любезной, образованной, салонной и академической Франціи, когда жилось такъ привольно;

главные интересы въ образованномъ кругѣ сосредоточивались на вопросахъ литературы, искусства, науки; вопросы политики обсуждались еще какъ вопросы философскіе. Страсти разгорались по поводу музыкальнаго соперничества Глюка и Паччини. Мармонтель, другъ Мореле,—женившійся въ 1777 году, на пятьдесятъ четвертомъ году своей жизни, на восемнадцатилѣтней красавицѣ, племянницѣ аббата, и оказавшійся потомъ счастливымъ мужемъ и отцемъ пяти дѣтей,—переставалъ навѣщать Мореле чтобы не встрѣчаться съ прежними друзьями своими, аббатомъ Арно и г. Стюардомъ, съ которымъ разошелся по слѣдующему поводу. Арно напечаталъ въ Journal de Paris объ оперѣ Паччини, либретто для которой написано было Мармонтелемъ, что Паччини написалъ „Орландино", тогда какъ Глюкъ создастъ „Орландо", а Стюардъ, въ свою очередь также принялъ сторону глюкистовъ. Мореле описываетъ маленькій кружокъ собиравшійся въ Отёлѣ у вдовы Гельвеція и въ Пасси у Франклина, разстроившійся съ отъѣздомъ въ 1785 году знаменитаго Американца на родину; разсказываетъ анекдоты, приводитъ куплеты своего сочиненія, оканчивавшіеся припѣвомъ:

Le verre en main
Chantons notre Benjamin!

Онъ приводитъ шутливое письмо стараго Франклина къ Mme Helvetius. Американскій философъ, унесшій изъ Франціи наилучшія воспоминанія, шлетъ фантастическое посланіе своей пріятельницѣ. Онъ очутился, липнетъ, въ Елисейскихъ поляхъ, въ компаніи Сократа и Гельвеція. Покойный Гельвецій разспрашиваетъ о женѣ, разсказываетъ, какъ послѣ продолжительнаго горя наконецъ утѣшился найдя новую подругу. Подруга оказалась не иная кто, какъ покойная жена Франклина. Гельвецій совѣтуетъ Франклину, если тотъ желаетъ имѣть успѣхъ у M-me Гельвеціи, обратиться за ходатайствомъ къ аббату Мореле, задобривъ его хорошимъ кофе со сливками. Мореле такъ дорожитъ счастливыми воспоминаніями кружка, что присоединяетъ къ главѣ о немъ рисунки комическихъ фигуръ грубо набросанныхъ внукомъ Франклина подъ руководствомъ самого Франклина, напомнившаго Мореле Сократа играющаго съ дѣтьми...

Стоитъ перевернуть нѣсколько главъ, и какія иныя времена, иныя страсти!

Сентиментальный Мармонтель, въ свою очередь, оставилъ записки о своей жизни, посвятивъ ихъ своимъ дѣтямъ, въ ихъ поученіе. Какая легкость жизни, мысли, морали! Какое удовольствіе въ воспоминаніи любовныхъ приключеній, какое оригинальное поученіе дѣтямъ въ наставительномъ пересказѣ легкихъ связей, баловавшихъ мысль и чувство! Какія картинки вѣка счастливаго въ своемъ лег-

комысліи! Судьба хотѣла чтобы Мармонтелю доставались любовницы знаменитаго и военными и любовными подвигами маршала Морица Саксонскаго. Въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка одна изъ таковыхъ, M-lle Новарръ пріѣхала въ Парижъ изъ Брюсселя, гдѣ жилъ ея отецъ; видѣла на сценѣ піесу Мармонтеля „Діонисій тиранъ“ и заинтересовалась молодымъ авторомъ *. Мармонтель получилъ приглашеніе на обѣдъ. Красивая, „одѣтая по польски“ хозяйка была преимущественно предъ всѣми любезна съ поэтомъ, такъ что послѣ обѣда другіе гости, угадывая желаніе M-lle Новарръ остаться наединѣ съ Мармонтелемъ, удалились одинъ за другимъ. Оставшись вдвоемъ, гость и хозяйка гуляли въ саду; затѣмъ прибылъ танцмейстеръ, и Мармонтель былъ свидѣтелемъ изящнаго урока. Легко понять, что новое знакомство легко вскружило голову молодому писателю. Скоро M-lle Новарръ уѣхала въ свое имѣніе въ Авенэ (Avenay) въ Шампаніи и пригласила Мармонтеля послѣдовать за нею. „Былъ бы очень несчастный случай, еслибы со мной и съ превосходнымъ шампанскимъ виномъ вы не написали бы прекрасныхъ стиховъ“. („Il y aurait bien du malheur, si avec moi et d'excellent vin de Champagne vous ne faites pas de beaux vers“). Скоро поэтъ сдѣлался „счастливѣйшимъ изъ любовниковъ и самымъ несчастнымъ изъ рабовъ“. Мѣняющаяся, капризная, фантастическая M-lle Новарръ находила наслажденіе мучить своего возлюбленнаго, подвергая его разнымъ психическимъ испытаніямъ. Зайдутъ въ закрытый монастырскій садъ; сторожъ настойчиво требуетъ чтобы удалились и прикладывается ружьемъ угрожая выстрѣлить. M-lle Новарръ наблюдаетъ, насколько возлюбленный ея сохраняетъ хладнокровіе. Она тревожитъ его ревность и испытываетъ мужество, показывая письмо какого то отважнаго обожателя, полное угрозъ по адресу болѣе счастливаго поэта; въ минуты страсти произноситъ имя соперника. Испытаніямъ перемежавшимся съ блаженствомъ положенъ былъ конецъ письмомъ отца, вызывавшимъ M-lle Новарръ въ Брюссель. Въ разлукѣ влюбленные обмѣнивались письмами, но скоро Мармонтель узналъ, что M-lle Новарръ измѣнила ему для кавалера Мирабо. „О дѣти мои! питетъ назидательный отецъ въ поученіе сыновьямъ въ предвидѣніи, полагать надо, ихъ будущихъ любовныхъ похожденій,—какъ глупъ молодой человѣкъ, вѣрящій вѣрности женщины, уже прославившейся своими слабостями, и для которой приманка наслажденія заставляетъ забывать скромную стыдливость (attrait de plaisir fait oublier le pudeur)“. Новый обожатель M-lle Новарръ самъ явился къ Мармонтелю въ Парижъ и объяснилъ что намѣренъ на ней жениться. Это „исцѣлило“ Мармонтеля „отъ любви и въ особенности отъ ревности“. Самъ онъ связать жизнь съ M-lle Новарръ никогда въ виду не имѣлъ. Событіе тѣмъ не менѣе ввергло его въ меланхолію. „M-lle Клеронъ (знаменитая молодая актриса того времени) видя—повѣствуетъ поэтъ,—унынie въ какое я впалъ, поспѣшила принести средство исцѣленія.—Другъ мой, сказала она: сердце ваше нуждается въ любви; скука есть пустота произведенная въ немъ ея отсутствіемъ; надо занять его, наполнить. Неужели нѣтъ на свѣтѣ женщины которая могла бы быть любезной въ вашихъ глазахъ?—Я знаю, отвѣтилъ я, одну только, которая могла бы меня утѣшить, еслибы того пожелала. Но будетъ ли она настолько великодушна?—Надо узнать это, возразила она съ улыбкой. Знакома ли она мнѣ.—О, вы знаете ее и можете на нее повліять.—Такъ назовите же ее. Я поговорю за васъ, скажу что вы сердечны и искренни, способны къ вѣрности и постоянству; что она будетъ счастлива полюбивъ васъ.—Вы такъ думаете обо мнѣ?—Да я увѣрена въ этомъ.—Ну, такъ будьте добры сказать это вамъ самимъ.—Мнѣ, мой другъ?—Да, вамъ самимъ.—О, если это зависитъ отъ меня, вы будете утѣшены и я буду этимъ гордиться“. Новая связь, затѣмъ скоро новый разрывъ по случаю новаго богатаго обожателя, не помѣшавшій, впрочемъ, сохраненію дружескихъ отношеній во всю жизнь.

* „Mémoires d'un père pour servir à l'instruction de ses enfants“ par Marmontel (Oeuvres posthumes, Paris 1809; T. I, 237).

IV.

Все для наслажденія, но наслажденія изящнаго, свободнаго отъ всего грубаго и бурнаго, таковъ, повторяемъ, девизъ французскаго общества стараго порядка. Вихрь легкомыслія, ни на чемъ серіозно не останавливающагося, скептически смотрящаго на все, но исполненнаго тончайшей игры образованнаго ума и остроумія, ищущаго сказать что-нибудь еще не сказанное и неожиданное, кружилъ всѣ умы. Жизнь шла какъ пиръ, какъ ужинъ въ веселомъ изящно-вольномъ обществѣ, безъ мысли о томъ, какъ и какими средствами изготовленъ этотъ пиръ, кто будетъ за него платить.

Что можетъ доставлять наслажденіе? Есть наслажденіе пиромъ, красотою внѣшности въ измѣнчивыхъ формахъ моды, любовью, произведеніями изящныхъ искусствъ, психическими тонкостями всякаго рода ощущеній и волненій душевной жизни, остроуміемъ все анализующей мысли въ разговорѣ и въ письмѣ. Никогда всѣ эти формы наслажденія не достигали такой утонченности и такого изящества какъ въ предреволюціонной Франціи. Жизнь для наслажденія соединенную съ процвѣтаніемъ изящнаго можно усматривать также въ эпоху возрожденія въ Италіи, но съ прибавленіемъ мрачныхъ интригъ, кинжала и яда. Французская общественная жизнь для наслажденія

была вся проникнута тою мягкостію, о которой говорилъ Кондорсе въ приведенномъ выше отрывкѣ его рѣчи.

Говоря о наслажденіи, какъ общественномъ девизѣ и о легкомысліи, какъ преобладающемъ общественномъ качествѣ, мы имѣемъ, понятно, въ виду верхній общественный слой. Именно онъ составлялъ то, что слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ дореволюціоннаго французскаго общества, разрушеннаго революціоннымъ логромомъ. Этотъ слой включалъ въ себѣ дворъ, родовитое дворянство, высшее духовенство и высшій судебный классъ. Къ этому кругу примыкалъ, всячески вторгаясь въ него—чрезъ браки, чрезъ достиженіе государственныхъ должностей — высшій финансовый классъ. Въ этотъ же кругъ стремились ученые и литераторы; были приняты въ немъ, но все-таки оставались пришлымъ людомъ въ знатномъ кругу, какъ ни чествовали ихъ герцоги и маркизы. Знаменитый ученый Даламберъ былъ въ салонѣ г-жи дю-Деффанъ (Тэнъ, I, 419). Входитъ молодой врачъ. „Сударыня, имѣю честь принести вамъ мое глубочайшее почтеніе“, говоритъ онъ, обращаясь къ хозяйкѣ. — Господинъ президентъ, вашъ покорный слуга, обращается онъ къ находившемуся въ салонѣ президенту Гено. — Здравствуйте г. Даламберъ, киваетъ онъ знаменитому академику.

Мѣщанство, купечество, всѣ торговые и промышленные классы легко мирились со старымъ порядкомъ. Здѣсь можно замѣтить черты—иногда куріозныя—преданности аристократическому началу, какимъ отличаются англійскіе нравы. Придворный портной, разсказываетъ Мерсье, (III, 447), заказалъ себѣ парикъ у лучшаго парикмахера. Когда тотъ принесъ свое произведеніе, портной спрашиваетъ: что стоитъ? — Я не хочу денегъ, говоритъ парикмахеръ. — Какъ? — Нѣтъ, вы въ своемъ дѣлѣ такой же искусникъ, какъ и я въ моемъ. Скройте мнѣ платье. — Ошибаетесь, любезный, мои ножницы и моя иголка посвящены двору: я не работаю на парикмахеровъ.— А я не причесываю портныхъ, отвѣчалъ парикмахеръ, срывая парикъ и удаляясь.

Было бы несправедливо и въ народныхъ массахъ, въ предреволюціонную эпоху, усматривать одни страданія и притѣсненія. Страданій, безъ сомнѣнія, было не мало, но невѣрно было было бы сказать, что они становились тяжелѣе къ эпохѣ революціи и ускоряли ея приближеніе. Царствованіе, печально закончившееся революціею, было напротивъ того эпохою всяческихъ облегченій. Когда нынѣ въ книжкахъ назначенныхъ во Франціи для гражданскаго обученія въ школѣ (l'instruction civique à l'école) авторы, какъ покойный Поль Беръ, хотятъ изобразить блага революціи для народныхъ массъ, они съ одной стороны вынуждены преувеличивать дореволюціонныя притѣсненія, на дѣла задолго до революціи, утратившія уже силу, съ другой стороны

вить на счетъ революціи улучшенія, которыя несомнѣнно могли бы быть осуществляемы и безъ страшнаго переворота.

Голодъ ознаменовавшій послѣдніе годы предъ революціей не былъ какимъ-либо необычайнымъ явленіемъ. Голодные годы много разъ бывали и прежде, принося еще болѣе страданій, но не вызывали тѣхъ дѣяній широкой благотворительности, и правительственной и частной, какимъ ознаменовалось время предъ революціей. Разница въ томъ, что голодъ прежде не эксплуатировался съ политическою цѣлью (при Тюрго былъ впрочемъ случай, въ 1775 году, когда булочныя въ Парижѣ были разграблены подученною чернію съ цѣлію подорвать кредитъ мѣръ введенныхъ этимъ министромъ, и когда начальникъ парижской полиціи Ленуаръ былъ заподозрѣнъ въ сношеніяхъ съ устроителями мятежа). Благодеятвіе народа несомнѣнно возвышалось. Громадная часть земли перешла въ собственность крестьянъ.

Два характерныя явленія эпохи тѣсно связаны съ общимъ девизомъ предреволюціонной Франціи: жизнь для наслажденія. Явленія эти—сентиментальность и филантропія. Люди были сентиментальны и благотворительны. Что такое быть сентиментальнымъ? Сентиментальность есть психическое настроеніе, побуждающее прослезиться пріятною слезою. Это — наслажденіе въ состраданіи соединенное съ грустью, нелишенное пріятности. Это —первое возбужденіе не доходящее до состоянія боли, сознаваемое одновременно и какъ страданіе, и какъ состояніе тихаго удовольствія. Сентиментальность есть наслажденіе растроганностію, смѣна ощущеній на меланхолической поверхности сердца, трогательныхъ, тихо раздражающихъ нервы, вызывающихъ слезы, но не идущихъ въ глубь къ страстямъ и дѣйствіямъ. Это переходное состояніе отъ боли —притомъ обыкновенно только воображаемой— къ успокоенію, или отъ покоя къ боли, пока она соединена еще съ пріятностію. Успокоеніе отъ людскихъ терзаній на лонѣ не знающей страстей природы, въ цвѣткѣ, ручьѣ, пасущемся стадѣ. И наоборотъ, возбужденіе страданія въ формѣ сострадающей грусти при зрѣлищѣ человѣческихъ несчастій, подъ условіемъ, чтобъ они являлись сознанію, при надлежащей работѣ воображенія, не въ грубой реальной формѣ, а подъ покровомъ изящества и театральности. Пасущійся на нивѣ или идущій въ стадѣ барашекъ возбуждаетъ умиленіе. Грубая мысль, что въ дѣйствительности онъ можетъ быть готовится для бойни, не допускается въ сознаніе. И умиленіе въ часъ прогулки не помѣшаетъ въ часъ обѣда ѣсть баранину. Сотрудникъ Робеспьера Сенъ-Жюстъ сентиментальничалъ въ эпоху самыхъ звѣрскихъ казней. Сентиментальность обусловливалась тою мягкостію нравовъ, о которой говорилъ Кондорсе въ своей рѣчи. Онъ упоминаетъ и о явленіи филантропіи. Правительство, благотворительные люди, аристократическая молодежь соревновали въ заботахъ объ участи бѣд-

ныхъ, больныхъ, несчастныхъ, преступниковъ. Состояніе тюрьмъ, больницъ, бывшее ужасающимъ, сдѣлалось предметомъ особой заботы. По повелѣнію короля ученая коммиссія изъ членовъ Академіи Наукъ подробно изслѣдовала состояніе обширной парижской больницы и обнаружила страшныя ея недостатки. Докладъ вызвалъ важныя мѣропріятія. Суровость судебныхъ порядковъ прежняго времени, печальная участь подсудимыхъ вызывали всеобщіе протесты и жалобы. Облегченіе участи заключенныхъ было модною темою даже церковной проповѣди. „Бѣдные несчастные—говорилъ въ присутствіи короля аббатъ Беспла (Besplas), славившійся проповѣдями,—О, почему не имѣю краснорѣчія Хризостома, чтобы защищать ваши права! Если бы стрѣла пронзающая наше сердце достигла великаго монарха, какъ бы облегчилась наша боль. Да, государь, состояніе темницъ вашего королевства исторгаетъ слезы всякаго, кто посѣтитъ ихъ, какъ бы мало чувствителенъ онъ ни былъ... Судьи стараются умягчить положеніе несчастныхъ, но не имѣютъ къ тому средствъ. Я видѣлъ несчастныхъ, заразившихся въ этихъ гнусныхъ вертепахъ и все тѣло которыхъ покрыто было язвами. На рукахъ нашихъ благословляли они желанную минуту, когда понесутъ казнь. Боже великій! Подъ властію добраго монарха подданные завидуютъ эшафоту!“ „Я слышу, кажется мнѣ, голосъ Бога, восклицаетъ другой проповѣдникъ, аббатъ Пуль (Poule) — говорящаго мнѣ какъ нѣкогда пророку: служитель Бога живаго, проникни, прозри сквозь стѣны и своды. Что видишь ты? Толпу обиженныхъ судьбою, болѣе можетъ быть несчастныхъ, чѣмъ виновныхъ“ *.

Сердца наполнены были снисходительностію, любовью къ меньшей братіи. „Не было преступника (Montbarey, III, 96), который не нашелъ бы защитниковъ представлявшихъ его какъ невинную жертву той части королевской власти, какая ввѣрена судьямъ его осудившимъ. Обычнымъ припѣвомъ этихъ защитниковъ было обращеніе къ естественному человѣческому равенству и ссылка на злоупотребленія административныхъ формъ монархическаго государства“.

Въ запискахъ Вебера (чиновника при королевѣ, прибывшаго съ нею изъ Вѣны) читаемъ (I, 131): „Послѣ того какъ судомъ было осуждено на сожженіе сочиненіе Боксерфа противъ феодальныхъ правъ, вліятельные члены судебнаго вѣдомства составили между собою лигу рѣшать во всѣхъ процессахъ крестьянъ противъ помѣщиковъ (des vassaux contre les seigneurs) въ пользу первыхъ“.

Графъ де-Сегюръ въ мемуарахъ своихъ (I, 61) такъ говоритъ о настроеніи аристократической молодежи предреволюціонной эпохи:

---

* Anecdotes du règne de Louis XVI, T. 1, 124, Paris, 1791.

„Души наши были тогда въ какомъ-то опьяненіи отъ филантропіи, и мы старались изыскивать средства быть полезными человѣчеству и сдѣлать людей болѣе счастливыми. Что бы ни говорили, не могу не пожалѣть, что страсть эта исчезла. Самый излишекъ ея есть наиболѣе простительная изъ людскихъ ошибокъ. Передать не могу съ какимъ усердіемъ, съ какою добросовѣстностью, презирая насмѣшки, предавались мы ученію магнетизма, въ надеждѣ облегчить и исцѣлить страждущихъ. Никакой миссіонеръ не оказывалъ столько горячности и милосердія. Не могу безъ смѣха вспомнить что случилось съ однимъ изъ моихъ пріятелей, соединявшимъ съ добротою сердца горячность души и самое живое воображеніе... Ѣдучи въ Версаль на балъ королевы, встрѣчаетъ онъ на дорогѣ человѣка, лежащаго на носилкахъ. Объятый желаніемъ помочь несчастному и можетъ-быть спасти его, онъ останавливаетъ свою карету и людей съ носилками. Дождь лилъ ливнемъ. Пріятель мой былъ въ легкомъ шелковомъ бальномъ костюмѣ. Но ничто не охлаждаетъ его ревности; онъ выпрыгнулъ изъ кареты и принялся разспрашивать носильщиковъ: тѣ молчатъ въ изумленіи. Не дожидаясь отвѣта, онъ наклоняется надъ паціентомъ, беретъ его за руки, трогаетъ грудь и магнетизируетъ его съ величайшимъ усердіемъ, хотя и тщетно. „Чѣмъ же боленъ этотъ несчастный?“ спрашиваетъ онъ.—„Боленъ?“ отвѣчаютъ съ изумленіемъ носильщики. „Онъ не боленъ, а уже три часа какъ умеръ“ Смущенный пріятель мой печально вернулся въ карету и на другой день повѣрилъ мнѣ свою смѣшную ошибку, и я хранилъ ее въ тайнѣ“.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ круговоротѣ общественной жизни.

I.

Легко жилось въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка во Франціи! Никогда общественная жизнь не достигала такого шумнаго развитія. Театры и всякія зрѣлища ломились отъ зрителей, жадныхъ до новизны и ловившихъ всякій намекъ на событія и лица текущей жизни, на общее положеніе дѣлъ. Въ Версалѣ вниманіе блестящаго, но крайне распущеннаго двора, съ молодою, чистою нравственно, но легкомысленною королевой во главѣ, было направлено къ устройству спектаклей и оригинальныхъ праздниковъ, а въ промежуткахъ между ними на интриги по части назначенія и смѣны министровъ. Возникли новыя учрежденія, *клубы*, подъ безчисленными наименованіями

и съ самыми разнообразными цѣлями, отъ Лицея съ публичными чтеніями до шахматнаго клуба и игорныхъ домовъ. Количество журнальныхъ листковъ и брошюръ удесятерилось противъ прежняго. Болтовня литературная и политическая изъ салоновъ распространилась въ кофейныя, клубы, театральныя фойе, садъ Пале-Ройяля, гостиныя полусвѣта. Этотъ выходъ „общественнаго мнѣнія“ изъ аристократическихъ салоновъ на улицу одно изъ самыхъ характеристическихъ явленій эпохи. Когда одного путешественника, нѣсколько лѣтъ отсутствовавшаго изъ Франціи, спросили по возвращеніи, какую нашелъ онъ перемѣну въ странѣ, онъ отвѣтилъ: „одну; то что прежде говорилось въ салонахъ, теперь повторяется на улицахъ“. Это была демократизація болтовни и вольнодумства. Аристократическое вольнодумство вращалось главнымъ образомъ въ области вопросовъ о религіозномъ авторитетѣ въ государственной и частной жизни, о свободѣ вѣрованій, христіанствѣ, деизмѣ и атеизмѣ; вопросовъ собственно политическихъ касалось въ весьма отвлеченной формѣ наилучшаго устройства общества на началахъ природы и разума. О практическомъ потрясеніи монархической формы и всего стараго порядка никто не думалъ. Либерализмъ останавливался на ступени *Велизарія* Мармонтеля. Политическимъ идеаломъ былъ великодушный король, склоняющій ухо къ голосу правды, откуда бы онъ ни выходилъ, изъ дворцовъ или изъ хижинъ, и пекущійся о благѣ народа по указанію философовъ.

Выйдя изъ салоновъ, „мнѣніе“ пріобрѣло тѣсно политическій, жгучій характеръ, практическую форму. Игра самоотрицанія смѣнилась ненавистью истребленія. Намѣтились новые классы и группы дѣятелей. Центръ тяжести перемѣстился. Прежде общество было отраженіемъ двора, теперь дворъ сталъ приноравливаться къ потоку общественной жизни. Вотъ небольшая иллюстрація новыхъ нравовъ. Королева любила посѣщать маскарады Парижской Оперы. Былъ случай, что карета на дорогѣ сломалась—королева прибыла на балъ въ простомъ фіакрѣ, вдвоемъ со своею камеристкой, графинею Полиньякъ. А въ мартѣ 1778 года,—въ эпоху, когда Парижъ съ энтузіазмомъ встрѣчалъ Вольтера, не могшаго впрочемъ вслѣдствіе отвращенія короля получить доступъ ко двору,—въ четвергъ на Масляницѣ на балѣ въ Оперѣ было, какъ разказываетъ Башомонъ (Bachaumont) въ своихъ *Mémoires secrets pour sérvir à l'histoire de la république des lettres en France* (Londres 1779, T. IX, 115), такое происшествіе. Странная маска долго говорила съ королевой, подойдя къ ея ложѣ. „Маска была одѣта пуассардою (poissarde) въ оборванномъ чепцѣ и соотвѣтственномъ костюмѣ. Какъ только королева вошла въ ложу, маска подошла къ барьеру и заговорила съ большою фамильярностью, называя королеву Антуанетою и выговаривая ей за-

чѣмъ не лежитъ со своимъ мужемъ, который теперь храпитъ во всю мочь. Маска продолжала разговоръ, который всѣ слышали, въ томъ же тонѣ свободы и съ такою веселостью, что ея величество, чтобы лучше разговаривать, совсѣмъ перекинулась за барьеръ ложи. Около получаса продолжалась бесѣда, и королева удалилась, говоря, что никогда такъ не смѣялась, а когда маска стала упрекать зачѣмъ уходитъ, обѣщала вернуться, что и исполнила. Второй разговоръ былъ столь же продолжителенъ какъ первый и маска кончила тѣмъ, что поцѣловала руку королевы, чѣмъ королева не обидѣлась. Общій толкъ, что подъ маской скрывался актеръ театра Французской Комедіи Газонъ, но какъ-то этому не вѣрится“.

Корреспонденція Гримма (*Correspondence littéraire, philosophique, critique* etc. adressée à un souverain d'Allemagne par le baron Grimm et par Diderot. Paris, изданіе 1813), родъ журнала для немногихъ, заключаетъ въ себѣ за годы ближайшіе къ революціи немало любопытныхъ указаній на тогдашнее состояніе французскаго общества. Вотъ, между прочимъ, нѣсколько отрывковъ, относящихся къ маю 1786 года. Авторъ указываетъ на большую перемѣну въ нравахъ въ сторону распущенности. „Рѣдко можно теперь встрѣтить во Франціи людей, которые были бы, что называется, одѣты. Женщины ходятъ въ блузахъ и тляпкахъ (sont en chemise et en chapeau), мущины во фракахъ (тогда фракъ не былъ парадньмъ костюмомъ) и жилетахъ. Такой способъ одѣваться, конечно, удобенъ, не лишенъ даже граціи, но имѣетъ ли онъ то благообразіе, то достоинство, какія приличествуютъ націи столь долго служившей въ этомъ отношеніи образцомъ и примѣромъ для всѣхъ другихъ?.. Духъ общительности, знаменитой французской любезности исчезаетъ. Оказать безъ задней мысли вниманіе женщинѣ значило бы напомнить тонъ стараго двора, а этотъ тонъ, какъ всякому извѣстно, считается наихудшимъ въ мірѣ... Мущины и дамы еще встрѣчаются иногда, но можно ли сказать чтобъ они видѣлись? Съ тѣхъ поръ какъ устроились въ театрахъ *маленькія ложи* (les petites loges), только развѣ самые близкіе друзья могутъ быть увѣрены, что найдутъ свѣтскую женщину дома. Если ложа на самомъ дѣлѣ и не занята, это все-таки предлогъ очень удобный и необидный закрыть свою дверь для общества, оставить ее отворенною только для друга нынѣшняго дня, или вчерашняго, или завтрашняго. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, говорила мнѣ M-lle Клеронъ (извѣстная актриса), женщина, которая показалась бы болѣе двухъ или трехъ разъ въ мѣсяцъ въ спектаклѣ, аффишировала бы себя самымъ неприличнымъ образомъ. Благодаря изобрѣтенію *маленькихъ ложъ*, дамы нынѣ каждый день безнаказанно ѣздятъ въ театръ и ихъ можно найти дома только ко времени ужина. Потому къ нимъ пріѣзжаютъ не ранѣе десяти часовъ вечера. Въ домахъ, гдѣ не играютъ, сейчасъ

же садятся за столъ. И при этомъ дамы бываютъ почти однѣ, большинство мущинъ, даже молодые люди, не ужинаютъ, остаются въ гостиной, играя или разговаривая между собою. Какъ ужинать, когда обѣдали по-англійски въ четыре или пять часовъ вечера? Часъ начала спектакля не передвинутъ позже какъ часа обѣда, а страсть къ посѣщенію театра нынѣ распространена болѣе чѣмъ когда-либо. Оттого изъ дому, гдѣ обѣдали, выходятъ, какъ изъ трактира, прямо изъ-за стола. Не остается времени для бесѣды ни послѣ обѣда, ни послѣ ужина... Мущины привыкли жить между собою. Огромный успѣхъ имѣло учрежденіе клубовъ по англійскому образцу. Каждый день возникаютъ новые: клубы политическіе, военные, салонъ италіянской комедіи, салонъ искусства, шахматный клубъ, клубъ Американцевъ и т. д.

„Французскій изящный разговоръ, знаменитой causerie française, смѣнилась Французской болѣе грубой политической болтовни. Безцеремонность, отложеніе всякихъ стѣсненій, царствующія въ высшемъ обществѣ, внесли въ болѣе низкій кругъ духъ нелѣпой и неприличной фамильярности. Многія куртизанки поднялись, благодаря деньгамъ, на уровень свѣтскихъ женщинъ. Увеселенія, удовольствія, крайняя свобода обращенія, всякій соблазнъ привлекаютъ къ нимъ людей лучшаго общества, и порядочныя женщины поставлены въ жестокую альтернативу или принять на себя роль этихъ опасныхъ соблазнительницъ, или увидѣть себя совсѣмъ оставленными“.

„Представительность, говоритъ въ свою очередь Монбаре (III, 161), сдѣлалась обузою. Лица высшаго званія и даже пожилые, всю жизнь хлопотавшіе, чтобы получить королевскіе ордена какъ доказательства высшаго благоволенія, стали скрывать ихъ знаки подъ вульгарною одеждой, позволявшей имъ пѣшкомъ сновать по улицамъ, смѣшиваясь съ толпой.“

„Никогда, пишетъ Сегюръ (I, 146), не замѣчалось столько контрастовъ во мнѣніяхъ, вкусахъ, нравахъ. Среди академій рукоплескали правиламъ филантропіи, выходкамъ противъ суетной славы, обѣтамъ вѣчнаго мира. По выходѣ, волновались, интриговали, декламировали чтобъ увлечь правительство въ войну (за свободу Америки). Каждый старался затмить другаго роскошью, говоря въ то же время въ республиканскомъ духѣ и проповѣдуя равенство. При дворѣ никогда не было столько блеска, суетности и такъ мало власти. Дерзко пренебрегали версальскими властями и кланялись *Энциклопедіи*. Мы предпочитали слово похвалы Даламбера или Дидро самому явному знаку расположенія короля или членовъ его семьи. Любезничанье, честолюбіе, философія все смѣшивалось и спутывалось. Прелаты покидали епархіи, чтобы обиваться министерствъ; аббаты писали неприличные стихи и сказки. При дворѣ рукоплескали республиканскимъ

тирадамъ *Брута*; монарха склоняли принять сторону народа взбунтовавшагося противъ своего короля; въ лагеряхъ толковали о независимости, среди дворянъ о демократіи, на балахъ о философіи и о нравственности въ будуарахъ“...

II.

Легкомысленное отношеніе ко всякому дѣлу шло сверху. Въ старой Франціи тонъ двора имѣлъ громадное вліяніе на тонъ всей общественной жизни. Съ юнымъ королемъ,—Лудовикъ XVI вступилъ на тронъ въ 1774 году, двадцати лѣтъ отъ роду,—и столь же юною королевой при дворѣ, естественно, на первый планъ выступила молодежь, жадная до наслажденій, въ дѣлахъ неопытная, вращавшаяся въ тѣсномъ кругѣ придворныхъ интересовъ, смѣявшаяся надъ этикетомъ и игравшая его нарушеніями, весело смотря на надвигавшіяся вокругъ тучи, не понимая, какую грозу несутъ онѣ съ собою. „Молодежь, говоритъ Монбаре (III, 161), давала тонъ двору и кончила тѣмъ, что удалила людей зрѣлаго возраста и разсудительнаго характера. Они появлялись при дворѣ только когда побуждалъ къ тому долгъ или требовало того приличіе“. Чтобы составить понятіе о распущенности господствовавшей при дворѣ, гдѣ вошло въ обычай исподтишка подсмѣиваться надъ королемъ и явно не исполнять его приказаній, достаточно привести слѣдующій фактъ.

„Я слышалъ, разсказываетъ графъ Сегюръ (I, 151), какъ въ залѣ спектаклей въ Версалѣ весь дворъ съ энтузіазмомъ апплодировалъ трагедіи Вольтера *Брутъ* и въ особенности двумъ стихамъ:

Je suis fils de Brutus et je porte en mon coeur
La liberté gravée et les rois en horreur.“

Такъ при дворѣ. Что же въ публикѣ, даже избранной? Играли, напримѣръ, въ театрѣ принца Орлеанскаго (въ Chaussée d'Antin) піесу Лефевра *Елизавета Французская*, въ присутствіи членовъ Академіи и избраннаго общества: зала была отдана принцемъ автору, который и приглашалъ зрителей по усмотрѣнію. Избранная публика усиленно и „даже неприлично“ апплодировала тому мѣсту піесы, гдѣ Филиппъ говоритъ королевѣ, чтобъ она заботилась только о томъ, чтобы нравиться, а ему предоставила бы заботы управленія (Grimm, II, 180).

Молодежь господотвовала не при дворѣ только. Извѣстно, какое громадное значеніе имѣла во Франціи магистратура. Борьба съ парламентами,—судебными учрежденіями, получившими большое политическое значеніе вслѣдствіе усвоеннаго ими права вносить королев-

скіе указы въ списокъ законовъ или отказывать во внесеніи и дѣлать свои представленія,—одно изъ главнѣйшихъ событій царствованія Лудовика XV. Послѣ окончательнаго разгрома, возстановленные въ началѣ царствованія Лудовика XVI, они претерпѣли значительныя измѣненія въ личномъ составѣ. На первый планъ выдвинулась молодая магистратура, молодые совѣтники, горячія молодыя головы, какъ называетъ ихъ Мармонтель (IV, 6). Молодежь вступала въ жизнь неподготовленная. Серіозное ученіе, разстроенное съ изгнаніемъ іезуитовъ, державшихъ въ своихъ рукахъ воспитаніе Франціи, и съ тѣхъ поръ не пришедшее въ порядокъ, упало въ странѣ. Молодые люди въ военной службѣ, въ судебномъ сословіи вступали дѣятелями въ возрастѣ, когда слѣдовало бы учиться. „Въ восемнадцать лѣтъ, говоритъ Мерсье въ *Картинѣ Парижа* (T. VII, 91), Парижанинъ кончаетъ ученье. Думаетъ, что все знаетъ, хотя не знаетъ ничего... Въ двадцать лѣтъ какой-нибудь сынъ президента начинаетъ пустозвонить о матеріяхъ важныхъ; сыновья чиновныхъ людей быстро переходятъ отъ дѣтской робости къ замѣчательной наглости. И изъ этихъ юношей мечтаютъ сдѣлать ораторовъ, полковниковъ, судей и будущихъ епископовъ.... Баловство женщинъ, нѣсколько словъ схваченныхъ на лету, придаютъ нынѣшней молодежи дерзкую самоувѣренность, какой не имѣло прежнее поколѣніе. У ней слишкомъ много засмнаго ума основаннаго на ходячихъ фразахъ и который можетъ вести только къ пустоцвѣту. И замѣчательно, эти юноши отличаются какою-то серіозностью, которую можно назвать грустною.“

За то распространеніе поверхностныхъ знаній привлекало къ себѣ особое вниманіе. Вошли въ моду публичныя лекціи, устроилось дѣлое учрежденіе, Лицей, „родъ академіи для женщинъ и свѣтскихъ людей.“ Гриммъ хвалитъ это учрежденіе, находя его особенно полезнымъ „въ странѣ гдѣ молодые люди назначающіеся къ военной службѣ, къ магистратурѣ или къ придворной жизни кончаютъ ученье, когда должны были бы его начинать.“ Гриммъ не скрываетъ, что подобныя учрежденія способны служить только къ распространенію поверхностныхъ знаній, но ссылается на рѣчь маркиза Кондорсе говорившаго при открытіи уроковъ математики: „знанія поверхностныя все же лучше невѣжества, только были бы очень распространены. Лишь въ случаѣ когда они рѣдки, они способны внушать гордую рѣшимость судить и рядить обо всемъ и чваниться скуднымъ запасомъ знанія.“

Молодежь высшаго круга представляла оригинальнѣйшія явленія. О нихъ можно получить понятіе изъ *Записокъ* графа Сегюра, бывшаго однимъ изъ самыхъ видныхъ ея представителей. Самое щекотливое чувство сословной и военной чести, обусловливавшей вѣрность королю и монархическимъ началамъ, соединялось съ экзальтированнымъ свободолюбіемъ и республиканскими мечтаніями. Сегюръ, какъ и Лафайетъ, былъ изъ числа отправившихся воевать за свободу Американской реслублики. Сохранилось письмо писанное имъ въ 1782 году на пути, на бортѣ корабля, именовавшагося *Славой*, и въ которомъ онъ набросалъ свои ощущенія. Вотъ что говорятъ онъ между прочимъ (*Мет.* I, 270): „Въ нѣдрахъ неограниченной монархіи все жертвуется суетности, желанію почетной извѣстности, которое зовутъ любовью къ славѣ, но которое нельзя назвать любовью къ отечеству въ странѣ, гдѣ только незначительное меньшинство, воспитываемое, благодаря случайности рожденія, для занятія, по волѣ главы государства, важнѣйшихъ должностей, имѣетъ участіе въ законодательствѣ и управленіи; въ странѣ, гдѣ государственное дѣло есть частное дѣло, дворъ все, нація—ничто. Любовь къ истинной славѣ не можетъ быть безъ философіи и общественныхъ нравовъ. Я юнъ, но прошелъ уже много испытаній и освободился отъ многихъ ошибокъ. Произвольная власть тяготитъ меня. Свобода, за которую я иду драться, внушаетъ мнѣ живѣйшій энтузіазмъ. Какъ желалъ бы я, чтобы наслаждалась ею и моя страна, насколько это согласно съ нашей монархіей, нашимъ положеніемъ и нравами. У меня теперь одна страсть: заслужить одобреніе общественнаго мнѣнія не такого, каково оно теперь, а какимъ оно должно быть,—мнѣнія, напримѣръ, свободнаго народа, гдѣ мудрецъ былъ бы законодателемъ. Еслибъ я былъ судьею, я отдалъ бы все время съ пяти часовъ суду дабы бороться съ несправедливостію; еслибъ я былъ министръ, я былъ бы готовъ подвергнуться ссылкѣ и печальному жребію, какой правда испытываетъ при дворахъ, дабы защищать дѣло угнетенныхъ; воинъ, я оставляю родныхъ и семейный очагъ, все что дорого сердцу, чтобы строго исполнить долгъ благороднѣйшій изо всѣхъ, если исполняется онъ для поддержанія справедливаго дѣла.“

Въ этомъ изображеніи рисуются чувства лучшей части аристократической молодежи. Оно поясняетъ, какъ могли содѣйствовать успѣху революціи представители класса, которому прежде всего она грозила и который смела прежде всего, и не тѣ только, чей кругозоръ ограничивался придворными интригами и узко понимаемыми сословными интересами, но и тѣ, чьи сердца, казалось, были исполнены желанія блага родинѣ и всему человѣчеству. Отсутствовало одно—государственный смыслъ.

„Что касается насъ,молодаго французскаго дворянства, вспоминаетъ Сегюръ (T. I, 3-me ед., 25, 40), то мы, безъ сожалѣнія о прошломъ и безъ заботы о будущемъ, весело шли по ковру усѣянному цвѣтами, скрывавшему пропасть. Осмѣивая и нарушая старыя моды, смѣясь надъ феодальною гордостью нашихъ отцовъ и ихъ важнымъ этикетомъ, мы находили все старое стѣснительнымъ и заслуживающимъ

только насмѣшки. Серіозная важность старыхъ ученій насъ тяготила. Смѣющаяся философія Вольтера насъ увлекала, забавляя. Незнакомые съ ученіями болѣе глубокихъ и серіозныхъ писателей, мы дивились ей какъ исполненной мужественнаго сопротивленія произвольной власти. Насъ прельщали вошедшіе въ обычай кабріолеты, фраки, простота англійскихъ нравовъ, позволявшіе укрыть отъ стѣснительнаго блеска нашу частную жизнь. Посвящая наше время праздникамъ, удовольствіямъ, нетруднымъ обязанностямъ придворной и гарнизонной жизни, мы беззаботно наслаждались и удобствами старыхъ учрежденій, и свободой новыхъ нравовъ. Одни льстили нашей суетности, другіе—нашей страсти къ удовольствіямъ... Свобода, монархія, аристократія, демократія, предразсудки, разумъ, новизна, философія,— все соединилось, чтобы дать намъ счастливые дни, и никогда столь ужасному пробужденію не предшествовалъ сонъ столь сладкій и плѣнительный... Формы зданія оставались тѣ же; мы и не замѣчали, какъ оно было подточено внутри. Мы смѣялись надъ безпокойствомъ стараго двора и духовенства, громившихъ противъ духа нововведеній... Для насъ это казалось битвами лера и слова, не могущими нанести ущерба высотѣ положенія, которое мы занимали и которое, благодаря вѣковому обладанію, считали прочнымъ".

III.

Сдѣлаю еще заимствованіе изъ *Записокъ* Сегюра. Онъ рисуетъ слѣдующую оригинальную и вмѣстѣ типическую фигуру графа Лораге (Lauraguais) „знаменитаго своимъ увлеченіемъ англійскими учрежденіями, нравами и обычаями, шумомъ своихъ любовныхъ похожденій, своею философіей, немного циническою, и роскошью, поглотившею его состояніе. Невоздержностію рѣчей и оригинальною дерзостью писаній онъ навлекъ на себя немалое число *lettres de cachet* (королевскія распоряженія о ссылкѣ или заключеніи), которыя онъ называлъ „своею корреспонденціей съ королемъ". „Я помню, разсказываетъ Сегюръ, какъ однажды, зная что онъ въ ссылкѣ далеко отъ Парижа, я встрѣтилъ его спокойно гуляющимъ на скачкѣ, гдѣ, по обыкновенію, присутствовалъ весь дворъ. Я указалъ ему опасность его неблагоразумія. Онъ только засмѣялся. Выходка эта не могла остаться неизвѣстною, но не повлекла за собою никакихъ послѣдствій. Тогда произволъ болѣе терпѣлся, чѣмъ уважался, и еслибы, вмѣсто того, чтобы смотрѣть сквозь пальцы, вздумали показать строгость, то не знаю, не придало ли бы общественное мнѣніе, въ его тогдашнемъ броженіи, этому дѣлу болѣе силы и значенія, чѣмъ сколько оно заслуживало... Любя до излишества вихрь свѣтскихъ удовольствій,

Лораге предался наукамъ и сдѣлалъ въ химіи какія-то открытія, давшія ему доступъ въ Академію Наукъ. Онъ усовершенствовалъ фарфоръ, дѣлалъ опыты надъ эѳиромъ и его смѣшеніемъ съ водой, надъ алмазами. Послѣдніе опыты никакой пользы не принесли, но сильно содѣйствовали его разоренію. Оригинально увлекающійся въ своихъ вкусахъ, онъ потратилъ пропасть денегъ на покупку алмазовъ, изъ которыхъ часть обогатила неблагодарныхъ красавицъ, а другая расплавилась въ его фарфоровыхъ горнахъ... Долго видѣли его лышнымъ, блестящимъ, самымъ любезнымъ вельможей, но еще долѣе потомъ встрѣчали плохо одѣтымъ, непричесаннымъ, напустившимъ на себя простоту дунайскаго крестьянина. Помню, однажды пришелъ онъ ко мнѣ въ своемъ циническомъ костюмѣ, но съ лицомъ сіяющимъ отъ удовольствія.

„— Отчего у тебя такой радостный видъ? спросилъ я.

„— Другъ мой я счастливѣйшій человѣкъ: я совсѣмъ разорился.

„— Вотъ странное счастье, отъ котораго можно, кажется, было повѣситься!

„— Очень ошибаешься; пока состояніе было только въ разстройствѣ, я заваленъ былъ дѣлами, преслѣдованіями, качался между страхомъ и надеждой. А теперь, какъ разорился, чувствую себя независимымъ, спокойнымъ, свободнымъ ото всякихъ безпокойствъ и заботъ.

„Лораге былъ изъ тѣхъ, что первые сбросили во вкусахъ, мнѣніяхъ, языкѣ и манерахъ бремя налагавшееся правилами хорошаго тона и хорошаго общества (bon ton et bonne compagnie) и слѣдовалъ своимъ фантазіямъ, провозглашая самыя смѣлыя системы. Въ театрѣ онъ вывелъ обычай городскихъ и придворныхъ франтовъ садиться на скамьяхъ ставившихся за рампой предъ кулисами и мѣшавшихъ сценической иллюзіи. По его же совѣту, актеры и актрисы перестали, изображая Нерона, Брута, Тезея, Федру и Меролу, являться въ костюмахъ по тогдашнимъ французскимъ модамъ... Лораге былъ влюбленъ въ актрису Арну, за которой ухаживалъ тоже одинъ князь неособенно острый разумомъ. Лораге отправился ко врачу и серіознѣйше спрашивалъ можно ли умереть со скуки. Врачъ отвѣтилъ, что, конечно, продолжительное скучанье можетъ разстроить организмъ и повести къ истощенію способному причинить смерть. Лораге попросилъ письменной консультаціи по этому вопросу и, получивъ таковую, отблагодарилъ врача. Отправился затѣмъ къ адвокату и спросилъ его, можно ли преслѣдовать судомъ человѣка который какимъ-либо способомъ хочетъ васъ уморить. Адвокатъ отвѣчалъ, что безъ сомнѣнія и, по желанію графа, далъ письменное удостовѣреніе. Вооруженный этими двумя документами Лораге отправился въ судъ и подалъ уголовную жалобу на князя, который, говорилъ онъ, хочетъ уморить со скуки его и m-lle Арну... Въ ранней молодости, во время войны, онъ

въ кровавой битвѣ обнаружилъ блестящее мужество. Когда кончилось дѣло, созвалъ офицеровъ и спросилъ: довольны ли они его поведеніемъ. Всѣ отвѣчали единодушною похвалой.

„— Очень радъ, что вы довольны вашимъ полковникомъ, сказалъ онъ, но это вовсе не мое ремесло и я оставляю его.

„Дѣйствительно, послѣ кампаніи онъ вышелъ въ отставку. Онъ былъ и поэтъ, и финансистъ, смѣло разбиравшій финансовый отчетъ Неккера и тѣмъ навлекшій на себя непріятности, увеличившія его „переписку съ королемъ“. Онъ первый показалъ Парижанамъ скачки съ англійскими лошадьми и жокеями; мечталъ о французскомъ парламентѣ, гдѣ бы могъ играть роль Вальполя или Чатама. Одна изъ его любовницъ разказывала, что онъ помѣстилъ ее въ оранжереѣ и кормилъ почти исключительно ананасами и другими плодами тропическихъ странъ, а когда она стала жаловаться, отвѣтилъ: „какъ можешь ты, неблагодарная, жаловаться, что не имѣешь необходимаго,— такой тривіальной вещи,—когда у тебя въ избыткѣ излишнее, котораго такъ всѣ желаютъ“.

Вотъ на что уходили таланты и силы! Молодежь, замѣчаетъ Монбаре, многое перенесла изъ Англіи; но не переняла того серіознаго образованія, какимъ отличаются англійскіе государственные люди.

Спустимся ступенью ниже, къ буржуазіи. И тутъ встрѣтимъ явленія оригинальныя, вызванныя пресыщеніемъ, но далеко не въ привлекательныхъ формахъ. Гриммъ (II, 174) описываетъ, какъ одинъ купеческій сынокъ разослалъ приглашеніе на ужинъ въ формѣ похоронныхъ пригласительныхъ билетовъ. (Король для рѣдкости велѣлъ экземпляръ новаго приглашенія обдѣлать въ рамку). „Такой-то, кавалеръ (écuyer), адвокатъ при парламентѣ, членъ Академіи Римскихъ Аркадъ, свободный сотрудникъ Парижскаго Музея, редакторъ драматической хроники *Нэшательскаго Журнала*, проситъ васъ пожаловать на ужинъ, имѣющій быть въ его квартирѣ, на Елисейскихъ Поляхъ, въ приходѣ Магдалины. Будетъ сдѣлано все возможное, чтобы принять васъ по заслугамъ; не осмѣливаясь льстить себя надеждой, что вы будете вполнѣ удовлетворены, смѣемъ, однако, нынѣ же завѣрить, что касательно масла и свинины останетесь довольны.... Просятъ усерднѣйше не приводить ни собакъ, ни лакеевъ; для прислуги будутъ служанки ad hoc.“ Подборъ гостей былъ самый разнообразный — писатели, лортные, артисты, военные, судейскіе, аптекари, актеры и т. д. Приглашенныхъ продержали съ четверть часа въ полутемномъ помѣщеніи и, наконецъ, ввели въ блестяще-освѣщенную залу. Предъ баллюстрадой, окружавшей столъ, стояли два савойяра, одѣтые древними герольдами. По четыремъ угламъ залы стояли мальчики-церковнослужители (enfant du choeur) съ кадильницами. „Когда родители мои даютъ обѣдъ, говорилъ хозяинъ, за столомъ всегда есть

нѣсколько человѣкъ, которые имъ кадятъ. Я хотѣлъ избавить васъ, господа, отъ этого труда“. Первое блюдо было свинина. „Мнѣ доставляетъ ее одинъ изъ моихъ родственниковъ, замѣтилъ амфитріонъ, рекомендую вамъ его магазинъ“. Когда послѣ двадцати великолѣпныхъ блюдъ гости хотѣли удалиться, они нашли двери запертыми. Ихъ отпустили только въ семь часовъ утра. Мать оригинала, увѣрившаго родителей, что дастъ ужинъ друзьямъ, появилась на минуту въ залѣ въ сопровожденіи друга дома, о которомъ ходили слухи, что онъ за ней ухаживаетъ; почтительный сынъ встрѣтилъ ихъ стихомъ

Et ces deux grands débris se consolent entre eux.

Когда его спросили, почему онъ не купитъ должности совѣтника, а остается простымъ адвокатомъ, онъ отвѣтилъ: „тогда, быть-можетъ, пришлось бы въ качествѣ судьи приговорить моего отца къ висѣлицѣ, а теперь имѣю, по крайней мѣрѣ, право защищать его“.

IV.

Однимъ изъ самыхъ характеристическихъ явленій общественной жизни въ предреволюціонной Франціи былъ никогда невиданный успѣхъ на сценѣ *Свадьбы Фигаро* Бомарше. Театръ тогда былъ однимъ изъ главныхъ мѣстъ, гдѣ находили для себя исходъ общественныя настроенія. Въ театрѣ, напримѣръ, главнымъ образомъ выразился энтузіазмъ по случаю прибытія Вольтера въ Парижъ. Постановка *Свадьбы Фигаро* сдѣлалась важнымъ политическимъ событіемъ. Король, прочтя піесу, выразилъ, что ни за что не дозволитъ ея представленія, но, мало-по-малу, уступилъ настояніямъ легкомысленнаго двора, увлеченнаго произведеніемъ геніальной веселости. Въ піесѣ нѣтъ ничего въ тѣсномъ смыслѣ революціоннаго, нѣтъ никакихъ намековъ на событія или лица: это не сатира общественныхъ нравовъ; ничего раздражающаго, жгучаго, ѣдкаго нѣтъ въ піесѣ: она вся исполнена веселаго добродушія и въ основѣ весьма добрыхъ чувствъ. *Тартюфъ* Мольера несравненно болѣе политическая піеса чѣмъ *Свадьба Фигаро*, выводящая на сцену игривый случай въ имѣніи испанскаго гранда. Тѣмъ не менѣе, рѣдко насмѣшка являлась (быть-можетъ, не являлась никогда) такою политическою силой, какъ въ этой піесѣ игриваго содержанія, въ которой дѣйствующія лица, какъ бы мимоходомъ, бросаютъ искры геніальнаго остроумія во всѣ стороны жизни прошлаго вѣка. *Свадьба Фигаро*, это восьмнадцатый вѣкъ, самъ себя весело, легкомысленно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, необычайно умно осмѣивающій; вѣкъ, стоящій предъ серіозными въ высшей степени задачами, понимающій эти задачи, но отлагающій ихъ разрѣшеніе и кончающій пѣсенской. Послѣднія слова *Свадьбы Фигаро*:

Or Messieurs la comédie
Que l'on juge en cet instant
Sauf erreur, nous peint la vie
Du bon peuple qui l'entend.
Qu'on l'opprime, il peste, il crie,
Il s'agite en cent façons:
Tout finit par des chansons!

— „Что говорятъ обо мнѣ", спрашивалъ кардиналъ Мазаринъ. „Они поютъ, ваша свѣтлость".—„Поютъ? Пускай поютъ. Если поютъ, значитъ заплатятъ".

„Въ Парижѣ, говоритъ Мерсье (VI, 42),—все перелагается въ пѣсенки. Будь маршалъ Франціи или висѣльникъ, если не сложили о немъ пѣсенки, останется народу неизвѣстнымъ, чтобы тамъ ни сдѣлалъ".

Пѣсенки, остроты, каламбуры—вѣчная принадлежность французской живости. Вѣшали, въ эпоху Лудовика XV, одного аббата за поддѣлку банковыхъ билетовъ. Несчастный, входя подъ висѣлицу, ухватился за перила лѣстницы. Палачъ сказалъ ему: „входите, господинъ аббатъ, входите; не будьте ребенкомъ (ne faites pas l'enfant)". Весь Парижъ повторялъ жестокое слово. Пьяница выходилъ изъ кабака. Было вечеромъ. Колесовали на площади преступника; боль вырывала у него крики и ругательства. Пьяница поднимаетъ голову, думая, что ругательства обращены къ нему, и громко говоритъ: мало ли что колесованъ; надо быть еще вѣжливымъ (il n'est pas tout d'être roué, il faut encore être poli). Парижъ долго забавлялся этой фразой.

Одинъ академикъ во время казни Даміена протолкался чрезъ толпу, чтобы ближе видѣть истязанія. Старшій палачъ замѣтилъ это и говоритъ: „Дайте пройти господину: это любитель". Фраза надолго сдѣлась поговоркою въ салонахъ.

Не забудемъ, что въ эпоху представленія *Свадьбы Фигаро* на французской сценѣ еще строго соблюдались условныя приличія, господствовала даже нѣкоторая чопорность. Требованія *bon ton* и *bonne compagnie*, о которыхъ говоритъ Бомарше въ предисловіи къ своей піесѣ, соблюдались съ нѣкоторою строгостію. Нравственная распущенность уже господствовала въ маленькихъ театрахъ на бульварахъ; игривая неприличность проникла въ салоны, гдѣ были въ модѣ сцены и пословицы, слушая которыя дамы закрывались вѣеромъ (Mercier *Tableau de Paris*), что не мѣшало имъ въ тѣхъ же роляхъ самимъ выступать на любительскихъ сценахъ. При дворѣ требованія, конечно, были строже. Дѣло ограничивалось представленіемъ *Севильскаго цирюльника* Бомарше съ королевой въ роли Розины. И вотъ на чопорной королевской сценѣ Французской Комедіи появляется піеса съ такимъ игриво-циническимъ, сильно дѣйствующимъ на чувственность содержаніемъ какъ *Свадьба Фигаро*, которой сюжетъ вертится на извѣстномъ феодальномъ правѣ господина (droit du seigneur), въ которой бойкая, не дающая зрителю очнуться интрига между типически живыми лицами, прикрытая наброшенною дымкой поэзіи, незамѣтно прерывается уроками легкой житейской философіи: комедіи, которая блещетъ мѣткими, на вѣки оставшимися выраженіями, воплощающими въ себѣ геній насмѣшливаго самосознанія предреволюціонной Франціи. Наиболѣе, въ тѣсномъ смыслѣ, „политическое" мѣсто въ піесѣ знаменитый монологъ Фигаро въ пятомъ дѣйствіи, гдѣ онъ говоритъ о графѣ Альмавива: „вы такъ гордитесь знатностью, богатствомъ, титулами, мѣстами. Да что же вы сдѣлали, чтобъ имѣть всѣ эти блага? Вы потрудились родиться и болѣе ничего. Въ остальномъ вы самый обыкновенный человѣкъ. Тогда какъ мнѣ затерянному въ темной толпѣ, чтобы только существовать, надо было употребить болѣе знанія и соображенія, чѣмъ сколько потрачено во сто лѣтъ чтобы управлять всѣми Испаніями". Въ эпоху когда градомъ сыпались памфлеты и мелкія политическія брошюры, тогда какъ на бумагѣ и книги и журналы находились подъ самою строгою цензурой, электрическое дѣйствіе производили на зрителей слова Фигаро „только маленькіе люди боятся маленькихъ брошюръ" (il n'y a que les petits hommes qui redoutent les petits écrits) и разсказъ Фигаро какъ онъ сдѣлался журналистомъ: „мнѣ сказали, что въ Мадридѣ введена система свободной продажи продуктовъ, въ томъ числѣ и произведеній печати; и что если я въ писаніяхъ моихъ не буду говорить ни о власти, ни о религіи, ни о политикѣ, ни о нравственности, ни о высокопоставленныхъ лицахъ, ни о корпораціяхъ, имѣющихъ силу, ни объ операхъ и прочихъ спектакляхъ, ни о комъ къ чему-нибудь приставленномъ (ni de personne qui tienne à quelque chose),—то я могу все свободно печатать подъ надзоромъ двухъ или трехъ цензоровъ". „Хотѣли, продолжалъ Фигаро, дать мнѣ мѣсто; къ несчастію я былъ для него годенъ: требовался счетчикъ (calculateur)—мѣсто отдали танцору".

Піеса, представленная на Французскомъ Театрѣ въ мартѣ 1784 г., имѣла успѣхъ, какого до нея не достигала на французской сценѣ ни одна піеса. Въ первое представленіе герцогини платили огромныя деньги, чтобы получить мѣсто чуть не въ райкѣ. „Было нѣчто болѣе сумашедшее чѣмъ моя піеса, говорилъ Бомарше,—это ея успѣхъ." Весь Парижъ отъ высшихъ слоевъ до рыночныхъ торговокъ перебывалъ въ театрѣ. Пріѣзжали изъ окрестностей столицы даже духовныя лица. „Въ послѣдніе дни", пишетъ Метра (Тэнъ I, 415), былъ обѣдъ сорока лицъ изъ деревенскаго духовенства у священника въ Оранжисѣ, въ пяти льё отъ Парижа. За десертомъ, въ откровенности

вина, всѣ сознались, что прибыли въ Парижъ поглядѣть *Свадьбу Фигаро*". Только король былъ удивленъ ея успѣхомъ. Когда одинъ изъ придворныхъ отправлялся на первое представленіе, король спросилъ: думаетъ ли онъ что піеса будетъ имѣть успѣхъ. „Полагаю, государь, что она падетъ".—„Я самъ того же мнѣнія", отвѣчалъ король. Какъ бы въ отместку за успѣхъ *Фигаро* король оказалъ особенное вниманіе Піейру (Pieyre), автору піесы нравственнаго содержанія, *École des pères*, поставленной къ концу того же года на Французскомъ Театрѣ. Авторъ получилъ почетную шпагу (Grimm, IV. 434). Не помѣшало это тому чтобы Бомарше былъ приглашенъ королевой къ представленію въ Тріанонѣ *Севильскаго Цирюльника* съ Маріею-Антуанетой въ главной роли. Не помѣшало и тому, что Бомарше послѣ полусотни представленій *Свадьбы Фигаро* былъ арестованъ на нѣсколько дней за рѣзкую статью противъ одного изъ принцевъ, что вызвало новую овацію поэту со стороны парижскаго общества.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Парижъ сто лѣтъ тому назадъ.

I.

Чѣмъ былъ Парижъ сто лѣтъ тому назадъ? Сохранилось немало описаній Парижа въ предреволюціонную эпоху. Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка писатель Мерсье издалъ нѣсколько томовъ, озаглавленныхъ „Картина Парижа", напечатанныхъ въ Амстердамѣ безъ подписи автора, но распространившихся и во Франціи вмѣстѣ съ массою французскихъ заграничныхъ изданій, избѣгавшихъ цензуры. Если сравнить эти описанія съ тѣмъ, что представляетъ Парижъ въ нашу эпоху, то нельзя не замѣтить, какъ многое живуче въ этомъ городѣ, сохраняющемъ свои оригинальности, несмотря на всѣ прошедшіе надъ нимъ политическіе перевороты и событія. Онъ сохраняетъ свое значеніе центральнаго всемірнаго гульбища и города огромной умственной производительности и изящной промышленности. Не съ революціи народился современный Парижъ, не революціонная эпоха родственна съ тѣмъ, что мы видимъ нынѣ, а эпоха „стараго порядка". Революціонный погромъ, годы ужасовъ эпохи Конвента были печальною остановкою жизни Парижа и прошли надъ нимъ ураганомъ, много поломавшимъ и разрушившимъ, но и миновавшимъ, какъ минуютъ ураганы.

О Парижѣ „стараго порядка" мы имѣемъ интересное свидѣтельство русскаго путешественника въ превосходныхъ „Письмахъ" Карамзина (ими пользуются нынѣ и французскіе писатели, какъ напримѣръ, А. Бабо (Babeau), въ книгѣ „Paris en 1789"). Карамзинъ писалъ, правда, въ 1790 году, когда разыгрался уже первый актъ революціи, но общественный бытъ сохранялъ еще всѣ прежнія черты.

Въ эту эпоху центромъ движенія и жизни для народныхъ массъ былъ Pont Neuf, на которомъ красовалась статуя „добраго короля Генриха IV" и прилегающія мѣстности; для классовъ образованныхъ—Пале-Рояль, улица Сентъ-Оноре и прилегающія къ ней.

Въ письмѣ отъ 27 марта 1790 года Карамзинъ („Письма русскаго путешественника", изданіе 1800 г., ч. IV, 261) такъ говоритъ о Пале-Роялѣ.

„Солнце сѣло; наступила ночь, и фонари засвѣтились на улицахъ. Мы пришли въ *Пале-Рояль*, огромное зданіе, которое принадлежитъ герцогу Орлеанскому, и которое называется столицею Парижа.

„Вообразите себѣ великолѣпный квадратный замокъ, и внизу его аркады, подъ которыми въ безчисленныхъ лавкахъ сіяютъ всѣ сокровища свѣта, богатства Индіи и Америки, алмазы и діаманты, серебро и золото; всѣ произведенія натуры и искусства; все, чѣмъ когда нибудь царская пышность украшалась; все изобрѣтенное роскошью для услажденія жизни!... И все это, для привлеченія глазъ, разложено прекраснѣйшимъ образомъ, и освѣщено яркими, разноцвѣтными огнями, ослѣпляющими зрѣніе. Вообразите себѣ множество людей, которые толпятся въ сихъ галлереяхъ, и ходятъ взадъ и впередъ только для того, чтобы смотрѣть другъ на друга! Тутъ видите вы и кофейные домы, первые въ Парижѣ, гдѣ также все людьми наполнено; гдѣ читаютъ вслухъ газеты и журналы, тумятъ, спорятъ, говорятъ рѣчи и проч." *.

---

* Въ 1889 году, въ сосѣдствѣ съ помѣщеніями Выставки, на Avenue du Suffren, сдѣлано было нѣсколько воспроизведеній старины. Воспроизведены были башня Нель, Тампль и, наконецъ, улица прилегающая къ Бастиліи и самая Бастилія. Послѣднее воспроизведеніе особенно было любопытно. Публика воочію могла видѣть, что такое были старый Парижъ и грозная крѣпость, съ небывалаго „взятія" которой народомъ начинается легенда революціи. Историческая вѣрность была внимательно соблюдена и впечатлѣніе домовъ съ ихъ черепичными крышами, лавокъ, вывѣсокъ, церковнаго притвора, уличныхъ пѣвцовъ, поющихъ старыя пѣсенки, гардовъ въ ихъ мундирахъ и парикахъ, свадебной процессіи идущей по улицѣ живо переносила зрителя въ дореволюціонную, во всякомъ случаѣ, не унылую жизнь. Для развлеченія публики представлялось бѣгство Латюда. Изъ окна крѣпости, спустившись на веревкѣ, онъ пробирается по крышамъ домовъ при-

Одною изъ весьма характеристическихъ чертъ стараго Парижа въ предреволюціонную эпоху была чрезвычайно быстрая ѣзда по улицамъ, причинявшая немало безпокойства и даже опасности пѣшеходамъ, такъ какъ улицы не имѣли тротуаровъ (въ Лондонѣ тогда уже введеныхъ). Въ наказѣ парижскихъ избирателей средняго сословія, составленномъ для депутатовъ собранія государственныхъ чиновъ 1789 г. высказаны въ литературно-сатирической формѣ жалобы парижанъ средняго круга на разныя стороны городской жизни. Въ § 6 выражается желаніе „уменьшить ужасающую роскошь экипажей, пріостановить бѣшеную ихъ скачку, дабы, въ минуты, когда каждый кричитъ о свободѣ, несчастный пѣшеходъ могъ по крайней мѣрѣ защищать свою жизнь“. Въ слѣдующемъ параграфѣ требуется, „чтобы устроены были столь давно желанные тротуары, какъ отдѣльное пространство для проходящихъ на большихъ улицахъ; чтобы каретамъ позволялась ѣхать въ одинъ только рядъ и всѣ кабріолеты, даже принадлежащіе принцамъ, снабжены были звонками: пусть эта новая музыка сдѣлается охраною гражданъ“.

„Поди, поди!—описываетъ Мерсье движеніе по улицамъ Парижа—катитъ докторъ въ черномъ одѣяніи (en habit noir), въ коляскѣ; ѣдетъ въ кабріолетѣ танцовальный учитель; скачетъ въ головоломкѣ (un diable) фехтовальный наставникъ; принцъ летитъ на шестеркѣ во весь карьеръ, какъ будто бы онъ былъ гдѣ-нибудь въ загородномъ просторѣ“.

Положеніе пѣшеходовъ подъ часъ было дѣйствительно нелегкое. „Улицы, пишетъ Карамзинъ, всѣ безъ исключенія узки и темны отъ огромности домовъ; славная Сентъ-Оноре всѣхъ длиннѣе, всѣхъ шумнѣе и всѣхъ грязнѣе. Горе бѣднымъ пѣшеходцамъ, особливо когда идетъ дождь! Вамъ надобно или мѣсить грязь на срединѣ улицы (мостовая дѣлается въ Парижѣ скатомъ съ обѣихъ сторонъ улицы, отчего въ серединѣ бываетъ всегда страшная грязь), или вода, льющаяся съ кровель черезъ дельфины, не оставитъ на васъ сухой нитки. Карета здѣсь необходима *, по крайней мѣрѣ для насъ иностранцевъ; а французы умѣютъ чудеснымъ образомъ ходить по грязи не грязнясь, мастерски прыгать съ камня на камень, и прячутся въ лавки отъ скачущихъ каретъ. Славный Турнефоръ, который объѣздилъ почти весь свѣтъ, возвратился въ Парижъ и былъ раздавленъ фіакромъ, отъ того, что онъ въ путешествіи своемъ разучился прыгать серною на улицахъ: искусство необходимое для здѣшнихъ жителей!“

„При сколько нибудь продолжительномъ дождѣ, пишетъ въ свою очередь Мерсье, приходится налагать мостки на улицахъ. Нѣтъ ничего забавнѣе для иностранца, какъ смотрѣть, какъ парижанинъ въ парикѣ съ тремя молоточками (à trois marteaux), въ бѣлыхъ чулкахъ и въ кафтанѣ съ позументомъ перескакиваетъ чрезъ грязныя лужи и на цыпочкахъ пробирается по грязнымъ улицамъ и принимаетъ на свой шелковый зонтикъ потокъ воды изъ жолобовъ“.

Обиліе кофейныхъ и афишъ по стѣнамъ были принадлежностью стараго Парижа въ неменьшей, а афиши, можно сказать, даже въ большей степени, чѣмъ нынѣ. „Считаютъ, говоритъ Мерсье, отъ шести до семи сотъ кофейныхъ. Это сборища праздныхъ и пріютъ нуждающихся. Тамъ грѣются зимою, чтобы не жечь дровъ дома“. Афиши съ ранняго утра наклеивались по стѣнамъ. „Было, замѣчаетъ Мерсье, сорокъ,—какъ членовъ во французской академіи,—расклейщиковъ съ мѣдными бляхами на груди. Они наклеивали объявленія о театрахъ, книгахъ, продажахъ и покупкахъ. Они-же выкрикивали и продавали на улицахъ судебные приговоры. Афиши срывались каждодневно и замѣнялись новыми. Если бы ихъ не срывать, стѣны покрылись бы толстымъ слоемъ, гдѣ смѣшано и священное и суетное. Тутъ и посланія епископовъ, и объявленія шарлатановъ, и приговоры парламента, и рѣшенія совѣта ихъ кассирующія, и извѣщенія о распродажахъ по случаю смерти, и разныя увѣщанія (monitoires); тутъ и пропавшія собаки, и рѣшенія Шатле, и обращеніе къ душамъ благочестивымъ, и маріонетки, и проповѣдники, и церковныя таинства, и отряды драгунъ и трактаты о душѣ, и эластическіе бандажи и проч. и проч. Словомъ самыя разнообразныя публикаціи, которыя публика имѣетъ подъ глазами, не читая ихъ и которыя служатъ лишь къ тому, чтобы скрыть наготу стѣнъ. Бывали приговоры суда въ шесть футовъ длины и три пирины мелкимъ шрифтомъ. Печатное наводненіе безполезныхъ словъ! На афишу смотрятъ съ удивленіемъ; никто не читаетъ. Дѣло идетъ о какомъ-нибудь темномъ процессѣ двухъ тяжущихся, разорившихся, чтобы покрыть стѣну печатною бумагой. Иногда эта готическая проза обходится въ шестьдесятъ тысячъ франковъ... Имена нотаріусовъ, прокуроровъ, судебныхъ приставовъ печатаются огромными буквами на углахъ всѣхъ улицъ. Театральныя афиши цвѣтныя. При этомъ афиши буль-

---

легающихъ къ крѣпостной стѣнѣ. Его преслѣдуетъ и ранитъ гардъ. Ему удается, однако, сбросить гарда съ крыши и спастись. По вечерамъ новое представленіе: народъ осаждаетъ и беретъ Бастилію.

* „За порядочную наемную карету надобно заплатить въ день рубля четыре. Можно ѣздить и въ фіакрахъ, т. е. извощичьихъ каретахъ, которыя стоятъ на каждомъ перекресткѣ; правда, что онѣ очень нехороши, какъ снаружи, такъ и внутри; кучеръ сидитъ на козлахъ въ худомъ камзолѣ или въ ветхой епанчѣ, и безпрестанно погоняетъ двухъ—не лошадей, а лошадиныхъ скелетовъ, — которыя то дернутъ, то станутъ побѣгутъ, и опять ни съ мѣста. Въ семъ экипажѣ можно за 24 су проѣхать городъ изъ конца въ конецъ“.

варныхъ театровъ помѣщаются въ почтительномъ удаленіи отъ афишъ трехъ главныхъ. Повѣрятъ ли, что есть не мало бѣдныхъ людей, читающихъ афиши не ходя въ театръ и утѣшающихся тѣмъ, что знаютъ, по крайней мѣрѣ, какую піесу даютъ. Они занимаютъ афиши, читаютъ ихъ на сонъ грядущій, какъ будто что видѣли". Афиши замѣняли многое, что теперь досталось на долю газетъ.

При общемъ ослабленіи начала власти, одна власть была неограниченна: измѣнчивая власть моды. Чего не было придумано! Сегодня любимый цвѣтъ—цвѣтъ „слинки и живота блохи"; завтра—„парижской грязи и птичьяго помета". Прически—вѣтряная мельница, бесѣдки, ручейки, баранки, пастухи и пастушки, охотники въ прилѣскѣ и т. д. Съ такими прическами трудно было входить въ карету; придуманы были пружины, ихъ опускавшія и поднимавшія. Для мужчинъ долго были обязательны кружевныя манжеты. У одного почтеннаго человѣка кружевъ достало лишь на одинъ рукавъ. Его и далъ онъ замѣтить швейцару у дверей гостепріимнаго отеля. Но въ салонѣ, въ жару разговора, имѣлъ неосторожность поднять другую руку, гдѣ былъ простой мусслинъ. Это поразило хозяйку дома, которая потомъ сдѣлала строгій выговоръ швейцару, пропустившему такого гостя. На другой день явился знатный, но однорукій офицеръ, котораго другая рука потеряна была въ сраженіи. Швейцаръ не пропускаетъ, требуя одинаковыхъ манжетъ на обѣихъ рукахъ (Мерсье, II, 201). Модныя модистки улицы Сентъ-Оноре дѣлали куклы, одѣтыя и причесанныя по послѣдней модѣ, и посылали такія модели, одну на сѣверъ, другую на югъ вмѣсто модныхъ картинокъ нынѣшняго времени. Въ богатыхъ домахъ, какъ напримѣръ дома откупщиковъ (fermiers généraux) было, по словамъ Мерсье, не менѣе двадцати четырехъ лакеевъ въ ливреяхъ, не считая поваровъ и шести горничныхъ хозяйки дома. Тридцать лошадей били копытами въ конюшнѣ. Мода требовала, чтобы въ театрѣ имѣть абонированную закрытую ложу (petites loges), куда можно было явиться когда угодно, въ дезабилье, съ собачкою и принадлежностями туалета до ночныхъ вазъ, принимать поклонниковъ, уѣзжать когда вздумается.

Требованія и стѣсненія этикета, свѣтскихъ приличій, утонченной вѣжливости сильно ослабѣли въ годы предъ революціею.

II.

Отъ Парижа роскоши перейдемъ къ Парижу бѣдняковъ. Были предмѣстья, какъ Сентъ-Антуанское и Сенъ-Марсель, обитаемыя бѣднымъ людомъ. О предмѣстьи Сенъ-Марсель Мерсье говоритъ такъ: „Это кварталъ, гдѣ парижская чернь самая бѣдная, самая бурливая и самая не дисциплинированная.

„Въ какомъ нибудь одномъ домѣ предмѣстья Сентъ-Оноре больше денегъ, чѣмъ въ совокупности во всемъ предмѣстьи Сенъ-Марсель. Здѣсь въ жильяхъ, удаленныхъ отъ центра городскаго движенія, проживаютъ разорившіеся люди, мизантропы, алхимики, маніаки, мелкіе капиталисты, а также нѣсколько ученыхъ мудрецовъ, ищущихъ уединенія и желающихъ жить въ неизвѣстности и вдали отъ шумныхъ кварталовъ съ ихъ зрѣлищами. Никто не явится ихъ искать на этомъ концѣ города. Развѣ изъ любопытныхъ кто-нибудь сюда отправится. Ничто сюда не призываетъ, здѣсь нечего смотрѣть—нѣтъ ни одного памятника. Здѣшній людъ не находится ни въ какихъ сношеніяхъ съ парижскими вѣжливыми обитателями береговъ Сены. Здѣсь въ этомъ кварталѣ плясали надъ гробомъ діакона Париса и ѣли землю на его могилѣ, такъ что наконецъ кладбище было закрыто.

De par le roi défense à Dieu
De faire miracle en ce lieu

„Въ этомъ очагѣ темной бѣдности скрытый источникъ буйства и возмущеній.

„Для этихъ домовъ нѣтъ другихъ часовъ, кромѣ движенія солнца Здѣшній людъ на три вѣка отсталъ отъ искусства и отъ господствующихъ нравовъ. Всякія частныя распри чинятся здѣсь публично. Жена недовольная мужемъ на улицѣ защищаетъ свое дѣло, призывая мужа къ суду черни, собирая сосѣдей и разсказывая скандалъ о своемъ сожителѣ. Споры всякаго рода кончаются кулачною расправою. Къ вечеру мирятся, когда у одного лице покроется царапинами.

„Цѣлая семья занимаетъ одну комнату, гдѣ ничего не видно, кромѣ четырехъ стѣнъ; гдѣ такъ, безъ занавѣсокъ, кухонная утварь валяется рядомъ съ ночною посудой. Вся мебель не стоитъ двадцати экю и каждые три мѣсяца обитатели мѣняютъ жилье, такъ какъ ихъ выгоняютъ за неплатежъ. Башмаковъ не видно въ этихъ жилищахъ; по лѣстницѣ слышенъ только стукъ деревянной обуви (le bruit des sabots). Дѣти ходятъ нагія и спятъ въ ловалку.

„Народъ этотъ въ воскресенье наводняетъ Вожираръ съ его многочисленными кабаками: надо же человѣку забыться отъ своихъ золъ.

„Въ знаменитомъ „салонѣ нищихъ" (salon des gueux) мущины и женщины танцуютъ безъ башмаковъ, кружась непрерывно и чрезъ часъ подымаютъ столько пыли, что ихъ совсѣмъ становится не видно.

„Народъ здѣсь злѣе, сварливѣе, возбудительнѣе и болѣе склоненъ къ мятежу, чѣмъ въ другихъ кварталахъ. Полиція боится раздражать здѣшнюю чернь, способную предаться великимъ неистовствамъ".

Изъ этихъ кварталовъ вышли революціонныя шайки. Но Мерсье считалъ сколько-нибудь серьезный мятежъ невозможнымъ. Полиція, отряды швейцарскихъ и французскихъ гардовъ, королевскіе лейбъ-гвардейцы (maison du roi), войска внѣ Парижа расположенныя, имѣли, по словамъ его, всю возможность подавить всякую мятежную попытку.

Не лишено интереса сдѣланное Мерсье описаніе парижскихъ сутокъ.

Различные часы сутокъ, среди шумнаго и быстраго вихря, представляютъ поочередныя смѣны покоя и движенія. Это періодически движущіяся сцены, раздѣленныя приблизительно равными промежутками.

Въ семь часовъ утра огородники съ пустыми корзинами верхомъ на клячахъ возвращаются къ своимъ огородамъ. Экипажей еще нѣтъ на улицахъ. Только мелкій, служащій въ разныхъ конторахъ и бюро людъ одѣтъ и причесанъ въ этотъ часъ.

Въ девять часовъ бѣгутъ парикмахеры, въ пудрѣ съ головы до ногъ, держа въ одной рукѣ щипцы, въ другой парикъ. Служители изъ кофейныхъ разносятъ кофе по меблированнымъ комнатамъ. Около того же времени лодконюхи, сопровождаемые лакеями, объѣзжаютъ лошадей по бульварамъ, заставляя иногда недетево поплатиться неопытнаго пѣшехода.

Около десяти часовъ черная туча судейскихъ движется къ Шатле и къ главному суду. Видны только брыжи (rabats), мантіи, мѣшки (говорятъ въ судъ надо нести три мѣшка: мѣшокъ съ бумагами, мѣшокъ съ деньгами и мѣшокъ съ терпѣніемъ). Тяжущіеся бѣгутъ вслѣдъ за ними.

Въ полдень всѣ мѣнялы и биржевые игроки толпою направляются къ биржѣ; праздный людъ идетъ въ Пале-Рояль. Кварталъ Сентъ-Оноре, гдѣ живутъ финансисты и люди съ хорошими мѣстами, оживленъ и на улицахъ движеніе. Это часъ искательствъ и просьбъ всякаго рода.

Въ два часа люди званые на обѣдъ, причесанные, напудренные, пріодѣтые идутъ на цыпочкахъ изъ боязни запачкать бѣлые чулки, отправляясь въ отдаленный кварталъ.

Всѣ фіакры въ разборѣ, на биржахъ ихъ нѣтъ. Изъ-за нихъ спорятъ и случается, что два лица отворяютъ одновременно дверцы и садятся въ экипажъ. Полицейскому коммисару приходится разбирать кто останется.

Въ три часа мало народу на улицахъ. Всѣ обѣдаютъ. Но покой продолжается недолго. Въ пять часовъ съ четвертью страшная, адская сумятица. Улицы переполнены, кареты катятъ во всѣ стороны,— на спектакли и прогулки. Кофейныя наполняются народомъ.

Въ семь часовъ вновь наступаетъ спокойствіе, глубокое, почти общее. Лошади, стоя безъ дѣла, бьютъ копытами въ мостовую. Городъ безмолвствуетъ какъ бы подъ дѣйствіемъ невидимой руки. Но это и самый опасный часъ. Городская стража еще не на мѣстахъ и немало нападеній случается при наступленіи ночи (въ 1769 г. вооруженный кастетомъ убійца, въ серединѣ октября успѣлъ убить, на продолженіи шести дней, три жертвы прежде чѣмъ былъ схваченъ).

День погасъ и пока на сценѣ оперы передвигаютъ декораціи, толпы рабочихъ, плотниковъ, каменьщиковъ, направляются въ предмѣстья, гдѣ живутъ. Известка ихъ башмаковъ оставляетъ слѣдъ на мостовой. Они идутъ спать, когда маркизы и графини садятся за свой туалетъ.

Въ девять часовъ вечера шумъ возобновляется. Возвращаются изъ спектаклей. Дома дрожатъ отъ стука колесъ. Но это продолжается недолго. Свѣтскіе люди дѣлаютъ короткіе визиты предъ ужиномъ.

Въ этотъ же часъ проститутки съ раскрытою грудью, закинутою головою, разрумяненнымъ лицомъ и взглядомъ столь же наглымъ, какъ ихъ объятія, преслѣдуютъ васъ, не взирая на свѣтъ магазиновъ и фонарей, шлепая по грязи въ шелковыхъ чулкахъ и тоненькихъ башмакахъ.

Въ одиннадцать часовъ вновь тишина. Въ этотъ часъ кончается ужинъ. Тогда же удаляютъ изъ кофейныхъ праздношатающихъ и ріомоллетовъ въ ихъ монсарды.

Въ двѣнадцать часовъ съ четвертью слышенъ стукъ каретъ, везущихъ домой тѣхъ, кто не играетъ въ карты. Городъ не кажется пустыннымъ. Стукъ будитъ мелкаго буржуа, спящаго въ постели...

Въ часъ утра шесть тысячъ крестьянъ привозятъ запасъ овощей, плодовъ, цвѣтовъ. Направляются на рынки. Лошади устали, сдѣлавъ семь, восемь лье.

Главный рынокъ—мѣсто, гдѣ Морфей не сѣялъ своего мака. Тутъ нѣтъ молчанія, покоя или антракта. За огородниками слѣдуютъ рыбаки, за рыбаками птичники, за ними перекупщики, такъ какъ всѣ рынки въ Парижѣ получаютъ припасы съ главнаго рынка. Водка льется въ харчевняхъ. Она смѣшана съ водою и сильно приправлена перцомъ. Здѣсь непрерывный ночной шумъ, тогда какъ остальной городъ спитъ: не спятъ въ четыре часа только разбойники и поэты.

Скоро поднимаются рабочіе и направляются по мастерскимъ. У этихъ сильныхъ людей въ большомъ употребленіи кофе съ молокомъ. Они пьютъ его въ большомъ количествѣ.

III.

Все измѣнилось во время революціоннаго погрома. Что̀ представилъ собою этотъ блестящій и беззаботный Парижъ три, четыре года спустя послѣ громкаго провозглашенія свободы и правъ человѣка и гражданина? Приведемъ нѣсколько строкъ изъ сочиненія историка Лакретеля „Десять лѣтъ испытаній во время революціи“ (Dix ans d'épreuves pendant la révolution, ed. 1842, Paris, p. 129). Лакретель говоритъ о своемъ прибытіи въ Парижъ осенью 1792 года:

„Подъ пасмурнымъ небомъ, въ дождь и холодъ, исполненный равнодушія къ жизни, возвращался я одинъ, въ дилижансѣ, въ Парижъ, городъ нѣкогда столь блестящій, но котораго теперь никто не осмѣливается посѣщать. Я въѣхалъ въ него безъ затрудненія, вспоминая слова Виргилія: „входъ въ Авернскую лещеру открытъ для всѣхъ, но кто осмѣлится сказать, что вернется изъ нея?“ Я отыскалъ въ небольшихъ меблированныхъ комнатахъ мою добрую хозяйку, съ которою до поѣздки въ Ліанкуръ не разставался пять лѣтъ сряду. Благодаря ея бдительнымъ заботамъ, я былъ, хотя не безъ значительнаго риску, до нѣкоторой степени въ безопасности. Я ходилъ по Парижу, какъ по чужеземному городу. На лицахъ лежалъ уже отпечатокъ террора, хотя терроръ оффиціально и не былъ объявленъ. Каждый, казалось, прокрадывался въ тѣни, надвигая поля шляпы. Знакомые при встрѣчѣ обмѣнивались тайнымъ знакомъ, чтобы не было замѣтно, что знаютъ другъ друга. Не удивляйтесь. Едва двѣнадцать дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ кровь текла ручьями въ этомъ городѣ, и темницы, очищенныя убійствомъ, казалось, ждали новыхъ жертвъ. Я былъ въ моей комнатѣ, безъ свѣчи, погруженный въ мрачную тоску, когда кто-то постучался въ дверь. Я былъ увѣренъ, что пришли меня арестовать. Но къ удивленію узналъ голосъ Мере, моего пріятеля (впослѣдствіи герцога Бассано)“.

Докторъ Мейеръ, бывшій въ Парижѣ въ 1784 г. и затѣмъ посѣтившій его во время директоріи, въ 1796 г., когда городъ сталъ уже оправляться послѣ урагана, описываетъ въ мало извѣстной, но не лишенной интереса книжкѣ („Fragmente aus Paris in IV-en Jahr der Französischen Republik“, Hamburg, 1799), какія перемѣны замѣтилъ онъ во внѣшнемъ видѣ столицы.

„Тамъ, гдѣ прежде пѣшеходъ былъ почти подавляемъ толпою, гдѣ его перегоняли и на встрѣчу ему катили лошади, кареты и если не давили, то обрызгивали грязью, на многолюдныхъ улицахъ: Дофина, Монмартръ, Оноре, Дени, Закона (прежде Ришелье) теперь можно пройти спокойно и безъ всякой опаски. Прежде на получасовомъ

пути приходилось ѣхать два часа вслѣдствіе стеченія экипажей и безконечныхъ споровъ, криковъ и перебранокъ кучеровъ. Теперь даже на узкихъ улицахъ никакой задержки. Когда я однажды зимой 1784 г. ѣхалъ чрезъ Pont Neuf и сворачивалъ на набережную Конти, буйный герцогъ Орлеанскій такимъ вихремъ промчался по улицѣ Дофина что задѣлъ колесомъ мой экипажъ и съ страшною силою отбросилъ его съ мостовой. Я отдѣлался небольшимъ ушибомъ, а кучеръ и лакей получили значительныя поврежденія.

„На улицѣ Закона, въ одной изъ оживленнѣйшихъ, вслѣдствіе близости театровъ, гостиницъ Пале-Рояля, въ продолженіе получаса, въ бойкій послѣобѣденный часъ мы встрѣтили, кромѣ стоявшихъ въ два ряда фіакровъ, не болѣе двадцати экипажей, а именно: восемь фіакровъ, везомыхъ клячами, девять довольно хорошихъ кабріолетовъ и три собственыхъ экипажа. Это не составляетъ двадцатой доли того, что можно было видѣть въ прежнее время.

„Грустно видѣть пустое, заросшее травою мѣсто тамъ, гдѣ стояла статуя Генриха IV, во имя котораго нищіе просили подаянія у проходящихъ:

„Въ Пале-Роялѣ множество биржевыхъ игроковъ и мѣнялъ-мошенниковъ. Предъ вами фигуры въ истрепанныхъ дырявыхъ тляпахъ, съ нечесанными косматыми волосами, въ грязныхъ истоптанныхъ башмакахъ, съ узловатыми дубинами въ рукахъ. Это большинство здѣшней публики. Кромѣ того, нѣсколько иностранцевъ пришедшихъ изъ любопытства; вдали мирные буржуа, читающіе газеты и болтающіе между собою. Продажныя красавицы низшаго разбора, такъ какъ высшій сортъ не посѣщаетъ сады или посѣщаетъ рѣдко“.

Отъ времени до времени министръ Мерленъ (Merlin) устраивалъ родъ охоты на Пале-Роялькихъ биржевиковъ. По полицейскому свистку запирался выходъ. Все бросается; кто успѣлъ, ускользаетъ, многіе скрываются въ верхнихъ этажахъ у проститутокъ. У выходящихъ осматривались билеты. Неимѣющіе ихъ задерживались. Безъ билета для прожительства нельзя было ходить по улицамъ Парижа.

Мейеръ описываетъ исторію съ билетами, по пріѣздѣ въ Парижъ. „Остановились мы,— говоритъ онъ,— въ гостиницѣ Maison Grande Batelière (прежде домъ президента парламента Пинэ). Хозяинъ, г. Пужоль, прежде бывшій портнымъ королевы, замѣтно не любитъ, когда къ нему обращались съ словомъ citoyen, считая это дурнымъ тономъ. Чтобы пребывать въ Парижѣ въ то время мало было паспорта, требовалось поручительство трехъ хорошихъ гражданъ. За выдаваемымъ для прожитія билетомъ приходилось идти въ муниципалитетъ. „Нѣтъ ничего непріятнѣе, пишетъ Мейеръ,—въ Парижѣ, какъ и во всѣхъ городахъ, большихъ и малыхъ, какіе мы проѣзжали, этихъ оффиціальныхъ посѣщеній муниципалитетовъ. Въ корри-

дорѣ, пріемной и бюро царила свинская нечистота и удушающее заразительное зловоніе. Муниципальные чиновники грязнѣйшей наружности и грубѣйшаго невѣжества, до неумѣнія читать. Въ такомъ помѣщеніи и съ такими людьми приходилось имѣть дѣло иностранцу. Онъ былъ еще счастливъ, если терялъ лишь нѣсколько часовъ... Чтобы дохнуть чистымъ воздухомъ, я вышелъ за дверь. Въ темномъ проходѣ навстрѣчу мнѣ несся стукъ цѣпей и стукъ оружія. Я отступилъ назадъ. Въ комнату ввели подъ стражею двухъ скованныхъ преступниковъ. „Зачѣмъ они здѣсь, гдѣ выдаются охранительные билеты, спросилъ я у одного изъ оборванныхъ чиновниковъ?...—Не безпокойтесь: это убійцы и грабители!—былъ отвѣтъ. Ихъ привели для прочтенія смертнаго приговора“. На другой день они были гильотинированы.

Мейеръ описываетъ далѣе, какъ при наступившемъ успокоеніи, на его глазахъ, въ два какихъ-нибудь мѣсяца произошло замѣтное оживленіе Парижа. „Тогда, говоритъ онъ, появилось золото, бумажки исчезли. Вмѣстѣ съ тѣмъ появились красивые экипажи, верховыя лошади, ливреи, жокеи, на бульварахъ, въ Елисейскихъ поляхъ, въ Булонскомъ лѣсу... Аристократизмъ, богатство стали вновь проявлять себя бѣшеною ѣздою всадниковъ и кабріолетовъ, такъ что ревностной полиціи пришлось прибѣгать къ болѣе или менѣе дѣйствительнымъ распоряженіямъ противъ такой скачки... Въ моду вошло, чтобы дамы сами правили“.

IV.

Слово „легкомысліе“ довольно точно выражаетъ господствовавшее общественное настроеніе въ годы непосредственно предшествовавшіе революціи. Оно было и въ отдѣльныхъ умахъ и въ группахъ людей и можно сказать во всемъ обществѣ. При движеніи неустойчивой мысли по поверхности вещей, миражъ и дѣйствительность не различались между собою; невозможное казалось легко осуществимымъ. Призракамъ приписывалась сила, а дѣйствительныя силы пренебрегались; самыя волюція противорѣчія, которыя при первой остановкѣ серіознаго вниманія, пришли бы въ серіозныя столкновенія, скользили въ общемъ вихрѣ, не задѣвляясь одно за другое.

Франція страна католическая, старшая дочь римской церкви. Отношеніе къ религіи и католицизму вольтеріанцевъ, энциклопедистовъ было, во всякомъ случаѣ, настроеніемъ меньшинства; громадное большинство было покорно духовному авторитету и чтило обряды церкви. И что же однако? Какое было самое роскошное и модное гулянье въ Парижѣ? Катанье въ Лонгшанъ на страстной недѣлѣ. Въ

дни страстей, въ великіе среду, четвергъ и въ особенности въ страстную пятницу. подъ изстари идущимъ предлогомъ присутствовать при великопостномъ богослуженіи въ маленькомъ селеніи Лонгшанъ, въ окрестности Парижа, весь городъ отправлялся на гулянье. Цѣлая выставка богатыхъ каретъ, лошадей, ливрей. Непрерывный рядъ экипажей катится по сухимъ или грязнымъ аллеямъ Булонскаго лѣса. (Mercier, II, 53). „Куртизанки отличаются особою пышностью. Иныя украшаютъ своихъ лошадей дорогими камнями (telle a orné ses chevaux de marcassites). Принцы показываютъ послѣднія изобрѣтенія наиболѣе знаменитыхъ сѣдельниковъ и каретниковъ, нѣкоторые сами правятъ. Гуляющіе верхомъ, пѣшкомъ, лорнируютъ женщинъ. Народъ напивается; церковь пуста, кабаки наполнены. Такъ оплакиваютъ страсти Христовы. Прежде съѣзжались, чтобы слушать музыку. Архіепископъ запретилъ ее, думая, что гулянье чрезъ то прекратится. Онъ ошибся. Вѣрные гуляпью продолжаютъ проѣзжать Булонскій лѣсъ, направляясь къ дверямъ церкви, но въ церковь не входятъ“.

Гулянье въ Лонгшанѣ, и скабрезное происшествіе съ куртизанкой, выпавшей въ весьма нескромной позѣ изъ кабріолета, нарочно опрокинутаго графинею, возлюбленной Фобласа, въ наказаніе за наглость, весьма живо изображено въ извѣстномъ романѣ Луве „Жизнь кавалера Фобласа“, весьма интересномъ для характеристики нравовъ свѣткаго круга предреволюціонной Франціи.

На поученія модныхъ проповѣдниковъ съѣзжались какъ на концерты. Вошло даже въ обычай апплодировать въ церквахъ. Иногда церковный служитель предъ проповѣдью возглашалъ: „по повелѣнію короля, апплодисменты воспрещаются“. Искусный органистъ привлекалъ еще болѣе, чѣмъ проповѣдники. Славился органистъ Дакенъ (Daquin). Въ ночь на Рождество онъ (Mercier, II, 83) однажды такъ искусно подражалъ пѣнію соловья, не нарушивъ въ то же время церковнаго мотива, который игралъ, что изумленіе было всеобщее. Староста послалъ швейцара и причетниковъ взглянуть подъ сводъ церкви: но соловья не оказалось. Это былъ Дакенъ“. Когда въ церкви поставили новый органъ, съѣхалось такое множество, что улицы сосѣднія были запружены экипажами. Дакенъ такъ сыгралъ Judex crederis, что всѣ блѣднѣли и дрожали.

„Архіепископъ парижскій, прибавляетъ Мерсье, запретилъ вечернія Te Deum и ночныя обѣдни въ двухъ церквахъ — Сенъ-Рокъ и Сенъ-Жерменскомъ аббатствѣ—по причинѣ толпы, приходившей слушать органиста и не соблюдавшей уваженія, приличествующаго священному мѣсту. Непонятно, какъ католики могутъ чинить такіе скандалы или нарушать благоговѣніе, тогда какъ реформаты всегда такъ благоговѣйны въ своихъ церквахъ. А между тѣмъ католики, болѣе чѣмъ протестанты, допускаютъ реальное присутствіе божества

въ храмѣ. Но ночные праздники всегда отличаются болѣе или менѣе распущенностію: это послѣдствіе темноты. Днемъ всегда менѣе безпорядковъ".

Епископы, терпѣвшіе распущенность, были болѣе популярны, чѣмъ требовательные. Это сказывается въ словахъ Мерсье, (I, 291) замѣчающаго, что епископы нерушимо соблюдающіе законъ о пребываніи въ епархіи (извѣстно, что огромное число епископовъ жило въ Парижѣ, вмѣсто того, чтобы оставаться въ епархіи) отличаются мелочнымъ и безпокойнымъ благочестіемъ, легко способнымъ перерождаться въ фанатизмъ. „Своимъ слѣпымъ рвеніемъ они обижаютъ жителей епархіи, тогда какъ другіе, неживущіе въ епархіяхъ, отличаются образованностію, терпимостію, любятъ миръ, никого не преслѣдуютъ. Единственное зло ихъ непребыванія въ епархіи то, что деньги, которыя получаютъ они изъ провинціи, тратятся ими не въ самой провинціи. Отъ времени до времени они выдаютъ посланія, составляемыя обыкновенно ихъ секретарями. Слогъ, идеи установлены заранѣе. Извѣстно остроумнѣйшее слово Пирона. „Читали ли вы мое посланіе, спросилъ его епископъ.—Какъ же, ваше преосвященство, а вы?..."

Въ письмѣ маркиза-де-Семонвиль къ Мунье (см. „Autour d'une révolution", par le comte d'Herisson. Paris 1888, p. 46) находимъ любопытныя черты касательно епископа отёнскаго, знаменитаго потомъ Талейрана. „Несмотря, говоритъ маркизъ, на природное отвращеніе къ духовному званію и его обязанностямъ (Талейранъ носилъ костюмъ духовнаго лица, по возможности скрывая его подъ свѣтскими формами) старался, чтобы подъ пріемами вельможи не было замѣтно прелата. Мы видѣли его однако во всей пышности фіолетовой сутаны, когда онъ служилъ обѣдню во время федераціи на Марсовомъ полѣ (1790). Чтобы отправить богослуженіе съ нѣкоторымъ достоинствомъ, необходима была репетиція, такъ какъ Талейранъ былъ слишкомъ неопытенъ въ епископскихъ церемоніалахъ. Обратился за совѣтомъ къ обычнымъ друзьямъ. Кому же было довѣрить свое незнаніе? Мирабо, знавшій всего понемногу, во время своихъ заточеній присутствовавшій при бо́льшемъ числѣ обѣденъ, чѣмъ Талейранъ въ своей жизни, взялъ на себя роль скромнаго учителя. Сдѣлали на каминѣ родъ импровизированнаго алтаря. Мирабо на колѣняхъ на табуретѣ съ невозмутимою серьезностью распоряжался, предписывая колѣнопреклоненія и управляя ими. Все шло недурно, пока не было обязательнаго облаченія. Когда оно было надѣто, мы расхохотались какъ сумасшедшіе. Смѣхъ еще увеличился, когда мы увидѣли, какъ Мирабо съ невозмутимою важностію надѣвалъ, снималъ, передавалъ митру. Конецъ скандалу положили неистовые крики Пирама—собаки Талейрана, бросившагося на сутану своего господина, чтобы разорвать ее, особенно когда Мирабо взялся за шлейфъ".

И однако то же духовенство, въ средѣ котораго были кардиналы, какъ Роганъ и епископы, какъ Талейранъ, обнаружило въ годы послѣдовавшихъ испытаній большія нравственныя силы и твердую религіозность. Въ аристократической части духовенства, какъ и въ свѣтскихъ представителяхъ дворянства, говорило чувство чести; преданность церкви и неколеблющаяся религіозность обнаружились въ общей массѣ духовенства. Но до времени это было въ глубинахъ и могло быть вызвано лишь чрезвычайными обстоятельствами. А вихрь кружился на поверхности.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Подвиги шарлатанства на почвѣ общественнаго легковѣрія.

I.

Въ „Энциклопедическомъ журналѣ" за 1784 годъ помѣщены сцены, наименованныя „Дамскій клубъ". Въ нихъ выводится нѣсколько женскихъ особъ высшаго круга, бесѣдующихъ съ возвратившимся будто бы изъ Швеціи Декартомъ, разспрашивающимъ, какія перемѣны произошли во Франціи со времени его продолжительнаго отсутствія (Декартъ умеръ въ Стокгольмѣ въ февралѣ 1650 года). Философъ спрашиваетъ, сильно ли измѣнилась его родина.

Графиня. Совершенно. Прогрессъ наукъ невѣроятный; ваши сочиненія сдѣлали это чудо.

Баронесса. Много пишутъ. Брошюры падаютъ какъ дождь. На англійскій манеръ завели газеты, журналы. Все читаютъ, все понимаютъ, всѣ стали умны.

Маркиза. Воспитаніе, пріятные таланты, моды въ особенности совершенствуются съ каждымъ днемъ.

Виконтесса. Самый умъ сдѣлался модою. Чувствительность чрезъ то быть можетъ не выиграла.

Декартъ. Прекрасное размышленіе, заставляющее подозрѣвать въ васъ то и другое.

Маркиза. Одно изъ главныхъ чудесъ поражающихъ въ послѣдніе двадцать лѣтъ—революція происшедшая въ философіи. Тяжеловѣсность исчезла, формы несеріозны; допускается даже элегантность. Вы поймете, что это иной разъ отзывается на самыхъ началахъ.

Декартъ. Это должно быть забавно. Значитъ философы нынѣ стали подчасъ походить на свѣтскихъ петиметровъ.

Графиня. Да; но зато не мало петиметровъ напоминаютъ важность философовъ.

Декартъ. Это очень похоже на вихри. Когда ихъ такъ дурно приняли, не предвидѣли такого ихъ оправданія.

Маркизъ. Да, время великій исправитель.

Графиня. А анализъ? Если прежде у него было немало противниковъ, то теперь онъ отомщенъ съ избыткомъ. Теперь все анализуютъ; чувствуютъ, видятъ, наслаждаются только чрезъ анализъ. Малѣйшая идея подвергается самому точному разсѣченію.

Маркиза. Зато предпринимаются великія вещи. Такъ, летаютъ по воздуху, ходятъ подъ водою, скользятъ по ея поверхности; слухомъ открываютъ глубокіе подземные ключи и всѣ болѣзни исцѣляютъ рукою...

Декартъ. Рукою? Вотъ удобный способъ лѣченія...

„Общество, говоритъ въ другомъ мѣстѣ графиня, сложено изъ разныхъ вихрей, въ общемъ цѣломъ сдерживающихъ одинъ другой, хотя и кружащихся въ противныя стороны. Въ одномъ царитъ одинъ духъ, въ другомъ другой; интересы одного толкаютъ его кверху, другого заставляютъ идти наклонно. Одинъ вихрь уноситъ другой, но всѣ оказываются на своемъ мѣстѣ и изъ совокупности ихъ образуется прекрасное царство совершающее свой путь подъ глазами добраго короля".

Сцены оканчиваются куплетами на тему: tout est tourbillon dans la vie (все въ жизни вихрь). Заявленіе столь же характерное какъ и заключительный куплетъ „Свадьбы Фигаро" Бомарше.

Приведенный отрывокъ весьма наглядно рисуетъ черты того броженія, въ какомъ находились умы высшихъ и образованныхъ классовъ французскаго общества въ предреволюціонную эпоху.

Жажда ощущеній, неспокойная экзальтація настроенія высказывались во всемъ, даже по поводу научныхъ открытій. Изобрѣтеніе воздушныхъ шаровъ было принято съ небывалымъ энтузіазмомъ. „Вотъ уже мѣсяцъ, говоритъ Гриммъ (II, 240; августъ 1783), всюду, въ городѣ и при дворѣ, въ собраніяхъ, на ужинахъ, при туалетахъ хорошенькихъ женщинъ только и рѣчи, что объ опытахъ, объ атмосферномъ воздухѣ, горючемъ газѣ, летающихъ колесницахъ, воздушныхъ путешествіяхъ... Я слышалъ какъ наши политики въ кофейняхъ съ патріотическою грустью вычисляютъ увеличеніе издержекъ какія необходимо причинитъ устройство воздушнаго флота... Разсуждаютъ что для церемоніальныхъ воздушныхъ выѣздовъ при дворѣ приличнѣе всего будетъ хорошая запряжка изъ орловъ. Павлинъ, птица Юноны, будетъ въ упряжкѣ королевы, раздѣляя иногда честь съ голубями Венеры, чтобы не было имъ завидно."

Каждый день ожидали новыхъ чудесъ и въ мірѣ научныхъ изобрѣтеній, и изъ міра тайныхъ знаній. „Говорящая голова" аббата Микаля, издававшая звуки голоса отъ давленія пальцевъ на клавиши,

позволитъ сохранить для будущихъ вѣковъ акцентъ и произношеніе живаго языка (тѣ же надежды какія возлагаются нынѣ на фонографъ Эдиссона). Увѣряли, что придумано средство сохранять на многія лѣта черты лица безъ измѣненія и слѣдовательно вѣчно казаться молодымъ (письмо M-me Hekkeръ, Grimm, II, 327). Въ *Парижскомъ Журналѣ* (*Journal de Paris*) появилось объявленіе, что одинъ часовщикъ въ Ліонѣ изобрѣлъ эластическія галоши, помощью которыхъ онъ можетъ рикошетомъ переходить рѣку по пятидесяти разъ въ часъ, и вотъ была открыта подписка на сумму двухъ сотъ луидоровъ для выдачи изобрѣтателю послѣ удачнаго опыта на Сенѣ. Королева, старшій братъ короля (Monsieur), немедленно приняли участіе въ подпискѣ и прислали сорокъ пять луидоровъ. Сумма быстро пополнилась, на Сенѣ была выстроена ограда. Но объявленіе оказалось шуткой: одинъ изъ жителей Ліона хотѣлъ испытать легковѣріе публики. Король очень смѣялся происшествію.

„И въ то время, говоритъ Сегюръ (I, 145), когда господствовало невѣріе, всякія связи казались цѣпями, философія звала предразсудкомъ всѣ старыя вѣрованія и старые нравы,—значительная часть юныхъ и новыхъ мудрецовъ впадали въ манію иллюминатовъ, въ ученіе Сведенборга, Сенъ-Мартена, о возможности сообщенія человѣка съ небесными духами; другіе толпились у магнитнаго чана Месмера, вѣрили всеобщности силы магнетизма, были убѣждены въ непогрѣшимости приговоровъ сомнамбулъ и не подозрѣвали, что нѣтъ большой разницы между магическимъ чаномъ внушавшимъ имъ энтузіазмъ и чудесною могилой дьякона Париса, надъ которою они такъ смѣялись."

Участіе мартинистовъ имѣетъ немало пунктовъ прикосновенія съ нынѣшнимъ спиритизмомъ. Согласно этому ученію (Mercier, *Tableau de Paris*, VI, 137) „насъ окружаетъ невидимый міръ, міръ духовъ. Вокругъ насъ невидимо живутъ разумныя существа одаренныя разнообразными качествами. Они постоянные спутники нашихъ дѣяній, свидѣтели нашихъ мыслей. Человѣкъ могъ бы сообщаться съ ними и чрезъ такое сношеніе расширять сферу своихъ знаній, еслибы злоба и пороки не привели его къ утратѣ этой важной тайны... Чтобы коснуться высшихъ истинъ, надо отнестись къ тѣмъ, что выше людей, вступить въ бесѣду съ духами. Всѣ науки, занимающія наши академіи, тщетны, всѣ наблюдатели, удалившіеся отъ принципа, лишь блуждали въ человѣческихъ открытіяхъ. Послѣдній житель идеальнаго міра знаетъ больше чѣмъ Бекон, Бургавъ и всѣ мнимые геніи, которыми гордится земля."

Араго (*Oeuvr., Notices biogr.* Т. II, 290) разсказываетъ, какъ знаменитаго химика Бертоле яростные поклонники Месмера чуть не задушили въ Пале-Роялѣ, когда онъ позволилъ себѣ сказать что

видѣнные имъ опыты животнаго магнетизма не считаетъ достаточно доказательными. Это слышалъ Араго отъ самаго Бертоле.

О „говорящей головѣ“ аббата Микаля встрѣчаемъ весьма интересное, крайне легковѣрное—небывальщина передается какъ фактъ—сообщеніе въ брошюрѣ остроумнаго Ривароля, *Письмо къ президенту о аэростатѣ, говорящихъ головахъ и о состояніи общественнаго мнѣнія въ Парижѣ* *. „На улицѣ Тампль (du Temple, au Marais)—пишетъ Ривароль—есть произведеніе механики, привлекающее знатоковъ и которое скоро будетъ показываться публикѣ. Это двѣ мѣдныя головы, которыя говорятъ, произнося отчетливо цѣлыя фразы. Онѣ огромной величины и голосъ ихъ сверхчеловѣческій. Скоро ихъ перенесутъ въ большую залу, чтобы было удобнѣе ими пользоваться для слуха и зрѣнія. Изобрѣтеніе это, легко понять, не есть дѣло минуты и случая, а плодъ труда и таланта. Тридцать лѣтъ аббатъ Микаль (Mical) подготовлялъ свой успѣхъ. И еслибы можно было наглядно прослѣдить всѣ шаги, приведшіе къ изобрѣтенію, еслибы искусный артистъ сохранилъ свои попытки, предъ нами была бы, безъ сомнѣнія, чрезвычайно интересная галлерея для изученія. Отъ колеса и рычага до говорящей головы такой же шагъ, какъ отъ проведенной перомъ черты до картины Преображенія. Вокансонъ остановился на животныхъ; онъ передавалъ ихъ движенія и подражалъ пищеваренію. Аббатъ Микаль, вступивъ съ природою въ борьбу, бывшую до нашихъ дней невозможною, поднялся до человѣка и избралъ въ немъ органъ самый блестящій и сложный—органъ слова. Преслѣдуя природу шагъ за шагомъ, этотъ великій артистъ усмотрѣлъ, что голосовой органъ—глотка есть духовой инструментъ, имѣющій свою клавіатуру во рту. Если дуть извнѣ внутрь какъ во флейтѣ, получатся тянущіеся звуки (des sons filés). Но чтобы разчленить слова (articuler des mots) надо дуть изнутри внѣ. Дѣйствительно, воздухъ, выходя изъ нашихъ легкихъ, въ гортани преобразуется въ звукъ, и звукъ этотъ раздробляется на слоги губами и очень подвижнымъ мускуломъ—языкомъ, вспомоществуемымъ зубами и небомъ. Тянущійся звукъ могъ бы выразить лишь одно какое-либо движеніе души, образуя одну гласную, но пресѣкаемый чрезъ разныя промежутки языкомъ и губами онъ, при каждомъ ударѣ сопровождается согласною. Измѣняясь въ безчисленные тоны, передаетъ разнообразіе нашихъ идей. На этомъ началѣ аббатъ Микаль присоединилъ къ головамъ своимъ двѣ клавіатуры; одну цилиндрическую, помощію которой получается опредѣленное число фразъ съ правильно отмѣченными интервалами

* Rivarol, *Oeuvr. Compl.*, 2-me ed. 1808. T. II, 230. Grimm; II, 275.

и слогоударѣньемъ (prosodie). Другая клавіатура, такого протяженія какъ въ фортепіано (dans l'etendue d'un ravalement), содержитъ всѣ звуки французскаго языка, приведенные къ возможно меньшему числу помощію особой, автору принадлежащей, методы. При нѣкоторой привычкѣ и ловкости можно будетъ пальцами говорить какъ языкомъ. Иностранцы возьмутъ *Генріаду* и *Телемака* и заставятъ снарядъ произнести ихъ отъ конца къ концу, помѣстивъ ихъ предъ собою на вокальной клавіатурѣ, такъ какъ ставятъ оперныя партитуры на обыкновенныхъ фортепіано... Исторія древнихъ языковъ несовершенна, ибо мы имѣемъ лишь письменный языкъ древнихъ, а разговорный навсегда для насъ потерянъ, почему и зовемъ ихъ языки мертвыми. Еслибы въ древности были построены мѣдныя головы и дошли до насъ, этой неизвѣстности не было бы и мы могли бы и нынѣ прельщаться періодами Цицерона и прекрасными стихами Виргилія, которые нынѣ народы Европы уродуютъ каждый на свой манеръ“. Въ примѣчаніи Ривароль, упомянувъ объ игрокѣ на флейтѣ Вокансона, какъ безконечно уступающемъ открытію Микаля, прибавляетъ: „аббатъ Микаль устроилъ цѣлый концертъ, гдѣ фигуры въ человѣческій ростъ играли съ утра до вечера. Видѣвшіе говорятъ о превосходствѣ этого произведенія надъ всѣмъ что бывало, въ этомъ родѣ. По величинѣ, красотѣ изваянія и совершенству игры фигуры эти могли бы быть украшеніемъ огромной залы. Обстоятельства, которыя когда-нибудь будутъ раскрыты, были причиною разрушенія этого произведенія аббата Микаля, а также одной изъ говорящихъ головъ имъ уже сдѣланной“. Таинственный намекъ непонятенъ. Ривароль, прибавляетъ далѣе, что коммиссія членовъ Академіи наукъ ознакомилась съ трудомъ аббата Микаля.

Интересно въ письмѣ общее замѣчаніе Ривароля о парижскомъ круговоротѣ. „Я весьма желалъ бы, господинъ президентъ, изобразить вамъ состояніе вещей и умовъ въ здѣшней столицѣ. Провинція говорите вы, находится въ ожиданіи какой-нибудь революціи и я отлично понимаю, въ какомъ должны вы быть положеніи. Когда мнѣнія находятся въ броженіи въ Парижѣ, отливъ ихъ чувствуется въ провинціяхъ. Но какъ съ ясностію изъяснить вамъ то, что здѣсь такъ смутно? Какъ уловить сколь подвижную картину? Это значило бы предпринять изображеніе хаоса. Чрезъ минуту оно утратило бы сходство... Головы здѣсь не успокоиваются; непрерывно обращаются къ новымъ предметамъ и отказываются отъ рѣшенія процесса въ моментъ, когда надо произносить приговоръ... Если какая нація можетъ имѣть претензію на то, чтобы летать—то это мы“.

II.

Остановимся съ нѣкоторымъ вниманіемъ на интересномъ эпизодѣ съ Месмеромъ и его магнетизмомъ *.

Въ 1778 году прибылъ въ Парижъ изъ Вѣны докторъ медицины вѣнскаго факультета, Месмеръ, и открылъ лѣчебницу для исцѣленія всевозможныхъ болѣзней помощію новаго найденнаго имъ средства—животнаго магнетизма. Месмеру предшествовала довольно двусмысленная извѣстность. Его вѣнскій противникъ, астрономъ Гелль, озаботился помѣщеніемъ въ распространенномъ серіозномъ журналѣ того времени, „Journal Encyclopédique“, письма, заключавшаго въ себѣ очень нелестные отзывы о лѣченіи Месмера. Самъ Месмеръ на обѣдѣ у барона Гольбаха, къ которому имѣлъ рекомендательное письмо, не произвелъ благопріятнаго впечатлѣнія на парижскихъ ученыхъ и литераторовъ, присутствовавшихъ на обѣдѣ. Въ первое время новое лѣченіе имѣло, впрочемъ, успѣхъ новизны. Скоро, однако, интересъ ослабѣлъ. О Месмерѣ и магнетизмѣ „перестали и говорить“,—замѣчаетъ Гриммъ въ своей извѣстной „Корреспонденціи“. Но такъ было недолго.

„Не знаю,—продолжаетъ Гриммъ въ сентябрѣ 1780 года, — какой счастливый случай возстановилъ кредитъ животнаго магнетизма и его чудесъ, но несомнѣнно, что вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ имъ стали заниматься болѣе, чѣмъ когда-либо... Месмеръ едва можетъ удовлетворять паціентовъ, приходящихъ къ нему каждодневно“. До 1784 года, когда появилось знаменитое донесеніе „академической коммиссіи“, отвергнувшей животный магнетизмъ, успѣхъ „месмеризма“ шелъ возрастая. Животный магнетизмъ былъ признаваемъ великимъ открытіемъ вѣка, наравнѣ съ изобрѣтеніемъ воздушныхъ шаровъ. Месмеръ его многочисленными приверженцами провозглашался благодѣтелемъ человѣчества.

Не лишено интереса, для исторіи человѣческихъ заблужденій, подвергнуть разбору условія столь значительнаго и быстраго увлеченія мнимымъ открытіемъ, которое, при нѣсколько внимательномъ разсмотрѣніи, оказалось несомнѣнно шарлатанствомъ. Современники Месмера задавали себѣ вопросъ, былъ-ли онъ просто обманщикомъ, или энтузіастомъ, увлеченнымъ своею идеею, или, наконецъ, человѣкомъ, открывшимъ новую, неизслѣдованную область явленій. Без-

---

* Объ эпизодѣ этомъ и вообще о явленіяхъ животнаго магнетизма, сомнамбулизма и гипнотизма см. мое сочиненіе „Изъ книги иллюзій, тайнъ, чудесъ и т. д.“ Петербургъ 1888 г.

пристрастное знакомство съ фактами не оставляетъ сомнѣнія въ отъявленномъ шарлатанствѣ изобрѣтателя животнаго магнетизма, хотя съ другой стороны, та игра на нервной системѣ болѣзненнаго организма, къ какой, въ концѣ концовъ, свелись магнитныя операціи, открыла глазу наблюдателей цѣлый міръ явленій, въ послѣднее время вновь обратившихъ на себя вниманіе и сдѣлавшихся предметомъ любопытныхъ изслѣдованій.

Защитивъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, докторскую диссертацію „О вліяніи звѣздъ на лѣченіе болѣзней“, практическую дѣятельность свою Месмеръ началъ съ лѣченія магнитами. Еще Парацельзъ училъ прикладывать магнитъ къ тѣлу для исцѣленія нѣкоторыхъ болѣзней. Мысль о всеобщности магнитной силы издавна была весьма распространенною. Докторъ Себастіанъ Вирдикъ въ 1673 году, въ сочиненіи „Nova medicina spirituum“ (Hamburg; p. 177) писалъ: „Весь міръ положенъ и пребываетъ въ магнетизмѣ; всѣ подлунныя превратности дѣлаются чрезъ магнитъ; жизнь сохраняется магнетизмомъ, конецъ всѣхъ вещей совершается чрезъ магниты“.

Магнитомъ пользовали многіе и кромѣ Месмера, но пользовали, какъ онъ утверждалъ, грубо, эмпирически, тогда какъ онъ обладалъ, по словамъ его, теоріею, позволявшею идти увѣреннымъ шагомъ и указывавшею ему неизвѣстные другимъ пріемы, какъ прикладывать магнитъ къ тѣлу и носить на тѣлѣ въ разныхъ случаяхъ болѣзней. Существенный пунктъ „теоріи“ былъ тотъ, что магнетизмъ не есть исключительная принадлежность желѣза или стали. Есть магнетизмъ минеральный, но есть магнетизмъ животный въ нашемъ организмѣ, и которымъ мы можемъ пользоваться. Два эти магнетизма выставлялись Месмеромъ въ началѣ, повидимому, какъ дѣятели однородные. По крайней мѣрѣ, обращаясь къ Берлинской академіи наукъ, онъ имѣлъ смѣлость заявлять факты самаго удивительнаго свойства. Какъ видно изъ заключеній Академіи, которыхъ Месмеръ добился чрезъ посланника вѣнскаго двора фонъ-Свитена („Новые мемуары Берлинской академіи“ за 1775 годъ, стр. 33), Месмеръ утверждалъ, будто бы дѣйствіемъ животнаго магнетизма можно магнитную матерію желѣза концентрировать въ бутылкѣ и будто бы намагниченные чрезъ животный магнетизмъ предметы получаютъ способность притягивать желѣзныя опилки. Академики прибавляли, что Месмеръ оказалъ бы большую услугу наукѣ, еслибы сдѣлалъ извѣстными способы намагничивать всѣ тѣла и наполнять магнетизмомъ бутылки и описалъ эти способы такъ, чтобы можно было повторить опыты.

Описанія способовъ, само собою разумѣется, не послѣдовало. Месмеръ сталъ указывать, что животный магнетизмъ не должно смѣшивать съ минеральнымъ, и развивалъ туманную теорію всемір-

ной жидкости, которая можетъ быть собрана, концентрирована, перенесена безъ помощи какого-либо посредствующаго тѣла. Она отражается, какъ свѣтъ; музыкальные звуки распространяютъ и увеличиваютъ ее. Живыя тѣла усвоиваютъ ее въ разной степени. Но есть будто бы люди въ небольшомъ числѣ, которые однимъ присутствіемъ своимъ уничтожаютъ всѣ дѣйствія этой жидкости (любопытное свойство, очень удобное для объясненія неудачи опытовъ). Существованіе и дѣйствіе удивительной жидкости доказывается исключительно ея цѣлительнымъ дѣйствіемъ. Въ этомъ отношеніи Месмеръ ловѣствовалъ чудеса.

Одною изъ первыхъ паціентокъ Месмера была молодая 18-ти лѣтняя дѣвушка Эстерлинъ, испытывавшая конвульсіи подъ вліяніемъ магнетизованія. Месмеръ въ своемъ „Мемуарѣ объ открытіи животнаго магнетизма“ разсказываетъ, какъ онъ пригласилъ извѣстнаго вѣнскаго ученаго Ингенгуза быть свидѣтелемъ дѣйствія магнетизма на юную паціентку. Сообщивъ магнетизмъ Ингенгузу, Месмеръ предложилъ ему коснуться дѣвицы. Та немедленно обнаружила конвульсіи. Затѣмъ Месмеръ изъ шести чашекъ намагнитилъ одну. Чашки были поднесены дѣвицѣ и она стала ихъ касаться, не имѣя понятія, которая намагничена. Судорожныя движенія показались, какъ только она коснулась чашки, на которую дѣйствовалъ Месмеръ. Дѣйствія пальца магнетизера, уставленнаго противъ больной, было достаточно, чтобы возбудить конвульсіи. Ингенгузъ выражалъ, по словамъ Месмера, изумленіе; но потомъ, будто бы вовлеченный въ интригу враговъ магнетизера, говорилъ: это плутовство, смѣшное и подстроенное!

Далѣе Месмеръ разсказываетъ удивительную исторію молодой дѣвицы Парадисъ, слѣпой съ дѣтства, которой онъ предпринялъ возвратить зрѣніе магнетизмомъ. Послѣ первыхъ сеансовъ Месмеръ, какъ увѣряетъ, могъ уже сдѣлать такой опытъ. Онъ посадилъ слѣпую передъ зеркаломъ и направивъ палочку на отраженный образъ, сталъ водить ею. Голова больной слѣдовала за движеніями палочки. Вскорѣ больная стала будто бы различать бѣлое и черное. Месмеръ перевезъ паціентку къ себѣ въ домъ и нѣкоторое время держалъ въ темнотѣ Скоро она стала будто бы уже различать цвѣта, наконецъ, увидѣла фигуру самаго магнетизера и очень смѣялась, что на лицѣ его есть носъ. Но затѣмъ картина перемѣняется. Отецъ, подписавшій прежде протоколъ, назначавшійся къ печати, о постепенномъ возвращеніи зрѣнія его дочери, теперь, возбужденный-де врагами Месмера, сталъ говорить, что положеніе паціентки не только не улучшилось, но ухудшилось, и съ шумомъ и скандаломъ началъ требовать возвращенія дочери. Месмеру пришлось уступить, объявивъ, что плоды лѣченія погибли. На лицо оказался одинъ фактъ:

дѣвица была слѣпою, какъ прежде. „Непріятная исторія эта была однимъ изъ побужденій оставить Вѣну.

Въ Парижѣ Месмеръ далъ новые, широкіе размѣры магнетизованію. Устроилъ цѣлую клинику магнитнаго лѣченія. Магниты были отброшены. Дѣйствіе чудотворной жидкости сообщалось нѣсколькими способами: отъ чана (baquet),—подробности объ устройствѣ котораго приведемъ ниже,—путемъ звуковъ, и наконецъ, путемъ собственно магнетизованія. Магнетизованіе это производилось или помощію желѣзной палочки, или просто помощію вытянутыхъ пальцевъ. Магнетизеръ проводилъ пальцами, на разстояніи полу-фута, передъ лицомъ, надъ головою и сзади головы паціента, или надъ больными частями. Еще чаще употреблялось магнетизованіе черезъ прикосновеніе, черезъ приложеніе рукъ и давленіе пальцевъ въ области желудка и нижней части живота. Иногда такое магнетизованіе продолжалось по цѣлымъ часамъ.

И въ писаніяхъ, въ пріемахъ Месмера все было разсчитано на крайнее легковѣріе людей. И разсчетъ оказался вѣрнымъ. Животный магнетизмъ нашелъ тысячи приверженцевъ.

Громадный успѣхъ „месмеризма“ былъ созданъ главнымъ образомъ титулованными приверженцами, какихъ Месмеръ нашелъ во французскомъ высшемъ общественномъ кругѣ того времени, съ его утонченнымъ, хотя и крайне поверхностнымъ образованіемъ, между знатными диллетантами науки, между многочисленными оригиналами и эксцентриками свѣтской жизни, между философами салоновъ.

Успѣху Месмера немало также содѣйствовали дамы, какъ паціентки, такъ и, по выраженію Гримма, „литературствующія дамы втораго разбора“ (quelques femmes de lettre de la seconde classe), имѣвшія вліяніе на молодыхъ литераторовъ.

Ходили слухи, что правительство предлагало Месмеру пенсію въ 30 тысячъ ливровъ, единовременную выдачу 100 тысячъ и орденъ св. Михаила, если онъ откроетъ секретъ своего лѣченія и если система его окажется построенною на прочныхъ основаніяхъ *. Месмеръ, разсказывали, отказался, объявивъ, что не можетъ передать секрета, такъ какъ „способность исцѣленія у него врожденная, есть внутреннее качество, располагать которымъ онъ не въ состояніи“. По другимъ свѣдѣніямъ, Месмеръ предлагалъ самъ правительству продать свой секретъ, но получилъ отказъ. Онъ прибѣгъ къ другому средству. Его приверженцы образовали „общество гармоніи“. Каждый, кто вносилъ 100 луидоровъ, былъ за то допускаемъ въ лѣчеб-

* „Pourvu toutefois que ce fût une nouvelle doctrine fondée sur de bons principes“ Изъ брошюры о животномъ магнетизмѣ, изданной въ Женевѣ въ 1784 году. (*Journ. Encycl.*, августъ 1784, стр. 20).

ныя залы Месмера и былъ имъ посвящаемъ въ тайны магнетизованія. Нѣсколько врачей въ Бордо, гдѣ одинъ изъ священниковъ съ церковной каѳедры проповѣдывалъ животный магнетизмъ, собрали въ складчину 100 луидоровъ, послали одного изъ собратовъ къ Месмеру, и затѣмъ практиковали магнетизмомъ, держа въ секретѣ употребляемые пріемы (*Journal Encycl.* 1784, VII, 307).

Между подписчиками были лица, игравшія затѣмъ видную роль въ первую эпоху революціи: де-Ноаль, Монтескіу, Лафайетъ, вернувшійся изъ Филадельфіи и привезшій съ собою, скажемъ мимоходомъ, маленькаго дикаря, одиннадцати лѣтъ, съ цѣлью узнать, что можетъ сдѣлать изъ ученика природы европейское воспитаніе; Эпремениль, герой борьбы парламента съ правительствомъ. Предсѣдателемъ общества былъ Шастелу (Chastellux). Бергассъ въ „Соображеніяхъ о животномъ магнетизмѣ“ возставалъ противъ „ученыхъ“, обличавшихъ Месмера; указывалъ, что ученые же были противниками Колумба, Коперника, Галилея, Кеплера, Гарвея, и въ силу довольно отдаленной связи мысли видѣлъ въ распространеніи системы Месмера „возрожденіе нашихъ нравовъ, возстановленіе нашихъ правъ“. „Онъ не скрывалъ,—пишетъ Бриссо въ своихъ „Мемуарахъ“ (II, 415),—что воздвигая алтарь магнетизму, имѣетъ въ виду воздвигнуть алтарь свободѣ“. Въ откровенномъ разговорѣ онъ говорилъ Бриссо: „Пришло время, когда Франція нуждается въ революціи. Но дѣйствовать открыто, значило бы потерпѣть неудачу. Чтобы успѣть, надо облечься тайною. Надо соединить людей подъ предлогомъ физическихъ опытовъ, но на самомъ дѣлѣ для низверженія деспотизма“.

Въ насмѣшливой брошюрѣ „Оправданный Месмеръ“ (Mesmer justifié—*Journ. encyclop.* 1784, V, 208) лѣченіе Месмера характеризуется слѣдующими чертами. „Великій человѣкъ (Месмеръ) съ большимъ правомъ, чѣмъ Горацій, можетъ воскликнуть: Exegi monumentum aere perennius. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ-ли быть что-нибудь славнѣе этого блестящаго стеченія людей, лошадей, каретъ, этого вихря, этого треска, какіе царствуютъ съ утра до вечера у Месмера. Пусть сравнятъ эту выставку машинъ съ нѣмыми консультаціями, похожими на размышленія о смерти? Кто поколеблется въ выборѣ? Съ одной стороны—все предметы блестящіе и удивительные; съ другой—темные и зловѣщіе, обстановка устрашающая, отрывочныя слова на странномъ языкѣ, взгляды, отъ времени до времени бросаемые на испуганнаго больнаго, людьми, одѣтыми въ черномъ; горькія и отвратительныя микстуры. Здѣсь, напротивъ, врачъ, въ лиловой или пурпурной одеждѣ, расшитой яркими цвѣтами, обращается къ паціенткѣ со словами утѣшенія; руки его, мягко обнимающія, поддерживаютъ ее въ ея слазмахъ, его взоръ, горячій и нѣжный, выражаетъ желаніе принести ей облегченіе. Домъ Месмера какъ бы храмъ, соединяющій

людей всѣхъ состояній. Здѣсь можно видѣть и сановниковъ въ голубыхъ лентахъ, и аббатовъ, и маркизовъ, и гризетокъ, и военныхъ, и откупщиковъ, и шалопаевъ (freluquets), и медиковъ, и молодыхъ дѣвицъ, и акушерокъ, и умныхъ людей, и головъ въ парикахъ, и умирающихъ, и цвѣтущихъ силою и здоровьемъ, и проч. Все манитъ невѣдомою силою. Магнитныя полосы, музыкальные инструменты, между прочимъ гармоника, плѣняющіе звуки которой въ одномъ производятъ легкое изступленье, въ другомъ возбуждаютъ смѣхъ, въ третьемъ слезы. Прибавьте аллегорическія картины, мистическіе знаки, кабинетъ, устланный матрацами, назначенный для кризисовъ, и проч. и проч.“. (Авторомъ брошюры былъ докторъ Поле).

Подробности о лѣченіи животнымъ магнетизмомъ находимъ въ запискѣ королевскихъ коммисаровъ. Они производили наблюденія свои въ лѣчебницѣ Делона, ученика Месмера (учитель благоразумно уклонился отъ академическаго изслѣдованія), во время его отсутствія изъ Парижа.

Къ какимъ заключеніямъ пришла королевская коммиссія? Хотя члены ея, приступая къ опытамъ, уже недовѣрчиво относились къ новой будто бы открытой силѣ, однако производили свои изслѣдованія съ крайнею добросовѣстностью и тщательностью. Прежде всего они подвергли себя магнетизованію. Ни на кого изъ нихъ Делонъ не могъ оказать дѣйствія. Затѣмъ были, въ присутствіи коммисаровъ, намагнетизованы четырнадцать больныхъ. Изъ нихъ пять почувствовали дѣйствіе. При этомъ коммисары замѣтили, что, повидимому, магнетизмъ остается безъ дѣйствія на недовѣряющихъ ему и на дѣтей. Это дало поводъ приписать дѣйствіе посредству воображенія. Дальнѣйшія изслѣдованія и у Делона, и у доктора Жюмесена, магнетизовавшаго совсѣмъ иными пріемами, произведены были подъ вліяніемъ этой мысли. Изслѣдуемому субъекту, чувствительному къ магнетизму, завязывали глаза. Когда глаза не были закрыты, онъ испытывалъ ощущеніе въ мѣстахъ, какія нелосредственно подвергались магнетизованію. Когда повязка была наложена, онъ испытывалъ ихъ случайно, смотря по тому, какія мѣста почиталъ подвергающимися дѣйствію. Иногда описывалъ свои ощущенія,—думая, что подвергается магнетизованію,—когда его вовсе не магнетизовали. Въ саду у Франклина, въ Пасси, былъ сдѣланъ такой опытъ. Молодому человѣку, надъ которымъ производилось испытаніе, было сообщено, что Делонъ намагнитилъ одно изъ деревьевъ сада. Переходя отъ дерева къ дереву, у одного изъ нихъ молодой человѣкъ впалъ въ конвульсіи. Но оказалось, что дерево было не то, которое намагнитилъ Делонъ и весьма далеко отстояло отъ намагниченнаго. У Лавуазье былъ сдѣланъ опытъ съ чашкою. Намагниченная вода не производила дѣйствія, обыкновенная иногда вызывала конвульсіи.

Женщина, впадавшая въ истерическій кризисъ всякій разъ, когда ее магнетизовали, даже при довольно значительномъ разстояніи магнетизера,—оставалась совершенно спокойною, когда не знала, что за тонкою перегородкою, у которой была посажена, находится магнетизеръ, производившій надъ нею свои манипуляціи.

Впослѣдствіи Месмеръ энергически отрицалъ заключенія коммиссіи и сваливалъ вину неблагопріятнаго для животнаго магнетизма заключенія на Делона, съ которымъ сталъ въ самыя враждебныя отношенія. По словамъ Месмера, Делонъ „недостойнымъ образомъ обезчестилъ ученіе о животномъ магнетизмѣ“. „Лишенный,—пишетъ Месмеръ, препровождая въ „Энциклопедическій журналъ“ поданную имъ просьбу въ парижскій парламентъ (*Journ. Encycl.* 1784 г. VIII, 302),—свободы защищаться путемъ журналовъ, ставшихъ оттолоскомъ направленныхъ противъ меня черныхъ клеветъ и отказывающихъ мнѣ въ помѣщеніи моихъ оправданій, обезчещенный въ глазахъ всей Европы, если буду молчать, и потому молчать не желающій, угрожаемый судебнымъ доносомъ со стороны медицинскаго факультета, предпочитающаго меня преслѣдовать, вмѣсто того, чтобы выслушать, я вынужденъ прибѣгнуть къ защитѣ законовъ... Делонъ все что знаетъ получилъ отъ меня, но знаетъ онъ далеко недостаточно, чтобы я могъ признать его своимъ ученикомъ“. Однако, сравнивая описаніе, сдѣланное коммисарами, съ тѣмъ, что извѣстно изъ другихъ источниковъ, не трудно убѣдиться, что пріемы Делона были тождественны съ тѣми, къ какимъ прибѣгалъ Месмеръ, и что никакими особыми секретами изобрѣтатель не обладалъ. Въ 1886 году вышли въ свѣтъ любопытные мемуары графа де-Шеверни (Mémoires sur les règnes de Louis XV et Louis XVI et sur la révolution, par Dufort comte de Cheverny, Paris, 1886), гдѣ авторъ между прочимъ довольно подробно описываетъ что̀ видѣлъ въ залахъ Месмера. Приведемъ почти вполнѣ это интересное описаніе. Близкіе друзья графа Шеверни принадлежали къ обществу посвященныхъ въ тайны магнетизма и внесшихъ по 100 луидоровъ Месмеру. Они очень желали завербовать Шеверни, относившагося скептически къ увлекавшему ихъ лѣченію и оказавшагося нечувствительнымъ къ магнетизованію, какому однажды подвергалъ его Делонъ. По просьбѣ друзей, Месмеръ согласился допустить его въ свои залы.

„Я прибылъ,—пишетъ Шеверни,—вмѣстѣ съ президентомъ Салаберри, въ полдень въ отель Куаньи, на улицѣ Кокъ-Геронъ, гдѣ происходили сеансы Месмера. Мы вошли въ первый этажъ, по маленькой лѣстницѣ. Доложили Месмеру. Онъ дружески привѣтствовалъ моего товарища, подошелъ ко мнѣ и сказалъ съ нѣмецкимъ акцентомъ: „Графъ де-Пило и президентъ де-Салаберри поручились мнѣ, что вы не злоупотребите любезностью, какую я вамъ сдѣлалъ,

допустивъ васъ видѣть дѣйствіе магнетизма. Требую отъ васъ только: не говорите никому, что вы не были приняты. Вы скажите, что я лѣчилъ васъ и вы выздоровѣли“. Я отвѣтилъ ему: „Если меня кто спроситъ, я отвѣчу въ этомъ смыслѣ. Благодарю васъ за доставленіе возможности поучиться“. Тогда онъ отворилъ маленькую дверь и мы вошли въ комнаты. Всѣ комнаты были открыты. Въ первой, убранной какъ столовая, было много лицъ, входившихъ и уходившихъ. Стояло открытое фортепіано, лежали двѣ или три гитары... Я прошелъ въ комнату съ чаномъ. Представьте себѣ большой, круглый ящикъ, высотою около восемнадцати дюймовъ, плотно закрытый, дубовый, въ родѣ чана (baquet). Чрезъ многія отверстія въ крышкѣ выходили загнутыя желѣзныя полосы, поворачиваемыя по волѣ больнаго. Веревки, толщиною въ дюймъ, болѣе или менѣе длинныя, привязанныя къ средней желѣзной полосѣ, выходили изъ другихъ отверстій и были заняты больными или ихъ ожидали. Было около двадцати человѣкъ, мужчины и дамы. Нѣкоторые направляли полосы къ частямъ тѣла, гдѣ чувствовали завалы и которыя вообще считали въ болѣзненномъ состояніи. Я видѣлъ склоненныхъ мужчинъ, женщинъ въ состояніи летаргіи. Одна испускала періодическіе крики, нѣкоторыя были въ усыпленіи, иныя обнаруживали конвульсивный смѣхъ. Я прошелъ съ видомъ человѣка, посвященнаго въ тайны.

„Ко мнѣ приблизился одинъ изъ врачей и сказалъ мнѣ: „Остерегитесь, съ этою дамою будутъ конвульсіи“. Конвульсіи не замедлили. Она ломала себѣ руки, вращала глазами, кричала. Въ это время врачъ, котораго я никогда прежде не видалъ, на мой вопросъ: чѣмъ ей помочь? сказалъ: пожалуйте за мною. Отворилъ дверь и вошелъ со мною въ обширную комнату. Она была устлана матрацами, полъ на толщину болѣе фута, стѣна и окна на высоту до шести футовъ. Врачъ сказалъ мнѣ: „Чтобы ускорить исцѣленіе, больнаго, когда припадокъ возбужденъ чрезъ месмеризмъ, заключаютъ здѣсь, пока не будетъ въ состояніи отсюда выйдти. Припадокъ не продолжается болѣе получаса“.

„Между тѣмъ болѣзненное состояніе дамы все увеличивалось. Смѣхъ, крики были чрезвычайные, конвульсіи внушали жалость. Ее связали какъ свертокъ табаку (comme un bout de tabac). Три сильныхъ врача развязываютъ ее, берутъ, не смотря на ея усилія, крики, рыданія. Отворяютъ дверь и вталкиваютъ ее въ комнаты съ матрацами и запираютъ. Прислушиваюсь, глухо раздаются крики, затѣмъ все смолкаетъ.

„Тогда я услышалъ вдали звукъ гитары и какой-то воздушный голосъ, пѣвшій итальянскую аріетту. Всѣ слушаютъ, владаютъ въ экстазъ и на лицахъ можно слѣдить движеніе музыки, то веселое, то грустное“.

Въ нижнемъ этажѣ, въ большой комнатѣ, выходившей въ садъ, графъ Шеверни видѣлъ другой чанъ, окруженный больными изъ болѣе низкихъ классовъ. Нѣсколько старыхъ женщинъ находились въ состояніи усыпленія; одна была параличная. Въ комнатѣ находился Эпремениль, небольшаго роста, довольно толстый, „съ ложнымъ судейскимъ краснорѣчіемъ“ проповѣдывавшій о магнетизмѣ. Пришелъ врачъ; красивая дѣвушка сидѣла на стулѣ, закрывъ глаза. Врачъ приблизился и провелъ указательнымъ пальцемъ по ея рѣсницамъ.

„Дѣвушка проснулась, оглядѣла всѣхъ. Врачъ сталъ проводить руками съ вытянутыми пальцами, въ разстояніи полфута, вдоль ея тѣла, особенно въ области желудка. Дѣвушка постепенно пришла въ себя; встала, начала разговаривать. Тогда старыя женщины сказали мнѣ: „Посмотрите, вотъ теперь она можетъ помочь нашей больной“. Онѣ что-то сказали дѣвушкѣ. Та спросила стулъ, сѣла противъ параличной и магнетизировала ее добрые четверть часа. Удачи не было. Тогда она взяла ея члены и стала производить сотрясенія во всѣхъ суставахъ съ ловкостью самаго искуснаго фельдшера въ госпиталѣ. Параличная кричала, плакала, страдала. Наконецъ возбужденное воображеніе произвело дѣйствіе. Клялась, что ей лучше, и съ усиліемъ прошлась, опираясь на руку. Присутствовавшіе смотрѣли съ изумленіемъ. Сомнамбула, за которою я слѣдилъ глазами, поправила одежду, не безъ кокетства, однимъ прыжкомъ очутилась у двери и чрезъ нее въ саду, гдѣ начала шаловливо гулять и срывать цвѣты, какъ женщина, заработавшая свой день“.

Послѣдній эпизодъ особенно заслуживаетъ вниманія, какъ свидѣтельство, что сомнамбулы, на которыхъ потомъ сосредоточились всѣ чудеса магнетизма, были уже у Месмера.

Шеверни съ его пріятелемъ, графомъ Пило, устроили свой магнитный чанъ, по наставленіямъ, безъ сомнѣнія. Месмера. Въ чанъ наложили грубаго леску и голышей. Взявъ шестьдесятъ бутылокъ, наполнили ихъ рѣчною водою и закупорили новыми пробками. Каждая бутылка была магнитизована. Для этого, взявъ бутылку въ руки и обративъ горлышкомъ къ сѣверу, придавали ей мнимую магнитную силу, проводя руками внизу. Для магнетизованія каждой бутылки требовалось три минуты. Затѣмъ бутылки были уложены въ чанъ по направленію горлышками къ сѣверу. Къ чану начали стекаться больные. Скоро, однако, пришлось убѣдиться, что чанъ никакого дѣйствія не оказываетъ и затѣя была оставлена.

Вскорѣ послѣ Месмера явился другой исцѣлитель, открытый авантюристъ и шарлатанъ Каліостро, и также увлекъ умы. Многіе изъ приверженцевъ Месмера сдѣлались поклонниками Каліостро.

Успѣхъ грубаго шарлатанства Каліостро, вотъ яркое свидѣтельство до чего доходило легковѣріе этого пресыщеннаго, легкомысленнаго общества. Чародѣй, таинственно распускавшій слухи будто онъ живетъ уже вѣка, владѣетъ секретомъ быть заразъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и становиться невидимымъ, прибылъ Парижъ съ женою или подругой, Итальянкой замѣчательной красоты, и къ семидесяти двумъ франъ-масонскимъ ложамъ разсѣяннымъ въ столицѣ, прибавя ложу египетскаго масонства, обѣщалъ „братьевъ“ посвятить въ таинства Изиды и Анубиса, а въ тѣсныхъ кружкахъ приверженцевъ вызывалъ мертвыхъ, заставляя ихъ ужинать съ живыми. Неудивительно, что шарлатанъ овладѣлъ умомъ недальняго кардинала де-Рогана; но имѣлъ почитателей и между молодыми совѣтниками парламента: одинъ изъ главныхъ политическихъ дѣятелей его, Эпремениль, былъ его ревностнымъ приверженцемъ. Эпремениль въ публикѣ приписывали участіе въ составленіи мемуара поданнаго Каліостро въ судъ по дѣлу объ ожерельѣ королевы и столь жадно расхватаннаго толпой, что къ квартирѣ Каліостро пришлось приставить стражу (*Louis XVI* par Amedée Renée, Paris, 1858, стр. 296). Въ дѣловомъ документѣ (*Mémoire pour le comte de Cagliostro*, Paris 1786) Каліостро не выставляетъ себя, конечно, чародѣемъ, но и того что заключается въ мемуарѣ достаточно чтобы судить на какую степень легковѣрія разсчитывалъ ея авторъ. Каліостро повѣствуетъ, какъ онъ, таинственный сынъ неизвѣстныхъ, чуть ли не царственныхъ родителей, провелъ первое дѣтство въ Мединѣ, пользуясь уроками какого-то мудраго Альтотаса, научившаго его большей части языковъ Востока; какъ посѣтилъ потомъ въ юности египетскія пирамиды и былъ посвященъ египетскими жрецами въ великія таинства ихъ знаній; какъ странствовалъ по Европѣ, въ Петербургѣ былъ въ сношеніяхъ съ „prince Potemchin, M. Nariscin, le général Gelacin, le général des Cosaques, le général Medicino“; какъ всюду благодѣтельствовалъ бѣднымъ и, благодаря своимъ познаніямъ, исцѣлялъ недужныхъ. Не утверждая, Каліостро и не отрицалъ что владѣетъ философскимъ камнемъ и даромъ пророчества. Если такъ говорилось въ документѣ предъявленномъ суду, то можно повѣрить, что дѣйствительно происходило разсказываемое въ брошюрѣ *Mémoires authentiques pour servir à l'histoire du comte Cagliostro*, упоминаемой въ *Корреспонденціи* Гримма (III, 351), о таинствахъ въ какія посвящала дамъ жена Каліостро. Каждая участница вносила сто луидоровъ, въ теченіе десяти дней воздерживалась ото всякаго сношенія съ людьми (de tout commerce humain) и клялась исполнять все приказываемое. Посвящаемыя, сбросивъ всѣ одѣянія, облекались въ балахоны (lévite), вводились въ ярко-освѣщенную залу, гдѣ на тронѣ возсѣдала жена Каліостро, имѣя за собою двѣ высокія фигуры въ бѣломъ, „тѣни ли,

мущины ли, женщины ли, неизвѣстно". Затѣмъ въ залѣ дѣлалось темно. Слышались приказанія обнажить лѣвую ногу и поднять правую руку. Являлись двѣ женщины связывавшія снурками дамъ по ногамъ и по рукамъ, въ знакъ зависимости въ какой мущины держатъ женщинъ. Освобожденныя дамы раздѣлялись на группы и отправлялись въ особыя помѣщенія, гдѣ ихъ встрѣчали мущины употреблявшіе всѣ средства соблазна. Посвященныя обязаны были устоять и, какъ пишетъ авторъ брошюры, всѣ вернулись въ залъ не нарушивъ обѣта. „Дщери земли, говорила жрица, сбросьте ваши одѣянія, и если хотите слышать истину, покажитесь какъ она". Поцѣлуй дружбы оканчивалъ посвященіе.

Что могло противопоставить это женски нервное, экзальтированное, легковѣрное и легкомысленное общество революціонному потоку поднимавшемуся роковымъ образомъ?

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Правительство и правящіе классы въ предреволюціонную эпоху.

I.

Мы набросали картину возбужденнаго, нервнаго, безпокойнаго и легкомысленнаго общества въ дни приближавшейся революціи. Но не общественныя настроенія, какъ ни велико ихъ значеніе, дѣлаютъ революціи, и не въ нихъ главная опасность положенія въ переходныя эпохи. Общественное настроеніе, по существу своему измѣнчивое, само есть послѣдствіе болѣе глубокихъ причинъ. Не въ немъ суть революціоннаго дѣла. Первенствующее значеніе имѣетъ настроеніе правительства и его образъ дѣйствій. Что такое революція? Революція есть насильственное перемѣщеніе власти. Ослабленіе, паденіе власти есть потому первое условіе революціоннаго успѣха. Рѣдко условіе это было исполнено съ такою полнотой какъ наканунѣ французской революціи. Правительство не только облегчило успѣхъ революціи, оно само ее подготовило, оно, въ извѣстной мѣрѣ, само ее сдѣлало.

Когда историческое событіе совершилось и историкъ разбираетъ его причины, оно необходимо является роковымъ послѣдствіемъ условій ему предшествовавшихъ. При наличности данныхъ причинъ, слѣдствіе можетъ быть только одно, именно то, какое было въ дѣйствительности. Но отсюда еще далеко до историческаго фатализма.

Была ли французская революція необходимымъ событіемъ французской исторіи, независимо отъ лицъ, игравшихъ роли въ этой исторической драмѣ? Можно ли было предупредить роковое событіе, измѣнить его путь, или былъ этотъ путь необходимо намѣченъ исторіей? По отношеніямъ къ прошедшему теперь это праздный вопросъ: свершившагося не передѣлаешь. Но нѣтъ сомнѣнія, что при другихъ условіяхъ, опредѣлявшихся не историческою необходимостью, а слѣпою случайностью, характеромъ лицъ, на которыхъ выпалъ жребій участвовать въ дѣйствіи, ходъ событій могъ быть иной. Случайности и свободная воля такъ или иначе направленная играютъ великую роль въ исторіи. И разборъ вліянія, какое эти факторы оказываютъ на событія, не менѣе поучителенъ какъ и разборъ историческихъ теченій охватывающихъ людей помимо ихъ сознательной воли и независимо отъ ихъ случайныхъ личныхъ качествъ. Въ смыслѣ уроковъ исторіи этотъ разборъ особенно поучителенъ.

Появленіе на французскомъ престолѣ въ трудную историческую минуту, по смерти Людовика XV, юнаго короля съ характеромъ Людовика XVI, есть историческая случайность, но какая роковая случайность! Ничтожество Людовика XVI какъ правителя, отсутствіе въ немъ государственнаго смысла, имѣли неисчислимыя послѣдствія. Предшествовавшая исторія вела къ возвеличенію королевской власти. Все сводилось къ монарху какъ центру. Всѣ нити управленія, какъ показалъ Токвиль, обнаруживши, что французская централизація не есть дѣло революціи, а создана старымъ порядкомъ вещей, шли отъ центральнаго правительства.

Обаяніе королевской особы на столько еще было сильно, что во время путешествія Людовика XVI по Франціи въ 1778 году простые люди стремились прикоснуться къ королевской одеждѣ въ силу стараго народнаго вѣрованія, что прикосновеніе къ королю исцѣляетъ отъ золотухи. А въ предыдущемъ царствованіи вѣрованіе это раздѣлилось не одними простолюдинами. Авторъ замѣчательныхъ мемуаровъ эпохи Людовика XV (до 1757 г.) д'Аржансонъ * пишетъ въ февралѣ 1723 года: „Когда я былъ комендантомъ въ Гено (Hainaut) случилось, что одинъ житель Авенъ (Avesnes) бывшій при коронаціи въ Реймсѣ такимъ прикосновеніемъ короля исцѣлился отъ золотухи. Болѣзнь чрезъ три мѣсяца совсѣмъ прошла". Аржансонъ собралъ всѣ свѣдѣнія, желая воспользоваться случаемъ, чтобъ подслужиться и донесъ о происшествіи министру Ла-Врильеру (La Vrillière). „Тотъ сухо отвѣтилъ, что никто не сомнѣвается въ дарѣ короля совершить такое

---

* Journal et Mémoires du marquis d. Argenson, publ. par Rathery. Paris 1859. Девять томовъ.

чудо". Еще далеко не исчезла та старая французская привязанность къ королю, о которой такъ говорилъ Токвиль: „Король внушалъ Французамъ чувства, какія ни одинъ изъ самыхъ неограниченныхъ государей, не могъ породить, и которыя стали для насъ даже непонятны. Подчиняясь его самымъ произвольнымъ приказаніямъ, они поступали скорѣе по любви чѣмъ по принужденію, и имъ удавалось такимъ образомъ сохранить душу свободною, несмотря на крайнюю зависимость".

Въ запискахъ Мармонтеля встрѣчаемъ черту подтверждающую изображеніе Токвиля. Мармонтелю удалось, чрезъ покровительство г-жи Помпадуръ, удостоиться чести лично представить Людовику XV одно изъ своихъ сочиненій. „Утромъ, пишетъ Мармонтель,— я былъ введенъ герцогомъ Дюра. Это было при вставаніи короля. Никогда не видалъ я его столь прекраснымъ. Онъ принялъ мое почтительное приношеніе съ чарующимъ взоромъ. На какой высотѣ радости былъ бы я, еслибъ онъ сказалъ мнѣ хоть одно слово. Но глаза его говорили за него". Такъ восторженно пишетъ о развратномъ королѣ, не удостоившемъ проронить слова, человѣкъ либеральнаго по своему времени образа мыслей; говоритъ въ мемуарахъ, написанныхъ весьма искренно, для наставленія своихъ дѣтей и изданныхъ по смерти автора.

Царствованіе Людовика XV, особенно въ послѣдніе его годы, причинило сильный ущербъ этому благоговѣнію предъ особой короля. Людовику XVI, вступившему на престолъ въ 1774 году, когда ему было лишь двадцать лѣтъ отъ роду, предстояла трудная задача. Требовалось поддержать пошатнувшееся значеніе власти, и нравственное, и политическое, ознаменовать ее дѣйствіями достойными той высоты, на какую внесла ее предшествовавшая исторія; уничтожить противорѣчіе между возвышенною идеей монарха, еще имѣвшею великую силу въ умахъ, и скандальнымъ осуществленіемъ этой идеи въ дѣяніяхъ послѣдняго царствованія. Требовалась сильная и разумная энергія власти, чтобы спасти ея значеніе. Подростало новое поколѣніе, въ которомъ идея авторитета и въ духовной, и въ свѣтской области была уже сильнѣйшимъ образомъ поколеблена и въ умахъ котораго представленіе о скандалахъ власти было живѣе исчезавшаго преданія о ея величіи. Пока политическое свободомысліе было принадлежностью высшихъ общественныхъ слоевъ и философы бесѣдовали съ маркизами и дюшессами, оно въ кругу аристократіи уживалось съ преданностію королю, считавшеюся дѣломъ дворянской чести, такъ щекотливо развитой въ ту эпоху, и съ вѣрностью монархическимъ началамъ, какъ обязательному завѣту прошлаго. Оно приняло иной характеръ, когда распространилось въ слой ниже лежащій. Большой толчокъ на пути къ практическому примѣненію началъ

политической свободы дало знакомство, правда, поверхностное, съ англійскими порядками и учрежденіями. Съ эпохи, когда Вольтеръ открылъ Англію Французамъ, Монтескьэ ознакомилъ съ англійскою конституціей, подражаніе внѣшнимъ формамъ англійской жизни постепенно вошло въ моду. А участіе монархической Франціи, увлеченной общественнымъ мнѣніемъ страны, въ Американской войнѣ за свободу подданныхъ, возставшихъ противъ своего государя, сильно содѣйствовало къ укрѣпленію сознанія въ неясныхъ еще очертаніяхъ представлявшагося права народа на участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Являлась новая сила готовящаяся къ дѣйствію. Она не выступила еще наружу. Но все ее призывало. Весь вопросъ былъ: въ какой формѣ она появится. Эта сила,—*нація* съ ея правами. Когда, во время суда надъ морскими офицерами послѣ одной неудачной битвы, въ Американскую войну, судьи объявили оправданныхъ офицеровъ достойными уваженія націи, выраженіе это поражало новизною. (Веберъ въ *Мемуар.*, I, 128). Затѣмъ ссылки на націю стали употребляться чаще и чаще. Задача государственной мудрости состояла въ томъ, чтобы не поставить эту новую силу, какъ нѣчто противное власти, а достичь ея сліянія со властью, что̀ въ свою очередь, обусловливалось энергіей власти. Своею пассивностію власть обращала себя въ косную массу, лежащую на дорогѣ новой силы, уступающую, пока, наконецъ, не сброшена съ дороги.

Людовикъ XVI, котораго, въ бытность его дофиномъ, Дюбарри называла „толстымъ мальчишкой дурно воспитаннымъ" (le gros garçon mal élevé, Droz, 43), вступилъ на престолъ дурно подготовленный къ трудной задачѣ управленія. Онъ не былъ лишенъ образованія, зналъ по латыни, по-англійски, чрезвычайно любилъ географію (самъ составилъ планъ путешествія для Лаперуза), но былъ совершенно лишенъ государственнаго смысла. Лѣнивый по природѣ, нерѣшительный, уступчивый, онъ былъ неспособенъ къ борьбѣ, лишенъ духа инціативы, и занятіе государственными дѣлами было для него величайшею тягостью. Онъ готовъ былъ разрѣшать, уступать, но вполнѣ лишенъ способности повелѣвать. Сохранился дневникъ Людовика XVI, который вводитъ въ тайникъ души слабаго короля, имѣвшаго, кажется, одну серіозную страсть къ охотѣ. Вотъ отрывки изъ дневника, какъ онъ приведенъ въ книгѣ Гранье де-Кассаньяка (II, 68; отрывокъ есть также у Тэна, I, 45):

„*Суббота* 11 (іюля 1789). Ничего. Отъѣздъ Неккера.

„*Вторникъ* 14. Ничего.

Не забудемъ, что это былъ день возмущенія Парижа и взятія Бастиліи.

А вотъ что̀ записано въ страшные дни 5 и 6 октября 1789 и въ роковые дни 21 и 26 іюня 1791.

„*Понедѣльникъ* 5 (октября). Стрѣлялъ у Шатильйонской заставы (à la porte de Châtilion). Убилъ 81 штуку. Прерванъ событіями. И туда и назадъ на лошади.

„*Вторникъ* 6. Отъѣздъ въ Парижъ; въ половинѣ перваго посѣщеніе Думы. Ужиналъ и слалъ въ Тюильри.

„*Вторникъ* 21 (іюня 1791). Отъѣздъ въ полночь изъ Парижа. Пріѣхалъ въ Вареннъ въ Аргонѣ и остановился въ одиннадцать часовъ вечера.

„*Воскресенье* 26. Рѣшительно ничего Обѣдня въ галлереѣ. Конференція съ коммиссарами Собранія.

„Это *рѣшительно ничего* 26 іюня 1791, замѣчаетъ Кассаньякъ, есть постановленное декретомъ Собранія лишеніе Людовика XVI всякой власти. Конференція съ коммиссарами Собранія есть допросъ короля и королевы объ обстоятельствахъ ихъ бѣгства“.

Была еще страсть у короля, кромѣ охоты — занятіе кузнечнымъ ремесломъ. Какъ только находилъ досугъ, онъ спѣшилъ по маленькой лѣстницѣ въ особо устроенную домашнюю кузницу подъ руководство слесаря, обращавшагося съ нимъ весьма фамиліарно. Когда онъ являлся затѣмъ среди блестящаго двора, толстый, красный, неуклюжій, былъ предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ изподтишка со стороны придворной молодежи, называвшей его при королевѣ, какъ прекрасной Венерѣ, ея Вулканомъ. Насмѣшки возбуждалъ сильный аппетитъ короля, его привычка подпѣвать во время богослуженія фальшивымъ басомъ. Отсутствіе величія соединялось въ немъ съ удивительною добротой и чистотой души, но вмѣстѣ и съ какою то прирожденною грубостію вкуса. Когда все въ Парижѣ и при дворѣ было увлечено Америкой и ея мудрымъ посланникомъ, sage de l'Amérique, король велѣлъ на Севрскомъ заводѣ изобразить медальйонъ Франклина на днѣ ночнаго сосуда и послалъ этотъ подарокъ графинѣ Діанѣ Полиньякъ (*Mém. de M-me Campan*, 177). Но смерть слабый король встрѣтилъ съ величіемъ. Когда его судили, было не мало людей готовыхъ принять отчаянныя мѣры для его освобожденія. Онъ передалъ имъ чрезъ великодушнаго защитника своего Малерба: „скажите, что я не простилъ бы имъ, еслибы хоть капля крови была пролита за меня. Я не хотѣлъ проливать ее, когда, можетъ быть, она сохранила бы мнѣ тронъ и жизнь. И не раскаиваюсь. Я почти всю жизнь мою обдумывалъ роковую исторію Карла I и никакъ не могъ привыкнуть къ идеѣ короля, обращающаго оружіе противъ подданныхъ“.

Если бы судить Людовика XVI какъ правителя не съ точки зрѣнія государственныхъ потребностей, а съ точки зрѣнія либеральныхъ декламацій эпохи, то его слѣдовало бы признать вполнѣ подходящимъ подъ идеалъ монарха, изображаемый въ этихъ декламаціяхъ.

Ни тѣни деспотизма, сознаніе своей власти единственно въ смыслѣ силы благотворящей. Какъ государь, Людовикъ XVI не заявлялъ и не имѣлъ другаго желанія какъ то, чтобы были всѣ довольны и любили его. Для того чтобы были всѣ довольны, онъ готовъ былъ на всякія уступки. Онъ какъ будто принялъ всѣ сентиментальные уроки правителямъ, вложенные Мармонтелемъ, въ его сладкомъ произведеніи *Велизарій*, въ уста слѣпому старцу „который былъ для Готѳовъ, Вандаловъ грозою, враговъ отечества разилъ, но самъ сраженъ былъ клеветою“. Онъ мечталъ, какъ и выражено въ регламентѣ по случаю выборовъ въ Собраніе и составленія наказовъ,—чтобы правда доходила къ нему со всѣхъ концовъ страны, отъ послѣдняго талапа. Онъ мечталъ о бережливости, самъ отчасти подавалъ примѣръ. Кассаньякъ отыскалъ въ документахъ эпохи (*Histoire des causes de la révolution*, I, 93), что король пилъ вино въ 22 су бутылка. Семейная жизнь короля отличалась чистотой, поразительною послѣ разврата его предшественника. Снисходительность Людовика XVI не знала границъ. Случалось ли воспретить придворному пріѣздъ ко двору,—тотъ тѣмъ не менѣе продолжаетъ являться въ Версаль и добрый король сквозь пальцы смотритъ на нарушеніе своего приказанія. Такъ было съ герцогомъ д'Эгильйонъ. „Нѣкоторые вельможи, замѣчаетъ Дрозъ, полагали тогда самолюбіе свое въ томъ, чтобы нарушать приказанія короля“ (Droz, *Histoire du règne de Louis XVI*. Bruxelles, 1839, p. 50).

Болѣе снисходительнаго правительства, какъ правительство Людовика XVI трудно себѣ представить. Среди строгихъ формъ и суровыхъ законовъ на дѣлѣ практиковалась свобода въ смыслѣ широкой безнаказанности и распущенности. Суровость оставалась на бумагѣ. Какого, казалось, могли желать тогдашніе Французы лучшаго правителя какъ этотъ столь согласный съ требованіями вѣка? Что же вышло на дѣлѣ? Никогда декламація о тираніи, деспотизмѣ, произволѣ одного не достигала такихъ высокихъ нотъ какъ при этомъ столь мало деспотическомъ королѣ. Никогда декламація эта не пользовалась такимъ успѣхомъ, какъ въ эту эпоху.

„Ребенокъ, говоритъ Монбаре (III, 95), лепеталъ уже сарказмы противъ власти, еще и не понимая, что̀ такое власть“. Пафосъ Мирабо въ его трактатѣ *Des lettres de cachet et des prisons d'état* (въ эпоху когда эти ненавистныя lettres de cachet употреблялись преимущественно для того, чтобы не прибѣгать къ суровости судебнаго преслѣдованія (Oeuvres choisies, Paris, 1820, стр. 57, 71) казался неотразимымъ. „Темный гражданинъ, восклицалъ будущій громоносный ораторъ, если и не вѣритъ въ Бога-мстителя, знаетъ по крайней мѣрѣ что не ускользнетъ отъ строгости законовъ... Но грабить и угнетать цѣлый народъ, не высшее ли это преступленіе, чѣмъ обворовать ча

стнаго человѣка? Убить тысячи людей содержа на жалованіи сто тысячъ соучастниковъ этого убійства, и убить одного — какое преступленіе сильнѣе? А таковы именно дѣянія тѣхъ, въ чьей волѣ и судьи, и охранители общественнаго порядка!... Всякая власть исходитъ непосредственно отъ Бога, говорите вы. Заключаете ли вы отсюда, спрашиваю я, что все человѣчество создано чтобы быть игрушкою нѣсколькихъ индувидуумовъ, и что фантазія одного человѣка священнѣе интересовъ цѣлаго народа? Скажете ли вы да? Все можно сказать и все говорится. Не буду терять времени, чтобы раздражаться. Чувствую что вы чудовище, но чувство не доказательство. Докажу только, что вы безумецъ... Всякая власть отъ Бога—принимаю; она священна—согласенъ; абсолютна—пускай; неодолима — ссылаюсь на вседневный опытъ; непобѣдима—вотъ тутъ-то я васъ и ждалъ. Что сдѣлаете вы если всѣ мы скажемъ *нѣтъ*, когда вы говорите *да?* Вы сдадитесь конечно или будете сломлены! Значитъ вы зависимы и неотразимо подчинены закону. Вотъ этотъ законъ: вы царствуете надъ нами лишь въ силу соединенія нашей воли съ вашею; чтобы вы сохранили власть необходимо чтобы мы считали себя заинтересованными въ ея сохраненіи, считали ее для себя полезною".

Никогда оппозиціонныя движенія всякаго рода не находили столько сочувствія въ общественной массѣ. Всѣ либеральные замыслы и усилія разбивались о сопротивленія самаго разноднаго характера и въ рядахъ привилегированныхъ сословій, и въ неспокойной массѣ приверженцевъ новизны. Попытки бережливости, старанія внести порядокъ въ финансы никѣмъ не оцѣнены; пугало *дефицита* съ преувеличенными кликами выставлялось какъ главный аргументъ негодности всего существующаго порядка управленія; а объ устрашающемъ значеніи этого грознаго слова потомъ, когда власть перемѣстилась въ иныя руки и финансы пришли въ сильнѣйшее разстройство, забыли и думать. И чистоту жизни не пощадила клевета. Мерзкія книжонки позорили королеву и не разъ случалось выкупать ихъ изъ обращенія. Процессъ съ ожерельемъ королевы, въ которомъ фигурировали вельможа, герцогъ и кардиналъ де-Роганъ, скандально оправданный, и искательница приключеній Де-Ламоттъ, приговоренная къ тѣлесному наказанію и ссылкѣ, дали обильную пищу толкамъ неблагопріятнымъ для двора и королевы. Если былъ кто-либо невиненъ предъ націей, поднявшейся въ революціонномъ вооруженіи, то конечно король. Это не спасло его и королеву отъ жестокой казни...

II.

Большое вліяніе на короля имѣла королева. Блестящая, красивая, о которой говорили, что она „лучше всѣхъ умѣла ходить во Франціи", легкомысленная, никогда ничего серіознаго не читавшая; г-жа Кампанъ говоритъ что „не бывало принцессы, которая имѣла бы такое отвращеніе отъ всякаго серіознаго чтенія, какъ Марія Антуанета"; вся въ чаду удовольствій: то въ минуту рѣдкаго снѣга въ легкихъ санкахъ въ сопровожденіи придворной молодежи пролетающая по Парижу, то лѣткомъ съ лалочкой отправляющаяся въ Тріанонъ, то переодѣвающаяся молочницей, лодочницей, то играющая Розину, то бѣгающая, какъ свидѣтельствуетъ маркизъ Мирабо (Louis XVI par A. Renée), „въ костюмѣ крестьянки, въ фартукѣ, одна, безъ свиты и лажей по дворцу и террасамъ, спрашивая у перваго встрѣчнаго во фракѣ дать ей руку, чтобы довести до конца лѣстницы"; пылкая въ гнѣвѣ, королева легко овладѣвала медленнымъ умомъ короля, и нерѣдко диктовала рѣшенія не слишкомъ, конечно, согласныя съ совѣтами политической мудрости. Морепа, удаленный при Лудовикѣ XV отъ двора чрезъ женщину, г-жу Помадуръ, чувствовалъ особый страхъ предъ королевой и болѣе всего боялся ея вліянія.

Въ *Мемуарахъ* барона Безанваля (Berville et Barrière *Collect. des mémoires relatifs à la révolution: Mém. de baron de Bezenval,* Paris, 1821, т. II, 83) есть любопытный разказъ какими извилистыми путями, проходя между вліяніями Морепа и королевы, приходилось при дворѣ Лудовика XVI достигать министерства даже достойнымъ людямъ. Баронъ Безанваль, пользовавшійся значительнымъ кредитомъ, желалъ доставить военное министерство своему другу графу де-Сегюру, человѣку замѣчательной храбрости, твердаго и благороднаго характера. Онъ рѣшилъ, не сообщая о томъ своему другу, дѣйствовать на г-жу Полиньякъ, расположеніемъ которой пользовался и которая была въ свою очередь чрезвычайно близка съ королевой. Военное министерство было въ это время въ рукахъ князя Монбаре, управленіемъ котораго были недовольны, такъ какъ благодаря его слабости „вольничанье, анархія и хаосъ" въ войскѣ достигли крайнихъ предѣловъ. Безанваль много разъ говорилъ г-жѣ Полиньякъ о дурномъ управленіи Монбаре и внушалъ, что дѣло могло бы поправиться съ назначеніемъ Сегюра. Внушенія не произвели дѣйствія, и Безанваль былъ непріятно удивленъ когда, заговоривъ однажды вновь о Монбаре, услышалъ отъ г-жи Полиньякъ что дѣйствительно управленіе этого министра никуда не годится и слѣдовало бы подумать кѣмъ замѣнить его, какъ будто о Сегюрѣ не было и рѣчи. Безанваль скрылъ смущеніе и спросилъ, кого же она имѣетъ въ виду. „Одного изъ вашихъ друзей, графа Сегюра". Оказалось что лицо чрезвычайно близкое къ г-жѣ Полиньякъ, г. д'Адемаръ, изъ собственныхъ соображеній, явился предъ нею, помимо Безанваля, ходатаемъ за Сегюра. Безанваль догадался, что г-жа Полиньякъ и забыла о его съ нею разговорахъ; но не подалъ виду и, какъ бы подумавъ минуту, со своей

стороны сталъ одобрять выборъ. Г-жа Полиньякъ говорила съ королевой и склонила ее въ пользу замѣщенія Монбаре Сегюромъ. Но на пути лежало значительное препятствіе. Жена могущественнаго Морепа была покровительницей Монбаре и побуждала мужа поддерживать неспособнаго министра. Оставалась, говоритъ Безанваль, одна надежда что окончательное разстройство военной администраціи понудитъ, наконецъ, удалить Монбаре. Между тѣмъ Сегюръ ничего не зналъ о предпринятыхъ въ его пользу хлопотахъ и очень удивился, услышавъ о нихъ отъ Безанваля, но мало-по-малу сдружился съ мыслію о министерствѣ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Вліяніе королевы и ея торжество надъ Морепа выразились удаленіемъ Сартина и замѣщеніемъ его въ качествѣ морскаго министра г. де-Кастри. Это затрудняло возможность второй побѣды, какою было бы назначеніе Сегюра. Примѣшалось еще обстоятельство: Сегюръ самъ испортилъ было свое дѣло. „При дворѣ, говоритъ Безанваль, иногда самыя ничтожныя обстоятельства ведутъ къ важнымъ слѣдствіямъ“. Сегюръ, только-что оправившійся послѣ сильнаго приступа подагры, явился въ Версаль и имѣлъ весьма болѣзненный видъ. Когда королева рѣшилась заговорить о смѣнѣ военнаго министра и чтобы маскировать свое желаніе назвала Сегюра вмѣстѣ съ нѣсколькими другими лицами, Людовикъ XVI отвѣтилъ что о Сегюрѣ нечего и думать: его здоровье слишкомъ разстроено. Разговоръ не остался тайной для Морепа, и хотя онъ лично не имѣлъ ничего противъ Сегюра, но обиженный тѣмъ что обойденъ, не желая новаго усиленія вліянія королевы, а отчасти и подчиняясь женѣ, покровительствовавшей Монбаре, онъ сталъ усиленно поддерживать этого министра, вполнѣ сознавая его негодность. Морепа успѣлъ даже перемѣнить мнѣніе королевы, увѣрить ее что она обманута и возбудить ее противъ г-жи де-Полиньякъ. Произошла бурная сцена. Замѣчу, что бурныя сцены были въ характерѣ королевы. Такая сцена была разъ съ Монбаре, не исполнившимъ желанія королевы о переводѣ какого-то полковника. Королева разразилась упреками и хлопнула дверью такъ, что отлетѣлъ косякъ. Когда Монбаре началъ разказывать о томъ королю, тотъ сказалъ только: „nikto лучше меня не знаетъ, какъ произошла сцена съ вами“. (*Louis XVI* par A. Renée, 251).

Королева рѣзко упрекала свою наперсницу. Оскорбленная Полиньякъ объявила, что не останется долѣе при дворѣ. Это подѣйствовало, королева смягчилась, но Полиньякъ оставалась непреклонною въ рѣшеніи. Королева разрыдалась, бросилась къ ногамъ г-жи Полиньякъ (finit par se jeter aux genoux de madame de Polignac) и умоляла ее остаться. Примиреніе состоялось. Королева снова взялась хлопотать о Сегюрѣ. Наканунѣ новаго 1781 года, на собраніи во дворцѣ,

королева шепнула г-жѣ де-Полиньякъ, что отставка военнаго министра рѣшена, и на мѣсто его назначается Пюисегюръ. Это разстраивало всѣ планы; г-жа Полиньякъ послѣшила къ себѣ и, по совѣту г. д'Адемара, настойчиво, для своихъ дѣлей, ходатайствовавшаго за графа Сегюра, написала королевѣ, прося немедленнаго свиданія. Въ одиннадцать часовъ вечера королева явилась къ г-жѣ Полиньякъ. Та представила ей какъ унизительно будетъ для достоинства королевы, если Морепа возьметъ верхъ. Уже при дворѣ всѣ толкуютъ о предстоящемъ замѣщеніи и спрашиваютъ себя, кто болѣе имѣетъ вліянія на короля, королева или Морепа. Возбужденная бесѣдой, королева утромъ въ семь часовъ отправилась къ королю. Послали за Морепа и королева въ его присутствіи настойчиво изложила права Сегюра къ занятію мѣста военнаго министра. Застигнутый врасплохъ Морепа сдѣлалъ нѣсколько возраженій, которыя легко были опровергнуты королевой. Король склонился на ея сторону, и она послѣшила сказать Морепа: „Вы слышите волю короля; послѣшите послать за Сегюромъ и сообщите ему ее“. Для самолюбія Морепа это былъ, какъ самъ онъ потомъ говорилъ одному изъ близкихъ ему лицъ, самый чувствительный ударъ. Но оставалось только повиноваться. Вотъ какъ графъ Сегюръ сдѣлался военнымъ министромъ! Подобное сплетеніе интригъ сопровождало большинство назначеній. По смерти Морепа, королева, внушаемая близкими къ ней придворными, была лицомъ наиболѣе вліявшимъ на короля.

Разсказъ этотъ вводитъ насъ въ міръ двора съ его интригами, исканательствами, фальшью. „Дворъ, дворъ! писалъ д'Аржансонъ въ 1751 году (т. V'1, 319). Въ этомъ словѣ все зло. Дворъ сдѣлался единственнымъ сенатомъ націи. Послѣдній слуга въ Версалѣ есть сенаторъ, придворныя горничныя участвуютъ въ правительствѣ“. Въ мемуарахъ своихъ (IV, 157) д'Аржансонъ дѣлаетъ такую характеристику двора. „Королю говорятъ: злоупотребляйте властью, законы повинуются вашей волѣ; всѣмъ жертвуйте для величія. Народъ осужденъ на слезы и трудъ. Должно править желѣзнымъ жезломъ. Если народъ не угнетенъ, онъ угнететъ васъ... Нѣтъ при дворѣ истинно честнаго человѣка (un homme de bien). Кто началъ репутацію свою чрезъ честность, тотъ опустится. При дворѣ все только на показъ. Безполезно, даже вредно быть чѣмъ нибудь; надо казаться. Первый талантъ при дворѣ ловкость: послѣдній, самый опасный — быть великимъ человѣкомъ. Въ реслубликѣ заслуга рождаетъ зависть, при дворѣ возбуждаетъ ярость. Не репутація требуется, а услуживаніе. Разсчеты выдвигаютъ людей; дѣлайте видъ, что стараетесь на пользу другихъ, а поддерживайте самого себя. Все подчинено обмѣну и разсчету частныхъ интересовъ и чѣмъ утонченнѣе и умнѣе стало притворство, тѣмъ ужаснѣе и обманнѣе сталъ обмѣнъ притязаній.“

III.

Вліяніемъ двора главнымъ образомъ опредѣлялось назначеніе министровъ. Министровъ Лудовика XVI можно раздѣлить на два разряда—министры придворныхъ интригъ и министры популярности. Огромное большинство принадлежитъ къ первому разряду; путь придворной интриги былъ почти единственный для достиженія министерскихъ мѣстъ и соединенной съ ними власти. Со способностями и знаніями мало справлялись. Выраженіе Фигаро: „нуженъ былъ счетчикъ, назначили тандора“, какъ нельзя болѣе мѣтко. Сартинъ, хорошій оберъ-полицеймейстеръ, попалъ въ морскіе министры. Неккеръ, навѣстивъ его чрезъ нѣсколько дней послѣ назначенія, засталъ его предъ большою стѣнною картой. „Посмотрите, сказалъ онъ, какіе я сдѣлалъ успѣхи. Могу зажмурясь показать рукою четыре части свѣта“ (*Oeuvres de M-me de Staël*, Paris 1820. T. XII, 103).

Когда Лудовикъ XVI вступилъ на престолъ, ему было двадцать лѣтъ. Юный король нуждался въ руководителѣ. Семейнымъ совѣтомъ былъ призванъ находившійся въ продолжительномъ удаленіи отъ двора бывшій министръ Лудовика XV, Морепа (Maurepas), умный старикъ, тонкій придворный, смотрѣвшій на государственныя дѣла со скептицизмомъ человѣка имѣющаго единственною цѣлью удержаться во власти, извлекая изъ нея все, что можетъ она дать пріятнаго. „Это былъ, говоритъ Мармонтель (*Mém.* III, 283), человѣкъ чрезвычайной любезности, занятый самимъ собой, министръ-куртизанъ... Никакой энергіи ни для добра, ни для зла; слабость безъ доброты, злость безъ мрачности, злопамятность безъ гнѣва, беззаботность о будущемъ, какъ ему не принадлежащемъ; можетъ-быть даже искреннее желаніе общественнаго блага, когда можно что-либо сдѣлать безъ риска для себя; воля тотчасъ охлаждающаяся какъ только предстоитъ опасность кредиту или покою: таковъ былъ до конца старикъ, котораго дали въ руководители и совѣтники молодому королю“.

Къ министрамъ популярности можно отнести Тюрго и Неккера, хотя и не въ одинаковомъ смыслѣ. Тюрго былъ приглашенъ Морепа вслѣдствіе его репутаціи какъ отличнаго администратора, пріобрѣтенной въ должности интенданта. Либеральнымъ образомъ мыслей и дѣйствій онъ привлекъ много приверженцевъ. Когда онъ ввелъ не существовавшій дотолѣ обычай сопровождать королевскіе декреты изложеніемъ мотивовъ выдаваемаго распоряженія, Вольтеръ желавшій при свиданіи съ Тюрго поцѣловать руку благодѣющую Франціи, восторженно привѣтствовалъ это нововведеніе. „Королевскіе указы, говоритъ онъ (*Oeuvres*, издан. 1827 г.; XL, 259), предложенные и

скрѣпленные Тюрго, суть памятники великодушія и высшей мудрости. Дотолѣ не было еще указовъ, въ которыхъ государь великодушно поучалъ бы свой народъ, разсуждалъ бы съ нимъ, разъяснялъ бы ему его интересы, убѣждалъ бы прежде чѣмъ повелѣвать“.

Въ дѣятельности своей этотъ замѣчательный человѣкъ, хотя и доктринеръ, не всегда считавшійся съ дѣйствительностію былъ правитель честный, искавшій блага страны, о которомъ король однажды не безъ основанія сказалъ: „кажется только я и Тюрго любимъ народъ“. Онъ также чистъ отъ упрека въ исканіи популярности, какъ и отъ упрека въ искательствѣ предъ властію. Въ раздраженной бесѣдѣ онъ имѣлъ смѣлость сказать Лудовику XVI: „слабому королю два исхода: или мушкетъ Карла IX или эшафотъ Карла I“. Тюрго сдѣлалъ что могъ и принесъ много пользы странѣ. Не его вина, что въ безхарактерномъ королѣ нельзя было найти прочной опоры.

Истинный типъ министра популярности есть Неккеръ. Его дочь, г-жа Сталь, благоговѣющая предъ отцемъ, говоритъ, что популярность была для него все. „Послѣ религіозныхъ обязанностей, пишетъ она (*Oeuvr.* T. XII, 106), его всего болѣе озабочивало общественное мнѣніе. Состояніе, почести, все чего добиваются честолюбцы, онъ приносилъ въ жертву уваженія націи; и этотъ голосъ народа имѣлъ для него нѣчто божественное“. Заслужить и сохранить репутацію безукоризненной честности было одною изъ главныхъ его задачъ. Честный Неккеръ сдѣлался нарицательнымъ наименованіемъ. Но честность эта, какъ и рыцарство Лафайета, соединялись съ сильною дозой разсчета. Враги подмѣтили эту черту и не безъ остроумія говорили указывая на женевское происхожденіе Неккера: если Женевецъ бросится въ окно, бросайтесь за нимъ смѣло, не расшибетесь. Для Неккера истиннымъ государемъ былъ не Лудовикъ XVI, а популярность. „Мнѣніе“ посадило въ правительство своего министра. Неккеръ понималъ, что силы его въ томъ, что онъ въ самомъ правительствѣ являлся представителемъ требованій „мнѣнія“, хотя бы направленными къ разрушенію этого правительства. Спастись можно только уступками. Выразителемъ того какія требуются уступки былъ Неккеръ. Являясь примирителемъ націи и короны, онъ въ сущности былъ, во второе по крайней мѣрѣ свое министерство, министръ революціи, помогавшій ей руками самого правительства сдѣлать свое дѣло. Король инстинктивно чувствовалъ фальшь, смутно понималъ, что въ министрѣ своемъ онъ имѣетъ посла какой-то чужой державы, отъ имени которой ведутся переговоры; тѣмъ не менѣе въ трудную минуту вручаетъ ему спасеніе короны. Я далекъ отъ мысли приписывать Неккеру революціонные планы. Его двуличность была искреннею, какъ ни странно можетъ показаться соединеніе этихъ двухъ качествъ, повидимому исключающихъ одно другое. Но люди себя

обманывающіе встрѣчаются еще чаще чѣмъ обманывающіе другихъ. Во всякомъ случаѣ, для Франціи стараго порядка Неккеръ былъ роковой человѣкъ.

Въ сочиненіи своемъ о французской революціи (*De la Révolution française*, Paris, 1797, nouv. v. p. 6) Неккеръ такъ говоритъ объ обстоятельствахъ, среди которыхъ ему пришлось дѣйствовать и о своей роли среди этихъ обстоятельствъ. „Я занималъ важное мѣсто въ правительствѣ и около короля на разстояніе немногихъ лѣтъ отъ созванія государственныхъ чиновъ (états généraux), я былъ слѣдовательно въ такомъ положеніи, гдѣ могъ усмотрѣть предвѣстниковъ революціи... Вотъ что я видѣлъ. Прежде всего великую силу общественнаго мнѣнія. Она меня поразила... Въ могуществѣ своемъ она утвердилась не при дворѣ, а въ городѣ, и стала раздавать награды и вѣнки которыя ставились наравнѣ съ почестями раздаваемыми королями... И куріозная странность: тѣ же люди, которые пользовались при дворѣ милостями государя, возвращались въ общество получить свою долю похвалъ, расточавшихся чувству независимости и мужеству свободы...

„Прославляли Американцевъ, судили и рядили объ англійской конституціи... Каждый толковалъ о народѣ и его бѣдственномъ положеніи. Прекрасный языкъ, спора нѣтъ, но какъ было согласить его съ безграничною роскошью и всякаго рода суетностію, его сопровождавшими. Ахъ, въ какой противоположности были нравы съ принципами, какіе выставлялись на показъ, и съ правами, какія стремились возстановить! Всѣ связи были разслаблены, всякая власть и принужденіе казались несносными; иго приличія и то было ослаблено. Молодые люди заняли господствующее положеніе. Брошенные въ свѣтъ прежде чѣмъ успѣли просвѣтить свое сужденіе, они считали себя мыслителями, имѣя въ запасѣ только нѣсколько общихъ идей, на все направляющихся, но которыхъ ни на что хватить не можетъ. Парламентская молодежь, дѣйствуя въ духѣ времени, тоже жаждала парадировать и производить эффектъ; утратили охоту скромно жить, среди процессовъ и тяжбъ искали шума и извѣстности. Молодежь эта дала сигналъ самоотреченія, очерняя политическія претензіи и старыя преимущества верховныхъ судовъ (cours souveraines) и нападая на нихъ. Такимъ образомъ отъ разныхъ точекъ шли къ одной цѣли, еще неясной и плохо опредѣленной. Но всѣ пути приводили къ одному исходу—недовольству настоящимъ положеніемъ и общему желанію, чтобы было по новому. Нѣсколько писателей извѣстныхъ всей Европѣ поколебали древнѣйшія мнѣнія и открыли пути всяческимъ заблужденіямъ воображенія и злоупотребленіямъ свободы... Народившійся въ наши дни философскій духъ усиливался разрушить всякое понятіе долга, насмѣхаясь надъ религіозными мнѣніями... Такъ приготовляли общее распатываніе, увѣряя

людей, что нѣтъ ничего уважительнаго ни въ небѣ, ни на землѣ. И вотъ чтобы противостоять вліянію новыхъ системъ и чтобъ удалить ихъ опасность, чтобы сразиться, если требовалось, съ авторитетомъ общественнаго мнѣнія и войти съ нимъ въ переговоры,—я видѣлъ короля, честнѣйшаго человѣка, друга добра, высокой нравственности, здравомысленнаго, но котораго воля требовала опоры и который въ дѣлахъ рѣдко обнаруживалъ твердость мнѣнія или собственную настойчивость, характеръ наименѣе способный къ борьбѣ съ трудными обстоятельствами. Ибо ничто не придаетъ столько дерзости нападеніямъ на правительство, какъ увѣренность, что нападающіе не будутъ имѣть прочнымъ образомъ противъ себя особы и чувствъ государя который одинъ есть неизмѣнное существо въ кругу властей".

Отдавая себя „безъ союзниковъ и товарищей на судъ Европы и потомства", Неккеръ разсуждаетъ такимъ образомъ (стр. 45):

„Я желалъ бы только, чтобы позволено мнѣ было не брать въ судьи два разряда цензоровъ, одинаково переходящихъ мѣру въ своихъ мнѣніяхъ. Одни видятъ въ министрѣ короля только слѣпаго служителя власти и требуютъ отъ него пожертвованія всякаго рода либеральной идеей. Другіе въ томъ же министрѣ видятъ только простое частное лицо, минутнаго агента Націи и требуютъ отъ него рабской покорности идеямъ пользующимся популярностію. Долгъ министра лежитъ между этими двумя крайностями.... Я постоянно говорилъ Людовику XVI о несчастіяхъ и нуждахъ народа: я постоянно говорилъ народу о добродѣтеляхъ и благодѣтельныхъ намѣреніяхъ его короля; всѣми силами защищалъ монархію, не скрывая отъ монарха пользы уравновѣшиванія въ устройствѣ правительства". Не справедливо ли характеризовали мы Неккера какъ благожелательнаго посла предъ королемъ отъ нѣкоторой державы, именуемой Націей?

Разсуждая о революціонномъ крушеніи (стр. 47), Неккеръ дѣлаетъ такое сравненіе. „Толпа зрителей, говоритъ онъ, смотря на меня съ равнины, должна была видѣть меня постоянно близь нисходящей колесницы, съ быстротой катившейся съ вершины высокой горы и могла думать, что я толкаю эту колесницу или по крайней мѣрѣ ускоряю ея движеніе, тогда какъ напротивъ я постоянно удерживалъ колеса изо всѣхъ силъ и постоянно звалъ на помощь". Въ послѣднемъ показаніи позволительно, впрочемъ, усомниться.

Не станемъ перечислять министровъ интриги. Для нихъ главною задачей было сохранить мѣсто; дѣло, естественно, стояло на второмъ планѣ. Обезпечивъ свое положеніе, въ вѣдомствѣ своемъ можно было дѣйствовать весьма произвольно. Единства въ правительствѣ не было. Монбаре говоритъ, что министерства, при государственномъ порядкѣ строго, казалось, монархическомъ, представляли собою совершенныя республики. Каждое дѣйствовало на свой образецъ. Между министрами

попадались способные, но мало честные: бывали и честные, но мало способные. Послѣ Флёри, преемника Некkера, министромъ финансовъ былъ назначенъ Д'Ормессонъ. При дворѣ сложили острогу: „У меня новый поваръ". — „Хорошо готовитъ?" — „Нѣтъ, но честнѣйшій человѣкъ".

Наиболѣе способный былъ, безъ сомнѣнія, привлекательный Калонъ (Calonne), отличавшійся удивительною легкостью въ работѣ и потому отдававшій почти все время свѣтской жизни, умѣвшій въ минуты смущенія представить положеніе разстроенныхъ финансовъ въ блестящемъ видѣ, сыпавшій государственными деньгами, говорившій королевѣ: „если то что желаете ваше величество возможно, оно уже сдѣлано; если невозможно, будетъ сдѣлано"; не задумавшійся предъ бурей и безъ кормчаго распустить всѣ паруса государственнаго корабля.

Морепа внушилъ молодому королю систему какъ нельзя болѣе пришедшуюся по характеру Лудовика XVI: не принимать на себя инициативы правительственныхъ рѣшеній, чтобы не нести за нихъ нравственной отвѣтственности, а предоставить ихъ вполнѣ собранію министровъ, соглашаясь съ мнѣніемъ большинства. При случайности состава корпуса министровъ, при частой ихъ смѣнѣ, понятно къ какой политической непослѣдовательности, къ какимъ противорѣчіямъ должна была вести такая система. Царствовать, но не управлять, передавъ управленіе группѣ людей, составившейся чрезъ тысячи случайностей, значило потрясти монархическое неограниченное правленіе, какимъ было правленіе во Франціи, въ самомъ его принципѣ. Лудовикъ XVI не имѣлъ правительственнаго генія Екатерины или Фридриха II; на несчастіе Франціи онъ не имѣлъ достаточно государственнаго смысла, чтобы найти совѣтника, обладающаго дѣйствительнымъ государственнымъ умомъ, и довѣриться ему. Принятая система укрѣпила въ умахъ отдѣленіе короля отъ его правительства. Замѣчательно, что самъ король, въ головѣ котораго роились тѣ же мысли, при которыхъ слагались легкомысленныя политическія сужденія въ обществѣ, самъ отдѣлялъ себя отъ своего правительства. „Я окруженъ, пишетъ онъ Малербу (Malesherbes) въ апрѣлѣ 1776 года (*Lettres de Louis XVI*, par Chauvelot, Paris 1862, стр. 63), людьми имѣющими интересъ вводить меня въ заблужденіе, мѣшать тому, чтобъ общественное мнѣніе доходило до меня... Вы, мудрый Морепа и неустрашимый Тюрго, имѣете наиболѣе правъ на мое довѣріе". Мудрый Морепа дѣйствительно управлялъ дѣлами; неустрашимый Тюрго не нашелъ поддержки въ королѣ, Малербъ имѣлъ мало вліянія. „Вы имѣете, пишетъ далѣе въ томъ же письмѣ юный царственный либералъ, душу *гражданина*, вы передали ее и завѣдуемой вами Палатѣ (Cour des aides). Сужу объ этомъ по мощному краснорѣчію предста-

вленій какія вы ей диктуете и которыя я помѣстилъ въ избранной библіотекѣ моей съ рѣчами Цицерона противъ Катилины и Филиппиками Демосѳена. Я еще не увѣренъ полезно ли сѣять столь философскія начала среди монархическаго строя, который столько недовольныхъ хотятъ потрясти. Но представленія ваши исполнены желанія общественнаго блага. Они просвѣщали меня относительно безпорядковъ которые дворъ и *мои министры* сговаривались отъ меня скрывать". Менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ тотъ же король писалъ тому же Малербу: „Тюрго, любезный Малербъ, не годится болѣе для мѣста которое занимаетъ. Онъ слишкомъ цѣленъ даже въ добрѣ которое хочетъ сдѣлать. Деспотизмъ, какъ я вижу, ни въ чемъ не годенъ, даже когда хочетъ заставить великій народъ быть счастливымъ. Парламентъ, дворянство, особенно Морепа, искренно меня любящій, просятъ его отставки и я только что подписалъ ее". Изъ тѣхъ же писемъ узнаемъ, что король увлекался вначалѣ сочиненіями Вольтера, Руссо, Дидро, но потомъ пришелъ къ опасенію „не смутили бы они молодежь и не приготовили бы смуту поколѣнію, которое имъ покровительствуетъ". (Письмо отъ 13 декабря 1786 года).

IV.

Обратимся къ классамъ и учрежденіямъ, изъ которыхъ, въ соединеніи съ королемъ и его правительствомъ, слагалась государственная организація страны. Отъ жизненной крѣпости и правильнаго сочетенія частей зависѣла прочность цѣлаго. Зданіе распадается, если части утратили крѣпость и не представляютъ собою требуемой опоры. Монархическій строй дореволюціонной Франціи былъ сословный. Его части, кромѣ монарха и его правительства, — правящіе, привилегированные классы: духовенство, дворянство, магистратура (судебное вѣдомство, парламентъ). Остальное—классы управляемые: не привилегированная масса, среднее сословіе, народъ. О войскѣ—матеріальной опорѣ государства — не говоримъ. Военное ремесло не имѣло тогда ничего общаго съ политикою. Монархія Лудовика XVI менѣе всего была военною. Французскій король былъ статскій король. Революція, если и не была философскою, какъ ждали доктринеры-мечтатели ее призывавшіе, но и не была военною (говоримъ о первомъ періодѣ, да и затѣмъ, до Наполеона, были, войны революціи, но не военныя революціи). Она была дѣломъ уличной толпы, не встрѣчавшей противодѣйствія.

Что же, какія силы представляли собою привилегированные классы?

Графъ Монлозье, членъ Національнаго Собранія, депутатъ отъ Оверни, въ своихъ Мемуарахъ, заключающихъ въ себѣ одно изъ

любопытнѣйшихъ изображеній эпохи Національнаго Собранія, дѣлаетъ въ высшей степени замѣчательное указаніе на основное явленіе, обусловившее революцію. Вотъ, какъ характеризуетъ онъ причины или, какъ онъ выражается, „ближайшую причину“, cause particulière, революціи. „Причину эту, говоритъ онъ (I, 159), можно характеризовать слѣдующимъ образомъ: 1) сильнѣйшее волненіе, вдругъ происшедшее въ тѣлѣ, которое все состояло изъ частныхъ разрушеній не замѣненныхъ никакимъ положительнымъ созиданіемъ, 2) неспособность высшаго правительства, которое, когда волненіе произошло, не умѣло ни направить его въ его законныхъ стремленіяхъ, ни подавить въ его уклоненіяхъ. Говорю прежде всего о *частныхъ разрушеніяхъ* (destructions partielles). Что именно таковъ былъ характеръ Франціи стараго порядка, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Старыя собранія Марсовыхъ полей и майскія не существовали болѣе; ихъ замѣстившія, какъ иногда говорили, собранія сословныхъ представителей (états généraux) исчезли; парламенты бароновъ, коими долго управлялось государство, также исчезли; они уступили мѣсто парламентамъ законовѣдовъ (légistes), претендовавшимъ на родство съ прежними, но въ сущности совершенно отличнымъ отъ тѣхъ и по составу, и по кругу дѣйствій. Всѣ другія учрежденія представляли тотъ же характеръ; повсюду были *мертвые призраки вмѣсто прежнихъ дѣйствительностей* (partout on avait des images mortes à la place des anciennes réalités)“. Трудно не замѣтить родства сужденій Монлозье съ идеями такъ блистательно развитыми Тэномъ. Съ одной стороны отживающія учрежденія, съ другой правительство слабое, ничтожное и вмѣстѣ съ тѣмъ широко преобразовательное — вотъ условія революціи *.

По преимуществу, уполномоченнымъ органомъ націи въ предреволюціонную эпоху считали себя парламенты. Парламенты въ Парижѣ и въ провинціяхъ были по происхожденію и назначенію своему учрежденія судебныя, при правительствахъ сильныхъ не выходившія изъ

* О самомъ себѣ Монлозье, не игравшій выдающейся роли въ Собраніи, говоритъ слѣдующимъ образомъ (I, 184): „я могъ видѣть въ теченіе моей жизни какъ слагается успѣхъ. Какъ скоро какая-нибудь идея находится или кажется находящеюся въ великой чести, все талантливое тѣснится около нея, чтобы придать ей сіянія и блеску. И вотъ всѣ находятъ въ васъ геній, такъ какъ видятъ отраженіе собственнаго. По моей дурной натурѣ я всегда былъ расположенъ писать только противъ заблужденія. И чѣмъ заблужденіе было распространеннѣе, даже если было всеобщимъ, тѣмъ болѣе являлось у меня ревности бороться съ нимъ. Но когда всѣ находятся въ заблужденіи, вы можете говорить и писать что угодно; слушателей имѣть не будете“.

круга своихъ обязанностей. Мало-по-малу они расширили свое значеніе, воспользовавшись правомъ внесенія новыхъ законовъ въ общій сводъ (enregistrement des lois). Внесеніе это первоначально имѣло цѣлью принятіе парламентами къ свѣдѣнію тѣхъ законовъ, по какимъ они должны были судить и которыми должны были мотивировать свои заключенія. Парламенты обратили этотъ актъ въ право дѣлать представленія и возраженія правительству прежде чѣмъ внести законъ въ общій сводъ. Захвативъ это право, они съ настойчивостію и значительнымъ искусствомъ обратили его какъ бы въ право охраны народныхъ интересовъ и сдѣлали изъ своихъ представленій и возраженій, по выраженію Монбаре, „публичные уроки независимости почти всегда звучавшіе какъ набатъ возстанія“. Они явились главными противниками правительства. Министры весьма нерѣдко, или для того чтобы поддержать свой авторитетъ и личное преобладаніе, или изъ ревности къ своимъ соперникамъ, старались вліять на тотъ или другой парламентъ въ своихъ интересахъ и тѣмъ придавали имъ силы въ борьбѣ съ правительствомъ (Монбаре, III, 97). Борьба съ парламентами проходитъ чрезъ все царствованіе Людовика XV. Они побѣдили іезуитовъ, но затѣмъ сами пали въ борьбѣ съ королевскою властью. Канцлеръ Мопу, самъ бывшій президентомъ одного изъ парламентовъ и чрезъ то близко знакомый со всѣми пружинами этихъ учрежденій, коснулся ихъ сильною рукой и настоялъ на судебной реформѣ, замѣнившей старые парламенты новыми учрежденіями, которыя пришлось по необходимости наполнить новыми лицами безъ особенно строгаго выбора. Людовикъ XVI, вступивъ на престолъ, засталъ старые парламенты распущенными. Канцлеръ Мопу, какъ лицо крайне не популярное, былъ скоро удаленъ; руководителемъ короля сталъ Морепа. Борьба старыхъ парламентовъ съ короной сдѣлала ихъ популярными въ общественномъ мнѣніи. Возвращеніе казалось мѣрою либеральною, которою можно угодить общественному требованію. Морепа высказался въ пользу возвращенія. Это разнеслось, и въ Парижѣ на представленіи въ Оперѣ онъ былъ привѣтствованъ рукоплесканіями зрителей (Веберъ, I, 118). Либеральный, но проницательный Тюрго былъ противъ возстановленія учрежденія, только-что побѣжденнаго съ значительнымъ трудомъ, и понималъ, что возстановленіе его равносильно пораженію наносимому правительствомъ самому себѣ. Дѣйствія правительства обнаружили его слабость и неспособность. Учрежденія смѣнившія распущенные парламенты были составлены съ большими трудностями. Члены ихъ, не популярные въ обществѣ, нуждались въ поддержкѣ правительства, которое устами новаго короля только-что выразило имъ: „можете надѣяться на мое покровительство“! То же правительство однако немедленно ихъ бросило, давая свидѣтельство что друзей оно

не поддержитъ и выдастъ, а предъ врагами преклонится. Они жаловались на свое положеніе, говоря, что толпа имъ свищетъ на улицахъ, когда они отправляются въ засѣданія, Морепа отвѣтилъ: „ходите туда въ домино“. Въ королевскомъ засѣданіи 12 ноября 1774 (lit de justice) Людовикъ XVI возстановилъ суды уничтоженные его предшественникомъ и уничтожилъ тѣ которые учредилъ Людовикъ XV. Возстановленіе было объявлено какъ бы въ формѣ прощенія. Король говорилъ: „король мой предокъ вынужденный вашимъ неоднократнымъ сопротивленіемъ его повелѣніямъ сдѣлалъ то, чего требовала отъ его мудрости обязанность поддержать авторитетъ власти и вмѣстѣ съ тѣмъ дать судъ и правду его народамъ. Нынѣ призываю васъ вновь къ вашимъ обязанностямъ, которыя вы никогда бы не должны были оставлять. Чувствуйте всю цѣну моей доброты и никогда о томъ не забывайте“.

Тюрго предупреждалъ короля что „нѣтъ ничего труднѣе какъ урезонить духъ корпораціи; корпорація безъ малѣйшаго зазрѣнія окажетъ себя неблагодарною, ибо состоитъ изъ неотвѣтственныхъ элементовъ“.

Въ Парижѣ, описываетъ Веберъ, „первымъ дѣйствіемъ новаго парламента было, на другой же день послѣ возстановленія, протестовать противъ эдикта которымъ онъ былъ возстановленъ и противъ формъ королевскаго засѣданія, даровавшаго ему жизнь... Ученіе проводимое парламентомъ состояло въ томъ что онъ „не прекращалъ своего существованія хотя, члены его были смѣщены и разсѣяны; что не отъ эдикта о возстановленіи зависитъ существованіе парламента, и эдиктъ этотъ только оскорбляетъ его права“. Парламенты возвратились побѣдителями, вновь явились силою противоборствующею правительству, такъ какъ именно въ этомъ противоборствѣ заключалось ихъ значеніе. Противодѣйствіе парламентовъ вызывали даже мѣры направленныя ко благу народа.

Припомнимъ, что и популярный Неккеръ былъ противъ парламентовъ. Одною изъ любимыхъ мыслей Неккера было введеніе провинціальныхъ собраній. Противодѣйствіе парламентовъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ побудило его такъ высказаться въ секретномъ докладѣ королю (Laverne, *Revue des deux Mondes*, juillet 1861, p. 46 статья „О провинціальныхъ собраніяхъ во Франціи“). „Общество, повинуясь направленію, какое приняли умы, нынѣ зорко всюду высматриваетъ злоупотребленія и неудобства. Отсюда безпокойное и смутное критикованіе, дающее постоянную пищу стремленію парламентовъ вмѣшиваться въ дѣла управленія. Стремленіе это обнаруживается съ ихъ стороны все сильнѣе и сильнѣе. Какъ всѣ корпораціи ищущія власти, они выступаютъ какъ бы отъ имени народа, именуя себя защитниками правъ націи. Несильные ни образованіемъ, ни чистотою

любви къ государственному благу, они, безъ сомнѣнія, будутъ и продолжать такъ дѣйствовать, пока будутъ разчитывать на поддержку общественнаго мнѣнія. Надо, слѣдовательно, или отнять у нихъ эту поддержку или быть готовымъ на постоянное возобновленіе борьбы, которая возмутитъ покой царствованія вашего величества и приведетъ или къ уничтоженію власти, или къ крайнимъ мѣрамъ, послѣдствія которыхъ нельзя съ точностію и измѣрить. Единственное средство предотвратить эти столкновенія—возвратить парламенты къ ихъ почетнымъ и спокойнымъ обязанностямъ судебнымъ и удалить отъ ихъ глазъ предметы управленія“. Донесеніе сдѣлалось какъ-то извѣстнымъ. Паденіе Неккера было его послѣдствіемъ.

Какъ фиктивна была сила парламентовъ, обусловившаяся тѣмъ что они были въ борьбѣ съ правительствомъ, доказывается тѣмъ съ какою быстротой исчезла громадная популярность пріобрѣтенная было ими въ разгаръ этой борьбы въ 1788 году. Едва прошелъ годъ, и учрежденія, на защиту которыхъ волновалось общество, поднимались народныя массы, были сметены нѣсколькими словами презрительнаго декрета Національнаго Собранія отъ 3 ноября 1789 года. По предложенію Александра Ламета (Lameth) было постановлено: „въ ожиданіи не въ далекомъ будущемъ обсужденія Собраніемъ новой организаціи судебной власти, всѣ парламенты государства имѣютъ продолжать свою вакацію, а тѣ которые вернулись къ занятіямъ имѣютъ возвратиться къ состоянію вакаціи“. „Теперь, замѣтилъ Мирабо, у парламентовъ вакація. Пусть никогда изъ нея и не выходятъ. Возвращаться имъ не придется, прямо перейдутъ отъ агоніи къ смерти“. Въ ноябрѣ 1790 года состоялся декретъ объ окончательномъ уничтоженіи парламентовъ. Парламентъ въ Тулузѣ пробовалъ сопротивляться. Главные члены его затѣмъ погибли на эшафотѣ.

А общественное мнѣніе такъ поддерживавшее парламенты въ борьбѣ съ правительствомъ? Въ журналѣ Прюдома *Révolutions de Paris* (N. XVII, 27) читаемъ: „Вся Франція ждала рѣшенія Національнаго Собранія относительно парламентовъ. Вся Франція съ огорченіемъ видѣла, что Мартиновъ день приближается, а еще ничего не рѣшено. Вдругъ по всему городу разнесся слухъ о рѣшеніи Собранія на неопредѣленный срокъ продолжить парламентскую вакацію, а тѣ парламенты, которые уже вернулись, возвратить въ состояніе вакаціи. Если дѣло о имуществахъ духовенства и могло оставить нѣкоторыя сомнѣнія, вполнѣ ли уничтожена пагубная коалиція стремившаяся погубить государство, то теперь, послѣ новаго декрета или, лучше сказать, новаго благодѣянія законодательнаго корпуса, нѣтъ болѣе мѣста сомнѣнію. Членъ сдѣлавшій предложеніе, тѣ кто поддерживали его, всѣ признали, что существованіе парламентовъ *не*

согласно съ нынѣшнею нашею конституціей. Систематическіе притѣснители народа, открытые враги королевской власти, они, что бы ни дѣлали, имѣли одну цѣль — все согнуть подъ свой деспотизмъ. *Я тебя повышу*, была любимая угроза нашихъ господъ членовъ парламента и нерѣдко такою любезностію отдѣлывались они отъ кредиторовъ. Народъ думающій, что господа эти не безъ вины въ нынѣшнемъ голодѣ, съ живѣйшею радостію услышалъ въ пятницу обнародованіе декрета".

V.

Дѣятельною революціонною силой въ рядахъ средняго сословія явился классъ интеллигентнаго разночинства: интеллигенція, такъ сказать, втораго порядка. Она-то собственно разумѣла себя подъ именемъ третьяго сословія имѣющаго быть всѣмъ. Она выступила, какъ бы воплощая въ себѣ силу милліоновъ людей средняго и низшаго классовъ, самихъ по себѣ нисколько не революціонныхъ. Выступила въ началѣ самозванно. Правительство своими мѣрами сдѣлало ее дѣйствительною представительницей стоявшихъ за нею темныхъ милліоновъ. Изъ ея среды было составлено главнымъ образомъ Національное Собраніе, рѣшившее судьбу Франціи.

Біо говоритъ: „тогда, казалось, одни ораторы могутъ служить дѣлу свободы, и эта ошибка была отчасти причиною нашихъ золъ". Болѣе чѣмъ отчасти: можно сказать главною причиной. Герои общественныхъ говориленъ, расплодившихся въ обиліи, сдѣлались, благодаря мѣрамъ правительства, политическою силой. Обратившись къ націи, правительство организовало свой призывъ такъ что большинство созваннаго собранія составили представители этой безсословной интеллигенціи низшаго порядка; говорю безсословной, ибо одною изъ главныхъ темъ ея было поглощеніе прежняго сословнаго строя въ безразличіи классовъ.

Адвокаты средней руки, мелкій судейскій людъ, авторы мелкихъ брошюръ и памфлетовъ (журналисты въ тѣсномъ смыслѣ размножились съ революціей до революціи классъ ихъ былъ не многочисленъ); секретари, сановниковъ и прелатовъ, учителя въ знатныхъ домахъ, вотъ многочисленные представители этого класса. Любопытно, что на размноженіе его, какъ на общественное зло, указывается въ наказѣ средняго сословія въ Парижѣ. Въ § 24 высказывается желаніе: „уменьшить количество даровыхъ школъ рисованія и другихъ, а также стипендій (bourses) въ коллежахъ, благодаря которымъ обезлюдѣли деревни и люди бросаютъ мастерства гораздо болѣе полезныя обществу, чѣмъ эта толпа всяческихъ лачкуновъ (barbouilleurs), аббатовъ,

клерковъ, мелкихъ служащихъ безъ мѣста, бумагомарателей, которыхъ все имущество ихъ перо или кисть и которые таскаются повсюду со своимъ нищенствомъ и гордымъ невѣжествомъ".

Бальи упоминаетъ, что адвокаты были главными дѣятелями революціоннаго переворота. Монбаре (III, 209 и 173) съ раздраженіемъ говоритъ: „Министры Людовика XVI разсчитывали, допустивъ двойное представительство средняго сословія, купить расположеніе толпы, унизить дворянство и высшее духовенство, а съ другой стороны впустить въ число представителей средняго сословія какъ можно болѣе адвокатовъ и судейскихъ (d'avocats et de gens de loi) — продажный классъ почти всегда безъ принциповъ, привыкшій звонкую фразу ставить на мѣсто дѣла и ловкій въ искусствѣ скрывать истину... Классъ адвокатовъ былъ во всемъ королевствѣ пропитанъ принципами сочиненій Руссо и его послѣдователей. Таланты этого класса, вмѣсто того чтобы служить на защиту частныхъ лицъ и для объясненія законовъ, направились на лагубу правительства".

Люди, владѣвшіе перомъ, которое могли отдавать или продавать на службу партіямъ и лицамъ, находили поддержку въ классѣ, также заслуживающемъ большаго вниманія,—классѣ банкировъ и вообще капиталистовъ.

Этотъ классъ поднялся параллельно со значительнымъ обѣднѣніемъ дворянства. Многочисленные браки дворянъ съ дочерьми представителей финансоваго міра не послужили впрочемъ къ сліянію обоихъ классовъ. „Жадность къ деньгамъ, говоритъ Монбаре (III, 156), заглушила чувство гордости, отличавшее дворянство въ прежнее время. Браки съ дочерьми представителей финансоваго міра не мало тому содѣйствовали. Но богатство этимъ путемъ достигнутое не удовлетворяло получившихъ его и только увеличивало жажду наслажденій. Мало-по-малу неразборчивость средствъ для ихъ достиженія развратила сердца. Перемѣна эта была ощутительна при дворѣ. Линія раздѣла между званіями, прежде столь рѣзкая, почти исчезла. Осталась разница только въ степеняхъ богатства. Дочери капиталистовъ воспитывались въ принципахъ равенства, преподаваемыхъ въ философскихъ сочиненіяхъ Вольтера, Руссо и ихъ учениковъ. Эти принципы какъ нельзя болѣе льстили гордости этихъ особъ и подымали ихъ на уровень высшихъ классовъ, существованіе которыхъ уязвляло ихъ самолюбіе". Изъ нихъ вышли руководительницы политическихъ салоновъ.

Боркъ указываетъ на замѣчательный, какъ онъ выражается, союзъ капиталистовъ съ классомъ политическихъ писателей. „Писатели, говоритъ онъ, когда дѣйствуютъ цѣлымъ корпусомъ, въ одномъ и томъ же направленіи, получаютъ огромное вліяніе на общественное мнѣніе. Вотъ почему союзъ публицистовъ съ капиталистами произ-

велъ большое дѣйствіе, уменьшивъ ненависть и зависть народа къ этой формѣ богатства. Писатели эти, подобно всѣмъ новаторамъ, показывали большое усердіе по отношенію къ бѣдному и низшему классу общества, а въ то же время въ своихъ сатирахъ силою преувеличенія навлекали сильнѣйшую ненависть къ ошибкамъ двора, дворянства, духовенства. Они сдѣлались демагогами особаго рода: служили соединительнымъ звеномъ для направленныхъ противъ того же предмета враждебныхъ расположеній богатства съ одной стороны и бурливаго отчаянія бѣдности съ другой... Соединенною политикой двухъ этихъ классовъ, капиталистовъ и публицистовъ, объясняется почему, въ то время какъ всякаго рода земельная собственность и учрежденія, находившіяся во владѣніи духовенства, сдѣлались предметомъ яростнѣйшихъ нападеній, капиталъ былъ взятъ подъ особую защиту".

Интеллигенція, о которой говоримъ, не съ разу могла явиться преобладающею революціонною партіей и захватить власть. Истинное царство ея наступило въ эпоху владычества Робеспьера, ея типическаго представителя. Къ ея господству требовался переходный мостъ. Мостомъ этимъ послужили тѣ честолюбцы изъ высшаго класса, которые приняли въ свои руки дѣло средняго сословія, направленное къ разрушенію высшихъ классовъ, стали во главѣ революціоннаго движенія, имѣя въ средѣ своей члена королевскаго семейства, герцога Орлеанскаго, деньгами котораго пользовались. Переходъ отъ монархіи къ реслубликѣ Робеспьера долженъ былъ свершиться чрезъ Мирабо.

VI.

Во имя какихъ политическихъ идей дѣйствовали ораторы общественныхъ говориленъ и авторы печатныхъ листовъ призванные предъ созывомъ государственныхъ чиновъ самимъ правительствомъ къ высказыванью якобы народныхъ нуждъ и желаній?

Политическое ученіе, которое можно усмотрѣть въ основѣ революціоннаго движенія 1789 года, есть ученіе энциклопедистовъ и *Общественнаго Контракта* Руссо. Революція есть политическій опытъ этой системы на живыхъ людяхъ. Знаменитая статья *Энциклопедіи* *, *Autorité* уже заключаетъ въ себѣ это ученіе въ самомъ популярномъ

* Первый томъ *Энциклопедіи* появился въ 1751 году (*Esprit rév. avant la révol.* par. Felix Roquain. 1878, 146). На слѣдующій годъ этотъ томъ и второй появившійся были присуждены къ уничтоженію (arrêt du Conseil d'Etat, 7 февраля 1752 года).

изложеніи. Статья въ свое время надѣлала шуму, вызвала преслѣдованіе. Нѣкоторые утверждали, что она заимствована изъ одной англійской книги. Отъ обвиненія въ томъ, что статья разрушаетъ ученіе о происхожденіи власти законнаго государя отъ Бога, авторъ оправдывался тѣмъ, что имѣлъ въ виду только различить власть законнаго государя отъ власти похитителя короны, которому народъ все-таки обязанъ повиноваться, и утверждалъ, что статья есть не болѣе какъ развитіе одного мѣста изъ сочиненія изданнаго при Людовикѣ XIV. Вотъ что читаемъ въ статьѣ *Авторитетъ*: „Ни одинъ человѣкъ не получилъ отъ природы права повелѣвать другими. Свобода есть даръ неба и каждый индивидуумъ человѣческаго рода имѣетъ право пользоваться ею какъ только пользуется разумомъ. Если природа установила какой авторитетъ, то это родительская власть... Всякая другая власть происходитъ не отъ природы, а изъ другихъ источниковъ. При внимательномъ разсмотрѣніи, каждая власть приводится къ одному изъ двухъ источниковъ: или сила и насиліе овладѣвшаго властію, или согласіе между подчиняющимися и тѣмъ кому вручена ими власть на основаніи договора дѣйствительнаго или *предполагаемаго* (contrat fait ou supposé entre eux)". Эта идея договора, на нарушеніе котораго некуда впрочемъ жаловаться, развита Руссо въ его тяжеловѣсномъ трактатѣ *Contrat Social*, заслужившемъ, замѣтимъ мимоходомъ, самый неблагопріятный отзывъ Прудона. „Къ стыду, говоритъ Прудонъ, (*Oeuvr. Compl.* X, 125, Paris 1868), восемнадцатаго и нашего столѣтія, *Общественный Контрактъ* Руссо, высшій образецъ ораторскаго жонглерства, возбуждалъ удивленіе, превозносился до облаковъ, разсматривался какъ скрижаль общественныхъ вольностей. Члены Конституанты, жирондисты, якобинцы, кордельеры признали его оракуломъ. Онъ послужилъ текстомъ для конституціи 1793 года, объявленной нелѣпою ея собственными творцами. И нынѣ еще книга эта вдохновляетъ ревностнѣйшихъ реформаторовъ соціальной и политической науки". Теорія привлекала своею простотой и доступностью и казалась необходимою какъ скоро, съ ладеніемъ духовнаго авторитета, устранена идея божественнаго происхожденія власти и обязательности историческаго преемства.

Что такое принципъ власти? Принципъ власти выражается въ подчиненіи лица опредѣленному требованію независимо отъ того оправдывается ли это требованіе сознаніемъ подчиняющагося лица и согласно ли оно съ его собственною волею. Подчиненіе должно быть даже если требованіе противно желанію лица и несогласно съ указаніемъ его сознанія. Но, возникаетъ вопросъ: должно ли быть подчиненіе этого рода и не есть ли это нелѣпость? Въ силу чего долженъ я дѣлать то что для воли моей непріятно, для сознанія моего несообразно съ требованіями разума? Не есть ли мое прирожден-

Николай Васильевич
Пом.
Общественность, просвещение

ное, естественное право дѣлать лишь то, къ чему есть у меня охота и что̀ согласно съ моимъ убѣжденіемъ? Вмѣстѣ съ тѣмъ, принужденіе, какъ нѣчто извнѣ налагаемое, необходимо есть нѣкоторая искусственная рамка. Явилась привлекательная идея естественнаго состоянія какъ состоянія непринужденныхъ дѣйствій. Приближеніе къ природѣ чувствительно рисовалось какъ приближеніе къ естественной свободѣ. Удалимъ принужденіе на всѣхъ путяхъ, и настанетъ торжество свободы, которая есть именно устраненіе принужденія. Отсюда развязыванье узловъ и развинчиванье какъ первое дѣйствіе къ достиженію свободы, дѣйствіе притомъ крайне легкое какъ всякое разрушеніе; отсюда неспокойство и броженіе умовъ выискивающихъ что̀ бы устранить и потому находящихся въ состояніи недовольства и неудовлетворенности тѣмъ что̀ есть, ищущихъ чтобы было по новому, хотя и неизвѣстно какъ же именно.

Однако, мысль предоставить каждому абсолютный произволъ дѣйствій слишкомъ нелѣпа въ своихъ слѣдствіяхъ, чтобы стать основою какого-либо политическаго ученія. Приходится вернуть изгоняемое принужденіе, но подъ другою формой. Принужденіе должно основаться на свободномъ подчиненіи. Но такъ какъ свобода подчиненія не можетъ быть предоставлена отдѣльному лицу, ибо это былъ бы тотъ произволъ личныхъ дѣйствій, котораго требуется избѣжать, то въ сущность дѣла вводится фальшь. Свобода является только обманчивымъ утѣшеніемъ. Люди де свободно согласились между собою, дали взаимныя обязательства, заключили контрактъ, постановленія котораго и сдѣлались обязательнымъ закономъ. Принуждаемаго къ повиновенію утѣшаютъ тѣмъ, что за него кто-то гдѣ-то согласился. И мало-по-малу въ систему входятъ въ фальшивыхъ одеждахъ старые знакомые: подчиненіе, власть, произволъ, деспотизмъ, — но уже безпощадные, ибо не умѣряются ничѣмъ выспимъ, повинуясь только якобы „разуму“, которому заключенія его диктуютъ страсти. Возникаетъ идея коллективной воли, безпощаднѣйшаго изъ тирановъ. Выборъ является единственною формой вручения власти, по теоріи имѣющею вручить власть достойнѣйшимъ, на практикѣ легко обращающеюся въ форму общественнаго обмана. Верховнымъ закономъ становится воля большинства, мѣняющагося, выходящаго изъ междуусобицъ, подтасованнаго, творящаго велѣнія скрывающихся за нимъ безотвѣтственныхъ агитаторовъ. Приходимъ къ Конвенту...

Увы! философскій камень для всецѣлаго примиренія свободы и власти еще не найденъ. Ищущіе его мало обращаются къ практикѣ, дающей не безполезныя указанія. Въ какихъ условіяхъ оказывается наибольшее согласіе этихъ началъ? Нетрудно усмотрѣть, что оно оказывается, когда подчиняющіеся дорожатъ и чувствуютъ себя удовлетворенными тѣми учрежденіями, въ рамкахъ которыхъ поставлена

ихъ дѣятельность. Тогда подчиненіе становится дѣйствительно свободнымъ. Когда и верхніе слои и темный народный фундаментъ проходитъ сознаніе, что существующій государственный строй есть дорого купленный и подлежащій самому бережному охраненію результатъ тяжелой исторической работы, поднявшей страну, тогда будетъ ли страна демократическою реслубликой или неограниченною монархіей, она чувствуетъ себя свободною. Когда это сознаніе мутится или его мутятъ, власть подвергается опасности, начинается революціонная эра. Не стоящая на высотѣ задачи власть падаетъ, но не для того чтобы смѣниться царствомъ свободы, но чтобы перейти въ другія руки.

Наиболѣе логическій изъ революціонеровъ Прудонъ иначе рѣшаетъ задачу революціи. Согласно его ученію есть два основныя начала: начало власти или авторитета и начало свободы. Задача революціи есть упраздненіе перваго начала и всецѣлая замѣна его вторымъ. Уничтоженіе всякаго правительства, упраздненіе церкви, администраціи, полиціи, войска, вообще разложеніе политическаго государства. Это по крайней мѣрѣ послѣдовательно и безъ обмана. Такъ далеко не шли революціонныя идеи конца прошлаго вѣка и Прудонъ считаетъ первую революцію не свершившею и половины дѣла.

VII.

Мы приводили выше мнѣнія Монлозье, какъ примѣръ проницательнаго политическаго сужденія. Но и въ предшествовавшемъ царствованіи можно отмѣтить лицо удивляющее своею политическою зрѣлостію. Въ срединѣ прошлаго вѣка, въ эпоху столкновеній парламентовъ съ духовенствомъ, и духовенства и парламентовъ съ правительствомъ; когда парламенты, гдѣ господствовали янсенисты, обрекали на сожженіе рукою палача епископскія посланія *, когда духовенство, въ которомъ преобладали іезуиты, отказывало коронѣ въ повиновеніи и вынужденное фактически уступить по вопросу объ участіи въ уплатѣ государственныхъ долговъ оговаривало „ваше величество не признаете за худо, что духовенство никогда не согласится обратить въ дань повиновенія то, что всегда приносило въ свидѣтельство любви и уваженія“ — Маркизъ д'Аржансонъ, бывшій нѣкоторое время министромъ при Людовикѣ XV, уже усматривалъ непрочность государственнаго строя, предвидѣлъ неизбѣжность переворота и опасался революціи. Эти предсказанія революціи принад-

* D'Argenson, VII, 268. Августъ 1752 года.

лежатъ къ интереснѣйшимъ страницамъ его дневника. Замѣтимъ впрочемъ, что терминъ революція не имѣлъ тогда столь опредѣленнаго значенія, какое получилъ послѣ событія 1789 году и употреблялся въ болѣе широкомъ смыслѣ переворота.

(VI, 403, май 1757). „Только и говорятъ что о необходимости близкой революціи, вслѣдствіе дурнаго состоянія внутренняго управленія. Революція эта приведетъ лишь къ установленію должности перваго министра разумнаго и уважаемаго, который возстановитъ экономію въ издержкахъ короля и введетъ что въ Англіи называютъ liste civile. Можетъ быть потребуютъ совѣта и даже собранія государственныхъ чиновъ. Но переходъ къ новому устройству путемъ революціи трудное и непріятное дѣло, ибо можетъ произойти лишь чрезъ мятежъ. Туда войдутъ духовенство и можетъ быть двое изъ нашихъ принцевъ, которые теперь наиболѣе на виду“ (принцъ Конти и герцогъ Шартрскій).

(VI, 464) „Изъ Англіи вѣетъ къ намъ философскій вѣтеръ свободнаго и антимонархическаго правленія. Это входитъ въ умы, а извѣстно какъ мнѣніе правитъ міромъ. Возможно, что образъ правленія этого сложился въ головахъ, чтобы осуществиться при первомъ случаѣ и быть можетъ революція свершится съ меньшимъ сопротивленіемъ, чѣмъ думаютъ. Не потребуется ни принца, ни вождя, ни религіознаго энтузіазма (ni prince, ni seigneur, ni l'enthousiasme de la religion). Сдѣлается аккламаціей... Всѣ сословія недовольны, суровость и несправедливость испытываетъ военный увольняемый тотчасъ какъ окончилась война; духовенство, какъ извѣстно, унижено и осмѣяно. А парламенты и другія корпораціи, а провинціи, а народъ, угнетаемый бѣдностію, торжествующіе финансисты, возвращающіе насъ къ царству жидовъ? Все это матеріалы воспламенимые. Бунтъ можетъ перейти въ возмущеніе, а возмущеніе стать полной революціей, съ выборомъ народныхъ трибуновъ, собраніями, общинами, лишеніемъ короля и министровъ возможности обращать чрезмѣрныя права во вредъ. Абсолютное монархическое правленіе превосходная вещь при хорошемъ королѣ, но кто гарантируетъ, что у насъ будутъ все Генрихи IV? Пусть не говорятъ, что нѣтъ болѣе людей исполнить такія значительныя перемѣны. Пожаръ охватилъ бы всю націю, и если бы оказалось необходимымъ собрать государственные чины, то они соберутся не даромъ. Пусть остерегутся“!

Въ 1753 году Аржансонъ писалъ въ дневникѣ: „Утрату религіи во Франціи нельзя приписывать англійской философіи, имѣющей приверженцами въ Парижѣ какую-нибудь сотню философовъ. Ее слѣдуетъ приписать доходящей до послѣдней крайности ненависти противъ священниковъ. Едва смѣютъ показываться на улицѣ, опасаясь быть освистанными. Всѣ умы обращены къ недовольству и неповиновенію. Все

идетъ къ великой революціи и въ религіи и въ правленіи. Это будетъ не то, что грубая реформа, смѣшанная изъ суевѣрій и свободы, пришедшая къ намъ въ XVI вѣкѣ. Такъ какъ образованіе нашей націи и нашего вѣка теперь иное, то пойдутъ до конца. Изгнаны будутъ и священники, и всякое духовенство, и религія, и всякое таинство. Полагаютъ, что свершись такая революція въ Парижѣ, она начнется съ того, что разорвутъ какихъ-нибудь священниковъ, можетъ самого архіепископа парижскаго... Въ нынѣшнемъ году (1753) священники замѣтили уменьшеніе на треть пріобщающихся... Никогда во время карнавала, не было столько масокъ наряженныхъ въ духовное платье. епископами, аббатами, монахами, монашенками“ *.

---

* Ср. „Aubertin, L'esprit public en XVIII siècle“. Paris 1873, p. 281.

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ

РОКОВОЙ ШАГЪ: СОБРАНІЕ НОТАБЛЕЙ ВЪ 1787 ГОДУ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Правительственное рѣшеніе собрать нотаблей.

I. Кому принадлежитъ починъ собранія нотаблей.—II. Какъ было встрѣчено правительственное рѣшеніе.—III. Почему собраніе нотаблей стало роковымъ событіемъ.—IV. Отступленіе: важный моментъ въ нашей новѣйшей исторіи.

I.

Въ концѣ декабря 1786 года, въ тринадцатый годъ царствованія Людовика XVI, былъ сдѣланъ шагъ великой важности. Рѣшено было созвать собраніе нотаблей, нѣчто въ родѣ собора именитыхъ людей. Въ составъ его входили принцы крови, приглашенные королемъ представители высшаго дворянства, духовенства, магистратуры, далѣе члены королевскаго совѣта (conseil du roi), депутаты отъ провинцій гдѣ были сословныя собранія (pays d'états), городскіе старшины prévots de marchands) Парижа и Ліона и меры двадцати двухъ другихъ городовъ изъ остальной Франціи (списокъ нотаблей см. *Archives parlem.* I, 182). Дѣло держалось въ секретѣ и было рѣшено неожиданно для всѣхъ (Bazenval, *Mem.* II, 204) въ совѣщаніи короля съ тремя министрами: Калономъ, хранителемъ печатей Миромениломъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ Верженомъ (de Vergennes). Другіе ближайшіе совѣтники короля узнали волю его въ засѣданіи совѣта депешъ (conseil des dépêches), изъ котораго должно было послѣдовать объявленіе о созывѣ. О тайнѣ не знали даже королева и близкія къ ней лица (Droz, 168). Мало впечатлительный король лодъ конецъ такъ увлекся мыслію такого обращенія къ націи, что на другой день послѣ объявленія въ совѣтѣ своего рѣшенія писалъ къ Калону: „я не спалъ эту ночь, но отъ удовольствія". Немедленно разосланы были приглашенія и собраніе назначено на 29

января 1787 года. Подборъ членовъ былъ сдѣланъ тщательно и безпристрастно. Калонъ, двигатель всего предпріятія, не устранилъ даже явныхъ своихъ враговъ, какъ архіепископа Тулузскаго Ломени де Бріена, своего будущаго преемника. Въ безпристрастіи выбора Калону отдавали справедливость даже его порицатели (Hekkeръ *De ea révol. franç.*, I, 22; Paris 1797). Члены, за немногими исключеніями, принадлежали къ двумъ высшимъ классамъ, дворянству и духовенству, къ послѣднему въ лицѣ высшихъ его представителей, вышедшихъ также изъ дворянскаго сословія. Собраніе не было выборнымъ, но государственныя силы страны въ ихъ высшемъ элементѣ были представлены достаточно и внушительно: это были тѣ силы, въ которыхъ монархическое начало должно было, казалось, найти наиболѣе прочную опору. И что же? Собраніе послужило не дѣлу укрѣпленія и возвышенія лошатнувшейся власти, а дѣлу революціи; шагъ оказался роковымъ. Знаменательный фактъ, заслуживающій внимательнаго разбора.

Нельзя не признать что въ идеѣ собрать именитыхъ людей было не мало привлекательнаго и не мудрено, что Калону удалось прельстить короля мыслію созвать въ минуты затрудненій лучшихъ людей страны и на нихъ опереться, чтобы произвести широкія реформы для блага народа. Положеніе дѣлъ было дѣйствительно трудное. Въ финансахъ значительный дефицитъ, авторитетъ власти въ паденіи, въ умахъ безпокойство неспособное ничѣмъ удовлетвориться, породившее всеобщее критиканство. Надо же было что-нибудь предпринять! Какая мѣра могла быть дѣйствительнѣе собора лучшихъ людей? Еслибы собраніе оказалось на высотѣ своего призванія, овладѣло бы положеніемъ, вошло бы въ преобразовательные виды правительства, поддержало бы ихъ своимъ авторитетомъ, сдѣлалось бы опорой монархіи,—ходъ событій могъ быть совсѣмъ иной. Получи мѣра успѣхъ,—она бы въ вѣкахъ прославлялась какъ актъ государственной мудрости. Успѣха не было, и мы зовемъ ее роковою ошибкой.

И мы правы. Одинъ и тотъ же актъ можетъ быть и дѣломъ мудрости, и ошибкой, смотря по условіямъ, въ какихъ онъ предпринимается. Послѣ событія не трудно выяснить обстоятельства опредѣлившія его ходъ. Трудно разсчитать ихъ предъ событіемъ. Тутъ-то и познается государственный умъ. Былъ ли созывъ собора нотаблей удовлетвореніемъ вѣрно угаданной дѣйствительной потребности страны въ тѣ минуты? Въ общественномъ настроеніи было безпокойное чувство неудовлетворенности, но безъ сознанія какихъ-либо практическихъ мѣръ способныхъ прекратить огульное порицаніе существующаго порядка. „Мнѣніе" громко чего-то требовало, чего-то свободнаго, лучшаго, имѣющаго смѣнить безаппелляціонно негодный источникъ всего зла: существующій порядокъ, но чего именно требо-

вало, это оставалось въ густомъ туманѣ отвлеченныхъ идей о естественныхъ правахъ человѣка, верховенствѣ націи, о свободныхъ учрежденіяхъ, истребленіи злоупотребленій и предразсудковъ и т. д.

Общественный говоръ, хотя бы онъ громко заявлялъ себя, какъ общественное мнѣніе, и интересы страны суть двѣ вещи далеко не совпадающія. Благо для страны когда интересы ея совпадаютъ съ ея общественнымъ мнѣніемъ. Это плодотворные историческіе моменты подъема народнаго духа Бываютъ, напротивъ, эпохи замутившагося общественнаго сознанія, разнородныхъ требованій, не считающихся съ дѣйствительностію, въ дѣйствительности неосуществимыхъ, но порождающихъ за то отрицаніе всего существующаго въ дѣйствительности, какъ подлежащаго смѣнѣ. Общество является потерявшимъ голову. Если при этомъ теряетъ голову и правительство, то исходъ одинъ—революціонное крушеніе.

Починъ въ дѣлѣ созванія нотаблей принадлежитъ Калону. Если быть первымъ виновникомъ Французской революціи есть честь, то честь эта должна принадлежать этому министру. Въ послѣдствіи, въ сочиненіи *О современномъ и будущемъ положеніи Франціи* (*De l'état de la France à présent et à venir*) изданномъ въ 1790 году въ Лондонѣ (послѣ паденія своего Калонъ переселился на житье въ Англію), разбирая дѣйствія Конституанты и вѣрно предвидя грозившія странѣ бѣдствія, онъ съ горечью, но и не безъ оттѣнка гордости вспоминалъ, что первый двинулъ Францію на путь переворота. „Еслибы не имѣлъ я, пишетъ онъ (préface, 2), важнаго личнаго повода съ участіемъ слѣдить за событіями, которыхъ быть-можетъ буду сочтенъ *первою причиной, такъ какъ я побудилъ возобновить національныя собранія*, то достаточно быть Французомъ по рожденію чтобы быть глубоко взволнованнымъ и постоянно заниматься этими событіями". Въ февралѣ 1789 года Калонъ написалъ обширное письмо къ королю, изданное также въ Лондонѣ (*Lettre adressée au Roi par M. de Calonne, le 9 fevrier 1789*). Въ концѣ этого любопытнаго письма онъ говоритъ: „не могу признать, что я возродилъ идею о національныхъ собраніяхъ и былъ первою причиной ихъ возвращенія".

Это впрочемъ не пріобрѣло ему милости со стороны историковъ, приверженцевъ революціи. За нимъ осталось имя министра хищника и расточителя, разстроившаго финансы Франціи легкомысленными операціями. Ему противополагаютъ честность и экономію заклятаго врага его, Неккера.

Но преувеличенно дурная репутація Калона есть историческая несправедливость, какъ и преувеличенное восхваленіе Неккера: печальное свидѣтельство, что популярничаньемъ и умѣньемъ составить кружекъ приверженцевъ пріобрѣтается не только восхваленіе при жизни, но и пристрастіе на судѣ исторіи. Историкъ, имѣя предъ

глазами неумолкаемыя похвалы или порицанія современниковъ, невольно и самъ становится ихъ отголоскомъ и проглядываетъ чѣмъ были куплены похвалы и изъ какого источника вышли порицанія. Калонъ вовсе не былъ хищникомъ какъ обвиняли его враги; удалившись отъ дѣлъ, онъ оказался не имѣющимъ состоянія и получилъ средства къ жизни лишь благодаря женитьбы на богатой вдовѣ (*Biographie Universelle*). Человѣкъ безспорно талантливый, увлекательный въ обращеніи, чаровавшій женщинъ, игрокъ въ политикѣ, со вспышками вдохновенія и труда, съ небрежностью и лѣнью свойственными артистическимъ натурамъ, онъ былъ роковымъ человѣкомъ для предреволюціонной Франціи. Ловкость и отвага были недостаточны тамъ, гдѣ требовались или геніальность, или высокая нравственная сила. Но онѣ были достаточны, чтобы двинуть страну на путь революціи. Веберъ въ своихъ *Мемуарахъ* (I, 151) такъ характеризуетъ Калона: „Всѣ безпристрастные люди отдавали ему справедливость въ разнообразныхъ административныхъ познаніяхъ и признавали, что онъ обладаетъ умомъ плодовитымъ въ изобрѣтеніи путей, замѣчательною легкостію пониманія, работы, слова; личнымъ безкорыстіемъ, то-есть честолюбіемъ безъ алчности. Въ способѣ вести дѣла онъ отличался благородствомъ, пріятностію, гладкостью. Его самоувѣренность доходила до небреженія, и тутъ начиналась опасность. Онъ обладалъ сильнымъ желаніемъ нравиться, что дѣлало для него всякій отказъ труднымъ, и воображеніемъ безъ границъ, заставлявшимъ его вѣрить неосуществимымъ надеждамъ". Онъ всегда игралъ игру, и его политика была одна изъ формъ *политики обмана*. Это была впрочемъ еще наименѣе подлежащая осужденію форма этой пагубной политики, ибо пользовавшійся ею самъ увлекался своими иллюзіями, желалъ добра своей странѣ и былъ все-таки вѣрнымъ слугой короля.

Что побудило Калона предложить созваніе нотаблей, о которомъ никто въ то время не думалъ? Игра имѣла такой разсчетъ. Калонъ задумалъ широкій планъ реформъ, имѣвшій, съ одной стороны, удовлетворить либеральнымъ идеямъ времени, съ другой покрыть значительный дефицитъ, невѣдомый публикѣ, составлявшій государственную тайну и самая цифра котораго при тогдашнемъ счетоводствѣ не могла быть точно опредѣлена, и возстановить порядокъ въ финансахъ, разстроенныхъ Американскою войной, многочисленными предпріятіями и системой финансовой игры, давшей въ началѣ блестящіе результаты, но въ концѣ грозившей банкротствомъ. Какъ было провести этотъ планъ? Надлежало ждать сильнаго противодѣйствія парламентовъ, находившихся въ постоянной борьбѣ съ правительственными мѣрами. На соглашеніе съ парламентами для Калона не было никакой надежды. Еще въ свѣжей памяти было столкнове-

ніе по случаю займа въ концѣ 1785 года, когда Калонъ одержалъ верхъ и побудилъ короля обратиться къ призваннымъ въ Версаль представителямъ парижскаго парламента со словами: „знайте что я доволенъ моимъ генералъ-контролеромъ и не потерплю чтобы возбужденіемъ неосновательнаго безпокойства мнѣ мѣшали въ исполненіи плановъ, направленныхъ ко благу моего государства и облегченію моихъ подданныхъ“. Теперь, когда опасенія надлежало признать основательными, Калонъ задумалъ мѣру, которая шла бы на встрѣчу либеральнымъ вожделѣніямъ общественнаго мнѣнія, сдѣлала бы планъ министра и правительства популярнымъ и побѣдила бы сопротивленіе парламентовъ. Мѣра эта—созваніе нотаблей. Въ обществѣ ходило не мало толковъ о представительствѣ и участіи націи въ правленіи, о парламентѣ по англійскому образцу, объ американской конституціи, но все это были неясныя теоретическія представленія, не сложившіяся въ форму обращеннаго къ правительству практическаго требованія или хотя желанія. Тамъ и сямъ говорилось о собраніи государственныхъ сословій (états généraux), какъ формѣ представительства, имѣющей историческіе корни во Франціи; слово упоминалось въ представленіяхъ нѣкоторыхъ провинціальныхъ парламентовъ. Но всякій зналъ, что отмѣна этого рода собраній требовалась установленіемъ неограниченной монархіи послѣднихъ столѣтій. Это было бы шагомъ наперекоръ всѣмъ преданіямъ, завѣщаннымъ Лудовику XVI его предшественниками и едва ли кому приходило въ голову, чтобы король собственнымъ движеніемъ могъ рѣшиться на такой шагъ. Дѣйствительно, Лудовикъ XVI былъ, казалось, еще безконечно далекъ отъ этой мысли и склонить его на такое собраніе было бы невозможно. Калонъ нашелъ переходный мостъ въ собраніи нотаблей.

Въ *Письмѣ къ королю* Калонъ припоминаетъ Лудовику XVI какъ склонялъ его къ собранію нотаблей, о которомъ никто не думалъ. „Любить часто вступать въ отеческія совѣщанія съ подданными, стягивающія узы привязанности и укрѣпляющія узы повиновенія, что могло быть достойнѣе доброты вашего сердца! Такъ дѣлалъ Лудовикъ XII, такъ дѣлалъ Генрихъ IV, и они заслужили обожаніе націи подчиненной ихъ законамъ. Вы знаете, государь, что таковъ всегда былъ мой языкъ, что я такъ говорилъ вамъ, склоняя васъ собрать нотаблей, когда такія собранія *были потеряны изъ виду*“ (*Lettre*, 49). Еще полнѣе въ другомъ мѣстѣ письма (73) высказываетъ Калонъ, что возобновленіе національныхъ собраній было дѣломъ правительства не вынужденнаго къ тому обстоятельствами. „Вы не были, государь, вынуждены созывать собраніе сословныхъ представителей (assemblée des états généraux), хотя такое собраніе само по себѣ и *казалось мнѣ желательнымъ*, когда я предложилъ вамъ только собраніе нотаблей. Я думалъ тогда, что этого перваго шага будетъ

достаточно. И его было бы достаточно, еслибы планъ, принятый вашимъ величествомъ, былъ исполненъ въ цѣлости. Безъ сомнѣнія было бы предпочтительнѣе, еслибы возрожденію великихъ національныхъ собраній въ собственномъ смыслѣ предшествовало возстановленіе финансовъ помощію преобразованія вредныхъ привилегій, осуществленіе экономическихъ сокращеній рѣшенныхъ вашимъ величествомъ и окончательное устройство провинціальныхъ собраній во всемъ королевствѣ. Нельзя было бы подумать, что возвращеніе собраній есть слѣдствіе необходимости“. Неисполненный въ цѣлости планъ былъ именно тою опасною игрой, въ которой Калонъ рискованно надѣялся выиграть. Съ помощію собранія нотаблей онъ хотѣлъ вывести государственный корабль въ открытое море, ловко обойдя подводныя скалы. Вопреки рискованному разсчету, корабль, въ силу естественной необходимости, вошелъ въ водоворотъ.

Есть два любопытные документа, разъясняющіе практическія побужденія, руководившія Калономъ, когда онъ предлагалъ собраніе нотаблей. Это два секретныя донесенія, представленныя имъ королю предъ созывомъ. Ихъ можно найти въ книгѣ Soulavie, *Mémoires du règne de Louis XVI* (T. VI, 120, Paris, 1801). Въ первомъ изъ нихъ читаемъ такое замѣчательное признаніе министра, въ рукахъ котораго были главныя нити управленія: „Надо сознаться, государь, что Франція въ настоящую минуту поддерживается въ нѣкоторомъ родѣ искусственными средствами (ne se soutient en ce moment que par une espèce d'artifice). Если бы замѣняющая дѣйствительность иллюзія и довѣріе нераздѣльное нынѣ съ личнымъ составомъ (управленія) вдругъ исчезли—что бы тогда дѣлать съ каждогоднымъ дефицитомъ во сто милліоновъ ливровъ“? Якорь спасенія отъ банкротства, какимъ лугалъ онъ короля, министръ указывалъ въ своихъ широко задуманныхъ планахъ, для осуществленія которыхъ прежде всего требовалось побѣдить неизбѣжное сопротивленіе парламентовъ. Что собраніе нотаблей охотно явится въ придуманной для него министромъ парадной роли націи ободряющей и поддерживающей мѣропріятія правительства, въ этомъ отважный Калонъ, повидимому, не сомнѣвался и на этомъ камнѣ строилъ свои надежды. „Планъ правительства, говоритъ онъ во второмъ мемуарѣ, долженъ быть представленъ въ формѣ наиболѣе способной оградить его ото всякаго медленія и придать ему непоколебимую силу голосомъ всей націи. Только собраніе нотаблей можетъ исполнить такую цѣль. Это единственное средство предупредить всякое сопротивленіе парламентовъ, внушительно подѣйствовать на претензіи духовенства и такъ укрѣпить общественное мнѣніе, что частный интересъ не осмѣлится поднять голосъ противъ непререкаемаго свидѣтельства общаго интереса“. Нотаблей такимъ образомъ имѣлось въ виду созвать не для серіоз-

нагэ участія въ рѣшеніи трудныхъ вопросовъ, а чтобы служить мостомъ для проведенія рѣшеній, уже условленныхъ между министромъ и королемъ.

Отсутствіе внутренней правды въ дѣлѣ не замедлило сказаться. Государственные интересы отошли на задній планъ, дѣйствующими пружинами явились личные и сословные интересы. Задачей собранія призваннаго поддержать правительство въ его мѣропріятіяхъ сдѣлалась ожесточенная борьба съ этимъ самымъ правительствомъ въ лицѣ министра, затянувшаго короля въ свое предпріятіе. Разсчетъ на поддержку нотаблей оказался громадною ошибкой.

II.

Иллюзіей оказался и разсчетъ на поддержку общественнаго мнѣнія. Въ легкомысленномъ обществѣ серіознѣйшее дѣло, двинутое отважнымъ министромъ, встрѣтило тысячи пасмѣшекъ (Grimm, VI, 157). Появилось объявленіе, прибитое къ дверямъ жилища Калона: „большая труппа г. Калона дастъ сего 29 января 1787 года первое представленіе піесъ: *Обманчивая наружность, Долги* и *Промахи*“. Было прибавлено: если актеры запнутся въ роли, авторъ берется подсказывать. Острили, что самое любопытное въ предстоящемъ собраніи будетъ рѣчь герцога Шабо объ экономіи, переведенная на французскій языкъ герцогомъ Лавалемъ (герцогъ Шабо славился расточительностію, а Лаваль — оригинальнымъ жаргономъ, всѣхъ потѣшавшимъ, такъ какъ у него идеи и ихъ выраженіе никогда не были въ согласіи). Одинъ знакомый герцогини Д'Анвиль писалъ къ ней: что думаете вы о собраніи нотаблей? Она отвѣчала стихомъ изъ піесы *La fausse magie*:

Moi, je n'augure pas bien
D'un choix qui n'est pas le mien.

Въ Версалѣ на городскомъ театрѣ давали, въ присутствіи королевы, оперу Паезіэлло *Roi Théodore*. Когда король въ піесѣ говорилъ о затрудненіяхъ, въ какихъ находится, изъ партера раздался громкій голосъ: „что же вы не соберете нотаблей“. Королева приказала не преслѣдовать кричавшаго. Былъ перепечатанъ протоколъ собранія нотаблей въ 1628 году при Лудовикѣ XIII. Много смѣялись надъ лысымъ краснорѣчіемъ тогдашняго хранителя печатей Мариньяна, въ длинномъ сравненіи уподоблявшаго (*Arch. parlem.* I, 75) головы короля и его совѣтниковъ головѣ статуи Мемнона, звучавшей подъ лучами небеснаго свѣта; но не знаю, прибавляетъ Гриммъ, обратили ли достаточно вниманія на замѣчательную рѣчь Ришелье, въ которой онъ совѣтовалъ „поменьше словъ и больше дѣла“, и пояснялъ, что

для поднятія государственнаго благосостоянія требуется не обиліе указовъ, а ихъ дѣйствительное исполненіе.

Чтобы привлечь умы, изъ правительственныхъ сферъ распространялась въ публикѣ замѣтка (la note), поясняющая значеніе созыва нотаблей (Гриммъ, *Corresp.* IV, 156). „Собраніе нотаблей, не созывавшихся въ теченіе почти двухъ вѣковъ, будетъ событіемъ великаго интереса для Франціи. Король созываетъ ихъ не для того, чтобы получить чрезъ нихъ денежную помощь. Напротивъ, онъ дѣйствуетъ какъ благодѣтельный отецъ, желающій посовѣтоваться со своимъ народомъ о мудромъ и обширномъ планѣ, долженствующемъ облагодѣять націю. Основныя положенія плана суть: 1) сложеніе болѣе пятидесяти милліоновъ ливровъ податей съ бѣднѣйшаго класса, 2) болѣе равномѣрное распредѣленіе налоговъ, 3) большое сокращеніе издержекъ взиманія, 4) уничтоженіе безчисленныхъ препятствій и частныхъ правъ, коими усѣяна страна, а также значительное улучшеніе въ соляномъ налогѣ. Собраніе утвердитъ національною санкціей государственный долгъ. Таблица, которая будетъ предъявлена собранію, предложитъ уравновѣшеніе прихода и расхода, хотя въ послѣдній будутъ включены шестьдесятъ милліоновъ ежегодной уплаты, каковой чрезъ двадцать лѣтъ уже не будетъ, а также пожизненныя ренты, погасимыя на подобную же сумму въ тотъ же срокъ времени. Событіе будетъ однимъ изъ прекраснѣйшихъ и трогательнѣйшихъ въ нынѣшнее царствованіе и покажетъ мудрость и превосходство нынѣшняго министра финансовъ“. Сомнительно, чтобы такое офиціозное восхваленіе произвело какое-нибудь дѣйствіе.

Наиболѣе сочувствія принятой мѣрѣ обнаруживали люди, которыхъ по нынѣшней терминологіи надлежало бы назвать умѣренно-либеральными. Эти искренно привѣтствовали шагъ, сдѣланный королемъ, и вѣрили, что собраніе именитыхъ людей выведетъ страну изъ затрудненій.

За границей, люди, находившіеся подъ вліяніемъ французскихъ писателей, тогда столь распространенныхъ, такъ же сочувственно отнеслись къ созыву нотаблей, какъ къ мѣрѣ великодушной и либеральной. Сегюръ, находившійся тогда посланникомъ въ Россіи и получившій въ Кіевѣ извѣстіе о рѣшеніи короля, пишетъ въ *Запискахъ*, своихъ (III, 71), что императрица Екатерина выразила по этому поводу большое свое удовольствіе, говорила о собраніи нотаблей съ энтузіазмомъ и видѣла въ этомъ собраніи вѣрный залогъ возстановленія финансовъ и укрѣпленія государственнаго порядка. „Не могу“, сказала она, „прибрать достаточно похвалъ для молодаго короля, ста„новящагося въ сердцѣ Французовъ достойнымъ соперникомъ Ген„риха IV“. „Всѣ иностранцы, находившіеся въ Кіевѣ, къ какой бы націи ни принадлежали, поздравляли меня съ событіемъ“, говоритъ

Сегюръ, и со своей стороны прибавляетъ: „счастливые дни, уже не вернувшіеся! сколько благороднѣйшихъ иллюзій увлекали насъ въ это время неопытности“! Замѣчательно, что отецъ Сегюра военный министръ, смотрѣлъ на событіе совсѣмъ иными глазами и не сочувствовалъ увлеченію сына. „Я раздѣлялъ искренно, говоритъ по этому поводу Сегюръ-сынъ, блестящія надежды большинства людей моего времени и почти понять не могъ мрачныхъ предчувствій, какія это знаменитое собраніе нотаблей внушало, казалось, моему отцу. Въ письмахъ своихъ онъ только и говорилъ, что о грядущихъ бѣдствіяхъ, которыхъ надо страшиться и объ общемъ разстройствѣ, сдѣлавшемся почти неизбѣжнымъ. „„Когда король, писалъ онъ мнѣ, спросилъ „мое мнѣніе о совѣтуемомъ ему собраніи нотаблей, я умолялъ его „взвѣсить послѣдствія такого рѣшенія, ибо въ настоящее время, „когда всѣ умы въ такомъ броженіи, собраніе нотаблей должно сдѣ„латься лишь *зародышемъ собранія сословныхъ представителей* (n'être que „de la graine d'états généraux). А кто можетъ исчислить теперь всѣ „послѣдствія, которыя отъ него произойдутъ““. Событія оправдали предсказанія стараго министра, но мнѣ тогда казались они продиктованными духомъ рутины и предразсудковъ, опасающимся всякаго нововведенія, даже полезнѣйшаго“.

Не одинъ старый министръ имѣлъ опасенія. Въ письмѣ барона Безанваля къ Сегюру-сыну, помѣченномъ 6 марта 1783 года, читаемъ интересныя сужденія на ту же тему (Besenval, *Mémoires*, II, 204). „Не трудно было, питетъ онъ, проникнуть, что побудило прибѣгнуть къ собранію нотаблей. Этимъ средствомъ надѣялись оградить себя отъ сопротивленія парламентовъ, всегда противодѣйствовавшихъ желаніямъ двора и лично ненавидѣвшихъ Калона. Хотѣли заставить ихъ сдаться предъ санкціей нотаблей, которую надѣялись легко получить. Разсчетъ былъ столь же ошибоченъ, какъ дурно задуманъ. Легко было предвидѣть, что парламенты обопрутся на мнѣніе нотаблей, если оно будетъ согласно съ ихъ образомъ мыслей, и не признаютъ его, если рѣшеніе нотаблей будетъ противъ нихъ, ссылаясь, что нотабли не снабжены никакими полномочіями провинцій или обществъ. Созванные непосредственно королемъ, они въ сущности должны разсматриваться какъ распиреніе королевскаго совѣта. Разсчетъ былъ слѣдовательно невѣренъ въ этомъ отношеніи. Кромѣ того, собраніе нотаблей всегда опасная вещь въ странѣ такой, какъ Франція, гдѣ все есть обычай и преданіе, гдѣ никогда не было никакого коренаго закона, долодлинно установленнаго и сохранившагося authentiquement établie et conservée). Въ архивахъ находятся только хартіи и жалованныя грамоты разныхъ королей то въ собственную выгоду то въ выгоду подданныхъ, смотря по обстоятельствамъ и степени власти, какою короли обладали. Хартіи эти противорѣчатъ однѣ другимъ. При

соедините къ неопредѣленности началъ невѣжество дворянства относительно администраціи, злоупотребленіе, какое духовенство и судейское сословіе могутъ сдѣлать изъ своего образованія; духъ независимости и желаніе участвовать въ правительствѣ, внесенныя философами и заимствованіемъ англійскихъ нравовъ. Прибавьте могущество личныхъ интригъ и власть, какую суетность имѣетъ надъ французскими головами, и не трудно постичь, чего надлежитъ ждать отъ собранія нотаблей. Виконтъ Сегюръ, вашъ братъ, забавляющійся сложеніемъ остротъ надъ дѣлами вмѣсто того чтобы въ нихъ участвовать, можетъ-быть правъ, сказавъ, что *король, созвавъ нотаблей, подалъ въ отставку* (avait donné sa démission)“.

Отзывъ Сегюра-отца заслуживаетъ всякаго вниманія. Собраніе нотаблей при тогдашнемъ настроеніи не могло быть ничѣмъ инымъ какъ первымъ шагомъ къ собранію *выборныхъ* представителей, быть, какъ выразился Сегюръ-министръ, „зерномъ собранія сословныхъ представителей“, совершившаго революцію. При возбужденномъ и неспокойномъ состояніи „мнѣнія“, когда все куда-то стремилось, не давая яснаго отчета куда именно, могло ли его удовлетворить созваніе нотаблей изъ высшихъ классовъ съ совѣщательнымъ голосомъ, „имѣющее, какъ выражается г-жа Сталь (*Consid. sur la rév. franç. Oeuvres*, XII, 121. Paris, 1820), одно право высказывать королю свои мнѣнія на вопросы, какіе министры сочтутъ удобнымъ имъ предложить“? „Ничего, продолжаетъ г-жа Сталь, нельзя было неудачнѣе придумать въ эпоху, когда умы были такъ возбуждены, какъ это собраніе людей, которыхъ все дѣло ограничивается тѣмъ, чтобы говорить. Мнѣніе возбуждается тѣмъ болѣе, что ему не дается исхода“. Такъ въ ту эпоху, нѣтъ сомнѣнія, разсуждало огромное большинство. Но *исходъ* мнѣнію былъ именно данъ. Правительство, хотя и съ особымъ разсчетомъ, но вмѣстѣ и въ удовлетвореніе мнѣнія, устроило само, въ той ли, другой ли формѣ, національное собраніе, не вызывавшееся необходимостію минуты. Вступивъ на этотъ путь удовлетворенія мнѣнію, остановиться было уже нельзя. Между тѣмъ требовалось не то что удовлетвореніе мнѣнія; требовалось овладѣть этимъ мнѣніемъ. На это у правительства не достало способности и силы. Ближайшею задачей было выйти побѣдителемъ изъ борьбы съ парламентами, устроить земство и заняться улучшеніемъ финансоваго положенія. Съ этими нелегкими задачами правительство оказалось неспособнымъ справиться и отдало страну на волю всѣхъ вѣтровъ. Хлопоты объ удовлетвореніи „мнѣнія“ въ такую эпоху, когда власть поколебалась—это означало безсиліе, и не могло не считаться какъ уступка, первая уступка, необходимо ведущая за собою вторую. Обращается правительство къ націи, созываетъ соборъ лучшихъ людей. Тотчасъ раждается требованіе, зачѣмъ созывъ происхо-

дитъ не по выбору самой націи. Это де не истинные представители. Съ такимъ представительствомъ стыдно де идти на сравненіе съ англійскимъ парламентомъ. Громче и громче становится рѣчь, обращающаяся наконецъ въ общій кликъ о созваніи выборныхъ чиновъ. Уступаетъ правительство. Созываются чины. Удовлетворяется ли этимъ „мнѣніе“? Напротивъ, требованія растутъ. Прежняя сословная форма подобныхъ собраній должна де быть отмѣнена. Собраніе чиновъ обращается въ національное собраніе съ задачей дать странѣ конституцію. Предлагается конституція по образцу англійской. „Мнѣніе“ ее отвергаетъ какъ неудовлетворительную и недостаточную. Дѣло кончается полнымъ перемѣщеніемъ власти, республикой, конвентомъ и терроромъ...

III.

Замѣчательно, что слово *дефицитъ* сдѣлалось лугаломъ и главнымъ свидѣтельствомъ негодности всей правительственной системы съ той минуты, когда на первомъ засѣданіи созванныхъ нотаблей Калонъ объявилъ о его существованіи и значительныхъ размѣрахъ. Состояніе финансовъ въ ту эпоху хранилось въ тайнѣ. Финансовый отчетъ Неккера за 1781 годъ былъ первый публичный отчетъ о состояніи казначейства. Это не мало содѣйствовало популярности Неккера. Калонъ же держался системы обмана, всѣми мѣрами старался заставить думать о положеніи финансовъ лучше чѣмъ было въ дѣйствительности, разсчитывая поддержать этимъ кредитъ и помощію его вывернуться изъ затрудненій. Чтобъ убѣдиться, что ужасъ, внушавшійся дефицитомъ, былъ раздутымъ, достаточно приломнить какъ въ революціонную эпоху о немъ перестали и думать и онъ утратилъ силу страшнаго аргумента противъ дѣйствующей правительственной системы, хотя возросъ до высшей степени. Положеніе казначейства было дѣйствительно трудное, но не должно забывать обстоятельства капитальной важности: богатство страны расло и, съ устраненіемъ привилегій, податныя силы могли возвыситься. Безанваль (Mem., II, 230) говоритъ: „Поразительное зрѣлище: король близокъ къ банкротству въ то время какъ Франція процвѣтаетъ, населеніе находится въ состояніи вполнѣ удовлетворительномъ; земледѣліе, промышленность доведены до высшей степени, Парижъ переполненъ деньгами. Таково неизбѣжное послѣдствіе дурной администраціи безъ принципа и послѣдовательности, хищеній всякаго рода, слабаго правительства, не представляющаго точки соединенія“. „Думаютъ, читаемъ въ статьѣ *Взглядъ на причины нынѣшней революціи* (апрѣль 1787 года, *Correspond.* Гримма, V, 90) что нація обѣднѣла; напротивъ, никогда не была она такъ богата! Считаютъ, что король никогда не былъ такъ богатъ, ибо доходы его огромны: на дѣлѣ никогда не былъ онъ такъ бѣденъ. Бѣднѣйшій зависитъ отъ болѣе богатаго. Отъ націи, значитъ, отнынѣ будетъ зависѣть монархъ“. Въ матеріальномъ отношеніи Франція предъ революціей вовсе не была въ разстройствѣ. Она вынесла революціонное разореніе, выйдя изъ него все-таки богатою страной, конечно, не вслѣдствіе революціонныхъ благодѣяній. Но къ дефициту мы еще вернемся. Теперь пополнимъ показаніе Калона о томъ, какъ возникла *въ правительствѣ* мысль о созваніи нотаблей нѣкоторыми другими свидѣтельствами.

При закрытіи собранія нотаблей, въ седьмое засѣданіе, хранитель печатей Ламуаньйонъ особенно выставлялъ на видъ то, что созывъ нотаблей былъ дѣломъ совершенно свободной правительственной инціативы и не вызывался никакими особыми обстоятельствами. Ламуаньйонъ указывалъ, что предшественники Людовика XVI неоднократно „собирали вкругъ трона представителей или отборныхъ людей страны (représentants ou l'élite de leur empire) чтобы совѣщаться о законахъ, принимать мѣры противъ злоупотребленій, успокоивать волненія, предотвращать бури“. Но слишкомъ часто, прибавляетъ онъ, оказывалось, къ сожалѣнію, что національныя совѣщанія теряли время въ пустыхъ спорахъ и химерическихъ планахъ. „Государственныя корпораціи почти всегда соединялись лишь затѣмъ, чтобъ еще болѣе разъединиться“. Печальный опытъ, казалось, осудилъ эти бурныя собранія и отъ нихъ отвыкли въ теченіе полутора столѣтія, какъ королевская власть незыблемо утвердилась. „Но король въ мудрости своей обратилъ вниманіе на перемѣны, внесенныя распространеніемъ образованія, развитіемъ общественныхъ отношеній и въ привычку вошедшимъ повиновеніемъ (!). *Все было спокойно внутри внѣ его государства, когда его величество, въ тишинѣ своихъ совѣтовъ*, поражаясь массой злоупотребленій, требующихъ быстрыхъ и сильныхъ средствъ, возымѣлъ мысль спросить отборнѣйшихъ членовъ разныхъ сословій государства, повѣривъ имъ горестную тайну своего сердца и предъявивъ имъ таблицу его финансовъ“.

Можно возразить, что рѣчь Ламуаньйона не была откровеннымъ изображеніемъ положенія дѣла, и что, указывая на королевскій починъ, онъ имѣлъ въ виду по возможности удалить мысль о томъ, что созывъ былъ вызванъ обстоятельствами и давленіемъ общественнаго мнѣнія. Но есть свидѣтельства и кромѣ Ламуаньйона, показывающія, что собраніе нотаблей, рѣшенное въ самомъ тѣсномъ королевскомъ совѣтѣ, было для всѣхъ неожиданностію. Салье (Sallier, *Annales franç.* III, 51. Cassagnac *Hist. des causes*, I, 5) говоритъ: „Возвѣщенное въ послѣдній день 1786 года собраніе нотаблей поразило неожиданностію всѣ умы (vint surprendre tous les esprits)“. „Я былъ по-

раженъ", говоритъ въ свою очередь Бальи, разсказывая, какъ въ первый разъ на обѣдѣ у маршала Бове услыхалъ о предстоящемъ созывѣ нотаблей. Декламаціи о верховномъ значеніи націи, объ ограниченіи власти, благодѣтельномъ значеніи англійскаго парламента; рѣзкихъ возгласовъ о министерскихъ злоупотребленіяхъ была масса, но какого-нибудь опредѣленнаго плана и желанія, которые можно было бы предъявить правительству, какъ общественное требованіе, не было. Планъ опредѣлился послѣ того, какъ правительство само сдѣлало первые практическіе шаги, созвавъ нотаблей. До того времени безпокойство возбужденныхъ умовъ находило исходъ въ сочувственномъ отношеніи къ борьбѣ парламентовъ съ правительствомъ, въ рукоплесканіи всякому изобличенію злоупотребленій власти и неудержимомъ критикованіи всего происходящаго и предпринимаемаго. Послѣ созванія нотаблей требованіе опредѣлилось, и явился громкій общій кликъ—созваніе сословныхъ представителей. Тогда и началось въ полномъ смыслѣ революціонное движеніе. Какъ мало было у правительства предвидѣнія грозящаго переворота, можно видѣть изъ той же рѣчи Ламуаньйона. Восхваляя нотаблей за ихъ содѣйствіе по вопросу объ уменьшеніи расходовъ и разложенію податей, онъ говоритъ: „Такимъ образомъ вы составили собою совѣтъ вашего короля и *подготовили и облегчили самую желанную революцію* (vous avez preparé et facilité la révolution la plus désirable), обладая однимъ авторитетомъ довѣрія, главнѣйшею силой въ управленіи государствъ". Вотъ еще въ какомъ смыслѣ употребляли потомъ ставшее столь страшнымъ слово *революція!*

Не забудемъ, что во Франціи собранія нотаблей были не разъ. Почему же собраніе 1787 года сдѣлалось роковымъ? Почему должно оно было необходимо вести за собой собраніе сословныхъ представителей и съ ними революцію? Не могло ли правительство остановиться на этомъ первомъ шагѣ и не переходить къ выборному собранію? Да почему же и выборное собраніе должно было непремѣнно сдѣлать революцію?

Возможно ли было, послѣ того какъ рѣшенъ былъ вопросъ объ обращеніи къ націи, остановиться на собраніи нотаблей, когда во всѣхъ умахъ не въ обществѣ только, но и въ *правительствѣ*, идея участія націи въ управленіи необходимо соединялась съ идеей *выбора*. Могла ли эта идея не сообщиться и слабому королю, когда въ самомъ его правительствѣ собраніе нотаблей считалось полумѣрою, первымъ шагомъ въ дѣлѣ призыва націи къ участію въ правленіи. Мы видѣли, какъ думалъ объ этомъ двигатель предпріятія Калонъ, полагавшій, что собраніе нотаблей достаточно *на первый случай*, и что на немъ *пока* можно остановиться. „Мнѣніе" имѣетъ значеніе не чрезъ то только, что покоряетъ себѣ умы въ обществѣ: главную

силу оно получаетъ, когда покоряетъ умы въ правительствѣ. Оно становится всемогущимъ, когда, какъ при второмъ назначеніи Неккера министромъ, само дѣлается правительствомъ. И для Калона было аксіомой, что *выборъ* есть единственный истинный источникъ національнаго представительства. Надъ кѣмъ не продѣлано таинство избранія, тотъ не есть представитель націи. Въ запискѣ объ устройствѣ провинціальныхъ собраній, представленной нотаблямъ, Калонъ выставляетъ преимущества выборнаго порядка, предлагаемаго въ его проектѣ, надъ порядкомъ назначенія, имѣвшимъ мѣсто въ собраніяхъ, какія уже были въ то время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и указываетъ, что назначенные члены не имѣютъ великаго достоинства, какимъ обладаютъ выборные: „представлять всю совокупность собственниковъ данной провинціи и внушать полное довѣріе, каковое было бы имъ оказано, еслибы наименованіе ихъ было дѣломъ свободнаго голосованія ихъ согражданъ". Министръ проговорился. Значитъ, правы были не хотѣвшіе признавать нотаблей за истинныхъ представителей націи.

Съ предреволюціонной эпохи понятіе самоуправленія во Франціи, повидимому, навсегда соединилось съ идеей выбора. Французскихъ писателей и нынѣ крайне удивляетъ, что въ классической странѣ самоуправленія, Англіи, выборъ вовсе не есть его существенный элементъ. Столбы самоуправленія, — мировые судьи съ обширною властію,—назначаются не по выборамъ. Дюпонъ Уайтъ (Dupon White) въ статьѣ объ администраціи во Франціи и Англіи (*Révue des deux Mondes*, 1862, mars, стр. 291), перечисляя англійскія уѣздныя власти (въ графствахъ), не безъ изумленія восклицаетъ: „и во всемъ этомъ ничего выборнаго" (rien d'éléctif dans tout cela) и прибавляетъ, что на французскій взглядъ совсѣмъ непонятно соединеніе чрезвычайнаго разнообразія власти въ рукѣ мироваго судьи.

На то къ чему должно было вести собраніе нотаблей есть вѣское указаніе въ свидѣтельствѣ идущемъ изъ перваго источника: отъ самой революціи. Это свидѣтельство Мирабо, который есть живое воплощеніе революціи перваго періода. Изъ писемъ революціоннаго вождя (*Mémoires biograph., litteraires et polit. de Mirabeau*, écrits par lui même, par son père, son oncle et son fils adoptif, Paris 1834, T. IV, 339, 340) слѣдуетъ заключить, что самая идея собранія нотаблей принадлежала Мирабо и имъ внушена Калону. „Совѣтъ который вы называете превосходнымъ, читаемъ въ письмѣ Мирабо къ Мовильону, идетъ отъ меня. Я далъ его идею, планъ, составилъ записку... Это чисто моя мысль". „Мое сердце,—говоритъ онъ въ официальномъ письмѣ къ его посредникамъ въ сношеніяхъ съ Калономъ, аббату Перигору и герцогу Лозёнскому (duc de Lauzun), изъ Берлина (гдѣ онъ имѣлъ правительственное порученіе, въ концѣ 1786 года, когда было объ-

явлено о созваніи нотаблей)—не состарилось и если энтузіазмъ мой и ослабъ, то онъ не погасъ. Я считаю однимъ изъ лучшихъ въ моей жизни день, когда вы сообщили мнѣ о созваніи нотаблей, *за которымъ, безъ сомнѣнія, очень скоро послѣдуетъ національное собраніе.* Я усматриваю въ этомъ новый порядокъ вещей, могущій возродить монархію. Считалъ бы себя тысячу разъ польщеннымъ, еслибы былъ сдѣланъ послѣднимъ секретаремъ нынѣшняго собранія, котораго имѣлъ счастіе дать идею". Стремясь всячески добиться политической роли, Мирабо яснѣе Калона понималъ куда долженъ былъ вести путь, на который въ честолюбивыхъ замыслахъ стремился направить правительство. Для Мирабо собраніе нотаблей было первою частью революціоннаго плана. Неосторожный Калонъ, отклонивъ услуги Мирабо, создалъ себѣ въ немъ яростнаго врага, особенно съ тѣхъ поръ когда не сдерживаясь по обычаю въ словахъ сказалъ пріятелямъ Мирабо указывавшимъ, что невыгодно раздражать такого человѣка: „я улажу все это деньгами", намекая на продажность пера честолюбца (*Mém.*, IV, 392). Мирабо, желавшій показать, что если „хорошо бы было его взять, то дурно было покинуть" (si j'étais bon à prendre, je n'étais pas bon à laisser), написалъ длинное, въ цѣлый печатный томъ, обличительное письмо къ Калону, но оставилъ его въ рукописи и издалъ искусно составленную, въ свойственномъ ему декламаторскомъ тонѣ, брошюру *Обличеніе биржевой игры* (*Dénonciation de l'agiotage*), обращенную къ королю и нотаблямъ. Мирабо заключаетъ брошюру слѣдующею рѣзкою выходкой противъ Калона:

„Вы, говоритъ онъ, обращаясь къ нотаблямъ,—кого отецъ отечества созвалъ для обсужденія государственныхъ дѣлъ, вы его старшіе сыны, ахъ! не считайте моихъ ужасныхъ предсказаній пустымъ химерическимъ страхомъ. Дерзайте показать королю ихъ вѣроятность во всей ширинѣ. Дерзайте сказать ему, что въ эти три года обнаружились слишкомъ ясные признаки чего должны мы ожидать отъ финансовой системы при которой живемъ... Скажите ему и его добродѣтельное сердце легко вамъ повѣритъ, что въ дѣлѣ правленія искусство исключаетъ нечестность, что государственные люди, нравственность коихъ всѣмъ ненавистна, должны быть извергнуты какое бы тамъ мнѣніе ни составилось объ ихъ мнимыхъ талантахъ: что хорошо говорить не освобождаетъ отъ обязанности хорошо дѣлать; что гибкость ума, легкость въ работѣ, красота слога, изящныя вступленія, красныя рѣчи, суть обличительные документы противъ министра, который такъ искусно излагаетъ начала и отступаетъ отъ нихъ, оскорбляетъ ихъ въ исполненіи". (Grimm, IV, 211).

„Книга, говоритъ о своемъ *Обличеніи* Мирабо въ письмѣ къ г-жѣ Нера (de Nehra) отъ 17 марта 1787 года (*Mém.*, IV, 404), имѣла громадный, безпримѣрный успѣхъ, какого далеко не заслуживала

какъ сочиненіе, но можетъ-быть достойна была какъ услуга оказанная съ мужествомъ и достоинствомъ. Нотабли, по большей части стоявшіе во главѣ разныхъ корпорацій, почтенные люди изо всѣхъ классовъ, поздравляли, благодарили меня. Отъ конторъ нотаріусовъ до будуаровъ прекрасныхъ дамъ меня читали, хвалили, превозносили". Одинъ пріятель сказалъ Мирабо: „вотъ какъ пріобрѣтается великое уваженіе, но какъ и теряется все". (Письмо къ г-жѣ Нера 19 марта 1787 г.). Мирабо отвѣтилъ; „а развѣ великое уваженіе ничего уже не значитъ?" Въ болѣе откровенномъ письмѣ къ Мовильйону онъ такъ развиваетъ свой отвѣтъ: „то, что говорите вы мнѣ заключаетъ въ себѣ противорѣчіе, ибо высокое уваженіе есть почти все; но отрицаю, чтобы такимъ образомъ все терялось даже въ вашемъ смыслѣ. Вашъ герой (Калонъ) слишкомъ безуменъ, чтобъ имѣть продолжительный успѣхъ. Такой успѣхъ даютъ только послѣдовательность, характеръ, истинные таланты. Въ тотъ день когда онъ падетъ или когда приведетъ васъ къ банкротству, увидите на какомъ разстояніи буду я отъ него!" Завтрашній двигатель зачинавшагося переворота проницательно усматривалъ будущее, которое призывалъ всею душею.

Повторяю, если рѣшенъ былъ правительствомъ вопросъ объ обращеніи къ націи, то выборная форма этого обращенія была уже неизбѣжностію. Еще неизбѣжнѣе было революціонное крушеніе какъ послѣдствіе созыва представителей избранныхъ по теоретически, казалось, наилучшему плану.

Привлекательность теоретическихъ идей одна изъ главныхъ опасностей и нерѣдко одно изъ первыхъ золъ въ политическихъ дѣлахъ. Выборное начало есть одна изъ такихъ идей. Оно, по теоріи, должно доставлять наилучшихъ людей для всякаго дѣла. Практика убѣждаетъ, что въ огромномъ числѣ случаевъ далеко не такъ. Предлагаютъ утѣшеніе, что въ такихъ случаяхъ избиратели сами виноваты и ни на кого не должны пенять кромѣ самихъ себя, какъ будто отъ этого кому-нибудь лучше и дѣло этимъ сколько-нибудь поправится. Теоретическое тулоуміе не сдается на указаніе практики. Начало де непогрѣшимо, зло единственно отъ неправильнаго его приложенія: требуется только устранить злоупотребленія въ приложеніи. Какъ будто это возможно! Государственный умъ тѣмъ и отличается отъ доктринеровъ, что ясно прозрѣваетъ въ условія дѣйствительности и считается съ дѣйствительными людьми во всемъ ихъ живомъ многоразличіи, а не съ отвлеченными образами произвольно однихъ качествъ лишенными, другими надѣленными. Честный Малербъ (Malesherbes), другъ Тюрго, въ 1792 году такъ говоритъ о дѣятельности своей и своего друга, отмѣченной печатью доктринерства. „Тюрго и я, мы имѣли наилучшія намѣренія; и между тѣмъ оба были въ за-

блужденіи. Мы хотѣли управлять Французами не такими, каковы они на самомъ дѣлѣ, а такими, какими желали ихъ видѣть и какими представляло ихъ наше сердце. Самая прямота наша была несправедливостію по отношенію къ нашимъ современникамъ, которые свободны же были жить какъ воспитаны и думать какъ желали; тогда какъ мы не имѣли права подчинять ихъ ни нашей строгости поведенія, ни нашей независимости мнѣній. Насъ ввело въ заблужденіе наше рвеніе... Не знаю куда приведутъ теперешнія событія. Но должно признать, что отъ усовершенствованія къ усовершенствованію мы дошли до нынѣшняго положенія. И заблуждающаяся нація думала идти къ благу, одобряя ихъ“ (Soulavie, VI, 101).

По отношенію къ выбору дѣлается, между прочимъ, одна, такъ-сказать, математическая ошибка. Имѣемъ сто избирателей. Каждый представляется единицей точно такою какъ другой. Такъ ли на дѣлѣ? Всѣ ли имѣютъ равную величину, равный вѣсъ по отношенію къ рѣшаемому вопросу? Во Франціи на нѣкоторыхъ экзаменахъ ко каждому предмету дѣлаютъ отмѣтку баллами употребляя ихъ одинакое число, но потомъ, чтобы различить предметы по степени важности, каждый баллъ множится на коеффиціентъ соотвѣтствующій предмету и тѣмъ бо́льшій чѣмъ болѣе вѣса желаютъ придать значенію этого предмета при испытаніи. Слѣдовало бы и каждаго избирателя помножить на коеффиціентъ соотвѣтствующій дѣйствительному значенію его голоса. Но кто и какъ можетъ опредѣлить эти коеффиціенты? И приходится довольствоваться теоріей, что всѣ равны, зная очень хорошо, что этимъ только обманываемъ себя. Это теоретическій недостатокъ системы. Не говорю о злоупотребленіяхъ. И выходитъ въ результатѣ, какъ ни чудовищнымъ это можетъ инымъ показаться, что шансъ выбрать наилучшаго путемъ голосованія во многихъ случаяхъ не превышаетъ шанса простаго выдергиванія жребія и можетъ быть много ниже шанса прямаго назначенія, хотя бы оно было поручено первому встрѣчному на улицѣ. Выборъ путемъ голосованія форма во многихъ случаяхъ хорошая, но никакъ не чудодѣйственная.

IV.

Предшествующія страницы писаны были въ 1881 году, въ эпоху явственно грозившую у насъ сдѣлаться революціонною. Само собою напрашивалось сравненіе событій. Оно выражено въ слѣдующихъ строкахъ. Такъ какъ первыя статьи „Противъ теченія“ изложены были въ формѣ бесѣды двухъ лицъ, то и слѣдующія слова вложены были въ уста автора обращающагося къ своему пріятелю.

„*Авторъ*. Ты догадываешься, полагаю, по какой причинѣ стараюсь я особенно остановиться на неизбѣжности революціи, вслѣдствіе шага сдѣланнаго французскимъ правительствомъ въ 1787 году. Мы только что пережили моментъ представляющій нѣкоторое сходство съ тѣмъ какой рѣшилъ судьбу королевской власти во Франціи. Къ счастію, Провидѣніе хотѣло чтобъ исходъ правительственнаго рѣшенія у насъ былъ другой. Насъ усиленно, чрезъ агитацію печати, интриги въ правительственныхъ сферахъ, смущеніе общественнаго мнѣнія, разложеніе университетовъ (оригинальный пріемъ исключительно принадлежащій нашему „движенію“) приглашали на путь долженствовавшій необходимо вести къ революціи. Партія которая у насъ зоветъ себя либеральною присвоиваетъ себѣ не точное названіе. Точное для нея названіе — партія государственнаго переворота, попросту, революціонная. Конечно, дѣйствующія въ ея интересѣ лица далеко не всѣ революціонеры, даже большинство вовсе не революціонеры, по крайней мѣрѣ никакъ не чувствуютъ себя таковыми. Но дѣйствовать въ интересѣ данной партіи значитъ. хотя бы и косвенно, къ ней принадлежать. Одно изъ главныхъ нашихъ золъ, то что люди сановные, власть имѣющіе, въ совѣтахъ участвующіе, у насъ нерѣдко суть люди скуднаго ученія, а потому къ дѣлу требующему серіозныхъ усилій развитаго ума неспособные, а простой смыслъ, остающійся въ кругѣ немногочисленныхъ, но ясныхъ и здравыхъ понятій, утратившіе; о послѣднихъ словахъ науки и политической мудрости поучающіеся изъ фельетоновъ и статей популяризующихъ якобы выводы цивилизаціи. Въ туманѣ жалкаго умничанья легіоны людей утратившихъ способность мыслить самостоятельно, но мнящихъ себя представителями интеллигенціи чиновной, учебной, судебной, проглядываетъ, что дѣло идетъ не о теоретическихъ вопросахъ о значеніи власти, или участіи народа въ дѣлѣ управленія, а о вопросѣ весьма практическомъ — революціонной программѣ направленной противъ нашего отечества, имѣющей цѣлью его ослабленіе и разложеніе. Программа эта не тайна. Послѣ періода „хожденія въ народъ“, окончившагося неудачей, революціонная партія, какъ сама заявила, вступила на поприще политической дѣятельности. Она сосредоточила силы на правительственныхъ сферахъ, не скрываясь поставила своею цѣлью покушеніями на правительственныхъ лицъ и на главу государства терроризовать правительство и направить всѣ усилія на „перемѣну государственнаго строя“ въ Россіи. Началось „конституціонное движеніе“. „Дайте конституцію и мы стрѣлять не будемъ“, говорили нелегальные. „Дайте конституцію; они стрѣлять не будутъ“, ежедневно подтверждали легальные. Даже не конституцію. Партія не скрывала, что каждый шагъ къ этой цѣли направленный, какъ бы скроменъ въ началѣ ни былъ, она зачтетъ

въ свое пріобрѣтеніе. Нельзя отрицать, что въ „политической“ своей дѣятельности партія имѣла большую удачу. Ея интересы вступили въ союзъ съ ею же раздуваемыми якобы „либеральными“ стремленіями. На приманку обѣщаемыхъ правъ и якобы свободы въ разныхъ формахъ пошло не мало умовъ въ игрѣ не участвующихъ. Развилось политическое легкомысліе котораго главный признакъ неумѣнье различать теоретическую приманку отъ дѣйствительнаго интереса. Забвеніе дошло до неумѣнія понять, что ограниченіе власти, въ эпоху когда требуется вся ея энергія и когда въ отсутствіи этой энергіи все несчастіе, было бы шагомъ самымъ пагубнымъ. Истинный, неотложный интересъ минуты не въ осуществленіи чужихъ плановъ, не въ удовлетвореніи таящихся честолюбій, жадно разѣвающихъ рты на яблоко власти растатанной на всѣхъ путяхъ, а въ возстановленіи исчезнувшей идеи обязанности, устраненіи вопіющихъ злоупотребленій въ дѣйствіи всяческихъ учрежденій и старыхъ и новыхъ. Главный обманъ будто дѣло идетъ не объ ослабленіи власти, а о вящемъ ея укрѣпленіи. Примѣръ французской революціи весьма поучителенъ для разъясненія и этого обмана. Явно, шагъ за шагомъ власть отнималась у монарха, а между тѣмъ продолжали пышно говорить о возвышеніи королевскаго достоинства и укрѣпленіи трона силою народной признательности за даруемыя якобы вольности.

„Когда революціонное движеніе наше, еще недавно такъ ничтожное по собственнымъ силамъ, слилось на практикѣ въ одинъ потокъ съ „конституціоннымъ“, оно пріобрѣло небывалую силу. Въ странѣ образовалась дѣйствительно сильная партія перемѣны государственнаго строя. Государство велось на путь неизбѣжно революціонный. Увѣрялось, что этимъ будто бы способомъ истребится крамола и указывалось на мнимое умиротвореніе въ роковой періодъ, когда подготовлялось событіе 1 марта (даже верховная власть была введена въ заблужденіе и въ рескриптѣ графу Лорисъ-Меликову объ умиротвореніи говорилось какъ о совершившемся). Между тѣмъ никогда крамола не дѣлала такого шага впередъ какъ въ эти тринадцать мѣсяцевъ умиротворенія.

„Настойчивый обманъ произвелъ такую умственную сбивчивость, что самые поразительные аргументы остаются безъ дѣйствія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ возможно, спрашивается, чтобъ и крамола и истребители крамолы могли разсчитывать достичь своихъ противоположныхъ цѣлей однимъ и тѣмъ же средствомъ. Вѣдь эта задача не легче той какъ въ одномъ и томъ же вагонѣ ѣхать заразъ въ двѣ стороны—и въ Петербургъ и въ Москву. Что-нибудь одно—или „движеніе“ должно служить къ торжеству крамолы и слѣдовательно уже никакъ не къ ея истребленію, или къ торжеству ея истребителей и

слѣдовательно никакъ не быть ей желанной. Между тѣмъ оказывается и то и другое. Кто обманываетъ и кто обманутъ? Можетъ-быть обманывается крамола непредусмотрительно дающаяся въ сѣти. Сомнительно, ея шаги до сихъ поръ такой наивности не показываютъ. Обманываются значитъ ея якобы истребители. Сомнительно и это, по крайней мѣрѣ для не малой части: въ ихъ первыхъ рядахъ находится „пресса“; она въ послѣднее время дошла до такой виртуозности въ пріемахъ обманыванія другихъ, что едва ли пойдетъ на грубую удочку. Какъ же выйти изъ этихъ противорѣчій? Исходъ, кажется, одинъ: допустимъ, что крамола и ея якобы истребители суть совокупныя орудія дѣйствія. Достиженію цѣлей крамолы помогаютъ истребители, для цѣлей истребителей полезна крамола. Но орудіе не есть что-либо самостоятельное, и если обѣ стороны суть только орудія, то должно быть третье управляющее для чего онѣ служатъ орудіями. Это третье есть нѣкоторый планъ противонаціональный, противорусскій. Кто управляетъ имъ — не знаю. Но онъ дѣйствуетъ и явно и скрытно. Явнымъ орудіемъ онъ имѣетъ крамолу, скрытымъ то, что̀ принято нынѣ именовать якобы либеральною партіей. Скрытое дѣйствіе творится въ двухъ формахъ: отчасти съ сознаніемъ тѣхъ кто дѣйствуетъ, отчасти и можетъ-быть главнымъ образомъ безъ яснаго сознанія, часто вовсе безъ сознанія, со стороны тѣхъ которые даютъ увлечь себя теченіемъ. Обману удалось отчасти овладѣть „мнѣніемъ“. Дѣйствіями доставляющими популярность, вызывающими хваленія, предъ чарами которыхъ многіе не въ силахъ устоять, сдѣлались такія которыя направлены на пользу плана и его орудій. Составлены рецепты какимъ должны слѣдовать судья, профессоръ, сановникъ, чтобы стяжать похвальный листъ и найти дѣйствительную поддержку въ цѣломъ лагерѣ. Появилось дѣленіе, нелѣпое въ самомъ себѣ, но дающее отмѣтку—на какихъ-то консерваторовъ и якобы либераловъ. Можно было дивиться зрѣлищу партіи противной существующему строю, оппозиціонной по существу и вмѣстѣ правящей. Въ весьма существенномъ „либеральная партія“ находила союзниковъ въ противномъ ей лагерѣ. Люди доктринерствующіе, для которыхъ всего дороже усвоенныя ими схемы, которые на дѣйствительность могутъ смотрѣть только какъ на матеріалъ для приложенія этихъ схемъ, увѣренные, что дѣло остановится именно тамъ гдѣ требуетъ теорія и не осмѣлится ей не подчиниться,—не могли устоять противъ приманки умничанія и выступали съ рекомендаціей своихъ схемъ, не замѣчая, что выходя съ противоположной стороны указывали на тотъ же исходъ какого добивались противники. Промыслъ Божій спасъ насъ отъ шага который, при современныхъ условіяхъ, могъ бы быть роковымъ, какъ роковымъ было созваніе нотаблей во Франціи при условіяхъ 1787 года.

„*Пріятель.* Аминь.“

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Крушеніе правительственныхъ разсчетовъ и надеждъ.

I. Открытіе собранія нотаблей. Рѣчь Калона и ея послѣдствія.—II. Оппозиція духовенства.—III. Неосторожный шагъ и паденіе Калона.—IV. Еще о роковомъ значеніи собранія нотаблей.—V. Новый министръ Бріенъ.

I.

Открытіе собранія нотаблей состоялось 22 февраля 1787 года. Первоначально оно было назначено на 29 января. Нотабли съѣхались къ этому сроку, но Калонъ, работавшій съ большою легкостію, но любившій откладывать дѣло до послѣдней минуты, не былъ готовъ со своими мемуарами. Для окончанія потребовалось три недѣли усиленнаго труда. Въ это время нотабли успѣли войти въ сношенія между собою. Образовались соглашенія, неблагопріятныя для министра, противъ котораго было значительное предубѣжденіе, искусно раздуваемое его врагами. Особенно неблагопріятнымъ для Калона событіемъ была смерть министра иностранныхъ дѣлъ де-Вержена, опытнаго государственнаго человѣка, пользовавшагося особеннымъ расположеніемъ короля. Верженъ раздѣлялъ планъ Калона и дѣйствовалъ съ нимъ заодно по вопросу о созваніи нотаблей: „Не хочу сказать, пишетъ Безанваль (*Mem.* II, 206), чтобы министръ этотъ оказалъ непремѣнно большую помощь Калону: очень можетъ быть даже что, видя всеобщее на него нападеніе, онъ бы не рѣшился его поддерживать, такъ какъ всегда отличался чрезвычайною осмотрительностью въ своихъ шагахъ. Но надо думать что, имѣя привычку вести большія дѣла, онъ посовѣтовалъ бы болѣе разчитанный образъ дѣйствія". Король глубоко сожалѣлъ о потерѣ и посѣтивъ его могилу на кладбищѣ, гдѣ онъ скромно велѣлъ себя погребсти, произнесъ горькія слова, услышанныя однимъ изъ придворныхъ: „какъ былъ бы я счастливъ мирно покоиться рядомъ съ тобою". (Soulavie, *Mém. du règne de Louis XVI*, T. VI, 152).

22 февраля, послѣ богослуженія въ дворцовой церкви, около одиннадцати часовъ, королевскій кортежъ въ парадныхъ экипажахъ двинулся изъ дворца въ помѣщеніе назначенное для засѣданій нотаблей, собравшихся на этотъ разъ въ парадной формѣ. Войдя въ залу, король, окруженный членами королевской фамиліи, сѣлъ на тронѣ, помѣщенномъ на эстрадѣ, снялъ шляпу, надѣлъ ее опять и произнесъ рѣчь. Затѣмъ говорилъ хранитель печатей, враждебный Калону и тайно дѣйствовавшій противъ него, Миромениль. Главнымъ событіемъ засѣданія была рѣчь Калона (*Arch. parlem.* I, 189). Англійскій министръ

Питтъ, прочтя эту рѣчь, спросилъ французскаго посла не памфлетъ ли это (*Louis XVI*, par A. Renée, Paris 1858, 321) на министра, составленный его врагами. Авторъ *Взгляда на причины революціи* (*Корреспонденція Гримма* V, 82) такъ съ насмѣшкой передаетъ ея краткое содержаніе": „Три года уже я васъ обманывалъ, но съ согласія короля. Теперь мы заинтересованы болѣе чѣмъ когда-либо васъ еще обманывать. А поэтому вѣрьте намъ". Мирабо, называя ненавистнаго ему Калона „тандеромъ которому временно дали роль театральнаго короля", пародируетъ рѣчь такими словами (appendice du T. IV des *Mém.* 492): „Голода, мы тащимъ все и, сверхъ того; съѣдаемъ все и сверхъ того; постараемся найти средство для этого сверхъ того отъ богатыхъ, деньги которыхъ ничего общаго не имѣютъ съ бѣдными. Предупреждаю васъ что эти богатые вы; скажите теперь ваше мнѣніе о предложенномъ средствѣ" (лисьмо къ маркизу Лонго 10 мая 1782).

Калонъ въ началѣ рѣчи съ удареніемъ указывалъ, что планы, которые онъ имѣетъ предложить „сдѣлались личными воззрѣніями монарха, вслѣдствіе настойчиваго вниманія съ какимъ его величество ознакомился съ каждымъ изъ нихъ прежде чѣмъ ихъ принять". Естественно это наводило на мысль, что если дѣло рѣшено, то зачѣмъ было собирать нотаблей. Затѣмъ ораторъ дѣлаетъ обзоръ заслугъ своего министерства. Онъ принялъ министерство, когда финансовое положеніе страны было крайне разстроено; между тѣмъ „теперь деньги въ изобиліи, кредитъ возстановленъ, годарственные фонды поднялись и состояніе ихъ, еслибы не замѣшательства отъ ажіатажа, бича эфемернаго, который скоро исчезнетъ отъ принятыхъ противъ него мѣръ, не представляло бы ничего желать лучшаго". Въ то же время исполнены многочисленныя государственныя сооруженія. Есть два вида экономіи, продолжалъ министръ, проводя очевидную параллель между своею системой и системой Неккера. „Одна экономія внушительно дѣйствуетъ строгою внѣшностью, жесткими отказами просителямъ; другая можетъ сдѣлать болѣе, выставляясь менѣе. Она не обнаруживаетъ суровости, гдѣ того не требуется; заставляетъ говорить о томъ что даетъ и умалчиваетъ о томъ что сберегаетъ... Видя какъ доступна она просителямъ, не хотятъ повѣрить, чтобы большая часть просьбъ отвергалась; видя какъ старается она усладить горечь отказа, ее считаютъ неспособною отказать... Судить объ экономіи въ обширной администраціи надлежитъ по ея крупнымъ результатамъ... Когда король довѣрилъ мнѣ завѣдываніе финансами, все прибѣжище мое было въ кредитѣ, всѣ усилія направилъ я къ тому чтобъ его возстановить. Денегъ недоставало, ибо онѣ не обращались; надо было разлить ихъ чтобъ ихъ привлечь (l'argent manquait, parcequ'il ne circulait pas; il a fallu en re-

pandre pour l'attirer); надо было призвать ихъ извнѣ чтобы заставить выйти наружу тѣ которыя страхъ держалъ скрытыми внутри; принять видъ изобилія, чтобы скрыть размѣры нужды". Таково сдѣланное министромъ откровенное изображеніе политики расточительности, напоминающей пріемы проживающихся людей, надѣющихся вывернуться возбужденіемъ кредита позволяющаго перехватить денегъ. Странное раскрытіе еще было бы понятно еслибы министръ могъ сказать, что система его увѣнчалась успѣхомъ. Но за яркимъ переднимъ планомъ картины министръ съ отважною откровенностію указалъ весьма темный фонъ; сдѣлалъ признаніе, долженствовавшее произвести цѣлую бурю въ общественномъ мнѣніи: открылъ предъ всѣми существованіе значительнаго дефицита, которому „мнѣніе", оппозиціонно настроенное, не замедлило придать громадное значеніе, указывая въ немъ признакъ крушенія всей правительственной системы.

Новое слово быстро облетѣло Францію и сдѣлалось главною темой политическихъ разговоровъ. „Никогда общественныя дѣла не занимали такъ умы, читаемъ у Гримма (IV, 612) въ *Отрывкѣ изъ письма о собраніи нотаблей 1787 года* („Fragment d'une lettre manuscrite sur l'assemblée des notables de 1787"). Клубы расширили область разговоровъ, рѣчи и чувства стали смѣлѣе; перечитали всѣ книги объ администраціи. Свѣтскіе люди, у которыхъ дѣтская память, затверживали техническія слова и научно уснащали ими рѣчь. Женщины, соскучившись слушать, какъ водится, сами пустились толковать о тѣхъ же вещахъ. Весь Парижъ вообразилъ себя нотаблемъ, и никакого секрета, ничего тайнаго, никакого стѣсненія. Во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ, во всѣхъ собраніяхъ, за всѣми столами раздаются самыя смѣлыя декламаціи. Полиція и не пытается умѣрить эту вольность. А несогласіе между министрами дѣлало то что одни поощряли броженіе, а другіе его глухо возбуждали. Съ другой стороны, эта свобода все высказывать опьяняла умы. Собраніе нотаблей, говорили, насъ возродило; оно пробудило патріотизмъ въ сердцахъ, обнаружило энергію Французовъ, могущество разума и прогрессъ знанія. Оно должно создать національный духъ который послужитъ свѣтильникомъ и уздой власти. Во Франціи были только подданные, она будетъ имѣть наконецъ гражданъ и общественное мнѣніе навсегда сдѣлается королевою королей (et l'opinion publique serait la reine des rois). Но тѣ кто озирали положеніе вещей и характеры людей взглядомъ болѣе спокойнымъ, съ точки болѣе возвышенной, признавали что все это броженіе было въ обществѣ, а не въ націи. Нація оставалась, не проявляя силы, косною и пассивною, какъ была всегда; общество же направлялось побужденіями неясными и суетными. Его болтливый и преходящій энтузіазмъ былъ безъ послѣдствій какъ и безъ предмета. Источникъ его былъ не въ любви къ отечеству, не въ искреннемъ недовольствѣ дурнымъ управленіемъ, не въ продуманномъ желаніи лучшаго строя; нѣтъ, его породила безплодная бурливость ума которой наскучило обнаруживаться въ легкихъ формахъ и пожелалось блеснуть въ области болѣе обширной и серіозной.

„Въ самомъ дѣлѣ среди остроумнаго и бездѣльнаго общества каково наше, разговоры вообще составляютъ арену открытую для фантазіи: большинство старается блеснуть заимствованнымъ языкомъ, щеголяя философскими сентенціями похищенными въ театрѣ или изъ романовъ. Этимъ именемъ зову писанія многихъ великихъ философовъ не потому чтобы тамъ не высказывалось простой истины, но истина эта является романическою по ея несоразмѣрности съ нашими нравами. И тогда какъ наши драмы зачастую суть не болѣе какъ разговоръ, наши разговоры являются представленіемъ въ которомъ каждый выходитъ на сцену, стараясь разукрасить свои мысли и дать рѣчи своей такъ-сказать театральный костюмъ, искусно расположенный для эффекта перспективы... Такимъ образомъ среди броженія возбужденнаго собраніемъ нотаблей... парижская публика являла собою зрѣлище труппы комедіантовъ разыгрывающихъ роли республиканцевъ предъ громаднымъ сборищемъ народа аплодирующаго жестами и декламаціей. Не съ чѣмъ нельзя лучше сравнить болтовню ораторовъ нашихъ кружковъ и клубовъ. Какъ на сценѣ посредственный актеръ утрируетъ страсть которой не чувствуетъ, такъ у насъ повсюду изображали гражданскую свободу въ видѣ личной независимости разрушающей общественный порядокъ, подобно свободѣ дикаря. Можно бы подумать что предъ нами образованные рабы (des esclaves ingénieux) злоупотребляющіе сатурналіями. Никогда лондонское Сити не слыхало столько мятежныхъ выходокъ какъ слышитъ нынѣ Пале-Рояль".

Надъ происхожденіемъ дефицита не много задумывались. Объясненіе было готовое: расточительность двора. Любовь короля къ экономіи была слишкомъ извѣстна, чтобъ обвинять его. Ненависть осужденія остановилась на королевѣ. которая въ ту эпоху вмѣшивалась въ дѣла и имѣла много враговъ. Сулави разсказываетъ (Soulavie, *Mém.*, VI, 171) что когда въ 1787 году королева отправилась однажды въ Парижъ въ оперу, на нее указывали говоря: „вотъ идетъ М-me дефицитъ" (voilà mademe déficit qui passe). Распускались слухи, составлялись писанія, ходили остроты. Вотъ образчикъ вышедшій отъ клубистовъ Пале-Рояля (относящійся, впрочемъ, къ нѣсколько позднѣйшему времени). Это якобы письмо къ барону Бретэлю, близкому лицу къ королевѣ, отъ брата ея, Австрійскаго императора Іосифа II. „Необходимо, любезный баронъ, чтобы вы оказали мнѣ неболь-

шую услугу. Безусловно нужно чтобы вы доставили мнѣ 50 милліоновъ для исполненія моего плана относительно Турокъ. Меня очень хорошо знаютъ вашъ покойный (feu, въ насмѣшку), добрый и честный другъ, Калонъ, и королева, его достойная и высокопочитаемая покровительница. Вамъ легко включить эту сумму въ текущій дефицитъ вашего короля и сочинить новый налогъ чтобы покрыть прибавку дефицита. Въ королевскомъ засѣданіи (lit de justice) вы заставите занести этотъ налогъ въ списокъ законовъ, и соберете его при помощи именныхъ приказовъ (lettres de cachet), ссылокъ, гренадеровъ, Швейцарцевъ, драгуновъ, кавалеристовъ, французскихъ гардовъ, тѣлохранителей, всей вооруженной компаніи. А если уже абсолютно нельзя будетъ принудить платить, то объявите банкротство. Королева заплоетъ отъ радости, Monsieur воздохнетъ, графъ д'Артуа похохочетъ, Франція потерпитъ, Европа услышитъ, а добрый король поплачетъ а все-таки сдѣлаетъ какъ вы захотите любезный баронъ. Что до меня мнѣ все равно, только бы получить французскія денежки" (Soulavie, VI, 172).

Гранье де Кассаньякъ (*Hist. des causes de la rev.* I, 89, 1856) старается доказать, что никакой расточительности двора не было. Это по его мнѣнію выдумка безъ достаточной критики занесенная въ исторію. Цифры имъ приводимыя и заимствованныя изъ рукописныхъ матеріаловъ Національной Библіотеки дѣйствительно чрезвычайно скромны. Главная цифра на которую указывали какъ на свидѣтельство громадныхъ злоупотреблій была цифра пенсіоновъ раздававшихся отъ кабинета. Цифра эта доходила въ 1781 году до 28. въ 1787 до 26 милліоновъ ливровъ. Кассаньякъ указываетъ что въ этой суммѣ 16 милліоновъ шло на пенсіи отставнымъ военнымъ. Пенсіи выдавались какъ милость, доставались имѣвшимъ случай. Чрезъ это возбуждалось неудовольствіе въ массѣ недобившихся. Не мало пенсій шло ученымъ и литераторамъ. Пенсіи эти были предметомъ ревниваго искательства и отказы породили не мало враговъ правительству. Въ эпоху собранія нотаблей между брошюрами направленными противъ Калона довольно мѣсто принадлежитъ брошюрѣ Карра (Carra) обращенной къ нотаблямъ. Послѣ паденія Калона Карра издалъ памфлетъ: *Калонъ какъ есть цѣликомъ* (*M. de-Calonne tout entier*), гдѣ съ наивною откровенностію указываетъ источникъ своихъ враждебныхъ писаній. (Droz, livre V, 179). Карра просилъ пенсіи, получилъ вѣжливый отвѣтъ, что Калонъ „съ удовольствіемъ доложитъ просьбу королю когда его величество будетъ заниматься распредѣленіемъ милостей литераторамъ". „Я думалъ, пишетъ Карра, что столь священное обязательство принятое министромъ относительно меня своимъ письмомъ не преминетъ имѣть послѣдствія. Ничуть не бывало. Съ тѣхъ поръ оскорбительная несправедливость обнаружившаяся въ этомъ забвеніи раскрыла мнѣ глаза на поведеніе г. Калона по отношенію къ его приверженцамъ и союзникамъ Размышленія возбужденныя этимъ обстоятельствомъ породили мой, надѣлавшій шума, мемуаръ, который я препроводилъ нотаблямъ во время ихъ собранія".

Кассаньякъ правъ въ томъ только отношеніи что нельзя объяснять происхожденіе огромнаго дефицита исключительно и даже главнымъ образомъ расточительностію двора; можно согласиться что нельзя его объяснить даже и дурнымъ управленіемъ финансовъ. Главнымъ его источникомъ дѣйствительно были обширныя и дорогія предпріятія, какъ Американская война, построеніе цѣлаго флота, множество общественныхъ работъ. Но отсюда не слѣдуетъ чтобы финансы, да и вообще страна, управлялись хорошо и чтобы дворъ былъ образцомъ экономіи. Нравственный дефицитъ вытекавшій изъ дѣйствовавшей системы былъ значительнѣе матеріальнаго и удесятирялъ значеніе послѣдняго. И нечего удивляться что все было свалено на вину системы. Финансовое управленіе стремившееся всячески возбуждать кредитъ, чтобы дѣлать долги, едва ли надлежитъ признать образцовымъ. Систему общаго управленія характеризовали двѣ черты: вопервыхъ, господство чиновническаго, бюрократическаго начала, и вовторыхъ, подавляющее господство протекціи, исключавшее правильную оцѣнку заслуги, которая и укорочиваетъ свое значеніе и свою цѣну. Какъ управлялась Франція? Была масса мѣстъ и должностей для государственнаго и придворнаго парада. Занимающіе ихъ получали большое содержаніе и не дѣлали никакого дѣла, которое можно было бы назвать полезнымъ. „Было въ провинціяхъ, говоритъ Тэнъ (I, 84), тридцать семь большихъ генералъ-губернаторствъ (grands gouvernement généreux), семь малыхъ, шестьдесятъ шесть намѣстничествъ (lieutenances générales), четыреста семь управителей (gouvernement particuliers), тринадцать дворцовыхъ управителей и масса другихъ мѣстъ безъ пользы и для парада", не говоря уже о безчисленныхъ придворныхъ должностяхъ съ жалованіемъ. Дѣйствительныя нити управленія были въ рукахъ гражданскихъ чиновниковъ, интендантовъ, дѣйствовавшихъ по предписаніямъ министровъ. Губернаторы и не жили въ своихъ провинціяхъ. Требовалось позволеніе не для того, чтобы выѣхать изъ мѣстъ своего управленія, а чтобы туда отправиться—„la permission d'aller resider dans son gouvernement". Мѣстнаго самоуправленія не было. Управленіе феодальное распалось. Дворянство, сдѣлавшись классомъ исключительно придворнымъ, стремилось въ столицу; на мѣстахъ оставались бѣднѣйшіе, никакого значенія не имѣвшіе. Для англійскихъ путешественниковъ наиболѣе рѣзкимъ явленіемъ, по сравненіи со своею страной, было отсутствіе во французской провинціи мѣстной дѣятельной, управляющей, занимающейся хозяй-

ствомъ аристократіи. Управленіе сдѣлалось централизованнымъ и бюрократическимъ: на все требовалось разрѣшенія, для всего ждали предписанія. Собранія чиновъ въ привилегированныхъ провинціяхъ утратили значеніе. Капитальный вопросъ объ организаціи земскихъ учрежденій и мѣстнаго самоуправленія занималъ Тюрго; въ скромныхъ размѣрахъ разрѣшенъ по мѣстамъ Неккеромъ; породилъ широкій планъ Калона въ духѣ новыхъ вѣяній и разрѣшился только наканунѣ революціи устройствомъ провинціальныхъ собраній при такихъ условіяхъ, что они немедленно, вмѣсто земскаго, получили политическій характеръ и вмѣсто того, чтобы стать средствомъ возрожденія страны, могущественно посодѣйствовали революціонному крушенію. Что касается милліоновъ раздававшихся на пенсіи и пособія въ качествѣ королевской милости, то это была въ значительной долѣ добрая трата, но какъ она дѣлалась? Не всегда обходили, конечно, и заслугу, но не чрезъ заслугу, какъ таковую, можно было что-нибудь пріобрѣсти, Протекція требовалась какъ необходимое условіе. Понятно какую массу искательствъ, ревности, горечи, недовольства и озлобленія, наконецъ потерю вѣры въ нравственныя начала долженъ былъ порождать такой порядокъ. Не даромъ слово *abus* (злоупотребленіе) было въ такомъ ходу, какъ характеристика эпохи. Мармонтель назвалъ предреволюціонную Францію „страной, гдѣ многое множество людей живутъ злоупотребленіями и безпорядками“ (pays ou tant de monde vivait d'abus et de désordres). Явленій расточительности, хищенія въ правящихъ кругахъ можно указать множество. Не мало приводитъ ихъ Тэнъ. Оппозиціонное настроеніе преувеличивало ихъ значеніе. Внѣшній блескъ власти, недавно бывшій гордостью націи, сталъ знаменіемъ ея злоупотребленій. Отмѣчу обстоятельство, содѣйствовавшее паденію королевскаго престижа, и на которое не довольно обращено вниманіе. Король въ эпоху предъ революціей былъ, такъ сказать, статскій король. Войско его почти не видало предъ своими рядами. Могущественная опора власти, военная сила, не пользовалась, какъ въ Пруссіи или Россіи, особымъ вниманіемъ главы государства. Людовикъ XVI менѣе всего былъ генераломъ. И это въ странѣ воинственныхъ наклонностей, гдѣ чрезъ нѣсколько лѣтъ счастливому солдату удалось сдѣлаться императоромъ и на первомъ планѣ поставить воинскую заслугу. Людовикъ XVI смотрѣлъ иногда на военныя эволюціи какъ на зрѣлище, не лишенное любопытства и для невоеннаго человѣка. Въ 1786 году король свершилъ поѣздку въ Нормандію. Онъ встрѣтилъ въ провинціи еще искреннее выраженіе любви и восторга подданныхъ (Grimm, IV, 12). Предъ нимъ бросались на колѣни, просили позволенія выпрячь экипажъ и везти народомъ, осыпали цвѣтами, встрѣчали процессіями молодыхъ людей и дѣвицъ съ музыкой во главѣ. Могла ли родиться мысль, что чрезъ нѣсколько

лѣтъ среди столь преданнаго, казалось, народа тотъ же король, отъ сердца желавшій благодѣтельствовать націи, сложитъ голову на эшафотѣ! Король дѣлалъ смотръ флоту въ Шербургѣ. Эскадра въ 18 судовъ сдѣлала предъ нимъ примѣрный бой. Онъ слѣдилъ за зрѣлищемъ, не отходя отъ подзорной трубки. Только удивился, почему судно, на которомъ онъ находится, не стрѣляетъ. Ему отвѣтили, что на кораблѣ, гдѣ находится король, не принято производить выстрѣлы. „Король тотчасъ отмѣнилъ этотъ этикетъ и приказалъ произвести значительное число выстрѣловъ ядрами, чтобы посмотрѣть эффектъ рикошета на водѣ“. Не лучше производились смотры и сухопутнымъ силамъ. Да и производились ли? Мнѣ не случалось встрѣчать описаній.

Но возвратимся къ первому засѣданію нотаблей. Калонъ въ рѣчи своей не объявилъ прямо цифры дефицита. Въ послѣдовавшихъ совѣщаніяхъ онъ опредѣлилъ его во 115 милл. ливровъ. Нотабли потомъ насчитали болѣе 140 милл. Преемникъ Калона Бріенъ, провѣряя цифры, высчиталъ дефицитъ во 104 милліона. Не безъ основанія можно полагать что Калонъ нарочно преувеличилъ дефицитъ на одиннадцать милліоновъ въ разчетѣ, получивъ санкцію нотаблей на предлагаемыя мѣры къ постепенному покрытію недочета, быть свободнѣе въ финансовыхъ операціяхъ, имѣя эту значительную сумму въ резервѣ при будущихъ счетахъ.

Во всякомъ случаѣ въ финансахъ огромный дефицитъ. Какъ же поправить дѣло? Этотъ вопросъ ставитъ Калонъ въ своей рѣчи и указываетъ средство выйти изъ затруднительнаго положенія. Средство это, не безъ разчета на эффектъ выразился министръ—*злоупотребленія, les abus.*

„Да, милостивые государи, говорилъ онъ, въ злоупотребленіяхъ кроется источникъ богатствъ какія въ правѣ требовать государство и которыя должны возстановить порядокъ. Уничтоженіе злоупотребленій единственное средство удовлетворить всѣмъ нуждамъ.“ Затѣмъ министръ указалъ въ главныхъ чертахъ правительственныя предположенія. Важнѣйшія изъ нихъ были: устройство провинціальныхъ собраній, общій поземельный налогъ взимаемый съ произведеній почвы, замѣна натуральныхъ повинностей денежными, уничтоженіе внутреннихъ стѣсненій торговли и промышленности, облегченіе соляного налога, вопросъ о регулированіи долга духовенства. Калонъ заключилъ рѣчь словами: „Пусть другіе напоминаютъ извѣстное правило монархіи; такъ требуетъ король, такъ требуетъ законъ (si veut le roi, si veut la loi); правило его величества: такъ требуетъ благо народа, такъ требуетъ король (si veut le bonheur du peuple, si veut le roi)“.

Эффектъ рѣчи вышелъ далеко не таковъ какъ повидимому ожидалъ Калонъ. Указывая происхожденіе дефита, онъ имѣлъ отвагу, оказав-

теюся нерасчетливостью, выступить обвинителемъ популярнаго Неккера, имѣвшаго и между нотаблями сильную партію. Калонъ напалъ на знаменитый финансовый отчетъ Неккера 1781 года (*Compte rendu*), въ которомъ тотъ, впервые раскрывая предъ публикой состояніе государственныхъ финансовъ, свидѣтельствовалъ, что довелъ ихъ до вполнѣ удовлетворительнаго состоянія: доходы не только покрывали расходъ, но и оставался избытокъ до десяти милліоновъ. Калонъ смѣло сказалъ, что отчетъ Неккера не вѣренъ и что въ эпоху 1781 года въ казнѣ былъ дефицитъ до сорока милліоновъ ливровъ, возросшій къ 1783 году, вслѣдствіе займовъ составившихъ около 450 милл., до восьмидесяти милліоновъ. Понятно какое впечатлѣніе такое заявленіе должно было сдѣлать на Неккера и его друзей. Когда еще прежде засѣданія до Неккера дошелъ слухъ что Калонъ намѣренъ доказать существованіе дефицита въ эпоху управленія Неккера, тотъ обратился къ нему съ письмомъ прося сообщить разчеты и предлагая дать объясненіе. Калонъ уклонился и какъ бы въ отвѣтъ прислалъ экземпляръ своей рѣчи, когда она была уже произнесена. Неккеръ, написалъ письмо къ королю, умоляя дозволить ему лично явиться въ собраніе нотаблей и дать разъясненіе Разрѣшеніе не послѣдовало. Неккеръ обратился къ общественному мнѣнію и вопреки прямому королевскому воспрещенію напечаталъ свой оправдательный мемуаръ, прислав его предварительно королю. Послѣдовалъ именной приказъ удалявшій Неккера на сорокъ льё отъ столицы. „Общественное мнѣніе, пишетъ дочь Неккера, гжа Сталь (*Consider. sur la rev.*, *Oeuvres* XII, 124), обратило преслѣдованіе въ тріумфъ. Весь Парижъ сдѣлалъ визитъ Неккеру, въ продолженіе сутокъ требовавшихся для приготовленія къ отъѣзду. Даже архіепископъ Тулузскій, покровительствуемый королевой и готовившійся занять мѣсто Калона, по разчетамъ честолюбія, счелъ нужнымъ показаться у изгнанника. Со всѣхъ сторонъ предлагали Неккеру помѣщеніе. Всѣ замки за сорокъ льё отъ Парижа были предложены въ его распоряженіе". Ссылка понятно длилась не долго. Все это сильно вредило Калону.

Но кто же однако былъ правъ въ спорѣ? Неужели Калонъ просто оболгалъ Неккера? Этого никакъ сказать нельзя. Возможность представить то же дѣло въ разномъ видѣ проистекала, какъ нерѣдко бываетъ въ спорахъ, отъ того что одна и та же вещь называлась разными именами и разныя вещи шли подъ одинаковымъ наименованіемъ. Такъ, между прочимъ, представляетъ дѣло Мирабо во *Второмъ письмѣ объ администраціи Неккера* (*Mém.*, IV, 412). къ которому онъ питалъ ненависть не меньшую какъ къ Калону. Калонъ разчитывалъ по дѣйствительнымъ полученіямъ и выдачамъ разсматриваемаго года: сколько денегъ прилило въ разныя казенныя кассы и

сколько изъ нихъ отлило. Бюджетъ Неккера былъ бюджетъ нормальныхъ полученій, смѣтный, исключавшій случайныя и экстра-ординарныя выдачи и недополученія. Ничего фальшиваго у Неккера не было, но комбинація цифръ была въ извѣстной мѣрѣ искусная и искусственная. Какъ можно было, комбинируя цифры, давать выводамъ разный видъ, о томъ свидѣтельствуетъ дальнѣйшая судьба исчисленія дефицита. Объявляя дефицитъ во 115 милліоновъ, Калонъ включалъ въ годичную издержку 58 милліоновъ уплатъ, изъ коихъ 53 срочныхъ (en comprenant dans la depense annuelle 58 millons de remboursement dont 53 etaient à termes fixes). Бріенъ потомъ высчиталъ тотъ же дефицитъ во 104 милліона, обнаруживъ что Калонъ одиннадцать милліоновъ накинулъ. Въ правительственномъ отчетѣ (того же Бріена) въ мартѣ 1788 года, говоритъ Калонъ (*De l'état de la France*, 26), этотъ дефицитъ разсматривается составляющимъ около 55, но уже отвлекаясь отъ этихъ самыхъ уплатъ. Въ маѣ 1789 года Неккеръ при открытіи собранія сословныхъ представителей (états généraux) представилъ новый отчетъ. Онъ объявилъ что (*дефицитъ* (déficit ordinaire) *приведенъ* (se trouvait reduit) *въ настоящую минуту къ 56 милліонамъ*. Это слово *приведенъ* произвело на мало свѣдующую публику дѣйствіе, какого онъ ожидалъ. Не вспомнили, что уже его предшественникъ, вычтя изъ издержекъ срочныя уплаты, понизилъ цифру дефицита до 55 милліоновъ. Никто не обратилъ вниманія что довести его въ слѣдующій годъ до 56 милліоновъ, пользуясь тою же методой, значитъ скорѣе увеличить его, чѣмъ „привести". Обманутая прельщающимъ оборотомъ фразы Неккера публика отнесла къ *строгой точности*, съ какою онъ, хвастался, управляетъ финансами, то, что было простымъ слѣдствіемъ разнаго способа распредѣлять цифры. И изъ собранія вышли съ увѣренностію, что дефицитъ дѣйствительно *уменьшился*".

Въ книгѣ Неккера, (*De la révolution française*, Paris 1797, nouv. ed.) авторъ въ обзорѣ событій предшествовавшихъ 1789 году вовсе не упоминаетъ объ исторіи съ дефицитомъ.

На слѣдующій день послѣ открытія собранія было второе общее засѣданіе подъ предсѣдательствомъ старшаго брата короля (Monsieur), все посвященное чтенію шести мемуаровъ перваго отдѣла плановъ правительства. Предсѣдатель къ концу засѣданія сдѣлалъ предложеніе, чтобы всѣ совѣщанія, и общія и частныя по бюро, нотабли хранили въ тайнѣ и сообщали о нихъ въ разговорахъ развѣ только въ самыхъ общихъ чертахъ для предупрежденія перетолкованій. Но понятно, что такое событіе, какъ собраніе нотаблей, не могло остаться безъ сильнѣйшаго отголоска среди возбужденнаго общества и при дворѣ.

„На другой день послѣ перваго засѣданія, въ Версалѣ было общее броженіе, слышались рѣчи крайне удаленныя отъ того почтенья и той покорности, какія въ дѣтствѣ я привыкъ встрѣчать по отношенію къ королю. Домъ гжи Бове былъ главнымъ центромъ возстанія, если не противъ короля, то противъ мѣръ его генералъ-контролера. На гжу Бове можно было смотрѣть какъ на представительницу партіи Неккера и какъ на центръ сближенія духовенства, посѣщавшаго ея салонъ въ большомъ числѣ.“

II.

Духовенство. интересы котораго сильно затрогивались предложенными мѣрами, выступило главнымъ противникомъ Калона. „Оно, говоритъ Безанваль, сумѣло заинтересовать въ своемъ дѣлѣ дворянство, такъ что вышло странное зрѣлище: духовенство отказывало королю въ томъ налогѣ, какой съ незапамятныхъ временъ взимало со своихъ подданныхъ; а дворянство, само потерявъ всѣ привилегіи, защищало привилегіи духовенства.“

„Сказать по правдѣ, замѣчаетъ съ свою очередь Веберъ (Mém., I. 160), собраніемъ нотаблей руководило духовенство. За ними были образованіе, опытность, взаимная солидарность; оно имѣло центръ соединенія“.

Духовенство составляло сильную талантами, опытную политически корпорацію. Воспитаніе католическаго духовенства, устройство монашескихъ орденовъ давали возможность крупнымъ талантамъ, съ какой бы ступени они ни вышли, подняться до вершинъ іерархіи. Съ другой стороны, въ рядахъ высшаго духовенства было много представителей знатнѣйшихъ родовъ Франціи. Духовенство владѣло огромными богатствами, имѣло свои политическія собранія, привыкло держать себя какъ сила независимая, какъ нѣкоторое государство въ государствѣ. Въ формахъ смиренія обнаружило значительное властолюбіе. Оно могло быть и сильнымъ другомъ и еще болѣе сильнымъ врагомъ. Интересы его были тѣсно связаны съ интересами монархіи. Тронъ и алтарь всегда считались въ неразрывной связи. Но какъ нравственный авторитетъ, сословіе духовенства большой опоры оказать не могло, ибо сила его надъ умами была поколеблена. Какъ политическому сословію, ему предлагалось поступиться своими интересами Но для этого требовались болѣе сильныя побужденія, чѣмъ планы министра, не внушавшаго довѣрія. Возможность паденія монархіи не приходила и на мысль. Присоединилось важное обстоятельство: сословіе утратило внутреннюю правду, преобладающею силой въ верхнемъ слоѣ его стало лицемѣріе. Въ рядахъ высшаго духовенства, какъ тогда говорили, было нѣсколько іерарховъ глубоко вѣрующихъ, но литенныхъ политическихъ талантовъ, и было нѣсколько талантовъ, но не вѣрующихъ (Мармонтель). Одинъ изъ главныхъ политическихъ предводителей корпораціи, архіепископъ Ломени де-Бріенъ, занявшій потомъ мѣсто Калона, смѣялся надъ чудесами и не безъ основанія подозрѣвался въ невѣріи. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ вопросъ о назначеніи его архіепископомъ Парижа, король не далъ согласія, говоря: „надо по крайней мѣрѣ, чтобъ архіепископъ парижскій вѣрилъ въ Бога“. И не одинъ Бріенъ былъ епископомъ и христіаниномъ только по имени.

Имѣя духовенство противъ себя, правительство не могло опереться въ собраніи нотаблей ни на президентовъ парламентовъ, ни на дворянство. Президенты люди сами по себѣ строго монархическаго образа мыслей въ то же время были предсѣдателями собраній, боровшихся съ правительствомъ, и не могли не понимать, что самое собраніе нотаблей было сдѣлано, чтобы побѣдить сопротивленіе парламентовъ и провести новые законы при поддержкѣ созваннаго собора именитыхъ людей. Что касается дворянства, то оно, какъ сословіе, утратило политическое значеніе и не было политическою силой. Оно не имѣло даже своихъ собраній какъ имѣло ихъ духовенство, какъ имѣетъ ихъ дворянское сословіе, напримѣръ, у насъ. Интересы дворянства были самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ интересами короны, но сознанія этихъ интересовъ не было, ибо въ сословіи не было политическаго воспитанія. Дворяне были придворные, военные, администраторы, предсѣдатели и отчасти члены парламентовъ, и наконецъ частныя лица. Они дорожили своими привилегіями, и главнымъ образомъ наиболѣе суетными, оскорблявшими другія сословія; но какъ политическую силу себя не сознавали и дѣйствовали въ интересѣ другихъ. Сознавали себя какъ касту высшаго происхожденія, что могло только вредить существующему порядку, и не сознавали себя политическою силой, что могло быть для государства полезно. Говоря о политическомъ легкомысліи французскаго общества предъ революціей, надо главнымъ образомъ имѣть въ виду дворянское сословіе.

„Каждый вечеръ, говоритъ Веберъ, члены отъ духовенства собирались у архіепископа Нарбонскаго. Давали отчетъ о томъ, что происходило утромъ и устанавливали мнѣнія, какія высказывались на слѣдующій день. Маркизъ де-Лафайетъ, ревнуя за дворянство къ такому преобладанію духовенства и нетерпѣливо желая играть роль въ мирное время, подобно тому какъ блестяще игралъ ее на войнѣ, тщетно старался образовать подобный центръ соединенія для дворянъ. Члены парламентовъ держали малыя, таинственныя совѣщанія у хранителя печатей (Миромениля, врага Калона), мало говорили въ бюро, болѣе наблюдали, чѣмъ высказывались, и явно приберегали себя для времени,

когда придетъ ихъ чередъ, то-есть когда рѣшенія собранія поступятъ для внесенія въ списокъ законовъ (enregistrement). Представители средняго сословія не знали другъ друга".

По желанію короля, Калонъ имѣлъ совѣщаніе съ пятью главными прелатами. Они соглашались съ началомъ равномѣрнаго распредѣленія налоговъ, но рѣшительно отклоняли какія-либо перемѣны во внутреннихъ распорядкахъ относительно управленія обширными имуществами духовенства. Въ общемъ министръ встрѣтилъ въ нихъ противодѣйствіе. „Владыко (monseigneur), обратился онъ къ архіепископу Тулузскому Бріену (Веберъ, I, 159): дайте мнѣ перемиріе на время собранія нотаблей. Будемъ принадлежать только королю и государству. Можетъ ли кто не содрогнуться, если предпринятое дѣло не удастся. Это послѣднее прибѣжище. Я говорилъ и повторялъ королю, что оно можетъ спасти государство, можетъ и погубить. Надо или не предпринимать, или уже исполнить. Король лока твердъ, но его можно поколебать и наступитъ общій пожаръ (on mettra tout en combustion). Вступимъ въ договоръ. Поддержите мой планъ и потомъ возьмите мое мѣсто". Бріенъ съ усмѣшкою опровергалъ несправедливое де предубѣжденіе министра. Архіепископъ Нарбонскій былъ откровеннѣе. „Вы хотите войны, сказалъ онъ Калону. Будете имѣть ее съ нашей стороны рѣшительную, но прямую и открытую. По крайней мѣрѣ вы идете прямо подъ ударъ".—„Владыко, возразилъ Калонъ, продолжая глядѣть на архіепископа Тулузскаго, — я усталъ отъ ударовъ, наносимыхъ мнѣ сзади, и рѣшился вызвать ихъ съ лица". Тѣмъ совѣщаніе и кончилось.

Нотабли раздѣлились на семь бюро, каждое подъ предсѣдательствомъ какого-либо члена королевской фамиліи, и приступили къ разсмотрѣнію предложенныхъ плановъ. Первое высказанное требованіе было, чтобы министръ представилъ подробный бюджетъ доходовъ и расходовъ, который далъ бы возможность судить о размѣрахъ зла и соотвѣтственно взвѣсить предложенныя средства къ его устраненію. Первое слово Калона было: „эти господа слишкомъ любопытны". Офиціальный, хотя и не прямой отвѣтъ онъ далъ въ рѣчи, произнесенной въ третьемъ засѣданіи 12 марта 1787 года, при представленіи нотаблямъ мемуаровъ втораго отдѣла. Упомянувъ (*Arch. parlem.*, I, 208) что представленныя нотаблями замѣчанія относительно мемуаровъ перваго отдѣла, сдѣланныя при обсужденіи ихъ въ бюро, прочтены королемъ и будутъ обсуждаться въ его совѣтѣ, Калонъ прибавилъ: „король съ удовольствіемъ видѣлъ, что вообще убѣжденія ваши согласуются съ его началами; что проникнувшись духомъ порядка и благодѣтельными намѣреніями, направляющими всѣ его виды, вы показали себя воодушевленными желаніемъ содѣйствовать *къ усовершенствованію ихъ исполненія*; что вы изыскивали трудности, какими это исполненіе можетъ быть окружено единственно съ цѣлью ихъ избѣгнуть и, наконецъ, что возраженія вами представляемыя и которыя *преимущественно касаются формы*, не противорѣчатъ существеннымъ пунктамъ цѣли, какую поставилъ себѣ его величество: улучшить финансы и облегчить его народъ чрезъ устраненіе злоупотребленій".

Заявленіе министра вызвало бурю. Борьба сдѣлалась открытою. Общественное мнѣніе ее привѣтствовало.

Появилась и ходила изъ рукъ въ руки знаменитая каррикатура такъ описанная Гриммомъ (*Corresp.* 10, 206). „Нѣкоторые увѣряютъ, что на этихъ дняхъ видѣли каррикатуру, изображающую толстаго фермера на заднемъ дворѣ, окруженнаго курами, пѣтухами, индѣйками и проч. Внизу прибавленъ небольшой діалогъ.

„*Фермеръ.* Друзья мои, я собралъ васъ, чтобъ узнать, подъ какимъ соусомъ угодно вамъ быть скушанными.

„*Одинъ изъ пѣтуховъ* (топыря гребень). Да мы вовсе не хотимъ быть съѣденными.

„*Фермеръ.* Вы удаляетесь отъ вопроса."

Въ промежуткѣ между третьимъ засѣданіемъ 12 марта и четвертымъ 29, бюро составили свои рекламаціи и настаивали, чтобы рекламаціи эти были занесены въ протоколъ засѣданія 12 марта непосредственно за рѣчью министра. Разрѣшеніе было дано королемъ. „Изъ нѣкоторыхъ выраженій министра, читаемъ въ рекламаціи перваго бюро, можно вывести, будто бы мнѣнія бюро отличаются отъ мемуаровъ ему сообщенныхъ только по вопросамъ формы, а не въ существенныхъ пунктахъ. Принимая во вниманіе какъ важно, чтобы мнѣнія бюро были сохранены въ ихъ точности, бюро считаетъ необходимымъ заявить, что его сужденія относительно провинціальныхъ собраній касаются всей совокупности устройства этихъ собраній, а не подробностей формы; что признанная бюро невозможность поземельнаго налога натурой не ловела его къ выраженію какого-либо мнѣнія о поземельномъ налогѣ вообще, безъ предварительнаго полученія необходимыхъ сообщеній, которыя могли бы уяснить его необходимость, размѣры и продолжительность". Четвертое бюро находило „устройство провинціальныхъ собраній въ прямомъ противорѣчіи съ основнымъ началомъ монархическаго строя". „Предлагаемое смѣшеніе трехъ сословій, поясняло пятое бюро, разрушаетъ іерархію необходимую для поддержки авторитета монарха и существованія монархіи". Шестое бюро, оказавшееся весьма рѣзкимъ въ преніяхъ,—гренадеры Конти, какъ звали его членовъ (Веберъ, I, 166), кратко требовало представленія счетовъ расхода и прихода за 1786 и 1787 годы.

III

Не смотря на борьбу, въ которой, по общему признанію, Калонъ защищалъ свои проекты съ замѣчательною силой таланта, особенно обнаружившагося на общемъ комитетѣ у старшаго брата короля, возможность соглашенія между правительствомъ и нотаблями, по мнѣнію Вебера, не была еще утрачена. Старшій братъ короля (въ послѣдствіи король Людовикъ XVIII) составилъ примирительный мемуаръ, сообщенный по бюро и встрѣтившій почти общее одобреніе. Предлагалось согласиться на образованіе провинціальныхъ собраній и когда организуются собрать ихъ мнѣнія относительно наименѣе обременительной формы налоговъ; пока же поддержать правительство во временныхъ его мѣропріятіяхъ *.

Мелькнувшее было соглашеніе мгновенно разрушилось. Его разрушили, по выраженію Вебера, двѣ страницы, прибавленныя Калономъ къ напечатаннымъ имъ во всеобщее свѣдѣніе его мемуарамъ. Онъ и на этотъ разъ, подобно какъ и въ своей первой рѣчи, не сдержался, въ предѣлахъ умѣренности и прибавилъ къ мемуарамъ „предувѣдомленіе“, которое было принято какъ обвиненіе нотаблей и возбужденіе противъ нихъ средняго сословія. „Калонъ, говоритъ о томъ же Безанваль (*Mém.* II, 217), своимъ необдуманнымъ поступкомъ сдѣлалъ, что пламя запылало съ большею яростью чѣмъ когда-либо. До этого времени публикѣ не были сообщены ни мемуары представленные нотаблямъ, ни мнѣнія ихъ бюро объ этихъ мемуарахъ. Калонъ изъ близорукаго отмщенія распорядился напечатать свои мемуары. И чтобы довершить нападеніе, прибавилъ объявленіе, въ которомъ подъ личиною умѣренности указывалъ, что надо винить нотаблей, если король задержанъ въ задуманномъ имъ облегченіи народа. Боясь, что писаніе это распространится не довольно скоро, и желая распространить его повсюду, онъ отправилъ его по всѣмъ приходскимъ священникамъ, чтобъ этимъ способомъ довести до общаго свѣдѣнія народа. Легко понять, какое возбужденіе и какое негодованіе произвело это у людей, которымъ нуженъ былъ только поводъ. На другой же день всѣ бюро прервали всѣ дѣла, чтобы заняться этимъ, близко

---

* О характерѣ вообще дѣйствій старшаго брата короля въ мемуарахъ Монбаре есть такое любопытное упоминаніе. Принцъ въ ранней еще молодости, повѣряя Монбаре свои планы и говоря, что ему навсегда предстоитъ пассивная роль, замѣтилъ: „Я осужденъ навсегда думать какъ братъ и долженъ выучиться всегда ставить ногу на то мѣсто, съ котораго онъ только что удалилъ свою“.

ихъ касавшимся. Единогласно постановили просить у короля позволенія опубликовать ихъ постановленія. Не остановились на этомъ, стали перебирать управленіе Калона“. Лафайетъ, поддерживаемый епископомъ Лангарскимъ, выдалъ обличительное писаніе, подъ которымъ поставилъ свое имя и въ которомъ выставлялъ двѣ предпринятыя министромъ сдѣлки, какъ свидѣтельство хищенія и лихоимство, Выходка Лафайета обратилась впрочемъ противъ него, такъ какъ обличеніе было совершенно бездоказательно и основывалось на слухахъ“.

Любопытно прочитать это „возжегшее пламя“ объявленіе Калона. Въ *Archives parlementaires* нѣтъ этого документа. Я его нашелъ въ нѣмецкомъ сборникѣ Эгерса (*Denkwürdigkeiten der französischen Revolution* von Chr. Eggers. Kopenhagen, 1795. T. II, 180). Онъ оказался также помѣщеннымъ въ концѣ сочиненія Калона *De l'état de la France* (Londres 1790). Вотъ этотъ документъ съ небольшими сокращеніями: „Мемуары эти были составлены исключительно для нотаблей и первоначально были вручены имъ и имъ однимъ. Было справедливо, чтобъ изложеніе видовъ короля, о которыхъ спрашивались ихъ замѣчанія, было представлено исключительно ихъ разсмотрѣнію прежде чѣмъ быть доведеннымъ до свѣдѣнія публики, и чтобъ они могли спокойно составить свое мнѣніе среди ихъ бюро, не будучи ни предупреждаемы, ни возмущаемы мнѣніемъ извнѣ приходящимъ. Но распространились слухи и предположенія, способные ввести народъ въ заблужденіе. А потому необходимо ознакомить его съ истинными намѣреніями короля. Время указать ему все добро, какое его величество хочетъ для него сдѣлать и разсѣять безпокойство, какое хотѣли ему внушить. Заговорили объ увеличеніи налоговъ: будто бы имѣются въ виду новые. Слова нѣтъ объ этомъ. Король единственно чрезъ устраненіе злоупотребленій и введеніе болѣе точнаго порядка взиманія намѣревается увеличить доходы казны, какъ того требуютъ государственныя нужды, и облегчить его подданныхъ, сколько позволяютъ обстоятельства... Прочитавъ мемуары, всякій убѣдится, что планы принятые его величествомъ, суть тѣ самые, какимъ давно дана санкція общества (sanctionnés depuis longtemps par le public): провинціальныя собранія изъ представителей всѣхъ собственниковъ для распредѣленія сборовъ; равномѣрное распредѣленіе поземельнаго налога на всѣ имущества безъ исключенія; уплата долга духовенства, дабы оно наравнѣ со всѣми подданными короля участвовало въ общественныхъ тяготахъ и проч. (перечисляются остальныя мѣры)... Въ цѣломъ, результатъ предлагаемыхъ мѣръ долженъ быть тотъ, что наконецъ установится равновѣсіе между доходами и расходами и окажется на тридцать милліоновъ облегченіе для народа, не говоря объ отмѣнѣ третьей двадцатой. Какія затрудненія могутъ

перевѣсить эти выгоды? Какой можетъ быть поводъ къ безпокойству? Будутъ платить болѣе. Конечно: но кто? Тѣ которые платили недостаточно. Они будутъ платить въ справедливой пропорціи, и никто не будетъ обремененъ. Привилегіи будутъ принесены въ жертву! Да, того желаетъ справедливость, того требуетъ нужда. Лучше ли было бы обременить непривилегированныхъ — народъ? Поднимутся большія жалобы. Надо ждать. Можно ли сдѣлать общее благо, не нарушивъ нѣкоторыхъ частныхъ интересовъ? Проходятъ ли реформы безъ жалобъ? Но голосъ патріотизма, но чувство, питаемое къ монарху, входящему въ соглашенія съ націей о средствахъ обезпечить общественное спокойствіе, но честь, честь столь могущественная въ сердцѣ Французовъ, можно ли сомнѣваться, возьмутъ верхъ надъ всякими другими соображеніями. Первыя сословія государства уже признали, что поземельный налогъ долженъ простираться на всѣ земли, безо всякаго исключенія и пропорціонально производительности. Они уже предложили пожертвовать для облегченія народа личными изъятіями, какія король счелъ справедливымъ имъ даровать. Уже собраніе принесло благодарность его величеству за виды имъ указанные. Было бы совершенно несправедливо, еслибы разумныя сомнѣнія, замѣчанія, продиктованныя усердіемъ, выраженія благородной откровенности породили бы мысль о недоброжелательной оппозиціи Это значило бы нанести оскорбленіе націи Надо не знать ея, чтобы не быть увѣреннымъ, что ея желаніе совпадаетъ съ желаніемъ короля, котораго она обожаетъ и видитъ одушевленнымъ единственно желаніемъ сдѣлать его народы счастливыми".

Примѣчаніе, какимъ Калонъ въ своей книгѣ сопровождаетъ это „предувѣдомленіе" интересно не менѣе самого предувѣдомленія. „Вотъ, говоритъ онъ, писаніе, которое желаніе погубить меня объявило зажигательнымъ, хотя истина его изложенія никогда не была оспариваема. Нашли, что я не довольно осторожно говорилъ о привилегированныхъ. Чтобъ успокоить ихъ, пожертвовали мною. Еслибъ я *разбросалъ деньги, чтобы возбудить народъ* на противившихся, я бы совершилъ большую вину; но вина эта предохранила быть можетъ отъ многихъ золъ".

Замѣчательная откровенность! Калонъ сказывается въ этомъ примѣчаніи какъ и въ самомъ предувѣдомленіи! Правительство въ его лицѣ само является революціоннымъ, шевелитъ тѣ самыя средства, которыя собираются обратить противъ него; прибѣгаетъ къ общественному мнѣнію, къ народу въ борьбѣ съ привилегированными классами, которые только что призвало на помощь какъ свою опору. Мнѣніе поставляется верховнымъ судьей. Калонъ обращается къ нему въ минуту увлеченія. Неккеръ потомъ будетъ служить ему во всѣ дни. Правительственный актъ носитъ характеръ журнальной полемики. Такъ революціонное движеніе создавалось самимъ правительствомъ.

Калону не удалось однако привлечь „мнѣніе" на свою сторону. Какъ только нотабли сдѣлались силой явно оппозиціонною, они немедленно пріобрѣли популярность, тогда какъ въ началѣ были встрѣчены недовѣріемъ и насмѣшками. Стали говорить: „нотабли показали, что нація еще существуетъ (*Corresp. secr.* II, 140. Цитата у Roquain *Esprit révol.* 445). Намѣренія правительства не были оцѣнены, хотя несомнѣнно были во много разъ „либеральнѣе" стремленій собранія. Но враги Калона умѣли сдѣлать его непопулярнымъ. А популярность становилась, при слабости правительственной власти, властію первенствующею. Въ дѣло, разумѣется, никто не входилъ. На Калона посыпались всякія обвиненія. Какъ водится со слабыми правителями, король выдалъ своего министра. Калонъ былъ уволенъ. Собраніе торжествовало, и состоялось засѣданіе пятое, въ королевскомъ присутствіи. Людовикъ XVI произнесъ рѣчь уступчиваго, почти заискивающаго характера. „Король, говоритъ Безанваль (*Mém.* II. 229), прочелъ рѣчь, о которой говорили, что она принадлежитъ ему самому, хоть это совершенно невѣрно. Она въ началѣ имѣла успѣхъ, но потомъ была раскритикована. Королева была у окна во дворцѣ и съ большимъ нетерпѣніемъ ждала услышать новости о засѣданіи. Братъ короля, сидѣвшій въ королевской коляскѣ, какъ только можно было его увидать издали, далъ понять, ударивъ въ ладоши, что все обошлось какъ нельзя лучше. Королева такъ обрадовалась, что въ продолженіе всего дня осыпала ласками нотаблей, кого встрѣчала, какъ бы въ благодарность за доброту, какую они оказали, королю. Надо сознаться—мало примѣровъ такой ошибки".

Паденіе Калона совершилось слѣдующимъ образомъ. Весь образъ дѣйствій этого министра опредѣлялся увѣренностію въ безусловной поддержкѣ короля, усвоившаго повидимому его планы. Разсчетъ оказался неосновательнымъ. Настойчивое противодѣйствіе нотаблей повліяло на слабаго короля. Онъ почувствовалъ потребность отступиться отъ министра, поддержать котораго требовалась значительная энергія. Съ самаго начала собранія, король, склонный къ подозрительности, принималъ секретно записки отъ архіепископа Тулузскаго, главнаго врага Калона. Мирабо пишетъ (письмо къ г-жѣ Нера, *Mém*, IV, 404), что Людовикъ XVI съ большою похвалой отозвался объ *Обличеніи ажіотажа* и назвалъ „великою услугой" сочиненіе, оканчивающееся, какъ мы видѣли, самымъ рѣзкимъ нападеніемъ на Калона. Когда борьба возгорѣлась, положеніе Калона пошатнулось. Это тотчасъ было замѣчено. Интрига вступила въ дѣйствіе. Королю съ разныхъ сторонъ внушали, что разстройство финансовъ есть слѣдствіе легкомысленнаго, расточительнаго и даже нечестнаго образа

дѣйствій его министра, вводившаго де его въ заблужденіе. До свѣдѣнія короля было доведено, какъ въ послѣднее время для поддержанія фондовъ нѣсколько милліоновъ было передано Калономъ нѣкоторымъ банкирамъ. Врагомъ Калона, хранителемъ печати, Мироменилемъ, представлена была королю копія съ письма бывшаго министра финансовъ Флёри (смѣнившаго Неккера въ 1781 году) и который въ препирательствѣ Калона съ Неккеромъ принялъ сторону послѣдняго. Письмо это, адресованное къ Калону и о которомъ тотъ не сообщилъ королю, произвело большое впечатлѣніе на Людовика XVI. Онъ спросилъ Калона, тотъ отвѣчалъ уклончиво. Тогда король съ нѣкоторою строгостію объявилъ, что содержаніе письма ему знакомо въ подлинникѣ. Калонъ воспользовался послѣднимъ случаемъ возстановить свое вліяніе и откровенно раскрылъ королю ходъ интриги, какую велъ противъ него хранитель печати. Это въ свою очередь возмутило короля, и онъ рѣшился удалить Мироменіля, замѣнивъ его по совѣту Калона Ламуаньёномъ (Droz, *Hist. du règne de Louis XVI* Bruxelles, 1839, 179). Но ужъ и участь Калона была рѣшена. Въ воскресенье, на Пасхѣ, 8 апрѣля былъ уволенъ Мироменіль, а 9-го король принялъ отставку Калона. Признакъ близости паденія былъ замѣченъ и нѣсколько дней прежде. Герцогъ де-Ниверне, одинъ изъ наиболѣе замѣтныхъ нотаблей, дѣйствовавшій въ духѣ соглашенія, разсказывалъ Безанвалю (*Mém.* II, 220), какъ король, проходя въ церковь, остановился предъ нимъ и сказалъ: „не думайте, чтобы заявленіемъ Калона (ограничиться формами, не касаясь сущности) имѣлось въ виду сдѣлать вамъ непріятное". Герцогъ замѣтилъ, что нотаблямъ наиболѣе тягостно быть часто *вынужденными* подавать мнѣніе противъ того, что было бы пріятно его величеству. Корель съ добротою сказалъ: „подавайте мнѣніе по совѣсти".

„Отступать послѣ шага, сдѣланнаго его министромъ, замѣчаетъ Безанваль, предоставлять полную свободу мнѣнія послѣ того, какъ объявили, что дозволяются только сужденія о формахъ и никакъ не о сущности, все это выказывало нерѣшительность, слабость характера, страхъ, словомъ интригу, которой королева была главною пружиной". На мѣсто Калона былъ назначенъ государственный совѣтникъ Фуркё, человѣкъ, имѣвшій отличную репутацію, но старый и больной. Калонъ между тѣмъ оставался въ Версалѣ, продолжалъ заниматься дѣлами, ѣздилъ въ Парижъ въ государственный контроль, входилъ въ сношенія съ банкирами. Это заставляло даже думать, не есть ли удаленіе Калона одна уловка на время собранія нотаблей. Дѣло объяснилось тѣмъ, что король, удаляя министра, желалъ сохранить всѣ его планы и требовалъ отъ него мемуаровъ послѣдняго отдѣла. У Калона, по его обычаю отлагать все къ послѣднему дню, мемуары не были готовы, и онъ долженъ былъ усиленно работать,

чтобъ исполнить приказаніе короля. Уступка нотаблямъ завѣнчалась королевскимъ засѣданіемъ 23 апрѣля. Король объявилъ между прочимъ, что повелѣлъ доставить предсѣдателямъ отдѣленій свѣдѣнія о состояніи государственныхъ доходовъ и расходовъ. Новый хранитель печатей присоединилъ въ своей рѣчи, что требуя этого сообщенія, нотабли „сдѣлали то, что должны были сдѣлать". Фуркё прочелъ послѣдніе мемуары Калона.

Духъ требовательности возросъ въ собраніи. Лафайетъ ужь организовалъ партію конституціоннаго движенія. По его плану, если не все собраніе, то по крайней мѣрѣ [внушительная его доля должна была явиться прямо къ королю и сказать: „вы требуете нашего голоса въ пользу налоговъ; но мы не имѣемъ никакого полномочія его дать. Мы осмѣлимся однакоже взять на себя вступить въ борьбу съ затрудненіями минуты, если, служа королю, послужимъ также Французскому народу. Да даруетъ намъ ваше величество великую хартію, и да войдутъ въ ея составъ свобода личности и періодически созываемое сословное представительство (la liberté individuelle et des états généraux périodiques), и мы вотируемъ налогъ необходимый, впредь до ближайшаго собранія сословныхъ представителей, коего срокъ будетъ назначенъ по тщательномъ обсужденіи". (Веберъ, *Mém.* I, 171). Желая привлечь на свою сторону членовъ изъ духовенства, Лафайетъ вступилъ въ переговоры съ архіепископомъ Тулузскимъ Бріеномъ. Тотъ обнадеживалъ его своимъ содѣйствіемъ, подбивая со своей стороны Лафайета на обличеніе финансоваго управленія. Лафайетъ исполнилъ желаемое и напомнилъ Бріену о его обѣщаніяхъ. „Все идетъ прекрасно, говорилъ онъ, повидайте меня дня черезъ два". Чрезъ день (1 мая) Бріенъ былъ назначенъ министромъ съ усиленными полномочіями (со званіемъ предсѣдателя совѣта финансовъ) въ виду именно той партіи среди нотаблей, къ которой принадлежалъ Лафайетъ. Фуркё былъ по прошенію уволенъ отъ званія генералъ-контролера.

Общественное мнѣніе со своей стороны считало возможнымъ преемникомъ Калона только его торжествующаго противника Неккера Рѣчь о Неккерѣ была нѣсколько разъ въ совѣтахъ короля, но Людовикъ XVI имѣлъ личное нерасположеніе къ популярному финансисту; впрочемъ онъ почти было уступилъ настойчивымъ совѣтамъ Монморена и Ламуаньёна. „Ну, не остается ничего, какъ его призвать", сказалъ онъ. Но присутствовавшій на совѣщаніи Бретёль возсталъ противъ такой уступки *мнѣнію*. „Такое поведеніе, говорилъ онъ, было бы признакомъ крайней слабости; и какую силу придало бы оно тому, кто, поставленный *мнѣніемъ*, чувствовалъ бы себя обязаннымъ только ему и себѣ" (Мармонтель, *Mém.*, III, 336; со словъ самого Монморена). „Архіепископъ Тулузскій былъ предложенъ и

принять безъ сопротивленія". Бретёль дѣйствовалъ согласно желанію королевы, покровительствовавшей Бріенну, по ходатайству аббата Вермона, имѣвшаго на нее большое вліяніе (*Mém.* de M-me Campan).

Вступивъ въ правительство со значеніемъ перваго министра, Бріенъ поспѣшилъ закрыть собраніе нотаблей, которые уже сильно надоѣли въ Версалѣ. „Онъ видѣлъ, говоритъ Неккеръ (*De la rév. fr.* I, 28), что поведеніе нотаблей и значеніе, какое пріобрѣла борьба съ Калономъ, утомили дворъ". Шестое и послѣднее засѣданіе, опять королевское, состоялось чрезъ мѣсяцъ послѣ пятаго, 25 мая 1787. Засѣданіе прошло во взаимныхъ комплиментахъ. Король благодарилъ нотаблей за высказанныя ими мнѣнія, которыя будутъ де приняты во вниманіе. Хранитель печатей и новый министръ произнесли рѣчи, въ которыхъ указывали на результаты совѣщаній и рѣшенія принятыя, на основаніи этихъ совѣщаній, королемъ. Дальнѣйшія рѣчи говорили: братъ короля отъ имени дворянства, старѣйшій изъ прелатовъ архіепископъ Нарбонскій отъ имени духовенства; первый президентъ Парижскаго парламента отъ имени учрежденій этого рода, старшій депутатъ изъ привилегированныхъ провинцій, предсѣдатели главныхъ парижскихъ судовъ и парижскій кулеческій старшина, (prévot de marchands). Между этими рѣчами представлявшими почти исключительно цвѣты краснорѣчія, выдѣлялась рѣчь президента Парижскаго парламента. Она была написана искусною рукой и. полагали, была вложена въ уста президента кѣмъ-либо болѣе талантливымъ, чѣмъ онъ (fourni par une plume adroite, attendu la nullité de ce magistrat. Besenv. II, 235). „Нотабли, говорилъ президентъ, съ ужасомъ усмотрѣли глубину зла. Благоразумная, знающая мѣру администрація должна нынѣ успокоить націю относительно пагубныхъ послѣдствій многократно указанныхъ парламентомъ вашего величества. Различные планы, предлагаемые вашему величеству, заслуживаютъ внимательнѣйшаго разсмотрѣнія. Неспѣшность, съ какою угодно вашему величеству приступить къ объявленію вашей воли, можетъ только оживить и утвердить общественное довѣріе. Было бы нескромно съ нашей стороны осмѣлиться указывать въ эту минуту предметы, какіе по преимуществу заслуживали бы вашего выбора. Въ настоящую минуту *почтительное молчаніе наша единственная доля*". Не долго длилось это молчаніе; парламенты скоро прервали его.

IV.

И друзья, и враги политическаго крушенія Франціи въ исходѣ прошлаго вѣка одинаково свидѣтельствуютъ, что вопросъ быть или не быть революціи былъ утвердительно рѣшенъ чрезъ собраніе нотабелей. Есть книга, *Апологія французской революціи въ отвѣтъ на нападки Борка*, писанная Макинтошемъ и изданная въ 1791 году на англійскомъ языкѣ. У меня подъ руками ея французскій переводъ съ третьяго изданія вышедшаго въ Парижѣ въ 1792 году (*Apologie de la révolution française* par Jacques Mackintosh, Paris, 1792). Авторъ, разбирая событія съ точки зрѣнія приверженцевъ революціи, говоритъ (стр. 21): „Собраніе нотабелей не замедлило дать достопамятное свидѣтельство опасности для деспотизма всякаго рода общественныхъ соборовъ, хотя бы не облеченныхъ властію (danger que font courir au despotisme toutes les assemblées publiques, quand même elles ne seraient revêtues de pouvoirs légaux)... Нотабли уничтожили своего создателя (Калона). Поверхностные наблюдатели не усматривали въ этомъ паденіи чего-либо важнаго. Проницательные умы видѣли, *что все уже было сдѣлано* (que tout était fait)".

Когда въ странѣ распространено, отъ тѣхъ или другихъ причинъ, недовольство существующимъ порядкомъ, а власть въ то же время слаба, то для правительства нѣтъ ничего опаснѣе представительныхъ собраній и ничего нѣтъ выгоднѣе для революціи. Недовольство и такъ ходитъ по землѣ. Требуется ли собрать его во едино, дать ему кровъ, одѣть, накормить его?

„*Мнѣніе*, выразился Шатобріанъ, (*Mél. d'outre-tombe* II, 3) умираетъ отъ безсилія или безумства, если не помѣстится въ собраніи, которое дѣлаетъ его силой, снабжаетъ его волей, даетъ ему языкъ и руки. Революціи всегда происходили и будутъ происходить чрезъ собранія законныя или незаконныя" *.

Въ подобныя эпохи, всякая общественная сила, всякое корпоративное учрежденіе имѣетъ стремленіе стать въ оппозицію, иногда столь сильную, что она заставляетъ забывать свои истинные интересы. Необходимо станетъ въ оппозицію и общее представительное собраніе, созванное ли, выборное ли; сокрушеніе существующей власти сдѣлается первою задачей.

Въ такія эпохи человѣкъ, преданный родинѣ, если убѣжденіе говоритъ ему, что сокрушеніе существующей власти, передача ея въ другія руки будутъ пагубны для страны, долженъ направлять усилія насколько отъ него зависитъ къ тому, чтобы поднялось значеніе власти, чтобы существующее правительство стало достойно своего званія. Смыслъ имѣющіе правительственные люди должны стремиться къ тому, чтобъ исчезло недовольство, остановилось требованіе;

---

* „Toute opinion meurt impuissante ou frénétique, si elle n'est logée dans une assemblée que lui rend pouvoir, la munit d'une volonté, lui attache une langue et des bras. C'est et ce sera toujours par des corps légaux ou illégaux qu'arrivent et arriveront les révolutions."

они должны искать элементовъ, на которые правительство могло бы опираться, чтобы подняться въ значеніи. Тутъ всего опаснѣе для правительства путь уступокъ якобы общественному мнѣнію, а на дѣлѣ тѣмъ, кто орудуютъ имъ въ видахъ перемѣщенія власти.

Не много пользы принесло собраніе именитыхъ людей для устраненія государственныхъ золъ страны. Изъ рѣчи Бріена можно усмотрѣть, что главный вопросъ, рѣшеніе котораго подвинулось преніями собранія, былъ вопросъ объ устройствѣ земскихъ учрежденій въ формѣ провинціальныхъ собраній, скоро получившихъ осуществленіе. Подвинулось также рѣшеніе вопросовъ о натуральной повинности, уничтоженіи внутреннихъ таможенныхъ сборовъ и отмѣнѣ соляного налога. Но капитальный вопросъ, о мѣрахъ къ устраненію дефицита, остался открытымъ. Цѣль, для которой собраны были нотабли, не была достигнута. Собраніе осталось безъ результата.

Результатъ былъ, и при томъ великой важности. То неопредѣленное возбужденіе, какое было въ обществѣ предъ соборомъ, получило опредѣленную форму, и форму эту дало само правительство. Лафайетъ писалъ къ одному пріятелю въ Америку, что собраніе нотаблей дало странѣ „привычку думать объ общественныхъ дѣлахъ“. Много и прежде говорилось о націи и ея правахъ. Это неясное противоположеніе націи и правительства, шагъ сдѣланный Калономъ, обратилъ въ дѣйствительное роковое раздвоеніе, окончившееся неизбѣжнымъ крушеніемъ. Нація была признана, но въ такую минуту и при такихъ условіяхъ, что она явилась какъ нѣкоторая сила, противостоящая правительству. Соборъ именитыхъ людей, какъ увы! нетрудно было предвидѣть, оказался въ оппозиціи. Оппозиціонное настроеніе, бывшее въ этомъ распатанномъ обществѣ явленіемъ наиболѣе распространеннымъ и популярнымъ, могло имѣть официальное государственное выраженіе только въ парламентахъ. Насколько настроеніе это было сильно, тому свидѣтельствомъ служитъ именно тогдашняя популярность парламентовъ. Едва окончилась ихъ оппозиціонная роль, они мгновенно въ глазахъ „мнѣнія“ остались не болѣе какъ ненавистными учрежденіями стараго порядка, и декретомъ національнаго собранія были сметены въ мигъ, при рукоплесканіяхъ „мнѣнія“. Во сколько же разъ должна была увеличиться сила оппозиціоннаго настроенія, когда собраніе именитыхъ людей, изъ классовъ считавшихся главною опорой власти, явилось въ оппозиціи съ правительствомъ? Власть призвала ихъ какъ выразителей націи. Они стали противъ власти. Значитъ интересы власти и интересы націи не одни и тѣ же. Вся дальнѣйшая исторія обратилась въ борьбу власти съ „націей“. Но нотабли не суть еще истинные выразители націи, и сами таковыми себя не сознавали. Истинные выразители суть выбранные представители сословій, états généraux.

Требованіе созванія представителей обратилось въ общій кликъ, соединивъ на себѣ всю совокупность оппозиціонныхъ стремленій, то есть громадное большинство страны. Не много пройдетъ времени, и представители сословій окажутся не истинными представителями націи. Депутаты дворянства и духовенства, какъ сословные, не представляютъ де націи. Нація не знаетъ де сословій. Мало-по-малу окажется, что нація есть группа интеллигентныхъ разночинцевъ, захватывающая власть и деспотически господствующая надъ милліонами. Такъ катится внизъ колесница необдуманно пущенная рукою самоувѣреннаго министра.

V.

Неккеръ, впрочемъ находитъ, что послѣ паденія Калона дѣло не было въ отчаянномъ положеніи и могло еще быть исправлено. „Отчего, говорилъ онъ дочери (Stael, *Oeuvres*, XII, *Considér.*, 164) при вступленіи въ министерство послѣ Бріена, отчего не дали мнѣ эти пятнадцать мѣсяцевъ архіепископа Санскаго (de Sens, Бріена). Теперь уже поздно“. „Еще было, пишетъ онъ объ эпохѣ вступленія въ министерство Бріена *(De la révol.* Paris, 1797, I, 26), время заключить новый договоръ съ общественнымъ мнѣніемъ. И я не сомнѣваюсь, что вполнѣ разумное управленіе могло бы еще развлечь націю отъ тревожныхъ чувствованій, съ какими она уже стремилась къ созыву сословныхъ представителей и которыя побуждали ее искать охраны въ лучшемъ политическомъ строѣ (dans une meilleure constitution politique)“.

Намекъ на „разумное управленіе“ понятенъ. Это то управленіе, которое было бы, еслибы преемникомъ Калона король назначилъ желаннаго общественному мнѣнію Неккера, а не Бріена. Задѣлалъ либы онъ прорванную уже плотину—позволительно усомниться. Документъ, въ которомъ наиболѣе выразился политическій характеръ Неккера, его донесеніе королю 27 декабря 1788 года (о двойномъ представительствѣ средняго сословія), мало говоритъ въ пользу его государственнаго ума. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что управленіе Бріена могущественно ускорило переворотъ. Все дѣлалось такъ, какъ еслибы въ планахъ правительства было подготовить революцію на погибель монархическому строю государства. Фальшивый во всемъ существѣ своемъ, этотъ невѣрующій архіепископъ, окончившій жизнь, какъ подозрѣваютъ, самоубійствомъ, не имѣвшій ни хитрой честности Неккера, ни отваги Калона, дѣйствовавшій въ лихорадочномъ состояніи духа и тѣла, при организмѣ потрясенномъ, какъ говорили, излишествомъ наслажденій, получилъ въ свои руки

дѣло, для спасенія котораго прежде всего требовалось крѣпкое сознаніе его правоты. Отсутствіе этого сознанія въ предреволюціонномъ правительствѣ и было одною изъ главнѣйшихъ причинъ его слабости. Въ умѣ самого короля идея власти смѣшивалась съ идеей деспотизма. Въ представленіи большинства правительственныхъ лицъ тотъ государственный строй, который по чести и званію они обязаны были защищать, и тотъ идеальный, который казался соотвѣтствующимъ требованіямъ высшей справедливости и новыхъ понятій, громадно разстояли между собою. Легкомысленнѣйшіе готовы были ускорять паденіе. Носителями крѣпкихъ монархическихъ преданій были люди стараго времени и покроя, считавшіеся отжившими свой вѣкъ антиками и отчасти дѣйствительно бывшіе таковыми. Люди съ дѣйствительнымъ государственнымъ разумѣніемъ, отвѣчающимъ истинной исторической потребности минуты, были, какъ обыкновенно въ эпохи роковыхъ кризисовъ, въ тѣни и безвѣстности. Гдѣ основаніе сказать, чтобъ ихъ совсѣмъ не было? При такихъ условіяхъ кормило всего правленія попало въ руки министра, преобладающимъ качествомъ котораго была юркость ума и характера. „Объясните мнѣ наконецъ Бріена, спрашивалъ разъ Малербъ Безанваля (*Mém. de Besenval*, éd. Barrière, IV 333): нѣтъ свадьбы, сплетни, дѣла, общаго и частнаго, чтобъ онъ не былъ тутъ какъ тутъ; у него должно быть нѣсколько тѣлъ“.

Калонъ, столь неосмотрительный какъ министръ, но обнаруживший вдали отъ дѣлъ замѣчательную проницательность въ сужденіяхъ о событіяхъ и людяхъ, въ письмѣ къ королю (*Lettre 9 février 1789.* 5) такъ говоритъ о Бріенѣ, упоминая о громадности шага, сдѣланнаго страной, на пути крушенія въ эпоху отъ собора нотаблей до выборовъ въ собраніе сословныхъ представителей: „Взгляните, государь, говоритъ онъ, что были вы два года тому назадъ и что вы теперь. Посмотрите какъ направленіе, принятое во внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ, ловляло на высоту уваженія, какимъ пользовались вы у всѣхъ дворовъ Европы въ эпоху, когда министры только содѣйствовали осуществленію вашихъ личныхъ намѣреній. Иностранцы дивятся перемѣнѣ, ваши истинные слуги возмущены. Всѣмъ извѣстны причины. Министръ, колеблющійся во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, непослѣдовательный во всѣхъ своихъ намѣреніяхъ, постоянный только въ интригахъ, поперемѣнно являлся то слабымъ, то неудержимымъ; то льстилъ парламентамъ, то раздражалъ ихъ. Выставитъ цѣлый арсеналъ началъ непоколебимѣйшей власти и тотчасъ съ низостью отъ нихъ отступитъ. Заставитъ внести законъ въ сводъ и немедленно его отмѣнитъ; возвѣститъ, что духовенство отказывается отъ привилегій, несправедливость которыхъ была показана мною, а затѣмъ,

жертвуя государствомъ желанію угодить своей корпораціи, вырветъ у вашей доброты подтвержденіе этихъ самыхъ привилегій. За дѣйствіемъ слабости недостойной вашего характера заставитъ послѣдовать дѣйствія утѣсненія несогласныя съ чувствованіями вашего сердца. И злоупотребляетъ вашею властію, и вмѣстѣ съ тѣмъ ослабляетъ ее.“

Мармонтель (*Mém.* IV, 2) рисуетъ фигуру этого архіепископа-министра такими чертами: „Отъ природы тонкій, проницательный, пронырливый, онъ не умѣлъ и не хотѣлъ скрыть намѣренія быть таковымъ. Его взглядъ, наблюдая васъ, васъ высматривалъ; самая веселость его имѣла нѣчто внушавшее безпокойство. Что-то ужъ черезчуръ хитрое въ физіономіи располагало къ недовѣрію. Со стороны таланта онъ обладалъ проницательностію, походившею на коварство. Ясность въ идеяхъ и обширность, но лишь на поверхности; нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній, болѣе взгляды, чѣмъ истинныя воззрѣнія; граненый умъ (esprit à facettes), если можно такъ выразиться. Въ важныхъ вещахъ легкость схватить мелкія подробности, при полномъ отсутствіи способности обнять цѣлое. Съ нравственной стороны — клерикальный эгоизмъ во всей его живости, и жесткость скупости въ соединеніи съ крайнею жесткостью честолюбія (âpreté de l'avarice réunie au plus haut degré à celle de l'ambition). Въ свѣтѣ, гдѣ по всему скользятъ ни во что не углубляясь, Бріенъ владѣлъ политическимъ пустомельствомъ (un certain babil politique) сжатымъ, быстрымъ, прерываемымъ таинственными остановками, заставляющими предполагать затѣмъ, что нѣчто не договорено, и оставляющими неопредѣленную ширь мнѣнію, какое говорящій внушаетъ о себѣ. Этотъ способъ выставляться, притворяясь скрывающимся, эта самоувѣренность, смѣшанная со скромностію и воздержностію, эта смѣна полусловъ и напускнаго молчанія, а по временамъ легкая и презрительная критика того, что дѣлалось безъ него, соединенная съ удивленіемъ, какъ это не видѣли, что надлежало сдѣлать — вотъ въ чемъ собственно были секретъ и искусство Бріена... И вотъ почти во всѣхъ кругахъ, гдѣ составляются репутаціи, никто не сомнѣвался, что онъ вступаетъ въ министерство съ головой, полною широкихъ воззрѣній и съ портфелемъ, набитымъ самыми свѣтлыми проектами. Онъ вступилъ, и портфель, и голова оказались одинаково пустыми.“ Надо, впрочемъ, замѣтить, что аббатъ Морле, извѣстный политико экономъ, членъ Французской Академіи (*Mém. inédits de l'abbé Morellet.* Paris 1822. II, 465), энергически протестуетъ противъ этого изображенія, продиктованнаго Мармонтелю, полагаетъ онъ, Ламуаньономъ, врагомъ Бріена. Въ особенности возстаетъ онъ противъ обвиненія Бріена въ эгоизмѣ и жадности, и говоритъ, что архіепископъ, напротивъ, отличался чрезвычайною щедростью и благотворительностію.

Мореле прибавляетъ, что виной неудачъ Бріена была не столько неспособность, сколько несчастное стеченіе трудныхъ обстоятельствъ. „Я спросилъ бы, говоритъ онъ, этихъ искусниковъ, которые теперь знаютъ, что тогда надо было сдѣлать: что сдѣлали сами они, что сдѣлали столько мнимыхъ великихъ людей, возвѣщавшихъ столь вѣрные рецепты, имѣющіе де спасти государство. Могу спросить ихъ, какой могущественный геній поднялся изъ нѣдръ нашего крушенія въ продолженіе десяти лѣтъ до эпохи 18 брюмера“ (когда Наполеонъ разогналъ собраніе представителей).

Мореле въ извѣстной степени правъ въ томъ отношеніи, что отсутствіе плана, непослѣдовательность были главною чертой правительственныхъ дѣйствій не только при Бріенѣ, но и послѣ него, во весь періодъ крушенія королевской власти. На это обстоятельство указываетъ Мунье (*De l'influence attr. aux philos.* Paris, 1828 90) говоря: „отсутствіе плана, которое можно поставить въ упрекъ всему совѣту Людовика XVI есть одна изъ величайшихъ причинъ несчастій Франціи, о которой, между тѣмъ, наименѣе говорятъ. Королевская власть пала, благодаря ряду слѣдовавшихъ одна за другою противорѣчивыхъ мѣръ. Льстя надеждамъ всѣхъ партій, поочереди благопріятствуя имъ и покидая ихъ, правительство дѣлало тщетными всѣ усилія тѣхъ, кто хотѣлъ ему служить, и ободряло тѣхъ, кто хотѣлъ его гибели. Всякое правительство, которое въ эпоху политической смуты не дѣйствуетъ быстро и энергически, не имѣетъ умѣнья или примирить между собою партіи, или связать себя съ одною изъ нихъ, чтобы побѣдить или погибнуть вмѣстѣ, должно неизбѣжно пасть.“

Но непослѣдовательность Бріена была такихъ размѣровъ, что онъ дѣлаетъ впечатлѣніе человѣка, мечущагося изъ угла въ уголъ. Онъ вступилъ въ министерство при обстоятельствахъ личію для него благопріятныхъ: онъ былъ однимъ изъ вожаковъ собора въ борьбѣ съ Калономъ, и назначеніе его было торжествомъ нотаблей. Но онъ не удовлетворилъ ничьихъ ожиданій.

Онъ началъ съ того, что торопливо приступилъ къ распущенію нотаблей, не давъ имъ даже констатировать состоянія финансовъ, что лишило бы парламенты возможности обратиться къ правительству съ требованіемъ росписи доходовъ и расходовъ, какъ они немедленно сдѣлали. (Hekkeръ. *De la réc.* I, 26.) „Онъ хотѣлъ угодить двору, который, онъ видѣлъ, былъ утомленъ поведеніемъ нотаблей и тѣмъ значеніемъ, какое они пріобрѣли своимъ сопротивленіемъ Калону. Онъ имѣлъ къ тому же не мало теоретическихъ идей, которыя нетерпѣливо желалъ испробовать на дѣлѣ и не былъ увѣренъ, чтобы нотабли раздѣлили его любопытство.“

ОЧЕРКЪ ТРЕТІЙ.

ПОЧИНЪ РЕВОЛЮЦІИ. БОРЬБА ВЫСШИХЪ КЛАССОВЪ СЪ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Увлеченія Парижскаго парламента.

I. Кѣмъ поднято первое знамя мятежа. — II. Парламентская молодежь. — III. Представленіе Парижскаго парламента и отвѣтъ правительства. — IV. Дѣятельность Мирабо въ эту эпоху. — V. Мѣропріятія противъ парламента.

I.

Опытъ съ нотаблями показалъ, что при тогдашнемъ общественномъ настроеніи ничто не могло такъ разсчитывать на общую поддержку, какъ оппозиція правительству. Нотабли, собравшіеся при недовѣрчивомъ къ нимъ отношеніи общественнаго мнѣнія, разошлись въ сіяніи популярности именно потому, что обозначилось ихъ противодѣйствіе правительству, а пріобрѣсти популярность, значило пріобрѣсти силу. Это обстоятельство намѣтило дальнѣйшій образъ дѣйствія парламентовъ и обратило ихъ болѣе или менѣе сдержанную оппозицію въ страстную борьбу. Наступилъ періодъ прямыхъ столкновеній. Явилось пагубное раздѣленіе власти на двѣ враждующія стороны, вступающія въ битвы, входящія въ договоры. Съ одной король съ его совѣтами и министрами, съ другой нація, не имѣющая живаго выраженія, но именемъ которой хочетъ дѣйствовать каждая сила въ странѣ, могущая противодѣйствовать правительству. На первомъ планѣ парламенты, но, какъ увидимъ, далеко не одни парламенты. Скоро въ роли сопротивляющихся явятся дворянство, духовенство. Наступаетъ періодъ страстей съ ихъ своеобразною логикой, совершенно отличною отъ логики сужденій. Первенствующія силы страны—

всѣ дѣйствуютъ противъ истинныхъ своихъ интересовъ, подготовляя свое крушеніе, къ торжеству силы медленно выступающей, почти еще незамѣтной, въ эпоху, которую разсматриваемъ. Эту силу мы назвали интеллигентнымъ разночинствомъ (будущее якобинство). Главная характеристика ея въ томъ, что она не имѣетъ собственнаго вклада въ общемъ дѣлѣ, своей доли въ политическомъ капиталѣ, но чувствуетъ себя въ роли ходатая по чужимъ дѣламъ, адвоката въ обширномъ смыслѣ, живущаго чужими тяжбами.

Ходатаевъ этихъ уже можно тамъ и сямъ замѣтить въ годы, предшествовавшіе революціи. „Въ 1788 году, говоритъ Малле дю-Панъ, я слышалъ, какъ Маратъ на публичной прогулкѣ читалъ и пояснялъ *Contrat social* при рукоплесканіяхъ восторженныхъ слушателей.“ Sainte-Beuve, *Caus. de lundi.* IV, 263. Paris 1855, статья о Малле дю-Панѣ.)

Знамя мятежа поднимаютъ, по ироніи судьбы, тѣ группы и классы, которыхъ первыхъ унесетъ революція. Правительство въ борьбѣ съ ними не усматриваетъ, съ какой стороны горизонта идетъ гроза, спѣшитъ ей навстрѣчу и ускоряетъ ея приближеніе. Александръ Ламетъ, членъ Національнаго Собранія, говоритъ въ своей исторіи Конституанты (*Hist. de l'assembl. const.*; цитата въ *Mém. de Mirabeau*, VI. 24): „Кто пріучилъ народъ собираться толпами и оказывать сопротивленіе? Парламенты. Кто въ провинціяхъ обнаружилъ наиболѣе вражды противъ королевской власти? Дворянство. Кто обнаружилъ наиболѣе упрямства въ отказѣ придти на помощь государственному казначейству и наиболѣе употребилъ лукавства, чтобъ ускользнуть отъ общей тяготы? Духовенство. Такимъ образомъ парламенты, дворянство, духовенство, и только парламенты, дворянство и духовенство, вотъ кто на дѣлѣ объявилъ войну правительству и подалъ знакъ къ возстанію; народъ былъ только пособникомъ“.

То же самое отъ лица, можно сказать, самой революціи говоритъ Камиль Демуленъ въ „рѣчи о политическомъ положеніи націи, произнесенной въ обществѣ друзей конституціи 21 октября 1791 года“.

„Да, господа, для того, кто какъ я три года посвятилъ всѣ свои мысли Революціи, слѣдилъ ее не издали, а на мѣстѣ, вовсе не парадоксъ, что народъ нисколько ея не требовалъ, что онъ не шелъ на встрѣчу свободѣ, а его вели... Чтобы здраво судить о нашемъ политическомъ состояніи, не должно терять изъ виду, что сколь ни много обязаны мы основателямъ нашей свободы, неспособность и грубыя ошибки аристократовъ уже такъ высоко вывели ея фундаментъ, что искусству патріотовъ ничего почти не оставалось дѣлать. Вспомните, господа, неспособность визиря Вержена, утѣснителя Женевы и освободителя Америки, заставившаго нашихъ солдатъ переѣхать океанъ, чтобы, простите за выраженіе, ткнуть ихъ носомъ въ объявленіе

правъ. А визирь Калонъ, столь, впрочемъ, тонкій, на которомъ теперь вертится контръ-революція, не онъ ли, среди общаго крика противъ его грабительства, далъ націи точку соединенія въ собраніи нотаблей? А визирь Бріенъ развѣ не далъ обѣщанія созвать сословныхъ представителей въ отвѣтъ на предложеніе безсмысленное (stupide) въ устахъ Эпремениля, яростнѣйшаго изъ аристократовъ? Кто не видитъ, что именно аристократы за руку привели къ возстанію равнодушный народъ. Наконецъ, и этотъ другой столбъ аристократіи безумный баронъ Коппетъ (Неккеръ), развѣ не двинулъ двойнымъ представительствомъ средняго сословія со всею силой въ минуту, когда *Общественный договоръ* (*Contrat social*) былъ у всѣхъ въ рукахъ... Корни нашей свободы аристократическіе. Парижскій народъ былъ только орудіемъ революціи.“ (*Oeuvr. de Cam. Desmoulins*, II, II, Paris 1874).

Замѣчательно, что самое слово *аристократія*, сдѣлавшееся потомъ такимъ страшно обвинительнымъ наименованіемъ въ противоположность *патріотамъ*, было въ первый разъ въ обличительномъ смыслѣ употреблено правительствомъ и вложено въ уста королю. Въ отвѣтѣ на представленіе парламента 17 апрѣля 1788 г. король говоритъ: „Еслибы парламентское большинство могло насиловать мою волю, то монархія стала бы *аристократіей* судебныхъ властей, столь же противною интересамъ націи, какъ и верховной власти.“ (*Arch. Parlem.* I, 284.) „Судьи, говоритъ Прюдомъ (*Hist. des révol.* I, 101; Paris, 1824), обвиняли министровъ въ деспотизмѣ, министры бросили имъ упрекъ въ аристократіи, и упрекъ этотъ, столь часто потомъ повторявшійся, въ первый разъ вышелъ изъ устъ короля.“ Подобнымъ образомъ, революціонное наименованіе *король Французовъ* вмѣсто *короля Франціи* дано Французскому монарху духовенствомъ. Представленіе свое (Еггерсъ, IV, 116) отъ 15 іюня 1788 года заключаетъ духовенство словами: „Слава вашего величества не въ томъ, чтобы быть королемъ Франціи, но въ томъ, чтобы быть королемъ Французовъ; сердце вашихъ подданныхъ лучшее изъ вашихъ владѣній.“

Послѣ распущенія нотаблей всѣ ожидали (Lacretelle, *Histoire* VI, 72), что Бріенъ устроитъ королевское засѣданіе Парижскаго парламента для внесенія въ сводъ законовъ всѣхъ разсматривавшихся въ собраніи нотаблей правительственныхъ предложеній съ тѣми измѣненіями, какія найдено будетъ возможнымъ допустить. Въ особенности это было важно для поземельнаго налога, имѣвшаго коснуться привилегированныхъ классовъ. Въ засѣданіяхъ такого рода, по выслушаніи мнѣній, рѣшенія постановлялись волей короля, тогда какъ при обычномъ теченіи дѣлъ парламенты, въ случаѣ усмотрѣнныхъ затрудненій, останавливали занесеніе закона и дѣлали свои представленія. Чтобы побѣдить сопротивленіе, правительство прибѣгало къ формѣ королевскаго засѣданія, носившей наименованіе *lit de justice*. Въ за-

сѣданіи такого рода король безъ преній объявлялъ призванному въ его присутствіе парламенту свою волю, и законъ немедленно заносился въ сводъ. Бріенъ избралъ путь обыкновенныхъ засѣданій и внесъ прежде всего постановленія о провинціальныхъ собраніяхъ, о натуральной повинности и о хлѣбной торговлѣ. Постановленія были занесены безъ сопротивленія. Парламентъ высматривалъ непріятеля. Затѣмъ Бріенъ внесъ постановленіе о гербовомъ налогѣ, касавшемся всѣхъ классовъ. Это повело къ первой стычкѣ. Парламентъ, предварительно внесенія, потребовалъ сообщенія росписи доходовъ и расходовъ. Было отвѣчено, что предметъ этотъ разсматривался нотаблями и не входитъ въ кругъ занятій парламента. Это было сигналомъ къ рѣшительному дѣйствію.

Особенно замѣчательна система борьбы неожиданно принятая Парижскимъ парламентомъ. Парламентъ объявилъ, что онъ не въ правѣ вносить въ сводъ законовъ постановленія о налогахъ. Для утвержденія налога, говорилъ онъ, требуется согласіе націи въ лицѣ сословныхъ представителей, и если парламентъ доселѣ заносилъ такого рода постановленія въ сводъ, то дѣлалъ это неправильно, въ уступку велѣніямъ власти. Такимъ образомъ, для успѣха борьбы парламентъ отказывался ото всего своего прошлаго. Этотъ маневръ, которымъ была куплена популярность,—такъ что, по выраженію Мирабо, Франція непостижимымъ образомъ сдѣлалась парламентскою,—нѣкоторые современные свидѣтели называли прямо непонятнымъ, другіе усматривали въ немъ разсчитанный ходъ. „Трудно понять, говоритъ Безанваль (*Mém.* ed. Barrière, 301), какой былъ мотивъ подобнаго постановленія парламента, ибо парламентъ съ давнихъ временъ, во всѣхъ случаяхъ, подъ предлогомъ защиты народа, всегда искалъ какъ бы вмѣшаться въ управленіе; а тутъ, повидимому, принижалъ себя, требуя собранія сословныхъ представителей, которое уничтожало его власть.“ То же постановленіе Бертранъ Молевиль (морской министръ Людовика XVI въ 1791 году, а предъ революціей интендентъ въ Бретани, *Mémoires*, Paris, 1823, стр. 18) называетъ „непостижимою ошибкой парламентовъ“ (faute à jamais inconcevable que firent les parlements).

II.

Какой въ самомъ дѣлѣ могъ быть разсчетъ у парламентовъ желать созыва сословныхъ представителей? Сословное представительство необходимо должно было удалить ихъ на второй планъ, лишить всякаго законодательнаго значенія, какого они такъ добивались, въ лучшемъ случаѣ оставивъ за ними скромную роль чисто судебнаго учрежденія.

Старшіе, болѣе опытные члены такъ и разсуждали, но большинство, въ началѣ незначительное, было увлечено желаніемъ произнести роковое слово: сословные представители (états généraux). Это слово, являвшееся устрашающимъ по отношенію къ правительству, уже было произнесено Лафайетомъ въ совѣщаніяхъ нотаблей, высказано въ представленіяхъ нѣкоторыхъ провинціальныхъ парламентовъ и пользовалось большою популярностію у политикующей части общества. Произнося его, парламентъ становился во главѣ либеральнаго движенія. Въ эту эпоху въ парламентѣ господствовали горячія молодыя головы, „jeunes têtes bouillantes“, по выраженію Мармонтеля. Изъ нихъ одни, какъ Эпремениль, искренно увлекались заблужденіемъ, что собраніе сословныхъ представителей вовсе не опасно для парламентовъ, что, уничтоживъ деспотизмъ министровъ, оно, напротивъ, еще болѣе укрѣпитъ значеніе парламентовъ. Когда говорили Эпремению, что парламентамъ придется дать отчетъ собранію представителей, онъ отвѣчалъ, „что собраніе не приминетъ заключить тѣсный союзъ съ парламентами, что оно почувствуетъ необходимость утвердить эти великія корпораціи, которыя будутъ наблюдателями за всѣмъ происходящимъ въ продолжительный промежутокъ отъ одного созыва до другаго, что парламентамъ откроется возможность противопоставить произволу не спорное какое-либо право, а право истекающее изъ чистѣйшаго источника“ (Lacretelle, *Hist.* VI, 183). Другіе, выставляя тѣ же аргументы, имѣли болѣе широкіе виды на имѣющій произойти переворотъ, открывавшій широкій путь честолюбію, а объ исключительныхъ интересахъ парламентской корпораціи не очень заботились. Многіе, какъ указываетъ маркизъ Булье въ своихъ запискахъ (*Mém. du marquis de Bouillé*, ed. Berville, *et* Barrière, Paris, 1827, стр. 65), требовали собранія представителей „въ увѣренности, что члены магистратуры, въ большомъ числѣ входя въ составъ дворянскаго сословія, будутъ на собраніи въ немъ господствовать краснорѣчіемъ и привычкой говорить публично. Еще болѣе льстили себя надеждой имѣть вліяніе въ среднемъ сословіи чрезъ второстепенныхъ членовъ судебной корпораціи, долженствующихъ, какъ дѣйствительно и случилось, наполнить собою составъ представителей этого сословія и направлять ихъ. Духовенства не боялись; полагали, что зависть и нерасположеніе, внушаемыя богатствами и привилегіями этого сословія, лишатъ его вліянія и послужатъ въ его невыгоду, сравнительно съ двумя другими сословіями; а на второстепенное духовенство, долженствовавшее имѣть численное преобладаніе, разсчитывали, ибо оно привыкло глядѣть на парламенты какъ на свою опору противъ власти высшаго духовенства, постоянно обращаясь къ судамъ, чтобъ уйти отъ дисциплины и встрѣчая въ нихъ поддержку“. Нѣкоторые надѣялись, что чрезъ собраніе представителей

„парламентамъ или, по крайней мѣрѣ, привилегированнымъ классамъ будетъ добыто постоянное и прямое участіе въ управленіи страной и что классы эти будутъ ограждены напередъ отъ мечтаній Тюрго или отчаянныхъ предпріятій Калона (замѣчаніе Эггерса въ его *Denkwürdigkeiten der Fr. Revol.*, Kopengagen 1795, II, 304). „И нечего удивляться, прибавляетъ Эггерсъ, что парламентскіе члены могли такъ сильно ошибаться. При той блестящей роли, какую они до сихъ поръ играли, при ощущеніи своей силы, питаемой успѣхомъ борьбы съ правительствомъ, при незнакомствѣ со среднимъ сословіемъ, къ которому только немногіе изъ нихъ принадлежали, какъ могли они не считать себя необходимыми?“

Въ брошюрѣ *Катехизисъ Парламентовъ*, вышедшей въ 1788 году, можно видѣть, какъ представляли себѣ образъ дѣйствій парламентовъ ихъ противники. Вотъ отрывокъ, приводимый въ *Archives Parlem* (I, 580).

„*Вопросъ.* Что вы такое по своей природѣ?

„*Отвѣтъ.* Мы королевскіе чиновники, на обязанности которыхъ лежитъ давать судъ народу.

„*Вопросъ.* Чѣмъ стремитесь вы сдѣлаться?

„*Отвѣтъ.* Законодателями и, слѣдовательно, властителями въ государствѣ.

„*Вопросъ.* Какъ можете вы сдѣлаться такими властителями?

„*Отвѣтъ.* Захвативъ законодательную и исполнительную власть, мы не будемъ имѣть ничего, что могло бы намъ противиться.

„*Вопросъ.* Какъ же вы думаете этого достичь?

„*Отвѣтъ.* Мы будемъ имѣть особую политику съ королемъ, съ духовенствомъ, съ дворянствомъ и съ народомъ.

„*Вопросъ.* Какъ думаете вы вести себя, волервыхъ, относительно короля?

„*Отвѣтъ.* Мы постараемся отнять у него довѣріе націи, противодѣйствуя всѣмъ его велѣніямъ, увѣряя народы, что мы ихъ защитники и для ихъ блага отказываемся заносить въ сводъ налоги.

„*Вопросъ.* А не замѣтитъ ли народъ, что вы отказываете въ налогахъ потому, что вамъ самимъ пришлось бы платить?

„*Отвѣтъ.* Нѣтъ, ибо сдѣлаемъ поворотъ, говоря, что только нація можетъ давать согласіе на налоги и потребуемъ созванія сословныхъ представителей.

„*Вопросъ.* А если на ваше несчастіе король поймаетъ васъ на словѣ и сословные представители будутъ созваны, какъ вы тогда вывернетесь?

„*Отвѣтъ.* Мы начнемъ дѣлать затрудненія по вопросамъ о формѣ и потребуемъ формы 1614 года.

„*Вопросъ.* Зачѣмъ это?

„*Отвѣтъ.* Ибо при этой формѣ среднее сословіе будетъ представлено судейскими (gens de loi) и это дастъ намъ преобладаніе.

„*Вопросъ.* Но судейскіе васъ ненавидятъ?

„*Отвѣтъ.* Ненавидятъ, за то боятся, и мы согнемъ ихъ подъ свою волю...“

Во всякомъ случаѣ главную роль въ парламентскомъ рѣшеніи требовать созыва представителей играло увлеченіе. Объ этомъ свидѣтельствуетъ уже характеръ лица, бывшаго главнымъ двигателемъ предпріятія. Нѣсколько мѣсяцевъ этотъ неудержимый ораторъ, южной крови (онъ родился въ Пондишери), былъ популярнѣйшимъ человѣкомъ во Франціи. Онъ былъ герой минуты, подходившій къ ея требованіямъ. Человѣкъ увлеченія, безъ чутья истины, умъ способный поддаться обману и софизму. Достаточно вспомнить, что Эпременилъ страстно поддался шарлатанству Месмера и даже Каліостро и былъ ихъ ревностнымъ адептомъ. Отсутствіе серіозной логичности соединялось съ замѣчательною способностью легко говорить и театрально воодушевляться собственною шумихой фразъ. Его тѣшили эффекты краснорѣчія, и онъ искалъ препятствій, чтобы имѣть случай проявить шумную смѣлость слова. Но онъ былъ лѣвецъ по небольшой залѣ, и въ многолюдномъ, безпорядочномъ, національномъ собраніи, гдѣ требовались грудь и энергія Мирабо, его деликатный ораторскій талантъ съ небольшимъ запасомъ болѣе или менѣе топкихъ эффектовъ, требовавшій любительской оцѣнки, не могъ производить дѣйствія. Онъ затерялся въ толпѣ. Но онъ оказался наиболѣе пригоднымъ орудіемъ въ самоубійственной войнѣ парламентовъ съ правительствомъ. „Его водили, говоритъ Лакретель (VI, 179), а казалось онъ всѣхъ ведетъ... Этотъ глава оппозиціи былъ человѣкъ самый веселый, самый довѣрчивый, самый простой. Агитація его забавляла. Нужно было подумать, что въ то время, какъ онъ мутилъ всю Францію, у него не было другой мысли, какъ хорошо вывернуться изъ драматическаго положенія. Запальчиво выступая противъ двора, онъ почиталъ себя вѣрнѣйшимъ подданнымъ короля; компрометтируя интересы и самое существованіе своей корпораціи, онъ былъ въ то же время пылкій ея приверженецъ“. Старый членъ парламента, сказавшій въ отвѣтъ на горячія рѣчи Эпременила: „Провидѣніе накажетъ за ваши пагубные совѣты исполнивъ ваши пламенныя желанія“, былъ правъ съ точки зрѣнія интересовъ корпораціи.

Іюль 1787 года прошелъ въ препирательствахъ съ правительствомъ по поводу внесенныхъ имъ эдиктовъ. Отъ 6 до 24 іюля происходили пренія, составлялись представленія, получались уклончивые королевскіе отвѣты. Роковое слово было произнесено въ засѣданіи 16 іюля въ формѣ каламбура. „Вы хотите финансовыхъ штатовъ, а нужны вамъ генеральные штаты“. (Vous demandez messieurs les états de recette

et de dépense, et ce sont les états généraux qu'il vous faut), воскликнулъ одинъ изъ членовъ, аббатъ Сабатье. 24 іюля состоялось то замѣчательное представленіе, въ которомъ парламентъ, отказывая въ занесеніи гербоваго налога, высказалъ ученіе о необходимомъ собраніи націи предварительно всякаго новаго налога. Идея созыва сословныхъ представителей прошла въ парламентѣ не безъ затрудненій и въ началѣ незначительнымъ числомъ голосовъ. Когда рѣшено было, наконецъ, выказать такое желаніе, изъ двухъ редакцій представленія избрана была умѣреннѣйшая — Феррана, и отклонена болѣе рѣзкая— Эпремениля.

III

Представленіе 24 іюля 1787 года заслуживаетъ большаго вниманія по тому тону, съ какимъ парламентскіе вожаки сочли возможнымъ обратиться къ верховной власти въ странѣ съ неограниченнымъ монархическимъ правленіемъ. Возможность такого тона—одно изъ яркихъ свидѣтельствъ паденія власти. Представленіе это находимъ въ сборникѣ Эггерса (II, 418 стр., въ *Arch. Parlem.* его нѣтъ).

Ужь тонъ послѣднихъ мнѣній въ собраніи нотаблей былъ рѣзко оппозиціонный. Правительство, вымаливая одобреніе предположенныхъ налоговъ, торжественно обѣщало сокращеніе издержекъ на 40 милліоновъ ливровъ. Но это не было поставлено ему въ заслугу, а вызвало новыя декламаціи объ экономіи вообще. „Народы, говорится въ представленіи бюро герцога Пантьевра (Penthièvre), подавлены сборами, а государство не становится богаче... Что можетъ возвратить ему благосостояніе и старый блескъ? Экономія, не та экономія, которая довольствуется преходящею реформой и даетъ минутное утѣшеніе удрученнымъ горемъ народамъ, но та, которая, будучи возведена въ принципъ управленія, простирается на всѣ предметы расхода, не представляющіе безусловной необходимости. Вѣрноподданное чувство не позволяетъ намъ скрыть отъ вашего величества, что народъ столько разочаровавшійся въ своихъ надеждахъ, многочисленный народъ, приношенія коего, орошенныя его потомъ и слезами, поддерживаютъ изобиліе и наслажденіе столицы и двора, ваша вѣрная и покорная нація, судьбы коей покоятся въ рукахъ вашего величества, будутъ приведены въ отчаяніе, если экономія не сдѣлается главнымъ средствомъ уврачевать зло, какимъ поражено государство"... Рекомендуется, замѣчаетъ Родо (*La France avant la rév.*, 169), экономіей покрыть годичный дефицитъ во 140 милліоновъ, то-есть уменьшить чуть не вдвое государственныя издержки. Какъ будто это было возможно. Бюро графа д'Артуа требовало опубликованія сокращеній, „дабы предметы, коихъ они коснутся, были явственно означены, и публичность объявленія стала нѣкоторымъ образомъ охраной прочности таковыхъ сокращеній". Такъ недовѣрчиво относились нотабли къ торжественнымъ заявленіямъ власти.

Представленіе парламента отличается духомъ высокомѣрнаго поученія, производящаго особенное впечатлѣніе, если вспомнимъ, что оно идетъ отъ парламентской молодежи, юныхъ совѣтниковъ, считающихъ себя мужами Плутарха, увлеченныхъ желаніемъ борьбы съ „деспотизмомъ", не грозившей имъ при слабости правительства никакою серіозною опасностію, но дававшей популярность, сдѣлавшуюся въ ту эпоху главною приманкой для честолюбій всякаго рода.

„Государь, говорится въ представленіи, вашъ парламентъ повергаетъ къ подножію трона и свои почтительныя моленія, и справедливыя тревоги народовъ. Одно прочтеніе объявленія о гербовомъ сборѣ поразило его глубокимъ смущеніемъ. Послѣ пяти лѣтъ мира, послѣ постепеннаго увеличенія доходовъ на сто тридцать милліоновъ менѣе чѣмъ въ тринадцать лѣтъ, казалось бы самое слово налоги не должно быть произносимо благодѣющимъ монархомъ какъ развѣ для того, чтобы смягчить ихъ тягость или уменьшить число. И между тѣмъ въ эту-то эпоху, государь, возвѣщаютъ намъ о новыхъ налогахъ и предлагаютъ одинъ изъ разорительнѣйшихъ. Первое рождающееся размышленіе спросить: да какое же нынѣшнее состояніе финансовъ? Каково же должно быть послѣднее управленіе, если зло, котораго оно источникъ, требуетъ подобнаго средства? Ваше величество, припомните, съ какой точки зрѣнія представляли вамъ въ 1784 и 1785 годахъ состояніе казны! Казалось, или точнѣе хотѣли показать, что близко время освобожденія отъ обязательствъ, а между тѣмъ никогда казна не была такъ обременена долгами. Парламентъ дѣлалъ тщетныя усилія вывести истину на свѣтъ. Но было слишкомъ много интереса скрывать ее отъ вашего величества. Всѣ представленія парламента были безполезны. Умѣли даже внушить вашему величеству сомнѣніе относительно чистоты его намѣреній. Избытокъ зла вынудилъ, наконецъ, изслѣдовать его размѣры. Нотабли, созванные по повелѣнію вашего величества, приподняли завѣсу, которая скрывала эту администрацію. Тотчасъ всѣмъ глазамъ представилось страшное зрѣлище. Открылась громадная пустота. Стали искать какъ бы ее наполнить... Таково, государь, послѣдствіе претящихъ общему чувству (qui semblent contredites par un sentiment universel) назначеній въ управленіи, для котораго чистѣйшія руки и тѣ недостаточны... Таковъ великій, но печальный примѣръ, указывающій государямъ, до какой степени должны они уважать общественное мнѣніе, рѣдко могущее ошибаться, ибо рѣдко люди въ совокупности (les hommes rassemblés) обнаруживаютъ или получаютъ впечатлѣнія противныя истинѣ".

Подобно нотаблямъ, парламентъ указываетъ на сокращеніе расходовъ, какъ на главное средство исправленія финансовъ, и съ упрекомъ обращается къ королю. „Еслибы ваше величество знали истинное состояніе финансовъ, нѣтъ сомнѣнія, не предприняли бы этихъ громадныхъ построекъ, не дозволили бы разорительныхъ даровъ прикрытыхъ именемъ обмѣновъ; въ особенности не потерпѣли бы ужасающей легкости бланковъ (acquits-comptant), этого смертельнаго яда всякой администраціи.“ Обѣщанное сокращеніе на сорокъ милліоновъ и на парламентъ не произвело ожидавшагося впечатлѣнія. „Вмѣсто предложенныхъ сорока милліоновъ, ваше величество легко могли бы довести сокращеніе до двойнаго количества.“ Намекается, главнымъ образомъ, на издержки двора. „Есть, государь, почтенная экономія, царскія лишенія, которыя не только не уменьшаютъ блескъ трона, но еще увеличиваютъ его достоинство. Монархъ всегда великъ, когда подданные счастливы, и зрѣлище счастія цѣлаго народа есть самая внушительная пышность, повсюду возбуждающая удивленіе и признательность. Этихъ реформъ, сокращеній, о коихъ столько разъ ходатайствовали ваши парламенты, коихъ требовали нотабли и кои были обѣщаны ихъ справедливой настойчивости, ждетъ несчастный земледѣлецъ, орошающій слезами свои поля, содѣйствующій столькимъ безполезнымъ тратамъ, прежде чѣмъ доставить средства существованія сѣющему. Ихъ ждетъ рабочій, еще болѣе несчастный, имѣющій только руки для себя и семьи, лишенный необходимаго, берущій со своей бѣдности, чтобъ удовлетворить нуждамъ государства. Государь, эти несчастные—Французы, они люди“!..

Любопытенъ этотъ тонъ задора и преувеличенія въ декламаціяхъ партіи парламентской молодежи. Правительственный замыселъ состоитъ въ томъ, чтобы, не отягчая низшіе классы, наложить нѣкоторыя тягости на привилегированныя сословія. Борьба парламента была въ сущности борьба за присвоенныя права и за привилегіи. Съ точки зрѣнія либерализма, правительство, вступившее, къ тому же весьма серіозно, на путь экономіи, было несравненно либеральнѣе парламентовъ. И между тѣмъ оно было предметомъ лоруганія, тогда какъ парламенты превозносились. Весь интересъ сосредоточивался на борьбѣ съ правительствомъ.

Прибавимъ, что это сентиментальныя фразы о слезахъ земледѣльца и потѣ рабочаго, говоритъ тотъ самый парламентъ, который столько разъ держалъ совсѣмъ иныя рѣчи. Какъ возставалъ онъ, напримѣръ, въ 1776 году, по случаю эдикта предложеннаго Тюрго, объ обращеніи дорожной барщины въ денежную повинность. Парламентъ доказывалъ, что „личная служба духовенства состоитъ въ обученіи, богослуженіи и дѣлахъ милосердія; дворянство жертвуетъ кровью для защиты государства и предстоитъ на царскихъ совѣтахъ; третій же

классъ, который не можетъ оказывать подобной особой заслуги, исполняетъ долгъ взносами, прилежаніемъ и тѣлеснымъ трудомъ.“ Обратить дорожную повинность въ денежную, значитъ де возложить ее и на тѣхъ, которые всегда были отъ нея свободны. „Не будетъ никакой разницы между подданными. Духовенство и дворянство подвергнутся барщинѣ, ибо, что рѣшительно все равно, денежная повинность, имѣющая замѣнить барщину, ладетъ и на нихъ. А должны ли всѣ подданные быть смѣшаны?... Не выйдетъ ли, что когда вздумается обратить эту денежную повинность въ натуральную, можно будетъ дворянъ принудить къ барщинѣ? и т. д.“. Вотъ какъ ревниво защищались привилегіи (Eggers. II, 301).

Осторожно переходитъ парламентъ къ главному пункту представленія, редижированному партіей благоразумія. Людовикъ XIV, указываетъ парламентъ, ввелъ налогъ—сборъ одной десятой (dixième). Парламентъ занесъ этотъ налогъ въ сводъ, признавъ въ соображеніе, что онъ долженъ имѣть лишь временное значеніе, а положеніе государства не допускало отсрочки. „Иначе онъ сказалъ бы (сомнительно, чтобы сказалъ при Людовикѣ XIV, который входилъ въ парламентъ въ охотничьемъ костюмѣ и съ хлыстомъ въ рукахъ и приказывалъ заносить свои распоряженія), что только нація, созванная въ собраніе сословныхъ представителей (réunie dans les états généraux) можетъ дать необходимое согласіе для постояннаго налога, что парламентъ не имѣетъ права замѣнять это согласіе своимъ, а еще менѣе свидѣтельствовать о таковомъ согласіи, когда ничто его не подтверждаетъ. Уполномоченный государемъ возвѣщать его волю народамъ, онъ никогда не былъ уполномоченъ народомъ замѣщать его собою. Вотъ что парламентъ беретъ почтительную свободу высказать вашему величеству... Только нація, ознакомленная съ истиннымъ положеніемъ финансовъ, можетъ искоренить великія злоупотребленія и доставить великіе ресурсы. Вамъ, государь, было предоставлено возобновить національныя собранія, возвеличившія царствованіе Карла Великаго, изгладившія несчастія короля Іоанна, содѣйствовавшія вмѣстѣ съ парламентомъ возстановленію Карла VII на тронѣ. Нотабли приготовили націю къ возстановленію права великой и благородной цензуры, какую она столь часто обнаруживала по отношенію къ самой себѣ и къ тѣмъ невѣроятнымъ жертвамъ (sacrifices incroyables), которыя кажутся ей легкими, когда онѣ испрашиваются чувствительнымъ монархомъ (par un monarque sensible) и требуются дѣйствительною нуждой. Парламентъ думаетъ, что пришла минута высказать предъ вашимъ величествомъ желаніе, продиктованное чистѣйшимъ усердіемъ. Да, государь, монархъ Франціи никогда не можетъ быть такъ великъ, какъ посреди своихъ подданныхъ. Нечего опасаться избытка ихъ любви, нечего брать предосторожности противъ предложеній,

которыя были бы выше средствъ исполненія. Всѣ выиграютъ отъ такого созыва. Въ ожиданіи счастливой и желанной минуты, когда ваше величество удостоитъ оказать это благодѣяніе націи, вашъ парламентъ умоляетъ съ самою почтительною и живѣйшею настойчивостію отмѣнить объявленіе о гербовомъ сборѣ, совершенно недопустимомъ, одно извѣщеніе о которомъ произвело общее огорченіе въ королевствѣ, а исполненіе повергло бы въ трауръ."

Король при представленіи перваго президента высказалъ свое огорченіе и хотѣлъ дать рѣзкій отвѣтъ, но смягчился, и отвѣтъ его дошелъ въ парламентъ въ уклончивой формѣ. „Я разсмотрю внимательно представленіе парламента о гербовой пошлинѣ и сообщу мою волю." Упоминалось о внесеніи новаго эдикта, касательно поземельнаго налога, вопросъ о сословномъ представительствѣ обойденъ молчаніемъ. Между тѣмъ слухи о происходящемъ въ парламентѣ распространялись всюду; парламентъ печаталъ свои опредѣленія, они читались наперерывъ. „Парламентъ въ нѣсколько дней возвратилъ себѣ старую популярность" (Roquain, 447.)

Правительство рѣшило, впрочемъ, настоять на внесеніи эдиктовъ и съ этою цѣлью объявило засѣданіе lit de justice. Оно состоялось 6 августа 1787 года. Король повелѣлъ занести эдикты въ сводъ и заключилъ засѣданіе словами: „вы слышали мою волю, разсчитываю на ваше повиновеніе."

На другой же день парламентъ имѣлъ засѣданіе, въ которое были приглашены принцы и перы Восемь часовъ продолжались пренія. Состоялось рѣшеніе, прямо противное волѣ короля Внесеніе эдиктовъ въ сводъ, состоявшееся въ засѣданіи lit de justice, парламентъ призналъ незаконнымъ. Парламентъ собирался и въ слѣдующіе дни, 10 и 13 августа. Былъ поднятъ вопросъ о преданіи, заднимъ числомъ, суду Калона, произносились самыя запальчивыя рѣчи. 13-го состоялось рѣшеніе, порицавшее въ рѣзкихъ выраженіяхъ дѣйствія правительства и призывавшее къ неповиновенію эдиктамъ, которые въ промежутокъ послѣ 6-го августа были напечатаны во всеобщее свѣдѣніе, безъ обнародованія протокола о томъ, что происходило въ lit de justice. „Парламентъ объявляетъ, что эдикты эти и королевскія объявленія не могутъ лишить націи ни одного изъ ея правъ и уполномочить сборъ новыхъ налоговъ, каковой былъ бы противенъ всѣмъ началамъ, правиламъ и обычаямъ королевства." (Eggers, II, 470.)

„Въ продолженіе длинныхъ преній, пишетъ Веберъ (I, 181) объ этомъ засѣданіи, отъ восьми часовъ утра до семи вечера, громадная толпа народа наполняла залы, дворъ суда (Plais da justice) и даже прилежащія улицы. Когда закрылось засѣданіе, двери залы собранія отворились, и рѣшеніе, по существу долженствовавшее оставаться въ тайнѣ, было прочитано публично. Какое-то изступленіе овладѣло

толпой. Это были не крики, а вой, выраженіе изступленнаго восторга, почти опасное для тѣхъ, кто его возбудили; крики негодованія противъ правительства и моленіе какъ на идоловъ на членовъ парламента, сопротивлявшихся правительству. Степенные сенаторы старались укрыться отъ изліяній, восторга, внутренно довольные, что ихъ не заслужили: съ ихъ стороны было значительное противодѣйствіе. Молодые совѣтники, чувствовавшіе наслажденіе быть центромъ привлеченія, выдавали, такъ-сказать, одинъ другаго и указывали для тріумфа тѣхъ изъ своей среды, которые отличались особою смѣлостію въ преніяхъ палатъ. Совѣтникъ Эпремениль едва показался, какъ былъ поднятъ надъ головами и на рукахъ отнесенъ до кареты. Подражатели его смѣлости были пріобщены къ его славѣ. Храмъ правосудія сдѣлался незамѣтно ареной возмущенія."

Въ тотъ же вечеръ и на другой день въ Версалѣ происходили чрезвычайныя засѣданія королевскаго совѣта. Было рѣшено выслать парламентъ изъ Парижа и перемѣстить въ Труа. Въ ночь на праздникъ Успенія каждый членъ парламента получилъ именное повелѣніе (une lettre de cachet), предписывавшее въ двадцать четыре часа выѣхать изъ Парижа и чрезъ четыре дня быть въ Труа. Постановленія Парижскаго парламента и другихъ парламентовъ, подобно Парижскому заявлявшихъ свои протесты, были кассированы королевскимъ совѣтомъ. Бріенъ получилъ усиленныя полномочія со званіемъ перваго министра.

Въ новомъ мѣстопребываніи парламентъ продолжалъ засѣданія. Но судебныхъ разбирательствъ не было, такъ какъ никто не являлся, адвокаты и прокуроры остались въ Парижѣ. Со всѣхъ сторонъ приходили знаки привѣтствія и ободренія. Являлись многочисленныя депутаціи. Настоятель каѳедральнаго собора въ Труа прислалъ привѣтствіе, Парижскій университетъ препроводилъ латинскую рѣчь. Но время взяло свое. Жаръ скоро поутихъ, пребываніе въ Труа наскучило; сильнѣе и сильнѣе развивалось желаніе вернуться въ Парижъ. Со своей стороны, и Бріенъ думалъ о компромиссѣ и уже сожалѣлъ, что поторопился изгнаніемъ. „Едва успѣлъ парламентъ прибыть въ Труа, говоритъ Мармонтель со словъ хранителя печатей Ламуаньйона, какъ Бріенъ, совѣщаясь съ Ламуаньйономъ, вспомнилъ, точно случайно, что присутствіе парламента будетъ ему необходимо для ноябрьскихъ займовъ. Подумай я объ этомъ прежде, воскликнулъ онъ, я бы его не выслалъ; надо поскорѣе его вернуть". И тотчасъ его эмиссары пришли въ движеніе. Бріенъ въ переговорахъ старался все свалить на Ламуаньйона, къ которому парламентскіе питали нерасположеніе за проекты судебной реформы и на котораго смотрѣли какъ на измѣнника своей корпораціи, такъ какъ онъ былъ прежде членомъ парламента. Бріенъ обѣщалъ его удаленіе.

„Я отправилъ мое вѣрительное письмо“, сказалъ онъ Ламуаньёну.— Какое письмо? спросилъ тотъ.—„Письмо, въ которомъ обѣщалъ ваше удаленіе, если они вернутся къ благоразумію. Но не безпокойтесь.“ (Мармонтель, со словъ самого Ламуаньёона.) Эдиктъ о гербовомъ сборѣ и поземельномъ налогѣ Бріенъ соглашался взять назадъ.

Парламентъ вернулся въ Парижъ съ торжествомъ. Сряду нѣсколько вечеровъ мелкій судейскій людъ и чернь принуждали жителей въ окрестностяхъ суда освѣщать дома и били стекла у неповиновавшихся. 1 октября 1787 чучело, изображавшее Калона, было сожжено на площади Дофина, двѣ другія куклы, изображавшія барона Бретёля и герцогиню Полиньякъ, были съ гамомъ и свистомъ пронесены по улицамъ.

У Бріена былъ новый планъ. Онъ возымѣлъ надежду поправить финансовое положеніе помощію займовъ, не прибѣгая къ налогамъ. Онъ тѣмъ болѣе разсчитывалъ на удачу плана, что Эпремениль неожиданно посѣтилъ Ламуаньёона и совѣтовалъ прибѣгнуть именно къ значительному займу, а затѣмъ созвать сословныхъ представителей. Бріенъ, чтобы провести заемъ, прибѣгъ ко всевозможнымъ интригамъ. Онъ рѣшилъ сдѣлать неожиданное королевское засѣданіе тотчасъ послѣ парламентскихъ вакацій, когда члены далеко еще не всѣ собрались. На день засѣданія, чтобъ отвлечь подозрѣнія, была назначена королевская охота, и распоряженіе о засѣданіи было сдѣлано ночью наканунѣ 19 ноября (*Mém. de Besenval*, 318). Бріенъ старался войти въ сношенія съ членами парламента, пускалъ въ ходъ всевозможныя увѣщанія, даже деньги. „Надо сознаться, прибавляетъ Безанваль, что человѣкъ, который хочетъ быть первымъ министромъ, долженъ бы лучше знать людей и вещи, долженъ бы понимать, что многочисленное собраніе такъ скоро не перемѣняетъ своего мнѣнія, особенно, когда оно открыто стало на сторону оппозиціи и возмущенія; что въ такомъ случаѣ убѣжденія и ласканія не приводятъ къ результату, и даже разбрасываемыя деньги оказываются брошенными попусту. Такъ, по всей вѣроятности, было и съ архіепископомъ, если судить по словамъ его секретаря, имѣвшаго неосторожность въ комнатѣ королевской свиты (dans le cabinet de gens de roi) сказать, что онъ потерялъ за ночь восемь голосовъ. Это доказываетъ, что предстоящее прибытіе короля въ парламентъ не сохранилось въ тайнѣ, какъ думалъ архіепископъ, и что ожесточеніе противъ власти было такъ укоренено, что нельзя было побѣдить его съ такою легкостію“.

Но входя, съ одной стороны, въ переговоры и соглашенія, Бріенъ, съ другой, дѣйствовалъ между тѣмъ такъ, какъ еслибы ни въ какихъ соглашеніяхъ не нуждался. Правительственное объявленіе о займѣ, разсроченномъ на пять лѣтъ, послѣ чего имѣютъ быть созваны сословные представители, было въ королевскомъ засѣданіи парламента

19 ноября 1787 года сдѣлано въ тонѣ сильной власти. Возвѣщая о займѣ и указывая, что предположенныя пятьдесятъ милліоновъ экономіи позволятъ его перенести, Бріенъ напоминалъ парламенту, что „законодательная власть пребываетъ въ лицѣ государя безъ зависимости и безъ раздѣла“, что „право созванія сословныхъ представителей принадлежитъ одному королю, и когда сочтетъ онъ это полезнымъ и необходимымъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ членамъ парламента было предоставлено высказать свои сужденія. Они широко воспользовались дозволеніемъ, чтобы высказать все, что накопилось въ раздраженіи преній и подѣйствовать на присутствующаго короля. Роберъ Сенъ-Венсанъ (Robert de Saint Vincent) рѣзко, обычно грубымъ тономъ, но и съ явственною силой убѣжденія указывалъ на необходимость поспѣшить созывомъ представителей. „Не пришло, говорятъ, еще время, воскликнулъ онъ. Ищу, что можно подъ этимъ разумѣть. Развѣ безпорядокъ въ финансахъ не довольно еще великъ?... Правда вотъ въ чемъ. Ваши министры хотятъ избѣгнуть сословныхъ представителей, ибо страшатся ихъ наблюденія. Но надежды эти тщетны. Государственная необходимость заставитъ васъ собрать ихъ чрезъ два года. Да, заставитъ, и всего разумнѣе было бы воспользоваться добрымъ настроеніемъ умовъ, этимъ желаніемъ общественнаго блага, которое нынѣ одушевляетъ всѣхъ Французовъ“. Эпремениль говорилъ вкрадчиво, умоляя короля объявить рѣшеніе о немедленномъ собраніи представителей. „Государь, обратился онъ къ Людовику XVI, одно ваше слово—и общее завѣтное желаніе исполнится. Общій порывъ энтузіазма мгновенно изъ этой залы распространится по столицѣ и отъ столицы по всему королевству. Предчувствіе, которое не обманетъ меня, внушаетъ мнѣ увѣренность; я читаю это во взорахъ вашего величества: намѣреніе это въ сердцѣ вашемъ, слово на вашихъ устахъ. О, произнесите его, государь, даруйте его любви всѣхъ Французовъ“! Друзья Эпремениля минуту думали, что король уступитъ увлеченію, какое, казалось, имъ овладѣло, но онъ устоялъ, замѣчаетъ Радо (*La France avant la révol.* 228). Собраніе продолжалось нѣсколько часовъ. Президентъ приступилъ ко сбору голосовъ, сбираясь формуловать мнѣніе парламента, но дѣло приняло неожиданный оборотъ. Хранитель печатей подошелъ къ королю. Людовикъ XVI обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими словами и затѣмъ громко произнесъ: „Выслушавъ ваши мнѣнія, нахожу, что необходимо сдѣлать заемъ, указываемый въ моемъ эдиктѣ... Я обѣщалъ созвать сословныхъ представителей не позже 1792 года. Моего слова должно быть достаточно. Повелѣваю занести мой эдиктъ въ сводъ“. Хранитель печатей немедленно провозгласилъ занесеніе по формѣ, какая употреблялась въ засѣданіяхъ lit de justice. Блѣдный, смущенный, поднялся герцогъ Орлеанскій, помедлилъ нѣсколько

мгновеній и прерывисто произнесъ слова: „Государь, это занесеніе кажется мнѣ незаконнымъ. Надо такъ и сказать, что оно сдѣлано по особому повелѣнію вашего величества“ Король также смутился, „Мнѣ все равно, сказалъ онъ, какъ вы хотите... Нѣтъ, это законно, потому что я такъ хочу“. Король удалился; было пять часовъ пополудни, засѣданіе началось въ восемь утра. Герцога Орлеанскаго просили, чтобъ онъ формулировалъ свой протестъ. Къ протесту присоединилось все собраніе

Герцогъ Орлеанскій получилъ именное повелѣніе, ссылавшее его въ его имѣніе Вилле-Коттере (Villers-Cotterets). Два совѣтника, Сабатье и Фрето, были арестованы: они участвовали въ совѣщаніи въ Пале-Роялѣ, когда былъ рѣшенъ протестъ герцога Орлеанскаго. 23 ноября парламентъ обратился къ королю съ настойчивою просьбой возвратить изъ ссылки герцога Орлеанскаго и освободить арестованныхъ членовъ. „Иностранцы, государь, не поймутъ, говорилъ парламентъ, потомство откажется вѣрить, чему можно подвергнуться, высказывая правду вашему величеству. Присутствіе ваше всюду вносило милость, должно ли оно отнынѣ нести съ собою страхъ и огорченіе... Наше довѣріе, ободряемое вашимъ величествомъ, сдѣлалось сигналомъ ссылки и ареста. И какого ареста! Честь содрогается, человѣчество и справедливость стенаютъ. Грязныя руки подняпись на вашего судебнаго сановника. Его домъ осажденъ, полицейскіе удалили его семью... Если ссылка есть награда вѣрности принцевъ вашей крови, заключеніе грозитъ искренности первыхъ судебныхъ сановниковъ, первыхъ слугъ вашего величества, то не должны ли мы съ ужасомъ и горестью спросить себя, что же станется съ закономъ, общественною свободой, тѣсно связанною съ нашею свободой, съ національною честью и французскими нравами, столь мягкими, сохранить кои необходимо въ общемъ интересѣ трона и народовъ“. Постановленіе состоялось безъ участія принцевъ крови и перовъ, получившихъ отъ короля письменное приказаніе не являться въ парламентъ впредь до распоряженія. Тотчасъ же семнадцать перовъ сдѣлали представленіе королю, ссылаясь на свои права участвовать въ парламентскихъ засѣданіяхъ и ходатайствуя о герцогѣ Орлеанскомъ и двухъ арестованныхъ членахъ.

IV.

Не лишено интереса прослѣдить, какъ относился къ событіямъ этого времени Мирабо, который жадно прислушивался къ шуму борьбы приближавшей неизбѣжный, ему желанный, переворотъ. Въ сборникѣ, названномъ *Мемуарами Мирабо*, встрѣчаемъ въ этомъ отношеніи нѣсколько интересныхъ указаній. Входя съ одной стороны въ сношенія съ правительствомъ, онъ съ другой имѣлъ закулисное участіе въ парламентскомъ возбужденіи. Въ началѣ октября мы видимъ Мирабо въ сношеніи съ лицомъ близкимъ Бріену, молодымъ Суфло (Soufflot). Повидимому Суфло звалъ Мирабо въ Версаль. „Что буду дѣлать я въ Версалѣ“, говоритъ въ отвѣтномъ письмѣ (*Mém.* IV, 450) Мирабо и указываетъ на предубѣжденіе, какое министръ противъ него имѣетъ. Въ то же время искусно намекаетъ, что предубѣжденіе неосновательно. „Въ чемъ можетъ онъ меня упрекнуть?. Въ томъ ли, что я содѣйствовалъ паденію человѣка на развалинахъ котораго онъ поднялся до высшей власти?... Оставьте же меня въ моемъ удаленіи. Я имѣю твердое намѣреніе не выходить изъ него пока изъ нынѣшней смуты не выйдетъ правильный порядокъ вещей и какой-либо великій переворотъ (quelque grande révolution) ко благу или ко злу не повелитъ каждому доброму гражданину, всегда отвѣтственному за свои мнѣнія и даже за свои таланты, возвысить свой голосъ. Эта революція не замедлитъ. Проливъ, въ какой вошелъ государственный корабль, одинаково и узокъ, и труденъ. Искусный лоцманъ, конечно, можетъ вывести его въ открытое море. Если такой найдется, корабль спасенъ; но и онъ не можетъ обойтись безъ содѣйствія экипажа. Никакимъ матросомъ нынѣ пренебрегать не слѣдуетъ“. Нетрудно понять, чье содѣйствіе искусно предлагается. Мирабо говоритъ далѣе о займѣ и указываетъ на свой планъ, изложенный въ запискахъ, какія онъ представлялъ Калону. Около того же времени Мирабо (12 октября 1787) обращался съ письмомъ къ Монморену, министру иностранныхъ дѣлъ, предлагая свои услуги на этотъ разъ по дипломатической части; „въ Варшаву, Петербургъ, Константинополь. Александрію—все равно.“ Исканія Мирабо не увѣнчались успѣхомъ. Правительство не пожелало воспользоваться его услугами и сдѣлало этимъ немалую ошибку.

Въ то же время Мирабо находился въ сношеніи съ нѣкоторыми членами парижскаго парламента и возбуждалъ ихъ къ сопротивленію министерскимъ планамъ. 10 ноября онъ пишетъ къ какому-то молодому члену парламента, котораго, повидимому, сманивали на министерскую сторону, и подбиваетъ его примкнуть къ той партіи, которая имѣла въ виду противодѣйствовать замыслу министра, надѣявшагося провести заемъ, обѣщая созвать сословныхъ представителей, но въ неопредѣленный срокъ.

„Созваніе сословныхъ представителей, пишетъ Мирабо (*Mém.*, IV, 461), въ такой мѣрѣ предписывается необходимостію, такъ неизбѣжно, что съ первымъ министромъ или безъ перваго министра, при Ахиллѣ или Ѳерситѣ, оно непремѣнно будетъ, и особой благодарности правительство не получитъ, въ какую бы эпоху его ни назна-

чило. Но если эпоха эта будетъ удалена, то это будетъ еще лишній поводъ къ недовольству, нерасположенію и злоумышленію. Въ вашемъ возрастѣ, когда человѣкъ только-что освободился отъ кипѣній непослѣдовательной юности, вы можете имѣть прекраснѣйшую долю въ революціи, которая устроитъ Францію и разовьетъ ея величіе. Не давайтесь же въ обманъ, не теряйте вашей благороднѣйшей ставки, не повредите изъ-за личнаго дѣла игрѣ, въ которой согласно замѣшаны интересъ и честь, ибо нація ее не проиграетъ. Данный толчекъ таковъ, что даже тѣмъ, кто дали его изъ дурныхъ видовъ, уже поздно вернуться назадъ. Вѣкъ ушелъ уже слишкомъ впередъ, умы слишкомъ возбуждены, чтобы мы могли потерять что-либо изъ того что пріобрѣли. Какъ судебный сановникъ, воспользуйтесь непостижимымъ порядкомъ вещей сдѣлавшимъ Францію парламентскою; какъ гражданинъ содѣйствуйте всѣми силами вашими великому дѣлу конституціи и не давайте себя развлекать никакою иллюзіей, никакою увертюрой. Спросите себя, за много ли дней можемъ мы ручаться и бойтесь медленности еще болѣе, чѣмъ послѣпности.... Vale, spes altera Romae."

Не правда ли любопытное письмо! Мирабо понималъ, какой безповоротный шагъ былъ сдѣланъ созваніемъ нотаблей. Для него былъ ясенъ дальнѣйшій путь революціоннаго движенія, и онъ не упускалъ случая, когда могъ сколько-нибудь содѣйствовать его ускоренію.

Въ парламентѣ заемъ былъ отвергнутъ. На другой день Мирабо пишетъ къ Монморену: „Заемъ отвергнутъ. Иначе и быть не могло.... Но что будутъ дѣлать, великій Боже, что будутъ дѣлать?... Вотъ о чемъ съ ужасомъ спрашиваютъ себя добрые граждане.... Вы честный человѣкъ въ министерствѣ, вы кого мы почитаемъ добрымъ гражданиномъ; вы другъ короля, не можете его покинуть, какъ не можете обмануть и ожиданія націи въ этомъ ужасномъ кризисѣ. Вотъ почему я счелъ себя обязаннымъ предъ вашею репутаціей, предъ добротой, какую вы мнѣ оказывали, предъ привязанностью, какую она внушила, наконецъ предъ самимъ собою, не остаться нѣмотствующимъ среди безумнаго отчаянія моего отечества." Мирабо страшаетъ банкротствомъ, какъ позоромъ и несчастіемъ страны. Что же дѣлать? спрашиваетъ онъ далѣе, и даетъ обстоятельный отвѣтъ. „Возвѣстить въ точныхъ и торжественныхъ выраженіяхъ созывъ сословныхъ представителей на 1789 годъ. Безъ нихъ обойтись уже нельзя. Тщетно удалять эпоху созыва.... Годъ, когда король соберетъ націю, будетъ лучшимъ годомъ его жизни.... Франція возродившаяся внутри, поднявшаяся внѣ, покроетъ монарха лучемъ своей славы. Да, при одномъ словѣ, собраніе сословныхъ представителей въ 1789 году, кредитъ возродится и заемъ необходимый при современномъ положеніи дѣлъ съ избыткомъ состоится. Вы знаете, теперь не то время когда милости короля было достаточно, чтобы сдѣлать славу министра, немилости, чтобъ ее уничтожить. Источникъ истинной славы теперь ниже и выше: теперь отъ націи и только отъ націи будетъ зависѣть политическая фортуна (c'est la nation seule qui fera les fortunes politiques). Прочтите и перечтите, умоляю именемъ отечества, эти наскоро набросанныя строки, которыя шлю вамъ подъ печатью секретнѣйшаго довѣрія."

Монморенъ предлагалъ Мирабо написать сочиненіе противъ парламентовъ. Изъ чернового его отвѣта, fac-simile котораго приложено къ *Мемуарамъ*, видно какъ Мирабо колебался, хотѣлъ было принять на себя составленіе сочиненія, написалъ: „je ferai l'ouvrage que Vous me demandez, я напишу сочиненіе которое вы у меня спрашиваете" и потомъ вычеркнулъ эти слова. Онъ доказываетъ что при условіяхъ, въ какія поставило себя правительство такое сочиненіе было бы безполезно и несвоевременно. „Правительству слишкомъ не довѣряютъ, и не безъ основанія.... Я никогда не поведу войны съ парламентами иначе какъ въ присутствіи націи. Тогда, и только тогда они должны и могутъ быть приведены къ значенію простыхъ служителей правосудія." Въ заключеніе Мирабо возвращается къ мысли о необходимости созыва сословныхъ представителей.

V.

Послѣ громкаго событія 19 ноября 1787 года сопротивленіе парламентовъ продолжалось „Они образовали, по выраженію Мармонтеля, общую лигу противъ министерства." Въ Парижѣ, въ январѣ 1788, состоялись парламентскія постановленія противъ употребленія lettres de cachet и административныхъ высылокъ. Постановленіе сопровождалось энергическими заявленіями противъ произвольныхъ дѣйствій правительства. Правительство рѣшилось было на энергическія дѣйствія. Хотѣли выслать значительную часть членовъ парламента, ограничились призывомъ парламента въ Версаль и заявленіемъ неудовольствія. Постановленія его предписано вычеркнуть изъ протоколовъ. Правительство однако не прочь было отъ уступокъ. Въ декабрѣ было объявлено о созывѣ представителей, но чрезъ пять лѣтъ. Въ мартѣ 1788 герцогъ Орлеанскій былъ возвращенъ изъ изгнанія и сталъ популярнѣйшимъ лицомъ въ Парижѣ.

Но о соглашеніи съ парламентомъ нельзя было и думать. Тогда Бріенъ замыслилъ обширный, крайне рискованный, планъ уничтожить значеніе парламентовъ, возстановивъ древнее учрежденіе именовавшееся *cour plénière*, или точнѣе, образовавъ новую высшую палату, на обязанности которой было бы заносить въ сводъ всѣ зако-

ны общіе для королевства. Хранитель печатей Ламуаньйонъ возставалъ противъ идеи cour plénière и предложилъ ослабить парламенты, усиливъ значеніе судей низшей, сравнительно, инстанціи. Бріенъ настоялъ на необходимости cour plénière. Образовался обширный планъ, осуществлявшій много желанныхъ усовершенствованій въ дѣлѣ правосудія, но вмѣстѣ съ тѣмъ равнозначительный съ уничтоженіемъ парламентовъ. „Мнѣніе“ предполагалось удовлетворить объявленіемъ скораго созыва представителей.

Возможность такого рѣшительнаго плана есть свидѣтельство, что правительство далеко не сознавало той степени слабости, до какой была уже доведена власть. Бріенъ былъ склоненъ переходить отъ крайности къ крайности, но едва ли онъ рѣшился бы приступить къ такой реформѣ какъ уничтоженіе политическаго значенія парламентовъ въ эпоху, когда парламенты стояли на высотѣ своей популярности, еслибы не имѣлъ увѣренности въ полной крѣпости королевской власти несмотря на увлеченія мнѣнія. Въ такое время, при имѣвшихся на лицо средствахъ, такой крутой поворотъ кажется теперь почти безумствомъ, но не казался таковымъ въ маѣ 1788 года.

Мѣры заготовлялись въ великой тайнѣ. Ихъ предположено было объявить во всемъ королевствѣ 8 мая 1788 года. Губернаторамъ провинцій было предписано быть на своихъ мѣстахъ, отданы распоряженія военнымъ начальникамъ въ городахъ гдѣ были парламенты. Тайна впрочемъ не сохранилась. Эпремениль удалось какъ-то достать оттискъ печатавшихся постановленій. 3 мая парламентъ собрался въ засѣданіе и составилъ знаменательное постановленіе, въ которомъ выразилъ „основныя начала Французской монархіи“. Рѣшеніе было принято единогласно, о чемъ и упомянуто въ заявленіи. „Парламентъ, сказано между прочимъ въ немъ, объявляетъ, что Франція есть монархія управляемая королемъ по законамъ.... Нація имѣетъ право свободно дѣлать постановленія о налогахъ чрезъ посредство собранія сословныхъ представителей правильно созываемаго и составленнаго.... Сохраненіе особенностей и правъ провинцій.... Судьи не смѣняемы ... Парламентъ имѣетъ право провѣрять въ каждой провинціи королевскія велѣнія, внося въ сводъ тѣ, кои согласны съ конституціонными законами провинціи и основными законами государства. Каждый гражданинъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть приведенъ предъ иныхъ судей кромѣ своихъ естественныхъ, то-есть указанныхъ закономъ.... Никто ни по чьему приказанію не можетъ быть задержанъ, не будучи немедленно переданъ въ руки компетентныхъ судей.“ (Droz, 205.) Въ заключеніе члены парламента клятвенно обязались, по отношенію къ уломянутымъ началамъ, „не уполномочивать ни малѣйшаго нововведенія и не принимать никакого мѣста въ какомъ-либо новомъ учрежденіи, которое не было бы самимъ

парламентомъ, составленнымъ отъ тѣхъ же лицъ съ тѣми же правами“.

Правительство въ виду такого постановленія рѣшилось дѣйствовать крутыми мѣрами. Предписано арестовать Эпремениля и еще другаго члена Гуаляра. Арестъ произошелъ въ засѣданіи парламента, куда они укрылись отъ угрожавшей опасности. Салье во *Французскихъ Анналахъ* такъ описываетъ сцену ареста.

„Парламентъ былъ предупрежденъ, что маркизъ д'Агу (d'Agoust), aide-major французскихъ гардовъ, испрашиваетъ разрѣшеніе войти въ засѣданіе, имѣя королевское порученіе. Онъ былъ немедленно введенъ, и предполагалъ передать содержаніе порученія въ выраженіяхъ, которыя сгладили бы то, что строгость распоряженія могла заключать въ себѣ для него неблагопріятнаго. Но видъ собранія болѣе чѣмъ изо ста двадцати судебныхъ сановниковъ, среди которыхъ засѣдали герцоги и пеэры, маршалы Франціи, прелаты, невольно внушавшіе почтеніе: тишина ночи, глубокое молчаніе царствовавшее въ залѣ суда, освѣщенной слабымъ свѣтомъ; толпа идей порождавшихся величіемъ мѣста, историческими воспоминаніями, серіозностью обстоятельствъ—все это внесло смущеніе въ душу маркиза, и онъ измѣнившимся голосомъ могъ только прочесть королевское повелѣніе, гласившее: „Повелѣваю маркизу д'Агу отправиться немедленно въ палату во главѣ шести ротъ гардовъ, занять всѣ выходы и арестовать въ залѣ засѣданій или гдѣ окажутся гг. Дюваля д'Эпремениля и Гуаляра де-Монсабера (Goislard de Montsabert), чтобы предать ихъ чинамъ высшаго полицейскаго суда* (entre les mains des officiers de la prévôté de l'hôtel, получившимъ надлежащія распоряженія“. Подписано *Людовикъ*. Президентъ отвѣчалъ: Судъ будетъ совѣщаться. Маркизъ д'Агу, оправившись отъ перваго волненія и возбуждая себя къ твердости, отвѣтилъ рѣзко: „Ваша форма совѣщаться, но я не знаю этихъ формъ. Мнѣ дано королевское порученіе, оно не терпитъ отлагательства и должно быть исполнено.“ Настаивая въ своемъ порученіи, маркизъ требовалъ отъ президента, чтобъ онъ или выдалъ двухъ сказанныхъ сановниковъ или подписалъ отказъ. Президентъ, отвергнувъ первое предложеніе презрительнымъ жестомъ, на второе отвѣчалъ что ему не въ чемъ отказывать, что онъ можетъ дать отвѣтъ только отъ имени парламента, а его волю онъ можетъ узнать только изъ совѣщанія. И кромѣ того, повелѣніе короля обращено не къ парламенту и не къ президенту, а къ подателю его, и

* Судъ этотъ засѣдалъ по полугодно въ Парижѣ (въ Луврѣ) и въ Версалѣ. Онъ состоялъ изъ „grand prévôt de France, de deux lieutenans généraux de robe courte, civils, criminels et de police, et d'un procureur du roi.“ (Oa-sagnac, *Hist. des causes de la rév.*, I, 359.)

слѣдовательно ему надлежитъ рѣшить, какъ поступить.“ Необходимо однако, отвѣчалъ маркизъ, чтобы вы мнѣ показали этихъ двухъ господъ: я ихъ не знаю и этимъ лишенъ возможности исполнить приказъ.“ Тогда изъ угла залы послышался голосъ, повторенный со всѣхъ сторонъ: „Мы всѣ Эпремениль и Гуаларъ; такъ какъ вы ихъ не знаете, то арестуйте насъ всѣхъ или выбирайте.“ Глубокое молчаніе послѣдовало за этимъ восклицаніемъ. Маркизъ д'Агу прерывалъ его отъ времени до времени настояніями, въ безполезности которыхъ наконецъ убѣдился. Онъ удалился, объявивъ, что сдѣлаетъ донесеніе полковнику и будетъ ждать повелѣній короля.... Ночь прошла какъ среди осажденной крѣпости Всякое сообщеніе внѣ было прекращено, членамъ парламента была предоставлена только свобода выходить изъ залы засѣданія въ другія комнаты суда, но въ сопровожденіи стражи. Письма приходилось передавать начальникамъ отряда только вскрытыми. Было одиннадцать часовъ утра, когда маркизъ д'Агу появился вновь. Напомнивъ о своемъ порученіи, и безуспѣшно повторивъ убѣжденіе, чтобы г. Эпремениль слѣдовалъ за нимъ, онъ приказалъ войти одному изъ чиновниковъ при судѣ и показать ему требуемаго члена парламента. Чиновникъ, по имени Артье, обвелъ глазами собраніе, какъ бы исполняя приказъ, и затѣмъ объявилъ, что не видитъ г. Эпремениля. Трижды повторялъ маркизъ приказаніе посмотрѣть внимательнѣе, но получилъ тотъ же отвѣтъ и принужденъ былъ еще разъ удалиться, не исполнивъ приказанія. Великодушіе произвело то чего власть безуспѣшно стремилась достигнуть въ продолженіи двадцати четырехъ часовъ. Эпремениль, чувствительно тронутый поведеніемъ чиновника и видя, что тотъ потеряетъ чрезъ это и мѣсто, и свободу, хотѣлъ пощадить его отъ этихъ бѣдъ, попросилъ позвать маркиза д'Агу и открылся самъ. „Я, сказалъ онъ, тотъ членъ парламента, котораго вы пришли съ вооруженною силой захватить во святилищѣ закона.“ Затѣмъ нѣсколько разъ переспросилъ о свойствѣ повелѣнія и средствахъ, какія маркизъ долженъ былъ употребить для приведенія его въ исполненіе. „Я хочу, сказалъ онъ, пощадить собраніе и самого себя отъ ужаса зрѣлища, какое намъ приготовлено. Объявляю, что принимаю отвѣтъ вашъ равнозначащимъ употребленію насилія въ моемъ лицѣ. Слѣдую за вами.“ Обратившись къ парламенту, прибавилъ: „Я жертва, которую заклали на самомъ алтарѣ, преступленія мои въ томъ, что я защищалъ общественную свободу отъ безчисленныхъ на нее покушеній. Желаю, чтобы побѣда одержанная нынѣ врагами законовъ не причинила зла государству. Прошу собраніе не забыть преданности, какую я ему оказывалъ и могу увѣрить, какая бы участь меня ни ожидала, *какія бы предложенія ни были* мнѣ сдѣланы, я всегда останусь достойнымъ быть однимъ изъ его членовъ.“ Онъ сошелъ со

своего мѣста, обнявшись съ окружавшими, и послѣдовалъ за маркизомъ. Маркизъ хотѣлъ передать его въ руки молодаго подпоручика, но съ тѣмъ сдѣлалось дурно при этомъ порученіи. Маркизъ самъ увелъ г. Эпремениля“ (Это описаніе изъ *Ann. franc.* приведено издателями мемуаровъ Вебера, I, 483).

Въ этомъ очевидно напыщенномъ и театральномъ описаніи, даже съ обморокомъ юнаго офицера, заслуживаютъ вниманія слова, вложенныя въ уста Эпремениля. Онъ говоритъ: „какія бы предложенія ни были мнѣ сдѣланы“. Онъ ждалъ значитъ, что его будутъ сманивать. Слабое правительство въ самыхъ рѣшительныхъ своихъ дѣйствіяхъ, пуская въ дѣло весь аппаратъ неограниченной власти, не внушало особаго страха и ясно, что не требовалось очень большаго гражданскаго мужества сопротивляться ему. Веберъ, который, привлеченный любопытствомъ, самъ былъ въ этотъ день если не въ засѣданіи, то въ залахъ суда, разсказываетъ эпизодъ менѣе театрально и нѣсколько иначе. По его словамъ, Эпремениля побудило открыться замѣчаніе одного молодаго члена, что еслибъ онъ былъ на мѣстѣ Эпремениля, то не сталъ бы изъ-за личнаго своего дѣла компрометтировать весь парламентъ. Веберъ утверждаетъ также, что арестованный Эпремениль, проходя по двору суда, покушался взволновать народъ. Послышалось нѣсколько криковъ, но тѣмъ и кончилось.

8 мая 1788 года состоялось объявленіе объ учрежденіи cour plénière и о судебной реформѣ. Король въ Версалѣ открылъ засѣданіе lit de justice словами упрека къ парламентамъ. „Цѣлый годъ, сказалъ онъ, парижскій парламентъ позволялъ себѣ всяческія правонарушенія. Провинціальные парламенты подражали ему Въ результатѣ вышло неприведеніе въ дѣйствіе законовъ, заслуживающихъ всяческаго вниманія и желанныхъ, проволочка въ дѣлахъ самыхъ важныхъ, потеря кредита, прекращеніе правосудія, наконецъ потрясеніе всего общественнаго зданія. Общественное спокойствіе, охраненіе котораго моя обязанность по отношенію къ моимъ народамъ, ко мнѣ самому и къ моимъ преемникамъ, требуетъ, чтобъ я положилъ конецъ этимъ нарушеніямъ“. Столь повидимому твердо объявленное рѣшеніе правительство оказалось безсильнымъ исполнить. Новыя мѣры возбудили общій ропотъ всюду, гдѣ занимались политикой. Средній классъ въ тѣсномъ смыслѣ смотрѣлъ на происходившее какъ на борьбу правительства съ парламентами, къ которымъ сочувствія не питалъ, и оставался спокоенъ. Но оцѣнить выгоды новаго порядка можно было только въ его примѣненіи, а между тѣмъ отправленіе правосудія пріостановилось въ королевствѣ. Сановники, изъ коихъ должна была составиться новая палата, упорно отказывались участвовать въ ней. Въ Парижѣ стали проявлять себя низшіе элементы мятежа, поощряемые подъ рукой. „Магистратура, говоритъ Мармонтель (IV,

25), выдвинула чернь на свою защиту, и безнаказанно чинились на глазахъ полиціи дерзкія явленія своевольства". О волненіяхъ въ эту эпоху Безанваль говоритъ (*Mém.* I, 41): „Легко представить себѣ какъ эти событія увеличивали народное волненіе, раздуваемое парламентскими. Покупенія были пропорціональны раздраженію и въ особенности безнаказанности. Тщетно стража стремилась противостать безпорядкамъ. Чернь болѣе многочисленная, чѣмъ стража, не только брала надъ нею верхъ, но и обходилась съ ней чрезвычайно дерзко. И такъ какъ было предписано не употреблять оружія, то ей оставалось бѣгство. Такая слабость увеличивала дерзость черни, которая начала наладать на стражу, выгонять ее съ гаултвахтъ въ разныхъ мѣстахъ Парижа и разрушать ихъ".

ГЛАВА ТВОРАЯ.

Увлеченія провинцій и сословій. Уступка правительства.

I.

Сторону парламентовъ приняли нѣкоторыя провинціальныя дворянства во имя мѣстныхъ привилегій. Въ провинціяхъ разыгрались сцены мятежа, предвѣстники революціи. Особенно характеристичны явленія въ шумной Бретани. Бретань принадлежала къ привилегированнымъ провинціямъ, имѣла сословныя собранія; ея крикливое и бурливое дворянство ревниво дорожило привилегіями и охотно вступало въ борьбу за ихъ охраненіе.

Эпоха сословныхъ собраній здѣсь всегда была весьма шумною. „Обѣдали, описываетъ Шатобріанъ (Chateaubriand, *Mém d'outre-tombe* II, 11), у коменданта, обѣдали у предводителя дворянства (président de noblesse), обѣдали у предсѣдателя собраній духовенства, обѣдали у главнаго казначея (trésorier des états), обѣдали у интенданта провинціи, обѣдали у президента парламента. И пили!.. Дворяне, присутствовавшіе на собраніи, очень напоминали польскіе сеймы". Госпожа Севинье такъ описывала подобные съѣзды своего времени: „„Безчисленное множество подарковъ, пенсій, поправокъ дорогъ и „городовъ, пятнадцать или двадцать большихъ обѣдовъ, постоянная „игра, вѣчные балы, спектакли, опера разъ въ недѣлю, великое ще„гольство—вотъ сословный съѣздъ (voilà les états). Я забыла триста „или четыреста выпитыхъ боченковъ пива""!

„Бретанское дворянство, разсказываетъ Шатобріанъ, бывшій очевидцемъ событій, безъ разрѣшенія собралось въ Ренѣ (въ концѣ

мая 1788) чтобы протестовать противъ учрежденія cour plénière. Я отправился на этотъ сеймъ. Это было первое въ моей жизни политическое собраніе, на которомъ я присутствовалъ. Я былъ ошеломленъ и забавлялся криками, какіе слышалъ. Взлѣзали на столы, на кресла, жестикулировали, говорили всѣ разомъ. Маркизъ Тремерга (Trémergat на деревяшкѣ кричалъ голосомъ ментора: „Пойдемте всѣ къ коменданту Тіару (Thiard); скажемъ ему: Бретанское дворянство пришло къ вамъ и хочетъ говорить съ вами; самъ король не отказалъ бы ему въ томъ". Тирада встрѣчена громкимъ *браво*. Маркизъ началъ опять: „Самъ король не отказалъ бы намъ въ этомъ". Крики и топанье удвоились. Мы отправились къ графу Тіару, человѣку придворному, эротическому поэту, человѣку мягкаго и легкомысленнаго характера, смертельно скучавшему нашимъ гвалтомъ. Онъ смотрѣлъ на насъ какъ на кабановъ или дикихъ звѣрей. Горѣлъ желаніемъ скорѣе покинуть нашу Арморику и не имѣлъ ни малѣйшаго желанія закрыть предъ нами двери своего жилища. Ораторъ нашъ высказалъ что хотѣлъ, послѣ чего состоялась наша декларація: „Объявляемъ безчестными всѣхъ, кто рѣшится принять мѣста въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ или въ управленіи, несогласованныхъ съ конституціонными законами Бретани (lois constitutives de la Bretagne)". Двѣнадцать дворянъ были избраны отвезти этотъ документъ королю. По прибытіи ихъ въ Парижъ, ихъ заключили въ Бастилію, откуда они скоро вышли съ ореоломъ геройства, были приняты по возвращеніи съ лавровыми вѣтвями. Мы носили тогда широкія перламутровыя пуговицы съ надписью вокругъ по-латыни: „лучше смерть чѣмъ безчестіе". Мы торжествовали надъ дворомъ, надъ которымъ весь свѣтъ торжествовалъ, и летѣли вмѣстѣ съ нимъ въ ту же пропасть".

На мѣсто арестованныхъ двѣнадцати депутатовъ дворянство выслало новыхъ, уже нѣсколько десятковъ. Со свойственною правительству непослѣдовательностію эти были приняты. О представленіи, какое повергалось на воззрѣніе короля, можно судить по слѣдующему отрывку:

„Министры вашего величества развернули въ городахъ нашихъ всѣ аппараты войны, подняли громкій голосъ деспотизма, заглушили голосъ законовъ. Они мнили, что страхъ принудитъ насъ къ молчанію: они ошиблись... Голосъ общественнаго мнѣнія, имѣющій болѣе силы велѣнія чѣмъ голосъ министровъ и королей, заклеймилъ впередъ всякаго, кто приметъ мѣсто въ этой новоустроенной палатѣ (cour plénière) и въ трибуналахъ не признаваемыхъ націей, установленныхъ противъ всѣхъ законовъ, основанныхъ на развалинахъ истинной магистратуры... Ваши министры обманули васъ, государь: они преступны. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, вашимъ подданнымъ достаточно

противопоставить министерское поведеніе характеру монарха, котораго они обожаютъ“ (Eggers, IV, 171).

Отвѣтъ короля депутатамъ Бретани 10 іюня 1788 года былъ таковъ (Eggers, IV, 181): „Я чрезвычайно недоволенъ происшедшимъ въ Ренѣ. Прокуроръ-синдикъ осмѣлился возставать противъ моихъ эдиктовъ, даже еще не зная ихъ, и клевещетъ на заключающіяся въ нихъ распоряженія. Дворяне собрались въ значительномъ числѣ безъ моего позволенія, и это отсутствіе полномочія еще малѣйшій изъ недостатковъ ихъ собранія. Коммиссія позволила себѣ шаги, которые назову только необдуманными и непочтительными. Члены парламента, не довольствуясь протестомъ противъ эдиктовъ, въ такой мѣрѣ, вопреки моему повелѣнію, умножили свои собранія и дѣйствія неповиновенія, что я нашелся вынужденнымъ ихъ разсѣять и не могу имъ дозволить возвратиться въ ихъ собственномъ интересѣ... Сообщите вашимъ согражданамъ, что снисходительность короля имѣетъ предѣломъ моментъ, когда начинаетъ грозить опасность общественному порядку“.

Беарнское дворянство также протестовало, въ сепаратистскомъ духѣ, по поводу учрежденія cour plénière (Eggers, IV, 160). „Неожиданный ударъ въ одинъ день поразилъ все королевство. Вѣрные подданные всѣ удивлены и огорчены... Внезапное разрушеніе трибуналовъ, правительственныя кары, прекращеніе правосудія, что иное могутъ видѣть во всемъ этомъ ваши народы, какъ не желаніе министровъ вашего величества разрушить основные законы государства? Государь, народы должны были существовать прежде королей: есть необходимо нѣкоторый договоръ между государями и народами. У Беарнскаго народа общаго съ провинціями вашего королевства одно: счастіе жить подъ вашимъ правленіемъ. Общія повелѣнія по королевству не относятся до нашей страны: здѣсь они не имѣютъ силы. Мы не должны принимать ихъ отъ отдаленнаго трибунала чуждаго странѣ и ея конституціи“.

Представители сословій въ Провансѣ, въ свою очередь, говорили: „Новая система законодательства, поддержанная страшнымъ аппаратомъ власти, внесенная въ сводъ по высшему повелѣнію, то-есть безъ свободнаго обсужденія, присоединяетъ насъ ко Французскому королевству въ качествѣ не болѣе какъ простой его провинціи“. Представленіе заключается просьбой немедленнаго созыва сословныхъ представителей.

Въ Дофине, въ Гренобле, происходили событія подавшія поводъ къ сценамъ самаго скандальнаго свойства. Дворяне, собравшись 11 мая, чрезъ три дня послѣ опубликованія эдиктовъ, постановили отправить депутацію къ королю и просить отмѣны эдиктовъ, возстановленія сословныхъ собраній (états particuliers) въ Дофине и созыва сословныхъ представителей королевства. Члены парламента, не имѣя доступа въ залы палаты, уже запертыя, собрались у своего президента и составили протестъ, оканчивавшійся словами: „Надо же наконецъ показать имъ (министрамъ) что можетъ великодушная нація, которую они хотятъ заковать въ цѣпи“. Пришли именные приказы предписывавшіе членамъ парламента выѣхать изъ города въ свои имѣнія. Въ городѣ началось волненіе. Лавки заперли, на всѣхъ колокольняхъ забили въ набатъ, толпы собрались на улицахъ, осадили жилище военнаго начальника (герцога Клермонъ-Тоннера) и несмотря на довольно сильные отряды войскъ ворвались во дворъ. Герцогъ появился у окна, уговаривая толпу, но тщетно. На звукъ набатовъ сбѣжались тысячи изъ предмѣстьевъ. Дворъ, садъ, домъ военачальника наполнились народомъ. Погреба разбиты, мебель переломана и летитъ въ окна. Герцога схватили за шиворотъ, топоръ поднятъ надъ его головой. Его заставляютъ подписать капитуляцію: ею онъ обязывается считать разосланные приказы недѣйствительными, возвратить ключи залы засѣданія, велѣть войскамъ,—и такъ остававшимся въ бездѣйствіи—возвратиться въ казармы. Толпа бросилась въ помѣщеніе парламента, опозоривъ его сценами пьянства и разврата (par des scènes d'ivresse et de prostitution); другіе отправились разыскивать членовъ парламента, привели кого успѣли, заставили засѣдать, украсивъ предсѣдателя вѣнкомъ изъ розъ. На другой день парламентъ составилъ протоколъ, въ которомъ, отклоняя отъ себя всякую отвѣтственность за происшедшее, заявлялъ, что только насиліе не позволило ему исполнить королевскія повелѣнія. Городское управленіе прислало благодарность отряду охранявшему домъ военнаго начальника за то, что щадилъ народъ, то-есть тому отряду который допустилъ толпу подвергнуть его начальника позорнѣйшему насилію. Вмѣстѣ съ тѣмъ требовалось удаленіе отряда Royal-marine убившаго двухъ мятежниковъ, когда въ него летѣли тысячи камней.

Такъ разсказываетъ Веберъ, прибавляя: „Читатель замѣтитъ, конечно съ грустію, какой страшный шагъ сдѣлало общее разстройство. Не только собранія дворянъ, корпораціи судебныхъ сановниковъ находятся въ состояніи противленія власти, но и часть арміи представляетъ распущенность близкую къ мятежу. Тамъ набиваютъ пепломъ дула ружей; здѣсь офицеръ допускаетъ въ ряды солдатъ публичныхъ женщинъ, безстыдствомъ связывающихъ ихъ дѣятельность. Одному отряду приказъ стрѣлять былъ данъ унтеръ-офицеромъ, а офицеръ тому противился. Солдаты тогда еще не безъ удивленія слышали слова, къ которымъ потомъ привыкли: „неужели будете стрѣлять въ братьевъ?“ Съ этой минуты стало несомнѣнно, что посылать въ волнующійся городъ войска значило скорѣе испытывать вѣрность солдатъ, чѣмъ приводить въ повиновеніе подданныхъ“.

II.

Парламенты были въ борьбѣ съ правительствомъ. Дворяне въ мѣстностяхъ гдѣ пользовались нѣкоторыми политическими правами принимали сторону парламентовъ. Архіепископъ-министръ разсчитывалъ на поддержку духовенства. Въ іюнѣ 1788 года созвано было въ Парижѣ общее собраніе духовенства, въ надеждѣ получить отъ него субсидію въ формѣ don gratuit. Финансовыя отношенія духовенства къ государству были весьма неправильныя. Оно само дѣлало раскладку приходившихся на его долю государственныхъ повинностей, не допускало оцѣнки своихъ имуществъ, съ которыхъ получало до 180 милліоновъ дохода, и съ давнихъ поръ считалось обязаннымъ вносить въ казну до 10 милліоновъ. Но это было только номинально, благодаря хитро придуманной системѣ *don gratuit*. На собраніяхъ происходившихъ каждыя пять лѣтъ дѣлались постановленія о такомъ *поднесеніи*. Чтобъ образовать сумму, приносимую какъ бы въ даръ королю, духовенство дѣлало займы и проценты по нимъ вычитало изъ 10 милліоновъ своихъ повинностей. Въ 1787 году такой долгъ духовенства возросъ до 160 милліоновъ и оно уплачивало около семи милліоновъ процентовъ, такъ что въ казну приходилось три милліона, изъ которыхъ король платилъ пенсіи священникамъ, суммы на больницы и духовныя учрежденія. Въ концѣ концовъ выходило, что духовенство при громадныхъ имуществахъ не только ничего не платило казнѣ, но обходилось ей болѣе чѣмъ въ милліонъ ливровъ. (Заимствуемъ этотъ разсчетъ у маркиза Булье: *Мет*, 44).

И духовенство обратилось противъ правительства, высказалось противъ учрежденія cour plénière и за созваніе сословныхъ представителей. Мягко и лукаво выступило оно въ своемъ представленіи отъ 15 іюня 1788: „Когда первое сословіе въ государствѣ, говорило оно, одно можетъ возвысить голосъ, когда общественный крикъ (la cri public) побуждаетъ его принести къ подножію короля общее желаніе всѣхъ другихъ, когда предписываютъ ему это и національный интересъ и его рвеніе на службу вашему величеству, нѣтъ особенной славы говорить, но было бы постыдно молчать. Наше молчаніе было бы преступленіемъ, котораго нація и потомство намъ никогда не простили бы.“ Духовенство входитъ за тѣмъ въ историческія подробности о cour plénière, какъ одной общей палатѣ для всего государства, указываетъ на особыя условія и нравы провинцій и крайнія неудобства новаго учрежденія, и переходитъ къ главному предмету— собранію сословныхъ представителей. „Соберите, государь, націю и вы будете непобѣдимы... Любовь къ вамъ вашего народа и національный духъ суть неисчерпаемыя чувствованія... Ваше величество найдете среди сословныхъ представителей вѣрныхъ подданныхъ, одушевленныхъ тою античною гордостію, которая никогда послѣ пораженія не хотѣла слышать о мирѣ... Духовенство вашего королевства простираетъ къ вашему величеству умоляющія руки. Трогательно и прекрасно видѣть, когда сила и могущество уступаютъ мольбамъ.“

Предъ всеобщностію требованій рѣшено уступить. Отвѣтъ короля заключалъ въ себѣ обѣщаніе собрать представителей и среди ихъ приступить къ совершенію великаго дѣла возрожденія королевства.

Духовенство (Eggers, IV, 308) отвѣчало въ новой меморіи 25 іюля 1788: „Ваше величество хотите посреди собранія сословныхъ представителей обезпечить свободу и счастіе народовъ. Такое благородное чувствованіе могло выдти лишь изъ великой души. Да пошлетъ небо намъ скорѣе насладиться его счастливыми послѣдствіями. Всѣ права будутъ уважены, всѣ части государственнаго тѣла приведены во взаимное равновѣсіе, направляемыя вашею мудростію. Тронъ заблещетъ новымъ блескомъ... Франція, сильная своимъ древнимъ государственнымъ строемъ (forte de son ancienne constitution), удержитъ свое положеніе во вселенной и поведетъ страну на враговъ.“ Надо замѣтить, что политическое значеніе Франціи быстро упало въ послѣднее время предъ революціей и, напримѣръ, въ вопросѣ о голландскихъ столкновеніяхъ оказалось весьма слабымъ.

III.

Декретомъ 8 августа 1788, созывъ сословныхъ представителей въ маѣ 1789 года былъ объявленъ всенародно Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовала равносильная отмѣнѣ отсрочка неосуществленнаго еще учрежденія. „Его величество, сказано въ декретѣ, рѣшилъ пріостановить учрежденіе cour plénière до собранія сословныхъ представителей и подождать, относительно существованія этого учрежденія, состава его и предѣловъ власти, представленій, какія могутъ быть сдѣланы собраніемъ.“ Такъ мотивировано отступленіе (Eggers, IV, 324). Въ надеждѣ угодить мнѣнію прибавлено: „Его величество не допуститъ, чтобы какая-либо изъ отдѣльныхъ корпорацій перешла границы ей предписанныя въ то время, когда ему угодно *вновь вручить націи вполнѣ пользованіе тѣми правами, какія ей принадлежатъ*.“ Революціонная доктрина торжественно признана королемъ. Незадолго предъ тѣмъ съ цѣлью также польстить мнѣнію, правительство обратилось къ содѣйствію общества и печати побуждая (постановленіе совѣта 5 іюля 1788) къ собиранію и доставленію свѣдѣній и соображеній, касательно прежнихъ собраній сословныхъ представителей и напалуч-

шаго устройства предстоящаго собора. Но и такое рѣшительное вступленіе на путь угожденія мнѣнію не могло уже поправить положеніе Бріена. Дни его были сочтены. Финансовое положеніе оставалось затруднительнымъ, и когда при срокѣ платежей пришлось объявить родъ банкротства, постановивъ уплачивать ренту на двѣ пятыя монетой и на три пятыя бумажными обязательствами, общее неудовольствіе разразилось съ неудержимою силой. Представился одинъ исходъ. Въ интимныхъ совѣтахъ двора рѣшено уволить Бріена и призвать къ управленію финансами популярнаго Неккера. „Я былъ, говоритъ Неккеръ, призванъ въ Версаль. Король пожелалъ меня видѣть въ кабинетѣ королевы и въ ея присутствіи. Въ великой добротѣ своей онъ испытывалъ нѣкоторое смущеніе, такъ какъ въ прошломъ году онъ меня выслалъ. Я говорилъ ему только о моей преданности и моемъ почтеніи. Съ этой минуты я вновь занялъ то мѣсто моего монарха, какое имѣлъ въ прежнее время.“ (*De la rév.*, I, 43).

За отставкой Бріена послѣдовала отставка Ламуаньйона, ненавистнаго парламентамъ. Послѣдній недолго пережилъ паденіе. Парламентская ненависть преслѣдовала его въ семьѣ. Благодаря ей, разстроилась свадьба его сына. Разбитый духомъ, Ламуаньйонъ кончилъ жизнь самоубійствомъ въ маѣ 1789 года.

Неккеръ возвратился. Восторгамъ не было, казалось, конца. Онъ вернетъ обиліе, онъ надежда націи, злые геніи бѣгутъ при его видѣ. Не успѣлъ онъ вступить, его уже поздравляютъ со счастливою администраціей. Ему посвящаются оды; портреты его всюду, на табакеркахъ, даже на луговицахъ. Городъ даетъ праздникъ и переименовываетъ одну изъ улицъ въ улицу Неккера. Выбито до четырнадцати медалей въ его честь. (Challamel, *Hist.-Musée de la rév. fr.* Paris, 1857, 17). Фейерверки, иллюминаціи. „Въ Гренобльѣ курьеръ привезшій великую новость прибылъ днемъ. Жители, не дождавшись ночи, зажгли иллюминацію.“ (*Droz*, 216).

Низшій судейскій людъ и чернь ознаменовали восторги по случаю паденія Бріена и Ламуаньйона сценами скандала и буйства. „Изображенія архіепископа Санскаго и Ламуаньйона, пишетъ Безанваль (*Mém.*, 349), были сожжены. Площадь Дофина походила на поле битвы по громадному числу постоянно бросаемыхъ петардъ. На Pont Neuf останавливали экипажи и проходящихъ, заставляли становиться на колѣни предъ статуей Генриха IV. Женщины освобождались отъ этой церемоніи, но и мущины и женщины должны были кричать: да здравствуетъ Генрихъ IV, къ чорту Ламуаньйона! Случалось, что у проходящихъ брали деньги подъ предлогомъ покупки ракетъ. Затѣяли устроить похороны Ламуаньйона. Отъ Pont Neuf потянулись вереницей два ряда факельщиковъ и направились къ Гренельской улицѣ, гдѣ былъ домъ хранителя печатей: хотѣли поджечь его. Одинъ

изъ моихъ людей находившійся въ толпѣ слышалъ этотъ заговоръ и побѣжалъ увѣдомить людей Ламуаньйона. Тотъ потребовалъ военную силу изъ Дома Инвалидовъ, и когда скопище приблизилось командовавшій офицеръ говорилъ съ такимъ жаромъ и угрозами, что произвелъ дѣйствіе. Все отхлынуло къ дому Бріена (графа) на улицѣ Св. Доминика, также съ намѣреніемъ произвести пожаръ. Графъ Бріенъ, только что вернувшійся домой, видя происходящее, бросился въ Домъ Инвалидовъ. Посланъ отрядъ, и тогда какъ онъ входилъ съ одной стороны улицы, съ другой подоспѣлъ отрядъ Французскихъ гардовъ, получившихъ приказъ прекратить обнаружившіеся безпорядки. Командовавшій отрядомъ сержантъ подвергся оскорбленіямъ, получилъ даже ударъ; онъ двинулъ отрядъ на толпу которая не могла убѣжать, встрѣтивъ отрядъ изъ Дома Инвалидовъ. Нанесены были удары штыками, были убитые и раненые. Пока эта сцена происходила въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ, болѣе кровавая разыграсась на улицѣ Меле (Meslée), гдѣ жилъ Дюбуа, командиръ внутренней стражи, противъ котораго какъ и противъ его команды была озлоблена чернь. Съ Pont Neuf большая толпа двинулась къ площади Дофина съ намѣреніемъ истребить всѣхъ стражниковъ, кто попадется, и сжечь домъ Дюбуа. Увѣдомленный вовремя, онъ далъ приказъ командѣ скрыться въ домахъ улицы Меле. На своемъ дворѣ поставилъ конную стражу, и когда толпа наполнила улицу выдвинулъ пѣшихъ стражниковъ со штыками изъ домовъ, тогда какъ отрядъ двинулся прямо на толпу съ саблями. Этимъ онъ спасъ себя и свой домъ, но много было раненыхъ и убитыхъ.“

Много убитыхъ, это повидимому преувеличеніе, основанное на слухахъ.

Любопытно какъ отнесся къ этимъ сценамъ парламентъ. „Парламентъ, говоритъ Салье (приведено въ мемуарахъ Мирабо, V, 161), счелъ обязанностію собрать свѣдѣнія о происшедшемъ, и первое послѣ того собраніе его обратилось въ возданіе почестей черни. Ничѣмъ не оправдываемое безпорядочное волненіе, сцены крайняго буйства (scènes de brigandages) представились невинными въ глазахъ парламента, и обвиняемыми явились полицейскіе офицеры и военные начальники. Декламаціи вожаковъ партіи были повторяемы судебными сановниками. Они говорили, какъ бы въ священномъ негодованіи, о преступной стрѣльбѣ въ народъ, о неизвѣстномъ, но надо де думать, громадномъ числѣ убитыхъ и раненыхъ. Рисовали картины какъ солдаты будто бы не усмиряли мятежныхъ, а безразлично набрасывались на всѣхъ проходящихъ и т. д. Послѣдствіемъ этихъ рѣчей былъ призывъ къ рѣшеткѣ парламента полицеймейстера (lieutenant de police) и командира внутренней стражи (commendant de guet). Ихъ призвали среди засѣданія. Народъ, наполнявшій залы, нагло ли-

ковалъ. Призванные чиновники были оскорбляемы при проходѣ, надо было тайно проводить ихъ изъ засѣданія, чтобы спасти отъ ожидавшихся оскорбленій при выходѣ. Парламентъ заключилъ засѣданіе постановленіемъ подвергнуть разслѣдованію не сборища и мятежныя дѣйствія, но превышеніе власти со стороны полиціи и внутренней стражи. Другимъ постановленіемъ, болѣе благоразумнымъ, воспрещались сборища и пусканіе ракетъ. Но чтобы не потерять расположенія толпы, въ томъ же постановленіи прибавлено увѣщаніе полиціи обращаться съ народомъ гуманно, благоразумно и умѣренно. Народъ такъ хорошо понялъ постановленіе, что сборища и шумныя выраженія восторговъ продолжались попрежнему, полиція и стража были правильно каждый вечеръ оскорбляемы".

Наступила послѣдняя зима старой Франціи. Хлѣбъ былъ дорогъ, такъ какъ лѣто 1788 года было несчастно для земледѣлія: страшный градъ опустошилъ множество мѣстностей. На дворѣ стояли большіе холода; много дней держалась температура семнадцать градусовъ мороза. За то никогда благотворительность не достигала такихъ значительныхъ размѣровъ. Еще лѣтомъ была обильная подписка для пострадавшихъ отъ града. Французскій Театръ, Опера, Италіянскій Театръ давали представленія въ пользу потерпѣвшихъ. Зимой герцогъ Орлеанскій, искавшій всячески популярности, учредилъ даровую раздачу хлѣба въ разныхъ приходахъ и устроилъ для холодныхъ дней костры на площадяхъ; о бокъ со своимъ дворцомъ устроилъ двѣ даровыя кухни. Архіепископъ Парижскій Жюинье (Juigné), не только потратившій весь свой доходъ, но и вошедшій въ долги, чтобы помогать бѣднымъ, еще усилилъ свою благотворительность. Король приказалъ сдѣлать порубки въ прилежащихъ къ Парижу лѣсахъ и раздавать даромъ дрова, носилъ дырявые башмаки и позволялъ себѣ проигрывать не болѣе экю въ триктракъ.

Въ высшемъ кругѣ увеселенія шли своимъ чередомъ. По случаю холода вошли въ особую честь муфты, и франты прогуливались, неся на себѣ, по капризу тогдашней моды, по двое часовъ и скрывая руки въ громадныхъ муфтахъ. Игра достигла крайнихъ предѣловъ: мущины и женщины ночи проводили въ игорныхъ притонахъ высшаго тона, носившихъ наименованіе *ада*. Карнавалъ былъ продолжительный и блестящій. Шелковыя кофты (caracos de satin), китайскіе башмачки, бархатные панталоны, фраки съ цвѣтною подкладкой, пряжки aux noeds d'amour и aux coquilles, рединготы и двойные воротники дѣлали фуроръ (Challamel, *Hist.-Musée*, I, 22).

Но крушеніе приближалось. Точно предвидя грядущіе ужасы, одинъ проповѣдникъ, бывшій іезуитъ, отецъ Борегаръ (Beauregard), произнесъ Великимъ Постомъ съ церковной каѳедры замѣчательныя слова, которыя чрезъ четыре года кощунство Гебера и Шометта, съ богинеи разума въ храмѣ Парижской Богоматери, обратило въ удивительное пророчество. „Да, Господи, воскликнулъ онъ, Твои храмы будутъ расхищены и разрушены, Твои праздники уничтожены, хула пронесется на имя Твое, служеніе Тебѣ будетъ преслѣдоваться. Но что̀ слышу я, великій Боже? Что̀ вижу? Святыя лѣснопѣнія, потрясавшія священные своды въ честь Тебя, замѣнены мерзостными и безстыдными лѣснями! И ты, мерзостное божество язычества, мерзостная Венера, дерзко занимаешь мѣсто Бога живаго, садишься на престолъ гдѣ святая святыхъ. Тебѣ курятъ ѳиміамъ твои новые обожатели" (Lacretelle, *Hist. de France*, VII, 11. Paris 1821).

ОЧЕРКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

НАКАНУНѢ СОБРАНІЯ СОСЛОВНЫХЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Правительственныя распоряженія.

I. Неприготовленность правительства.—II. Обращеніе къ печати.—III. Нѣсколько замѣчаній о значеніи свободы печати вообще — IV. Брошюра Сіеса.—V. Собраніе нотаблей. — VI. Письмо Калона. — VII. Роль Неккера.

I.

Перенесемся мыслію къ осени 1788 года, въ эпоху паденія Бріена и вступленія Неккера. Рѣшено собраніе сословныхъ представителей. Но кто будутъ призваны, какая ихъ задача, что будутъ они дѣлать и что должны сдѣлать? Въ эпоху объявленія о созывѣ всѣ эти вопросы были въ великомъ туманѣ. Всѣ произносили желанное и роковое слово—états généraux,—но ни въ правительствѣ, ни въ обществѣ никто еще не представлялъ себѣ съ ясностію чѣмъ должно быть это собраніе. Послѣднее собраніе было въ 1614 году и было неудачно. Нечего было думать, чтобы порядки начала XVII вѣка могли удовлетворить общественному возбужденію конца XVIII. Ожидаемое собраніе должно было представить собою нѣчто совершенно иное, высшее. Но что именно? „Никогда, говоритъ Неккеръ о эпохѣ своего вступленія въ министерство, не приходилось подвергать разбору предметы столь великой важности въ столь краткій промежутокъ времени. Предметы эти были *абсолютно новы для всѣхъ* людей эпохи, въ томъ числѣ и для министровъ. Если они, прибавляетъ Неккеръ, совершили какія ошибки, то могутъ справедливо предъявить свои права на снисхожденіе“ (*De la rév.* I). О политическомъ преобладаніи средняго сословія нѣтъ еще и мысли. Скорѣе рождалась мысль о преобладаніи привилегированныхъ классовъ; ихъ оппозиція главнымъ образомъ

заботила правительство, и оно хотѣло опереться на народъ въ смыслѣ средняго класса; но вмѣсто народа всею силою своей выдвинуло, какъ увидимъ, тотъ революціонный классъ, который мы назвали интеллигентнымъ разночинствомъ.

Въ путешествіи Англичанина Йонга, посѣщавшаго Францію въ 1787, 1788 и 1789 годахъ, встрѣчаемъ любопытную страницу, гдѣ подъ впечатлѣніемъ видѣннаго и слышаннаго имъ осенью 1787 года, въ эпоху когда зрѣла мысль о созывѣ представителей, онъ высказываетъ (I, 213), что собраніе сословныхъ представителей можетъ повести къ вящему преобладанію привилегированныхъ классовъ. Въ октябрѣ 1787 года Йонгъ въ Парижѣ обѣдалъ въ одномъ обществѣ. Разговоръ былъ исключительно о политикѣ. „Во всей компаніи было одно мнѣніе, а именно, что находимся наканунѣ какого-нибудь великаго переворота въ правительствѣ (quelque grande révoluti on dans le gouvernement). Безпорядокъ въ финансахъ чрезвычайный. Оказался дефицитъ, который нельзя пополнить безъ собранія сословныхъ представителей. *И между тѣмъ нѣтъ никакой опредѣленной идеи о послѣдствіяхъ такого собранія.* Нѣтъ министра, неизвѣстно никого и внѣ министерства, кто обладалъ бы достаточнымъ талантомъ, чтобы предложить какое-либо средство кромѣ палліативныхъ. На престолѣ государь съ прекрасными намѣреніями, но недостаточно способный, чтобы въ подобныя минуты править безъ министровъ. Дворъ погруженный въ удовольствія и расточительность только прибавляетъ затрудненій.... Великое броженіе въ умахъ, жадное желаніе перемѣнъ безъ знанія чего собственно хотятъ, на что могутъ надѣяться; сильныя дрожжи свободы, накопившіяся съ эпохи американской революціи, все это образуетъ соединеніе обстоятельствъ грозящее взрывомъ, если какой-нибудь искусный человѣкъ высшихъ талантовъ и мужества не станетъ у кормила дѣлъ, чтобы направлять событія вмѣсто того, чтобъ уноситься ихъ потокомъ... Всѣ согласны, невозможно, чтобы собраніе представителей не привело къ увеличенію свободы. Но я встрѣтилъ очень мало людей имѣющихъ истинное понятіе о свободѣ, такъ что не знаю какой родъ свободы изъ этого выйдетъ. Они не умѣютъ оцѣнивать привилегіи народа. Что же касается духовенства и дворянства, то *если революція еще увеличитъ ихъ преобладаніе*, то думаю, что отъ этого будетъ болѣе вреда чѣмъ пользы“.

Помѣщая эти строки въ своемъ сочиненіи, Йонгъ дѣлаетъ примѣчаніе (отъ 20 іюня 1790) что приводитъ ихъ дабы показать настроеніе мнѣнія во Франціи предъ революціей и какъ доказательство того, какъ мало еще предвидѣлись событія. Годъ прошелъ въ борьбѣ привилегированныхъ классовъ съ правительствомъ. Сужденія осени 1787 года едвали много отличались отъ сужденій осени 1788. Но въ послѣдующіе девять мѣсяцевъ правительствомъ причиненное возбужде-

ніе общественнаго мнѣнія пустило въ оборотъ массу новыхъ понятій и чаяній. Какъ еще мало политическая жизнь была развита въ среднихъ общественныхъ кругахъ, особенно провинціальныхъ, даже когда революція была уже въ разгарѣ, о томъ свидѣтельства встрѣчаемъ у того же Ионга. Въ августѣ 1789 года, находясь опять во Франціи, онъ былъ въ Муленѣ (Moulins) и удивлялся, что въ главномъ городѣ большой провинціи, мѣстолребываніи интенданта, въ самой посѣщаемой кофейной, „скорѣе можно было найти слона чѣмъ газету". Содержатель сказалъ ему, что не держитъ журналовъ потому что дороги. Въ Клермонѣ около того же времени онъ „обѣдалъ нѣсколько разъ за общимъ столомъ въ обществѣ двадцати или тридцати негоціантовъ, купцовъ, офицеровъ и т. под.... И почти ни слова о политикѣ въ моментъ, когда всѣ сердца должны бы были биться политическими чувствованіями".

Есть письмо Мирабо, знакомящее съ ожиданіями, какія революціонные вожди имѣли въ августѣ 1788 года по отношенію къ собранію представителей, котораго такъ добивались. 16 августа онъ писалъ къ книгопродавцу Ливро (Livrault) въ Страсбургъ (*Mém*, V, 187): „Нельзя сомнѣваться что сословные представители будутъ собраны. Какъ иначе, спрашиваю васъ, заплачено было бы 1 мая 1789 года? Съ правительствомъ случилось то, что я ему столько разъ предсказывалъ: *если вы не хотите ихъ пѣшкомъ, верхомъ пріѣдутъ* (si vous ne les voulez pas à pied, ils viendront à cheval). Стараясь удалить срокъ, правительство приблизило его до торопливости. И это отзовется. Что будутъ они дѣлать? Конечно, массу глулостей. Но не бѣда. Націи какъ дѣти растутъ съ крикомъ, слазмами въ животѣ, прорѣзываньемъ зубовъ. Первый созывъ сословныхъ представителей будетъ шуменъ, пойдутъ слишкомъ далеко; второй пойдетъ болѣе увѣреннымъ шагомъ, а третій завершитъ конституцію. Не будемъ уклоняться отъ потребности создать ее въ цѣломъ составѣ. Пусть все будетъ сегодня справедливо, завтра все будетъ законно (que tout soit juste aujourd'hui, tout sera legal demain). Въ особенности станемъ остерегаться учености. Нечего смотрѣть на то что было сдѣлано, поищемъ что надо сдѣлать и не станемъ предпринимать слишкомъ многаго. Согласіе націи на налоги и займы, гражданская свобода, періодичность представительныхъ собраній. Вотъ три капитальные пункта которые должны покоиться на точномъ объявленіи національныхъ правъ; остальное придетъ. Что касается моихъ личныхъ взглядовъ, я скажу вамъ точно. Война съ привилегированными и съ привилегіями, вотъ мой девизъ. Привилегированные полезны противъ короля, но никуда не годны противъ націи. Никогда наша не пріобрѣтетъ общественнаго духа, пока отъ нихъ не освободится. Вотъ почему мы должны оставаться ревностными монархистами, и я лично буду таковымъ *. И правду сказать — чѣмъ была бы республика составленная изъ всяческихъ аристократій насъ гложущихъ? Очагомъ самой дѣятельной тиранніи".

Вотъ какая сила приписывалась еще Мирабо привилегированнымъ классамъ. Торжество надъ ними, такъ легко потомъ достигнутое, казалось возможнымъ лишь чрезъ соединеніе короля съ среднимъ классомъ, точка зрѣнія вскорѣ усвоенная правительствомъ.

„Вы убѣдитесь въ томъ, прибавляетъ Мирабо, по той внутренней борьбѣ какая будетъ ложирать собраніе сословныхъ представителей, особенно если правительство будетъ упорствовать, чтобъ оно не было многолюдно. Восемьсотъ человѣкъ (ниже этого числа не можетъ быть представительство достойное французской націи) можно направлять легче чѣмъ тридцать. Пять или шесть человѣкъ будутъ заправлять стадомъ какъ оно ни велико. Если оно мало, то частные раздоры будутъ имѣть болѣе значенія. Если же будетъ велико, то значеніе получитъ талантъ. И правительство можетъ, не прибѣгая къ подкупу (кого можно подкупить, такіе никогда не стоятъ быть подкупленными) пріурочить себѣ этихъ пять, шесть человѣкъ".

Замѣчательно что можетъ-быть революціоннѣе всѣхъ смотрѣло на дѣло собранія правительство. Въ іюнѣ 1788 года духовенство препроводило свои представленія. Въ уста короля вложенъ былъ отвѣтъ заключающій въ себѣ освященіе революціонной доктрины. „Я хочу вновь (Eggers, IV, 218) довѣрить націи пользованіе правами которыя ей принадлежатъ. Я соберу ее, и не разъ, а буду собирать какъ только того потребуютъ нужды государства. Среди сословныхъ представителей, имѣя въ виду навсегда обезпечить свободу и счастіе моихъ народовъ, я совершу великое предпринятое мною дѣло возрожденія королевства и возстановленія порядка во всѣхъ его частяхъ".

Правительство объявляетъ, что предпринимается перерожденіе королевства чрезъ возвращеніе націи принадлежащихъ ей правъ. Но въ этомъ и была революціонная программа, хотя возрожденіе представлялось, конечно, и не въ той формѣ какъ мнилось королю.

II.

Началось съ того, что постановленіемъ королевскаго совѣта состоявшимся въ присутствіи Лудовика XVI, отъ 5 іюля 1788 года (Eggers, IV, 318), предпринято нѣкоторое всенародное ученое историческое изслѣдованіе о собраніяхъ сословныхъ представителей прежняго вре-

* То же писалъ Мирабо въ ноябрѣ 1788 къ герцогу Лозенскому (duc de Lauzun). „Совершенно вѣрно и можете этому повѣрить, что въ національномъ собраніи я буду самымъ ревностнымъ монархистомъ, мы глубоко сознали какъ нуждаемся мы въ томъ чтобы убить эгоизмъ министровъ и поднять авторитетъ короля".

мени. Мѣра придумана Бріеномъ и принята въ видахъ популярности. „Видя, говоритъ г-жа Сталь (*Oeuvr.* XII, 134), что его деспотическія мѣры не удаются и недовольный привилегированными классами, онъ хотѣлъ угодить націи, приглашая всѣхъ писателей выразить мнѣнія о способѣ организаціи собранія сословныхъ представителей". Мѣра эта, хотя и принятая Бріеномъ, какъ нельзя лучше подошла къ направленію и Неккера и осуществлена при его поощреніи.

Въ постановленіи совѣта 5 іюля указывается, что отъ прежняго времени сохранилось немало подробностей относительно происходившаго на собраніяхъ, но очень мало о порядкѣ созыва, числѣ и квалификаціи выборныхъ.

„По этой причинѣ его величество пожелалъ пополнить то, о чемъ умалчиваютъ старые документы, но не иначе какъ спросивъ желаніе его подданныхъ, дабы они получили полное довѣріе къ собранію истинно національному, по составу и дѣйствіямъ. А потому король повелѣлъ, чтобы возможныя изысканія были сдѣланы во всѣхъ провинціальныхъ архивахъ касательно упомянутыхъ предметовъ". Не ограничиваясь предписаніемъ офиціальныхъ розысканій, совѣтъ приглашалъ всякаго имѣющаго какіе-либо документы, касающіеся прежнихъ собраній, доводить таковые до свѣдѣнія правительства. Наконецъ, въ параграфѣ 18 постановленія значится: „его величество приглашаетъ въ то же время всѣхъ ученыхъ и образованныхъ людей его королевства и въ особенности членовъ Академіи Надписей и Словесности его добраго города Парижа препровождать къ хранителю печатей всѣ свѣдѣнія и мемуары о предметахъ упомянутыхъ въ настоящемъ постановленіи".

Это приглашеніе, такъ торжественно объявленное и сопровождавшееся допущеніемъ свободы печати, имѣло большія послѣдствія. Въ то время, когда и безъ правительственнаго приглашенія число публицистическихъ писаній быстро возрастало, правительственное поощреніе и фактическое допущеніе свободы печати удесятерили скрипъ перьевъ. Франція, по общему свидѣтельству, была наводнена брошюрами, посвященными политическимъ вопросамъ. Всяческихъ писаній по случаю предстоящаго созыва въ мартѣ 1789 года, по увѣренію нѣмецкаго *Политическаго Журнала* (*Politisches Journal*, mars 1789, Hambourg), насчитывалось громадное количество 2.700.

Калонъ хорошо понималъ значеніе этого возбужденія. Онъ говоритъ въ письмѣ королю (отъ 9 февраля 1789) когда нѣкоторыя главнѣйшія писанія, какъ напримѣръ брошюра Сіеса, еще не появились (*Lettere*, 11): „Несомнѣнно было великою ошибкой побуждать чрезъ постановленіе совѣта всѣхъ и каждаго къ сообщенію и опубликованію своихъ изслѣдованій и наблюденій о вопросахъ относящихся къ созванію сословныхъ представителей. Какъ будто правительство нуждалось въ помощи для разрѣшенія воображаемыхъ трудностей, существующихъ только для тѣхъ, кто не умѣетъ принять рѣшеніе. Такое приглашеніе никогда небывалое вложило перо въ руки цѣлой толпы писателей и писакъ (une foule d'écrivains et d'ecrivailleurs), возмнившихъ себя уполномоченными поучать націю и выдававшихъ свои политическія мечтанія за основанія государственнаго права. Они наперерывъ одинъ передъ другимъ изощрялись въ диссертаціяхъ всякаго рода. Въ началѣ толковали о формѣ прежнихъ національныхъ собраній, затѣмъ о существѣ предметовъ ими обсуждавшихся, а далѣе о правахъ народа и о томъ что̀ предстоитъ сдѣлать его представителямъ. Начали рыться въ памятникахъ нашей исторіи дающихъ всяческій матеріалъ и нить которыхъ немногіе въ состояніи прослѣдить. Отъ нихъ перебрались къ авторамъ наиболѣе антимонархическимъ, приводили цитаты вкривь и вкось примѣняемыя, выводили слѣдствія, не выдерживающія критики. И когда ни въ исторіи, ни въ политическихъ сочиненіяхъ не нашли авторитетовъ, на которые могли бы опереть свои теоріи, нагроможденныя одна на другую до верхней ступени дерзости, кончили тѣмъ, что взяли въ основаніе исключительно отвлеченныя начала естественнаго права. Отправились къ происхожденію человѣческихъ обществъ, чтобъ утвердить понятія, какія надлежитъ имѣть нынѣ о французской монархіи! И такимъ то образомъ *въ промежутокъ какихъ-нибудь четырехъ, пяти мѣсяцевъ* „мнѣніе" сдѣлало шагъ поистинѣ невѣроятный, о которомъ иностранцы не могутъ составить понятія. Писанія безъ числа наводнили публику, такъ сказать, воспламеняясь чрезъ взаимное треніе. Многія, конечно, были продиктованы горячимъ желаніемъ общаго блага, но такъ какъ наиболѣе смѣлыя наилучше принимались толпой, то дерзость поощрялась дерзостью. Она терпѣлась, чтобы не сказать, воодушевлялась тѣми, кто должны бы были ее сдерживать, и перешла всѣ границы; произвела наконецъ такую революцію въ умахъ, что нынѣ, дабы привести какой-нибудь издаваемый памфлетъ въ тонъ ея интересующихся читателей, едва достаточно то, что̀ года два тому назадъ сочлось бы политическою ересью или чудачествомъ". Калонъ поименовываетъ рядъ брошюръ и продолжаетъ: „Ваше величество, можете усмотрѣть, что въ нихъ чинится открытое нападеніе на права короны, о правленіи чисто монархическомъ (purement monarchique) говорится какъ будто оно стыдъ человѣчества и варварство нетерпимое въ вѣкѣ столь просвѣщенномъ какъ нашъ; высказывается какъ нѣчто несомнѣнное необходимость безконечно ограничить власть французскихъ королей: они де не имѣютъ права отказывать въ созваніи представителей. Утверждается, что пришла минута передѣлать всю конституцію государства, или, точнѣе, создать таковую, такъ какъ ея де нѣтъ во Франціи: что первымъ основаніемъ

ея должно быть возвращеніе націи законодательной власти у ней похищенной, но которая принадлежитъ ей исключительно; государю слѣдуетъ де оставить много, много власть исполнительную. Наконецъ, принимая за образецъ то, что революція 1688 года произвела въ Англіи и дѣлая ложныя примѣненія переходитъ въ выводахъ своихъ далеко за предѣлы оригинала, ибо согласно этимъ новымъ законодателямъ французскіе короли относительно власти будутъ поставлены не на уровнѣ британскихъ королей, но гораздо ниже. При полномочіяхъ не болѣе обширныхъ, они для поддержки этихъ полномочій не будутъ имѣть ни помощи верхней палаты, ни другихъ принадлежностей, сохраняющихъ равновѣсіе въ конституціи, которую Французы, въ большинствѣ, знаютъ не болѣе теперь, когда ее восхваляютъ, какъ знали, когда клеветали на ея достоинства.

„Собственно говоря, *не знаютъ чего хотятъ и куда стремятся*. Слишкомъ мало образованы, чтобы составить разумный планъ. Но опасность тѣмъ еще значительнѣе. Тѣмъ болѣе угрожаютъ эти слѣпыя претензіи неспособныя породить прочный порядокъ. Съ такими вожаками мы не сдѣлаемъ конституціи, а поколеблемъ всѣ начала. Раздѣлимся, разгорячимся; число возьметъ верхъ надъ разумомъ. Идя ощупью по пути исполненномъ опасности ввергнемъ государство въ страшную пропасть. Отсутствіе плана не имѣетъ потому ничего въ себѣ успокоительнаго. Революція, которая имѣетъ свой источникъ въ неясныхъ идеяхъ, тѣмъ опаснѣе. Вотъ, государь, въ какомъ мы положеніи. Вотъ что произвело постановленіе совѣта 5 іюля 1788 года“!

Слова въ высшей степени замѣчательныя, показывающія проницательность, выходящую изъ ряда. Не забудемъ, они писаны въ началѣ февраля 1789 года, и какъ оправдались событіями!

Вотъ еще нѣсколько свидѣтельствъ, съ разныхъ сторонъ, о послѣдствіяхъ правительственнаго обращенія къ помощи печати.

Бертранъ де-Молевиль говоритъ: „Архіепископъ Санскій (Бріенъ) имѣлъ несчастіе побудить короля дать торжественное обязательство созвать въ 1789 году сословныхъ представителей. Къ довершенію безумства онъ заставилъ выдать совѣтское постановленіе, уполномочивавшее всѣхъ безъ различія писателей королевства свободно публиковать для наставленія правительству свои идеи и планы относительно способа созыва представителей, состава собранія, предметахъ сужденія и проч. и проч., какъ будто во Франціи никогда не было собранія сословныхъ представителей или какъ будто бы вопросъ шелъ объ установленіи новой формы правительства. Такова именно была цѣль тысячи памфлетовъ болѣе или менѣе возмутительныхъ, наполнившихъ столицу и провинціи“, (*Мет.* I, 34).

„Свобода печати, включая сюда періодическія изданія, замѣчаетъ Лакретель (VII, 331) была отвоевана у устрашеннаго правительства

за четыре мѣсяца предъ взятіемъ Бастиліи: этого достаточно, чтобъ объяснить взятіе Бастиліи и всю революцію.

Составители *Введенія* къ *Монитеру* (*Arch. parlem.*, I, 563), приверженцы революціи, указываютъ что „революція мнѣній и вещей“ (une révolution d'opinions et des choses), обнаружившаяся въ 1789 году, была слѣдствіемъ быстраго распространенія, въ годъ предъ переворотомъ, идей и ученій, заключавшихся въ сочиненіяхъ до того времени мало доступныхъ массамъ и остававшихся въ библіотекахъ людей достаточныхъ и образованныхъ. Авторы брошюръ „сослужили эту службу отечеству“... „Они истолковали для массъ начала Руссо, Мабли, Райналя, Дидро, Кондильяка и проч.; въ краткихъ легко понимаемыхъ разсужденіяхъ они напомнили естественныя права народовъ; тѣ коими пользовались древніе Франки, значеніе первыхъ національныхъ собраній, и искусными намеками и аллегоріями раскрыли злоупотребленія деспотизма и феодализма. Туча брошюръ вдругъ наводнила Францію, и самые важные вопросы государственнаго права быстро перешли во всѣ уста, освѣтили всѣ умы: революція съ тѣхъ поръ уже совершалась во мнѣніяхъ (fut dès lors dans les opinions)“. Это вѣрно, но весьма невѣрно утвержденіе будто авторы брошюръ „сослужившихъ службу“ обнаружили мужество, дѣйствуя „вопреки инквизиціи и цензорамъ“. Они дѣйствовали, какъ видимъ, не только благодаря снисходительной терпимости правительства, но по его приглашенію, при фактически допущенной свободѣ печати.

„Въ каждодневно появляющихся брошюрахъ и памфлетахъ, негодуетъ Салье (*Ann. Franc.* 303; цитата въ изданіи мемуаровъ Вебера. I, 261), народъ предрасполагали къ преступленію проповѣдуя ему звѣрство подъ формою шутки. Въ то же время чтобы пріучить его къ осмѣянію всего что было для него священно, для этихъ книжонокъ заимствовали заглавія и формулы отъ религіозныхъ дѣйствій. Тутъ были молебенъ средняго сословія, его евангеліе, его проповѣди, вечерни, страсти, смерть и воскресеніе. Богами и святыми новаго культа были тѣ, на кого народная партія возлагала свое довѣріе. Наиболѣе восхваленій получилъ Некеръ и улоялся ими. И король получилъ дань хваленій, къ которой не оставался нечувствительнымъ. Мораль этихъ евангелистовъ мятежа была избіеніе дворянъ и судебныхъ сановниковъ. И эта-то произведенія нечестія и разбойничества продавались публично. Эмиссары партіи раздавали ихъ даромъ народу. Книжные магазины выставляли взорамъ публики. Они безъ малѣйшаго препятствія читались въ кофейняхъ, и никто не боялся быть за нихъ обезпокоеннымъ“.

III.

Какъ-то тяжело винить правительство за то, что оно допустило и поощряло свободу слова, столь дорогую каждому мыслящему человѣку, и притомъ въ эпоху, когда все рвалось къ этой свободѣ, и она была несомнѣнно общимъ желаніемъ націи. Это видно изъ наказовъ выборнымъ: въ рѣдкомъ нѣтъ упоминанія о свободѣ печати въ ряду главныхъ народныхъ желаній.

Но не должно забывать, что въ обсужденіи важнаго и труднаго вопроса о свободѣ печати мы часто дѣлаемъ смѣшеніе, производящее немалую смуту понятій. О какомъ правѣ, о какой свободѣ идетъ рѣчь, когда говорится о свободѣ мысли и слова, какъ одномъ изъ главныхъ пріобрѣтеній, — хотя еще и оспариваемомъ,— цивилизаціи новаго времени, какъ о благѣ купленномъ великими жертвованіями, мученіями Галилея, тяжелою борьбой съ инквизиціонными гоненіями мысли, но въ полное владѣніе которымъ и до нынѣ еще не вступило человѣчество? Порывъ человѣческаго духа, на рубежѣ новой философіи въ славномъ XVII вѣкѣ, къ исканію истины путемъ естественнаго разума, все подвергающаго разсмотрѣнію, сдѣлалъ свободу изслѣдованія исходнымъ пунктомъ научнаго знанія. Для испытующаго разума нѣтъ запретныхъ областей. Онъ имѣетъ въ себѣ мѣрило истины. Полученный мною, путемъ напряженной умственной работы, выводъ, каковъ бы онъ ни былъ, хотя бы противорѣчилъ всему, что̀ принято, мнѣнію всего человѣческаго рода, имѣетъ право на нескрытое существованіе, какъ опытъ движенія въ области, гдѣ всѣ пути открыты для изысканія. Можетъ быть, выводъ мой есть заблужденіе. Опровергайте меня, но не лишайте меня права предъявить мои аргументы. Нѣтъ такого научнаго убѣжденія, которое бы возбранялось, подлежало преслѣдованію, было бы лишено права существованія. Инквизиція мысли должна быть печальнымъ преданіемъ прошлаго, ея костры, матеріальные и нравственные, потушены навѣкъ. Вотъ въ чемъ свобода мысли. Ея допущеніе обусловливается существованіемъ *убѣжденій*. Но тутъ и возникаетъ трудность, дѣлающая вещь теоретически простую на практикѣ крайне сложною. Достаточно ли того, чтобъ я сказалъ: таково мое убѣжденіе, чтобы сказанное мною чрезъ это получило значеніе свободнаго вывода пытливаго разума. А если это сознательный обманъ или легкомысленная недодуманность? Гдѣ признакъ дѣйствительнаго убѣжденія, и кто тутъ судья? И гдѣ граница со стороны государства между допущеніемъ и поощреніемъ, такъ какъ нынѣ крайне рѣдко, чтобы высказывающій былъ въ такой мѣрѣ независимымъ, частнымъ человѣкомъ, какъ былъ напримѣръ Декартъ, котораго все званіе было философъ

и высказанное имѣло исключительно теоретическое значеніе. Многоразличныя общественныя отношенія, правительственныя, наставническія и иныя обязательства, не препятствуя свободѣ изысканія, вносятъ немало ограничительныхъ условій въ свободу выраженія. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ удовлетворительно регламентировать эту свободу формальными параграфами закона. Еще ни одно законодательство не разрѣшило задачу и врядъ ли скоро разрѣшитъ, хотя составители французской конституціи надѣялись достичь цѣли нѣсколькими почерками пера. Дѣло улаживается лишь сложными условіями дѣйствительности.

Наибольшая свобода научнаго изслѣдованія въ настоящее время замѣчается въ Германіи, въ ея университетахъ, гдѣ съ каѳедры могутъ безвозбранно сообщаться всякіе результаты научнаго изслѣдованія. Условія учрежденій таковы, что дѣло становится необходимо серіознымъ, и злоупотребленія имѣютъ такую незначительную силу, что ими оказывается возможность пренебречь. Но и въ Германіи Вирховъ на ученомъ съѣздѣ счелъ не лишнимъ напомнить о благоразуміи, чтобы не нанести ударъ счастливо пріобрѣтенному пользованію свободой. Политическая печать свободнѣе всего въ Англіи; и опять потому, что злоупотребленія оказываются настолько не опасными для самой Англіи, что могутъ быть пренебрежены.

Область свободы политическихъ сужденій много еще сложнѣе, чѣмъ область свободы научнаго изслѣдованія. Теоретическій идеалъ и тутъ тотъ же: право на невозбранное существованіе каждаго независимаго, честнаго (въ смыслѣ отсутствія сознательнаго обмана) и серіознаго убѣжденія. Но въ чемъ безошибочные признаки такого убѣжденія. Какой пагубный грузъ нельзя провезти подъ этимъ флагомъ? Тулуміе по отношенію къ щекотливымъ вопросамъ свободы обыкновенно уловляется тѣмъ, что ему вывѣшиваютъ флагъ, яко бы либеральный, и оно до сути дѣла не доходитъ. Печать, и въ особенности политическая, не есть только средство выраженія свободнаго убѣжденія она есть орудіе, и крайне могущественное, пропаганды. Французскій примѣръ, нами изучаемый, есть вѣское свидѣтельство что̀ и въ какой короткій срокъ можетъ быть сдѣлано печатью для обработки общественнаго мнѣнія. Вспомнимъ быстрое движеніе у насъ въ эпоху „умиротворенія“ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ и тѣ небезуспѣшныя старанія, чтобъ оно охватило провинціальную печать, вдругъ сдѣлавшуюся предметомъ особенныхъ заботъ.

Требовать отъ правительства безучастнаго отношенія къ фабрикаціи на его глазахъ общественнаго мнѣнія, есть одна изъ капитальныхъ глупостей намъ преподаваемыхъ подъ именемъ либерализма Расписываютъ дѣло такъ: выскажутся де разныя мнѣнія, изъ ихъ столкновенія выйдетъ истина. Надо быть очень наивнымъ чтобы

ждать академической борьбы мнѣній и повѣрить газетамъ въ родѣ *Голоса*, что у нихъ непочатые короба истины, остающіеся закрытыми только по недостатку свободы слова. А ловятся и на эту удочку! Безучастное отношеніе правительства равносильно покровительству и поощренію. Требовать отъ правительства, чтобъ оно въ виду явно чинимой пропаганды не принимало зависящихъ отъ него мѣръ, значитъ требовать отъ него глупости, а не либерализма.

Эти разсужденія предполагаютъ, конечно, правительство умное и сильное. Неразумное и безсильное тѣмъ себя и выдаетъ, что дѣлаетъ неразумныя вещи.

Какъ далека отъ неприглядной дѣйствительности розовая картина свободнаго столкновенія мнѣній въ свободной политической печати, долженствующаго по теоріи вести къ непремѣнному торжеству правды, можно видѣть въ слѣдующемъ печальномъ изображеніи, набросанномъ либеральнымъ маркизомъ де-Ферьеромъ и относящемся къ 1790 году, когда политическая журналистика сдѣлалась первенствующею революціонною силой, служа звеномъ, соединившимъ двигателей мятежа съ его орудіями.

„Якобинскіе журналисты, говоритъ де-Феррьеръ, описывая положеніе дѣлъ лѣтомъ 1780 года (*Mém.*, II, 125), наводняли Парижъ и Францію зажигательными писаніями. Говорили безпрерывно о заговорахъ, аристократахъ, лигахъ иностранныхъ государствъ, вторженіяхъ на французскую территорію. Поселяли недовѣріе въ народѣ къ королю, королевѣ, министрамъ. Малуэ, Клермонъ-Тоннеръ, Виріё и другіе конституціоналисты хотѣли остановить это наводненіе клеветъ и неистовствъ. Ихъ усилія были тщетны. Когда не были въ состояніи противоположить законъ произволу, стали противополагать книжонки книжонкамъ (libelles à libelles). Журналисты раздѣлились: якобинцы, аристократы, конституціоналисты имѣли своихъ писателей. Шайка людей безъ знанія и заслугъ, покрытыхъ позоромъ, продавшихся партіямъ разрушенія, безстыдно восхвалявшихъ злодѣевъ, которые имъ платили, создала диктатуру, которою подчинила себѣ короля, національное собраніе, каждаго депутата, каждаго гражданина. Честному человѣку оставалось только завернуть голову въ плащъ и молча принимать ядовитые удары продажныхъ перьевъ. Камиль Демуленъ, Бриссо, Горса (Gorsas), Карра, Маратъ и другіе, если можно еще болѣе низкіе, были агентами комитета возстанія, который направляли вожди якобинцевъ и орлеанистовъ. Желали произвесть мятежъ—пускали неопредѣленные толки объ убійствѣ (on répandait des notions vagues d'assasinat) и съ помощію пяти, шести сообщниковъ, незамѣтно пробиравшихся въ народъ, образовывали сборища праздной и легковѣрной толпы, къ которымъ присоединялись агенты партіи. Такъ, помощію клеветъ, невѣрныхъ розказней, ссылаясь на какое-нибудь знаменитое лицо, легко смущали невѣжественную чернь, которую убійственныя писанія журналистовъ сдѣлали звѣрскою. Совѣтовали грабежъ и убійство, якобы средство остановить заговоры враговъ народа. И тогда какъ одни разгорячали умы, другіе—раздаватели денегъ — ходили между группъ. Замѣтятъ лицо отмѣченное печатью злодѣйства, начинаютъ заговаривать, разспрашивать: на васъ можно положиться. Если отвѣтитъ: вѣрный человѣкъ, ему давали двѣнадцать франковъ. Этимъ заключалось обязательство слѣдовать приказамъ вождей мятежа. Если дѣло шло о томъ, чтобы собрать разсѣянныя шайки, возвѣщали заранѣе, что въ такой-то день въ Парижѣ или въ такомъ то городѣ произойдутъ большіе безпорядки, убійства, грабежъ, которому будетъ предшествовать раздача денегъ по рукамъ вѣрнымъ людямъ и подначальнымъ вожакамъ. Бродяги, браконьеры, бѣглые каторжники сбѣгались изъ-за тридцати, сорока льё въ назначенное мѣсто. Вотъ способъ, какъ якобинцамъ и орлеанистамъ удалось собрать цѣлую многочисленную, сильную армію злодѣевъ, помощію небольшихъ денегъ, тамъ и сямъ разбросанныхъ и внушенныхъ надеждъ на грабежъ и безнаказанность!“

IV.

Преобладающій потокъ въ журнальномъ наводненіи послѣднихъ мѣсяцевъ предъ собраніемъ сословныхъ представителей шелъ противъ привилегированныхъ классовъ къ возвышенію средняго сословія. Наиболѣе характеристическимъ выразителемъ движенія былъ знаменитый памфлетъ: *Что такое среднее сословіе?* (брошюра во 130 страницъ появившаяся въ мартѣ 1789 года) аббата Сіеса *.

„Мы имѣемъ сдѣлать три вопроса: 1) Что такое есть среднее сословіе?—Все. 2) Чѣмъ было оно до нынѣ въ нашемъ политическомъ строѣ?—Ничѣмъ. 3) Чего оно требуетъ?—Сдѣлаться въ немъ чѣмъ-нибудь... Среднее сословіе есть вся нація... Оно одно, говорятъ, не можетъ образовать собраніе сословныхъ представителей. Ну такъ тѣмъ лучше. Оно образуетъ *національное собраніе*... Депутаты духовенства и дворянства не имѣютъ ничего общаго съ народнымъ представительствомъ; никакой союзъ невозможенъ между тремя сословіями съ собраніи... Они могутъ еще соединиться въ одномъ общемъ же-

---

* Имя пишется Sieyès иногда Sieyes. Правильно ли произносить Сіесъ? Камиль Демуленъ въ письмѣ къ отцу отъ 3 іюля 1789 года говоритъ между прочимъ: „Аббатъ имя котораго вы не разобрали, авторъ книги вышедшей третьимъ изданіемъ *Qu'est ce que le Tiers?* аббатъ Sieyès, произносится Syess“ (*Oeuvr. de C. Demoulins*, II, 315).

ланіи какъ могутъ въ общемъ желаніи соединиться три союзныя націи, но вы никогда не сдѣлаете изъ нихъ *одной* націи, *одного* представительства, *одной* общей воли .. Нынѣ среднее сословіе все; дворянство одно наименованіе, но подъ это наименованіе прокралась новая невыносимая аристократія, и народъ имѣетъ все основаніе не хотѣть аристократіи... Среднее сословіе представляетъ собою двадцать пять милліоновъ людей и совѣщается объ интересахъ націи... Два первыя сословія представляютъ собою не болѣе двухъ сотъ тысячъ человѣкъ, думающихъ только о своихъ привилегіяхъ. Въ чемъ интересъ средняго сословія? Во благѣ націи. Народъ есть единственная корпорація, которая не живетъ злоупотребленіями и иной разъ отъ нихъ умираетъ. Чего требуетъ онъ? Общественной свободы и національной реформы... Что сдѣлали нотабли 1787 года? Они защищали привилегіи противъ короля. Что сдѣлали нотабли 1788 года? Они защищали привилегіи противъ націи. У трона значитъ одинъ другъ—нація, у націи одинъ другъ—тронъ. Когда другимъ была нужда въ монархѣ, они простирались ницъ предъ нимъ. Прекратилась нужда, они недовольны, изъ рабовъ становятся цензорами, изъ просителей дѣлаются противниками... Жалуются, что писатели возбуждаютъ, разгорячаютъ, мутятъ націю. Но вотъ два года дворянство, духовенство, магистратуры только и твердятъ что о націи. Она является: они отказываются отъ нея, зовутъ ее безумною .. (Prudhomme *Hist. des révol*, I, 119. Paris 1824, *Arch. Parl.* I, 589).

Итакъ нація есть среднее сословіе. Вотъ новый политическій догматъ, проповѣдуемый и распространяемый предреволюціонною періодическою печатью.

Но какъ ни значительно было вліяніе печати, не ею была обезпечена побѣда. Дѣло было рѣшено правительствомъ, тѣми распоряженіями какія были сдѣланы въ концѣ 1788 года. Особенно важное значеніе по отношенію къ дальнѣйшей судьбѣ средняго сословія имѣло учрежденіе по всей Франціи земскихъ собраній (assemblées provinciales), въ томъ видѣ какъ они были устроены правительствомъ. Было принято, что число представителей средняго сословія на этихъ собраніяхъ должно быть двойное, равное совокупному числу представителей духовенства и дворянства, и что голоса должны подаваться не по сословіямъ, и поголовно. Это какъ бы предрѣшало будущее устройство національнаго собранія. Бріенъ при закрытіи собранія нотаблей въ маѣ 1787 года, возвѣщая рѣшеніе короля относительно земскихъ собраній, говорилъ въ своей рѣчи: „Справедливо чтобъ эта часть подданныхъ его величества (среднее сословіе), столь многочисленная, столь заслуживающая вниманія (si intéressante), столь достойная его покровительства, получала по крайней мѣрѣ въ числѣ голосовъ вознагражденіе,

способное нѣсколько уравновѣсить вліяніе необходимо доставляемое богатствомъ, саномъ, рожденіемъ. Согласно тому же воззрѣнію король повелѣваетъ, чтобы голоса собирались не по сословіямъ, а поголовно. Большинство по сословіямъ не всегда представляетъ то дѣйствительное большинство, которое одно выражаетъ истинное желаніе собранія“ (Эггерсъ, II, 261). Достойно замѣчанія, что рѣшеніе это не было вызвано какимъ-либо давленіемъ. Оно шло далѣе высказанныхъ желаній самого средняго сословія. На это намекаетъ Бріенъ, уломиная что когда два первыя сословія „требовали формъ и привилегій, *присоединеніе къ ихъ настояніямъ городскихъ представителей* показало ясно, что требованія эти были продиктованы любовью къ общему благу“. Итакъ идеи, получившія потомъ такое роковое значеніе, проводились самимъ правительствомъ.

На среднее сословіе само по себѣ мало надеждъ для революціонныхъ цѣлей возлагали сами революціонные ходатаи по его дѣламъ. Мирабо въ одномъ изъ писемъ къ Черутти высказываетъ опасенія что среднее сословіе само по себѣ, въ его истинномъ составѣ, не пойдетъ, изъ-за ближайшаго своего интереса, противъ привилегированныхъ классовъ. „Среднее сословіе, пишетъ Мирабо, состоитъ изъ такой массы людей безъ силы (tant de gens sans vigueur), деревенскихъ жителей, привыкшихъ къ феодальнымъ порядкамъ, горожанъ, думающихъ только о деньгахъ, всякаго буржуазнаго люда, помышляющаго, только, какъ бы извлечь выгоду изъ покровительства тѣхъ или другихъ благородныхъ милостивцевъ (protections et patronage de Messieurs tels et tels), что страшно подумать что̀ выйдетъ, если съ созваніемъ собранія они будутъ помѣщены въ одну палату съ нашими господами (nos seigneurs) всякаго рода. Приходится быть-можетъ прежде чѣмъ добиваться преній, при которыхъ бы считались всѣ голоса, пожелать, чтобы слабое среднее сословіе было отдѣлено въ особую палату, разгорячилось, раздражилось и въ гнѣвѣ нашло опору противъ veto высшихъ палатъ“. (*Mém.* de Mirabeau, V, 212). И это было писано уже въ января 1789. Этотъ процессъ разгоряченія, хотя и безъ отдѣльной палаты, произошелъ, по свидѣтельству аббата Морале, въ тѣ полтора мѣсяца, когда, по съѣздѣ депутатовъ въ апрѣлѣ 1789 года, общее собраніе еще не открылось, вслѣдствіе отказа дворянства и духовенства сообща повѣрять полномочія. „Въ этотъ промежутокъ, пишетъ Морале (*Mém.* I, 348), поднялся предъ глазами депутатовъ идолъ популярности, безжалостный идолъ, которому скоро, какъ Молоху, понадобились человѣческія жертвы. Въ эти шесть недѣль среднее сословіе мало-по-малу стало смотрѣть на себя, какъ на составляющее всю націю. Съ помощію софизмовъ Сіеса депутаты освоились со странною ошибкой, будто вся нація представлена со-

браніемъ, гдѣ нѣтъ ни дворянъ, ни духовенства, владѣтелей большей части народной собственности и народнаго богатства".

25 августа 1788 года архіепископъ Бріенъ подалъ въ отставку, и его замѣстилъ протестантъ Неккеръ. Менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ, 25 сентября, послѣдовало королевское объявленіе, назначавшее созывъ сословныхъ представителей на январь 1789 года.

Эта торопливость удивила многихъ. Эггерсъ замѣчаетъ (IV, 391): „трудно понять, почему Неккеръ сдѣлалъ это обѣщаніе". Поспѣшность объясняется, повидимому, лихорадкой популярничанья, проникавшею все существо Неккера. Требовалось во всемъ поступать иначе, чѣмъ непопулярный предшественникъ, хотя во всемъ существенномъ приходилось идти по тому же пути, и между политическими воззрѣніями архіепископа-философа и философа-финансиста (философами называли тогда всѣхъ строителей политическихъ теорій на началахъ разума) вовсе не было пропасти. Но надлежало хоть по наружности все сдѣлать по новому. Принято было много финансовыхъ мѣръ, финансовъ не улучшившихъ, но внесшихъ успокоеніе, возродившихъ кредитъ. Надо отдать справедливость Неккеру. Онъ внесъ въ казенныя операціи значительную часть собственнаго капитала, получивъ чрезъ то право высказать эффектную сентенцію: „когда человѣкъ рискуетъ своимъ спокойствіемъ и здоровьемъ, онъ можетъ, конечно, рискнуть и своими деньгами" (Эггерсъ, IV, 351). Раздражительный Бріенъ нерѣдко прибѣгалъ къ политическимъ арестамъ, Неккеръ поспѣшилъ освободить немедленно всѣхъ задержанныхъ по политическимъ дѣламъ. Бріенъ воевалъ съ парламентами. Неккеръ поспѣшилъ возстановить ихъ во всемъ прежнемъ значеніи, въ надеждѣ найти ихъ благодарными и въ силу того благосклонными къ новымъ мѣропріятіямъ. Возстановленіе было сдѣлано тою же декларацією 23 сентября, которою былъ ускоренъ срокъ созыва представителей. Парламенты благодарными не оказались. Самое занесеніе декларації въ сводъ узаконеній сопровождалось протестомъ противъ слова *возстановленіе**. Парижскій парламентъ протестовалъ, заявляя, что законно онъ не прекращалъ своего дѣйствія. Вмѣстѣ съ тѣмъ парламентъ заявилъ требованіе, чтобы собраніе сословныхъ представителей было созвано и устроено „согласно формамъ соблюдавшимся въ 1614 году". Это заявленіе быстро лишило парламентъ пріобрѣтенной популярности. Появились памфлеты, направленные противъ парламентовъ, осмѣивавшіе и порицавшіе формы 1614 года, появились, повидимому, съ поощренія правительства, какъ можно заключить

* Въ декларації было сказано: „Nous nous déterminons de *rétablir* tous les tribunaux dans leur ancien état jusqu'au moment où eclairé par la nation assemblée nous pourrons adopter un plan fixe et immuable" (*Arch. parl.* I, 388).

изъ того факта, что многіе интенданты въ своихъ округахъ разсылали подобныя брошюры священникамъ по приходамъ (Raudot, *La France av. la rév.*, 317).

V.

Неудача съ парламентомъ, при желаніи найти опору въ какомъ-либо внушительномъ собраніи и уменьшить личную отвѣтственность, побудила Неккера обратиться къ собранію нотаблей, разошедшихся годъ тому назадъ въ сіяніи популярности. Въ началѣ ноября были собраны тѣ самыя лица, которыя въ прошломъ году составили собраніе, низложившее Калона. Неккеръ былъ увѣренъ, что нотабли, дорожа пріобрѣтенною популярностью, не рѣшатся пойти противъ требованій, заявленныхъ „мнѣніемъ". Разсчетъ и тутъ оказался невѣрнымъ.

Въ своемъ сочиненіи о революціи Неккеръ очень кратко, почти вскользь говоритъ объ этомъ второмъ собраніи нотаблей. Его дочь, гжа Сталь, даетъ (*Oeuvr.* XII, 177) болѣе полное показаніе, нѣсколько освѣщающее дѣло.

„Неккеръ, говоритъ она, не взялъ на себя принять рѣшеніе, которое считалъ разумнѣйшимъ и, слишкомъ, надо признаться, довѣряя владычеству разума, посовѣтовалъ королю созвать нотаблей, которые были уже собираемы Калономъ. Неккера упрекали, что онъ совѣщался съ нотаблями затѣмъ, чтобы не послѣдовать ихъ мнѣнію. Его ошибка дѣйствительно была въ томъ, что онъ обратился къ нимъ за совѣтомъ. Но могъ ли онъ вообразить, что эти представители привилегированнаго класса, еще вчера показавшіе себя столь горячими противниками злоупотребленій королевской власти, на другой же день станутъ ожесточенно защищать всѣ несправедливости собственной власти, вопреки общему мнѣнію".

Собраніе нотаблей открылось 6 ноября 1788 года. Въ рѣчи, произнесенной Неккеромъ при открытіи, вопросъ о среднемъ сословіи занимаетъ главное мѣсто. И замѣчательно, что въ сферѣ этого сословія на первомъ планѣ Неккеръ ставитъ финансовый людъ. „Значительное увеличеніе количества обращающихся денегъ (l'accroissement considérable du numéraire), говоритъ Неккеръ (*Arch. parl.*, I, 393), ввело какъ бы новый видъ богатства, а громадность государственнаго долга выдвинула цѣлый многочисленный классъ гражданъ, связанныхъ съ благосостояніемъ государства узами, которыхъ не знали прежнія времена монархіи. Торговля, мануфактуры, искусства всякаго рода, достигшія степени, о какой прежде не могли имѣть и понятія, нынѣ оживляютъ королевство всѣми способами, зависящими отъ просвѣщен-

ной дѣятельности, и мы окружены многоцѣнными гражданами (précieux citoyens), труды коихъ обогащаютъ государство и коимъ государство, въ справедливый возвратъ, обязано уваженіемъ и довѣріемъ“,

Какое значеніе имѣлъ въ то время, особенно въ глазахъ Неккера, финансовый классъ, можно судить по факту, сообщаемому Мирабо. Въ письмѣ къ Черутти въ январѣ 1789 (напечатанномъ впервые въ *Мемуарахъ* Мирабо, V, 216), обращаясь къ прежнимъ своимъ письмамъ, онъ говоритъ: „Я вовсе не предсказывалъ, что удвоеніе средняго класса будетъ отвергнуто, я высказывалъ только опасеніе, чтобы такой отказъ не состоялся. Опасеніе это было не безъ основанія, ибо Неккеръ долго колебался, разныя внутреннія рѣшенія предписывали обратную пропорцію и только *представительство финансовыхъ дѣльцовъ*, ссудителей деньгами, доставило благопріятное рѣшеніе. Да, только *протекціи банкировъ* обязана нація рѣшеніемъ министра (27 декабря 1788), которому она хотѣла воздвигнуть алтари“.

Справедливъ или нѣтъ этотъ разсказъ, вѣрно то, что печать и финансовый міръ были сильнѣйшими стимулами для Неккера.

На обсужденіе нотаблей было предложено правительствомъ нѣсколько вопросовъ, а именно: о составѣ будущаго собранія, о формахъ созыва, порядкѣ выборовъ, устройствѣ совѣщаній для составленія наказовъ выборнымъ. Важнѣйшій вопросъ былъ объ удвоеніи представителей средняго сословія. Изъ семи отдѣленій, на какія раздѣлялось собраніе, лишь первое, находившееся подъ предсѣдательствомъ старшаго брата короля (графа Прованскаго, будущаго Людовика XVIII), служившаго всегда отголоскомъ воли брата, высказалось въ пользу удвоенія, какъ того желалъ Неккеръ и согласно мнѣнію, къ какому склонялся король. Всѣ другіе—за сохраненіе по этому пункту порядка 1614 года. Вообще за удвоеніе было 33 голоса противъ 112. Другія рѣшенія были въ духѣ либеральныхъ требованій эпохи. „Всѣ отдѣленія, говоритъ Булье (самъ бывшій въ числѣ нотаблей), приняли демократическую форму народнаго представительства, давъ возможность классу безъ положенія и собственности (à tous les hommes sans état et sans propriété), въ каждомъ изъ трехъ сословій, быть и избирателемъ, и выборнымъ“. Это не избавило нотаблей отъ нареканій, и собраніе, вчера популярное, быстро утратило обаяніе. Популярность Неккера еще возрасла. Пока засѣдали нотабли и непосредственно послѣ ихъ собранія, происходила усиленная работа общественнаго мнѣнія. Изъ провинцій отъ разныхъ корпорацій, муниципалитетовъ, коммиссій притекала къ правительству масса адресовъ, поощрительно принимаемыхъ, курившихъ ѳиміамъ Неккеру, и самое появленіе которыхъ очевидно было вызвано увѣренностью, что правительство стоитъ на сторонѣ мнѣнія объ удвоеніи, сдѣлавшагося пунктомъ соединенія всей партіи движенія. Враждебный Неккеру и

справедливо считавшій „его способности несоразмѣрными съ обстоятельствами“, Мирабо пріостановился въ своихъ нападкахъ и въ разговорѣ съ Дюмономъ (*Souvenirs de Dumont*, цитата въ *Mém. de Mirabeau*, V, 205), говорилъ: „Неккеръ необходимъ для образованія собранія сословныхъ представителей, тутъ требуется его популярность“, а въ письмѣ къ Монморену отъ 4 декабря 1788, писалъ: „Я могу обѣщать щадить извѣстную персону (je puis promettre d'épargner l'individu)“.

Въ виду возраставшихъ требованій и усиливающагося движенія принцы крови (д'Артуа, Конде, Бурбонъ, Энгіенскій и Конти; не участвовали Monsieur и герцогъ Орлеанскій) представили королю письмо, которое указывало на опасности, какими грозятъ государству овладѣвающія умами крайнія политическія ученія и возрастающія требованія отъ имени средняго сословія.

„Государь, писали принцы (*Archives parlementaires*, recueil imprimé par ordre du Sénat et de la Chambre des Députés. Paris 1879, T. I, 487), государство въ опасности! Особа ваша уважается: добродѣтели монарха обезпечиваютъ ему благоговѣніе націи; но, государь, приготовляется революція, касающаяся основныхъ началъ правительства; ее вызываетъ броженіе умовъ. Учрежденія, считавшіяся священными, благодаря которымъ монархія процвѣтала въ теченіе столькихъ вѣковъ, обращаются въ вопросы сомнительнаго рѣшенія и даже подвергаются порицаніямъ, какъ несправедливыя. Сочиненія, появившіяся во время собранія нотаблей, записки, поданныя нижеподписавшимся принцамъ, требованія, выраженныя различными провинціями, городами и корпораціями, содержанія и слогъ этихъ требованій все возвѣщаетъ, все доказываетъ систему сознательнаго неповиновенія (un système d'insubordination raisonné) и презрѣніе къ законамъ государства. Каждый авторъ возводитъ себя въ законодатели; краснорѣчіе или искусство писать, хотя бы безъ изученія, безъ знанія и безъ опыта, кажется достаточнымъ правомъ, чтобы устанавливать строй государствъ (pour régler la constitution des empires). Каждый, выдвигающій какое-нибудь смѣлое предложеніе, или предлагающій измѣнить законы, можетъ-быть увѣренъ, что найдетъ читателей и послѣдователей. И безпокойное броженіе это идетъ такъ быстро впередъ, что мнѣнія, которыя еще недавно показались бы предосудительными, теперь кажутся разумными и справедливыми, а то, что нынѣ возбуждаетъ негодованіе разсудительныхъ людей, завтра быть-можетъ будетъ признано правильнымъ и законнымъ Кто можетъ сказать, гдѣ остановится дерзость мнѣній? Права трона подвергаются вопросу; относительно правъ двухъ высшихъ сословій образовалось раздѣленіе мнѣній. Скоро подвергнется нападенію право собственности; неравенство имуществъ будетъ выставлено, какъ дѣло, требующее преобразованія“.

Правда ли однако, что движеніе общественнаго мнѣнія въ эпоху созванія нотаблей потому и было сильно, что имѣло поддержку въ правительствѣ, имъ косвенно было вызвано? Дочь Неккера представляетъ дѣла нѣсколько иначе.

Послѣ того какъ высказались нотабли, говоритъ она, (*Oeuvr.*, XII, 178) „Неккеръ *пріостановилъ* всякое рѣшеніе относительно удвоенія депутатовъ средняго сословія, когда увидѣлъ, что большинство нотаблей держатся мнѣнія, противнаго его собственному. Прошло *болѣе двухъ мѣсяцевъ* между окончаніемъ ихъ засѣданій и результатомъ королевскаго совѣта 27 декабря 1788. Въ продолженіе этого времени Неккеръ постоянно изучалъ общественное настроеніе, какъ компасъ, съ которымъ въ этомъ случаѣ должны были сообразоваться рѣшенія короля. Письма и извѣстія, приходившія изъ провинціи были единогласны относительно необходимости дать среднему классу то, чего онъ требовалъ, ибо партія чистыхъ аристократовъ была, какъ всегда, очень малочисленна; многіе изъ дворянъ и изъ духовныхъ, особенно изъ класса приходскихъ священниковъ, присоединялись къ національному мнѣнію. Въ Дофинэ, въ Романсѣ происходило въ силу древняго установленія собраніе сословныхъ представителей, вышедшее было изъ употребленія, и на немъ были допущены не только удвоеніе представителей средняго класса, но и поголовная подача голосовъ. Значительное число офицеровъ въ арміи благопріятствовало желанію средняго сословія. Всѣ, кто имѣли въ высшемъ кругѣ вліяніе на мнѣніе, горячо высказывались въ пользу національнаго дѣла: такова была *мода*. Это былъ результатъ всего восемнадцатаго вѣка, и старые предразсудки, боровшіеся изъ-за древнихъ учрежденій имѣли тогда много менѣе силы, чѣмъ въ какую-либо эпоху послѣдовавшаго двадцатипятилѣтія."

Въ этомъ показаніи г-жи Сталь есть очень важная неточность. Она говоритъ о *двухъ мѣсяцахъ* между окончаніемъ засѣданій нотаблей и рѣшеніемъ совѣта. Это совершенно невѣрно. Послѣднее засѣданіе нотаблей было 12 декабря, а рѣшеніе состоялось 27 декабря. Наблюденіе за компасомъ мнѣнія должно назвать скорѣе возбужденіемъ этого мнѣнія. Кому могло быть неизвѣстнымъ, что высшій правительственный авторитетъ—вліятельнѣйшій министръ и самъ монархъ на сторонѣ требованій, приписываемыхъ среднему классу. Говоръ въ бесѣдахъ и печати становился общественнымъ требованіемъ, благодаря правительственной поддержкѣ. Такъ бываетъ. Поднимающаяся волна охватываетъ повидимому правительство, послѣ замѣчается, что она поднята силой того же правительства. Не дочь только его, но и самъ Неккеръ, какъ увидимъ, приписываетъ тогдашнія правительственныя дѣйствія неотразимому давленію общественнаго мнѣнія.

Правительственное рѣшеніе вопроса о составѣ будущаго собранія, состоявшееся 27 декабря 1788, чрезъ двѣ недѣли послѣ послѣдняго засѣданія нотаблей, есть важнѣйшій актъ въ политической дѣятельности Неккера. Онъ не говоритъ въ пользу его государственныхъ способностей. Потомъ обнаружились всѣ роковыя послѣдствія принятыхъ мѣръ. Но вначалѣ онѣ были привѣтствованы съ великимъ энтузіазмомъ. „Никогда, пишетъ г-жа Сталь (*Oeuvr.*, XII, 184), рѣшеніе, исходящее отъ трона, не возбуждало такого энтузіазма, какой произвело постановленіе 27 декабря. Поздравительные адресы приходили со всѣхъ сторонъ... Авторитетъ короля надъ умами сдѣлался могущественнѣе, чѣмъ когда-либо. Удивлялись силѣ разума и благородству чувствъ, побуждавшихъ его идти на встрѣчу преобразованій, требуемыхъ націей." Скоро обнаружилась вся тщета временнаго успѣха сентиментальной политики, основанной на томъ, чтобы получить поддержку общественнаго мнѣнія, уступая его требованіямъ и забѣгая впередъ его желаній. Сентиментальность Неккера оказалось не менѣе пагубною, чѣмъ нахальная отвага Калона и фальшь Бріена. Постановленіе, осыпавшее повидимому страну либеральными благами, оказалось дѣломъ великой государственной непредусмотрительности.

Для характеристики Неккера не безъинтересно привести что говоритъ о немъ въ своихъ запискахъ Булье, начальникъ войскъ въ Метцѣ въ 1789 году, родственникъ Лафайета, членъ собора нотаблей въ 1787 и 1788 годахъ, (*Mém.*, Paris 1823, стр. 68): „Нѣкоторые друзья Неккера, люди честные и просвѣщенные, старались дать ему почувствовать неудобства началъ, принятыхъ имъ для образованія собранія сословныхъ представителей, и предлагали полезныя измѣненія. По ослѣпленію ли или по упрямству, онъ постоянно отказывалъ въ этомъ. Предлагали ему также повліять на выборы, чтобы доставить правительству нѣсколько приверженцевъ въ собраніи. Онъ отвергъ эту мѣру какъ безнравственную; отвергъ также вскорѣ потомъ сдѣланное предложеніе привлечь подкупомъ нѣсколькихъ опасныхъ членовъ собранія." Булье прибавляетъ: „Неккеръ не зналъ людей и мѣрилъ ихъ въ кабинетѣ съ философскимъ компасомъ въ рукахъ." Въ другой разъ, когда Булье обращалъ вниманіе Неккера на опасность вооружить народъ противъ высшихъ классовъ, къ чему неминуемо должны вести нѣкоторыя правительственныя мѣры, способныя возбудить чувство „мщенія, направляемаго двумя дѣятельнѣйшими страстями человѣческаго сердца — своекорыстіемъ и честолюбіемъ", министръ „холодно отвѣчалъ, поднявъ глаза къ небу, что надо же имѣть разчетъ и на людскую добродѣтель (qu'il fallait bien compter sur les vertus morales des hommes). Я возразилъ, прибавляетъ Булье, что это отличный романъ; но что онъ увидитъ страшную трагедію съ окровавленною сценой; совѣтовалъ только избѣжать катастрофы.

Некkеръ улыбнулся, жена его сказала, что я человѣкъ преувеличенiй (un homme exagéré) и если не выразила, что я сумасшедшiй, то подумала это". (*Mivr.* 78).

Познакомимся ближе съ капитальнымъ документомъ, въ которомъ выражено рѣшенiе правительства. Онъ состоитъ изъ краткаго „заключенiя государственнаго совѣта, засѣдавшаго въ Версалѣ 27 декабря 1788 года", въ которомъ установлено общее число депутатовъ, „не менѣе тысячи", и принято удвоенное число представителей средняго сословiя, и обширнаго „донесенiя, представленнаго королю въ его совѣтѣ министромъ его финансовъ, 27 декабря 1788 года". Въ донесенiи заключается изложенiе мотивовъ принятой мѣры и высказаны либеральнѣйшiя обѣщанiя относительно будущаго. Приведемъ нѣкоторыя изъ соображенiй Некkера (*Arch, Parl.* I, 489). Указавъ, что правительству предстояло рѣшить три главные вопроса: какое должно быть общее число депутатовъ, должно ли число депутатовъ средняго сословiя быть равнымъ совокупному числу депутатовъ двухъ другихъ и должно ли каждое сословiе выбирать своихъ представителей исключительно изъ своей среды,—и, разрѣшивъ кратко первый, не дававшiй повода къ особымъ спорамъ, Некkеръ съ особеннымъ вниманiемъ останавливается на второмъ. „Этотъ вопросъ, говоритъ онъ, важнѣйшiй изо всѣхъ, раздѣляетъ нынѣ нацiю. Интересъ, съ нимъ соединяемый, быть-можетъ, преувеличенъ съ той и съ другой стороны. Такъ какъ древняя конституцiя или лучше сказать, древнiе обычаи уполномочиваютъ три сословiя обсуждать вопросы и подавать голоса въ собранiи отдѣльно, то число депутатовъ не должно бы, казалось, возбуждать ту степень горячности, какую оно возбуждаетъ. Было бы безъ сомнѣнiя желательно, чтобы сословiя по собственному изволенiю соединились въ разсмотрѣнiи всѣхъ предметовъ, относительно которыхъ ихъ интересы вполнѣ одинаковы. Но такое рѣшенiе зависитъ отъ желанiя въ отдѣльности каждаго сословiя, и его надлежитъ ждать отъ общей любви къ государственному благу".

Странное благодушiе! Да вѣдь весь интересъ удвоенiя очевидно основывался на невысказываемой увѣренности въ поголовной подачѣ голосовъ. Иначе удвоенiе не имѣло бы, разумѣется, никакого значенiя. Предоставляя рѣшенiе капитальнаго вопроса самому собранiю, правительство прямо вызывало смуту при первомъ же соединенiи депутатовъ, какъ и случилось. Умаливъ на словахъ значенiе уступки, правительство утѣшается—какъ будто умалило его на дѣлѣ. Удвоенiе очевидно имѣло смыслъ только какъ предрѣшенiе вопроса о преобладанiи средняго сословiя въ палатѣ и объ обращенiи собранiя чиновъ въ одну палату съ уничтоженiемъ сословныхъ рамокъ. Некkеръ утѣшаетъ себя, что эти вопросы разрѣшатся сами собой наилучшимъ образомъ и правительству безпокоиться не о чемъ.

Онъ успокоился минiамомъ минуты, а въ будущемъ разсчитывалъ на торжество добродѣтели. Приведя аргументы выставленные за и противъ удвоенiя, Некkеръ заключаетъ такъ: „обязанный подать свой голосъ вмѣстѣ съ другими министрами, я по совѣсти и чести, какъ вѣрный слуга государя рѣшительно полагаю, что его величество можетъ и долженъ призвать въ собранiе представителей число депутатовъ средняго сословiя равное совокупному числу двухъ другихъ, не для того, чтобы форсировать, какъ повидимому опасаются, поголовную подачу голосовъ, но чтобъ удовлетворить общему и разумному желанiю общинъ королевства, какъ скоро это можно сдѣлать, не вредя интересамъ двухъ другихъ сословiй". Въ пользу удвоенiя высказываются „поверхъ всего безчисленные адресы городовъ и общинъ королевства и общественное желанiе этой обширной части вашихъ подданныхъ, какая зовется среднимъ сословiемъ. Могу прибавить, и глухой гулъ цѣлой Европы, смутно благопрiятствующей идеямъ общей справедливости (je pourrais ajouter encore ce bruit sourd de l'Europe entière qui favorise confusement toutes les idées d'equité générale)... Дѣло средняго сословiя всегда будетъ имѣть за себя общественное мнѣнiе, ибо дѣло это связано съ великодушными чувствованiями, каковыя единственно можно вслухъ высказывать. Потому оно постоянно будетъ поддержано въ разговорахъ и въ писанiяхъ людьми, исполненными одушевленiя и способными увлечь читателей и слушателей... Ваше величество прочитали всѣ замѣчательныя писанiя, опубликованныя относительно вопроса, повергаемаго нынѣ на ваше усмотрѣнiе, и припомните соображенiя, какiя не упомянуты въ настоящемъ докладѣ". Некkеръ не хочетъ и допустить опасенiя „что если первая претензiя (средняго сословiя) будетъ удовлетворена, то послѣдуютъ новыя требованiя и нечувствительно приблизятъ страну къ демократiи", но относительно двухъ первыхъ классовъ считаетъ не излишнимъ предостереженiе. „Два первыя сословiя лучше чѣмъ третье знаютъ дворъ и его бури и, если бы пожелали, могутъ съ большею увѣренностiю войти въ соглашенiе относительно образа дѣйствiй, могущаго затруднить министерство, утомить его постоянство и сдѣлать его безсильнымъ".

Итакъ, политика сопротивленiя, какой держались по отношенiю къ правительству въ послѣднiе годы привилегированные классы, принесла плоды. Заключенъ при посредствѣ увлеченнаго популярничанiемъ министра союзъ короля, повидимости со среднимъ классомъ или народомъ, на дѣлѣ съ тѣми, кто уполномочивали себя говорить отъ его имени. „Монархъ, замѣчаетъ аристократъ Булье, сталъ во главѣ заговора противъ монархiи, въ надеждѣ сдѣлать своихъ подданныхъ болѣе счастливыми, ибо ни одинъ государь не любилъ болѣе его свой народъ, какъ ни одинъ не испыталъ въ такой мѣрѣ его не-

благодарности. Французы! какихъ жертвъ не принесъ онъ, если, какъ оказалось, и не для счастья вашего, то по крайней мѣрѣ, чтобы вамъ угодить и удовлетворить ваши желанія".

VI.

Послѣдняя часть донесенія Неккера наполнена сентиментальными обращеніями и либеральными чаяніями будущихъ благъ. Чаянія эти высказанныя въ документѣ, исходившемъ отъ королевскаго совѣта, одобренномъ верховною властью, были равнозначительны съ обѣщаніями безъ нужды заручавшими монарха съ цѣлью возбужденія общественнаго восторга, на продолжительность котораго Неккеръ имѣлъ розовыя надежды. „Государь, восклицаетъ Неккеръ, еще немного времени, и все хорото кончится (!). Не всегда будете вы говорить то, что̀ слышали отъ васъ въ разговорѣ объ общественныхъ дѣлахъ: „„вотъ уже въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ я имѣлъ только нѣсколько минутъ счастія"". Вы найдете это счастіе, государь, вы будете имъ наслаждаться!"

Но если бы, наконецъ, сверхъ ожиданія, всѣ эти распоряженія, уступки, обѣщанія не удовлетворили общество, недовольство и сопротивленіе продолжались, то что̀ тогда дѣлать? Неккеръ, не безъ наивности, указываетъ: „Еслибы воля вашего величества не была достаточна дабы побѣдить эти препятствія, — я отвращаю взоры отъ этихъ идей, не могу на нихъ остановиться, не могу имъ вѣрить, — тогда однакоже какой совѣтъ могъ бы я дать вашему величеству? Одинъ, и это былъ бы послѣдній — тотчасъ удалить министра, на котораго падала бы наибольшая доля въ вашемъ рѣшеніи (de sacrifier à l'instant le ministre qui aurait eu le plus de part à votre délibération)". Утѣшеніе едва ли достаточное!

Въ письмѣ къ королю отъ бывшаго министра Калона, *Lettre adressée au Roi,* 18) напечатанномъ въ Лондонѣ и помѣченномъ 9 февраля 1789 года, встрѣчается основательный, весьма любопытный разборъ донесенія Неккера. Письмо звучитъ полнымъ диссонансомъ съ трогательными завѣреніями Неккера, но имѣетъ достоинство слова, оправданнаго событіями. Оно не открыло глазъ Людовику XVI. Да уже было и поздно. Письмо это такъ поучительно, что съ нимъ сто̀итъ познакомиться.

„Рѣшенія ваши, государь, отъ 27 декабря, пишетъ Калонъ, были конечно привѣтствованы рукоплесканіями, и министры ихъ посовѣтовавшіе были, конечно, вознесены до облаковъ толпой. Какъ было ей не восторгаться, когда среднее сословіе какъ бы по праву получило то, о чемъ до послѣдняго времени не помышляло ходатайствовать даже какъ о милости; когда, съ другой стороны, не дожидаясь, чего могутъ попросить сословные представители, уже теперь въ донесеніи, опубликованномъ по повелѣнію вашего величества, возвѣщается:

„что вы признаете себя обязаннымъ не налагать никакого налога безъ согласія собранія сословныхъ представителей и желаете продлить существующіе не иначе какъ подъ этимъ условіемъ;

„что желаете обезпечить періодическое возвращеніе собраній, испросивъ совѣтъ представителей относительно промежутка между собраніями;

„что обсудите съ ними средства предотвратить безпорядки, какіе министры наши дурнымъ веденіемъ дѣлъ могутъ внести въ финансы"...

Перечисливъ эти и другія уступки, Калонъ продолжаетъ:

„Легко понять, что столько собранныхъ уступокъ должны были породить великій взрывъ общественной благодарности къ вашему величеству и энтузіазмъ по отношенію къ тому, кто озаботился не оставить безызвѣстнымъ, что онъ ихъ посовѣтовалъ. Но, признавая цѣну этихъ распоряженій, дышащихъ справедливостью и благостью, позволю, государь, себѣ спросить: какъ цѣль, какая польза предупреждать такимъ образомъ моментъ, когда вамъ будетъ можно обнаружить ваши намѣренія прямо собранію представителей? Зачѣмъ понадобилось теперь же дѣлать о томъ преждевременное заявленіе? Всякій увидѣлъ министра жаднаго до общественнаго одобренія, ничего не щадящаго, чтобы пріобрѣсти популярность, но всякій увидѣлъ также, что еслибы министръ этотъ принималъ къ сердцу ваши интересы, болѣе былъ занятъ тѣмъ, чтобы дѣлать добро, чѣмъ тѣмъ, чтобы прельщать толпу и дѣлать изъ нея себѣ опору, онъ нашелъ бы болѣе мудрымъ и болѣе сообразнымъ съ хорошею политикой, сохранить къ концу собранія то что̀ естественно должно служить его увѣнчаніемъ, что̀ могло бы поддерживать рвеніе, а въ заключеніе увѣнчать желанія собранія представителей. Не значитъ ли нѣкоторымъ образомъ вызывать новыя требованія такъ либерально предупреждая тѣ, которыя еще и не обозначились? Что̀ же придется затѣмъ дать еще, государь? Чѣмъ остается вамъ еще пожертвовать?

„Съ другой стороны, какая была ему надобность давать среднему сословію двойное число голосовъ сравнительно съ двумя другими, когда мотивъ, который прежде можно было приводить какъ побуждающій къ тому устранялся самъ собою: ибо дворянство чрезъ посредство принцевъ и перовъ, духовенство чрезъ своего предсѣдателя объявили свою готовность пожертвовать привилегіями въ дѣлѣ налоговъ и нести всѣ общественыя тягости пропорціонально имуществу безо всякаго денежнаго изъятія? Не лучше ли было укрѣпить это расположеніе, заручиться имъ и выставить его какъ мотивъ не дѣлать

нововведенія, вмѣсто того чтобы предполагать потребность вооружить народъ преобладаніемъ, какого, онъ не имѣлъ ло старымъ установленіямъ и которое, ставъ ненужнымъ для обезпеченія равенства въ распредѣленіи податей, могло сдѣлаться вреднымъ въ другихъ отношеніяхъ? Торжественное заключеніе, представленное собраніемъ леровъ 20 декабря 1788 вашему величеству, и постановленіе парламента отъ слѣдующаго 22 числа, въ которомъ онъ выражаетъ формальное желаніе уничтоженія всякихъ денежныхъ изъятій, не представляли ли благонамѣренному министру прекрасный случай скрѣпить единство трехъ сословій и дать понять среднему сословію, что оно не имѣетъ болѣе основанія претендовать на увеличеніе вліянія въ совѣщаніяхъ, дабы получить то что̀ дворянство и духовенство непринужденно отдаютъ ему? Не лучше ли было въ эту сторону направить свою ловкость вмѣсто того, чтобы пользоваться ею къ возбужденію недовѣрія къ двумъ первымъ сословіямъ и замѣчать вашему величеству, что сословія эти, лучше чѣмъ третье зная дворъ и его бури, могутъ, если пожелаютъ, съ бо́льшею увѣренностію войти въ соглашеніе относительно образа дѣйствія, могущаго затруднить министерство, утомить его постоянство и сдѣлать его безсильнымъ.

„Нѣтъ надобности напоминать вашему величеству насколько доброе и честное служеніе двухъ первыхъ сословій государства говоритъ противъ такихъ инсинуацій. Но, указавъ, что не было мотива, который побуждалъ бы усиливать значеніе средняго сословія, прибавлю, что если уже несмотря на то находили все-таки основаніе измѣнить старый порядокъ, то можно было по крайней мѣрѣ лучше взяться за дѣло и достигнуть цѣли средствомъ менѣе отталкивающимъ (moins choquante). Такъ какъ хотѣли равновѣсія, но не должны были желать разрушенія преимуществъ столь же древнихъ какъ монархія, то кажется мнѣ можно было бы достигнуть цѣли, ломѣщая на одну чашку вѣсовъ два первыя сословія слитыя воедино, на другую среднее сословіе, которому можно было тогда дать число равное корпораціи, происшедшей отъ сліянія двухъ первыхъ, не отнимая у нихъ отличій, которыя справедливо было за ними сохранить. Такое распредѣленіе было бы нововведеніемъ, но я и выхожу изъ того предположенія, что таковое считается необходимостью и думаю, что указываемое мною было бы менѣе непріятно, получило бы болѣе общее одобреніе и было бы полезнѣе для дальнѣйшихъ видовъ. Во всякомъ случаѣ этимъ ли, другимъ ли средствомъ, направленнымъ равнымъ образомъ къ тому, чтобы не нарушать преимуществъ первыхъ классовъ и оградить интересы третьяго, несомнѣнно нужно было избѣгнуть того, чтобы показать себя безпомощно уступающими требованіямъ народа. Какой государственный человѣкъ не знаетъ, какъ опасно слишкомъ поощрять притязательность уступками и какъ трудно потомъ остановить излишнюю требовательность?

„Народъ французскій, безъ сомнѣнія, государь, лучшій, преданнѣйшій королямъ, наиболѣе покорный ихъ волѣ, но въ то же время онъ крайне способенъ увлекаться А кто не знаетъ, что толпу ведутъ не наиболѣе благоразумные, а увлекаютъ наиболѣе бурливые. Почуявъ свою силу въ первомъ успѣхѣ, можно ли думать, чтобъ она остановилась въ предѣлахъ мудрой умѣренности? Отвѣтитъ ли вамъ, государь, тотъ, кто подвергъ васъ опасности противнаго, отвѣтитъ ли онъ что, допустивъ такой шагъ къ равенству, онъ въ состояніи будетъ остановить дальнѣйшіе; что, возвѣстивъ намѣреніе стереть самое названіе налога, напоминающаго среднему сословію его сравнительно низшее положеніе, онъ не допуститъ, чтобы въ силу этого были стерты и всѣ другіе знаки этого положенія; что отъ вывода къ выводу, отъ ольяненія къ ольяненію не пойдутъ къ тому, чтобъ уничтожить оброки, взглянуть на феодальныя обязанности какъ на варварское подчиненіе и наконецъ лорвать всѣ связи собственности. какъ указываютъ принцы вашей крови въ своемъ благородномъ и серіозномъ представленіи, которое общественная распущенность уже успѣла осмѣять?

„О, какъ желалъ бы я, чтобы геній хранитель Франціи сдѣлалъ эти опасенія мои столь же тщетными сколько они зловѣщи! Да окажутся подданные ваши настолько благоразумны, чтобы сами оградить себя отъ золъ, скрывающихся за обманчивыми приманками имъ разставляемыми! Да будетъ чувствительное и доброе сердце ваше навсегда ограждено отъ жестокихъ крайностей, какихъ нерѣдко требуютъ послѣдствія роковаго неблагоразумія!

„Всею душой желаю этого и, не стремясь проникнуть въ туманное будущее, слѣшу остановить вниманіе вашего величества на важнѣйшемъ изъ размышленій внушаемыхъ чтеніемъ донесенія 27 декабря. Этого размышленія нельзя не сдѣлать въ виду тѣхъ мѣстъ донесенія, какія касаются законодательства королевства. Они представляются въ нѣкоторой свѣто-тѣни, сквозь которую сквозитъ намѣреніе дать понять болѣе чѣмъ сказано и при нуждѣ отказаться отъ того, что̀ въ даваемомъ понять могло бы шокировать ваше величество и показаться возмутительнымъ въ устахъ государственнаго министра. Было бы лозоромъ для члена нашего совѣта дать ловодъ къ мысли, будто ваше величество желаете и должны отказаться отъ законодательной власти, этой первой принадлежности короны. Чѣмъ же можетъ оправдать себя тотъ, кто осмѣлился выразиться такъ, что всѣ поняли высказанное именно въ этомъ смыслѣ? Да и какъ иначе должно было понять этотъ рядъ фразъ, изъ коихъ я привелъ нѣкоторыя и которыя, ломѣщая все относящееся до законодательства королевства „въ нѣдра собранія сословныхъ представителей“, возвѣщаютъ, что отнынѣ ваше величество, „„предпочитая совѣщанія собранія мнѣніямъ ми-

„нистровъ и не будучи болѣе тревожимы разнообразіемъ системъ, не „будете и подвергаться тому, чтобы своимъ авторитетомъ прикрывать „множество распоряженій, слѣдствія коихъ нельзя предвидѣть, не бу„дете вынуждены ихъ поддерживать хотя бы сомнѣвались въ ихъ „достоинствѣ; и будете слѣдовательно освобождены навсегда отъ не„доумѣній, сожалѣній и пр.““ А во главѣ параграфа, гдѣ все это находится, говорится, при ссылкѣ на „особое счастіе вашего величества“, что „„удовлетвореніе, связанное съ неограниченною властью „есть чисто воображаемое, и если государь имѣетъ въ виду только „благо государства и наибольшее счастіе подданныхъ, то пожертво„ваніе нѣкоторыми прерогативами, для достиженія такой двойной цѣли, „есть безъ сомнѣнія наипрекраснѣйшее употребленіе власти““.

„Когда такимъ языкомъ заставляютъ говорить ваше величество, послѣ того что печаталось въ послѣдніе пять мѣсяцевъ о необходимости отдѣленія законодательной власти отъ исполнительной; и когда это происходитъ послѣ того какъ парламентъ,—желая безъ сомнѣнія узнать ваши чувствованія относительно мнѣнія, которому правительство дало укрѣпиться, допустивъ эту массу писаній,—въ постановленіи своемъ выразилъ желаніе быть уполномоченнымъ вами содѣйствовать исполненію законовъ не иначе какъ если они вызваны или получили одобреніе со стороны собранія сословныхъ представителей,— не ясно ли, что всѣ должны были подумать будто новое ученіе принято и поддерживается.

„Иностранная нація, среди которой я нахожусь въ эту минуту, была поражена въ этомъ смыслѣ и не приходила въ себя отъ удивленія, видя, что казавшееся столь существеннымъ различіе полной и цѣльной монархіи, какова монархія французскихъ королей, отъ монархіи частной и ограниченной, какова англійская, нынѣ повидимому уничтожается не только дѣйствіемъ системъ недавно между нами распространенныхъ, но и собственнымъ согласіемъ государя, или, лучше сказать, рукою вашихъ министровъ и въ особенности того, который повидимому имѣетъ наибольшее вліяніе.

„Я ношу еще титулъ вашего министра и сохраняю нѣчто большее чѣмъ другіе — вѣрность. Я далекъ отъ желанія когда-нибудь имѣть власть — она мнѣ слишкомъ дорого обошлась. Но въ сердцѣ моемъ написанъ священный долгъ, не позволяющій мнѣ молчать въ минуту, отъ которой можетъ-быть зависитъ участь всего вашего царствованія и судьба всего государства“.

VII.

Когда потомъ обнаружились роковыя послѣдствія рѣшеній 27 декабря, на Неккера со стороны пострадавшихъ отъ революціоннаго

погрома пало обвиненіе, что онъ былъ истиннымъ разрушителемъ французской монархіи. Неккеръ въ своемъ сочиненіи о революціи не отказывается отъ отвѣтственности за мѣру, которую, говоритъ, онъ считалъ справедливою и полезною, и которая, по его убѣжденію, могла бы принести плодотворные плоды, если бы не послѣдовало ошибокъ отъ него независѣвшихъ. Но онъ указываетъ, что увлеченіе этою мѣрой было общее, раздѣлявшееся и членами совѣта, и самимъ королемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ старается показать, что мѣра эта была неотразимою необходимостью, ибо общественное мнѣніе такъ громко высказалось въ ея пользу, что уступить было де невозможно. Вотъ что говоритъ Неккеръ (*De la Rév. franç.* I. 89): „27 декабря 1788 года прокламаціей, наименованною *Заключеніе совѣта* (*Résultat du Conseil*), король всенародно утвердилъ общее число депутатовъ въ собраніи сословныхъ представителій и относительное ихъ число для каждаго сословія. Это заключеніе въ свое время надѣлало много шуму и, хотя постоянно соединялось съ моимъ именемъ, доставило мнѣ много похвалъ и навлекло много вражды, — не принадлежитъ однако мнѣ исключительно. Заключеніе было опубликовано въ сопровожденіи донесенія отъ имени меня, какъ государственнаго министра. Но всякій тогда зналъ, по крайней мѣрѣ всякій слѣдившій за дѣлами, что рѣшеніе совѣта вовсе не было вызвано или подготовлено моимъ донесеніемъ. Донесеніе было составлено *послѣ* рѣшенія дѣла и составлено, чтобы замѣнить обычное введеніе, родъ разсужденія, въ которомъ отъ имени монарха излагаются мотивы закона и рѣшенія. Думали, что въ этомъ случаѣ требовалось болѣе подробное развитіе, которое трудно бы согласовалось съ возвышеннымъ и точнымъ языкомъ, приличествующимъ королевскому величеству. Донесеніе, существенно предназначенное, чтобы просвѣтить общественное мнѣніе (éclairer l'opinion publique), было тщательнѣйше разобрано во многихъ комитетахъ министровъ, затѣмъ въ присутствіи короля. И королева присутствовала на послѣднемъ совѣщаніи. Въ этомъ окончательномъ засѣданіи, если выключить противорѣчіе одного министра, направленное на одинъ только пунктъ, всѣ голоса и мнѣнія соединились въ пользу донесенія и заключенія въ томъ видѣ какъ они и были опубликованы. Для репутаціи совѣта, а можетъ-быть и для памяти короля, надлежитъ не злоупотреблять формой приданною объявленію 27 декабря 1788 года. А между тѣмъ это безцеремонно дѣлаютъ, выставляя мое донесеніе какъ полную картину соображеній, опредѣлившихъ рѣшеніе правительства. Слова *необходимость* въ донесеніи не встрѣчается. Ужъ одно это замѣчаніе должно дать понять, что въ донесеніи *не все* высказано и ему предшествовало болѣе обширное обсужденіе дѣла. Одною изъ обязанностей министра въ донесеніи, назначенномъ для обширной гласности, было набросить покровъ на всякую идею о принужденіи

и необходимости, дабы поддержать королевское величіе во всемъ блескѣ и еще можетъ-быть болѣе, дабы сберечь монарху любовь и признательность наибольшей части націи. Я никому не наносилъ ущерба поставивъ на счетъ короля долю, которая могла принадлежать обстоятельствамъ. Свидѣтельства нынѣ живущихъ людей достаточно, чтобъ удостовѣрить лылкое увлеченіе, съ какимъ Франція каждый день ожидала, чѣмъ рѣшитъ королевскій совѣтъ".

Такъ послѣ событій нѣсколько запутанно изображаетъ дѣло Неккеръ. Правительственное рѣшеніе въ пользу преобладанія средняго сословія было де вызвано необходимостью. Правительство было къ тому вынуждено общественнымъ требованіемъ. Такъ ли это, и что обусловило такую необходимость? Можно признать, что рѣшеніе дѣйствительно было необходимостію, но не для короля и правительства вообще, а для Неккера; и если возбужденное въ обществѣ желаніе обратилось въ декабрѣ 1788 года въ требованіе, съ которымъ приходилось дѣйствительно серіозно считаться, то опять-таки чрезъ посредство того же Неккера.

Неккеръ не могъ дѣйствовать иначе. Онъ былъ призванъ во имя популярности, которая, давая силу, налагала и обязательства. Когда во власть вступаетъ человѣкъ, выдвинутый извѣстною партіей или извѣстнымъ политическимъ направленіемъ, онъ является связаннымъ условіями призыва. Навязанный „мнѣніемъ", онъ долженъ былъ обязательно служить орудіемъ мнѣнія въ правительствѣ, и когда впослѣдствіи отступилъ отъ такой задачи, немедленно утратилъ популярность и силу.

Исканіе популярности было главнымъ стимуломъ Неккера. Средство къ ея пріобрѣтенію — угода общественному мнѣнію. Неккеръ безпрерывно говоритъ о неодолимой силѣ общественнаго мнѣнія и всю мудрость государственнаго человѣка полагаетъ въ томъ, чтобъ имѣть эту „могущественную силу" на своей сторонѣ. Общественное мнѣніе, говоритъ онъ (*De la rév.* I, 224), „было союзникомъ, становившимся со всякимъ днемъ могущественнѣе и ко благорасположенію котораго вынужденъ былъ бережно относиться самъ монархъ. Это мнѣніе, тогда еще въ своей чистотѣ, слагавшееся изъ идей и чувствованій, имѣвшихъ центромъ общее благо, издавна уже оказывало благодѣтельное дѣйствіе. Оно пресѣкало попытки деспотизма; давало мужество властямъ, посредствующимъ между монархомъ и народомъ; часто служило щитомъ угнетаемой невинности, окружало своимъ блескомъ прекрасныя пожертвованія и высокія добродѣтели; утѣшало великихъ людей преслѣдуемыхъ завистью и невзгодами судьбы; было столь же сурово въ наказаніяхъ, какъ великодушно въ наградахъ; отмѣчало своею грозною печатью министровъ, недостойныхъ довѣрія монарха и погубляло ихъ презрѣніемъ на высотѣ ихъ кредита и тріумфовъ" (намекъ, очевидно, на Калона).

„Наконецъ общественное мнѣніе, утомленное безплодностію своихъ отдѣльныхъ приговоровъ и отчаиваясь въ будущемъ, зная прошедшее, собрало всѣ свои силы, чтобы настоять на созывѣ собранія представителей націи".

Замѣтимъ, что это весьма неточно. Неккеръ умалчиваетъ о собраніи нотаблей устроенномъ самимъ правительствомъ въ лицѣ Калона, какъ мы видѣли, вовсе не по настойчивому вызову общественнаго мнѣнія.

„Оно вліяніемъ своимъ достигло равенства въ числѣ представителей средняго сословія и привилегированныхъ классовъ, и вся Франція въ своемъ послѣднемъ рѣшительнѣйшемъ желаніи потребовала, чтобы столько надеждъ связанныхъ съ собраніемъ представителей не погибло въ ихъ рукахъ и не обратилось въ ничто притязаніями враговъ общаго блага. На этомъ останавливались тревожныя желанія гражданъ, и нація казалась расположенною принять съ благодарностію жертвы, какія пожелали бы сдѣлать для установленія гармоніи, на которую единодушно указывалось какъ на первое условіе увраченія золъ Франціи. Да, нація тогда свободная въ своемъ мнѣніи, нація еще не принявшая никакихъ обязательствъ, была готова стать на сторонѣ тѣхъ кто первые сгладили бы путь къ установленію желаннаго согласія". Другими словами, Неккеръ упрекаетъ привилегированныя сословія, что они не привлекли общественное мнѣніе на свою сторону, вступивъ съ нимъ въ союзъ. Если высвободить мысль Неккера изъ плодъ украшающихъ ее цвѣтовъ краснорѣчія, то замѣтимъ, что этотъ поклонникъ „мнѣнія" видитъ въ немъ, въ минуту столь рѣшающую какъ эпоха созыва представителей, не иное что какъ неопредѣленное возбужденіе, само ищущее указаній вмѣсто того чтобъ ихъ давать, способное пристать къ тому, кто имъ овладѣетъ. Въ дальнѣйшемъ оказывается, что это мнѣніе впадаетъ въ заблужденія дѣлающіяся источникомъ бѣдствій. Не есть ли это опроверженіе всей теоріи Неккера по части государственной мудрости—слѣдовать указаніямъ общественнаго мнѣнія, угадывая ихъ? Неккеръ повидимому не замѣчалъ, что это угадываніе мнѣнія есть обыкновенно фабрикація мнѣнія, операція, въ которой, надо признаться, онъ не былъ искусенъ. Чрезъ это политика его становилась системой уступокъ тѣмъ, кто мнѣніе фабриковали. Мирабо и Калонъ не безъ основанія указывали въ Неккерѣ отсутствіе государственнаго ума.

Чрезъ какія посредства, чрезъ чьи уста слышалъ онъ велѣнія своего божества? Кто были для него носителями мнѣнія? Въ этомъ онъ не даетъ отчета. Это не были парламенты съ ихъ временною и фальшивою популярностью, имѣвшею исчезнуть при первомъ ихъ поворотѣ къ своимъ кореннымъ преданіямъ. Это не были нотабли, которыхъ не послушался Неккеръ, но на которыхъ разчитывалъ, чтобы провести

идеи продиктованныя „мнѣніемъ“, подобно тому какъ Калонъ разчитывалъ провести свои финансовые планы. Дворъ и прикасающіяся къ нему сферы еще менѣе того. Чрезъ кого же давало мнѣніе свои рѣшенія? Можно усматривать, что носителями его для Неккера были волервыхъ, финансовый міръ съ его салонами и конторами, и вовторыхъ, публицисты, наводнившіе Францію политическими писаніями, сдѣлавшіе политическія теоріи „разума“ предметомъ общихъ разговоровъ, придавшіе имъ характеръ и силу моды. Втретьихъ, наконецъ начавшіе образовываться вліятельные политическіе кружки и клубы.

Въ какой мѣрѣ Неккеръ былъ чувствителенъ, хотя и скрывалъ это, къ печатнымъ отзывамъ, можно видѣть изъ слѣдующаго анекдота разсказаннаго Бертранъ де-Молевилемъ въ его мемуарахъ. (*Mém.* I, 59). Это было въ началѣ еще перваго министерства Неккера. Графъ Водрэйль (Vaudreuil), самъ разсказывавшій это Бертранъ де-Молевилю, былъ однажды у Неккера. Тотъ съ горечью жаловался, что на его нападаютъ въ печати. Водрёйль замѣтилъ, что это общая участь людей находящихся у власти. „Я согласенъ, отвѣчалъ Неккеръ, но для чувствительной души, какъ моя, крайне трудно переносить несправедливость, и между этими презрѣнными брошюрами есть, которыя наносятъ чувствительные удары, а публика ихъ жадно расхватываетъ“. Я думалъ, продолжаетъ Водрёйль, что Неккеръ говоритъ о только что появившемся сочиненіи Лорагэ и неблагоразумно сказалъ ему: „Прочтите сами сочиненіе Лорагэ и вы успокоитесь. Убѣдитесь, что онъ слишкомъ слабъ, чтобы задѣть вашу репутацію“. Въ эту минуту министръ измѣнился въ лицѣ, гнѣвъ заблисталъ въ глазахъ. „Какъ, воскликнулъ онъ, этотъ нищій написалъ сочиненіе противъ меня? О, какъ ужасно быть удержаннымъ министерскимъ положеніемъ. Съ какимъ бы наслажденіемъ вонзилъ я ему кинжалъ въ сердце“. Водрёйля поразила эта горячность человѣка отличавшагося по видимости холодною невозмутимостью.

Какими путями Неккеръ узнавалъ мнѣніе политическихъ кружковъ, можно видѣть изъ любопытнаго разказа Вебера (I, 267).

„Въ промежутокъ времени, литетъ Веберъ, между вторымъ собраніемъ нотаблей и созывомъ представителей и даже нѣсколько мѣсяцевъ послѣ открытія ихъ засѣданій, Неккеръ имѣлъ на жалованьи бывшаго ректора *Авиньйонскаго Курьера* г. Арто, второстепеннаго литератора, автора нѣсколькихъ театральныхъ піесъ. На этого господина Неккеръ возложилъ спеціальную обязанность держать у себя въ Пале-Роялѣ родъ клуба, отъ времени до времени дѣлать политическія собранія и обѣды, на которыхъ присутствовали, между прочимъ, Мирабо, Клермонъ-Тоннеръ, Дюпоръ и Фрето, совѣтники въ парламентѣ; нѣсколько академиковъ, какъ гг. Сюаръ, Рюльеръ и Шамфоръ, швейцарскіе и протестантскіе банкиры, лица принадлежавшія ко двору герцога Орлеанскаго, аббатъ Сіессъ, аббатъ Сабатье, аббатъ Дюбиньйонъ, и нѣкоторыя другія лица того же закала, всѣ, за незначительными исключеніями, или мятежники, или отъявленные враги существующаго порядка (factieux ou frondeurs déterminés). Неккеръ давалъ на это по четыре тысячи франковъ въ мѣсяцъ и ему каждое утро сообщалось что было говорено наканунѣ и какія мѣры имѣли за себя большинство. Донесенія выходившія изъ этого вертепа часто имѣли большое вліяніе на правительственныя рѣшенія. У Арто открыто хулили дворъ и даже парламентъ. Мнѣнія принятыя въ этихъ собраніяхъ дѣятельно распространялись подчиненными агентами въ клубахъ низшаго порядка и во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ въ Парижѣ. Передавались также вожакамъ провинціальныхъ собраній. А изъ провинціи возвращались въ Парижъ подкрѣплять систему нововводителей. Это повтореніе мятежныхъ (factieux) мнѣній Неккеръ называлъ глухимъ гуломъ Европы (bruit sourd de l'Europe)“.

Указаніе Вебера весьма правдоподобно. Фабрикованное въ Парижѣ ѣхало въ провинцію и возвращалось якобы общественное мнѣніе страны и неотразимый аргументъ для правительства!

Нѣкоторымъ оправданіемъ Неккера, но вмѣстѣ и обвиненіемъ въ недальновидности, можетъ служить то обстоятельство, что въ то время удвоеніе числа представителей средняго сословія не казалось грозящимъ въ такой мѣрѣ преобладаніемъ вожаковъ этого сословія въ собраніи, какъ вышло на дѣлѣ. „Я вспоминаю, свидѣтельствуетъ аббатъ Мореле (*Mém*, I, 350), что люди просвѣщенные и самыхъ прямыхъ намѣреній полагали, что среднее сословіе, даже удвоенное въ числѣ, но подавляемое вліяніемъ и естественнымъ превосходствомъ дворянства и духовенства, едва будетъ въ состояніи защитить свои справедливѣйшія права и достичь со стороны первыхъ двухъ сословій законнѣйшихъ пожертвованій. При этомъ, конечно, предполагали дворянство не раздѣленнымъ на партіи и *veto* сохраненное за королемъ“. Очевидно, когда говорили о среднемъ сословіи, имѣли въ виду сословіе это въ его дѣйствительномъ составѣ, а не въ томъ, въ какомъ оно явилось въ собраніи, будучи тамъ представлено группой, которую мы характеризовали наименованіемъ интеллигентныхъ разночинцевъ, честолюбивыхъ ходатаевъ по чужимъ дѣламъ.

Удвоеніе представителей средняго класса было главнымъ изъ мѣропріятій 27 декабря. Но не лишены существеннаго значенія и другія принятыя мѣры, опредѣлившія составъ будущаго собранія. Здѣсь все было предпринято на самыхъ широкихъ и либеральныхъ основаніяхъ. Старались избѣгнуть всяческаго ограниченія, какъ по отношенію къ избирателямъ, такъ и по отношенію къ выборнымъ.

Аббатъ Мореле обращаетъ особое вниманіе на устраненіе ценза.

„То обстоятельство, говоритъ онъ (*Mém.*, I, 359), что при составленіи собранія забыли о значеніи собственности, было истиннымъ источникомъ нашихъ бѣдствій. Очевидно, что при расположеніи умовъ въ моментъ этого великаго политическаго акта требовалось поставить самый крѣпкій оплотъ собственности, со всѣхъ сторонъ угрожаемой народными движеніями. Въ особенности нуждалась въ покровительствѣ земельная собственность...

„Но совѣтъ, прельщенный идеями пользовавшимися популярностью, поставилъ для избирателей условія, сводившіяся къ нулю по своей легкости удовлетворенія: требовалось чтобы быть допущенными въ начальныя избирательныя собранія платить налогъ равняющійся платѣ трехъ рабочихъ дней. Это открывало доступъ въ собранія пяти шестымъ взрослыхъ людей мужескаго пола, то-есть около пяти милліоновъ человѣкъ. А чтобы быть представителемъ требовалась уплата налога цѣной въ марку серебра. Это не предполагаетъ собственности, которая давала бы возможность жить собственнику, и не обусловливало въ избираемомъ ни истиннаго интереса къ общественному процвѣтанію, ни образованія, ни досуга, словомъ, ни одного изъ качествъ необходимымъ для представителей великой націи... Что можетъ сдѣлать собраніе, состоящее въ значительной долѣ изъ людей неимущихъ? Выбрать представителей изъ такихъ же въ большинствѣ неимущихъ. Такимъ образомъ участь собственности очутится въ рукахъ собранія, въ которомъ болѣе половины членовъ не будутъ имѣть никакого интереса въ ея охраненіи и значительное число будетъ имѣть интересы противные“.

Со своей стороны, маркизъ Булье, указывая на „великія ошибки Неккера касательно состава собранія представителей“ обозначаетъ какъ такія: „недостаточность качественныхъ требованій отъ избирателей и выборныхъ, что дало возможность людямъ безъ собственности войти въ собраніе: жалованье * данное депутатамъ, привлекшее разныхъ искателей фортуны, не имѣвшихъ иныхъ рессурсовъ“.

„Выборъ Версаля мѣстомъ собранія; свобода предоставленная имѣющимъ земли и ломѣстья въ разныхъ провинціяхъ принимать участіе во всѣхъ выборахъ, передавая своимъ уполномоченнымъ (à leurs procureurs) всѣ права избирателей, какія имѣли бы сами; наконецъ, недосмотръ, который можетъ показаться мелочнымъ, но который повелъ

* Калонъ въ его книгѣ *De l'état de la France* (Londres, 1790, стр. 43) при разборѣ бюджета 1789 года, перечисляя увеличеніе издержекъ, обозначаетъ: „2° издержка національнаго собранія составляетъ новую статью расхода, которую я положу много ниже чѣмъ какъ она есть нынѣ. Когда собраніе состояло изъ 1.200 членовъ, *ихъ вознагражденіе, назначенное по 18 ливровъ въ день*, составляло до 22 тысячъ ежедневно.

къ важнымъ послѣдствіямъ, а именно, что были построены только двѣ отдѣльныя залы—для духовенства и для дворянства, и не было отдѣльной залы для средняго сословія, такъ что въ его обладаніи осталась зала общихъ собраній, что и дало ему предлогъ приглашать другія сословія тамъ къ себѣ присоединиться“. По описанію Мармонтеля одна эта зала была окружена галлереей для публики (*Mém.*, IV, 57).

Неккеръ, продолжаетъ Мармонтель, воображалъ себѣ будущее собраніе „мирнымъ, внушительнымъ, торжественнымъ, возвышеннымъ зрѣлищемъ, которымъ народъ будетъ наслаждаться“. Онъ „не видѣлъ, что надъ народомъ, но примыкая къ народу, была масса людей со страстями темными и опасными, ожидавшими только соединительнаго фокуса, чтобы открыться, возгорѣться и разразиться. Онъ, казалось, не замѣчалъ, что вѣчные зародыши заговоровъ и раздоровъ суть—суетность, гордость, зависть, желаніе господствовать или, по крайней мѣрѣ, унизить тѣхъ кого завистливые глаза усматривали выше себя, побужденія и пороки еще болѣе гнусные и низкіе, разчеты жадности, всякіе замыслы продажныхъ душъ. Его умъ былъ полонъ отвлеченною идеей націи нѣжной, любезной, великодушной“.

А какъ отнеслись парламенты къ правительственнымъ рѣшеніямъ 27 декабря?

Поведеніе Парижскаго парламента въ эпоху втораго собранія нотаблей было весьма замѣчательно. Мы видѣли, что въ концѣ сентября парламентъ высказался за сохраненіе формъ 1614 года. Въ началѣ декабря состоялось постановленіе совершенно иного характера. Теперь парламентъ требовалъ періодическаго возобновленія собранія представителей, наложенія налоговъ не иначе какъ съ согласія Собранія, отмѣны lettres de cachet, отвѣтственности министровъ не только предъ собраніемъ представителей, но и предъ парламентами *, личной свободы, законной свободы печати,—словомъ, предлагалась цѣлая либеральная программа.

Относительно капитальнаго вопроса, объ удвоеніи представителей средняго сословія, парламентъ высказался уклончиво, но явно въ пользу стремленій считавшихся либеральными. „Что касается относительнаго числа депутатовъ, то такъ какъ оно не опредѣлено никакимъ законовъ и никакимъ постояннымъ обычаемъ, то парламентъ не имѣетъ ни намѣренія, ни возможности сдѣлать тутъ какое-либо дополненіе. Парламентъ можетъ въ этомъ отношеніи только обратиться

* „La responsabilité des ministres, le droit des Etats Généraux d'accuser et traduire devant les cours dans tous les cas interessant directement la nation entiére sans prejudice des droits du procureur général dans les mêmes cas“ (*Arch. parl.* I, 551).

къ мудрости короля касательно мѣръ, какія надлежало принять, дабы достичь измѣненій, какія могутъ указать разумъ, свобода, справедливость и общее желаніе“ (постановленіе 5 декабря 1788 года, *Arch. Parl.* I, 550). Этотъ удивительный поворотъ парламента маркизъ Булье объясняетъ слѣдующимъ образомъ (*Mém.*, 65): „Парламентъ раздѣлялся на двѣ партіи: старшіе желали переворота въ правительствѣ, который осуществилъ бы честолюбивые виды ихъ корпораціи, понудивъ верховную власть подѣлить съ ними законодательную часть. Молодые хотѣли общаго переворота который удовлетворилъ бы ихъ личное честолюбіе. Въ этомъ случаѣ послѣдніе получили верхъ надъ первыми, и рѣшеніе 5 декабря было подготовлено въ клубѣ Бѣшеныхъ (des Enragés) который организовалъ въ этомъ году герцогъ Орлеанскій... Во мнѣніи, что постановленіе продиктовано было молодежью, укрѣпилъ меня разговоръ какой я имѣлъ съ д'Ормессономъ, первымъ президентомъ Парижскаго парламента, моимъ сосѣдомъ по деревнѣ, однимъ изъ достойнѣйшихъ людей, какихъ я только зналъ и который сохранилъ всю чистоту нравовъ старой магистратуры. Я спросилъ его чрезъ нѣсколько дней послѣ постановленія—какъ могъ парламентъ сдѣлать шагъ столь непослѣдовательный, неразумный и опасный. Онъ увѣрилъ меня, что всѣ старшіе члены были отъ того въ отчаяніи, употребляли всѣ силы, чтобы воспротивиться рѣшенію, но были увлечены молодежью, горячею и многочисленною, господствовавшею въ засѣданіяхъ. Онъ присовокупилъ, что парламенты теперь не что иное какъ демократическія общества, управляемыя молодыми людьми“.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Выборы въ Собраніе въ Парижѣ и въ провинціяхъ.

I.

I. Бальи и Мармонтель о выборахъ въ Парижѣ.—II. Разговоръ Мармонтеля съ Шамфоромъ.—III. Разграбленіе фабрикъ Ревельйона.—IV. Выборы въ провинціяхъ.

Начались выборы въ члены собранія сословныхъ представителей. Политическіе разговоры стали политическими дѣйствіями, отъ которыхъ зависѣла ближайшая участь страны. Всеобщность выборовъ должна была всю страну охватить политическою лихорадкой, „до послѣдней хижины“, какъ говорилось въ королевской декларации, высказавшей желаніе, чтобы правда дошла до престола изо всѣхъ уголковъ государства. Къ участію въ выборахъ прямо или косвенно были призваны всѣ совершеннолѣтніе Французы; устранена только

прислуга. Выборы, въ среднемъ сословіи, раздѣлялись на два отдѣла: первичныя собранія выбирали избирателей; избиратели, собравшись, выбирали депутатовъ. На практикѣ оказалось явленіе обычное при выборахъ. Огромная масса, имѣвшихъ право на участіе въ избраніяхъ, уклонилась отъ пользованія предоставленнымъ правомъ, одни по равнодушію къ дѣлу, нѣкоторые изъ осторожности, предчувствуя, что совѣщанія немедленно примутъ направленіе враждебное правительству. Такъ, по крайней мѣрѣ, надлежитъ, повидимому, объяснять фактъ указываемый Бальи (*Mém.* I, 11). „По равнодушію ли, говоритъ онъ, или по политикѣ, въ дѣлѣ, которое нѣкоторые могли считать непріятнымъ для правительства, не всѣ граждане участка (district des Féuillans въ Парижѣ) собрались на избирательное совѣщаніе. Могъ бы назвать одного, который потомъ явился самымъ горячимъ приверженцемъ свободы, самымъ дерзкимъ хулителемъ власти, но который между тѣмъ по тому или другому соображенію уклонился отъ присутствія на этомъ собраніи“. Люди чистые, но уже захваченные потокомъ политическаго честолюбія, какъ Бальи, чувствовали наслажденіе быть частицей верховной воли, держащей въ рукахъ судьбы страны. „Когда я очутился, говоритъ Бальи (*Mém.* I, 11), среди собранія округа, мнѣ казалось, что дышу новымъ воздухомъ. Такъ чудно было стать чѣмъ-то въ политическомъ строѣ и единственно въ качествѣ гражданина или точнѣе горожанина Парижа, ибо въ тѣ дни мы еще были *горожане*, а не *граждане* (bourgois et non citoyens)“. Люди пріобыкшіе говорить публично, какъ адвокаты, захлебывались наперерывъ своимъ краснорѣчіемъ. Настоящіе честолюбцы, будущіе вожаки, хлопотливо интриговали, чтобы попасть въ избиратели. Аббатъ Мореле въ февралѣ 1789 участвовалъ въ начальныхъ собраніяхъ въ Шатонефъ. Вотъ впечатлѣніе, которое онъ вынесъ. „Я аккуратно, говоритъ онъ (*Mém.* I, 361), въ нихъ присутствовалъ и убѣдился, чего прежде не зналъ, что собранія эти, составленныя изъ того люда какой я тамъ видѣлъ, были рѣшительно недоступны порядку, здравому смыслу, правильности преній; словомъ, управиться съ нимъ было невозможно (ingouvernables enfin). Съ тѣхъ поръ я получилъ очень дурное мнѣніе о людскихъ сборищахъ, которое потомъ только укрѣпилось и подтвердилось“.

Относительно того, какъ происходили выборы въ Парижѣ, есть два источника: весьма подробное и обстоятельное описаніе Бальи и описаніе Мармонтеля, принадлежавшихъ притомъ къ одному и тому же округу. Эти описанія, пополняясь взаимно, даютъ вѣрную картину первыхъ собраній. То обстоятельство, что исходъ выборовъ для Бальи и для Мармонтеля былъ весьма различенъ (Бальи былъ избранъ изъ первыхъ, Мармонтель не попалъ въ депутаты) не могло не отражаться въ сужденіяхъ.

Тѣмъ дороже сопоставленіе ихъ показаній, ни въ чемъ существенномъ не разнящихся особенно по отношенію въ фактической сторонѣ дѣла. Оба люди политически чистые, весьма извѣстные, высокаго умственнаго развитія, таланта и крѣпкихъ нравственныхъ началъ. Прельщенія честолюбія мелькали предъ ихъ глазами, особенно предъ глазами Бальи, оказавшагося весьма чувствительнымъ къ наслажденію популярностью; но отъ интриги оба были безконечно далеко. Что же было усмотрѣно ими? На начальномъ собраніи, имѣвшемъ задачей выбрать избирателей и составить первый наказъ отъ округа, оба были дѣятелями. Наказъ даже редактированъ Мармонтелемъ въ формѣ умѣренно либеральной. „Духъ этого перваго собранія, замѣчалъ Мармонтель, былъ благоразумный и умѣренный". Трудились цѣлыя сутки. Приходили многія депутаціи отъ дворянъ и отъ средняго класса. Бальи отмѣчаетъ это „согласіе между гражданами". „Это были, говоритъ онъ, какъ бы братья, расположившіеся въ добромъ согласіи вступить въ обладаніе наслѣдствомъ". Нѣсколько наивно сожалѣетъ, что такого духа не оказалось потомъ въ Версалѣ. Интриганы еще не выступили. Въ началѣ произошло столкновеніе, потомъ уладившееся. Дума для предсѣдательства въ округѣ назначила своего делегата. Собраніе нашло, что предсѣдать должно лицо по его выбору, и тотчасъ же аккламаціей выбрало предсѣдателемъ того же делегата, и онъ послѣ нѣкотораго колебанія согласился принять предсѣдательство въ силу этого избранія, а не назначенія, въ удовлетвореніе тонкости различенія потребованнаго Собраніемъ.

„Не такъ пошло дѣло, говоритъ Мармонтель, въ собраніи избирателей. Бо́льшая часть прибыла еще въ здравомъ настроеніи. Но тутъ опустилась на насъ цѣлая туча интригановъ, принесшая заразительное вѣяніе, какимъ она надышалась въ совѣщаніи Дюпора, одного изъ главныхъ парламентскихъ мутителей... Предыдущею зимой онъ открылъ какъ бы школу республиканизма, куда друзья его привлекали умы наиболѣе экзальтированные или способные сдѣлаться таковыми. Я наблюдалъ этотъ разрядъ людей, толкущихся и шумящихъ, перебивающихъ рѣчь одинъ другаго, нетерпѣливыхъ какъ бы выставиться, старающихся скорѣе записаться на спискѣ ораторовъ. Немного времени потребовалось, чтобъ усмотрѣть какое будетъ ихъ вліяніе. А переходя мыслію отъ частнаго примѣра къ общему наведенію, я убѣдился, что такъ было во всѣхъ общинахъ: всюду тѣ же органы партіи смуты,—судейскій людъ знакомый съ шиканой и пріобыкшій говорить публично. Дознанная истина—никакой народъ не управляется самъ собою. Мнѣніе, воля собранной, болѣе или менѣе многочисленной группы людей всегда, или почти всегда, есть не иное, что какъ толчокъ данный ей небольшимъ числомъ людей, иногда однимъ человѣкомъ, заставляющимъ ее думать и хотѣть, движущимъ ею и ее направляющимъ. У народа есть свои страсти, но страсти эти какъ бы спятъ, ожидая голоса, который ихъ разбудитъ и раздражитъ. Ихъ сравниваютъ съ парусами корабля остающимися праздно повисшими, пока не надуетъ ихъ вѣтеръ Но кто не знаетъ, что двигать страсти всегда было задачей краснорѣчія и трибуны; а у насъ судебная трибуна была единственною школой этого популярнаго краснорѣчія, и тѣ, которые въ своихъ судебныхъ рѣчахъ привыкли дѣйствовать дерзостью, движеніемъ, восклицаніями, имѣли большое преимущество предъ простыми смертными. Холодная строгость сужденія, умъ солидный и мыслящій, но которому не достаетъ обилія и легкости словъ, всегда уступитъ пылкости обстрѣленнаго декламатора. Вѣрнѣйшимъ средствомъ распространить въ странѣ революціонную доктрину было такимъ образомъ завербовать въ свою партію корпусъ адвокатовъ. И ничего не было легче. Республиканское по характеру, гордое и ревнивое своею свободой, склонное къ господству, вслѣдствіе привычки держать въ своихъ рукахъ судьбу своихъ кліентовъ, распространенное по всему королевству, пользующееся уваженіемъ и довѣріемъ общества, находившееся въ постоянныхъ сношеніяхъ со всѣми классами, изощренное въ искусствѣ двигать и покорять умъ,—сословіе адвокатовъ должно было имѣть необходимое вліяніе на толпу. Дѣйствуя, одни истинною силой краснорѣчія, другіе шумихой словъ, одуряющихъ слабыя головы, они господствовали въ общественныхъ собраніяхъ и управляли мнѣніемъ, выступая какъ бы мстители народныхъ обидъ и защитники народныхъ правъ. Извѣстно, какой интересъ имѣлъ этотъ корпусъ въ томъ, чтобы преобразованіе стало революціей, монархія обратилась въ республику. Для него дѣло шло о томъ, чтобъ организовать свою безсмѣнную аристократію (une aristocratie perpetuelle). Людямъ честолюбивымъ улыбалось быть послѣдовательно—двигателями республиканскаго замысла, избранниками, призванными къ государственной дѣятельности, законодателями страны, первыми ея сановниками, а затѣмъ и истинными властителями. И эта перспектива открывалась не только судейскому люду, но и всѣмъ классамъ образованныхъ гражданъ *, въ средѣ которыхъ каждый имѣлъ настолько высокое мнѣніе о своихъ талантахъ, чтобы питать тѣ же надежды съ тѣмъ же честолюбіемъ... Подъ неопредѣленнымъ, весьма прельстительнымъ, именемъ преобразованія скрывали революцію. Эта ошибка объясняетъ успѣхъ, почти всеобщій, плана, который, выдвигая впередъ, людъ разными видами, честное, полезное.

* „Cette perspective était la même non seulement pour les gens de loi, mais pour toutes les classes de citoyens instruits, où chacun presumait assez de ses talens pour avoir la même espérance avec la même ambition".

справедливое, принаравливался ко всѣмъ характерамъ, и соглашалъ всѣ желанія. Лучшіе граждане считали себя въ согласіи воли и намѣреній съ самыми злоумышленными. Умы, воодушевленные желаніемъ славы и господства слѣдовали одному импульсу съ тѣми, кѣмъ двигала низкая зависть или позорная страсть хищеній и грабительства И изъ разнообразныхъ движеній этихъ выходилъ одинъ результатъ — крушеніе государства. Въ этомъ оправданіе очень многихъ считавшихся злоумышленными, но бывшихъ только заблудшимися.

„Что нѣсколько человѣкъ съ природой тигра дѣйствительно замыслили революцію въ томъ видѣ, какъ она свершилась — это можно понять. Но чтобы французская нація и даже простой народъ, не бывшій еще развращеннымъ, дали свое согласіе на этотъ варварскій, нечестивый, святотатственный заговоръ — этого никто, полагаю, не осмѣлится утверждать. Ложно, слѣдовательно, говорить, что преступленія революціи были преступленіями націи, и я далекъ отъ мысли, чтобы кто-нибудь изъ товарищей моихъ въ избирательномъ собраніи могъ сколько-нибудь ихъ предвидѣть. Я увѣренъ, что группа адвокатовъ и судейскихъ, поддержанная кортежемъ честолюбивыхъ республиканцевъ, жаждавшихъ, какъ и они, прославиться въ совѣтахъ свободнаго народа, прибыла къ намъ, исполненная слѣпаго энтузіазма къ общественному благу. Тарже, отличавшійся какъ адвокатъ и пользовавшійся впрочемъ у насъ хорошею репутаціей, игралъ первую роль. Правительство прислало предсѣдать въ нашихъ собраніяхъ гражданскаго намѣстника (lieutenant civil). Это была ошибочная мѣра, которая не могла удержаться. Собраніе существенно свободное должно было имѣть предсѣдателя изъ своей среды и по выбору. Намѣстникъ съ достоинствомъ исполнилъ свое порученіе, и мы удивлялись его твердости и благоразумію. Но это было тщетно. Адвокатъ Тарже поддерживалъ противную сторону и за такую защиту правъ собранія былъ провозглашенъ его предсѣдателемъ. Боецъ, давно испытанный въ судебныхъ схваткахъ, вооруженный увѣренностію и дерзостію, снѣдаемый честолюбіемъ, окруженный свитой шумныхъ хлопальщиковъ, онъ началъ вкрадываться въ умы въ качествѣ человѣка миролюбиваго, склоннаго къ соглашеніямъ. Но когда овладѣлъ собраніемъ, состоявшимъ изъ новичковъ въ общественныхъ дѣлахъ, онъ поднялъ голову и сталъ держать себя съ высокомѣріемъ. Онъ диктовалъ мнѣніе вмѣсто того, чтобы, какъ требовала его должность, вѣрно излагать положеніе обсуждаемыхъ вопросовъ, собирать, резюмировать, выражать мнѣніе собранія. Наша обязанность не ограничивалась выборомъ депутатовъ; мы должны были, кромѣ того, выразить въ наказахъ наши желанія, жалобы, просьбы. Это давало поводъ къ новымъ декламаціямъ. Неопредѣленныя слова: равенство, свобода, верховенство народа звучали въ нашихъ ушахъ. Каждый понималъ и

излагалъ ихъ по своему. Всюду, въ постановленіяхъ полиціи, финансовыхъ распоряженіяхъ, во всей градаціи властей, на которыхъ покоились общественный порядокъ и общественное спокойствіе,—не было ничего, въ чемъ бы ни усматривалась тиранія. Приписывали смѣшную важность самымъ мелкимъ подробностямъ. Ограничусь однимъ примѣромъ. Шла рѣчь о городской стѣнѣ и парижскихъ заставахъ, выставлявшихся какъ ограда звѣрей, оскорбительная для человѣка. „Я видѣлъ, говоритъ одинъ изъ ораторовъ, да, я видѣлъ, граждане, на заставѣ Св. Виктора, на одномъ изъ столбовъ, скульптурное изображеніе, повѣрите ли какое? Я видѣлъ огромную голову льва съ отверстою пастью, изрыгающаго цѣпи, коими онъ какъ бы грозилъ проходящимъ. Можно ли придумать болѣе страшную эмблему деспотизма и рабства“. Ораторъ подражалъ даже рыканью льва. Аудиторія была взволнована. А такъ какъ я очень часто проходилъ мимо заставы св. Виктора, то дивился, какъ не поразила меня такая ужасающая фигура. Въ тотъ же день, проходя мимо заставы, я обратилъ на нее особое вниманіе. И что же увидѣлъ? На пилястрѣ для украшенія былъ сдѣланъ щитъ, повѣшенный на тонкой цѣпи, которую скульпторъ прикрѣпилъ къ небольшой львиной мордѣ, какъ бываетъ у дверныхъ молотковъ или у фонтанныхъ кранов.

„Интрига также имѣла свои тайные комитеты, гдѣ совлекала съ себя всякое уваженіе къ нашимъ святѣйшимъ правиламъ и священнѣйшимъ предметамъ. Не щадились ни нравы, ни религіозное почтеніе. По ученію Мирабо, разсматривались какъ несогласныя и несовмѣстныя политика и нравственность, религіозный духъ и духъ патріотическій, старые предразсудки и новыя добродѣтели. Указывали, что при единоличномъ правленіи королевская власть и тиранія, повиновеніе и рабство, сила и притѣсненіе нераздѣлимы между собой. Напротивъ того, безумно преувеличивались надежды и обѣщанія съ того момента, какъ народъ войдетъ въ свои права равенства и независимости. Казалось, что тогда начнется управленіе людей изъ золотаго вѣка. Народъ свободный, справедливый, мудрый, всегда вѣрный себѣ, всегда удачно выбирающій своихъ совѣтниковъ и министровъ, умѣренный въ употребленіи своей силы и своего могущества, никогда не впадетъ въ заблужденіе, никогда не будетъ обманутъ, никогда не подпадетъ господству тѣхъ кому довѣрилъ власть, никогда не будетъ порабощенъ ими. Его изволенія будутъ его законами, его законы составятъ его счастье. Хотя я былъ почти одинокъ, и партія моя ослабѣвала ото дня ко дню въ избирательномъ собраніи, я не переставалъ твердить всѣмъ, кто хотѣлъ меня слушать, какъ грубъ и легокъ казался мнѣ этотъ способъ им.онировать помощію безстыдныхъ декламацій. Мои правила были извѣстны, и я не скрывалъ ихъ. Нашлись люди, на ухо сообщавшіе—онъ де другъ

министровъ, осыпанъ благодѣяніями короля. Выборы произошли. Я выбранъ не былъ, мнѣ предпочли аббата Сіеса. Я благодарилъ судьбу за мое исключеніе, ибо начиналъ предвидѣть что будетъ происходить въ національномъ собраніи".

О депутатствѣ Мармонтеля есть у Бальи любопытныя строки. 8 мая (когда Собраніе уже открылось, но парижскіе депутаты еще не были выбраны) Тарже сообщилъ собранію избирателей, что правительство запретило появившійся первый нумеръ журнала Мирабо *Journal des Etats Généraux*. Начались длинныя пренія о дѣлѣ, на обсужденіе котораго собраніе избирателей не имѣло никакого права. Рѣшено протестовать противъ распоряженія, не высказывая впрочемъ ни одобренія, ни порицанія журналу, но ссылаясь на „свободу печати, требуемую всею Франціей" и фактически, — прибавляетъ Бальи,--допущенную правительствомъ въ послѣднее время, когда „всяческія писанія встрѣчали явную терпимость и терпимость эта, продолжаясь, стала дѣйствительною свободой". Дворянство высказалось въ томъ же духѣ, прибавивъ, что самый журналъ оно не одобряетъ. Духовенство признало, что распоряженіе сдѣлано въ силу неотмѣненныхъ законовъ и потому протесту не подлежитъ. Бальи замѣчаетъ, что на законной почвѣ духовенство было право, но прибавляетъ, что „постановленіе двухъ другихъ сословій было продиктовано силой обстоятельствъ и общественною пользой". Замѣчаніе не лишенное поучительности. Въ эту эпоху слово законъ не сходило съ ума, но на дѣлѣ все было актомъ рѣшительнаго произвола. „Я сказалъ, продолжаетъ Бальи, что рѣшеніе было принято единогласно. Это правда, но за исключеніемъ одного члена. Когда потли на голоса, я замѣтилъ, что не поднялся только г. Мармонтель. Онъ сидѣлъ во второмъ ряду и слѣдовательно былъ закрытъ тѣми, которые поднялись. Я ничего не сказалъ. Но несмотря на видимое единогласіе, кто-то, безъ сомнѣнія изъ злой шутки, потребовалъ, чтобы было также спрошено— кто не согласенъ, что тогда не всегда соблюдалось. Предсѣдатель долженъ былъ исполнить требованіе. Мармонтель имѣлъ мужество подняться одинъ. Не будучи его мнѣнія, я удивился однако его твердости, дѣлающей ему честь въ этомъ отношеніи. Но неудовольствіе, какое онъ навлекъ на себя сущностью своего мнѣнія, заставило меня предвидѣть, что депутатомъ онъ не будетъ".

Бальи въ своихъ мемуарахъ подробно, по днямъ, описываетъ что происходило въ собраніи избирателей. „Въ Собраніи, говоритъ онъ, было два господствующіе класса: купцы и адвокаты... Относительно писателей и академиковъ я замѣтилъ въ Собраніи нѣкоторое нерасположеніе... Купцы мало знали писателей, а адвокаты, которые могли ихъ оцѣнить, были постоянно съ ними въ соперничествѣ. Оттого писатели и не выдвинулись. А имъ слѣдовало бы быть въ единеніи

съ адвокатами. Писатели и адвокаты были самые свободные люди при старомъ порядкѣ... Но почему же такъ немногіе изъ писателей выдвинулись въ первый рядъ въ революціи?" Не забудемъ, что Бальи говорилъ о писателяхъ перворазрядныхъ и о первыхъ рядахъ революціи. Явленіе объясняетъ онъ главнымъ образомъ философскою и простою осторожностью. „Многіе среди борьбы силъ могли имѣть обманчивую мудрость выжидать событій и не слѣпить признать новую и законную (?) власть. Такіе разсчеты свойственны людямъ слабымъ, но у многихъ эта робость проистекла изъ болѣе благороднаго источника. Философъ любитъ свободу, знаетъ достоинство человѣка, но прежде всего требуетъ чтобы миръ былъ вокругъ него; онъ желаетъ, чтобы свѣтъ распространялся, человѣчество воспользуется свои права, но постепенно, безъ усилія. Онъ боится потрясеній и насильственныхъ революцій". Признавая, что „нѣсколько побольше этого философскаго духа не повредило бы національному собранію", свой собственный образъ мыслей Бальи объясняетъ такъ. „Для меня, говоритъ онъ, первый законъ былъ воля націи. Какъ только она была собрана, я зналъ только ея верховную волю. На моихъ мѣстахъ я былъ человѣкомъ націи: я умѣлъ только повиноваться". Нѣтъ основаній заподозрѣвать искренности этой исповѣди. Первые успѣхи на аренѣ политической популярности, - для которой краеугольнымъ камнемъ послужилъ академическій отчетъ о печальномъ состояніи госпиталей, успѣхи, встрѣченные съ опасеніемъ и робкою радостію, неожиданные и смутно ожидаемые увлекли впечатлительнаго академика трехъ академій (Бальи былъ членомъ Академіи Наукъ, Академіи Надписей и Французской Академіи). Помогали также значительно развитый инстинктъ внѣшней представительности и вкусъ ко внушительной пышности власти. Ливрейныхъ лакеевъ, какихъ завелъ Бальи, будучи потомъ меромъ Парижа, не могли простить ему демократическіе журналисты. Въ запискахъ онъ очень сожалѣетъ, что депутаты не соблюдали формы, такъ что входившій въ собраніе „видѣлъ законодателей въ томъ же костюмѣ, въ какомъ встрѣчалъ молодыхъ глупцовъ на улицахъ, пѣшкомъ или въ *виски*" (модная двухколеска). Но разъ увлеченный потокомъ, Бальи въ дальнѣйшей дѣятельности обнаруживалъ неуклонную преданность волѣ собранія, въ которомъ видѣлъ націю. Воля эта была для него нѣчто священное. Республиканцемъ онъ не былъ и, оскорбительно привѣтствуя короля при въѣздѣ послѣ 5 октября въ Парижъ, подъ эскортой льяныхъ бабъ и дикой черни, словами „народъ завоевалъ своего короля", искренно думалъ, что миритъ монархическое начало съ началомъ народнаго верховенства. Жена Бальи была проницательнѣе мужа. Когда будущій первый депутатъ Парижа сообщилъ ей о происходившемъ въ избирательномъ собраніи, „ея воображеніе рисовало перспективу будущихъ бѣдъ, и

и частныхъ и общихъ бѣдъ,—гражданской войны Она желала чтобъ я не вмѣшивался въ эту междуусобицу". Рокъ увлекъ „до излишества робкаго", по его выраженію, Бальи, колебавшагося между спокойствіемъ скромной доли и тревогами политической дѣятельности.

Бальи смотрѣлъ на собраніе избирателей сквозь радужную призму неожиданнаго успѣха. Но изъ его описанія уже видно, какая неурядица царствовала въ этомъ первомъ представительномъ собраніи. На первомъ планѣ упоеніе своими „правами" и самое ревнивое отношеніе ко всякой иной власти кромѣ собственной. Даже уступчивый и самъ уже возбужденный Бальи, рискуя выборомъ, нашелъ, что въ первомъ параграфѣ наказа выборнымъ собраніе перешло мѣру, именуя права представителей *верховными*. Наказъ начинался, говоритъ Бальи, „воспрещеніемъ депутатамъ всякаго дѣйствія которое бы могло унизить достоинство свободныхъ гражданъ, идущихъ пользоваться верховными правами" (qui viennent exercer les droits souverains). Воспрещеніе подразумѣвало главнымъ образомъ унизительный обычай, согласно которому среднее сословіе должно было обращаться къ королю на колѣнахъ. „Вѣрный исторіи моихъ мыслей, говоритъ Бальи, возвышавшихся, но съ умѣренностію, къ свободѣ, помню, что, рукоплеща ото всего сердца уничтоженію этого обычая, я не одобрялъ эпитета *верховный* не потому, чтобы собранная нація не могла и не должна была пользоваться своими правами верховенства (ses droits de souverain), но мнѣ казалось, что таковое заявленіе могла сдѣлать цѣлая нація, а не часть ея, какую мы представляли собою. Мы не могли скрывать отъ себя, что верховныя права доселѣ находились въ другихъ рукахъ, и проистекавшая изъ нихъ власть была на лицо" (*Mém.*, I, 35). Первый параграфъ прошелъ въ такой редакціи: „предписываемъ нашимъ представителямъ безусловно не подчинятся ничему, что могло бы оскорбить достоинство свободныхъ гражданъ, пришедшихъ, чтобы пользоваться верховными правами націи".

Согласно королевскому регламенту на собраніи долженъ былъ предсѣдать гражданскій намѣстникъ. Собраніе, какъ мы уже знаемъ изъ разсказа Мармонтеля; немедленно заявило, что само должно избрать предсѣдателя и съ аккламаціей готово было выбрать того же намѣстника. Начались безконечныя пренія, будетъ ли онъ предсѣдать въ качествѣ назначеннаго по регламенту или въ качествѣ свободно избраннаго. Кончилось тѣмъ, что намѣстникъ удалился. Оторствовавшій Тарже былъ выбранъ предсѣдателемъ, Бальи секретаремъ. При повѣркѣ полномочій впослѣдствіи въ Національномъ Собраніи отступленіе отъ регламента было замѣчено, но Собраніе не сочло неправильностію это явное нарушеніе. Предсѣдатель и секретарь принесли присягу „націи и Собранію", непредвидѣнную регламентомъ. Начались занятія, сношенія съ другими сословіями, составленіе наказа. Рѣшено требовать чтобы будущая конституція начиналась объявленіемъ правъ человѣка. Составленъ проектъ объявленія, заключавшій въ себѣ главныя изъ положеній, наименованныхъ впослѣдствіи „принципами 1789 года". Всѣ люди равны въ правахъ; законъ есть выраженіе общей воли; государственная власть обезпечиваетъ его вполненіе и т. д Затѣмъ- основанія конституціи тѣ самыя, которыя потомъ получили осуществленіе. Наказъ оканчивался пожеланіемъ, чтобы Бастилія была разрушена, площадь сравнена и на ней поставленъ монументъ—колонна благородной и простой архитектуры съ надписью: „Людовику XVI, возстановителю общественной свободы" (à Louis XVI restaurateur de la liberté publique). Подобныя желанія, чтобы былъ воздвигнутъ монументъ Людовику XVI, были высказаны не въ Парижѣ только Они встрѣчаются въ наказахъ Ліона, Марселя, Манта, въ Э (Aix),—всюду въ болѣе или менѣе восторженныхъ выраженіяхъ. Въ Мантѣ предлагается наименовать короля Людовика XVI „Французомъ" (surnommé le Français en consideration de tout ce que la France devra à ce prince magnanime. *Arch. parl.* III, 665). Городъ Ліонъ требуетъ поставить „Людовику XVI, возстановителю свободы и правъ націи, памятникъ, который навѣки сохранилъ бы воспоминаніе о его благодѣяніяхъ и нашей благодарности".

Такъ говорила революція о королѣ въ 1789 году. Могъ ли кто во Франціи предвидѣть, что будетъ чрезъ четыре года говориться официально въ высшемъ государственномъ учрежденіи о томъ же несчастномъ королѣ? Какая пропасть между этими словами и тѣмъ, что произносилъ, напримѣръ, съ трибуны Конвента на позоръ своей страны и ея исторіи, не знавшій никакого нравственнаго удержа Камиль Демуленъ. „Для республиканца,—говорилъ этотъ рабъ краснаго словца, дорого потомъ поплатившійся,—для республиканца всѣ люди равны. Я ошибаюсь. Вы знаете, что есть одинъ человѣкъ, на котораго истинный республиканецъ не можетъ смотрѣть какъ на человѣка. Въ немъ можетъ онъ видѣть, какъ Гомеръ или Катонъ (?), только двуногаго людоѣда (une bipède antropophage). Этотъ враждебный звѣрь есть король" (*Oeuvres de C. Demoulins*, II, 95).

II.

Въ высокой степени любопытенъ разговоръ съ сочленомъ его по Французской Академіи Шамфоромъ. Разговоръ этотъ, кажется мнѣ, болѣе заслуживаетъ вниманія, чѣмъ сочиненная Лагарпомъ, послѣ событій, пресловутая сцена ужина, на которомъ Казоттъ предсказываетъ ужасы революціи. Я не встрѣчалъ между тѣмъ, чтобы кто-ни-

будь изъ историковъ революціи обратилъ на него вниманіе, а о сценѣ Лагарпа упоминаетъ и Тэнъ. Мармонтель называетъ партію, отъ имени которой говорилъ Шамфоръ, республиканскою, не въ смыслѣ, полагаю, партіи, замышлявшей устроить республику, а въ смыслѣ партіи, имѣвшей задачею низверженіе монархіи въ той формѣ какъ она существовала,—а тамъ что̀ еще будетъ. Иначе названіе было бы не точно. Плановъ въ тѣсномъ смыслѣ республиканскихъ тогда еще не было у партіи. Камиль Демуленъ свидѣтельствуетъ, что тогда не было и десятка республиканцевъ во Франціи. Вотъ что̀ читаемъ у Мармонтеля: „У насъ во Французской Академіи, говоритъ онъ, былъ яростный приверженецъ республиканской партіи, Шамфоръ (Chamfort), человѣкъ тонкаго и проницательнаго ума, ѣдкаго остроумія, когда осмѣивалъ общественные пороки и глулости; но крайне язвительный и колкій по отношенію къ людямъ высшаго положенія и богатства, уязвлявшихъ его ревнивую гордость. Между завистниками міра Шамфоръ болѣе всѣхъ не могъ простить богатымъ и знатнымъ людямъ роскошь ихъ домовъ, привлекательное изобиліе стола, чѣмъ впрочемъ самъ охотно пользовался. Въ ихъ присутствіи и съ глазу на глазъ онъ щадилъ ихъ, льстилъ имъ, старался понравиться; казалось, даже любилъ и лочиталъ ихъ, осыпая лышными похвалами. За любезность, какую они оказывали, соглашался быть ихъ собесѣдникомъ и жить у нихъ. Но требовалось, чтобъ они своимъ кредитомъ выхлопотали для него отъ двора вознагражденіе за литературные труды: ленсіономъ въ нѣсколько тысячъ экю, какимъ онъ пользовался, онъ не считалъ себя удовлетвореннымъ. Эти люди, говорилъ онъ Флоріану, должны доставить мнѣ двадцать тысячъ въ годъ доходу; я стою не меньше этого! За эту цѣну онъ былъ согласенъ имѣть избранныхъ, которыхъ исключалъ изъ своей сатиры. Но касту вообще раздиралъ безжалостно. А когда увидѣлъ, что всѣ эти богатства и знатности рушатся и больше пригодиться не могутъ, онъ разорвалъ всякую связь съ ними и сталъ на сторону народу... Однажды мы остались одни въ Луврѣ послѣ академическаго засѣданія. — Ну что̀ же, спросилъ онъ меня, вы не попали въ делутаты?—Нѣтъ, отвѣтилъ я, и утѣшаюсь какъ лисица, смотрящая на виноградъ: зеленъ, ягодки нѣтъ зрѣлой —Дѣйствительно, возразилъ онъ, виноградъ этотъ не довольно зрѣлъ для васъ. Ваша душа слишкомъ мягкаго закала, слишкомъ гибка для предстоящаго испытанія. Хорошо сдѣлали избиратели, сохранивъ васъ для другаго законодательства. Вы можете прекрасно строить, но не годитесь разрушать.

„Я зналъ, что Шамфоръ другъ и наперсникъ Мирабо, одного изъ предводителей партіи, и понималъ, что нахожусь у источника свѣдѣній, которыя хотѣлось мнѣ получить. Чтобы побудить его высказаться, я притворился, что не понялъ его.

„— Вы пугаете меня, сказалъ я, говоря о разрушеніи.— Мнѣ казалось, что имѣется въ виду лишь исправленіе.

„— Да, но исправленія часто ведутъ къ разрушенію: поправляя старую стѣну, какъ ручаться, что она не развалится подъ ударами молота. И, по правдѣ сказать, зданіе такъ распатано, что не удивлюсь, если придется сломать его до основанія.

„— До основанія! воскликнулъ я.

„— Отчего же нѣтъ, возразилъ Шамфоръ, но воздвигнуть по другому плану менѣе готическому и болѣе правильному. Какое было бы, напримѣръ, зло, еслибы не было столькихъ этажей, а все было бы въ уровень. Надѣюсь, вы не пришли бы въ отчаяніе, еслибы больше не услыхали ни о высокопреосвященствахъ, ни о сіятельствахъ (eminences, grandeurs), титулахъ, гербахъ, дворянахъ и разночинцахъ, высшемъ и низшемъ духовенствѣ.

„Я замѣтилъ, что равенство всегда было химерою республикъ и приманкою для честолюбій; но что такая нивеллировка невозможна въ обширной монархіи и что желающіе все сломать идутъ далѣе желаній и требованій націи.

„— Да развѣ, отвѣтилъ онъ, нація знаетъ, чего она хочетъ? Ее заставятъ хотѣть и говорить, чего она никогда и не думала... Нація большое стадо, желающее только пастись, и которое съ хорошими собаками пастухъ уведетъ куда хочетъ. Да вѣдь ей же хотятъ сдѣлать добро, невѣдомо для нея самой, ибо, другъ мой и вашъ старый порядокъ, и ваша вѣра, и ваши нравы, и весь этотъ хламъ старыхъ предразсудковъ не стоятъ того, чтобы ихъ щадить. Вѣдь все это стыдъ и срамъ нашему вѣку. А чтобы начертить новый планъ, совершенно основательно желаніе очистить мѣсто.

„— Очистить мѣсто! настаивалъ я. А тронъ, а алтарь?

„— И тронъ и алтарь полетятъ вмѣстѣ. Это своды, упирающіеся одинъ въ другой: разрушится одинъ и другой повалится.

„Я скрылъ впечатлѣніе, какое произвела на меня его откровенность и, желая вызвать его еще далѣе, сказалъ:—Вы говорите о предпріятіи, замѣтилъ я, для исполненія котораго на мой глазъ гораздо болѣе трудностей чѣмъ средствъ.

„— О, повѣрьте мнѣ, трудности предвидѣны и средства разочтены.

„Онъ распространился, и я узналъ, что разсчетъ партіи основанъ на характерѣ короля, столь чуждомъ всякому насилію, что его считали малодушнымъ; на современномъ состояніи духовенства, среди котораго, говорилъ Шамфоръ, есть нѣсколько добродѣтелей безъ таланта и нѣсколько талантовъ, униженныхъ и опозоренныхъ пороками; наконецъ, на состояніи высшаго дворянства, выродившагося, среди котораго почти нѣтъ великихъ характеровъ, способныхъ поддержать блескъ своего имени. Среднее сословіе, прибавилъ онъ, должно

болѣе всего надѣяться на себя. Это сословіе, давно утомленное произволомъ власти притѣснительной сверху донизу во всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ, имѣетъ надъ двумя другими сословіями преимущество не только числа, но и согласія, мужества, дерзкой рѣшимости на все.

„— Наконецъ, продолжалъ Шамфоръ, весь этотъ накопившійся запасъ нетерпѣнія и раздраженія, представляющій грозу готовую разразиться; повсюду лиги (confédération) и явныя возмущенія, вся страна готова отвѣтить на сигналъ, поданный провинціею Дофине общимъ крикомъ, что она хочетъ быть свободна; провинціи уже въ связи между собою, сношенія между ними установились, и республиканскій духъ изъ Парижа, какъ центра, далеко разноситъ свой свѣтъ и свою теплоту. Это, кажется, уже не воздушные замки.

„Я сознался, что въ теоріи все это весьма внушительно, но прибавилъ, что лучшая часть націи никакъ не хочетъ выйти изъ предѣловъ желательной реформы и нанести какой-либо ущербъ законамъ страны и основнымъ началамъ монархіи.

„Онъ согласился, что у своихъ домашнихъ очаговъ, въ конторахъ, бюро, мастерскихъ значительная часть осѣдлыхъ гражданъ найдетъ быть можетъ дерзкими замыслы, могущіе возмутить ихъ покой и житейскія наслажденія.

„— Но если они и не одобрятъ такого плана, то сдѣлаютъ это робко и безъ шума; чтобы заставить ихъ подчиниться, есть рѣшительный классъ, которому нечего терять при перемѣнахъ, но который можетъ надѣяться все выиграть. Чтобы возмутить его, есть отличные двигатели: бѣдность, голодъ, шумъ переполоха и испуга, безуміе ужаса и бѣшенства, какими поразятъ его умы. Мы слышали среди буржуазіи только пріятныхъ болтуновъ. Знайте, что всѣ ваши ораторы на трибунѣ ничто въ сравненіи съ Демосѳенами по экю съ рыла, которые въ кабакахъ, на площадяхъ, въ садахъ и на набережныхъ, возвѣщаютъ о грабежахъ, пожарахъ, разрушенныхъ деревняхъ, залитыхъ кровью, о замыслѣ осадить и заморить голодомъ Парижъ. Вотъ это я называю краснорѣчіемъ. Среди черни особенно сильно дѣйствуютъ жажда денегъ и надежда на поживу при грабежѣ. Мы сдѣлали опытъ въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ. Не повѣрите, какъ недорого стоило герцогу Орлеанскому выпустить толпу, которая разнесла фабрику честнаго Ревельйона, содержавшаго среди этого самого народа сотню семействъ. Мирабо шутливо завѣряетъ, что съ тысячью луидоровъ можно сдѣлать премилое возстаніе.

„— Но въ такомъ случаѣ, сказалъ я, — ваши попытки суть преступленія, а ваше войско разбойники“.

— Что же дѣлать, приходится такъ, отвѣчалъ онъ мнѣ холодно. Развѣ можно что-нибудь сдѣлать изъ этого народа, надѣвъ на него

намордникъ честности и справедливости? Люди добра и порядка слабы, эгоистичны, робки; лишь негодяи рѣшительны. Преимущество черни среди революціи именно въ отсутствіи нравственности. Какъ держаться противъ людей, которымъ всѣ средства хороши. Мирабо правъ: ни одна изъ старыхъ нашихъ добродѣтелей намъ не пригодна, не надо ихъ и народу, для котораго требуется иная закалка. Все, что необходимо для революціи, все что ей полезно—справедливо: вотъ великій принципъ.

— Не принципъ ли это герцога Орлеанскаго, возразилъ я: — другаго главы возмутившагося народа я не вижу, но о его мужествѣ, признаюсь, большаго мнѣнія не имѣю.

„— Вы правы, и Мирабо, хорошо его знающій, говоритъ, что разсчитывать на него значило бы строить на пескѣ. Но онъ показалъ себя популярнымъ, онъ носитъ внушительное имя, можетъ разбросать милліоны, ненавидитъ короля, а еще болѣе королеву. Если не достастъ ему храбрости, то ее дадутъ ему. Среди народа будутъ безстрашные вожди съ минуты, какъ обнаружатъ себя явнымъ возстаніемъ и явятся, слѣдовательно, преступниками. Некуда будетъ отступать, когда сзади останется только эшафотъ. Страхъ безъ надежды спасенія есть истинная храбрость. Будутъ огромныя силы, если удастся широко раскинуть сѣти. Но я вижу, что надежды мои огорчаютъ васъ. Вы не хотите свободы, стоящей денегъ и крови. Вамъ хотѣлось бы революціи на розовой водѣ“.

III.

Въ первые дни Собранія избирателей на улицахъ Парижа произошелъ эпизодъ, на которомъ слѣдуетъ остановиться съ нѣкоторымъ вниманіемъ. 27 апрѣля въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ была разграблена обойная фабрика Ревельйона, человѣка весьма уважаемаго, бывшаго избирателемъ вмѣстѣ съ Бальи. Это было первое серьезное уличное движеніе, проба и прелюдія революціонныхъ дней. Сохранилось немало показаній и описаній разгрома фабрики, о многомъ можно догадываться, но нити происшествія такъ и остались не прослѣженными. Дѣло, очевидно, было подстроено. Въ карманахъ нѣкоторыхъ убитыхъ оборвышей находили деньги, очевидно, выданныя за участіе въ разгромѣ. Когда безпорядки подготовлялись, полицейскіе шпіоны сообщали (Besenval *Mem.*, 354), что „видѣли людей, возбуждавшихъ волненіе и даже раздававшихъ деньги“... Несомнѣнно, дѣло шло со стороны революціонной партіи, но отъ кого именно, съ какими ближайшими цѣлями? Это, полагать надо, навсегда останется неяснымъ. Любопытна черта, отмѣченная Тулонжономъ (со-

временникомъ—авторомъ исторіи революціи, членомъ Національнаго Собранія). „Въ толпѣ, говоритъ онъ, была замѣтна своего рода полиція, вмѣстѣ и варварская и безкорыстная. Явно былъ приказъ все жечь и разрушать; но кто осмѣливались утаскивать, воровать, были тотчасъ избиваемы. Едва одѣтые, въ лохмотьяхъ, оборванцы приносили часы, дорогія вещи и бросали въ огонь, крича: „ничего не хотимъ уносить". Очевидно, что люди эти были не иное что, какъ преданныя орудія тѣхъ, кто ими заправляли". Фактическая часть событія особенно точно изложена Тэномъ (II, 37) главнымъ образомъ на основаніи архивныхъ документовъ и показаній Безанваля, распорядившагося усмиреніемъ волненія и самого Ревельйона (послѣднее напечатано въ числѣ pièces justificatives, при мемуарахъ Ферьера). Предъ событіемъ, въ столицу былъ значительный наплывъ „сторонней сволочи" которая, вмѣстѣ съ туземною, среди низшаго класса, сильно угнетеннаго дороговизной хлѣба въ этотъ голодный годъ, составила обильный матеріалъ для вербовки революціонныхъ шаекъ. Пущенъ былъ слухъ, будто богатый фабрикантъ Ревельйонъ въ избирательномъ собраніи своего округа „дурно говорилъ" о народѣ, сказалъ будто бы, что лятнадцати су въ день довольно, чтобы прокормиться работнику съ семьей. Это была чистая клевета; ничего даже подобнаго не говорилъ Ревельйонъ (хотя не было бы, кажется, особаго преступленія, еслибъ и сказалъ). У Ревельйона не было рабочаго, получавшаго менѣе двадцати пяти су, и въ 1788 году, сокративъ работы, онъ не отпустилъ ни одного рабочаго. Всѣ свидѣтельства въ его пользу. Онъ, повидимому, былъ жертвой чьей-то личной злобы. Броженіе среди черни обнаружилось въ воскресенье 26 апрѣля. Въ понедѣльникъ, день, когда „опохмѣлялись", (l'autre jour d'oisiveté et d'ivrognerie, по выраженію Тэна) на улицахъ бродили толпы. Купцы стали запирать лавки. Густая шайка съ дубинами шла по улицѣ Св. Северина, посылая проклятія духовенству. Другая—тащила чучело, изображавшее Ревельйона, украшеннаго орденомъ Св. Михаила (въ числѣ преступленій Ревельйона распускали, что онъ долженъ получить отъ правительства эту награду). Чучело было сожжено на Гревской площади. Толпа направилась къ дому Ревельйона, но тамъ успѣли собрать стражу, и толпа двинулась все разносить въ домѣ одного пріятеля Ревельйона. Угомонились только въ полночь. На другой день буйства продолжались цѣлый день. У Сентъ-Антуанскихъ воротъ останавливаютъ проходящихъ, спрашиваютъ, за среднее ли они сословіе или за дворянское, заставляютъ дамъ выходить изъ каретъ и кричать: да здравствуетъ среднее сословіе! Лозунгъ повторялся со смысломъ и безъ смысла: вечеромъ нищіе-оборвыши просили милостыню—„сжальтесь надъ бѣднымъ среднимъ сословіемъ". Домъ Ревельйона разнесенъ. „Выламываютъ, описываетъ

онъ, двери, снимаютъ ихъ, врываются въ садъ, предаются неистовствамъ невообразимымъ. Въ трехъ мѣстахъ поджигаютъ и бросаютъ въ огонь дорогія вещи, затѣмъ мебель, провизію, бѣлье, экипажи, счеты. Когда нечего жечь, бросаются на внутреннія украшенія комнатъ: ломаютъ двери, рамы, разбиваютъ въ куски, или, точнѣе, въ пыль зеркала, отрываютъ мраморные наличники съ каминовъ, вырываютъ даже желѣзныя перила. Присоединяя низость къ бѣшенству, утаскиваютъ значительную часть моихъ денегъ". Въ подвалахъ льютъ, что попало, опорожняютъ бутыли съ лакомъ и кислотами. Нѣкоторые умираютъ въ конвульсіяхъ. Мятежъ наконецъ прекращенъ военною силой. Убитыхъ и раненыхъ было болѣе четырехсотъ человѣкъ. „Парижъ, говоритъ Безанваль, смотрѣлъ на меня, какъ на избавителя. Я не могъ нигдѣ показаться, чтобы не услыхать похвалы и словъ благодарности. Не то въ Версалѣ. Никто не показалъ мнѣ малѣйшаго знака удовольствія, никто даже слова не сказалъ о происшедшемъ".

Относительно источника мятежа Безанваль дѣлаетъ такое замѣчаніе: „это былъ взрывъ, подготовленный враждебною рукой. Я думалъ что онъ идетъ изъ Англіи, ибо не рѣшался еще вполнѣ подозрѣвать герцога Орлеанскаго". Маркизъ де-Ферьеръ прямо приписываетъ событіе эмиссарамъ герцога Орлеанскаго, приставшаго къ революціонной партіи. Тоже видно изъ приведеннаго выше разговора Шамфора съ Мармонтелемъ. Тулонжонъ (I, 33) приписываетъ дѣло „людямъ, замышлявшимъ уже революцію" и желавшимъ сдѣлать пробу. Бальи, не имѣвшій, повидимому, точныхъ свѣдѣній о подробностяхъ происшествія,—такъ какъ говоритъ: „я не слыхалъ, чтобы кто-нибудь погибъ въ столкновеніи",—относительно происхожденія событія замѣчаетъ: „я узналъ потомъ, что возмущеніе это весьма вѣроятно было связано съ причинами тайными и общими и было прелюдіей возмущеній, имѣвшихъ послѣдовать". Со стороны революціонной партіи былъ пущенъ слухъ, распространившійся несмотря на явную нелѣпость, будто правительство нарочно, если не возбудило, то дало разгорѣться мятежу, чтобъ имѣть поводъ къ утѣснительнымъ мѣрамъ, и будто Безанвалемъ были недовольны, зачѣмъ скоро потушилъ. Сохранилось письмо (помѣщено въ приложеніяхъ перваго тома мемуаровъ де-Ферьера 428), къ королю какого-то свидѣтеля событія, пожелавшаго „защитить дѣло жалобнаго человѣчества (de l'humanité plaintive), гласящаго его устами". „Не буду говорить вашему величеству, замѣчаетъ очевидецъ, о глухихъ слухахъ, распространяющихся въ публикѣ, которые приписываютъ причину несчастнаго событія врагамъ общаго блага, имѣющаго быть утвержденнымъ собраніемъ націи, ибо это затронетъ ихъ личные интересы. Воздержусь (?) повторять, какъ утверждаютъ, что ихъ преступными руками подкуплена

продажная шайка людей, обуреваемыхъ нищетой". Письмо обвиняетъ власть въ бездѣйствіи въ началѣ и въ суровости потомъ. „Какая картина! Я видѣлъ, государь, какъ окна болѣе двадцати домовъ были пронизаны пулями, земля обагрена кровью, трупы жертвъ, борющихся со смертью въ послѣднемъ издыханіи. Жены плачутъ о мужьяхъ, дѣти жалостно взываютъ къ почившимъ родителямъ, цѣлыя семьи рыдаютъ, стенаютъ, вырываютъ волосы". Письмо, свидѣтельствующее какъ старались представить дѣло съ революціонной стороны, оканчивается воззваніемъ къ Неккеру, единственной опорѣ Франціи (seul soutien de la Frauce).

Какое фальшивое изложеніе этого и другихъ революціонныхъ событій находимъ у Мишле! Трудно объяснить это однимъ увлеченіемъ. Развѣ допустимъ въ авторѣ такое сознаніе: я увлекаюсь, и въ качествѣ увлекающагося мнѣ позволительно изображать факты въ ложномъ освѣщеніи. По изображенію Мишле, правительство развернуло внушительную силу, ломышляя какъ бы пресѣчь движеніе. „Парижъ былъ (I, 9) наполненъ войсками, улицы патрулями; мѣста выборовъ окружены солдатами. Ружья заряжались на улицѣ предъ толпой. Въ виду этихъ тщетныхъ оказательствъ избиратели были тверды. Едва собравшись, они смѣстили предсѣдателей данныхъ, имъ королемъ. Важная мѣра, первый актъ національнаго верховенства. Его надлежало завоевать и основать право. Внѣ правъ какая гарантія, какая серіозная реформа"! Это говорится о томъ времени, когда не было тѣни угрожающихъ дѣйствій со стороны правительства, не требовалось никакого мужества со стороны избирателей: дѣлали совершенно, что хотѣли; когда, по свидѣтельству Камиля Демулена, „полиція была парализована во всѣхъ членахъ, патріоты одни поднимали голосъ". Актъ произвола выставляется какимъ-то основаніемъ права. Далѣе Мишле описываетъ, будто бы въ то время, когда собранные избиратели занимались составленіемъ для наказа объявленія о правахъ человѣка (неточно: собраніе занималось этимъ не 27 апрѣля, а позже) „страшный шумъ прервалъ занятія. Толпа въ лохмотьяхъ явилась, требуя головы одного изъ членовъ собранія, избирателя Ревельйона". Ничего этого не было, какъ видимъ изъ мемуаровъ Бальи, гдѣ описаны всѣ подробности засѣданій. Никакой толпы въ собраніе не являлось. Разграбленіе было 28 апрѣля, когда избиратели не собирались, а 27, при первыхъ попыткахъ, Ревельйонъ отсутствовалъ въ собраніи, тѣмъ не менѣе сохранившемъ его въ числѣ коммиссаровъ для составленія наказа.

И Мишле дивится бездѣйствію властей; замѣчаетъ, что еслибы мятежъ распространился, „все бы перемѣнилось; дворъ имѣлъ бы прекрасный предлогъ стянуть армію къ Парижу и Версалю (за страницу, Парижъ былъ уже наполненъ войсками) и прямой поводъ отложить Собраніе представителей". А между тѣмъ собраніе избирателей, по свидѣтельству Бальи (I, 16) обвиняло правительство, зачѣмъ торолится созывомъ на 4 мая, дѣлаетъ де это нарочно, чтобы „лишить Парижъ выгоды, какую мы можемъ извлечь изъ своего представительства". „Кто хотѣлъ, спрашиваетъ Мишле, замедлить собраніе представителей, кто находилъ нужнымъ устранить избирателей, кто имѣлъ выгоду отъ мятежа? Одинъ дворъ, надо сознаться. Дѣло было такъ для него кстати, что, можно подумать, онъ его и устроилъ. Впрочемъ болѣе вѣроятно, что не онъ началъ, но видѣлъ съ удовольствіемъ, ничего не сдѣлалъ къ прекращенію и сожалѣлъ, что дѣло кончилось". Это завѣдомо фальшивое заключеніе, въ духѣ того что въ эпоху событія распускалось врагами правительства, историкомъ вытянуто изъ того обстоятельства, что при дворѣ холодно встрѣтили Безанваля—зачѣмъ употребилъ рѣшительныя мѣры. Между тѣмъ какъ понятна эта встрѣча! Въ дѣлѣ несравненно болѣе обширномъ и важномъ развѣ у насъ усмиритель мятежа 1863 года, графъ Муравьевъ, не былъ встрѣченъ подобнымъ образомъ во вліятельныхъ сферахъ? Риторическое лисьмо сентиментальнаго гражданина къ королю сѣтуетъ, зачѣмъ военный начальникъ не обратился къ грабителямъ съ рѣчью, а употребилъ силу. Самое было бы время произносить рѣчи! Не упустилъ бы случая посѣтовать и Мишле, но это не подходило подъ его систему изложенія. И о крутости мѣръ Безанваля и даже о значительности числа убитыхъ онъ умалчиваетъ. Вотъ какъ пишется исторія!

IV.

Парижскіе выборы могутъ дать понятіе и о томъ, что вообще происходило въ непривилегированныхъ провинціяхъ pays d'élection) Въ привилегированныхъ явленія были своеобразны. Въ Дофинэ выборы были въ духѣ новыхъ идей. Въ Бретани привилегированные классы оказали сопротивленіе правительственнымъ мѣрамъ, и дѣло дошло до междуусобныхъ столкновеній. 30 декабря, когда сословные чины собрались въ Реннѣ, депутаты средняго сословія, объявили, что примутъ участіе въ засѣданіи не прежде, какъ будутъ удовлетворены ихъ требованія: отмѣна всякихъ привилегій по отношенію къ налогамъ, право средняго сословія самому избирать представителей (они назначались мерами) и увеличеніе ихъ числа. Отказъ былъ доведенъ до свѣдѣнія правительства. Послѣдовало заключеніе королевскаго совѣта, признавшее отказъ незаконнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отсрочившее открытіе мѣстнаго собранія. Это было принято какъ торжество партіи враждебной привилегированнымъ сословіямъ. Были

шумныя сборища съ восторженными криками: „да здравствуетъ король“; зажигались иллюминаціи. Дворянство рѣшило не расходиться, и, чтобъ оправдать свой образъ дѣйствій, выдало декларацію, въ которой разъясняло свою готовность на всякое уравненіе податей, и обвиняло представителей средняго сословія въ затяжкѣ засѣданій, имѣвшихъ де цѣлью облегчить народныя нужды. Декларація была переведена на мѣстные говоры и распространяема въ деревняхъ. Эта декларація послужила ближайшимъ поводомъ къ междуусобнымъ столкновеніямъ. Въ виду явнаго поощренія правительства притязаніямъ, заявлявшимся отъ имени средняго сословія, партіи, которую можно назвать революціонною, удалось возбудить сильную агитацію противъ дворянства. Для насъ весьма любопытно, что орудіемъ агитаціи въ этомъ случаѣ явилась „учащаяся молодежь“. Это явленіе, ставшее у насъ съ шестидесятыхъ годовъ обыкновеннымъ, во Франціи въ ту эпоху было довольно исключительнымъ. Кромѣ Бретани мнѣ не случалось встрѣтить указаній на участіе школьнаго міра въ области политической агитаціи. Но здѣсь образовались многолюдные кружки изъ студентовъ юридическаго и медицинскаго факультетовъ; къ нимъ присоединилась младшая часть судейскаго персонала—клерки прокуроровъ и т. д. Эти группы собирались въ Реннѣ, въ Нантѣ и другихъ городахъ, посылали взаимныя депутаціи, печатали адресы, въ которыхъ благодарили короля и его министра за „благосклонность къ новымъ мнѣніямъ“ (Raudot, 376); посылали депутаціи къ мѣстнымъ правительственнымъ лицамъ: депутаціи принимались благосклонно. Послѣ дворянской деклараціи до шестисотъ молодыхъ людей порѣшили давленіемъ силы принудить непокладистое дворянство къ уступкамъ. Замѣчательно, что безспорные представители „народа“, лавочники, мѣстные торговцы, рабочіе оказались, какъ и крестьяне по деревнямъ, на сторонѣ дворянства, съ которымъ были тѣсно связаны ихъ матеріальные интересы. Произошли кровавыя столкновенія. Въ *Archives parlementaires* (I, 522) есть любопытный документъ: *Достовѣрная реляція о томъ, что произошло въ Реннѣ 26, 27 и въ слѣдующіе дни января мѣсяца 1789 года (Relation authentique de ce qui c'est passé à Rennes les 26, 27 et jours suivants du mois de janvier 1789).* Документъ этотъ изъ лагеря „молодежи“, явно пристрастно излагающій событія, тѣмъ не менѣе позволяетъ, если отнестись къ нему критически, составить нѣкоторое понятіе о томъ, что происходило, и характеристиченъ нѣкоторыми подробностями. „Реляція“ обвиняетъ прежде всего дворянство, не разошедшееся послѣ предписанной королевскимъ совѣтомъ отсрочки засѣданій, въ „неповиновеніи, мятежѣ противъ самаго законнаго права монарха“; въ „скандальномъ протестѣ противъ заключенія совѣта 27 декабря 1788 года, за которое вся Франція благословила короля, и Неккеръ сдѣлался предметомъ удивленія

всей Европы“, и наконецъ въ изданіи возмутительной деклараціи. Возмущенные этимъ „молодые граждане Ренна, разсказывается въ документѣ, въ соединеніи съ небольшимъ (?) числомъ студентовъ юридическаго факультета, находящихся въ этомъ городѣ, обнародовали со своей стороны печатную декларацію, чтобъ опровергнуть по личнымъ своимъ свѣдѣніямъ ложныя показанія вѣроломнаго писанія, и представили ее муниципальному собранію и графу Тіару“. Объявленіе это раздражило дворянъ.

Продолжимъ описаніе какъ оно изложено въ реляціи. „Дворяне, не будучи въ состояніи поднять противъ народа самый народъ, употребляютъ усилія поднять своихъ лакеевъ“. Разбрасывая деньги, собираютъ подписки, давая по двадцати су за подпись, уговариваютъ рабочихъ, плотниковъ и другихъ собраться на Монмореновомъ полѣ. Собравшуюся толлу спрашиваютъ, желаетъ ли, чтобы была измѣнена мѣстная конституція составляющая де ея счастье. Кричатъ, что надо ее хранить и ходатайствовать объ уменьшеніи цѣны на хлѣбъ. „Пьютъ, орутъ и возвращаясь въ городъ кричатъ: мы за дворянство, будемъ драться за наши деньги“. *Лакей* есть ихъ лозунгъ; военный крикъ: „бей крѣпко, заработаешь шесть франковъ“. Шайка полульяныхъ лакеевъ съ палками и дубинами нападаетъ на кофейную служащую обычнымъ мѣстомъ соединенія молодежи; шесть молодыхъ людей избиты. И не только молодые люди, но „даже женатые, отцы семействъ, наконецъ, всякій кто, не будучи студентомъ правъ и очень молодымъ, сохранялъ нѣкоторый видъ молодости, поражаются палками и камнями“. На другой день послѣ побоища многіе молодые люди запасаются оружіемъ. Послѣ обѣда въ кофейную, гдѣ собралось человѣкъ до тридцати молодежи, прибѣгаетъ блѣдный, окровавленный человѣкъ, на котораго напали дворянскіе лакеи. Негодованіе наполняетъ сердца, „молодые люди становятся страшными“, идутъ къ монастырю гдѣ происходило собраніе дворянства, требуютъ чтобы вышли два члена-устроителя народнаго сборища на Монмореновомъ полѣ Идутъ переговоры. Отрядъ городской стражи остается зрителемъ. Нѣкоторые неудержимые дворяне восклицаютъ, что нечего разговаривать и съ пистолетами бросаются на молодежь. Тѣ отвѣчаютъ выстрѣлами. Волненіе распространяется въ народѣ Идетъ побоище и употребляется въ дѣло огнестрѣльное оружіе. Дворяне дѣйствуютъ двустволками. Одна дама высшаго круга (une femme de condition) стоитъ у своихъ оконъ съ двумя пистолетами въ рукахъ и кричитъ: „не студентъ ли это идетъ?“ Поведеніе парламента не разслѣдовавшаго дѣла возмутительно. 30 января на призывъ Реннскаго студенчества прибыла масса молодыхъ людей изъ Нанта. Лозунгомъ было: „да здравствуетъ король, да здравствуетъ графъ Тіаръ!..“

„Насъ здѣсь, сказано въ концѣ реляціи, до девяти сотъ молодыхъ людей изъ Нанта и шесть сотъ остальныхъ. Насъ здѣсь обожаютъ".

Вотъ краткое содержаніе документа За устраненіемъ явно фальшиваго освѣщенія, изъ него во всякомъ случаѣ явствуетъ, что правительство сквозь пальцы смотрѣло на безпорядки и своимъ образомъ дѣйствій поощряло партію противную дворянству, въ свою очередь напедшему защиту въ мѣстномъ низшемъ торговомъ и рабочемъ классѣ, названномъ въ документѣ *лакеями*, чтобъ обозначить, что это были будто люди не изъ народа, хотя на самомъ дѣлѣ настоящихъ лакеевъ, очевидно, не могло быть большое число. Нападала ло всей видимости молодежь, она же и наиболѣе, повидимому, пострадала. Адвокаты приняли сторону студентовъ и составили мемуаръ на имя короля (*Arch. parl.* I, 528), въ которомъ говорили между прочимъ: „государь, мы были очевидцами этого преступнаго сборища лакеевъ и дворниковъ (porte-chaises) находящихся въ услуженіи у дворянъ и судейскихъ сановниковъ". Жаловались на парламентъ, подвергающій дѣло по ихъ мнѣнію пристрастному разслѣдованію. Реннскій университетъ въ свою очередь свидѣтельствовалъ, что учащіеся въ немъ не были нападающими въ столкновеніи 26 и 27 января „хотя ихъ и другихъ молодыхъ людей и стараются оклеветать предъ королемъ и его министрами". Представленіе въ пользу молодыхъ людей было сдѣлано также отъ имени средняго сословія нѣкоторыми его представителями. Наконецъ, въ *Archives parl.* (I, 531) помѣщенъ куріозный протестъ „матерей, сестеръ, женъ и *возлюбленныхъ* молодыхъ гражданъ города Анжера отъ 6 февраля 1789 года". „Молодые граждане" собирались, повидимому, подобно Нантской молодежи, отправиться въ Реннъ на помощь. Протестъ именуется *Assemblée et arrêté des mères, soeurs, épouses et amantes des jeunes citoyens d'Angers*" и гласитъ: „Мы матери, сестры, супруги и *возлюбленныя* молодыхъ гражданъ города Анжера, собравшіяся въ экстра-ординарное собраніе, по прочтеніи постановленій всѣхъ господъ молодежи (de tous messieurs de la jeunesse) и проч., объявляемъ, что если безпорядки возобновятся и въ случаѣ отбытія, въ виду соединенія за общее дѣло всѣхъ разрядовъ гражданъ, мы присоединимся къ нации, интересы коей суть наши интересы, и примемъ на себя, такъ какъ сила не нашъ удѣлъ, заботы о багажѣ, провизіи. приготовленіи къ отбытію и всяческія заботы, утѣшенія, услуги, сколько отъ насъ будетъ зависѣть. Протестуемъ противъ всякаго обвиненія въ намѣреніи удалиться отъ уваженія и повиновенія какими мы обязаны по отношенію къ королю; но заявляемъ, что скорѣе погибнемъ чѣмъ оставимъ нашихъ возлюбленныхъ (nos amants), нашихъ супруговъ, нашихъ дѣтей и братьевъ, предпочитая безопасности постыднаго бездѣйствія славу раздѣлить съ ними опасность".

Что касается образа дѣйствія правительства, то вотъ какъ свидѣтельствуетъ о томъ маркизъ Булье (*Mém.* 71). „Въ январѣ 1789 въ Бретани произошли великіе безпорядки, источникъ которыхъ былъ совершенно противоположенъ прежнимъ, возбуждавшимся дворянствомъ и парламентомъ. Въ этотъ разъ буржуазія многихъ большихъ городовъ соединилась въ Реннѣ, вооружилась и повела открытую войну противъ дворянства, съѣхавшагося на собраніе и отъ котораго уже отдѣлились члены средняго сословія. Дворянство было въ продолженіе тридцати шести часовъ осаждено въ его залахъ, затѣмъ подвергалось оскорбленіямъ, побоямъ, многіе дворяне были убиты. Начальникъ провинціи, хотя въ Реннѣ и въ Бретани вообще была значительная военная сила, оставался во время безпорядковъ въ бездѣйствіи и не принялъ никакихъ мѣръ къ ихъ прекращенію, хотя баталіонъ гражданъ съ пушками и фурами открыто двигался отъ окраинъ провинціи къ Ренну. По этому поводу я выразилъ г. Монморену (министру иностранныхъ дѣлъ) мое удивленіе, что правительство не прекращаетъ безпорядковъ... Онъ, къ моему изумленію, отвѣтилъ: „король слишкомъ недоволенъ Бретонскимъ дворянствомъ и „парламентомъ чтобы защищать ихъ отъ буржуазіи, справедливо „раздраженной ихъ наглостью и оскорбленіями. Пусть раздѣлываются сами, правительство не вмѣшается". Я отвѣтилъ ему: „еслибы „дѣло шло о томъ, чтобы наказать эти корпораціи, наказанія заслуживающія, вы были бы правы. Но наказать ихъ принадлежитъ „королю. А выдавая ихъ мщенію ихъ враговъ и соперниковъ, даже „какъ бы поддерживая этихъ послѣднихъ,—такъ должны мы думать,— „вы причините великія неурядицы и зажжете пожаръ, который не „въ состояніи будете потушить". — Тогда, отвѣтилъ онъ, если зло „разрастется, пошлютъ маршала де Броль (de Broglie) или васъ, чтобы „возстановить порядокъ". — „Ну, не было бы поздно, воскликнулъ я... Монморенъ былъ только органъ Неккера".

Непокладистое Бретонское дворянство кончило тѣмъ, что отказалось послать депутатовъ въ Собраніе.

Кромѣ Бретани крупными явленіями ознаменовались выборы въ Провансѣ. Здѣсь выступилъ Мирабо, страстно домогавшійся избранія въ Собраніе. Репутація безнравственности и таланта и высказанная враждебность къ интересамъ привилегированныхъ классовъ дѣлали невозможнымъ его избраніе въ средѣ дворянства. На непосредственный выборъ въ средѣ средняго сословія онъ мало разсчитывалъ, имѣя самое невысокое мнѣніе о силѣ и политическомъ смыслѣ этого сословія. „Среднее сословіе (le thiers), пишетъ онъ 21 января 1789 г. (*Mém.* V, 247; lettre à M. de Comps), не имѣетъ ни плана, ни свѣдѣній. Съ ожесточеніемъ держится за глупости, въ которыхъ неправо и подло устулаетъ въ важнѣйшихъ пунктахъ,

въ которыхъ право. Что за глупыя дѣти люди!". Въ другомъ письмѣ отъ 26 января: „тщетно стараюсь сплотить среднее; вольные рабы болѣе дѣлаютъ тирановъ, чѣмъ сколько тираны дѣлаютъ рабовъ. Никто такъ не вредитъ народу какъ онъ самъ". Мирабо принялъ такой планъ. Онъ въ средѣ дворянскаго собранія явился защитникомъ правъ средняго класса, обличителемъ привилегій, народнымъ трибуномъ, глашатаемъ желаній націи и употреблялъ всѣ силія, чтобы сдѣлать принятую на себя роль повсюду гласною, имя свое раздающимся во всѣхъ ушахъ. Онъ бросился въ эту агитацію со всею энергіей неудержимаго характера и со всею силой великаго ораторскаго таланта. Днемъ произносилъ свои рѣчи, ночью писалъ ихъ для печати и составлялъ брошюры. Наиболѣе впечатлѣнія произвелъ его печатный *Отвѣтъ на протестъ противъ рѣчи графа Мирабо о представительствѣ націи*. Въ этомъ отвѣтѣ находятся знаменитыя строки: „во всѣхъ странахъ, во всѣ времена аристократія неумолимо преслѣдовала друзей народа. И если по какому-либо невѣдомому устроенію судьбы таковой являлся въ ея средѣ, на него въ особенности направляла она свои удары, жаждая выборомъ жертвы внушить ужасъ. Такъ погибъ послѣдній изъ Гракховъ. Но пораженный смертельнымъ ударомъ, онъ бросилъ горсть пыли къ небу, призывая боговъ-мстителей. Изъ этой пыли родился Марій, Марій менѣе великій истребленіемъ Кимвровъ, чѣмъ пораженіемъ аристократіи въ Римѣ".

Усилія Мирабо увѣнчались успѣхомъ. „Головы, лекомыя солнцемъ Прованса", какъ выражался онъ о своихъ соотечественникахъ (*Mém.*, V, 246), разогрѣлись до небывалаго энтузіазма. Когда, послѣ кратковременной поѣздки изъ Марселя въ Парижъ, повидимому за денежными средствами (какъ будто безъ его вѣдома были изданы *Письма изъ Берлина, Correspondances de Berlin*, заключавшія секретныя донесенія Мирабо о Берлинскомъ дворѣ, и изданіе имѣло большой успѣхъ скандала), Мирабо возвращался назадъ, въ городѣ Ламбескѣ его встрѣтили съ поздравленіемъ чины городской думы (*Mém.*, V 272). „Тысячи людей; мущины, женщины, дѣти, духовные, солдаты, люди въ орденахъ всѣ кричали: да здравствуетъ графъ Мирабо, да здравствуетъ отецъ отечества!.. Хотѣли распречь карету. — Друзья, сказалъ онъ,—люди созданы не для того, чтобы носить на себѣ людей, вы и такъ слишкомъ ихъ на себѣ несете!..." Тѣ же овацiи въ другихъ городахъ. О выѣздѣ изъ Марселя самъ Мирабо писалъ 21 марта графу Караману, начальнику провинціи (письмо было напечатано): „Вообразите сто тысячъ человѣкъ на улицахъ Марселя; весь городъ столь рабочій и коммерческій, теряющій день: окна, нанимаемыя за луидоръ и за два: лошади также; коляску человѣка, вся заслуга котораго, что послужилъ дѣлу справедливости, покрытую пальмовыми, лавровыми, масличными вѣтвями; народъ, цѣлующій

колеса, женщинъ протягивающихъ своихъ дѣтей; сто тысячъ голосовъ отъ матроса до милліонера (depuis le mousse jusqu'au millionnaire), восклицающихъ: да здравствуетъ король; четыреста или пятьсотъ отборныхъ молодыхъ людей, предшествующихъ мнѣ, триста каретъ, за мною слѣдующихъ—и вы получите понятіе о моемъ выѣздѣ изъ Марселя". По слову Мирабо подымаются и улегаются народныя волны. Общественное возбужденіе породило безпорядки по поводу дороговизны хлѣба. Начальникъ провинціи обратился къ содѣйствію Мирабо и писалъ ему 20 марта: „Вы слишкомъ любите порядокъ, чтобы не уразумѣть послѣдствій многолюдныхъ сборищъ въ минуту, когда царствуетъ, не знаю по какому поводу, прискорбное броженіе. Вы не можете дать большаго доказательства любви къ королю и къ счастію королевства, какъ успокоивъ умы, коихъ должны бы видѣть въ собраніи сословныхъ представителей единственную основу національнаго блага". Мирабо издалъ родъ манифеста къ народу. „Добрые друзья мои, писалъ онъ (*Mém.*, V, 411: Avis de Mr. de Mirabeau au peuple de Marseille, 25 mars 1789), я хочу сказать вамъ, что думаю о происшедшемъ въ послѣдніе дни въ вашемъ прекрасномъ городѣ. Выслушайте меня; я имѣю одно желаніе—быть вамъ полезнымъ; я не хочу васъ обманывать.. Вы жалуетесь на многія вещи. Знаю. Ну, такъ вотъ, чтобъ исправить то, на что вы жалуетесь, вашъ добрый король и созываетъ собраніе въ Версалѣ на 27 число будущаго мѣсяца. Но нельзя все сдѣлать заразъ. Вы жалуетесь главное на двѣ вещи — дороговизну хлѣба и говядины. Займемся, волервыхъ, хлѣбомъ. Хлѣбъ есть существенное. Относительно хлѣба, если мы благоразумны, будемъ имѣть надлежащее терпѣніе. Нельзя тотчасъ передѣлать все, что слѣдуетъ передѣлать. Иначе мы были бы не люди, а ангелы"... И такъ далѣе, въ томъ же поучительномъ тонѣ.

Обращеніе оканчивается новымъ упоминаніемъ о „добромъ королѣ". „Да, друзья, всюду скажутъ: Марсельцы хорошій народъ. Король узнаетъ объ этомъ, добрый король, котораго не надо огорчать, котораго мы не перестанемъ призывать. Онъ васъ за это еще болѣе будетъ любить и цѣнить. Можемъ ли отказаться отъ удовольствія, какое ему сдѣлаемъ въ то время, когда онъ именно озабоченъ самыми насущными нашими интересами. Можемъ ли безъ слезъ подумать о минутахъ счастія, какимъ онъ намъ будетъ обязанъ".

Вотъ какимъ языкомъ надо еще было говорить въ 1789 году, чтобы пріобрѣсти популярность въ массахъ. И какъ скоро все перемѣнилось!

Наконецъ выборы по провинціямъ кончились. Депутаты направились въ столицу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Наказы выборнымъ.

I. Общій характеръ наказовъ.—II. Наказы по вопросамъ о воспитаніи.

I.

Согласно древнему обычаю и королевскому регламенту отъ 24 января 1789 года, избиратели каждаго округа лосословно составляли *наказы* своимъ выборнымъ, носившіе названіе cahiers de doleances, тетради печалованій. Распространивъ избирательное право почти до предѣловъ всеобщей подачи голосовъ, король въ своемъ регламентѣ высказываетъ желаніе, „чтобы каждый, ото всѣхъ кондовъ государства, отъ обиталищъ наименѣе извѣстныхъ, могъ быть увѣренъ въ возможности довести до его величества свои желанія и требованія“ Онъ надѣется, что „помощію послѣдовательныхъ собраній“ (assemblées graduelles—первыя общія собранія выбираютъ избирателей, избиратели выбираютъ представителей) предписанныхъ для средняго сословія по всей Франціи, онъ „войдетъ въ нѣкоторый родъ сношенія со всѣми обитателями своего государства и сблизится болѣе точно и непосредственно съ ихъ нуждами, желаніями“. (*Arch. Parl.* I, 544). Эти наказы (далеко притомъ не всѣ) въ *Парламентскомъ Архивѣ* (*Archives parlementaires*) занимаютъ болѣе пяти обширныхъ томовъ, по восьмисотъ почти страницъ каждый, мелкой печати въ двѣ колонны.

Масса заявленій, заключающихся въ наказахъ, имѣетъ по отношенію къ главнымъ пунктамъ характеръ алгебраическихъ формулъ, заготовленныхъ для Собранія, въ которыхъ оставалось только дать буквамъ болѣе частное значеніе, а то и просто переписать формулу цѣликомъ. Эти формулы были внушены преимущественно политическою печатью эпохи.

Что такія формулы были даже матеріально заготовлены, свидѣтельствуетъ одинаковость выраженій во множествѣ наказовъ. Правительство нашлось даже вынужденнымъ выдать предписаніе, долженствовавшее парализовать дѣйствія пропаганды, направленной извнѣ на избирательныя собранія гдѣ составлялись наказы.

Въ постановленіи королевскаго совѣта отъ 27 февраля 1789 года сказано: „До свѣдѣнія короля дошло, что во многихъ провинціяхъ старались и теперь стараются затруднить свободу подачи голосовъ его подданныхъ, приглашая ихъ присоединяться своими подписями къ писаніямъ, гдѣ заявляются разныя желанія и мнѣнія о наказахъ, какіе надлежитъ дать представителямъ націи въ собраніи государственныхъ сословій“. Таковыя дѣйствія признаны незаконными и подлежащими кассаціи.

Формулы, заключающіяся въ наказахъ, вѣрно выражаютъ то общественное настроеніе, какое сложилось въ эпоху созыва представителей, подъ вліяніемъ приверженцевъ переворота и удачно достигнутаго правительственнаго теченія въ томъ же направленіи, казавшагося уступкой мнѣнію, а бывшаго въ сущности могущественнымъ его двигателемъ. Формулы эти выражали еще сравнительно умѣренныя требованія. и Калонъ въ сочиненіи своемъ *De l'état de la France* (octobre 1790) ясно показалъ, насколько члены Національнаго Собранія переступили границы, указанныя имъ въ наказахъ. И это было естественно. Движеніе, увлекавшее къ паденію старый монархическій строй, шло по склону. За уступками, съ какими напросилось само правительство въ донесеніи Некkера, 27-го декабря, послѣдовали требованія и желанія, выраженныя въ наказахъ. Національное Собраніе пошло далѣе и создало конституцію монархическую по формѣ, но въ сущности разрушающую монархію. Всѣ наказы единогласно высказались въ пользу монархическаго строя страны. И высказались не только по политическому приличію и въ сознаніи офиціальнаго характера составляемыхъ тетрадей, но несомнѣнно въ силу тогда еще искренняго убѣжденія громаднаго большинства. что другой строй и невозможенъ въ такой странѣ, какъ Франція, и въ силу признательности къ королю „возродителю націи“. Но собраніе лишило короля серіознаго участія въ законодательствѣ, постановивъ, что отвергаемый королемъ законъ чрезъ извѣстный срокъ, если собраніе настаиваетъ на его утвержденіи, вступаетъ въ силу помимо королевскаго согласія (veto suspensif), и отняло у короля право объявленія войны и заключенія мира. Королевская власть стала балластомъ, скоро и совсѣмъ выкинутымъ за бортъ—монархія смѣнилась реслубликой.

Касаясь самыхъ общихъ вопросовъ государственнаго устройства, наказы касаются нерѣдко и многихъ мелочей мѣстнаго характера. Нѣкоторыя мелкія подробности этого рода интересны съ бытовой стороны. Вотъ, напримѣръ, наказъ парижскихъ избирателей средняго сословія, излагающій въ литературно-сатирической формѣ жалобы Парижа относительно разныхъ сторонъ городской жизни. Приведу значительную часть этого наказа, раздѣленнаго на параграфы (*Cahier patriculier et local du thiers de la ville de Paris; Arch. parl.* V, 295). Любопытно чего просили избиратели собственно для Парижа.

„§ 1. Чтобы городъ былъ возстановленъ въ своемъ древнемъ естественномъ (?) правѣ выбирать себѣ купеческаго старшину (городскаго голову); чтобъ этотъ первый муниципальный сановникъ могъ быть безразлично избираемъ изъ дворянъ, магистратуры и буржуазіи. Носилъ бы наименованіе мера Парижа.

„§ 3. Чтобы ненавистныя стѣны, какими королевскіе откупщики (fermiers du roi) заперли столицу, несмотря на чрезвычайныя усилія парламента и очень энергическій патріотизмъ муниципальныхъ членовъ, были разрушены до основанія на счетъ упомянутыхъ откупщиковъ.

„§ 4. Просить короля проводить зимы въ его добромъ городѣ Парижѣ, по истинѣ добромъ, очень добромъ для его величества.

„§ 6. Уменьшить ужасающую роскошь экипажей, пріостановить ихъ бѣшеную скачку, дабы въ минуту, когда каждый кричитъ о свободѣ, несчастный пѣшеходъ могъ по крайней мѣрѣ защитить свою жизнь.

„§ 7. Чтобъ устроены были столь давно желаемые тротуары, какъ отдѣльное пространство для проходящихъ на большихъ улицахъ; чтобы каретамъ позволялось ѣхать въ одинъ только рядъ и всѣ кабріолеты, даже принадлежащіе принцамъ, снабжены были звонками: пусть эта новая музыка сдѣлается охраной гражданина.

„§ 8. Воспретить домовладѣльцамъ лодымать дома выше четвертаго этажа, дабы улицы перестали быть грязными ущельями, куда солнце заглядываетъ, кажется, съ сожалѣніемъ.

„§ 10. Чтобы развратныя женщины, ихъ патроншы и вся нечистая рота были переведены въ особый кварталъ...

„§ 11. Чтобы почтенный корпусъ квартальныхъ надзирателей (vénérable corps des commissaires de quartier) былъ измѣненъ, передѣланъ, очищенъ отъ мелкихъ злоупотребленій, въ какихъ его упрекаютъ; чтобы лица эти обнаруживали любезность и вниманіе не только къ лавочникамъ, снабжающимъ ихъ провизіей и суконнымъ торговцамъ, приглашающимъ ихъ обѣдать по праздникамъ, но и послѣднему поденщику.

„§ 15. Положить границы чрезмѣрной дороговизнѣ квартиръ...

„§ 16. Уменьшить невѣроятное число этихъ мелкихъ убійцъ, которые подъ покровомъ парика и привилегій, умѣя владѣть только бритвой, суются лѣчить самыя сложныя болѣзни и которымъ какъ бы отдана кровь народа.

„§ 18. Положить границы неправильнымъ барышамъ мясниковъ, которыхъ жены ходятъ въ бриллiантахъ, которые содержатъ любовницъ и играютъ въ карты на быковъ (jouent la valeur d'un boeuf à une partie de *triomphe*).

„§ 35. Воспретить мущинамъ ремесло женскихъ парикмахеровъ и портныхъ, волервыхъ, для приличія и, вовторыхъ, чтобы не отнимать хлѣбъ у столькихъ несчастныхъ работницъ, которыхъ недостатокъ занятій какъ бы уполномочиваетъ извлекать выгоды изъ своей молодости.

„§ 36. Воспретить содержанкамъ (aux demoiselles), изъ основательныхъ соображеній, имѣть этихъ лажей новаго времени, извѣстныхъ подъ именемъ жокеевъ, да и нѣкоторымъ мущинамъ изъ соображеній еще болѣе основательныхъ“.

II.

Я прочиталъ что̀ есть въ наказахъ по вопросу о народномъ просвѣщеніи. Трудъ этотъ чрезвычайно облегченъ обстоятельнымъ указателемъ занимающимъ VII томъ *Archives parlementaires*. Безъ указателя было бы крайне трудно разобраться въ этой массѣ документовъ. Я остановлюсь на вопросѣ о воспитаніи, имѣя въ особенности въ виду то обстоятельство, что у насъ въ недавнемъ прошломъ дѣло революціонной пропаганды гнѣздилось по преимуществу около высшихъ учебныхъ заведеній, и школа составляла главную цѣль агитаціи революціонной и вообще клонящейся къ политическому перевороту.

Въ какомъ отношеніи къ дѣлу революціи находилась французская школа въ эпоху предшествовавшую перевороту 1789 года? Нѣтъ сомнѣнія, что воспитаніе поколѣнія произведшаго этотъ переворотъ было весьма важнымъ его условіемъ. Къ сожалѣнію французскіе историки оставили этотъ предметъ безъ всякаго вниманія. Даже у Тэна, такъ внимательно изучившаго все строеніе предреволюціоннаго общества, о школѣ въ предреволюціонную эпоху нѣтъ ни слова. Школа очевидно не имѣла того значенія какое злая судьба хотѣла дать ей у насъ, но воспитаніе не могло во всякомъ случаѣ оставаться безъ вліянія. Вообще французская литература не богата сочиненіями и сборниками документовъ по исторіи народнаго просвѣщенія во Франціи. Вопросы касающіеся этого предмета только въ послѣднее время начинаютъ возбуждать нѣкоторый интересъ. Появляются статьи въ журналахъ, а министерство просвѣщенія, какъ сообщаютъ газеты, намѣрено издать документы по части народнаго просвѣщенія въ революціонную эпоху.

Пока приходится довольствоваться очень немногимъ. Французская школа, блестящая въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII, была въ эпоху, когда воспытывалось поколѣніе, произведшее революцію, въ состояніи значительнаго распаденія. Въ 1763 году совершилось изгнаніе іезуитовъ, стоявшихъ во главѣ дѣла воспитанія во Франціи. Эта побѣда парламентовъ, усиліями которыхъ совершилось паденіе могущественнаго ордена во Франціи, имѣла обширныя послѣдствія. Вліяніе университетовъ, особенно Парижскаго, боровшагося съ іезуитами, поднялось, но педагогическія силы въ совокупности понесли въ странѣ значительный ущербъ. Политическія цѣли

ордена находились лишь въ отдаленной связи съ его педагогическою дѣятельностью. „Какъ обучатели юношества, говоритъ компетентный историкъ Парижскаго университета, г. Журденъ (Jourdain. *Hist. de 'Univ. de Paris*, 398 цитата въ Compayré *Hist. des doctrines de l'education*, II, 240) іезуиты были внѣ всякаго упрека". Іезуиты, въ отношеніи педагогическаго искусства, были, по выраженію г-жи Жанлисъ (*Mém.* VI, 19), „лучшіе воспитатели этого времени, можетъ-быть всѣхъ временъ". Съ удаленіемъ іезуитовъ руководимыя ими учебныя учрежденія перешли въ вѣдѣніе университета и парламентовъ. Пришлось замѣщать многочисленный, искусный и преданный дѣлу персоналъ, довольствовавшійся въ матеріальномъ отношеніи крайне малымъ. Г Эмонъ въ *Исторіи коллежа Людовика Великаго* (*Hist. du Collège du Louis le Grand*, 1845; 244) приводитъ разговоръ имѣвшій мѣсто чрезъ нѣсколько лѣтъ по изгнаніи іезуитовъ въ библіотекѣ коллежа между принципаломъ коллежа д'Аркура, находившагося въ общемъ вѣдѣніи съ коллежемъ Людовика Великаго, и другими служащими. Рѣчь шла о недостаткѣ въ хорошихъ воспитателяхъ. „Значитъ мы должны жалѣть объ іезуитахъ?" возразилъ одинъ изъ присутствовавшихъ. „Вы говорите объ іезуитахъ, съ горячностью возразилъ принципалъ д'Аркура. Ну, такъ знайте же, что во Франціи для университета изгнаніе іезуитовъ то же что въ древнее время для республики въ Римѣ было паденіе Карѳагена. Соревнованіе одушевлявшее обѣ соперничавшія стороны, держало умы въ возбужденіи и обращалось на пользу обученія. Гдѣ теперь этотъ жаръ воспламенявшій и учителей и учениковъ? Приходится сказать, что іезуиты унесли съ собою священный огонь хорошаго ученія. Съ тѣхъ поръ какъ они покинули Парижъ, усердіе пало въ нашихъ школахъ". Авторъ указываетъ далѣе (251, 255) на ослабленіе внутренней связи между воспитателями и учащимися, на духъ недовольства, „требующій отъ дисциплины отчета въ ея требованіяхъ, отъ управляющей власти въ ея распоряженіяхъ". Наблюденіе приняло характеръ поверхностный, останавливающійся на внѣшности и скрытный, сосредоточенный. Робеспьеръ, таившій развивающееся зерно политической зависти и ненависти, могъ считаться образцомъ въ ученіи и въ поведеніи и при окончаніи курса (въ іюлѣ 1781; онъ воспитывался на благотворительный счетъ, какъ стипендіатъ Арасскаго епископства) получить денежное пособіе и самый похвальный аттестатъ за отличное поведеніе въ теченіе двѣнадцатилѣтняго пребыванія въ коллежѣ и успѣхи въ наукахъ.

На практикѣ школа клонилась къ упадку. Зато въ теоріи едва ли когда было такое обиліе новыхъ плановъ ученія и кореннаго преобразованія существующей системы воспитанія. Пресловутое произведеніе Руссо *Эмиль*, не внеся ничего серіозно положительнаго, въ

отрицательномъ отношеніи имѣло большія послѣдствія. Г-жа Жанлисъ въ своихъ *Мемуарахъ* (*Mém.*, Paris, 1825, T. VI, 14) говоритъ такъ: „Въ теченіе пятидесяти лѣтъ (съ эпохи шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка) общественное и частное воспитаніе были подчинены безчисленному множеству системъ противоположныхъ одна другой. Въ началѣ воспитывали à la Жанъ Жакъ Руссо. Не надо учителей, не надо уроковъ. Дѣти перваго возраста были *предоставлены природѣ* (livrés à la nature), а такъ какъ природа не учитъ правописанію и еще менѣе учитъ латыни, то въ обществѣ „появилась масса молодыхъ людей поразительнаго невѣжества".

Ученіе стало крайне поверхностнымъ. „Слушать публичныя лекціи Шарля, Митуара (Mitouard), Сиго Лафона; ѣздить верхомъ поанглійски, объявлять себя глюккистомъ или пиччинистомъ, умѣть говорить объ углекисломъ газѣ—вотъ что называлось быть хорошо воспитаннымъ. Къ эпохѣ революціи бросились въ политику, всѣ молодые люди сдѣлались государственными мужами".

Куріозно, что тотъ же Руссо, желавшій своимъ *Эмилемъ* произвесть революцію въ педагогіи и проповѣдывавшій въ этой книгѣ нѣкоторую фантастическую систему воспитанія возможную, если бы даже она была возможна, развѣ для какого-нибудь принца крови имѣющаго богатыя средства исполнить всякую фантазію,— въ своихъ наставленіяхъ политической мудрости по адресу несчастной Польши (*Considération sur le gouvernement de Pologne et sur la réformation projetée en avril* 1722; цитата у Compayré, II, 91) проникается иною идеей, ведетъ совсѣмъ иную рѣчь о нѣкоторой общественной школѣ, имѣющей воспитывать не человѣка вообще въ родѣ Эмиля, а польскаго патріота пропитаннаго отчизновѣдѣніемъ. „Дитя, открывъ глаза, долженъ видѣть отечество и не видѣть ничего кромѣ отечества. Каждый республиканецъ съ молокомъ матери всасываетъ любовь къ отечеству, то-есть къ законамъ и свободѣ. Въ этой любви все его существованіе, онъ видитъ только отечество, живетъ только для него; какъ скоро онъ одинъ—онъ нуль; какъ только онъ не имѣетъ отечества, онъ не существуетъ болѣе... Я хочу, чтобъ учась читать Полякъ читалъ о своемъ отечествѣ; чтобы въ десять лѣтъ онъ зналъ всѣ его произведенія, въ двѣнадцать всѣ провинціи, всѣ дороги, всѣ города, въ пятнадцать зналъ бы всю его исторію, въ шестнадцать всѣ законы: чтобы не было въ Польшѣ прекраснаго дѣянія, знаменитаго человѣка, который не наполнялъ бы его памяти и его сердца".

Въ свою очередь Кондильякъ составлялъ для герцога Пармскаго свою удивительную систему воспитанія. Съ чего должно начинать ученіе ребенка? Съ предварительныхъ уроковъ, leçons préliminaires.

Изъ чего же должны состоять эти предварительные уроки? Они имѣютъ предметомъ: 1) природу идей, 2) функціи души, 3) привычки, 4) различеніе души и тѣла, 5) познаніе Бога. За психологіей преподанной въ самомъ раннемъ возрастѣ слѣдуетъ философія исторіи: „человѣкъ и общество въ ихъ исторіи и постепенномъ прогрессѣ". Грамматика идетъ потомъ (Compayré, II, 177).

Члены парламента, послѣ побѣды надъ іезуитами принявшіе подъ свое покровительство вопросъ школы (особенно тѣ, что „служили музамъ", по выраженію г-жи Жанлисъ), составляли свои планы, безъ спеціальныхъ педагогическихъ знаній. Требовалось воспитаніе сдѣлать болѣе свѣтскимъ, болѣе приноровленнымъ къ потребностямъ жизни. Сюда относятся планы Ла-Шалотэ и Ролана.

Правительство, въ свою очередь, на словахъ, интересовалось вопросомъ о воспитаніи и, когда заходила рѣчь объ этомъ предметѣ, ставило его на первенствующее мѣсто, справедливо усматривая зависимость отъ общественнаго воспитанія всей будущности страны. Но какъ скоро доходило до дѣла, важнѣйшій вопросъ отодвигался на задній планъ и въ долгій ящикъ Мармонтель разсказываетъ, какъ вызвалъ его серіозный Ламуаньйонъ и предложилъ составить планъ школьной реформы, но дѣло не двинулось, такъ какъ Ламуаньйонъ былъ уволенъ.

Внутренняя расшатанность школы и укрѣпившаяся мысль, что школа подлежитъ коренному преобразованію, имѣли важныя послѣдствія. Воспитаніе учащихся раздвоилось. Явились два обученія: одно внутри школы, въ старомъ разваливающемся зданіи, хотя и на крѣпкомъ фундаментѣ, другое внѣ школы на свободномъ мѣстѣ, гдѣ имѣется въ виду безъ фундамента воздвигнуть зданіе самой фантастической архитектуры, согласно новымъ идеямъ. Болѣе и болѣе пріобрѣтало значенія порицаніе, къ какому особенно склонны умы поверхностно относящіеся къ школьному дѣлу, что между существующею школой и жизнью лежитъ пропасть: школа не готовитъ де къ жизни. Въ подобныхъ порицаніяхъ выражается обыкновенно не столько сознательное представленіе о какомъ-нибудь школьномъ планѣ, который сдѣлалъ бы возможнымъ прямой переходъ отъ школьной скамьи къ практическимъ занятіямъ, сколько безсознательное ощущеніе несоотвѣтствія началъ, лежащихъ въ нравственной основѣ школы, каковыми были въ старой французской школѣ начала религіозное и монархическое, съ охватившимъ волнующуюся часть общества стремленіемъ къ потрясенію именно этихъ началъ. Школа не даетъ того, что требуетъ жизнь. Что это значитъ? Когда это говорится въ эпоху безпокойнаго политическаго настроенія, можно быть увѣреннымъ, что дѣло идетъ вовсе не объ удовлетвореніи практическимъ требованіямъ жизни. Практическая жизнь требуетъ дѣльныхъ людей для разныхъ

поприщъ. Не это имѣется въ виду, когда идетъ рѣчь,—какъ было во Франціи,—о воспитаніи „человѣка" и „гражданина". Источникъ горячности исключительно въ политической подкладкѣ дѣла. Многіе добросовѣстные, но политически недальновидные люди этого не замѣчаютъ и полагаютъ, что все дѣло въ исканіи наилучшаго пути для научнаго образованія юношества. Но удалите политическую подкладку, удалите элементъ агитаціи и пропаганды и увидите—дѣло приметъ совсѣмъ иной видъ. Французская предреволюціонная агитація въ пользу школьной реформы отличалась отъ недавней нашей тѣмъ, что не была ни злою, ни напряженною, такъ какъ ея политическая подкладка была въ общихъ идеяхъ и ученіяхъ, и собственно политическій элементъ примѣшивался къ ней лишь косвенно.

О школѣ внѣ школы свидѣтельствуетъ анекдотъ, встрѣченный мною въ *Mémoires et souvenirs d'un pair de France* (Paris, 1829, I, 18). Эти анонимныя *Воспоминанія* въ историческомъ отношеніи не имѣютъ цѣны. Но нѣтъ никакого основанія считать приводимый разсказъ выдумкой. Авторъ въ 1778 году учился въ одномъ изъ парижскихъ коллежей и своимъ дядей былъ представленъ находившемуся тогда въ Парижѣ Вольтеру. „Вольтеръ, говоритъ онъ, спросилъ, въ какомъ я классѣ. Въ риторикѣ, отвѣчалъ я, дрожа и краснѣя. Онъ это замѣтилъ и, принявъ насмѣшливый видъ, сказалъ: я пугаю васъ.—О нѣтъ, но вы меня уничтожаете. Это ему польстило.—Я полагаю васъ знакомятъ только съ греческими и латинскими авторами?—Мы заучиваемъ наизусть лучшіе отрывки новыхъ геніальныхъ писателей, Расина, Корнеля, Вольтера, прибавилъ я запинаясь. Вольтеръ остался доволенъ. Я возвратился въ коллежъ, гдѣ неустанно разсказывалъ о моемъ счастіи. Безпрерывно мнѣ приходилось повторять разсказъ предъ новыми слушателями. Префекты, репетиторы, сами профессоры жадно выслушивали всѣ подробности и завидовали выпавшему на мою долю счастію говорить съ г. Вольтеромъ". Такъ цѣнилось въ заведеніи, управляемомъ духовными лицами, вниманіе писателя, столь враждебнаго католичеству и духовенству. Если подъ такимъ обаяніемъ внѣ-школьнаго потока были наставники, что сказать объ ученикахъ? Въ обширной похвальной біографіи Робеспьера, написанной Гамелемъ (*Histoire de Robespierre,* par Ernest Hamel, Paris, 1879, I, 14), къ сожалѣнію безо всякихъ ссылокъ на источники, упоминается, съ восхищеніемъ конечно, объ учителѣ республиканскихъ убѣжденій, являвшемся проводникомъ въ школу внѣ школьнаго потока и имѣвшемъ великое вліяніе на героя біографіи. „Одинъ изъ его профессоровъ риторики, говоритъ г. Гамель, мягкій и ученый Гериво (Hérivaux), особенно его цѣнившій и любившій, не мало содѣйствовалъ къ развитію въ немъ республиканскихъ идей. . Этотъ

честный дѣятель (лозволю себѣ такъ перевести, приноровляясь къ нашей терминологіи, выраженіе le brave homme) сдѣлался апостоломъ идеальнаго правленія, объясняя юнымъ слушателямъ лучшія мѣста наиболѣе чистыхъ (des plus pures) авторовъ древности, стараясь вдохнуть въ нихъ огонь своихъ горячихъ убѣжденій. Робеспьера, котораго сочиненія дышали нѣкотораго рода стоическою моралью и священнымъ энтузіазмомъ свободы, онъ назвалъ Римлянином".

Гизо въ небольшомъ сочиненіи своемъ *Essai sur l'histoire et sur l'etat actuel de t'instruction publique eu France* (Paris, 1816, стр. 30) говоритъ: „Когда приломнишь этотъ взрывъ первыхъ лѣтъ революціи, то едва можно представить себѣ, какимъ образомъ поколѣніе, воспитанное подъ монархическимъ правленіемъ религіозными корпораціями, оказалось до такой степени чуждымъ ученіямъ и привычкамъ, на которыхъ покоились правительство и религія его страны. Состояніе школы до извѣстной степени объясняетъ это явленіе". Какъ школа духовная она распалась; въ школу національную не преобразовалась. Матеріалъ, доставляемый ученьемъ, и въ смыслѣ свѣдѣній, и въ смыслѣ развитія ума, обратился, при ослабленной къ тому же серіозности ученья, на служеніе цѣлямъ, внушеннымъ не школой, а тѣми внѣшкольными вліяніями какія стали сильнѣе школьныхъ. Когда основы школы и общественныя господствующія стремленія были въ соотвѣтствіи, въ XVI, XVII вѣкахъ, выраженіе *„ученый изъ коллежа, un savant de collège* было, замѣчаетъ Гизо, почетнымъ; теперь оно сдѣлалось предметомъ насмѣшки и презрѣнія, какъ обозначеніе знаній безполезныхъ въ жизни".

Гизо указываетъ на фактъ капитальной важности. Обученіе высшихъ классовъ сильно ослабѣло. Іезуиты унесли съ собою ихъ удивительное искусство достигать серіозныхъ результатовъ, въ мѣру способностей, съ учащимися изъ знатныхъ и богатыхъ семействъ, могущими съ легкостію прожить вѣкъ безъ ученія. Ученіе въ привилегированныхъ классахъ, при общемъ требованіи легкости, изгнанія всего принудительнаго, сильно ослабѣло. „Но тогда какъ люди, имѣвшіе, говоритъ Гизо (28), по своему положенію въ обществѣ нужду въ приличествующемъ и крѣпкомъ среднемъ образованіи, его въ коллежахъ не получали, тогдашнее недостаточное ученіе раздавалось въ обиліи и почти даромъ въ массѣ молодыхъ людей низшаго общественнаго положенія, которые къ концу ученія пріобрѣтали отвращеніе къ состоянію ихъ отцовъ, оказывались безъ опредѣленнаго положенія въ мірѣ, готовые схватить всякій случай, чтобы получить таковое, чего бы это ни стоило обществу, среди котораго ихъ мѣсто не было естественно отмѣчено".

Въ сочиненіи аббата Пройяра *Лудовикъ XVI лишенный трона* (l'abbe Proyart: *Louis XVI détrôné avant d'être roi,* Paris, 1801) наталкиваемся

на любопытный фактъ (227). Указывая послѣдствія кризиса, произведеннаго изгнаніемъ іезуитовъ, авторъ говоритъ: „Появились планы обученія самые странные... Шарлатанство организовало свои гимназіи и академіи, и юношество сбѣгалось покулать цѣной золота даръ всеобщей науки. Молодому человѣку обѣщаютъ, что выйдетъ изъ школы, умѣя лѣть, танцовать, ѣздить верхомъ, переплывать рѣки, и наконецъ ботанизировать. Присоединяютъ, что, при расположеніи съ его стороны, онъ выучится резонировать о республиканскихъ преніяхъ Греціи и Рима, пробѣгать міръ по картѣ, говорить о числахъ и поверхностяхъ; заучить номенклатуру искусствъ и ремеслъ и поверхъ всего будетъ умѣть съ увѣренностію разыграть роль въ комедіи... Наиболѣе извѣстности изъ этихъ новыхъ школъ пріобрѣли *военныя*. Десятилѣтній воспитанникъ, съ ружьемъ на плечѣ, стоитъ, въ очередь, на часахъ подъ окномъ содержательницы пансіона. Будятъ его по звуку барабана, барабаномъ же дается сигналъ ко всѣмъ дневнымъ занятіямъ. Этотъ родъ воспитанія нравится родителямъ. Купецъ, мѣщанинъ очень довольны, что сынъ получаетъ дворянскій лоскъ, льстящій ихъ самолюбію. Расположеніе къ этого рода школамъ растетъ съ каждымъ, днемъ и число ихъ увеличивается въ провинціяхъ и въ столицѣ... Многіе коллежи, соревнуя этимъ шумнымъ лицеямъ, болѣе походятъ на крѣпости, чѣмъ на мирные дома воспитанія... Одно изъ великихъ наслажденій парижскаго буржуа отправиться въ воскресенье въ пансіонъ сына посмотрѣть его въ мундирчикѣ, выдѣлывающимъ съ товарищами военныя эволюціи и примѣрныя сраженія". Заведенія этого рода, очевидно, были порождены стремленіемъ къ легкому ученью, модою на гимнастику, на свѣдѣнія изъ естествознанія и т. п.

Подтвержденіе показанію Пройяра можно найти въ *Мемуарахъ* Дюмурье (*La vie et les memoires du général Dumouriez* II, 68). Дюмурье упоминаетъ, что въ 1790 году „онъ видѣлъ на улицѣ Монмартръ, гдѣ жилъ,—маленькій дѣтскій баталіонъ изъ дѣтей купцовъ и горожанъ. Благовоспитанные, хорошо одѣтые, милые мальчики ходили часто для военныхъ упражненій въ Елисейскія Поля за Тюильри. Дюмурье пришла мысль, что королева въ первые весенніе дни могла бы сводить туда дофина, сначала изъ любопытства, поласкать дѣтей, раздать чрезъ сына подарки, свести его непринужденно съ нѣсколькими изъ нихъ. А сама поласкала бы матерей, хваля дѣтей, и чрезъ нѣсколько времени выразила бы желаніе, чтобъ и ея сынъ вступилъ въ баталіонъ. Это исполнило бы радостью тогдашнихъ *добрыхъ* Парижанъ". Дюмурье составилъ даже небольшой мемуаръ объ этомъ предметѣ и ссылался на примѣры Сезостриса, Кира и Петра Великаго. Королева не согласилась.

По поводу вліяній извнѣ, ученья внѣ школы не излишне припомнить любопытныя страницы, находящіяся во второмъ томѣ послѣдняго полнаго изданія сочиненій Дидро (*Oeuvr. compl.* pas Assézat, Paris, 1875, II, 75). Оказывается, что въ предреволюціонной Франціи былъ своего рода нигилизмъ, не въ смыслѣ впрочемъ политической секты. Произведеніе, о которомъ я говорю, писанное въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, есть сатира, написанная „однимъ богословомъ", весьма ѣдкая, въ которой высказаны въ крайнемъ результатѣ отрицательныя ученія, проводимыя энциклопедистами. Оно знакомитъ съ тогдашнимъ нигилистическимъ кодексомъ для молодыхъ умовъ, желавшихъ „отложить предразсудки". Произведеніе озаглавлено: *Посвященіе въ великія начала или пріемъ философа* (*Introduction aux grands principes ou réception d'un philosophe*). Вотъ этотъ разговоръ съ небольшими сокращеніями:

Мудрецъ. Кого ты намъ представляешь?

Крестный отецъ. Ребенка который хочетъ стать человѣкомъ.

Мудрецъ. Чего онъ желаетъ?

Крестный отецъ. Мудрости.

Мудрецъ. Какихъ онъ лѣтъ?

Крестный отецъ. Двадцати двухъ.

Мудрецъ. Женатъ?

Крестный отецъ. Нѣтъ, и даже не женится, но онъ хочетъ переженить поповъ и монаховъ.

Мудрецъ. Какой онъ націи?

Крестный отецъ. Родился Французомъ, но натурализовался дикаремъ.

Мудрецъ. Какой религіи?

Крестный отецъ. Его родители сдѣлали его католикомъ, самъ онъ перешелъ въ протестантство, теперь желаетъ сдѣлаться философомъ.

Мудрецъ. Прекрасное расположеніе. Надо испытать его правила. Молодой человѣкъ, чему ты вѣришь?

Прозелитъ. Только тому что можетъ быть доказано.

Мудрецъ. Прошедшее, какъ уже не существующее, не можетъ быть доказано.

Прозелитъ. Я ему не вѣрю.

Мудрецъ. Будущее, еще не существующее, не можетъ быть доказано.

Прозелитъ. Я ему не вѣрю.

Мудрецъ. Настоящее прошло, пока его доказываютъ.

Прозелитъ. Я вѣрю только тому, что мнѣ доставляетъ удовольствіе.

Мудрецъ. Вѣруешь ли въ Бога?

Прозелитъ. Это глядя по: если понимать подъ этимъ природу, общую жизнь, общее движеніе—вѣрую. Если даже понимать верховный разумъ, все расположившій и предоставившій дѣйствовать вторичнымъ причинамъ (causes secondes),—вѣрю. Но далѣе не иду...

Мудрецъ. Что думаешь ты о душѣ?

Прозелитъ. Что она, можетъ-быть, есть не болѣе какъ результатъ нашихъ ощущеній...

Мудрецъ. Что думаешь о происхожденіи зла?

Прозелитъ. Думаю, что оно порождено цивилизаціей и законами. Человѣкъ добръ по природѣ.

Мудрецъ. Въ чемъ по твоему мнѣнію обязанности человѣка?

Прозелитъ. Онъ ни къ чему не обязанъ. Онъ родился свободнымъ и независимымъ.

Мудрецъ. Что думаешь о справедливомъ и несправедливомъ?

Прозелитъ. Это чисто условныя вещи...

Мудрецъ. Обѣщаешь ли считать разумъ верховнымъ рѣшителемъ того, что могло и должно сдѣлать Верховное Существо?

Прозелитъ. Обѣщаю.

Мудрецъ. Обѣщаешь ли признавать нелогрѣшимость чувствъ?

Прозелитъ. Обѣщаю.

Мудрецъ. Обѣщаешь ли вѣрно слѣдовать голосу природы и страстей?

Прозелитъ. Обѣщаю.

Мудрецъ. Вотъ это называется человѣкъ! Теперь, чтобы сдѣлать тебя вполнѣ свободнымъ, перекрещаю тебя во имя *Эмиля*, *Духа* (Гельвеція) и *Философскаго Словаря* (Вольтера). Теперь ты настоящій философъ и находишься въ числѣ счастливыхъ учениковъ природы. Силою и властію ею тебѣ, какъ и намъ, данной, иди, вырывай, уничтожай, разрушай, толчи ногами нравы и религію. Мути народы противъ государей, освобождай смертныхъ отъ ига божескихъ и человѣческихъ законовъ. Ты подтвердишь ученье свое чудесами, будешь ослѣплять видящихъ, лишать слуха слышащихъ, дѣлать хромыми идущихъ прямо. Будешь производить змѣй подъ цвѣтами, и все, чего коснешься, обратится въ ядъ".

Дидро отвѣчалъ тоже въ формѣ разговора (*Le prosélyte repondant par lui-même*; *Oeuvr*, II, 80), но надо признаться слабо.

Возвратимся къ наказамъ. Наиболѣе подробно и обстоятельно говорится о воспитаніи въ наказахъ духовенства. Оно держало еще школу въ своихъ рукахъ, хотя связь его съ нею и была уже сильно надорвана. Сравнительно немногое можно встрѣтить въ наказахъ дворянства, нѣсколько болѣе въ тетрадяхъ средняго сословія. Огромное большинство наказовъ ограничивается простымъ пожеланіемъ, чтобы дѣло воспитанія было существенно преобразовано. „Чтобы были направлены заботы на воспитаніе юношества въ городахъ и селахъ, нынѣ абсолютно пренебреженное" (*Arch. Parl.*, V, 45, 136; IV, 608, 637, 651, 676, 757 и проч.). Эта фраза повторяется въ очень многихъ наказахъ, имѣющихъ явно общее происхожденіе по данному образцу. „Чтобы былъ составленъ общій планъ воспи-

танія общественнаго и лоистинѣ національнаго“ (III, 125). О планѣ *національнаго* воспитанія упоминается во множествѣ наказовъ, но безо всякихъ указаній въ чемъ долженъ состоять этотъ планъ и какъ понимать выраженіе *національный*. Въ большинствѣ случаевъ терминъ означаетъ, повидимому, *государственый*, иногда *свѣтскій* въ противоположность *духовному*.

Воспитаніе находится въ самомъ печальномъ состояніи (état déplorable)—это общая тема Заявленіе, вполнѣ соотвѣтствующее общему духу наказовъ, признававшихъ „въ печальномъ состояніи“ весь государственный и общественный строй, подлежащій ломкѣ, за которою должно послѣдовать возрожденіе. Но подъ источникомъ „печальнаго состоянія“ разумѣются весьма не одинаковыя вещи. Для духовенства оно есть послѣдствіе ослабленія духовнаго авторитета въ школѣ. Для большинства свѣтскихъ реформаторовъ оно происходило (прямо этого не высказывается, но можно объ этомъ догадываться) отъ того, что воспитаніе еще остается въ рукахъ духовенства и особенно членовъ монашескихъ орденовъ.

Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ наказовъ духовенства. Парижское духовенство (V, 264) признаетъ, что Парижскій университетъ обладаетъ достаточными педагогическими силами, но „съ горькимъ сожалѣніемъ усматриваетъ, что, можно сказать, изсякли источники перваго воспитанія (les sources de la premiére éducation pour ainsi dire taries) и большая часть провинціальныхъ коллежей, прежде столь цвѣтущихъ, не имѣютъ часто учителей, которые заслуживали бы довѣрія по нравственности, талантамъ и устойчивости“.

Въ наказѣ Парижскаго церковнаго капитула (cahier du chapitre de l'Eglise de Paris) читаемъ: „Зло, котораго мы свидѣтели и которое еще болѣе грозитъ грядущимъ поколѣніямъ, побуждаетъ насъ настойчиво просить его величество принять дѣйствительныя мѣры, дабы возвратить общественному воспитанію блескъ и полезность, имъ утраченные. Многіе изъ главныхъ заведеній болѣе не существуютъ. Эти драгоцѣннѣйшіе источники почти изсякли въ наши дни и въ большинствѣ городовъ, гдѣ они приносили столько пользы религіи и литературѣ (aux lettres), замѣнились учрежденіями темными и частными, эфемерными и подозрительными“ (V, 268).

Перонское духовенство (Cahier des doléances du clergé de Péronne) пишетъ: „Университеты малочисленны и дурно распредѣлены въ королевствѣ. Между тѣмъ они могутъ быть безконечно полезны для возрожденія общественнаго воспитанія, коимъ крайне необходимо заняться въ національномъ собраніи Со времени роковаго уничтоженія іезуитовъ, провинціальные коллежи часто находятся въ рукахъ учителей безъ знаній, безъ нравственности, безъ устойчивости и даже безъ религіи. Большинство родителей опасаются воспитывать дѣтей

въ коллежахъ, и это паденіе довѣрія къ общественному воспитанію одна изъ глубокихъ язвъ религіи. Чтобы вновь оживить вкусъ къ нему въ націи, собраніе сословныхъ представителей должно обязать религіозныя корпораціи и въ особенности ученыя конгрегаціи принять коллежи въ свое вѣдѣніе“. Духовенство высказываетъ далѣе мысль объ учрежденіи въ родѣ будущаго наполеоновскаго университета, но въ рукахъ духовенства (V, 350).

Провинціальное духовенство Велейскаго сенешальства (sénéchaussée de Velay) выражается такъ: „Общій крикъ (le cri général) всѣхъ сословій уже давно обличилъ недостатки общественнаго воспитанія и безчисленныя злоупотребленія, существенно вытекающія изъ новаго устройства (de la nouvelle police) большей частью коллежей. Между тѣмъ отъ этой такъ заслуживающей вниманія части общественнаго управленія зависитъ участь государства. Всякая въ ней перемѣна, всякая передѣлка отражается соотвѣтствующимъ переворотомъ въ государственномъ строѣ. Наше дурное воспитаніе есть къ несчастію обильный ростками зародышъ развращенія нравовъ нынѣшняго поколѣнія. Если дѣйствіе его было такъ быстро, какая страшная перспектива представляется для будущихъ поколѣній!.. Духовенство ходатайствуетъ: 1) о новомъ планѣ воспитанія на религіозной основѣ... 2) Въ случаѣ если призваніе іезуитовъ не можетъ состояться, о созданіи національнаго общества, которому было бы ввѣрено важное дѣло воспитанія“. (V, 458).

По вопросу о воспитаніи наказы средняго сословія ограничиваются обыкновенно нѣсколькими строками общаго указанія. Наиболѣе длинное указаніе принадлежитъ среднему сословію города Ангулема Оно заключается впрочемъ не въ общей, очень краткой, тетради жалобъ этого сословія въ мѣстномъ сенешальствѣ, а въ особомъ мемуарѣ, посланномъ на имя Неккера отъ городскихъ депутатовъ недовольныхъ общимъ собраніемъ депутатовъ провинціи и жалующихся на „кабаль и интриги“, обнаружившіеся при выборахъ и на давленіе депутатовъ отъ селеній. Мнѣнія, заключающіяся въ мемуарѣ, впрочемъ ничѣмъ существенно не отличаются отъ мнѣній, высказанныхъ въ общей тетради. Мемуаръ внимательно останавливается на положеніи коллежа въ Ангулемѣ. „Когда, сказано въ мемуарѣ (II, 14), іезуиты были изгнаны изъ Ангулемскаго коллежа, для полной его знаменитости не доставало только исполненія грамоты (lettres patentes) 1566 года, предоставлявшей городу Ангулему право имѣть университетъ. Пансіонъ при коллежѣ былъ наполненъ молодыми учащимися; болѣе трехсотъ экстерновъ посѣщали классы. На нѣсколькихъ младшихъ учителей (quelques-uns des régents) было возложено временно замѣнить іезуитовъ. Эдиктъ 1763 года и постановленіе парламента отъ 29 января 1765 касательно устройства и администраціи общественныхъ

школъ въ Ангулемѣ не возродили утраченнаго довѣрія: ежегодно безъ пользы употребляется 4.000 ливровъ для тридцати школьниковъ, посѣщающихъ коллежъ"... Мемуаръ указываетъ далѣе, что вліявшія на школьное устройство „мнѣнія, противорѣчившія одно другому" произвели то, что „для трехъ поколѣній пропалъ плодъ воспитанія" и указываетъ на необходимость передать школу въ руки какой-либо духовной корпораціи.

Что касается университетовъ, то во многихъ наказахъ встрѣчается указаніе на неудовлетворительное состояніе медицинскаго обученія и въ особенности на крайнее ладеніе экзаменовъ въ юридическихъ факультетахъ. Профессорскія коллегіи, пользовавшіяся выгодами отъ производившихся ими испытаній, повидимому, раздавали юридическія степени безъ сколько-нибудь серіозной провѣрки знаній экзаменующихся. Во введеніи къ сочиненію Мунье *De l'influence attribuée aux philosophes sur la révolution* (Paris, 1828, 2-me edit., XIII) разсказывается со словъ автора, что онъ, на девятнадцатомъ году, сдалъ экзаменъ на бакалавра правъ въ маленькомъ университетѣ въ Оранжѣ, бывшемъ въ вѣдѣніи Гренобльскаго парламента, выучивъ наизустъ нѣсколько десятковъ строкъ на латинскомъ языкѣ, содержавшихъ и вопросы и отвѣты.

Къ чести составителей наказовъ надлежитъ замѣтить, что вопроса собственно объ учебномъ планѣ въ коллежахъ, какъ вопроса спеціальнаго, касались весьма немногіе. Чего бы, воображаю, не написали у насъ, еслибъ обратиться съ запросомъ по этому предмету къ нашимъ общественнымъ группамъ или ихъ представителямъ! Еще Гоголь, устами Городничаго, замѣтилъ, что у насъ такая ужь это несчастная учебная часть: всякій въ нее суется, желая показать, что и онъ тоже умный человѣкъ. Во французскихъ наказахъ можно встрѣтить три, четыре указанія какъ измѣнить учебный планъ, имѣющихъ болѣе характеръ куріозовъ. Такъ среднее сословіе въ Бордо (*Arch. parl.* II, 405) требуетъ, „чтобы собраніе сословныхъ представителей составило новый планъ національнаго воспитанія; чтобы вмѣсто этой старой методы истрачивающей первые годы человѣка на сухое изученіе мертваго языка, были устроены учебныя заведенія гдѣ законъ Божій, мораль, литература, языки, науки, исторія, международное право (droit des gens) и естественное право (droit naturel), составляли бы предметъ преподаванія, приличествующаго нынѣшнему времени, общественному дѣлу (chose publique) и подданнымъ обширнаго и богатаго государства". Дворянство въ Шато-Тьери желаетъ, чтобъ „общественное образованіе не ограничивалось болѣе изученіемъ одного латинскаго языка, но обнимало бы въ то же время всѣ знанія, какія могутъ быть полезны военному, юристу, медику, а также и нѣкоторыя пріятныя искусства (quelques arts agréables)". Въ

обширной „тетради" Эссонскаго прихода близъ Парижа (Paris extra muros), подъ которой, между прочимъ, значатся имена девяти гражданъ, заявившихъ, что не умѣютъ писать и даже подписаться (ont declaré ne savoir ecrire ni signer), значится (*Arch. parl.* IV, 552): „чтобы порядокъ общественнаго обученія въ городахъ былъ измѣненъ; чтобъ утро употреблялось, по степени познаній учащихся: 1) на изученіе французскаго языка и на сочиненія на этомъ языкѣ; на изученіе морали; 3) на первыя начала общественнаго права (droit public). Вечеръ же долженъ быть употребляемъ на изученіе языковъ мертвыхъ и иностранныхъ. Это, думаемъ мы, единственное средство создать гражданъ и сдѣлать изъ нихъ подданныхъ полезныхъ государству".

Вопросъ, столь у насъ многимъ любезный, о вмѣшательствѣ общества въ дѣло школы также оставленъ въ сторонѣ. Впрочемъ городъ Ремиремонъ (*Arch. parl.* IV, 14), указавъ въ § 13 „преобразованіе нравовъ и общественнаго воспитанія", желаетъ, чтобы „городъ или его муниципальные чиновники (la ville ou ses officiers de police) вмѣстѣ съ приходскими священниками выбирали учителей латинскаго языка (régents de la langue latine) и школьныхъ наставниковъ (maîtres d'école)". Впослѣдствіи революціонные реформаторы дали широкое мѣсто „участію общества" въ дѣлахъ школы. Учителей въ Центральныя школы, замѣнившія коллежи, назначали „присяжные по части просвѣщенія" — jury d'instruction publique, изъ общественныхъ дѣятелей. Произошли великіе куріозы.

Въ заключеніе замѣчу, что въ нѣкоторыхъ наказахъ предлагается составить для школъ „національный катехизисъ" (catéchisme national) съ изложеніемъ въ общедоступной формѣ началъ имѣющей быть составленной государственной конституціи.

ОЧЕРКЪ ПЯТЫЙ.

СОБРАНІЕ СОСЛОВНЫХЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ И ДНИ ПРЕДШЕСТВОВАВШІЕ УЛИЧНОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Открытіе Собранія и первыя столкновенія.

I. Открытіе собранія представителей.—II. Отсутствіе плана у правительства.—III. Притязанія третьяго сословія.—IV. Неудача примирительныхъ попытокъ.

I.

5 мая 1789 года съ великою пышностью открылось въ Версалѣ Собраніе сословныхъ представителей (Etats généraux). „Когда король, пишетъ Мармонтель (IV, 101), во главѣ представителей націи направился* въ церковь Св. Лудовика, пышность, порядокъ, величіе этого царственнаго шествія, почтительное молчаніе толпы его окаймлявшей, король среди такого національнаго двора, исполненный сладкой и довѣрчивой радости, а вокругъ его семья счастливая тѣмъ же счастьемъ—все это вмѣстѣ производило такое глубокое и живое впечатлѣніе на душѣ, что невольныя слезы лились изо всѣхъ глазъ. Вѣрилось, что надежда, во очію предходитъ этому шествію, благоденствіе за нимъ слѣдуетъ". „Я смотрѣла изъ окна, пишетъ дочь Неккера, гжа Сталь (*Oeuvr* XII, 194. Paris, 1820), вмѣстѣ съ женой министра иностранныхъ дѣлъ Монморена, и, признаюсь, предавалась жвѣйшимъ надеждамъ, видя впервые во Франціи представителей націи. Гжа Монморенъ, со стороны ума ничѣмъ особенно не отличавшаяся, сказала мнѣ весьма рѣшительнымъ тономъ, который про-

* Мармонтель ошибочно говоритъ „послѣ собранія", après l'assamblée. Процессія и молебствіе были *наканунѣ* открытія, а не въ день собранія.

извелъ невольное впечатлѣніе: „„вы напрасно радуетесь, великія произойдутъ изъ этого бѣдствія для Франціи и для насъ"". Бѣдная женщина впослѣдствіи погибла на эшафотѣ вмѣстѣ съ сыномъ, другой ея сынъ утонулъ, мужъ былъ убитъ 2 сентября, старшая дочь погибла въ тюремной больницѣ, младшая лала лодъ тяжестью огорченія, не достигнувъ тридцати лѣтъ. Точно она предчувствовала все это." И въ день молебствія, и въ день открытія, король былъ предметомъ самыхъ восторженныхъ привѣтствій. „Крики да здравствуетъ король, да здравствуетъ королева, говоритъ Бертранъ де-Молевиль (*Hist. de la révol.* I, 161. Paris 1801), тысячи разъ повторяемые несмѣтными толпами, провожали царственную чету до дворца и даже до внутреннихъ комнатъ. Кто бы сказалъ тогда, что чрезъ два какіе нибудь мѣсяца тотъ же добрый король, достойный предметъ всѣхъ этихъ поклоненій и благословеній, доведенъ будетъ до того, что вынужденъ будетъ явиться въ Парижъ, отдать себя въ руки возмутившагося народа, отправиться въ думу посреди сотни тысячъ пикъ, скрещенныхъ надъ головой, и признать мятежъ, принявъ изъ рукъ мятежниковъ кокарду и вдѣвъ ее на свою шляпу".

Итакъ, правительство удовлетворило общему громогласному требованію общества, указывавшему на „обращеніе къ націи" какъ на единственный и несомнѣнный выходъ изъ государственныхъ затрудненій эпохи. Въ чемъ долженъ состоять этотъ выходъ, рѣшить, предполагалось, само собраніе. У правительства относительно предстоящаго не было никакого плана. Государственный корабль былъ пущенъ въ открытое, совершенно неизвѣстное море. Правительство, вызвало духа, но оказалось совершенно безсильнымъ, чтобъ его заклясть. Были два капитальные жгучіе вопроса, которые уже занимали „мнѣніе" и должны были необходимо выступить на первый планъ какъ только откроются занятія представителей. Это, вопервыхъ, вопросъ о порядкѣ совѣщаній: по сословіямъ ли, въ трехъ сословныхъ камерахъ, согласно государственному устройству страны, или въ единой палатѣ, гдѣ слились бы сословія, и, вовторыхъ, вопросъ о задачѣ для рѣшенія которой созвано собраніе. Правительство, мѣропріятіемъ 27 декабря 1788 года удвоивъ число депутатовъ средняго сословія, само породило первый вопросъ и между тѣмъ онъ засталъ его словно въ расплохъ. Еще менѣе приготовленнымъ оказалось оно ко второму вопросу. Пока дѣло оставалось въ области обѣщаній и краснорѣчія, о задачѣ собранія можно было говорить въ звучныхъ, но неопредѣленныхъ выраженіяхъ, прославляя либеральное намѣреніе короля, при содѣйствіи представителей націи, совершить ея возрожденіе. Но когда правительству предъ лицомъ собранныхъ представителей пришлось въ день открытія сказать зачѣмъ оно ихъ созвало, оно невольно остановилось, и слово *конституція*, тогдашній лозунгъ мнѣнія, звучавшее во

всѣхъ ушахъ, не было произнесено. И тогда какъ мнѣніе громко провозглашало, что цѣль собранія въ томъ, чтобы передѣлать государственное устройство страны и дать ей прочную конституцію (fixer la constitution du royaume), правительство вынуждено было высказать представителямъ, что оно собственно не знаетъ зачѣмъ ихъ созвало. Смущеніе и неувѣренность проглядываютъ уже въ первыхъ правительственныхъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ, какими открылось собраніе.

Король произнесъ * рѣчь, при составленіи которой было обращено особое вниманіе, чтобы не заручить монарха чѣмъ-либо. При этомъ произошелъ эпизодъ, нарушившій торжественность минуты. Король говорилъ рѣчь, поднявшись съ трона и снявъ шляпу. Окончивъ, сѣлъ и накрылся. Согласно старому этикету накрылись и дворяне. Нѣкоторые члены средняго сословія послѣдовали примѣру. Начались крики: „снимите шляпы, накройтесь“. Король нашелся: подъ предлогомъ жары самъ снялъ шляпу. Всѣ послѣдовали его примѣру **. По словамъ гжи Сталь (*Oeuvr.* XII, 196), король произнесъ рѣчь съ обычною простотой, „но физіономія депутатовъ выражала болѣе энергіи чѣмъ физіономія короля, и этотъ контрастъ внушалъ безпокойство среди обстоятельствъ, когда еще ничего не установилось и требовалась сила съ той и другой стороны... Королева была очень взволнована и сильно поблѣднѣла“. Король указалъ на финансовое состояніе государства какъ на причину, побудившую его собрать представителей, отъ которыхъ ждетъ указанія мѣръ способныхъ „установить прочный порядокъ (въ финансовомъ управленіи) и утвердить общественный кредитъ“.

„Это великое и спасительное дѣло, говорилъ король, имѣющее обезпечить благосостояніе государства внутри и значеніе его внѣ, займетъ васъ существенно“. Кромѣ того, король указалъ на „общее броженіе и неумѣренное желаніе нововведеній, овладѣвшія умами и

---

* По отчету Мирабо въ его журналѣ *Etats Généraux*: „прочелъ“ (lu).

** Таково описаніе Бертрана де-Молевиля, подтверждаемое отчасти Тулонжономъ. Мишле, описывая засѣданіе, не упустилъ случая сказать, что король сдѣлалъ это для униженія средняго сословія, дабы члены его не остались въ шляпахъ подобно дворянамъ. *Mercure de France* (№ 20, 1789, стр. 135), по цензурнымъ вѣроятно соображеніямъ, умалчиваетъ объ эпизодѣ (какъ умолчалъ, между прочимъ, о надѣлавшемъ шума разграбленіи дома Ревельйона 27 апрѣля 1789 года) и даже говоритъ, что „король, сѣвъ на тронъ и накрывшись, произнесъ рѣчь“ (le roi s'étant assis et couvert prononca un discours). Авторъ *Procés verbaux de l'assemblée nationale*, Габе (Gabet, Paris 1790, I, 27) измѣняетъ цитату изъ *Mercure de France*, говоря будто тамъ сказано: „le roi s'était assis et couvert, *les trois ordres se couvrirent en même temps*“. Трудно разобраться въ этихъ противорѣчіяхъ.

которыя могутъ совсѣмъ ввести въ заблужденіе мнѣніе, если не послѣшимъ дать имъ устойчивость чрезъ соединеніе указаній мудрыхъ и умѣренныхъ“.

За рѣчью короля слѣдовала рѣчь хранителя печатей, Барантена, длинная, реторическая, но совершенно безцвѣтная. Мирабо, давая отчетъ о засѣданіи, * выразился о рѣчи Барантена слѣдующимъ презрительнымъ образомъ: послѣ короля „долго говорилъ хранитель печати, но три четверти залы не слыхали ни слова изъ его рѣчи“. Отзывъ совершенно соотвѣтственный значенію этой рѣчи. „Насталъ наконецъ, такъ начинаетъ оффиціальный ораторъ, прекрасный день столь давно ожидаемый, полагающій конецъ нетерпѣнію короля и всей Франціи! Сей желанный день закрѣпилъ, узы соединяющія монарха съ подданными. Въ сей торжественный день его величество желаетъ воздвигнуть общее счастіе на священной основѣ общественной свободы“ и т. д., и т. д. Несравненно важнѣе рѣчь Неккера. Отъ него, какъ министра пользовавшагося громадною популярностью, ждали разъясненія видовъ правительства. Рѣчь не удовлетворила ожиданіямъ, хотя и была привѣтствована громомъ рукоплесканій. Она длилась два часа. Неккеръ прочелъ, по выраженію Мирабо, „цѣлый томъ и притомъ значительнаго объема“. Рѣчь, какъ и предъидущая, начинается восхваленіемъ великаго дня. „Какой день, милостивые государи, восклицаетъ Неккеръ, какой день! какая на вѣки памятная минута! Вотъ они, наконецъ, вновь собранные вокругъ трона, послѣ долгаго перерыва, представители націи славной во всѣхъ отношеніяхъ!“ Если освободить рѣчь отъ цвѣтовъ краснорѣчія, то изъ нея слѣдовало бы заключить, что не было никакой надобности созывать представителей. Король говорилъ о финансовыхъ затрудненіяхъ какъ главномъ поводѣ къ созыву представителей. Неккеръ доказываетъ, что финансы, въ его конечно управленіе, приведены въ такое состояніе, что окончательное исправленіе ихъ есть дѣло только времени и что у правительства имѣются всѣ средства покрыть постепенно дефицитъ, не прибѣгая даже къ новымъ налогамъ. „Такимъ образомъ, милостивые государи, говоритъ Неккеръ,—и на это надлежитъ особенно обратить ваше вниманіе, дабы вы тѣмъ болѣе любили вашего августѣйшаго монарха,—вы созваны его величествомъ въ настоящее собраніе вовсе не вслѣдствіе непремѣнной необходимости въ денежной помощи... Добродѣтелямъ его величества обязаны вы продолжительною настойчивостью, съ какою онъ укрѣпился въ намѣреніи и волѣ

---

* Въ начатомъ имъ журналѣ *Etats Généraux*, № 2, остановленномъ правительствомъ, противъ чего протестовали парижскіе избиратели, но немедленно обращенномъ въ новое изданіе *Lettres du comte de Mirabeau à ses commettants*.

созвать сословныхъ представителей. Изъ финансовыхъ затрудненій онъ бы нашелъ исходъ и безъ нихъ". (*Merc de France*, № 21, стр. 23; № 22, стр. 225.) Думая, повидимому, дѣйствовать въ интересѣ короля, призывая къ нему благодарность мнѣнія, Неккеръ старается представить созывъ представителей не какъ уступку, а какъ свободное дѣло монарха, настойчиво исполненное даже вопреки препятствій. Въ послѣдствіи Неккеръ изображаетъ дѣло не совсѣмъ такъ. Въ сочиненіи своемъ о революціи, отвѣчая на обвиненіе, что онъ ввергъ Францію въ революціонную пучину и слагая съ себя отвѣтственность за рѣшеніе созвать сословныхъ представителей, Неккеръ указываетъ, что, вступивъ въ министерство, засталъ дѣло уже совсѣмъ рѣшеннымъ, и правительство заручившимся въ такой мѣрѣ, что поворотъ назадъ былъ уже невозможнымъ. Пагубнымъ для правительства рѣшеніемъ Франція, по изображенію Неккера, обязана легкомыслію министра Бріена. Неккеръ даетъ понять, что будь при дѣлахъ онъ, затрудненія уладились бы безъ роковаго обращенія къ націи. Это не помѣшало, конечно, Неккеру въ рѣчи превозносить созывъ представителей, какъ благодѣтельнѣйшее событіе въ исторіи Франціи, „котораго, однако, недоставало для ея счастія и ея славы!" Но зачѣмъ же все-таки созваны представители? Неккеръ много и въ лышныхъ выраженіяхъ говоритъ о высокомъ назначеніи собранія, но яснаго и опредѣлительнаго отвѣта на этотъ вопросъ не даетъ и уклоняется указать, какая же въ глазахъ правительства задача собранія.

„Вы, милостивые государи, говоритъ Неккеръ, должны *напредки*, такъ-сказать, намѣтить * путь счастія будущимъ поколѣніямъ, дабы могли они нѣкогда сказать: Людовику благодѣтелю нашему и національному собранію, какимъ онъ окружилъ себя, обязаны мы законами и благодѣтельными учрежденіями охраняющими нашъ покой. Вѣтви осѣняющія насъ своею спасительною тѣнью суть вѣтви древа, котораго зерно положено Людовикомъ. Онъ ходилъ за нимъ и охранялъ своими щедрыми руками, а соединенныя усилія его и націи ускорили и упрочили драгоцѣнный ростъ сего древа". (*Merc. de France*, № 21. стр. 182.)

Если снять съ рѣчи Неккера запутанную одежду фразъ, то нетрудно усмотрѣть смущеніе, овладѣвшее правительствомъ, когда осуществилось дѣло имъ же предпринятое. Король созвалъ представителей націи. Что же далѣе? Что выйдетъ изъ этого собранія возбужденныхъ людей, имѣющаго направиться неизвѣстно куда? Неккеръ хочетъ показать, что правительство сдѣлало свое дѣло. „Король уже

* C'est vous, Messieurs, qui en avant pour ainsi dire des générations futures devez marquer la route de leur bonheur.

удовлетворилъ своей славѣ, собравъ вокругъ себя представителей среди... націи никогда не занимавшейся своими дѣлами... и совершенно не подготовленной къ великой сценѣ, нынѣ предъ нею открывающейся... * Правительство могло бы пройти тревожное время скромнымъ путемъ, но оно двинулось въ путь исполненный опасностей. Въ бѣдственный годъ, при истощеніи казны, среди чрезвычайныхъ финансовыхъ затрудненій, оно привело въ движеніе жителей всей страны и послѣ великихъ трудовъ и усилій созвало собраніе сословныхъ представителей". Какою ироніей звучатъ эти слова, хотя иронія не входила въ планъ оратора! Итакъ, по признанію Неккера, правительство, не вынужденное обстоятельствами, взбудоражило всю страну, и очертя голову пустилось въ рискованнѣйшее предпріятіе, не предвидя, не представляя себѣ, что изъ этого выйдетъ. Зачѣмъ же это было сдѣлано? Неккеръ, можетъ-быть, остановился бы предъ такимъ изображеніемъ дѣла. Но для него былъ аргументъ непререкаемый: такъ хотѣло „мнѣніе", а мнѣніе для Неккера было божествомъ. Въ угожденіи мнѣнію, при отсутствіи яснаго сознанія путей, какими оно образуется и при совершенной неспособности быть ихъ хозяиномъ, секретъ всего характера Неккера.

Мирабо въ своемъ журналѣ обнаружилъ всю несостоятельность министерской рѣчи. Можно думать, что рѣшеніе совѣта, прекратившее изданіе Мирабо, было главнымъ образомъ вызвано тѣмъ уязвленіемъ, какое почувствовалъ популярный министръ, такъ чувствительный къ печатной похвалѣ и печатному порицанію. „Хотѣлось, повидимому, говоритъ Мирабо о рѣчи Неккера, дать родъ программы собранію сословныхъ представителей, но національное собраніе, которому даже не уломинаютъ о неотъемлемомъ и священномъ правѣ вотировать налоги, правѣ болѣе года торжественно признанномъ королемъ за своимъ народомъ, постоянно низводится въ этой рѣчи на степень какого-то

* Мы соединили фразы стоящія въ подлинникѣ на протяженіи трехъ страницъ. Въ подлинникѣ сказано (стр. 24): Le Roi en rassemblant les États Généraux, le Roi en réunissant autour de lui les représentants de la Nation, le Roi en appelant à son aide un si grand concours de lumières, a déjà satisfait à sa gloire... (стр. 22): Il faut du temps pour s'élever à cet esprit public et dans le commencement un pareil effort est pénible; il doit l'être surtout *au milieu d'une Nation qui n'a jamais pris soin de ses propres affaires, et n'est nullement préparée à la grande scène qui s'ouvre aujourd'hui devant elle;* (стр. 23): Le gouvernement eut traversé ces temps d'orages comme on l'a fait tant de fois sans éclat mais sans inquiétude. Au lieu de suivre cette marche obscure il s'est avancé au milieu des dangers. Au milieu d'une année desastreuse, au milieu de la pénurie du tresor royal et des embarras inextricables de la finance, *il a mis en mouvement les habitants de tout un royaume.*

административнаго бюро или финансовой палаты. Часто можно усмотрѣть, что министръ, донесеніе котораго въ совѣтъ (27 декабря) не подготовило насъ къ подобнымъ олущеніямъ, самъ замѣчаетъ это и хочетъ въ общихъ выраженіяхъ предупредить возраженіе; но тѣмъ непонятнѣе для наблюдателя—для чего же данъ къ тому поводъ?.. Не указывается никакого плана государственнаго возстановленія, хотя о немъ возвѣщается, никакого истиннаго основанія прочности, хотя это составляетъ одинъ изъ отдѣловъ рѣчи. Да и какъ создастъ и тѣмъ болѣе упрочитъ иной порядокъ вещей тотъ, кто даже не осмѣливается слова сказать *о конституціи?*"

Мирабо заключаетъ свой разборъ словами: „Будемъ надѣяться, что министръ финансовъ пойметъ, наконецъ, что не время болѣе вилять; что нельзя противостоять потоку общественнаго мнѣнія; что надо быть имъ вынесену или потонуть; что царство интриги и шарлатанства прошло; что ковы умрутъ у его ногъ, если онъ будетъ вѣренъ началамъ, и быстро логубятъ его, если онъ отъ началъ отступитъ; сильный неслыханною популярностію онъ долженъ бояться только сдѣлаться отступникомъ собственнаго дѣла. Если въ положеніи, въ какомъ находится страна, необходимо неутомимое терпѣніе, то не менѣе необходима непоколебимая твердость. Будемъ надѣяться, что представители націи впредь лучше будутъ чувствовать достоинство своего званія, назначенія и характера; что они не согласятся быть энтузіастами во что бы то ни стало и безусловно, и что, наконецъ, вмѣсто того, чтобъ являть предъ Европой зрѣлище юныхъ школьниковъ, вырвавшихся изъ-подъ ферулы учителя и ольянѣвшихъ съ радости, что имъ обѣщанъ еще денекъ роспуска въ недѣльку, покажутъ себя мужами, избранниками націи, которой недостаетъ одного, чтобы стать первою въ мірѣ—*конституціи*".

II.

Правительство принесло на собраніе смущеніе и неувѣренность. Что принесли съ собою на собраніе депутаты, созванные съ разныхъ концовъ Франціи? Съ первыхъ шаговъ можно было видѣть, что первая роль между ними будетъ принадлежать представителямъ „третьяго сословія". Выдвинутые правительствомъ чрезъ удвоеніе ихъ числа сравнительно съ двумя другими классами, возбужденные печатью, проникнутые вслѣдствіе того идеей, что они представители не класса, какъ другія сословія, но націи; принадлежавшіе въ большинствѣ къ разряду людей, совершенно неопытныхъ въ государственныхъ дѣлахъ, не связанныхъ никакими интересами съ существующимъ порядкомъ, многіе съ жаднымъ аппетитомъ честолюбія, съ

завистливымъ озлобленіемъ противъ общественныхъ неравенствъ, съ сознаніемъ, что весь наличный строй есть громадное злоупотребленіе, уничтоженія котораго требуетъ благо страны,—они представляли собою неопредѣлившійся, хаотическій, но горючій матеріалъ.

Съ первыхъ шаговъ обнаружилась притязательность депутатовъ третьяго сословія. Началось съ того, что самое названіе это было отброшено, какъ ставящее представителей большинства націи въ послѣдній разрядъ. Депутаты третьяго сословія, именуя другія сословія классами, себя называли представителями общинъ, общинниками (représentants des communes и просто *communes*). Мирабо въ своемъ журналѣ съ самаго начала избѣгаетъ выраженія „третій классъ" и не упускаетъ случая затронуть самолюбіе своихъ товарищей. „Депутаты трехъ сословій, пишетъ онъ о первомъ представленіи королю прибывшихъ представителей, были приняты королемъ, — духовенство и дворяне въ кабинетѣ, представители общинъ въ залѣ Людовика XIV. Ничего замѣчательнаго не произошло. Поражали только отсутствіе торжественности при представленіи, долженствовавшемъ быть столь внушительнымъ, недостатокъ порядка, трудности, замедленіе вслѣдствіе не точно составленнаго списка округовъ и сенешальствъ. Не говоримъ уже о различіи костюмовъ, всѣми порицаемомъ, весьма важномъ въ политическихъ послѣдствіяхъ. Непріятно также подѣйствовало различіе въ способѣ представленія *. Депутаты общинъ были огорчены. Тотчасъ образовались группы. Не безъ увлеченія предлагалось принести протестъ къ подножію трона и представить королю, какъ огорчительны подобные оттѣнки для истинно-національной части трехъ сословій".

Правительство сложило съ себя трудную задачу организовать созванную тысячную толпу въ правильное собраніе. Приступить къ ней Неккеръ не рѣшился, опасаясь за свою популярность. Она вызвала борьбу на первыхъ же шагахъ. Вопросъ съ виду былъ о внѣшнемъ устройствѣ собранія: на дѣлѣ это былъ существенный вопросъ—сохранитъ ли собраніе, согласно завѣтамъ исторіи, сословный характеръ въ формѣ трехъ организованныхъ камеръ или явится новымъ учрежденіемъ: одною палатой равноправныхъ представителей націи, что въ свою очередь необходимо должно вести къ радикальной перемѣнѣ:—къ уничтоженію сословнаго устройства государства.

Съ одной стороны, въ правительствѣ присутствовало, казалось, безспорное, непререкаемое признаніе, что сословное устройство тогда-

---

* Оно состояло въ различіи комнатъ, гдѣ депутаты были приняты. Прибавьте, что для духовенства двери растворялись настежь, для дворянъ одна половина. *Прим. въ журналѣ Мирабо.*

шняго государства есть основа всего его строя. Еслибы спросили короля, даже Некkера, имѣютъ ли они въ виду разрушеніе этого строя и замѣну его демократическою формой, хотя бы съ монархомъ во главѣ, то отвѣтъ былъ бы рѣшительно отрицательный. Но то же правительство, съ другой стороны, въ формѣ заискиваній, уступокъ, всею силой своею поддерживало направленіе, явно стремившееся къ такому разрушенію. Мало сказать: уступокъ. Правительство явно обнаружило желаніе опереться на средній классъ противъ притязаній высшихъ и дало третьему сословію двойное представительство. Было крайне легкомысленно надѣяться съ Некkеромъ, что можно по волѣ лишить значенія обстоятельство такой важности. Уклонившись отъ капитальнаго вопроса о внутреннемъ устройствѣ собранія, правительство, въ виду съѣзда представителей, съ великимъ вниманіемъ занялось костюмомъ делутатовъ по сословіямъ, облекши дворянъ въ пышное одѣяніе, предъ которымъ казалась скромною темная форма третьяго класса, хотя и составленная по образцу судейской формы высокаго ранга.

Утромъ 6 мая, на другой день открытія, появилось королевское объявленіе, прибитое гдѣ слѣдовало и, кромѣ того, возвѣщенное герольдами. „Его величество, объявляя депутатамъ трехъ сословій о намѣреніи своемъ, чтобъ они собирались, начиная съ нынѣшняго дня, 6 мая, симъ увѣдомляетъ, что назначенное для того помѣщеніе будетъ готово въ девять часовъ утра.“ Объявленіе немедленно было истолковано въ смыслѣ приглашенія всѣхъ депутатовъ въ общую залу, гдѣ происходило открытіе собранія. „Герольды, пишетъ Мирабо, созвали депутатовъ трехъ сословій въ *общую залу*. Представители общинъ отправились по приглашенію. Духовенство и дворянство въ общую залу не явились. Скоро узнали, что они собрались въ отдѣльныхъ камерахъ.“ Правительство, ничего не желая брать на себя, простое приглашеніе сдѣлало въ двусмысленной формѣ, подавшей поводъ выдвинуть на первую очередь вопросъ, какъ будутъ провѣряться полномочія, въ соединенномъ засѣданіи или отдѣльно по сословіямъ. Не трудно было понять, что за этимъ вопросомъ о первыхъ формальностяхъ скрывался другой, капитальнаго значенія: будетъ ли собраніе одною палатой съ поголовнымъ счетомъ голосовъ, или сохранится сословное раздѣленіе.

Мирабо въ № 4 своего журнала (*Seconde lettre à ses comm.*), въ формѣ якобы письма къ какому-то лорду, такъ описываетъ впечатлѣніе перваго соединенія депутатовъ третьяго сословія. „Представьте себѣ болѣе пятисотъ человѣкъ, брошенныхъ въ одну залу, незнакомыхъ между собою, собранныхъ изъ разныхъ мѣстъ, безъ главы, безъ іерархіи. Всѣ свободные, всѣ равные, ни одинъ не имѣющій права приказывать, ни одинъ не считающій себя обязаннымъ повиноваться и всѣ съ желаніемъ *à la française* быть выслушенными, прежде чѣмъ слушать. Чрезъ полчаса хаоса, одному счастливо одаренному голосу удалось, всплывъ поверхъ шума, быть выслушаннымъ. Онъ указывалъ на потребность въ порядкѣ; всякій чувствовалъ то же, и онъ достигъ нѣкотораго вниманія. Необходимъ руководитель, предсѣдатель, старшина, который устанавливалъ бы порядокъ, кому говорить. Стали спорить о значеніи словъ. Наименованіе президентъ отвергли, какъ могущее вести къ нежелательнымъ послѣдствіямъ. Стали спрашивать, кто старшій по возрасту. Представился одинъ гражданинъ. Онъ потребовалъ молодаго человѣка въ герольды (hérault; секретаря быть еще не могло) и нѣсколько совѣтниковъ. Хаосъ началъ принимать нѣкоторую форму. Начались предложенія, посторонія дѣлу: какъ удалить изъ залы нѣсколькихъ непосвященныхъ, дать приказъ стражамъ впускать просителей. Поднялись противорѣчія. Нѣсколько ораторовъ встаютъ и говорятъ разомъ; нетерпѣливые слушатели выражаютъ одобреніе или порицаніе; каждую минуту возникаетъ шумъ. Первые говорятъ молодые люди, за ними слѣдуютъ извѣстныя имена и получаютъ нѣкоторое вниманіе. Наконецъ, касаются сути дѣла; начинаютъ разбирать, что̀ дѣлать. Привилегированныя сословія своимъ отсутствіемъ заявляютъ, повидимому, что имѣютъ въ виду совѣщаніе по сословіямъ. Горячіе умы предлагаютъ поймать ихъ на этомъ первомъ шагѣ и организоваться въ національное собраніе и круто принять всѣ послѣдствія такого рѣшенія. Болѣе умѣренные представляютъ, что прежде чѣмъ прибѣгнуть къ такой крайней мѣрѣ слѣдуетъ употребить средства примирительныя: предложить отсутствующимъ соединиться въ общее собраніе“. Такъ прошелъ первый день.

Между тѣмъ дворяне поспѣшили организоваться въ отдѣльную камеру, избравъ предсѣдателя, бюро, секретарей; за ними организовалось и духовенство. Узнавъ объ этомъ, третье сословіе приняло выжидательное положеніе и объявило, что не можетъ организоваться, пока не провѣрятъ полномочій, что̀ должно де произойти въ общемъ собраніи сословій. Такъ продолжалось нѣсколько дней, согласно желанію начавшихъ уже обнаруживаться вожаковъ, съ одобренія Мирабо въ его журналѣ.

Духовенство приняло посредническую роль: выступило съ предложеніемъ избирать „примирительныхъ коммиссаровъ“ отъ трехъ сословій, которые и занялись бы разрѣшеніемъ вопроса о провѣркѣ полномочій. Дворянство изъявило согласіе. Оставалось принять рѣшеніе третьему сословію. Въ засѣданіи 13 мая, Рабо Сентъ-Этьенъ (Rabaut de Saint-Etienne), раскрывая игру, предложилъ „избрать опредѣленное число лицъ, которымъ и дозволить совѣщаться съ коммиссарами, назначенными духовенствомъ и дворянами, чтобы соединить

всѣхъ депутатовъ въ національной залѣ, поручивъ вмѣстѣ съ тѣмъ никакъ не отступать отъ началъ поголовной подачи голосовъ и нераздѣльности собранія". Шапелье пошелъ далѣе и предложилъ сдѣлать заявленіе въ болѣе рѣзкой формѣ, объявивъ, что депутаты общинъ признаютъ законно избранными только тѣхъ представителей, полномочія которыхъ будутъ провѣрены коммиссарами, именованными общимъ собраніемъ. Мирабо выступилъ представителемъ болѣе умѣреннаго и осторожнаго образа дѣйствій, указывая на различіе въ образѣ дѣйствій дворянства, „которое повелѣваетъ, и духовенства, которое входитъ въ переговоры" (la noblesse ordonne et le clergé négotie). Собраніе приняло предложеніе Рабо въ смягченной формѣ. Сказано просто, что избирается нѣсколько лицъ для совѣщаній съ коммиссарами другихъ сословій „о предлагаемыхъ средствахъ соединить всѣхъ депутатовъ для ловѣрки полномочій".

Мирабо понималъ, какъ было важно склонить на сторону третьяго класса духовенство палаты, бо́льшую часть котораго составляли приходскіе священники, симпатизировавшіе среднему сословію и возставшіе противъ высшей, аристократической части духовенства. Мирабо хотѣлъ дѣйствовать съ разсчетомъ, тогда какъ многолюдное и не дисциплинованное собраніе подчинялось потоку, не имѣя сознанія истоковъ и цѣлей. Подготовляя побѣду третьему сословію, но соображая силы и средства, могущія быть противъ него направленными, Мирабо не представлялъ себѣ, чтобы побѣда могла достаться такъ легко какъ оказалось. Какъ ни низко ставилъ онъ способности лицъ, правившихъ тогда государственнымъ кормиломъ, онъ не могъ не видѣть, что они еще находятся въ обладаніи запаса силъ болѣе чѣмъ достаточнаго для борьбы съ фиктивнымъ могуществомъ части представительнаго собранія, къ которой принадлежалъ. Въ письмѣ къ Мавильйону (*Mém.*, VI, 49) онъ особенно указываетъ на обаяніе, какое для массы депутатовъ заключалось еще въ словѣ *король*. При нападеніяхъ на власть былъ еще безусловно необходимъ пріемъ отдѣленія короля отъ его правительства. Колеблющееся положеніе въ собраніи трехъ сословій вызывало правительство къ дѣйствію, но къ дѣйствію оно оказалось неспособнымъ. Короля, какъ свидѣтельствуетъ Бертранъ де-Молевиль, усиленно отклоняли,—чтобы не повредить де его популярности, — отъ сношеній съ духовенствомъ и дворянствомъ. А между тѣмъ *мнѣніе* всюду толковало, что правительственная власть въ стачкѣ съ привилегированными классами противъ „націи". Слѣдующій разсказъ, переданный Бертраномъ де-Молевиль въ его *Исторіи революціи* * и слышанный авторомъ изъ

* Тѣ же подробности передаетъ самъ Малуэ въ третьемъ томѣ собранія его мнѣній, изданномъ въ 1792 году. *Исторія* Молевиля (12 томовъ, Paris,

усть самого Малуэ, бросаетъ свѣтъ на положеніе правительства и представителей и на роль Мирабо къ концу мая 1789 года.

Малуэ, близкій къ Неккеру и къ Монморену, съ первыхъ засѣданій выступилъ противникомъ Мирабо, противъ котораго чувствовалъ сильное предубѣжденіе, и удивился, что Мирабо желаетъ имѣть съ нимъ свиданіе. Свиданіе состоялось въ послѣднихъ числахъ мая. Малуэ описываетъ его слѣдующимъ образомъ: „Я желалъ, сказалъ Мирабо (*Hist. de la rév.* I, 176), имѣть объясненіе съ вами, такъ какъ сквозь вашу умѣренность не могу не признать васъ другомъ свободы, и такъ какъ я, быть-можетъ, болѣе чѣмъ вы устрашенъ броженіемъ, какое замѣчаю въ умахъ, и бѣдствіями, какія могутъ отъ того произойти. Я не такой человѣкъ, чтобы низко продаться деспотизму. Я хочу конституціи свободной, но монархической. Вовсе не желаю колебать монархію. Но если не будутъ заранѣе приняты мѣры, то въ виду столькихъ вздорныхъ головъ, какія усматриваю въ собраніи, въ виду неопытности, экзальтаціи, а также въ виду сопротивленія и необдуманнаго раздраженія со стороны двухъ первыхъ сословій, я столько же, какъ и вы, опасаюсь ужасныхъ потрясеній. Обращаюсь къ вашей честности. Вы близки съ Неккеромъ и Монморономъ. Вы должны знать *чего они хотятъ и есть ли у нихъ какой планъ*. Если планъ разуменъ, я буду его защищать". „Это заявленіе, говоритъ Малуэ, сдѣлало на меня сильное впечатлѣніе. Оно было такъ разумно, что я не могъ не счесть его искреннимъ; у Мирабо былъ прямой умъ, и онъ не хотѣлъ зла для зла. Во многихъ существенныхъ вопросахъ его мнѣнія были монархическаго характера. Я отнесся потому къ его объясненію съ нѣкотораго рода довѣріемъ. Откровенно сказалъ, что думаю какъ онъ, что убѣжденъ въ необходимости конституціи, которая исполнила бы разумныя желанія націи; но что *не знаю имѣютъ ли министры какой-нибудь опредѣленный планъ и даже сомнѣваюсь въ этомъ*. Что колебанія ихъ, какія усматриваю, пугаютъ меня столько же, какъ экзальтація многихъ изъ моихъ товарищей. Ну такъ хотите ли вы, сказалъ Мирабо, предложить министрамъ увидѣться и войти въ совѣщаніе со мною? Я согласился и сообщилъ Неккеру и Монморену результатъ моей бесѣды. И въ томъ и въ другомъ встрѣтилъ сильнѣйшее нерасположеніе войти въ сношенія съ Мирабо. Указывали на его безнравственность, его дурную славу, недовѣріе имъ внушаемое. Я опровергалъ всѣ эти возраженія, ставилъ на видъ, что человѣкъ такого таланта, обнаруживающій раз-

1801) сочиненіе капитальное, такъ какъ авторъ, интендантъ въ Бретани до революціи, министръ Людовика XVI въ эпоху законодательнаго собранія, по положенію своему зналъ истинныя пружины событій и въ изложеніи отличается ясностію и проницательностью взглядовъ.

умный взглядъ и который при всей его безнравственности, повидимому, не зарученъ еще ни въ какую партію и дастъ не малый вѣсъ той, въ которую вступитъ, человѣкъ, который нисколько не предлагаетъ его купить и высказывается такъ, что нельзя и думать предложить ему роль и условія, заслуживаетъ быть выслушаннымъ. Было условлено, что Неккеръ приметъ его на другой день. Свиданіе состоялось. Но Мирабо хотѣлъ, чтобъ ему высказались, а рѣшились только его выслушать. Онъ ждалъ сообщенія плана. Но весьма вѣроятно, что *никакого плана и не было*. Свиданіе было короткое и сухое. Онъ вышелъ недовольный и сказалъ мнѣ входя въ залу:—болѣе не возвращусь, но они обо мнѣ услышатъ. Онъ болѣе чѣмъ сдержалъ слово" *.

Тотъ же Малуэ разсказывалъ Мармонтелю, что въ разговорѣ съ Неккеромъ, въ присутствіи двухъ другихъ министровъ, на вопросъ: имѣете ли вы какой-нибудь планъ защиты противъ нападеній грозящихъ трону, получилъ отвѣтъ: не имѣемъ никакого. Если такъ отвѣтилъ Малуэ, то все потеряно (*Marm.* IV, 112).

О правительственномъ настроеніи, когда борьба уже разыгралась, находимъ слѣдующее свидѣтельство у Мармонтеля. „Я часто проводилъ вечера у Неккера, пишетъ Мармонтель (*Mém.* IV, 87). Тамъ, находясь среди министровъ, я откровенно говорилъ имъ о томъ, что видѣлъ и слышалъ. Находилъ ихъ крайне изумленными и какъ бы потерявшими голову. То что происходило въ Версалѣ обмануло ожиданія Неккера, и онъ былъ видимо смущенъ. Я былъ приглашенъ къ нему на обѣдъ съ главными депутатами общинъ. По тону холодности, съ какимъ они отвѣчали на знаки вниманія и предупредительности съ его стороны, было замѣтно, что они согласны, пожалуй, взять его въ управляющіе, но никакъ не въ директора себѣ (voulaient bien de lui pour leur intendant, mais non pas pour leur directeur). Въ разговорѣ съ Монморономъ я совѣтовалъ ему уговорить короля удалиться въ одну изъ крѣпостей и стать во главѣ арміи. Онъ возражалъ ссылаясь на недостатокъ денегъ, банкротство, междуусобную войну. „Вы считаете, значитъ, прибавилъ онъ, опасность такъ настоятельною, что, по вашему мнѣнію, требуется немедленно прибѣгнуть къ крайнимъ средствамъ?—Я считаю, сказалъ я, ее въ такой мѣрѣ настоятельною, что не поручусь отнынѣ чрезъ мѣсяцъ ни за свободу короля, ни за его и вашу головы". Мармонтелю былъ памятенъ разговоръ съ Шамфоромъ, который мы уже приводили. „Увы прибавляетъ онъ, Шамфоръ сдѣлалъ меня пророкомъ".

---

* Плана и цѣли у правительства, рѣшившагося на предпріятіе, которое не могло окончиться иначе, какъ передѣлкой всего государственнаго строя, не было. За то безсиліе обнаруживалось при всякомъ случаѣ. Мы упоминали какъ рѣшились было прекратить изданіе журнала начатаго Мирабо и какъ рѣшеніе, встрѣченное совершенно незаконнымъ протестомъ въ собраніи парижскихъ избирателей, осталось безъ послѣдствій. Тѣ же избиратели, выбравъ иославъ въ собраніе депутатовъ отъ города Парижа, порѣшили между собою не расходиться и продолжать засѣданіе въ качествѣ нѣкотораго наблюдательнаго собранія. Неккеръ, замѣчаетъ Молевиль, не только не кассировалъ такого рѣшенія, но какъ бы не обратилъ на него никакого вниманія. „Отсюда произошло то (I, 172), что собраніе избирателей обратилось въ постоянное, въ теченіе шести недѣль властвовавшее въ Парижѣ въ силу своего постановленія; созывало новыя собранія округовъ и устраивало съ ними общее возстаніе... Власть, прибавляетъ Молевиль, не можетъ безнаказанно быть снисходительною къ наносимымъ ей ущербамъ; для ея носителей прощеніе обидъ не есть добродѣтель. Пренебрегая самыми легкими на нее покушеніями и оставляя ихъ безнаказанными, дается поощреніе чинить новыя; они скоро умножаются, становятся серіознѣе и серіознѣе, такъ что, наконецъ, уничтожаютъ правительство уже не имѣющее силы подавить ихъ".

III.

Притязанія третьяго сословія имѣли могущественную опору во „мнѣніи", искусно возбуждаемомъ. Представители этого сословія были въ модѣ, пользовались популярностію. А извѣстно, какое значеніе мода и популярность имѣютъ во Франціи. Въ рядахъ депутатовъ дворянства было не мало приверженцевъ „правъ народа", и это были люди изъ знатнѣйшихъ родовъ; тогда какъ ревностнѣйшими защитниками дворянскихъ привилегій выступили Казалесъ и д'Эпремениль, изъ самаго недавняго дворянства. Между дамами принадлежавшими ко двору было не мало кокетничавшихъ съ революціей. О нихъ маркизъ де-Ферьеръ въ своихъ запискахъ дѣлаетъ слѣдующій строгій отзывъ. „У придворныхъ дамъ (femmes de la cour) мало идей, а чувства совсѣмъ нѣтъ. Неутомимое желаніе заниматься собою, въ своемъ кружкѣ, мелкая ревность, мелкая ненависть, крошечныя привязанности, сердце пустое, не знающее естественныхъ движеній, бросили многихъ придворныхъ дамъ въ народную партію. Въ ничтожествѣ своего характера онѣ относились къ революціи, долженствовавшей рѣшить судьбу Франціи, какъ къ какой-нибудь интригѣ съ цѣлью столкнуть министра или продвинуть любовника. Сидя за туалетомъ среди мягкой роскоши будуаровъ, онѣ говорили: какая милая вещь революція, сдѣлаемъ революцію. Любовныя тайны любимое оружіе женщинъ. Любовь играла не малую роль въ войнахъ Лиги и Фронды. Придворныя дамы и теперь не пренебрегли этимъ сильнымъ средствомъ. Ихъ любовники были членами меньшинства дворянства

(дружившаго съ притязаніями третьяго сословія). Уже это имѣло не малое значеніе. Жесткая, но полная силы и твердости грубость депутатовъ общинъ ихъ не пугала. Новый языкъ, новыя формы по меньшей мѣрѣ возбуждали любопытство. Какой тріумфъ для самолюбія повліять на рѣшеніе, жестомъ, взглядомъ одушевить патріота, говорящаго на трибунѣ жгучимъ языкомъ свободы! А кромѣ того развѣ мало значитъ быть тамъ, быть сямъ, идти, возвращаться, устраивать у себя таинственныя совѣщанія, обсуждать великіе интересы двадцати четырехъ милліоновъ людей, перерождающихся къ новой жизни, интриговать въ Парижѣ, болтать о конституціи, увѣрять, что ненавидятъ деспотизмъ и его слугъ. Г-жа Сталь, дочь Неккера, была одною изъ ревностнѣйшихъ пропагандистокъ демократіи: умная, съ живымъ воображеніемъ, дѣятельнымъ чувствомъ, великою жаждой извѣстности. Ея доставало на все: тайные переговоры, записочки утромъ, свиданія вечеромъ, удовольствія, интриги. Ее встрѣчали въ Парижѣ, Версалѣ, въ гостиной, въ будуарѣ, вѣчно дѣятельную, по истинѣ неутомимую. Графини де-Луинь, д'Эгильёнъ, Ламетъ, Кастеланъ, Тессэ, Куаньи, имѣли каждая свою должность. Давали обѣды, постоянно присутствовали на засѣданіяхъ собранія, ласкали и прельщали депутатовъ-патріотовъ, заказывали брошюры, возбуждали недостаточно горячихъ, поддерживали колеблющихся. Политическіе разговоры замѣнили собою любовныя бесѣды и скандалезные анекдоты. Слово свобода было на всѣхъ устахъ, жажда власти въ сердцахъ. Общество стало ареной, гдѣ боролись нестѣсненно и въ открытую. Различіе мнѣній давало женщинамъ тайно ненавидящимъ одна другую предлогъ явно обнаруживать свою ненависть. Притворныя гримасы чувствительности, добродѣтели, благотворительности, религіи уступили мѣсто природнымъ инстинктамъ, маска спала; нравственное безобразіе нѣкоторыхъ женщинъ вышло наружу: увидѣли чудовищъ". Тонъ особеннаго раздраженія не литаетъ это свидѣтельство фактическаго интереса.

Мы упоминали, какое значеніе имѣло то обстоятельство, что представители средняго сословія засѣдали въ обширной залѣ общаго собранія, гдѣ были устроены мѣста для публики. „Дворяне и духовенство, говоритъ Веберъ (*Mém.* I, 340), не допускали публики въ свои засѣданія. Третье сословіе, котораго зала была открыта для всѣхъ безъ различія, пріобщало, такъ-сказать, публику къ своимъ трудамъ и настроеніямъ. Скоро обнаружились послѣдствія этой популярности. Столица взволновалась, обнаружилось броженіе. Пале-Рояль сдѣлался фокусомъ пламени возженнаго во всѣхъ головахъ; образовалось какъ бы новое собраніе третьяго сословія превзошедшее Версальское горячностью споровъ, непрерывностію засѣданій и числомъ членовъ. Эти новыя общины дѣлали предложеніе за предложеніемъ, постановленіе за постановленіемъ. Онѣ имѣли своихъ ораторовъ и не только соревновали, но скоро пришли въ братскій союзъ съ настоящимъ собраніемъ. Въ Версаль прибывали ихъ депутаты, принимались и выслушивались въ залѣ засѣданій". Въ засѣданіи 28 мая, когда обсуждалось письмо короля касательно соглашенія сословій, Малуэ возымѣлъ было смѣлость предложить, „въ виду особаго свойства и важности предмета", обсудить его въ закрытомъ засѣданіи, удаливъ постороннихъ лицъ. „Постороннихъ"! воскликнулъ одинъ изъ членовъ, Вольней (*Reimpr. de Moniteur*, I, 45; Droz *Hist.* ed. Bruxells, 252). „Да развѣ есть посторонніе между нами? Развѣ честь, какой они удостоили васъ, избравъ депутатами, заставляетъ васъ забыть, что они ваши братья, ваши сограждане. Затѣмъ и свѣтъ дня, чтобъ освѣщать истину. Мы въ трудныхъ обстоятельствахъ, пусть же сограждане наши окружаютъ насъ со всѣхъ сторонъ, тѣснятъ насъ, пусть ихъ присутствіе вдохновляетъ и воодушевляетъ насъ. Они не прибавятъ мужества человѣку, любящему отечество и желающему служить ему. Но они заставятъ покраснѣть вѣроломнаго и низкаго, чье пребываніе при дворѣ или малодушіе могли уже испортить", и прочее въ томъ же фальшивомъ тонѣ. И эти неразумныя рѣчи, изображающія давленіе толпы, какъ условіе свободы,—скоро дало оно себя почувствовать—говорилъ не какой-нибудь молодой искатель популярности, а человѣкъ почтенный, извѣстный путешественникъ. Вотъ, какъ возбуждены были головы! Деканъ собранія ограничился тѣмъ, что пригласилъ публику занять мѣста внѣ помѣщенія депутатовъ и воздержаться ото всякихъ знаковъ одобренія или неодобренія (Bailly, I, 80). Слѣдуетъ заключить, что публика сидѣла въ перемежку съ членами.

Чтобы дополнить картину первой эпохи національнаго собранія, приведемъ свидѣтельство историка Лакретеля о томъ впечатлѣніи, подъ какимъ находилась, въ виду свершавшагося, молодежь того слоя, изъ котораго выходятъ журналисты, адвокаты, медики и т. п. Особенно многочисленъ былъ классъ кандидатовъ въ журналисты и писатели. „Парижъ, по словамъ Малле дю-Пана, былъ наводненъ молодыми людьми, принимавшими нѣкоторую легкость за талантъ — клерками, прикащиками, адвокатами, военными. Все это авторствуетъ, мретъ съ голоду, проситъ милостыню и сочиняетъ брошюры" (*Mém. et sorres. ed. Sayous*, Paris, 1851, т. I, 130). Лакретель былъ въ сравнительно благопріятномъ положеніи. Чрезъ брата онъ вошелъ въ кругъ извѣстныхъ литераторовъ и ученыхъ. Братъ говорилъ ему: „я вижу приближается революція, которая откроетъ тебѣ блестящую дорогу. Надо сдѣлать хорошій запасъ философскихъ знаній для революціи, которая вся будетъ имѣть философскій характеръ". „Живя, литетъ Лакретель (*Dix ans d'épreuves*, Paris, 1842, стр. 27), въ философскихъ кружкахъ, и я съ горячею надеждой взиралъ на прибли-

жавшуюся, казалось, самую мягкую и гуманнѣйшую изъ революцій. Какіе тяжелые уроки разрушили мой юношескій оптимизмъ!... Я мнилъ себя среди Аѳинянъ времени Перикла и Платона, или лучше сказать, они казались мнѣ жалкими въ сравненіи съ моими соотечественниками, просвѣщенными свѣтомъ философіи сіявшей не для маленькаго государства, хотя бы блестящаго, но для рода человѣческаго. Таковы были мои мечтанія, когда процессія отсѣченныхъ головъ сдѣлала меня свидѣтелемъ татарскихъ празднествъ, ложары замковъ—ужасовъ крестьянскихъ войнъ, оргіи 5 и 6 октября — цинически-жестокихъ сценъ изъ временъ Византійской Имперіи. Со времени открытія собранія молодежь, занимавшаяся литературными предметами, обнаруживала особенную горячность къ присутствію на величайшемъ изъ когда-либо бывшихъ ораторскихъ и политическихъ турнировъ. Въ большинствѣ случаевъ приходилось отправляться пѣшкомъ въ Версаль, такъ какъ общественныхъ каретъ недоставало на все обиліе любопытныхъ. Когда, послѣ отвратительныхъ и позорныхъ дней 5 и 6 октября, Національное Собраніе перемѣстилось въ Парижъ, наше усердіе сдѣлалось еще живѣе. Но испытанія, чрезъ которыя требовалось проходить, стали еще тягостнѣе. Около полуночи, часто подъ дождемъ и снѣгомъ, при щиплющемъ морозѣ, мы отправлялись къ церкви des Feuillants, чтобъ удержать мѣста, занимать которыя должны были не ранѣе полудня слѣдующаго дня. Кромѣ того, приходилось ихъ отвоевывать отъ толпы, одушевленной страстями и интересами, совсѣмъ иными отъ нашихъ: мы не замедлили усмотрѣть, что значительная часть трибунъ наполнялась наемными посѣтителями, и что жестокія сцены, приводившія насъ въ отчаяніе, доставляли имъ радость. Не могу выразить, съ какимъ ужасомъ былъ я свидѣтелемъ, какъ женщины, которыхъ потомъ стали называть вязальщицами (tricoteuses), ложирали человѣкоубійственныя ученія Робеспьера, наслаждались его пронзительнымъ голосомъ и не сводили глазъ съ его безобразной фигуры, живаго типа зависти". Вскорѣ Лакретель сдѣлался сотрудникомъ *Journal des Débats*, получилъ мѣсто въ ложѣ журналистовъ и имѣлъ въ распоряженіи десять мѣстъ, которыя раздавалъ знакомымъ дамамъ. Стенографовъ не было, надо было и кусно записывать рѣчи и потомъ составлять. Это оказывало нерѣдко вліяніе на изложеніе.

IV.

Въ общественныхъ собраніяхъ люди, проводящіе свои дѣйствительныя убѣжденія и, въ надеждѣ на силу аргументовъ, не входящіе въ интриги, бываютъ обыкновенно въ невыгодномъ положеніи и грѣшатъ

непрактичностію. Примѣръ Малуэ. Увлеченный идеей переустройства страны на основахъ свободы, согласно идеямъ вѣка, онъ въ то же время, вполнѣ искренно, непремѣннымъ условіемъ переустройства ставилъ сохраненіе незыблемости монархіи и государственнаго значенія высшихъ классовъ, то-есть принималъ за серіозное то, что въ устахъ другихъ было не болѣе, какъ условная оффиціальная ложь. Онъ выступилъ съ предложеніемъ, которое въ началѣ даже было многихъ увлекло. Онъ предложилъ, чтобы собраніе, выражая согласіе на совѣщаніе съ депутатами духовенства и дворянства, присоединило къ своему постановленію успокоительное формальное заявленіе, что оно никакъ не намѣрено присваивать себѣ права коснуться „собственности и законныхъ прерогативъ духовенства и дворянства". „Предложеніе Малуэ, сказано въ *Монитерѣ* (*Rétipr. de Monit.* I, 32), не имѣло успѣха, хотя нѣкоторые члены старались его поддержать". Малуэ возобновилъ его письменно въ засѣданіи 16 мая. „Одинъ изъ членовъ, читаемъ въ *Монитерѣ* (I, 35) *, замѣтилъ что если начать обсуждать предложеніе Малуэ, то придется прервать собираніе мнѣній о предложеніяхъ Рабо Сентъ-Этьена и Шапелье". Собраніе согласилось.

Такъ провалили предложеніе, обсуждать которое было не совсѣмъ удобно, ибо оно слишкомъ раскрывало игру. Бертранъ де-Молевиль сообщаетъ объ этомъ эпизодѣ нѣкоторыя подробности. Малуэ предварительно сообщилъ свое заявленіе аббату Сіесу и адвокату Тарже. Тарже высказался противъ того, чтобы принять обязательство относительно собственности духовенства и дворянства даже съ прибавленіемъ слова *законной*. „Аббатъ Сіесъ, напротивъ того, находилъ, что гарантія собственности была бы дѣломъ совершенно справедливымъ, но не желалъ упоминанія о почетныхъ прерогативахъ.—Да, что же, сказалъ Малуэ, развѣ вы намѣрены уничтожить дворянство? — Конечно, отвѣтилъ онъ.—Какія же ваши средства?—Увидимъ; надо по крайней мѣрѣ поставить вехи. Чего мы не сможемъ сдѣлать, сдѣлаютъ наши преемники". Предложеніе Малуэ, говоритъ Молевиль, „было очень хорошо принято въ собраніи; хотѣли пустить на голоса, когда графъ Мирабо сказалъ сосѣдямъ и распустилъ въ собраніи, что заявленіе подослано изъ дворца. Сообщеніе тотчасъ произвело желаемое дѣйствіе, заявленіе было отвергнуто, и Малуэ съ этой минуты сталъ предметомъ общаго недовѣрія". Мирабо въ журналѣ своемъ (*1-re Lettre*, 5) не стѣсняясь, увѣряетъ, что Малуэ самъ

---

* Заявленіе передается не совсѣмъ одинаково. Въ *Монитерѣ* сказано: les propriétés et prérogatives *légitimes*; въ журналѣ Мирабо; les propriétés et les prérogatives *honorifiques*; въ изложеніи Бертрана де-Молевиля (I, 175) leurs propriétés *légitimes* et leurs prérogatives *honorifiques*.

„безъ опасенія объявлялъ, что его предложеніе вполнѣ согласно съ видами министерства". Что заявленіе Малуэ было согласно съ воззрѣніями правительства, въ этомъ не могло быть сомнѣнія и объ этомъ можно было не упоминать. Но упомянуть требовалось, чтобы внушить мысль, что предложеніе подослано, что оно есть маневръ со стороны правительства, котораго Малуэ явился де орудіемъ. Это было совершено несправедливо. Эпизодъ любопытенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ раскрылись виды вожаковъ собранія. Правительственная власть склонилась къ созыву представителей подъ завѣреніями, что основы государственнаго устройства, какія считались ею условіемъ своего бытія, останутся неприкосновенными. Эту иллюзію внушалъ Неккеръ и самъ, повидимому, увлекался ею. Она должна была разсѣяться съ первыхъ дней собранія. Она и разсѣялась, но правительство оказалось въ безпомощномъ состояніи.

Совѣщанія „примирительныхъ коммиссаровъ" (commissaires conciliateurs) продолжались нѣсколько дней и, понятно, не привели ни къ какому результату. Уклонившееся правительство рѣшилось вмѣшаться въ дѣло. Было составлено и послано въ собраніе каждаго изъ сословій королевское письмо. „Съ прискорбіемъ и не безъ безпокойства, писалъ король, усматриваю я, что Національное Собраніе созванное, дабы заняться вмѣстѣ со мною возрожденіемъ королевства, предается бездѣйствію, каковое, если продолжится, заставитъ исчезнуть надежды, какія возлагалъ я на него для счастія моего народа и преуспѣянія государства". Король предложилъ возобновить засѣданія примирительной конференціи подъ предсѣдательствомъ на этотъ разъ хранителя печатей и съ присоединеніемъ нѣсколькихъ королевскихъ коммиссаровъ изъ высшихъ правительственныхъ лицъ (въ ихъ число былъ назначенъ и Неккеръ). Письмо получено было дворянами въ то самое засѣданіе 28 мая, когда тамъ только-что состоялось рѣшительное постановленіе, объявлявшее войну притязаніямъ третьяго сословія. Дворянская палата, сказано въ постановленіи, принимая во вниманіе, что въ настоящую минуту долгъ требуетъ, чтобъ оно осталось вѣрнымъ основаніямъ государственнаго строя и дало примѣръ твердости, какъ дало уже примѣръ безкорыстія, объявляетъ, что оно признаетъ порядокъ совѣщаній по сословіямъ и право *несогласія*, каковое принадлежитъ каждому сословію отдѣльно (la faculté *d'empêcher* que les ordres ont tous divisement)". Постановленіе осталось неотмѣненнымъ и послѣ письма короля, призывавшаго къ соглашенію.

Королевское вмѣшательство ставило третье сословіе въ затрудненіе, которое требовалось обойти. Не принять предложенія короля было невозможно, ибо значило бы явно отказать ему въ повиновеніи и прямо раскрыть, что дѣло идетъ не о наилучшемъ способѣ повѣрки полномочій, но о предметѣ гораздо важнѣйшемъ. Мирабо выступилъ съ предложеніемъ, употребивъ пріемъ, всегда производившій дѣйствіе: выдѣливъ короля, онъ представилъ дѣло, какъ интригу министровъ, предпринятую по совѣту высшаго духовенства.

„Трудно закрыть глаза, говорилъ Мирабо, на обстоятельства, въ какія ставитъ насъ письмо короля. Нельзя не различать мотива, какимъ оно вызвано отъ чувствъ его августѣйшаго автора. Было бы опасно смѣшивать его достойныя всякаго почтенія намѣренія и вѣроятныя слѣдствія его приглашенія. При такомъ посредникѣ, какъ король, стороны, которыя онъ *желаетъ* примирить никакъ не могутъ сохранить свою свободу. Уже одно величество трона отнимаетъ ее. Мы не подали ни малѣйшаго повода къ его вмѣшательству. Письмо появляется въ ту минуту, когда два сословія находятся въ переговорахъ съ третьимъ, и когда одно почти неотразимо увлекается народною партіей. Письмо приходитъ среди преній духовенства, прежде чѣмъ имъ принято рѣшеніе, и послѣ тайныхъ совѣщаній: я говорю о ночныхъ собраніяхъ высшаго духовенства, слухъ о которыхъ всюду распространился. Что же это все значитъ? Со стороны короля это актъ мужества, терпѣнія, доброты, но въ то же время это западня, устроенная руками тѣхъ, кто не точно передали ему положеніе дѣлъ, западня во всѣхъ отношеніяхъ, западня, тайно сложенная руками друидовъ. Западня, если послѣдуемъ желанію короля; западня, если воспротивимся. Примемъ конференцію: все кончится рѣшеніемъ совѣта. Насъ разсадятъ по отдѣльнымъ палатамъ, на фактѣ лишатъ свободы и тѣмъ вѣрнѣе, что аристократы стремятся къ голосованію по сословіямъ. Если не примемъ, тронъ завалятъ доносами, клеветами, страшными предсказаніями Будутъ съ новою силой повторять то, что говорятъ и теперь, дабы убить поголовную подачу голосовъ: что наше собраніе шумное, не дисциплинованное, жаждущее независимости, безъ системы, безъ принциповъ, разрушитъ королевскую власть. Съ новымъ жаромъ болѣе чѣмъ когда-либо будутъ повторять нелѣпость, будто государственный строй погибаетъ подъ напоромъ демократіи. Изберемъ путь между двухъ подводныхъ камней. Примемъ приглашеніе короля; но прежде конференціи сдѣлаемъ шагъ, который разрушилъ бы интригу и снялъ маску съ клеветы. Король почтилъ насъ письмомъ, исполненнымъ доброты. Поднесемъ ему адресъ полный любви, въ которомъ выскажемъ торжественно наши чувства и наши принципы". Предложенный и принятый адресъ былъ обвинительнымъ актомъ противъ дворянства, исключавшимъ возможность примиренія. „Огорченные пагубнымъ бездѣйствіемъ, сказано между прочимъ въ адресѣ, депутаты общинъ употребляли всѣ средства побудить духовенство и дворянъ соединиться съ ними, чтобъ организовать національное собраніе". Заявивъ согласіе на конференцію „въ увѣренности, что при монархѣ

возстановителѣ Франціи, свобода національнаго собранія не можетъ подвергнуться опасности", составитель адреса прибавляетъ: „государь, ваши вѣрныя общины никогда не забудутъ чѣмъ онѣ обязаны своему королю. Никогда не забудутъ естественнаго союза трона и народа противъ всякаго рода аристократій, коихъ могущество можетъ утвердиться только на развалинахъ королевской власти и общественнаго благополучія. Французскій народъ, во всѣ времена славу свою полагавшій въ томъ, чтобъ обожать своихъ королей, будетъ всегда готовъ пролить кровь и пожертвовать достояніемъ, чтобы поддержать истинныя начала монархіи". Какою ироніей теперь, послѣ событій, звучатъ всѣ эти увѣренія, заявленія о незыблемости власти, шедшей къ гибели съ зажмуренными глазами!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Провозглашеніе Національнаго Собранія.

I. Планъ Неккера и предложеніе Сіеса. — II. Организація національнаго собранія — III. Роль Мирабо. Засѣданія 16 и 17 іюня.— IV. Новые планы Неккера.— V. Декларація 23 іюня.

I.

Итакъ, съ одной стороны, рѣшеніе дворянъ сохранить отдѣльность, съ другой вызывающій манифестъ третьяго сословія. Какое тутъ возможно было примиреніе. И между тѣмъ Неккеръ повидимому не отчаивался и придумалъ трогательную комбинацію для рѣшенія вопроса о повѣркѣ полномочій, думая, что послѣ соглашенія по этому вопросу дѣло такъ и уладится. Мирабо выставляетъ королевское предложеніе какъ западню, разставленную третьему классу. Но не только у короля, а повидимому и у главныхъ министровъ его не было плана, приписываемаго имъ Мирабо. Нѣсколько лѣтъ спустя, передавая въ сочиненіи своемъ событія того времени, Неккеръ подробно останавливается на вопросѣ, какъ совершалась провѣрка въ прежнія времена, и входитъ въ тонкую аргументацію по этому поводу, какъ будто въ этомъ была суть вопроса. Этотъ тонъ историческаго изслѣдованія имѣли и совѣщанія королевской конференціи, о которыхъ сохранился подробный протоколъ. Въ окончательномъ результатѣ Неккеръ предложилъ въ конференціи, отъ имени короля, такой планъ: пусть сословія провѣрятъ отдѣльно полномочія своихъ членовъ, сообщивъ одно другому для быстраго просмотра акты провѣрки въ случаяхъ, представляющихся безспорными. Въ случаяхъ спорныхъ провѣрка пусть производится чрезъ коммиссаровъ отъ трехъ сословій. Коммиссары доводятъ свое рѣшеніе до свѣдѣнія своихъ сословій. Въ случаѣ несогласія сословія съ рѣшеніемъ коммиссіи, дѣло восходитъ къ королю, полагающему окончательное рѣшеніе. „Можно *пожалуй* прибавить (къ постановленію конференціи), что провѣрка полномочій не имѣетъ связи съ важнымъ вопросомъ о голосованіи поголовно или посословно". Неккеръ оканчиваетъ чувствительнымъ обращеніемъ не оставлять короля одного среди націи занятымъ неустанно возстановленіемъ мира и согласія. „Кто изъ васъ пожелаетъ обременить свою совѣсть всѣми бѣдствіями, могущими произойти отъ готовящагося раздора на первыхъ шагахъ по пути, куда призываетъ васъ благо государства, гдѣ нація ждетъ отъ васъ постулательнаго шествія, гдѣ величайшія опасности насъ окружаютъ! Ахъ, господа, еслибы вы даже могли достигнуть этого блага при раздѣленіи сердецъ и мнѣній, оно было бы куплено слишкомъ дорогою цѣной". (Necker, *De la révol.* I, 239). Наивное *пожалуй* (si l'on veut) вызвало насмѣшку Мирабо, нещадно разбирающаго министерское предложеніе въ своемъ журналѣ (№ IX, 11).

Мирабо въ рѣзкихъ выраженіяхъ предложилъ отвергнуть планъ Неккера, „который поразилъ бы смертію національное собраніе, прежде чѣмъ оно обнаружило свое существованіе". „Нечего скрывать, говоритъ Мирабо, — не считая нужнымъ утаивать то, что для всѣхъ было ясно, кромѣ кажется Неккера,—что провѣрка полномочій предрѣшаетъ вопросъ о порядкѣ голосованія. Провѣрять полномочія не значитъ ли совѣщаться о ихъ законности или незаконности. Этотъ вопросъ слѣдовательно необходимо связанъ съ голосованіемъ, поголовнымъ или посословнымъ, или лучше сказать это одинъ и тотъ же вопросъ. Съ какого же права кто-либо среди націи, какой-либо трибуналъ, какой бы онъ ни былъ, кромѣ самого собранія, осмѣлится принять на себя его рѣшеніе?".

Заключеніе конференціи (Неккеровъ планъ) духовенствомъ принято было безъ оговорки. Еслибы также приняло дворянство, положеніе третьяго сословія было бы очень затруднено. Пришлось бы раскрыть, что не о соглашеніи идетъ дѣло и выступить въ открытую борьбу. Но дворяне, принявъ 6 іюня предложеніе конференціи, сдѣлали оговорку, что права отдѣльныхъ членовъ должны окончательно разбираться въ самомъ собраніи, не переходя въ коммиссію; когда же дѣло идетъ о правахъ цѣлыхъ депутацій отдѣльныхъ мѣстностей, то таковыя, согласно заключенію конференціи, передаются въ коммиссію и въ случаѣ несогласія собранія съ мнѣніемъ коммиссіи восходятъ на рѣшеніе короля (*Bailly*. I, 111). Приводя постановленіе дворянъ, Бальи замѣчаетъ, что въ сущности это было принятіе предложенія конференціи. Но вожаки третьяго сословія ухватились за оговорку. Она дала поводъ заявить, что такъ какъ дворяне *не приняли* заклю-

ченія конференціи, то значитъ соглашеніе, предпринятое королемъ, по винѣ дворянства не состоялось и депутатамъ общинъ остается дѣйствовать самостоятельно.

Въ кружкахъ вліятельныхъ депутатовъ рѣшено было, что собраніе третьяго сословія должно организоваться, se constituer. Свободный отъ соглашеній, не входившій въ интриги партій, а развивавшій съ трибуны свои идеи, какъ съ каѳедры, теоретикъ Малуэ сказалъ 8 іюня рѣчь интересную для характеристики минуты, какую переживало собраніе. „Приближается минута, говорилъ Малуэ, рѣшить вопросъ (какъ должны мы организоваться). Провинція, столица съ безпокойствомъ ждутъ, какое рѣшеніе мы примемъ... Мнѣ кажется, вся нація присутствуетъ въ этомъ собраніи, является намъ подъ чертами огорченной матери и, обращаясь къ духовенству, дворянамъ, общинамъ, восклицаетъ: остановитесь, дѣти, хотите ли вы растерзать мою внутренность!.. Мы находимся, господа, на краю пропасти... Не пойдемъ на встрѣчу опасностямъ, намъ угрожающимъ, когда можно ихъ избѣгнуть... Примемъ во вниманіе примѣры патріотизма и общественныхъ добродѣтелей столько разъ предъявленные націи духовенствомъ и дворянствомъ, но не будемъ подражать примѣру раздѣленія, объявленному провозглашеннымъ *veto*. Остановимся и никакъ не *предпримемъ обращенія нашего собранія въ національное собраніе* (n'adoptons pas la constitution de notre assemblée en Assemblée Nationale).. Организуемъ себя въ то, что̀ мы на самомъ дѣлѣ представляемъ собою—собраніе *представителей народа* (ce que nous sommes — *les représentants du peuple*)". Малуэ поспѣшно и непрактично предупреждалъ противъ того, что̀ чрезъ нѣсколько дней должно было случиться. Предложеніе поспѣшили отклонить. Одинъ изъ членовъ замѣтилъ, что нельзя и обсуждать этого предложенія: только завтра де заключится засѣданіе примирительной конференціи и будетъ представленъ ея протоколъ. Другой членъ (имена членовъ не названы въ отчетѣ, какъ находимъ его въ *Монитерѣ*) не безъ ироніи говорилъ, что остается только поблагодарить г. Малуэ за сообщеніе его идей. „До сихъ поръ онъ дѣлалъ это почти каждое засѣданіе. Будемъ надѣяться, что и впередъ не оставитъ сообщать намъ свои *размышленія*, какъ не переставалъ сообщать ихъ до сихъ поръ". Малуэ нашелся вынужденнымъ самъ признать свое предложеніе преждевременнымъ. Зачѣмъ же, можно бы спросить, дѣлалъ его?

17 іюня послѣдовало предложеніе Сіеса. Ему предшествовали, очевидно, совѣщанія и сношенія внѣ засѣданія. Дѣло было подготовлено. Въ самомъ началѣ засѣданія Мирабо заявилъ, что необходимо принять рѣшеніе и что одинъ изъ членовъ отъ города Парижа, аббатъ Сіесъ, имѣетъ сдѣлать предложеніе величайшей важности. Рѣшено немедленно выслушать Сіеса. Соглашеніе, предложенное на

конференціи королевскимъ коммиссаромъ, указываетъ Сіесъ, должно считаться несостоявшимся, такъ какъ измѣненіе, какое дворянство поставляетъ условіемъ принятія, равносильно де отказу отъ предлагаемаго плана. „При такомъ состояніи дѣла, продолжаетъ Сіесъ (*Monit.*, I, 63), возвращающемъ депутатовъ общинъ къ ихъ первоначальному положенію, собраніе полагаетъ, что не можетъ болѣе, оставаясь въ бездѣйствіи, ждать привилегированныхъ классовъ, не становясь виновнымъ по отношенію къ націи, имѣющей, конечно, право требовать отъ него лучшаго употребленія времени. Оно полагаетъ, что долгъ настоятельно требуетъ отъ всѣхъ представителей націи, къ какому бы классу гражданъ они ни принадлежали, организоваться въ дѣятельное собраніе, способное приступить къ исполненію своего назначенія и исполнить его... Но такъ какъ нельзя организоваться въ дѣятельное собраніе безъ предварительнаго признанія права тѣхъ, кои имѣютъ его составить, то-есть обладаютъ качествами, требуемыми для подачи голоса, какъ представители націй, то тѣ же депутаты общинъ полагаютъ необходимымъ сдѣлать послѣднюю попытку предъ депутатами духовенства и дворянства, кои заявляютъ въ себѣ эти качества, но тѣмъ не менѣе доселѣ отказывались подвергнуться признанію оныхъ". Способъ выраженія претендуетъ на особенную логическую тонкость, — характеристическое свойство Сіеса, котораго Мирабо упрекалъ въ склонности къ метафизикѣ. Предложеніе было встрѣчено рукоплесканіями. Послѣ споровъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ, между прочимъ назвать ли обращеніе къ духовенству и дворянству *sommation* или *invitation* (рѣшено послѣднее), пренія близились казалось къ концу, когда одинъ изъ членовъ предложилъ (Bailly, I, 131), чтобы моція Сіеса была предварительно напечатана, раздана членамъ или по крайней мѣрѣ копіи были разосланы по бюро для предварительнаго обсужденія. Поднялся общій ропотъ, обнаруживший настроеніе. Одинъ изъ депутатовъ напомнилъ, что собраніе истощило де всѣ средства примиренія и что медлить нечего. Предложеніе препроводить моцію Сіеса въ бюро онъ назвалъ, при общихъ рукоплесканіяхъ, „возмутительнымъ". Послѣ шумной лутаницы въ сборѣ голосовъ, такъ какъ кромѣ главнаго предложенія были къ нему дополнительныя, въ вечернемъ засѣданіи были приняты единогласно и моція Сіеса, и предложеніе подать объяснительный адресъ королю.

Въ промежутокъ отъ 10 до 15 іюня произошла повѣрка полномочій. На сдѣланное предложеніе духовенство и дворянство прислали отвѣты, что подвергнутъ его обсужденію. Но уже 13 іюня три члена духовенства изъ приходскихъ священниковъ присоединились къ депутатамъ общинъ, явившись въ собраніе для провѣрки своихъ полномочій. Собраніе привѣтствовало ихъ общими рукоплесканіями.

Въ засѣданіи 15 іюня, на которое стеклась масса публики, приступлено къ обсужденію вопроса о томъ, какъ и подъ какою формой должно организоваться собраніе. Сіесъ предложилъ депутатамъ признать себя „собраніемъ признанныхъ и провѣренныхъ представителей французской націи“, „assemblée des représentants connus et vérifiés da la nation française“. Мунье предложилъ длинное наименованіе: „законное собраніе представителей большей части націи, дѣйствующее въ отсутствіи меньшей части“, assemblée légitime des représentants de la majeure partie de la nation agissant en absence de la mineure partie“. Пизонъ дю-Галанъ (Pison du Galand): „дѣятельное и законное собраніе представителей французской націи“. Были еще предложены названія „представителей 24 милліоновъ людей“, „представителей почти всего французскаго народа“ и нѣкоторыя другія. Мирабо предложилъ простое наименованіе: „представители французскаго народа“, „représentants du peüple français“ и энергически поддерживалъ свое предложеніе. Послѣ преній, продолжавшихся три дня собраніе въ засѣданіи 17 іюня рѣшило наконецъ, по предложенію Сіеса, именоваться: *національнымъ собраніемъ*, *assemblée nationale*.

Не слѣдуетъ забывать, что споръ былъ не о словахъ только, а имѣлъ существенное значеніе. Наименованіе національнымъ собраніемъ было первое, что представлялось. Оно уже употреблялось офиціально даже королемъ и министромъ, но въ приложеніи къ совокупности трехъ сословій. Но это же наименованіе, принятое депутатами общинъ, съ приглашеніемъ представителей другихъ классовъ присоединиться, было не иное, что̀ какъ признаніе себя исключительно *націей* и было равнозначительно разрушенію сословнаго строя, считавшагося краеугольнымъ камнемъ монархіи. Вотъ почему шагъ былъ такъ важенъ. Малуэ въ указанной выше рѣчи 8 іюня болѣе всего предупреждалъ не сдѣлать бы такого шага (n'adoptons pas, говоритъ онъ, la constitution de notre assemblée en assemblée nationale). Объ этомъ наименованіи конечно говорилось много, но въ собраніи рѣшились прибѣгнуть къ нему лишь послѣ разгорѣченія порожденнаго жаркими преніями и препирательствами.

II.

Въ первое время національнаго собранія, не малое значеніе имѣлъ удачный, для его цѣлей, выборъ въ предсѣдателя Бальи, котораго все существо было проникнуто благоговѣніемъ къ излюбившему его собранію и порученнымъ ему обязанностямъ. Замѣчательно, что Бальи нельзя назвать избранникомъ всего собранія. До того времени пока собраніе организовалось, предсѣдатель третьяго сословія именовался старшиной, doyen. Старшину выбирали депутаты, составлявшіе бюро собранія, по одному отъ губерніи. Ихъ было четырнадцать. Депутаты эти замѣняли секретарей, каковыхъ не было, такъ какъ собраніе не считало еще себя организованнымъ. Предшествовавшій Бальи старшина д'Эльи (d'Ailly) по слабости здоровья отказался отъ своего званія. Бюро избрало Бальи какъ перваго депутата города Парижа (по обычаю древнихъ сословныхъ собраній предсѣдателемъ бывалъ обыкновенно кулеческій старшина Парижа). 8 іюня составилось новое бюро, опять выбравшее Бальи. Затѣмъ собраніе безъ выбора удержало его на этомъ мѣстѣ впредь до 3 іюля, когда послѣ соединенія сословій, общимъ предсѣдателемъ ихъ выбранъ принцъ Орлеанскій, 553 голосами изъ 660 вотировавшихъ. Принцъ отказался. и при новомъ баллотированіи 700 голосами изъ 793 былъ выбранъ архіепископъ Вѣнскій Съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности въ качествѣ старшины Бальи угодилъ собранію. Первая задача выпавшая на его долю была нелегкаго свойства. Дѣло шло о представленіи адреса королю. Хранитель печатей отвѣтилъ, что король не можетъ принять депутаціи, такъ какъ дофинъ опасно боленъ. Собраніе не удовлетворилось этимъ отвѣтомъ. „Тяжелая болѣзнь дофина, воскликалъ Шапелье (засѣданіе 3 іюня, *Monit.* I, 51), не должна удалять насъ отъ короля. Это новый мотивъ, побуждающій насъ, напротивъ того, стремиться приблизиться къ королю. Кто лучше націи можетъ утѣшить добраго и великодушнаго короля“. Оратора не стѣснило то обстоятельство, что въ адресѣ „націи“ рѣчь идетъ о раздорѣ сословій, а не объ утѣшеніи короля. Явилось подозрѣніе, что извѣстіе о болѣзни только предлогъ, чтобъ отклонить представленіе адреса. Состоялось постановленіе: „Депутаты общинъ не могутъ признать никакого посредника между королемъ и его народомъ и поручаютъ старшинѣ обратиться непосредственно къ королю и почтительнѣйше просить чтобъ онъ назначилъ время когда ему угодно будетъ принять депутацію и адресъ“. Это порученіе долженъ былъ исполнить Бальи. Обратиться опять къ хранителю печатей онъ не желалъ опасаясь возбудить противъ себя неудовольствіе въ собраніи. Рѣшился обратиться къ популярному Неккеру, но прежде сообщилъ о своемъ намѣреніи членамъ бюро. Они, въ томъ числѣ Мирабо, одобрили планъ, и Бальи явился къ Неккеру. Тотъ затруднялся брать порученіе до него не касающееся, ссылался, что не время, такъ какъ король теперь обѣдаетъ. Бальи успѣлъ его склонить. Они отправились, но чтобы не возбудить толковъ, порознь: Бальи слѣдовалъ издали и во дворцѣ не вошелъ въ залу Oeil-de-Boeuf, сосѣднюю со спальнею короля, но остался въ другой залѣ. Наконецъ Неккеръ вышелъ и сообщилъ, что король согласенъ принять депутацію, но желаетъ, чтобы по порядку обратились къ хранителю печатей. Заду-

мался Бальи. При выходѣ изъ дворца встрѣчаетъ депутата Шапелье. Тотъ полагаетъ, что надлежитъ исполнить указаніе короля. Идетъ Бальи къ хранителю печатей. Того нѣтъ дома: обѣдаетъ въ гостяхъ неизвѣстно у кого. Въ шестомъ часу Бальи приходитъ вторично и ждетъ возвращенія хранителя печатей. Тотъ вскорѣ прибылъ и узнавъ въ чемъ дѣло предложилъ Бальи тотчасъ отправиться во дворецъ. Оказалось, король верхомъ уѣхалъ въ Медонъ навѣстить опасно больнаго сына (дофинъ въ ночь скончался). Бальи проситъ хранителя печатей повидать короля немедленно по возвращеніи. Тотъ говоритъ, что не можетъ, такъ какъ вечеромъ собраніе конференціи, но что напишетъ королю и передастъ его отвѣтъ. Бальи опасается, не уклоняется ли министръ, и въ восьмомъ часу отправляется во дворецъ. Короля еще не было. Возвратившись домой, Бальи ждетъ извѣстія отъ хранителя печатей, но записка не приходитъ. Въ десять часовъ Бальи снова идетъ къ министру. Тотъ подастъ записку полученную отъ короля и прибавляетъ, что дофинъ при смерти. Въ запискѣ сказано, что по случаю прискорбнаго событія король не можетъ теперь принять депутацію. На утро Бальи сообщилъ о своихъ неутомимыхъ хожденіяхъ палатѣ. Та осталась довольна его хлопотами. Слухъ о настояніяхъ Бальи распространился и составился анекдотъ, какъ онъ съ нѣсколькими депутатами, въ минуты семейной горести королевской семьи, грубо ломился во дворецъ и даже побилъ пристава. „Басни сочинялись, прибавляетъ Бальи, чтобы представить третье сословіе въ смѣшномъ видѣ. Орудіе насмѣшки во всѣ времена имѣло великую силу во Франціи. Его пробовали противъ новаго могущества, съ каждымъ днемъ возраставшаго“. Дѣйствительно, замѣчательно, что насмѣшка была главнымъ средствомъ какимъ въ журналистикѣ первой эпохи революціи аристократическая партія боролась съ противниками. Былъ журналъ подъ заглавіемъ: *Les actes des apôtres*, одинъ изъ главныхъ анти-революціонныхъ органовъ. Его главная задача была осмѣивать революціонныхъ членовъ собранія, иногда, благодаря въ особенности Риваролю, весьма остроумно, иногда грубо и цинично. Часть дворянъ крѣпкая преданіями плохо владѣла перомъ; дворяне владѣвшіе перомъ либеральничали; приходилось, по видимому, обращаться за помощью къ литераторамъ втораго разряда.

III.

Замѣчательно, что въ памятные дни отъ 10 до 17 іюня Мирабо не только не шелъ во главѣ собранія, но останавливалъ его, оставался вѣрнымъ разъ уже отмѣченной нами роли—умѣрителя. И въ этомъ направленіи дѣйствовалъ съ величайшимъ напряженіемъ. Былъ болѣнъ лихорадкой, испытывалъ ея пароксизмы въ самомъ собраніи и тѣмъ не менѣе энергически боролся противъ предпринимаемаго шага. Высказанное имъ было въ сущности то самое, что заключалось въ отклоненномъ предложеніи Малуэ, который присоединился къ его мнѣнію. Какъ объяснить эту умѣренность? Какимъ образомъ неудержимый Мирабо оказался въ этомъ случаѣ наименѣе дерзкимъ, наиболѣе слабымъ въ требованіяхъ? Дѣло въ томъ, что Мирабо лучше чѣмъ кто-либо понималъ важность предпринимаего шага и считалъ его неразумно рискованнымъ. Съ одной стороны, сознавая значеніе королевской власти въ странѣ, невольно соображая что сдѣлалъ бы самъ еслибы принадлежалъ къ правительственной власти, онъ не могъ допустить той степени неспособности, какая оказалась въ правительствѣ, считалъ его все-таки разумнѣе чѣмъ оно было на дѣлѣ; съ другой стороны, головой превышая, по государственнымъ способностямъ, своихъ сочленовъ, онъ крайне опасался политическаго легкомыслія нѣсколькихъ сотъ неопытныхъ, но возбужденныхъ людей. Рискованный шагъ оказался однако шагомъ успѣшнымъ, и чрезъ нѣсколько дней мы видимъ Мирабо примѣнившимся къ обстоятельствамъ, захватывающимъ вожжи собранія въ свои руки и поднимающимъ дерзость на высоту своего таланта.

„Каждый изъ васъ, господа, понимаетъ, сказалъ Мирабо въ самомъ началѣ преній, какъ легко было бы сегодня попытаться пылкою рѣчью подвинуть васъ на рѣшеніе крайняго характера“. „Недостаточно дать самимъ себѣ титулъ, говорилъ онъ далѣе, чтобъ имѣть его и чтобы считаться законно имъ облеченнымъ. Если вы потерпите неудачу, если король откажетъ въ своей санкціи, если сословія обратятся къ его власти, что тогда произойдетъ? Распущеніе или отсрочка. Какъ очевидное слѣдствіе, разнуздаются мстительныя страсти, произойдетъ соединеніе всѣхъ аристократовъ и наступитъ отвратительная анархія, всегда приводящая къ деспотизму. Увидите грабежи, убійства. И не заслужите даже гнусной чести междуусобной войны, ибо въ нашей странѣ не бьются во имя той или другой вещи, но за то или за другое лицо“. (XI *lettre de Mirabeau*, 16). Нѣкоторые молодые члены говорили, что въ санкціи короля нѣтъ никакой надобности. Мирабо возразилъ слѣдующими словами: „Въ отвѣтъ на указанную мною необходимость королевской санкціи, мнѣ говорятъ, что если народъ высказался, то въ ней нѣтъ необходимости. А я, господа, считаю королевское *veto* такою необходимостію, что лучше согласился бы жить въ Константинополѣ чѣмъ во Франціи еслибъ этого права короля не было. Да, вторично объявляю, что для меня не было бы ничего ужаснѣе какъ верховенствующая аристократія шестисотъ человѣкъ которые завтра могли бы объявить себя несмѣняемыми, послѣзавтра наслѣдственными и кончили бы, какъ

аристократы всѣхъ странъ, тѣмъ, что все захватили бы въ свои руки“ (XI *Lettre*, 39). „Настаиваю на томъ, что предложенное мною наименованіе: *представители Французскаго народа*, наиболѣе приличествуетъ обстоятельствамъ. Говорю приличествуетъ обстоятельствамъ, ибо признаю, что предложеніе аббата Сіеса согласно со строгостію началъ и достойно гражданина-философа. Но, господа, не всегда полезно, не всегда подобаетъ принимать во вниманіе единственно право, ничего не уступая обстоятельствамъ. Существенное различіе между метафизикомъ, въ кабинетныхъ размышленіяхъ уловляющимъ истину въ ея полной чистотѣ, и государственнымъ человѣкомъ, вынужденнымъ считаться съ тѣмъ, что предшествовало, съ трудностями, препятствіями. Наставникъ народа и политическій дѣятель разнятся тѣмъ, что первый думаетъ только о томъ *что есть* (ce qui est), а второй занятъ тѣмъ *что можетъ быть* (ce qui peut être). Метафизикъ, путешествуя по картѣ, все проходитъ безъ труда, не будучи остановленъ ни горами, ни пустынями, ни рѣками, ни пропастями; но когда желаемъ пуститься дѣйствительно въ путь и достигнуть цѣли, надо постоянно помнить, что идемъ по землѣ и уже не находимся въ идеальномъ мірѣ“.

Въ двухъ частныхъ письмахъ къ Мавильйону, приводимыхъ въ *Мемуарахъ Мирабо* (Paris 1835, VI, 65 и 75), лучше всего уясняется его образъ дѣйствій въ эти знаменательныя засѣданія. „Несомнѣнно, пишетъ онъ, нація еще не созрѣла: удивительная неспособность, страшный безпорядокъ въ правительствѣ *возрастили революцію въ парникѣ*, она вытянулась поверхъ нашихъ способностей и степени нашего образованія (ont mis en serre chaude la révolution; elle devanca notre aptitude et notre instruction). Дѣйствую сообразно этому обстоятельству. Покажу вамъ образчикъ того, какимъ запальчивымъ и въ то же время мягкимъ скакуномъ является наше національное собраніе. Вообразите, что всѣ обстоятельства дѣла говорили противъ исключительнаго и узурпаторскаго наименованія... Меня хотѣли разорвать на части и распустили будто я человѣкъ правительства... По правдѣ сказать, столькимъ я продаюсь, что не понимаю какъ не нажилъ себѣ всемірной монархіи“.

„Мы занимались, говоритъ онъ въ другомъ письмѣ, четыре дня безъ передышки вопросомъ какъ намъ организоваться. Прибавьте, что въ это самое время я былъ боленъ лихорадкой; испытывалъ ея припадки въ собраніи и трижды говорилъ будучи въ ознобѣ. Великое дѣло сдѣлано. Мы организовались въ національное собраніе послѣ многократнаго отказа двухъ сословій соединиться съ нами и вмѣстѣ провѣрять полномочія. Наименованіе это не мое. Мое предложеніе было объявить насъ представителями Французскаго народа... Они не хотѣли. Въ случаѣ самомъ благопріятномъ окажется, что они

сыграли королевство въ азартную игру (en trente et quarante), тогда какъ я оспаривалъ его на шахматахъ, будучи сильнѣе противника въ игрѣ. Возбужденіе страшное; сердятся, что я на сторонѣ умѣренности. Но я знаю какая огромная разница между путешествіемъ по картѣ и въ дѣйствительности по землѣ... Знаю, что наши довѣрители чрезвычайно мало интересуются нашими метафизическими спорами, какъ бы таковые важны ни были, и что мы можемъ на нихъ разсчитывать только когда непосредственно коснемся ихъ горша съ суломъ. Лучшее средство чтобы революція не имѣла успѣха—требовать слишкомъ многаго. Полагаю долго заслуживать почетный упрекъ въ умѣренности“. Обстоятельства обратили этотъ срокъ въ нѣсколько дней.

Возбужденіе, овладѣвшее собраніемъ, съ особою силой обнаружилось вечеромъ 16 іюня. Было уже восемь часовъ. Многіе требовали приступить къ собиранію голосовъ. Другіе противились, выставляя, что уже поздно, и многіе разошлись. Уступая большинству, Бальи приступилъ было къ перекличкѣ (appel nominal), но былъ прерванъ криками не давшими возможности продолжать. „Представьте себѣ, описываетъ онъ (*Мém.* I, 153), помѣщеніе. Большой столъ стоитъ въ ширину залы. Противъ меня тѣ что требуютъ голосованія, въ числѣ трехъ или четырехъ сотъ человѣкъ; между ними храбрые Бретонцы, самые твердые, но и самые горячіе изъ депутатовъ. Сзади меня противящіеся голосованію, человѣкъ сто, толпящіеся, готовые уйти, кричащіе и шумящіе болѣе чѣмъ остальные триста и четыреста человѣкъ... Крики, угрозы поднимались съ той и другой стороны. Не будь стола раздѣлявшаго противниковъ, я увѣренъ, нѣкоторые передрались бы между собою. Я хорошо понималъ, что благоразуміе требовало бы избѣжать опасности прервавъ засѣданіе. Но большинство, съ которымъ всегда долженъ соображаться предсѣдатель, того не хотѣло. Поступи я такъ, все было бы потеряно. Я держалъ въ ту минуту судьбу конституціи въ своихъ рукахъ. Меньшинство удалилось бы со мною, большинство осталось бы и выбрало бы другаго старшину. И еслибъ оно вздумало организоваться въ собраніе, то легко посудить, что бы могли сказать и какимъ сильнымъ аргументомъ противъ такого постановленія было бы удаленіе предсѣдателя и отсутствіе большаго числа депутатовъ. Явилось бы раздѣленіе, какого желали... Я рѣшился остаться въ бездѣйствіи и ждать пока наступитъ молчаніе. Слышу, меня бранятъ, особенно противящіеся голосованію. Съ другой стороны горячіе умы, сердясь что не даю болѣе сильнаго отпора противящимся, также обращаются ко мнѣ съ оскорбительными словами. А я, порицаемый неблагоразумными людьми той и другой стороны, думалъ, что оставаясь на точкѣ равновѣсія, исполняю мой долгъ какъ требовали и позволяли обстоятельства“.

Послѣ такого описанія чуть не передравшагося собранія, читатель не безъ изумленія встрѣчаетъ слѣдующія строки, составляющія его непосредственное продолженіе. „Собраніе никогда не было такъ велико; оно представляло зрѣлище величественное и внушительное: предсѣдатель тихій и спокойный, значительное большинство въ глубокомъ молчаніи, облеченное мудростію, котораго не въ состояніи смутить крики и насилія". Благоговѣніе Бальи къ собранію доходило до наивности. „Наконецъ около часу, когда крикуны постепенно разошлись, возстановилась тишина". Было предложено и принято отложить засѣданіе до завтра.

На другой день, 17 іюня, въ собраніи и около его было огромное стеченіе. Описаніе *Монитера* упоминаетъ о четырехъ тысячахъ зрителей въ залѣ*. Предложеніе Сіеса, окончательно сформулованное, принято большинствомъ 491 голосовъ противъ 90 въ слѣдующемъ видѣ: „Наименованіе: Національное Собраніе, есть единственное приличествующее собранію, въ настоящемъ его состояніи какъ потому, что члены его составляющіе суть единственные представители законно и публично признанные и провѣренные въ ихъ полномочіяхъ, такъ и потому, что посланы почти всею совокупностію націи, такъ наконецъ и потому, что ни одинъ депутатъ, въ какомъ бы сословіи или классѣ ни былъ избранъ, не имѣетъ правъ исполнять свою должность отдѣльно отъ сего собранія, ибо представительство едино и недѣлимо". Затѣмъ было вотировано подать адресъ королю и составленіе поручено Шапелье, Бергассу и Барнаву. Послѣдовало торжественное принесеніе присяги. Всѣ депутаты встали поднявъ каждый правую руку, описываетъ Бальи, и среди глубокой тишины онъ какъ предсѣдатель спросилъ: клянетесь ли и обѣщаете ли съ вѣрностію исполнять обязанность на васъ возложенную. Всѣ отвѣчали: клянемся и обѣщаемъ. Зала огласилась рукоплесканіями.

Шагъ сдѣланный собраніемъ даже Бальи (I, 164) не могъ не принять актомъ насильственнаго захвата и для оправданія его „законности" не нашелъ ничего лучшаго какъ сослаться на *естественныя права человѣка*. „Собраніе, говоритъ онъ, сознавало, что актъ какимъ оно организовалось, вполнѣ справедливый и основанный на естественныхъ правахъ человѣка, имѣлъ однако форму необычайную и смѣлую, которая въ моментъ пробужденія разума и когда глаза еще не всѣ пріобыкли къ его свѣту, могла дать предразсудкамъ и при-

* Можно бы усомниться въ этой цифрѣ зрителей. Не забудемъ, что изданіе *Монитера* началось собственно 21 ноября 1789 года и 71 первыхъ нумеровъ были составлены въ послѣдствіи, чтобы пополнить коллекцію. Но, съ другой стороны, самъ Бальи свидѣтельствуетъ, что въ залѣ собранія въ обыкновенныя засѣданія всегда бывало до 600 сторонникъ лицъ.

тязаніямъ сильное противъ насъ орудіе". Неккеръ (*De la rév.* I, 244), слагая вину всего происшедшаго на два первыя сословія, о сдѣланномъ третьимъ сословіемъ шагѣ выражается, со свойственными ему обиняками, въ слѣдующей формѣ: „Не должно скрыть, для историческаго поученія, что третье сословіе одно объявивъ себя національнымъ собраніемъ, показывая, что обойдется безъ содѣйствія двухъ первыхъ сословій, не признавая пользы противовѣса въ монархической конституціи, оказалось съ самаго начала собранія представителей неправымъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ можно упрекнуть власть пріобрѣтенную захватомъ (eût le genre de tort que l'on peut reprocher à une puissance usurpatrice)".

Почему дворянское собраніе не протестовало противъ наименованія присвоеннаго депутатами общинъ? Молевиль объясняетъ это слѣдующимъ образомъ. „Есть обстоятельство, говоритъ онъ (*Hist.* I, 258), которое не должно забывать, чтобы судить о поведеніи депутатовъ двухъ первыхъ сословій; а именно, что король, котораго министры настойчиво увѣряли, что единственное средство поддержать правительство есть популярность, думалъ увеличить ее, тщательно избѣгая всякаго, даже косвеннаго сношенія съ членами духовенства и дворянства. Отсюда происходило, что они являлись въ засѣданіе, не зная и не будучи приготовлены къ тому что предстоитъ. Потому они хранили молчаніе въ преніяхъ самыхъ важныхъ, изъ боязни стать въ разрѣзъ съ видами короля. По этой причинѣ они и не протестовали противъ наименованія національное собраніе, хотя предвидѣли его послѣдствія".

IV.

Обращеніе третьяго сословія въ національное собраніе. съ поглощеніемъ въ себѣ остальныхъ двухъ сословій, шло прямо противъ намѣреній власти, созвавшей собраніе. Ей было предъявлено первое серіозное испытаніе. Предоставить созваннымъ представителямъ трехъ сословій уладиться самимъ между собою, какъ надѣялся Неккеръ, оказалось невозможнымъ; примирительное вмѣшательство не привело ни къ чему. Власть должна была наконецъ заявить свое рѣшеніе. Король долженъ былъ сказать: „я повелѣваю". Но, что если слово это не произведетъ дѣйствія? Тотъ часъ, когда это случится, будетъ послѣднимъ часомъ монархіи. Важность минуты чувствовалась, но неспособность правительства оставляла власть въ безпомощномъ положеніи. Были два потока: одинъ отъ Неккера, другой отъ того, что принято было называть „дворомъ", то-есть отъ лицъ, для которыхъ съ существующимъ государственнымъ строемъ были связаны всѣ ихъ интересы, какъ низшаго порядка— положеніе, удобства жизни, такъ и высшаго—святыня преданія и честная вѣрность.

У Неккера былъ планъ, который онъ подробно излагаетъ и старается защитить въ своемъ сочиненіи о революціи, утверждая, что еслибъ этому плану послѣдовали, то событія могли бы принять иной ходъ, и обвиняя во всемъ привилегированные классы и дворъ. Планъ былъ сообразенъ съ ученіемъ Неккера объ общественномъ мнѣніи. По этому плану, должно было назначить королевское засѣданіе на которомъ король объявилъ бы соединеніе трехъ сословій въ одну палату, обсуждающую общія дѣла по большинству голосовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оградить сословный государственный строй, изъявъ вопросъ объ измѣненіи этого строя изъ совокупнаго обсужденія. Сліяніе, указывалъ Неккеръ, есть необходимость, которой уже нельзя избѣжать. „Какое бы мнѣніе администрація ни имѣла о соединеніи трехъ классовъ и отношеніи этой мѣры ко благу государства, здравая политика требовала, чтобы правительство связало это неизбѣжное событіе съ властію государя. Она настойчиво учила отбить у представителей третьяго сословія общественное расположеніе и отнять часть отъ ихъ лобѣдъ на долю монарха, часть, которая могла бы возстановить кредитъ высшей власти, ослабленіе которой становилось съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе дѣйствительнымъ, болѣе и болѣе замѣтнымъ. Кромѣ того, мнѣ казалось, что король, рѣшившись самъ вызвать соединеніе сословій, долженъ былъ сдѣлать это торжественно не только для того, чтобы поднять цѣну своего вмѣшательства, но и для того чтобы сдѣлать менѣе чувствительною для делутатовъ двухъ первыхъ сословій уступчивость, какой требовали отъ нихъ обстоятельства... Наконецъ монархъ, явившись въ собраніе, окруженный блескомъ власти, долженъ былъ изложить точнѣе и полнѣе, чѣмъ до тѣхъ поръ, свои виды относительно общественнаго благосостоянія и особое расположеніе свое въ пользу народа. Онъ долженъ былъ поступить такъ, чтобы дать націи понять его истинныя чувства и придать либеральнымъ намѣреніемъ своимъ характеръ достовѣрности, разсѣвающей истолкованія клеветы. Онъ долженъ былъ поступить такъ, чтобы пріобрѣсти своей власти новыхъ приверженцевъ и новыхъ друзей и чтобы съ успѣхомъ бороться противъ усилій партіи, которая, лаская мнѣніе и льстя ему, стремилась имъ овладѣть и давать законы его именемъ". *Либеральныя намѣренія*, какими предполагалось умилостивить и закупить общественное мнѣніе были: обязательство установлять налоги и производить государственные займы не иначе какъ съ согласія сословныхъ представителей; измѣненіе въ существующихъ налогахъ, гарантія личной безопасности чрезъ отмѣну lettres de cachet, свобода печати въ закономъ установленныхъ границахъ, судебная реформа, лучшая организація земства и нѣкоторыя другія. Въ награду за такія мѣры, общественное мнѣніе, надѣялся Неккеръ, приметъ подъ свое покровительство и тѣ „болѣе

чѣмъ смѣлыя", по его выраженію, требованія и условія,—не соединенныя впрочемъ въ параграфы, какъ „либеральныя намѣренія",— съ какими король долженъ былъ обратиться къ собранію, а именно: почетныя преимущества и поземельныя права не могутъ быть измѣнены безъ поданныхъ *отдѣльно* мнѣній трехъ сословій; король никогда не дастъ согласія на устройство законодательнаго корпуса въ видѣ одной палаты; воспрещается допущеніе публики въ залу совѣщаній; армія находится въ полномъ завѣдываніи монарха, сохраняющаго исполнительную власть во всей цѣлости; всѣ постановленія собранія требуютъ монаршаго утвержденія. Дочь Неккера поясняетъ, что планъ отца состоялъ въ томъ, чтобы дать Франціи политическія учрежденія по образцу англійской конституціи и утверждаетъ, что Неккеръ „за мѣсяцъ" до 23 іюня составилъ и предложилъ королю проектъ декларація въ изложенномъ смыслѣ. Но это несогласно съ изложеніемъ самого Неккера, изъ котораго явствуетъ, что планъ королевскаго засѣданія и декларація былъ вызванъ тагомъ, сдѣланнымъ собраніемъ въ срединѣ іюня. „Требовалось, характеризуетъ Неккеръ свой планъ, не отнять у правительства поддержку общественнаго мнѣнія. Я посовѣтовалъ (*De la rév.* I, 283) ровно столько, сколько было нужно, чтобы привлечь его на свою сторону и ничего болѣе.. Съ самаго начала политической борьбы, признаки которой давно усматривались, побѣда должна была принадлежать власти, поддержанной общественнымъ мнѣніемъ; съ помощію мнѣнія, сопровождаемаго торжественно такими спутниками какъ справедливость и разумъ, съ помощію быть-можетъ и моей популярности, я бы принудилъ склониться тѣхъ самыхъ людей, которые оказались столь гордыми и надменными въ минуту, когда ошибки двора и первыхъ двухъ классовъ сдѣлали ихъ единственными обладателями національной милости". Такимъ образомъ, государственная мудрость для Неккера сводилась къ тому, чтобы склонить на свою сторону невидимое, но имѣющее для него всѣ признаки личнаго бытія, существо, именуемое общественнымъ мнѣніемъ. Склонить его можно хорошими аргументами, такъ какъ оно существо способное внимать доводамъ разума. Чего болѣе либеральнаго, болѣе идущаго навстрѣчу „желаніямъ націи", какъ заключающееся въ проектѣ декларація, можно было требовать отъ короля и его правительства? Къ сожалѣнію, Неккеръ могъ убѣдиться, хотя кажется и не убѣдился, что „общественное мнѣніе" есть нѣчто иное чѣмъ то безтѣлесное, но разумное существо, которому онъ поклонялся мысленно. Онъ хотѣлъ сдѣлать ему „разумныя уступки" и чрезъ то получить отъ него праведный судъ и осужденіе „враговъ порядка", но уступки оказывались сдѣланными именно тѣмъ на кого подана аппелляція и которые оказались болѣе въ секретѣ „мнѣнія" чѣмъ прельщавшій его самыми убѣдительными аргументами

министръ. И это тѣмъ болѣе, что сами участвовали въ составленіи этого самаго „мнѣнія“ и заставляли говорить этотъ оракулъ, потихоньку въ него засѣвши. Одна изъ главныхъ ошибокъ доктринеровъ не имѣющихъ государственнаго ума, именно та, что они думаютъ будто люди, особенно собранные въ группы, дѣйствуютъ въ силу аргументовъ, тогда какъ истинные мотивы выходятъ изъ источниковъ болѣе осязаемыхъ чѣмъ отвлеченныя соображенія. Аргументы прилаживаются къ мотивамъ. Аргументъ, кажущійся неодолимымъ, побѣждается очень просто—его отбрасываютъ, черезъ него шагаютъ. Вотъ примѣръ изъ того же Неккера. Въ рѣчи при открытіи собранія онъ думалъ повидимому произвести неотразимое впечатлѣніе на общественное мнѣніе, указывая на необходимость представителямъ сословій раздѣлиться первоначально на три камеры, дабы духовенство и дворянство, торжественно уже заявившія объ отказѣ своемъ отъ денежныхъ сословныхъ привилегій, имѣли возможность облечь свое рѣшеніе въ форму постановленія свободно состоявшагося, и не были лишены чести самостоятельнаго почина въ такомъ дѣлѣ. Соображеніе весьма почтенное. Что же отвѣтило на искусно придуманный аргументъ общественное мнѣніе устами Мирабо въ его журналѣ? „Министръ говоритъ, что не должно отнимать у привилегированыхъ классовъ заслуги великодушнаго пожертвованія. Никакого нѣтъ великодушія быть справедливымъ“. Аргументъ такъ и остался позади.

Что касается популярности, то едва ли кто такъ какъ Неккеръ испыталъ ея тщету. Что былъ онъ въ іюлѣ 1789 года и чѣмъ сталъ, когда чрезъ годъ (въ началѣ сентября 1790 года) презрительно былъ выброшенъ тѣмъ самымъ мнѣніемъ, которому поклонялся?

Неккеръ утверждаетъ, что не будь декларація его измѣнена, дѣло уладилось бы. Въ этомъ позволительно сильно усомниться. Трудно не признать, что большою иллюзіей была надежда удовлетворить собраніе предлагаемыми въ декларації уступками, а неудовольствіе слишкомъ требовательныхъ побѣдить силой общественнаго мнѣнія, ими же фабрикуемаго.

Противники Неккера при дворѣ усматривали въ чемъ узелъ дѣла. „Держали, говоритъ Неккеръ (I, 288), тайныя совѣщанія, дѣйствовали на короля... Главнѣйше хотѣли воспрепятствовать соединенію сословій“. Со своей точки зрѣнія они были правы и правильно понимали, что уступить революціонному захвату третьяго сословія значило предрѣшить паденіе существующаго государственнаго строя и измѣнить положеніе монарха. Предстояло или побѣдить или сдаться. Побѣдить значило распустить собраніе. Подобный шагъ Неккеръ считалъ абсолютно уже невозможнымъ. Гжа Сталь, оправдывая отца, поясняетъ, что онъ думалъ такъ главнымъ образомъ потому, что зналъ ненадежное настроеніе арміи. Самъ Неккеръ объ этомъ не

упоминаетъ. По словамъ же гжи Сталь, онъ уже чрезъ двѣ недѣли послѣ открытія собранія говорилъ королю: „Государь, боюсь, не обманываютъ ли васъ о духѣ вашей арміи. Свѣдѣнія изъ провинцій заставляютъ думать, что она не пойдетъ противъ собранія представителей. Не приближайте ее къ Версалю. Народная партія еще не знаетъ положительно какое расположеніе въ арміи. Воспользуйтесь этимъ невѣдѣніемъ, чтобы поддержать вашъ авторитетъ во мнѣніи. Если роковой секретъ отсутствія субординаціи въ войскѣ сдѣлается извѣстнымъ, какая будетъ возможность сдержать мятежные умы? Дѣло теперь въ томъ, чтобъ уступить разумнымъ желаніямъ Франціи, благоволите рѣшиться на англійскую конституцію!“ Показанія гжи Сталь не отличаются точностію и весьма позволительно усомниться, чтобы Неккеръ держалъ такую рѣчь королю. Во всякомъ случаѣ сомнительно, чтобы положеніе арміи тогда было такое отчаянное, если принять въ соображеніе, что маркизъ Булье, на дѣлѣ не разъ доказавшій свои способности какъ военный начальникъ, въ концѣ 1790 года находилъ еще возможнымъ возстановить утраченное положеніе короля, опираясь на военную силу. Но къ какому-нибудь рѣшительному шагу Людовикъ XVI былъ совершенно неспособенъ, а министръ его всю мудрость полагалъ въ томъ, какъ бы прельстить общественное мнѣніе, угождая ему.

Въ королевскомъ совѣтѣ планъ Неккера былъ принятъ, проектъ декларації читанъ и перечитанъ, король со всѣмъ согласился. Оставалось скорѣе назначить день королевскаго засѣданія. Но въ минуту, когда министры уже складывали портфели, дежурный придворный приблизился къ королю и тихо что-то ему сказалъ. Король всталъ и просилъ министровъ остаться на мѣстахъ до его возвращенія. „Эта присылка, говоритъ Неккеръ (I, 286), не могла насъ не удивить. Монморенъ, сидѣвшій около меня, сказалъ: „ничего не сдѣлано; только королева могла позволить себѣ прервать засѣданіе совѣта; по всей видимости, принцы обошли ее и хотятъ чрезъ ея посредство удалить рѣшенія короля“. Министръ угадалъ. Вернувшійся король отсрочилъ рѣшеніе, назначивъ чрезъ два дня новое засѣданіе въ Версалѣ (описанное было въ Марли), съ присоединеніемъ двухъ своихъ братьевъ и четырехъ сановниковъ изъ высшей магистратуры, не засѣдавшихъ въ совѣтѣ. Вновь обсуждали декларацію, Неккеръ сдѣлалъ нѣкоторыя уступки, декларація приведена, казалось, въ окончательную форму, По наканунѣ королевскаго засѣданія короля склонили не требовать соединенія сословій ни подъ какимъ условіемъ и предписать наоборотъ сословную раздѣльность собранія. Неккеръ и министры, раздѣлявшіе его планъ, Монморенъ и Сенъ-При, отговаривали короля, но тщетно.

Не забудемъ, что все это совершилось въ краткій промежутокъ нѣсколькихъ дней. Неккеръ въ своемъ изложеніи проходитъ молчаніемъ то, что произошло въ эти дни. А произошло многое, свидѣтельствовавшее объ увеличивающемся возбужденіи, грозившее опасностями и побуждавшее ускорить рѣшеніе. Въ субботу 20 іюня между семью и восьмью часами утра герольды на улицахъ и площадяхъ Версаля возгласили объявленіе о томъ, что въ понедѣльникъ, 22 іюня, будетъ королевское засѣданіе, а до того времени засѣданія сословныхъ собраній будутъ закрыты для надлежащихъ приготовленій. Въ семь часовъ получилъ о томъ извѣщеніе Бальи письмомъ оберъ-церемоній-мейстера маркиза Брезе. Бальи былъ поставленъ въ затруднительное положеніе. Онъ опасался сдѣлать какой-нибудь шагъ, несогласный съ интересами собранія вступившаго въ борьбу съ правительствомъ и притязанія котораго возрасли до высокой степени. Онъ далъ отвѣтъ что „не получилъ еще никакого повелѣнія короля о королевскомъ засѣданіи и перерывѣ засѣданій, а потому считаетъ долгомъ отправиться въ засѣданіе назначенное на это утро". Предпринимая такой важный шагъ, долженствовавшій окончиться распущеніемъ собранія, правительство не приняло никакихъ мѣръ предосторожности. Бальи, посовѣтовавшись съ секретаремъ собранія, отправился въ залу засѣданія. Доступъ былъ загражденъ. Между тѣмъ депутаты собранія хотѣли войти въ залу даже силой. Бальи едва былъ въ состояніи успокоить волненіе. Одинъ изъ депутатовъ докторъ Гильйотенъ (Guillotin), предложилъ занять галлерею (Jeu de Pomme). Предложеніе было принято и собраніе состоялось въ пустомъ манежѣ. Едва нашли одно кресло для предсѣдателя, но Бальи отказался и „остался на ногахъ весь этотъ тягостный день". Умы были возбуждены. Одинъ членъ предложилъ перенести немедленно засѣданіе въ Парижъ и отправиться туда всѣмъ корпусомъ пѣшкомъ. Предложеніе было уже даже написано, когда другой членъ предложилъ принести присягу не расходиться, и предложеніе это было принято при общихъ восклицаніяхъ. Состоялось постановленіе: „Гдѣ собрались члены собранія, тамъ и Національное Собраніе... Немедленно будетъ принесена присяга никогда не раздѣляться и собираться всюду, гдѣ потребуютъ обстоятельства, пока не будетъ установлена и утверждена на прочныхъ основаніяхъ конституція королевства". Слѣдующій день былъ воскресный. Бальи получилъ извѣщеніе, на этотъ разъ именное, отъ короля, что засѣданіе отлагается до вторника. Въ понедѣльникъ тѣмъ не менѣе собраніе имѣло засѣданіе въ церкви Св. Лудовика, ознаменовавшееся присоединеніемъ большинства духовенства (148 членовъ, изъ коихъ 134 приходскихъ священниковъ).

V.

„Зала собранія, закрытая для представителей народа въ минуту, когда онъ только-что началъ дѣйствовать, невиданное зрѣлище Національнаго Собранія ищущаго убѣжища, все возвѣщало ужасы самаго мрачнаго свойства". Такъ начинаетъ Мирабо *Тринадцатое письмо къ избирателямъ*, описывающее событіе 23 іюня. „Наконецъ, продолжаетъ онъ, 23 іюня развертываютъ весь аппаратъ произвольной власти. Многочисленная стража окружаетъ залу Собранія, устроены загородки. Въ минуту когда все должно было внушать довѣріе думаютъ только о томъ, какъ бы возбудить страхъ. Двери отворяютъ представителямъ, но строжайше не допускаютъ публику. Появляется король. Его встрѣчаетъ гробовое молчаніе. Онъ не получаетъ обычной дани почтенія, свидѣтельствующей объ удовольствіи народа и которую получитъ каждый разъ, когда мудрость его не будетъ введена въ заблужденіе вѣроломнымъ совѣтомъ. Въ какой мѣрѣ надлежало обмануть ее, чтобы принять столь деспотическія формы послѣ торжественнаго отреченія отъ деспотизма!" Показаніе Мирабо относительно „молчанія", съ какимъ встрѣченъ былъ король не вполнѣ точно. На улицахъ крики раздавались по обычаю (это указываетъ Бертранъ де-Молевиль): въ собраніи изъ рядовъ духовенства и дворянства послышались привѣтствія, молчали всѣ члены третьяго сословія. Неккеръ знаменательно отсутствовалъ въ засѣданіи „Я не долженъ былъ присутствовать, поясняетъ онъ (*De la rév.*, I, 306). Еслибъ я былъ въ засѣданіи, то публика подумала бы, что отставка моя (на которую Неккеръ рѣшился, но подать которую наканунѣ засѣданія счелъ неприличнымъ), вызвана неуспѣхомъ мѣры мною посовѣтованной. Было бы слишкомъ уже много для тѣхъ, кто взяли надо мной верхъ и заставили меня оставить министерство, принудить меня еще и къ тому, чтобъ я самъ потерялъ себя въ общественномъ мнѣніи, присоединившись къ дѣйствію, прямо противоположному моимъ видамъ и совѣтамъ". Текстъ королевскихъ рѣчей и объявленія былъ по большей части тотъ самый, который составилъ Неккеръ, но мѣстами съ перемѣной тона на повелительный и съ рѣшительнымъ измѣненіемъ въ существенномъ пунктѣ о соединеніи сословій. Объявленію былъ данъ характеръ повелѣнія, идущаго отъ самодержавной власти. Неуспѣхъ былъ равнозначителенъ пораженію начала королевскаго самодержавія, лежавшаго въ основѣ дореволюціоннаго государственнаго строя, но уже поколебленнаго въ умахъ и монарха, и подданныхъ, сконфуженныхъ пугаломъ деспотизма въ эпоху, когда власть почти не проявляла себя. Король торжественно заявилъ, что если собраніе не послѣдуетъ его указаніямъ, онъ „одинъ совершитъ благо своихъ народовъ и бу-

детъ смотрѣть на себя какъ на ихъ истиннаго представителя“ (seul je ferai le bien de mes peuples: je me considérerai comme leur véritable représentant), то-есть распустить собраніе, и заключилъ словами: „повелѣваю вамъ немедленно раздѣлиться и собраться завтра раздѣльно по сословіямъ для продолженія засѣданій“. Минута была рѣшительная. Два первыя сословія повиновались и вышли изъ залы. Представители третьяго остались на мѣстахъ, недоумѣвая что̀ предпринять. Мирабо, за нѣсколько дней предъ тѣмъ энергически останавливавшій собраніе отъ рискованныхъ шаговъ, понялъ, что пришла минута дѣйствовать. Правительство рѣшилось на шагъ великой важности, но ничего не сдѣлало, чтобъ обезпечить его успѣхъ. Всѣ усилія были направлены къ тому, чтобы склонить колеблющагося короля прибѣгнуть къ авторитету своей власти. Склонить удалось за минуту предъ тѣмъ какъ надлежало дѣйствовать. Какъ поступить, если объявленное повелѣніе не встрѣтитъ повиновенія и торжественно произнесенную угрозу придется исполнять на дѣлѣ,—объ этомъ не успѣли, да при отсутствіи единства въ правительствѣ, и не могли подумать. Президентъ Бальи, какъ видно изъ его разсказа (*Mém.*, I, 214), былъ сильно сконфуженъ. „Оберъ-церемоніймейстеръ, питетъ онъ, приблизился ко мнѣ и сказалъ: Вы слышали повелѣніе короля? Я отвѣчалъ: Собраніе назначило совѣщаніе послѣ королевскаго засѣданія; я не могу его распустить безъ обсужденія этого пункта *.— Таковъ вашъ отвѣтъ? Я могу передать его королю?—Да, милостивый государь. И я прибавилъ, обращаясь къ товарищамъ, бывшимъ вокругъ меня: полагаю, что собранная нація не можетъ получать повелѣній. Потомъ говорили и повторяли будто, я далъ такой отвѣтъ г. Брезе. Официальный отвѣтъ былъ тотъ, какъ я передалъ. Я слишкомъ уважалъ короля, чтобы дать такой отвѣтъ“. Пока Бальи мялся, Мирабо оцѣнилъ положеніе дѣла и понялъ, что рѣшительнымъ шагомъ можно выиграть побѣду. Пустивъ въ ходъ всю энергію своего ораторскаго таланта, не испрашивая слова, никѣмъ не уполномоченный, онъ поднялъ голосъ отъ имени собранія и произнесъ извѣстныя историческія слова, которыя передаются съ разными варіантами, но которыя самъ онъ въ журналѣ своемъ передаетъ слѣдующимъ образомъ, не совсѣмъ совпадающимъ съ передачей Бальи. „Маркизъ Брезе сказалъ депутатамъ: господа, вамъ извѣстны намѣренія короля. На

* „Monsieur, l'assemblée c'est ajournée apres la séance royale; je ne puis la séparer sans qu'elle en ait délibéré“. Молевиль передаетъ слова Бальи такъ (*Hist.*, I, 211): „L'assemblée a arrêté hier qu'elle resterait séance tenante aprés le séance royale; je ne puis rein changer á cette délibération (disposition? опечатка?), il faut que l'assemblée en délibère“ и утверждаетъ, что это было совершенно ложно: никакого такого постановленія не было.

это одинъ изъ членовъ, обращаясь къ нему, произнесъ: да, милостивый государь, мы слышали намѣренія, какія внушили королю, и вы не можете быть ихъ органомъ предъ собраніемъ сословныхъ представителей *, вы, не имѣющіе здѣсь ни голоса, ни мѣста, ни права напоминать намъ его рѣчь. Но, чтобъ избѣжать всякаго недоразумѣнія и проволочки, объявляю вамъ, что если вамъ поручено удалить насъ отсюда, то вы должны испросить повелѣніе употребить силу, ибо мы сойдемъ съ мѣста только уступая силѣ штыковъ!“ „Тогда, прибавляетъ Мирабо, всѣ депутаты единогласно воскликнули: таково рѣшеніе собранія!“ Мирабо, не безъ наивности замѣчаетъ Бальи, „не долженъ былъ, не имѣлъ права дѣлать такого отвѣта, ибо предсѣдатель одинъ имѣетъ право говорить отъ имени собранія. Да и отвѣтъ этотъ въ то же время былъ неумѣстенъ и переходилъ всякую мѣру. Мѣра требуетъ, чтобъ отвѣчать на то что̀ сказано. Говорилось ли о штыкахъ, возвѣщалось ли употребленіе силы, грозилъ ли сколько-нибудь г. Брезе?“ Съ удаленіемъ оберъ-церемоніймейстера открылось засѣданіе. Мирабо, чтобъ обезпечить успѣхъ, сдѣлалъ предложеніе объявить „особу каждаго изъ депутатовъ неприкосновенною“. Всякое лицо, учрежденіе, судъ, коммиссія, которыя бы осмѣлились преслѣдовать или задержать депутата за высказываемое имъ въ собраніи, объявлялись достойными позора, измѣнниками націи, государственными преступниками. Не успѣвавшій за событіями Бальи былъ противъ и этого предложенія. „Вы не знаете, чему вы подвергаетесь, пояснилъ Мирабо. Если помѣшаете декрету, шестьдесятъ депутатовъ и вы первый будете арестованы въ эту ночь“. Предложеніе Мирабо было принято. Собраніе разошлось. „Такъ кончился, размышляетъ Бальи, этотъ памятный день. Не знаешь, чему болѣе удивляться— мужеству ли собранія или неблагоразумію правительства! Мы были одни, безъ защиты, среди города, обычнаго королевскаго мѣстопребыванія, населеннаго людьми, связанными съ правительствомъ, жившими злоупотребленіями, мы были окружены королевскою гвардіей и кольцомъ войскъ, облегавшихъ Парижъ и Версаль, стояли подъ ударами испуганнаго министерства, чувствовавшаго грозящую ему опасность и которое могло пуститься на всякій рискъ, чтобъ отразить ее. Отважиться на это было болѣе чѣмъ неблагоразумно, но было менѣе всего основанія ждать отъ него благоразумія. Мы могли каждый сдѣлаться жертвой его дерзости. И между тѣмъ мы имѣли твердость объявить, установить права націи и принять пять постановленій, 17, 20 и 23 іюня утвердившихъ ея верховенство“. Бальи не

* Auprès des Etats-Généraux. Мирабо не употребилъ выраженія: Національное Собраніе.

сознавалъ достаточно ни слабости правительства, котораго неблагоразуміе видѣлъ въ чрезмѣрной дерзости, тогда какъ надо было видѣть въ крайней необдуманности предпринятаго, ни силы вожаковъ собранія, направлявшихъ его на борьбу.

Сопротивленіе оказано, надо было обезлечить его успѣхъ. Прежде всего требовалось показать правительству, что за собраніемъ стоитъ великая сила, что подымаются волны, успокоить которыя въ силахъ только само собраніе. Умы гражданъ, утверждаетъ Мирабо въ своемъ журналѣ, были поражены безпокойствомъ. Такое состояніе могло бы разразиться шумнымъ движеніемъ, еслибы „наша непоколебимая твердость въ эти дни тревоги не успокоила публику относительно послѣдствій событія“. Между тѣмъ волны возбуждались именно тѣми, кто сбирались ихъ успокоивать. Возбудить волненіе въ общественномъ мнѣніи путемъ печати и броженіе въ уличной толпѣ и всякихъ группахъ гражданъ путемъ слуховъ и всяческихъ возбудительныхъ средствъ, вотъ на что направились усилія.

Мирабо разбираетъ въ своемъ журналѣ рѣчи короля, произнесенныя 23 іюня. „Онѣ публичны, говоритъ онъ, и безъ сомнѣнія дозволяется разбирать начала, въ нихъ заключающіяся, и которыя его величество никогда не сталъ бы поддерживать, еслибы не былъ окруженъ аристократами и министрами, проводниками деспотизма“. „Мало того, что король предписываетъ законы собранію представителей и даже ихъ внутренніе распорядки и внѣшнія отношенія, онъ не говоритъ иначе какъ: *я хочу, я запрещаю, я повелѣваю,* такъ что никогда монархъ не присваивалъ себѣ болѣе формальнымъ образомъ власть безъ границъ и раздѣла. И это нашему-то доброму королю осмѣлились придворные льстецы присовѣтовать, такъ обойтись съ націей, созвать которую онъ почувствовалъ потребность! Но чтобы достичь подобной цѣли, какая была надобность собирать представителей народа? Если монархъ свободенъ составлять законы, пользуясь наказами разныхъ округовъ, то стоило министрамъ распорядиться, чтобы выслали ихъ по почтѣ. Да и въ этой формальности не было надобности... И тогда какъ при составленіи регламента, въ то время, какъ король безспорно былъ предварительный законодатель (législateur provisoire), они не сочли себѣ позволеннымъ установить народныя совѣщанія въ созываемомъ собраніи, какимъ образомъ теперь, когда законодательное собраніе налицо, хотятъ они захватить право выдавать законы, которое не можетъ и не должно имъ принадлежать“?

Такимъ образомъ уступчивость Неккера, имѣвшая цѣлью плѣнить мнѣніе правительственнымъ либерализмомъ, обратилась въ аргументъ противъ правительства. Мирабо останавливается также на выраженіи въ рѣчи короля, которое онъ называетъ страннымъ: „я хочу также сообщить вамъ тѣ *различныя благодѣянія*, какія я дарую моимъ народамъ“. „Какъ будто, восклицаетъ Мирабо, права народовъ суть благодѣянія королей!... Съ какого это времени исполнительная власть имѣетъ починъ въ законодательствѣ? Не хотятъ ли насъ приравнять къ собранію нотаблей“?

Вотъ какимъ языкомъ оказалось уже возможнымъ говорить о королѣ. „Министры вздумали, что король обращаясь къ Національному Собранію можетъ употреблять повелительныя выраженія, какими столько злоупотреблялось въ королевскихъ засѣданіяхъ, lits de justice? Можетъ ли король кассировать опредѣленія Національнаго Собранія? Даже допуская королевское *veto*, не должно ли принять, что оно ограничивается простымъ несогласіемъ съ тѣмъ или другимъ постановленіемъ собранія, которое не можетъ касаться его внутренняго порядка и по самому смыслу своему не включаетъ въ себя права кассировать или уничтожать постановленія“. Такъ возрасли притязанія палаты въ устахъ ея вожака.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Дни предшествовавшіе уличной революціи.

I. Уступки и колебанія. — II. Участіе вожаковъ собранія въ возбужденіи волненій.

I.

Наступили три недѣли смуты, отъ 23 іюня до 14 іюля, приведшей къ революціонному взрыву и взятію Бастиліи. Событія шли въ такомъ порядкѣ.

Вечеромъ 23 іюня король призвалъ Неккера. Добродушный монархъ не ощутилъ озлобленія противъ министра, протестовавшаго своимъ отсутствіемъ на засѣданіи 23 іюня. Другъ Неккера, Монморенъ, истолковалъ даже, что это отсутствіе только облегчаетъ возможность примиренія съ мнѣніемъ помощію того же Неккера. „Король, говоритъ самъ Неккеръ (*De la rév.* I, 307), не показалъ мнѣ никакого неудовольствія, но вмѣстѣ съ королевой просилъ меня отказаться отъ принятаго мною намѣренія выйти въ отставку и сдѣлалъ это съ такою настойчивостію, что я сдался“. Народъ видѣлъ прибытіе Неккера во дворецъ и ждалъ его возвращенія. Когда увидѣлъ короля, отправлявшагося въ Тріанонъ, встрѣтилъ его молчаніемъ. Наконецъ показался Неккеръ. Толпа съ привѣтственными кликами и благословеніями кинулась за нимъ. „Онъ могъ бы, замѣчаетъ снисходительный Мармонтель (IV, 124), скромно возвратиться галлереями Но было бы кажется слишкомъ строго вмѣнить въ пре-

ступленіе, что онъ не обнаружилъ настолько почтительнаго вниманія королю". Когда онъ почти на рукахъ толпы вернулся домой, къ нему явилось собраніе „не депутаціей, а въ полномъ составѣ" умолять именемъ отечества, самого короля для спасенія государства не выходить въ отставку. „Это была, прибавляетъ Мармонтель, театральная сцена, чтобы сдѣлать ненавистною королевскую партію: въ совѣтахъ мятежа было рѣшено уже уничтожить Неккера, если онъ не предастся народной партіи". Неккеръ высказалъ, что онъ одинъ не въ состояніи ничего сдѣлать добраго. „Мы поможемъ вамъ, воскликнулъ Тарже, уполномочившій себя говорить за всѣхъ. Нѣтъ усилій, нѣтъ жертвъ, на которыя мы бы ни пошли для этой цѣли.— Господинъ министръ, сказалъ Мирабо, надѣвъ маску откровенности, я не люблю васъ, но простираюсь ницъ предъ добродѣтелью.—Останьтесь г. Неккеръ, кричала толпа, мы васъ умоляемъ, останьтесь. Тронутый министръ сказалъ: Отвѣчайте за меня, г. Тарже, ибо я не могу говорить самъ. — „Итакъ, господа, я остаюсь, воскликнулъ Тарже: вотъ отвѣтъ г. Неккера! Впослѣдствіи стало извѣстно, какой чувствительный ударъ нанесла эта сцена сердцу короля. Но это и входило въ намѣренія актеровъ". Такъ разсказываетъ Мармонтель очевидно по ходившимъ слухамъ, во всякомъ случаѣ характеризующимъ настроеніе *. Бальи въ свои записки занесъ только, что вечеромъ у Неккера было большое стеченіе депутатовъ. „Приглашали, пишетъ онъ, и меня, но я не позволилъ себѣ этого шага". Дочь Неккера говоритъ, что большинство духовенства, меньшинство дворянъ и *всѣ* депутаты третьяго сословія были у Неккера, такъ что домъ едва могъ вмѣстить собравшихся. Неккеръ, по ея словамъ, убѣждалъ депутатовъ третьяго сословія не простирать слишкомъ далеко притязаній. „Вы теперь болѣе сильны; вамъ приличествуетъ благоразуміе" (*Oeuvr.* XII, 233). На другой день Неккеръ прислалъ въ собраніе письмо, въ которомъ разсыпается въ благодарностяхъ.

24 іюня дворянство и духовенство собрались въ свои камеры, третье сословіе, какъ всегда, въ залѣ общихъ собраній. Во исполненіе королевскаго повелѣнія входы собранія были охраняемы стражей, чтобы не пропускать публику. Воспрещеніе не произвело однако дѣйствія. Несмотря на него, говоритъ Бальи, стражи „впускали постороннихъ и въ залѣ всегда было болѣе *шестисотъ* зрителей". Дѣлалось это, по словамъ Молевиля, слѣдующимъ образомъ. „Солдаты привели исполненіе даннаго имъ приказа къ тому, что спрашивали у каждаго входящаго депутатъ ли онъ. Тотъ же часовой, который громко дѣлалъ этотъ вопросъ, говорилъ шепотомъ: отвѣчайте *да*. Такимъ образомъ, кажущаяся строгость состояла въ томъ, что доступъ въ залу былъ преграждень лицамъ слишкомъ уже дурно одѣтымъ, чтобъ ихъ смѣшать съ депутатами". Духовенство въ этотъ день обсуждало вопросъ о соединеніи съ третьимъ классомъ для повѣрки полномочій (соединеніе 22 іюня было безъ общаго рѣшенія, такъ какъ засѣданій духовенства въ то время не было). Опредѣлительнаго рѣшенія не состоялось: 142 голоса были поданы за соединеніе, 143 противъ; девять высказались особо, не присоединяясь ни къ той, ни къ другой сторонѣ. Поднялись споры, меньшинство требовало новой подачи голосовъ. Многіе члены удалились изъ залы. Пренія тѣмъ не менѣе продолжались. Тѣхъ девять членовъ, которые высказали особое мнѣніе, уговорили присоединиться къ желавшимъ соединенія. Чрезъ это составилось большинство. Формальное соединеніе послѣдовало въ то же утро. 150 членовъ духовенства предводимые архіепископомъ Віенскимъ вошли въ залу собранія и были привѣтствованы громкими рукоплесканіями. Члены духовенства противившіеся соединенію, когда выходили изъ собранія, были непріязненно встрѣчаемы толпой, которой успѣли сообщить о происходившемъ. Еще наканунѣ архіепископъ Парижскій, проѣзжая близъ церкви Св. Лудовика, былъ встрѣченъ криками и свистками. Въ этотъ день онъ подвергся оскорбленіямъ еще болѣе ожесточеннымъ. Камни полетѣли въ его карету, онъ былъ слегка раненъ въ лицо. Стража окружавшая карету, по свидѣтельству Камиля Демулена (въ письмѣ къ отцу, *Oeuvr*, II, 321), скорѣе одобряла побіеніе чѣмъ охраняла епископа. Вечеромъ толпа осадила его жилище, перебила окна, требуя чтобъ онъ вышелъ. Подоспѣлъ отрядъ, но ничего не предпринялъ, и толпу успокоили только заявленіемъ вынужденнымъ у архіепископа, что онъ завтра присоединится къ собранію. Въ тотъ же вечеръ три депутата изъ Нойона были у Неккера по дѣламъ своего города и по недоразумѣнію были введены прямо въ гостиную, гдѣ было около шестидесяти лицъ изъ приближеннаго къ Неккеру кружка. Хозяинъ нѣсколько сконфузился, послѣшилъ навстрѣчу вошедшимъ и обнадежилъ ихъ исполненіемъ просьбы. Они хотѣли удалиться. „Въ эту минуту какой-то разстрепанный молодой человѣкъ вбѣжалъ въ гостиную крича: браво, браво, мы только, что заставили архіепископа Парижскаго обѣщать завтра присоединиться къ третьему со-

---

* Камиль Демуленъ, въ письмѣ къ отцу (*Oeuvr.* II, 231), разсказываетъ, по слухамъ, о возвращеніи Неккера въ такой легендарной формѣ. „Толпа послѣдовавшая за депутатами къ г. Неккеру, была такъ огромна, что дворъ испугался. Закричали: къ оружію! Но ни одинъ солдатъ не двинулся. Король имѣлъ тогда объясненіе съ Неккеромъ, длившееся три четверти часа. Онъ вышелъ изъ галлереи держа Неккера за руку.—Вы обѣщаете мнѣ не покидать меня, сказалъ онъ. Неккеръ громко отвѣтилъ: — А вы также, государь, даете мнѣ слово. Всѣ закричали, даже неслыханная вещь—въ галлереѣ и въ комнатахъ: да здравствуетъ Неккеръ.

словію". Молевиль (I, 227), передавая этотъ анекдотъ, свидѣтельствуетъ о его достовѣрности. Нѣтъ сомнѣнія, самъ Неккеръ нисколько не участвовалъ въ возбужденіи волненій, но покупая популярность долженъ былъ терпѣть въ своемъ кругѣ и двигателей смуты стремившихся къ дѣли, въ которой онъ покорно видѣлъ велѣніе „мнѣнія".

Говоря въ письмѣ къ отцу о возбужденіи, послѣдовавшемъ за событіемъ 23 іюня, Камилъ Демуленъ (*Oeuvr*, II, 322) разсказываетъ, какъ видѣлъ въ Палѣ-Роялѣ принца Орлеанскаго успокоивающаго толлу. „Толла, говоритъ онъ, была громадная. Заставили одного аббата на колѣняхъ просить прощенья за то, что неприлично выразился о нашихъ депутатахъ. *Idem* съ секретаремъ Вѣнскаго посольства, котораго потомъ выгнали изъ Пале-Рояля. Я самъ слышалъ, какъ онъ на колѣняхъ просилъ прощенья у націи. Задали сильную лалочную трепку кому-то изъ третьяго сословія за то же. Другіе отдѣлались тѣмъ, что просили прощенья... Одну графиню (слѣдующее письмо Демулена, стр. 324) высѣкли въ Палѣ-Роялѣ за то, что говорила, что-то противъ г. Неккера... Хозяинъ квартиры аббата Мори въ Версалѣ на хотѣлъ держать у себя эту антиконституціонную скуфью и заявилъ, чтобъ онъ убирался. А патріоты его еще и поколотили. Въ Пале-Роялѣ, тѣ кто имѣютъ голосъ Стентора смѣняются одинъ за другимъ. Взлѣзаютъ на столъ: образуется кучка, слушаютъ чтеніе. Читаютъ что въ журналахъ посильнѣе сказано о событіяхъ времени. Молчаніе прерывается, только крикомъ *браво* въ наиболѣе забористыхъ (vigoureux) мѣстахъ. Тогда патріоты кричатъ *bis*".

25 іюня присоединилось къ собранію меньшинство дворянъ (47 членовъ), между ними были Толандаль, Клермонъ Тоннеръ, и принцъ Орлеанскій. Принцъ былъ привѣтствованъ восторженными кликами. „Шумные возгласы, питетъ Молевилъ (I, 221), достигнувъ до улей черни, въ окрестностяхъ залы, довели до безумія желаніе взглянуть, что происходитъ. Толпа прорвалась чрезъ стражу и осадила двери залы, грозя ихъ выломать. Собраніе увѣдомленное объ опасности отправило къ осаждающимъ Бальи, какъ предсѣдателя, а также архіепископа Вѣнскаго и г. Клермонъ-Тоннера. Эти господа очень вѣжливо просили толлу отойти и увѣряли, что, согласно только, что состоявшемуся постановленію собранія, будетъ немедленно отправлена депутація къ королю просить о свободномъ доступѣ въ залу; и что по всей вѣроятности двери завтра же будутъ отворены народу". Толла вняла просьбамъ.

27 іюня свершилось окончательное соединеніе сословій. Оно вызвано было письмомъ короля къ предсѣдателямъ первыхъ двухъ классовъ. Въ письмѣ было сказано:

„Имѣя единственною заботой общее благо моего королевства, желая болѣе всего, чтобы собраніе сословныхъ представителей (l'Assemblée des Etats Généraux), послѣ невынужденнаго принятія моей декларацiи 23 іюня, занялось предметами національнаго интереса, я приглашаю мое вѣрное дворянство (духовенство) соединиться немедленно съ двумя другими классами, дабы поспѣшить осуществленіемъ моихъ отеческихъ видовъ. Связанные * своими полномочіями могутъ присутствовать, воздерживаясь отъ голосованія до полученія новыхъ полномочій. Это будетъ новымъ знакомъ привязанности ко мнѣ дворянства (духовенства)".

Что побудило короля, торжественно заявившаго 23 іюня раздѣльность сословій, требовать теперь соединенія ихъ въ одну палату, со всѣми послѣдствіями такой уступки, равнозначительной признанію пораженія власти монарха? Есть много указаній, что королевское рѣшеніе было результатомъ тревоги, почти паники, объявшей короля въ виду послѣдствій событія 23 іюня. Неккеръ настаивалъ на неотложной необходимости соединенія сословій. Весьма вѣроятно полагать, что аргументъ о ненадежности войска, къ которому, по словамъ дочери Неккера, онъ прибѣгалъ до 23 іюня, дѣйствительно былъ употребленъ имъ въ дѣло послѣ событій этого дня. Броженіе достигло сильной степени. По словамъ де Ферьера (I, 64), „открыто толковали, что надо перебить членовъ дворянскаго большинства; отмѣчали ихъ дома... Говорили, что сто тысячъ человѣкъ придутъ изъ Парижа, сожгутъ дворецъ, перерѣжутъ дворянъ. Эти слухи, искусно распространенные, поддерживаемые присутствіемъ двухъ, трехъ тысячъ наемнаго народа, разсѣяннаго около залы собранія, изрыгавшаго потоки оскорбленій и угрозъ противъ членовъ дворянскаго большинства, испугали дворъ... Говорили даже о днѣ избіенія". Ничто такъ не дѣйствовало на короля, какъ страхъ междуусобной войны и пролитія крови. Этотъ страхъ сказался въ словахъ его, обращенныхъ къ герцогу Люксембургу (представителю дворянъ). „Я жду отъ вѣрности и преданности ко мнѣ сословія, котораго вы предсѣдатель, его соединенія съ двумя другими. Я зрѣло сообразилъ положеніе дѣла, я готовъ на всякія жертвы. *Я не хочу, чтобы погибъ хотя одинъ человѣкъ изъ-за меня* (pour ma querelle). Скажите дворянамъ, что прошу ихъ соединиться съ двумя другими сословіями. Если этого не довольно, приказываю имъ, какъ король. Это моя воля. Если найдется хотя одинъ изъ членовъ, который сочтетъ себя связаннымъ своимъ полномочіемъ, своею клятвой или своею честью и обязаннымъ остаться

---

* Во многихъ наказахъ депутаты обязывались держаться сословнаго раздѣленія въ собраніи.

въ камерѣ, пусть мнѣ скажутъ. Я приду сѣсть рядомъ и умру съ нимъ если нужно". Рѣшеніе было сообщено дворянамъ. Въ то же время, однимъ изъ нихъ, получено письмо отъ брата короля, умоляющее о соединеніи и дающее понять, что днямъ короля грозитъ опасность, если сопротивленіе продлится. „Если король въ опасности, воскликнулъ графъ Сенъ-Симонъ, хватаясь за шпагу, — отправимся во дворецъ, наше мѣсто около его величества".

„Когда вѣсть о соединеніи трехъ сословій (Молевиль, I, 262) распространилась въ Версалѣ, народъ радостно бросился толпой на дворы дворца, вызывая криками короля и королеву. Ихъ величества показались на одномъ изъ балконовъ Мраморнаго двора и были привѣтствованы живѣйшими и единодушными восклицаніями: да здравствуетъ король! да здравствуетъ королева! Несчастная королева была тронута до слезъ, и самъ король не могъ отъ нихъ удержаться... Вся ночь прошла въ иллюминаціяхъ и увеселеніяхъ На всѣхъ почти улицахъ плошки и танцы. Народъ и граждане смѣшивались съ французскими и швейцарскими гардами, драгунами, гусарами. Столица также отпраздновала иллюминаціей это революціонное соединеніе, перемѣнившее роли сословій или, лучше сказать, уничтожившее два первыя въ третьемъ. Разложеніе, уже обнаружившееся во многихъ полкахъ, сдѣлало съ это минуты быстрѣйшіе успѣхи".

Въ концѣ іюня, епископъ Шалонскій издалъ окружное посланіе (mandement), въ которомъ предписывалъ въ своей епархіи публичныя молитвы за собраніе представителей королевства. Епископъ рисуетъ положеніе дѣлъ во дни, когда еще только подготовлялся революціонный взрывъ, самыми мрачными красками, изображая отечество на краю гибели. „Духъ своеволія и возмущенія, говоритъ онъ, обнаруживается во всемъ. Граждане вооружаются противъ гражданъ, общее броженіе; всѣ общественныя связи разорваны, отношенія, соединяющія государя съ подданными и подданныхъ съ государемъ, совсѣмъ не признаются. Священнѣйшія начала отданы произволу; власть смѣшиваютъ съ деспотизмомъ, самовольство со свободой; подъ именемъ братства—недовѣріе и ненависть, подъ именемъ равенства—смута и анархія. Вотъ это пресловутое царство философіи". Мирабо энергически старается опровергнуть слова епископа, упрекая его, зачѣмъ сѣетъ раздоръ и опасенія. Гдѣ доказательства, спрашиваетъ Мирабо, что всѣ общественныя связи порваны, отношенія подданныхъ къ монарху совсѣмъ не признаются? „Давала ли когда нація,—имѣетъ Мирабо смѣлость присовокупить,—болѣе свидѣтельствъ любви и вѣрности"? И это за нѣсколько дней до іюльскихъ событій!

Между тѣмъ, при дворѣ, послѣ дней уныній и паники, слѣдовавшихъ непосредственно послѣ 23 іюня, произошелъ нѣкоторый переворотъ. Противники политики Неккера взяли верхъ. Король сталъ

удаляться отъ совѣтовъ своего министра. Ему, какъ самъ онъ свидѣтельствуетъ, ничего не сообщали. „Были секреты и за секретами секреты". (*De la rév.* II, 2).

Къ Парижу сдвигались войска и были расположены на Марсовомъ Полѣ и въ окрестностяхъ столицы. Маршалъ де-Броль (Broglie) призванъ въ Версаль и назначенъ начальникомъ собранной военной силы. Онъ расположилъ артиллерію на главныхъ путяхъ къ Версалю и поставилъ многочисленные патрули. „Видъ этихъ пушекъ (Moleville, I, 274) и движеніе войскъ раздражали и пугали народъ и большинство депутатовъ Ихъ страхъ обнаружился письмами, которыми они наводнили столицу и провинцію и въ которыхъ приписывали министерству самые враждебные и самые безумные планы противъ собранія, въ родѣ того, что хотятъ стрѣлять въ собраніе раскаленными ядрами, взорвать его боченками пороха и проч. и проч." Одинъ изъ депутатовъ (Веберъ I, 366) увѣрялъ даже, что ощущаетъ запахъ пороха. Ему основательно было замѣчено, что порохъ пахнетъ только при воспламененіи. „Агитаторы Пале-Рояля только и говорили (Moleville I, 274) о томъ, чтобъ отразить силу силой, вооружить гражданъ, чтобъ оказать сопротивленіе войскамъ. Въ то же время употребляли всякія средства совратить солдатъ, осыпали ласками тѣхъ, которые смѣшивались съ народомъ. Иначе дѣйствовали относительно офицеровъ. Тѣ которые имѣли неблагоразуміе показываться въ Пале-Роялѣ могли навѣрное ждать грубыхъ оскорбленій. Раздували страхъ голода. Неккеръ содѣйствовалъ безпокойству неблагоразумнымъ мемуаромъ, переданнымъ имъ 16 іюля въ комитетъ продовольствія и гдѣ говорилъ, что дворъ и король вынуждены будутъ ѣсть хлѣбъ съ мякиной. Онъ окончилъ мемуаръ словами: „когда люди сдѣлали все, что было въ ихъ власти, остается съ терпѣніемъ подчиниться законамъ необходимости и велѣніямъ Провидѣнія" (Moleville, I, 287).

8 іюля Мирабо предложилъ представить королю адресъ объ удаленіи войскъ и просить, чтобы въ Парижѣ и Версалѣ были немедленно организованы гражданскіе гарды (des gardes bourgeoises, будущая національная гвардія).

„Уже значительное число войскъ, говорилъ Мирабо, окружало насъ. Но прибыли новые, прибываютъ ежедневно, сбѣгаются со всѣхъ сторонъ. Тридцать пять тысячъ распредѣлены между Парижемъ и Версалемъ. Ждутъ еще двадцать тысячъ. За ними везутъ артиллерію. Намѣчены пункты для батарей Занимаютъ всѣ сообщенія. Пересѣкаютъ всѣ проѣзды; наши дороги, мосты, прогулки обращены въ военные посты. Факты въявь происходящіе, факты скрываемые, тайныя приказанія, быстрыя отмѣны приказаній, военныя приготовленія бросаются всѣмъ въ глаза и наполняютъ всѣ сердца негодова-

ніемъ... Народъ послѣ волненія въ столицѣ далъ примѣръ повиновенія, безконечно замѣчательный въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Была разбита тюрьма, узники освобождены. Прилипчивое броженіе казалось все воспламенитъ. Но одного слова милости, одного приглашенія короля было достаточно, чтобъ успокоить волненіе и произвести то, чего нельзя бы никогда было достичь путемъ оружія. Узники надѣли свои цѣпи, народъ пришелъ въ порядокъ. Такова сила разума. Такъ расположенъ народъ къ уступчивости, когда вмѣсто угрозъ и униженій ему оказываютъ доброту и довѣріе *. Зачѣмъ же войска въ эту минуту? Никогда народъ не былъ тише, спокойнѣе, довѣрчивѣе. Все возвѣщало ему конецъ его несчастій, все обѣщаетъ возрожденіе государства. Его взоры, его надежды, желанія покоятся на насъ. Какъ не быть намъ около монарха лучшею гарантіей довѣрія, повиновенія, вѣрности его народовъ? Если онъ могъ когда-либо въ томъ сомнѣваться, онъ не можетъ нынѣ. Наше присутствіе есть залогъ общественнаго мира, и лучшаго залога, конечно, никогда не будетъ. Ахъ! пусть сбираютъ войска, чтобы покорить народъ ужасающимъ планамъ деспотизма. Но пусть не увлекаютъ лучшаго изъ монарховъ начать эру счастія и свободы націи въ мрачномъ окруженіи тираніи!.. Присутствіе войскъ, поражая воображеніе толпы, представляя ей идею опасности, возбуждая страхъ и опасенія, производитъ общее броженіе. Мирные граждане трепещутъ у своихъ очаговъ. Народъ взволнованный, возбужденный, скучивающійся, предается бурнымъ движеніямъ, слѣпо стремится въ опасность: страхъ не разсчитываетъ и не разсуждаетъ ..

„Пусть совѣтники этихъ пагубныхъ мѣръ скажутъ намъ, увѣрены ли они, что могутъ сохранить военную дисциплину въ ея строгости, предотвратить дѣйствіе вѣчной ревности между войскомъ національнымъ и иностраннымъ и обратить французскаго солдата въ автомата, отдѣливъ его отъ интересовъ, мыслей, чувствъ его согражданъ? Благоразумно ли, съ точки зрѣнія ихъ системы, приближать солдатъ къ мѣсту нашихъ собраній, электризовать ихъ прикосновеніемъ столицы, заинтересовывать въ нашихъ политическихъ преніяхъ? Нѣтъ, несмотря на слѣпую преданность военнаго повиновенія, солдаты не забудутъ, что̀ мы такое.. Они увидятъ въ насъ своихъ родныхъ, своихъ друзей, свою семью, занятую драгоцѣннѣйшими ихъ интересами. Ибо и они часть націи, довѣрившей намъ заботу о ея свободѣ, ея собственности, чести... Эти совѣтники, читали ли они въ сердцѣ нашего добраго короля? Знаютъ ли, они съ какимъ ужасомъ взглянулъ

* Въ такомъ ложномъ свѣтѣ представляетъ Мирабо безобразный эпизодъ съ солдатами, волновавшій собраніе въ первые дни іюля.

бы онъ на тѣхъ, кто разожгли бы пламя возмущенія, а можетъ быть бунта—говоря это содрагаюсь, но я долженъ это сказать,—на тѣхъ, кто заставили бы его пролить кровь его народа, были бы первою причиной строгостей, насилій, казней, жертвами которыхъ были бы толпы несчастныхъ".

Адресъ былъ принятъ единогласно собраніемъ. Но заявленіе Мирабо объ организаціи національ-гардовъ было устранено.

Король не согласился на удаленіе войскъ и вновь, какъ предъ 23 іюня, склонился къ мѣрамъ борьбы и снова съ полною неудачей. Послѣдовала отставка Неккера.

II.

Есть масса указаній, свидѣтельствующихъ объ участіи вожаковъ Собранія въ возбужденіи народныхъ волненій, разрѣшившихся революціоннымъ взрывомъ въ половинѣ іюля 1789 года. Являвшіяся въ Собраніе депутаціи и присылавшіеся адресы отъ разныхъ группъ гражданъ, поддерживавшіе его въ борьбѣ съ правительствомъ послѣ отказа въ повиновеніи 23 іюня, были вызваны и составлены, нѣтъ сомнѣнія, при всяческомъ поощреніи, шедшемъ изъ Собранія.

Первая депутація была въ засѣданіи 26 іюня отъ парижскихъ избирателей. Съ выборомъ депутатовъ ихъ обязанность кончалась, но они рѣшили продолжать собираться Просили Бальи переговорить объ этомъ съ министромъ (г. Вильдейль). Тотъ естественно отвѣтилъ, что съ окончаніемъ выборовъ избиратели не имѣютъ никакой официальной функціи. „Къ счастію, замѣчаетъ Бальи, парижскіе избиратели не сдались". 25 іюня они собрались въ залѣ Музея въ улицѣ Дофина и порѣшили послать депутацію въ Національное Собраніе и, кромѣ того, просить въ Думѣ залу для своихъ собраній. Депутація явилась въ Національное Собраніе, была принята. Ее пригласили сѣсть съ депутатами и присутствовать при засѣданіи. „Это были, замѣчаетъ Бальи, первыя постороннія лица, получившія эту честь, столь расточавшуюся потомъ". Скоро Бальи доложилъ о другой депутаціи, еще менѣе законной. Явилась „депутація отъ Пале-Рояля", то-есть отъ толпы, сбиравшейся въ саду Пале-Рояльскаго дворца. Бальи нашелъ, что слѣдуетъ принять и этихъ „депутатовъ". Они явились, пишетъ онъ, „очень прилично". Прочли адресъ, въ которомъ между прочимъ упоминается объ удовольствіи, съ какимъ они видятъ герцога Орлеанскаго среди членовъ Собранія. Въ первыхъ числахъ іюля посыпались адресы изъ разныхъ городовъ. Въ адресахъ выражалась признательность Собранію и одобрялись его декреты.

Въ слѣдствіи о событіяхъ 5 и 6 октября есть свидѣтельскія показанія, бросающія свѣтъ на подготовку іюльскихъ волненій. Таково между прочимъ показаніе депутата Тайлярда (Tailhardat de la Maison-Neuve; *Monit.* II, 553). Свидѣтель 17 іюля, въ день, когда король прибылъ въ Парижъ, ѣхалъ туда въ каретѣ вмѣстѣ съ депутатами Малуэ, Короллеромъ и Дюфрессомъ.—„Почему, спросилъ Малуэ Короллера, ваши Бретонцы съ такимъ ожесточеніемъ клевещутъ на меня въ Собраніи?— Мы прекрасно знаемъ васъ, отвѣчалъ Короллеръ, знаемъ, что вы порядочный человѣкъ, но вы умѣренный, а умѣренность никуда не годится для революціи. Въ каретѣ разговаривали преимущественно о тогдашнихъ событіяхъ, Короллеръ говорилъ о своемъ участіи и участіи другихъ бретонскихъ депутатовъ въ происшедшей революціи. Малуэ сказалъ на это:—но революціи не было бы, еслибы торговки и всякая версальская сволочь не преслѣдовали архіепископа Парижскаго. — Вѣдь это мы заставили ихъ дѣйствовать, замѣтилъ Короллеръ.—Ну, вы не достигли бы цѣли, не отлади гвардія и другія войска.—Въ войскахъ мы были увѣрены: мы давно уже были въ перепискѣ со всѣми полками. — Но несмотря на всѣ эти средства, вы навѣрное потерпѣли бы неудачу, еслибы дворъ не сдѣлалъ промаха, уволивъ Неккера. Короллеръ отвѣчалъ: — это событіе только двумя днями ускорило исполненіе нашего плана. Мы были увѣрены, что вооружимъ Парижъ, а для того было положено поджечь Бурбонскій Дворецъ. Тогда Малуэ выразилъ, что на это не имѣетъ ничего отвѣтить и прибавилъ обращаясь къ Короллеру: Вы хорото сдѣлали, не посвятивъ меня въ ваши секреты, я бы не могъ одобрить подобныя средства для произведенія революціи“. Дюфрессъ-Дюте вполнѣ подтвердилъ показаніе Тайлярда.

Молевиль приводитъ достовѣрное свидѣтельство, что для возбужденія волненій былъ въ ходу подкупъ: „Группы Пале Рояля, пишетъ онъ о той эпохѣ, когда освобождены были солдаты (*Hist.* I, 273), становились со всякимъ днемъ многочисленнѣе, рѣчи зажигательнѣе. Такъ и осталось неизвѣстнымъ, кто давалъ деньги, чтобы производить эти движенія. Но несомнѣнно, что дѣятели ихъ подкупались. По крайней мѣрѣ я могу привести свидѣтельство двухъ моихъ знакомыхъ. Они выходили изъ Пале-Рояля, куда завлекло ихъ любопытство послушать рѣчи и побудило замѣшаться въ толпу. Они нашли у себя въ карманѣ двѣ монеты по шести франковъ въ бумажкѣ съ надписью: будьте нашимъ, въ деньгахъ нуждаться никогда не будете. Если такова была плата простымъ зрителямъ, сколько же платили довѣреннымъ агентамъ, ораторамъ и т. д?“.

Какое участіе въ этой закулисной дѣятельности принималъ Мирабо? Относительно первой недѣли, послѣдовавшей до 23 іюня нѣтъ на это какихъ-либо указаній. Въ отчетѣ *Монитера* значится, что въ

засѣданіи 27 іюня Мирабо произнесъ рѣчь и предложилъ проектъ адреса (текстъ длинной рѣчи и адреса приведены). Но это не точно. Мирабо дѣйствительно заготовилъ рѣчь, но не произносилъ. Произошелъ эпизодъ присоединенія дворянъ, согласно желанію короля, и засѣданіе затѣмъ было закрыто. Мирабо помѣстилъ рѣчь и проектъ адреса въ своемъ журналѣ. Онъ возобновилъ предложеніе и прочиталъ адресъ 1 іюля, по случаю преній о солдатахъ освобожденныхъ народомъ. (Мирабо высказался противъ вмѣшательства въ это дѣло). Но онъ говоритъ въ XV письмѣ, что „былъ боленъ, голосъ его былъ слабъ, адресъ плохо разслушанъ и не былъ подвергнутъ обсужденію“. Въ адресѣ высказывается опасеніе уличныхъ волненій и желаніе, чтобы революція совершилась путемъ мирнымъ. Мирабо предлагалъ представителямъ „вливать успокоительный бальзамъ надежды въ мятущіяся сердца и умиротворять ихъ силой убѣжденья и разума“.

Планъ Мирабо, повидимому, былъ тотъ, чтобъ избѣгнуть уличныхъ волненій (въ родѣ разграбленія фабрики Ревельйоне, онъ упоминаетъ объ этомъ случаѣ въ рѣчи), но направить всѣ усилія къ возбужденію коллективныхъ заявленій со стороны разныхъ группъ гражданъ. Уличные безпорядки могли бы вызвать энергическія мѣры, которыя, пожалуй, сдѣлали бы правительство властелиномъ положенія и направили бы на путь, который, нѣтъ сомнѣнія, взялъ бы самъ Мирабо, еслибы былъ во власти, но котораго онъ опасался, имѣя въ виду паденіе этого ничтожнаго правительства. Въ адресѣ встрѣчаемъ тотъ пріемъ, который такъ часто потомъ употреблялся: перекладывать съ больной головы на здоровую. Волненія возбуждаютъ де аристократы.

Въ первыхъ числахъ іюля Мирабо обнаруживаетъ усиленную дѣятельность. 8 іюля, какъ уже сказано, онъ сдѣлалъ знаменитое предложеніе просить короля объ удаленіи войскъ, стягивавшихся вокругъ Версаля и Парижа Къ этой эпохѣ относится планъ сверженія короля и порученія управленія государствомъ принцу Орлеанскому. Сомнительно, чтобы былъ организованный заговоръ въ этомъ отношеніи. Еще сомнительнѣе, чтобъ участвовалъ въ немъ Мирабо. Молчаливо подводить мины было не въ его характерѣ, и Мунье выражается о немъ такъ: „Тѣмъ, кто знаютъ графа Мирабо, извѣстно, что онъ не въ силахъ молчать о своихъ проектахъ. Эта невоздержность на слова, постоянно ему измѣняющая, его недостатокъ, но для другихъ это быть-можетъ благодѣяніе Провидѣнія“. (*Monit.* II, 578). Во всякомъ случаѣ у Мирабо мелькалъ въ умѣ переворотъ, который отнялъ бы власть у ничтожнаго наличнаго правительства, но былъ бы монархическаго характера, въ условіяхъ, которыя открывали бы поприще его честолюбію. Въ то время какъ Бальи наивно преклонялся предъ собраніемъ, котораго былъ предсѣдателемъ, Мирабо внутренно пре-

зиралъ это собраніе и тяготѣлъ къ принципу власти, но не въ рукахъ толпы крикуновъ, на которую онъ умѣлъ дѣйствовать, съ которою никакой прочный разсчетъ невозможенъ.

Депутатъ Бергасъ показывалъ, что въ то время, когда поднятъ былъ вопросъ о томъ, чтобы просить короля удалить войска (значитъ около 8 іюля), онъ былъ въ залѣ духовенства вмѣстѣ съ Мирабо. Тутъ же были Лафайетъ, Мунье, Дюлоръ и Дю Руврей, бывшій прокуроръ Женевской республики. „Долго спорили о необходимости поддержать королевскую прерогативу. Послѣ этого разговора Лафайетъ всталъ, чтобы переговорить съ Джефферсономъ, посланникомъ Соединенныхъ Штатовъ, мы стали говорить о теперешнемъ правленіи. Мирабо не скрывалъ, что мы никогда не сдѣлаемъ шага къ свободѣ, если не достигнемъ того, чтобы произошла революція при дворѣ. Когда спрашивали его, въ чемъ должна она состоять, онъ далъ понять, что необходимо возвести принца Орлеанскаго въ званіе намѣстника королевства. Кто-то спросилъ: а если принцъ не согласится? Мирабо отвѣтилъ, что принцъ говорилъ ему на этотъ счетъ много любезностей (lui avait dit sur cela des choses très aimables). Мунье въ сочиненіи *Appel à l'opinion publique*, изданномъ по случаю слѣдствія о событіяхъ 5 и 6 октября, передаетъ тотъ же разговоръ. Мунье присовокупляетъ, что послѣ королевскаго отвѣта на адресъ объ удаленіи войскъ Мирабо пригласилъ его въ одно изъ отдѣленій, гдѣ онъ и нашелъ его съ Бюзо и Робеспьеромъ. Мирабо уговаривалъ Мунье не противиться второму замышлявшемуся имъ адресу. Мунье не соглашался, высказалъ сожалѣніе, что въ Парижѣ употребляются всякія средства, чтобы развратить солдатъ, и что фразы, заключавшіяся въ первомъ адресѣ, могутъ сильно подѣйствовать на нихъ въ этомъ смыслѣ. Мунье прибавилъ, что въ нынѣшнемъ положеніи честолюбивый принцъ, появившись среди войскъ, раздавъ предварительно деньги и брошюры, можетъ овладѣть тропомъ. Мирабо отвѣтилъ: „Какой вы чудакъ! (Mais bonhomme que vous êtes). Я такъ же, какъ вы, преданъ монархическому началу. Но какая разница, если у насъ будетъ Лудовикъ XVII вмѣсто Лудовика XVI? Какая необходимость чтобы нами правилъ младенецъ? (qu'avons nous besoin d'un bambin pour nous gouverner?“). Послѣ рѣзкаго отвѣта Мунье, Мирабо перемѣнилъ тонъ. Мунье передалъ разговоръ свой Лафайету. „Я замѣтилъ, прибавляетъ онъ, что тотъ зналъ болѣе меня“. (*Monit.* II, 569). Описанный разговоръ передаетъ также Бергасъ, слышавшій о немъ отъ Мунье, а свидѣтель Пельтье показывалъ, что слухъ о планѣ партіи принца Орлеанскаго и о словахъ Мирабо ходилъ въ кофейныхъ и клубахъ. Наконецъ Камиль Демуленъ, котораго Мирабо, по показанію Пельтье, звалъ своимъ *сеидомъ* (*Monit.* II, 523), въ *Секретной исторіи*

революціи (*Histoire secrète de la révolution, Oeuvr.* I, 308) свидѣтельствуетъ о закулисныхъ дѣйствіяхъ въ первые мѣсяцы революціи. „Никто меня не увѣритъ, говоритъ онъ, что отъ моего краснорѣчія чрезъ какіе-нибудь полчаса произошло движеніе 12 іюня, когда я взлѣзъ на столъ и призвалъ народъ къ свободѣ, и когда какъ изъ земли выросли два бюста, принца Орлеанскаго и Неккера?“ Демуленъ приминаетъ, въ какой гнѣвъ пришелъ Мирабо, когда въ эпоху событій 5 и 6 октября узналъ, что принцъ Орлеанскій уѣхалъ въ Лондонъ. „Повѣритъ ли кто-нибудь, чтобы въ теченіе пятнадцати дней прожитыхъ мною въ Версалѣ у Мирабо, непосредственно предъ 6 октября, я не видалъ никакихъ предвѣстниковъ дней 5 и 6 октября?“ Достойно замѣчанія, что Камиль Демуленъ въ своей *Секретной Исторіи* безъ церемоніи изображаетъ рядъ послѣдовательныхъ революціонныхъ дѣятелей, какъ смѣну однихъ безчестныхъ негодяевъ другими; исключаетъ только Робеспьера, не предчувствуя, что этотъ герой чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ подло отправитъ его самого на эшафотъ. „Стоитъ вспомнить, говоритъ Демуленъ (*Oeuvres*, I, 310). что первый камень клуба Якобинцевъ положилъ, кто же? Шапелье. Среди нашего вырождающагося поколѣнія пришлось намъ кумиръ свободы строить изъ ночныхъ горшковъ... Чудесно послужило намъ, что всѣ интриганы добивались популярности, чтобы быть замѣченными и чрезъ то выиграть и пріобрѣсти кое-что у правительства*. Они начинали съ того, что нападали на дворъ и тѣмъ съ большею горячностью, чѣмъ дороже хотѣли себя продать. Такимъ образомъ новые рекруты интригановъ прибывали къ намъ въ якобинскіе ряды и служили намъ къ тому, чтобы побивать ветерановъ, по мѣрѣ того какъ эти эмигрировали. Такъ Шапелье, Бометсы, Демёнье были выгнаны изъ клуба Дюпорами и Барнавами, а эти Бриссонами и Роланами. Такимъ образомъ всѣ эти Неккеры, герцоги Орлеанскіе, Лафайеты, Шапелье, Мирабо, Бальи, Деменье, Дюпоры, Ламеты, Пасторе, Черутти, Бриссо, Рамоны, Петіоны, Гаде, Женсоне были не иное что, какъ нечистые сосуды Амазиса, изъ которыхъ въ матрицахъ якобинцевъ была отлита золотая статуя республики. До

* Въ подлинникѣ сказано: „Ce qui nous a servi merveilleusement c'est que tous les intrigans ayant besoin de la faveur populaire pour se faire remarqué de l'intendant Laporte et de gagner d'abord la confiance du peuple pour gagner ensuite un plus fort dévidende dans la liste civile, commençaient par attaquer la cour avec d'autant plus de chaleur qu'ils voulaient s'en faire acheter plus cher“. Чтобы рельефнѣе передать смыслъ этой фразы, мы сдѣлали ея вольный переводъ. Рецептъ извѣстный: чрезъ либеральную оппозицію правительству пріобрѣтать популярность, дабы выиграть у самого правительства.

нашихъ дней думали, что нельзя основать республики иначе какъ помощію добродѣтелей, подобно древнимъ законодателямъ. *Безсмертная слава нашего общества та, что она создала республику помощію пороковъ*".

Камилъ Демуленъ въ извѣстной степени правъ. Пышное восхваленіе „добродѣтелей" вожаковъ революціоннаго разгрома есть самая наглая историческая ложь. Если подвергнуть участниковъ революціоннаго переворота суду съ точки зрѣнія нравственности, то истинные примѣры добродѣтелей встрѣтимъ только въ рядахъ сословія, лавшаго подъ ударами революціи. Дворянство революціонной эпохи отличалось замѣчательнымъ отсутствіемъ политической мудрости, но и необычайнымъ развитіемъ чувства чести, у однихъ переходившаго въ неуступчивую надмѣнность, у другихъ проявлявшагося яркими подвигами благородства, вѣрности, великодушія. Въ первую эпоху революціи дѣйствительно честные дѣятели переворота, приносившіе безъ личныхъ разчетовъ честолюбія пожертвованія дѣлу свободы, которому думали служить, были изъ лицъ дворянскаго сословія. Въ эпоху террора, съ поруганнымъ человѣчествомъ мирятъ только черты самоотверженія и покорности жертвъ, большинство которыхъ было изъ тѣхъ, кого звали аристократами. Въ средѣ дореволюціоннаго дворянства страхъ позора былъ всегда сильнѣе страха смерти. У этихъ лавшихъ аристократовъ надо учиться умирать. Самъ Людовикъ XVI, ничтожный правитель, повергшій своею роковою слабостію государство въ бездну, одинъ разъ въ жизни явился королемъ во всемъ царственномъ величіи—въ минуту своей казни.

Объ агитаторской дѣятельности Мирабо, въ дни послѣ взятія Бастиліи, есть нѣсколько свидѣтельствъ. Въ эти дни повсюду пущены были слухи о разбойникахъ, побудившіе народъ вооружаться, образуя національную стражу. „Повсюду, говоритъ Бальи (II, 159), въ окрестностяхъ Парижа только и рѣчи было, что объ угрозахъ разбойниковъ, тамъ разсѣявшихся, чтобы грабить все что̀ попадется. Намъ сообщали объ этомъ делутаціи отъ встревоженныхъ селеній. На Лафайэта было возложено оказать имъ помощь. Но слухи нигдѣ не оправдались. Приломинаю, что около этого времени какой-то человѣкъ, носившій извѣстное имя, которое я забылъ, явился ко мнѣ сообщить, что встрѣтилъ со стороны Монъ-Ружа, куда отправлялся, цѣлый отрядъ разбойниковъ и вынужденъ былъ вернуться въ Парижъ. По провѣркѣ оказалось, никакихъ разбойниковъ не было. Другой разъ мнѣ пришли сказать вечеромъ, часовъ около восьми, что видѣли отрядъ вооруженныхъ людей человѣкъ около восьмисотъ, который, выйдя съ бульвара, перешелъ площадь Людовика XV и направился къ рѣшеткѣ Елисейскихъ Полей. Я послалъ предписаніе г. Рюльеру

направить кавалерію въ эту сторону и въ сторону Шальйо, гдѣ находилась въ нашемъ домѣ моя жена. Я боялся за ея безопасность въ случаѣ, если отрядъ шелъ для грабежа. Вечеромъ я ушелъ часовъ въ десять, раздумывая, идти ли мнѣ по обыкновенію одному въ Шальйо по дорогѣ, гдѣ видѣли разбойниковъ. Рѣшился идти—и не встрѣтилъ ни людей, ни оружія. На другой день узналъ, что и кавалерія тоже никого не нашла. Особенно странно, что эти слухи и страхъ разбойниковъ разсѣевались по всему королевству. Въ то же время толковали, что скашиваютъ незрѣлый хлѣбъ. Это была неправда. Но слухи о заговорахъ, преступленіяхъ, новости о бѣдствіяхъ воспроизводились со всѣхъ сторонъ и въ рѣчахъ, и въ писаніяхъ. Провинціи были объяты ужасомъ; граждане въ городахъ, земледѣльцы въ деревняхъ бросали работу и шли вооружаться. Страхомъ хотѣли довести до безпорядковъ, безпорядками до анархіи, анархіей до деспотизма. Думаютъ также, и не безосновательно, что хотѣли, посѣявъ общій ужасъ, заставить весь народъ, въ деревняхъ и городахъ, вооружиться. Но кто установилъ такое общее согласіе? Кто употребилъ необходимыя средства и издержки на содержаніе агентовъ, которымъ надо было платить, чтобы дѣйствовали и разъѣзжали? Это тайна, которую, можетъ-быть, разъяснитъ будущее. Почти такое же согласіе было относительно момента революціи. Кажется мнѣ, съ 13 на 14 іюля было возстаніе въ Руанѣ. Но въ чемъ я вполнѣ увѣренъ, это въ томъ, что въ эти дни, то-есть въ тѣ же дни какъ въ Парижѣ, въ Реннѣ была революція, молодежь вооружилась, войско передалось на сторону города, арсеналъ былъ разграбленъ, народъ возмутился, и комендантъ Ланжеронъ вынужденъ былъ спасаться бѣгствомъ. Такимъ образомъ событія въ Бретани были какъ бы копіей событій въ Парижѣ, или, точнѣе, тѣ и другія были какъ бы копіей нѣкоторой условленной и данной модели".

„Никогда хорошенько не было узнано, пишетъ Тулонжонъ (I, 94), какимъ магическимъ способомъ въ восемь дней всѣ общины Франціи поднялись на ноги и вооружились противъ мнимыхъ разбойниковъ, которые разрушали и жгли жатвы и которые, всюду разыскиваемые и преслѣдуемые, не оказывались нигдѣ. Депутаты общинъ являлись въ собраніе просить помощи и уходили съ тѣмъ, что̀ требовалось: съ приказаніемъ вооружиться... Можно полагать, что тутъ много помогалъ Мирабо. Способъ его былъ довольно простъ. Курьеры, отправясь въ одинъ и тотъ же день, проѣзжали Францію по всѣмъ радіусамъ, имѣя единственнымъ порученіемъ всюду говорить, что они оставили разбойниковъ за нѣсколько лье позади себя и, что они везутъ приказаніе вооружаться. Повсемѣстныя сборища и слухи пущенные впередъ были достаточнымъ условіемъ, чтобы сдѣлать шагъ, къ

которому умы были подготовлены. Менѣе чѣмъ въ восемь дней Собраніе узнало, что оно имѣетъ армію въ нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ, ждущую его приказаній. И оно было столько благоразумно, что давало ихъ, изъ страха, что станутъ дѣйствовать и безъ приказаній. Такъ образовалась національная гвардія“ (I, 95).

„Меня увѣряли, говоритъ Бальи о той же эпохѣ (II, 155), что Мирабо иногда по два раза въ день бываетъ въ Парижѣ. Мнѣ сказали, что онъ ночью отправляется въ участки“

ОЧЕРКЪ ШЕСТОЙ.

ПЕРВЫЕ ДНИ РЕВОЛЮЦІИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Событія въ іюлѣ 1789 года.

I. Послѣдніе дни предъ взятіемъ Бастиліи.—II. Событія утромъ 14 іюля.—III. Взятіе Бастиліи.—IV. Первыя жертвы революціи.

„Какъ только дошла сюда вѣсть, читаемъ въ первомъ номерѣ *Révolutions de Paris*, объ удаленіи дорогаго министра, наступило общее уныніе. Народъ въ отчаяніи, ища исхода своихъ золъ, сжегъ многія заставы, сходился въ разныхъ мѣстахъ, составлялъ разные планы, а граждане въ угрюмомъ молчаніи совѣщались между собою, не въ силахъ будучи удержаться отъ слезъ. Около пяти часовъ, въ воскресенье, 12 іюля, граждане, собравшіеся въ Пале-Роялѣ, послали приказъ, чтобы всѣ спектакли были закрыты, что было безпрекословно исполнено. Этотъ знакъ уваженія оказанный великому человѣку съ очевидностію обнаружилъ, какъ велика была степень общественнаго огорченія. Затѣмъ отправились въ кабинетъ Курціуса, просить этого артиста дать бюстъ или портретъ его высочества герцога Орлеанскаго и г Неккера. Въ тріумфѣ понесли эти бюсты, убравъ ихъ крепомъ, символомъ немилости этихъ драгоцѣнныхъ лицъ (тогда думали, что и принцъ получилъ повелѣніе о ссылкѣ). Народъ кричалъ „шапки долой“, дабы выразить свое глубокое уваженіе. Шествіе было многочисленно, направилось по бульвару и улицѣ Сенъ-Мартенъ. Участвовавшіе въ шествіи граждане пригласили отрядъ Парижской гвардіи сопровождать ихъ для порядка... Достигли Вандомской площади. Тутъ отрядъ Royal-Allemand хотѣлъ остановить народъ. Полетѣли камни, солдаты бросились въ толлу. Бюстъ Неккера былъ разбитъ; бюстъ принца избѣгъ той же участи, ибо ударъ сабли драгуна не могъ его достичь. Но эти подлые солдаты, которыхъ Національное Собраніе можетъ немедленно распустить и объявить заслуживающими

© ГПНТБ СО РАН

безчестья, осмѣлились стрѣлять въ народъ. Одинъ garde française, безоружный, былъ убитъ, нѣсколько ранены. Въ ту же минуту князь Ламбескъ, ихъ начальникъ, этотъ ненавистный аристократъ, показался у моста въ Тюильри и съ низкою кровожадностью направился на гулявшихъ гражданъ, все оружіе которыхъ составляли палочки въ рукахъ. Тамъ ударомъ сабли, безо всякаго повода, онъ повергъ къ своимъ ногамъ старика, удалявшагося со своимъ пріятелемъ; молодежь хотѣла броситься впередъ, но солдаты выстрѣлили. Всѣ бросились бѣжать. Послышался пушечный выстрѣлъ, смятеніе распространилось. Граждане въ отчаяніи побѣжали къ Пале-Роялю, крича: къ оружію, къ оружію!“.

Таково разукрашенное описаніе революціоннаго журнала. Подробности перешли въ исторію. И у Тьера, и у Мишле читаемъ и о безоружномъ гардѣ, убитомъ выстрѣломъ Royal Allemand, и о старикѣ ни съ того, ни съ сего пораженномъ яростнымъ княземъ Ламбескъ, бросившимся на мирно гулявшихъ съ палочками гражданъ. На дѣлѣ было далеко не такъ. Изъ показаній приводимыхъ у Тэна явствуетъ, что драгуны Ламбеска встрѣтили при входѣ въ садъ Тюильри баррикаду стульевъ, изъ-за которой въ нихъ полетѣлъ градъ камней и бутылокъ. При въѣздѣ въ садъ нѣсколько человѣкъ окружили князя, хватали его лошадь за гриву и подъ уздцы, старались его стащить; былъ выстрѣлъ изъ пистолета. Ламбескъ, давъ шпоры лошади, освободился и ударилъ плашмя саблей по головѣ какого-то человѣка, старавшагося закрыть входъ на мостъ (Pont Tournant). Рана „убитаго старца“ оказалась царапиной въ двадцать три линіи длины и исцѣлена была компрессомъ изъ водки. Что драгуны выстрѣлили въ воздухъ, уломинаетъ и Бальи со словъ очевидца.

Въ ночь съ 12-го на 13-е іюля городскія заставы были сломаны и сожжены. Къ утру разбойники съ пиками, палками, дротиками бродили шайками по улицамъ съ криками: „оружія и хлѣба“; мирные жители заперлись въ домахъ, дрожа за свою участь. „Хотѣли *(Révol. de Paris)* разграбить дома „враговъ народа“, но были удерживаемы благоразуміемъ нѣкоторыхъ гражданъ, смѣшавшихся съ ними и ихъ сдерживавшихъ“. Толпа окружила Думу (Hôtel de Ville), наполнила ея залы, требуя оружія и, не дождавшись разрѣшенія, захватила все что было. Всѣ оружейные магазины были разграблены. Разбили тюрьму la Force и выпустили заключенныхъ. Проникли въ монастырь лазаристовъ; „поломали (цитую изъ Тэна) библіотеку, шкафы, картины, окна, физическій кабинетъ; бросились въ погреба, разбили бочки и начали пьянствовать; чрезъ двадцать четыре часа тамъ нашли до тридцати опившихся мущинъ и женщинъ, мертвыхъ и умирающихъ; изъ нихъ одна женщина оказалась на девятомъ мѣсяцѣ беременности. Вся улица предъ домомъ была усѣяна обломками, а

грабители съ кусками съѣстнаго и жбанами въ рукахъ заставляли пить всякаго проходящаго. Монастырь по постановленіямъ обязанъ былъ имѣть запасный магазинъ съ зерномъ и мукой. Это и подало поводъ къ разграбленію: народъ де голодаетъ, а монахи набили подвалы хлѣбомъ и укрываютъ его отъ гражданъ“. Хлѣбъ на пятидесяти повозкахъ былъ свезенъ на рынокъ. Ночью на 14е іюля были разграблены булочныя и разбиты кабаки; „шайки всякаго отребья, съ ружьями и пиками въ рукахъ, бродятъ въ лохмотьяхъ; многіе почти голые“, со звѣрскими лицами, явившіеся неизвѣстно откуда, вооруженные какъ дикіе, врывались въ дома, требуя пить, ѣсть, денегъ, оружія.

Подобная сволочь недавно еще разграбила фабрику Ревельйона. Парижъ былъ центромъ, куда въ послѣднее голодное время сходились бродяги со всей окрестной Франціи, укрываясь отъ преслѣдованій за безпорядки, повсюду обнаруживавшіеся, отыскивая пропитанія и праздной жизни. Въ 1789 году считалось въ Парижѣ болѣе ста тысячъ неимущихъ. Пришлось устраивать родъ національныхъ мастерскихъ, производя совсѣмъ ненужныя земляныя работы на Монмартскомъ холмѣ, съ платой по двадцати су въ день. Горючаго матеріала былъ такимъ образомъ запасъ огромный. Силу іюльскому возстанію давала впрочемъ не эта сволочь Главнымъ орудіемъ она сдѣлалась позже. Въ эти дни она занималась почти исключительно грабежемъ, наводя страхъ неистовствами. Вооружался, бралъ Бастилію слой нѣсколько высшій. Граждане собирались въ Думѣ и по округамъ. Общая мысль была—что необходимо вооружиться, образовать гражданскую милицію, которая охраняла бы городъ отъ грабленія, и главное, представила бы отпоръ ненавистной военной силѣ изъ „наемниковъ“ руководимыхъ „врагами народа“, о немедленномъ вторженіи которыхъ ходили самые преувеличенные слухи. „Всѣ движенія этихъ дней, говоритъ Бальи, имѣли двѣ причины: одна—безпокойство и ужасъ добрыхъ гражданъ въ минуту общественной опасности, при видѣ перемѣны министерства и собранныхъ съ какимъ-то замысломъ войскъ: граждане эти требовали оружія, чтобы спасти отечество, свою собственность, или чтобы защитить свои послѣдніе дни; другая—разбойники, послужившіе уже въ дѣлѣ Ревельйона и столькихъ затѣмъ другихъ и которые выдвинуты были тѣми, кто желали ускорить ходъ революціи“ (Bally, I, 337).

Особенно важное значеніе имѣетъ то обстоятельство, что Gardes Françaises и парижская стража (guet) присоединились къ волновавшимся гражданамъ. Среди французскихъ гардовъ дисциплина была въ паденіи: уходили безъ спросу, слонялись въ Пале-Роялѣ, составляли клубы. Новый полковникъ хотѣлъ нѣсколько ослабить распущенность. Онъ арестовалъ и отправилъ въ тюрьму нѣсколькихъ нару-

шителей дисциплины. Едва сдѣлалось это извѣстнымъ, какъ толпа народа бросилась въ тюрьму и освободила арестованныхъ. Бальи, президентъ Собранія, получилъ объ этомъ извѣстіе утромъ 1-го іюля отъ прибывшей изъ Парижа „депутаціи“ со слѣдующимъ заявленіемъ: „Неслыханная, неумѣстная строгость повергла вчера Парижъ въ уныніе и смятеніе. Толпой бросились къ тюрьмѣ Аббатства, куда по приказанію г. Дю-Шателе (полковника) приведены гарды, которые въ тотъ же вечеръ долженствовали быть отосланными въ Бисетръ. Эти несчастныя жертвы своего патріотизма (!) были вырваны изъ ихъ цѣпей и отведены при громѣ общихъ рукоплесканій въ Пале-Рояль, гдѣ нынѣ и находятся подъ охраной народа взявшаго на себя за это отвѣтственность“. Неизвѣстные люди вмѣшиваются въ дѣло военной дисциплины, разбиваютъ тюрьму, освобождаютъ виновныхъ, объявляютъ себя народомъ и принимаютъ на себя какую-то небывалую отвѣтственность. Очевидное нарушеніе самыхъ первыхъ началъ порядка. Какъ же принимаетъ это извѣстіе президентъ Собранія и само Собраніе? Характеристично разсужденіе Бальи по этому поводу. Оно свидѣтельствуетъ о той язвѣ нравственной распатанности, какая коснулась въ то время даже лучшихъ умовъ. Дѣло, очевидно, неправильное, но требуется уступить, и вотъ придумываются аргументы. „Я видѣлъ, говоритъ Бальи (*Mém.* I, 266), что военная дисциплина, какъ велось донынѣ, уполномочивала начальника посадить въ Аббатство нарушившихъ дисциплину солдатъ, и что народъ не имѣлъ права ихъ оттуда вывести, что это незаконное дѣйствіе грозило поощрить къ несубординаціи. Такія размышленія могли склонять къ строгости. Но, съ другой стороны, если эти солдаты арестованы произвольно, за патріотическія чувствованія, то такой деспотизмъ, въ минуту, когда свобода только начинала рождаться, такое дѣйствіе, противное національному интересу, должно было обратить на себя вниманіе представителей народа... Нельзя было думать опять арестовать этихъ людей, выведенныхъ изъ тюрьмы и находящихся нынѣ подъ охраной народа. Приходилось, — виновны они или нѣтъ, — дать имъ свободу, но такъ чтобы не компрометировать власти“. Придуманный компромиссъ состоялъ въ томъ, чтобы Собраніе просило короля простить освобожденныхъ толпою солдатъ. Такъ дѣло и уладилось. Солдатъ упросили отправиться въ тюрьму, чтобы тотчасъ же быть оттуда освобожденными. Все обошлось благополучно.

Любопытно отмѣтить, въ чемъ состоялъ „патріотизмъ“ этихъ одиннадцати солдатъ, жертвъ деспотизма ихъ начальника? Они каждый вечеръ уходили безъ позволенія изъ казармъ и шатались въ Пале-Роялѣ. Большинство французскихъ гардовъ были любовниками палеройальскихъ публичныхъ женщинъ. Многіе и поступали въ гарды, „чтобы жить на счетъ этихъ несчастныхъ дѣвокъ“.

II.

Наступило 14 іюля 1789. Въ сохранившемся протоколѣ засѣданій Парижскихъ избирателей (*Extrait du procès-verbal des séances des électeurs de Paris*; прибавленіе къ тому I *Монитера*), почти единственномъ официальномъ документѣ, относящемся до іюльскихъ дней въ Парижѣ, можно прослѣдить различные моменты этого историческаго дня.

Парижскіе избиратели—это тѣ городскіе уполномоченные, которые выбирали представителей города въ Собраніе сословныхъ представителей и составляли для нихъ наказъ. Роль ихъ была собственно покончена, какъ только выборы были произведены, но они сами порѣшили, что полномочіе ихъ продолжается и стали дѣйствовать сообразно съ этимъ, въ увѣренности, какъ выразился одинъ изъ нихъ, Дюсо (Dusaulx, *Oeuvre des sept jours*, 259, въ *Coll. des Mém.*), что „истинные граждане всегда имѣютъ право спасать отечество“. Въ числѣ отъ двухъ до трехъ сотъ они первоначально собрались было скромно въ какомъ-то трактирѣ, но болѣе рѣшительный изъ нихъ, Тюріо (Thuriot), заявилъ, что двери Думы не должны быть для нихъ закрыты. „Поднимитесь, идите за мною“. Пришли и засѣли въ Думѣ, вмѣстѣ съ членами городскаго управленія, и когда начались безпорядки, захватили власть совсѣмъ въ свои руки, образовавъ изъ себя безсмѣнный комитетъ (comité permanant). Избраніе этого неожиданнаго комитета происходило въ присутствіи толпы наполнявшей залы Думы. Кто-то крикнулъ: зачѣмъ въ комитетъ назначаютъ все изъ избирателей. „Кого же хотите вы, чтобъ назначили“.—Меня. отвѣчалъ храбрый (?) Грелэ, и былъ выбранъ аккламаціей. (Dusaulx, 278).

14 іюля, съ 6 часовъ утра депутаты отъ разныхъ округовъ и толпа гражданъ наполняли уже Думу. Привозили захваченные предметы: телѣги съ мукой, зерномъ, виномъ и другими припасами: тащили пушки, несли ружья, боевые запасы, вели лошадей, и всѣмъ этимъ наполняли площадь предъ Думой. Улицы уже были полны народомъ всякаго возраста и состоянія. Въ семь часовъ прибѣгаетъ испуганная толпа съ криками, что отрядъ Royal Allemand вступилъ въ Сентъ-Антуанское предмѣстье, убиваетъ встрѣчающихся, не разбирая пола и возраста, ставитъ пушки на улицѣ: предмѣстью грозитъ полное разрушеніе. Другая толпа бѣжитъ изъ предмѣстья Сенъ-Дени съ подобными же вѣстями. Составляется отрядъ изъ французскихъ гардовъ и вооруженныхъ гражданъ съ цѣлью дать отпоръ врагамъ. Но посланные для развѣдыванія въ предмѣстье возвращаются съ извѣстіемъ, что всѣ эти тревоги совершенно ложны, никакихъ отрядовъ нѣтъ и предмѣстьямъ ничто не грозитъ. Около восьми часовъ нѣсколько

человѣкъ пришли возвѣстить, что пушки съ Бастиліи направлены вдоль улицы Св. Антонія. Комитетъ поручилъ нѣсколькимъ членамъ отправиться въ Бастилію къ коменданту этой крѣпости Делоне (онъ назывался gouverneur de la Bastille) и предложить ему удалить пушки возбуждающія тревогу. Депутація отправилась. Бѣжитъ какой-то человѣкъ въ синемъ одѣяніи съ золотыми нашивками, въ пыли и поту, и сообщаетъ, что въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ показался отрядъ гусаръ; чтобъ остановить его построена де баррикада, но она едва держится; требуется немедленная помощь. Разсказъ оказался опять ложнымъ. Около десяти часовъ пришло извѣстіе о происшедшемъ въ Домѣ Инвалидовъ. Наканунѣ было рѣшено предложить завѣдующему Домомъ выдать уполномоченному Думы находящееся въ Инвалидномъ Домѣ оружіе. Когда утромъ уполномоченный явился къ Дому, онъ нашелъ его окруженнымъ громадною толпой вооруженныхъ гражданъ. Завѣдующій отозвался, что уже предупрежденъ о требованіи и ждетъ только разрѣшенія изъ Версаля. Но пока происходили переговоры у рѣшетки, толпа успѣла проникнуть въ ворота Инвалиднаго Дома и скоро его наполнила. Поздно было думать о разрѣшеніи: какое нашлось оружіе все было разобрано.

Графъ Матьё Дюма былъ очевидцемъ вторженія въ Инвалидный Домъ. Вотъ, что̀ пишетъ онъ въ своихъ Воспоминаніяхъ“ (*Souvenirs du comte Mathieu Dumas, de 1770—1836*. Paris, 1839; p. 429): „Я вернулся къ себѣ въ Парижъ (изъ Версаля) 13 іюля вмѣстѣ съ маркизомъ Ламбертомъ. Его домъ былъ въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ, а я жилъ въ домѣ тестя на улицѣ Тевено (Thèvenot). Видъ Парижа былъ мраченъ и печаленъ. Массы пришлыхъ бродягъ, набравшихся въ Парижъ съ начала волненій, ходили по кварталамъ. Толпы ихъ увеличивались рабочими бросившими свои мастерскія. Они захватили тамъ и сямъ кой-какое оружіе. Мирные жители убѣгали съ приближеніемъ этихъ скопищъ, издававшихъ мятежные крики. Когда я прибылъ къ себѣ въ кварталъ въ Сенъ-Дени, одинъ изъ населеннѣйшихъ, многіе изъ этихъ разбойниковъ распространили тамъ ужасъ, стрѣляя на воздухъ изъ ружей.

„На другой день, 14 іюля, я сѣлъ на лошадь около семи часовъ утра, чтобъ отправиться къ маркизу Ламберту въ Сенъ-Жерменское предмѣстье въ улицу Сенъ-Гильйомъ. Я былъ остановленъ на Новомъ Мосту противъ статуи Генриха IV, къ шлагѣ котораго была прикрѣплена новая трехцвѣтная національная кокарда. Толпа женщинъ, расположившихся у подножія статуи, продавала эти кокарды и заставляла проходящихъ украшаться ими. Въ домѣ маркиза Ламберта я узналъ, что онъ находится у барона Безанвала, командовавшаго войсками расположенными на Марсовомъ Полѣ. Я тотчасъ отправился въ квартиру барона; былъ свидѣтелемъ безпокойства и

нерѣшительности собравшихся тамъ генераловъ и старшихъ офицеровъ. Герцогъ дю-Шатле, командоръ французскихъ гардовъ, былъ тамъ, также какъ нѣсколько офицеровъ его полка. Кажется, былъ полученъ приказъ сняться лагеремъ. Сообщали, что толпа собирается идти въ Домъ Инвалидовъ. Штабъ разошелся. Мой товарищъ Бертье, исполнявшій должность начальника штаба, былъ очень затрудненъ своимъ портфелемъ, и мы вмѣстѣ запрятали его въ бесѣдкѣ въ глубинѣ сада (nous allâmes ensemble l'enterrer dans un bosquet au fond du jardin). Скоро крики привлекли наше вниманіе. Мы разошлись. Я сѣлъ опять на лошадь и отправился на бульваръ въ домъ Ламета на улицѣ Богоматери (rue Notre-Dame). Увидалъ у палисада (entre les quinconces) Инвалидовъ громадную толпу шедшую съ набережной. Ею предводили два человѣка верхомъ. Въ рукахъ одного изъ нихъ, въ ярко-красномъ платьѣ, развѣвалось большое желтое знамя. Я остановился у рѣшетки возможно ближе, чтобы не попасть въ толпу. Канониры Инвалиднаго Дома были при ихъ пушкахъ съ фитилями, готовые выпалить. Комендантъ Инвалиднаго Дома, графъ де Сомбрёйль, съ красною лентой черезъ плечо, стоялъ на парапетѣ вправо отъ рѣшетки и казалось готовъ былъ дать сигналъ. Въ приближавшейся бѣглымъ шагомъ толпѣ наступила минута колебанія. Многіе изъ бывшихъ впереди бросились влѣво; двое или трое укрылись было около моей лошади между рвомъ и деревьями. Толпа, напиравшая сзади, принудила ихъ сойти въ ровъ. Я былъ увѣренъ, что будетъ по крайней мѣрѣ первый залпъ, но въ одно мгновенье толпа взобралась по скату (l'escarpe fut escaladé), пушки оставлены, рѣшетка открыта силой. Въ то же время большая часть, обогнувъ Инвалидный Домъ, бросилась на бульваръ, и я услышалъ какъ одинъ изъ верховыхъ воскликнулъ: въ пекарни! идемъ искать оружіе (à la porte de la boulangerie! allons chercher der armes). Дѣйствительно, въ церкви Инвалиднаго Дома былъ складъ оружія, которое и было разграблено. Въ моемъ положеніи мнѣ было трудно подвигаться. Медленно я достигъ бульвара. Вижу, что останавливаютъ кареты и выпрягаютъ лошадей, крича что надо везти пушки къ Бастиліи. Пришла и моя очередь, и мнѣ грозила серіозная опасность. Меня стащили съ лошади, и я полалъ въ канаву между деревьями. Быстро поднявшись, схватилъ повода лошади. Сталъ говорить окружающимъ такъ, чтобы подумали, что я изъ ихнихъ. Нѣкоторые изъ слѣдовавшихъ за людьми стащившими меня съ лошади взяли мою сторону и дали мнѣ возможность опять сѣсть на лошадь. Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ вмѣстѣ съ ними, и когда толпа направлялась къ пекарнѣ, я воспользовался случаемъ и ускользнулъ, какъ могъ скорѣе. За мной кричали: „Это измѣнникъ, остановите“! Раздалось нѣсколько выстрѣловъ, но они не могли меня достичь, и я прибылъ въ домъ Ламета“.

Любопытный разсказъ, свидѣтельствующій, между прочимъ, о принятой тогда методѣ выставлять передъ толпой аппаратъ силы, не имѣя въ намѣреніи употреблять ее въ дѣло и надѣясь подѣйствовать ея видомъ. Толпа, встрѣчая только уступчивость, убѣждалась въ своемъ мнимомъ могуществѣ.

III.

И въ Бастилію съ ранняго утра являлись какіе-то молодые люди депутатами отъ Пале-Рояля. Были пропущены до вторыхъ воротъ (въ Бастилію проникали чрезъ двое послѣдовательныхъ воротъ съ подъемными мостами при каждыхъ. Первыя ворота вводили на дворъ новой постройки, вторыя—въ самую крѣпость). Непрошенные гости требовали выдачи оружія и естественно получили отказъ. Являлись еще двѣ подобныя депутаціи, болѣе и болѣе многолюдныя. Что касается посланныхъ отъ Думы, то они были самымъ предупредительнымъ образомъ приняты комендантомъ и угощены завтракомъ. Комендантъ удостовѣрилъ, что никакихъ враждебныхъ намѣреній не имѣетъ и велѣлъ отодвинуть возбуждавшія опасенія пушки. Между тѣмъ шумная толпа вокругъ крѣпости все росла.

О дальнѣйшемъ трудно составить вполнѣ точное представленіе; сохранилось множество разсказовъ, описаній, но всѣ они противорѣчатъ между собою въ подробностяхъ, и не легко разобраться среди разнорѣчивыхъ показаній относительно событія ставшаго легендой на другой же день послѣ того, какъ оно произошло. Обратить его въ легенду было въ интересѣ и его современниковъ, и большинства его историковъ. Не легко освободить истину отъ прикрывающаго ее вымысла. Одно по крайней мѣрѣ съ достовѣрностью вытекаетъ изъ мало-мальски внимательнаго и непредубѣжденнаго разбора фактовъ,—что со стороны осаждающихъ не было ничего кромѣ безумія, со стороны осажденныхъ—ничего кромѣ крайней уступчивости.

Депутатъ отъ округа Saint Louis de la Culture, Тюріо (Thuriot, имя котораго намъ уже случилось упомянуть, который впослѣдствіи былъ предсѣдателемъ Конвента въ памятное засѣданіе, рѣшившее судьбу Робеспьера, явился „отъ имени націи и отечества“ къ подъемному мосту въ ту минуту какъ изъ крѣпости выходила городская депутація; былъ допущенъ въ Бастилію и объяснялся съ комендантомъ, требуя чтобы крѣпость была сдана народу. Подробности объясненія узнаемъ изъ собственнаго донесенія Тюріо, сдѣланнаго имъ въ Думѣ немедленно по выходѣ изъ крѣпости и помѣщеннаго въ протоколѣ. Перейдя съ комендантомъ на внутренній дворъ крѣпости. Тюріо увидѣлъ тамъ три пушки, тридцать Швейцарцевъ (Petits-Suisses)

и около дюжины инвалидовъ, всѣхъ подъ командой четырехъ офицеровъ. Весь гарнизонъ крѣпости состоялъ изо ста двадцати человѣкъ. Тюріо уговаривалъ ихъ „во имя чести, націи и отечества“ сдаться. И комендантъ, и офицеры клялись, что не будутъ стрѣлять и не станутъ защищаться, если не будутъ атакованы. Когда онъ этимъ не удовлетворился и требовалъ, чтобъ его свели наверхъ крѣпости и показали расположеніе пушекъ, комендантъ не хотѣлъ было удовлетворить его желаніе, но по настоянію офицеровъ согласился. Тюріо увидѣлъ на верху три пушки удаленныя фута на четыре отъ амбразуръ, которыя были закрыты. Съ башни онъ показался толпѣ, собиравшейся стрѣлять въ крѣпость. Толпа ему рукоплескала. Сойдя, онъ еще разъ уговаривалъ сдаться; „солдаты и офицеры были, казалось, расположены уступить, но комендантъ, слишкомъ смущенный движеніями окружающей крѣпость толпы, былъ самъ не свой и не рѣшался“ (le gouverneur était malheuresement trop affecté du mouvement extérieur, qu'il n'était plus à lui). Во всякомъ случаѣ, заключилъ Тюріо, на слово коменданта: не стрѣлять, если крѣпость не будетъ атакована, можно положиться. Не успѣли немного успокоиться въ Думѣ, какъ со стороны Бастиліи послышался пушечный выстрѣлъ и въ то же время громадная толпа бѣжала по площади, крича: „измѣна, предательство!“ Принесли человѣка раненаго въ руку, какъ сказывали, выстрѣломъ съ крѣпости; пронесли также умирающаго солдата: говорили о другихъ убитыхъ и раненыхъ. Толковали будто комендантъ нарочно велѣлъ опустить первый подъемный мостъ, чтобы заманить народъ на первый дворъ Бастиліи, и тамъ встрѣтилъ его убійственнымъ залпомъ. Это было совершенно ложно. Напротивъ, толпѣ какъ-то удалось спустить мостъ, и она въ безпорядкѣ кинулась на дворъ, стрѣляла куда попало, задніе попадали въ переднихъ. Въ показаніи инвалидовъ, помѣщенномъ въ изданіи *La Bastille dévoilée* (показаніе приведено въ прибавленіи къ запискамъ Дюсо въ *Coll. de Mém.*, 450), разсказано, какъ произошли выстрѣлы. Когда вышелъ Тюріо, толпа подъ стѣнами крѣпости кричала: „хотимъ Бастилію, долой солдатъ“. „Мы, какъ могли, говорятъ инвалиды, честью просили этотъ разный народъ удалиться, стараясь поставить имъ на видъ опасность, какой они подвергаются. Но несмотря на наши увѣщанія, толпа стояла на своемъ. Два человѣка взлѣзли на карауьную съ боку малаго подъемнаго моста, разрубили и разбили топорами цѣпи большаго моста, тогда какъ другіе рубили и разбивали малые. Это заставило насъ твердо сказать имъ, чтобъ уходили, а то вынуждены будемъ стрѣлять. Имъ удалось спустить большой и малый мосты. Ободренные успѣхомъ, они толпой прибѣжали ко второму мосту, чтобъ овладѣть имъ и сдѣлали по насъ ружейный залпъ. Мы вынуждены были съ своей стороны сдѣлать по нимъ

залъ, чтобы ломѣшать имъ завладѣть вторымъ мостомъ, какъ они сдѣлали съ первымъ. Они обратились въ бѣгство и удалились въ безпорядкѣ". Отхлынувшая толпа разнесла ужасъ и ожесточеніе въ несчетной массѣ облегавшей крѣпость. Прибылъ отрядъ французскихъ гардовъ, привезены пушки, началась, какъ пишутъ нѣкоторые историки, правильная осада крѣпости. Правильная осада эта была безумная пальба съ улицы, изъ чердаковъ и оконъ домовъ въ воздухъ, въ каменныя стѣны, не потерпѣвшія ни малѣйшаго вреда. Отъ бомбардировки во весь день былъ, по какой-то случайности, убитъ одинъ инвалидъ. Съ крѣпости стрѣляли очень мало. Еслибы была серіозная стрѣльба въ густую, бѣснующуюся толпу, она унесла бы не восемьдесятъ убитыхъ, какъ потомъ оказалось, а не одну сотню. Такъ продолжалось нѣсколько часовъ. Нетерпѣливая и мятежная толпа, наполнявшая залы Думы и площадь предъ нею, приступила къ членамъ комитета и Думы съ требованіемъ усиленныхъ мѣръ ко взятію ненавистной крѣпости, какъ будто это взятіе зависѣло отъ Думы (какъ замѣчено въ протоколахъ). Явились удивительныя предложенія. Одинъ плотникъ, повидимому не безъ учености, предлагалъ устроить по римскому образцу катапульту и бросать съ неисчислимою силой (avec une force incalculable) громадные камни въ стѣны Бастиліи, чтобъ ихъ разрушить. Г. Коссидьеръ,—major-général de la milice parisienne, — оттолкнулъ изобрѣтателя, сталъ на его мѣсто и сказалъ, что единственное средство взять Бастилію — повести осаду по правиламъ войны и для того начать рыть траншеи. А на площади предъ Бастиліей ливоваръ Сантеръ сдѣлалъ удивительное предложеніе: сжечь каменную массу ломощію задержаннаго накунунѣ гвоздичнаго и лавандоваго масла, воспламеняемаго помощію фосфора и ложарными трубами бросаемаго на крѣпость. Онъ самъ 15 іюля (протоколъ) повѣствовалъ объ этомъ, явившись въ Думу и требуя себѣ утвержденія въ званіи главнокомандующаго Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, каковымъ былъ будто бы выбранъ наканунѣ, участвуя во главѣ четырехсотеннаго отряда во всѣхъ трудахъ по осадѣ! Пожарныя трубы были привезены по его приказанію, прибавилъ онъ, какъ Бастилія была уже взята. Такихъ молодцовъ, требовавшихъ награды за подвиги, явилось на другой и слѣдующіе дни по взятіи не мало. Многіе изъ нихъ и не подходили къ крѣпости. Вообще въ „трудахъ осады" участвовали, а по просту сказать бѣсновались около крѣпости, человѣкъ восемьсотъ. Но вся окрестность была усѣяна людьми смотрѣвшими на зрѣлище. Дамы пріѣзжали въ экипажахъ и издали присутствовали при спектаклѣ (показаніе очевидца, Тэнъ). Маратъ впослѣдствіи бросилъ такой упрекъ Парижанамъ (*Ami du Peuple*, № 530): „Когда по небывалому стеченію обстоятельствъ стѣны плохо защищенной Бастиліи пали подъ усиліями горсти солдатъ и

отряда несчастныхъ, большею частію Нѣмцевъ и почти поголовно провинціаловъ, Парижане парадировали (se présentèrent) предъ крѣпостью".

О выстрѣлахъ съ крѣпости показанія разнорѣчивы. По показаніямъ инвалидовъ, изъ пушки былъ данъ одинъ только выстрѣлъ картечью, когда нападающіе зажгли сараи съ соломой на первомъ дворѣ. Былъ сдѣланъ, и также послѣ увѣщаній, второй ружейный залпъ, когда толпа вновь прихлынула ко второму мосту, послѣ того какъ гарнизонъ готовый передать крѣпость городу увидѣлъ приближавшееся было бѣлое знамя городской депутаціи удаляющимся и принялъ появленіе знамени за обманный маневръ осаждающихъ. Но есть и иныя показанія. Въ протоколъ Думы занесены доклады двухъ депутацій, которыя были посылаемы комитетомъ между одиннадцатью и двумя часами дня къ крѣпости съ безуспѣшными увѣщаніями коменданту сдать Бастилію. Оба доклада повѣствуютъ о сильномъ огнѣ съ крѣпости, объ опасностяхъ какимъ подвергались посланные, о падавшихъ къ ихъ ногамъ жертвахъ огня Бастиліи. И инвалиды говорятъ, что Швейцарцы, не входившіе на бативи крѣпости, стрѣляли со двора „черезъ зубцы и дыры сдѣланныя ими у подъемнаго моста".

Возможно, что Швейцарцы и стрѣляли, но большаго огня въ этихъ условіяхъ произвести, конечно, не могли. Что же касается повѣствованій заключающихся въ докладахъ, то они мнѣ чрезвычайно подозрительны. Не очень довѣряютъ имъ и историки превозносящіе „взятіе"; по крайней мѣрѣ ссылаются на нихъ съ большою осторожностью. Повидимому, посланные Думы сильно перетрусили. Первая депутація не дошла даже до крѣпости, и съ крѣпости никто ея не видалъ, какъ признаютъ и сами депутаты. Это не мѣшаетъ имъ въ явномъ противорѣчіи съ самими собой говорить объ измѣнѣ коменданта, который упорно будто бы хотѣлъ продолжать „имъ самимъ объявленную гражданамъ войну", „такъ какъ отказалъ выслушать нашу депутацію". Въ началѣ доклада говорится какъ депутатамъ при приближеніи *показалось*, что сверху стрѣляютъ (nous avons aperçu sur les tours du fort des soldats de la garnison qui *paraissaient* tirer dans la rue). На Тьера доклады сдѣлали такое впечатлѣніе, что онъ счелъ наиболѣе близкимъ къ истинѣ выразиться о стрѣльбѣ при осадѣ: „летѣли выстрѣлы неизвѣстно откуда" (des coups de fusil sont tirés on ne sait d'où). Депутаты далѣе проговариваются, что имѣли дѣло собственно не съ осаждаемыми, а съ осаждающими. Осаждающихъ увѣщевали они прекратить огонь, чтобы вступить въ крѣпость, но тѣ прогнали увѣщателей, говоря что не переговоровъ и депутацій хотятъ, „а осады Бастиліи, разрушенія этой ненавистной тюрьмы и смерти коменданта". Вторая депутація пошла съ барабанами и зна-

менемъ и была усмотрѣна. Осаждаемые вывѣсили бѣлый флагъ, стоявшіе на башняхъ солдаты опустили ружья дуломъ внизъ. Но далѣе слѣдуетъ весьма невѣроятный разсказъ, будто съ крѣпости вдругъ раздался залпъ, видѣли, будто, что направляютъ и пушку: что она выстрѣлила, сказать не рѣшились. Тогда осаждающіе ожесточились, прогнали и вторую депутацію, крича: „вы тоже измѣнники“. Одного поколотили: M. Beaubourg a été maltraité. (Объ этомъ же господинѣ свидѣтельствуется въ докладѣ, что пуля съ крѣпости сорвала ему эполету: пуля ли?). Повторяю, доклады очень сомнительной исторической вѣрности. Прочтемъ, напримѣръ, что говоритъ членъ второй депутаціи, гласный Франкотэ (Francotay), отставшій отъ остальныхъ и уже послѣ ихъ вернувшійся въ Думу, „Г. Франкотэ сказалъ, что депутація остановилась на маломъ дворѣ подъ ужаснѣйшимъ огнемъ; а что онъ, Франкотэ, идя все впередъ, приблизился къ подъемному мосту; что вокругъ его многіе были убиты, и онъ вынужденъ былъ перешагнуть черезъ трупъ одного отца семейства, о которомъ всѣ сожалѣли“ (passer par dessus le cadavre d'un père de famille que tout le monde regrettait)?

Куріозно—какъ это онъ узналъ, что убитый былъ отецъ семейства, и когда же всѣ успѣли выразить сожалѣніе?

Дальнѣйшее не менѣе куріозно. Храбрый гласный обращается, полагать надо, „подъ страшнымъ огнемъ“, къ согражданамъ съ рѣчью, увѣщевая ихъ отойти. „Нѣтъ, нѣтъ, восклицаютъ они, мы завалимъ ровъ нашими трупами“. Устулая ихъ просьбамъ, онъ сталъ удаляться „сквозь пули свиставшія около его ушей и ударявшія въ стѣну, къ которой они подвигались“. Пули значитъ были не съ крѣпости и били въ стѣну, должно-быть, безъ особаго для нея вреда. Да и куда же это „они подвигались?“ Въ стѣну что ли? Документъ такого рода очевидно большой цѣны не имѣетъ. Держусь мнѣнія, что съ крѣпости стрѣляли очень мало.

Какъ же наконецъ была взята Бастилія?

Она вовсе не была взята. Самъ главный герой дня, одинъ изъ немногихъ обнаружившихъ дѣйствительно нѣкоторое мужество, увѣнчанный въ Думѣ „храбрый Эли“, — le brave Elie,—выразился такъ: „Бастилія вовсе не была взята силою; она сдалась, прежде чѣмъ была атакована“. Уже съ утра гарнизонъ желалъ сдать крѣпость, но комендантъ, видя громадную осаждающую толпу, опасался, должно думать, ея неистовствъ, если отворитъ ворота крѣпости. И нельзя не признать, что опасенія были вполнѣ основательны. Обращикъ неистовствъ былъ еще до взятія. Кто-то въ толпѣ указалъ молодую дѣвушку, увѣряя, что это дочь коменданта. Несчастную хотѣли тутъ же сжечь. Ее едва успѣлъ спасти, разувѣривъ толпу, какой-то

добрый солдатъ. На дворѣ захватили трехъ безоружныхъ инвалидовъ и приволокли въ Думу со страшными криками, требуя ихъ смерти: ихъ будто бы схватили у воротъ Бастиліи съ оружіемъ, когда они стрѣляли въ народъ. Старый инвалидъ, сохранившій хладнокровіе предъ опасностью, сказалъ: „Какъ могъ я стрѣлять, когда былъ безъ оружія и шелъ изъ кабака, куда ходилъ за виномъ для себя и товарищей“. Аргументъ подѣйствовалъ, инвалидовъ удалось отстоять отъ толпы. Рѣшено отправить ихъ до суда въ тюрьму. Возможно, что мотивомъ отказа коменданта сдать крѣпость была также и военная честь. Въ заявленіи инвалидовъ говорится, что онъ уже взялъ фитиль и хотѣлъ взорвать крѣпость, но былъ удержанъ двумя инвалидами и только послѣ этого рѣшился сдаться. Онъ сдался на честное слово французскихъ гвардейцевъ: Эли, Шола и Гулена, бывшихъ впереди осаждающихъ и знавшихъ военныя правила. Было обѣщано, что ни ему, ни гарнизону не будетъ сдѣлано никакого вреда. Но едва отворились ворота, какъ ворвалась неистовая толпа. Гарды употребляли всѣ усилія сдержать слово, но тщетно. „Толпа, говоритъ Тэнъ, поцадила Швейцарцевъ, которые въ нее стрѣляли, принявъ ихъ по одеждѣ за заключенныхъ. Но за то набросилась на инвалидовъ, которые отворили имъ ворота; у инвалида удержавшаго коменданта, когда тотъ хотѣлъ взорвать крѣпость, отрубили руку ударомъ сабли, прокололи его двумя ударами шпаги, повѣсили, а руку его, сластую цѣлый кварталъ, понесли въ тріумфѣ по улицамъ“. Пятерыхъ офицеровъ и трехъ солдатъ убили,—однихъ тутъ же, другихъ волоча по улицѣ. „У кого не было оружія, говоритъ одинъ офицеръ, тѣ бросали въ меня камнями; женщины скрежетали зубами и грозили мнѣ кулаками. Двое изъ моихъ солдатъ были убиты сзади меня. При общемъ крикѣ: на висѣлицу! меня проволокли на нѣсколько сотенъ шаговъ отъ Думы. Въ ту минуту мимо меня пронесли воткнутую на пикѣ голову, показали мнѣ ее, говоря что это голова Делона“. Самого коменданта волокли по улицѣ, таская за волосы, поражая ударами. Одни говорили—надо отрубить ему голову, другіе—надо его повѣсить, тѣ—привязать къ лошадиному хвосту. Онъ просилъ смерти, въ порывѣ послѣдняго отчаянія ногой оттолкнулъ одного изъ державшихъ, и въ ту же минуту былъ пронзенъ штыками. Этого показалось мало Трупъ волочили, били. Требовалось отрѣзать голову. Подвернулся поваръ, пришедшій поглядѣть на „осаду“, и взялся за дѣло. Рубилъ саблею. Сабля оказалась тупа. Онъ вынулъ ножъ и какъ человѣкъ „въ качествѣ повара умѣющій рѣзать говядину“ управился съ головой коменданта. Ее воткнули на пику и понесли въ Пале-Рояль, а оттуда къ Pont-Neuf.

Вотъ какъ была взята Бастилія!

Убійство и звѣрское наругательство надъ трупомъ Делоне слѣдующимъ образомъ, въ сентиментальномъ тонѣ, описываются въ *Révolutions de Paris*: „Хотятъ увидѣть вѣроломнаго коменданта; находятъ его наконецъ: подлый спрятался. Два гренадера схватываютъ его. Подходитъ какой-то молодой буржуа. Комендантъ хочетъ ему довѣриться, бросается къ нему въ объятія раздираемый скорбію. Его вырываютъ, лишая этой чести; обращаются съ нимъ какъ съ негодяемъ, влекутъ среди необозримой толпы. Онъ обращается къ молодому человѣку, который хочетъ еще защитить его отъ оскорбленій черни. „Ахъ, говоритъ онъ, раздираемый угрызеніями совѣсти, *я изменилъ отечеству!* Рыданія заглушаютъ его голосъ"... Когда достигли Гревской площади, народъ нетерпѣливо жаждущій мести не далъ Делоне и другимъ офицерамъ подняться на судъ Думы. Ихъ вырываютъ изъ рукъ побѣдителей, толчутъ ногами. Делоне пронзенъ тысячью ударовъ. Ему отрѣзаютъ голову и несутъ ее воткнувъ на пику, по которой струится кровь"...

„Сей славный день долженъ поразить нашихъ враговъ. Онъ предвѣщаетъ намъ, наконецъ, торжество справедливости и свободы. Вечеромъ была общая иллюминація"!

Несчастный Делоне! Ко всѣмъ наругательствамъ его трупа и памяти присоединяется еще по истинѣ жестокое слово добраго короля. Когда Бальи (Bally, II, 42) заговорилъ съ Людовикомъ XVI о смерти Делоне, король произнесъ: „О, онъ заслужилъ свою участь!" Чѣмъ же? Развѣ вѣрностью тому же королю, когда требовалась измѣна? Предъ измѣной законная власть преклонялась, измѣнѣ уступала, измѣну славила; но за то головой выдавала немногихъ оставшихся вѣрными. Могли осуждать Делоне, но конечно не король. Онъ долженъ былъ хотя бы промолчать. Онъ не могъ быть въ заблужденіи будто Делоне стрѣлялъ въ невинный народъ, заманивъ его бѣлымъ флагомъ. Нѣтъ, мало было уступить, надо было еще оскорбить. Говорятъ Делоне былъ требовательный и безжалостный тюремщикъ. Можетъ-быть; но не утвердилась ли такая репутація главнымъ образомъ послѣ звѣрской казни, для желательнаго оправданія палачей?

Гарнизонъ сдался на честное слово. Нарушеніе этого слова было самымъ позорнымъ дѣломъ съ точки зрѣнія военной части. Мишле это чувствовалъ и поясняетъ, что Бастилія была тюрьма, а не крѣпость; военные законы къ ней де не приложимы. Чѣмъ же во всякомъ случаѣ такъ славиться? Какою побѣдой величаться?

Побѣда была, впрочемъ, значительная: побѣда Собранія надъ королевскою властью. Успѣхъ парижскаго мятежа въ немъ радостно отозвался. Въ эти дни волненій представители націи засѣдали „непрерывно шестьдесятъ часовъ (*Révol. de Paris*, № I, 20), опасаясь не только за свою свободу, но и за свою жизнь". Собранію впрочемъ

едвали ли грозила какая дѣйствительная опасность; крайне сомнительно, чтобы при дворѣ и особенно у короля былъ какой-нибудь опредѣленный планъ. Тѣмъ не менѣе значительное число членовъ Собранія были въ страхѣ. Вожаки дѣйствовали. Собраніе вотировало отвѣтственность министровъ и совѣтниковъ короля, „какое бы ни было ихъ положеніе"; настойчиво требовало удаленія войскъ, признало, что объявленіе государственнаго банкротства сочтетъ позорящимъ націю. Король медлилъ. Успѣхъ возстанія быстро перемѣнилъ картину. Людовикъ XVI явился въ Собраніе почти просителемъ; взываетъ къ согласію въ дѣйствіяхъ, объявляетъ, что уже далъ повелѣніе объ удаленіи войскъ. „Оставались, говоритъ маркизъ де-Феррьеръ въ своихъ запискахъ (I, 145), два важные пункта предрѣшенные революціонерами: возвращеніе Неккера и назначеніе Бальи парижскимъ меромъ, а Лафайета — главнокомандующимъ парижскою милиціей. Только эти мѣры могли обезпечить выгоды, пріобрѣтенныя Собраніемъ надъ дворомъ. Безъ замедленія и это было достигнуто. Бальи былъ провозглашенъ меромъ, а Лафайетъ именованъ командующимъ милиціей „по единодушному избранію гражданъ". Президентъ и вице-президентъ (такъ назвали на эти дни Лафайета) Собранія становятся во главѣ столицы: Собраніе дѣлается всемогущимъ. Произошло это слѣдующимъ образомъ.

15 іюля Собраніе отправило многочисленную депутацію (изъ восьмидесяти четырехъ членовъ) въ Парижскую Думу съ привѣтствіемъ и сообщеніемъ о предстоящемъ посѣщеніи Парижа королемъ. Поѣздка депутатовъ была тріумфальнымъ шествіемъ. Стрѣляли изъ пушекъ, конный и пѣшій отряды предшествовали кортежу депутатовъ, шедшихъ пѣшкомъ между рядами восторженной публики, при неумолкаемыхъ кликахъ. Депутатовъ обнимали, цѣловали ихъ руки, раздавали имъ трехцвѣтныя кокарды. Представители города привѣтствовали ихъ какъ „ангеловъ мира". Въ Думѣ дѣлая овація. Произносятся рѣчи. Рѣчи эти переполнены фразами, прославляющими короля, обожаемаго, добродѣтельнаго, лучшаго въ мірѣ монарха. Лафайетъ въ патетическомъ разсказѣ передаетъ, какъ посѣтилъ король Собраніе, что говорилъ и какъ депутаты въ восторгѣ проводили его до дворца среди растроганнаго народа. Можно подумать, что никогда еще королевская власть не пользовалась такою преданностію. Замѣчательное явленіе фальши! Власть на дѣлѣ отнимаютъ; она отрекается отъ себя, и къ ней обращаются льстивыя рѣчи, доказывающія, что никогда де не была она такъ сильна. Кого, казалось бы, можно было этимъ обмануть? Оказывается, обмануть можно весьма многихъ. Есть не мало людей съ такимъ инстинктомъ примиренія, что они готовы тотчасъ умилиться, какъ только покажется имъ, что дѣло уладилось, и что все пойдетъ гладко.

Эта черта была въ натурѣ краснорѣчиваго графа Лалли Толандаля, члена Собранія, отличавшагося чрезвычайною чувствительностью и человѣка дѣйствительно честнаго. Его рѣчь о новой эрѣ довѣрія благодаря установившемуся согласію короля и націи была совершенно искреннею. Оратора увѣнчали вѣнкомъ, какъ онъ ни сопротивлялся, и показали въ вѣнкѣ въ окно народу. „Депутаты, сказано въ протоколѣ Думы, хотѣли уже оставить залу, какъ вдругъ всѣ голоса соединились, чтобы провозгласить г. маркиза де-Лафайета главнокомандующимъ парижскою милиціей". Какая странная неожиданность! Въ залѣ чрезвычайно кстати оказался бюстъ генерала, присланный изъ Америки. На него предсѣдатель избирателей, г. Моро де-Сенъ-Мери, указалъ Собранію. Послѣдовалъ выборъ аккламаціею. Въ то же время Бальи провозглашенъ мэромъ Парижа. Разсказывая о своемъ избраніи, Бальи просто приводитъ выписку изъ протокола Думы. Потомъ говоритъ, какъ онъ былъ изумленъ и ошеломленъ. Въ разказѣ сквозитъ какая-то неискренность. За нѣсколько страницъ, подъ 12 іюлемъ, онъ же приводилъ слухъ, что его прочатъ въ головы.

Черезъ день самъ король прибылъ въ Парижъ. *Révolutions de Paris* въ слѣдующихъ выраженіяхъ привѣтствуетъ „зарю прекраснаго дня", когда „обожаемый монархъ явился между насъ": „Отъ ужасовъ войны народъ, перестулая такъ-сказать черезъ тѣла двухъ имъ умерщвленныхъ гражданъ, народъ дышавшій доселѣ кровопролитіемъ, вносившій всюду желѣзо и огонь, вырывавшій изъ нѣдръ измѣнниковъ трепещущія внутренности, съ руками, дымящимися кровью, народъ этотъ, съ челомъ сіяющимъ весельемъ, слѣшитъ принести своему монарху пальму мира. Французы, какое прямодушіе (quelle loyautè), какое довѣріе! О! моя нація! ты одна умѣешь обожать, какъ умѣешь и отомщать!" Чтобы принять эту пальму мира король, отправляясь въ Парижъ, прощался съ семьей какъ бы идя на великую опасность. Его провожали толпы. При заставѣ, Бальи въ качествѣ мера, подавая ключи города, привѣтствовалъ его словами звучавшими оскорбительною ироніей: „Это тѣ ключи, которые были поднесены Генриху IV: онъ тогда только что покорилъ свой народъ; сегодня народъ покорилъ своего короля". Бальи повидимому не хотѣлъ сказать ничего оскорбительнаго. Онъ увлекся представившеюся ему эффектною фразой, составленною почти экспромтомъ. Въ своихъ запискахъ онъ разсказывалъ, что когда онъ отправлялся на встрѣчу королю, ему сказали, что надлежитъ представить монарху ключи города. „Что же сдѣлаетъ съ ними король?"—Онъ передастъ ихъ вамъ.—„А я?"—Вы ихъ возьмете.—„Неужели понесу я эти огромные ключи? Я брошу ихъ въ первомъ углу".—Остерегитесь, это драгоцѣнные ключи, они были поднесены Генриху IV. „Это дало мнѣ, прибавляетъ Бальи, тотчасъ идею первыхъ строкъ моей рѣчи. Я наскоро

прибавилъ ихъ карандашомъ". Привезли короля въ Думу, провели по лѣстницѣ подъ лѣсомъ пикъ, посадили на тронъ, дали кокарду, привѣтствовали рѣчами—сказали, пусть и самъ произнесетъ нѣсколько словъ. Онъ произнесъ: „всегда можете разчитывать на мою любовь!" Отвезли назадъ. Семья встрѣтила его со слезами радости, какъ избавившагося отъ смерти.

Когда депутаты шествовали по Парижу, они, какъ разсказываетъ Бальи (II. 19), на улицѣ Сентъ-Оноре увидали замѣчательное зрѣлище, родъ торжественной процессіи. Везли въ окруженіи милиціи, въ сопровожденіи хора военной музыки, одного garde français въ мундирѣ, увѣнчаннаго лавровымъ вѣнкомъ, украшеннаго крестомъ Св. Людовика. Экипажъ пріостановился. Депутаты, не зная даже въ чемъ дѣло, „поздравили тріумфатора и присоединили свои рукоплесканія къ рукоплесканіямъ толпы". Кажется, говоритъ Бальи, это былъ „тотъ гардъ который схватилъ г. Делоне и которому за то оставили крестъ, сорванный съ коменданта". Кто ложаловалъ ему этотъ крестъ? Пожаловало какое-то случайное собраніе гражданъ „во имя націи" (*Révol.* № I, 15). Это никого не удивило и представлялось вполнѣ въ порядкѣ вещей. Гренадеръ потомъ было самъ задумался, принесъ крестъ въ Думу, но предсѣдатель гласныхъ сказалъ, что не имѣетъ права принять крестъ: народъ ложаловалъ.

Возвратимся къ Бастиліи. Сколько погибло при ея взятіи?

По описанію событія въ *Монитерѣ*, убитыхъ было восемьдесятъ три, пятнадцать умерли отъ ранъ, семьдесятъ три были ранены. Счетъ, безъ сомнѣнія, гадательный.

А сколько заключенныхъ было освобождено?

По тому же описанію, семь человѣкъ; изъ нихъ четверо—дѣлатели фальшивыхъ документовъ.

Не много же было „жертвъ деспотизма" въ страшной крѣпости.

Тѣмъ не менѣе паденіе ея всюду произвело сильное впечатлѣніе. Съ именемъ Бастиліи соединялось множество воспоминаній. Она казалась какимъ-то оплотомъ королевскаго самодержавія. Во Франціи имя ея давно было ненавистно. Во множествѣ наказовъ (cahiers) какими избиратели снабдили своихъ представителей было указано уничтоженіе и срытіе Бастиліи. Понятно какое впечатлѣніе должно было произвести ея взятіе. Впечатлѣніе это отразилось и за границей. Г. Рамбо въ рѣчи, произнесенной въ 1880 году на праздникѣ 14 іюля, напоминаетъ, что въ Италіи Альфіери, итальянскій знаменитый поэтъ, написалъ стихотвореніе: „Обезбастиленный Парижъ"; въ Англіи Фоксъ восторгался событіемъ и говорилъ, что желалъ бы переѣхать проливъ, чтобы взглянуть на развалины Бастиліи; въ Германіи Меркъ возгласилъ, что взятіе Бастиліи полагаетъ первый камень счастія человѣчества...

Но вотъ что̀ куріозно. Графъ Сегюръ, тогдашній французскій посолъ при Екатеринѣ, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: новость „при дворѣ произвела значительное возбужденіе и общее неудовольствіе. Въ городѣ дѣйствіе было совсѣмъ противное. И хотя Бастилія навѣрно не грозила никому изъ жителей Петербурга, не могу передать какой энтузіазмъ ладеніе этой государственной тюрьмы и эта первая побѣда бурной свободы возбудили между негоціантами, купцами, въ среднемъ кругѣ и между нѣкоторыми молодыми людьми болѣе высокаго класса. Французы, Русскіе, Датчане, Нѣмцы, Англичане, Голландцы, всѣ на улицахъ поздравлялись взаимно и цѣловались какъ будто спала съ нихъ тяжелая цѣпь. Едва могу повѣрить этой глупости о коей разсказываю“ (Ségur, *Mem.*, III).

Изъ этого разсказа Мишле сдѣлалъ такую картину (*Hist. de la Rév.* I, 110). „Въ *Россіи*, странѣ тайны и молчанія, въ этой чудовищной Бастиліи на рубежѣ Европы и Азіи, когда достигла туда вѣсть, люди всякихъ націй на улицахъ восклицали, плакали, бросились другъ другу въ объятія, сообщая новость: Какъ не плакать отъ радости—Бастилія взята!“ Г. Рамбо передаетъ анекдотъ въ не менѣе укрупненной формѣ: „Въ *Россіи*, этой отдаленной странѣ, тогда едва составлявшей часть Европы, Русскіе и иностранцы обнимались на улицахъ, и вмѣсто того, чтобы говорить какъ въ день Пасхи: Христосъ воскресъ, съ энтузіазмомъ повторяли два слова: Бастилія взята“.

Такимъ образомъ петербургскіе иностранцы историческою миѳологіей превращены въ Россію...

IV.

День 14 іюля ознаменованъ еще однимъ кровавымъ эпизодомъ, убійствомъ городскаго головы купечества (prévôt des marchands) Флесселя. Онъ былъ только три мѣсяца на этомъ мѣстѣ, имѣлъ повидимому враговъ. На сборищахъ въ Пале Роялѣ составлялся между прочимъ списокъ лицъ, которыхъ требовалось „устранить“, какъ говорили наши революціонеры. Онъ попалъ въ этотъ списокъ. Въ дни предшествовавшіе взятію Бастиліи, когда толпы приступали къ нему съ требованіями оружія, онъ не оказалъ достаточнаго рвенія; распустили слухи о его измѣнѣ. Утромъ 14го приходили въ Думу лица называвшія себя депутатами Пале-Рояля, требовали, чтобы Флессель явился предъ гражданами собравшимися въ Пале-Роялѣ и обвиняющими его въ измѣнѣ: онъ де вотъ уже съ утра обманываетъ гражданъ обѣщаніями оружія и сносится между тѣмъ съ врагами, то-есть съ правительствомъ. На этотъ разъ Флесселю удалось отдѣлаться отъ непрошеннаго приглашенія. Но когда Бастилія была

сдана, залы Думы наполнились побѣдителями, побѣжденными и толпами всякаго народа, вновь выступили невѣдомые обвинители, крича,—одни, что надо схватить Флесселя, отвести въ тюрьму какъ заложника, другіе,—что онъ долженъ идти на судъ въ Пале-Рояль. Послѣднее мнѣніе взяло верхъ, раздались общіе крики: „въ Пале-Рояль, въ Пале-Рояль!“ Флессель, все время сохранявшій спокойствіе, сказалъ: „ну пойдемте, господа, въ Пале-Рояль“, сошелъ съ эстрады, протелъ чрезъ залу и вышелъ изъ Думы, не подвергшись насилію Но едва протелъ онъ площадь предъ Думой, какъ неизвѣстная рука выстрѣлила въ него изъ пистолета, и онъ упалъ мертвый.

V.

22е іюля было вновь „днемъ звѣрства и траура“, какъ выразился о немъ Бальи. „Не стану,—пишетъ въ своихъ запискахъ де-Феррьеръ о дняхъ послѣдовавшихъ за 14е іюля,—приводить утомительный и тяжелый списокъ послѣдовавшихъ душегубствъ, грабежей, пожаровъ, кражъ, убійствъ. Но скажу моему вѣку, скажу потомству, что Національное Собраніе разрѣшило эти убійства и пожары, что одинъ членъ этого Собранія, молодой Барнавъ, осмѣлился сказать съ трибуны:—развѣ такъ уже чиста эта кровь, что надо жалѣть о ея пролитіи;—что въ минуту когда Лалли Толандаль, скорбно пораженный бѣдствіями его несчастнаго отечества, предлагалъ и съ мольбою призывалъ средства мягкія, легкія, но которыя тогда способны были оказать цѣлительное дѣйствіе, Собраніе отклонило эти средства, потомъ съ упорствомъ совсѣмъ въ нихъ отказало и приняло только, когда своими преступными интригами обезпечило ихъ безполезность. Напрасно (засѣданіе 20го іюля) восклицалъ Лалли:—Слагаю со своей совѣсти несчастія, какія произойдутъ отъ вашего отказа; умываю руки на кровь которая можетъ пролиться!—Крики ярости поднялись со всѣхъ сторонъ. Одинъ депутатъ бросился къ Лалли и съ заносчивостью кричалъ, что Лалли злоупотребляетъ своею популярностью. Мирабо упрекалъ его, что онъ чувствуетъ тамъ гдѣ надо думать.—Націи нужны жертвы, сказалъ онъ со свирѣпымъ взглядомъ; надо одервянить себя (s'endurcir) на всѣ частныя бѣдствія; только этою цѣной можно сдѣлаться гражданиномъ“.

На листѣ обреченныхъ были парижскій интендантъ Бертье и тесть его Фулонъ, директоръ департамента военнаго министерства. Фулонъ, какъ-то узнавъ о грозящей ему опасности, распустилъ слухъ о своей смерти. Чтобы придать болѣе вѣры слуху, были даже совершены пышныя похороны одного изъ его слугъ, умершаго въ это время. Фулонъ укрылся въ имѣніе около Вири, но тамъ былъ найденъ и выданъ собственными крестьянами. Рано утромъ, 22го іюля, его

лѣшкомъ привели въ Парижъ съ котомкой сѣна за плечами, въ ошейникѣ изъ репейника (было распущено, будто Фулонъ въ минуту наибольшей дороговизны хлѣба сказалъ про народъ: „пусть ѣстъ траву; ѣдятъ же ее мои лошади“). Члены Думы, собравшись въ засѣданіи, разсуждали, что дѣлать съ Фулономъ и какъ вообще поступать въ подобныхъ случаяхъ. Не уступить „народу побѣдившему Бастилію“ было невозможно. Порѣшили придумать новое преступленіе, *оскорбленіе націи*, crime de lèse-nation, и соотвѣтствующую процедуру для суда надъ нимъ. „Каждый подозрѣваемый въ преступленіи оскорбленія націи, обвиняемый и схваченный,— или могущій быть въ послѣдствіи схваченнымъ, на основаніи общественной молвы,—отводится немедленно въ тюрьму Сенъ-Жерменскаго аббатства“. Двое гласныхъ были уполномочены представить это распоряженіе Національному Собранію и просить его установить порядокъ суда надъ преступниками этого новаго рода. Не такой процедуры требовала толпа наполнившая залу Думы. Пробовалъ уговаривать ее Бальи. Не много помогло. Опасаясь, чтобы толпа въ залѣ же не бросилась на Фулона, его перевели въ сосѣднюю комнату; изъ окна показывали народу, дабы удостовѣрить, что плѣнникъ не убѣжалъ. Но затѣмъ чернь, сломавъ рѣшетку, оттолкнула стражу, новою шумною толпой наполнила дворъ, лѣстницу, залу Думы. Добившись кое-какъ молчанія, члены Думы представляютъ толпѣ, что Фулона слѣдуетъ судить и для того надлежитъ предать въ руки правосудія. „Судить сейчасъ и повѣсить“, слышится въ толпѣ. Но Дума, замѣчаетъ одинъ изъ членовъ, не имѣетъ права назначать судей; въ виду неотложности, ихъ можетъ назначить только народъ. Это понравилось. Давай назначать судей. Двое священниковъ попавшихъ въ число назначенныхъ шести поспѣшили уклониться, ссылаясь, что по законамъ церкви не могутъ приговаривать къ смерти. „Народъ“ назначаетъ на ихъ мѣсто Лафайета и Бальи. „Къ счастію, говоритъ Бальи, меня въ это время не было, а посылать не сочли нужнымъ“. Назначили другаго. Но за Лафайетомъ послали. Въ чемъ я долженъ обвинять Фулона? спрашиваетъ членъ вынужденный принять обязанность прокурора. Обвиняй, что хотѣлъ притѣснить народъ, говорилъ, что заставитъ его ѣсть траву, хотѣлъ, чтобы было объявлено государственное банкротство, барышничалъ хлѣбомъ. Явился популярный Лафайетъ и обратился къ толпѣ съ красивою рѣчью, стараясь отклонить немедленный судъ и доказывая, что надлежитъ прежде подвергнуть Фулона строгому допросу по закону, чтобъ узнать его сообщниковъ. „Я прикажу, заключилъ Лафайетъ, отвести его въ тюрьму“. Фулонъ бормоталъ: „почтенное собраніе, народъ справедливый и великодушный, вѣдь я между согражданъ, я не боюсь“. Но онъ имѣлъ неосторожность во время рѣчи Лафайета обнаружить удовольствіе. Это возбудило подозрѣніе. Впрочемъ и безъ того гибель его была рѣшена. „На площади и даже въ залѣ, говоритъ Бальи, были замѣчены какія-то лица прилично одѣтыя, которыя въ толпѣ возбуждали ее къ жестокости“. „Чего тутъ судить человѣка, который тридцать лѣтъ уже осужденъ!“ вскрикнулъ кто-то. Лафайетъ принимался нѣсколько разъ говорить, но все было безполезно. Въ залу прибываютъ новыя толпы, слышатся крики, что Пале-Рояль и Сентъ-Антуанское предмѣстье идутъ захватить плѣнника. Толпа бросается къ стулу, гдѣ сидѣлъ Фулонъ, опрокидываетъ. Лафайетъ громко произноситъ: „отведите его въ тюрьму“. Но онъ уже въ рукахъ толпы. Его выводятъ на площадь и влекутъ къ фонарю, чтобы повѣсить. Веревка (описаніе де-Ферьера, I, 157) обрывается, ее связываютъ, но она обрывается и второй разъ. Нѣкоторые хотятъ саблями прекратить мученія несчастнаго, другіе удерживаютъ. Съ четверть часа ждутъ новой веревки; наконецъ убійство свершается. У трупа отрубаютъ голову, влагаютъ ей сѣна въ ротъ, втыкаютъ на пику и несутъ этотъ страшный трофей въ Пале-Рояль и по улицамъ Парижа.

Между тѣмъ интендантъ Бертье, зять Фулона, также захваченъ. Его ведутъ съ дикимъ торжествомъ по Парижу; по бокамъ его два солдата приставляющіе штыки къ его груди, вокругъ какія-то бабы поющія и скачущія, мущины со значками и барабанами (по словамъ де-Ферьера). Одна процессія встрѣчается съ другою. Толпа несущая голову Фулона подноситъ ее на пикѣ къ самому лицу Бертье. Въ Думѣ повторяется почти то же, что съ Фулономъ. На этотъ разъ не Лафайетъ, а Бальи говоритъ: отведите его въ тюрьму. Толпа точно также вырываетъ жертву изъ рукъ стражи, но не ведетъ вѣшать, а убиваетъ на мѣстѣ. Какой-то драгунъ съ ожесточеніемъ изъ внутренности теплаго еще трупа вырываетъ сердце, вбѣгаетъ въ залу Думы, и показывая кусокъ окровавленнаго мяса, кричитъ: вотъ сердце Бертье, (описаніе Бальи и другихъ). Ужасный фактъ этотъ упоминается и въ думскомъ протоколѣ, въ кондѣ котораго значится: „Зрѣлище сіе распространило чувство ужаса въ Собраніи; нѣкоторые гласные сдѣлали знакъ этому человѣку выйти, и онъ удалился сопровождаемый толпой издававшею крики радости. Пришли другіе, говоря, что принесена голова Бертье и уже находится на лѣстницѣ. Г. маркизъ де Лафайетъ и г. Моро де-Сенъ-Мери пригласили этихъ лицъ замѣтить народу, что Собраніе занято очень важными дѣлами... и просили постараться, чтобы голову не вносили въ залу. Это имѣло желаемый успѣхъ“.

Любопытно сравнить это описаніе съ описаніемъ тѣхъ же событій въ *Révolutions de Paris*. Факты переданы тѣ же и довольно точно, но выставлены въ освѣщеніи внушительнаго ужаса тиранамъ. „Трепещите и смотрите, какъ поступаютъ съ вами и вашими родственни-

ками!... Деспоты и министры, какіе грозные уроки! Думали ли вы, что Французы способны къ такой энергіи?., Хотите ли знать, докуда можетъ довести ихъ ярость? Знайте же предѣлы ихъ ожесточенія! Сердце осужденнаго измѣнника носили по улицамъ на концѣ ножа. И что же? Въ публичномъ мѣстѣ, кто бы повѣрилъ? Французы, чувствительныя существа... Боги! они дерзнули мокать обрывки мяса и капать кровь въ свое питье и такъ съ остервенѣніемъ утолять свою ненависть. Французы, вы истребляете тирановъ, ваша ненависть возмутительна, ужасна! Но наконецъ вы будете свободны"!

Объ этомъ возмутительномъ фактѣ упоминаетъ и де-Ферреръ. Въ *Revolutions de Paris* указывается и кафе, гдѣ онъ произошелъ: на улицѣ Сентъ-Оноре, рядомъ съ кафе Ришелье (и нынѣ есть тамъ же кафе этого имени). Это обокъ съ Пале-Роялемъ. Вотъ значитъ, гдѣ засѣдали тѣ лица, которымъ почему-то особенно требовалась смерть Бертье.

Кто были люди, желавшіе погубить Бертье и Фулона и о присутствіи которыхъ въ толпѣ,—на площади и въ залѣ Думы,—нѣсколько разъ упоминаетъ Бальи. Кто натравливалъ чернь?

Это остается неизвѣстнымъ. Мишле, котораго революціонный пафосъ нѣсколько ослабѣваетъ въ виду варварскихъ неистовствъ толпы, не безъ лукавства, не принимая на себя отвѣтственности, передаетъ: многіе де думали, что народъ поджигали сообщники Бертье, которымъ важно было, чтобы онъ не сдѣлалъ раскрытій! Вотъ по истинѣ съ больной головы да на здоровую. Во всякомъ случаѣ событія эти едва ли имѣли прямое политическое значеніе. Это были ужасы по случаю революціи, явленія страшной анархіи. Въ описаніи дней 5 и 6 октября 1789 можемъ ознакомиться съ неистовствами самой революціи. То было подготовленное движеніе чисто политическаго свойства.

Ужасаютъ отвратительныя сцены неистовствъ; но не очень пріятное впечатлѣніе производитъ и фальшь людей, льстящихъ толпѣ. Устулали члены Думы, трепеща за свою жизнь, это понятно. Но за, что трепеталъ, устулая, Лафайетъ? Жизни его не могла грозить опасность. Онъ трепеталъ не повредить бы своей популярности. Придя въ Думу, онъ прежде всего (Bailly, II, 107) выразилъ неудовольствіе, зачѣмъ тамъ много стражи: призвать ее распорядился было одинъ изъ его подчиненныхъ. Лафайетъ послѣшилъ удалить большую часть солдатъ, такъ, что Дума осталась безъ защиты. Въ рѣчахъ своихъ онъ льститъ толпѣ, скрывая свои намѣренія. Обманываетъ и товарищей своихъ, объявляя въ минуту разыгравшихся безпорядковъ свое рѣшеніе подать въ отставку. Тѣ конечно упрашиваютъ остаться. „Условлено было, говоритъ Тьеръ въ своей *Исторіи*, что Лафайетъ подастъ въ отставку, но лишь для того, чтобы дать почувствовать народу свое неудовольствіе, а затѣмъ останется, сдавшись на просьбы,

какія неминуемо послѣдуютъ. Дѣйствительно, народъ, милиція окружили его и обѣщали полное повиновеніе. Онъ принялъ вновь команду на этихъ условіяхъ".

Къ этой эпохѣ относится знаменитый памфлетъ *Рѣчь Фонаря* (*Discours de la Lanterne aux Parisiens*) Камиля Демулена, который тогда еще не издавалъ своего журнала. Демуленъ зоветъ себя въ этомъ памфлетѣ генералъ-прокуроромъ Фонаря (procureur général de la Lanterne). Эти преступные смѣшки, это поджигательное остроуміе много содѣйствовали тому, чтобы лишить въ глазахъ толпы звѣрскую расправу ужасающаго, отвратительнаго характера. Вотъ начало рѣчи *Фонаря* (Hatin, *Histoire de la presse*, V, 323): „Храбрые Парижане, какъ мнѣ васъ отблагодарить. Между всѣми фонарями вы навсегда сдѣлали меня славнымъ и благословляемымъ. Что предо мною фонарь Созія или фонарь Діогена? Тотъ искалъ человѣка, а я нашелъ ихъ двѣсти тысячъ. Въ спорѣ моемъ съ этимъ Людовикомъ XIII *, моимъ сосѣдомъ, я принуждалъ его сознаться, что я больше его заслужилъ наименованіе Справедливаго. Каждый день наслаждался я экстазомъ нѣсколькихъ путешественниковъ, англійскихъ, голландскихъ, нидерландскихъ, созерцающихъ и дивящихся. Вижу, что они въ себя не могутъ придти, какъ фонарь въ два дня сдѣлалъ больше, чѣмъ всѣ ихъ герои во сто лѣтъ". Въ дальнѣйшемъ, авторъ, еще болѣе преступный чѣмъ легкомысленный, указываетъ народной ярости цѣлый списокъ лицъ. Безенваля, Ламбеска, Конти, Конде, Д'Артуа и другихъ; хотя вмѣстѣ съ тѣмъ на словахъ и призываетъ къ умѣренности, порицая послѣпность и высказывая желаніе фонаря поскорѣе засвѣтить прежнимъ свѣтомъ. Любопытно, что Мишле, непремѣнно желающій ввергнуть, что-нибуть оправдательное, почему-то вообразилъ будто въ *Фонарѣ* „Демуленъ съ неистощимымъ оживленіемъ возобновилъ старыя средневѣковыя шутки о висѣлицѣ, веревкѣ, повѣшенныхъ и т. д." Ничего подобнаго замѣчаетъ авторъ *Исторіи печати* (Hatin) нѣтъ въ *Фонарѣ*.

По поводу убійства Фулона и Бертье появился еще отвратительный памфлетъ: *Погребальное шествіе, похороны и погребеніе превысокихъ и преславныхъ господъ Фулона, президента, и Бертье де-Савиньи, парижскаго интенданта, внезапно скончавшихся на Гревской площади и погребенныхъ... въ ихъ приходѣ*. Смерть Фулона разсказывается въ памфлетѣ въ слѣдующемъ тонѣ. „По прибытіи къ оной фатальной висѣлицѣ обернули веревочку вокругъ благородной выи господина Фулона и, несмотря на выдѣлываемые имъ разныя манеры и тщетное сопротивленіе, вне-

---

* Это была вывѣска суконщика сосѣдняго съ фонаремъ на Гревской площади.

зално его приподняли. По непредвидѣнному случаю веревка вдругъ оборвалась, что и было причиной, что онъ только немножко былъ приподнятъ отъ земли. Затѣмъ нашъ человѣчекъ улалъ на землю. Но исполнители казни, народъ не унывающій, исправили веревку и вновь приподняли человѣчка; онъ дрягался, какъ чортъ въ кропильницѣ. Такъ приподнятый, онъ получилъ знаки почтенія, приличествующіе человѣку, вызывавшему отставку г. Некkера, нашего отца, нашего спасителя". (Приложеніе ka запискамъ Бальи I, 419).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Неизданное повѣствованіе очевидца о первыхъ дняхъ революціи.

I. Неизданное сочиненіе о революціи кавалера д'Агила.—II. Повѣствованіе д'Агила о первыхъ дняхъ революціи.

Въ началѣ весны 1886 года Императорскою Публичною Библіотекой сдѣлано было весьма любопытное пріобрѣтеніе. Пріобрѣтена рукопись на французскомъ языкѣ въ четырехъ обширныхъ томахъ in folio, четко написанная, въ хорошемъ переплетѣ, украшенная тремя рисунками, посвященная и въ свое время поднесенная императору Александру I въ 1801 году. Сочиненіе носитъ заглавіе: *Examen sur la Monarchie Française, sa décadence et sa subversion, ou recherches morales et politiques sur les causes anciennes et modernes, premières et secondes, de la Révolution des Français, contenant l'analyse de leur moeurs et caractère, des lois fondamentales du royaume, des principes des anciennes révolutions; du gouvernement et des administrations; des intérêts de tous les ordres dans tous les temps de la monarchie; du génie national; de la societé etc.*

Авторъ сочиненія эмигрантъ, кавалеръ д'Агила (d'Aguila).

Первая часть заключаетъ въ себѣ обзоръ французской исторіи отъ 174 года, когда христіанство проникло къ Галламъ, до 1774 года, смерти Людовика XV.

Вторая—отъ восшествія на престолъ Людовика XVI до 1788 года, когда этотъ король повелѣлъ созвать сословныхъ представителей государства (états-généraux du royaume).

Третья—съ 1789 года до принятія конституціи въ 1791 году.

Четвертая—отъ принятія конституціи до того момента, когда „благодаря ей свершилось юридическое убійство Людовика XVI (jusqu'au moment où elle fit consommer le meurtre juridique de Louis XVI)".

Каждая часть снабжена эпиграфомъ. Три эпиграфа обозначены, какъ заимствованные изъ мыслей дофина, отца Людовика XVI (pensées du Dauphin, père de Louis XVI); четвертый эпиграфъ—ko второй

части—приведенъ, какъ слова дофина (paroles du Dauphin, père de Louis XVI). Вотъ эти эпиграфы:

Въ первой части: „Величайшее искусство королей въ томъ, чтобы знать людей".

Во второй: „Слабость короля дѣлаетъ всѣ его добродѣтели безполезными".

Въ третьей: „Атеисты захотятъ разрушить религію, тронъ, законы".

Въ четвертой: „Если ложнымъ философамъ удастся развратить народы, то конецъ общественному благополучію" (il n'y aura plus du bonheur public).

На рисункѣ въ началѣ первой части, посвященномъ памяти Людовика XVI „благотворителя и мученика", изображено: „Исторія, испуганная смертію Людовика XVI, роняетъ перо изъ рукъ, восклицаетъ и закрываетъ книгу". Предъ фигурою Исторіи бюстъ короля, падающій съ пьедестала. Подписано: C. T. E. Heudebert d'Aguila inv... del scrip... Hambourg au mois de mars 1801. При началѣ второй части изображенъ силуэтъ Людовика XVI, съ подписью: „20 janvier 1801". Третій рисунокъ находится въ четвертой части и изображаетъ башню, куда былъ заключенъ Людовикъ XVI.

Въ посвященіи императору Александру I авторъ выражается такъ: „Государь,—я желалъ языкомъ истины представить великія свидѣтельства крайней доброты Людовика XVI и указать ошибки философствованья (philosophisme), кои были такъ пагубны въ эти послѣдніе вѣка.

„Еще не обнародовавъ эту дань уваженія къ добродѣтелямъ добраго короля, нахожу вознагражденіе моего труда въ удовольствіи, какое чувствую поднося его государю, который, въ молодыхъ лѣтахъ возсѣвъ на тронъ, обнаруживаетъ рѣдкія качества возвышенной и благородной души, горящей желаніемъ охранить истинное благо его народовъ. Сіи блестящія черты правителя съ такою быстротой и силой обнаружились въ Вашемъ Августѣйшемъ Величествѣ, что нынѣ Европа ждетъ общаго своего счастія отъ великаго примѣра подаваемаго Александромъ Первымъ на благо своей имперіи.

„Вамъ, Государь, по праву принадлежитъ посвященіе сочиненія, въ коемъ авторъ имѣетъ въ виду единственно доказать сію вѣчную истину: все счастье государей и подданныхъ зиждется на точномъ поддержаніи основныхъ законовъ государства, на строгой справедливости и наконецъ на вознагражденіи доблестей чрезъ высокое уваженіе оказываемое каждому доброму дѣянію.

„Соблаговолите, Государь, снисходительно принять сочиненіе, которое я вынужденъ былъ писать, то скитаясь изъ страны въ страну, то среди лагерной жизни, всегда подъ гнетомъ самыхъ печальныхъ безпокойствъ.

ОТДЕЛ РАН

„Готовый раздѣлить счастіе испытываемое подъ правленіемъ Вашего Императорскаго Величества, я отправляюсь въ Россію съ надеждой найти тамъ второе отечество, будучи уже двѣнадцать лѣтъ вдали отъ своего".

Подъ посвященіемъ подписался: Le Chevalier d'Aguila, ancien garde du corps de S. A. R Monsieur et capitaine de cavalerie.

При разсмотрѣніи интересной рукописи возникаютъ вопросы: кто былъ этотъ кавалеръ д'Агила и извѣстно ли что изъ его біографіи? Было ли его сочиненіе когда-либо напечатано или сохранилось только въ этомъ рукописномъ экземплярѣ, исчезнувшемъ изъ библіотеки императора Александра, неизвѣстно гдѣ странствовавшемъ по свѣту, и возвратившемся нынѣ въ Публичную Библіотеку пріобрѣтшую его антикварнымъ путемъ въ магазинѣ старыхъ книгъ?

Въ первомъ дополнительномъ томѣ ко *Всеобщій Біографіи* Мито (LVI, 104; 1824 года) находимъ нѣсколько свѣдѣній объ авторѣ рукописи. Изъ коротенькаго біографическаго очерка подписаннаго: Fortio Urban et Lefebure-Cauchy, узнаемъ что кавалеръ д'Агила — названный въ очеркѣ ancien officier du génie,—былъ однимъ изъ неутомимыхъ путешественниковъ конца прошлаго вѣка. Въ 1770 году онъ былъ въ Америкѣ; вернувшись въ Европу, странствовалъ по Швеціи и берегамъ Ботническаго залива, былъ въ Финляндіи, въ Петербургѣ. Въ 1774 году находимъ его въ Венеціи, откуда онъ собирался ѣхать въ Константинополь. Въ годы предшествовавшіе революціи онъ находился во Франціи. Первые дни переворота застали его въ Парижѣ, и онъ былъ очевидцемъ происходившаго. Въ августѣ 1789 года онъ эмигрировалъ, переѣзжалъ изъ города въ городъ, жилъ нѣкоторое время въ Швеціи, былъ въ Россіи; въ 1802 году вернулся во Францію. Умеръ въ Парижѣ въ 1815 году.

Біографъ приводитъ перечень его сочиненій въ слѣдующемъ порядкѣ:

„1. *Causes anciennes et modernes des événements de la fin du XVIII siècle.* 4 vol. in fol. Bibliothèque de S. M. l'Empereur de toutes les Russis, Alexandre I.

„2. *Découverte de l'orbite de la terre, du point central de l'orbite du soleil.* Paris 1806. 1 vol in 8°, accompagné de 8 planches.

„3. *La sphère mécanique*, ouvrage dont il parle lui-même mais qu'il serait difficile de retrouver.

„4. *Histoire des événements mémorables du règne de Gustave III, roi de Suéde et de Goths.* 4 vol. in 4°, enrichi d'une vue de Stockholm et d'une carte de Finlande".

Упоминаемое въ этомъ спискѣ, какъ находящееся въ библіотекѣ императора Александра I, сочиненіе *Старыя и новыя причины событій конца XVIII вѣка*, очевидно, есть та самая рукопись, которая нынѣ

находится въ Публичной Библіотекѣ. Указаніе на мѣстонахожденіе сочиненія, отсутствіе помѣтки о годѣ и мѣстѣ изданія суть свидѣтельство, что сочиненіе это *не было издано*. Желая ближе въ томъ удостовѣриться, я просмотрѣлъ, какіе имѣются въ Публичной Библіотекѣ біографическіе и библіографическіе словари и каталоги книгъ, изданныхъ въ нынѣшнемъ столѣтіи. Встрѣтилъ только слѣдующія указанія на произведенія кавалера д'Агила.

Въ *Grand dictionnaire du XIX siècle* par Pierre Larousse (T. I, 144) помѣщено нѣсколько строкъ свѣдѣній о д'Агила заимствованныхъ изъ *Всеобщей біографіи*.

Въ изданіи *La France littéraire ou dictionnaire bibliographique* par Quérard (I, 17. Paris 1827) сочиненія кавалера д'Агила поименованы такъ:

Causes anciennes et nouvelles des événements de la fin du XVIII siècle. 4 vol in 8°.

Découverte de l'orbite de la terre, du point central de l'orbite du soleil, leur situation et leur forme. Paris. 1808, in 8°, avec planches.

Histoire des événements mémorables du règne de Gustave III. Paris. Delance. 1807. 2 vol. in. 8°.

Заглавіе перваго сочиненія приведено не точно: вмѣсто causes *modernes* поставлено causes *nouvelles*, форматъ означенъ in 8°.

Въ *Manuel du libraire* par Brunet (1860. T. I, 115) упоминается только: Aguila—*Règne de Gustave III.* Замѣчу, что это послѣднее сочиненіе, по смерти автора, вдовой его было издано вторымъ изданіемъ съ посвященіемъ Лудовику XVIII, (*Histoire du règne de Gustave III.* Berlin. 2 vol. in 8°. 1815).

Другихъ указаній на произведенія кавалера д'Агила я не встрѣтилъ.

Приведеннаго достаточно ли, однако, для заключенія, что сочиненіе д'Агила о революціи не было напечатано? Указаніе Керара, хотя неточное и неполное, на четыре тома in 8°, безъ обозначенія года и издателя, не должно ли все таки внушать подозрѣніе, что *Причины событій конца XVIII вѣка* были изданы?

Слѣдующее обстоятельство, кажется мнѣ, устраняетъ такое подозрѣніе и ставитъ внѣ сомнѣнія, что представленное императору Александру сочиненіе не было издано и что, по всей вѣроятности, находящаяся нынѣ въ Публичной Библіотекѣ рукопись есть единственный экземпляръ этого сочиненія. Въ Публичной Библіотекѣ, оказалось, находится экземпляръ упоминаемой выше книги объ орбитѣ земли. Экземпляръ этотъ, поступившій въ Библіотеку изъ Эрмитажной библіотеки, принадлежалъ первоначально личной библіотекѣ императора Александра I, какъ видно изъ нашедшагося вложеннымъ въ книгу собственноручнаго письма кавалера д'Агила (того же почерка, какъ рукопись о революціи) на имя императора Александра I.

Вотъ это интересное письмо, въ переводѣ:

„Государь,—Весьма счастливымъ почитаю себя, найдя сей второй случай поднести Вашему Императорскому Величеству новую дань моего глубокаго уваженія. Въ 1801 году я имѣлъ смѣлость, во время моего пребыванія въ Петербургѣ, представить Вашему Величеству мой историческій опытъ въ четырехъ рукописныхъ томахъ, содержащій въ себѣ изслѣдованіе причинъ революціи, разстроившей всю Европу. Великая доброта, съ какою Ваше Величество благоволили принять сіе сочиненіе, навсегда сохранится въ моемъ воспоминаніи.

„Нынѣ не только руководимый тѣмъ же удивленіемъ къ доблестямъ Вашимъ, со всякимъ днемъ болѣе и болѣе блестяще проявляемымъ, но и движимый чувствомъ признательности за блаженство, коимъ наслаждался въ одной изъ прекраснѣйшихъ столицъ міра, я дерзаю, Государь, просить Ваше Величество принять первый экземпляръ сочиненія, которое я издаю подъ заглавіемъ *Астростатика* и которое содержитъ въ себѣ мое открытіе орбиты земли.

„Дѣло первой необходимости въ области народнаго образованія старательно истреблять заблужденія *, ибо они, искажая мало-по малу разумъ, скоро оказываютъ вліяніе на самыя основанія государственной безопасности, поражая нравственность и истины, дабы все предать анархіи. Гипотезы, принятыя новою философіей, повели къ тому печальному концу, что во все внесли нелѣпую догму матеріализма. Этого достаточно, чтобы пояснить всю ихъ опасность. Время правительствамъ преобразовать обученіе, если заботятся о своей безопасности.

„Ваше Императорское Величество сами почувствовали уже сію необходимость. И если, среди трогательныхъ заботъ о счастіи вашихъ обширныхъ странъ, Ваше Величество найдете свободную минуту, дабы бросить взоръ на мое открытіе, Вы признаете, что этотъ плодъ моего труда есть не иное что, какъ произведеніе нѣкотораго вдохновенія и что сочиненіе мое способно возвратить въ человѣческія знанія любовь къ доброму, справедливому и полезному.

Съ почтеніемъ пребываю,

Государь,

Вашего Императорскаго Величества

нижайшимъ и покорнѣйшимъ слугою

Heudebart d'Aguila,

бывшій офицеръ на службѣ короля Франціи.

Парижъ, 2 сентября 1806.

---

* Въ подлинникѣ не совсѣмъ точная фраза: Dans les choses *nécessaires* à l'instruction publique ce qui *doit être détruit* avec le plus grand soin ce sont des erreurs...

Сочиненіе объ истинной орбитѣ земли принадлежитъ къ числу самыхъ куріозныхъ ученыхъ трактатовъ. Полное заглавіе его таково: *Astrostatique, découverte de l'orbite de la terre, du point central de l'orbite du soleil; leur situation et leur forme, de la section du zodiaque par le plan de l'équateur et du mouvement concordant de deux globes*, avec figures. Par C. T. E. H. D'Aguila. Paris, de l'imprimerie de Delance, 1806.

Авторъ отвергаетъ систему Коперника, Кеплера, Галилея и Ньютона, находя ее ошибочною, ненужною, несогласною со свидѣтельствами Св. Писанія. Землю, впрочемъ, онъ не считаетъ неподвижною: согласно его теоріи, земля имѣетъ вращеніе около оси и кромѣ того собственную, малыхъ размѣровъ, орбиту у центра обширнаго круга, по которому солнце свертаетъ свое годичное движеніе, обходя вокругъ земли. Соединеніемъ такихъ двухъ движеній: земли по ея малой орбитѣ и солнца, вокругъ земли, по большой—кавалеръ д'Агила полагалъ возможнымъ объяснить съ простотой всѣ видимыя астрономическія явленія, не прибѣгая къ ученію астрономовъ о солнечной системѣ и о тяготѣніи. Какихъ-либо, не говоримъ серіозныхъ, но сколько-нибудь останавливающихъ вниманіе опроверженій существующаго ученія или доказательствъ новаго въ книгѣ не встрѣчается; по мысль показавшаяся автору объясняющею устройство мірозданія, и достоинства которой онъ описываетъ, овладѣла его умомъ до состоянія почти маніи. Онъ надѣется, что сочиненіе его послужитъ къ прославленію XIX вѣка puisse cette publication participer à l'illustration du XIX siècle). Онъ достигъ открытія путемъ постояннаго размышленія и видитъ въ немъ внушеніе свыше, побуждающее его посвятить свое открытіе Богу (j'y suis parvenu d'après une pensée constante et que je regarde comme une inspiration... Je dois ce prémier hommage à Dieu... Qu'il daigne agréer ce sentiment par lequel j'ose Lui dédier la découverte). „Въ теченіе 3.600 лѣтъ астрономія не напала на существованіе орбиты земли. Открытіе этой орбиты и мѣста ею занимаемаго принесетъ великую пользу человѣческому знанію", говоритъ онъ въ началѣ предисловія. Мистическое настроеніе, сопровождающее мысль автора, высказывается во многочисленныхъ отступленіяхъ со ссылками на Св. Писаніе и отрывками изъ другой ученой работы автора, оставшейся въ портфелѣ и которую онъ называетъ „теоріей существованія" (théorie de l'existence).

Астростатика напечатана въ 1806 году въ типографіи Деланса. Тѣмъ же издателемъ, около того же времени, изданы Записки кавалера д'Агила о событіяхъ царствованія Густава III. Сочиненіе о революціи, какъ видно изъ письма къ императору Александру I, оставалось ненапечатаннымъ. Ненапечатаннымъ осталось оно, по всѣмъ даннымъ, и въ послѣдствіи. При настроеніи ума автора трудно и представить себѣ, чтобъ онъ нашелъ въ себѣ силы издать обшир-

ный историческій трудъ. Еще менѣе вѣроятно, чтобы въ эпоху блеска Наполеоновской имперіи, нашелъ онъ издателя для книги посвященной прославленію несчастнаго Лудовика XVI.

Сочиненіе свое о революціи д'Агила препроводилъ къ императору Александру I, изъ Гамбурга, въ 1801 году. Въ это время онъ былъ воспитателемъ при сынѣ русскаго резидента въ Гамбургѣ, Ивана Матвеевича Муравьева. Объ этомъ упоминается въ нѣсколькихъ строкахъ *, какія находимъ въ *Русскомъ Архивѣ* № 2 1882 года въ замѣткахъ изъ воспоминаній декабриста Матвея Ивановича Муравьева. Въ этихъ строкахъ сказано: „При Матвеѣ Ивановичѣ долго находился лажъ Лудовика XVI – шевалье Дагила (le chevelier d'Aguila). Онъ нѣкогда сидѣлъ на козлахъ у короля, когда тотъ бѣжалъ изъ Версаля, а потомъ онъ служилъ въ арміи принца Конде,—человѣкъ не только весьма образованный, но и ученый". Пребываніемъ въ русскомъ семействѣ отчасти объясняется обращеніе кавалера д'Агила къ Русскому императору. Въ приведенныхъ строкахъ есть неточности. Кавалеръ д'Агила сопровождалъ короля не при бѣгствѣ его, а при въѣздѣ въ Парижъ 17 іюля 1789 года, какъ увидимъ ниже. Пажемъ Лудовика XVI онъ не былъ.

Рукопись д'Агила во всякомъ случаѣ заслуживаетъ изданія. Она не вноситъ, правда, чего-либо существеннаго въ богатый матеріалъ записокъ, документовъ и историческихъ сочиненій, относящихся къ эпохѣ первой фрранцузской революціи. Авторъ покинулъ Францію еще въ августѣ 1789 года и описывалъ событія, кромѣ начальныхъ, издали, не занимая притомъ виднаго мѣста въ рядахъ эмиграціи. Тѣмъ не менѣе сочиненіе кавалера д'Агила весьма интересно, какъ по разсѣяннымъ въ немъ мелкимъ чертамъ останавливающимъ вниманіе, такъ и по взгляду на событія съ точки зрѣнія эмигранта, приверженца стараго порядка; далѣе, по любопытному описанію волненій въ Парижѣ въ первые дни революціи, а также по обилію подробностей относящихся къ процессу несчастнаго короля (въ подробностяхъ этихъ, повидимому, любопытныхъ, я не имѣлъ времени разобраться).

Мнѣ казалось интереснымъ для русскихъ читателей привести находящееся въ третьей части сочиненія описаніе іюльскихъ дней въ Парижѣ. Авторъ былъ ихъ очевидцемъ и разсказываетъ, то что̀ видѣлъ. Описанію этому кавалеръ д'Агила самъ придаетъ эпизодическій характеръ, вставивъ его въ свой трудъ со вносными знаками, какъ разсказъ нѣкотораго очевидца, и только въ концѣ, въ примѣчаніи,

* Указаніемъ на эти строки я обязанъ помощнику директора Публичной Библіотеки, Л. Н. Майкову.

поясняя, что очевидцемъ этимъ былъ онъ самъ. Приведу это описаніе, раздѣливъ его на два эпизода и включивъ между ними нѣсколько дополнительныхъ поясненій на основаніи какъ этого описанія, такъ и другихъ источниковъ. Замѣчу, что языкъ кавалера д'Агила небреженъ и у него встрѣчается немало несвойственныхъ выраженій, которыя прошу не приписывать недостаткамъ перевода.

О событіяхъ въ Парижѣ въ первые дни революціи сохранилось довольно много свѣдѣній, преимущественно въ запискахъ современниковъ. Документъ болѣе или менѣе офиціальнаго характера представляютъ собой протоколы собранія избирателей, изданные какъ приложеніе къ первому тому *Монитера*. Какъ извѣстно, изданіе *Монитера* началось съ 24 ноября 1789 года; въ февралѣ 1790 газета эта соединилась съ другимъ изданіемъ: *Bulletin de l'Assemblée Nationale*. Съ этого времени началось изложеніе засѣданій собранія въ драматической формѣ, и вмѣсто обзоровъ стали помѣщаться самыя рѣчи. Въ IV годъ республики (1796), когда газета уже пріобрѣла успѣхъ и вліяніе, издатель ея (Панкукъ) прибѣгъ къ оригинальной мѣрѣ. Заднимъ числомъ были составлены нумера газеты за промежутокъ времени отъ 5 мая 1789 года,—дня открытія Собранія Сословныхъ Представителей (Etats généraux)—по день дѣйствительнаго появленія журнала. Эти нумера, числомъ 93,—газета выходила не ежедневно,—были напечатаны въ томъ же форматѣ и видѣ, какъ издавалась газета * со дня ея появленія, и за плату предложены подпищикамъ Изъ совокупности 93 нумеровъ, составленныхъ заднимъ числомъ и 38 дѣйствительно выданныхъ въ 1789 году и для изданія четвертаго года вновь перепечатанныхъ съ измѣненіемъ формы изложенія преній, происходившихъ въ собраніи, составился первый томъ *Монитера***. Въ началѣ тома помѣщено обширное историческое введеніе, заключающее въ себѣ обзоръ прежнихъ собраній сословныхъ представителей, собраній нотаблей, а также документальный очеркъ событій, ближайше предшествовавшихъ революціи. Къ концу тома были при-

* Издатель *Монитера* съ самаго основанія газеты далъ ей необычный въ то время форматъ газетнаго листа, значительно превышающій употребительные форматы книгъ, много меньшій впрочемъ противъ формата нынѣшнихъ газетъ. Въ Императорской Публичной Библіотекѣ есть коллекція первоначальнаго *Монитера* съ присоединеннымъ первымъ томомъ и перепечатанными нумерами изданія IV года.

** Полное заглавіе тома таково: *Gazette Nationale ou le Moniteur Universel*, commencé à 5 mai 1789, précédé d'une introduction historique contenant un abrégé des anciens états généraux, des assemblées des notables et de principaux événements, qui ont amené la révolution. Paris, chez H. Agasse libraire, rue de Poitevins, n° 18. L'an IV de la République.

ложены два важные документа. Одинъ — слѣдственное дѣло по поводу событій 5 и 6 октября 1789 года; другой, имѣющій ближайшее отношеніе къ событіямъ первыхъ дней революціи въ Парижѣ, озаглавленъ *Извлеченіе изъ протокола засѣданій парижскихъ избирателей* (Extrait du procès-verbal des séances des électeurs de Paris). Это единственный офиціальный или, точнѣе, почти офиціальный архивный памятникъ дней волненія въ Парижѣ, ознаменованныхъ захватомъ Бастиліи и уличными подвигами. Протоколъ относится къ промежутку времени отъ 13 іюля до 22 іюля 1789 года и заключаетъ въ себѣ изложеніе, повидимому, нѣсколько ретушированное для печати, того что въ эти дни происходило въ стѣнахъ Думы.

Важное дополненіе къ протоколу составляютъ Записки пользовавшагося имъ избирателя Дюсо (Dusaulx), игравшаго дѣятельную роль въ думскихъ засѣданіяхъ этихъ дней. Записки озаглавлены *Дѣло семи дней* * и помѣщены въ извѣстномъ сборникѣ мемуаровъ Бервиля и Барьера вмѣстѣ съ ораторскимъ описаніемъ взятія Бастиліи, составленнымъ Дюсо для Національнаго Собранія и въ отрывкахъ читаннымъ въ его засѣданіяхъ.

Въ протоколахъ разсказывается о томъ, что происходило въ Думѣ. Что дѣлалось въ то же время на улицахъ Парижа, узнаемъ, кромѣ записокъ Дюсо, изъ мемуаровъ Бальи, весьма полныхъ, въ которыхъ первый меръ Парижа слѣдитъ за событіями изо дня въ день; изъ мемуаровъ Вебера, де-Ферьера, Мармонтеля, Матьё, Дюма, Мореле, Безанваля, а также изъ исторій революціи, писанныхъ ея современниками и участниками и на которыя потому можно смотрѣть какъ на историческіе источники, подобно мемуарамъ Таковы исторіи Бертранъ де-Молевиля, Тулонжона, Ламета, Монжуа, Рабо Сентъ-Этьена, Лакретеля. Наконецъ, парижскія событія іюльскихъ дней переданы въ революціонномъ журналѣ *Révolutions de Paris* Прюдома, начавшемъ появляться съ 17 іюля 1789 года, съ первыхъ, слѣдовательно, дней революціи.

Непосредственными очевидцами событій и сценъ, описываемыхъ кавалеромъ д'Агила, были немногіе изъ упомянутыхъ авторовъ мемуаровъ и исторій. Самъ Бальи находился въ эти дни преимущественно въ Версали и особенно подробно описываетъ то что происходило въ собраніи. Пересказываютъ большею частію то что слышали, изъ ближайшихъ правда источниковъ, но не то, что видѣли собственными глазами Въ строгомъ смыслѣ непосредственныя наблюденія, кромѣ Бальи и Дюсо (описанія послѣдняго расцвѣчены и крайне необъективны), встрѣчаемъ въ нѣсколькихъ строкахъ Мореле и въ любопытной страницѣ Матьё Дюма, которая приведена нами. Въ этомъ отношеніи пересказы д'Агила имѣютъ цѣнность непосредственныхъ личныхъ наблюденій

* *Oeuvre de sept jours.* Collection des mémoires par Berville et Barrière. Mémoires de Linguet et de Dusaulx, 2 me ed. Paris, 1822.

II.

Повѣствованіе кавалера д'Агила.

Разсказъ о вооруженіи Парижа.

„Я находился уже нѣсколько дней въ загородномъ домѣ близъ Шуази-ле-Руа, когда въ воскресенье (12 іюля 1789) около шести часовъ вечера услыхалъ, что Парижъ волнуется. Счелъ это преходящею вспышкой. Чрезъ часъ отправился и прибылъ въ весьма населенное предмѣстье Сенъ-Марсо Въ предмѣстьѣ и между французскими гардами, часть которыхъ тамъ помѣщалась, было покойно. На площади Сенъ-Мишель услыхалъ, что волненіе происходило главнымъ образомъ у Тюильри, въ Пале-Роялѣ, у заставы Бланшъ (à la barrière Blanche) и проч. Перешелъ Pont Neuf. Онъ былъ пустъ вслѣдствіе наладенія на караульню, находящуюся у подножія конной статуи Генриха IV. Ко мнѣ присоединились многія женщины, несмотря на то, что имъ кричали не ходить. Онѣ очень испугались, когда раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ. Перейдя черезъ мостъ, я увидѣлъ какого-то господина, въ черномъ, при шпагѣ, который подучалъ кучку солдатъ изъ числа гардовъ, съ виду льяныхъ и растерянныхъ. Онъ говорилъ имъ: „вы также нація“. Подобныя фразы такъ уже мнѣ надоѣли, что я не остановился и направился на Quai de l'Ecole гдѣ разбивали оружейныя лавки. Проходящихъ заставляли кричать: „Да здравствуетъ нація!“ Безчинство это творили какіе-то оборванцы страннаго вида и съ нездѣшнимъ выговоромъ.

„Семейство мое ждало меня у знакомыхъ, гдѣ я долженъ былъ ужинать. Прибывъ, нашелъ женское населеніе въ отчаяніи и въ самомъ жалкомъ состояніи. Это на меня сильно подѣйствовало. Надо имѣть косную, грубую или чѣмъ-либо поглощенную душу, чтобъ оставаться равнодушнымъ къ бѣдствіямъ революціи. Какъ низки или неопытны были тѣ, которые не оцѣнивали или хотѣли отрицать могущія произойти несчастія!

„Жестокое предчувствіе при видѣ смущенія общества, гдѣ до того дня я испытывалъ отдыхъ мысли и покой сердца, подѣйствовало на меня даже физически, такъ что въ теченіе многихъ минутъ я чув-

ствовалъ сильную боль у темени, точно о меня разбилось что̀ твердое. Въ гостиной были трое или четверо муцинъ; одни были приверженцы волненій, другіе оставались въ нерѣшимости. Они спорили о событіяхъ. Я тотчасъ принялъ рѣшеніе и увелъ мою семью ужинать домой. На улицахъ было очень мало экипажей. Ѣхать въ экипажѣ было неблагоразумно, такъ какъ ихъ останавливали. Бродяги старались оказывать вниманіе къ женщинамъ (les vagabonds affectaient de montrer beaucoup d'égards aux femmes). Скоро въ огромномъ городѣ послышался зловѣщій гулъ набата, повторенный тысячью колоколовъ. Остававшіеся въ домахъ переговаривались въ окна, сообщая взаимно свое безпокойство. Ихъ прерывали толпы, проходившія съ факелами, при шумѣ шпагъ, съ криками: „граждане, къ оружію!“ Толпы народа, стремившіяся внутрь города, останавливались, подобно рѣкамъ, внезапно охваченнымъ замерзаніемъ, въ извилистыхъ переулкахъ, не двигаясь ни впередъ, ни назадъ. То были отцы, матери, дѣти. Жалобно умоляли находившихся у оконъ дать до утра убѣжище на лѣстницахъ домовъ. Сонъ и покой готовы были исчезнуть изъ гордой столицы. Въ Версалѣ спали, тогда какъ въ Парижѣ честные люди съ ужасомъ помышляли о временахъ Лиги и Фронды, а нечестные умы радовались наступающему бунту.

„Часть избирателей сбрасываютъ маску. Агитаторы бѣгутъ въ казармы гардовъ. Солдаты пьяные отъ вина и водки, въ обиліи розданныхъ, принимаютъ деньги, назначенныя чтобы возбуждать безуміе ихъ неповиновенія. Низкіе офицеры, нѣмые, не осмѣливающіеся употребить власть, не препятствуютъ солдатамъ разбѣгаться изъ казармъ. Полуодѣтые гарды хватаются за оружіе и бѣгутъ на улицы, къ Пале-Роялю и на Гревскую площадь предъ Думой, повторяя лозунгъ заговорщиковъ: „да здравствуетъ нація!“

На разсвѣтѣ сожжены нѣкоторыя заставы, призаставные таможенные * (les commis aux droits d'entrées) избиты, прогнаны и изувѣчены. Обширный монастырь лазаристовъ разбитъ и разграбленъ; солдаты-гарды ружейными выстрѣлами преслѣдовали гусарскій патруль, и онъ спасся лишь быстротой коней.

День 13 іюля

„Съ утра, съ нетерпѣніемъ желая узнать, что̀ выйдетъ изъ ночныхъ безпорядковъ, я благоразумно одѣлся въ старое платье и направился въ Сенъ-Жерменское предмѣстье, гдѣ у меня было дѣло.

---

* При заставахъ сборы (droits d'entrée) доставляли до 60 милліоновъ въ годъ. *Прим. кав. д'Агила.*

Пошелъ по улицѣ де-Руль. Вижу, купцы пріотворяютъ двери своихъ магазиновъ и опять затворяютъ, какъ только замѣтятъ приближающуюся кучку изъ десяти, двѣнадцати человѣкъ. У Новаго Моста я встрѣтилъ двѣ шайки, соединившіяся тамъ чтобы направиться на Гревскую площадь. Толпа состояла изъ людей обоего пола. По виду это были самые грязные подонки народа. Но между ними можно было видѣть нѣсколькихъ украшенныхъ лентами, перекрещенными на тѣлѣ, съ усами, нарисованными углемъ (on voyait des décorés de rubans croisés sur le cops, avec des moustaches de charbon). * Толпа была вооружена саблями, плохими ружьями, алебардами. Несли значки изъ тряпокъ и бумаги. Можно было замѣтить солдатъ городской стражи (soldats de guet), много французскихъ гардовъ, нѣсколько дезертировъ изъ разныхъ полковъ, нѣсколько молодыхъ людей, нашедшихъ забавнымъ, послѣ ночи, проведенной въ развратѣ, привести съ собою публичныхъ дѣвокъ, пьяныхъ и грязныхъ. Все имѣло видъ скорѣе маскарада низшаго разбора чѣмъ народнаго возстанія. Грубый дѣтина загораживаетъ мнѣ дорогу и спрашиваетъ, на сторонѣ ли я націи и что въ такомъ случаѣ я долженъ присоединиться къ толпѣ. Я отвѣтилъ, что иду за оружіемъ и просилъ указать мнѣ, гдѣ соборное мѣсто. Въ Пале-Роялѣ, былъ отвѣтъ. Часть Сенъ-Жерменскаго предмѣстья, гдѣ у меня было дѣло, состоящая изъ домовъ, занимаемыхъ самими владѣльцами, была совершенно спокойна. Въ глубинѣ своихъ обширныхъ помѣщеній скрывались ихъ хозяева, находясь въ постоянной тревогѣ. Я возвратился въ мой кварталъ (Луврскій около девяти часовъ утра. Замѣтилъ на улицахъ, что многіе носили на шляпахъ родъ кокардъ зеленаго цвѣта.

Собраніе участковъ.

„Дома узналъ, что возникъ вопросъ образовать общее собраніе участковъ. Выборы въ Собраніе сословныхъ представителей доставили это новое основаніе революціонерамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ звонили въ набатъ, въ другихъ били сборъ. Церкви были выбраны мѣстомъ собраній. Я направился въ мой приходъ. Уже давно не носили шпагъ, но тутъ я увидѣлъ многихъ всякаго званія людей съ этимъ оружіемъ. Одинъ изъ избирателей былъ предложенъ во временные предсѣдатели. Предложеніе сдѣлалъ приходскій священникъ, и оно прошло. Составили бюро. Начались рѣчи болѣе или менѣе безумныя о критическомъ положеніи послѣдней ночи. Предложено вооружиться, чтобъ имѣть защиту противъ бродягъ и сволочи.

---

* Курiозный фактъ о которомъ ниже, при другомъ случаѣ, еще разъ упоминаетъ д'Агила.

„Ораторы съ голосомъ Стентора, опытные въ своемъ дѣлѣ, шныряли по шестидесяти участкамъ, возбуждая умы, декламируя противъ происшедшаго * на площади Людовика XV. Тотъ, кто громилъ у насъ, предавалъ князя Ламбеска подземнымъ силамъ. Кто-то отвѣчаетъ: зачѣмъ кричать противъ тѣхъ, кто намъ приноситъ пользу? собрались ли бы мы безъ него? — Другой: давно надо было принять рѣшеніе которое теперь насъ волнуетъ — Господа говорю я, мы не должны быть бунтовщиками.—Къ порядку!—Да, возражалъ я; и надо узнать, принадлежитъ ли дѣлающій предложеніе, направленное противъ двора, къ нашему участку.

„Когда хотѣли его спросить, онъ уже исчезъ. Тогда въ собраніи родилось подозрѣніе; рѣшено послать депутатовъ въ Думу, чтобы дѣлать, какъ сдѣлаютъ другіе. Я попалъ въ число семи или восьми, выбранныхъ для этой цѣли.

„Когда мы пришли на набережную Мессажери, встрѣтили кареты съ депутатами, направлявшимися изъ другихъ участковъ къ Думѣ. Мы были лѣшкомъ. Чернь стала оскорблять аббата, бывшаго въ нашей депутаціи. Духовныхъ уже не уважали болѣе. И съ ихъ стороны было большою ошибкой вмѣшательство въ участковыя собранія и дѣла. Мы заступились за аббата. Въ эту минуту какой то сержантъ Парижскаго баталіона (un sergent du batallion provincial de Paris) возвѣстилъ, что будетъ читать. Народъ насъ оставилъ. Нѣсколько вербовщиковъ (quelques recruteurs) охраняли насъ и дали намъ возможность пройти въ толпѣ, запружавшей входъ въ Думу. Замѣчательно, что они прочищали намъ дорогу, ударяя саблями людей болѣе или менѣе хорошо вооруженныхъ, уступавшихъ предъ крикомъ: дорогу депутатамъ! По правдѣ и мы подвергались опасности быть ранеными.

Картина Думы.

„Не скажу, чтобъ я былъ страстно любопытенъ. Любопытство никогда не было господствующимъ во мнѣ чувствомъ, и однако именно оно привлекло меня въ Думу, потомъ бывшую театромъ столькихъ преступленій. Я, не знающій ничего лучше тишины и спокойствія души, ощутилъ себя въ какомъ то новомъ мірѣ. И еслибъ я не былъ связанъ съ депутатами, то остался бы среди толпы посмотрѣть дѣйствія буйной черни, любящей шумъ, ищущей опасностей. Меня ожи-

* Разогнаніе княземъ Ламбескомъ толпы, несшей бюсты Неккера и принца Орлеанскаго, послѣ обѣда 12 іюля.

далъ куріозный сюрпризъ. Мы дошли до дверей большой думской залы. Пройти дальше не было возможности. Неподвижная масса заграждала входъ. Но когда мы объявили наше назначеніе, намъ было отвѣчено, что мы пройдемъ, какъ прошли другіе и что нація достаточно сильна, чтобы вынести на себѣ депутатовъ. Дѣйствительно, съ поразительнымъ согласіемъ всѣ согнули спины и представили намъ собою образъ римскихъ солдатъ, когда при приступѣ они подымали на себя второй рядъ. Мы влѣзли на спину націи и, зацѣпляя иной разъ каблуками головы недовольно нагнувшіяся, достигли до края амфитеатра высотой футовъ въ шесть, оттуда пришлось спрыгнуть въ залу. Таково было наше вступленіе въ собраніе избирателей, слушавшее ораторовъ и просителей. Поразительно было зрѣлище, представившееся мнѣ, когда я оглянулся на амфитеатръ, чрезъ который мы проникли. Онъ былъ наполненъ или странными, или ужасъ внушавшими фигурами. Всю ночь одни прибывали, другіе уходили, уступая мѣсто новымъ. Сердце сжалось при мысли объ ужасахъ революціи, и я перенесъ взоры на бюро избирателей помѣщавшееся на эстрадѣ на противуположной сторонѣ залы и недалеко отъ котораго я находился. Городской голова (prévot des marchands), г. де-Флессель, стоялъ сзади бюро. Ораторы, отвѣчавшіе народу, иногда влѣзали на бюро, когда дѣло шло о какомъ-нибудь общемъ вопросѣ. Было сдѣлано предложеніе противъ зеленой кокарды принятой ночью. * Разбойничью компанію приглашали снять ее (on invita ces bandits de l'ôter). Нѣтъ, отвѣчали съ амфитеатра съ прибавленіемъ выразительныхъ эпитетовъ и стуча оружіемъ объ полъ. Старшина представлялъ, что нельзя вооружаться противъ государя и государства, а потому нѣтъ надобности въ особомъ знакѣ. Вой возобновился. Опять повторилось предложеніе противъ зеленой кокарды. Одинъ избиратель говоритъ: „это, конечно, ливрея д'Артуа". ** Дьяволы, которыхъ заклинаютъ, не метутся такъ, какъ заметались при этомъ имени на амфитеатрѣ. Ропотъ дошелъ до крайняго предѣла.—Объявляемъ, что не оставимъ этого знака, если онъ не будетъ замѣненъ какимъ-нибудь другимъ.—Ну, такъ пусть примутъ бѣлую кокарду, заявилъ я. Новый шумъ, ничего нельзя разобрать. Г. де-Флессель перешелъ

* „Вчера, говоритъ Бальи (*Lém.* I, 348), приняли, какъ отличительный знакъ зеленую ленту. У кого не было ленты, брали листья съ деревьевъ. Это былъ цвѣтъ принца (д'Артуа). Сегодня его отвергли; приняли цвѣта города—синій и красный. Постановлено арестовывать тѣхъ, кто будетъ носить ихъ, не записавшись въ участкѣ".

** Болѣе сообразительные приписывали ее Неккеру. Дѣйствительно таковъ былъ цвѣтъ его новой ливреи. Можно думать что распространили ее агенты его партіи путемъ подкупа. *Прим. кав. д'Аигла.*

въ залу комитета. Поднялась рѣчь о желаніи участковъ вооружиться и о средствахъ, какія имъ для этой цѣли предлагаются. Городской голова — человѣкъ, преданный королю и, кромѣ того, человѣкъ честный. Для меня было важно, какъ выйдетъ онъ изъ положенія весьма деликатнаго и опаснаго. Онъ говорилъ убѣдительно. Далъ понять, что дѣйствительно нельзя не видѣть большой опасности для общественнаго спокойствія отъ такой массы людей, безвѣстныхъ и хотя плохо, но все-таки вооруженныхъ; что ему кажется весьма благоразумнымъ, чтобы порядочный людъ (les honnêtes gens) также вооружился, дабы наблюдать за ними, что для этой цѣли достаточно вооружить извѣстное число отъ каждаго участка, раздавъ оружіе поровну; что оружія пока въ распоряженіи его не находится, но какъ только онъ получитъ свѣдѣніе о какомъ-нибудь складѣ, то немедленно направитъ его въ Думу, и будетъ приступлено къ его распредѣленію. Депутаты участковъ казались очень довольны. Они не сознавали еще тогда ни того, что могли, ни того, что хотѣли дѣлать. Отрицательныя слова головы были приняты, какъ рѣшеніе вооружиться. Женщины возбуждали мущинъ, уговаривая ихъ не подчиняться бродягамъ, которые ихъ перерѣжутъ. Мнѣніе во всѣхъ шестидесяти участкахъ было, что надо спѣшить вооружиться подъ предлогомъ безопасности столицы. Тогда не смѣли еще сознаться, что дѣйствуютъ противъ власти.

Образованіе національной гвардіи.

„Послѣ обѣда г. де-Флессель, чтобъ угодить участкамъ или, чтобы привлечь къ себѣ ихъ довѣренность, послалъ свою отставку, о чемъ говорилъ уже утромъ тѣмъ, кои казались ему наиболѣе благоразумными. Отставку не приняли, признавая, что мѣсто онъ имѣлъ отъ короля. Бо́льшая часть участковъ примкнула къ этому справедливому мнѣнію. Флессель остался такимъ образомъ во главѣ избирателей, но было не мало злодѣевъ, которыхъ ему слѣдовало бы болѣе остерегаться.

„Мой участокъ получилъ предложеніе отъ лица, державшаго англійскій магазинъ, изъявившаго готовность доставить шестьдесятъ двухствольныхъ ружей. Ружья были оцѣнены по десяти лундоровъ (ils étaient estimés dix louis l'un dans l'autre). Пошли за ними. Желали, чтобъ участокъ весь принялъ отвѣтственность за уплату. Поднялись споры со стороны наиболѣе желавшихъ вооружиться. Ружья остались въ распоряженіи внесшихъ залогъ. Это были большею частью кальвинисты. Предсѣдавшій, г. Манженъ (Mangin), предпочелъ присоединиться къ избирателямъ, находившимся въ Думѣ. Выбрали его тестя вице-президентомъ. Это былъ честный человѣкъ. Г. де-Флессель,

узнавъ, что шестьдесятъ ружей находятся въ нашемъ участкѣ, прислалъ за ними, чтобы присоединить къ другимъ имѣвшимся и сѣлать имъ распредѣленіе. Но получившіе ружья отказались ихъ выдать. Стали говорить, что голова, вмѣсто того, чтобы вооружать гражданъ, стремится ихъ обезоружить.

„Поднялся вопросъ, какъ будетъ именоваться составляемый корпусъ. Предлагались наименованія національной милиціи, мѣщанской милиціи (milce bourgeoise Слово милиція не понравилось. По сношеніи съ другими участками, сошлись на наименованіи городскіе гарды (garde bourgeoise). Не легко было организовать присутствовавшихъ и принудить присоединиться отсутствовавшихъ, которыхъ было большое число. Это уже вело къ раздорамъ. Шестьдесятъ ружей перешли въ общее пользованіе. Адское оружіе имѣло какую-то таинственную силу, смущавшую воображеніе. Ружья были отобраны и заключены въ часовнѣ (dans une chapelle). Въ восемь часовъ вечера соглашеніе было еще сомнительно. Спорили и волновались. Утомленный, я рѣшился уйти, какъ кто-то сказалъ, что участокъ есть цѣлое, подраздѣленія коего суть улицы. Стали выкликать улицы, переписывать присутствовавшихъ. Требовалось назначить начальствующихъ. Предсѣдатель поручилъ мнѣ временное начальство на моей улицѣ съ предписаніемъ соединить ея жителей. Каждое подраздѣленіе уходило, чтобъ устраивать караулы. Выйдя, я услышалъ, что пайка бродягъ замышляетъ сжечь домъ одного совѣтника парламента. Я принялъ всѣ необходимыя мѣры, чтобы тому воспрепятствовать. Мнѣ поручено было отправиться въ Думу и просить оружія. Я согласился, зная хорошо, что Флессель не пойдетъ на эту мѣру. Не такой человѣкъ, чтобъ измѣнить своему королю.

„Я употребилъ всѣ усилія, чтобы послать спать, сколько было можно, моихъ новыхъ солдатъ. Такимъ образомъ, значительная часть шестидесятой доли парижской арміи спокойно опочила. Не такъ было въ другихъ участкахъ, гдѣ оставались на ногахъ всю ночь. Послѣ ужина слышу отъ караула, расположеннаго подъ моимъ окномъ, что дворникъ дома, гдѣ я жилъ, служившій прежде въ гарнизонѣ (qui etait soldat du guet) и имѣвшій ружье и лядунку, условился передавать свое вооруженіе стражникамъ, которые будутъ его смѣнять. Въ десять часовъ, я отправился опять въ Думу. При входѣ на площадь, освѣщенную факелами, вижу приближается со стороны моста Богоматери (Pont Notre-Dame) съ факелами же вооруженный отрядъ, и среди его карета въ шесть лошадей, въ которой сидитъ первый президентъ парламента Брошаръ де-Саронъ, котораго чернь остановила при выѣздѣ изъ заставы и съ тріумфомъ влекла на судъ избирателей. Я входилъ на крыльцо Думы сквозь волну этой неописуемой сутолки. Въ нѣсколькихъ шагахъ вижу другую карету въ шесть

лошадей, которую разбойничья команда сбирается сжечь. Чернь хлопала въ ладоши. Крики, угрозы, факелы, темное ночное небо образуютъ зловѣщую картину. Я поспѣшилъ подняться, чтобы сообщить о происходящемъ нѣкоторымъ избирателямъ. Но въ залѣ только болтали и дѣлали предложенія, мѣшаясь во все и ничего не производя. Многіе опять сошли со мною. На площади былъ разсѣянъ отрядъ французскихъ гардовъ; но солдаты безъ начальниковъ оказывали лишь слабое сопротивленіе бродягамъ, называвшимъ себя націей. Я уговорилъ кучку гренадеръ, остававшуюся въ бездѣйствіи, помѣшать факеламъ проникнуть въ карету. Они дѣйствительно стали ее защищать. На каретѣ были королевскіе гербы, лошади имѣли отмѣтки королевской конюшни. Это была карета оберъ-шталмейстера (du grand écuyer). Въ каретномъ сундукѣ было бѣлье и ящикъ съ серебромъ. Бѣлье и серебро были перенесены въ городскую регистратуру. Не зная, что предпринять, мнимый „народъ“ возжелалъ сжечь лошадей и карету. Ограничился впрочемъ фургономъ, также оставленномъ въ углу, на площади.

„Около полуночи депутаціи отъ участковъ стали весьма многочисленны. Депутація отъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, состоявшая человѣкъ изъ сорока съ предводителемъ во главѣ, такъ приставала къ г. де-Флесселю, требуя оружія, что нѣкоторые изъ избирателей, принадлежавшихъ къ комитету, побудили его подписать приказъ, уполномочивавшій этого предводителя захватить оружіе, какое было у оружейника французскихъ гардовъ. Я совѣтовалъ отмѣтить приказъ, такъ какъ онъ могъ вызвать нерасположеніе въ солдатахъ (indisposer les soldats). Распоряженіе дѣйствительно во всѣхъ отношеніяхъ было большою непослѣдовательностію. Но г. де-Флессель былъ утомленъ сверхъ мѣры. Одинъ во всемъ Парижѣ поддерживая на своемъ посту интересъ короля, онъ былъ вынужденъ вилять. Избиратели нападали на него, и кончилось тѣмъ, что заставляли подписывать то чего онъ не имѣлъ времени и прочесть.

„Въ эти минуты смятенія и безпорядка, когда исторгали подписи, я замѣтилъ упоминаніе о пикахъ. Ихъ доставлялъ слесарь герцога Орлеанскаго *.

„Многіе изъ пользовавшихся милостями короля и принцевъ сочли благоразумнымъ удалиться. Но городской голова, находя силу

* „Мы уполномочили участки, говоритъ Дюсо (*Mém.*, 284), фабриковать на счетъ города пики, алебарды и всякаго рода низшее оружіе (toutes sortes d'autres armes subalternes), которымъ сила и отчаяніе умѣютъ пользоваться въ трудныя минуты. Пятьдесятъ тысячъ пикъ было сфабриковано менѣе чѣмъ, въ тридцать шесть часовъ, и на нихъ можно смотрѣть какъ на главное оружіе нашей народившейся свободы“.

и мужество въ вѣрности, постоянно сохраняя нѣкоторое хладнокровіе и много достоинства, зналъ, что погибнетъ на своемъ посту первою жертвой злодѣйствъ со стороны нѣкоторыхъ придворныхъ (de quelques gens de cour) и Національнаго Собранія и избирателей. Однако онъ остался на посту.

Изо всего видѣннаго въ эту ночь легко было заключить, что возмущеніе идетъ быстро. Куда склонится король? Для безопасности семьи существенно было слѣдить шагъ за шагомъ за событіями дня.

Вторникъ 14 іюля.

„Возстаніе не могло ни прельстить, ни подкупить меня. Честолюбія не было во мнѣ и прежде, когда для удовлетворенія его требовались угодливость и тщеславіе. Я зналъ, что въ теперешней катастрофѣ честолюбіе соединено съ участіемъ въ интригахъ, измѣнѣ королю, низостью и преступленіями. Меня заставляла призадуматься моя откровенность. Многіе приписываютъ ее себѣ, немногіе ее имѣютъ. Моя такова, что я едва въ состояніи сдерживать ее въ мелочахъ, не имѣющихъ значенія, и совсѣмъ не могу сдержать, когда коснется чего-либо противнаго разуму и справедливости. Разума и справедливости тогда не было ни въ обществѣ, ни въ отдѣльныхъ лицахъ. Равное безуміе влекло всѣ партіи. Въ подобныхъ несчастныхъ случаяхъ сила остается на сторонѣ кинжаловъ.

„Въ ночь на 14 іюля * заготовлялись всѣ преступленія слѣдующаго дня. Отовсюду собирали ружья. Различныя военныя команды, вслѣдствіе малодушія начальниковъ, покинули или отдавали свои. Предъ революціей въ столицѣ было не мало командъ стражниковъ. Конная и пѣшая стража, призаставная стража, ** городскіе гарды, *** гарды

* „Я провелъ, пишетъ въ своихъ мемуарахъ аббатъ Морелле (*Mem. de l'abbé Morellet*, 2me ed, Paris, 1882; I, 374), большую часть ночи на 14 іюля у моихъ оконъ на улицѣ Сентъ Оноре, близъ Вандомской площади. Видѣлъ какъ люди изъ самой низкой черни, вооруженные ружьями, вертелами, пиками, заставляли отворять имъ ворота домовъ, требовали питья, ѣсть, денегъ, оружія. Пушки провозимыя на улицахъ, разобранныя мостовыя, баррикады, набатъ во всѣхъ церквахъ, внезапная иллюминація возвѣщали опасности слѣдующаго дня. На утро лавки были заперты; народъ собирался; въ глазахъ и ужасъ и злоба. Уже съ того времени понялъ я, что народъ явится тираномъ всѣхъ что-нибудь имѣющихъ, всякой власти, суда, войска, собранія, короля, и что мы можемъ ждать всѣхъ ужасовъ, какіе во всѣ времена сопровождали подобное владычество“.

** Изъ рабочаго класса. *Пр. д'Аигла.*

*** Изъ продавцовъ напитковъ въ предмѣстьяхъ и въ окрестностяхъ; обязанности соединялись съ привилегіями. *Пр. д'Аигла.*

ларижскаго губернатора, * гарды монетнаго двора, ** отрядъ стрѣлковъ и мушкатеровъ (le guet à cheval et à pied et la garde de porte; les gardes de la ville; les gardes du gouverneur de Paris; les gardes de la monnaie; les compagnies de l'arc et de l'arquebuse). Все это вмѣстѣ было арсеналомъ для участковъ.

„Такимъ образомъ въ двадцать четыре часа Парижъ, самъ не зная какъ, очутился способнымъ поддержать большое возстаніе.

Ограбленіе Инвалиднаго Дома.

„Въ восемь часовъ утра я отправился въ собраніе участка. Благомыслящій предсѣдатель старался успокоить волненіе умовъ. Разбирали пресловутый проектъ, принятый ночью въ Пале-Роялѣ—нападеніе на Инвалидный Домъ. Уже нѣсколько недѣль распускали въ средѣ учащихся (on avait insinué parmi les groupes d'instruction publique) слухъ, что тамъ находится большое количество ружей. Одинъ артиллерійскій капитанъ увѣрялъ въ кофейной де-Фуа (café de Foi), что архіепископъ Ломени во время своего министерства велѣлъ перенести ихъ туда около тридцати тысячъ. Предсѣдатель старался отклонить мысль о нападеніи на Инвалидный Домъ. Меня удивляло, какъ купцы и негоціанты, обогатившіеся единственно благодаря потребленію предметовъ роскоши, столь несогласной съ революціонными вкусами, смѣялись надъ его возраженіями и громко говорили, что имѣютъ на своей сторонѣ полкъ французскихъ гардовъ. Во время этихъ преній послышалось нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Я сталъ указывать на опасность идти безъ оружія. „Тѣмъ нужнѣе идти за нимъ“, закричали мнѣ. Мало по-малу церковь опустѣла. Около десяти часовъ, желая удовлетворить любопытство, я направился по дорогѣ къ Сенъ-Жерменскому предмѣстью. Не безъ удивленія встрѣтилъ на углу улицы Бюсси отрядъ французскихъ гардовъ (compagnie des grenadiers des gardes françaises) въ порядкѣ съ молодымъ офицеромъ во главѣ. Отрядъ поблажалъ расхищенію оружія (protégeait l'enlèvement des armes); ибо толпа возвращалась съ ружьями, штыками, ялдунками; по улицамъ везли пушки.

„Генералъ, командовавшій лагеремъ у Парижа ***, не далъ никакого приказанія войскамъ, находившимся на Марсовомъ Полѣ охранять Инвалидный Домъ отъ нападенія. Обширный Домъ былъ окруженъ

---

* Отъ кулеческихъ и рабочихъ общинъ. *Пр. д'Агила.*

** Тоже. *Пр. д'Агила.*

*** „Безанваль, фаворитъ, человѣкъ настолько нравственно распущенный, что поручилъ составить пародію на Библію съ неприличными эстампами,

на глазахъ линейныхъ войскъ, и комендантъ де-Сомбрэйль велѣлъ отворить рѣшетки, не зная какъ сопротивляться. Первый успѣхъ воспламенилъ храбрость, до тѣхъ поръ напускную. Потребовали выдачи оружія, бросились въ склады указанные нѣкоторыми инвалидами, офицерами и солдатами, какъ заключающіе оружіе. Пушечные выстрѣлы были знакомъ этой первой побѣды. Узнавъ объ этомъ, я почувствовалъ стыдъ, какъ будто могъ ломѣшать случившемуся. Большая часть участковъ съ неудовольствіемъ видѣла ружья въ рукахъ черни. Чтобъ обезоружить сволочь, требовалась и не представляла трудностей хитрость. Между этими блудными сынами „націи“, слѣпо ринувшимися въ опасность, вслѣдствіе полной и настойчивой измѣны королю, было не мало указывавшихъ, своею наготой и видомъ висѣльниковъ, что они вышли изъ тюремъ, разбитыхъ для ихъ освобожденія. Другіе, мущины и женщины, явно только-что ускользнули изъ домовъ призрѣнія нищихъ. То и другое усмотрѣть было не трудно. Раздѣлить, отвлечь, включить въ отрядъ гардовъ, узнать изъ какихъ они участковъ было полицейскою задачей, которую большинство легко могло предпринять надъ меньшинствомъ. Такъ и было въ нѣкоторыхъ спокойныхъ кварталахъ. Ихъ отвѣты или лучше сказать ихъ невѣжество относительно того, что такое участокъ повели къ рѣшенію переписать ихъ оружіе. Они сложили его, а имъ выдаваемо было по шести или по три ливра съ квитанціей. Они казались послушными, несмотря на ихъ діавольскій видъ и готовность, повидимому, на все. Деньги у нихъ впрочемъ были. Послѣ взятія Дома Инвалидовъ стали показываться кокарды трехцвѣтныя какъ ливрея герцога Орлеанскаго.

Взятіе Бастиліи.

„Большинство разбойниковъ, предводимыхъ тактиками возстанія, быстро направилось, со своею пѣхотой и артиллеріей, на окраину города противоположную мѣсту первой легкой побѣды. Произвели нападеніе на Арсеналъ, захватили тамъ нѣсколько доспѣховъ и военныхъ запасовъ, обратили въ бѣгство инвалидовъ, составлявшихъ мѣстную стражу, чуть не убили нѣсколькихъ лицъ, принимая ихъ за начальника Арсенала. Нѣкоторые изъ жителей участка спасли князя Монбаре, вступившаго потомъ, какъ и д'Ормессонъ, въ ряды

былъ генералъ-лейтенантъ и командиръ пѣхоты расположенной на Марсовомъ Полѣ. Онъ, вслѣдствіе интригъ, закрывалъ глаза на происходившія безчинства. Этотъ Швейцарецъ часто посѣщалъ дворъ и былъ тамъ въ родѣ стараго шута“. *Прим. кав. д'Агила* (Изъ *Придворныхъ анекдотовъ.*) Отзывъ слѣдуетъ признать пристрастнымъ.

городскихъ гардовъ *. Разбойники подожгли зданіе и этимъ произвели большое смятеніе въ обширной мѣстности, называемой Арсеналомъ, занятой тысячью людей разнаго званія и заключавшей въ себѣ склады угля, дровъ, селитры, пороха и проч

„Отъ Арсенала огромная толпа, ежеминутно увеличивавшаяся, не замедлила отправиться къ Бастиліи, находящейся позади этой мѣстности. Таково было одно изъ первыхъ желаній заговорщиковъ. Расположеніе внутри крѣпости было наименѣе военнымъ. Въ крѣпости, которую можно было сдѣлать надолго неприступною, былъ комендантомъ старый мускетеръ, тѣмъ менѣе способный защищать укрѣпленіе, что ему въ голову не приходило, чтобъ оно могло быть атаковано. Съ нимъ были его штабъ, нѣсколько офицеровъ и инвалиды, составлявшіе внутреннюю стражу.

„Атаковать Бастилію шли не участки: они еще не имѣли никакого единенія. Шла случайно изъ ихъ частей образованная масса въ соединеніи съ разбойниками и съ любопытствующими. Та же толпа наполняла площади, улицы Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, бульваръ, кварталъ Св. Павла и улицы окаймляющія, его широкіе рвы. Многіе проникли въ садъ Арсенала.

„Несмотря на весь аппаратъ приготовленія, атакующіе, сдѣлавъ нѣсколько вспышекъ и выстрѣловъ, не знали, съ какой стороны подступиться, а находившіеся внутри не знали, какъ имъ защищаться. Пушки крѣпости, помѣщенныя на восьми башняхъ, были направлены, такъ что стрѣлять могли только въ городъ, разбить дома, причинить опустошеніе, но не могли вредить нападающимъ помѣщеннымъ внизу, такъ близко, что на нихъ нельзя было направить внизъ орудія. Французскіе гарды были во главѣ предположенной атаки. Расположенные въ окружающей массѣ, они были повсюду. Замѣчено было нѣсколько солдатъ въ красномъ, которые старались дать пушкамъ на башняхъ другое направленіе. Думали, что это были Швейцарцы. Гарды влѣзли на крыши сосѣднихъ домовъ и градомъ выстрѣловъ заставили ихъ спрятаться. Депутація избирателей съ бѣлымъ знаменемъ направляется къ Бастиліи. Въ это время комендантъ со своей стороны выставляетъ бѣлое знамя, чтобы вступить въ переговоры. Онъ хочетъ знать, что̀ затѣваютъ дѣлать. Предполагаютъ, что комендантъ, желая сдѣлать безполезное подобіе войны, далъ толпѣ нападающихъ войти чрезъ первый подъемный мостъ и быстро его поднялъ. Пользуясь неожиданностію положенія проник-

* Нѣсколько дней спустя куріозно было видѣть г. де-Монбаре бывшаго министра, его сына, а также г. д'Ормессона, бывшаго генералъ-контролера финансовъ, вмѣстѣ съ ихъ лакеями, въ караулѣ въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ, украшенныхъ Орлеанскою кокардой. *Прим. кав. д'Агила.*

нувшихъ такимъ образомъ сотенъ двухъ беззащитныхъ людей, началъ будто бы по нимъ стрѣлять. Укрываясь, они бросились въ амбразуры и подъ своды воротъ. Слыша ихъ крики и ружейные выстрѣлы, масса осаждающихъ извергаетъ страшныя проклятія и хочетъ или погибнуть, или отомстить. Одинъ инженеръ и нѣсколько канонеровъ изъ арміи близъ Парижа, смѣшавшихся съ толпой, чтобы защитить отъ выстрѣловъ изнутри батарею поставленную противъ подъемнаго моста маскируютъ ее помощію зажженной соломы. Осажденные не видятъ сквозь дымъ, а инженеръ направляетъ пушку на противовѣсъ и цѣпи подъемнаго моста. Мостъ падаетъ, между тѣмъ другая толпа проникаетъ въ садъ комендантскаго дома чрезъ бастіонъ у сада Арсенала. Столь быстрый и неожиданный успѣхъ исторгаетъ страшный крикъ: „да здравствуетъ нація"! покрывающій звуки выстрѣловъ. Толпа съ давкой проникаетъ внутрь крѣпости. Два французскіе гарда первые овладѣли воротами, и скоро значительная часть жителей Парижа находится въ той самой Бастиліи, на которую два дня тому назадъ взирали съ ужасомъ.

„Наиболѣе остервенѣлые шарили повсюду въ обширной крѣпости, чтообы найти коменданта и другихъ офицеровъ; захватили тюремщиковъ, дѣлая ихъ своими провожатыми Коменданта нашли гдѣ-то въ темномъ закоулкѣ. Схватили, сорвали съ него орденъ Св. Лудовика; пришпилили его, повелѣніемъ націи, на грудь одного изъ гардовъ, перешедшихъ стѣну и открывшихъ входъ.

„Несчастный маркизъ Делоне становится жертвой ужасныхъ неистовствъ. Его ведутъ въ разодранной одеждѣ, покрытаго ударами, исколотаго штыками и шпагами, сквозь толпу, среди ругательствъ, по улицѣ Св. Антонія въ направленіи къ Гревской площади. Страшно становится, когда читаемъ въ исторіи, что полъ, прежде являвшій себя въ этой столицѣ мягкимъ и чувствительнымъ, возбуждалъ людей-тигровъ криками адской злобы.

„Не только женщины изъ черни, раздѣлявшія ея чувствованія, но женщины хорошо одѣтыя, занимавшія окна домовъ, гдѣ вели Делоне, кричали: „надо его жарить на огнѣ, разрѣзать на куски". Несчастный при каждомъ наносимомъ ему ударѣ восклицалъ: „убейте меня скорѣе". Передъ нимъ шли варвары съ ножами, неся горсть его волосъ. Имъ апплодировали. Что̀ можетъ быть ужаснѣе, возмутительнѣе, болѣе отвращающе отъ рода человѣческаго, какъ зрѣлище толпы окружающей жертву обстоятельствъ и своего долга, радующейся, бьющей въ ладоши при видѣ, какъ жертву эту волокутъ на смерть. Но всякое размышленіе безполезно. Начинается царство преступленія.

Неслыханныя убійства.

„Небо, безъ сомнѣнія, охотно посылаетъ предчувствія людямъ дающимъ послѣднее доказательство добродѣтели въ полной преданности долгу. Благодаря этому, они умѣютъ примириться съ мыслію о вѣрной смерти и не ищутъ избѣжать ея. Избиратели звали г. де-Флесселя въ Думу. Онъ уходилъ домой обѣдать. Утверждаютъ, у него была мысль, что идетъ на смерть. Нападеніе на Бастилію еще не кончилось, когда онъ направился въ то мѣсто, которое было уже не его. Было рѣшено, что двое чудовищъ * станутъ господствовать въ этой Думѣ, помѣщеніе которой постоянно напоминаетъ лозоръ человѣческаго сердца **.

„Когда Бастилія была взята ***, при обыскѣ коменданта была будто бы найдена записка со словами: „если нападутъ на васъ, держитесь крѣпко, получите подкрѣпленіе; я забавляю сволочь“. По прочтеніи записки, толпа злодѣевъ отдѣляется и направляется въ Думу; показываютъ записку, приписываютъ ее Флесселю. Толпа проникла въ заднюю залу, куда прибылъ городской голова. Его схватываютъ. Ни избиратели, ни нѣкто маркизъ де-ла-Салль, провозгласившій себя, вопреки всѣмъ, начальникомъ городскихъ гардовъ, ни Дезодре, его майоръ, не оказываютъ никакого сопротивленія. Прюдомы, Камиль Демулены и другіе напроповѣдовали народу, что онъ

---

* Бальи и Лафайетъ, вступившіе во владѣніе на другой день. *Прим. кав. д'Агила.*

Кавалеръ д'Агила постоянно изображаетъ Бальи и Лафайета какими-то извергами, хотя увлеченный неожиданно революціоннымъ потокомъ, замѣчательно наивный въ политикѣ, академикъ Бальи менѣе всего походилъ на изверга. Справедливо, впрочемъ, что избраніе Бальи было уже предрѣшено до 14 іюля. „Еще 12 іюля, пишетъ самъ Бальи (*Mém.* I, 323), нѣкто г. Тьерри, прокуроръ парламента, говорилъ мнѣ за обѣдомъ о рѣчахъ, какія держатъ въ Парижѣ и особенно въ Пале Роялѣ. „Знаете ли, ходитъ слухъ, что вы будете городскимъ головою“, прибавилъ онъ. Де-Флессель былъ назначенъ три мѣсяца тому назадъ на три года.

** Гревская площадь гдѣ казнили преступниковъ осужденныхъ судомъ. *Прим. кав. д'Агила.*

*** Въ восемь часовъ вечера министры въ Версали еще не знали объ этомъ. Г. Бертье, парижскій интендантъ, выходя изъ кабинета короля говорилъ, что Бастилія не взята еще. Виконтъ Мирабо, вернувшійся въ Версаль съ похоронъ отца, сообщилъ о событіи въ обществѣ гдѣ было болѣе шестидесяти человѣкъ. Несмотря на траурный костюмъ и трагическій тонъ, его чуть не приняли за сумашедшаго (on pensa lui manger le blanc des yeux, по собственному его выраженію). *Прим. кав. д'Агила.*

властенъ судить и казнить. Флесселя повлекли на крыльцо Думы; подымаются толки, какой смерти его предать. Въ это время отдѣляется какой-то молодой человѣкъ и въ упоръ стрѣляетъ изъ пистолета въ Флесселя, говоря: „такъ долженъ погибнуть измѣнникъ“. Затѣмъ исчезаетъ въ толпѣ. Послѣ распустили слухъ, будто Флессель взялъ слово съ этого молодаго человѣка, что тотъ убьетъ его, какъ скоро народъ станетъ оказывать ему насиліе. Прибавляли, будто замѣтили, какъ этотъ незнакомецъ постоянно вертѣлся около Флесселя.

„Прибытіе коменданта Бастиліи послужило отвлеченіемъ отъ перваго убійства. Комендантъ былъ зарѣзанъ на Гревской площади, и тѣло его, разорванное словно коршунами, брошено въ лужу на площади. Дюпюже (Dupujet), плацъ-майоръ Бастиліи (major de la Bastille), былъ также схваченъ и избитъ. Его крестъ св. Лудовика былъ данъ второму гарду, раненому при входѣ въ Бастилію. Когда привели на Гревскую площадь несчастнаго Делольма (Delolme), другаго плацъ-майора, одинъ изъ друзей его, когда его вели чрезъ аркаду св. Іоанна, протиснулся чрезъ толпу и бросился къ нему, воскликнувъ: „что вы имъ сдѣлали“? Тотчасъ ударъ дубиной свалилъ этого чувствительнаго человѣка. Мученикъ дружбы былъ потоптанъ ногами. Его пронизали и пропороли штыками на тѣлѣ коменданта; оба трупа долго были кровавою игрушкой этихъ людоѣдовъ.

„Наслажденіе проливать человѣческую кровь обуяло, повидимому, этими каннибалами, почувствовавшими блаженство въ самой изысканной жестокости. Они желали насытиться тріумфомъ, къ какому приглашали ихъ филантропы минуты. Пока тріумфъ готовился, свершились новыя преступленія. При вторженіи въ крѣпость въ сумотохѣ нѣкоторые изъ военныхъ, между прочимъ поручикъ (aide-major), бывшій сержантомъ во французскихъ гардахъ, успѣли ускользнуть, но нѣсколько инвалидовъ съ ихъ офицерами были захвачены бѣшеными и не могли быть исторгнуты изъ ихъ рукъ. Эти старики были безжалостно увлечены на Гревскую площадь и повѣшены на фонаряхъ. Одинъ изъ нихъ, сильный и толстый, защищался съ удивительною силой. Три раза вздергивали его на веревку, и наконецъ онъ испустилъ дыханіе, не возбудивъ жалости въ палачахъ. Какая-то женщина воскликнула: „въ чемъ вина этихъ несчастныхъ“? Ее окружаютъ, хватаютъ, надѣваютъ веревку на шею и вѣшаютъ на перекладинѣ навѣса (à la potence d'un auvent), такъ какъ фонари всѣ заняты.

Шествіе мнимыхъ побѣдителей Бастиліи.

„Помощію тюремщиковъ и захваченныхъ ключей скоро раскрылись тайны Бастиліи.

„Тамъ были заключены только пять узниковъ. Въ ихъ числѣ былъ

графъ де-Латюдъ. Рѣшено устроить шествіе во славу этого дня бѣдствія, именованнаго днемъ побѣды.

„Въ теченіе этого времени я былъ въ Пале-Роялѣ. Слышалъ, какъ высказывалось желаніе образовать кавалерійскій отрядъ, видѣлъ учениковъ хирургіи (élèves de chirurgie) собранныхъ въ баталіонъ подъ командой графа де-Моретонъ Шабрильйанъ (Moreton Chabrillant). Сталъ подтверждаться слухъ о взятіи Бастиліи. Мнѣ не вѣрилось. Но подкупные глашатаи возвѣстили, что ведутъ плѣнныхъ. Я хотѣлъ взглянуть, не воображая, въ какомъ сопровожденьи они явятся.

„Шествіе открывалось хорошо одѣтыми людьми шедшими повзводно: вѣроятно, отдѣлы какихъ-нибудь участковъ. Далѣе шли завсегдатые Думы; Паллуа, Гюленъ, одинъ повѣса изъ малой буржуазіи, извѣстный дебоширствомъ, и ихъ пріятели предшествовали вмѣстѣ съ французскими гардами многимъ пушкамъ, везомымъ на лошадяхъ. Далѣе можно было видѣть списки и ключи Бастиліи, укрѣпленные на клинкѣ сабли. Слѣдовали старыя знамена, захваченныя въ Арсеналѣ, шлаги двухъ жертвъ,—коменданта и его помощника; ихъ головы на остріяхъ пикъ съ надписями. Человѣкъ, несшій голову Делоне былъ въ синемъ платьѣ съ золотымъ галуномъ (habit bleu bordé de travers en or). Черные волосы, обликъ и цвѣтъ лица обличали жителя какой-нибудь южной провинціи. Оба каннибала были въ крови. За ними шли пять заключенныхъ, крайне удивленныхъ, тупо смотрѣвшихъ на происходящее вокругъ ихъ. Затѣмъ солдаты разныхъ полковъ и артиллеріи подъ руку съ публичными женщинами, довольно хорошо одѣтыми (d'une certaine élégance).

„Шествіе обошло дважды садъ. Ни на одномъ лицѣ, къ сожалѣнію, не прочелъ я содраганія при такомъ ужасающемъ зрѣлищѣ. Раздавались аплодисменты; женщины подхватывали руки разной сволочи, чтобы влѣзать на столы и насладиться зрѣлищемъ *, такъ оскорблявшимъ мои глаза, и разсказъ о которомъ лишалъ чувства женщинъ достойныхъ этого имени. Шествіе убійцъ при выходѣ изъ сада остановилось подъ окнами дворца герцога Орлеанскаго, наполненными мужскими и женскими головами его служителей. Изъ толпы говорили имъ радостно: „Ну! Да здравствуетъ нація! Еще не то

* Авторъ книги *Geschichte der grossen Revolution in Frankreich* (Berlin, 1790), Фридрихъ Шульцъ, бывшій въ іюльскіе дни въ Парижѣ, разсказываетъ, что когда носили по Пале-Роялю головы Делоне и его помощника (Шульцъ ошибочно говоритъ: „головы Делоне и *Флесселя*), онъ видѣлъ женщину, дрожавшую, какъ въ лихорадкѣ, но все продолжавшую жадно слѣдить за зрѣлищемъ. Шульцъ посовѣтовалъ ей перестать смотрѣть. „„Mon Dieu, cela m'est impossible; c'est plus fort que moi"", отвѣчала она и побѣжала впередъ, чтобы вновь посмотрѣть" (стр. 139).

увидите". Такъ этотъ грозный человѣческій потокъ, вытекая чрезъ улицу Сентъ-Оноре, воздалъ почесть принцу грязи и крови, котораго небо послало на знаменитый домъ Бурбоновъ.

„Подкупные ораторы Пале-Рояля, подкрѣпляя себя случаями убійства изъ римской исторіи, толковали слушателямъ о возвышенномъ поведеніи Тулліевъ и Брутовъ, о жгучемъ пламени любви къ отечеству или объ обязанности рѣзать людей. Тутъ въ первый разъ видѣлъ я Теруань де-Мерикуръ (Teroigne de-Méricourt), называвшую себя Англичанкой, когда ее спрашивали, и проповѣдовавшую желавшимъ ее слушать. Посѣтители клубовъ и кофейныхъ вовсе не возмущались ужасными сценами, происходившими предъ ихъ глазами. Хладнокровно разсуждали о государственномъ долгѣ и объ обѣщаніяхъ Національнаго Собранія, а также Неккера, ликвидировать его безъ налоговъ. Это общее равнодушіе къ преступленіямъ, скопившимся въ одинъ день, возбуждало во мнѣ отвращеніе къ Франціи. Съ этой минуты всякій, имѣющій возможность, долженъ былъ, казалось мнѣ, покинуть эту страну. Я не пошелъ въ участокъ, опасаясь обнаружить чувства несогласныя съ настроеніемъ минуты. Заключился среди семьи моей, ей повѣряя свою тревоги. Меня встрѣтили съ радостью и слезами.

Середа 15 іюля.

„Такъ какъ всякій общественный кредитъ изсчезъ и никто не хотѣлъ мѣнять билетовъ учетнаго банка (billets de la caisse d'escompte), и такъ какъ никому нельзя было довѣриться, то я рѣшился самъ отправиться для размѣна въ бюро спекуляторовъ этого нелѣпаго предпріятія, имѣвшаго свою долю вліянія на революцію. Я зналъ, что въ этотъ день было множество кромѣ меня желавшихъ сдѣлать то же самое. Бриссо де-Варвиль, президентъ участка Св. Ѳомы, раздавалъ приказанія, какъ властитель всего квартала Онъ окружилъ казначейство и помѣщаніе банка (le Trésor Royal et l'Hôtel d'escompte) городскими гардами съ присоединеніемъ Швейцарцевъ и ежачасно выставлялъ свои предписанія. Несмотря на его мнимые административные таланты, не обошлось безъ столкновенія съ кредиторами банка. Когда я вернулся домой, узналъ, что недовольные моимъ отсутствіемъ въ собраніи участка присылали за мной много разъ, даже съ нахальствомъ; что сосѣди приходили съ жалобами на то, что ихъ отрываютъ отъ дѣлъ, посылая на службу. Караулъ, поставленный въ понедѣльникъ подъ моими окнами и котораго я съ тѣхъ поръ не посѣщалъ, оказался весь состоящимъ изъ офицеровъ. По крайней мѣрѣ, такъ они сами себя именовали и унижали рабочій людъ, чтобъ имѣть солдатъ. Я не хотѣлъ вмѣшиваться въ эти произволь-

ныя дѣйствія и ссылался на то, что начальствованіе мое было только временное. Въ участкѣ я объявилъ, что хочу служить въ кавалеріи. Это de facto дѣлало меня свободнымъ, подобно тому какъ наименованіе наканунѣ главнымъ временнымъ начальникомъ одного лейтенанта (lieutenant-colonel), кавалера Св. Лудовика.

Служба городскихъ гардовъ.

„Слова и вещи не одно и то же, революція и ея послѣдствія доказали это. Вооружились, говоря, что дѣлаютъ это для общей охраны а ничто не было такъ вредно, какъ это вооруженіе. Безъ малѣйшаго повода городскіе гарды вторгались въ жилища днемъ и ночью. Такъ, отряды отъ разныхъ участковъ одинъ за другимъ отправлялись въ Исси искать князя Ламбеска, будто бы тамъ скрывавшагося *. Среди дня останавливали проходящихъ у каждой караульни **. Выходить изъ города значило рисковать жизнію, всѣ уже были готовы вредить одинъ другому (tout le monde déjà se nuisait).

„Все что составляло полицію до революціи, участвовало въ возмущеніи. Велѣно носить трехцвѣтную кокарду, зеленыя ленты бросались въ грязь. Замѣчательно, какъ тотчасъ нашлись средства доставить столько этихъ трехцвѣтныхъ кокардъ Въ Пале-Роялѣ ихъ раздавали тысячами. Тамъ была ихъ фабрика. Нарочно были открыты новыя маленькія лавочки, гдѣ кокарды отчасти раздавались даромъ, отчасти продавались, смотря по лицамъ. Голоштанство уже начинало получать преимущества.

„Патрули, украшенные лентами и хохолками изъ перьевъ синихъ, бѣлыхъ и красныхъ (ornées de rubans et d'aigrettes en plumes bleues, blanches et rouges) сновали по улицамъ безъ цѣли и повода. Былъ родъ штаба въ Думѣ, но такой странствующій и подвижной, что всякій пришедшій причислялъ себя къ нему. Каждый давалъ приказанія, никто не слушался. Городскіе гарды въ общемъ представляли смѣхъ возбуждающее зрѣлище. Это были массы людей всѣхъ возрастовъ и сложеній; горбатые, хромые, кривые были самые ретивые къ этой службѣ. Не умѣли ни ходить, ни носить оружіе. Многіе носили лядунки на лѣвой сторонѣ. Это подобіе арміи не продержалось бы двадцати четырехъ часовъ противъ ловко поведенной военной хитрости. Манію солдатства можно бы разрушить въ первые же дни. Теперь она грозитъ Европѣ разрушеніемъ.

---

* У жены маршала д'Армантье, гдѣ находилась княгиня де-Шиней, пріятельница князя Ламбеска. *Прим. д'Агила.*

** Ихъ было болѣе шестисотъ въ столицѣ. *Прим. д'Агила.*

„Изъ любопытства я прошелъ по Новому Мосту въ Сентъ-Жерменское предмѣстье и возвратился черезъ Королевскій Мостъ по улицѣ Комедіи и прилегающимъ къ ней. Камни были выбраны изъ мостовой. Жителей увѣряли, будто королевская кавалерія должна проникнуть съ этой стороны *. Камни перенесли въ комнаты **, всюду устроили баррикады изъ срубовъ, повозокъ и т. д. (on barricadait partout avec des charpentes, des charettes etc.). Обстоятельства приводили къ тому, что король долженъ былъ или рѣшиться на междуусобную войну, или отказаться ото всякаго сопротивленія; а это должно было вести къ ряду революцій, благодаря философіи, проповѣдуемой непослѣдовательному народу, характеръ котораго явственно измѣнился, такъ что онъ улыбался только при видѣ несчастія другаго. Во время моего обхода мнѣ случалось не разъ возмущаться противъ караульныхъ. Это были какіе-то деспоты, нарушавшіе покой проходящихъ. Я тѣмъ болѣе могъ подвергнуться непріятности, что не носилъ кокарды. Но я имѣлъ при себѣ свидѣтельство о моемъ временномъ назначеніи, и это внушительно дѣйствовало на людей, всегда привыкшихъ повиноваться тому кто сильнѣе. Это въ сущности согласовалось съ моимъ планомъ: въ обходѣ моемъ я хотѣлъ испытать, каковы эти наглые люди, нѣкогда дрожавшіе предо всякою кучкой стражи. И убѣдился, что люди становятся дерзки, грубы, звѣрски, если могутъ безнаказанно пользоваться захваченною властію. Отсюда необходимость въ обществѣ точныхъ законовъ, гарантирующихъ каждаго.

Національное Собраніе посылаетъ депутацію къ Парижанамъ.

„Тогда, какъ лица преданныя королевской фамиліи были въ ужасѣ и опѣмѣніи отъ того что происходило въ Парижѣ; тогда какъ король самъ не зналъ истиннаго положенія дѣлъ, ибо взятіе Бастиліи было донесено ему лишь на другой день послѣ событія и страшныя преступленія были ему представляемы, какъ простое увлеченіе толпы, потомъ успокоившейся и удовлетворившейся (qui dès-lors se trouve

---

* Участокъ Кордельеровъ открыто выступилъ противъ короля еще со времени созванія государственныхъ сословій. Послѣ событія у Тюильри онъ собрался однимъ изъ первыхъ, имѣя во главѣ адвоката Дантона. Члены собранія Кордельеровъ всѣ были революціонеры первой силы. Они совратили съ пути всѣ участки лѣвой стороны Сены, тогда какъ Бриссо и герцогъ Орлеанскій совращали правый берегъ. *Примѣч. Кав. д'Агила.*

** Въ *Précis historique de la Révolution Française* par Rabaut Saint-Etienne et Lacretelle, Bruxelles, 1818 (nouv. édit.), стр. 46, читаемъ, что въ ночь на 15 іюля, „всѣ дома освѣщены, разбираютъ мостовыя и вносятъ камни въ комнаты. Женщины готовятся лобзать ими солдатъ".

totalement calmée et satisfaite) *; тогда какъ, наконецъ, почтенныя лица въ Парижѣ, оставшіяся вѣрными старому правительству, не видя слѣда его въ Парижѣ, не знали что думать о *системѣ* Версаля,—въ столицѣ ловкіе люди всякаго званія, находя въ революціонной партіи по крайней мѣрѣ исходъ своему уму (un débouché à leur esprit). чего не было въ партіи роялистовъ, хорошо разсудили, что такое насильственное положеніе дѣла, какъ безпорядочное вооруженіе, не могло удержаться, если не придать ему вида законности и пользы. Члены Національнаго Собранія отлично это знали. Да и никто лучше этого собранія не зналъ дурныхъ намѣреній тѣхъ, кто умѣли и могли обманывать Людовика XVI. Никому лучше Собранія не была извѣстна нравственная слабость средствъ высокостоявшихъ лицъ, имѣвшихъ доступъ къ королю и вліяніе и остававшихся ему преданными. Такимъ образомъ Собраніе, не опасаясь болѣе обнаружить свою связь со сборищами въ столицѣ, послѣдовало пути, указанному вожаками, дабы дать имъ уйти отъ королевскаго правосудія, которое они надѣялись уничтожить, и дать ускользнуть злодѣямъ, менѣе ихъ однако виновнымъ. Революціонный комитетъ Собранія отправилъ посланіе къ избирателямъ, соединеннымъ въ Думѣ, чтобъ увѣрить ихъ, что они вели себя какъ Римляне и что собранію будетъ предложено выбрать депутацію, которая отправится въ ихъ нѣдра.

„Въ четыре часа пополудни я видѣлъ депутацію Собранія, когда она вступала на мостъ (Pont tournant) у Тюильри. Она состояла изъ сорока человѣкъ, половина отъ духовенства и дворянства, половина отъ средняго сословія Предводителемъ депутаціи былъ Парижскій архіепископъ, близъ него были Лафайетъ и Бальи. Когда депутація достигла перестиля дворца, она встрѣчена была посланными отъ избирателей, чтобы принять и привѣтствовать ее. Въ это время голова колонны, образованная собравшимися патрулями, повернула направо, и мы—я находился въ колоннѣ—вошли въ улицу Сенъ-Никезъ, запруженную народомъ. Избиратели повели депутатовъ въ этомъ направленіи, чтобы сдѣлать ихъ свидѣтелями національныхъ сценъ, которыя они тамъ подготовили или надѣялись тамъ найти.

Шествіе депутаціи по Парижу.

„Предъ версальскою депутаціей шли думскіе гарды, прибывшіе въ Парижъ вмѣстѣ съ депутатами, и думскіе пристава съ медалями на шеѣ и оливковыми вѣтвями въ рукахъ, въ знакъ мира (officiers et gardes de la prévôté de l'Hôtel de Ville, venus à Paris avec elle, ainsi que

* Выраженіе Національнаго Собранія *Прим. д'Агила.*

des huissiers de la chaîne portant des branches d'oliviers). За депутатами многочисленные патрули, пожелавшіе присоединиться къ кортежу. Депутаціи поручено было письмо короля. Письмо открытое было вручено одному изъ гражданъ, который поднялъ его на остріе плаги, показывая народу и восклицая: „вотъ письмо короля!“ Ему отвѣчали криками: „да здравствуетъ нація! да здравствуютъ депутаты!“ Стеченіе зрителей на улицѣ Сентъ-Опоре дѣлало затруднительнымъ другое шествіе, а именно сцену тріумфа французскихъ гардовъ, раненыхъ при Бастиліи и украшенныхъ крестами Св. Людовика. Увѣнчанные лаврами, они сидѣли въ высокихъ коляскахъ, томные и отъ ранъ и отъ опьяненія. Побѣдители Бастиліи, люди 14 іюля, вступили въ нашъ кортежъ привѣтствовать депутатовъ, принося разорванныя знамена, которыя они похитили въ Арсеналѣ, объявляя, что отвоевали ихъ у деспотизма.

„Рѣчь этихъ представителей Сентъ Антуанскаго предмѣстія и обрывки тафты, гдѣ едва можно было найти нѣсколько лилій, драгоцѣнные остатки великихъ побѣдъ Людовика XIV и блеска монархіи, прельщали слухъ и зрѣніе Бальи, Лафайета и другихъ главныхъ революціонеровъ. Близъ Шателе шествіе вступило въ толпу, которую безсмысленное любопытство держало въ бездѣйствіи день и ночь на Гревской площади. Кортежъ такъ былъ сжатъ, что депутатамъ пришлось проходить по одиночкѣ.

Рѣчи въ Думѣ.

„Депутаты прибывали въ главныя залы Думы. Въ залѣ аудіенціи бо́льшая часть помѣстилась на ступеняхъ возвышавшихся съ двухъ сторонъ; амфитеатръ въ концѣ залы былъ измѣненъ, избиратели и ихъ жены заняли лавки вокругъ залы. Нѣсколько депутатовъ появились у бюро избирателей. Тутъ были Бальи, Лафайетъ, Клермонъ-Тоннеръ и проч. Говорились рѣчи, которыя, вмѣсто того, чтобы возвратить миръ и спокойствіе, направлены были къ тому, чтобъ увеличить чувство мятежа въ сердцахъ. Послѣ Лафайета отличился Лалли-Толандаль * и превзошелъ всѣхъ говоруновъ. Великолѣпнымъ органомъ онъ съ такимъ энтузіазмомъ декламировалъ разныя необычайности, что апплодисменты перешли изъ залы на лѣстницы, съ лѣстницъ на Гревскую площадь. Съ площади были присланы вѣнки (couronnes civiques), изъ которыхъ одинъ несмотря на скромность оратора украсилъ его растрепавшіеся волосы.

„Содержаніе рѣчей было въ томъ, что доброму народу приносится миръ со стороны короля; а духъ — въ томъ, что великодушный на-

* Онъ былъ на ступеняхъ съ того боку, гдѣ окна залы. *Прим. кавалера д'Агила.*

родъ долженъ миръ этотъ не принимать. Высказывались надежды, что народъ, не нарушая мира, сохранитъ стремленіе къ свободѣ. Его улащивали, умоляли возвратить миръ королю. Національное Собраніе горитъ де желаніемъ быть достойнымъ вашей довѣренности, оно де всѣмъ согласно пожертвовать для вашихъ интересовъ. Удивленному народу говорилось: Мы дивились порядку вашей полиціи *, вашимъ распоряженіямъ **, плану вашей защиты *** и т. д. Съ такими рѣчами, восхваляя отвратительнѣйшее разстройство общественнаго и политическаго тѣла, обращались къ возбужденной черни, къ возгордившимся буржуа, къ адвокатамъ и другимъ судейскимъ, возбуждавшимъ непрерывно мятежъ, надмѣваясь, что возстанавливаютъ согласіе. Вотъ еще доказательство. Французскіе гарды †, устыдившись быть въ войнѣ съ королемъ, прислали свои знамена въ залу, чтобы принять участіе въ мирѣ короля (pour avoir part à la paix du roi). Ораторы ихъ высказали нѣчто въ родѣ извиненія. Лафайетъ отвѣчалъ, что быть вѣрнымъ націи не значитъ быть виновнымъ; что лостъ ихъ защищать Парижъ. Бальи, смотрѣвшій уже завоевателемъ города, далъ понять, что людямъ, обезпечившимъ побѣду свободы, нечего говорить объ амнистіи. Толандаль подкрѣпилъ его, утверждая, что нечего говорить о прощеніи тѣмъ, для кого дѣйствующими пружинами были усердіе долга и преданность отечеству. Затѣмъ депутаты и солдаты расцѣловались. Кровь, струившаяся вокругъ этой арены новой философіи, была позорнымъ доказательствомъ враждебныхъ насилій сильнаго надъ слабымъ, что всегда ужасно. Одобреніе со стороны нѣсколькихъ экзальтированныхъ депутатовъ довольно показывало, что начатая война велась прямо противъ монарха. Оправдывать ея необходимость предъ развращенною уже толпой, значило утверждать чернь на пути преступленія.

---

* Хваленая полиція эта каждую минуту подвергалась опасности стать жертвой броженія. *Прим. кав. д'Агила.*

** Повидимому рѣчь идетъ о раздачѣ ливъ и кокардъ. *Прим. кавалера д'Агила.*

*** Разграбленіе оружія въ Арсеналѣ, въ Инвалидномъ Домѣ, въ королевскомъ складѣ (garde-meuble) гдѣ похищено весьма драгоцѣнное. Что сказали бы эти господа еслибы выстрѣлили изъ пушекъ по ихъ каретамъ? Безъ сомнѣнія — мудрость вашего нападенія: ко всему требовалось относиться оптимистически. *Прим. кав. д'Агила.*

Между похищенными въ складѣ вещами были двѣ серебряныя пушки подаренныя сіамскимъ королемъ Людовику XIV (Weber. *Mém.* I, 371).

† Значительное число гардовъ нуждалось только въ посредничествѣ, чтобы вернуться на путь вѣрности или, по крайней мѣрѣ, повиновенія монарху, но оно было отдано на волю заговорщиковъ. *Прим. кав. д'Агила.*

Te Deum.

„Значительная часть добрыхъ парижскихъ буржуа очень радовалась прибытію депутаціи, полагая, что Національное Собраніе прислало ее единственно изъ желанія сдѣлать угодное королю, и чтобы возстановить гармонію между государемъ и подданными. Тогда, да и потомъ, разсуждавшіе повидимому разумно были на тысячу лье отъ дѣйствительнаго разума дня. Архіепископъ Парижскій, благочестивый и преданный монарху, также обманывался относительно депутаціи Прелатъ этотъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими пожелалъ, чтобы въ каѳедральномъ соборѣ было отслужено молебствіе. Извѣстили духовенство, чтобы сдѣлало приготовленія. Избиратели и другіе, переходя изъ буфета въ залу, гдѣ произносились рѣчи, и узнавъ, что депутація отправляется въ церковь Богоматери, пожелали направиться туда же. Двинулись среди массы любопытствующихъ. Французскіе гарды разчищали путь. Я слышалъ, какъ нѣкоторые изъ участниковъ шествія говорили народу: „просите Неккера“. И народъ начиналъ кричать: „Неккера! да здравствуетъ Національное Собраніе!“ Избиратели и депутаты повторяли кабалистическія слова: „Неккера, да здравствуетъ нація!“ У входа въ соборъ уже выстроены были французскіе гарды и Швейцарцы съ музыкой. Гарды же — французскіе и городскіе — окаймляли среднюю часть церкви. Соблюдался порядокъ, звонъ всѣхъ колоколовъ возвѣщалъ о религіозномъ торжествѣ.

„Молебствіе было совершено съ полнымъ приличіемъ среди массы людей воспламененныхъ побѣдой, которую праздновали. Къ церемоніи относились съ двухъ точекъ, смотря по доброму или злому настроенію совѣсти присутствовавшихъ. Одинъ изъ причетниковъ вручилъ мнѣ кокарду *. Я не носилъ таковой. При выходѣ изъ собора можно было видѣть духовныхъ лицъ, даже елисколовъ подъ руку съ гренадерами. Соединеніе несомнѣнно было слѣдствіемъ страха внушаемаго громаднымъ сколленіемъ народа. Но народъ принялъ это за предвѣстіе справедливаго равенства, о которомъ уже начали говорить. Радость выразилась кликами: „да здравствуетъ нація!“ Торговки, которыхъ потомъ стали звать дамами націи (dames de la nation) **, окружали идущихъ, попеременно цѣлуя то гренадеръ, то прелата.

---

* Можно было замѣтить, что кокарда вышла не изъ магазиновъ Филиппа Орлеанскаго. Его кокарда была изъ трехъ равныхъ частей бѣлаго, густо синяго и густо краснаго цвѣта, какъ на его ливреяхъ. Кокарда, о которой говорю была изъ широкихъ бѣлыхъ ленточекъ связанныхъ въ срединѣ полосками розовой и свѣтло голубой. *Прим. д'Агила.*

** Белланже, архитекторъ зданій и садовъ принца д'Артуа, нажившій въ

Революціонная откровенность.

„Въ архіепископскомъ дворцѣ Бальи и Лафайетъ были заняты вопросомъ о захватѣ управленія столицей. Тамъ же были нѣкоторые изъ предводителей партій. Предупреждалось, что Бальи будетъ меромъ, Лафайетъ военнымъ начальникомъ. Отвѣчали: такo да будетъ. Такъ справедливо, что люди естественно стремятся къ повиновенію. Избиратели вернулись въ Думу, и чрезъ посредство постояннаго комитета, денно и нощно засѣдавшаго въ Думѣ, проявляли власть законодательную, исполнительную, административную и судебную. Національное Собраніе предупредительно стремилось произвести столкновеніе избирателей съ участками и желало дать имъ вождя преданнаго исключительно ему, тогда какъ избиратели радовались имѣть своего вождя, чтобъ укрѣпить власть въ своихъ рукахъ. Бальи отправился въ ихъ среду и получилъ тамъ оратскій поцѣлуй, сдѣлавшійся потомъ отличительнымъ знакомъ общности въ вѣроломствѣ между цареубійцами (signe d'une reconnaissance de perfidie entre les régicides).

„Я не мало разговаривалъ съ депутатами. Многіе, которыхъ считалъ людьми заслуживающими уваженія, послѣ выказали себя въ революціонномъ духѣ. Я узналъ, что былъ проектъ обличить, чрезъ нѣсколько дней, въ Собраніи семь лицъ: королеву, графа д'Артуа, принца Конде и его сына, г. Барантена, княгиню де-Ламбаль и воспитательницу королевскихъ дѣтей (gouvernante des enfants de France). Яростнымъ обличителемъ долженъ былъ явиться человѣкъ, потомъ болѣе и болѣе показавшій себя достойнымъ мерзкаго заговора. Я узналъ потомъ, что Лафайетъ орудовалъ среди всѣхъ партій, что онъ надѣялся сдѣлаться генералиссимусомъ мятежа (généralissime de l'insurrection) и питалъ въ себѣ это честолюбіе. Это былъ человѣкъ слабый характеромъ, недальній умомъ, фальшивый. У него былъ въ архіепископствѣ нѣкто Пуаре, приставъ въ Національномъ Собраніи, а прежде, до соединенія сословій, состоявшій при палатѣ дворянъ. Лафайетъ сдѣлалъ его своимъ эмиссаромъ. Въ этотъ вечеръ я въ томъ убѣдился: Пуаре бѣгалъ по порученіямъ, посылалъ въ разныя стороны секретныя письма будущаго генерала Парижа. Лафайетъ съ великимъ увлеченіемъ предавался мелкимъ происканъ. Разсылалъ по участкамъ извѣщеніе о своемъ избраніи".

этомъ званіи состояніе, отличался революціонными чувствованіями. Будучи президентомъ участка Сенъ-Жозефъ, онъ выдалъ приказъ касавшійся рынковъ и торговокъ. Торговки въ приказѣ были названы дамами націи. *Прим. д'Агила.*

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Нѣсколько замѣчаній по поводу повѣствованія кавалера д'Агила.

I.

Наиболѣе поразительный фактъ первыхъ дней революціи въ Парижѣ, рѣзко выступающій и въ разсказѣ кавалера д'Агила, есть оказавшееся въ столицѣ, всего болѣе заботившей правительство, внезапное исчезновеніе всякой правительственной власти, захваченной или точнѣе взятой не только безъ сопротивленія, но даже безо всякаго усилія толпой избирателей, — людей если и не прямо съ улицы, то изъ самаго средняго класса жителей, съ говорунами, преимущественно изъ адвокатскаго и вообще судебнаго міра, во главѣ.

На разстояніи какихъ-нибудь двадцати верстъ, въ Версалѣ — король, дворъ, все государственное управленіе, собраніе представителей націи; при окраинѣ Парижѣ многотысячное скопленіе войскъ, передовой лагерь которыхъ расположенъ на Марсовомъ Полѣ, а въ самой столицѣ полная анархія; въ массѣ паника, въ умахъ возбужденныхъ событіями подобіе мужества—фальшивое вслѣдствіе отсутствія сопротивленія и серіозной опасности. Оттого напереди храбрецы, которые попрятались бы въ щели, будь настоящая борьба. Какъ образовался такой невѣроятный порядокъ вещи?

Въ Парижѣ были губернаторъ, интендантъ, оберъ-полицеймейстеръ (lieutenant de police, должность занимавшаяся статскимъ лицомъ) были парламентъ и судъ Шателе, властно относившіеся къ полиціи; были особыя управленія Тюильри, Люксенбурга, Инвалиднаго Дома, Арсенала, Бастиліи. Министръ двора (ministre de la Maison) распоряжался и имѣлъ нѣкоторыя управленія въ своемъ распоряженіи. Власти кажется было довольно.

Полицейская охрана Парижа возлагалась на полицейскую стражу (guet), отчасти пѣшую, отчасти конную. О составѣ ея мы прочли выше нѣкоторыя указанія кавалера д'Агила. Въ помощь полиціи была военная сила, призывавшаяся по распоряженію полицейскаго начальства и дѣйствовавшая въ такомъ случаѣ по его указаніямъ. Военную силу составляли полки французскихъ гардовъ и двѣ роты (deux compagnies) швейцарскихъ гардовъ, всего отъ семи до восьми тысячъ. Гарды были расположены въ казармахъ. Они держали караулы во дворцахъ, исполняли патрульную службу, отряжались на помощь полиціи въ театры и на гулянья. Полковникъ французскихъ гардовъ при дворѣ пользовался большимъ значеніемъ, чѣмъ париж-

скій губернаторъ, хотя въ іерархіи стоялъ ниже его. Военная сила очевидно была достаточная, чтобы держать городъ въ порядкѣ.

Итакъ властей и средствъ было не мало, но власти дѣйствительной не было. Губернаторство въ прежнее время имѣло большое значеніе, но предъ революціей обратилось въ почетную должность. „Тогдашняя политика, замѣчаетъ въ своей запискѣ Ленуаръ *, самъ бывшій оберъ-полицеймейстеромъ, занималась тѣмъ, чтобъ уравновѣшивать власти, то повышая однѣ, то понижая другія". Губернаторъ выѣзжалъ на торжества сопровождаемый своими особыми гардами (ихъ было пятьдесятъ человѣкъ). Парижскій интендантъ дѣйствовалъ въ своемъ ограниченномъ кругѣ и не имѣлъ такого значенія, какъ интенданты въ провинціяхъ.

Въ протоколахъ засѣданій собранія избирателей о губернаторѣ и интендантѣ упоминается одинъ разъ, и то мимоходомъ, въ заявленіи одного изъ участковъ. Эти лица какъ бы не существуютъ. Оберъ-полицеймейстеръ покорно явился по первому зову собранія. Оберъ-полицеймейстеромъ былъ тогда г. де-Кронъ (de Crosne). Его первоначальная карьера была судебная. Онъ былъ адвокатомъ при судѣ Шателе, затѣмъ совѣтникомъ парламента и рекетмейстеромъ (maître requêtes).

Огромное значеніе по отношенію къ упраздненію мѣстной власти въ столицѣ имѣли дѣйствія парламента и вообще судовъ, игравшихъ въ послѣдніе годы, въ ослѣпленіи своей борьбы съ правительствомъ, роль авангарда революціи. Теперь парламентъ стушевался, но въ 1787 — 1788 годахъ его роль была преобладающею. Уличные безпорядки въ эти годы были нерѣдкимъ явленіемъ. Какъ относился къ нимъ парламентъ и чѣмъ пріобрѣталъ свою популярность, оказавшуюся столь преходящею? Достаточно припомнить, что было въ августѣ 1788 года по случаю отставки Бріена и Ламуаньйона и назначенія министромъ финансовъ вновь Неккера. Сожигались изображенія уволенныхъ министровъ; площадь Дофина, по выраженію Безанваля, походила на поле битвы по громадному количеству брошенныхъ петардъ. Толла хотѣла поджечь домъ Ламуаньйона, и когда это не удалось, бросалась съ тою же цѣлію къ дому графа Бріена, брата уволеннаго министра-архіепископа. Потребовалась военная сила. Произошли столкновенія, наладеніе на домъ начальника внутренней стражи; были убитые и раненые. „Парламентъ, пишетъ въ *Annales Françaises* Салье **, счелъ обязанностію собрать свѣдѣнія о

* Записка Ленуара помѣщена въ третьемъ томѣ *Mémoires tirés des archives de la police de Paris*, par Peuchet. Paris, 1838. Приводимыя нами свѣдѣнія объ управленіи Парижа заимствованы изъ этой записки.

** Peuchet, III, 177.

происшедшемъ, и первое послѣ того собраніе его обратилось въ возданіе почестей черни. Ничѣмъ не оправдываемое безпорядочное волненіе, сцены крайняго буйства представились невинными въ глазахъ парламента, а обвиняемыми явились полицейскіе офицеры и военные начальники. Декламаціи вожаковъ партіи были повторяемы судебными сановниками. Они говорили, какъ бы въ священномъ негодованіи, о преступной стрѣльбѣ въ народъ, о неизвѣстномъ, но надо де думать, громадномъ числѣ убитыхъ и раненыхъ. Рисовали картину какъ солдаты будто бы не усмиряли мятежныхъ, но безразлично набрасывались на всѣхъ проходящихъ и т. д. Послѣдствіемъ этихъ рѣчей былъ призывъ къ рѣшеткѣ парламента оберъ-полицеймейстера и начальника внутренней стражи (commendant de guet). Ихъ призвали среди засѣданія. Народъ, наполнявшій залы, нагло ликовалъ. Призванные сановники были оскорбляемы при проходѣ; надо было тайкомъ проводить ихъ изъ засѣданія, чтобы спасти отъ ожидавшихся оскорбленій при выходѣ. Парламентъ заключилъ засѣданіе постановленіемъ подвергнуть разслѣдованію не сборища и мятежныя дѣйствія, но превышеніе власти со стороны полиціи и внутренней стражи. Другимъ постановленіемъ, болѣе благоразумнымъ, воспрещались сборища и пусканіе ракетъ. Но, чтобы не потерять расположенія толпы, въ томъ же постановленіи прибавлено увѣщаніе полиціи обращаться съ народомъ гуманно, благоразумно и умѣренно. Народъ такъ хорошо понялъ постановленіе, что сборища и шумныя выраженія продолжались попрежнему, полиція и стража были правильно каждый вечеръ оскорбляемы".

Революціонное воспитаніе народа принесло свои плоды, когда наступили дни волненій, и власть оказалась исчезнувшею. Самоупраздненіе мѣстной власти было отраженіемъ самоупраздненія власти центральной. Съ эпохи Національнаго Собранія центральную власть можно считать упраздненною. „Истина, говоритъ конституціоналистъ Рабо Сентъ-Этьенъ въ своемъ *Очеркѣ французской революціи* *, была въ томъ, что королевская власть была пріостановлена (suspendu) на время, когда представители народа составляли новую конституцію. Собраніе, впрочемъ, не осмѣлилось произнести этого слова. По выраженію многихъ членовъ, оно набросило религіозное покрывало на эту важную, но опасную истину".

Въ Парижѣ избиратели поняли себя органами новаго верховнаго правительства, отрѣшившаго монархію отъ дѣлъ.

Бальи плѣняетъ захватъ власти избирателями, и онъ оправдываетъ его довольно оригинальнымъ образомъ (*Mém* I, 329). Онъ говоритъ,

* *Précis d'histoire de la Révolution Française*; par Rabaut St. Etienne et Lacretelle. Nouv. edition. Bruxelles, 1818, стр. 57.

что въ минуты парижской паники, когда „можно было не признавать никакого закона, кромѣ закона необходимости, уваженіе къ закону было настолько сильно, что не думали, чтобы народъ могъ вооружиться безъ какого-либо распоряженія власти (sans autorisation quelconque). Въ эти то минуты повторяемыя требованія о вооруженіи народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость и опасность вручили власть избирателямъ".

Въ запискахъ Дюсо находимъ болѣе простое поясненіе этого оригинальнаго „врученія власти".

Парижскіе избиратели были собраны въ концѣ апрѣля 1789 года въ зданіи Архіепископства (l'Archevêché) для выбора депутатовъ въ Собраніе отъ третьяго сословія. Выбрали депутатовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ засѣданіи 10 мая самовольно — какъ все дѣлалось въ эту эпоху — постановили не расходиться, пока будетъ продолжаться Собраніе сословныхъ представителей, чтобъ имѣть возможность давать своимъ избранникамъ новыя наставленія. Это было совершенно незаконно. Тѣмъ не менѣе засѣданія продолжались, пока наконецъ правительство рѣшилось объявить сборище распущеннымъ, и зданія Думы и Архіепископства были закрыты для избирателей. „Утверждали, пишетъ Дюсо *, что наши полномочія кончились. Но мы думали иначе и дѣйствовали сообразно нашему убѣжденію, увѣренные, что истинные граждане всегда имѣютъ право спасать отечество. Но гдѣ было намъ собираться? Залы Архіепископства и Думы, по отправкѣ депутатовъ, были для насъ одинаково заперты. Опасаясь потерять плоды нашихъ первыхъ трудовъ, мы осмѣлились 25 іюня, подъ бдительнымъ (?) глазомъ служителей деспотизма, встревоженныхъ болѣе чѣмъ когда-либо, собраться среди бѣлаго дня въ числѣ двухъ или трехъ сотъ въ залъ Музея на улицѣ Дофина, занятый подъ трактирное помѣщеніе. Залъ этотъ прежде служилъ для литературныхъ собраній, но тогда была снятъ трактирщикомъ. Мы нашли тамъ свадебную пирушку съ восьмидесятью приглашенными. Какъ только они узнали что̀ насъ сегодня привело, всѣ—мущины, женщины и до дѣтей включительно—тотчасъ удалились, расцѣловавъ насъ и поздравивъ. Трактиръ подобно Версальскому манежу для игры въ мячъ (Jeu de paume) послужилъ колыбелью нашей рождающейся свободы".

Одинъ изъ членовъ импровизованнаго собранія доказывалъ, что избиратели имѣютъ право требовать, чтобы двери Думы были имъ отперты. „Идите за мною!" заключилъ ораторъ. „Граждане, куда бѣжите?" воскликнулъ другой. „Вспомните, что народъ, толпящійся вокругъ сей ограды, любящій и чтущій васъ, ждущій результатовъ

* *Mém. de Dusaulx*, стр. 269.

вашихъ преній, немедленно пойдетъ предъ вами. Сорокъ тысячъ человѣкъ оскорбленныхъ отказомъ, сдѣланнымъ ихъ представителямъ, разобьютъ стѣны древняго убѣжища вашего, и можетъ-быть разрушатъ дворецъ парижской общины (le palais de commune). Развѣ не видите, что всякое насиліе подвергнетъ опасности городъ и компрометируетъ Національное Собраніе. Ночь приближается. Останьтесь здѣсь, займемся нашимъ великодушнымъ проектомъ. Головой отвѣчаю, завтра вы получите то, въ чемъ, сегодня вамъ отказано". Послушались совѣта. Начались рѣчи. Одинъ молодой человѣкъ говорившій „мудро и зрѣло", вдругъ воспламенился и закричалъ: „къ оружію!" Одни содрогнулись, другіе съ улыбкой ему замѣтили: „молодой человѣкъ, еще не время; отложите предложеніе на двѣ недѣли".

Таково въ сокращеніи куріозное описаніе Дюсо первыхъ подвиговъ избирателей. Авторъ падокъ на литературныя прикрасы, но и сквозь нихъ нетрудно усмотрѣть характеристическія черты анархической игры, участники которой воображали себя бойцами за свободу противъ деспотизма, тогда какъ на дѣлѣ были орудіемъ, въ большинствѣ безсознательнымъ, мятежа вызваннаго правительствомъ, отказавшимся отъ себя и обнаружившимъ всю свою ничтожность въ минуты сильнѣйшаго политическаго возбужденія страны, имъ же порожденнаго

II.

13 іюля мы находимъ собраніе избирателей уже властвующимъ: за самоупраздненіемъ правительственной власти, они оказались единственною властію въ столицѣ. Первыя слова протокола гласятъ: „Собранію доложено, что оберъ-полицеймейстеръ проситъ о допущеніи его въ собраніе, чтобы сообщить согражданамъ, согласно приглашенію полученному имъ вслѣдствіе состоявшагося въ это утро постановленія общаго собранія избирателей, тѣ свѣдѣнія какія онъ имѣетъ относительно средствъ къ обезпеченію продовольствія столицы. Оберъ-полицеймейстеръ былъ введенъ вмѣстѣ съ городскимъ головою, королевскимъ прокуроромъ города (procureur du roi et de la ville) и гласными (échevins), и изложилъ, что снабженіе столицы припасами отъ него не зависитъ; что на него возложено лишь равномѣрное распредѣленіе привозимаго въ Парижъ (distribution égale de tous les commestibles qu'on amenait à Paris)".

Такимъ образомъ правительственные агенты являются какъ подчиненные въ собраніе, признанное правительствомъ за незаконное! Затѣмъ, какъ видно изъ протокола, Думу наводняютъ депутаты отъ участковъ со своими заявленіями (подробности мы читали выше въ

описаніи д'Агила. Требуютъ учрежденія городскихъ гардовъ (garde bourgeoise, названныхъ потомъ національ гардами); просятъ оружія и военныхъ запасовъ. „Все это производитъ, записано въ протоколѣ, невыразимыя сумятицу и толкотню (un tumulte et une confusion inexprimables)".

Являются делутаты отъ судебныхъ писцовъ (clercs du palais) съ предложеніемъ услугъ въ качествѣ отряда волонтеровъ; то же предлагаютъ клерки суда Шателе (clercs du Chatêlet), высказывая, что смотрятъ на избирателей „какъ на истинныхъ представителей гражданъ Парижа (des bourgeois de Paris) въ минуты когда свобода депутатовъ связана". Отъ имени учениковъ хирургіи (élèves de chirurgie) является главный хирургъ больницы Шарите.

Приходили французскіе гарды, наканунѣ участвовавшіе въ уличномъ столкновеніи, утромъ шатавшіеся по участкамъ. Собраніе „съ увлеченіемъ апплодируетъ чувствамъ сихъ храбрыхъ воиновъ", шлетъ посланцевъ по казармамъ съ выраженіемъ благодарности и чтобъ условиться съ начальствующими.

Начальникъ мѣстной стражи отъ имени своей команды заявляетъ подчиненіе собранію и готовность исполнять его велѣнія на защиту города. Какой-то неизвѣстный является съ сообщеніемъ, что многіе солдаты расположенные у Парижа готовы оставить ряды и явиться защитниками города. Сообщеніе оказывается невѣрнымъ. Приносятъ массу писемъ, неизвѣстно зачѣмъ захваченныхъ при заставахъ. Поднимается вопросъ прямо ли распечатывать письма и читать вслухъ, или получить предсѣдателю ознакомиться предварительно съ ихъ содержаніемъ и сообщить то что̀ найдетъ нужнымъ. Рѣшено читать вслухъ, такъ какъ для пользы государству нѣтъ секретовъ. Читаютъ. Письма оказываются самаго невиннаго частнаго содержанія. Сцены съ задержанными экипажами и повозками, привозимыми на площадь предъ Думой, описанныя кавалеромъ д'Агила, подтверждаются протоколомъ.

Ночью, когда у бюро остались только нѣкоторые представители постояннаго комитета избраннаго собраніемъ для заправленія дѣлами, приходятъ какія-то темныя личности съ разными вѣстями, оказывающимися ложными. Къ утру въ разныхъ мѣстахъ въ Думѣ найдены спящими до полутораста бродягъ „упившихся виномъ и водкой", какъ значится въ протоколѣ.

Нетрудно замѣтить, что главныя нити происходившаго въ собраніи избирателей и вообще въ Парижѣ шли изъ Версаля отъ революціонныхъ вожаковъ Національнаго Собранія. И 13 іюля нѣкоторые изъ избирателей по порученію товарищей были въ Версали, и, вернувшись оттуда, подробно сообщали—какъ записано въ протоколѣ—о происходившемъ въ резиденціи двора и представителей націи,

о словахъ короля, рѣчахъ и постановленіяхъ Собранія. Отъ вожаковъ революціи шла мысль о вооруженіи Парижа и учрежденіи національгардовъ. Вернувшіеся изъ Версаля избиратели принесли между прочимъ записку, переданную имъ въ Національномъ Собраніи и въ которой одинъ изъ депутатовъ, „Люлонъ, conseiller d'état, кавалеръ ордена Розы", и его сынъ предлагали свои услуги въ случаѣ учрежденія городской милиціи (milice bourgeoise).

Избиратели хозяйничали, но ни они и никто въ Парижѣ не ожидалъ, чтобы правительственная власть оказалась столь слабою, какъ это обнаружилось на дѣлѣ, послѣ невѣроятныхъ успѣховъ мятежа, увѣнчавшихся взятіемъ Бастиліи. Инстиктивно слабость власти чувствовалась всѣми; въ мятежныхъ рядахъ внутренно присутствовала увѣренность, что ничего рѣшительнаго со стороны власти не послѣдуетъ, и это придавало жару и дерзости; въ то же время силу деспотизма, которую якобы предстояло сломить, усиленно выставляли какъ нѣкоторое страшилище.

Страшилище однако боялось собственной тѣни. Идея власти была разрушена въ умахъ. Всякое проявленіе власти дѣйствительно существующей, исторически сложившейся, отождествлялось съ ненавистнымъ деспотизмомъ. Такъ смотрѣли на власть не подчиненные только, но и тѣ кто ее имѣли: правящіе классы, министры, градоначальники, военачальники. Господство должно принадлежать только разуму (не опредѣлялось чьему; подразумѣвалось: не отдѣльнаго лица, а нѣкоторому неопредѣленному, коллективному); подчиненіе должно быть слѣдствіемъ убѣжденія а не принужденіемъ. Власть казалась унаслѣдованнымъ капиталомъ нечистаго происхожденія: однимъ представлялось, что надлежитъ пользоваться имъ на свою выгоду, не стѣсняясь мыслію о его источникѣ; другимъ—что надлежитъ искупить неправду пріобрѣтенія благотворящимъ, мягкимъ, выкупающимъ пользованіемъ.

Но какъ ни слаба была власть, она имѣла однако въ распоряженіи своемъ еще могущественное средство, къ которому, казалось, естественно должна была прибѣгнуть въ трудныя минуты. Она имѣла въ рукахъ значительную военную силу. Роль военной силы по отношенію къ революціоннымъ событіямъ заслуживаетъ особаго вниманія.

Революція вообще шла двумя путями: путемъ возбужденія умовъ чрезъ ораторство и постановленія въ собраніяхъ и чрезъ связанный съ ними общественный говоръ, и путемъ мятежа на улицахъ. Ораторство было подготовленіемъ, мятежъ рѣшающимъ аргументомъ. Затѣмъ новое дальнѣйшее возбужденіе, завершаемое новымъ мятежомъ. По такой схемѣ шли событія со ступени на ступень чрезъ историческіе „дни" мятежа. Торжество и успѣхъ аргументаціи помощію

мятежа обусловливались отсутствіемъ сопротивленія. События шли такъ, какъ будто въ странѣ не было военной силы. На самомъ дѣлѣ сила эта была многочисленна, но значительная часть ея находилась уже въ состояніи революціоннаго разложенія. Пугливое и неспособное правительство Лудовика XVI преувеличивало степень этого разложенія и считало вовсе невозможнымъ опереться на армію. Это было одною изъ роковыхъ ошибокъ. Довольно крупныя доли арміи были еще вполнѣ надежны, да и самое разложеніе было скорѣе явленіемъ крайней распущенности, чѣмъ дѣйствительною порчей военнаго духа.

Есть сочиненіе, мало извѣстное, говорящее о событіяхъ первой революціонной эпохи не въ Парижѣ, а въ Страсбургѣ, но которое, кажется намъ, болѣе чѣмъ какое-либо другое, знакомитъ со внутреннимъ состояніемъ французской арміи въ дни революціи.

Сочиненіе это—Записки Даммартена, озаглавленныя: *События, происшедшія на моихъ глазахъ во время Французской революціи*, изданныя въ Берлинѣ въ 1799 году и посвященныя „покойному королю Прусскому“ (Фридриху Великому) *. Здѣсь находимъ любопытныя описанія и указанія, которыя вводятъ насъ въ процессъ разложенія, какому подвергалась армія въ эпоху, когда подготовлялись и потомъ свершились событія 1789 года. Заимствуемъ изъ Записокъ нѣсколько чертъ. Онѣ настолько рѣзки, что не нуждаются въ комментаріяхъ.

III.

Во время іюльскихъ волненій авторъ служилъ въ войскахъ, находившихся въ Страсбургѣ. Когда пришла вѣсть о негаданномъ успѣхѣ парижскаго возстанія и о взятіи Бастиліи, она произвела въ Страсбургѣ, какъ и повсюду, поразительное впечатлѣніе. Вѣсть, согласно господствовавшему настроенію, принята съ восторгомъ, какъ побѣда „народа“ надъ „деспотизмомъ“. Но радость скоро смѣнилась безпокойствомъ. Съ быстротой разнеслись пущенные слухи о шайкахъ разбойниковъ, соединяющихся, чтобы грабить и убивать. Въ три часа дня бьютъ тревогу. Отрядъ, къ которому принадлежалъ авторъ Записокъ, садится на коней и направляется на площадь предъ городскою думой. По пути встревоженные жители умоляютъ поспѣшить, говоря, что разбойники уже заняли важные пункты. Въ то же время нѣ-

* *Evenements qui se sont passés sous mes yeux pendant la Révolution Française*, ouvrage dédié au feu Roi du Prusse, par A. H. Dammartin, Berlin, 1799.

сколько лицъ, хорошо одѣтыхъ, весьма, повидимому, спокойныхъ, обращаются къ начальнику отряда съ совѣтомъ раздать оружіе гражданамъ, горящимъ де желаніемъ раздѣлить опасность дня съ дорогими братьями военными. На площади такое зрѣлище. Восемь тысячъ человѣкъ съ пушками, выстроенныхъ въ боевомъ порядкѣ, сложа руки смотрятъ, какъ на глазахъ ихъ грабятъ зданіе Думы. Люди въ лохмотьяхъ, видные въ окнахъ, ломаютъ и выбрасываютъ все попадающее подъ руку. Обломки мебели летятъ въ отрядъ. Начальникъ войскъ, генералъ Рошамбо, еще не показывался. Нѣкогда храбрый и достойный офицеръ, онъ, среди правительственной и всяческой безурядицы эпохи, подобно большинству начальствовавшихъ того времени, чувствовалъ себя въ состояніи безвыходнаго безсилія, теряясь въ хаосѣ слуховъ и предположеній. Разказывали что гарнизонъ уже въ заговорѣ, что нападеніе на разбойниковъ будетъ сигналомъ общаго возстанія, что въ подвалахъ Думы огромный складъ оружія и скрыты двѣ тысячи человѣкъ. Генералъ боялся своего гарнизона и не довѣрялъ своимъ ближайшимъ подчиненнымъ

Въ Думѣ уже трещали желѣзныя двери архива, и воздухъ наполнился клочками разорванныхъ документовъ, когда наконецъ показался генералъ: двумъ офицерамъ удалось разсѣять его опасенія относительно благонадежности настроенія войска. Онъ приближается къ отряду и начинаетъ рѣчь: „Друзья мои, добрые друзья, видите что происходитъ. Какой ужасъ! Это ваши бумаги, грамоты вашихъ родныхъ!“ Странная рѣчь о бумагахъ и грамотахъ солдатъ вызываетъ улыбки. Генералъ почти убѣждается въ существованіи измѣны и удаляется, не сдѣлавъ распоряженія. Къ счастію, нашелся наконецъ нѣсколько энергическій человѣкъ. Начальникъ одного изъ отрядовъ, принцъ Фридрихъ Гессенъ-Дармштадтскій, проситъ дозволенія очистить Думу и послѣ нѣкотораго колебанія получаетъ его. Чрезъ десять минутъ безъ выстрѣла Дума освобождена отъ двухъ-трехъ сотенъ оборванцевъ, въ большинствѣ пьяныхъ. Нѣкоторые падаютъ на первыхъ шагахъ. Зрѣлище возбуждаетъ смѣхъ. Двое умерли, но не отъ оружія, а съ перепоя. Ночью приходили женщины, прося отпустить задержанныхъ. Судебный чинъ, наблюдавшій за ними, отпускалъ при малѣйшемъ предлогѣ. Осталось двѣнадцать наиболѣе виновныхъ или скорѣе такихъ, за кого некому просить.

Тѣмъ не менѣе приступлено было къ организаціи національной гвардіи, какъ будто мало было силы. Для поддержанія тревоги розказни не прерывались: то соборъ будетъ взорванъ, то госпиталь въ опасности. Отряды передвигались, выставлялись кавалерійскіе пикеты, ходили патрули. Войскамъ было предписано брататься съ новыми товарищами. Скоро обнаружились послѣдствія братскаго сближенія

солдатъ съ гражданами. Недѣли черезъ двѣ послѣ событія нѣсколько офицеровъ, сидѣвшихъ за обѣдомъ, услышали крики на улицахъ. Оказалось, что улицы полны солдатами, празднующими щедрость думскихъ властей, раздавшихъ по двѣнадцати су на солдата изъ городскихъ суммъ, въ знакъ благодарности города. Генералъ Ромамбо выѣхалъ со штабомъ, надѣясь внушительнымъ появленіемъ возстановить порядокъ. Его обступила тысяча солдатъ съ настойчивою просьбой выпустить для такого праздника всѣхъ наказанныхъ. Генералъ отказалъ. Вечеромъ казармы были пусты; большинство не явилось на перекличку. Въ воздухѣ по городу болѣе чѣмъ когда-либо раздавались лѣніе и крики. Хотѣли было послать дежурныхъ собирать лирующихъ по улицамъ и кабакамъ. Рѣшили предоставить дѣло его теченію. Пусть угомонятъ усталость, сонъ и недостатокъ денегъ. Надежда не оправдалась. Буйство продолжалось до пяти часовъ утра. Солдаты выходили изъ кабаковъ, не платя денегъ, и собирались въ кучи. Къ генералу отправилась депутація возобновить просьбу объ освобожденіи наказанныхъ и о томъ, чтобъ отрядъ Гессенскаго принца, задержанный въ казармахъ, получилъ дозволеніе принять участіе въ общемъ праздникѣ. На послѣднюю просьбу послѣдовало разрѣшеніе, несмотря на представленіе принца, что отрядъ его состоитъ по большей части изъ дезертировъ, которыхъ сдержать можно только строгою дисциплиной. И утромъ казармы были пусты: никто не являлся на службу, солдаты уходили съ карауловъ. Требованія выпустить наказанныхъ возобновились. „Вмѣсто того, чтобъ унижать себя просьбами, возьмемъ сами чего не могли добиться отъ справедливости генерала“, заявилъ одинъ изъ солдатъ. Предложеніе было принято. Толпа двинулась къ тюрьмѣ. Ромамбо выѣхалъ ей на встрѣчу и опять произнесъ рѣчь, которую на этотъ разъ заключилъ приказаніемъ вернуться, грозя иначе прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости. Одинъ гренадеръ нагло закричалъ: „ну что же, генералъ, посмотримъ, какія это ваши пресловутыя мѣры. Употребляйте всю вашу власть, не сдерживайте гнѣва“. Ромамбо круто повернулъ лошадь и ускакалъ, сопровождаемый блестящею свитой. Водворилось полное безначаліе. Торговый, обширный и многолюдный городъ остался безо всякой охраны. Купцы заперли лавки, жители скрылись подъ свои кровли; улицы были наполнены пьяными солдатами и проститутками. Солдаты съ бутылками въ рукахъ останавливали проходящихъ, заставляя пить за здравіе націи. Наконецъ реакція пришла со стороны, откуда ея не ждали. Войска состояли отчасти изъ французскихъ, отчасти нѣмецкихъ полковъ. Нѣмецкіе солдаты имѣли ту выгоду, что хорошо понимали мѣстный языкъ. Это возбуждало зависть, споры, перешедшіе въ открытый разрывъ. Французскіе гренадеры соединились. Явилась мысль, ловко поддержанная старыми сержантами, что

славно было бы возстановить тишину и порядокъ и возвратиться къ дисциплинѣ добровольно. Депутаты явились къ генералу; охотно были приняты. Ромамбо обнаружилъ на этотъ разъ тактъ и благоразуміе, воспользовался обстоятельствами. Порядокъ мало-по-малу былъ возстановленъ.

Извѣстія о безпорядкахъ въ Страсбургѣ дошли до Національнаго Собранія. Что же дѣлаетъ собраніе, вѣрное плану привязывать къ себѣ войска? Оно, говоритъ авторъ Записокъ, выдаетъ декретъ, которымъ „побуждаетъ солдатъ предъявить жалобы на несправедливости, какія безъ сомнѣнія они потерпѣли (faire des réclamations contre les injustices qu'ils avaient *sans nul doute éprouvé*)“.

Вотъ въ какихъ условіяхъ находилась французская армія въ первую эпоху революціи.

Въ дореволюціонной Франціи армія составлялась не путемъ набора, а помощію вербовки охотниковъ на восьмилѣтній срокъ. Въ охотники шли обыкновенно люди, предпочитавшіе лагерную и гарнизонную жизнь земледѣльческимъ работамъ или сидѣнью въ мастерскихъ: не мало было такихъ, кого разгулъ выгналъ изъ отцовскаго дома или изъ учебныхъ заведеній. „Словомъ, говоритъ Дамартенъ, у народа горячаго, шумливаго, немножко развратнаго, армія состояла изъ того, что было въ немъ наиболѣе горячаго, наиболѣе шумливаго и наиболѣе развращеннаго“. Вступали обыкновенно въ періодъ отъ 16 до 22 лѣтъ, часто вслѣдствіе минутнаго увлеченія; многіе изъ круга достаточныхъ, „не такъ легко переносившихъ бремя службы, какъ покорный крестьянинъ“. Отсюда многочисленныя дезертирства, несмотря на то что армія состояла изъ вольноопредѣляющихся. Въ прежнее время, лѣтъ за двадцать до революціи, немногіе солдаты умѣли читать и писать. Предъ революціей грамотность была уже сильно распространена, „многіе солдаты были въ состояніи читать и понимать журналы, издали предрасполагавшіе ихъ къ возмущенію. Нерѣдко вольноопредѣлявшіеся изъ городскихъ были образованнѣе многихъ офицеровъ, воспитывавшихся безъ выѣзда въ деревенскихъ замкахъ своихъ отцовъ“.

Понятно, какой подвижной матеріалъ представляла такая армія. Все зависѣло отъ начальствовавшихъ и отъ установленной дисциплины. Всѣ тѣ части арміи, которыя по счастливой случайности были въ рукахъ энергическихъ и способныхъ людей (каковъ былъ, напримѣръ, Булье), оставались вѣрны долгу и дисциплинѣ и могли доставить оплотъ власти. Но большинство начальствовавшихъ были въ уровень съ разлагавшимся правительствомъ.

Храбрости, военной чести, товарищескаго духа, несокрушимой преданности своему знамени и своему отряду всегда было не мало во французской арміи. Качества эти перешли потомъ въ республиканскіе полки, рекрутировавшіеся путемъ усиленныхъ наборовъ.

Замѣчательно, что духъ республиканскихъ армій въ существѣ далеко не былъ республиканскимъ. Даммартенъ передаетъ, что ему не разъ случалось говорить со служившими въ республиканскихъ арміяхъ, сдѣлавшимися капитанами, полковниками. Они приходили къ нему, какъ къ лицу извѣстному преданностью Лудовику XVI и „по цѣлымъ часамъ оплакивали участь несчастнаго монарха“. Даммартенъ однажды спросилъ: „какъ съ такими чувствами могли вы сражаться за Робеспьера“? Ему отвѣчали: „когда мы потеряли нашихъ прежнихъ руководителей, нашихъ офицеровъ, никто изъ насъ не зналъ болѣе что̀ хорошо, что̀ дурно. Непріятель былъ предъ нами. Ни одинъ хорошій солдатъ не пропуститъ случая обнаружить доблесть. Честнѣйшіе и лучшіе роялисты, люди преданные католической религіи, обнаруживали наиболѣе мужества; въ дни битвъ ихъ примѣръ внушалъ храбрость и якобинскимъ жабамъ, которыя горланили только въ то время, когда не было опасности (à ces crapauds jacobins qui ne braillaient que quand il n'y avait pas de danger). Между нами одни еще ласкали себя надеждой пріобрѣсти подвигами достаточно кредита въ арміи, чтобы помочь возстановленію порядка во Франціи; другіе, отчаявшіеся, желали только умереть смертію храбрыхъ, не думая о послѣдствіяхъ“. Одинъ полковникъ сказалъ со слезами: „Мы увидимъ, конечно, въ раю *тирана*. Бѣдный *тиранъ* былъ поистинѣ честный, добрый, справедливый человѣкъ. Онъ желалъ только блага націи“. Они такъ привыкли называть Лудовика XVI тираномъ, что и не замѣчали противорѣчія въ своихъ словахъ, прибавляетъ Даммартенъ (II, 219).

Таковы были въ огромномъ числѣ республиканцы арміи Робеспьера. Въ одномъ изъ сраженій республиканскій полковникъ повелъ въ огонь свой отрядъ, воскликнувъ: „не забудьте, что вы Royal-Boussillon“! (по прежнему имени полка).

VI.

Продолженіе повѣствованія казалера д'Агила.

Интриги, вельнія столицы.

„Бальи, Лафайетъ и ихъ друзья съ ночи на 16 іюля занялись предварительными интригами, прежде чѣмъ перейти къ трудамъ муниципальнымъ и военнымъ. 16-го утромъ ночныя толпы Гревской площади и Пале-Рояля предоставили дневнымъ пренія, ловко возбужденныя агентами двухъ временныхъ командировъ Парижа. Пренія шли по волросу: почему король не прибылъ, чтобъ утишить безпокойство народа. Мятежники, гордые вчерашнею депутаціей, ободренные двумя заговорщиками, которыхъ Собраніе видимо желало поставить во главѣ ихъ, въ запуски воспламенялись въ преніяхъ. Умы разгорѣлись еще болѣе, когда всякій страхъ миновалъ, благодаря приходившимъ вѣстямъ объ удаленіи войскъ, о возвращеніи министровъ-гражданъ и новомъ вызовѣ Неккера. Люди, изъ страха королевской власти сдерживавшіе свое фанатическое увлеченіе прелестями революціи, сдѣлались шумнѣе висѣльниковъ (lanterneurs и головорѣзовъ. Провозглашено необходимымъ, чтобы король прибылъ въ Думу; посланы эмиссары въ Собраніе сказать, что Парижъ желаетъ видѣть короля. Нашлись посредники, сообщившіе королю о вызванномъ деобовью страстномъ желаніи народа. Все это было разукрашено общими мѣстами, чтобы доказать монарху необходимость согласиться. Въ тотъ же день 16-го стало извѣстнымъ, что хотя король несовсѣмъ здоровъ, однако удовлетворитъ просьбѣ, какъ можно скорѣе. Въ виду легкости достиженія перваго желанія стали уже толковать о необходимости удержать короля въ Парижѣ. Минута не была еще достаточно тому благопріятна. Но уступчивость короля всегда была, въ продѣлкахъ мятежниковъ, опорною точкой ихъ движенія. Безнаказанность, обезпеченная избыткомъ снисходительности монарха, предавала робкихъ въ руки наглецовъ и честныхъ въ руки плутовъ, и пресѣкала средства къ возвращенію на путь повиновенія.

„Король неизбѣжно долженъ былъ попасть въ руки одной изъ двухъ партій образовавшихся со времени засѣданія въ Манежѣ. Послѣ присяги нельзя было скрывать этого отъ себя. Къ несчастію, именно партія зла обнаружила твердость и искусство, требуемыя для такого предпріятія. Множество людей всякаго положенія такъ или иначе содѣйствовали революціи, даже въ рядахъ партіи ей враждебной. Не должно забывать, что въ этой партіи не мало было трусовъ все готовыхъ предать, неспособностей всему вредящихъ, хотя за все берущихся, продажныхъ душъ, слабо державшихся монарха, казна котораго казалась надолго истощенною.

Распоряженія въ Версали и въ Парижѣ.

„Лудовикъ XVI—и на это требовалось съ его стороны не мало мужества—рѣшился отправиться въ Парижъ, и 16-го далъ знать Собранію о намѣреніи своемъ прибыть въ Думу на другой день, въ пятницу 17-го, слѣдовательно на третій день послѣ свершенныхъ тамъ убійствъ. Ночью король исповѣдался, привелъ въ порядокъ свои частныя дѣла, сжегъ бумаги (безполезные планы безполезныхъ министровъ, съ самаго начала царствованія открывшихъ широкій

путь къ революціи). Національное Собраніе само себя пригласило отправиться въ Парижъ для принятія короля. Городская стража Версаля обсуждала вопросъ о томъ, чтобы сопровождать короля.

„Въ эту ночь Лафайетъ, управлявшій столицей подъ распоряженіемъ ея временнаго мера, размѣстилъ патрули и далъ приказъ по постамъ, замыкавшимъ дорогу въ Версаль, пропускать бандитовъ съ ихъ дамами, если они туда отправятся. Поручилъ всѣмъ карауламъ шестидесяти участковъ оповѣстить гражданъ, чтобы всѣ могущіе носить оружіе собрались къ пяти часамъ утра. Указаны были мѣста, какія должны были занять участки отъ Думы до Рѣшетки на набережной Шальйо (Grille de la Conférence). Кареты любопытствующихъ должны направляться на дворъ королевы (dans la cour de la Reine). Лафайетъ умолялъ соблюсти на этомъ первомъ собраніи парижской силы порядокъ и спокойствіе. Никакихъ криковъ кромѣ: „да здравствуетъ нація“! Особыя распоряженія были сдѣланы касательно французскихъ гардовъ и пушекъ.

„Караульни были наполнены людьми болѣе шумливыми, чѣмъ мятежными. Послали ночью ходить по домамъ для оповѣщенія. Болѣе наглые разражались угрозами, если не встрѣчали отвѣта на свой жаръ. Ихъ способъ *говорить* тревогу (parler la générale) былъ шумливѣе обычнаго способа ее *бить* (de la battre). Былъ уже цѣлый репертуаръ, долженствовавшій фигурировать въ этомъ подобіи вооруженія: всякая желѣзка, сплющенная или заостренная, разные ремесленные, садовые инструменты и прочее, привязанные бичевками къ острію шестифутовой палки изображали оружіе. Пики и аллебарды были уже въ большомъ количествѣ. Такъ вооруженные взрослые, старики, дѣти представляли на первый взглядъ внушительное зрѣлище.

„Было приказано стоять шпалерами на улицахъ и не переходить съ одной стороны на другую послѣ девяти часовъ. Потому жены ускоряли военный туалетъ мужей въ нелегкой для нихъ обмундировкѣ ряженыхъ. Да и сами слѣшили на длинный путь, какимъ долженъ былъ проходить король.

„Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы войска были двинуты на Парижъ около восьми или девяти часовъ, то захватили бы три четверти столицы, занявъ мѣста, которыя пресѣкли бы подвозъ припасовъ, и взяли бы обратно Бастилію, которою тогда управлялъ Бриссо. Увѣренность въ удаленіи арміи направила заботы исключительно на то что льстило въ тотъ день самолюбію Бальи и Лафайета Конечно, потребовалось бы, чтобы въ то же время отрядъ съ артиллеріей вывелъ королевское семейство изъ Версаля.

День 17 іюля 1789 года.

„Слыша что говорилось въ этотъ день, видя, какой внезапный и прискорбный шагъ заставляли сдѣлать Людовика XVI, зная, что при твердой рѣшимости всегда можно достичь желаемаго, я порѣшилъ самовольно и на свой рискъ дождаться подальше, на пути короля, его проѣзда и при дверцѣ кареты сопровождать его въ Парижъ. Я отправился до Пасси; встрѣчалъ группы людей, разсѣянныя по пути. Чтобы выбрать отдѣльный постъ я достигъ мѣста именуемаго Point du jour. Тамъ было двѣ кареты для перекладки его величества. Нѣсколько выше былъ расположенъ отрядъ объѣздной стражи (maréchaussée). Всадники безъ начальника не знали, что имъ дѣлать; признались мнѣ, что находятся въ большомъ затрудненіи, не получая никакихъ распоряженій, встрѣчая не разъ оскорбленія. Я пожалѣлъ этотъ славный народъ, они повторяли, то что я хорошо зналъ. Я поставилъ ихъ полукругомъ предъ каретой. Было восемь часовъ утра.

„Уже депутаты въ коляскахъ съ женами направлялись къ Парижу. Нѣкоторые были очень веселы, другіе задумчивы. Въ моемъ голубомъ платьѣ со всадниками позади меня я имѣлъ видъ протектора поѣзда. Депутаты чрезвычайно заботились о популярности. Многіе сложили въ одномъ изъ сосѣднихъ домовъ ящики, запертые на ключъ, чтобы, говорили они, не найти ихъ обысканными по прибытіи. Ящики были тяжелые. Содержали ли они въ себѣ оружіе, деньги, бумаги—этого я не могъ узнать. Услышалъ я, что король выѣдетъ изъ Версаля въ 9 часовъ въ сопровожденіи городскихъ гардовъ (garde bourgeoise). Но отъѣздъ замедлился. Время проходило. Женщины, дѣти спрашивали меня, могутъ ли кричать: „да здравствуетъ король!“.—„А что же хотите вы кричать“?—„Да здравствуетъ нація“, отвѣчали они.—„Васъ сбиваютъ съ толку тѣмъ что говорятъ“.—„Въ такомъ случаѣ будемъ кричать: да здравствуетъ Людовикъ XVI... Но если будетъ и королева“?—„Ну, такъ кричите: да здравствуетъ королева“.

„Около полудня вижу ѣдетъ Лафайетъ въ сѣромъ платьѣ, сопровождаемый банкирами-избирателями, сдѣлавшимися его гражданскими адъютантами (aides-de-camp bourgeois). Всѣ были верхомъ. Такъ какъ мои намѣренія не совпадали съ его намѣреніями, ибо я имѣлъ въ виду останавливать сволочь, идущую изъ Версаля, то я былъ весьма доволенъ видя, что онъ удаляется. Его льстивый тонъ и слабость породили бы безпорядки. А около насъ все было спокойно, почтительно, какъ встарь при проѣздѣ государя. Въ двѣнадцать часовъ съ половиной, сгарая отъ нетерпѣнія, я отправился къ Севру. Мнѣ сказали о нѣсколькихъ быстро проѣхавшихъ каретахъ частныхъ

лицъ, и что король немедленно прибудетъ. Я вернулся на свой постъ. Густая пыль возвѣстила о движеніи какой-то толпы. Скоро я могъ судить изъ какого народа она состояла. При видѣ этихъ разбойниковъ, фигуры коихъ способны были напугать меня, когда я увидѣлъ ихъ въ первый разъ въ Думѣ, и пріемы которыхъ были мнѣ знакомы, кровь моя закипѣла. Я выѣхалъ на средину дороги, махая шпагой. Стражники берутся за сабли. Я кричу этимъ страшнымъ, грязнымъ, полунагимъ людямъ, съ раскрашенными кирпичемъ щеками, съ бровями и усами, выведенными углемъ, съ лентами націи на одеждѣ (bordés de rubans de la nation) *: „Стой! куда идете“?—„Въ Парижъ“, отвѣчали они въ смущеніи.—„Назадъ, дальше нельзя! Сторонитесь (rangez-vous)“. Это было повторено по всей колоннѣ и пріостановило ходъ версальской буржуазіи, сопровождавшей короля, который и прибылъ къ перекладкѣ безъ замѣшательства. У кареты нѣсколько вооруженныхъ людей, безъ сомнѣнія изъ начальствующихъ (quelques hommes bien couverts, sans doute les commandants). Одинъ изъ нихъ съ крестомъ Св. Лудовика, державшійся у дверецъ кареты, уступилъ мнѣ свое мѣсто. Эти господа отъѣхали къ пестрому отряду (se retirèrent vers la troupe bariolée) сказавъ мнѣ, что есть опасеніе, не удержали бы короля въ Парижѣ. Я разувѣрилъ ихъ съ твердостію, какъ лицо отдавшее себя защитѣ его безопасности. Это и привлекло меня сюда. Я говорилъ что чувствовалъ. А въ такихъ случаяхъ слово твердо. Изъ благоразумія экипажей не мѣняли, а только перепрягли лошадей. Въ это время раздавались крики: „да здравствуетъ король“!

Прибытіе короля въ Парижъ.

„Мы были тогда въ разстояніи полутора лье отъ Думы. Это былъ длинный путь. Съ той самой минуты, какъ тронулись, я былъ очень доволенъ людьми, сопровождавшими меня справа. Вытянувшись въ линію, туазахъ въ двухъ отъ короля, они не допускали сволочь, стремившуюся пробраться къ ней и окружить ее. Я еще разъ убѣдился тутъ, что примѣръ есть все. Я имѣлъ дѣло съ людьми послушными и любившими своего государя.

* Когда Макіавель писалъ, что революціи представляютъ собою карнавалы исторіи, онъ говорилъ это фигурально, имѣя въ виду общественный духъ, который тогда маскируется (pour l'esprit publique qui s'y masque). Но во французской революціи мысль эта осуществилась. Можно сказать также, что революція эта была постомъ добродѣтели (la carême de la vertu), ибо послѣдняя была тогда пищей. *Прим. кав. д'Аила.*

„Король ѣхалъ въ самой скромной обстановкѣ, очевидно, чтобъ угодить суровому Собранію и наглости участковъ. Въ поѣздѣ были двѣ загородныя кареты *. Карета короля ѣхала впереди. Я держался у дверцы. Слѣва отъ короля сидѣлъ князь де-Бово (prince de Beauveau), капитанъ тѣлохранителей. Впереди я различилъ герцога Виллекье (Villequier) и графа д'Этенъ (d'Estain), а также Mr. de Nesle. За каретой ѣхали восемь тѣлохранителей (gardes de corps) верхомъ, потомъ вторая карета съ обычною прислугой (contenant le service ordinaire).

„Я былъ слишкомъ близко отъ короля, чтобы (дѣлая распоряженія и стараясь удалить толпу и удержать тѣлохранителей на ихъ священномъ посту) не переносить взоровъ на его величество. Лицо его было уныло и сильно измѣнилось. Онъ смотрѣлъ впрочемъ внимательно вокругъ, но внутренно былъ замѣтно озабоченъ. Онъ оставилъ въ Версалѣ королеву въ страшномъ безпокойствѣ. Все происходившее съ нѣкотораго времени было такъ странно, что онъ очень имѣлъ основаніе погружаться въ свои мысли.

„Я узналъ графа д'Этенъ. Уже нѣсколько времени я его не видалъ и считалъ его противникомъ всего происходившаго. Онъ заговорилъ со мною о столицѣ. Я въ насмѣшливомъ тонѣ, насколько позволяло присутствіе короля, передавалъ то, что долженъ былъ сказать, полагая, что если его величество рѣшился на такой шагъ, то я обязанъ былъ разсѣивать безпокойство, а такъ какъ возмущеніе было мнѣ не по душѣ, то могъ себѣ позволить отозваться о немъ критически.

„Карета отъ Версаля ѣхала очень медленно. Теперь, встрѣчая менѣе препятствій, кучеръ двинулся легкою рысью. Это заставило ускорить шаги пѣшихъ и подняло большую пыль. Король высказалъ опасеніе, не безпокоитъ ли она насъ. Я отвѣтилъ: „доброта вашего величества вознаграждаетъ насъ“. Новый распорядокъ вокругъ берлины, мои рѣчи, крики: „да здравствуетъ Лудовикъ XVI“! болѣе быстрое движеніе – все это произвело нѣкоторое оживленіе и вывело сидѣвшихъ въ каретѣ изъ монотоннаго настроенія, сопровождавшаго ихъ отъ Версаля. До перекладки поѣздъ имѣлъ что-то погребальное. Я замѣтилъ перемѣну и съ удовольствіемъ усмотрѣлъ, что лицо его величества приняло выраженіе болѣе оживленное и ясное.

„Мы проѣхали уже мимо нѣсколькихъ группъ крестьянъ: ими начинались выстроенные по пути шпалерами отряды участковъ. По-

* Эти загородныя кареты или берлины шестимѣстныя. Изъ сопровождавшихъ короля теперь остался только герцогъ Виллекье, одинъ выѣхавшій изъ Франціи. А между тѣмъ король выбралъ другихъ по причинѣ ихъ популярности. *Прим. кав. д'Аила.*

шади потли шагомъ. Кричали: „да здравствуетъ нація“! Сопровождавшіе меня покрывали этотъ крикъ другимъ: „да здравствуетъ король“! Это были хорошіе буржуа, у которыхъ говорило сердце, и которые всегда остались бы честными и вѣрными подданными. Они не отставали отъ кареты, хотя дѣлались попытки ихъ пересѣчь и стѣснить, такъ чтобъ удалить тѣлохранителей, которые вели себя съ большою мягкостію. Я наблюдалъ внимательно, а мои спутники по первому мановенію дѣйствовали такъ, какъ еслибы были предупреждены мною на всѣ случаи. Король былъ доволенъ ихъ стараніями и трудами. Сопротивляться толпѣ было нелегко. Такъ достигли мы столицы, нечистой лучины, которая потомъ должна была все поглотить.

„Въ два часа съ четвертью мы находились у заставы de la Conférence *. Здѣсь депутація Національнаго Собранія съ нетерпѣніемъ ожидала „испонительную власть“; а Бальи, провизуарный меръ, ждалъ своей побѣды.

„Лафайетъ находился на минуту при перекладкѣ лошадей. На безпокойномъ лицѣ его выражалась преступная срамота (Il avait montré une figure renversée où sa scélérate turpitude se peignait). Онъ не посмѣлъ приблизиться къ королю. Тотъ посмотрѣлъ на него равнодушно. Но у заставы Лафайетъ принялъ внутительный видъ, ставъ во главѣ пятидесяти биржевыхъ игроковъ (agioteurs) на коняхъ. Карета остановилась, такъ какъ происходило представленіе Бальи съ выборнымъ муниципалитетомъ (municipalité électorale). Король дозволилъ мнѣ отворить дверцу. Бальи представилъ яко бы ключи Парижа (les soi-disantes clefs de Paris). Король соблаговолилъ держать ихъ, пока новоиспеченный сановникъ со своею смѣшною фигурой и педантскимъ видомъ (sa figure ridicule, son maintien pédantesque) говорилъ на языкѣ мятежа рѣчь въ духѣ дня, то-есть нелѣпой наглости, долженствовавшую оставить опасные слѣды. Ухищреніе было въ томъ, чтобы подъ видомъ игры словъ выдвинуть наглую силу (La feinte était d'en faire passer la force imprudente sous l'apparence d'un jeu de mot). Пенсіонеръ короля, простой академикъ **, унижалъ монарха сравнивая слав-

* Рѣшетка на набережной Шальйо на правомъ берегу Сены. *Пр. д'Агила.*

** Когда академикъ Сильвенъ Бальи лорнировалъ Атлантиду и луну, не зная, что изъ того выйдетъ, онъ въ откровенной бесѣдѣ высказывалъ, что имѣй онъ двѣ тысячи экю дохода, былъ бы счастливъ и никому бы не завидовалъ. Королевскій министръ незамѣтно доставилъ ему это счастіе. Кромѣ пенсіона отъ Орлеанскаго дома, баронъ де-Бретэйль возвысилъ его состояніе до десяти тысячъ ливровъ дохода. Затѣмъ Бальи изъ благодарности завоевалъ королевство на нѣкоторое время (par gratitude fit la conquête du royaume pour quelque temps!) *Пр. д'Агила.*

ную эпоху исторіи съ нынѣшнею эпохой. „Тогда, говорилъ онъ, Генрихъ IV завоевалъ Парижъ, теперь Парижъ завоевываетъ Людовика XVI“. Онъ позволилъ себѣ,—за тѣмъ, конечно, чтобы праздновать эту легкую побѣду,—предложить королю присутствовать на молебствіи въ церкви Парижской Богоматери. Король отвѣчалъ: „Это въ другой разъ“.

„Послѣ церемоніи представленія надлежало продолжать путь. Это было достигнуто не безъ замѣшательства. Въ средѣ депутатовъ, избирателей, предсѣдателей участковъ, коимъ предстояло пѣшкомъ идти предъ каретой его величества, возникъ споръ. Побѣда съ точки зрѣнія однихъ, возмущеніе съ точки зрѣнія другихъ и общая всѣмъ надменность не позволяли имъ признать соотвѣтственнымъ гражданскому порядку шествіе, въ которомъ власть законодательная, власть муниципальная, власть судебная и власть народная шли бы пѣшкомъ, тогда какъ власть исполнительная будетъ въ каретѣ. Однако многіе нашли предложеніе,—хотя и согласное съ революціоннымъ правомъ, ибо было четверо противъ одного,—преждевременнымъ и отвергли, перейдя къ очередному порядку и двинувшись въ путь. Скоро обнаружились попытки произвести безпорядокъ. Впереди кортежа парадировали Лафайетовы маклеры и банкиры на коняхъ. Они вдвинулись между каретой и тѣлохранителями, которые такимъ образомъ были болѣе и болѣе оттѣсняемы, отрядъ учениковъ хирурговъ хотѣлъ обступить карету. Я съ моими людьми отталкивалъ ихъ. Мортонъ-Шабрильянъ *, командовавшій ими утверждалъ, что такъ поручено отряду Лафайетомъ. Я говорилъ ему рѣзко нѣсколько разъ, и онъ дважды просилъ меня его извинить. Помѣстился сзади меня, а я удержался у кареты на все время пути. Нѣсколько минутъ спустя, король пожелалъ узнать мое имя ** и отвернулся отъ Моретона котораго презиралъ.

* Графъ Мортонъ-Шабрильянъ (Moreton Chabrillant), запасный капитанъ (capitaine survivancier) тѣлохранителей, былъ, кромѣ того, полковникомъ по пѣхотѣ. Онъ потерялъ свое мѣсто въ 1787 за лихоимство (pour malversation) и былъ обезчещенъ предо всѣмъ свѣтомъ. Имѣлъ также сложный процессъ съ прокуроромъ Пернандомъ (Pernand) и осужденъ парламентомъ. Ко двору, который не защитилъ его, онъ возымѣлъ великую ненависть и изъ мести искалъ суда участковъ, а потомъ Собранія. Онъ былъ малаго роста, сухопарый и къ тому же безобразный, близорукій. Онъ вступилъ въ якобинскій клубъ и былъ сдѣланъ генераломъ (maréchal de camp). Между знатными слылъ за храбреца, такъ какъ однажды дрался съ лорнетомъ въ рукахъ, не видя вдаль. Въ сущности низкій человѣкъ (un plat homme). Онъ ждалъ, что народъ въ Валансьенѣ въ 1792 году побьетъ его камнями. Другъ Дюмурье, онъ былъ сдѣланъ имъ комендантомъ въ Брюсселѣ. Былъ выгнанъ; умеръ вскорѣ въ Дуэ (Douai). *Пр. д'Агила.*

** У Людовика XVI была отличная память. Несмотря на тревоги дня,

Описаніе Парижа при проѣздѣ короля.

„Зрѣлище, столь же поразительное какъ и новое, какое представлялъ собою Парижъ въ эти минуты, могло бы быть, въ другомъ отношеніи, весьма лестнымъ и пріятнымъ монарху, еслибъ онъ могъ усмотрѣть въ немъ любимый имъ народъ, вооружившійся чтобы, служить и повиноваться ему на защиту отечества подъ его велѣніемъ. Тогда это громадное сборище было бы величественно и безъ примѣра въ исторіи. Насчитывали вооруженныхъ людей болѣе ста тысячъ, и на взглядъ число это не было преувеличено. Всѣ участки доставили многочисленные отряды, нѣкоторые явились цѣликомъ. Присоединились корпораціи, не вошедшія еще въ составъ городскихъ гардовъ. Кромѣ того, французскіе гарды, перебѣжчики изъ линейныхъ войскъ, артиллеристы и наконецъ бродяги, ночное мѣстопребываніе коихъ было неизвѣстно, но которые днемъ показывались вооруженные пиками,

„Отъ Шальйо, набережной и площади Лудовика XV мы прошли улицами Сентъ-Оноре, де-Руль, набережными Мессажери и Пелетье до Думы. Шли между рядами, расположенными въ двѣ или три шеренги шлалерами по той и другой сторонѣ улицъ. Между стоявшими встрѣчались группы не безъ намѣренія расположенныя съ живописною внушительностью. Это были какъ бы отдѣльныя баталіоны, вооруженные различно одни отъ другихъ, то съ длинными садовыми серпами, то съ косами, то съ широкими полосами прибитыми къ концу длинной палки; въ срединѣ значки изъ бумаги съ трехцвѣтными лентами.

„Отряды отъ участковъ, раздѣленные этою массой, смѣшною въ подробностяхъ, внушительною въ цѣломъ, отличались по примѣру Лафайета высокими трехцвѣтными султанами на шляпахъ. Вооружены были въ первомъ ряду ружьями, во второмъ и третьемъ шпагами. Начальствующіе имѣли ленты по платью и въ петлицѣ, на подобіе орденскихъ (des rubans à travers l'habit ou à la boutonnière comme des ordes de chevalerie) Чрезъ нѣкоторое разстояніе однѣ отъ другихъ, на мѣстахъ, гдѣ лучше могли быть замѣчены его величествомъ, стояли роты французскихъ гардовъ съ знаменами и пушками впереди. Такъ какъ не было приказа отдавать обычную честь короонъ не забылъ мое имя. На другой день при вставаніи и въ слѣдующіе дни говорилъ обо мнѣ, хваля мое поведеніе. Я получилъ лисьмо содержавшее въ себѣ лестныя выраженія въ мою пользу и о моей любезности (aimabilité). Таково было одно изъ выраженій дебраго короля. *Пр. д'Агила.*

тораго презиралъ.

лю (de saluer le roi selon usage), то почти повсюду обошлись безъ этого.

„Шествіе предъ каретой открывала толпа черни съ трофеями грабежа. Дамы націи съ лентами, букетами и обрывками знаменъ; люди 14 іюля съ ихъ амазонкой, то-есть свершители убійствъ, возведенные въ побѣдителей Бастиліи. Избиратели и предсѣдатели участковъ; нѣсколько пушекъ, временный совѣтъ общины, меръ, депутаты-законодатели съ женами, еще нѣсколько пушекъ предъ самою каретой его величества.

„Почти на всѣхъ улицахъ, примыкавшихъ къ тѣмъ, по которымъ мы шли были устроены амфитеатры для зрителей. Въ домахъ, дверяхъ видны были ряды любопытствующихъ. Стояли на углахъ, навѣсахъ, крышахъ домовъ. Всюду орлеанскія ленты и знаки мятежа. При проходѣ по площади Лудовика XV произошла довольно значительная сумятица (ourvari). Городскіе гарды были выстроены парами. Когда шествіе вступило, любопытствовавшіе „видѣть короля“ * двинулись впередъ, прорвали цѣпь и увлекли толпу за собою. Ударъ, какой предстояло выдержать, могъ опрокинуть самую карету. Но благодаря разстоянію отъ мѣста движенія и до того, гдѣ была карета, напоръ былъ поглощенъ городскими гардами на коняхъ, слѣдовавшими за нею.

„Не видавъ, трудно вообразить зрѣлище, какое представлялъ собою этотъ длинный путь, окаймленный безчисленною толпой. Можно сказать, всѣ камни домовъ превратились въ головы. Продолжительные крики: „да здравствуетъ нація!“ ** составили одинъ гулъ до самаго прибытія въ Думу. Мои люди, тѣснившіеся за каретой такъ, чот были почти одинъ на другомъ, отвѣчали крикомъ „да здравствуетъ король!“ Несмотря на то, въ узкихъ мѣстахъ король могъ слышать, какъ иные произносили проклятія (des gens qui prononçaient des imprécations), другіе требовали Некkера, удаленія Полиньяковъ ***.

„Такъ прибыли мы къ Думѣ. Я былъ съ правой стороны кареты. Выходить королю приходилось съ лѣвой. Я отъѣхалъ отъ дверцы.

---

* Я уже замѣтилъ, что на короля смотрѣли съ жаднымъ любопытствомъ, желающимъ увидѣть тягостное положеніе, надъ которымъ торжествуютъ. Не мало размышленія можетъ породить это новое чувство, распространявшееся въ народѣ, всегда жадномъ до зрѣлищъ и новостей. Слѣдовало опасаться, не пожелалъ бы онъ часто доставлять себѣ такое занятіе. *Прим. д'Агила.*

** Припомнимъ, что въ Парижѣ предписано было именно это восклицаніе. *Прим. д'Агила.*

*** Парижъ не зналъ еще объ отъѣздѣ графа д'Артуа, нѣкоторыхъ придворныхъ и проч. *Прим. д'Агила.*

Король едва могъ пройти: такъ заставленъ былъ путь, по преднамѣренной небрежности Лафайета и депутатовъ, * которые уже вошли въ большую залу Думы. Потому я былъ на верху лѣстницы прежде чѣмъ король достигъ нижняго ея конца. Капитанъ тѣлохранителей былъ оттѣсненъ, и король вынужденъ былъ пройти подъ сводомъ изъ шпагъ и пикъ (sous la voute d'acier) **. Онъ былъ видимо измученъ этими проявленіями восторговъ мятежа, направленныхъ къ тому чтобъ его унизить и выставить напоказъ. Я поднялся на нѣсколько ступеней, приглашая разступиться и говоря: „надо же наконецъ дать пройти королю". Людовикъ XVI всѣхъ благодарилъ и просилъ только его не задушить (ne pas l'étouffer) ***. На второй лѣстницѣ и на поворотѣ до залы я шелъ предъ королемъ. Тутъ было свободнѣе, сопровождали немногіе. „Посторонитесь", говорилъ я, чтобы напомнить о почтеніи къ королю. Людовикъ XVI прибылъ въ залу, едва будучи въ состояніи дышать. Было четыре часа съ половиной. На мѣстѣ, гдѣ прежде было бюро, стоялъ стулъ подъ старымъ балдахиномъ. Здѣсь помѣстился король. Около него были Лафайетъ, Бальи, Корни †, прокуроръ думы, избиратели, де-Салль, Гай (Нау), капитанъ охраны мера. Особы имѣвшія честь прибыть въ каретахъ проникли въ амфитеатръ залы, наполненной элегантно одѣтыми дамами. Князь Бово, вѣрный двойному представительству, держался, изъ довѣрія и патріотизма, подальше отъ своего государя (fidele à la double représentation se tint par confiance et patriotisme éloigné de son maître). Тогда демонъ болтовни и наглости (du parlage и de la licence) взмахнулъ своими софистическими крыльями. Заколебались языки послѣ криковъ: „да здравствуетъ нація"!

---

* Потомъ узналъ, что многіе изъ депутатовъ разсѣялись по Парижу, чтобъ обѣдать и ободрять безпорядки. *Прим. д'Агила.*

** Многіе полагаютъ, что франкъ-масоны имѣли вліяніе на возстаніе и служили ему помощію тайныхъ комитетовъ и пересылкой корреспонденціи изъ одного края королевства на другой съ цѣлію интригъ. Съ своей стороны, знаю только, что герцогъ Орлеанскій, какъ гроссъ-мейстеръ ордена, могъ имъ пользоваться, и что сводъ изъ шпагъ, voute d'acier, есть одна изъ масонскихъ церемоній. *Пр. д'Агила.*

*** Этотъ народъ-обезьяна не помнилъ басню Лафонтена, гдѣ обезьяна задушаетъ своихъ дѣтенышей изъ нѣжнаго къ нимъ чувства. *Пр. д'Агила.*

† Корни (Corny) нажился во время Американской войны, будучи поставщикомъ. Онъ получилъ медаль Цинцинната, которую одинаково раздавали и офицерамъ, и погонщикамъ, возившимъ припасы и артиллерію. Вернувшись во Францію, онъ купилъ должность королевскаго прокурора при Думѣ (procureur du Roi à l'Hôtel de Ville). *Пр. д'Агила.*

Рѣчи въ присутствіи короля.

„Меръ снова разглагольствовалъ о побѣдѣ надъ королемъ. Напыщенный тонъ выдавалъ его гордость и наглость. Король спросилъ стаканъ воды. Онъ получилъ уколъ шпагой въ мизинецъ, но не жаловался. Бальи представилъ ему національную кокарду. Людовикъ XVI имѣлъ снисходительность надѣть ее на шляпу (la passer sous la ganse de son chapeau). Корни говорилъ отъ имени общинъ. Потомъ нѣкоторые другіе. Король былъ взволнованъ. Онъ говорилъ сидя и съ открытою головой. Онъ сказалъ: „я не сомнѣвался въ вѣрности Французовъ", и далъ почувствовать, что живѣйше желаетъ для общаго спокойствія сохранить порядокъ, справедливость, миръ. Рѣчь можно было слышать только въ залѣ.

„Тогда Лалли Толандаль произнесъ свою знаменитую рѣчь, замѣчательную тѣмъ, что его тотчасъ же и вѣрно кружокъ роялистовъ назвалъ: „се человѣкъ новаго царя Іудеевъ" (ecce homo du nouveau roi des juifs) *. Онъ началъ тономъ обманнаго безстыдства: „Вотъ король, котораго мы немолчно призывали... Вотъ король, который возвратилъ вамъ ваши національныя собранія и хочетъ ихъ увѣковѣчить. Вотъ тотъ который желаетъ раздѣлить власть свою съ вами" **. Окончилъ весьма куріознымъ заключеніемъ: „позвольте, государь, подданному ни въ вѣрности, ни въ преданности не превосходящему никого изъ нынѣ васъ окружающихъ" и т. д. Говорилъ то что не отвѣчало ни мѣсту, ни времени, ни истинѣ. „Тронъ на которомъ мы помѣстили династію вашу восемьсотъ лѣтъ тому назадъ" ***. Далѣе встрѣчаемъ въ этомъ чванномъ многословіи: „нашъ добродѣтельный король призвалъ своихъ добродѣтельныхъ совѣтниковъ;"... „добродѣтельный министръ, дорогой всей націи, будетъ ей возвращенъ;"... „да погибнутъ враги общества"!... и проч. „Король, подданные, граждане соединимъ наши усилія..." Только краснорѣчивый ораторъ † Національнаго Собранія могъ такъ говорить: подданные и

---

* Толандаль былъ не единственный иностранецъ (n'est pas le seul étranger) игравшій роль Пилата во время революціи и умывавшій руки на все, что дѣлалось. *Пр. д'Агила.*

** Веселые люди (les gens gais) приняли это за основанія „королевской демократіи" (democratie royale). *Пр. д'Агила.*

*** Вотъ результатъ жажды извѣстности и фальши сужденій. Все говорилось, всему вѣрилось! Значитъ, нѣкоторые Лалли нарочно прибыли изъ Ирландіи, чтобы поднести Гюгу корону Франціи. *Пр. д'Агила.*

† Чрезъ три мѣсяца послѣ этой рѣчи ораторъ былъ въ бѣгствѣ, считаемый одними дурнымъ подданнымъ, другими дурнымъ гражданиномъ. Чего же хотѣлъ тогда этотъ человѣкъ? *Пр. д'Агила.*

© НЛБ СПб

граждане. Таковъ былъ языкъ дня. Но остановимся на минуту, взвѣсимъ, какая цѣна этихъ фразъ, и подумаемъ о судьбѣ несчастнаго Лудовика XVI. Такъ должны были, видя его игрушкой иноземцевъ (le jouet des étrangers) и обреченною жертвой народа, назвать его тѣ, кто его любилъ.

„Послѣ двухчасоваго революціоннаго проповѣданія король поднялся съ мѣста. Я заключилъ, что онъ сейчасъ отправится. Сходя съ лѣстницы, я приглашалъ вложить шпаги въ ножны, сообщая случившееся съ королемъ. Встрѣтилъ помощника командующаго, онъ уговаривалъ меня продолжать, такъ какъ самъ боялся потерять популярность *. Я вернулся къ каретѣ, окруженной отрядомъ хирурговъ, покрытой трехцвѣтными лентами, которыми торговки украсили ее внутри и снаружи, а также и лошадей. Карета походила на тѣ въ какихъ возятъ ряженыхъ (qui servaient aux masqués). Бабы, вербовщики (recruteurs), угольщики и проч. взлѣзли на козлы и на заднее сидѣніе. Я удалился отъ прискорбной картины. И душа моя, вопреки сердцу, произнесла: конецъ монархіи во Франціи. Такова была мысль моя въ эту прискорбную минуту.

Король возвращается въ Версаль.

„Я рѣшился удалиться. Короля удерживали у окна, гдѣ Бальи пригласилъ его показаться. Я получилъ уколъ шпагой въ ногу и желалъ избѣжать затрудненій выхода, не будучи въ состояніи быть полезнымъ. Встрѣтилъ на набережной Массажери нѣсколькихъ тѣлохранителей. Они казалось были благодарны мнѣ за оказанную услугу. Сказывали, какъ затруднительно было ихъ движеніе. Въ это время нѣсколько человѣкъ выстрѣлили изъ ружей. Это тотчасъ сообщилось на сторону, гдѣ я проходилъ. Болваны (imbéciles) пускали выстрѣлы прямо предъ собой рискуя опалить лица. Преднамѣренно ли или случайно, но какъ разказывали, на колесахъ каретъ были слѣды пуль. Вѣрно то, что одна беременная женщина была наповалъ убита на лѣвомъ берегу Сены, противоположномъ тому, гдѣ проѣзжалъ тогда его величество. Поѣздъ возвращался въ Версаль шагомъ. При проѣздѣ чрезъ Севръ, король, не ѣвшій цѣлый день, выразилъ желаніе остановиться, но парижскіе разбойники и версальскіе гарды отказали въ этомъ. Во дворецъ въ Версаль король прибылъ послѣ одиннадцати часовъ вечера **.

---

* Маркизъ де-ла-Салль, котораго Лафайетъ чрезъ четыре мѣсяца прогналъ и хотѣлъ, чтобы народъ повѣсилъ. *Пр. д'Агила.*

** Чрезъ тринадцать часовъ послѣ утренняго отъѣзда. При возвращеніи

„Вотъ какъ, 17 іюля 1789 года, исчезло уваженіе къ трону. Лудовику XVI осталось только пустое и прискорбное имя короля, ибо безъ почтенія и вѣрности корона есть обманчивое и пагубное украшеніе.

„Въ тотъ же день въ столицѣ почти всѣ дома были иллюминованы, по приказу, какъ дѣлалось съ 13 іюля. Выстрѣлы, крики: „да здравствуетъ нація!“ сумятица какъ въ городѣ, отданномъ на разграбленіе. Солдаты и всячески вооруженные люди наполняли кофейни и кабаки. Меръ и его генералы называли это прекраснымъ днемъ!

„Въ кругу королевы и дѣтей Лудовика XVI былъ скоро вознагражденъ за странную церемонію мнимой общественной нѣжности, которую перенесъ и о главныхъ чертахъ которой разсказывалъ со снисходительностію, достойною его прекраснаго сердца *. При дворѣ боялись, что короля удержать въ Парижѣ. Подозрѣвавшія нѣкоторыхъ чудовищъ столицы, имѣли еще и другіе страхи. Отлегло отъ сердца, когда узнали, что король среди самыхъ вѣрныхъ друзей какіе ему остались: среди своей семьи **“.

Нигдѣ въѣздъ короля 17 іюля въ Парижъ не описанъ съ такими живыми подробностями, какъ въ приведенномъ разсказѣ кавалера д'Агила. Бальи въ своихъ мемуарахъ дѣлаетъ довольно длинное описаніе этого дня, но занимается преимущественно собственными дѣйствіями и сообщеніемъ краснорѣчія своего и другихъ ораторовъ дня. Описанія, какія встрѣчаемъ у Вебера, де-Феррьера и другихъ, сравнительно кратки.

Сопоставляя описанія Бальи и кавалера д'Агила, замѣчаемъ небольшія разнорѣчія. Въ мемуарахъ Бальи (II, 61) разсказывается, что „когда король вступилъ на площадь Лудовика XV раздался выстрѣлъ со стороны, гдѣ Бурбонскій дворецъ. Выстрѣломъ убило

въ Версаль много кричали: „Да здравствуетъ король!“ Между почтенными членами Собранія были быть-можетъ удивленные, что онъ вернулся *Пр. д'Агила.*

* 18 іюля Собранію было сообщено о побѣдѣ, одержанной городомъ Парижемъ надъ королемъ. Одинъ депутатъ трижды держалъ слѣдующую куріозную рѣчь: „господа, это было восхитительно: Генрихъ IV, второй по имени, (Henri IV, second de nom), среди своего добраго народа проходилъ Парижъ. съ сердцемъ на ладони (traversait Paris le coeur sur la main). *Прим. д'Агила*

** Авторъ судитъ по тому счастію, какое самъ испытывалъ среди своей семьи, съ которою скоро долженъ былъ разстаться и надолго, такъ какъ въ 1801 году онъ былъ въ Петербургѣ. *Прим. д'Агила.*

женщину недалеко отъ кареты короля. Есть полное основаніе думать, что несчастіе произошло случайно, но случай показался страннымъ". О происшествіи упоминаетъ также Веберъ (Mém. I, 399). самъ бывшій на углу площади. „Я услышалъ, говоритъ онъ. выстрѣлъ недалеко отъ кареты короля; выстрѣлъ смертельно поразилъ одну женщину". Кавалеръ д'Агила сопровождалъ, по описанію его, ближайше карету короля. Онъ говорилъ о сумятицѣ, происшедшей при вступленіи на площадь, но не упоминаетъ о выстрѣлѣ вблизи кареты. Выстрѣлъ, если былъ, повидимому, не привлекъ вниманія короля и его окружавшихъ. О выстрѣлахъ кавалеръ д'Агила говоритъ послѣ, передавая встрѣчу свою съ тѣлохранителями и что они ему разсказывали.

Вступленіе короля въ Думу Бальи описываетъ такъ: „Когда король вышелъ изъ кареты, я шелъ передъ нимъ въ нѣсколькихъ шагахъ. Я передалъ ему кокарду со словами: „„государь, имѣю честь „представить вашему величеству этотъ отличительный знакъ Фран„цузовъ"". Король благосклонно принялъ кокарду и укрѣпилъ ее на шляпѣ, затѣмъ вошелъ на лѣстницу Думы". Д'Агила не говоритъ о представленіи кокарды при выходѣ изъ кареты и упоминаетъ о ней, описывая уже засѣданіе.

Куріозно, что Дюсо въ своихъ Запискахъ, разсыпая цвѣты краснорѣчія и желая показать съ какою будто бы преданностью былъ встрѣченъ король, говоритъ о безпорядочномъ вступленіи въ Думу описанномъ у д'Агила: „цѣловали даже слѣды его ногъ".

По описанію д'Агила, съ королемъ въ его каретѣ ѣхали князь Бово, герцогъ Виллекье, графъ д'Этенъ и г. де-Нель. Нѣтъ упоминанія о герцогѣ Виллеруа, имя котораго встрѣчаемъ въ другихъ описаніяхъ, не упоминающихъ за то о г. де-Нель. Что послѣдній находился въ каретѣ короля. о томъ находимъ свидѣтельство въ мемуарахъ г-жи де-Кампанъ, особо упоминающей объ этомъ обстоятельствѣ. Повидимому перечисленіе кавалера д'Агила точно.

Въ заключеніе считаю не безынтереснымъ привести строки изъ описанія въѣзда, какія находимъ въ *Парижскихъ Революціяхъ*. Описаніе, фактовъ почти не сообщающее, любопытно своимъ революціонно-лирическимъ тономъ и грубымъ разсчетомъ кого-то обмануть завѣреніями, будто революція направлена ко благу монархіи, а не къ ея разрушенію.

„Заря прекраснаго дня, читаемъ въ *Révolutions de Paris* (№ 1. стр. 26), занялась наконецъ надъ Франціей. Мы увидѣли его. Несется слухъ, что возлюбленный монархъ идетъ къ намъ. Вотъ онъ ужь близко. Радость объемлетъ всѣхъ. Милиція берется за оружіе

и летитъ на встрѣчу своему королю. Послѣ ужасовъ войны, перешагнувъ такъ сказать черезъ двѣсти труповъ умерщвленныхъ гражданъ, народъ, дышавшій убійствомъ, несшій всюду желѣзо и огонь, изъ нѣдръ измѣнниковъ вырывавшій трепещущія внутренности, съ дымящеюся еще кровью на рукахъ, народъ нынѣ, съ челомъ сіяющимъ радостію, несетъ своему королю пальму мира. Французы, какое праводушіе (quelle loyauté), какое довѣріе! О моя нація, ты одна умѣешь обожать, какъ умѣешь мстить!"

Далѣе упоминается, какъ блестящее юношество съ оружіемъ поспѣшаетъ на путь короля, образуя собою многочисленную кавалерію и еще многочисленнѣйшую пѣхоту; какъ вооруженные граждане строятся шпалерами, какъ движется кортежъ между безчисленнымъ народомъ, наполняющимъ улицы, площади, набережныя, окна и крыши домовъ. „Всѣ друзья, всѣ граждане... богатый съ добротой относится къ бѣднымъ—ранговъ нѣтъ, всѣ равны. Ласковый прелестный полъ, съ высоты балконовъ, изъ оконъ, бросаетъ полною горстью патріотическія кокарды и пучки лентъ, вьющихся по воздуху, подымающихся, уносимыхъ, падающихъ, уловляемыхъ воинами, оспаривающими между собою честь украсить чело изъ рукъ красоты.

„Какое трогательное и возвышенное зрѣлище! Приходитъ не страшный властитель, окруженный суровыми солдатами и гордою стражей. Нѣтъ болѣе прежней неслыханной роскоши, вѣрнаго залога народной бѣдности... Приходитъ великій король, возлюбленнѣйшій изо всѣхъ, безъ свиты, безъ конвоя въ среду своего народа, который его боготворитъ. Августѣйшіе представители націи (les augustes représentants de la nation) окружаютъ его и предшествуютъ ему. Герцогъ Вильруа, маршалъ Бово, герцогъ Виллекье и графъ д'Этенъ сопровождаютъ его. Граждане окружаютъ его карету, одни держась у дверецъ, другіе направляя его гордыхъ коней".

Описанія „счастливаго дня" оканчиваются словами: „Слезы наши исчезли, бѣдствія почти забыты, желанія наши отнынѣ исполнятся. О мой король! Да восчувствуетъ сердце ваше всю цѣну быть во главѣ свободнаго народа! А вы, Французы, не забывайте никогда, что изъ нѣдръ свѣта рождаются свобода, обиліе, миръ и счастіе".

Прошелъ годъ—и въ той же газетѣ возлюбленный король зовется не иначе какъ *ты, Лудовикъ*; обличается въ слабости ума и предостерегается, что будетъ „мерзѣйшимъ изъ людей и самымъ низкимъ изъ королей", если послѣ своихъ торжественныхъ обѣщаній Національному Собранію свернетъ на иной путь (Rév. de Paris. T. V, 606). Въ началѣ 1790 года газета привѣтствуетъ короля статьей, начинающеюся словами: „Лудовикъ, ты получилъ въ подарокъ къ Новому

Году конституцію великаго народа, котораго ты предводитель. Это лучшій подарокъ, какой можно сдѣлать королю... Лудовикъ, держись крѣпко... Ты словно по инстинкту избралъ благую часть. Пересталъ быть ломазанникомъ Господнимъ (l'oint du Seigneur), а сдѣлался старшимъ сыномъ отечества. Наша общая мать утвердила тебя на твоемъ мѣстѣ во главѣ великой семьи. Скажи, развѣ не лучше предсѣдать въ совѣтѣ братьевъ, чѣмъ лопирать ногами подданныхъ?"

ОЧЕРКЪ СЕДЬМОЙ.

ФРАНЦІЯ ВЪ ПЕРВЫЕ МѢСЯЦЫ КРУШЕНІЯ СТАРАГО ПОРЯДКА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I. Свидѣтельство очевидца-иностранца о состояніи страны въ первую эпоху революціоннаго „возрожденія".—II. Кампе въ театрѣ.—III. Кампе въ Національномъ Собраніи.—IV. Продолжающіяся неистовства. V. Неурядица въ провинціяхъ.—VI. Оффиціальная газета о революціонныхъ событіяхъ.

Есть любопытное свидѣтельство очевидца, прямо переносящее насъ въ среду возбужденнаго населенія на другой день послѣ революціонной побѣды.

Начало августа 1789 года. Революція торжествуетъ. Сцены ужасовъ первыхъ дней послѣдовавшихъ за взятіемъ Бастиліи поутихли. Неистовства смѣнились широкимъ своеволіемъ и общею неурядицей. Всюду шумное ликованіе, но и зловѣщіе признаки. Предчувствуются и подготовляются новыя событія. Всюду слышно: Французы, мы свободны! Но крушеніе только-что начинается.

Очевидецъ о которомъ мы говоримъ — нѣмецкій писатель Кампе (*Briefe aus Paris zur Zeit der Revolution,* von Campe. Braunschweig. 1790). Онъ прибылъ въ Парижъ въ началѣ августа, въ эпоху улоенія революціонною побѣдой, самъ исполненный восторженнаго свободолюбія * въ революціонномъ смыслѣ. „Неужели въ самомъ дѣлѣ правда, что я въ Парижѣ, начинаетъ Кампе свое описаніе въ письмѣ отъ 4 августа 1789 года, что новые Греки и Римляне, коихъ вижу здѣсь вокругъ и подлѣ меня нѣсколько недѣль тому назадъ въ самомъ дѣлѣ были

* Въ предисловіи Кампе высказываетъ благодарность своему правителю (Карлу-Вильгельму-Фердинанду) за дозволеніе издать въ свѣтъ эти письма. „Только въ странѣ, гдѣ деспотизмъ неизвѣстенъ, дозволено такъ писать о деспотизмѣ и свободѣ, какъ писалъ я", говоритъ Кампе.

© ГПИБ СО РАН

еще Французами; что великое представленіе, исполненное здѣсь на дняхъ и ежедневно исполняемое не есть созданіе моей фантазіи, не сонъ, а дѣйствительность?“ Тѣмъ поучительнѣе картина, написанная сочувственнымъ перомъ. Факты сами говорятъ за себя.

Еще приближаясь къ Франціи, путешественникъ уже видѣлъ слѣды мятежныхъ волненій. Въ Тирлемонѣ „домовъ двѣнадцать принадлежавшихъ владѣльцамъ, которые обнаружили непатріотическія чувствованія, стояли разграбленные съ заколоченными окнами и дверями“. Въ Лувенѣ онъ видѣлъ площадь, занятую войсками. „Въ срединѣ стояли пушки, возлѣ нихъ зарядные ящики, а на заднемъ планѣ виднѣлись висѣлицы“.

Путешественникъ переѣхалъ наконецъ границу „ставшей свободною Галліи“. „Не въ силахъ описать чувство, объявшее меня, когда увидѣлъ я здѣсь на шапкахъ и шляпахъ всѣхъ, кого только встрѣчалъ,—гражданъ и крестьянъ, старцевъ и дѣтей, священниковъ и нищихъ, — символъ счастливо достигнутой свободы, французскую кокарду. А изъ-подъ шапокъ и шляпъ сіяли добрыя лица, гордыя такимъ преимуществомъ предъ другими народами“. При въѣздѣ въ Валансьенъ стояла гражданская стража и въ сторонѣ военная, „но подъ командой гражданской“. Изъ караульной вышелъ солдатъ съ привинченнымъ штыкомъ. „Долой штыкъ! закричалъ ему гражданинъ повелительнымъ голосомъ. И солдатъ мгновенно повиновался голосу гражданина, какъ прежде гражданинъ долженъ былъ повиноваться голосу солдата“. На углахъ прибиты объявленія, заключающія въ себѣ „законы, которые вооруженные граждане сами себѣ дали“. Камне поразилъ одинъ „законъ“, запрещавшій напиваться подъ страхомъ строгаго наказанія. „Какого? спрашиваетъ онъ. Заключенія? Розогъ, или чего подобнаго? Нѣтъ; много болѣе. Если кто-нибудь напьется, то будетъ лишенъ чести служить своимъ согражданамъ“. Какое дѣйствіе произвелъ трогательный законъ, мимоѣзжій путешественникъ знать, конечно, не могъ. Но его все восхищаетъ. Ямщики любезны, почтовые смотрителя предупредительны, станціи въ родѣ маленькихъ дворцовъ, хозяева постоялыхъ дворовъ честны. Вещи остаются среди улицы безъ присмотра: у дверей нѣтъ ни замковъ, ни ключей, о воровствѣ ни помину. Всѣ эти черты должны, очевидно, служить къ изображенію блаженнаго состоянія страны, „ставшей свободною“. Увлеченный путникъ мимо ушей пускаетъ замѣчаніе хозяина постоялаго двора: „*тридцать лѣтъ* живу на этомъ мѣстѣ и никогда ничего не запиралъ“, и не замѣчаетъ, что идиллію потому едва ли можно было ставить на счетъ двѣ недѣли назадъ свершившагося переворота. Не смутило восторженнаго путешественника и то, что̀ видѣлъ онъ въ Валансьенѣ на Большой площади. „Здѣсь только-что привязали двухъ бѣдныхъ крестьянъ. Они съ нѣсколькими сотнями

другихъ, въ чаду радости по поводу непривычной для нихъ свободы, побѣжали въ сосѣднее аббатство, чтобы принудить прелатовъ уплатить имъ издержки процесса о десятинѣ, который они вели нѣсколько лѣтъ и *проиграли* на судѣ. Несчастные (?) позволили себѣ при этомъ нѣкоторыя насильственныя дѣйствія и осмѣлились сопротивляться вооруженнымъ гражданамъ Валансьена, прибѣжавшимъ, чтобъ утишить волненіе. Граждане захватили наиболѣе бушевавшихъ и двое изъ нихъ должны теперь, для устрашающаго примѣра другимъ, поплатиться жизнью“.

При въѣздѣ въ предмѣстье Парижа со стороны Монмартра, первое что̀ бросилось въ глаза путешественнику были толпы „оборванныхъ героевъ... тѣхъ, которые, по крайней мѣрѣ частію, взяли Бастилію“. Число этихъ „спартанскихъ героевъ“ простиралось до 15.000. Ихъ вывели „прельщеніемъ“ изъ города на Монмартръ и Менильмонтанъ, чтобы выравнивать дороги подъ наблюденіемъ вооруженныхъ гражданъ и пріобрѣтать такимъ образомъ хлѣбъ и заработокъ.

На утро путешественникъ вышелъ на улицы Парижа. Толпы народа стоятъ передъ караульными домами національ-гардовъ, предъ булочными и предъ зданіями, на стѣнахъ коихъ наклеены афиши. „Этихъ афишъ и объявленій можно увидать на всѣхъ улицахъ, особенно на двухъ сторонахъ угловыхъ домовъ, на всѣхъ стѣнахъ общественныхъ зданій, на набережныхъ и на площадяхъ, такое безчисленное множество, что быстрый ходокъ и ловкій чтецъ едва ли бы могъ въ теченіе дня, съ утра до вечера, успѣть прочесть хотя бы тѣ афиши, которыя новыя наклеены въ этотъ день. Афиши заключаютъ въ себѣ или распоряженія и извѣщенія отъ думскаго управленія, отъ вооруженныхъ гражданъ вообще, отъ отдѣльныхъ участковъ, или объявленія отъ имени разныхъ общинъ, обществъ, отдѣльныхъ лицъ, оповѣщающія гражданъ о томъ, что̀ произошло или что̀ предстоитъ. Посудите, какъ такая публичность, такое участіе всѣхъ во всемъ должны вліять на развитіе силъ человѣческой души и образованіе ума и разума людей (auf die Entwickelung des menschlichen Seelenkräfte, besonders auf die Verstand-und Vernunftausbildung!?). Предъ каждымъ домомъ, уклеенномъ афишами, напечатанными крупнымъ шрифтомъ на большихъ листахъ, стоитъ пестрая, смѣшанная публика носильщиковъ и франтовъ (feinen Herrn), рыбныхъ торговокъ и разодѣтыхъ дамъ, солдатъ и священниковъ. Стоятъ плотными, но дружественными кучками, съ поднятыми головами, жадно устремляя взоръ на афишу, читая то про себя, то громко вслухъ, обсуждая и споря. Десять или двадцать шаговъ далѣе, наталкиваешься на такую же пеструю кучку, окружающую прислоненный къ стѣнѣ подъ навѣсомъ небольшой столикъ со сложенными газетами и брошюрами. Такіе же листки разносятся по всѣмъ улицамъ разнощиками, выкликающими

не только ихъ заглавіе, но и главное содержаніе. Часть этихъ летучихъ произведеній содержитъ новости взятыя прямо съ вѣтру. Раскупаются тысячами прежде чѣмъ ложь обнаружится. При насъ въ теченіе восьми дней разнощики выкликали о происшествіяхъ, будто бы бывшихъ съ г. де-Калонъ и г-жою де-Полиньякъ. Во всемъ не было слова правды. Сегодня кричатъ: высылка г. Калонна Англичанами; завтра: прощаніе англійской націи съ г. Калономъ; затѣмъ: благодарственныя заявленія Французовъ англійской націи за высылку г. Калонна; потомъ: прибытіе г. Калона на Кале и т. д. А между тѣмъ Mr. de Calonne все время находился и теперь находится въ Лондонѣ". Въ массѣ книжонокъ и листковъ Кампе попалась гравюра съ изображеніемъ народной расправы надъ одной дамой въ Пале-Роялѣ, осмѣлившейся плюнуть въ портретъ Неккера и немедленно *высѣченной* присутствовавшими. При гравюрѣ объяснительный памфлетъ: „Разговоръ между нѣкіимъ дворяниномъ и его женой, которая была высѣчена въ Пале-Роялѣ за то, что осмѣлилась оплевать изображеніе г. Неккера, исторійка, служащая продолженіемъ таковой же съ нѣкіимъ аббатомъ (Dialogue entre un noble et sa femme qui fut fessée au Palais Royal pour avoir osé conspuer le portrait de Mr. Necker, historiette faisant suite à celle de l'abbé). Вотъ слова мужа: „Да, сударыня, съ вами поступили какъ съ нашими привилегіями—безъ церемоніи. Этотъ народъ сильно измѣнился. Какъ хотите вы, чтобъ онъ уважалъ женщинъ, когда онъ топчетъ ногами шлагу дворянина и крестъ духовенства, когда, подъ какимъ-то предлогомъ думать и разсуждать, безумство доводятъ до того, что утверждаютъ, будто государство отлично можетъ существовать безъ поповъ и дворянъ, будто благоденствіе милліона Французовъ, исключающее собою благоденствіе 23 остальныхъ милліоновъ противо-конституціонно и противо-національно; когда, о пагубная превратность понятій! говорятъ только о гуманности, свободѣ, природѣ, разумѣ. Да, сударыня, государство это погибнетъ". Кампе находитъ сцену комическою.

Между карикатурами можно было видѣть изображеніе короля. Онъ нездоровъ и корчится. Франція подноситъ ему лѣкарство изъ стклянки съ надписью: „французская конституція". Онъ съ рѣшимостью принимаетъ микстуру. Она подѣйствовала. Король отдаетъ изъ себя „деспотизмъ". Немедленно чувствуетъ облегченіе; глаза сіяютъ и все лицо изображаетъ полное удовольствіе. Характеристична также гравюра, изображающая англійскую и французскую конституціи*. „Англійская представлена въ образѣ министра Питта, топ-

* Кампе не упоминаетъ объ этой гравюрѣ. О ней говорится въ *Révol. de Paris*, отъ 5—12 сентября (№ IX, 33).

чущаго ногами корону Англіи и держащаго въ одной рукѣ знамя деспотизма, а въ другой цѣпи, за которыя прикованы за горло лорды и члены лалаты общинъ, на колѣнахъ предъ министромъ. Въ глубинѣ весь аппаратъ пытокъ. Французская конституція изображена въ образѣ г. Неккера, поставленнаго на пьедесталѣ, поддерживаемомъ герцогомъ Орлеанскимъ и Лафайетомъ. Министръ поддерживаетъ одною рукой корону Франціи, а другою поднимаетъ кверху шапочку свободы (bonnet de liberté).

Уличное броженіе умиляетъ нашего путешественника и кажется ему признакомъ великаго шага на пути политическаго воспитанія націи, сдѣланнаго въ нѣсколько недѣль. Авторъ не замѣчаетъ ироніи собственныхъ похвалъ „Для иностранца, говоритъ онъ, поразительно видѣть, какъ здѣсь самые простые люди изъ низшаго класса, напримѣръ водовозы, не умѣющіе въ большинствѣ читать и писать, принимаютъ горячее участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Разъ двадцать останавливаютъ они свои кадушки на улицѣ, чтобы послушать, что выкликаютъ разнощики, узнать, что читаютъ, о чемъ говорятъ. Я много разъ видѣлъ какъ лять, шесть такихъ бѣдныхъ поденщиковъ входятъ въ союзъ съ какимъ-нибудь своимъ товарищемъ, имѣющимъ рѣдкое преимущество читать полечатному; дѣлаютъ складчину и сообща покупаютъ газету или брошюру. И слушаютъ, между кадушками и всякимъ грузомъ, чтеца, навостривъ уши, выпуча глаза и раскрывъ ротъ. Съ удивленіемъ на лицахъ замѣтилъ я, что брошюра, которую читали въ подобномъ уличномъ клубѣ водовозовъ, савояровъ и иной парижской черни, заключала въ себѣ одинъ изъ проектовъ „„Déclaration des droits des hommes"". Видѣть носильщиковъ, толкующихъ между собою о правахъ человѣка: какое зрѣлище!" Путешественникъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по улицѣ. „Не дойдешь, говоритъ онъ, до конца—непремѣнно встрѣтишь какую-нибудь процессію. Проходитъ команда вооруженныхъ гражданъ; идетъ съ парада или на парадъ отрядъ національ-гардовъ въ смѣшеніи съ французскими гардами и другими перешедшими къ народу солдатами, въ разныхъ мундирахъ. Встрѣчается какая-нибудь праздничная процессія. То участковыя дѣвицы, filles de district, то рыночныя дамы, dames de la Halle, то ветошницы или иныя „дамы", въ бѣлыхъ платьяхъ, съ цвѣтами, съ развѣвающимися знаменами, сопровождаемыя трубачами, подъ прикрытіемъ „солдатъ отечества", у которыхъ въ дула ружьевъ воткнуты букеты, подаренные дамами. Процессія идетъ къ церкви Св. Женевьевы, патронессы города, чтобы принести вѣнокъ въ благодареніе за „освобожденіе отечества" и счастливо свершившуюся революцію. То какое-нибудь общество, напримѣръ „les garçons de perruquiers" или „garçons de tailleurs", идетъ съ музыкой, подъ прикрытіемъ гардовъ и вооруженныхъ гражданъ къ дому г. Лафайета

и къ думѣ, чтобы принести какую-либо жалобу, просить объ отмѣнѣ чего-либо*. По временамъ цѣлыя торжественныя процессіи всего участка, при колокольномъ звонѣ и громѣ пушекъ, сопровождаемыя тысячью и болѣе вооруженныхъ людей, отправляются въ приходскую церковь, чтобъ отслужить, при траурныхъ звукахъ военной музыки, паннихиду по павшимъ при взятіи Бастиліи, прослушать рѣчь проповѣдника, сдѣлать скромный сборъ въ пользу вдовъ и сиротъ погибшихъ".

„Въ этомъ мѣсяцѣ, говорится въ *Révolutions de Paris* (№ VIII, 29 августа 1789, стр. 2) произнесено было въ Парижѣ болѣе двухъ тысячъ привѣтственныхъ рѣчей, весьма длинныхъ, въ которыхъ Французы поставляются превыше народовъ Греціи и Рима... Каждый день видимъ священныя знамена, дѣвъ въ процессіяхъ и военные парады" (VIII, 31).

Кампе былъ въ приходской церкви участка les petits Augustins, на заупокойной обѣднѣ въ память павшихъ при взятіи Бастиліи. Эти заупокойныя торжества тогда вошли въ моду. Въ первое время послѣ пресловутаго „взятія" о павшихъ никто и не помышлялъ. *Парижскія Революціи* себѣ приписываютъ честь (№ VI, 6), что „обратили вниманіе общества на убитыхъ и раненыхъ при Бастиліи, на ихъ семейства и дѣтей". Начали разыскивать. Лафайетъ не упустилъ посѣтить нѣкоторыя изъ такихъ семействъ въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ. Не обошлось, впрочемъ, безъ значительныхъ недоразумѣній. Оказалось, что орденъ снятый, съ несчастнаго коменданта Бастиліи Делоне, и тутъ же „пожалованный народомъ" солдату его захватившему, очутился на двухъ особахъ. Изъ нихъ *Révolutions de Paris* взяли подъ свое покровительство храбраго гренадера Арне (Harné), а участокъ Барнабитовъ (de Barnabites) за то же воздавалъ почести фузелеру (fusilier) *Анри* Дюбуа и возилъ его съ тріумфомъ по улицамъ. Одинъ очевидецъ „подвиговъ Арне" помѣстилъ на страницахъ *Революцій* свою рекламацію (№ X, 44). „На третій день (послѣ того какъ видѣлъ Арне на „самомъ театрѣ побѣды)", пишетъ онъ, я услышалъ, что по улицамъ возятъ героя Бастиліи и мнѣ сказали, что это былъ фузилеръ. Чрезъ нѣсколько дней я прочелъ въ одномъ журналѣ, что Арне умеръ отъ ранъ. Но скоро изъ общественнаго голоса узналъ я, что извѣстіе ложно и что герой Бастиліи

---

* Эти сборища, обыкновенно съ какими-нибудь претензіями и требованіями, не мало безпокоили усерднаго мера Бальи. Сборище лакеевъ требовало, чтобы выгнали изъ Парижа Савойяровъ, портные требовали увеличенія платы и запрещенія продавцамъ стараго платья торговать готовымъ новымъ.

находится въ участкѣ Барнабитовъ. Одни называли его Арне, другіе Арё (Areu), третіи Анри. Я полагалъ, что могла быть ошибка въ имени и радовался со всѣми добрыми гражданами, что храбрый воинъ живъ и получилъ изъявленія нашей признательности. Когда выбирали офицеровъ въ гарды съ жалованьемъ (troupe soldée), я справился—получилъ ли герой Бастиліи награду за свой патріотизмъ и узналъ, что участокъ Барнабитовъ, глухой къ голосу интриги и честолюбія, почтилъ *Анри*, по фамиліи Дюбуа, фузелера, званіемъ капитана. Не могъ я понять, какимъ образомъ гренадеръ, котораго я видѣлъ при Бастиліи съ гранатами и въ гренадерской шапкѣ, сталъ простымъ фузелеромъ. Старался разъяснить недоумѣніе и узналъ, что нѣтъ ничего общаго между Арне и Анри Дюбуа. Представилъ себѣ, что имѣемъ, значитъ, однимъ героемъ больше, но послѣ розысковъ у побѣдителей Бастиліи узналъ только одно: что г. Дюбуа украшенъ орденомъ *св. Людовика* съ коменданта Делоне. Но когда арестовали коменданта, на немъ не было ордена *св. Людовика*, а только ленточка. Значитъ тотъ, кто украшенъ этимъ крестомъ не тотъ, кто арестовалъ коменданта и отличился при Бастиліи". Очевидецъ описываетъ далѣе удивительную скромность Арне, оказавшагося отличнымъ сыномъ. „Все, чего желаю, желаю для отца и матери", говорилъ онъ своему покровителю. Итакъ, между „героями" были несомнѣнно самозванцы. Это не помѣшало чествовать, награждать и призывать въ церемоніи цѣлый классъ „побѣдителей Бастиліи".

Во время заупокойнаго служенія, на которомъ присутствовалъ Кампе, со священникомъ, который долженъ былъ говорить проповѣдь, сдѣлалось дурно при вступленіи на каѳедру. Его послѣшилъ замѣнить одинъ аббатъ, изъ свѣтскихъ, г. Осселенъ (ein Laie, obgleich Abbé). Священникъ воспротивился было, говоря, что не должно священное мѣшать съ несвященнымъ. Ему отвѣтили: „священное теперь одно: свобода, въ ней одинаковое участіе и духовныхъ и свѣтскихъ". Аббата привѣтствовали рукоплесканіями. Рѣчь онъ началъ словами: *граждане* (citoyens), а не *братіе*, какъ принято было въ проповѣдяхъ, и взывалъ къ тѣни Вольтера въ той самой церкви, гдѣ тѣлу Вольтера отказано было въ погребеніи.

На служеніи въ церкви Св. Роха, въ участкѣ St. Jacques de l'hôpital, громадное впечатлѣніе произвела, по словамъ Кампе, проповѣдь аббата Фоше (abbé Fauchet, prédicateur ordinaire du roi). Аббатъ самъ былъ изъ числа участниковъ прославлявшагося событія Онъ былъ въ числѣ депутатовъ, посланныхъ предложить гарнизону крѣпости сдаться, которымъ однако не удалось вступить ни въ какіе переговоры: ихъ съ крѣпости повидимому и не замѣтили, хотя они и описывали (слова аббата Фоше) будто „на ихъ мирныя увѣщанія трижды (непремѣнно трижды)! выходилъ отвѣтъ изъ гремящихъ жерлъ".

Въ изданіи *L'esprit des journaux* (Paris. Octobre 1789. стр. 25) мы встрѣтили извлеченіе изъ этой характеристичной проповѣди. Вотъ нѣсколько отрывковъ, дающихъ понятіе о родѣ краснорѣчія тѣхъ дней. „Слава Всевышнему! Вы призваны къ свободѣ, братіе. Vos enim ad libertatem vocati estis, fratres! Она предписывается природой, религіей, отмѣчена въ планахъ Провидѣнія... Колико оскорбляется природа деспотизмомъ! Это угнетающее родъ человѣческій чудовище дѣлало народы стадомъ рабовъ; тиранствовало надъ умами и сердцами, запрещало мысль, повелѣвало любовью... Громко слѣдуетъ сказать и въ самыхъ храмахъ: философія воскресила природу, философія воссоздала умъ человѣческій, философія возвратила сердце обществу. Мы будемъ—такова наша доля въ планахъ Провидѣнія—и самымъ свободнымъ и самымъ мягкимъ, самымъ храбрымъ и самымъ любезнымъ изо всѣхъ народовъ... Да здравствуетъ природа и всѣ ея добрыя чувствованія! Да здравствуетъ миръ и всѣ добрые граждане! Да здравствуетъ государство и его добрый король, которому на вѣкъ останемся вѣрными! Да здравствуетъ правительство и благодѣтельные министры, навсегда возвращенные нашему пламенному пожеланію! Да здравствуютъ парижскія общины и ихъ добрый глава, владѣющій и геніемъ свободы и геніемъ науки! Да здравствуютъ національ-гарды и всѣ добрые солдаты отечества! Да здравствуетъ герой освободитель Америки, тамъ испытывавшій себя дабы стать освободителемъ Франціи! Да здравствуетъ религія братьевъ! Да здравствуютъ добрые нравы! Да здравствуютъ Французы! Да здравствуетъ свобода! Славу Богу содѣлавшему насъ свободными! Тако да будетъ“!

Камле упоминаетъ, что особый эффектъ произвела фраза: „братіе, я умру довольный сказавъ это единое слово: аристократія распяла Сына Божія“. Восхваленіе философіи въ храмѣ произвело однако неблагопріятное впечатлѣніе на нѣкоторыхъ духовныхъ Чрезъ нѣсколько дней, одинъ „фанатическій“ монахъ, ein fanatischer Mönch, какъ называетъ его Камле, возражалъ съ той же каѳедры: „не философія, а католическая религія—родоначальница французской свободы! Буду кричать со всѣхъ крышъ: религія, одна религія произвела революцію, сдѣлавшую насъ свободными“.

Чтобы разнообразить процессіи, національ-гарды участковъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстія, въ предшествіи „юныхъ дѣвицъ“ тѣхъ же участковъ, торжественно отнесли 14 сентября въ церковь Св. Женевьевы для освященія большую модель Бастиліи, около четырехъ футовъ высотой. „Модель съ точнымъ изображеніемъ оружія, людей, знаменъ, пушекъ производила иллюзію, какой только можно было ожидать“. (*Rév. de Paris*, № X, 12). „Итакъ, прибавляетъ журналъ, отъ страшнаго вертепа, дивившаго Европу, заставлявшаго содрагаться

мудреца, нынѣ осталась только хрупкая модель, предметъ забавы нашихъ дѣтей и женъ. Чѣмъ разрушенъ этотъ ужасающій вертепъ? Мужествомъ и свободой“.

Восторговъ приносилось много на алтарь отечества, но когда дѣло доходило до дѣйствительныхъ пожертвованій, декорація сильно измѣнялась. По случаю плачевнаго состоянія финансовъ Неккеръ предложилъ внутренній заемъ въ тридцать милліоновъ. Собраніе вздумало разчитывать на патріотизмъ и сократило предложенныя Неккеромъ условія, уменьшивъ процентъ до $4^1/_2$. *Парижскія Революціи* приписываютъ Собранію слѣдующее размышленіе „Поставимъ условія займа не по биржевому курсу Парижа, а согласно пожеланіямъ сердца нашего достичь конституціи. Тогда совершенно все равно какой будетъ процентъ. На величину его не посмотрятъ Французы“. Но увы! посмотрѣли. Заемъ потерпѣлъ крушеніе. За то жены и дочери нѣкоторыхъ артистовъ, въ числѣ двадцати дамъ и дѣвицъ, принесли въ даръ отечеству какія имѣли драгоцѣнности и были съ торжествомъ приняты въ Собраніи. Депутаты пожертвовали пряжки отъ башмаковъ. Болѣе всѣхъ поплатился король, пожертвовавшій богатое коронное серебро.

Путешественникъ былъ въ Тюильрійскомъ саду и въ Пале-Роялѣ. Замѣчательно, говоритъ онъ, какъ тѣ же люди являются иными въ Тюильри, куда приходятъ погулять, и въ Пале-Роялѣ, куда идутъ узнать политическія новости и посудить объ общественныхъ дѣлахъ. Тамъ тихія общественныя чувствованія, здѣсь „заботы объ общемъ благѣ и о сохраненіи, утвержденіи и умноженіи добытой свободы“. „Тѣ люди, которыхъ часъ назадъ вы видѣли тамъ съ тихою ясностію на челѣ, здѣсь стоятъ предъ вами съ озабоченными лицами, напряженными мускулами и глазами сверкающими республиканскими и патріотическими искрами... Ничего не можетъ быть поучительнѣе и интереснѣе какъ вмѣшаться въ какую-нибудь толпу изъ нѣсколькихъ сотъ плотно сомкнутыхъ людей, стоящую тутъ съ утра въ теченіе всего дня до глубокой ночи, кажущуюся все тою же, несмотря на непрерывный притокъ и отливъ. Любопытно прослѣдить какъ составляются такія группы. Остановились двое или трое и говорятъ между собою. Голоса повышаются. Тѣлодвиженія становятся живѣе и живѣе. Проходящіе останавливаются изъ любопытства; нѣкоторые, знакомые или незнакомые, вмѣшиваются въ бесѣду. Кучка растетъ и чрезъ нѣсколько минутъ обращается въ толпу изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Только стоящіе въ срединѣ могутъ слышать о чемъ идетъ рѣчь и вмѣшаться въ разговоръ. Между остальными какъ огонь пробѣгаетъ вопросъ: que dit-on? и остается безъ отвѣта. По немногу въ общемъ кругѣ образуются отдѣльные центры, около которыхъ толкуютъ совсѣмъ не о томъ, что подало поводъ къ обра-

зованію толпы. Тамъ часто можно видѣть на томъ же мѣстѣ въ теченіе всего дня, какъ вколанную, одну толпу, хоть отдѣльныя лица ее составляющія мѣняются чуть не каждые полчаса и предметы бесѣды въ разныхъ ея частяхъ безконечно различны между собою". Кампе, повидимому, полагаетъ что такое „участіе публики къ общественнымъ интересамъ" должно очень помогать правильному теченію государственныхъ дѣлъ. Кому оно было несомнѣнно сподручно, такъ это ворамъ. „Отъ времени до времени, говоритъ Камиль Демуленъ, нѣкоторые граждане пользуются свободой *тисненія* (liberté de la *presse*) для личныхъ выгодъ, такъ что иной патріотъ нерѣдко не досчитывается часовъ или платка".

Вообще въ сужденіяхъ Кампе можно видѣть примѣръ какъ предвзятая мысль мѣшаетъ уразумѣвать весьма простыя вещи. Подобно Мишле, Кампе называетъ побѣду народа въ іюньскіе дни *чудомъ*. Свершили его, оказывается, „подонки Парижа, войско изъ оборванныхъ и голодныхъ нищихъ". А между тѣмъ на Марсовомъ полѣ было десять тысячъ отборнаго войска подъ начальствомъ опытнаго генерала, стараго де-Броль (Broglie), не отважившагося де ничего сдѣлать противъ безпорядочной, кое-какъ вооруженной толпы. Почему? По неспособности слабаго и ничтожнаго правительства прибѣгнуть къ какой-либо послѣдовательной и рѣшительной мѣрѣ? Нисколько По мнѣнію Кампе, потому что „народъ стремящійся вновь завоевать похищенныя у него права человѣка внушаетъ почтеніе и ужасъ даже самымъ рѣшительнымъ слугамъ деспотической власти".

Кампе стоитъ за свободу печати и, на примѣрѣ Франціи, хочетъ доказать, что мѣрами стѣсненія свободу эту нельзя остановить Но въ подтвержденіе приводитъ случаи, никакъ не вяжущіеся съ такимъ заключеніемъ. „Гдѣ, говоритъ онъ, бдительнѣе чѣмъ во Франціи правительство слѣдило за печатью? Но помогли ли всѣ инквизиторскія учрежденія къ тому назначенныя? Нисколько". Чрезъ строчку самъ разсказываетъ, что въ Парижѣ на глазахъ полиціи печатались и распространялись тысячи запрещенныхъ книгъ. „Дрова для Парижа, говоритъ онъ, складывались на опредѣленныхъ къ тому площадяхъ громадными складами, въ длину, ширину и высоту не уступавшими большимъ зданіямъ. Внутри одного изъ такихъ складовъ оставлено было мѣсто и тамъ была устроена тайная типографія. Наборщики приходили одѣтые дровосѣками и дровяниками". Слѣдили, значитъ, неособенно бдительно. Тутъ же приводится случай съ Дидро уже прямо разрушающій гипотезу о бдительности (Кампе ссылается на книжку *Aux mânes de Diderot*). Когда послѣдовало запрещеніе *Энциклопедіи*, главный начальникъ полиціи (Oberpolizeidirector) *самъ* извѣстилъ Дидро, что у него будетъ завтра обыскъ и будутъ отобраны бумаги. Дидро отвѣтилъ, что рѣшительно не знаетъ

куда въ такой короткій срокъ скрыть рукописи. „Пришлите ихъ ко мнѣ, писалъ снисходительный полицейскій начальникъ. У меня въ домѣ никто не будетъ ихъ искать". Дидро послѣдовалъ совѣту.

II.

Кампе былъ въ театрѣ. Играли *Весталку* (*Ericie ou la Vestale*) г. Фонтанеля (Fontanelle). Ходульная игра актера Сенъ-При и г-жи Вестрисъ не произвела большаго впечатлѣнія на путешественника. Представленіе трагедіи прошло безъ особыхъ событій. Только при стихѣ,

Est-ce un crime en ce lieu d'aimer la liberté?

весь театръ закричалъ: non! non! à Dieu ne plaise! Но въ антрактѣ до новаго поднятія занавѣса начался такой шумъ, такіе крики и смѣхъ, что Кампе не слышалъ оркестра, хотя сидѣлъ отъ него въ шести или восьми шагахъ. Почему такой шумъ—онъ уяснить себѣ еще не могъ. Поднимается занавѣсъ. Должна была идти піеса *École des pères* Мольера. „Вышли два старика, дѣйствующія лица піесы. Хотятъ начинать, но тщетно. Крики не даютъ имъ произнести слова. Поднимаются заразъ нѣсколько сотъ голосовъ. Немногіе кричатъ: *автора, автора!* Всѣ остальные: *Карлъ IX, Карлъ IX!* Шумъ продолжается. Актеры стоятъ съ поникшею головой, выжидая минуты когда наконецъ гвалтъ уймется и имъ можно будетъ начать. Но гвалтъ не унимается, становится сильнѣе, дѣлается общимъ. Крикъ *Карлъ IX, Карлъ IX!* раздается отъ партера до галлереи, произносится тысячью голосовъ, такъ что у меня трещитъ въ ушахъ. Актеры наконецъ повертываются и уходятъ за кулисы. Этимъ временемъ я пользуюсь, чтобы спросить сосѣда, что все это значитъ, особенно крики *Карлъ IX*. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что нѣсколько уже лѣтъ какъ г. Шенье написалъ трагедію этого названія имѣющую предметомъ Варѳоломеевскую ночь. Характеръ королевы Екатерины изображенъ де такъ, что многія черты могутъ быть приложены къ другой нынѣ живущей высокой особѣ. Вслѣдствіе того, а также потому, что выводится архіепископъ въ полномъ облаченіи, цензура до сихъ поръ не позволяетъ представленія этой піесы. Теперь публика требуетъ эту трагедію и именно главнымъ образомъ по поводу этихъ обстоятельствъ препятствовавшихъ ея представленію. Какъ только сосѣдъ мой сдѣлалъ мнѣ это сообщеніе, на сцену вышелъ любимецъ публики, актеръ г. Флёри. Шумъ дотолѣ непрерывно длившійся смѣнился вдругъ тишиной. Флёри выступилъ съ такимъ выраженіемъ лица и такою поступью которыя представляли совершеннѣйшее соединеніе

достоинства со скромностію и уваженіемъ къ публики, какое мнѣ когда-либо случалось видѣть. Обычные три реверанса, выражавшіе тѣ же чувствованія, удались ему на этотъ разъ, по сужденію Парижанъ, въ такомъ совершенствѣ, что въ партерѣ, при общихъ рукоплесканіяхъ, кто-то громко воскликнулъ: voilà une révérance comme il faut! Затѣмъ Флёри остановился въ полусогбенномъ положеніи, выжидая пока шумъ уляжется, и затѣмъ заговорилъ тихимъ, почтительнымъ и вмѣстѣ чрезвычайно внятнымъ голосомъ: „Messieurs, est ce l'auteur que vous demandez"?—„Non, non, отвѣчала публика, nous demandons *Charles IX*, *Charles IX*". Актеръ опустилъ голову еще ниже, потупилъ съ нѣкоторою грустью взоръ долу и возразилъ, когда умолкли крики: „Имѣю честь, милостивые государи, завѣрить васъ, что мы готовы исполнить ваше приказаніе, какъ только получимъ на то позволеніе цензуры". При словѣ *цензура* всѣ доселѣ сидѣвшіе вскочили съ мѣста какъ будто на нихъ палъ ударъ молніи, и сотни людей съ выраженіемъ крайняго неудовольствія и разными тѣлодвиженіями кричали, что протестуютъ противъ всего, что именуется цензурой. Но такъ какъ замѣтили, что изъ безпорядочныхъ криковъ ничего не выйдетъ, то съ разныхъ сторонъ стали раздаваться голоса: „Silence, asseyez vous messieurs, silence pour l'orateur!

„Всѣ повиновались, сѣли, но кто-то одинъ въ партерѣ остался стоя и ipso facto явился въ роли оратора. Выражая кратко мнѣніе публики, онъ сказалъ, обращаясь къ актеру: „Милостивый государь, въ свободномъ государствѣ, какъ наше нынѣ, нѣтъ цензуры, не можетъ быть, не должно быть никакой цензуры. Публика отнынѣ единственный цензоръ, другаго нѣтъ". Рукоплесканія, крики *браво* дали актеру, который между тѣмъ не выходилъ изъ своего почтительнаго, а вмѣстѣ спокойнаго и твердаго положенія, возможность обдумать отвѣтъ. Когда шумъ утихъ, онъ сказалъ: „Милостивые государи, я увѣренъ, что вы не потребуете, чтобы Французская Комедія своевольно, не будучи къ тому уполномочена, нарушила законы которые со дня ея основанія были для нея священны". И этотъ отвѣтъ показался всѣмъ разумнымъ. Хлопали. Затѣмъ ораторъ возразилъ: „Милостивый государь, законы, о которыхъ вы говорите, не существуютъ болѣе. Нація ихъ отмѣнила". Новое хлопанье, новое одобреніе. Актеръ отвѣчалъ: „Государи мои, если вамъ угодно относительно этого предмета сообщить намъ подлиннымъ образомъ (auf eine authentische Weise) волю націи, то никто охотнѣе насъ не окажетъ ей почтенія и повиновенія".—„О, возразилъ ораторъ, со стороны націи нѣтъ надобности ни въ какомъ новомъ выраженіи ея воли. Она достаточно высказалась объ этомъ, такъ какъ представители ея объявили, что свобода мысли принадлежитъ къ числу неотъемлемыхъ правъ человѣка. Но если мы можемъ думать какъ хотимъ,

то намъ должно быть позволено и увеселяться какъ мы желаемъ. А потому мы сами должны опредѣлять тѣ произведенія, которыя доставляютъ намъ наиболѣе удовольствія". Заключеніе, какъ видите, не совсѣмъ свободное отъ софистики. Это не ускользнуло повидимому и отъ здѣшней образованной публики. Хлопали мало. Послѣ новаго обмѣна съ обѣихъ сторонъ возраженій, которыя пропускаю, чтобы не слишкомъ распространяться, Флёри сдѣлалъ наконецъ слѣдующее предложеніе: Не угодно ли господамъ, чтобы завтра утромъ піеса была послана въ управленіе думы и было спрошено, дозволяется ли, безъ дальнѣйшихъ цензурныхъ формальностей, ея представленіе на сценѣ Французской Комедіи". Предложеніе понравилось. Всѣ, и ораторъ въ томъ числѣ, закричали: *да*! — „Но, прибавилъ ораторъ, подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы завтра или не позже послѣзавтра здѣсь же былъ сообщенъ отвѣтъ". Актеръ удалился за кулисы при общихъ рукоплесканіяхъ".

Разрѣшеніе послѣдовало, но не совсѣмъ скоро. Бальи былъ противъ свободы театральныхъ представленій. Отказать однако не рѣшился, но придумалъ передать вопросъ на разсмотрѣніе Національнаго Собранія. „Собранія, не безъ основательности замѣчаетъ онъ (II, 225), представляютъ удобство: отвѣтственность въ нихъ такъ раздѣляется, что равна нулю". Первое представленіе *Карла IX* состоялось 4 ноября 1789 года.

Былъ Кампе во Французской Академіи на годичномъ собраніи. Академія помѣщалась въ Луврѣ. Надъ дверьми залы засѣданія надпись: „à l'immortalité". Отсюда названіе les immortels. Тѣснота и давка были невѣроятныя. „Я видѣлъ тутъ, пишетъ онъ, до чего доходитъ у французскихъ дамъ любовь если не къ наукѣ, то къ красивымъ и остроумнымъ рѣчамъ. Когда начались чтенія, я съ изумленіемъ видѣлъ какъ эти мученицы остроумія и учености, среди пытки своего положенія, при каждой ловкой фразѣ, какими господа академики тщательно уснащаютъ свои рѣчи, громко вскрикивали отъ удовольствія и приходили отъ восторга почти въ конвульсивныя движенія. Мускулы лица, и отъ давки, и отъ жары, и отъ испытываемаго участія, сильно напрягались; щеки пылали, глаза плавали, казалось, въ восторгѣ, хотя тѣло испытывало мученія. Руки почти непрерывно были заняты хлопаніемъ и изъ хорошенькихъ ротиковъ вылетали: bravo! ah, que cela est bien dit! ah, charmant! и т. д." Происходилъ пріемъ въ Академію аббата Бартелеми, автора *Путешествія Анахарсиса*. Новый академикъ говорилъ вступительную рѣчь; ему отвѣчалъ отъ имени Академіи кавалеръ Буфлеръ (Boufflers). Затѣмъ читано было стихотвореніе г. Фонтана, предметомъ котораго былъ изданный въ пользу не-католиковъ эдиктъ 1787 года. Особенный восторгъ произвело восхваленіе Неккера въ стихахъ:

Ce ministre
Que les complots des cours ont trois fois exilé,
Et que le voeu publique a trois fois rappellé.

Премія за добродѣтель была выдана служанкѣ г. Ревельйона. Извѣстно, что разграбленіе дома этого фабриканта, въ концѣ апрѣля 1789 года, было прелюдіей революціонныхъ безпорядковъ. Семидесятилѣтняя служанка самоотверженно охраняла добро своего господина. Затѣмъ объявлены предметы преній на будущій годъ. „Какъ перемѣнились времена“! замѣчаетъ Камле... „При Лудовикѣ XIV Академія объявляла на премію вопросъ: какая изъ добродѣтелей этого короля величайшая и удивительнѣйшая?—короля, который отмѣнилъ Нантскій эдиктъ. Сегодня увѣнчано стихотвореніе, въ которомъ Лудовикъ XVI похваляется именно за то, что возстановилъ, если не вполнѣ, то хотя частію этотъ эдиктъ. Двадцать, даже двѣнадцать, лѣтъ тому назадъ эти академики, по крайней мѣрѣ значительная часть ихъ, были горячими противниками Руссо; не признавали, ненавидѣли его, старались низвести его съ высоты, на которую онъ поднялся. Нынѣ та же Академія на будущій годъ назначила премію за лучшее похвальное слово Жанъ-Жаку Руссо“!

Но дни и этой Академіи, и этой наполнявшей ее блестящей публики, чуткой къ литературнымъ красотамъ, но въ существѣ своемъ легкомысленной, были изочтены. Завистливая посредственность, не выносящая превосходства, прирожденный противникъ всего аристократическаго въ смыслѣ отборнаго, пользуясь девизомъ времени: мы всѣ равны, заявляла уже: „долой Академіи“! Камле приводитъ въ своей книжкѣ содержаніе небольшаго летучаго листка *Объ уничтоженіи всѣхъ академій королевства Suppression de toutes les Académies du royaume, comme onéreuses à l'état et nuisibles aux sciences, à la littérature et aux arts*). Эпиграфъ листка: „nunquam scientia reperitur cum ventro crasso. S. Chrysostome“. Вотъ отрывокъ изъ листка озаглавленнаго: *Долой Академіи!*

„Національное Собраніе постановило уничтожить канониковъ (chanoines); академики тѣ же каноники наукъ и искусствъ. Не надо оплачиваемыхъ академиковъ, пока есть еще рабочіе, требующіе вознагражденія, бѣдные, которыхъ надо накормить, кредиторы, которыхъ надо удовлетворить! Одинъ академикъ съѣдаетъ на своемъ бархатномъ креслѣ пищу сорока деревенскихъ семей. Ну, господа умники (allons, messieurs les beaux esprits)! Вы строите красивые планы. Время бы перейти къ практикѣ. Докажите, что вамъ обязаны мы революціей (!?). Откажитесь отъ вашихъ дипломовъ, какъ духовенство и дворянство въ одну ночь отказались отъ своихъ десятинъ и привилегій. Долой академіи! Слишкомъ долго служили онѣ къ тому, чтобы полировать и золотить цѣпи деспотизма. *Королевскія* академіи! Какъ это пахнетъ рабствомъ! А мы наконецъ вѣдь свободны“!

III.

Былъ Камле и въ Національномъ Собраніи. Отправился для этого въ Версаль, гдѣ услышалъ, что наканунѣ „народъ“ освободилъ силой отъ казни отцеубійцу, взявъ на себя право помилованія, и тутъ же чуть не повѣсилъ женщину, усомнившуюся въ справедливости такого вердикта. Путешественникъ нашелъ, что въ галлереяхъ королевскаго дворца продавались брошюры и газеты съ рѣзкими выходками противъ членовъ королевской фамиліи. Развернулъ одну изъ газетъ и прочиталъ: „Гнѣвъ народный ужасенъ, но хладнокровіе деспотизма жестоко. Какая громадная пропорція между числомъ жертвъ закланныхъ въ теченіе вѣковъ этимъ гнуснымъ чудовищемъ и числомъ головъ, снесенныхъ мечомъ народа! Аристократы—на колѣна предъ народнымъ судилищемъ“! Проникъ въ Собраніе. „То, пишетъ онъ, что увидѣлъ и услышалъ я при входѣ въ Собраніе, меня смутило. Я было подумалъ, что собственно засѣданіе вѣрно еще не начиналось. Такъ силенъ и безпорядоченъ былъ шумъ, или точнѣе—непріятно мнѣ это говорить, а долженъ сказать — крикъ, который просто оглушилъ меня со всѣхъ сторонъ. То слышались отдѣльные голоса, то съ той или другой стороны срывались цѣлые взводы изъ сотни и болѣе голосовъ, перекрещивались между собою и производили такой громкій, смѣшанный гулъ, что я по крайней мѣрѣ десять минутъ стоялъ, какъ оглушенный, не въ силахъ будучи угадать, о чемъ идетъ рѣчь. Предсѣдатель неустанно звонилъ, призывалъ къ порядку; со всѣхъ сторонъ слышалось, не производя дѣйствія, приглашеніе: silence, messieurs. Все это только увеличивало шабашъ и обращало Собраніе въ настоящую жидовскую школу. Въ первыя минуты моего пребыванія входили на трибуну одинъ за другимъ два священника. Одинъ хотѣлъ повидимому говорить рѣчь, другой что-то прочесть. Но сколько ни простирали они руки, испрашивая молчанія и вниманія, сколько ни звонилъ предсѣдатель, поддерживая ихъ просьбу, имъ не удалось кончить ни одного періода. Крики: en poche, en poche! или à bas, à bas! не прекращались, и ораторы, покоряясь судьбѣ, вынуждены были сойти съ трибуны. Затѣмъ выступали одинъ за однимъ другіе ораторы, то съ мѣста, то входя на трибуну. Но только немногимъ, обладавшимъ гигантскимъ голосомъ, удавалось перекричать общій шумъ и докончить рѣчь. Да и эти при каждомъ періодѣ были прерываемы то возраженіями, то возгласами одобренія, то рукоплесканіями, то общимъ смѣхомъ. Нѣкоторые, истинные атлеты, стояли въ воинственной позѣ, съ поднятыми кулаками, напряженными мускулами лица и гнѣвными взорами, и помощію нечеловѣческаго напряженія завое-

вывали вниманіе, достичь котораго мягкими средствами были не въ состояніи. Истинное несчастіе для національнаго дѣла, что Собраніе состоитъ изъ 1.200 головъ, и какихъ притомъ головъ! — французскихъ. Такое многочисленное собраніе людей, изъ коихъ каждый имѣетъ не только право, но и зудящее желаніе говорить, даже и въ другой странѣ, гдѣ флегма есть отличительная черта національнаго характера, встрѣтило бы въ многолюдствѣ своихъ членовъ большія затрудненія и препятствія къ правильному веденію дѣлъ. Представьте же себѣ, что это многоголовое собраніе все сплошь состоитъ изъ Французовъ, то есть изъ людей, которые по національному характеру своему такъ склонны кипятиться". Молчаніе впрочемъ водворилось и въ залѣ, и въ галлереяхъ, когда президентъ Шапелье объявилъ, что г. Тарже (извѣстный адвокатъ, членъ Французской Академіи) имѣетъ прочесть проектъ адреса, при которомъ, согласно постановленію Собранія, состоявшемуся въ ночь на 4 августа, долженъ быть поднесенъ королю титулъ возстановителя французской свободы и испрошено его согласіе на присутствіе при благодарственномъ молебствіи по случаю счастливо свершившейся революціи. При общей тишинѣ г. Тарже взошелъ на трибуну. „Но едва онъ открылъ ротъ, какъ начались, точно по уговору, громкіе крики направленные противъ оратора. Онъ началъ адресъ словами: Sire l'Assemblée Nationale a l'honneur. При словѣ honneur сотня и болѣе голосовъ закричали: point d'honneur, point d'honneur: effacez ce mot! Тарже просилъ позволенія дочесть по крайней мѣрѣ первый періодъ. Тишина водворилась. Онъ началъ снова: Sire, l'Assemblée nationale a l'honneur de mettre aux pieds de votre Majesté... Здѣсь начался общій страшный крикъ, такъ что стѣны дрожали и окна звенѣли. A bas les pieds! à bas les pieds! А одинъ членъ прибавилъ: l'Assemblée Nationale ne met rien aux pieds de qui que ce soit. Тарже хотѣлъ защищаться, спасти то „принести къ ногамъ", то „честь". Но несмотря на всѣ просьбы и моленія не дали говорить. И онъ наконецъ съ нѣкоторымъ отчаяніемъ началъ снова: Sire, l'Assemblée Nationale porte à Votre Majesté l'offrande. Снова крики: „не хотимъ слова offrande".—„Это слово можно употребить, восклицаетъ Мирабо, только по отношенію къ Богу или къ нищимъ", и прибавляетъ: „le roi n'est ni l'un, ni l'autre". Со слѣдующими періодами было не лучше. Ихъ находили слишкомъ длинными и обильнословными.—„Mon Dieu, воскликнула дама сидѣвшая у меня предъ носомъ, combien de phrases, ça ne finit pas". Тарже хотѣлъ было опять защищаться, но тщетно. Вынужденъ былъ сойти съ трибуны и передѣлывать адресъ. А пока занялись другими дѣлами. Чрезъ четверть часа Тарже вернулся, но имѣлъ ту же участь. Каждый слѣдующій періодъ разбирался съ тѣмъ же ожесточеніемъ и отвергался. Въ одномъ встрѣтилось слово ivresse. Мирабо поймалъ его и воскликнулъ; messieurs, le corps legislatif ne peut jamais être ni ivre, ni enivré! Всѣ засмѣялись и захлопали. Академику пришлось вторично сойти съ трибуны. Я, и мальчикомъ и взрослымъ человѣкомъ, много видѣлъ какъ поправляютъ школьныя тетради и самъ не мало ихъ поправлялъ. Но мнѣ не случалось встрѣчать такой безжалостной критики какъ та, какую услышалъ бѣдный г. Тарже со своимъ несчастнымъ адресомъ. Когда онъ снова вернулся, то не вошелъ уже на трибуну, а сталъ на возвышеніи предъ большою доской. Можетъ быть боялся мѣста, гдѣ дважды потерпѣлъ неудачу. Адресъ вышелъ теперь, согласно волѣ Собранія, такой гладкій и простой, что нечего уже было выкидывать. Онъ былъ принятъ".

IV.

Послѣ дней страшныхъ событій, когда дикая толпа носила на пикахъ воткнутыя головы Фулона и Бертье, явленія разнузданнаго неистовства не прекращались, хотя и не въ столь рѣзкой формѣ. Стали дѣломъ заурядным. Дѣти на улицахъ Парижа играли въ революцію и носили на пикахъ кошачьи головы въ подражаніе безсердечной жестокости революціонной толпы. Революціонныя изданія старались прикрывать неприглядность картины.

Въ концѣ іюля въ Версалѣ (Bertr. de Moleville, II, 67) въ то засѣданіе, когда депутаты сопровождавшіе короля въ поѣздкѣ въ Парижъ докладывали Собранію о происходившемъ въ думѣ, меръ изъ Пуасси, допущенный къ рѣшеткѣ Собранія, сообщилъ о волненіи въ Пуасси и Сенъ Жерменѣ, возникшемъ „подъ предлогомъ преслѣдованія монополіи богатаго мѣстнаго фермера Томассена". Собраніе отнеслось къ заявленію равнодушно и постановило „препроводить дѣло къ исполнительной власти". „Это renvoi au pouvoir exécutif было тогда, говоритъ Молевилль, равносильно съ декретомъ амнистіи". Такое рѣшеніе пускали въ дѣло, когда внутренно были не прочь чтобы безпорядокъ продолжался. На слѣдующій день волненіе усилилось, пришло извѣстіе, что гражданская милиція хочетъ повѣсить Томассена. Собраніе опредѣлило послать въ Пуасси депутацію изъ двѣнадцати членовъ съ епископомъ Шартрскимъ во главѣ. Депутаты исполнили порученіе. Томассенъ былъ спасенъ, то-есть отведенъ въ тюрьму, такъ какъ тюрьма была тогда единственнымъ убѣжищемъ гдѣ невинность могла еще укрыться отъ ярости свободы (le seul asyle qu'eut l'innocence contre les fureurs de la liberté). И не безъ труда и опасностей добились для этого совершенно безупречнаго фермера великой милости: быть судимымъ прежде чѣмъ повѣшеннымъ. Его было вытащили изъ тюрьмы, несмотря на патетическія увѣщанія

епископа, бывшаго оратором депутаціи. Ждали только, чтобы прибылъ духовникъ и чтобы принесли висѣлицу, за которой уже послали. Въ это время Томассенъ, епископъ Шартрскій и его товарищи *бросились на колѣна* предъ разъяренною толпой и со *слезами умоляли* чтобъ обвиняемый былъ опять отданъ въ руки правосудія. Его отпустили наконецъ: но депутатамъ пригрозили, что ихъ самихъ повѣсятъ, если не будетъ повѣшанъ Томассенъ". Депутаты окольными дорогами едва добрались до Версаля. Собраніе, выслушавъ докладъ депутаціи, отозвалось съ великою похвалой о ихъ „мужествѣ, благоразуміи и патріотизмѣ". Епископу Шартрскому рѣшено поднести гражданскій вѣнокъ—„une couronne civique".

Въ день ликованія по случаю рѣшеній четвертаго августа произошелъ слѣдующій казусъ. „5 августа, вечеромъ, пишетъ Бальи (II, 222), услышали мы въ комитетѣ, что у Port St.-Paul нагрузили изъ арсенала на барку десять тысячъ пороху (фунтовъ?) чтобы вывести его изъ Парижа. Это, сообщали намъ, взволновало народъ. Обезпокоились и мы. Посовѣтовался я съ г. Лафайетомъ, и мы, такъ какъ не были предувѣдомлены объ этой выгрузкѣ казавшейся совсѣмъ странною, предписали чтобы барка была задержана и охраняема въ теченіе ночи съ тѣмъ, чтобы на другой день порохъ былъ перегруженъ въ арсеналъ". Въ четвергъ, 6 августа, утромъ, дѣло разъяснилось. Магазинъ въ арсеналѣ вмѣщалъ въ себя большое количество пороху разнаго сорта: военнаго, для царской охоты, продажнаго и т. п. Послѣдняго было очень много; завѣдывавшіе пороховымъ дѣломъ порѣшили вывезти часть этого пороха въ Эссонъ. Приказъ подписалъ за Лафайета помощникъ его по командованію національгвардіи, де ла Салль (de la-Salles), не успѣвъ сообщить ему объ этомъ. Праздная толпа, видя, что вывозятъ порохъ, пришла въ волненіе и остановила барку. „Старались, говоритъ Бальи, разсѣять безпокойство народа (?), дѣлали предъ нимъ испытаніе этого пороха, чтобы показать его негодность (для военныхъ цѣлей); водили гражданъ въ арсеналъ. Ни что не помогло. Барку охраняла стража изъ французскихъ гардовъ. Многіе участки желали поставить своихъ солдатъ. Пришлось согласиться: въ то время о порядкѣ, правилахъ нечего было думать, все было въ томъ, чтобы сохранить спокойствіе". Арестовали двухъ завѣдующихъ пороховымъ дѣломъ, Лавуазье и Фотэ, повели ихъ въ думу. Они объяснили дѣло, ихъ отпустили. Это возбудило ярость толпы. Народъ, несмотря на стражу, вломился въ залу Думы. Лафайетъ спрашиваетъ чего хотятъ. Требуютъ выдачи де-ла-Салля (благоразумно не явившагося въ думу), Лафайетъ поясняетъ, что обвиняемаго надлежитъ выслушать. За нимъ снаряжаютъ пятьдесятъ вооруженныхъ человѣкъ. Лафайетъ клонитъ въ ту сторону, чтобъ онъ отведенъ былъ въ тюрьму. „Народъ" требуетъ, чтобы былъ

приведенъ въ Думу. Лафайетъ предлагаетъ поклясться, что на обвиняемаго не бросятся. Подняли руки, но не всѣ. Явилось подозрѣніе не скрывается ли де-ла-Салль въ Думѣ, шарили, перерыли бумаги, такъ что многія пропали. Подымали сукно покрывавшее столъ, чтобы заглянуть не находится ли ла-Салль подъ ногами присутствовавшихъ *. На площади готовили висѣлицу. Одинъ „гражданинъ" ужь взобрался на перекладину фонаря. Лафайетъ употребилъ особую стратегему. Поставилъ солдатъ кружкомъ у входа въ Думу, и кругъ этотъ постепенно расширялъ присоединеніемъ новыхъ такъ, что мало по-малу толпа была вытѣснена съ площади. Достойно замѣчанія, что маркизъ де-ла-Салль, неожиданно сдѣлавшійся предметомъ такого ожесточеннаго преслѣдованія и только по счастливой случайности избѣжавшій смерти, не только не былъ врагомъ революціи, но былъ ея усерднымъ прислужникомъ, командовалъ толпой во время взятія Бастиліи и Дома Инвалидовъ, въ силу полномочія даннаго ему постояннымъ комитетомъ думы (moi qui commandait les troupes en chef d'après un brevet qui m'avait été donné le 14 au matin pas le comité permanent, какъ выражается онъ въ письмѣ въ редакцію *Révol. de Paris*, № VII, 33); былъ прежде Лафайета провозглашенъ начальникомъ національ-гардовъ, а потомъ принялъ званіе его помощника. Не помогло и это все.

Около того же времени (*Rév. de Paris*, № X, 31) толпа удавила мера въ Сенъ-Дени и затѣмъ отрѣзала ему голову. 28 іюля въ Вильно (Villenaux) арестовали бывшаго военнаго начальника въ Парижѣ, Безанваля. Проѣзжавшій Неккеръ написалъ въ каретѣ письмо къ мѣстному городскому управленію и свидѣтельствовалъ, что Безанваль имѣетъ королевское разрѣшеніе отправиться въ Швейцарію, его отечество. Но и письмо „обожаемаго министра" (ministre adoré) не подѣйствовало. Постановили, что судьба плѣнника должна быть рѣшена въ Парижѣ. Національное Собраніе въ виду враждебнаго настроенія массъ не рѣшилось освободить Безанваля, хотя къ задержанію не было никакого повода, и опредѣлило, чтобъ онъ содержался въ тюрьмѣ, въ Бри-Контъ-Роберъ (Brie-Comte-Robert) пока будетъ разобрано его дѣло. „Увѣряютъ, сказано въ *Rév. de Paris* (IV, 2), что хотѣли разрѣзать его на тринадцать кусковъ въ честь тринадцати швейцарскихъ кантоновъ, но гражданская стража заставила отказаться отъ такого плана".

Мемуары Бальи, записывавшаго съ большою дозой благодушія со дня на день текущія событія, тревоги своего усердія по снабженіи

---

* Этотъ фактъ, дополняющій описаніе Бальи, упоминается въ *Исторіи революціи* de deux amis de la liberté.

хлѣбомъ голодавшей столицы и всяческія заботы среди общей неурядицы и ежеминутно грозившаго мятежа, представляютъ обильный матеріалъ для исторіи первой эпохи революціи. Изъ нихъ узнаемъ, между прочимъ, какъ сложилось городское управленіе Парижа. Сложилось оно экспромтомъ. Тогда все основывалось по случайности, захватѣ и произволѣ. 13 іюля, когда Парижъ вооружался и готовились событія слѣдующаго дня, собралась Дума еще прежняго состава. Пожелали соединиться съ избирателями (тѣми, что избирали депутатовъ въ Собраніе). Городской голова Флессель (потомъ убитый) отказывался отъ предсѣдательства, какъ лицо назначенное, а не выборное. Его немедленно выбрали. Составили comité permanent изъ нѣкоторыхъ избирателей съ присоединеніемъ членовъ муниципалитета. Такимъ образомъ главную роль получили избиратели. Ихъ общее собраніе стало высшею инстанціей. Они назначили Бальи и Лафайета въ должности мера и командующаго національ-гардами. Дума стала центромъ, куда отовсюду обращались. Въ то же время участки обнаруживаютъ свою дѣятельность и свои претензіи, каждый полагая, что онъ есть высшая инстанція надъ избирателями, уполномоченными де для выбора депутатовъ въ Собраніе, а не для управленія городомъ. Поднялся вопросъ о болѣе правильной организаціи городскаго управленія. 18 іюля Бальи разослалъ по участкамъ циркуляръ съ предложеніемъ выбрать отъ каждаго по два представителя для городскаго управленія и составленія новой муниципальной организаціи. А пока и меръ, и корпусъ избирателей, продолжавшій собираться въ Думѣ, дѣйствовали, какъ свидѣтельствуетъ Бальи, каждый самъ по себѣ; сноситься было некогда, замѣчаетъ онъ. 25 іюля состоялось собраніе 120 новыхъ выборныхъ. По предложенію Бальи, выбраны въ помощь ему два вице-президента, въ протоколѣ названные впрочемъ президентами (протоколы составлялись, говоритъ Бальи, кое-какъ). Между тѣмъ собраніе избирателей этимъ не упразднилось. Избиратели эти продолжали сходиться. Образовалось, если принять во вниманіе еще разные комитеты, нѣсколько центровъ власти, дѣйствовавшихъ случайнымъ образомъ. Когда возвращенный Неккеръ, въ упоеніи отъ овацій, прибылъ въ Думу, онъ прежде поздравилъ собраніе 120 представителей и говорилъ трогательную рѣчь. Потомъ перешелъ въ собраніе избирателей и повторилъ ту же рѣчь. (Онъ ходатайствовалъ объ освобожденіи Безанваля и вообще объ амнистіи: амнистія была дана и провозглашена въ окна Думы, но потомъ сдѣлалась предметомъ нападокъ, какъ превышеніе думскими собраніями своихъ правъ). Въ послѣдній разъ избиратели собирались 30 іюля, но уже вмѣстѣ со 120 представителями и по приглашенію послѣднихъ.

Участки распоряжались каждый по своему произволу, выдавали обязательныя постановленія, обыскивали, арестовывали. Въ качествѣ

новой власти, оказались ревниво чувствительны къ печатной похвалѣ и печатному порицанію. Тамъ и самъ обнаружили попытки обуздать печать. Печать въ свою очередь отвѣтила рѣзкимъ разоблаченіемъ участковыхъ неурядицъ. „Раздоръ, читаемъ въ № V (отъ 9—15 августа 1787, стр. 31) *Révol. de Paris*, царствующій между участками, противорѣчія началъ, постановленій, полицейскихъ распоряженій, несогласія съ муниципальнымъ корпусомъ представляютъ нынѣ, послѣ того какъ миновала первая опасность, зрѣлище ужасающей анархіи. Представьте себѣ человѣка котораго каждая нога, каждая рука, каждый членъ имѣютъ свои отдѣльныя разумѣніе и волю, у котораго одна нога хочетъ идти, когда другая желаетъ остаться въ покоѣ, глотка закрывается, когда желудокъ требуетъ пищи, ротъ поетъ, когда глаза смыкаются ото сна,—и вы будете имѣть поразительно вѣрный образъ печальнаго состоянія столицы... Любовь ко власти заняла мѣсто любви къ свободѣ. Все идетъ къ тому, чтобъ аристократія дворянъ смѣнилась аристократіей богатыхъ, худшею изо всѣхъ“ (V, 31).

„Если что можетъ заставить сожалѣть о старой полиціи, полиціи шпіоновъ, lettres de cachet, Бастиліи, такъ это насильственное и анархическое управленіе участковъ... Каждый присваиваетъ себѣ законодательную власть, а ихъ комитеты власть исполнительную, каждый по своей части... По подозрѣніямъ самымъ неосновательнымъ, помощію патрулей, схватываютъ честныхъ гражданъ и тащатъ по улицамъ въ такомъ унизительномъ состояніи; больныхъ мущинъ и женщинъ стаскиваютъ съ постелей во исполненіе нелѣпыхъ и несправедливыхъ приказовъ участковаго коммиссара. Честныя женщины и дѣвицы схватываются на улицахъ и у дверей и уводятся въ заключеніе съ проститутками, не производя возмущенія квартала. Многіе граждане были ранены штыками патрульныхъ, которые ихъ арестовывали, между прочими одинъ парижскій книгопродавецъ. Многіе участки не позволяютъ продавать на ихъ территоріи сочиненій съ печатью города, другіе схватываютъ тѣ, на которыхъ нѣтъ этой печати, но стоитъ имя типографщика или книгопродавца. Одинъ участокъ распорядился отобрать всѣ книги у одного книгопродавца въ Пале-Ройялѣ; начали отбирать, но остановились, такъ какъ патруль увидѣлъ, что будетъ разогнанъ толпой гражданъ возмущенныхъ такимъ насиліемъ. Анархія участковъ въ пятнадцать дней низвергла насъ на ту точку униженія, къ какой аристократическое правленіе привело насъ въ три вѣка... Мы были свободны одинъ день. Скоро участки будутъ населены только рабами, а комитеты будутъ состоять только изъ тирановъ.“ (VII, 6). Вину учрежденія участковъ газета безъ церемоніи возлагаетъ на правительство и сожалѣетъ о раздѣленіи на приходы, отъ котораго это самое правительство въ свое время отказалось, очевидно во имя „либеральныхъ идей“. „Когда созывали

сословныхъ представителей, то министерство хотѣло имѣть депутатовъ, голосомъ и совѣстью коихъ могло бы располагать: требовалось значитъ избирать помощію интриги. Созывать жителей Парижа по приходамъ значило пресѣчь пути интриганамъ, ибо помощію метрическихъ, свадебныхъ и погребальныхъ списковъ легко было провѣрить имѣетъ ли кандидатъ законныя права. Вотъ и придумали участки или дистрикты, a distrahendo, то-есть раздѣлили столицу на шестьдесятъ отдѣленій, такъ чтобы въ каждомъ граждане встрѣчались съ новыми лицами и „вынуждены были подавать голосъ на слово въ пользу тѣхъ, кого подставляла интрига.“ Такъ печать благодарила правительство за исполненіе ея же рекомендацій. Чего нельзя было бы наговорить въ свою очередь о давленіи на выборы духовенства и аристократовъ, еслибы сохранено было раздѣленіе на приходы!

V.

Неурядица и революціонныя неистовства изъ Парижа распространились по провинціямъ, съ присоединеніемъ сожженія и разграбленія замковъ. Революціонныя изданія, умаляя значеніе безпорядковъ, имѣли смѣлость утверждать, что было де это только тамъ, гдѣ владѣльцы дурно обращались съ народомъ. Кампе приводитъ выдержку изъ одного журнала, не называя его (это былъ *Révolutions de Paris*, составлявшій вмѣстѣ съ *Курьеромъ* Мирабо главный источникъ свѣдѣній Кампе, который имѣлъ рекомендацію къ Мирабо и былъ ему представленъ). „Разграбленіе, сказано тамъ, коимъ подверглись многіе замки, суть послѣдствія старыхъ притѣсненій господъ и злобы ихъ управляющихъ. Пусть назовутъ намъ хоть одного справедливаго, гуманнаго, благодѣтельнаго помѣщика, который подвергся бы подобнымъ неистовствамъ, и мы заранѣе, не справляясь, гарантируемъ что его крестьяне или вассалы были убиты предъ его замкомъ, прежде чѣмъ разбойники успѣли туда проникнуть“. Въ болѣе правдивомъ органѣ печати, *Французскомъ Меркуріи*, Кампе могъ прочесть иное описаніе. „Отъ береговъ Роны до береговъ Рейна, отъ Мозеля до Луары (№ отъ 12 августа) провинція представляетъ картину достойную размышленія и сожалѣнія: двѣ недѣли разграбленій и пожаровъ въ замкахъ и аббатствахъ; убійства, опустошенія на много лѣтъ разорили помѣщиковъ и фермеровъ, доходы государственные и частные“.

Состояніе революціоннаго броженія, охватившаго въ нѣсколько дней Францію, живо изображено въ любопытномъ письмѣ, принадлежащемъ перу писателя Риваролля (оно помѣщено въ *Исторіи революціи* Бертрана де-Молевиля, II, 100). Полушутливый тонъ письма и презрительно скептическое отношеніе къ возбужденному „движенію“ не

исключаютъ тонкой наблюдательности и серіознаго пониманія грустнаго положенія дѣлъ. Письмо писано 28 іюля 1789 года по случаю задержанія въ Перонѣ аббата Мори, покинувшаго было Національное Собраніе послѣ событій 14 іюля.

„Пикардцы народъ добрый, но свое дѣло знаютъ (sont bons, mais ils sont exacts). Чтобы скорѣе достичь совершенства, передѣлываютъ во всемъ себя по парижскому образцу. Есть у нихъ и собранія, и кокарды, и оружіе, и благія намѣренія. Какъ въ Парижѣ, играютъ партію, гдѣ каждый ходъ есть шахъ королю. Сожгли таможни, бросили въ воду таможенныхъ чиновниковъ, перехватили государственные доходы, выпустили на волю преступниковъ, заперли въ тюрьму начальство. И считаютъ, что это еще сущіе пустяки, пока не захватили въ руки архіепископа Камбрейскаго. Перонъ центръ этого сходства со столицей.

„Мы пріѣхали сюда сегодня 28 іюля, рано утромъ. Аббатъ Мори, прибывшій сюда переодѣтымъ 26 числа, въ воскресенье, и узнанный, когда спрашивалъ о проселочной дорогѣ, находится въ эту минуту окруженный перонскою національною милиціей на гауптвахтѣ позади Думы. Мы прежде всего спросили какъ онъ былъ задержанъ, на что ссылается въ свою защиту и какіе виды имѣетъ на него Пикардія. Тысячи ртовъ разверзлись заразъ, и мы и теперь бы еще слушали, не понимая, что хотятъ сказать эти сороки обоего пола (de Peronnels et de Peronnelles) еслибы не попросили священника, въ кокардѣ стоявшаго противъ насъ, говорить одного и говорить по-французски, буде это его не затруднитъ. „Господа, закричалъ онъ намъ, человѣкъ, котораго *отечество* сочло нужнымъ арестовать и котораго мы препроводимъ къ *націи*, сидящей въ Думѣ въ Парижѣ, поистинѣ заслужилъ такое наложеніе рукъ. Онъ хотѣлъ потихоньку пробраться за границу безъ воротника (sans rabat) и безъ кокарды и спросилъ обходную дорогу. Это не показалось достаточно прямымъ нашей милиціи, и его привели сюда. Мы узнали, что это аббатъ Мори: нѣсколько времени тому назадъ намъ прислали его примѣты, онѣ пришлись точь въ-точь. Мы сказали ему: „Вы аббатъ Мори, мы отошлемъ васъ въ Думу въ Парижъ, по стопамъ гг. Фулона и Бертье“. На это аббатъ Мори отвѣчалъ: „Если уже переодѣванье и страхъ не измѣнили фигуры, какую дало мнѣ небо, то признаюсь — какъ сдѣлалъ бы всякій на моемъ мѣстѣ, — что я аббатъ Мори. Чтобы признаться въ этомъ доселѣ, требовалась только искренность, теперь требуется нѣкоторое мужество. Я вашъ плѣнникъ. Если пошлете меня въ Парижъ, въ окруженіи патріотическихъ штыковъ, то увѣренъ, что чернь поступитъ со мною какъ съ Фулономъ и Бертье. Но я особеннаго желанія не имѣю увеличить мартирологъ аристократовъ. Прошу васъ, пошлите на мой счетъ къ ихъ превосхо-

дительствамъ господамъ Національному Собранію (messeigneurs de l'Assemblée Nationale). Не сомнѣваюсь, что многіе изъ нихъ сильно будутъ настаивать на моемъ освобожденіи, опасаясь не пришлось бы мнѣ протянуть ноги. Теперь же, господа, лока я въ вашихъ рукахъ, представьте меня начальнику милиціи, г. меру города и всѣмъ предержащимъ властямъ". Ничего не могло быть справедливѣе, и мы отвели его и посадили при Думѣ. Ожидая отвѣта Національнаго Собранія, онъ находится посреди господъ думскихъ и привыкаетъ понемножку къ своему положенію".

„Восхищенные такими подробностями, мы пожелали, чтобы почтенный священникъ еще увеличилъ бремя нашей благодарности, доставивъ намъ случай увидать аббата Мори среди Перонискаго непремѣннаго комитета. Онъ доставилъ намъ это безъ затрудненія, и посудите, какъ обрадовался аббатъ Мори свиданію съ нами! Хотя онъ ожидалъ удовлетворительныхъ вѣстей изъ Національнаго Собранія, но все-таки не безъ безпокойства представилъ насъ господамъ, его окружавшимъ: начальнику милиціи, городскому головѣ и всѣмъ избирателямъ. Пикардскій Лафайетъ—старый сержантъ, хромой и кривой, отличился въ двухъ или трехъ народныхъ мятежахъ, гдѣ и потерялъ недостающій ему глазъ. Онъ разсказалъ намъ съ большою готовностью, какихъ трудовъ стоило ему составить команду изъ ста двадцати Пикардцевъ и добыть имъ кокарды и ружья. Съ этою-то эскортой надѣется онъ проводить аббата Мори въ столицу. Городской голова города Перонна не членъ трехъ академій, какъ Бальи, но выбранъ, какъ и Бальи аккламаціей. Онъ заслуженный церковный староста и школьный учитель. Мы спросили у этихъ господъ и у всѣхъ избирателей, почему „нація" не убиваетъ своихъ плѣнниковъ въ Перонпѣ, какъ она дѣлаетъ это въ Парижѣ, и почему городъ лишенъ здѣсь зрѣлища этихъ экзекуцій, доставляющихъ, волервыхъ, столько удовольствія, а затѣмъ и столько чести Парижанамъ. „Ибо, прибавили мы, аббатъ Мори, что вы ни говорите, былъ бы достоинъ вашего патріотическаго гнѣва. Зачѣмъ посылать его въ Парижъ? Или вы ждете лучшаго случая"?—„Господа, господа, внушительно возразилъ голова, Парижъ имѣетъ право казни во всемъ королевствѣ, а мы побиваемъ только Пикардцевъ, ибо мы не вполнѣ нація, какъ Парижъ. Аббатъ Мори бѣглецъ изъ Собранія. Это деликатное дѣло. Ждемъ приказанія Національнаго Собранія. Оно выведетъ насъ изъ затрудненія. Здѣсь и такъ намъ много дѣла. Въ эту ночь, по извѣщенію, пришедшему изъ Парижа, Геннегау (Hainault), Фландрія и вся Пикардія были подъ ружьемъ; въ городахъ и деревняхъ били въ набатъ. Триста человѣкъ гражданской стражи были на ногахъ. Это все, чтобы встрѣтить отрядъ изъ двухъ тысячъ разбойниковъ, которые должны были разойтись по нашимъ полямъ и

жечь жатву".—„Да и мы замѣтили, проѣзжая вашу провинцію, отвѣчали мы, большое движеніе. Но не имѣя свѣдѣній, полагали, что это естественное состояніе Пикардіи. Гражданскіе патрули, вооруженные вилами, палками съ желѣзными наконечниками, косами, нѣсколькими ружьями, останавливали насъ на каждомъ шагу и заставляли клясться, что мы любимъ отечество вообще и сверхъ всего ту деревню, гдѣ проѣзжали. Отъ поста къ посту намъ давали провожатаго. Онъ садился на козлы нашей кареты съ пистолетами за поясомъ, дула которыхъ торчали по направленію къ намъ. Въ этомъ видѣ мы прибыли въ Руа (Roye). Тутъ насъ спросили, прибылъ ли г. Неккеръ. Мы сказали, что скоро прибудетъ. *Вѣчное скоро прибудетъ!* закричалъ одинъ изъ видныхъ членовъ толпы. *Я рѣшилъ арестовать перваго, кто не скажетъ мнѣ, что Неккеръ уже прибылъ и отправлю молодца, связавъ по ногамъ и рукамъ, въ Думу къ нація, въ Парижъ.* Благо предувѣдомленные на этотъ разъ, мы далѣе во всю дорогу говорили, что г. Неккеръ уже прибылъ и готовы то же сказать и вамъ, милостивые государи, буде то требуется. Позвольте только спросить васъ по поводу необычайной, но ложной тревоги, среди васъ возбужденной, какая можетъ быть цѣль тѣхъ, что васъ лугаютъ ложными слухами и заставляютъ день и ночь проводить подъ оружіемъ. Откуда могли взяться двѣ тысячи разбойниковъ, долженствовавшихъ жечь вашу жатву? Развѣ король не въ согласіи съ націей? Развѣ солдаты не несутъ службы вмѣстѣ съ гражданами"?—„То, что вы говорите, государь мой, сказалъ меръ, посматривая на насъ искоса,—очень подозрительно. Счастливы вы, что мы слушаемся разсудка. Намъ хочется думать, что мы въ опасности. Кто насъ разувѣряетъ — врагъ нашъ. Чѣмъ, кромѣ тревогъ и слуховъ, можно было бы держать на ногахъ армію изъ трехъ милліоновъ гражданъ и крестьянъ отъ одного края королевства до другаго, а такая армія есть въ настоящую минуту"?

„Аббатъ Мори подмигнулъ намъ глазомъ, и мы перемѣнили разговоръ, какъ послышался на улицѣ сильный шумъ. Прибылъ курьеръ Національнаго Собранія. Онъ явился требовать не особу, а свободу аббата Мори, объявляя его священнымъ и неприкосновеннымъ. Очень это огорчило городъ Перонпъ; и сказать трудно до какой степени. Потратились, снарядились вести его въ Парижъ, ласкали себя надеждой дать Думѣ великое свидѣтельство усердія и можетъ-быть изгладить воспоминаніе о казни гг. Фулона и Бертье, немножко поджаривъ на кострѣ аббата Мори. И вотъ пришлось отказаться отъ сладкихъ надеждъ и выпустить добычу.

„Не добрымъ глазомъ смотрѣли на насъ, когда мы поздравляли аббата Мори съ освобожденіемъ. И счастье еще, что аббату не пришло въ голову назвать насъ друзьями и обнять, а то любили бы

насъ каменьями. Не знаю, усмотрѣлъ ли онъ это новое средство губить враговъ, но вышелъ онъ изъ рукъ своихъ тюремщиковъ очень довольный и сильно измѣнившійся за эти три дня".

P. S. „Пожалуйста остерегайтесь печатать это письмо, развѣ если желаете вздернуть на висѣлицу какого-нибудь честнаго книгопродавца въ Пале-Роялѣ. Когда у насъ былъ одинъ глава, писателю можно было уйти отъ него, но теперь безопасно писать только противъ него. Ибо съ тѣхъ поръ, какъ народъ сталъ королемъ—чернь стала королевой, и легко провиниться въ оскорбленіи величества отъ Поршерона до Куртиля и отъ Рапе до Грева (depuis les Porcherons jusqu'à la Courtille et de la Rapée jusqu'a la Greve). Надо надѣяться съ *Парижскимъ Журналомъ* (*Journal de Paris*), что mesdames de la halle приведутъ въ разсудокъ королей и королевъ ихъ квартала. Хорошо кабы онѣ внушили всѣмъ этимъ царственнымъ особамъ, что милость есть царская добродѣтель, удивительно приличествующая въ началѣ царствованія".

Нѣчто подобное разсказываетъ Монлозье о своемъ путешествіи изъ Парижа въ свою провинцію около того же времени. Онъ ѣхалъ до Клермона съ попутчикомъ, который оказался ему полезнымъ... „Повсюду, гдѣ насъ останавливали, а это повторялось на каждомъ шагу, спутникъ мой кричалъ изо всѣхъ силъ: „„да здравствуетъ нація, да здравствуетъ „третье сословіе, къ чорту дворянство""! Затѣмъ обращался ко мнѣ, говоря потихоньку: „„проклятые канальи""! Въ Конѣ (Cône), видя на моемъ паспортѣ подпись Лафайета, меня сочли другомъ этого генерала и революціи и стали разспрашивать о взятіи Бастиліи 14 іюля. Вопросы мнѣ надоѣли, и скука выразилась на моемъ лицѣ. Это показалось подозрительнымъ. Мой спутникъ извинилъ меня и, отведя въ сторону мера, просилъ пощадить меня вопросами, такъ какъ я былъ де въ горѣ по случаю потери жены. Помощію подобныхъ изворотовъ, которые онъ не переставалъ придумывать, а также благодаря въ особенности паспорту отъ Лафайета, который онъ постоянно предъявлялъ, мы прибыли въ Овернь безъ непріятныхъ приключеній" (Montlosier, I, 215).

Обозрѣвая событія перваго мѣсяца революціи, англійская газета *Daily Advertiser* пришла къ такому заключенію (слова приведены въ № IX, 47, *Révol. de Paris*). „Нельзя вѣрить, говоритъ эта газета, чтобы жестокости, совершаемыя Французскимъ народомъ, могли быть терпимы долѣе и чтобъ европейскія державы оставались равнодушными зрителями этого нарушенія всяческихъ законовъ. Каждый день становится яснѣе и яснѣе, что народъ Французскій движется не любовью къ свободѣ, а отвращеніемъ ко всякому долгу и труду и чувствомъ ненависти къ его высшимъ... Явленіе Французской революціи, наиболѣе удивительное, есть равнодушіе Національнаго Собранія къ безпорядкамъ, все опрокидывающимъ въ королевствѣ и не пресѣкаемымъ никакою государственною властью. Въ то время, какъ частныя лица вынуждены соединяться, чтобы защищать свою жизнь и свое имущество, господа члены Собранія занимаются обсужденіемъ отвлеченныхъ началъ, не думая о томъ великомъ началѣ, что общее благо зависитъ отъ блага частнаго, и какъ скоро отдѣльныя лица не находятъ болѣе покровительства во власти законодательной и исполнительной, общество необходимо разлагается".

VI.

Между органами печати того времени было оффиціальное изданіе *Gazette de France*, составлявшее собственность министерства иностранныхъ дѣлъ. Это старѣйшій политическій журналъ во Франціи*. Его объемъ и составъ напоминаетъ наши *Московскія* и *Петербургскія Вѣдомости* стараго времени, во многомъ копировавшія свой французскій образецъ. Газета выходила два раза въ недѣлю. Любопытно прослѣдить, какъ отразились событія революціонной эпохи въ этой оффиціальной лѣтописи.

Ближайшій нумеръ къ событіямъ 14 іюля есть № 57, отъ пятницы 17 іюля 1789 года. Въ немъ, какъ и въ слѣдующихъ, о взятіи Бастиліи не встрѣчаемъ ни единаго слова, какъ будто такого происшествія не было, хотя сообщаются подробности о какомъ-то пожарѣ въ Анжерѣ, случившемся въ іюлѣ мѣсяцѣ. Изъ слѣдующихъ нумеровъ узнаемъ о нѣкоторыхъ правительственныхъ распоряженіяхъ: закрытіи военнаго совѣта по исполненіи имъ возложеннаго порученія (№ 58); отмѣнѣ наказанія въ войскѣ ударами саблей плашмя (coups de plat de sabre, № 59); о пріемѣ во дворцѣ кардинала Монморанси (№ 60). О дѣятельности Національнаго Собранія не упоминается: она повидимому не считалась подлежащею оффиціальному обнародованію. Въ № 61 (31 іюля) говорится о собраніи депутатовъ отъ 60 городскихъ участковъ, подтвердившемъ выборъ Лафайета и Бальи, составившемъ продовольственную и другія коммиссіи; говорится, что предполагаемый планъ муниципальнаго устройства будетъ разосланъ по участкамъ, и всѣ граждане приглашаются сообщать свои идеи. Наконецъ въ № 62 есть сообщеніе о неурядицахъ и разбояхъ, но съ успокоительною цѣлью. „Съ нѣкотораго времени общественная молва только и сообщаетъ, что объ ущербахъ, причиненныхъ раз-

---

* Въ Императорской Публичной Библіотекѣ есть полный экземпляръ *Gazette de France*, которымъ мы и пользовались.

бойниками, въ большомъ числѣ разсѣявшимися по деревнямъ". Слухи эти во многихъ де мѣстахъ не подтвердились и преувеличены. „Надлежитъ въ настоящихъ обстоятельствахъ тщательно собирать факты, способные внести успокоеніе; но стремясь оживить довѣріе, должно вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно рекомендовать благоразуміе и осторожность". Въ № 63 возвѣщается о назначеніи новыхъ министровъ (епископа Бордосскаго хранителемъ печати, Неккера министромъ финансовъ). Говорится, что имѣлось въ виду назначить Неккера первымъ министромъ, но онъ, „принявъ знакъ довѣрія монарха, просилъ, чтобы знакъ сей не сопровождался никакимъ рангомъ или титуломъ". Замѣтно,—особенно по сравнительному обилію помѣщавшагося о его рѣчахъ и дѣяніяхъ,—что Неккеръ, такъ заботившійся о популярности, не упускалъ случая пользоваться услугами оффиціальнаго листка.

Въ № 65 (пятница 14 августа 1789) опубликована рѣчь, произнесенная въ Національномъ Собраніи, 7 августа, хранителемъ печати и идущая въ разрѣзъ съ успокоительною замѣткой № 62. „Мы присланы къ вамъ королемъ, говорилъ хранитель печати, чтобы сложить въ нѣдра Собранія безпокойство, волнующее отеческое сердце его величества. Оттого ли, что мстительное воспоминаніе о разныхъ злоупотребленіяхъ, которыя король стремится устранить преобразованіями и которыя вы желаете уничтожить навсегда, ввело въ заблужденіе народъ; оттого ли, что возвѣщеніе объ общемъ, имѣющемъ наступить, перерожденіи поколебало различныя силы, на которыхъ покоится общественный порядокъ; оттого ли, что враждебныя нашему благополучію страсти распространили въ странѣ свое пагубное вліяніе,—*истина въ томъ* (la verité est), что порядокъ и общественное спокойствіе потрясены во всѣхъ частяхъ королевства. Вамъ извѣстно, что собственность въ провинціяхъ подвергается разграбленію. Рука поджигателей опустошаетъ жилища гражданъ, формы правосудія не признаются и замѣняются самоуправствомъ, преслѣдованіемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ грозили жатвѣ, преслѣдуя народъ даже въ его надеждахъ. Куда не могли послать грабителей, туда слали ужасъ и смятеніе. Своеволіе безъ узды, законъ безъ силы, судъ безъ дѣйствія; отчаяніе овладѣло частью Франціи, ужасъ охватилъ ее всю. Торговля, промышленность въ застоѣ, даже убѣжища благочестія не безопасны отъ убійственныхъ увлеченій".

Таково правительственное изображеніе состоянія Франціи въ первую эпоху революціи. Парализованной въ своихъ дѣйствіяхъ власти оставалось только сѣтовать и молить Собраніе о помощи. „Вы справедливо полагали, продолжаетъ министръ, что прекрасная и мудрая конституція есть и должна быть вѣрнѣйшею и плодотворнѣйшею основой этого государства. Его величество съ живѣйшимъ нетерпѣ-

ніемъ ждетъ результата вашихъ трудовъ. Онъ особенно поручилъ намъ побудить васъ къ ихъ ускоренію. Но обстоятельства требуютъ мѣропріятій, коихъ дѣйствіе было бы болѣе настоятельно и дѣятельно".

Въ свою очередь Неккеръ въ рѣчи, приведенной въ № 66 *Французской Газеты*, указываетъ на плачевное состояніе финансовъ и на то, что поступленіе налоговъ почти прекратилось. Онъ впрочемъ утѣшаетъ націю... цвѣтами своего краснорѣчія. „Несмотря на наши бѣдствія, цѣлость королевства не поколеблена, и соединеніе вашихъ знаній и талантовъ способно оплодотворить всѣ зародыши благосостоянія. Да не теряетъ же никто ни здѣсь въ собраніи, ни въ націи мужества. Король желаетъ истины, король желаетъ добра. Подданные сохранили приверженность къ его особѣ, приверженность сія съ возвратомъ спокойствія въ королевствѣ еще процвѣтетъ и возрастетъ. Предадимся же счастливой перспективѣ, какая можетъ намъ открыться. Придетъ быть-можетъ день, когда французская нація, среди сладостей мудрой свободы и безоблачнаго довѣрія, изгладитъ изъ своей памяти воспоминанія нынѣшняго бѣдственнаго времени и, наслаждаясь благами, какія дадутъ ей ваши великодушныя усилія, навсегда сохранитъ въ своей признательности имя монарха, которому любовь ваша только что даровала столь прекрасный титулъ". Какою фальшивою риторикой теперь, послѣ событій, звучатъ эти самоуслодительныя фразы!

9 августа король вынужденъ былъ издать прокламацію (напечатанную въ томъ же № 66), изображающую печальный фактъ, какъ революціонеры пользовались именемъ короля, чтобы мутить народъ (вспомнимъ „золотыя грамоты" и другіе подвиги нашихъ революціонеровъ). „До свѣдѣнія его величества дошло, что шайки разбойниковъ, разсѣянныя въ королевствѣ, стараются обмануть жителей многихъ мѣстъ, увѣряя ихъ, будто они могутъ, не уклоняясь отъ намѣреній его величества, нападать на замки, расхищать архивы и совершать и иныя неистовства по отношенію къ жителямъ и господскимъ владѣніямъ. Посему его величество находится въ необходимости объявить, что подобныя насилія возбуждаютъ все его негодованіе (еще бы не возбуждали! куріозно-деликатное выраженіе по отношенію къ разбойникамъ). Его величество особенно приглашаетъ всѣхъ, на чьей обязанности лежитъ исполненіе его повелѣній всѣми находящимися въ ихъ распоряженіи средствами, предупреждать подобныя преступленія и заботиться, чтобы таковыя не оставались безъ строгаго наказанія. Его величество съ великимъ огорченіемъ взираетъ на смуту, водворившуюся въ королевствѣ, смуту, съ нѣкотораго времени возбуждаемую злонамѣренными людьми, посѣваю-

щими ложные слухи съ цѣлью побудить жителей деревень взяться за оружіе".

Печалованія правительства не произвели большаго дѣйствія. Собраніе, руководимое вожаками, отклоняло принятіе какихъ-либо серіозныхъ мѣръ къ подавленію безпорядковъ и болѣе заботилось о томъ, чтобы парализовать правительственную власть, чѣмъ о томъ, чтобы преслѣдовать злоумышленниковъ. Король, впрочемъ, выдалъ указъ, предписывавшій войскамъ оказывать, по требованію гражданскихъ и муниципальныхъ властей, содѣйствіе военной силы для прекращенія мятежей. Но при этомъ пришлось заботиться не столько о томъ, чтобъ успокоить мирныхъ гражданъ, сколько о томъ, чтобъ не обидѣть разбойниковъ. Офицеры должны были, согласно желанію Собранія, давать присягу въ такой формѣ: „Клянемся оставаться вѣрными націи, королю и закону, и никогда не направлять подчиненныхъ нашихъ противъ гражданъ, кромѣ какъ по требованію гражданскихъ и муниципальныхъ властей". Солдаты клялись „никогда не покидать знаменъ, быть вѣрными націи, королю и закону и повиноваться правиламъ военной дисциплины".

Указъ былъ выданъ согласно декрету Національнаго Собранія. Это не удержало привязчивую критику революціонной печати. „Есть, читаемъ въ *Révol de Paris* (№ VI, 3), между королевскимъ указомъ и декретомъ Собранія разница, на которую каждый гражданинъ имѣетъ право обратить вниманіе". Въ первомъ параграфѣ указа значится: „Войска окажутъ содѣйствіе національной милиціи и объѣздной стражѣ (maréchaussée, родъ урядниковъ) *всякій разъ*, когда будутъ призваны гражданскими или муниципальными властями (toutes les fois qu'elles en seront requises par les officiers civils ou les officiers municipaux)". А если приглашеніе этихъ властей будетъ противно закону, соблюдать который клялся военный офицеръ — что сдѣлаетъ онъ? Послушается? Будетъ нарушителемъ клятвы. Не послушается? Нарушитъ законъ, требующій, чтобъ онъ оказывалъ содѣйствіе *всякій разъ*, какъ потребуется. Небо справедливое! значитъ увѣрены, что муниципальные чины не злоупотребятъ своею властію, не захотятъ никогда нарушить законъ, прикрыть пагубные происки, поддержать несправедливость, господствовать, захватывать, притѣснять, обращать государственную силу на служеніе своимъ частнымъ интересамъ? Какая слѣпота! Да развѣ богатыя семейства не захватятъ муниципальныхъ мѣстъ и не найдутъ средства на нихъ укрѣпиться? А муниципальная аристократія, сдѣлавшись наслѣдственною, хотя по видимости и выборная, не обѣщаетъ ли намъ столько же бѣдъ, какъ аристократія военная? Не все развѣ мнѣ равно кто меня угнетаетъ и хватаетъ за горло, гражданская или военная власть. Если я задыхаюсь подъ муниципальною тогой, народъ не услышитъ моего крика, не увидитъ моей текущей крови, а только зрѣлищемъ несправедливостей пробуждается любовь къ свободѣ. Если солдатъ долженъ обращать оружіе противъ гражданина *всякій разъ*, какъ того потребуетъ муниципальная власть, то мы только смѣнили однѣ цѣпи другими. Скипетръ аристократіи не сломанъ, а лишь перешелъ въ другія руки". Это стремленіе парализовать самое простое, необходимо вызванное обстоятельствами заявленіе намѣреній власти — одно изъ тысячи свидѣтельствъ того, какъ революціонная печать съ самаго возникновенія своего постоянно была прикрытою проповѣдью мятежа.

Король со своей стороны въ письмѣ къ офицерамъ и солдатамъ, опубликованномъ въ 67 нумерѣ *Gazette de France*, убѣждаетъ ихъ „соединиться со всѣми добрыми гражданами, дабы отразить разбойниковъ, которые, не довольствуясь тѣмъ, что сѣятъ безпорядки въ моемъ королевствѣ, стремятся смутить умы моихъ добрыхъ и вѣрныхъ подданныхъ, чтобы сдѣлать ихъ соучастниками своихъ насилій и вовлечь въ свои вѣроломные планы". Очевидно, дѣло идетъ не объ обыкновенныхъ разбойникахъ, а подразумѣваются вожаки мятежа.

Въ присягѣ солдатъ на первомъ мѣстѣ поставлена клятва, что не будутъ покидать своихъ знаменъ. Это вызвано было дезертирствомъ солдатъ, при общемъ одобреніи переходившихъ изъ рядовъ арміи въ „солдаты отечества" съ жалованьемъ изъ городскихъ суммъ. Въ началѣ это поощрялось и привѣтствовалось. Но скоро дали себя почувствовать неудобства наплыва разнузданнаго элемента. И когда королевскимъ приказомъ (сбнародованнымъ въ томъ же нумерѣ *Газеты*) дозволено было дезертирамъ возвратиться въ свои полки „съ полнымъ забвеніемъ прошлаго", то Дума сдѣлала объявленіе (№ 68 *Газеты*) слѣдующаго содержанія:

„Собраніе представителей общинъ, принимая во вниманіе письмо короля къ маркизу Лафайету, полагаетъ, что отнынѣ прибытіе солдатъ изъ разныхъ полковъ въ Парижъ не можетъ уже быть приписываемо патріотическому желанію сражаться вмѣстѣ съ нами за дѣло свободы, а есть только покиданіе знаменъ, подъ коими они должны защищать отечество, тѣмъ болѣе, что новая присяга, установленная Національнымъ Собраніемъ, навсегда освобождаетъ ихъ отъ опасенія быть вынужденными служить противъ гражданъ. Посему постановило, что съ сего числа кавалеристы, солдаты, драгуны и т. д. болѣе приниматься не будутъ. Противъ вторженія примутся мѣры".

Въ рядахъ національной гвардіи случилось неудобство другаго рода: пропили мундиры. Въ *Révol de Paris* (IX, 14) читаемъ. „Многіе молодые люди, вступившіе въ національную гвардію, были сегодня

(5 сентября) безъ мундировъ. Упреки товарищей заставили ихъ признаться, что они заложили свои мундиры въ Mont-de-piété. Мы бы умолчали объ этомъ фактѣ, еслибъ онъ не сдѣлался слишкомъ гласнымъ. Говоримъ съ цѣлью побудить полицейскій комитетъ сдѣлать распоряженіе, чтобъ управленіе Mont-de-piété не принимало такія вещи въ залогъ. Запрещеніе должно быть направлено не на тѣхъ, кто закладываетъ, а на тѣхъ, кто принимаетъ".

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Великодушная ночь четвертаго августа.

I. Засѣданіе четвертаго августа.—II. Мирабо о засѣданіи четвертаго августа.—III. Первыя послѣдствія рѣшеній Собранія.—IV. Явленія анархіи.

I.

Въ теченіе дня 5 августа въ Парижѣ, и прежде всего конечно въ Пале-Роялѣ, разнесся слухъ, что въ послѣднюю ночь въ Версалѣ въ Собраніи состоялись важныя рѣшенія, заложены основанія конституціи во всемъ касающемся феодализма. Скоро пришли печатные листки, возвѣщавшіе о состоявшихся постановленіяхъ, разрушавшихъ основанный на феодализмѣ государственный строй страны. „Ольяненіе радости, сказано въ *Révol. de Paris* (№ IV, 23), тотчасъ сообщилось всѣмъ сердцамъ. Всѣ поздравляли одинъ другаго, съ энтузіазмомъ, именуя депутатовъ отцами отечества. Какъ бы новый день просіялъ надъ Франціей. Хотя отъ мудрости Собранія и ждали всякихъ благъ, казалось, однако, что получили неожиданное благодѣяніе. Образовались группы на всѣхъ почти главныхъ улицахъ. Около мостовъ поджидали проходящихъ, чтобы сообщить имъ новость, которую они можетъ-быть не узнали бы до завтра. Такъ пріятно было раздѣлить и распространить общую радость. *Братство*, сладкое братство царствовало повсюду *. Выраженія радости были особенно живы при встрѣчѣ съ французскими гардами. Ихъ душили въ объятіяхъ.

---

* Описывая впечатлѣніе ночи 4 августа въ Парижѣ, Кампе, не называя источника, перефразируетъ слова *Révol. de Paris*, и говоря о царствовавшей всюду *Brüderlichkeit*, прибавляетъ „wenn es erlaubt ist für ein so neues Schauspiel ein neues Wort zu prägen". Свидѣтельство, что слово fraternité, вступившее потомъ въ союзъ съ liberté и égalité, было еще весьма новое.

Да, есть минуты въ жизни народовъ, какъ и въ жизни людей, которыя заставляютъ забывать года горя и страданій".

Что же произошло въ ночномъ засѣданіи 4 августа? Ночь эта нерѣдко изображается какъ самое свѣтлое событіе революціонной эпохи. И въ этомъ есть доля правды. Чувство, объявшее большинство Собранія въ эту ночь энтузіазма, было дѣйствительно великодушное. Свершенъ подвигъ пожертвованія или точнѣе разрушенія; и подвигъ этотъ надлежитъ всецѣло поставить на счетъ дворянству. Депутатамъ средняго сословія оставалось только рукоплескать; дѣйствовавшія лица изъ духовенства по происхожденію принадлежали къ дворянскому же сословію. Рѣшенія „великодушной" ночи были дѣйствіемъ не новой, а старой Франціи. Это былъ послѣдній актъ, а именно актъ самозаклянія Франціи стараго порядка. Классъ людей, носившихъ ненавистное наименованіе аристократовъ, который въ качествѣ класса правительственнаго своими руками подготовилъ и сдѣлалъ революцію, явился въ этомъ актѣ самозаклянія со своимъ главнымъ характеристическимъ качествомъ — государственною неспособностію и политическимъ легкомысліемъ. Въ младшихъ рядахъ класса господствовало, безо всякаго серіознаго пониманія, увлеченіе идеями, казавшимися либеральными и гуманными, съ присоединеніемъ расчетовъ молодаго честолюбія: въ старшихъ—узкое дворянское чванство съ кастовою брезгливостію и неспособностью къ дѣйствительному отпору; въ серіознѣйшихъ—доктринерство. Вмѣстѣ съ тѣмъ ярко проявлялись высоко поднятое чувство чести, способность возвыситься надъ требованіями матеріальныхъ выгодъ, презрѣніе къ божеству средняго класса—денежному интересу; наконецъ раздраженная чувствительность. Въ ночь 4 августа революція предстала міру въ аристократическихъ формахъ. Оттого быть-можетъ ночь эта такъ и симпатична демократическимъ писателямъ, какъ извѣстно, особенно падкимъ ко всему аристократическому. Ночное засѣданіе прошло безъ грубыхъ столкновеній, съ нѣкоторымъ участіемъ винныхъ паровъ и при крайнемъ, нервномъ возбужденіи энтузіазма. Какъ актъ политическій, ночь 4 августа была актомъ въ высшей степени легкомысленнымъ. Тѣ преобразованія, какія требовались въ государственномъ строѣ интересами страны были давно дѣломъ рѣшеннымъ. Дворянство и духовенство, еще идя на собраніе народныхъ представителей, торжественно заявили готовность отказаться отъ привилегій, несправедливо отягчавшихъ народъ. Фактически феодальное иго прекратилось давно. Послѣшное нагроможденіе рѣшеній въ ночь 4 августа породило только страшную путаницу и усилило смуту въ народѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ самопожертвованіе дворянства не спасло его отъ ожесточеннаго истребленія. Дворянское самоотверженіе занесено въ списокъ заслугъ революціи, истребившей дворянство.

Засѣданіе 4 августа было предметомъ безчисленныхъ восхваленій. „Это засѣданіе, сказано въ *Mercure de France* (августъ 1789 года, 193), составитъ эпоху въ исторіи Европы и въ исторіи сердца человѣческаго". „Феодальный строй, пишетъ Бальи (I, 116), вѣка тяготѣвшій надъ народомъ, былъ разрушенъ однимъ ударомъ въ одно мгновеніе. Національное Собраніе въ нѣсколько часовъ сдѣлало болѣе для народа, чѣмъ сколько сдѣлали въ теченіе вѣковъ мудрѣйшія и просвѣщеннѣйшія націи. Прекрасныя минуты! Что сталось съ вами"! „Иностранцы, сказано въ журналѣ Мирабо (*Courr. de Prov.*, XXIII, 13), Англичане, сознавались съ удивленіемъ, что Французы въ нѣсколько часовъ этой памятной ночи сдѣлали болѣе, чѣмъ другія націи въ цѣлое столѣтіе." „Ночь 4 августа,—пишетъ Кампе, подъ впечатлѣніемъ разсказовъ и чтенія,—по слѣдствіямъ какія могутъ отъ нея произойти для Французской націи, я почти могу сказать для всего человѣчества, есть одна изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ между ночами, заслуживающими быть отмѣченными въ новѣйшей исторіи. Тутъ было состязаніе великодушія съ великодушіемъ, патріотизма съ патріотизмомъ. Оно разомъ, безъ приготовленія, какъ электрическою искрой, подняло духъ представителей народа до высшаго энтузіазма. Послѣдствіемъ было то, что цѣлое Собраніе, какъ бы увлеченное неотразимымъ очарованіемъ, выпустило съ глазъ колебанія и соображенія, которыя можетъ-быть своевременно было бы не забывать; забыло и себя, и всѣ личные интересы, и единогласно, при громкихъ кликахъ, принесло неслыханныя жертвы націи и человѣчеству съ такою быстротой, что записывавшіе протоколъ писцы сложили перья и оставили до слѣдующаго утра изложеніе двадцати великихъ рѣшеній, принятыхъ въ этотъ бурный ночной часъ. Все старое зданіе феодальной системы со всѣми его блестящими преимуществами для властвующихъ и удручающими тяготами для подданныхъ было въ нѣсколько часовъ разрушено и ниспровергнуто. Дворянство, духовенство, цѣлыя провинціи поступились своими унаслѣдованными правами и привилегіями. Всѣ пожелали напредки пользоваться лишь общими правами гражданъ и Французовъ и подобно каждому гражданину и Французу нести сообща государственныя тяготы, принося свою долю при равномѣрномъ раздѣленіи. Никакая должность, никакое почетное положеніе не должны отнынѣ пріобрѣтаться за деньги. Для каждаго гражданина, изъ какого бы онъ ни былъ состоянія, долженъ быть отнынѣ открытъ доступъ ко всякому положенію въ государствѣ, гражданскому или военному, если онъ того достоинъ и къ тому способенъ. Надлежитъ ли сказать, что въ эту ночь разрушено все французское дворянство, или слѣдуетъ выразиться, что вся французская нація возведена въ дворянство? Дѣло остается то же самое такъ ли, иначе ли выразиться. Наконецъ, ко-

ролю, отъ котораго пошло все это, рѣшено поднести почетный титулъ Возстановителя французской свободы."

Дѣло нельзя назвать совсѣмъ не подготовленнымъ, какъ выразился Кампе. Мирабо поясняетъ (*Courrier de Provence*, № XXIII, 8) что „вечернее засѣданіе 4 августа поджидалось съ нетерпѣніемъ. Противники (предложенной въ Собраніи) прокламаціи къ народу принесли новое оружіе на борьбу; они ласкали себя надеждой увлечь всѣ голоса, давъ уразумѣть, что патріотизмъ требуетъ жертвъ и что вмѣсто пустыхъ увѣщаній, на которыя никто и вниманія не обратитъ, надлежитъ принести жертвы на алтарь мира." Первыми дѣятелями „великодушныхъ" предложеній были тѣ молодые демократы со знатными именами, о которыхъ мы уже говорили. Они пришли на засѣданіе, какъ свидѣтельствуетъ Бертранъ де-Молевиль, разгоряченные вкуснымъ обѣдомъ и сопровождавшими его возліяніями. О вліяніи обѣда намекаетъ и Мирабо То же подтверждаетъ Монлозье. О степени политическаго смысла этихъ титулованныхъ революціонеровъ можно судить по разговору виконта де-Ноайля, открывшаго кампанію 4 августа, съ англійскимъ посланникомъ герцогомъ Дорсетомъ вскорѣ послѣ взятія Бастиліи. „Знаете ли, милордъ, говорилъ либеральный виконтъ (*Корресп.* Гримма, іюль 1789 года) что благодаря этому дѣлу и ваша страна также можетъ сдѣлаться свободною" *.

„Засѣданіе, читаемъ въ *Mercure de France*, продолжалось отъ 8 часовъ вечера до 2 пополуночи. Собраніе имѣло предъ глазами картину ужасовъ, жертвой коихъ было, королевство отъ края до края. Рѣшили попробовать сдѣлать объявленіе, которое бы остановило потокъ этихъ разрушеній, поощряемыхъ молчаніемъ законовъ и полнымъ отсутствіемъ власти способной пресѣчь безпорядки. При началѣ засѣданія Тарже прочелъ проектъ прокламаціи, составленной редакціоннымъ комитетомъ. Въ ней напоминалось народу объ уваженіи къ собственности, взносѣ оброковъ и уплатѣ податей впредь до того времени, когда состоятся новыя постановленія Собранія относительно этихъ предметовъ." Не успѣло Собраніе приступить къ разсмотрѣнію проекта, какъ попросилъ слова молодой виконтъ де-Ноайль (de Noailles).

---

* Это напоминаетъ разговоръ Монлозье съ Лафайетомъ (*Mém. de Montlosier* I, 214). „На меня дуются тамъ, говорилъ Лафайетъ, показывая на дворецъ, ибо я иногда говорю языкомъ, которому научился въ Бостонѣ и которымъ скоро будутъ говорить въ Европѣ."—„Если пошло на сравненіе, замѣтилъ Монлозье, то сошлюсь на Англію, гдѣ есть по крайней мѣрѣ палата лордовъ." Онъ отвѣтилъ мнѣ: „Палата лордовъ въ Англіи? Да чрезъ шесть мѣсяцевъ ея не будетъ —„Вы думаете?"—„Это такъ же вѣрно какъ то, что сейчасъ пойду обѣдать къ madame de Tessé." — И онъ оставилъ меня."

„Не увѣщаніями, сказалъ онъ, можно остановить возникшія волненія, обезпечить общественную свободу и оградить собственность, а лишь удовлетвореніемъ народныхъ ожиданій; спокойствіе возродится, какъ скоро народъ получитъ облегченіе и узнаетъ о жертвахъ, принесенныхъ для улучшенія его бѣдственнаго положенія. Въ разногласіяхъ, обнаружившихся между представителями націи, жители деревень усмотрѣли борьбу между дѣятелями, стремящимися къ ихъ благу и сильными людьми, тому противящимися. Что вышло изъ такого положенія? Они сочли обязанностію вооружиться противъ силы и нынѣ не знаютъ болѣе узды. Странѣ предстоитъ выборъ: или испытать общественное разложеніе, или образовать правительство, которое послужитъ предметомъ удивленія всей Европы. Какъ образовать такое правительство? Помощію общественнаго спокойствія. Успокоимъ же народъ, показавъ, что ему сопротивляются лишь въ томъ, что̀ слѣдуетъ сохранить въ его же интересѣ. (*Merc. de Fr.*)... Послѣшимъ довершить революцію, которую принесло время; сдѣлаемъ въ духѣ справедливости то, что̀ народъ пытается сдѣлать со слѣпою страстью. У насъ одно средство: удовлетворить немедленно всѣмъ его жалобамъ и освободить его отъ послѣднихъ остатковъ продолжительнаго притѣсненія!“ (*Montl.*, I, 239). Онъ предложилъ Собранію объявить, прежде всякой прокламаціи, что налоги будутъ платиться всѣми гражданами королевства пропорціонально ихъ доходамъ; что феодальныя права уничтожаются, одни чрезъ выкупъ, другія — а именно разныя личныя повинности—чрезъ непосредственную отмѣну.

„Эта рѣчь и это предложеніе, сказано въ *Mercure de France*, были электрическою искрой, почувствованною всѣмъ Собраніемъ. Толчекъ великодушнаго энтузіазма поднялъ души выше всякихъ разсчетовъ и всякихъ даже соображеній. Въ рядахъ дворянства и духовенства началось состязаніе пожертвованій. Предложенія жертвъ слѣдовали одно за другимъ, толкали одно другое съ увлеченіями слова. Изъ общаго порыва въ результатѣ вышло уничтоженіе правъ, какъ тѣхъ, которыя были злоупотребленіемъ и угнетеніемъ, такъ и тѣхъ, кои были правами чести. Нѣсколькихъ часовъ было достаточно, чтобы разрушить дѣло десяти вѣковъ.“

Герцогъ д'Эгильйонъ первый присоединился къ предложенію предупредившаго его де-Ноайля. Не мѣшаетъ замѣтить, что тогда какъ виконтъ де-Ноайль не имѣлъ почти ничего, герцогъ д'Эгильйонъ обладалъ четырьмя стами тысячъ ливровъ годоваго дохода (фактъ встрѣченъ нами въ политическомъ листкѣ той эпохи, *Courrier du Bas Rhin*, не полный экземпляръ коего есть въ Импер. Публ. Библ.). Жалѣлъ и герцогъ де-Шателе, что не первый выступилъ на арену пожертвованій. Маркизъ Фуко (de Foucaud, homme de sens, по опредѣленію Монлозье) увлеченный потокомъ, воскликнулъ: „пусть не

подумаютъ, что тщетно обратились къ нашему великодушію“ (*Montl.* I, 239).

Нѣкоторые депутаты сочли нужнымъ рисовать ужасы феодальныхъ правъ. По разсказу де-Феррьера (*Mém.* I, 180), на трибуну взошелъ депутатъ изъ Бретани (La Guen de Karangal, cultivateur et député de Bretagne), въ костюмѣ крестьянина и не безъ труда прочелъ довольно длинную рѣчь, составленную на этотъ случай (новое свидѣтельство, что дѣло было подготовлено).

„Вы бы предупредили, господа, читалъ бретонскій депутатъ, пожары замковъ, еслибы не замедлили объявленіемъ, что скрытыя тамъ страшныя орудія утѣсненія, мучающія въ теченіе вѣковъ народъ, немедленно имѣютъ быть уничтожены помощію выкупа, назначеннаго вами. Народъ въ своемъ нетерпѣніи добиться справедливости, измученный притѣсненіями, самъ спѣшитъ истреблять эти пергаменты, памятники варварства нашихъ отцовъ. Будьте справедливы, господа Пусть принесутъ намъ эти постыдныя грамоты, оскорбляющія человѣчество, унижающія родъ людской требованіемъ, чтобы люди припрягались къ плугу какъ рабочій скотъ. Пусть принесутъ сюда эти грамоты, заставляющія людей проводить ночи въ томъ, чтобы бить по водѣ пруда, дабы лягушки не нарушили покоя сладострастнаго помѣщика (seigneur voluptueux). Кто изъ насъ не сложилъ бы искупительнаго костра изъ этихъ пергаментовъ и не зажегъ бы его, чтобы принести жертву на алтарь отечества? Вы не возстановите спокойствія въ возмущенной Франціи, пока не дадите обѣщанія народу сдѣлать подлежащими добровольному выкупу всѣ феодальныя права и не уничтожите помощію новыхъ законовъ до послѣднихъ слѣдовъ этотъ утѣснительный порядокъ... Содрогаюсь отъ негодованія, видя какъ вы хладнокровно приняли предложеніе, стремившееся къ наказанію злоупотребленій, учиненныхъ въ замкахъ“.

Мирабо, вообще отнесшійся къ энтузіазму ночи 4 августа съ проглядывающею иронією, несмотря на фразистыя похвалы, говоритъ о рѣчи бретонскаго депутата: „г. Карангаль разсказывалъ какъ вассалы обязаны были бить по водѣ болота, чтобы освободить рожавшую помѣщицу отъ докучливаго крика лягушекъ. Но шумъ еще болѣе сильный поднялся въ самомъ Собраніи и прервалъ его рѣчь“. *Французскій Меркурій* объ этомъ эпизодѣ не упоминаетъ.

Другой депутатъ, Лапуль изъ Франшъ Конте, „осмѣлился“, по выраженію де-Феррьера, увѣрять будто въ нѣкоторыхъ округахъ существуетъ право уполномочивающее владѣльца, по возвращеніи съ охоты, вскрыть животъ у двухъ своихъ вассаловъ, дабы согрѣть ноги въ ихъ окровавленныхъ внутренностяхъ. Дворяне возстали противъ этой грубой выдумки, требовали доказательства существованія такого безумнаго права и тѣмъ болѣе свидѣтельства, что оно когда-

нибудь практиковалось. Эти эпизоды нѣсколько замутили засѣданіе, которое тло съ единодушіемъ энтузіазма.

Виріэ предложилъ уничтожить голубятни. „Я только бѣдный Катуллъ, сказалъ онъ, и прошу о позволеніи пожертвовать моего воробья“. Все Собраніе засмѣялось. Кто-то вскрикнулъ: „здѣсь не мало Лесбій, которыя охотно его примутъ“. (Галереи были наполнены дамами). Камле, 87). „Всѣ предложенія (де-Ферьеръ I, 182) принимаются съ шумною аккламаціей. Нѣтъ надобности, говорили, ихъ точно редактировать. Достаточно установить начала: права законной собственности можно будетъ гарантировать подробными охранительными законами. Ропотомъ прерываютъ тѣхъ, кто лытается представить какія-либо соображенія о поспѣшности и легкости, съ какою рѣшаютъ участь и имущественное положеніе множества лицъ всѣхъ сословій. Депутаты, поднявшись съ мѣстъ, перемѣшиваются въ общей толпѣ среди залы, мечутся и говорятъ всѣ разомъ. Депутаты третьяго сословія, съ напускнымъ энтузіазмомъ, апплодируя каждой новой уступкѣ, стараются продлить безуміе. Собраніе имѣетъ видъ толпы пьяныхъ людей, вошедшихъ въ магазинъ драгоцѣнной мебели ломающихъ и разбивающихъ все, что̀ попадетъ подъ руку. Лалли Толандаль, пассивный свидѣтель этихъ сумасбродствъ, пересылаетъ записку предсѣдателю Шапелье. въ которой говоритъ: „Никто не владѣетъ собой, закройте засѣданіе“. Вдругъ раздаются голоса, что если заставили лицъ поступиться своими правами и привилегіями, то справедливо, чтобъ и провинціи и города сложили свои привилегіи, тяготѣющія надъ значительною долею королевства и вносящія непропорціональность въ распредѣленіе налоговъ Города слѣдуютъ за провинціями. Колеблющихся торопятъ повелительными приглашеніями“.

II.

Мирабо не принималъ участія въ засѣданіи 4 августа и кажется даже въ немъ не былъ. Рѣшенія „великодушной“ ночи, укрѣпляя побѣды революціи, отвѣчали его намѣреніямъ и были имъ привѣтствованы, но онъ слишкомъ понималъ тщету и опасность легкомысленныхъ увлеченій. „Возбужденіе Собранія, шумныя, даже гремящія рукоплесканія (говоритъ Мирабо по поводу энтузіазма, обнаружившагося въ Собраніи при преніяхъ о займѣ чрезъ два дня послѣ знаменитаго ночнаго засѣданія), предложеніе г. Клермонъ-Лодева (Clermont-Lodève) вотировать заемъ аккламаціей въ присутствіи министровъ, заявленіе г. Фуко, предложившаго шестьсотъ тысячъ ливровъ собственнаго обезпеченія на случай, если онъ не убѣдитъ свою провинцію вотировать заемъ; это кипѣніе, столь прилипчивое и которое

въ концѣ концовъ есть не болѣе какъ раздраженная физическая чувствительность,—все это суть свидѣтельства, что требуется много времени, дабы привыкнуть къ сознательному пользованію правами, оградить себя отъ инстинкта довѣрчивости и податливости, слѣпую вѣру въ лица замѣнить уваженіемъ къ началамъ, возвысить многолюдное собраніе до спокойнаго величія и не ослабляющагося достоинства, сдерживающаго порывы и аккламаціи и которое одно въ законодательномъ корпусѣ можетъ согласить выгоды многочисленности съ требованіями мудрости и зрѣлости“. (№ XXV, 2).

О засѣданіи 4 августа Мирабо въ своемъ журналѣ выражается такимъ образомъ (№ XXIV): „Многочисленныя приношенія отечеству, сдѣланныя въ ночномъ засѣданіи 4 августа, возбудили общее удивленіе, но не безъ примѣси нѣкоторой критики. Одни порицаютъ постановленія, которыя, говорятъ они, принесли собственность многихъ тысячъ семействъ въ жертву суетному исканію популярности. Другіе жалуются, что были пренебрежены правила и формы обязательныя для каждаго собранія, стремящагося къ зрѣлости рѣшеній. Порицаютъ и выборъ послѣобѣденнаго времени для засѣданія, и быструю смѣну предметовъ, по необходимости остававшихся не взвѣшенными, нагроможденными одинъ на другой, и сплошной гулъ привѣтственныхъ возгласовъ, физически не допускавшій правильнаго обсужденія. Какъ, говорятъ они, неужели вѣчно будемъ мы важнѣйшія дѣла трактовать съ такою легкостію, какою мы отличались, когда не были на самомъ дѣлѣ націей? Вѣчная игрушка нашей живости, неужели будемъ мы всегда однимъ махомъ рѣшать труднѣйшія задачи, остроумными выходками замѣнять аргументы, безумно (follement) свершать мудрѣйшія дѣла и самый разумъ нашъ нѣкоторою нитью связывать съ непослѣдовательностію. Долго упрекали мы Собраніе въ томъ, что оно налегаетъ на мелочи и недовольно дѣлаетъ для общаго блага. И вдругъ оно въ одну ночь, аккламаціей рѣшаетъ двадцать важнѣйшихъ законовъ. Столько дѣла, совершеннаго въ нѣсколько часовъ, насъ удивляетъ. Это кажется намъ сномъ.

„Мы не скрыли эти возраженія, продолжаетъ Мирабо, такъ какъ считаемъ существеннымъ привести нѣсколько мыслей способныхъ ихъ ослабить. Несомнѣнно, что засѣданіе 4 августа представляло наблюдателю странное зрѣлище. Люди высшаго ранга предлагаютъ уничтоженіе феодальнаго строя и возстановленіе первыхъ правъ народа (не они обезчестили этотъ актъ справедливости наименованіемъ *жертвъ*). Возбуждаютъ общія рукоплесканія. Эту дань всякій день приносятъ звонкимъ фразамъ: не могли же отказать въ ней патріотическимъ чувствованіямъ. Кто знаетъ большія собранія, драматическія увлеченія, къ какимъ они способны, обольстительность рукоплесканій, соревнованіе, чтобы перегнать товарища, честь личнаго

безкорыстія, наконецъ то опьяненіе, какое сопровождаетъ пылъ великодушія: кто приметъ въ соображеніе стеченіе такихъ причинъ— для того все кажущееся необыкновеннымъ въ этомъ засѣданіи войдетъ въ колею обыкновенныхъ вещей. Собраніе было объято электрическимъ вихремъ, и удары слѣдовали безъ перерыва одинъ за другимъ.

„Зачѣмъ обсуждать, когда согласны? Требованія общаго блага не обнаружились ли съ очевидностію? Чтобы доказать всѣ эти патріотическія предложенія, не довольно ли было ихъ выразить? Можно бы дѣйствовать въ формахъ болѣе методическихъ, но результатъ не былъ бы выгоднѣйшимъ".

„Надо признаться, пишетъ въ свою очередь Камле, что ночная сцена 4 августа была въ то же время одна изъ самыхъ великихъ и самыхъ странныхъ, одна изъ самыхъ серіозныхъ и самыхъ потѣшныхъ; одна изъ самыхъ чувствительныхъ и самыхъ увеселительныхъ, достойнѣйшихъ похвалы и достойнѣйшихъ порицанія, какая только была дана на сценѣ этой страны. Ее можно назвать высокою, трогательною, слезнокомическою драмой... Кипящая бурливость и свойственная этой націи смѣсь энергіи и легкомыслія, возвышенности и поверхностности, серіознаго и потѣшнаго, достоинства и шутовства—эти основныя черты французскаго національнаго характера никогда не обнаруживались съ такою яркостію, какъ при свѣчахъ этого замѣчательнаго ночнаго засѣданія. Не говорили, а кричали, такъ что стѣны залы дрожали. Ни одно изъ двадцати важныхъ постановленій, которыя неудержимымъ экспромптомъ съ изумительною быстротой слѣдовали одно за другимъ, не подвергалось обсужденію, хотя исключительная важность предметовъ заслуживала бы того; голосовъ не отбирали, предложеніе въ ту самую минуту, какъ дѣлалось, обращалось общимъ шумнымъ возглашеніемъ въ безповоротное рѣшеніе... Когда извѣстіе разнеслось въ Парижѣ, люди положительные, холодные, смотрящіе чрезъ настоящую минуту въ будущее, раздумчиво покачивали головой и не присоединялись къ общему ликованію (Камле перефразируетъ и дополняетъ Мирабо). Они сожалѣютъ, что Собраніе, которое, если не хочетъ провиниться въ послѣпшости, должно во всѣхъ важныхъ случаяхъ строго держаться правилъ и формъ, на этотъ разъ обошло ихъ. Они не одобряютъ, что для важнаго дѣла было избрано неудобное ночное время вмѣсто утреннихъ часовъ наибольшей умственной трезвости. Громко порицаютъ послѣпшность и шумный способъ рѣшенія при неумолкавшихъ крикахъ, дѣлавшихъ физически невозможнымъ обсужденіе. Какъ? спрашиваютъ эти люди: неужели мы всегда будемъ важнѣйшія дѣла рѣшать съ дѣтскимъ легкомысліемъ, которое характеризовало насъ, когда мы еще не были на самомъ дѣлѣ націей? Неужели всегда остроумныя выходки и ловкія фразы будутъ у насъ рѣшать важнѣйшія дѣла, замѣняя аргументы. Неужели разумнѣйшее, что мы дѣлаемъ, должны мы всегда дѣлать шутовскимъ образомъ? Опасаются и, кажется, справедливо—что исполненіе рѣшеній встрѣтитъ трудности, никому изъ представителей народа не приходившія въ голову въ ночь патріотическаго опьяненія. Содрагаются, и думаю—основательно, предъ страшною разнузданностію всякаго рода, которая будетъ того послѣдствіемъ".

И благодушный Бальи признаетъ, что рѣшенія ночи 4 августа были необдуманно послѣшны, но не рѣшается допустить, что они были плодомъ политическаго легкомыслія, а не серіозныхъ политическихъ соображеній. „Нельзя сказать, замѣчаетъ онъ, чтобы рѣшенія этой ночи были свободны отъ неудобствъ. Они приготовили не мало золъ. Предложенія были послѣшно нагромождены одно на другое. По нѣкоторымъ вовсе не постановлялось рѣшенія, многія были рѣшены крайне послѣшно. Вышло въ результатѣ распущеніе всѣхъ связей, ослабленіе всѣхъ пружинъ. Умы не видѣли предѣловъ добра, которое хотѣли сдѣлать; разсчетъ и интересы растиряли ихъ. Все было разомъ разрушено и фактически даже то, что желали сохранить. Эта ночь стоила мнѣ въ моей администраціи много трудовъ и хлопотъ. Однако всѣ ея рѣшенія были полезны и даже необходимы. Время было облегчить деревенскій людъ, слишкомъ долго остававшійся въ забвеніи. Безъ сомнѣнія, благоразуміе требовало сдѣлать это со временемъ и мѣрою. Надо бы подождать, чтобы состояніе финансовъ, количество долговъ и доходовъ были приведены въ ясность. Но съ другой стороны требовалось обезпечить революцію, укрѣпить новый порядокъ вещей. А для этого было одно средство: привлечь народъ".

Рѣшительнѣе всѣхъ относится къ послѣшнымъ рѣшеніямъ Собранія Мюнзье. Онъ называетъ дѣло 4 августа разбоемъ: „Когда, говоритъ онъ (I, 234), разложеніе государства доведено было насиліями, пожарами и убійствами до крайней степени, Собраніе, вѣрное своей системѣ не свершать прямо преступленій, а пользоваться ими, послѣшило оформить преступленія, давъ имъ видъ законовъ. Дѣло разбойниковъ было санкціонировано новымъ грабежомъ, называемымъ ночью 4 августа. Въ эту ночь члены народнической партіи прямо не предписывали убійствъ; они только выставляли дворянъ какъ стадо негодяевъ, которые, въ силу старыхъ своихъ пергаменовъ, пили потъ бѣдняка, сбирали и пожирали плоды его трудовъ и бдѣнія. Они восторгались величіемъ „новаго народа" явившагося во Франціи: народа Гревской площади 14 іюля и всяческихъ бандъ съ топоромъ и факеломъ въ рукахъ. Какъ только декреты ночи 4 августа сдѣлались извѣстны во Франціи, не было здравомыслящаго человѣка, ко-

торый не содрогнулся бы. Не говорю уже о дворянахъ; говорю о томъ, что видѣлъ среди самой буржуазіи и въ судейскихъ кругахъ, что видѣлъ между тѣми, кто въ началѣ обнаруживали наиболѣе рвенія къ свободѣ и демократіи. Могъ бы привести свидѣтельства моихъ собственныхъ друзей, въ другихъ отношеніяхъ наиболѣе расходившихся со мною во мнѣніяхъ. Я видѣлъ ихъ поверженными въ смущеніе... Вскорѣ по прибытіи моемъ, находясь, какъ депутатъ, въ собраніи членовъ правой стороны, уже оказывавшихъ мнѣ дружбу, я спросилъ, что могло заставить ихъ раздѣлить безумное увлеченіе. Казалесу и Мори нечего было мнѣ отвѣтить: они не участвовали въ этомъ дѣлѣ. Не то другіе. Виконтъ де Ноайль сказалъ мнѣ: „надо довершить революцію, которой пришло время, сдѣлать въ духѣ справедливости то, что народъ стремится свершить со слѣпою яростію. У насъ нѣтъ другаго средства, какъ удовлетворить немедленно всѣ его жалобы и освободить его отъ послѣднихъ слѣдовъ продолжительнаго утѣсненія“. Эти слова были въ согласіи съ другими мнѣніями Виконта де Ноайля. Но я никакъ не могъ понять какимъ образомъ разсудительный маркизъ Фуко могъ впасть въ такое заблужденіе и присоединиться къ предложеніямъ говоря: „пусть не подумаютъ, что тщетно обратились къ нашему великодушію!“; какъ Виріэ могъ выступить со своимъ воробьемъ; какъ епископъ могъ предложить отмѣну права охоты. Когда я спрашивалъ ихъ объ этомъ, они отвѣтили мнѣ: „когда народъ находится въ безуміи (délire), есть только два средства его успокоить: доброта или сила. Силы мы не имѣемъ: добротой надѣялись его обезоружить. Люди вліятельные при дворѣ и въ парламентѣ имѣли ту же надежду и склоняли насъ“. Скоро обнаружилось, какъ пуста была эта надежда. Это и нетрудно было предвидѣть“.

Наиболѣе непосредственное и немедленное дѣйствіе произвели постановленія относительно свободы охоты. „Никогда сенаторы, державшіе въ своихъ рукахъ судьбы Франціи, читаемъ въ *Монитерѣ* (*Collection complète de Moniteur Univers.* T. VI, 261. Milan, 1802), не уничтожили бы такимъ рѣшительнымъ образомъ голубятни, загородки для кроликовъ (garenes), право охоты и рыбной ловли, еслибы предвидѣли тѣ злоупотребленія, какія вытекли изъ такого рѣшенія. Народъ, по своему перетолковавшій рѣшенія прежде еще ихъ опубликованія, смѣшалъ собственность съ почетными правами. Законъ не будучи ни точно выраженъ, ни извѣстенъ, подвергъ множество частныхъ лицъ ограбленію со стороны другихъ таковыхъ же лицъ. Рѣшеніе это было сигналомъ войны, тотчасъ объявленной крупнымъ и мелкимъ владѣльцамъ ихъ вассалами и всякимъ, кто имѣлъ возможность пріобрѣсти ружье. Въ одинъ день поля были покрыты вооруженными людьми; не пощадили жатву. Вся дичь была перебита;

влѣзали на стѣны парковъ. Зайцы, кролики, олени, лани, кабаны были перебиты, голубятни разрушены. Когда истребили послѣднихъ изъ пугливыхъ обитателей парковъ и снесли самыя стѣны, запалили гумна и замки“.

Большое значеніе имѣла отмѣна десятинной подати, наиболѣе легкомысленное изъ рѣшеній 4 августа. Рѣшено собственно было подвергнуть ее выкупу и замѣнѣ, но не дожидаясь того, ее, понятно, немедленно перестали платить. „Съ незапамятныхъ временъ (A. Duruy—*L'instruction publique et la révolution*, Paris. 1882, стр 56) во Франціи десятинный налогъ (les dîmes) былъ главнымъ источникомъ для содержанія школъ. Часть его прямо опредѣлялась на народное образованіе. Имъ жило большое число семинарій, коллежей и даже университетовъ. Словомъ, серіозный интересъ требовалъ удержать его по крайней мѣрѣ въ части, назначенной для среднихъ заведеній, или замѣнить другимъ равносильнымъ источникомъ. Національное Собраніе въ послѣшности своей не замѣтило этого. Оно уничтожило десятину всякаго рода вмѣстѣ съ другими привилегіями „съ тѣмъ, чтобы, сказано въ декретѣ, пріискать средства инымъ способомъ помочь различнымъ заведеніямъ, семинаріямъ, школамъ, коллежамъ и т. д, на содержаніе коихъ нынѣ идетъ этотъ сборъ“. Правда въ качествѣ переходной мѣры постановлено было, что налогъ долженъ быть собираемымъ впредь до того, какъ вступитъ въ силу новый порядокъ, согласно закону, и установится пользованіе тѣмъ, что, должно замѣнить десятину. Но это охранительное распоряженіе скоро было отмѣнено. Декретомъ 20 апрѣля 1790 года рѣшено было, что, начиная съ 1 января 1791 года, прекращается сборъ десятиннаго налога всякаго рода... Къ концу 1791 года, прибавляетъ Дюрюи, школы были если не въ развалинахъ, то въ нищетѣ, какъ видно изъ документовъ“.

III.

Въ засѣданіяхъ 6, 7, 8, 11 августа былъ редижированъ текстъ постановленій 4 августа. Въ окончательной формѣ они были сведены къ двадцати пунктамъ. Національное Собраніе, сказано въ первомъ изъ нихъ, всецѣло уничтожаетъ феодальный режимъ. Постановляетъ, что личныя феодальныя повинности отмѣняются безъ вознагражденія, остальныя объявляются подлежащими выкупу. Исключительное право имѣть голубятни отмѣняется. Отмѣняется право охоты, уничтожается вотчинная юстиція. Отмѣняется десятинный налогъ (dîmes). Отмѣняется продажность должностей. Открывается для всѣхъ доступъ ко всѣмъ должностямъ. Отмѣняются привилегіи провинцій.

Отмѣняются пенсіи отъ кабинета, привилегіи по отношенію къ налогамъ, разные сборы, именуемые аннатомъ, динаріемъ Св. Петра и т. д. Постановленія были представлены на утвержденіе короля.

Въ письмѣ отъ 18 сентября 1789 года король отвѣчалъ Собранію (*Assemblée Nationale ou Collections de discours, mémoires etc; redigée par un deputé*. Paris, 1789. T. III, 215; эпиграфъ: *post tenebra lux*): „Одобряя общій духъ постановленнаго вами, усматриваю однако небольшое число пунктовъ, на которые могу дать только условное согласіе. Но желая по возможности отвѣтить ожиданіямъ Собранія и стремясь въ отношеніяхъ моихъ къ нему сохранить полную искренность, я сообщу результатъ первыхъ размышленій моихъ и мои совѣты". Осторожная, почти опасливая критика короля (точнѣе его министровъ) лучше всего указываетъ слабыя стороны необдуманныхъ рѣшеній 4 августа.

„Я первый, пишетъ король, уничтожилъ безо всякаго вознагражденія право, именуемое de main morte, на всемъ протяженіи моихъ личныхъ владѣній. Но есть личныя повинности, которыя, нисколько не оскорбляя человѣческаго достоинства и не нося никакой печати униженія, имѣютъ весьма важное значеніе для поземельныхъ владѣльцевъ. Не слишкомъ ли, значитъ, далеко идти, если отмѣнить ихъ безо всякаго вознагражденія. Наконецъ, есть личныя повинности издавна, вѣка тому назадъ обращенныя въ денежныя. Онѣ укрѣплены договорами и давностію обычая, представляя собою собственность передаваемую, продаваемую и покупаемую. Далѣе, въ Альзасѣ есть обширныя владѣнія иностранныхъ принцевъ, находящіяся подъ гарантіей самыхъ торжественныхъ трактатовъ. Услыхавъ о проектахъ Собранія, эти владѣльцы уже дѣлаютъ свои заявленія, достойныя всякаго вниманія". Главное вниманіе короля останавливается на томъ же десятинномъ налогѣ. „Принимаю, говоритъ онъ, съ особымъ чувствомъ признательности великодушную жертву духовенства. Но сомнѣваюсь относительно употребленія, какое слѣдуетъ изъ нея сдѣлать. Извѣстна ли Собранію числовая оцѣнка десятиннаго сбора духовенства? Его можно оцѣнить въ 60 — 80 милліоновъ. Еслибы прямо отмѣнить этотъ сборъ въ пользу тѣхъ, кто его вносятъ, то этотъ щедрый даръ достался бы исключительно поземельнымъ собственникамъ, пропорціонально количеству владѣній. На тѣхъ же кто не землевладѣлецъ благодѣяніе не дало бы. А между тѣмъ состояніе финансовъ нашихъ крайне неудовлетворительно. Пусть бы еще благодѣяніе коснулось главнымъ образомъ бѣдняковъ. Между тѣмъ не мало землевладѣльцевъ, которымъ отмѣна десятины дастъ приращеніе дохода, можетъ-быть, въ 10, 20, 30 тысячъ ливровъ въ годъ. Какія, спрашивается, у нихъ права на такое неожиданное пожалованіе?"

Надо замѣтить, что въ числѣ депутатовъ было очень много землевладѣльцевъ того разряда, на который указываетъ король, и для кар-

мана которыхъ новый законъ былъ очень выгоденъ. Великодушіе однихъ соединилось съ жадностію другихъ. Это было разоблачено однимъ изъ главныхъ вождей революціи перваго періода, аббатомъ Сіесомъ, и разоблачено съ великою ясностію. Дѣло вообще было такъ.

Въ засѣданіи 4 августа было рѣшено, что десятина подлежитъ выкупу. При обсужденіи, 10 августа, редакціи соотвѣтствующаго параграфа стали высказывать мнѣніе, что нѣтъ надобности подчинять десятину выкупу, и она должна быть просто отмѣнена; для удовлетворенія же общественныхъ потребностей, на какія она шла, надлежитъ де изыскать другіе источники. Сіесъ возсталъ противъ такой перемѣны.

„Не знаю, сказалъ онъ въ засѣданіи 11 августа, быть-можетъ, нѣкоторые найдутъ, что замѣчанія, какія имѣю вамъ представить, были бы умѣстнѣе въ иныхъ устахъ, чѣмъ въ моихъ. Но руковожусь болѣе высокимъ соображеніемъ: каждый членъ Собранія обязанъ сообщать свое мнѣніе, если оно справедливо и онъ считаетъ его полезнымъ. Потому я выскажу, что думаю. Собраніе постановило 4 августа, что десятина подлежитъ выкупу. Неужели станутъ увѣрять, что это только легкая перемѣна въ редакціи? Это слишкомъ львиная шутка. Она свидѣтельствуетъ, откуда идетъ неправильное движеніе, съ недавняго времени обнаружившееся въ Собраніи, которому враги наши руколещутъ и которое можетъ привести насъ къ гибели. Если уже надо восходить къ тайнымъ мотивамъ, насъ направляющимъ, и въ которыхъ вы безъ сомнѣнія не дали себѣ отчета, то я раскрою ихъ. Если десятина духовенства будетъ отмѣнена безъ вознагражденія, то что произойдетъ изъ этого? То, что десятина эта останется въ рукахъ тѣхъ, кто должны были ее внести вмѣсто того, чтобы поступать въ руки тѣхъ, кому она слѣдуетъ. Остерегитесь, не скрывается ли жадность подъ маской усердія. Нѣтъ земли, которая не была бы продана и перепродана со времени установленія десятины. Но, спрашиваю я себя, когда вы покупаете землю, развѣ не покупаете ее за вычетомъ десятины, платимой съ незапамятныхъ временъ? Десятина не принадлежала ни одному изъ владѣльцевъ, которые нынѣ ее платятъ. Повторяю, ни одинъ не купилъ, не пріобрѣлъ въ собственность эту часть дохода съ его имѣнія. Потому ни одинъ собственникъ не долженъ ее получать. Спрашиваю я себя, почему среди столькихъ мнѣній, свидѣльствующихъ повидимому единственно о заботѣ объ общемъ благѣ, ни одно однако не переходитъ за предѣлы частныхъ интересовъ. Хотятъ исторгнуть десятину изъ рукъ духовенства? На государственную пользу что ли? На какое-нибудь полезное учрежденіе? Нѣтъ, а потому что владѣльцы желаютъ перестать ее платить. Это должники, жалующіеся, что имъ приходится платить и стремящіеся сдѣлать себя судьями въ собственномъ дѣлѣ. Если можно еще

пробудить любовь къ справедливости,—не слѣдовало бы имѣть нужды въ такомъ пробужденіи,—то спрошу васъ не о томъ, удобно ли и полезно ли вамъ захватить десятину, но о томъ справедливо ли это. Я доказывалъ съ очевидностію, что несправедливо, ибо, какъ я только что доказалъ, десятина, какая бы то ни была ея участь въ будущемъ, вамъ не принадлежитъ. Если она должна быть отнята у кредитора, она не должна попасть въ руки должника. Время сказать, гослода, что движеніе энтузіазма поставило насъ вдругъ въ положеніе, на какое мы не смѣли надѣяться. Слѣдуетъ рукоплескать результату, но форма была дурная. Не дадимъ повода Франціи и Европѣ сказать, что мы самое добро дѣлаемъ дурно. Мы сами удивлены быстротой нашего хода, почти испуганы крайностію, къ которой могло привести насъ необдуманное чувство. И вотъ въ эту ночь, столь часто упоминаемую, когда нельзя было упрекнуть васъ въ недостаткѣ усердія, вы объявили, что десятина подлежитъ выкупу. Вамъ не казалось еще возможнымъ идти далѣе въ минуту, когда вы обнаружили наиболѣе энергіи, чтобъ идти впередъ. А теперь вы не можете болѣе себя сдержать. Десятина, говорите вы, не заслуживаетъ быть выкупленною, даже не должна быть источникомъ дохода для государства. Вы предполагаете увеличить ею ваше частное имущество въ минуту, когда всѣмъ другимъ плательщикамъ налоговъ грозитъ уменьшеніе ихъ имущества. Я долженъ сказать, что если вы не ограничитесь тѣмъ, чтобы формуловать постановленія 4 августа и будете ихъ мало-по-малу перемѣнять, какъ хотите сдѣлать относительно десятины, то ни одно постановленіе ваше не будетъ крѣпкимъ. Достаточно будетъ небольшаго числа между вами, чтобы потребовать пересмотра всѣхъ параграфовъ и предложить ихъ измѣненіе. Ничего не будетъ сдѣлано, и провинція съ изумленіемъ услышитъ, что мы непрестанно вновь дѣлаемъ вопросомъ предметы нашихъ сужденій... Пожертвованія должны быть дѣлаемы въ національномъ интересѣ, а не въ интересѣ частныхъ лицъ, поземельныхъ собственниковъ, то-есть вообще наиболѣе достаточнаго класса общества“ (*Courr. de Prov.* № XXVI, 17). Сіесъ приводилъ, что слышалъ какъ одинъ владѣлецъ высказывалъ благодарность собранію за то, что оно своимъ постановленіемъ прибавило ему тридцать тысячъ дохода. „Хотятъ быть свободными и не умѣютъ быть справедливыми“, прибавилъ аббатъ Сіесъ.

IV.

Іюльскія событія, унизивъ королевскую власть, подняли значеніе Собранія. Оно стало преобладающею силой въ странѣ. Такъ по

крайней мѣрѣ казалось. Въ минуты страха и опасности, въ немъ обнаружилось нѣкоторое единодушіе. Всѣ дѣйствовали согласно. Едва улеглось волненіе, Собраніе съ нѣкоторою бодростью обратилось къ разработкѣ конституціонныхъ вопросовъ. Но и единодушіе было мимолетное и преобладаніе кратковременное. На первый планъ пробивалась новая сила. Эту силу общимъ именемъ можно назвать Парижъ. Сила эта была неорганизованная, анархическая, но тѣмъ не менѣе сила. Съ появленіемъ общей анархіи каждая группа людей, каждая толпа являлась какъ власть. Въ Парижѣ, какъ центрѣ, это чувствовалось всего сильнѣе. Каждый, выступавшій на арену политики, а къ политикѣ были въ то время привлечены всѣ умы, ощущалъ себя властію и въ нѣкоторомъ родѣ начальникомъ,—это именовалось свободой. Серіозно возбуждался вопросъ, имѣетъ ли право каждый гражданинъ надѣть мундиръ національной гвардіи (*Rév. de Paris*, № XI, 6).

Черта замѣчательно французская, и какая живучая! Г. Рамбо въ своей рѣчи на „Праздникѣ Школъ“ въ 1880 году съ нѣкоторымъ пафосомъ говорилъ: „Революція была сдѣлана не затѣмъ, чтобъ уничтожить дворянство, но чтобы дать дворянство всѣмъ. Двухсотъ тысячъ дворянъ во Франціи было слишкомъ мало. Хотѣли, чтобы въ націи изъ двадцати пяти милліоновъ человѣкъ было двадцать пять милліоновъ дворянъ“! Фраза произвела эффектъ и вызвала рукоплесканія. Поневолѣ вспомнишь одно патріотическое стихотвореніе эпохи Крымской войны:

Ахъ какъ весело душѣ
Быть Россіи сыномъ!
Это самое уже
Не сравнится съ чиномъ.

Главныя группы гражданъ въ Парижѣ были слѣдующія. Вопервыхъ, собраніе разнородной толпы въ Пале-Роялѣ, „этомъ, по выраженію *Révolutions de Paris*, мѣстѣ свиданія всѣхъ добрыхъ патріотовъ Парижа и провинцій, не могущихъ ходить въ участки“. „Въ Парижѣ, читаемъ въ этомъ журналѣ (№ IV, 20, августъ 1789), сорокъ тысячъ пришельцевъ, помѣщающихся въ меблированныхъ комнатахъ, не считающихся обывателями, но тѣмъ не менѣе гражданъ. Не входя въ составъ Парижской Общины, они не могутъ присутствовать на Собраніяхъ въ округахъ. Но такъ какъ въ округахъ часто обсуждаются предметы, интересующіе не одну общину, но всю Францію, то эти пріѣзжіе незамѣтно образовали свой округъ, каковымъ и служитъ Пале-Рояль“. Пале-Рояль, то-есть садъ сзади Палероялькаго дворца Орлеанскаго принца, окайменный магазинами, кофейнями, домами игры и разврата, сдѣлался своего рода учрежде-

ніемъ, производилъ выборы, постановлялъ рѣшенія, посылалъ депутатовъ въ Думу, въ Національное Собраніе, грозилъ и приказывалъ. Такъ и назывались и въ протоколы заносились „депутаты Пале-Рояля". Далѣе, каждый участокъ Парижа (ихъ было шестьдесятъ) считалъ себя полновластнымъ и, если вздумается, не подчинялъ себя центральному городскому управленію, которое въ іюльскіе дни захватили въ свои руки парижскіе избиратели (électeurs); потомъ оно перешло ко ста восьмидесяти, затѣмъ къ тремъ стамъ представителей (représentants) съ меромъ и командиромъ національной гвардіи во главѣ. Участка не стѣснялись въ своихъ распоряженіяхъ. Они налагаютъ печати, дѣлаютъ домовые обыски, арестуютъ, держатъ подъ стражей. „Не смѣшно ли, обличаетъ ихъ дѣйствія одинъ адвокатъ въ письмѣ въ редакцію *Révolutions de Paris* (№ XII, 20), видѣть какъ люди, которыхъ все знаніе и искусство состоитъ въ томъ, чтобъ отмѣрить локоть сукна, отвѣсить полфунта сахару, нацѣдить кружку вина и т. д., возводятъ себя въ судебные трибуналы и требуютъ, чтобы патрули отводили арестованныхъ по ихъ приказанію. Въ такихъ трибуналахъ своихъ они составляютъ протоколы, неправильные по формѣ, жалкіе по слогу, съ удивительною орѳографіей". Редакція не рѣшается пристать ко мнѣнію адвоката и подсмѣиваются, что онъ желалъ бы всю муниципальную власть передать въ руки адвокатовъ, тогда какъ ихъ и такъ уже около сотни въ числѣ трехсотъ думскихъ представителей. Вся эта масса политикующихъ гражданъ составляла верхній шумящій революціонной слой, питавшійся слухами, рѣчами, журнальными статьями, афишами, брошюрами, памфлетами. Газеты, со времени іюльскихъ событій, умножившіяся новыми изданіями (*Révolutions de Paris* съ 17-го іюля, журналъ Марата *Ami du peuple* съ 12-го сентября 1789), быстро поднялись въ значеніи и стали сильнымъ орудіемъ агитаціи. Весьма глубокій анализъ состоянія умовъ общества, для котораго единственною умственною пищей стали газетныя статьи и всякаго рода произведенія политическаго ораторства, сдѣлалъ редакторъ *Французскаго Меркурія* (*Mercure de France*), Малле дю-Панъ (Mallet du Pan). Это былъ дѣйствительно независимый и честный журналистъ той эпохи, человѣкъ либеральный не въ искаженномъ смыслѣ этого слова, до послѣдней крайности боровшійся за свободу мнѣнія, въ эпоху, когда слово свобода не сходило съ языка, на дѣлѣ же господствовала крайняя нетерпимость мнѣній.

Вотъ, что писалъ онъ (Hatin, *Histoire de la presse en France*, V, 78): „Писательство (l'éclivallerie), говорилъ наблюдательный Монтань, есть симптомъ разшатаннаго времени. Мы печальный примѣръ этой истины. Если неистовства революціи не встрѣтили никакого препятствія, если насиліе сдѣлалось ея единственною движущею силой, если

разумные граждане потеряли всякое вліяніе, если терроръ оледенилъ всякое мужество, даже мужество разума, если большая часть событій представляютъ собою лишь борьбу безнравственности со слабостію, если въ потокѣ столькихъ переворотовъ такъ мало встрѣчается благородныхъ чувствъ и энергическихъ дѣйствій, проявлявшихся среди самыхъ ужасныхъ революцій, то одну изъ главнѣйшихъ причинъ этого мы должны искать, не сомнѣваюсь, въ томъ именно характерѣ, какой придало общественнымъ нравамъ писательство и привычка къ женски-нервному разслабленію. Всякій искалъ обороны въ брошюрахъ. Притѣснители сдѣлали изъ нихъ арсеналъ своей тиранніи, притѣсняемые дѣятелямъ печати передавали заботу о своемъ отмщеніи... Читатели этихъ діатрибъ чувствовали себя утѣшенными, почти торжествующими, находя въ каждомъ писаніи побѣду, и успокаивались на удивительномъ дѣйствіи этихъ памфлетовъ, забытыхъ чрезъ недѣлю послѣ ихъ появленія. Среди всѣхъ безпорядковъ и несчастій смотрѣли на революцію, какъ на фехтованіе разсужденій, краснорѣчія и оскорбительныхъ нападокъ. Когда такимъ образомъ человѣкъ пріучается судить и чувствовать чрезъ другаго, онъ самъ становится неспособнымъ ни къ малѣйшему усилію. Что умъ выигрываетъ въ удовольствіи, то характеръ теряетъ въ энергіи... Среди общественныхъ бурь люди предназначаются дѣйствовать, а не читать. Всюду, гдѣ замѣтите противное, вы необходимо усмотрите и признаки вырожденія: головы, погруженныя въ океанъ печатныхъ глупостей, неспособны ни на какія самостоятельныя дѣйствія. Не ждите отъ нихъ ни величія, ни энергіи. Этотъ лощеный тростникъ, согнувшись подъ ударами вѣтра, никогда не поднимется".

Не легко было Малле дю-Пану сохранить независимость сужденій. „Нынѣ, писалъ онъ послѣ октябрьскихъ событій, *мнѣніе* съ желѣзомъ и веревкой въ рукѣ даетъ свои предписанія. Вѣрь или умри, вотъ анаѳема съ горячностью произносимая, и произносимая во имя свободы!.. Тщетно среди столькихъ подводныхъ камней избирать путь умѣренности. Умѣренность стала преступленіемъ. Тщетно съ чистымъ намѣреніемъ искать общественнаго блага и истины: столько развращенныхъ перьевъ профанируютъ эти святыя имена. Что остается, если не желаешь самъ ихъ профанировать? Остается или быть выброшеннымъ какъ ветошь, или подвергнуться преслѣдованіямъ!.. Нѣкоторый классъ писателей смотритъ на свои мнѣнія, какъ на догму, на свои рѣшенія, какъ на прорицаніе оракула, на свои пересказы, какъ на протоколы. Приметъ кто другія идеи,—что говорю я?—выразитъ какое-нибудь сомнѣніе, предложитъ измѣненіе: яростный голосъ деспотизма обличаетъ, терзаетъ, поноситъ все ему противящееся. Уйдя отъ меча цензуры, мы попадали подъ душегубство нетерпимости... Область преступленій печат-

наго слова вдругъ разрослась, какъ только объявлена независимость печати. Придумано новое преступленіе—оскорбленіе націи, crime de lèse-nation; въ него возводятся ошибки разсужденія, иногда и самъ разумъ. Эшафоть можетъ сдѣлаться наказаніемъ поступка, который и тираны рѣдко осмѣливались наказывать смертію. И кто доноситъ? Кто преслѣдуетъ? Кто судитъ? Всякій, кто хочетъ захватить власть: частныя лица, муниципалитеты, округа, комитеты, клубы, политическія сообщества. Какъ ускользнуть отъ этой цѣпи наблюдателей, донощиковъ, самовольныхъ уполномоченныхъ, преслѣдующихъ человѣческій умъ и общественный разумъ?.. Когда каждое частное сообщество беретъ на себя представлять силу націи и общественную власть, можетъ самовольно заставить замолчать законъ, противопоставить желанія народа священнымъ правамъ гражданъ, предавать ихъ анаѳемѣ и приводить рѣшеніе въ исполненіе, — тогда общество находится въ разложеніи, невинность не имѣетъ прибѣжища, и конституція становится не инымъ чѣмъ, какъ отсутствіемъ всякаго правительства". Когда въ Собраніи обсуждался конституціонный вопросъ о королевской санкціи для того, чтобы какой-либо законъ вошелъ въ силу и о королевскомъ *veto*, къ Малле явились четверо яростныхъ „патріотовъ" и грозили пистолетомъ, если онъ осмѣлится держаться мнѣнія о необходимости такой санкціи. Угрозы и такія же посѣщенія повторились, когда онъ одинъ осмѣлился представить вѣрную картину происходившаго въ Версалѣ 5 и 6 октября 1789 года. Въ концѣ 1790 года къ нему пришло нѣсколько „депутатовъ отъ патріотическихъ обществъ Пале-Рояля", также съ требованіемъ отказаться отъ своихъ мнѣній. „Лишать, возразилъ онъ, свободы говорить и писать значитъ нарушать конституцію".—„Конституція, отвѣчалъ одинъ изъ депутатовъ, есть общая воля, законъ есть воля сильнѣйшаго. Вы подъ властію сильнѣйшаго и должны подчиниться. Мы выражаемъ вамъ волю націи, и это—законъ... Вамъ воспрещается идти противъ господствующаго мнѣнія". Вотъ какъ понималась свобода въ эпоху, казавшуюся ея торжествомъ!

Не забудемъ, что Малле нисколько не былъ приверженцемъ стараго порядка и держался англійскихъ конституціонныхъ идей.

Нижній революціонный слой составляла уличная толпа праздной черни, голодной и подкупной, являвшейся готовымъ орудіемъ безпорядковъ. Дюсо, въ льстивой реторической рѣчи о взятіи Бастиліи, обращенной къ „отцамъ отечества" и произнесенной въ Собраніи 6 февраля 1790, описывая свое впечатлѣніе во время эпизода съ Флесселемъ, при переходѣ изъ залы, гдѣ засѣдалъ постоянный комитетъ въ большую залу Думы, не могъ удержаться, чтобы не сказать: „Новое зрѣлище поразило мои взоры. Всѣ лавки были засажены гражданами, вооруженными какъ дикіе. Но какими гражданами? Такихъ въ бѣлый день встрѣчать не случалось. Откуда они вышли? Кто вывелъ ихъ изъ мрачныхъ убѣжищъ? Кто? О, если это любовь къ свободѣ! Она такъ чревата удивительными явленіями"! Съ водвореніемъ анархіи всякая промышленная дѣятельность прекратилась, множество достаточныхъ людей покинули столицу; массы фабричныхъ, мастеровыхъ всякаго рода прислуги остались безъ работы и мѣстъ. А масса пришлецовъ все прибывала. Не смотря на усиленныя старанія снабдить Парижъ провіантомъ, хлѣбъ былъ дорогъ. Бальи, за четыре дня до разыгравшихся въ октябрѣ безпорядковъ, писалъ 1 октября Неккеру (любопытное письмо это приведено у *Buchez et Roux*, IV, 186): „Не могу изобразить вамъ, какое изумительное число несчастныхъ насъ осаждаетъ... Все въ Парижѣ находится въ застоѣ, заставляющемъ содрогаться, особенно когда подумаешь, что вслѣдствіе его большая часть рабочихъ этого огромнаго города приведена къ состоянію абсолютнаго бездѣлья. Чѣмъ грозитъ намъ предстоящая зима? Нуждою тѣмъ болѣе ужасающею, что она падаетъ на классъ самый неимущій и наиболѣе способный воспламеняться. Вы были такъ добры, озаботились устройствомъ благотворительныхъ мастерскихъ, но число несчастныхъ тамъ занятыхъ простирается только до четырехъ тысячъ. Было бы очень желательно увеличить ихъ число и даже довести его до восьми тысячъ, принимая предосторожность раздѣлять работающихъ и удалять ихъ другъ отъ друга". Мастеровые разнаго рода собираются толпами, толкуя о своемъ положеніи, постановляя рѣшенія. Четыре тысячи лакеевъ безъ мѣста совѣщаются въ окрестностяхъ Лувра и требуютъ, чтобъ изъ Парижа были высланы Савояры, такъ какъ тѣ дѣлаютъ имъ конкурренціи. „Господа портные, читаемъ въ *Révol. de Paris* (№ VI, 15), собрались сегодня (18 августа) на лугу противъ Лувра въ числѣ около трехъ тысячъ и чтобы не вошелъ никто посторонній приняли особый знакъ—показывать палецъ, истыканный иголкою отъ шитья; только съ такимъ непререкаемымъ свидѣтельствомъ пропускали въ кругъ". Портные постановили, чтобъ ихъ день оплачивался по сорока су и чтобы продавцамъ старой одежды воспрещено было изготовлять новыя платья. Въ *Rév. de Paris* высказывается удовольствіе, что собраніе обошлось безъ всякаго безпорядка.

Не любилъ этихъ собраній Бальи. „Въ дождливые дни я еще былъ спокоенъ", замѣчаетъ онъ въ своихъ запискахъ. Любопытная метеорологія революціи.

Въ концѣ августа 1789 была первая проба вмѣшать Парижъ въ рѣшеніе вопросовъ, обсуждаемыхъ въ Національномъ Собраніи. На очереди было обсужденіе правъ короля по отношенію къ изданію законовъ. Можетъ ли король отказать въ утвержденіи закона, принятаго палатой, и если можетъ, то долженъ ли отказъ этотъ, — это

королевское *veto*, — имѣть абсолютную силу или только временную до извѣстнаго срока. Революціонеры желали отнять у короля всякое право запрета или, по крайней мѣрѣ, обставить его условіями, которыя по возможности парализовали бы его силу. Но партія *veto* была сильна въ Собраніи, заключавшемъ въ себѣ еще много монархическихъ элементовъ. Пришлось прибѣгнуть къ Парижу. „Тайные агенты, говоритъ де-Ферреръ, были разсѣяны въ клубахъ, въ кофейняхъ. Есть, говорили они, стачка между дворянствомъ, духовенствомъ и ста депутатами средняго сословія, чтобы доставить королю право абсолютнаго *veto*. Король наложитъ запретъ на декреты 4 августа и уничтожитъ то, что сдѣлало въ эту знаменитую ночь Собраніе на благо народа". 29 августа Пале-Рояль взволновался. Кто-то предложилъ идти въ Версаль, очистить Собраніе, короля привезти въ Парижъ. На этотъ разъ дѣло ограничилось проектомъ. Впрочемъ полторы тысячи человѣкъ все-таки двинулись 30 августа, но были остановлены при заставѣ и вынуждены были вернуться въ Парижъ. Въ участкахъ въ свою очередь волновались по случаю *veto*. Участокъ Сентъ-Оноре требовалъ отъ думскихъ представителей, чтобъ они побудили Національное Собраніе пріостановиться лока всякимъ рѣшеніемъ касательно *veto*. Собраніе представителей имѣло благоразуміе отвѣчать, „что оно не считаетъ за городомъ Парижемъ права пріостанавливать прения Національнаго Собранія" (*Rév. de Paris*, № XI, 16). Депутаты отъ Пале-Рояля являлись въ Версаль къ Лалли Толандалю съ заявленіемъ, что „Парижъ не хочетъ *veto*, считаетъ измѣнниками тѣхъ, кто хотятъ *veto* и наказываетъ измѣнниковъ".

Агитація по случаю *veto* во всѣхъ слояхъ парижскаго населенія вела между прочимъ и къ комическимъ явленіямъ. „Въ воскресенье, читаемъ въ № VIII *Révol. de Paris*, подъ рубрикой: „подробности о четвергѣ 3 сентября",—одинъ рабочій, слыша горячія рѣчи противъ *veto*, спрашивалъ, а изъ какого онъ округа? Другой говорилъ, что такъ какъ этотъ *veto* всѣхъ безпокоитъ, то его надо вздернуть на фонарь".

Это напоминаетъ анекдотъ о Ювеналѣ, передаваемый въ біографіи Бальи, предпосланной его запискамъ (въ изданіи гг. Бервиля и Барьера). Въ концѣ октября 1789 народъ, собравшійся вкругъ Думы со страшными криками требовалъ хлѣба. Избиратель, Дюсо, старикъ внушительной наружности, обладавшій звучнымъ голосомъ, рѣшился выйти уговаривать народъ. Вышелъ онъ на площадь, сталъ на эстраду, назначенную для прокламацій, и началъ рѣчь. „Господа, вы видите предъ собою переводчика Ювенала". Едва произнесъ онъ это слово, какъ начался шумъ. „Кто такой Ювеналъ? Аристократъ, должно-быть! На фонарь Ювенала! На фонарь и этого говоруна! Намъ нужно хлѣба. Дастъ ли его Ювеналъ". Дюсо уже схватили, хотѣли

тащить къ фонарю, и только заступничество подоспѣвшаго Бальи, тогда еще популярнаго, и объявившаго: „Дюсо мой другъ", спасло оратора.

Нѣсколько странно было обращаться къ оборванной толпѣ съ рѣчью о Ювеналѣ. Ораторство, обуявшее Францію, побуждало выступать съ болѣе или менѣе литературно обдѣланными рѣчами, даже въ минуты, когда бы кажется не до рѣчей. Припомнимъ краснорѣчивыя обращенія Лафайета къ неслушающей толпѣ въ минуты неистовыхъ требованій. Вѣроятно эти разные экспромты заготовлялись заранѣе, если не сочинялись послѣ. Этого рода краснорѣчіе напоминаетъ мнѣ иногда ученыя рѣчи нашихъ адвокатовъ предъ присяжными изъ крестьянъ.

Волненіе по поводу *veto* можно назвать пробнымъ испытаніемъ; серіозное движеніе, приведшее къ важнымъ послѣдствіямъ: перенесенію Собранія и королевскаго пребыванія въ Парижъ, произошло 5 и 6 октября. Народъ второй разъ спасъ Францію, по выраженію Марата. „1 октября все было испорчено дамами Версаля, 6 октября все было исправлено женщинами Парижа", прибавляетъ въ дополненіе Мишле.

Что же сдѣлали „дамы Версаля"?

Чтобы пояснить это, необходимо остановиться на общемъ положеніи дѣлъ. Въ Собраніи обсуждались конституціонные вопросы великой важности — о правахъ короны, порядкѣ наслѣдія. Съ разрѣшеніемъ ихъ была связана масса интересовъ. Партія придворная съ ужасомъ усматривала открывающуюся пропасть, готовую поглотить и монархію, и короля. Съ своей стороны, вожаки революціонной партіи,—какъ тѣ, что имѣли цѣлью разрушеніе монархіи, такъ и тѣ, что хранили особые замыслы (низверженіе короля и переходъ власти къ Орлеанскому принцу, зная, что могутъ дѣйствовать чрезъ „Парижъ", выжидали случая воспользоваться такимъ аргументомъ, такъ какъ исходъ борьбы въ Собраніи, гдѣ монархическое начало имѣло не мало ревностныхъ представителей, не былъ достаточно обезпеченъ. Настойчиво держались слухи о заговорѣ аристократовъ, имѣвшемъ цѣлью увезти короля въ Мецъ, разогнать собраніе и возстановить старый порядокъ. Столь же настойчиво распускалось, что народъ, ожесточенный голодомъ, намѣренъ двинуться въ Версаль, захватить короля и перевезти его въ Парижъ. Военныя силы, охранявшія Версаль, были крайне недостаточны. Рѣшено было призвать Фландрскій полкъ. Мѣра была такъ естественна, что и Собраніе не нашло ничего возразить. Полкъ прибылъ въ Версаль. Это послужило началомъ къ возбужденію. „Прибытіе полка, сказано въ *Rév. de Paris* (№ XII, 31), произвело такое смятеніе въ столицѣ, что многіе участки послали въ Думу депутатовъ, чтобы она объяснилась съ министрами...

Что такое намъ готовятъ? Будемъ на сторожѣ. Говорятъ, что парламенты вступили въ союзъ съ аристократами и пошли на выгодную сдѣлку. А гражданамъ препятствуютъ взаимно сообщать свои идеи, передавать вѣсти изъ провинціи. Нѣтъ болѣе патріотическаго центра (тогда были приняты мѣры противъ сборищъ въ Пале-Роялѣ). Да, требуется второй приступъ революціи. Все его приготовляетъ". Дворъ желалъ, чтобъ установилось согласіе между прибывшими солдатами и гражданскою милиціей Версаля. Работавшая въ Парижѣ партія поставила задачей совратить солдатъ. Gardes Françaises въ статскомъ платьѣ отправились въ Версаль. Одни являлись какъ публика въ засѣданія Собранія апплодировать революціоннымъ депутатамъ, другіе братались съ солдатами, угощая ихъ, приглашая въ Парижъ. Въ Версаль былъ препровожденъ цѣлый отрядъ публичныхъ женщинъ. Когда солдаты Фландрскаго полка въ свою очередь бывали въ Парижѣ, ихъ угощали на славу и даже одѣляли деньгами. „Просто удовольствіе ходить въ Парижъ—всегда вернешься съ деньгами", говорили они, показывая принесенныя экю. При дворѣ это было извѣстно, и тамъ въ свою очередь старались привлечь прибывшихъ. Королевскіе лейбъ-гвардейцы, согласно принятому обычаю, при вступленіи новаго гарнизона, пожелали дать пиръ Фландрскому полку. Пиръ состоялся въ четвергъ 1 октября, съ разрѣшенія короля, въ большой залѣ оперы, гдѣ накрыли столъ на триста человѣкъ. Король, королева, ведя за руку дофина, посѣтили праздникъ. По ихъ удаленіи разгоряченные виномъ участники пира сдѣлали антиреволюціонную демонстрацію. Кто-то крикнулъ: „Бросьте трехцвѣтную кокарду, да здравствуетъ бѣлая, она хорошая". Многіе побросали бывшія на нихъ кокарды и надѣли бѣлыя. Всѣ бросились ко дворцу и сдѣлали предъ нимъ шумную овацію. Чрезъ день устроился новый праздникъ, въ казармахъ. Придворныя дамы, сойдя съ галлереи, ходили между рядами присутствовавшихъ и раздавали кокарды. Вотъ преступленіе „дамъ Версаля". Понятно какою искрой должны были стать въ Парижѣ преувеличенные разсказы объ этихъ антиреволюціонныхъ демонстраціяхъ.

Вотъ какъ разсказывалъ потомъ Камиль Демуленъ о событіяхъ этого времени (въ своей газетѣ *Révol. de France et de Brabant*, начавшей выходить съ конца ноября 1789; *Buchez et Roux* III, 62): „Королевская жена слишкомъ ужь была довольна *четверговымъ братскимъ упощеніемъ*, чтобы пиръ не повторился еще разъ. Повтореніе произошло въ субботу, съ отягчающими обстоятельствами. Нашему терпѣнію пришелъ конецъ. Легко понять, что всѣ сколько было патріотовъ-наблюдателей въ Версалѣ или сами поспѣшили скорѣе въ въ Парижъ сообщить такія вѣсти, или, по крайней мѣрѣ, отправили письма съ описаніемъ подробностей. Въ тотъ же день, въ субботу

вечеромъ, Парижъ взволновался. Одна дама, видя, что мужа ея не слушаютъ въ округѣ, первая явилась предъ собраніе въ кафе Foi и обличила антинаціональныя кокарды. Маратъ летитъ въ Версаль, возвращается какъ молнія; одинъ дѣлаетъ столько шуму какъ четыре трубы страшнаго суда и кричитъ намъ: мертвые, возстаньте! Дантонъ бьетъ въ набатъ въ своемъ округѣ. Въ воскресенье этотъ безмертный округъ вывѣшиваетъ свой манифестъ". Повсюду толкуютъ, что надо идти въ Версаль, берутся за оружіе, разсѣваются по улицамъ, отправляются на охоту за носящими одноцвѣтную кокарду. День проходитъ въ волненіи; на слѣдующее утро походъ состоялся.

Дѣло было сфабриковано довольно искусною рукой. Начавшееся потомъ продолжительное слѣдствіе не привело къ сожалѣнію ни къ какимъ серіознымъ раскрытіямъ. Подъ подозрѣніемъ остались принцъ Орлеанскій и Мирабо, но истинныя нити происшествія такъ и остались не обнаруженными. Приломнимъ кратко что произошло въ мрачные дни 5 и 6 октября. Авангардомъ предпріятія пущены женщины, такъ умилившія Мишле. Но ло всѣмъ показаніямъ между слабыми созданіями была цѣлая масса переодѣтыхъ мущинъ. До четырехъ или пяти сотъ такихъ спасительницъ Франціи прорвались чрезъ стражу, не рѣшившуюся употребить силу противъ женщинъ, въ Думу. За ними толпа мущинъ. Все это разсѣялось въ залахъ; хотятъ жечь бумаги, говоря, что здѣсь ничего не дѣлаютъ кромѣ дурацкихъ писаній. А на площади толпа вопитъ „хлѣба, въ Версаль"! Въ главнокомандующіе женской арміи попадаетъ Мальяръ, судебный приставъ (huissier), одинъ изъ героевъ Бастиліи, „капитанъ волонтеровъ Бастиліи". Бьютъ въ барабанъ, армія изъ семи или восьми тысячъ женщинъ и нѣсколькихъ сотъ мущинъ двигается въ Версаль. Здѣсь толпа направляется къ Собранію. Въ началѣ входитъ небольшая депутація. Но скоро врываются сотни, наполняютъ галлереи, залу. Съ ними мущины, съ палками, пиками, алебардами. Все это разсаживается на лавки депутатовъ, требуетъ продолженія засѣданія, прерываетъ, вотируетъ. „Кто тамъ это говоритъ? Велите замолчать болтуну. Не о томъ дѣло. Надо хлѣба. Давайте сюда тетку Мирабо. Хотимъ его слышать".

Депутатъ Дюфресъ-Дюше (Dufraisse-Duchey) былъ свидѣтелемъ (показаніе его предъ слѣдственною коммиссіей, *Moniteur*, II, 550), слѣдующей сцены. „Нѣсколько женщинъ, между которыми я призналъ, судя по длинѣ бороды, нѣсколькихъ мущинъ, приблизились къ бюро и грозили епископу Лангрскому, который предсѣдалъ вмѣсто Мунье, бывшаго у короля. Одна изъ нихъ сказала епископу: „Положи пальцы на бюро". Онъ исполнилъ. Тогда двѣ другія сказали: „Мы довольны, цѣлуй теперь насъ". Подъ давленіемъ толпы депутація членовъ Со-

бранія, по дождю и грязи, среди нахлынувшей толпы, отправляется во дворецъ. „Послѣ пяти часовъ настояній и ожиданія, говоритъ Тэнъ, вырываетъ у короля, кромѣ декрета о продовольствіи, на который король соглашается безъ затрудненій,—принятіе безъ оговорокъ объявленія о правахъ человѣка и утвержденіе конституціонныхъ постановленій. Такова была независимость Собранія и короля. И такимъ-то образомъ были установлены начала новаго права и главныя черты конституціи“!

Не однѣми законодательными работами по конституціи занимались женщины въ Версалѣ. Масса героинь разсѣялась между солдатами, сманивая ихъ, предлагая себя. Другія толпятся кучами на улицахъ и площадяхъ. Идетъ дождь, холодно, голодно. Съ трудомъ можно получить кусокъ хлѣба раздаваемаго на Place d'Armes. Одна шайка разрываетъ на куски убитую лошадь, жаритъ, ѣстъ полусырое мясо, по образцу дикарей. Приближается ночь. Около полуночи прибыла изъ Парижа національная гвардія, въ числѣ пятнадцати тысячъ человѣкъ, съ Лафайетомъ во главѣ. Онъ долженъ былъ уступить требованію своихъ подчиненныхъ двинуться въ Версаль. „Если не хотите вести насъ, мы поставимъ главнокомандующимъ какого-нибудь стараго гренадера“, говорили ему. „Правительство насъ обманываетъ... Хотимъ идти въ Версаль, истребить королевскихъ гвардейцевъ и Фландрскій полкъ, осмѣлившихся растоптать національную кокарду“. Лафайетъ говоритъ рѣчь на площади Думы, прибывающая толпа со стороны Сентъ-Антуанскаго предмѣстья бушуетъ, Лафайету кричатъ, что вздернутъ его на фонарь. Когда онъ хочетъ вернуться въ Думу, ему загораживаютъ дорогу. Члены Думы совѣтуютъ Лафайету, даже даютъ ему предписаніе, отправиться въ Версаль, „такъ какъ нѣтъ возможности отказаться“. Не принесло порядка прибытіе Лафайета съ національ-гардами, но придало походу Парижа на Версаль серіознѣйшее значеніе. Окруженный арміей Лафайета, король сталъ плѣнникомъ въ своемъ дворцѣ. Ночь принесла самыя прискорбныя событія. Утомленный Лафайетъ удалился заснуть. „Я ничего не подозрѣвалъ, оправдывался онъ въ 1798 году, народъ обѣщалъ мнѣ остаться спокойнымъ“. Какая наивность! Народъ обѣщалъ. Какой народъ? И какая довѣрчивость послѣ столькихъ поучительныхъ опытовъ! Толпа черни окружаетъ стражу изъ восьмидесяти національ-гардовъ, заставляетъ ихъ стрѣлять въ королевскую стражу, выламываетъ двери, врывается во дворецъ, убиваетъ королевскую стражу. Королева едва успѣваетъ убѣжать изъ своей спальни въ одной юлкѣ. Все королевское семейство тѣснится въ одной изъ залъ дворца, ожидая смерти. Наконецъ подослѣваетъ Лафайетъ. Къ утру „народъ“ вокругъ дворца приступаетъ съ требованіями: „короля въ Парижъ“! Приходится уступить. Итакъ цѣль похода достигнута: Парижъ побѣдилъ.

Везутъ короля съ его семействомъ на жительство въ Парижъ, за ними сто депутатовъ въ каретахъ, далѣе пушки съ сѣдящими на нихъ верхомъ женщинами, возы съ мукой, національ-гарды, люди съ пиками, женщины пѣшкомъ, верхомъ, въ телѣгахъ. Кортежъ открываетъ шайка несущая на пикахъ отрѣзанныя головы двухъ королевскихъ гвардейцевъ. Въ Севрѣ останавливаются предъ парикмахерской и заставляютъ завить и причесать мертвыя головы, намыливаютъ ихъ, кричатъ, хохочутъ. Стрѣляютъ изъ ружей; мущины и женщины взявшись за руки поютъ и пляшутъ въ грязи. Такъ король въѣзжаетъ въ свою столицу.

Всѣ эти сцены безобразій и ужасовъ такъ поразили чувствительнаго Лалли Толандаля, что онъ отряхнулъ прахъ съ ногъ и покинулъ Собраніе, отказавшись отъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ. Весьма любопытно его письмо къ другу въ которомъ онъ излагаетъ свои мотивы:

„Поговоримъ о моемъ рѣшеніи Его вполнѣ оправдываетъ моя совѣсть. Ни этотъ виновный городъ, ни это еще болѣе виновное Собраніе, не заслуживаютъ, чтобы предъ ними оправдываться. Но у меня на душѣ, чтобы вы и люди съ вами единомышленные не осудили меня. Здоровье мое, клянусь вамъ, дѣлало для меня невозможнымъ исполненіе моихъ обязанностей; но, и помимо того, свыше силъ моихъ было переносить долѣе ужасъ, какой возбуждаютъ во мнѣ эта кровь, эти головы, эта королева почти зарѣзанная, король отведенный плѣнникомъ, вступающій въ Парижъ среди убійцъ въ предшествіи головъ его несчастныхъ тѣлохранителей; эти вѣроломные Янычары, эти убійцы, эти женщины-каннибалки, этотъ крикъ: „на фонарь всѣхъ епископовъ“ въ минуту когда король въѣзжаетъ въ свою столицу, имѣя въ своей каретѣ двухъ епископовъ, членовъ совѣта. Я самъ видѣлъ какъ произведенъ былъ выстрѣлъ въ одну изъ колясокъ королевы. А. г. Бальи именуетъ этотъ день прекраснымъ! А Собраніе утромъ хладнокровно объявило, что несогласно съ его достоинствомъ сопровождать короля цѣлымъ корпусомъ. А Мирабо безнаказанно произноситъ въ этомъ Собраніи, что государственный корабль не только не остановится въ своемъ бѣгѣ, но пойдетъ съ большею еще быстротой къ своему возрожденію. Барнавъ смѣется съ нимъ, когда потоки крови текутъ вокругъ нихъ. Добродѣтельный Мунье только чудомъ ускользаетъ отъ двадцати убійцъ, хотѣвшихъ и его голову присоединить къ трофеямъ. Вотъ что заставило меня поклясться, что моей ноги не будетъ въ этой трущобѣ людоѣдовъ, гдѣ я не имѣлъ уже болѣе силы возвышать голосъ, гдѣ въ теченіе шести недѣль тщетно возвышали его я, Мунье и всѣ честные люди. Послѣднее усиліе въ сторону добра было выйти изъ Собранія. У меня не было ни тѣни страха. Я покраснѣлъ бы, еслибы пришлось

защищаться въ этомъ. Я на дорогѣ получилъ со стороны этого самого народа, менѣе виновнаго чѣмъ тѣ, что опьянили его яростію,— ободрительныя восклицанія, аплодисменты, которыми другіе были бы польщены и которые заставили меня содрогнуться. Я уступилъ негодованію, ужасу, физическимъ конвульсіямъ, какія производилъ во мнѣ одинъ видъ крови. Можно разъ презрѣть смерть, можно презрѣть ее нѣсколько разъ, когда она можетъ быть полезна. Но никакая сила подъ небомъ, никакое общественное или частное мнѣніе не имѣютъ права осуждать меня безъ пользы выдерживать тысячу пытокъ въ минуту и гибнуть отъ отчаянія, ярости, среди тріумфа преступленій, остановить которыя я не въ состояніи. Они осудятъ меня, конфискуютъ мое имѣніе. Я буду пахать землю, но ужъ не увижу ихъ. Вотъ мое оправданіе. Вы можете читать всѣмъ это письмо, показывать его, давать списывать. Тѣмъ хуже для тѣхъ кто его не поймете".

За переѣздомъ въ Парижъ короля послѣдовало 19 октября переселеніе въ Парижъ и засѣданій Національнаго Собранія.

Не со спокойнымъ духомъ законодатели Франціи,—по крайней мѣрѣ въ большинствѣ своемъ,—перебрались на новую квартиру. Нѣкоторые совсѣмъ оставили Парижъ и затѣмъ Францію; многіе подали въ отставку и перестали являться въ Собраніе. Еще большее число взяли на всякій случай паспорты, готовясь уѣхать. Первыя засѣданія были въ Архіепископскомъ домѣ, въ весьма мрачной обстановкѣ. По распоряженію городскаго управленія, на всѣхъ прилежащихъ улицахъ, были протянуты канаты, расположены отряды національной милиціи, поставлены пушки на площади; предъ домомъ стояло пять сотъ кавалеристовъ. „Все, говоритъ де-Ферьеръ, имѣло видъ приготовленій какъ бы къ осадѣ какую предстояло выдержать". Новые случаи неистовствъ побудили Бальи и Лафайета требовать для Парижа военнаго положенія. Безъ военныхъ законовъ, объявилъ Лафайетъ, онъ не отвѣчаетъ за спокойствіе Парижа. Съ противной стороны распускали слухи, будто Бальи, Лафайетъ и Мирабо помощію эмиссаровъ нарочно вызывали сцены безпорядковъ, чтобы добиться, какъ выразился Камиль Демуленъ, закона, который наложилъ бы узду на народъ.

V.

Между тѣмъ „народъ", грабилъ и жегъ замки. Всякіе договоры и обязательства по отношенію ко владѣльцамъ, а кстати и по отношенію къ государству потеряли силу. А дворянство, въ засѣданіи 4 августа, въ энтузіазмѣ пожертвованія, само наложило на себя руки,

затѣмъ довершило самоубійство, проваливъ мысль объ учрежденіи верхней палаты. Дѣло истребленія было исполнено послѣдовательно и настойчиво. Разграбленіе шло не прерываясь. Дворянъ разоряли, изгоняли; они бѣжали, эмигрировали массами. Не забудемъ, что отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ въ предреволюціонную эпоху были самыя мягкія. Феодальный деспотизмъ былъ мертвою формой, притѣсненія, тиранства были только въ выдумкахъ революціонной риторики. Не мало было случаевъ, что ближайшіе крестьяне защищали помѣщиковъ; сволочь приходила со стороны. Тѣмъ не менѣе разнузданные низшіе инстинкты проявлялись въ невѣроятныхъ ужасахъ, И такъ шло не мѣсяцъ, не два, а цѣлые годы до конечнаго изгнанія и истребленія цѣлаго сословія.

Редакторъ *Французскаго Меркурія*, Малле-дю-Панъ, велъ скорбную лѣтопись ужасовъ провинціальной анархіи, о которыхъ революціонныя газеты въ большинствѣ умалчиваютъ. Къ концу существованія Національнаго Собранія (октябрь 1791 года) Малле-дю-Панъ такъ описываетъ состояніе помѣстнаго дворянства. „Нѣтъ ничего преувеличеннаго въ корреспонденціи изъ Брюсселя о громадной эмиграціи Французовъ непрерывно продолжающейся. Принятіе королемъ конституціи не уменьшило потока: напротивъ. Прежде бѣжали, скрываясь, чиновные знатные люди, испуганныя семьи. Теперь эмиграція происходитъ толпами и состоитъ изъ лицъ всякаго состоянія. Такъ мало было пощады къ интересамъ личнымъ и цѣлыхъ классовъ, съ такимъ тиранскимъ ожесточеніемъ преслѣдовались они, если не поддавались революціонному теченію; столько отнято средствъ и потрачено состояній; общественныя должности перешли къ такой презрительной толпѣ людей, злоупотребленіями власти мстящихъ за испытанное презрѣніе, что наконецъ утомилось терпѣніе массы мирныхъ гражданъ, тщетно ожидавшихъ возвращенія порядка, полезныхъ трудовъ, промышленнаго оживленія требующаго капиталовъ и безопасности. Цѣлый классъ провинціальнаго дворянства былъ безжалостно пораженъ,—дворянства, которое съ возмутительною несправедливостью смѣшивали съ тѣмъ, что осаждало переднія Версаля, и которое болѣе чѣмъ какой-либо другой классъ страдало отъ злоупотребленій стараго порядка, никогда ими не пользуясь. Дворянство это, разсадникъ нашихъ армій и флотовъ, нашихъ хозяевъ привязанныхъ къ обрабатываемой ими землѣ, покидаетъ свои очаги и присоединяется къ принцамъ. 1.200 дворянъ этого рода и гражданъ, какъ они страдающихъ отъ тирановъ, выѣхали изъ одного Пуату. Овернь, Ламузенъ, десять другихъ провинцій покидаются собственниками. Есть города гдѣ остались только ремесленники низшаго разряда, клубъ да туча жадныхъ чиновниковъ (fonctionnaires) созданныхъ конституціей. Дворянство Бретани выѣхало поголовно. Эмиграція нача-

лась и въ Нормандіи. Ко мнѣ приходили многіе изъ дворянъ сельскихъ хозяевъ, которые въ своей жизни никогда не покидали своихъ домашнихъ очаговъ гдѣ родились. Они благодарили меня, со слезами на глазахъ, за слабыя усилія мои, съ какими я старался охранить ихъ существованіе и ихъ наслѣдства, неутомимо выставляя на общественый ужасъ злодѣевъ и ихъ вожаковъ, оживляя въ людяхъ слабыхъ и соблазненныхъ мужество человѣчности и духъ умѣренности. Чувствованія этихъ простыхъ и искреннихъ людей вознаградили меня за испытанія, посреди которыхъ я пріобрѣлъ честь заслужить ихъ сочувствіе. Когда эти дворяне сообщили мнѣ, что хотятъ послѣдовать за соотечественниками въ Нидерланды, я старался возбудить въ нихъ надежду на лучшія времена и отклонить ихъ рѣшеніе. „Ахъ, отвѣтили они, вы еще мало знаете весь ужасъ нашего положенія. Не о привилегіяхъ, не о дворянствѣ мы жалѣемъ. Но какъ перенести всѣ притѣсненія какимъ насъ подвергаютъ! Нѣтъ болѣе безопасности ни для насъ, ни для нашего имущества, ни для нашихъ семействъ. Каждый день должники наши, мелкіе фермеры, расхищающіе наши средства, грозятъ намъ поджогами и висѣлицей. Нѣтъ дня спокойнаго, нѣтъ ночи, которую мы провели бы въ увѣренности, что она пройдетъ безъ волненія. Мы подвергаемся жесточайшимъ оскорбленіямъ, наши жилища обыскиваются толпой вооруженныхъ тирановъ, доходы расхищаются, собственность подвергается открытымъ нападеніямъ. Мы одни платимъ налоги несправедливо налагаемые; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не хватаетъ всего дохода чтобъ ихъ уплатить. Жаловаться не смѣемъ, рискуя быть убитыми. Администрація, суды, ставшіе орудіями толпы, выдаютъ насъ каждодневно всяческимъ нападеніямъ. Само правительство боится повидимому компрометтировать себя, оказавъ намъ покровительство законовъ. Достаточно быть обозваннымъ аристократомъ, чтобы лишиться безопасности. Тогда какъ наши крестьяне вообще еще сохранили больше честности, болѣе вниманія и привязанности къ намъ—каждый буржуа сколько нибудь замѣтный, каждый яростный клубистъ, худшее человѣческое отродье, присвоиваютъ себѣ право насъ оскорблять. Эти негодяи остаются безнаказанными, покровительствуются. Мы не свободны даже въ своей вѣрѣ и домъ одного изъ насъ былъ разрушенъ за то, что онъ далъ прибѣжище восьмидесятилѣтнему приходскому священнику не принесшему присяги. Уѣзжаемъ, умремъ если нужно, но какъ жить среди этой ужасающей анархіи! Если не прекратится она, ноги нашей не будетъ во Франціи“. Вотъ слово въ слово, что говорили мнѣ эмигранты. Я строки не прибавилъ!“ (*Merc. de France*, № 42, 1791 годъ, стр. 200).

Въ сентябрѣ 1791 года, вдова отставнаго военнаго Гилленъ де-Монтеля (Guillin de Montel), жившаго въ департаментѣ Роны и Луары,

принесла жалобу Собранію на звѣрское убійство ея мужа, тѣло коего было разрублено на куски и *сожрано* новыми канибалами. Въ засѣданіи 10 сентября явилась депутація изъ департамента съ цѣлью опровергнуть жалобу. Нечего и говорить, что жертва невѣроятнаго преступленія выставлялась въ самомъ ненавистномъ свѣтѣ. Г. Гилленъ стрѣлялъ де въ людей и въ звѣрей, вырывалъ дымящіе я трупы (cadavres encore fumants!) для удобренія своихъ полей, позволилъ женѣ танцовать отъ радости при слухѣ о бѣгствѣ короля и т д. Мѣстныя муниципальныя власти порѣшили сдѣлать обыскъ по подозрѣнію не имѣетъ ли г. Гильенъ, можетъ-быть, (?) плана помочь вторженію иноземцевъ (dont le projet était *peut être* de favoriser l'invasion des étrangers). Г. Гилленъ принялъ коммиссаровъ вѣжливо, даже съ угощеніемъ. Ce qui prouve la familiarité avec la crime (!), говорилъ ораторъ депутаціи. Въ кабинетѣ нашли только битыя бутылки, кинжалъ, индѣйскія ядовитыя стрѣлы (!), два ружья, стклянку съ ядомъ (?). Но набатъ уже звонилъ. Сбѣжались толпы неизвѣстныхъ людей (des milliers d'inconnus). Шестидесятилѣтній старикъ защищался будто бы отчаянно, какою то машиной бросалъ массу камней, стрѣлялъ, пускалъ стрѣлы. Но толпа приноситъ лѣстницы, вторгается въ домъ, разбивая окна, ломая двери, разрушая и поджигая. Власти употребляютъ де всякія усилія остановить толпу, но тщетно. „Толпа бросается на нихъ; удары вилами и прикладами кончаютъ существованіе *преступнаго* (?) Гиллена, въ возмездіе за злодѣянія какими онъ (?) осквернилъ этотъ страшный день. Послѣ смерти этого человѣка его трупъ былъ *разрѣзанъ на куски*...“ Тутъ уже не выдержало и Собраніе; послышался ропотъ пріостановившій удивительнаго оратора. Несмотря на это явное сплетеніе лжи, Собраніе постановило, что такъ какъ обыскъ съ цѣлью открыть оружіе (le recherche des armes) не воспрещается закономъ, то нѣтъ основанія обвинять мѣстныя муниципальныя власти и національ-гардовъ. О главномъ преступленіи, какъ совершенномъ неизвѣстными людьми, не было и рѣчи (*Mercure de France*, № 38, 1791 года, стр. 324).

ОЧЕРКЪ ВОСЬМОЙ.

ДѢЯТЕЛИ НАЦІОНАЛЬНАГО СОБРАНІЯ И ЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РАБОТА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Составъ Собранія.

I. Боркъ и Тэнъ о составѣ Собранія.—II. Нѣсколько замѣчаній о выборномъ началѣ.—III. Характеристика засѣданій по Тэну.

I.

Есть сочиненіе Борка (Burke): „Размышленія о французской революціи и дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ обществъ въ Лондонѣ относительно этого событія, въ формѣ письма назначавшагося первоначально къ посылкѣ одному молодому человѣку въ Парижъ“: Книга помѣчена 1 ноября 1789 года.

Сочиненіе это было вызвано похвальнымъ словомъ французской революціи, произнесеннымъ докторомъ Ричардомъ Прайсомъ (Richard Price), священникомъ изъ неконформистовъ въ клубѣ диссидентовъ на улицѣ Old Jewry. Слово доктора Прайса имѣло послѣдствіемъ составленіе адреса отъ „общества революціи“, пересланнаго въ Національное Собраніе чрезъ посредство лорда Стенгопа, потомъ отъ этого общества отказавшагося. Замѣчательно, что Боркъ, съ такою силой выступившій противъ французской революціи, былъ краснорѣчивымъ защитникомъ революціи американской. Это даже подало поводъ физику Пристлею обвинить Борка въ непослѣдовательности (есть сочиненіе Пристлея *Письмо къ Борку по поводу Размышленій о революціи*). „Мнѣнія мои, говоритъ Боркъ, плодъ длиннаго ряда наблюденій и продиктованы большимъ безпристрастіемъ. Это мнѣнія человѣка который не бывалъ ни орудіемъ власти, ни льстецомъ сильныхъ міра, человѣка который не пожелалъ бы своими послѣдними дѣйствіями отказаться отъ того, что составляло все содержаніе его жизни, ибо весь жизненный путь его наполненъ усиліями защищать свободу другихъ“. Сочиненіе Борка произвело большое впечатлѣніе. Въ высшей степени любопытно (фактъ этотъ встрѣтился мнѣ въ біографіи Борка, написанной Прайсомъ: *Life of E. Burke* by I. Prior. 1854, 318). что король Людовикъ XVI собственноручно перевелъ *Размышленія* составляющія томъ страницъ въ пятьсотъ. Свидѣтельство внушаетъ, впрочемъ, нѣкоторое сомнѣніе. Когда могъ король заняться такимъ трудомъ?

„Когда я прочиталъ, говоритъ Боркъ, полный списокъ представителей средняго сословія съ ихъ качествами, ничто случившееся не могло показаться мнѣ удивительнымъ. Правда, между ними я усмотрѣлъ нѣсколько лицъ замѣтнаго положенія, нѣсколько одаренныхъ блестящимъ талантомъ, но не могъ найти ни одного кто имѣлъ бы какую-нибудь практическую опытность въ общественныхъ дѣлахъ. Наилучшіе были теоретики. Но какъ бы ни были замѣчательны нѣкоторые, характеръ Собранія и его направленіе опредѣляются массою, общимъ его составомъ. Во всѣхъ собраніяхъ дознано, что желающіе быть вожаками часто сами подчинены необходимости слѣдовать за другими. Требуется, чтобъ они сообразовали свои предложенія со вкусами, талантомъ и расположеніемъ тѣхъ кѣмъ намѣрены руководить. Вотъ почему въ Собраніи, котораго большинство дурно составлено, только развѣ какая-либо исключительная добродѣтель, рѣдко въ мірѣ встрѣчаемая и на какую нельзя разчитывать, можетъ помѣшать людямъ съ талантомъ сдѣлаться искусными орудіями нелѣпѣйшихъ плановъ. А если, что много вѣроятнѣе, люди эти вмѣсто исключительной добродѣтели одушевлены зловѣщимъ честолюбіемъ жаждою обманчивой славы,—тогда слабая и дурно составленная часть Собранія, съ которою они первоначально сообразовались, становится въ свою очередь игрушкой и орудіемъ ихъ плановъ. Въ этой политической сдѣлкѣ вожаки вынуждены приноровляться къ невѣжеству тѣхъ, что за ними слѣдуютъ, а эти должны подчиняться преступнымъ намѣреніямъ руководителей... Въ Собраніе не были призваны лучшіе представители судебнаго вѣдомства, давшіе странѣ публичныя свидѣтельства знанія, благоразумія, честности; не были призваны знаменитые адвокаты, слава суда; извѣстные профессора; но по большей части низшіе, наименѣе свѣдущіе члены каждаго класса, словомъ,—ремесленники своей профессіи. Были исключенія, но массу составляли неизвѣстные провинціальные адвокаты, клерки низшихъ инстанцій, деревенскіе стряпчіе, нотаріусы и т. под. Когда взглянулъ я на списокъ, я воочію увидѣлъ то чему предстояло случиться...

„Кто могъ, спрашиваетъ далѣе Боркъ, сдерживать этихъ людей? Не земледѣльцы же въ небольшомъ числѣ и изъ которыхъ нѣкоторые не умѣли читать и писать, небольшое число негоціантовъ, докторовъ и т. под. Истинныхъ представителей земскихъ интересовъ почти не было въ числѣ депутатовъ средняго сословія. Масса деревенскихъ священниковъ въ средѣ представителей духовенства только увеличивала многолюдный элементъ Собранія, неопытный въ государственныхъ дѣлахъ. Большинство духовенства скоро соединилось съ большинствомъ средняго сословія, образуя массу покорную планамъ и замысламъ тѣхъ лицъ дворянскаго сословія, которыя поставили себѣ задачей разрушеніе этого самаго сословія.

„Говорятъ двадцать четыре милліона людей должны же имѣть перевѣсъ надъ двумя стами тысячъ. Да, это правда, если конституція есть ариѳметическая задача. Это подходящій языкъ когда на подкрѣпленіе ему является фонарь; но это способно возбудить только смѣхъ въ хладнокровно разсуждающемъ человѣкѣ. Воля бо́льшаго числа и интересы бо́льшаго числа рѣдко одно и то же. Разница громадна, если въ силу своей воли большее число дѣлаетъ дурной выборъ. Правительство изъ пятисотъ деревенскихъ судей и темныхъ деревенскихъ половъ не можетъ быть хорошо для двадцати четырехъ милліоновъ, если бы даже было выбрано сорока восемью милліонами".

На преобладаніе судейскаго элемента указывалъ Бальи, говорившій даже, что успѣхъ революціи зависѣлъ отъ адвокатовъ. Бальи (I, 53) этимъ даже восхищается. Разсматривая списокъ 577 представителей средняго сословія, вотъ что находитъ Тэнъ: „Изъ 577 членовъ едва десятокъ занимали важныя должности,—интенданта, государственнаго совѣтника, главнаго сборщика, начальника полиціи, директора монетнаго двора и т. под. Огромное большинство составляли неизвѣстные адвокаты, разные юристы низшихъ ступеней, нотаріусы, стряпчіе, ассессоры, помощники, разные практики съ юности заключенные въ тѣсномъ кругѣ юрисдикціи невысокаго уровня и рутины бумажнаго дѣлопроизводства, изрѣдка позволявшіе себѣ философскую прогулку по воображаемымъ пространствамъ подъ руководствомъ Руссо и Рейналя! Такихъ было 373. Къ нимъ надо присоединить 38 земледѣльцевъ, 15 врачей и до пятидесяти промышленниковъ, негоціантовъ и лицъ живущихъ доходами. Во всемъ числѣ собственниковъ было не болѣе полутораста человѣкъ".

II.

Составъ палаты 1789 года явленіе весьма поучительное. Принятъ былъ, казалось, самый правильный способъ — свободный народный

выборъ. Какихъ-либо избирательныхъ ухищреній со стороны правительства рѣшительно указать нельзя. Въ этой наукѣ Французы тогда еще не изощрились: дѣло было новое. Избранія тогдашнія есть основаніе считать вполнѣ свободными. Король не только не былъ противъ созванія народныхъ представителей; наоборотъ, эта мысль постоянно нѣсколько лѣтъ его занимала. Изъ королевскихъ инструкцій можно видѣть, что революціонное вѣяніе проникло и въ правительство. Въ инструкціяхъ толкуется и о желаніяхъ націи, и о сообразности постановленій съ разумомъ, и объ уничтоженіи великихъ злоупотребленій. Выборъ былъ основанъ, можно сказать, на общей подачѣ голосовъ, такъ что совершенно напрасно считается она изобрѣтеніемъ новѣйшаго времени. Первыя собранія для выбора избирателей въ среднемъ сословіи составлены были „изъ всѣхъ Французовъ, имѣющихъ не менѣе 25 лѣтъ отъ роду и платящихъ налоги" (*1789 en Rourgue* par Eugène Barrau, Rodez, 1873, стр. 40). Въ королевскомъ регламентѣ 24 января 1789 значится, что король „желаетъ, чтобы помощію тетрадей жалобъ (cahiers des doléances) каждый, ото всѣхъ концовъ государства, отъ обитателицъ наименѣе извѣстныхъ, могъ быть увѣреннымъ въ возможности довести до его величества свои желанія и требованія". Такимъ образомъ народъ совершенно свободно послалъ своихъ представителей, которымъ и было ввѣрено великое дѣло государственнаго переустройства страны. Чего казалось бы еще желать!

Обстоятельство это вызываетъ небезполезное замѣчаніе: Форма выбора, какъ выраженія коллективной воли, многимъ кажется имѣющею чудодѣйственную силу. Сказать о „выборномъ началѣ" что-либо кромѣ восторженной похвалы нѣкоторымъ преставляется просто святотатствомъ. Между тѣмъ очевидно выборъ есть только одинъ изъ способовъ врученія власти, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ хорошій, въ другихъ—дурной. По поводу всеобщаго голосованія Ренанъ справедливо замѣчаетъ, что такая система въ исключительномъ примѣненіи должна вести къ передачѣ власти посредственностямъ. Вотъ слова Ренана въ книгѣ *О реформѣ:* „Правительство, администрація, всякое начальствованіе въ обществѣ есть результатъ нѣкотораго отбора, извлекающаго изъ массы опредѣленное число индивидуумовъ. Этотъ отборъ можетъ производиться четырьмя способами: 1) рожденіемъ, 2) жребіемъ, 3) народнымъ избраніемъ, 4) экзаменомъ или конкурсомъ. Отборъ жребіемъ можетъ практиковаться только между аристократами, какъ во Флоренціи или въ Аѳинахъ; экзамены законъ Китая: извѣстно какая имъ цѣна по отношенію къ прогрессу. Выборъ! Въ приложеніи къ военному командованію, абсолютному по существу своему, онъ есть противорѣчіе. Въ приложеніи къ государю онъ есть шарлатанство, вредящее престижу избранника; въ приложе-

ніи къ депутатамъ, если онъ всеобщъ, ведетъ къ избранію посредственностей. Нельзя получить отъ него ни высшей палаты, ни магистратуры, ни даже хорошаго общаго или муниципальнаго совѣта. Всеобщее голосованіе съ его необходимо ограниченнымъ горизонтомъ не понимаетъ необходимости науки, превосходства благороднаго и ученаго. Рожденіе какъ единственное средство отбора было бы предпочтительнѣе выбора. Большая избирательная коллегія, образованная изо всѣхъ хуже самаго посредственнаго государя прежняго времени. Версальскій дворъ былъ бы для выбора чиновниковъ выше нынѣшняго всеобщаго голосованія. Французскій отборъ съ его неорганизованнымъ, предоставленнымъ случаю всеобщимъ голосованіемъ самый плохой изо всѣхъ. Во Франціи столько же людей сердца и ума, какъ во всякой другой странѣ, но имъ не дается цѣны. Страна, не имѣющая другаго органа кромѣ прямаго всеобщаго голосованія, есть въ совокупности своей, какую бы цѣну ни имѣли люди, какими она обладаетъ, существо невѣжественное и неискусное. Самый посредственный человѣкъ лучше чѣмъ коллективная равнодѣйствующая выходящая изъ тридцати милліоновъ индивидуумовъ, считаемыхъ каждая за единицу". Путь порицаемый Ренаномъ въ новой Франціи весьма близокъ къ тому какимъ образовано большинство собранія 1789 года, и который былъ свободенъ отъ злоупотребленій, сдѣлавшихся потомъ обычнымъ явленіемъ. И на долю такого собранія посредственностей, неопытныхъ въ трудномъ дѣлѣ управленія государственною машиной, выпала задача государственнаго переустройства въ эпоху, когда умами овладѣлъ духъ новизны, весь существующій порядокъ казался однимъ громаднымъ злоупотребленіемъ, и политическія аксіомы популярныхъ философовъ казались простымъ и вѣрнымъ средствомъ устройства государства на началахъ разума, легко будто бы осуществимыхъ, еслибы не было своекорыстнаго противодѣйствія тѣхъ, кому выгодны существующія злоупотребленія.

Хотя выборное начало ничего общаго съ революціей не имѣетъ, но культъ выборнаго начала имѣетъ историческую связь съ революціоннымъ движеніемъ именно потому, что въ революціонную эпоху начало это было въ особомъ почетѣ. Страсть приводить все къ выбору сказалась уже на первыхъ шагахъ движенія 1789 года, когда образовались округа и происходило избраніе представителей въ Генеральные Штаты. Бальи въ своихъ запискахъ (II. 11) разсказываетъ, что когда граждане сошлись для выбора избирателей въ округѣ, къ которому онъ принадлежалъ, и засѣданіе было открыто подъ предсѣдательствомъ уполномоченнаго отъ Думы лица, то „первымъ актомъ авторитета (acte d'autorité) собранія было смѣщеніе предсѣдателя". И куріозно, что его же тотчасъ выбрали даже аккламаціей. Дѣло было въ принципѣ: предсѣдатель не долженъ быть по назначенію. „Наше собраніе, говоритъ Бальи, хотя и составляло одну безконечно малую часть націи, чувствовало однако въ себѣ силу и права цѣлаго. Оно не скрывало отъ себя, что изъ этой силы и этихъ правъ вытекалъ для него родъ власти, насколько принадлежитъ она частнымъ волямъ, назначеннымъ составить общую волю". Когда по округамъ были выбраны избиратели, эти выборные собрались въ общее засѣданіе въ Думѣ. Послѣ общаго собранія, гдѣ предсѣдалъ городской голова, избиратели средняго сословія собрались въ засѣданіе для выбора представителей. Предсѣдалъ по регламенту гражданскій намѣстникъ (lieutenant civil). Первый вопросъ опять о принципѣ назначенія и выбора. Но опять оказалось, что назначенный предсѣдатель есть именно то лицо, какое желательно. Изъ уваженія къ нему его поспѣшили переизбрать аккламаціей, не входя въ принципіальное обсужденіе. Но когда онъ заявилъ, что секретаремъ по закону долженъ быть секретарь суда Шателе (greffier du Châtelet), поднялось краснорѣчіе о выборѣ и назначеніи и о правахъ собранія избирать своихъ должностныхъ лицъ. Намѣстникъ выразилъ, что хотя онъ и почтенъ выборомъ, но съ своей стороны считаетъ себя въ правѣ засѣдать только въ качествѣ лица назначеннаго, таковымъ де долженъ быть и секретарь. Собраніе не согласилось. Намѣстникъ удалился. Наиболѣе говорившій ораторъ, адвокатъ Таржe, былъ выбранъ предсѣдателемъ, Бальи секретаремъ. Регламентъ былъ одобренъ. Это не помѣшало считать дальнѣйшіе выборы законными. При постоянномъ толкованіи о законѣ и законности, нарушеніе закона сдѣлалось правиломъ и первымъ способомъ революціоннаго движенія. Законъ сталъ оправданіемъ,—заднимъ числомъ, — совершеннаго беззаконія.

И понятно почему начало выбора было тогда въ такомъ почетѣ. Задача движенія была въ разрушеніи власти, авторитета. Всякій личный починъ власти представлялся ненавистнымъ проявленіемъ произвола, все отъ власти идущее подозрительнымъ, не внушающимъ довѣрія. Назначеніе отъ власти исходящее можетъ, казалось, доставить лишь угнетателей; выборъ долженъ дать защитниковъ. Далѣе, такъ какъ по революціонной теоріи все должно сводиться къ актамъ коллективной воли гражданъ, а голосованіе, по возможности всеобщее, есть единственный способъ выраженія этой воли, то выборъ, понятно, долженъ быть главною, даже единственною формой врученія власти.

Если народное верховенство, то конечно и коллективная воля и выборы на всѣхъ ступеняхъ. Но, что такое эта коллективная воля? На практикѣ коллективная воля почти всегда есть воля захватившаго или захватившихъ власть. Коллективной воли въ смыслѣ сознательнаго, свободнаго, на аргументахъ разума основаннаго желанія не бываетъ не только въ цѣломъ народѣ, но даже въ малыхъ груп-

лахъ. Еслибъ ангелъ слетѣлъ съ неба и прочтя въ душѣ каждаго отмѣтилъ на своей таблицѣ свободное желаніе каждаго и подвергъ бы затѣмъ таблицу эту ариѳметическому, статистическому и иному научному изученію, то едвали и онъ изъ путаницы отдѣльныхъ соображеній и стремленій могъ бы ввыести какое-либо заключеніе, или получилось бы нѣчто такое, что привело бы въ ужасъ разумнаго человѣка. Коллективной воли нѣтъ; но есть коллективныя рѣшенія, и рѣшенія эти могутъ быть преступны и безумны, какъ и рѣшенія отдѣльныхъ лицъ. Одинъ можетъ быть правъ, и всѣ виноваты. Спасителя осудили по большинству голосовъ, предпочтя ему разбойника.

Прибавляю, что я вовсе не врагъ и выбора, и голосованія, и обсужденія. Я хочу только сказать, что придавать этой формѣ рѣшенія значеніе чего-то безусловно справедливаго, исключающаго другіе способы, никоимъ образомъ нельзя. Мудрость именно въ томъ, чтобы не приписывать чудодѣйственной силы способамъ и формамъ, а имѣть въ виду прежде всего самое дѣло.

Назначеніе государства не въ томъ, чтобы быть орудіемъ коллективной воли, а чтобы быть носителемъ историческихъ завѣтовъ страны и въ дѣлѣ гражданскаго благоустройства ограждать личную свободу каждаго изъ его членовъ, насколько она не вредитъ свободѣ другаго. Свобода по существу есть нѣчто личное, индивидуальное. Свобода группы людей не есть уже свобода въ тѣсномъ смыслѣ, а власть. Свобода коллективной воли есть уже деспотизмъ. „Правительство, говоритъ Боркъ, есть изобрѣтеніе человѣческой мудрости для удовлетворенія потребностей человѣка. Люди имѣютъ право на то чтобы потребности ихъ были удовлетворены этою мудростью. Въ числѣ этихъ потребностей, послѣ гражданскаго благоустройства, та которая наиболѣе даетъ себя чувствовать есть потребность сдерживать страсти. Общество требуетъ, чтобы не только страсти отдѣльныхъ людей были сдерживаемы, но чтобъ и коллективно, въ массѣ, не менѣе какъ въ отдѣльности, желаніямъ людей нерѣдко поставлялись преграды, чтобы воля ихъ была контролируема. а страсти подчинялись принужденію. А это очевидно не можетъ быть сдѣлано иначе какъ *властію внѣ ихъ стоящею* и которая въ своихъ отправленіяхъ не была бы подчинена той же волѣ и тѣмъ же страстятъ, которыя должна сдерживать и подчинять... Но такъ какъ свобода и ея ограниченія мѣняются со временемъ и обстоятельствами, допускаютъ видоизмѣненія до безконечности, то ихъ нельзя подчинить какимъ-либо постояннымъ правиламъ... Это дѣлаетъ устройство государства и правомѣрное распредѣленіе власти предметомъ самой тонкой и сложной науки, требующей глубокаго знанія человѣческой природы и ея нуждъ, всего что можетъ облегчать или затруднять достиженіе разнообразныхъ цѣлей гражданскихъ учрежденій. Наука устроенія государства, его

обновленія, преобразованія, подобно всѣмъ наукамъ, основаннымъ на опытѣ, не познается a priori, и опытность въ этой практической наукѣ не пріобрѣтается въ одинъ день... Наука о правительствѣ, практическая сама въ себѣ, на практическіе предметы направленная, требуетъ такого обширнаго круга опыта. что для пріобрѣтенія его недостаточно жизни человѣка, какъ бы проницателенъ и наблюдателенъ онъ ни былъ. А потому требуются безконечныя предосторожности ,прежде чѣмъ приступить къ сломкѣ зданія, въ продолженіе вѣковъ сноснымъ образомъ исполнявшаго главныя цѣли общества, или къ возведенію новаго, не имѣя предъ глазами образца и опыта,— со свидѣтельствомъ объ испытанной уже пользѣ". Не такъ принялись за дѣло члены Національнаго Собранія.

III.

Чѣмъ были засѣданія Національнаго Собравія, о томъ Тэнъ написалъ замѣчательныя страницы. Ихъ стоитъ привести цѣликомъ. Всякое сокращеніе испортило бы картину. Не забудемъ, что это первое революціонное собраніе, по достоинству своихъ силъ, было много выше собраній за нимъ послѣдовавшихъ.

„Нѣтъ на свѣтѣ дѣла болѣе труднаго, какъ составленіе конституціи и въ особенности конституціи полной. Замѣнить старыя рамки, въ которыхъ проживала великая нація, другими, приспособленными и прочными, наложить форму во сто тысячъ отдѣленій на жизнь двадцати шести милліоновъ людей, устроить ее столь гармонически, приложить ее такъ тщательно, такъ равномѣрно, съ такою аккуратною оцѣнкой потребностей и способностей, чтобъ они сами въ нее вошли, могли двигаться безъ столкновеній, и чтобы тотчасъ же ихъ импровизированное дѣйствіе пріобрѣло свободу старой рутины,—подобное предпріятіе громадно и вѣроятно выше ума человѣческаго. Во всякомъ случаѣ, для исполненія его уму человѣческому не излишни всѣ его силы и всяческое стараніе избѣгать поводовъ къ замѣшательствамъ и ошибкамъ. Собранію и въ особенности учредительному необходимы, помимо безопасности, независимости извнѣ, тишины и порядка внутри, во всѣхъ случаяхъ, хладнокровіе, здравый смыслъ, практическій умъ, дисциплина подъ руководствомъ водителей компетентныхъ и признанныхъ. Было ли все это въ Учредительномъ Собраніи?

„Стоило взглянуть на его наружность. чтобъ усомниться въ этомъ. Въ Версалѣ, потомъ въ Парижѣ *, они засѣдаютъ въ громадной залѣ,

* Въ Парижѣ Собраніе помѣщалось въ Тюилери, въ залѣ, передѣланной

могущей вмѣстить двѣ тысячи человѣкъ, гдѣ самый сильный голосъ долженъ напрягаться, чтобъ его услышали. Здѣсь нѣтъ мѣста для умѣреннаго тона, приличнаго обсужденія дѣлъ; необходимо кричать, и напряженіе органа сообщается душѣ: мѣсто вызываетъ декламацію. Тѣмъ болѣе, что ихъ около 1.200, то-есть толпа, почти торговая площадь. И теперь въ нашихъ палатахъ съ 500 или 600 депутатами перерывы не прекращаются ни на минуту и стоитъ постоянный гулъ; нѣтъ ничего рѣже, какъ власть надъ самимъ собою и твердая рѣшимость выслушать въ продолженіе часа рѣчь, противную своимъ мнѣніямъ. Какъ тутъ быть, чтобы добиться молчанія и терпѣнія? Артуръ Йонгъ видѣлъ „до сотни членовъ встающихъ разомъ", жестикулирующихъ и дѣлающихъ запросы. „Вы убиваете меня, господа", сказалъ однажды Бальи, „падая отъ изнеможенія. Другой президентъ восклицаетъ въ отчаяніи: „Нельзя слушать двѣсти человѣкъ, говорящихъ разомъ: ужели невозможно возстановить порядокъ въ собраніи?" Шумный нестройный ропотъ увеличивается еще отъ стукотни въ помѣщеніи для публики. „Въ британскомъ парламентѣ, пишетъ Малле дю-Панъ, я видѣлъ какъ разомъ были очищены галлереи вслѣдствіе невольно вырвавшагося смѣха у герцогини Гордонъ". Здѣсь суетливая толпа зрителей, уличныхъ вѣстовщиковъ, делегатовъ Пале-Ройяля, солдатъ переодѣтыхъ въ горожанъ, уличныхъ женщинъ, навербованныхъ и ловинующихся командѣ, руколлещетъ, толаетъ ногами и реветъ на свободѣ. Это заходитъ такъ далеко, что г. Монлозье предлагаетъ иронически „предоставить совѣщательный голосъ трибунамъ". Другой спрашиваетъ о представителяхъ, не комедіанты ли они, присланные націей, чтобы подвергаться свисткамъ парижской публики. Дѣло въ томъ, что ихъ прерываютъ, какъ въ театрѣ, и что по временамъ, если кто не нравится, заставляютъ замолчать. Съ другой стороны, предъ этою публикой, дѣятельною и подающею совѣты, популярные депутаты какъ актеры на сценѣ; невольно они подчиняются ея вліянію, и мысли ихъ, какъ и слова, впадаютъ въ преувеличенія, чтобы быть въ унисонѣ съ нею. При подобныхъ обстоятельствахъ, шумъ и насиліе становятся дѣломъ обычнымъ, и собраніе теряетъ половину своихъ шансовъ на благоразуміе, ибо обращаяся въ клубъ людей проводящихъ предложенія, перестаетъ быть конклавомъ законодателей.

„Подойдемъ ближе и посмотримъ какъ Собраніе дѣйствуетъ. Переполненное такимъ образомъ, окруженное, волнуемое, принимаетъ ли

изъ манежа. Въ первый мѣсяцъ по перенесеніи въ Парижъ засѣданія имѣли мѣсто въ залѣ Парижскаго архіепископства на островѣ Сены, между предмѣстьями Saint-Antoine и Saint-Marcel.

оно по крайней мѣрѣ предосторожности, безъ которыхъ никакое собраніе людей не можетъ управляться само собою? Очевидно, когда нѣсколько сотъ человѣкъ разсуждаютъ вмѣстѣ, то имъ необходимо предварительно нѣчто въ родѣ внутренней полиціи, кодекса принятыхъ обычаевъ или записанныхъ прецедентовъ для приготовленія, раздѣленія, ограниченія, разрѣшенія и руководства въ ихъ собственныхъ дѣйствіяхъ. Лучшій изъ этихъ кодексовъ готовъ, доступенъ: по требованію Мирабо, Ромильи прислалъ регламентъ палаты англійскихъ общинъ. Но при своемъ высокомѣріи новичковъ, они не обращаютъ на него вниманія, они полагаютъ, что могутъ обойтись безъ него, не желаютъ ничего заимствовать у иностранцевъ; они не признаютъ никакого авторитета за опытностью, и, не довольствуясь отверженіемъ предписываемыхъ ею формъ, едва слѣдуютъ какому-нибудь правилу. Они предоставляютъ полную свободу добровольному порыву отдѣльныхъ лицъ; всякое вліяніе, даже вліяніе депутата, ихъ избранника, они считаютъ подозрительнымъ; поэтому каждыя двѣ недѣли избираютъ новаго президента. Ничто не сдерживаетъ и не направляетъ ихъ, ни законный авторитетъ парламентскаго кодекса, ни нравственный авторитетъ парламентскихъ вождей. Ихъ нѣтъ у нихъ, они не организованы въ партіи; ни съ той ни съ другой стороны нѣтъ признаннаго *лидера*, который бы избиралъ минуту, подготовлялъ пренія, редижировалъ предложенія, раздавалъ роли, пускалъ въ битву или сдерживалъ свое войско. Мирабо одинъ былъ бы способенъ пріобрѣсти такое вліяніе, но въ началѣ его лишала уваженія слава его пороковъ, а къ концу онъ былъ скомпрометтированъ своими связями со дворомъ. Никто другой недостаточно знаменитъ, чтобъ имѣть авторитетъ; среднихъ дарованій слишкомъ много, а высокихъ дарованій слишкомъ мало. Къ тому же самолюбія еще слишкомъ задорны, чтобы подчиниться. Каждый изъ этихъ импровизованныхъ законодателей прибылъ убѣжденный въ своей системѣ: чтобы подчинить его вождю, которому бы онъ передалъ свою политическую совѣсть, чтобы сдѣлать изъ него то, чѣмъ должны быть три депутата изъ четырехъ, то-есть машину для подачи голосовъ, необходимо было бы сознаніе опасности, печальная опытность, вынужденное самоотверженіе, которыхъ онъ далеко не имѣлъ. Вотъ почему, кромѣ партіи насилія, каждый дѣйствуетъ по своему, подъ вліяніемъ минуты, и не трудно представить себѣ какая выходитъ сумятица. Очевидцы ея изъ иностранцевъ поднимаютъ руки къ небу съ удивленіемъ и жалостью. „Они ничего не обсуждаютъ въ своемъ собраніи, пишетъ Моррисъ: болѣе половины времени проходитъ тамъ въ восклицаніяхъ и въ шумѣ изъ-за пустяковъ". Каждый членъ излагаетъ результатъ своихъ эклюбрадій посреди шума, когда наступаетъ его очередь, не отвѣчая предшествующему, не получая от-

вѣта отъ слѣдующаго, не ожидая, чтобъ аргументы столкнулись между собою, такъ что перестрѣлка „безконечна и тысяча ударовъ противъ одного дѣлаются на вѣтеръ“. Прежде чѣмъ записывать „эту странную болтовню“, современныя газеты должны были производить всевозможныя амплутаціи, урѣзывать „нелѣпости“, облегчать „водянистый и напыщенный слогъ“. Разглагольствіе и возгласы,—вотъ на что сводится большая часть пресловутыхъ засѣданій. „Тамъ слышались, говоритъ одинъ журналистъ, гораздо болѣе крики чѣмъ рѣчи; казалось засѣданія должны были кончиться скорѣе побоищами чѣмъ декретами... Двадцать разъ выходя, я сознавался себѣ, что если что могло бы остановить и двинуть назадъ революцію, такъ это картина этихъ засѣданій, начертанная безъ предосторожностей и безъ церемоній... Усилія мои были направлены къ тому, чтобы представить истину, не дѣлая ея ужасающею. Изъ сумятицы я дѣлалъ картину... Я передавалъ чувства, но не въ точныхъ выраженіяхъ Изъ ихъ криковъ я дѣлалъ слова, изъ ихъ яростныхъ жестовъ положенія, и когда не могъ внушить уваженія, старался по крайней мѣрѣ произвести впечатлѣніе“.

„Противъ этого зла нѣтъ лѣкарства, ибо, кромѣ недостатка дисциплины, есть еще причина безпорядка внутренняя и глубокая. Всѣ эти люди *слишкомъ чувствительны*. Они Французы и Французы XVIII вѣка, воспитанные въ пріятностяхъ самой утонченной вѣжливости, привыкшіе къ обязательнымъ поступкамъ, къ постоянной предупредительности, къ обоюдному снисхожденію, такъ проникнутые чувствомъ свѣтскихъ приличій, что ихъ бесѣда казалась приторною иностранцамъ. И вдругъ они переносятся на терпистую почву дѣлъ, посреди оскорбительныхъ преній, рѣзкихъ противорѣчій, полныхъ ненависти доносовъ, настойчивыхъ дифамацій, открытыхъ ругательствъ, въ эту борьбу всякимъ оружіемъ, которая составляетъ парламентскую жизнь, гдѣ закоренѣлые ветераны съ трудомъ сохраняютъ свое хладнокровіе. Посудите о дѣйствіи на нервы неопытные и изнѣженные, на свѣтскихъ людей, привыкшихъ къ снисходительности и общей вѣжливости. Они тотчасъ выходятъ изъ себя. Тѣмъ болѣе, что они готовились не къ битвѣ, а къ празднеству, къ какой-нибудь грандіозной и прелестной идилліи, гдѣ всѣ рука въ руку умилились бы вокругъ престола и спасли бы отечество обнимая другъ друга. Самъ Неккеръ убралъ ихъ залу засѣданій театральнымъ образомъ: „онъ не желалъ представить себѣ собраніе государственныхъ чиновъ иначе какъ зрѣлищемъ мирнымъ, величественнымъ, торжественнымъ, священнымъ, которымъ народъ долженъ наслаждаться“; и когда вдругъ пастораль обращается въ драму, то онъ такъ встревоженъ, что ему чудится обвалъ могущій низринуть въ одну ночь весь каркассъ зданія. Въ минуту, когда собрались Генеральные

Штаты, всѣ довольны; всѣ полагаютъ, что вступаютъ въ обѣтованную землю. Во время процессіи 4-го мая, „слезы радости, говоритъ маркизъ де-Ферьеръ, лились изъ глазъ моихъ... Погруженный въ самый сладкій восторгъ. я видѣлъ, какъ Франція, опираясь на религію, увѣщевала насъ соблюдать согласіе. Эти священныя церемоніи, эти гимны, эти священники въ облаченіи, эти благоуханія, этотъ балдахинъ, это солнце блистающихъ драгоцѣнностей.. Я вспомнилъ слова пророка... Мой Богъ, мое отечество, мои сограждане стали мною самимъ“. Двадцать разъ въ теченіи засѣданій эта чувствительность вспыхиваетъ и выноситъ на свѣтъ декретъ, о которомъ и не думали. „Иногда, пишетъ американскій посланникъ, посреди обсужденія, поднимается ораторъ, произноситъ прекрасную рѣчь о предметѣ совершенно нейдущемъ къ дѣлу и заключаетъ доброю маленькою моціей, которая принимается съ аккламаціей! Напримѣръ, въ то время когда обсуждался проектъ о національномъ банкѣ, представленный г. Неккеромъ, одному депутату пришло въ голову предложить, чтобы каждый членъ отдалъ свои серебряныя пряжки, что и было принято тотчасъ же, послѣ того какъ досточтимый депутатъ положилъ свои пряжки на столъ, послѣ чего возвратились къ дѣламъ. Возбужденные такимъ образомъ, они не знаютъ утромъ, что будутъ дѣлать вечеромъ и являются жертвою всяческихъ неожиданностей. Когда восторгъ охватываетъ ихъ, то по скамьямъ пробѣгаетъ какое-то опьянѣніе; всякое благоразуміе исчезаетъ, всякая осторожность умолкаетъ и всякое возраженіе подавляется. Въ ночь на 4-е августа—„никто болѣе не владѣетъ собою... Собраніе представляетъ толпу пьяныхъ людей, которые въ магазинѣ дорогой мебели бьютъ и ломаютъ все, что попадетъ имъ подъ руку“. „То, что потребовало бы цѣлаго года заботъ и размышленій“, говоритъ компетентный иностранецъ, было предложено, обсуждено и принято общею аккламаціей. Отмѣна феодальныхъ правъ, десятиннаго налога, провинціальныхъ привилегій, трехъ предметовъ, которые одни обнимали цѣлую систему юриспруденціи и политики, была рѣшена вмѣстѣ съ десятью или двѣнадцатью другими дѣлами въ болѣе короткое время, чѣмъ бы потребовалось англійскому парламенту для перваго чтенія сколько-нибудь важнаго билля“.

„Узнаю нашихъ Французовъ, говорилъ Мирабо, они цѣлый мѣсяцъ занимаются споромъ о слогахъ и въ одну ночь ниспровергаютъ весь древній порядокъ монархіи“. По правдѣ сказать, они нервныя женщины, и отъ одного конца революціи до другаго, возбужденіе ихъ будетъ все усиливаться.

„Они не только экзальтированы, но они еще нуждаются въ экзальтаціи, и подобно пьяницѣ, который разгорѣвшись отыскиваетъ крѣпкіе напитки, можно сказать, что они стараются изгнать изъ своего

мозга послѣдніе остатки хладнокровія и здраваго смысла. Они любятъ напыщенность, риторику съ большимъ оркестромъ, образцы чувствительнаго и декламаторскаго краснорѣчія: таковъ слогъ почти всѣхъ ихъ рѣчей, и въ этомъ отношеніи вкусъ у нихъ такъ живъ, что имъ не достаточно ихъ собственныхъ разглагольствій. Такъ какъ Іялли и Неккеръ произнесли въ Городской Думѣ рѣчи „трогательныя и высокія“, то Собраніе желаетъ, чтобы ему повторили оныя: оно сердце Франціи, и ему надлежитъ прочувствовать сильныя впечатлѣнія всѣхъ Французовъ. Сердце это должно биться всегда и какъ можно сильнѣе: въ этомъ его должность,—и день за днемъ ему доставляютъ потрясенія. Почти всѣ засѣданія начинаются публичнымъ чтеніемъ похвальныхъ адресовъ или угрожающихъ доносовъ. Часто петиціонеры являются лично читать свои восторженныя привѣтствія, свои повелительные совѣты, свои разлагающія доктрины. Сегодня Дантонъ, отъ имени Парижа, съ своимъ бычачьимъ лицомъ и голосомъ похожимъ на набатъ мятежа; завтра побѣдители Бастиліи или какой-нибудь другой отрядъ съ хоромъ музыки, играющей даже въ залѣ. Засѣданіе становится уже не дѣловымъ совѣщаніемъ, но патріотическою оперой, гдѣ эклога, мелодрама, а иногда маскарадъ сопровождаются рукоплесканіями и криками: *браво!* Представляютъ собранію раба съ Юры, которому сто двадцать лѣтъ отъ роду, и одинъ изъ членовъ кортежа, г. Гурдонъ де-Лакроньеръ, директоръ Патріотической Школы, проситъ ввѣрить ему досточтимаго старца: онъ поручитъ прислуживать старцу молодымъ людямъ всѣхъ сословій и въ особенности дѣтямъ, отцы коихъ были убиты при взятіи Бастиліи“. Восторгъ и шумныя восклицанія: сцена какъ будто списана съ Беркена съ прибавленіемъ торговой рекламы. Но въ дѣло не всматриваются тщательно, и собраніе подъ давленіемъ присутствующей публики снисходитъ до ярморочныхъ представленій. Шестьдесятъ бродягъ съ платой по 12 франковъ на человѣка, одѣтые Испанцами, Голландцами, Турками, Арабами, Трипольцами, Персами, Индусами, Монголами, Китайцами и предводимые Прусакомъ Анахарсисомъ Клотцемъ, являются подъ названіемъ пословъ рода человѣческаго разглагольствовать противъ тирановъ, и ихъ допускаютъ въ засѣданіе. На этотъ разъ по крайней мѣрѣ маскарадъ есть преднамѣренное представленіе, чтобъ ускорить и вырвать упраздненіе дворянства. (Одинъ изъ фигурантовъ на другой день пришелъ за платой къ герцогу Биллянкуру, котораго принялъ за герцога Ліанкура. „Г. герцогъ, сказалъ онъ, это я вчера представлялъ Халдея“). Въ другихъ случаяхъ представленіе бывало почти совсѣмъ даровымъ; фарсъ тѣмъ болѣе смѣшной, что разыгрывался, какъ при раздачѣ наградъ въ деревнѣ, самымъ серіознымъ образомъ и съ видомъ убѣжденія. Въ продолженіе трехъ дней возили по Парижу дѣтей, принявшихъ въ

первый разъ причастіе предъ конституціоннымъ епископомъ; они говорили предъ Якобинцами заученный вздоръ, а на четвертый день допущенный къ рѣшеткѣ собранія ихъ ораторъ двѣнадцатилѣтній мальчуганъ попугаемъ повторилъ свою тираду. Онъ окончилъ обычною клятвой, и послѣ того всѣ другіе воскликнули своими тонкими голосками: „Клянемся“! Къ довершенію всего президентъ, важный юрисконсультъ Трейларъ, отвѣчаетъ этимъ мальчишкамъ безъ смѣха, такимъ же слогомъ, съ метафорами, прозопопеями, и со всею обстановкой педанта на своей эстрадѣ: „Вы заслуживаете раздѣлять славу основателей свободы, потому что готовы проливать кровь за нее“. Рукоплесканія лѣвой и галлерей; декретъ, предписывающій напечатаніе рѣчей президента и дѣтей; вѣроятно они желали бы вырваться и поиграть, но волей-неволей имъ дозволяютъ, или лучше сказать ихъ заставляютъ воспользоваться почестью засѣданія“...

Таковъ былъ первый опытъ конституціоннаго собранія въ странѣ которая между тѣмъ была такъ богата умственными силами.

Въ этой картинѣ нѣтъ ничего преувеличеннаго. Она строго вѣрна исторически. Вотъ что говоритъ, напримѣръ, Тулонжонъ, самъ членъ Собранія. „Декреты вырывались послѣ борьбы часто скандальной: столкновеніе противныхъ интересовъ производило частыя сцены и бурныя выходки. Одинъ членъ, молодой, военный, занесся разъ до того, что закричалъ: „такъ какъ меньшинство и большинство въ открытой войнѣ, то бросимся же на этихъ людей съ саблею въ рукахъ“.. Призываніе къ порядку, занесеніе выговора съ именемъ провинившагося въ протоколъ никогда не были наказаніемъ сколько-нибудь чувствительнымъ“.

Невѣроятная сцена со статистами по найму изображавшими народы міра произошла въ засѣданіи 19 іюня 1790 года. Имя Анахарсиса Клотца, приведшаго депутацію, должно быть дорого нашимъ нигилистамъ. Въ 1794 году, будучи членомъ комитета народнаго просвѣщенія, онъ говорилъ въ докладѣ Конвенту: „Республика правъ человѣка не есть собственно говоря ни деистка, ни атеистка, — она *нигилистка*“. La république des droits de l'homme n'est pas, à proprement, déiste, ni athée, *elle est nihiliste. (Un séjour en France de 1792 a 1795,* lettres, trad. par H. Taine, Paris 1872, стр. 160). Въ рѣчи обращенной къ Собранію 19 іюня 1790 года онъ говорилъ: „Труба прозвучавшая воскресеніе великаго народа раздалась на четырехъ концахъ міра, и радостное пѣніе хора двадцати пяти милліоновъ свободныхъ людей пробудило народы погруженные въ продолжительное рабство... Намъ пришла великая мысль, и осмѣлимся ли сказать, что осуществленіе ея было бы дополненіемъ великаго національнаго празднества? Группа иностранцевъ изо всѣхъ странъ земли проситъ позволенія помѣститься на Марсовомъ Полѣ. Шапка свободы (le bonnet de la liberté), кото-

рую они поднимутъ съ восхищеніемъ, будетъ залогомъ близкаго освобожденія ихъ несчастныхъ согражданъ". Собраніе разрѣшило, съ условіемъ, прибавилъ предсѣдатель, чтобъ иностранцы вернувшись въ свои страны разсказали что видѣли. Затѣмъ говорилъ Турокъ. „Онъ съ трудомъ выражался по-французски и это не позволило записать его рѣчь", сказано въ протоколѣ засѣданія.

Изъ описаній торжества 14 іюля 1790 года не видно впрочемъ, чтобы такая группа иностранцевъ присутствовала на праздникѣ. Сцена засѣданія, какъ можно заключить изъ словъ Тулонжона, была разсчитана не столько на членовъ Собранія, сколько на публику, какъ на присутствовавшую въ засѣданіи, такъ и на читавшую потомъ его описаніе.

Любопытно какъ Тьеръ въ своей столь популярной во Франціи *Исторіи Революціи* относится къ этому эпизоду. Вотъ его описаніе:

„Взоры націй давно уже были обращены на Францію. Государи начинали насъ ненавидѣть и бояться, народы—насъ уважать. Нѣкоторое число энтузіастовъ-иностранцевъ предстало въ Собраніе, каждый въ своемъ костюмѣ. Ихъ ораторъ, Анахарсисъ Клотцъ, родомъ Прусакъ, одаренный безумнымъ воображеніемъ (d'une imagination folle), просилъ отъ имени человѣческаго рода допустить ихъ на праздникъ федераціи. Такія сцены, кажущіяся смѣшными тѣмъ кто ихъ не видалъ, глубоко потрясаютъ присутствующихъ". Была ли сцена подстроена, Тьеръ не касается: передаетъ фактъ, украшая его строчкой умиленія. Это довольно обычный пріемъ въ его исторіи. Стараясь быть точнымъ въ фактической части и являться простымъ повѣствователемъ, онъ вставленнымъ эпитетомъ, прибавленною строчкой даетъ оттѣнокъ, тамъ умиленія, здѣсь возвышенности, невѣрный исторически, но дѣлающій разказъ льстящимъ народному самолюбію.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Революціонеры-теоретики, ихъ иллюзіи и разочарованія.

I. Первые труды по составленію конституціи.—II. Усилія доктринеровъ.—III. Ихъ паденіе.

I.

Въ первыхъ числахъ іюля 1789 года, какъ только свершилось соединеніе сословій, Національное Собраніе, подъ шумъ готовившихся событій, какъ бы желая наверстать потерянное время поспѣшило приступить къ дѣлу которое объявило своею главною задачей — къ

составленію *конституціи*. „Вся Франція, читаемъ въ журналѣ Мирабо *Courrier de Provence* № XXII, отъ 1 августа), ждетъ отъ трудовъ Національнаго Собранія *конституціи*. Этотъ отвлеченный терминъ, который два года тому назадъ произносился лишь нѣсколькими дерзкими и отважными умами, нынѣ составляетъ предметъ всѣхъ писаній и разговоровъ. Вспомнимъ что говорила рутинная мудрость, которой главное качество — не видать ничего далѣе того что вокругъ. Новые взгляды обзывались системами, и это слово *система* имѣло магическое свойство на все служить отвѣтомъ. Друзей общественнаго блага звали безумцами, тѣхъ кто указывали въ примѣръ Англичанъ—оригиналами, англоманами. Какъ все перемѣнилось нынѣ! Наименѣе вѣрившіе въ возможность революціи теперь хвалятся, что предвидѣли ее. Чтобы не остаться назади, по слабости переходятъ за цѣль: какъ будто конституцію можно сдѣлать въ одинъ день". Мирабо не поясняетъ какимъ же чудомъ свершилась такая удивительная перемѣна въ теченіе *двухъ* лѣтъ, о которыхъ депутатъ Гара, въ рѣчи произнесенной въ Собраніи 31 іюля 1789 года, въ свою очередь выразился такимъ образомъ: „два года едва минули съ тѣхъ поръ какъ стали раздаваться въ нашихъ ушахъ сладкія и гордыя слова: свобода личная, свобода національная, конституція. И вотъ кажется прошли два вѣка. Столько пронеслось событій, такимъ все ускоряющимся шагомъ шли свѣтъ и революція, такъ все перемѣнилось среди насъ: умы, принципы, языкъ, вещи"! Мы разбирали поучительную исторію этихъ двухъ лѣтъ когда правительство своими мѣропріятіями и всѣмъ образомъ дѣйствій „возрастило революцію въ парникѣ", по выраженію самого Мирабо.

6 іюля Собраніе составило комитетъ изъ тридцати членовъ выбранныхъ отъ отдѣловъ на какіе оно раздѣлялось (бюро). Комитету было поручено выработать планъ трудовъ по составленію конституціи. Онъ собрался въ тотъ же вечеръ, а чрезъ день, 8 іюля, въ его засѣданіи были прочтены четыре плана предстоящихъ работъ. Два остановили на себѣ особое вниманіе: одинъ Бергаса, другой Мунье. „Бергасъ, чтобы повести рѣчь о конституціи,—пишетъ Бальи, бывшій членомъ комитета (*Mém.* I, 300), — возвелъ насъ ко временамъ природы, къ дикому состоянію. Вотъ было бы кстати сказать: адвокатъ, переходите къ потопу (avocat, passez au déluge). Мы возражали, что дѣло идетъ о человѣкѣ въ обществѣ, что общество нуждается въ конституціи". Комитетомъ былъ принятъ проектъ Мунье, извѣстнаго депутата отъ провинціи Дофине, бывшаго руководителемъ въ мѣстномъ собраніи, стяжавшаго популярность передовымъ образомъ дѣйствій, провозгласившаго начала удвоенія третьяго сословія и поголовной подачи голосовъ. Мунье былъ представителемъ либерализма той его стадіи какая была господствующею наканунѣ революціи, на

какой стояли Неккеръ, Лалли Толандаль, Клермонъ-Тоннеръ и другіе „умѣренные революціонеры“, скоро оказавшіеся въ отсталыхъ. Мунье испыталъ наслажденіе популярностію. Его, при выборѣ въ Дофине, безъ баллотировки провозгласили первымъ депутатомъ провинціи. Онъ закрылъ лицо руками и плакалъ, но потомъ потребовалъ, чтобы для него не отступали отъ порядка, указаннаго закономъ. При вскрытіи ящика, выборъ оказался единогласнымъ, за исключеніемъ двухъ шаровъ: самого Мунье и его отца*. Мунье явился въ Національное Собраніе исполненный самыхъ свѣтлыхъ надеждъ на возрожденіе страны помощію конституціи, имѣющей быть составленною чрезъ представителей націи, въ согласіи съ верховною властію. Конституція ляжетъ де въ основу новаго благодѣтельнаго государственнаго порядка. Она сдѣлаетъ, указываетъ Мунье въ своемъ проектѣ, счастливыми и короля и націю. Безъ конституціи, говоритъ онъ, есть только „фактическое правительство, мѣняющееся по обстоятельствамъ, уступающее всѣмъ событіямъ. Власть тогда имѣетъ болѣе силы для угнетенія людей чѣмъ для огражденія ихъ правъ. И управляющіе и управляемые одинаково несчастны“. Мунье признаетъ, что Франція имѣетъ многовѣковое государственное устройство. Но это не конституція, „ибо всѣ власти смѣшаны, никакой грани не проведено“. „Когда образъ правленія не вытекаетъ изъ явно выраженной воли народа — нѣтъ конституціи“. Искренній приверженецъ монархическаго правленія (въ формѣ приближающейся къ англійской), Мунье съ полнымъ убѣжденіемъ утверждаетъ, что отсутствіе конституціи наиболѣе невыгодно для короля. „Дерзкіе министры злоупотребляютъ его властію. Онъ вынужденъ, и съ невыгодою, бороться съ притязаніями корпорацій и цѣлой толпы привилегированныхъ... Конституція, которая точно опредѣлила бы права монарха и націи, была бы столько же полезна королю, какъ и нашимъ согражданамъ... Когда король будетъ дѣйствовать во имя закона, установленнаго имъ по согласію съ представителями его народа, какая корпорація, какой частный человѣкъ, какого бы положенія онъ ни былъ, какое бы состояніе не имѣлъ, осмѣлится противиться его власти?“ „Цѣль каждаго общества, развиваетъ свое ученіе Мунье, есть *общее счастіе*. Правительство, удаляющееся отъ этой цѣли, или противное ей, грѣшитъ по существу. Чтобы конституція была хороша, она должна основываться на правахъ человѣка и явственно ихъ ограждать. А потому, дабы приготовить конституцію, необходимо знать права, какія естественная справедливость даруетъ каждому индивиду: надо помнить начала, долженствующія быть основой каждаго общества. Всякій параграфъ конституціи долженъ быть слѣдствіемъ опредѣленнаго начала. Значительное число новѣйшихъ публицистовъ именуютъ изложеніе этихъ началъ *объявленіемъ правъ*“. Надлежитъ замѣтить, что популярная въ ту эпоху идея „объявленія правъ“ не оригинально французская. Она заимствована была отъ Американцевъ, провозгласившихъ свою независимость, ссылаясь на то, что „всѣ люди одарены Создателемъ нѣкоторыми неотъемлемыми правами“. Идея пришлась по вкусу французскимъ политикамъ-философамъ, но „Создатель“ замѣненъ „природой“.

9 іюля проектъ Мунье, принятый комитетомъ, былъ доложенъ Собранію. Собраніе постановило докладъ напечатать и поручить отдѣленіямъ палаты заняться указанными въ немъ вопросами. Согласно проекту, занятія по составленію конституціи должны были обнимать: объявленіе правъ человѣка; начало монархіи, права націи, права короля, права гражданъ подъ французскимъ правительствомъ; устройство и кругъ дѣйствій Національнаго Собранія, порядокъ установленія законовъ; устройство и кругъ дѣятельности провинціальныхъ и муниципальныхъ собраній; начала, обязанности и предѣлы судебной власти; кругъ дѣйствій и обязанности военной силы. Жадный до популярности Лафайетъ уже 11 іюля читаетъ проектъ объявленія правъ. Проектъ почетно отклоненъ какъ преждевременный. „Лафайетъ также хорошо говоритъ о свободѣ, какъ ее защищалъ“, сказалъ при рукоплесканіяхъ Лалли Толандаль, предлагая въ то же время не отдѣлять объявленія отъ конституціи. Между тѣмъ волненіе въ Парижѣ, тревога въ Собраніи въ виду войскъ, стягиваемыхъ къ столицѣ, росли съ каждымъ днемъ. Тревожное настроеніе Собранія достигло высшей степени, когда узнали 12 іюля, что Неккеръ уволенъ въ отставку. Мунье предлагаетъ представить королю адресъ и просить о возвращеніи удаленнаго министра. „Аппаратъ насилій насъ окружаетъ!“ восклицаетъ Виріё, „соединенные для конституціи, сдѣлаемъ конституцію... Поклянемся всѣ, да всѣ, — всѣ сословія въ соединеніи,—остаться вѣрными нашимъ славнымъ постановленіямъ (17 и 20 іюня)“. „Зачѣмъ возобновлять клятву“, возражаетъ Клермонъ-Тоннеръ, „конституція будетъ сдѣлана или насъ не будетъ!“ Въ засѣданіи 14 іюля утромъ постановлено избрать семь членовъ, которымъ и поручить составленіе текста конституціи. Выбраны были: Мунье, епископъ Отёнскій (Талейранъ), аббатъ Сіесъ, графъ Клермонъ-Тоннеръ, графъ Лалли Толандаль, архіепископъ Бордосскій, Шапелье и Бергасъ. Вечеромъ, одно за однимъ пришли извѣстія о событіяхъ въ Парижѣ и взятіи Бастиліи. Пораженіе правительственной власти стало торжествомъ Собранія. Фактически власть перешла въ его руки; его декреты стали велѣніями. Начинается двойственная

* Такъ описано событіе въ біографіи Мунье предпосланной изданію его сочиненія: *De l'influence attribuée aux philosophes sur la révolution*, Paris, 1828.

дѣятельность Собранія: учредительная ло составленію конституціи— теоретическая, прерываемая, мѣняющая видъ съ ходомъ опережающихъ ее событій, приведшая наконецъ къ невозможной конституціи 1791 года; и другая — распорядительная, дающая декреты, имѣющіе силу закона, быстро разрушившая весь старый государственный строй, не создавъ новаго. Прослѣдимъ кѣмъ и какъ создавалась эта первая французская конституція, на которую первоначально возлагалось столько надеждъ.

II.

Многоглавое собраніе изъ тысячи членовъ, составленное изъ разнородныхъ элементовъ, приняло на себя, съ увѣренностію въ успѣхѣ, трудную задачу *сочинить* для страны конституцію, ло началамъ разума, то-есть согласно ходячимъ политическимъ теоріямъ эпохи. Сочиненіе должно было происходить предъ глазами народа (публика наполнявшая галлереи Собранія), лодъ контролемъ печатной гласности, какъ бы въ нѣкоторой публичной лабораторіи для открытія и разработки началъ общественнаго блага. Дѣло казалось возможнымъ и въ первое время даже не труднымъ. „Конституція готова во всѣхъ умахъ, говорилъ въ засѣданіи 14 іюля 1789 г. депутатъ Барреръ де-Вьёзакъ (Barrère de Vieuzac), рожденіе ея не можетъ быть труднымъ. Это быть можетъ не болѣе какъ дѣло одного дня, ибо она есть результатъ свѣта знаній цѣлаго вѣка". „Еслибы послушались Баррера, замѣчаетъ Бальи (I. 358), множество декретовъ вызванныхъ временемъ и событіями не лоявились бы на свѣтъ, революція была бы менѣе полною, но мы были бы спасены отъ анархіи, какой лодверглась и подвергается конституція (замѣтка писана 23 февраля 1792 года). Въ мысли собранія, ло крайней мѣрѣ тогда было, какъ я убѣжденъ,— возобновить фундаментъ государственнаго зданія, дабы поставить это зданіе на прочныхъ основаніяхъ, но никакъ не разрушать его цѣликомъ".

Когда приступлено было къ дѣлу, на первый планъ естественно выдвинулись тѣ депутаты, которые имѣли что предложить. И первый періодъ революціоннаго движенія, отъ іюля до событій начала октября, краткій періодъ революціонныхъ иллюзій, характеризуется выступленіемъ на первый планъ доктринеровъ революціи, имѣвшихъ болѣе или менѣе опредѣленный государственный идеалъ, политическіе планы и убѣжденія, какія развивали они въ своихъ писаніяхъ, вліявшихъ на общественное мнѣніе, отразившихся въ наказахъ. Это были добросовѣстные революціонеры, въ томъ смыслѣ, что безъ заднихъ и личныхъ плановъ увлекались задачей переустройства государственнаго зданія на прочныхъ якобы основахъ помощію конституціонной хартіи. Чрезъ Неккера, раздѣлявшаго ихъ убѣжденія, они были связаны съ правительствомъ; чрезъ популярныхъ Лафайета и Бальи приходили въ прикосновеніе съ возбужденною массой, привѣтствовавшею революціонное движеніе. Государственнымъ идеаломъ ихъ, насколько онъ наиболѣе полно выразился въ предложеніяхъ Мунье, было представительное правленіе, въ монархической формѣ. ло англійскому образцу, но безъ того, что составляетъ сущность англійской конституціи: безъ наслѣдственной аристократіи. Въ ряды этихъ „умѣренныхъ" революціонеровъ, кромѣ упомянутыхъ Мунье, Толандаля, Клермонъ-Тоннера, слѣдуетъ включить Виріё, Бергаса, Малуэ, Гилерми и нѣкоторыхъ другихъ. Дѣйствительно убѣжденные, чувствительные, друзья мира и порядка, они находились въ иллюзіи скоро разсѣявшейся. Ихъ основная мысль была, что благодѣтельная революція свершилась, закончена іюльскими событіями: слѣдуетъ немедленно приступить къ мирному законодательному созиданію прочнаго государственнаго строя. Едва прошелъ мѣсяцъ, — и пришлось отказываться отъ радужныхъ надеждъ. Чистота—съ точки зрѣнія политической нравственности—дѣйствій доктринеровъ революціи не снимаетъ съ нихъ исторической отвѣтственности. Не должно забывать, что имъ болѣе чѣмъ кому-либо обязанъ своими успѣхами первый революціонный разгромъ, все рѣшившій въ дальнѣйшемъ. Если представители лучшей части націи находились въ иллюзіи, не сознавали, что преобразованіе политическаго строя, предпринятое правительствомъ слабымъ и терявшимся, не могло вести ни къ чему иному, какъ къ упраздненію всякой власти, выходу наружу анархическихъ инстинктовъ, общему государственному крушенію, и не предвидѣли, что неосторожно вызванный переворотъ можетъ въ одинъ день опрокинуть всѣ разсчеты теоріи, то чего же должно ждать отъ легкомысленной массы и отъ честолюбцевъ, ловившихъ событія въ видахъ личнаго возвышенія?

Любопытно сравнить настроеніе вожаковъ умѣренной партіи въ эпоху іюльскихъ дней и какіе-нибудь два мѣсяца спустя. Слѣдующія строки изъ чувствительнаго донесенія Мунье отъ 16 іюля о лосѣщеніи Парижа депутаціей Собранія (*Monit.* I, 163, Moleville, *Hist.* II, pièces justificatives, № 1) живо характеризуютъ настроеніе умѣренной революціонной партіи въ первыя минуты торжества революціи. „Коммиссары, читаемъ въ донесеніи, избранные Національнымъ Собраніемъ, чтобы содѣйствовать возстановленію тишины въ городѣ Парижѣ, отправились вчера изъ Версаля въ три часа пополудни. Съ самаго мѣста отправленія начались клики и рукоплесканія и съ этой минуты такъ и не прекращались. Во всю дорогу толпы стекались при нашемъ проѣздѣ, осыпали насъ благословеніями, предавались

выраженіямъ живѣйшей радости. Военные раздѣляли тѣ же чувства: офицеры и солдаты, чужеземцы и Французы, всѣ казались оживлены однимъ духомъ. Всѣ взоры выражали умиленіе, всѣ уста — патріотизмъ и гуманность. Мы шли среди громадной толпы, но вся толпа была изъ друзей и братьевъ. Прибывъ на площадь Лудовика XV, мы вышли изъ каретъ. Насъ сопровождаетъ многочисленный конвой, по бокамъ все покрыто народомъ. Вооруженные граждане и солдаты стоятъ шпалерами вдоль нашего пути... Воздухъ непрерывно потрясается криками радости, къ которымъ присоединяется бой барабановъ и звуки музыки. Граждане взаимно поздравляютъ другъ друга, обнимаются. Всѣ глаза наполнены слезами, всюду опьяненіе чувства. Со всѣхъ сторонъ слышно: да здравствуетъ король, да здравствуетъ нація, да здравствуютъ депутаты! Не бывало такого прекраснаго, трогательнаго праздника. Не видано такого зрѣлища тысячъ гражданъ тѣснящихся вокругъ шествія ихъ представителей, чтобы узрѣть въ этомъ величаво торжественномъ шествіи образъ свободы. Исторія не представляетъ подобнаго примѣра: исторія никогда не будетъ въ состояніи изобразить, что̀ мы видѣли и въ особенности что̀ мы перечувствовали. На площади предъ Думою какое прекрасное зрѣлище намъ представилось! Площадь была покрыта громадною толпой вооруженныхъ и и невооруженныхъ гражданъ... Въ главной залѣ Думы толпа была такъ многочисленна и исполнена такого восторга, что съ трудомъ можно было добиться молчанія". Мунье повѣствуетъ далѣе о томъ, какъ Лафайетъ держалъ трогательную рѣчь о посѣщеніи Собранія королемъ, безъ свиты, со словомъ довѣрія на устахъ; о томъ, какъ говорилъ на ту же тему чувствительный Лалли; какъ окружавшіе душили оратора въ объятіяхъ и, несмотря на его сопротивленіе возложили ему вѣнокъ изъ цвѣтовъ на голову, и въ такомъ видѣ на рукахъ подняли къ окну и показали народу; какъ говорили въ свою очередь герцогъ Ліанкуръ и графъ Клермонъ-Тоннеръ; какъ Лафайетъ былъ провозглашенъ командиромъ парижской милиціи (milice bourgeoise, milice parisienne—такъ звались первоначально національ-гарды), а Бальи меромъ Парижа; какъ торжество окончилось молебствіемъ въ церкви Парижской Богоматери.

Наступилъ сентябрь. Депутатъ графъ Монлозье, уѣхавшій изъ Парижа 17 іюля въ свою провинцію Овернь (онъ былъ запаснымъ депутатомъ и присутствовалъ въ засѣданіяхъ Собранія еще въ качествѣ простаго зрителя), въ концѣ августа получилъ вызовъ прибыть въ Собраніе, чтобы замѣстить выбывшаго маркиза Рузіера (de la Rousière). Онъ послѣшилъ пріѣхать въ Версаль и такъ описываетъ, въ своихъ любопытныхъ мемуарахъ, перемѣну какую нашелъ. „По внѣшности, говоритъ онъ (*Mém.* I, 251), я опять находился въ тѣхъ же мѣстахъ, съ тѣми же людьми, которыхъ тамъ оставилъ послѣ 14 іюля. Но какая разница во многихъ отношеніяхъ! Крайніе члены какъ аристократической, такъ и демократической партіи остались на своемъ мѣстѣ: это были неподвижные того времени. Но въ средней партіи искренно желавшей порядка, но вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣлявшей болѣе или менѣе благоразумныя идеи свободы, какое перемѣщеніе всѣхъ надеждъ, какая перемѣна въ рѣчахъ! Начать съ Мунье. Какимъ пылкимъ видѣлъ я его во время клятвы въ манежѣ (serment du Jeu de Paume); какимъ жесткимъ по отношенію къ королю нашелъ его потомъ, когда онъ 14 іюля требовалъ удаленія войскъ. Возвратясь въ ту эпоху изъ своей миссіи въ Парижъ, приведенный въ энтузіазмъ видомъ толпы вооруженныхъ и невооруженныхъ гражданъ, наполнявшихъ Гревскую площадь, онъ говорилъ Собранію: „ахъ, господа, какое прекрасное зрѣлище!" Какая разница съ Мунье конца сентября! То же могъ бы сказать о Лалли, Бергасѣ, Малуэ, Клермонъ-Тоннерѣ, Виріе и многихъ другихъ почтенныхъ и благонамѣренныхъ людяхъ которыхъ я оставилъ въ первыхъ рядахъ народной партіи гдѣ они содѣйствовали общему возбужденію и, надо сказать правду, сами волновали элементы безпорядка. Теперь я нашелъ ихъ смущенными, убитыми, не знающими въ какую сторону обратиться, что̀ предпринять для свободы, для короля, для себя самихъ. Малуэ регулярно отправлявшійся изливать свою печаль къ Монморену, а потомъ къ Неккеру, приходилъ оттуда въ Собраніе. Я видѣлъ его потомъ въ положеніяхъ иначе возвышенныхъ (dans des attitudes autrement élevées). Но тутъ онъ ограничивался тѣмъ, что среди безпорядковъ всякаго рода, требовавшихъ подавленія, выпрашивалъ униженнымъ и методическимъ тономъ „„чтобы законы исполнялись, чтобъ офицеры, когда ихъ требуютъ, оказывали содѣйствіе военной силы и чтобы король могъ продолжать собирать налоги"". Другія лица, и съ правой и съ лѣвой стороны, высказывали тѣ же ложеланія, съ тѣми же жалобами. Властители собранія угрюмо выслушивали эти печалованія, а чаще смѣялись между собою. Однажды графъ Виріе входитъ на трибуну по поводу какой-то сцены убійства, только что сообщенной. Кажется и теперь слышу его мягкій и дрожащій голосъ: „Господа, умоляю васъ, дайте исполнительной и судебной власти силу, въ которой онѣ нуждаются". Слышится смѣхъ съ разныхъ сторонъ. При этомъ зрѣлищѣ Виріе, человѣкъ съ сердцемъ (homme de coeur), подымаетъ голову и громко говоритъ: „Какъ! Развѣ вы хотите, чтобы Собраніе было „увлечено горстію демагоговъ?" (Показываетъ на ту часть залы гдѣ сидѣли Мирабо и Барнавъ). „Нѣтъ, господа!" И въ этотъ мигъ произноситъ слово площадной брани, раздающееся на всю залу. За этимъ словомъ имѣлъ послѣдовать, какъ Виріе потомъ мнѣ самъ сказывалъ, потокъ ругательствъ. Но ему не дали. Собраніе пришло въ волненіе. Множество

голосовъ требовали мщенія за нанесенное оскорбленіе. Ограничились тѣмъ, что Виріё сошелъ съ трибуны, и все было забыто. Въ тотъ же день, увидя въ одномъ изъ коррндоровъ Собранія Бергаса (съ которымъ я уже познакомился), я подошелъ къ нему. „„Вы, можетъ-„быть, сказалъ онъ мнѣ, пришли сюда искать свободы. Найдете ти-„рановъ: они тамъ““. Онъ указалъ на Собраніе“. (*Mém.* I, 251). Сіесъ на вопросъ Монлозье: что думаете вы объ этомъ Собраніи, сказалъ, подумавъ минуту: „„омутъ, броситься туда, тамъ остаться““ caverne, s'y jeter, y demeurer).—и прошелъ мимо“.

Къ началу октября умѣренной партіи доктриперовъ удалось въ послѣдней разъ одержать нѣкоторую побѣду въ Собраніи. Мунье былъ избранъ предсѣдателемъ. Именно въ это время послѣдовалъ мятежъ 5 и 6 октября, явно подстроенный, рѣшившій судьбу умѣренной партіи и начавшій новый періодъ революціи съ переселеніемъ короля и перенесеніемъ Собранія въ Парижъ. Мунье, Лалли Толандаль и многіе другіе депутаты покинули Собраніе, нѣкоторые даже Францію. Мунье напразился въ Дофине и имѣлъ въ виду возбудить мѣстное провинціальное собраніе къ протесту противъ рѣшеній фактически низводившихъ королевскую власть на степень должности перваго чиновника государства (premier fonctionnaire du royaume), какъ потомъ стали дѣйствительно выражаться; но потерпѣлъ неудачу и переѣхалъ въ Женеву. Здѣсь онъ напечаталъ сочиненіе озаглавленное *L'Exposé de ma conduite dans l'Assemblée Nationale et des motifs de mon retour en Dauphiné*. „Въ началѣ нынѣшняго года, говоритъ онъ, мое рвеніе встрѣтило враждебное отношеніе со стороны тѣхъ, кто были заинтересованы въ сохраненіи злоупотребленій. Клеветали на мои намѣренія, нападали на меня въ брошюрахъ, выставляли меня возмутителемъ, пламеннымъ новаторомъ. Нынѣ за тѣ же мнѣнія, которыя тогда привлекли мнѣ расположеніе народа, меня ненавидитъ демократическая партія“. (*Merc. de Fr.*, novembre 1789, p. 250). Лалли Толандаль удаляясь изъ Собранія отрясъ прахъ со своихъ ногъ и написалъ горячее письмо (мы упоминали о немъ выше) гдѣ говорилъ между прочимъ: „свыше силъ моихъ было переносить долѣе ужасъ, какой возбуждали во мнѣ эта кровь, эти головы, эта королева, почти зарѣзанная, король отведенный плѣнникомъ, вступавшій въ Парижъ среди убійцъ въ предшествіи головъ его несчастныхъ тѣлохранителей... А г. Бальи именуетъ этотъ день прекраснымъ. А Собраніе утромъ хладнокровно объявляетъ, что не согласно съ его достоинствомъ сопровождать короля цѣлымъ корпусомъ... Барнавъ смѣется съ Мирабо когда потоки крови текутъ вокругъ нихъ. Добродѣтельный Мунье только чудомъ ускользаетъ отъ убійцъ... Вотъ, что заставило меня поклясться, что моей ноги не будетъ въ этой трущобѣ людоѣдовъ, гдѣ я не имѣлъ уже болѣе силы возвышать

голосъ, гдѣ въ теченіе шести недѣль тщетно возвышали его я, Мунье и всѣ честные люди“.

Малуэ остался въ Собраніи и продолжалъ дѣйствовать, по временамъ соединяя вокругъ себя умѣренныхъ членовъ, иногда производя впечатлѣніе прямотою убѣжденій. Характеристиченъ эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ засѣданіи 23 ноября. Приводимъ его здѣсь, такъ какъ подавшее къ нему поводъ частное письмо Малуэ пополняетъ картину разочарованія, какое революція съ первыхъ дней своихъ принесла призвавшимъ ее революціонерамъ-теоретикамъ, ожидавшимъ мирнаго и благодѣтельнаго переворота. Въ засѣданіи 23 ноября читался докладъ слѣдственнаго комитета (Comité des recherches), личный составъ коего долженъ былъ измѣниться. Предсѣдатель комитета Гупиль де-Префельнъ доложилъ результаты дѣятельности комитета, не давшей никакихъ особыхъ раскрытій. Малуэ высказался противъ комитета. „Въ критическія минуты, говорилъ онъ, комитетъ былъ необходимое учрежденіе, но необходимо также, чтобъ онъ не сдѣлался учрежденіемъ грозящимъ общественной свободѣ“. Малуэ указывалъ на злоупотребленіе комитетомъ обысковъ съ военною силой и ставилъ на видъ, что комитетъ ничего не узналъ и относительно виновниковъ преступленій, совершенныхъ въ послѣдніе два мѣсяца. На обвиненія Малуэ, отвѣчалъ членъ комитета Глейзанъ (Gleizen). Защищая комитетъ, онъ сдѣлалъ прямое нападеніе на Малуэ, заявивъ, что при одномъ изъ дѣлъ комитета (по обвиненію Ожара) есть письмо Малуэ, будто бы сильно его компрометтирующее въ заговорѣ противъ членовъ Собранія. „Когда былъ сдѣланъ, описываетъ Малле дю-Панъ (*Mercure de France*, 5 декабря 1789), такой доносъ, трепетъ объялъ Собраніе, послышались крики негодованія; рукоплесканія не менѣе ужасныя увеличили смятеніе. Малуэ бросился на трибуну. Ему не давали говорить. Онъ воскликнулъ, окинувъ глазами Собраніе и видя апплодирующихъ: „Возможно ли, господа, чтобы здѣсь раздавались „рукоплесканія по случаю подозрѣнія въ преступномъ дѣйствіи. Воз-„можно ли, чтобы кто-нибудь былъ счастливъ, еслибы между нами „оказался виновный! Безъ сомнѣнія вамъ пріятнѣе будетъ сію ми-„нуту рукоплескать моей невинности“. Въ виду важности обвиненія Малуэ сошелъ съ трибуны и сталъ у рѣшетки. Онъ не зналъ о какомъ письмѣ можетъ быть рѣчь, но завѣрялъ заранѣе, что ничего преступнаго отъ него исходить не можетъ. „Возможно, говорилъ онъ, что въ моей любви къ истинной свободѣ я порицалъ письменно какъ порицаю словесно крайніе выводы изъ началъ и злоупотребленія произвола. Но чтобъ отъ меня вышла какая-нибудь мысль, выраженіе, движеніе антипатріотическія или антинаціональныя... Ахъ, господа, вся жизнь моя, мой характеръ, мое поведеніе, мой ужасъ предъ деспотизмомъ во времена неограниченной власти, все должно убѣждать

васъ въ противномъ. И если мы такъ несчастливы, что умѣренныя мнѣнія и умѣренный образъ дѣйствія подвергаются клеветѣ, то не свобода ждетъ насъ, а намъ грозитъ тираннія, ибо безъ чести и честности нѣтъ свободы".

Письмо, оказалось, было писано 18 сентября Малуэ къ графу д'Эстенгу версальскому коменданту (comte d'Estaing commendant général de la garde de Versailles). „Имѣю честь, писалъ Малуэ, довести до вашего свѣдѣнія, господинъ графъ, слѣдующее обстоятельство. Нѣкто М., парфюмеръ, сказывалъ моему слугѣ, что какъ только раздадутъ, какъ ожидаютъ, ружья милиціи, — первое ихъ употребленіе будетъ въ томъ, чтобъ избавиться отъ депутатовъ *дурныхъ гражданъ*. Депутаты эти извѣстны де; рѣшено отправиться, чтобъ арестовать каждаго изъ нихъ у себя. Горожане присутствовали де на всѣхъ засѣданіяхъ; слышали и знаютъ тѣхъ, кто говорятъ противъ интересовъ народа. Перваго де арестуютъ аббата Мори. Такъ какъ это броженіе народа поддерживается злодѣями, распускающими всяческія клеветы и указывающими на тѣхъ, кого они считаютъ противниками ихъ разрушительныхъ проектовъ; такъ какъ я самъ одна изъ обреченныхъ жертвъ, и меня ежедневно преслѣдуютъ анонимными письмами, брошюрами, прямыми и косвенными угрозами, то я счелъ долгомъ указать на этого парфюмера, адресъ котораго при семъ прилагаю. Если это человѣкъ просто обманутый, то онъ можетъ указать, кто поджигаетъ такимъ образомъ народъ. Слишкомъ справедливо, что между нами есть дурные граждане, и я очень опасаюсь не удалось бы имъ достичь конечной гибели страны прежде чѣмъ народъ узнаетъ, что имъ обязанъ всѣми несчастіями какія ему угрожаютъ. Ваша бдительность, господинъ графъ, ваша твердость, вашъ патріотизмъ пріобрѣли вамъ общее довѣріе, и я увѣренъ, что вы предотвратите безпорядки могущіе обнаружиться. Но кто предохранитъ насъ отъ банкротства, голода, междуусобной брани намъ грозящихъ? Злой духъ паритъ надъ этою прекрасною страной. Почти всюду народъ приведенъ въ безуміе и ярость. Тѣ кто могли бы просвѣтить его, вводятъ его въ заблужденіе, и наше положеніе ухудшается со всякимъ днемъ. Примите, графъ и пр Монтрёль, 18 сентября 1789".

Трудно представить себѣ, говоритъ Малле дю-Панъ, впечатлѣніе произведенное чтеніемъ этого письма, послѣ доноса который вмѣнивалъ Малуэ въ сообщничество съ г. Ожаромъ и приписывалъ письму характеръ заговора противъ многихъ членовъ Собранія. „Скоро Малуэ имѣлъ своими отмстителями три четверти своихъ товарищей". Малуэ великодушно не воспользовался выгодами своего положенія и не сталъ обвинять своего доносчика Глейсана. „Когда я писалъ это письмо, говорилъ онъ, я былъ удрученъ ужасающими книженками, угрозами, безыменными оскорбленіями и устулилъ справедливому

негодованію какимъ былъ проникнутъ. Выражаясь съ горечью, я не могъ удержаться, чтобы не пожалѣть народъ, подъ ярость котораго осмѣливались подводить безупречныхъ депутатовъ. Правда, милостивые государи, я думалъ и писалъ, что есть между нами *дурные граждане*. Употребляя это выраженіе, я только возвратилъ его тѣмъ которые неоднократно направляли его противъ меня. Развѣ не видѣли всѣ мы какъ здѣсь составлялись списки депутатовъ противящихся извѣстнымъ мнѣніямъ. Эти списки распространялись внѣ Собранія и превращались въ таблицы подлежащихъ преслѣдованію (en registres de proscription). Что касается *злодѣевъ*, о которыхъ я говорилъ, никто не станетъ отрицать ихъ существованія. Мы видѣли столько злодѣйствъ, что надобно же чтобъ они кѣмъ-нибудь были совершены, Я сказалъ, что народъ обманываютъ и подтверждаю это. Развѣ не обманываютъ его жестоко когда пріучаютъ къ своеволію, безнравственности, къ несправедливымъ подозрѣніямъ; когда на людей честныхъ и умѣренныхъ указываютъ ему, какъ на враговъ. Безъ сомнѣнія, ему надлежитъ говорить о свободѣ и побуждать его любить ее, но въ то же время надлежитъ внушать уваженіе къ справедливости, законамъ, общимъ правамъ. О, произнося сами священное имя свободы мы не должны оскорблять ее въ другихъ, не должны дѣлить родъ человѣческій на двѣ части, изъ коихъ одну требуется истребить. чтобы другая осталась свободною"!

III.

Паденіе партіи, среди которой наиболѣе видное мѣсто принадлежало Мунье, было паденіемъ того политическаго ученія, во имя котораго сдѣлана была революція и которое, казалось, соединяло въ себѣ всѣ требованія предреволюціоннаго „общественнаго мнѣнія". Мнѣніе требовало *конституціи*. Подъ этимъ словомъ разумѣлось приведеніе правленія въ форму конституціонной монархіи чрезъ учрежденіе постояннаго народнаго представительства, которому въ единеніи съ монархомъ принадлежала бы законодательная власть въ странѣ, тогда какъ исполнительная оставалась бы въ рукахъ короля. По этому предмету желанія высказанныя во всей массѣ наказовъ единодушны. По вопросу о томъ должно ли представительство быть въ видѣ двухъ палатъ или въ видѣ единой палаты, высказанныя мнѣнія были неодинаковы. Идеи Мунье и единомысленныхъ ему лицъ о безусловной необходимости двухъ палатъ не нашли, какъ оказалось, благопріятной почвы и, какъ можно замѣтить, главнымъ образомъ вслѣдствіе крайней скудости политическихъ свѣдѣній въ массѣ толковавшихъ о политикѣ. Лишь кружокъ доктринеровъ революціи, Мирабо, да нѣ-

которые изъ видныхъ противниковъ революціи, какъ аббатъ Мори, имѣли познанія по части государственныхъ наукъ и исторіи, и свѣдѣнія объ учрежденіяхъ другихъ странъ, особенно Англіи. Масса депутатовъ была крайне невѣжественна въ политическихъ вопросахъ. Пораженіе нанесенное всѣмъ планамъ доктринеровъ, неожиданно со всѣхъ сторонъ поднявшаяся противъ нихъ ненависть, тогда какъ вчера они были популярнѣйшими людьми,—одно изъ тысячи свидѣтельствъ всегдашней ошибки доктринеровъ считающихся съ идеями и мнѣніями и проглядывающихъ интересы и инстинкты имѣющіе такое капитальное значеніе въ человѣческихъ дѣяніяхъ.

Въ половинѣ августа 1789 Мунье издалъ сочиненіе: *Соображенія о правительствѣ вообще и въ особенности о правительствѣ приличествующемъ Франціи (Considérations sur le gouvernement et principalement sur celui qui convient à la France)*, въ которомъ подробно и отчетливо изложилъ политическую программу свою и своихъ единомышленниковъ. Сочиненіе отражаетъ уже въ себѣ поворотъ въ мысляхъ вызванный опытомъ только перваго мѣсяца революціи и господства Національнаго Собранія. „Для друга человѣчества,—говоритъ Мунье отдавая еще дань недавнему увлеченію (Gabet, I, 386),—возвышающее зрѣлище видѣть народъ почувствовавшимъ, что онъ рожденъ не для того, чтобъ удовлетворять капризы тѣхъ кто имъ правитъ и быть ихъ собственностію, какъ подлое стадо; видѣть его проснувшимся отъ долгой летаргіи, вознегодовавшимъ на гнетъ цѣпей на немъ тяготѣющихъ и презирающимъ смерть дабы сломать ярмо рабства. Конечно, народъ обладающій таковымъ благороднымъ мужествомъ достоинъ быть свободнымъ. Но сколь необходимо для его счастія, чтобъ, освободись отъ рабства, онъ подчинилъ себя владычеству закона!.. Произволъ одного, многихъ ли или толпы, имѣетъ одинаковыя послѣдствія. Для меня разница лишь въ томъ, что чѣмъ больше число лицъ его обнаруживающихъ тѣмъ болѣе опасности для личной свободы. Деспотизмъ одного обыкновенно умѣряется чувствомъ слабости, страхомъ слишкомъ раздражать подданныхъ. Но какую плотину противопоставить произвольной власти толпы?.. Если народъ увлекаемый чувствомъ своей силы начнетъ непосредственно самодержавствовать (s'il exerce lui-même la souveraineté), то малѣйшее сопротивленіе ему кажется преступленіемъ достойнымъ смерти; свои рѣшенія онъ произноситъ въ разгарѣ страстей. Еслибъ онъ не былъ обуянъ страстію, онъ не сталъ бы править. Затрудненія, какія многолюдство поставляетъ преніямъ, дѣлаютъ ихъ невозможными; еслибы непремѣнно добиваться, чтобы пренія происходили спокойно, пришлось бы отказаться отъ преній. Они возможны лишь подъ условіемъ овладѣть вниманіемъ силой краснорѣчія, возпреобладать надъ сумятицей, пробуждая страсти слушателей, возбуждая ихъ энтузіазмъ. Выслушиваются только крайнія партіи; умѣренность, благоразуміе кажутся проявленіями слабости. Уступая первымъ впечатлѣніямъ, подобный народъ никогда не остановится достаточное время, чтобы призвать на совѣтъ знаніе и опытъ. Его смутитъ лущенная ложь, ибо онъ по существу легковѣренъ. Въ минуты ярости онъ осудитъ на изгнаніе великаго человѣка. Онъ потребуетъ смерти Сократа, завтра станетъ о немъ плакать и чрезъ нѣсколько дней воздвигнетъ ему алтари. Это состояніе анархіи въ началѣ прельщаетъ наблюдателя ложнымъ подобіемъ независимости. Но скоро онъ убѣждается, что среди этой мятущейся толпы никто не пользуется свободой и безопасностію. Клеветы, простаго подозрѣнія достаточно, чтобы поставить всякаго въ опасное положеніе. Не спасетъ и расположеніе народное: шумныя собранія одушевляются только крайними чувствованіями, нѣтъ промежутка между обожаніемъ и ненавистью. Въ лѣтописяхъ народовластія самое обыкновенное явленіе, что толпа собственными руками разбиваетъ идола которому вчера поклонялась. Самое ужасное послѣдствіе деспотизма толпы въ томъ, что люди неспособные размышлять самостоятельно, а таковыхъ большинство, поддерживаютъ этотъ деспотизмъ до той минуты когда становятся его жертвами; поддерживаютъ потому, что раздѣляютъ. Очень немногіе имѣютъ мужество ему противиться. Весьма часто встрѣчаются дорожащіе честію люди борющіеся противъ единоличнаго деспотизма. Но предъ силою толпы все тотчасъ уступаетъ, повинуется не краснѣя. А такъ какъ прославленіе въ ея рукахъ, ибо она образуетъ общественное мнѣніе, то требуется возвышенное мужество, чтобы не льстить ея страстямъ: надо умѣть пренебрегать славою и даже не страшиться позора. Чтобы покончить характеристику народнаго деспотизма должно прибавить, что онъ *начаще кончается произвольною властію одного* *. Когда толпа

---

* Подобное же пророчество о Бонапартѣ встрѣчается въ сочиненіи Борка (1790 года, въ книгѣ, о которой намъ случилось уже говорить). Боркъ предсказывалъ въ концѣ революціи наступленіе военной диктатуры и „безусловнаго деспотизма, какого не видѣлъ еще свѣтъ". Еще замѣчательнѣе слова Барнава въ рѣчи произнесенной лѣтомъ 1791 года послѣ бѣгства и задержанія короля, когда поднялся вопросъ объ отрѣшеніи его отъ престола и учрежденіи республики. Указывая, что это будетъ нарушеніемъ конституціи и поведетъ къ правительственной непрочности, особенно при подвижности народа: сегодня отрѣшили одного, завтра поднимутъ на верхъ власти другаго,—Барнавъ говорилъ: „Думаете ли вы, что какой-нибудь исполнительный комитетъ, слабый по существу, при нынѣшней любви къ равенству сдѣлавшейся страстью Французовъ, еще ослабленный раздѣленіями членовъ, будетъ долго въ состояніи противиться генералу, который пріобрѣлъ бы любовь и уваженіе народа и представилъ бы націи покровительственную мощь своего генія противъ бѣдствій которымъ бы вы его предали?" (Montlosier, II, 165).

достигла предѣла, то начинаетъ страшиться собственныхъ неистовствъ, избираетъ вождя и кончаетъ тѣмъ, что повинуется всѣмъ его капризамъ. Итакъ повторяю: истинная свобода есть не иное что, какъ безопасность имущества и лицъ. Безопасность эта зиждется на одной основѣ: уваженіи къ законамъ. Потому произволъ или анархія самый страшный врагъ свободы. Произволъ есть возможность дѣлать зло безнаказанно. Въ этомъ смыслѣ деспотизмъ неограниченнаго повелителя есть произволъ одного, а анархія есть произволъ толпы".

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Партіи и вожаки Собранія.

I. II. Классификація членовъ Собранія.—III. Мирабо.—IV. Мори.—V. Казалесъ.—VI. Робеспьеръ.

I.

Съ пораженіемъ партіи доктринеровъ оканчивается періодъ революціи, который можно назвать политически добросовѣстнымъ, то-есть когда у стоявшихъ во главѣ движенія слово и дѣло не расходились между собою, и мотивомъ дѣйствій было убѣжденіе, ошибочное или нѣтъ, но искреннее. Теперь мы вступаемъ въ океанъ лжи. Дѣянія по наружности опредѣляются словомъ и фразою яко бы выраженіемъ убѣжденій, а на дѣлѣ слово и фраза прилаживаются къ потоку событій, образующемуся чрезъ сліяніе личныхъ интересовъ и инстинктовъ, анархически разнузданныхъ и возбуждаемыхъ нѣсколькими идеями разрушительнаго характера. „Толпа, замѣчаетъ Монлозье (II, 240), ошеломленная громомъ рѣчей произносимыхъ съ трибуны, естественно склонна думать, что люди рисующіеся на ней во образѣ людей государственныхъ высказываютъ мнѣнія имъ принадлежащія: я хочу сказать—которыя суть плоды ихъ размышленія и искренняго убѣжденія. Я имѣлъ предъ собою слишкомъ много случаевъ убѣждающихъ въ тщетѣ такого мнѣнія. Я имѣлъ возможность убѣдиться, что многія изъ этихъ блестящихъ рѣчей были не болѣе какъ пустыя слова. Я ошибаюсь—орудія для достиженія выгодъ и популярности". Слышимъ горячія посылки, но заключеніе опредѣляется не логическою съ ними связью: оно подготовляется внѣ и является обыкновенно въ формѣ насильственно рѣшающаго событія, — революціоннаго дня. Дальнѣйшая аргументація идетъ уже отъ свершившагося революціоннаго факта впредь до вторженія новаго таковаго же. Подготовительная работа къ насильственнымъ заключеніямъ принадлежала клубамъ и журналистикѣ, въ области которой обманъ и фальшь достигли, какъ увидимъ, колоссальныхъ размѣровъ. Теперь

обратимся къ вопросу: кто выступили на передній планъ въ Собраніи послѣ того, какъ стушевали ь доктринеры революціи? Для разрѣшенія вопроса обратимся къ составу Собранія.

„Чтобы хорошо понимать, говоритъ Александръ Ламетъ (въ *Исторіи Національнаго Собранія*; цитата у Montlosier. II, 223), раздѣленіе партій въ Собраніи, не безполезно представить себѣ ихъ относительное положеніе въ залѣ засѣданій. Зала имѣла форму удлиненнаго четыреугольника; кресло предсѣдателя и бюро секретарей были посреди, трибуна противъ нихъ. Все что помѣщалось *направо* принадлежало болѣе или менѣе къ аристократической партіи, лѣвая сторона была занята „патріотическою партіей". Но та и другая подраздѣлялись сходнымъ образомъ. Справа на наиболѣе возвышенномъ мѣстѣ сидѣли горячіе приверженцы феодализма и всяческихъ привилегій, какъ д'Эпремениль, виконтъ Мирабо и наиболѣе яростные парламентаристы. Среднюю часть занимали болѣе умѣренные. Тутъ было много приходскихъ священниковъ и людей безъ опредѣленныхъ политическихъ мнѣній. Третья часть имѣла предводителями людей знакомыхъ съ великими вопросами государственнаго права, но которые желали бы только нѣкоторыхъ улучшеній въ старомъ порядкѣ... Подобную градацію мнѣній и чувствъ встрѣчаемъ и на лѣвой сторонѣ, только въ обратномъ смыслѣ. Партія наиболѣе близкая къ центру состоитъ изъ людей нерѣшительныхъ и мало знакомыхъ съ политическими вопросами. Они не имѣли опредѣленной системы и вотировали подъ впечатлѣніемъ минуты... Выше ихъ сидѣли члены составлявшіе „національную" партію и которымъ принадлежало главное руководительство въ собраніи. Называть ихъ значило бы припоминать имена людей съ которыми соединено наиболѣе блеска въ революціи. Край лѣвой стороны образовалъ ядро того, что потомъ стали называть *горою*. Тамъ сидѣли Робеспьеръ, Бюзо, Петіонъ и всѣ стремившіеся къ радикальной революціи".

По исчисленію Монлозье, правая сторона, состоявшая изъ депутатовъ отъ дворянства и духовенства и небольшаго числа изъ третьяго сословія, образовала корпусъ въ четыреста человѣкъ, изъ коихъ около пятидесяти отсутствовали по болѣзни и другимъ причинамъ. Лѣвая состояла изъ депутатовъ третьяго сословія и небольшаго числа членовъ отъ дворянъ и духовенства. Въ ея рядахъ считалось наличныхъ до шести сотъ членовъ. Къ нимъ надо прибавить до ста пятидесяти отсутствовавшихъ по разнымъ причинамъ. „Между семью стами пятидесятью членами лѣвой можно считать около четырехъ сотъ которые безъ заразы событій были бы по натурѣ своей добрые и честные люди", замѣчаетъ Монлозье и прибавляетъ: „ни за что въ мірѣ не пожелали бы они сами совершать убійства, насилія, неистовства обагрившія Францію; но какъ скоро таковыя были совер-

шены и революціонная сволочь или, какъ они сами иногда выражались, *пандуры* революціи, придушатъ бывало нѣсколькихъ аристократовъ или предадутъ какую-нибудь мѣстность огню и мечу, они не стѣснялись обирать мертвыхъ и дѣлить добычу“ (II, 227).

„По словамъ Маратовъ и Гара того времени и ихъ благородныхъ copartners за границей, прибавляетъ Монлозье (I, 258), Національное Собраніе было нѣкіимъ пантеономъ. Первый ораторъ Англіи Боркъ прямо назвалъ его *pandaemonium*. Все, что было разсудительнаго въ Европѣ подтвердило это наименованіе. Всякій разъ какъ входилъ я въ это Собраніе чувствовалъ болѣзненное впечатлѣніе. Взглянувъ на лавки правой стороны, гдѣ печально садились жертвы громко указываемыя я припоминалъ слова римскихъ гладіаторовъ: *Caesar, te rituri te salutant*. Мало было умереть, требовалось, чтобъ эти господа, какъ въ Римѣ, умерли съ граціей и, особенно, не жалуясь. Малѣйшій крикъ этихъ людей, которыхъ будутъ живыми разсѣкать, показался бы оскорбленіемъ, можетъ-быть мятежемъ“. Нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не отмѣтить крайняго политическаго недомыслія въ рядахъ роялистовъ, поставившаго ихъ въ состояніе полной растерянности предъ быстро идущими событіями. Примѣръ представляетъ, между прочимъ, ихъ отношеніе къ вопросу о двухъ палатахъ. Въ идеи двухъ палатъ былъ якорь ихъ спасенія и между тѣмъ они въ большинствѣ ей всячески противились. Одни указывали на неравноправность, какую осуществленіе ея внесло бы въ среду самого дворянства чрезъ выдѣленіе избранниковъ. Другіе хотѣли держаться девиза чѣмъ хуже тѣмъ лучше и надѣялись, что революція сама себѣ сломитъ голову. Значительная доля дѣлала идею двухъ палатъ предметомъ острота. Монлозье держался этой идеи. Графъ Кюланъ говорилъ ему смѣясь: „Я прочелъ твои *Двѣ палаты*. „Tu veux être pair, tu demeureras impair“. На одномъ обѣдѣ пріятели провозгласили тостъ Монлозье такъ: „да погибнутъ двѣ палаты, но да здравствуетъ Монлозье!“ (II, 284).

Въ анти-революціонномъ журналѣ *Les Actes des Apôtres*, органѣ роялистовъ, главною задачею котораго было осмѣивать Собраніе, въ свою очередь сдѣлана классификація его членовъ. По замѣчанію Монлозье, приводящаго ее въ своихъ мемуарахъ (II, 402), она не точна въ подробностяхъ и въ ней есть умышленныя перемѣщенія. Но въ главныхъ чертахъ и относительно вліятельнѣйшихъ членовъ она вѣрна. Группа къ которой принадлежалъ Мунье помѣчена наименованіемъ: меньшинство, умѣренные монархисты, друзья мира. Партія возпреобладавшая съ октября 1789 года названа: большинство: бѣшеные якобинцы, друзья народа, республиканцы, анархисты, демократы. На первомъ мѣстѣ въ этой партіи журналъ ставитъ Барнава (Барнавомъ журналъ занимался въ особенности). Далѣе въ ту

же партію помѣщены: герцогъ Орлеанскій, совѣтникъ парламента Дюпоръ, братья Ламеты, Гара, Тарже, Камюсъ, баронъ Вимпфенъ (Wimpfen), первый произнесшій слово: *королевская демократія* и тѣмъ пріобрѣтшій нѣкотораго рода знаменитость и другіе; далѣе кружокъ молодыхъ аристократовъ, искавшихъ популярности, главныхъ двигателей засѣданія 4 августа и наконецъ Петіонъ и Робеспьеръ. Въ разсматриваемой партіи нечего искать политическихъ убѣжденій въ смыслѣ опредѣленной, готовой доктрины какъ у умѣренныхъ революціонеровъ. Здѣсь двигателемъ не была теорія наилучшаго государственнаго устройства; работали болѣе практическія соображенія, вызывавшіяся поступательнымъ движеніемъ революціи и ему содѣйствовавшія. Движеніе получило своихъ теоретиковъ, но они дѣйствовали уже заднимъ числомъ, стараясь привести въ форму доктрины то что было продиктовано разрушительными событіями и рѣшеніями. Такъ поступали главные редакторы конституціи 1791 года — Тарже, Шапелье, Туре *; такъ дѣйствовали по временамъ Сіесъ, Талейранъ. Въ средѣ этой партіи были разчитывавшіе на государственный переворотъ который перемѣстилъ бы власть въ руки Орлеанскаго принца и выдвинулъ бы вожаковъ событія; тайно дѣйствовали въ этомъ направленіи,—сколько можно судить безъ прямаго участія, но съ поощренія Мирабо. Всѣ вообще имѣли въ виду революціонное движеніе впередъ и направляли усилія, чтобъ упрочить „побѣды“ революціи и сдѣлать невозможнымъ поворотъ къ старому порядку. Всякій революціонный захватъ находилъ въ нихъ пособниковъ, ибо все еще представлялся недостаточнымъ обезпеченіемъ противъ поворота назадъ, который разрушилъ бы всѣ ихъ честолюбивыя надежды и лишилъ бы ихъ пріобрѣтеннаго значенія. Захватъ направлялся ко всяческому ослабленію королевской власти и уничтоженію значенія высшихъ классовъ. У большинства дѣятелей этого разряда не было еще въ виду уничтоженія монархическаго правленія во Франціи, они добивались только обезпеченія революціонныхъ „пріобрѣтеній“. Честолюбію улыбалось быть во главѣ революціоннаго потока. Отстать отъ него значило остаться на мели и отказаться отъ разчетовъ честолюбія, указывавшихъ на служеніе тому, что казалось популярнымъ въ данную минуту, какъ на единственный путь возвышенія. И шли впередъ возбуждаясь взаимнымъ соревнованіемъ. Большинство готовы были бы остановиться, еслибъ остановились другіе. Буасси д'Англа (Boissy d'Anglas) назвалъ революцію „арміею идущею

---

* Въ 1793 году, подъ владычествомъ Робеспьера, и Шапелье и Туре были казнены именно за то, что были составителями конституціи 1791 года, такъ привѣтствованной въ свое время и въ поддержку которой тотъ же Робеспьеръ началъ было издавать журналъ.

впередъ и оставляющею за собою больныхъ и плетущихся" (traineurs; Montlosier, II, 122).

Барнавъ, какъ сказано, одинъ изъ наиболѣе типическихъ представителей этой арміи слѣпящихъ. Молодой талантливый депутатъ изъ Дофине, онъ въ своей провинціи былъ ревностнымъ сторонникомъ идей Мунье и поднялся благодаря этому сторонничеству. Въ Собраніи онъ сталъ отдѣляться отъ своего наставника и патрона. „Мунье, говоритъ объ этомъ Монлозье (II, 241), популяренъ, но онъ хочетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ монархистомъ: популярность тогда всѣмъ завладѣла. Барнавъ хочетъ быть прежде всего популярнымъ, онъ сдѣлается потомъ монархистомъ, если можно. Мунье удивляется, спрашиваетъ Барнава, по какой причинѣ онъ отъ него отдѣлился". „„Г. Мунье, отвѣчаетъ Барнавъ, ваша репутація „уже сдѣлана, а я хочу сдѣлать также мою"". „Итакъ, замѣчаетъ Монлозье, мнѣнія Мунье принимаются или отвергаются не въ силу того, что они справедливы или не справедливы, а потому, что *наша репутація еще не сдѣлана*. А въ ожиданіи пока она сдѣлается, надо заявить предъ ослѣпленнымъ народомъ о своемъ равнодушіи къ убійствамъ, можетъ-быть о своемъ одобреніи. Надо произнести ужасныя слова: „развѣ уже такъ чиста кровь, которая пролита (ce sang qui coule est il donc si pur)"? Эти слова были произнесены Барнавомъ въ эпоху, когда послѣдовавшія послѣ 14 іюля убійства въ Парижѣ,—гдѣ звѣрски умерщвлены были Фулонъ и Бертье,—и въ провинціяхъ пробудили умѣренныхъ членовъ Собранія взывать къ принятію серіозныхъ мѣръ для подавленія безпорядковъ *.

Въ тѣхъ же рядахъ весьма замѣтное мѣсто имѣлъ богатый совѣтникъ парламента, изъ новаго дворянства, Дюпоръ. Онъ былъ также изъ числа слѣпившихъ. „Обвинялъ Мирабо, что тотъ хочетъ вести къ англійской *полусвободѣ*; о системѣ двухъ палатъ говорилъ, какъ о вещи достойной сумасшедшаго дома". Такъ сообщаетъ въ нѣмецкій журналъ *Минерву* (августъ 1792 года) авторъ *Писемъ изъ Парижа*, лично знавшій Дюпора. „Отъ него, прибавляетъ авторъ *Писемъ*, я не разъ слышалъ, что слѣдуетъ придти къ ограниченію собственности,—у него 100.000 ливровъ дохода,—и что опасно и оскорбительно для народа видѣть богатые экипажи Ларошфуко, Ліанкура, Крильйона у подъѣзда Національнаго Собранія". Подобно Барнаву, онъ остановился когда уразумѣлъ, что путь на который самъ же, съ товарищами, толкалъ націю, ведетъ къ полному разрушенію. Въ рѣчи

* Барнавъ казненъ въ концѣ октября 1793 года (Wallon, II, 121). Обвинялся въ томъ, что былъ въ сношеніяхъ съ дворомъ и сговаривался съ министрами относительно бѣгства короля лѣтомъ 1791 года (чего, конечно, никогда не было).

17 мая 1791 года мало напоминающей прежнее политическое легкомысліе) указывалъ на грозящую опасность, намекая на партію Робеспьера съ братіей, говорилъ что кормило дѣлъ можетъ перейти въ руки людей „замѣчательныхъ только глубокою неспособностью и которымъ никто бы на полгода не довѣрилъ управленіе своимъ домомъ, имѣніемъ или дѣлами".

Наконецъ, въ первую эпоху революціи въ средѣ „народнической партіи" (partie populaire) чрезвычайно видная роль принадлежала кружку „придворныхъ молодыхъ людей сдѣлавшихся демократами; людей чистыхъ въ денежномъ отношеніи, но жадныхъ къ тому, чтобъ играть роль" (Stael, *Oeuvr.* XII, 302). Г-жа Сталь утверждаетъ, что Франція получила бы конституцію по англійскому образцу еслибъ эти „демократы съ изящными манерами" и знатными именами Монморанси, де-Ноаль, д'Эгильйонъ и т. п., тогда весьма вліятельные между депутатами лѣвой стороны, соединились съ партіей умѣренныхъ. Свидѣтельство г-жи Сталь не лишено значенія, такъ какъ положеніе ей было хорошо извѣстно, ибо эти господа постоянно толкались въ салонѣ Неккера. Монлозье видѣлъ (I, 188) нѣкоторыхъ изъ нихъ тамъ любезничающими съ молодою хозяйкой. Но желаніе играть первую роль не позволило имъ слѣдовать за умѣренными. „Они стали очень неблагоразумно искать опоры внѣ Собранія, опираться на сборища, начинавшія подготовлять подземную бурю. Имѣя вліяніе въ Собраніи, они подсмѣивались надъ умѣренными, какъ будто умѣренность эта была слабостію и они одни являли собой сильные характеры. Въ залахъ Собранія, на лавкахъ депутатовъ, ихъ можно было видѣть осмѣивающими всякаго кто рѣшался поставить имъ на видъ, что и до нихъ люди жили въ обществѣ, что писатели мыслили, и Англія была въ обладаніи нѣкоторой свободы. Можно было подумать, что имъ разсказываютъ дѣтскія сказки; такъ нетерпѣливо они слушали, съ презрѣніемъ произносили фразы, крайнія и рѣшающія, о якобы невозможности наслѣдственнаго, даже пожизненнаго сената, абсолютнаго *veto*, наконецъ всего что, — говорили они, — нарушаетъ верховенство народа! Они вносили придворное фатовство (fatuité) въ демократическое дѣло, и многіе депутаты третьяго сословія были заразъ и ослѣплены ихъ прекрасными, барственными манерами и прельщены ихъ демократическими ученіями. Эти элегантные вожаки народнической партіи, стремясь войти въ министерство, желали вести дѣло до того пункта когда окажется въ нихъ надобность; но въ быстромъ спускѣ государственная колесница не остановилась на ихъ станціи. Они не были заговорщиками, но слишкомъ полагались на свое вліяніе въ Собраніи и льстились надеждою поднять тронъ, какъ только низведутъ его до своего уровня. Но когда они искренно хотѣли исправить сдѣланное зло, было уже поздно. Нельзя счесть отъ

скольких бѣдствій была бы избавлена Франція еслибъ эта партія молодыхъ людей соединилась съ умѣренными; ибо предъ событіями 6 октября, когда король еще не былъ перемѣщенъ изъ Версаля, и армія, разсѣянная въ провинціяхъ, еще сохраняла нѣкоторое почтеніе къ трону, обстоятельства были таковы, что можно бы было установить разумную монархію во Франціи. Ходячая философія любитъ утверждать, что все случившееся было неизбѣжно. Но на что въ такомъ случаѣ служили бы разумъ и свобода человѣка, еслибы воля не могла предотвратить то что явственно было исполнено этою самою волею".

Въ № 38 *Courrier de Provence* (отъ 5 до 7 сентября 1789 встрѣчаемъ любопытныя строки объ этомъ же самомъ кружкѣ молодыхъ демократовъ съ историческими именами, отъ котораго вышли знаменитыя постановленія „великодушной" ночи 4 августа, разрушившія весь завѣщанный феодализмомъ государственный строй страны. Журналъ Мирабо, отзываясь съ великою похвалой о рѣчи Матьё Монморанси, произнесенной по вопросу о *veto*, такъ продолжаетъ свое сужденіе. „Многія рѣчи г. де-Монморанси, въ особенности, то что было имъ сказано объ объявленіи правъ и о національныхъ конвентахъ чрезъ опредѣленные сроки, поставляютъ его между депутатами наилучше заплатившими свою дань отечеству и слѣдовательно принявшими на себя по отношенію къ нему великія обязательства. Плодами перерожденія Франціи въ особенности воспользуется юношество. Безконечный путь наслажденія и славы открывается предъ тѣми кто захотятъ быть достойными этого пути. Но надо поставить маякъ на этомъ морѣ усѣянномъ подводными камнями. О вы, которые въ пламенномъ одушевленіи, испытываемомъ только въ ваши лѣта, поставите любовь къ отечеству на мѣсто низкихъ страстей! Не принимайте летучій огонь воображенія или суеты, жажду блеска за призваніе къ опасному ремеслу общественнаго дѣятеля. Самолюбіе врагъ славы, и суетность побуждающая торопливо тормошиться на маленькомъ театрѣ не оставляетъ времени какое требуется, чтобы заложить въ молчаніи фундаментъ крѣпкой славы. Эти безпардонные говоруны (parleurs écervelés) считающіе себя ораторами; эти путанники (brouillons) воображающіе себя политиками; эти трескучіе маленькіе мутители (petits séditieux bruyants), смотрящіе на себя какъ на республиканцевъ, далеко еще не возвысились до идеи свободы, до строгости налагаемыхъ ею обязанностей, до трудовъ какіе она требуетъ отъ своихъ служителей. Не по постозвонному галдѣнію (puériles clameurs) узнаются истинные кандидаты на службу отечеству. Зрѣлость человѣка опредѣляется тѣмъ какъ употреблена молодость, и славы достигнутъ только тѣ кто наиболѣе терпѣливы въ погонѣ за нею". Эта тирада Мирабо о легкомыслiи по адресу молодыхъ демократовъ съ знатными именами не лишена интереса.

II.

Партія продолженія революціи, говорившая, что „революція едва началась", тогда какъ умѣренные желали сказать, „революція „кончена" (де-Ферьеръ I, 205), обнаружила себя прежде всего тѣмъ, что взяла подъ свое покровительство неистовства, происходившія въ разныхъ мѣстахъ Франціи послѣ 14 іюля и въ возбужденіи коихъ нѣкоторые члены Собранія были не безъ участія, и прямаго и, особенно, косвеннаго. Тэнъ (*Rév.*, I, 95) приводитъ изъ документовъ Національнаго Архива письмо, присланное въ слѣдственный комитетъ Собранія (comité des recherches). „Вы хотите знать, говоритъ авторъ письма, подписавшійся Etienne Fermier,—возбудителей безпорядковъ: вы найдете ихъ среди депутатовъ третьяго сословія, въ особенности между прокурорами и адвокатами. Они пишутъ къ своимъ избирателямъ зажигательныя письма. Письма эти читаются на главной площади, разсылаются по всѣмъ деревнямъ. А въ деревняхъ, кромѣ помѣщика и священника, читать умѣетъ какой-нибудь сельскій стряпчій (un praticien), прирожденный врагъ помѣщика". Мармонтель приводитъ свидѣтельство Лалли Толандаля о томъ, какъ отнеслось Собраніе къ безпорядкамъ, обнаружившимся тотчасъ послѣ 14 іюля (*Mém.*, IV, 222). „Въ томъ положеніи, говорилъ Лалли, въ какомъ мы тогда находились, свободѣ могли грозить только замыслы мятежниковъ и опасность анархіи. Собранію надлежало бояться только избытка собственной силы. Нельзя было минуты медлить подавленіемъ безпорядковъ. Приходили уже вѣсти, что потрясенія, испытанныя столицей, отозвались не только въ сосѣднихъ городахъ, но и въ отдаленныхъ провинціяхъ. Они обнаружились въ Бретани, были въ Нормандіи и Бургундіи, грозили распространиться по всему королевству. Эмиссары, отправленные очевидно изъ центральнаго пункта, поѣхали по дорогамъ; проѣзжали не останавливаясь города и селенія, всюду возбуждая волненія и возвѣщая то о прибытіи иностранныхъ отрядовъ, то о разбойникахъ, призывая къ оружію, нерѣдко раздавая деньги. (Дѣйствительно, прибавляетъ Мармонтель, я самъ видѣлъ конника, скакавшаго мимо усадьбы, гдѣ я находился и кричавшаго, что гусары въ окрестностяхъ чинятъ опустошенія и жгутъ жатву, что такая-то деревня горитъ, а другая обагрена кровью. Ничего подобнаго не было, но въ душѣ народа страхъ возбуждалъ ярость, а это и требовалось). Полныя руки писемъ свидѣтельствовали о безнаказанно свершавшихся неистовствахъ Толандаль явился въ Собраніе и предложилъ проектъ прокламаціи къ народу, которая изобразила бы картину тогдашняго положенія, указала бы обязанности и надежды, пригласила бы всѣхъ къ миру, поставила бы въ безопасность жизнь и собственность; гро-

зила бы злымъ, охранила бы добрыхъ, поддержала бы законы въ силѣ и суды въ дѣйствіи. Этотъ проектъ, сказывалъ онъ, былъ встрѣченъ рукоплесканіями; потребовали вторичнаго чтенія: аплодисменты удвоились. Но каково было, прибавилъ онъ, мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что есть партія, поднявшаяся противъ проекта. Одинъ говорилъ что чувствительность прельстила мой разумъ. Эти пожары, аресты, убійства суть де непріятности, которыя надо умѣть перенести, такъ какъ мы должны де были ихъ ожидать. Другой утверждалъ что мое воображеніе создало небывалую опасность; что истинная опасность заключается въ моемъ предложеніи,—опасность для свободы, потому что отнимаетъ у народа спасительную тревогу въ минуты когда желательно чтобъ она еще не исчезала; опасность для Собранія, такъ какъ въ случаѣ принятія моего предложенія Парижъ объявитъ себя противъ Собранія; опасность для законодательной власти, которая сломивъ грозное могущество правительства вдругъ вооружитъ его еще болѣе грозною силой. Между тѣмъ убійство парижскаго интенданта Бертье, его тестя Фулона, умерщвленныхъ на Гревской площади, ихъ головы, носимыя по улицамъ, тѣло Фулона растерзанное въ Пале-Роялѣ—все ясно показывало, что чернь, ольяненная кровью, еще жаждала крови. Все взывало къ Собранію, требуя поспѣшить принятіемъ предложенія Лалли Толандаля. Но пусть онъ самъ разскажетъ намъ, какъ мало впечатлѣнія произвели въ Собраніи эти ужасныя событія. „На другой день (21 іюля), повѣствуетъ онъ, я былъ разбуженъ жалобными криками. Ко мнѣ въ комнату вошелъ молодой человѣкъ, блѣдный, разстроенный. Онъ бросился ко мнѣ, говоря: вы провели пятнадцать лѣтъ вашей жизни защищая ламять вашего отца, спасите жизнь моему; пусть его судятъ. Представьте меня Національному Собранію, я буду просить его назначить судей моему отцу. Это былъ сынъ несчастнаго Бертье. Я повелъ его тотчасъ къ президенту Собранія. На несчастіе, утромъ не было засѣданія. Вечеромъ было уже поздно. Тесть и зять были растерзаны. Понятно, что въ ближайшее же засѣданіе я обратилъ общее вниманіе на это страшное событіе. Я говорилъ отъ имени сына у котораго только-что убили отца, и сынъ же носившій трауръ (Барнавъ) осмѣлился упрекнуть меня, что я чувствую вмѣсто того чтобы мыслить. Онъ прибавилъ слова которыя не хочу даже повторить (да развѣ ужъ такъ дорога была пролитая кровь: le sang qu'on a versé était il donc si précieux?). И каждый разъ, когда среди кровавой декламаціи онъ поднималъ руки, бросались въ глаза печальные знаки его недавняго несчастія (плѣрезы), непререкаемые свидѣтели его варварской безчувственности. Но таково было у приверженцевъ мятежа извращеніе ума, что холодная жестокость слыла добродѣтелью, а гуманность казалась слабостію. Тридцать замковъ разрушенныхъ или сожженныхъ въ одной провинціи Лангедокъ; нѣкто г. Баррасъ разрѣзанный на куски предъ его беременною женой, готовившейся родить; разбитый параличемъ старикъ брошенный на горящій костеръ и множество другихъ неистовствъ пропускались мимо ушей въ Собраніи или обзывались случайностями, если кто-либо о нихъ возвѣщалъ. Политика партіи мятежа состояла въ томъ, чтобы народъ не могъ оглянуться назадъ“ *.

III.

Мы говорили о предводителяхъ, но опустили полководца. Какая была роль Мирабо?

Въ спискѣ *Дѣяній Апостоловъ* имени Мирабо не значится ни въ какой партіи. Сдѣлано ли это намѣренно или списокъ составленъ по смерти Мирабо ** (о Мунье, не бывшемъ уже во Франціи, однако упоминается), во всякомъ случаѣ пропускъ характеристиченъ. Мирабо дѣйствительно стоялъ особнякомъ. Утвержденная репутація безнравственности укрѣпляла во мнѣніи, что Мирабо не стѣснится „политическими убѣжденіями,“ и не свяжетъ себя вѣрностію какой-нибудь партіи, и не остановится сдѣлать на глазахъ то, что̀ другіе совершали за угломъ. *Малая мораль убиваетъ большую*, часто повторялъ Мирабо, но случай обнаружить эту большую не представился на всемъ протяженіи жизни ***. Это не значитъ впрочемъ, чтобъ у Мирабо не было убѣжденій и чтобъ онъ могъ продать себя всякой партіи. У него было нѣсколько крѣпкихъ мотивовъ. Онъ сознавалъ зна-

---

* Въ *Actes des Apôtres* такъ передается якобы бывшій разговоръ въ Собраніи. „*Аристократъ* Господа!? грабятъ, жгутъ, убиваютъ. *Отвътъ*. Отложить! Предварительная справка (question préalable). *Роб спьеръ*. Происшествіе это плодъ недоразумѣнія. *Эммери*. Не имѣемъ времени выслушивать извѣстія изъ провинцій. *Робеспьеръ*. Господа, прошу вашего снисхожденія для гражданъ жгущихъ замки. *Ланфюэнъ*. Надо употребить путь примиренія и убѣжденія. Предпишите чтобы была послана въ провинціи рѣчь короля. *Правая сторона вся вмѣстѣ*. Господа, положите конецъ ужасамъ. Въ Бретани, Лимузенѣ, Перигорѣ жгутъ архивы (chartriers) и замки, дворяне только бѣгствомъ спасаются отъ смерти. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ муниципальные чины являются во главѣ разбойниковъ. *Робеспьеръ*. Это аристократы мутятъ народъ. *Аристократъ*. Надо послать войска чтобы подавить безпорядки. *Докторъ Блэнъ*. Войска? то-есть убійцъ противъ убійцъ“.

** Въ мемуарахъ Монлозье списокъ приведенъ безъ обозначенія времени когда составленъ.

*** „*La petite morale tue la grande*, répétait souvent Mirabeau; mais l'occasion de la grande ne se présentait guère, selon lui, dans tout le cours d'une vie.“ (Stael, *Oeuvr*, XII 263).

ченіе власти и былъ въ сущности монархистомъ. Онъ постоянно стремился ко власти, но его всегда бурливо агитаторская дѣятельность поставляла къ тому препятствія. Онъ оставался трибуномъ, не попадая въ министры. Его сила была въ мощномъ словѣ, которымъ одарила его природа, какъ одаряетъ другаго необыкновенною крѣпостью мускуловъ, талантомъ трагика, исключительною музыкальною способностью или какимъ-либо инымъ феноменальнымъ качествомъ. Мощь эта особенно выражалась въ ораторской способности до глубины крѣпкаго духа проникнуться мотивомъ, къ которому безъ яснаго сознанія подготовлено настроеніе слушателей, и явиться громовымъ выразителемъ этого мотива, силой выраженія производя впечатлѣніе неожиданности и какъ бы внезапнаго раскрытія. Дѣйствіе обусловливается именно тѣмъ, что этотъ процессъ раскрытія напряженно переживается самимъ оратором, иногда дѣйствительно въ глубинѣ души, иногда только въ сильномъ воображеніи; и послѣдній ощущаетъ себя орудіемъ вдохновенія. Всѣ очевидцы свидѣтельствуютъ о необыкновенномъ впечатлѣніи какое Мирабо производилъ въ минуты ораторскаго увлеченія. То, что̀ осталось на бумагѣ не можетъ конечно дать и отдаленнаго понятія о дѣйствіи его слова въ Собраніи. Ораторъ есть вмѣстѣ актеръ. Голосъ, фигура, даже характерное безобразіе лица Мирабо оставляли неотразимое впечатлѣніе. „Что̀ было бы еслибы вы видѣли чудовище (que serait-ce si vous aviez vu le monstre)?“ говорилъ Гара въ *Journal de Paris*. „Это слово Эсхина о Демосѳенѣ, замѣчаетъ г-жа Сталь (XII, 315), „ни къ кому лучше не могло быть приложено, какъ къ Мирабо“. Г-жа Сталь вспоминаетъ о рѣчи Мирабо въ сентябрѣ 1789 года, когда онъ рисовалъ предъ Собраніемъ ужасы государственнаго банкротства (по поводу проекта о займѣ предложеннаго Неккеромъ). „Я была, говоритъ г-жа Сталь (XII, 315), не въ дальнемъ разстояніи отъ Мирабо, и хотя не вѣрила въ добрыя съ его стороны намѣренія, но была въ продолженіе двухъ часовъ прикована удивленіемъ. Ничего нельзя представить себѣ *запечатлительнѣе* его голоса (plus *impressif* que sa voix), если можно такъ выразиться. Его жесты, язвительныя рѣчи, какими онъ умѣлъ пользоваться, можетъ быть не шли прямо отъ души, то-есть отъ внутренняго волненія, но чувствовалась мощь жизни въ его словахъ, которыхъ дѣйствіе было поразительное“. Монлозье вспоминаетъ впечатлѣніе, какое произвела на него рѣчь, произнесенная Мирабо по вопросу о королевскомъ правѣ войны и мира (значительная часть рѣчи, по свидѣтельству Монлозье, была даже не Мирабо, а заготовлена для него по его порученію, какъ онъ нерѣдко дѣлалъ). Монлозье говоритъ о репликѣ Мирабо послѣдовавшей за нѣкоторыми возраженіями и въ которой онъ сказалъ: „нѣсколько дней тому назадъ меня носили въ тріумфѣ. Теперь на улицахъ кричатъ: вели-

кая измѣна графа Мирабо! Я не имѣлъ нужды въ этомъ урокѣ, чтобы знать, какъ недалеко отстоитъ Капитолій отъ Тарпейской скалы и т. д.“. Приведя это мѣсто Монлозье восклицаетъ. „Прекрасно, по истинѣ прекрасно! Во всей моей долгой жизни, отданной на службу королю и отечеству, эта рѣчь меня жестоко преслѣдовала Говорю, жестоко, такъ какъ я внутренно конфузился въ чемъ-нибудь подчиняться впечатлѣнію Мирабо. Ривароль, который не любилъ признавать его таланта, сказалъ мнѣ по поводу этой рѣчи, которую я зналъ наизусть: „это жаба, которой Богъ даетъ по временамъ прекрасное пѣніе“.

Главная ораторская сила Мирабо была именно въ репликахъ. „Я рѣдко видѣлъ, говоритъ Монлозье (II, 243), чтобы Мирабо импровизовалъ о какомъ-нибудь важномъ предметѣ, какъ дѣлали Мори, Казалесъ, Барнавъ. Обыкновенно онъ являлся на трибуну съ бумажкой въ рукахъ, и бумажка даже не всегда была писана имъ. Знали, что тѣ, кого онъ называлъ своими секретарями, бывали нерѣдко составителями его рѣчей. Но слѣдуетъ сказать, что реплики его почти всегда импровизованныя—истинное совершенство. Въ нихъ и въ нѣкоторыхъ особыхъ чертахъ обнаруживался талантъ Мирабо во всей высотѣ“. Мирабо и для рѣчей и для журнала имѣлъ подъ рукою всегда нѣсколько сотрудниковъ, которыхъ руководилъ. Они составляли ему рѣчи и статьи и потомъ не разъ претендовали на нихъ какъ на свою собственность. Но душою дѣла все-таки былъ самъ Мирабо. Тѣ же сотрудники, отдѣленные отъ Мирабо, не произвели ничего замѣчательнаго.

Мы назвали Мирабо полководцемъ Собранія. Дѣйствительно, онъ являлся имъ въ извѣстныя минуты. Но было бы ошибочно думать, что онъ направлялъ Собраніе. Напротивъ, его вліяніе на общій ходъ дѣлъ, кромѣ извѣстныхъ моментовъ вовсе не было значительно. Мы видѣли уже какъ въ эпоху предшествовавшую 23 іюня Собраніе шло противъ его наставленій. Такъ было и послѣ. Мирабо, обладавшій государственнымъ умомъ, видѣлъ что революція ведетъ страну къ крушенію и презиралъ власть болѣе всего за ея слабость и неумѣлость... Чтобы сохранить популярность, онъ не разъ толкалъ Собраніе въ сторону, противную собственнымъ убѣжденіямъ. Потому, говоритъ Монлозье (II 65), вліяніе Мирабо весьма значительное для зла было ничтожно для добра. „Онъ имѣлъ вліяніе чрезъ популярность, а условіемъ популярности было тогда постоянное соучастіе во всѣхъ насиліяхъ и преступленіяхъ.“ Въ началѣ 1790 года онъ вошелъ въ тайныя сношенія со дворомъ и шагъ этотъ нельзя разсматривать только какъ результатъ подкупа. Онъ счелъ возможнымъ продаться, потому что предъ нимъ возникалъ грандіозный планъ долженствовавшій остановить крушеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ поднять

его ко власти. Стѣсняться какимъ-либо нравственнымъ обязательствомъ предъ Собраніемъ и предъ кѣмъ-либо было не въ морали Мирабо. „Онъ не имѣлъ совѣсти въ политикѣ“, по выраженію г-жи Сталь.

Неккеръ называлъ Мирабо *трибуномъ по разчету, аристократомъ по вкусамъ* (tribun par calcul et aristocrate par goût). „Ничто такъ вѣрно его не обрисовываетъ, говоритъ дочь Неккера (XII, 262). Умъ его былъ слишкомъ возвышенъ, что-бы не понимать невозможности демократіи во Франціи. Но еслибы даже этотъ родъ правленія былъ осуществимъ, онъ ему не улыбнулся бы. Онъ суетно придавалъ большую цѣну своему рожденію. Говоря о Варѳоломеевской ночи, любилъ прибавлять: „адмиралъ Колиньи, въ скобкахъ сказать, мой родственникъ“. Такъ искалъ онъ случая заявить, что онъ изъ хорошаго рода. Его расточительность требовала денегъ, и Неккера упрекали, что не далъ ему ихъ при открытіи собранія представителей. . Впрочемъ Мирабо, принялъ бы онъ или нѣтъ деньги отъ двора, всегда хотѣлъ быть властителемъ, а не орудіемъ. Отъ него нельзя было добиться, чтобъ онъ отказался отъ своей демагогической силы, прежде чѣмъ она привела его во главу правительства. Онъ провозглашалъ соединеніе всѣхъ властей въ одномъ собраніи, хотя отлично зналъ, что такое устройство было бы разрушительно для всего добраго. Но онъ увѣрилъ себя, что Франція будетъ въ его рукахъ и онъ, ввергнувъ ее въ смуту, будетъ потомъ въ состояніи по произволу ее оттуда вывести“. „Демократія Мирабо, говорилъ Монморенъ (Montlosier II, 24), состояла въ томъ, чтобы понизить до своего уровня тѣхъ, кто были выше, но никакъ не въ томъ, чтобы подниматъ до себя тѣхъ, кто были ниже. Онъ хотѣлъ монархіи, и монархія, въ которой онъ былъ министромъ, была бы деспотическою“.

Александръ Ламетъ разказывалъ про Мирабо: „Онъ вовсе не скрывалъ какія позволялъ себѣ средства, чтобъ обезпечить свое избраніе (въ Провансѣ). Онъ даже признавался намъ, что имѣлъ подъ рукою народнаго оратора, казавшагося преданнымъ, но въ которомъ не былъ однако вполнѣ увѣренъ. Онъ поставилъ около него человѣка съ тѣмъ, чтобы не терять его изъ виду и заколоть его, еслибы тотъ не исполнилъ обязательства. Мирабо удивился ужасу, какой этотъ разказъ возбудилъ въ насъ и на вопросъ: „какъ, вашъ человѣкъ убилъ бы его?“—„Да, убилъ бы какъ убиваютъ!“—„Но это было бы ужасное убійство...“—„О, въ революціяхъ малая мораль убиваетъ большую.“ Изъ шести человѣкъ, прибавляетъ Ламетъ, присутствовавшихъ при этомъ разговорѣ, трое еще живы“ (Montlosier, II, 19). Очень можетъ быть, что Мирабо наговаривалъ на себя, чтобы показать свое презрѣніе къ „малой морали“.

О сношеніяхъ Мирабо съ правительствомъ Молевиль и Монлозье говорятъ съ такими подробностями, полученными ими отъ участниковъ сношеній, что едва ли возможно какое сомнѣніе въ точности показаній. Планъ, предложенный Мирабо въ запискѣ, представленной имъ въ 1790 году, королю, состоялъ прежде всего въ распущеніи Собранія и выборѣ новаго, имѣющаго быть вызваннымъ заявленіями изъ провинцій и составленнаго въ началахъ собственности. Чтобы вызвать адресы провинцій, Мирабо предлагалъ разослать надежныхъ коммиссаровъ, на которыхъ для виду возложить распредѣленіе границъ округовъ и участковъ въ новоучрежденныхъ восьмидесяти трехъ департаментахъ, а тайно поручить агитировать въ пользу адресовъ о возобновленіи Собранія. Новая палата должна была составить конституцію согласно заявленіямъ заключающимся въ большинствѣ наказовъ. Конституція должна быть утверждена королемъ (Montlos, II, 28). Въ разговорахъ Микрабо обнаруживалъ значительное презрѣніе къ парламентской сволочи (canaille), съ которою иногда долженъ былъ идти объ руку. Записка Мирабо, къ сожалѣнію не сохранившаяся, въ которой онъ „патетически рисовалъ преступленія революціи и ея слѣдствія“, произвела чрезвычайное впечатлѣніе на Малуэ. „Этотъ человѣкъ, говорилъ онъ, умѣетъ брать всѣ тоны, принимать всякія роли. Фенелонъ, Макіавель, Руссо, аббатъ Мори нашли бы каждый свои положенія въ его запискѣ. И между тѣмъ есть единство въ его взглядахъ. Но у меня нѣтъ полнаго довѣрія къ его средствамъ“. Вотъ что говорилъ Мирабо лично Малуэ на свиданіи у Монморена: „Наши мнѣнія въ главномъ сходятся къ истиннымъ началамъ интересамъ монархіи. Я конечно не думаю оправдывать безумныя мѣропріятія (des mesures extravagantes), которыя приходилось мнѣ поддерживать, чтобы не имѣть *сволочь* противъ себя; не оправдываю страстныя движенія, которыя нарочно возбуждали во мнѣ и которыя дѣлали меня болѣе злымъ чѣмъ каковъ я на самомъ дѣлѣ. Вспомните какъ поступилъ я относительно васъ, когда сожгли (собственно, разграбили) домъ герцога де-Кастри. Въ этомъ тайна многихъ изъ моихъ предложеній“ *.

---

* Эпизодъ, на который намекалъ Мирабо состоялъ въ слѣдующемъ: По случаю дуэли герцога де-Кастри съ Карломъ Ламетомъ, причемъ Ламетъ былъ раненъ, и послѣдовавшаго затѣмъ нападенія на домъ Кастри, въ Собраніе явилась депутація отъ національ гардовъ участка Bonne Nouvelle и требовала закона противъ дуэлей и мщенія герцогу де-Кастри. Лѣвая стала руколескать. Одинъ депутатъ воскликнулъ: „Только злодѣи могутъ аплодировать“. Поднялись крики: „въ тюрьму, въ тюрьму!“ (à l'abbaye). Барнавъ выступилъ съ предложеніемъ арестовать депутата. Мирабо и Малуэ бросились къ трибунѣ. Право слова получилъ Малуэ. „Уступите мнѣ“,

IV.

Наиболѣе замѣчательные, послѣ Мирабо, ораторы Собранія были не на лѣвой сторонѣ. Это были, какъ говорилось, „защитники трона и алтаря“, аббатъ Мори и Казалесъ. Барнавъ стоялъ много ниже ихъ. Аргументы Мори и Казалеса оставались безъ результатовъ; но рѣчи ихъ всегда производили сильное впечатлѣніе, иногда до неистовства раздражали страсти. Вмѣстѣ съ тѣмъ открытая отвага борьбы и сила ораторскаго таланта внушали невольное уваженіе даже противникамъ.

„Я всегда замѣчалъ, говоритъ въ примѣчаніи издатель *Исторіи* Молевиля (II, 108), что революція сдѣлала гораздо менѣе жертвъ между тѣми, кто заявили себя открыто ея противниками нежели между тѣми кто ее вызвали и ей потакали. Это великій урокъ тѣмъ, кто въ минуты волненій думаютъ найти безопасность въ низкомъ лопустительствѣ относительно разбойниковъ и въ преступномъ сообщничествѣ съ палачами. Большинство якобинскихъ вожаковъ пали вмѣстѣ со множествомъ тѣхъ, которые были индифферентными зрителями первыхъ безпорядковъ. Наиболѣе замѣтные члены оппозиціи, какъ Мори, Казалесъ, Лалли Толандаль, Малуэ, Монлозье остались живы... Я часто слышалъ какъ яростнѣйшіе республиканцы превозносили талантъ и мужество аббата Мори и Казалеса и съ презрѣніемъ отзывались о людяхъ, которые изъ страха присоединялись къ партіи анархистовъ.“

Замѣчательно, что Мори и Казалесъ выступили бойцами въ Собраніи уже послѣ паденія умѣренной партіи, когда обнаружилось, что революція не вступитъ въ компромиссъ съ прошлымъ порядкомъ, какъ надѣялись доктринеры. Мори въ эпоху послѣдовавшую за со-

---

сказалъ ему Мирабо: „я намѣренъ говорить въ томъ же смыслѣ какъ и вы, но буду имѣть больше успѣха.“ Малуэ согласился. Мирабо появился на каѳедрѣ. Правая сторона, не будучи въ секретѣ, встрѣтила его криками. „Долой злодѣя, очистить мѣсто Малуэ!“ Мирабо остается, крики усиливаются. Это раздражаетъ его, и вмѣсто того, чтобы громить поджигателей дома Кастри, онъ принимаетъ сторону „добраго народа на который клевещутъ“ (du bon peuple qu'on calomnie. „Хотите знать истинныхъ поджигателей“, восклицаетъ онъ: „они здѣсь“. Онъ показалъ на правую сторону. Поддерживаетъ предложеніе Барнава. Депутата отправляютъ въ тюрьму. „Это низко, воскликнулъ Малуэ, когда Мирабо сошелъ съ каѳедры—не стыдно ли вамъ было такъ обмануть меня“.—„Конечно стыдно, но пеняйте на этихъ господъ. Какъ хотите вы, чтобъ я вотировалъ съ людьми, которые хотѣли бы разорвать меня на клочки“, отвѣтилъ Мирабо.

бытіемъ 14 іюля даже покинулъ было Парижъ, былъ арестованъ въ провинціи и освобожденный по распоряженію Собранія, какъ депутатъ, вернулся въ Версаль, но въ первые мѣсяцы дѣятельнаго участія въ преніяхъ не принималъ.

Другъ и почитатель Мори, Мармонтель, посвящаетъ ему въ своихъ мемуарахъ нѣсколько теплыхъ страницъ. Удивляясь его таланту ораторской импровизаціи, онъ говоритъ между прочимъ: „Я не разъ самъ былъ свидѣтелемъ какъ на другой день онъ диктовалъ на память произнесенное наканунѣ и жаловался сколько при воспоминаніи теряется силы и горячности рѣчи. Только огонь и одушевленіе трибуны, говорилъ онъ, могутъ сдѣлать краснорѣчивымъ“ (IV, 244). „Что касается, прибавляетъ Мармонтель, его мужества, то основнымъ началомъ его было презрѣніе къ смерти и пренебреженіе къ жизни, безъ которыхъ, говорилъ онъ, нація не можетъ имѣть ни хорошихъ представителей, ни хорошихъ солдатъ. Минута, когда мы быть-можетъ въ послѣдній разъ сказали другъ другу *прости*, была полна религіозной и меланхолической печали. „„Другъ мой, сказалъ онъ мнѣ, защищая правое дѣло, я сдѣлалъ, что могъ Я истощилъ мои силы не для того, чтобъ услѣть въ Собраніи, гдѣ меня безъ пользы слушали, но чтобы бросить глубокія идеи справедливости и истины въ умъ націи и всей Европы. Имѣлъ честолюбіе думать, что буду услышанъ и потомствомъ. Съ растерзаннымъ сердцемъ покидаю родину и друзей, но уношу твердую надежду, что революціонная сила будетъ разрушена““.

Менѣе чувствительный, чѣмъ Мармонтель, Монлозье, отдавая честь мужеству Мори, указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на струну честолюбія сильно звучавшую въ душѣ неукротимаго аббата, когда онъ защищалъ дѣло монархіи и религіи безо всякой надежды на побѣду. „Мы часто говорили, свидѣтельствуетъ Монлозье, о положеніи дѣлъ; но когда я спрашивалъ какой предвидитъ онъ вѣроятный исходъ, я не замѣчалъ, чтобъ онъ имѣлъ въ этомъ отношеніи какой-либо опредѣленный взглядъ. Могу утвердительно сказать, что онъ и не имѣлъ никакого. Наиболѣе его интересовала переписка съ Римомъ. Я видѣлъ на столѣ его множество писемъ кардиналовъ, которыя онъ охотно выставлялъ на показъ. Я зналъ куда это должно было вести. Онъ зналъ это лучше моего.“ Извѣстно, что Мори въ послѣдствіи былъ кардиналомъ. Во всякомъ случаѣ принятая на себя аббатомъ Мори роль требовала и крѣпкаго убѣжденія, и большаго мужества. Послѣ каждой сильной рѣчи ему грозила опасность. Когда онъ выходилъ изъ Собранія, его нерѣдко встрѣчала непріязненная толпа. Онъ умѣлъ сохранить спокойствіе и побѣждалъ отвагой, вовремя съостривъ или прикрикнувъ. Высокій, красивый, всегда изящно одѣтый, онъ самою наружностію дѣйствовалъ внушительно. Утверж-

дали, что образъ жизни аббата Мори мало соотвѣтствовалъ его духовному званію. Въ этомъ утвержденіи много клеветы, но, можно думать, была и доля правды. О подвигахъ отваги аббата сохранилось не мало анекдотовъ. „Однажды, говоритъ Монлозье,—это было въ первое время по перенесеніи Собранія въ Парижъ,—его преслѣдовали на улицахъ, крича: на фонарь, на фонарь! Онъ вдругъ остановился и обратился къ толпѣ: „„Что же вамъ свѣтлѣе будетъ, когда я буду на фонарѣ?““ сказалъ, онъ показывая на фонарь. Вожаки шайки разсмѣялись, толпа разсѣялась.“ Въ № 72 *Révolutions de Paris* (за недѣлю отъ 20 до 27 ноября 1790 года) помѣщена картинка, изображающая какъ „аббатъ Мори остановилъ въ закоулкѣ Дофина (cul de sac Dauphin) разнощика газетъ, кричавшаго: grand tumulte par abbé Maury! и отвелъ его въ участокъ“. Нарисованъ аббатъ головою превышающій окружающихъ и влекущій за шиворотъ продавца предъ изумленною толпой, которая наполняла улицу и глазѣла изъ оконъ. Нельзя не видѣть въ этомъ свидѣтельства значительной популярности аббата, хотя революціонная газета самое событіе въ № 70 (стр. 233) описываетъ въ такихъ выраженіяхъ: „Аббатъ Мори имѣетъ привычку самъ чинить расправу. Всегда съ пистолетами * въ карманѣ, этотъ неудержимый депутатъ выставляетъ ихъ противъ всякаго, кто станетъ на его дорогѣ. На другой день послѣ его декламаціи, въ которой онъ предавалъ въ Собраніи анаѳемѣ корсиканскихъ депутатовъ, онъ встрѣтилъ въ Дофиновомъ закоулкѣ продавца газетъ, который кричалъ „безобразіе учиненное аббатомъ Мори въ Собраніи“. Аббатъ схватилъ его за шиворотъ и отвелъ въ участокъ. По какому праву аббатъ Мори останавливаетъ разнощиковъ? Еслибы ce brave citoyen, пользуясь правомъ естественной защиты, бросился на аббата и убилъ его, то онъ совершилъ бы законный поступокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ избавилъ бы націю отъ злодѣя!“ Толпа шикала аббату Мори, его оскорбляла, но имъ прельщалась.

Какія сцены бывали съ Мори въ Собраніи, можно судить по слѣдующему эпизоду. Во время преній по дѣлу о Брестѣ, въ Собраніе принесена была жалоба, что суда, приходившія изъ Санъ-Доминго, поднимали, по старому, неотмѣнному еще обычаю, *бѣлый* флагъ. „И вотъ, говоритъ Монлозье (II, 53), Мирабо громитъ, задыхается, дѣлается фіолетовымъ отъ гнѣва. Въ увлеченіи, похожемъ на опьяненіе, онъ позволяетъ себѣ противъ офицеровъ этихъ судовъ доносы и наругательства. Депутатъ Гилерми (Guilhermy) наступаетъ на него: „„ваши слова—слова убійцы и злодѣя.““ Въ ту же минуту съ лѣвой

* Пистолеты эти, которые дѣйствительно носилъ аббатъ, называли какъ свидѣтельствуетъ Монлозье (II. 215), les burettes de l'abdé Maury.

стороны требуютъ, чтобы Гилерми былъ на три дня арестованъ. Аббатъ Мори требуетъ слова и всходитъ на трибуну. Собраніе прекращаетъ пренія. Мори настаиваетъ. Къ нему стремятся со всѣхъ сторонъ. Одинъ изъ членовъ лѣвой стороны становится рядомъ съ нимъ и хочетъ говорить вмѣсто него. Мори беретъ его за плечи, оборачиваетъ дважды и тотъ катится въ залу. Приставъ его поднимаетъ. Думается мнѣ, что это былъ герцогъ Ларошфуко... Подходитъ другой; съ нимъ та же исторія. Наконецъ, вотъ вся лѣвая сторона направляется на Мори. Тотъ приходитъ въ ярость, хватается за трибуну какъ бы затѣмъ, чтобы пустить ею. Слышу, трибуна трещитъ: она поддерживалась двумя крѣпкими желѣзными перекладинами. А то бы разлетѣлась. Предсѣдатель зоветъ приставовъ на помощь трибунѣ. Члены размѣщаются по скамейкамъ. Во время этой сцены Мирабо, начавшій яростно, въ концѣ былъ довольно разсудителенъ. Гилерми былъ присужденъ къ трехдневному аресту“.

Монлозье (II, 236) приводитъ любопытные обращенные къ нему совѣты Мори какъ сдѣлаться ораторомъ. „Надо прежде всего, говорилъ Мори, изучить свой предметъ и не только изучить, но узнать его вполнѣ. Чтобъ узнать его въ такой степени, полезно, иногда необходимо, изложить его письменно. Написавъ и зная, всего лучше разорвать листъ; а иногда написать вторично, если какой-нибудь отдѣлъ ускользнулъ отъ васъ. Матеріалъ рѣчи то же, что матеріалъ зданія. Каждая часть въ отдѣльности можетъ имѣть достоинства, но эффектъ производится только совокупностію ихъ размѣщенія. Буало сказалъ: d'un mot mis à sa place enseigna le pouvoir. Эта постановка на свое мѣсто еще существеннѣе для массы идей. Потому прежде всего вы должны изучить и знать это размѣщеніе. связь и сплетеніе вашихъ идей. Въ этомъ отношеніи есть два рода памяти: память формы, механическая, матеріальная, состоящая въ томъ, чтобы помѣстить въ головѣ нѣкоторую послѣдовательность фразъ. Это память какъ развиваютъ ее въ дѣтяхъ, такова память и заурядныхъ составителей проповѣдей. Этимъ способомъ пользовались въ собраніи иногда Шампаньи, Бюро-де-Пюзи, молодой Богарне произнося заученыя рѣчи, которыя можно было счесть импровизованными. Другая память, которою вы должны заняться, есть память распредѣленія и связи идей. Ее разрабатывали и разрабатывали всѣ великіе ораторы судебной каѳедры. Если вы спокойны относительно совокупности самого предмета, то не заботьтесь о чертахъ болѣе или менѣе блестящихъ, какія привлекали ваше воображеніе. Онѣ явятся сами собою, на своемъ мѣстѣ“.

V.

Другой защитникъ монархіи, оригинальный, разсѣянный, мечтательный, совершенно безкорыстно патріотическій, повидимому неожиданно для самого себя ощутилъ въ себѣ огонь ораторскаго таланта и выступилъ на борьбу. „Природа, говорилъ Мори о Казалесѣ (Cazalès), дала ему то, что̀ другимъ доставляетъ искусство. Я зналъ многихъ офицеровъ его полка. Что̀ разказывали они о его лѣности, беззаботности, любви къ разсѣяніямъ и удовольствіямъ невообразимо. Сомнѣвались, чтобъ этотъ человѣкъ могъ во всю жизнь прочесть хоть одну книгу отъ доски до доски. Но онъ ничего не забылъ изъ того, что̀ прочелъ. Что̀ другіе выучиваютъ,—онъ угадываетъ“.

„Не знаю, отвѣчаетъ Монлозье, писалъ ли Казалесъ свои рѣчи; не думаю, чтобъ у него достало на то терпѣнія. Но онъ обдумывалъ предметъ, обращая его со всѣхъ сторонъ въ своей крѣпкой головѣ. Тамъ строилъ онъ отдѣлы рѣчи и размѣщалъ ихъ. А потомъ, по соглашенію съ нѣсколькими друзьями, произносилъ предъ ними свою рѣчь, нарочно заставляя прерывать себя. Если не былъ доволенъ въ первый разъ, начиналъ снова, пока не чувствовалъ себя крѣпкимъ и не видѣлъ, что друзья довольны. Съ удивительною въ такомъ лѣнивомъ и вмѣстѣ неудержимомъ человѣкѣ настойчивостію онъ продѣлалъ эту школу въ теченіе трехъ мѣсяцевъ у барона Batz. Наконецъ, достигъ того, что могъ составлять рѣчи одинъ. Болѣе чѣмъ успѣхъ въ публикѣ, ему доставляла удовольствіе надежда превзойти аббата Мори, съ которымъ дѣйствительно иногда сравнивался, котораго иногда превосходилъ“. Эгоистическихъ пружинъ у Казалеса не было. „Онъ страстно желалъ блага своей странѣ, твердо вѣрилъ въ возможность такого устройства, при которомъ это благо могло бы быть достигнуто. Эта вѣра въ новый порядокъ вещей долго его преслѣдовала. Она покинула его только послѣ плѣненія короля въ Версалѣ. И тотчасъ, сколько мы, его друзья, ни настаивали, онъ отказался отъ трибуны и покинулъ Францію. Относительно же самого себя беззаботность во всемъ не могла идти далѣе. Онъ никогда не справлялся, какъ его рѣчи переданы въ журналахъ, не были ли искажены и подмѣнены. Таковъ онъ былъ во всемъ, что̀ его касалось. Я не помню, чтобы когда-нибудь видѣлъ его не въ крайне небрежномъ костюмѣ. Что касается шляпы, то едва ли можно было назвать этимъ именемъ его измятый и продранный шлюпикъ. Отъ времени до времени онъ подтягивалъ панталоны валившіяся съ колѣнъ. При такомъ одѣяніи, съ его толстою, довольно безобразною фигурой онъ тѣмъ не менѣе блескомъ глазъ и благородствомъ осанки внушалъ почтеніе.“

Видное мѣсто между роялистами, не по ораторскому таланту, но по открытому образу дѣйствій, типическимъ и вмѣстѣ оригинальнымъ чертамъ, занималъ виконтъ Мирабо, прозванный *бочкою* (Mirabeau-Tonneau) вслѣдствіе его чрезвычайной толщины; большой обжора, выпивавшій къ концу обѣда, послѣ бутылки бордо, почти цѣлую бутылку ликера. Вмѣстѣ съ тѣмъ храбрый, замѣчательно острый на слова. Онъ устроилъ обѣды у ресторатора Массе въ Пале-Роялѣ. Говорили, конечно, о политическихъ событіяхъ; остроты сыпались за остротами. Пришло въ голову ихъ записывать. Такъ составился памфлетъ, выдававшійся подъ названіемъ *Обѣды виконта Мирабо*. Это было начало изданія *Actes des apôtres*, для котораго былъ приглашенъ литераторъ Пельтье и въ которомъ принимали участіе Монлозье, Бергасъ, Бонне и другіе. Какъ всѣ замѣтные роялисты, виконтъ Мирабо не разъ подвергался оскорбленіямъ и опасностямъ. Разъ послѣ обѣда онъ высунулся изъ окна подышать воздухомъ. Сейчасъ толпа, сперва въ двадцать, затѣмъ во сто, въ тысячу человѣкъ. Крики: долой Мирабо-бочку! Полетѣли камни. Мирабо поднялъ камень, положилъ на окно и смотрѣлъ на толпу. Шумъ увеличивался. Послали за Бальи. Монлозье и Бальи едва оттащили Мирабо отъ окна. Бальи сошелъ внизъ уговаривать „народъ“. Обѣдать въ Пале-Роялѣ оказалось не безопасно, да и ресторatorъ просилъ избавить отъ посѣщеній, которыя дорого могли ему обойтись. Выбрали новое помѣщеніе. Оказалось около рынка. Продавцы припасовъ были недовольны, что кареты останавливались предъ ихъ лавочками. Безъ сомнѣнія, нашлись охотники подшелнуть. Рынокъ пришелъ въ волненіе, и когда участники обѣдовъ стали разъ съѣзжаться, ихъ встрѣтили криками; кидали даже каменья и что̀ попало. Монлозье свидѣтельствуетъ, что на его долю въ голову попало три моркови и два кочана капусты. „Но виконтъ Мирабо, говоритъ Монлозье, былъ въ восторгѣ. Въ ресторанѣ онъ дѣлалъ уже распоряженія приготовительныя для атаки и защиты. Привыкнувъ командовать солдатами и обучать ихъ, онъ поставилъ насъ въ шеренгу и мы машинально ему повиновались. То же случилось въ собраніи, которое мы имѣли предъ тѣмъ въ монастырѣ Калуциновъ. Въ собраніи шелъ вопросъ объ интересахъ духовенства. Присутствовали главнымъ образомъ старые аббаты и старые епископы. Народъ вошелъ въ садъ; стали бросать камнями въ окна. Мы поднялись въ смущеніи. Виконтъ Мирабо пробѣжалъ по рядамъ крича: „стройся, господа, стройся“. И вотъ кардиналъ Ларошфуко и другіе епископы стали дѣйствительно строиться. Я удерживался, но не могъ не расхохотаться“. Любопытныя черты старой Франціи!

Виконтъ Мирабо былъ секретаремъ Собранія въ эпоху послѣ 14 іюля, когда со всѣхъ сторонъ приходили поздравительные адресы.

Объ исторіи этихъ адресовъ находимъ у Бертрана де-Молевиля (*Hist.* II, 70) слѣдующія любопытныя строки. „Эти адресы, говоритъ онъ, составлявшіеся въ Версалѣ бретонскимъ клубомъ, посылались въ провинціи къ довѣреннымъ агентамъ клуба, съ приказаніемъ возвращать ихъ, собравъ сколько удастся подписей. Но всѣ адресы противнаго содержанія тщательно устранялись. Они были собраны виконтомъ Мирабо, бывшимъ тогда секретаремъ Собранія и остававшимся въ этой должности около шести недѣль Онъ имѣлъ намѣреніе обнародовать сравнительный списокъ адресовъ *за* и *противъ* и доказать точнымъ исчисленіемъ подписей, что число недовольныхъ и жаловавшихся много превосходило число панегиристовъ Собранія. Но сцены, какія виконтъ Мирабо имѣлъ публично съ нѣкоторыми изъ вожаковъ партіи мятежа и его горькія насмѣшки надъ революціей и ея творцами, всякій день заставляли его ждать, что домъ его будетъ разнесенъ чернью. Потому онъ передалъ свои бумаги и въ томъ числѣ коллекцію этихъ адресовъ президенту Фрондевилю. Фрондевиль самъ разбиралъ ихъ и сравнивалъ съ итогами всѣхъ подписей, составленными по порученію виконта Мирабо за большое вознагражденіе однимъ чиновникомъ архива по отношенію къ адресамъ, какіе были прочтены въ Собраніи. Фрондевиль увѣрялъ меня, что въ эту эпоху число неодобреній на пятую долю превосходило число одобреній. Когда трудъ былъ конченъ, быстрота постулательныхъ шаговъ революціи сдѣлала его безполезнымъ и помѣшала его обнародованію“.

VI.

Мы не говорили еще о депутатахъ крайней лѣвой стороны, гдѣ засѣдали Робеспьеръ и Петіонъ (Pétion). Ихъ дѣятельность въ первую эпоху Собранія имѣла слишкомъ мало значенія. Петіона вовсе не было слышно. Робеспьеръ, депутатъ города Арраса, неуклонно съ самаго начала старался обратить на себя вниманіе, но въ Собраніи не имѣлъ успѣха. Сопоставляя его со знаменитымъ депутатомъ Прованса (Мирабо) говорили: „Le flambeau de la Provence,—la chandelle d'Arras“. Всѣ свидѣтельства современниковъ единогласны въ изображеніи Робеспьера, какъ оратора и государственнаго человѣка крайнею посредственностію. Стоитъ прочесть собраніе его рѣчей или, какъ озаглавлено ихъ изданіе, сочиненій, чтобъ убѣдиться въ справедливости этого приговора. Они отличаются скуднымъ запасомъ понятій и бездарнымъ декламаторствомъ. На много ступеней надлежало спуститься націи, чтобы во главѣ ея могъ стать человѣкъ съ талантомъ Робеспьера. Была же однако какая-нибудь тайна невѣроятнаго успѣха, побудившая потомъ историковъ изображать эту ро-

ковую посредственность титаномъ революціи. Политическихъ убѣжденій въ смыслѣ какой-нибудь государственной доктрины у Робеспьера не было. Неутомимый врагъ всякихъ прерогативъ короны, онъ въ первые годы революціи не былъ однако республиканцемъ, и когда къ концу 1791 года низложеніе короля и необходимость республиканской формы правленія сдѣлались общимъ кличемъ передовой журналистики и клубовъ, онъ въ адресѣ къ Французамъ (*Adresse de Maximilien Robespierre aux Français*, 1791 при концѣ Конституанты) вынужденъ былъ какъ бы оправдывать себя, говоря: „Что касается монарха, я не раздѣлялъ ужаса какой титулъ короля внушаетъ почти всѣмъ свободнымъ народамъ. Лишь бы нація была поставлена на его мѣсто и данъ былъ бы свободный полетъ патріотизму, порожденному природой нашей революціи, я не боялся монархіи (royauté) и даже наслѣдственности королевской должности въ одномъ семействѣ. Я думалъ только, что надлежало не преклонять величества народа предъ его уполномоченнымъ чрезъ рабское обожаніе и отвратительный языкъ“. Редакція *Парижскихъ Ревомоцій* (*Révol. de Paris*, IX, 226) сочла даже необходимымъ выразиться по поводу такого заявленія ея героя: „Роковыя общественныя приличія! это вы, безъ сомнѣнія, лопортили эгиду непроницаемаго Робеспьера! Предъ ленатами своими онъ отвергаетъ конечно это утвержденіе, опровергаемое на каждой страницѣ исторіи человѣка въ обществѣ“. Вожакъ на пути разрушенія конституціи, появившейся наконецъ на свѣтъ осенью 1791 года послѣ тяжелыхъ родовъ, осмѣянныхъ въ извѣстной карикатурѣ, Робеспьеръ въ первое время выступилъ ея защитникомъ и началъ издавать не имѣвшій успѣха журналъ *Défenseur de la Constitution*, гдѣ писалъ: „Предпочитаю видѣть народное представительное собраніе и гражданъ свободныхъ и уважаемыхъ съ королемъ во главѣ, чѣмъ рабовъ униженныхъ подъ ярмомъ аристократическаго сената и диктатора. Не въ словахъ *республика* и *монархія* заключается рѣшеніе великой соціальной задачи“ (*La rév. de thermidor*, par D'Héricault, 1876, стр. 25). Кодексъ своихъ политическихъ убѣжденій Робеспьеръ заключалъ въ объявленіи правъ, какъ оно было сдѣлано Собраніемъ. „Начала, говоритъ онъ въ адресѣ, которыя я принесъ въ Собраніе и постоянно поддерживалъ, свидѣтельница вся Франція, тѣ кои Собраніе торжественно признало въ объявленіи правъ. Признаюсь, я никогда не смотрѣлъ на это объявленіе какъ на пустую теорію“. Истинный интересъ Робеспьера и его соратниковъ сосредоточивался, по выраженію Луве, „не на вещахъ, а на лицахъ“. „Вы никогда не говорили, свидѣтельствуетъ Луве (жирондистъ, авторъ *Фоблаза*) обращаясь къ соратникамъ Робеспьера, – о вещахъ, и всегда о лицахъ, о хорошихъ депутатахъ, чтобы сдѣлать на нихъ доносъ, о вашихъ приверженцахъ, чтобы пріобрѣсть имъ популярность“.

Было, впрочемъ, одно начало, котораго Робеспьеръ держался неуклонно: неприкосновенность „народа“, то-есть мятежныхъ шаекъ. Защита мятежниковъ постоянно на устахъ Робеспьера. Это безусловное адвокатство мятежа было главнымъ источникомъ популярности Робеспьера и прославленія его добродѣтели и „неподкупности“. „И все то сводится къ нѣсколькимъ сожженнымъ замкамъ“, говорилъ онъ въ засѣданіи 22 февраля 1790 года, когда въ Собраніи было обращено вниманіе на грабежи и пожары, опустошавшіе Францію. Когда 9 февраля того же 1790 года Робеспьеръ предлагалъ мѣры кротости противъ „народа“, жегшаго замки, Эпремениль замѣтилъ: „Не оскорбляйте имя народа, говорите: разбойники. *Робеспьеръ.* Я скажу, если угодно, граждане, которые жгутъ замки. *Фуко,* говорите: разбойники“ (*Merc. de Fr.* 1790, № 8).

„Народъ“ Робеспьера и другихъ революціонеровъ не есть, впрочемъ, дѣйствительная народная масса, живущая въ селахъ и городахъ, трудящаяся, несущая тяготу повинностей, съ ея вѣрованіями, страданіями, радостями. Народъ для нихъ или мятежныя шайки, служащія орудіемъ ихъ революціонныхъ плановъ, ими же направляемыя и возбуждаемыя и ихъ привѣтствующія какъ своихъ вожаковъ; или нѣкоторое воображаемое отвлеченное существо, уполномочившее ихъ быть глашатаями его желаній и велѣній. Когда выступалъ дѣйствительный народъ съ его истинными желаніями, онъ былъ обыкновенно нежеланнымъ гостемъ и подвергался поруганію какъ неразумное стадо. Прочтемъ что писалъ, напримѣръ, Камиль Демуленъ въ *Histoire secrète de la Révolution* (*Oeuvr.* I, 350) по поводу движенія въ Вандеѣ. „Послѣтимъ открыть начальныя школы. Одно изъ преступленій Конвента, что онѣ еще не заведены. Еслибы въ деревняхъ на креслѣ священника былъ народный учитель, который бы объяснялъ права человѣка и альманахъ дяди Жерара, кора предразсудковъ, этой проказы ума человѣческаго, слала бы съ головы Нижне-Бретонцевъ. Мы не были бы свидѣтелями, среди свѣта вѣка и націи, этого явленія тьмы въ Вандеѣ, Кемперъ-Корантенѣ (Quimper-Corentin) и Ланжюине, гдѣ крестьяне говорятъ коммиссарамъ Конвента: „„гильйотинируйте меня скорѣе, чтобъ я воскресъ чрезъ три дня““. Подобные люди безчестятъ гильйотину, какъ нѣкогда висѣлицу безчестили собаки, взятыя вмѣстѣ съ контрабандистами и повѣшенныя рядомъ со своими хозяевами. Не понимаю какъ можно серіозно осуждать на смерть *этихъ животныхъ съ человѣческимъ лицомъ*; за ними можно только гоняться, и не какъ на войнѣ, а *какъ на охотѣ*. А что касается взятыхъ въ плѣнъ, лучше бы всего вымѣнивать ихъ на ихъ быковъ изъ Пуату. Вмѣсто коллежей съ Греками и латынью, заключаетъ Камиль Демуленъ, пусть бы были въ кантонахъ даровыя ремесленныя училища“. Наивный деревенскій людъ не народъ. Городскіе голоштанники (sans-culottes)—народъ: отвратительныя мегеры, ханжи Робеспьера, les dévotes de Robespierre, цѣловавшія лолы его одежды, когда онъ проходилъ въ клубъ Якобинцевъ,—народъ. Когда въ 1791 году была наконецъ провозглашена желанная *конституція*, партія революціоннаго движенія, перегоняя Робеспьера, поспѣшила объявить ее мертворожденнымъ дѣтищемъ и болѣе всего опасалась, чтобы „нація“ какъ-нибудь не удовлетворилась этимъ уродливымъ компромиссомъ со властію. Въ распространеннѣйшей революціонной газетѣ (*Révol. de Paris,* 8 октября 1791, т. X, 3) читаемъ по адресу къ „патріотамъ“ второй, тогда собиравшейся, палаты: „Опасности какимъ подвергались ваши предшественники меньше тѣхъ, кои грозятъ васъ ослабить. Въ ихъ время деспотизмъ обнаруживалъ себя наголо. Теперь онъ надѣнетъ маску популярности. Предъ вашими предшественниками былъ одинъ врагъ. У васъ скоро можетъ-быть будутъ два: деспотизмъ и *народъ*. Замѣтьте—дворъ уже старается стакнуться съ народомъ, бывшимъ главною силой перваго собранія и могущимъ обратиться въ орудіе противъ втораго. Нація утомлена; если не остережетесь, она готова вернуться къ старымъ привычкамъ. Вы должны возобновить въ памяти тѣ первыя минуты энергіи, одно воспоминаніе о которыхъ заставляетъ блѣднѣть дворъ“. Вотъ какъ понимали „народъ“ въ революціонномъ лагерѣ.

Былъ еще мотивъ, проходившій чрезъ всю дѣятельность Робеспьера: ненависть и неудержимая злоба лично по отношенію ко всякому стоящему выше его во власти и значеніи. Для него всѣ, кто выдвигались предъ нимъ, были не только слабыя души, не удовлетворяющія требованіямъ революціоннаго идеала, падкія на всякія прельщенія, но прямо мерзавцы и измѣнники. Одинъ онъ неподкупенъ и непоколебимъ. Въ злобѣ доносовъ, лживыхъ обличеній, всякихъ инсинуацій Робеспьеръ становился краснорѣчивымъ и производилъ впечатлѣніе на толпу. Чтобы показать какъ мало стѣснялся Робеспьеръ истиной когда шло дѣло объ обличеніи враговъ, довольно привести слѣдующій куріозный фактъ. Послѣ страшнаго избіенія 10 августа 1792 года явно подкупленными злодѣями, Робеспьеръ, явясь предъ Законодательнымъ Собраніемъ во главѣ депутаціи отъ коммуны, говорилъ между прочимъ: „Но виновнѣйшіе изъ заговорщиковъ не показались 10 августа. Эти люди, прикрывающіеся маскою патріотизма, чтобъ убить патріотизмъ, этотъ Лафайетъ, который можетъ-быть *не былъ* въ Парижѣ 10 августа, *но могъ быть*, неужели избѣгнутъ они національнаго отмщенія?“ (Wallon, *Hist. du trib. rév.* I, 5). Лафайетъ *не былъ*, но *могъ быть* и потому долженъ быть казненъ. Такова логика революціоннаго приговора Робеспьера!

Вотъ какъ, между прочимъ, „добродѣтельный“ Робеспьеръ обличаетъ въ своемъ „адресѣ“ своихъ революціонныхъ сочленовъ, болѣе

его вліятельныхъ въ Собраніи, по тому случаю, что они возмутились газетнымъ искаженіемъ событій на Марсовомъ Полѣ 17 іюля 1791 г., когда Лафайетъ и Бальи вынуждены были объявить противъ мятежнаго сборища законы военнаго положенія, а національ-гардамъ пришлось стрѣлять въ бросавшую камни толпу. „Я не могъ, инсинуируетъ Робеспьеръ, раздѣлять мысли Дюлора, что слава представителей націи въ томъ, чтобы противиться общественному мнѣнію; я не могъ какъ Барнавъ сказать, что общественное мнѣніе есть не иное что, какъ жужжаніе (bourdonnement) возбужденное нѣсколькими журналистами, *можетъ-быть подкупленными*". *Парижскія революціи* слѣпатъ подхватить „разоблаченія" Робеспьера и восклицаютъ: „Какъ! Они осмѣливаются говорить о журналистахъ можетъ-быть подкупленныхъ... они, на счетъ кого намъ къ несчастію не приходится уже сказать *можетъ-быть*"!

Въ статьѣ о якобинцахъ, въ журналѣ *Минерва* (*Minerva*, III, August 1792) нѣмецкаго писателя Архенгольца живо изображена, очевидцемъ, дѣятельность Робеспьера и Петіона въ клубѣ якобинцевъ, бывшемъ главною ареной ихъ подвиговъ. Картина относится къ 1792 году. „Кто же были, сказано въ статьѣ, эти вожаки господствовавшіе надъ Франціей въ 1792 году въ страшный періодъ революціи? Отвѣтъ есть сатира на наше время и на человѣчество. Наблюдатель вынужденъ сказать: нѣсколько интригановъ, по знаніямъ и талантамъ самыхъ ограниченныхъ людей, поддержанныхъ другими, еще болѣе невѣжественными и бездарными людьми, безъ нравственности и образованія, имѣвшими за собою одну заслугу—выставляться въ собраніяхъ необузданными страстями, дѣлать отчаянныя предложенія и съ дикими тѣлодвиженіями выкрикивать съ ораторской трибуны сентенціи о свободѣ... Андрей Шенье говорилъ справедливо, что самый ѣдкій пасквиль на якобинцевъ—ихъ собственный журналъ... Вожаки якобинцевъ, господствующіе въ ихъ обществѣ и имѣющіе въ немъ партіи, нынѣ суть: Петіонъ, Робеспьеръ, Бриссо, Колло д'Эрбуа (Collot d'Herbois), Мерленъ (Merlin). Карра". Изъ нихъ Петіонъ, Робеспьеръ, Мерленъ де-Тіонвиль были членами Національнаго Собранія, Бриссо и Карра журналисты, Колло д'Эрбуа странствующій актеръ.

„Петіонъ, болѣе талантливый чѣмъ Робеспьеръ, болѣе его безстыдный и предпріимчивый, къ тому же отлично сложенный имѣетъ потому успѣхъ у женщинъ, чрезъ революцію ничего не утратившихъ отъ прежняго господства. Это человѣкъ по истинѣ съ мѣднымъ лбомъ. Имя его священно якобинцамъ, и простой кивокъ его производитъ на общество болѣе дѣйствія чѣмъ часовыя рѣчи другихъ его любимцевъ. Я видѣлъ разъ какъ въ Собраніи тотчасъ исчезли съ головъ членовъ красныя шапочки, обязательное ношеніе которыхъ

только что собирались вотировать (къ скандалу неувлеченныхъ, такая шапочка была въ ту минуту даже на головѣ министра Дюмурье). исчезли потому, что пришло письмо отъ Петіона, который отсовѣтывалъ этотъ обычай. Съ тѣхъ поръ какъ Петіонъ сталъ мэромъ, онъ не часто является въ общество, но когда появится, принимается съ великимъ почтеніемъ, а письма его, которыя онъ присылалъ во время засѣданій, прочитывалъ немедленно съ отложеніемъ въ сторону всѣхъ другихъ дѣлъ. Петіонъ и Робеспьеръ близкіе друзья и дѣйствуютъ повидимому въ согласіи. Робеспьеръ не пропускаетъ ни одного засѣданія и каждый разъ говоритъ. Онъ самый любимый народомъ якобинскій ораторъ, и его выслушиваютъ прежде всѣхъ, хотя бы другіе по правиламъ общества имѣли предъ нимъ первенство рѣчи. Сознавая такое благоволеніе, онъ нерѣдко отлагаетъ въ сторону всякое приличіе. Началъ уже кто-нибудь рѣчь, онъ взбѣгаетъ на трибуну, отталкиваетъ говорящаго, кто бы онъ ни былъ, ударяетъ обѣими руками по люльпитру и ждетъ исхода, не обращая вниманія на уговариванія и напоминанія предсѣдателя. Исходъ всегда бываетъ въ его пользу, какъ только преданный ему или боящійся его предсѣдатель пускаетъ на голоса вопросъ о правѣ рѣчи Только разъ видѣлъ я какъ онъ со стыдомъ и раздраженіемъ покинулъ поле битвы, когда хотѣлъ занять мѣсто извѣстнаго законодателя Гаде, а президентъ Ласурсъ требовалъ соблюденія очереди, грозя закрыть иначе засѣданіе. Робеспьеръ говоритъ лучше всѣхъ якобинскихъ ораторовъ. Никто, какъ онъ, не умѣетъ привлечь чернь рѣзкими декламаціями, разукрашенымъ вольнорѣчіемъ, угодливыми предложеніями, нахальнѣйшими утвержденіями и всяческимъ опозореніемъ противниковъ якобинскаго общества. Все это излагается очень понятнымъ языкомъ и не по бумажкѣ, а на память и съ подходящими тѣлодвиженіями." Авторъ статьи былъ въ засѣданіи (въ маѣ 1792) когда Робеспьеръ громилъ, какъ измѣнниковъ и ложныхъ патріотовъ, жирондистовъ Бриссо, Кондорсе, Верньйо и Гаде „Языкъ бѣденъ чтобы набросать хоть тѣнь того что происходило. Тысячи безумныхъ разомъ сорвавшихся съ цѣпи и выкликивающихъ табашъ свой свободы могутъ дать развѣ только слабое понятіе о сборищѣ въ 2.300 человѣкъ, и коихъ большая часть казалась дѣйствительно въ состояніи безумія. Разоблачить Робеспьера было нетрудно, и обвинявшіеся имъ сдѣлали это съ большою горечью и на основаніи убѣдительнѣйшихъ аргументовъ. Но приверженцы Робеспьера не хотѣли ничего слышать Непредубѣжденные слушатели настаивали однако на доведеніи оправданія до конца. Всѣ были на ногахъ, кричали во всю глотку, пищали, ревѣли, свистали въ раздирающія уши дудки, хлопали въ ладоши, стучали ногами. Робеспьеръ сидѣлъ блѣдный какъ мертвецъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, по лѣвую руку предсѣдателя, и напря-

гался казаться хладнокровнымъ. Наконецъ, онъ сбросилъ и эту маску, устремился на противниковъ, взбѣжалъ на трибуну, оттолкнулъ стоявшихъ тамъ, поднялъ руки въ позѣ распятаго и требовалъ слова въ какомъ ему отказывали противныя партіи. Это было послѣднимъ знакомъ выступить тѣмъ кто начинали уже терять присутствіе духа среди невыразимаго оглушенія. Болѣе тысячи зрителей удалились, и тогда началъ говорить Робеспьеръ, оставшись послѣднимъ на сценѣ и стараясь загладить сколько можно было впечатлѣніе произведенное высказанною правдой."

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Краснорѣчіе въ собраніи и аргументы улицы.

I. Впечатлѣнія иностранцевъ въ собраніи: Карамзинъ, Коцебу—II. Аргументъ уличнаго мятежа. Дуэли между членами собранія.—III. Эпизодъ Мори съ разнощикомъ газетъ.—IV. Парижскія впечатлѣнія Коцебу, въ 1790 году.

Два иностранныхъ путешественника присутствовали на засѣданіяхъ Національнаго Собранія и записали свое впечатлѣнія: Карамзинъ и Коцебу. Карамзинъ находился въ Парижѣ весною 1790; Коцебу, въ концѣ этого года и въ началѣ 1791. Карамзинъ былъ дважды въ Національномъ Собраніи. Скажу вамъ, повѣствуетъ онъ въ письмахъ русскаго путешественника,—нѣчто о парижскомъ народномъ Собраніи, о которомъ такъ много пишутъ теперь въ газетахъ. Въ первый разъ пришелъ я туда послѣ обѣда; не зналъ мѣста, хотѣлъ войти въ большія двери вмѣстѣ съ членами, былъ остановленъ часовымъ, котораго никакія просьбы смягчить не могли, и хотѣлъ уже съ досадою воротиться домой; но вдругъ явился человѣкъ въ темномъ кафтанѣ, собою очень некрасивый, взялъ меня за руку, и сказавъ: allons, m-r, allons! ввелъ въ залу. Я окинулъ глазами всѣ предметы. Большая галлерея, столъ для президента и еще два для секретарей по сторонамъ; напротивъ каѳедра; кругомъ лавки, одна другой выше; вверху ложи для зрителей. Засѣданіе еще не открывалось. Вокругъ меня было множество людей, по большей части неопрятно одѣтыхъ, съ растрепанными волосами, въ сюртукахъ. Шумѣли, смѣялись около часа. Зрители хлопали въ ладони, изъявляя нетерпѣніе. Наконецъ, тотъ самый человѣкъ, который ввелъ меня *), подошелъ къ президентскому столу, взялъ колокольчикъ, зазвонилъ — и всѣ, закричавъ: по мѣстамъ! по мѣстамъ!

---

* Это былъ Рабо-Сентъ-Этьенъ.

разбѣжались и сѣли. Одинъ я остался среди залы, подумалъ что мнѣ дѣлать, и сѣлъ на ближней лавкѣ; но черезъ минуту подошелъ ко мнѣ церемоніймейстеръ въ черномъ кафтанѣ, и сказалъ: „вы не можете быть здѣсь!". Я всталъ и перешелъ на другое мѣсто. Между тѣмъ, одинъ изъ членовъ, г. Андрѐ, читалъ на каѳедрѣ предложеніе военной коммисіи. Его слушали съ довольнымъ вниманіемъ; я также, но не долго, потому что проклятый черный кафтанъ опять подлетѣлъ ко мнѣ и сказалъ: „государь мой! вы, конечно, не знаете что въ этой залѣ могутъ быть только одни члены". „Куда же мнѣ дѣваться?" — „Подите въ ложи". — „А если тамъ нѣтъ мѣста?" — „Подите домой, или куда вамъ угодно".

„Я ушелъ; но въ другой разъ высидѣлъ въ ложѣ 5 или 6 часовъ, и видѣлъ одно изъ самыхъ бурныхъ засѣданій. Делутаты духовенства предлагали, чтобы католическую религію признать единственною или главною во Франціи. Мирабо ослаблялъ, говорилъ съ жаромъ, и сказалъ: „я вижу отсюда то окно, изъ котораго сынъ Катерины Медичисъ стрѣлялъ въ протестантовъ!". Аббатъ Мори вскочилъ съ мѣста и закричалъ: „вздоръ! ты отсюда не видишь его". Всѣ члены и зрители захохотали во все горло. Такія непристойности бываютъ весьма часто. Вообще въ засѣданіяхъ нѣтъ нималой торжественности, никакого величія; но многіе риторы говорятъ краснорѣчиво. Мирабо и Мори вѣчно единоборствуютъ, какъ Ахиллесъ и Гекторъ".

Засѣданіе, которое описываетъ Карамзинъ, было 13 апрѣля 1790 года. Интересно, что объ остроумной выходкѣ Мори, охладившей впечатлѣніе ораторскаго паѳоса Мирабо, не упоминается въ изданіяхъ эпохи при отчетахъ о бурномъ засѣданіи 13 апрѣля. Фраза Мирабо приводится и въ „Монитёрѣ", и въ „Парижскихъ Революціяхъ", но о перерывѣ Мори умалчивается. Карамзинъ разсказываетъ какъ очевидецъ, и въ вѣрности факта сомнѣваться нельзя. Но даже въ сравнительно точномъ „Монитёрѣ" рѣчи ораторовъ лѣвой стороны всегда передаются и полнѣе, и украшеннѣе, чѣмъ рѣчи ихъ противниковъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ нашей литературѣ,—кажется, съ легкой руки Бѣлинскаго,—принято съ нѣкоторымъ презрѣніемъ относиться къ письмамъ изъ Франціи Карамзина, находить замѣтки его крайне поверхностными, и противополагать имъ болѣе будто бы солидныя наблюденія и замѣчанія Фонвизина о его пребываніи во Франціи. Это едва-ли справедливо. Все что писалъ Карамзинъ изъ Франціи, писано имъ въ томъ же легкомъ и изящно-литературномъ тонѣ, какъ и всѣ другія его „Письма". Но наблюденія его мѣтки и цѣнны. Авторъ интересно составленной книги „Парижъ въ 1789 году", изданной къ столѣтію революціи, г. Бабо, довольно широко пользовался письмами Карамзина. Въ письмахъ Фонвизина, напро-

тивъ, въ такой мѣрѣ проглядываетъ желчное недовольство, что очень позволительно сомнѣніе въ безпристрастіи и правдивости сообщаемаго. Не въ томъ-ли, однако, дѣло, что Карамзинъ не восторгается революціею, и слѣдовательно, „не оцѣнилъ“ будто бы важности событія, тогда какъ желчные отзывы Фонвизина могутъ служить къ вящему обличенію „стараго порядка“?

Посѣщеніе Коцебу относится къ началу 1791 года. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по смерти жены, Коцебу, желая разсѣяться предпринялъ въ концѣ 179) года поѣздку въ Парижъ и потомъ описалъ ее въ сочиненіи: *Мое бѣгство въ Парижъ въ зимніе мѣсяцы 1790 года (Meine Flucht nach Paris im Wintermonat 1790.* Kotzebue, Kleine gesamm. Schriften. Leipzig 1790. IV). Наблюденія Коцебу относятся болѣе къ тому, что онъ видѣлъ на улицѣ и въ общественныхъ мѣстахъ. Разъ онъ былъ въ Собраніи.

Въ Собраніе пускали по билетамъ. Истративъ шесть франковъ, Коцебу и его два спутника добыли три билета и 3 января 1791 года отправились въ Собраніе. Отъ воротъ, гдѣ должно было оставить экипажъ, до входа въ Собраніе пришлось пройти два двора. „На одномъ была такая грязь что можно было завязить башмаки, другой былъ полонъ водой. Два Савойяра разложили доски и пропускали по нимъ за плату... Наконецъ приблизились мы къ самому зданію Вслушиваюсь. Свобода уже гремѣла намъ навстрѣчу: шаговъ ло крайней мѣрѣ за двѣсти до лѣстницы до меня долетѣли звуки грубаго смѣха. Смѣхъ шелъ изъ залы Собранія. Насъ провели на галлерею; она вся, по крайней мѣрѣ, въ три человѣческихъ роста, были набита посѣтителями и намъ не удалось за свои шесть франковъ найти удобнаго мѣста. Зала очень длинна и широка. На обѣ стороны по длинѣ амфитеатра возвышаются лавки, на которыхъ сидятъ члены Собранія. Но многіе ходятъ вокругъ, или стоятъ въ среднемъ проходѣ, снуютъ взадъ и впередъ, имѣя въ рукахъ записные листки, на которыхъ отъ времени до времени дѣлаютъ отмѣтки. Споры сегодня были весьма живые. При нашемъ входѣ стоялъ на лѣвой сторонѣ какой-то молодой человѣкъ и декламировалъ противъ духовенства. Говорилъ о какомъ-то священникѣ, который, принося присягу, присоединилъ: „согласно тому что̀ сказалъ епископъ Лиддскій“. По этому поводу произошелъ великій шумъ. Кричали перебивая одинъ другаго, поддразнивая, говоря bons mots и смѣясь неприличнымъ образомъ. Этотъ грубый смѣхъ, часто повторявшійся, казался мнѣ оскорбляющимъ достоинство Собранія, и еслибъ я былъ его членомъ, этотъ хохотъ и насмѣшливыя выходки прогнали бы меня, какъ прогнали теперь въ качествѣ зрителя. Послѣ того какъ послѣдовало торжественное заключеніе: „духовенство должно приносить присягу безъ ограниченій“ Собраніе перешло къ вопросу о свидѣтельскихъ показаніяхъ. Я уже ма о интересовался происходившимъ и ушелъ. Пришелъ я въ Собраніе

съ большими ожиданіями, удалился, унеся самый мизерный образъ въ душѣ.“

Въ изданіи Архенхольца *Минерва*, въ первомъ томѣ 1792 года (*Minerva*, ein Journal von Archenholtz, Berlin, 1792, стр. 27) есть также любопытная картинка втораго Національнаго Собранія (Законодательнаго). Авторъ статьи, находясь въ Парижѣ, былъ 29 октября 1791 года, вскорѣ послѣ открытія Законодательнаго Собранія, въ одномъ изъ его засѣданій. Извѣстно что члены этого втораго собранія были, согласно постановленію перваго,-всѣ новые, не засѣдавшіе въ Конституантѣ. Это были, замѣчаетъ Авторъ, „большею частію молодые люди, отличавшіеся въ ихъ провинціяхъ болѣе горячностью къ конституціи, чѣмъ свѣдѣніями, болѣе юркою живостью чѣмъ, разумѣніемъ и которые были, главное, лишены всякой опытности. Въ поведеніи многихъ изъ нихъ какъ внутри, такъ и внѣ собранія, проглядывала недостаточность образованія. По большей части они были изъ бѣдныхъ и могли потому рѣшаться на самыя смѣлыя законоположенія, ибо имъ терять было нечего. Парижъ былъ для нихъ невѣдомою страной. И при этомъ они больше всего боялись общества Якобинцевъ съ ихъ огромнымъ вліяніемъ“. Авторъ такъ описываетъ, что̀ видѣлъ. „Для министровъ въ Собраніи противъ президента особая скамья, гдѣ они сидятъ, какъ зрители, могутъ, если хотятъ, слѣдить за преніями, но не имѣютъ право высказывать своего мнѣнія объ обсуждаемыхъ предметахъ если, не будутъ къ тому приглашены. Они сидѣли на своихъ скамьяхъ, какъ и зрители въ галлереяхъ, съ непокрытою головой, тогда какъ напротивъ члены собранія сидятъ покрывшись. Военный министръ, сидя на своемъ мѣстѣ, разбиралъ еще бумаги, когда какой-то дурно одѣтый, по манерамъ судя, неблаговоспитанный юноша, парадировавшій здѣсь какъ законодатель, выступилъ и громкимъ голосомъ обратилъ вниманіе президента на непочтительное поведеніе министра, не встающаго съ мѣста. Предсѣдатель, г. Дю-Кастель, напомнилъ дѣлающему замѣчаніе что еще выслушиваніе министра не началось и что министръ вѣроятно не нуждается въ напоминаніи такого рода. Тотъ впрочемъ немедленно всталъ и приступилъ къ объясненіямъ. Когда присутствовавшій тутъ же министръ юстиціи, Дю Поръ дю Тертръ, отличный патріотъ, хотѣлъ, съ цѣлью поддержать товарища по какому-то спорному пункту, дать ближайшія объясненія и просилъ быть выслушаннымъ, то въ отвѣтъ поднялся страшный шумъ. Какъ ни звонилъ предсѣдатель въ свой большой колокольчикъ, какъ ни кричали пристава, приглашавшіе къ молчанію, шумъ длился нѣсколько минутъ. Когда наконецъ неистовый шумъ прекратился, предсѣдатель формально передалъ желаніе министра быть выслушаннымъ: предложеніе было отклонено огромнымъ большинствомъ голосовъ.“

II.

Въ то время какъ въ залѣ Собранія происходили состязанія краснорѣчія, внѣ его, у входовъ и въ прилегающей мѣстности, толпилась обыкновенно сбродная уличная сволочь, изображавшая собою „народъ“. Толпа эта, собиравшаяся на лущенный призывъ, нерѣдко на приманку розданныхъ тайными агитаторами денегъ, служила къ тому, чтобы придавать, вмѣстѣ съ „публикою“, допущенною въ ложи собранія и нерѣдко состоявшею изъ того же „народа“, вѣсъ революціоннымъ аргументамъ, выставляемымъ ораторами собранія. Мирабо не гнушался прибѣгать къ этой формѣ революціонной риторики. Уличный мятежъ многократно служилъ послѣднимъ и рѣшающимъ аргументомъ для проведенія той или другой революціонной мѣры. И замѣчательно, что дѣйствительная матеріальная сила уличной толпы, и въ первую и въ послѣдующія эпохи революціи, всегда была крайне ничтожна. Успѣхъ опредѣлялся тѣмъ, что ей всегда предоставлялось дѣйствовать безъ отпора и безнаказанно. Аргументъ уличнаго мятежа возведенъ былъ даже въ идеалъ разрѣшенія государственныхъ вопросовъ. Право мятежа создателями первой французской конституціи было признано даже въ числѣ прирожденныхъ правъ человѣка и гражданина. Когда теперь говорятъ о „великихъ началахъ 1787 г.“, принесенныхъ въ міръ революціею, то объ этомъ интересномъ началѣ или правѣ умалчиваютъ. А на дѣлѣ, именно оно-то прежде всего и получило примѣненіе. Въ „Объявленіи правъ человѣка“ 1789 года права эти перечислены (§ 2) такъ: „свобода, собственность, безопасность и *сопротивленіе угнетенію*“. Лафайетъ, — тогда не наученный еще опытомъ, — смѣло возглашалъ: „возстаніе есть священнѣйшій долгъ“, а впослѣдствіи конституція 1793 года въ числѣ основныхъ законовъ поставила: „когда правительство насилуетъ права народа, возстаніе есть для народа священнѣйшее право и неотложнѣйшій долгъ“.

Въ силу такихъ ученій, каждая бунтующая толпа, объявляющая, что она сопротивляется угнетенію или насилію — а ложалуй и безъ такого объявленія — есть толпа, пользующаяся своимъ правомъ. Какъ же ей препятствовать въ ея законномъ пользованіи! Это революціонное начало возстанія въ практическомъ отношеніи много важнѣе — такъ на дѣлѣ и оказалось — чѣмъ провозглашеніе отвлеченныхъ началъ свободы, равенства, общаго блага.

Аргументъ въ формѣ уличнаго мятежа и бунтующей толпы былъ весь въ рукахъ революціоннаго большинства Собранія. „За нами фаланги“, почти признавался Мирабо. Противники стремительнаго теченія революціи, прорывавшаго одну за другою плотины, вчера

еще казавшіяся несокрушимо прочными, оказывались безсильными несмотря на всю логичность и послѣдовательность своихъ аргументовъ, основанныхъ и на теоріи, и на исторіи, и по временамъ блистательно развиваемыхъ въ Собраніи краснорѣчивыми Мори, де-Ка, залесомъ и другими. Не утративъ еще окончательно вѣру въ силу убѣжденія и возможность дѣйствовать аргументами на „общественное мнѣніе“, и помня недавнее наводненіе брошюръ, предшествовавшихъ созванію государственныхъ чиновъ, противники сокрушающаго потока охотно прибѣгали къ изданію брошюръ, памфлетовъ и т. под. Но „общественное мнѣніе“, такъ прославлявшееся въ предъ-революціонную эпоху въ академическихъ рѣчахъ, какъ новая народившаяся великая сила, было уже понятіемъ отсталымъ. Его замѣнило другое понятіе: „народъ“, болѣе подручное, какъ орудіе революціоннаго дѣйствія.

Аристократическое, или точнѣе, дворянское большинство противо-революціонной партіи не было, впрочемъ, ни ораторскимъ, ни литературнымъ. Литературныя претензіи свѣтскихъ людей при „старомъ порядкѣ“ ограничивались помѣщеніемъ гдѣ-нибудь, напримѣръ въ „Mercure de France“, эпиграммъ, шарадъ, загадокъ, стишковъ и тому подобныхъ упражненій свѣтской литературы. И этими упражненіями свѣтскіе люди очень тщеславились. Эта литературная черта отразилась въ противо-революціонномъ изданіи, озаглавленномъ „Дѣянія Апостоловъ“, переполненномъ осмѣиваніемъ въ стихахъ и прозѣ революціонныхъ дѣятелей, осмѣиваніемъ, подчасъ весьма остроумнымъ, благодаря участію Ривароля, въ большинствѣ случаевъ аляповатымъ и мало изящнымъ.

Было качество, особенно рѣзко обозначавшееся въ дворянскихъ рядахъ противо-революціонной партіи. Качество это — личная храбрость, соединенная съ презрѣніемъ къ толпѣ и къ революціоннымъ вожакамъ Собранія. Среди возбужденной уличной толпы члены меньшинства, угрожаемые и оскорбляемые народно, бравировали опасностью. Революціонныя изданія, сваливая съ больной головы на здоровую, обвиняли ихъ въ покушеніяхъ на якобы безоружныхъ гражданъ, и увѣряли, — когда оскорбляемые обращали вниманіе Собранія на дерзкія выходки толпы, — что они будто бы требуютъ для себя свободы оскорблять невинныхъ агнцевъ, бунтовавшихъ на улицѣ. Въ Собраніи правая сторона была не менѣе шумна и невоздержна, какъ и лѣвая. Изъ рядовъ правой сыпались оскорбительныя заявленія и эпитеты: злодѣй, убійца, по адресу революціонеровъ. Можно даже удивляться, что бурныя столкновенія въ Собраніи рѣдко приводили къ дуэлямъ. Въ охотникахъ шпажной или пистолетной расправы въ рядахъ правой не было недостатка. Но дуэль не была въ понятіяхъ и нравахъ революціоннаго большинства Собранія. При-

надлежность и предразсудокъ стараго порядка, дуэль, признавали они,—должна исчезнуть вмѣстѣ съ другими предразсудками въ царствѣ закона, какой имѣетъ водворить революція. „Съ тѣхъ поръ какъ Руссо, писалъ журналистъ Лустало въ „Révolutions de Paris“ по поводу дуэли Барнава съ де-Казалесомъ, — поразилъ предразсудокъ дуэли всѣми молніями логики, краснорѣчія и чувства, только нѣсколько невѣжественныхъ убійцъ по профессіи (spadassins de profession) еще не презираютъ этотъ безсмысленный и преступный обычай.

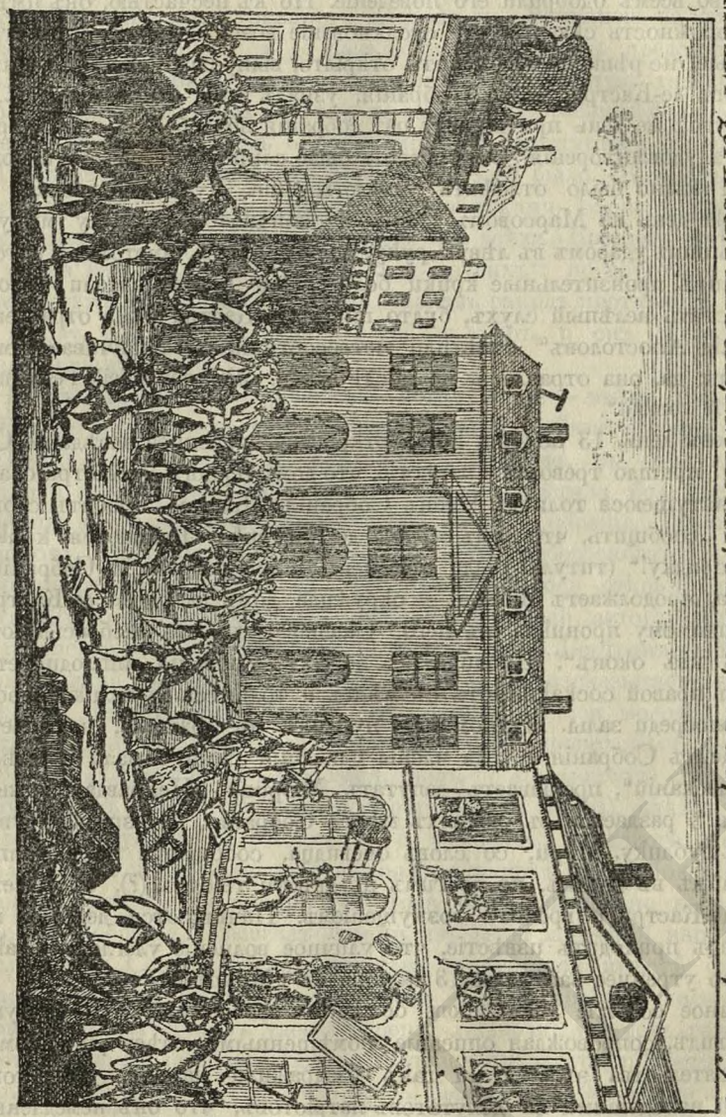
Тѣмъ не менѣе, нѣсколько случаевъ дуэлей было. Казалесъ обозвалъ революціонеровъ наглецами и разбойниками. Барнавъ спросилъ, исключаетъ-ли онъ его, или говоритъ обо всѣхъ. Казалесъ отвѣтилъ, по одной версіи: „васъ не болѣе какъ другихъ“; по другой: — „васъ менѣе, чѣмъ кого-либо“. На дуэли Барнавъ ранилъ противника пулею въ голову. Къ счастью, шляпа ослабила ударъ, и онъ оказался не смертельнымъ.

Черезъ два мѣсяца произошла новая дуэль — между герцогомъ де-Кастри и Шарлемъ де-Ламетомъ. Братья де-Ламетъ, Александръ и Шарль, аристократы по рожденію и связямъ, съ горячностью приняли сторону революціи, и естественно вызывали большое раздраженіе въ рядахъ аристократической части Собранія. Дуэль, повидимому, была подстроена, и можетъ быть небезосновательно подозрѣніе революціонеровъ, что ею предполагалось открыть цѣлый рядъ вызововъ. Современникъ, вообще правдивый авторъ „Исторіи французской революціи“ (изданной въ 1801 году), Бертранъ де-Моллевиль, бывшій министръ Людовика XVI, такъ разсказываетъ происхожденіе дуэли Шарля Ламета. Къ Ламету явился молодой человѣкъ, де-Шовиньи, который въ эпоху, когда происходили выборы въ члены Національнаго Собранія, былъ по предложенію Ламета не допущенъ въ число избирателей округа Сенли (Senlis), какъ неудовлетворявшій условіямъ регламента о выборахъ. Никакого личнаго столкновенія или оскорбленія не было. Съ тѣхъ поръ Шовиньи путешествовалъ. Но 11 ноября 1790 года онъ неожиданно явился къ дверямъ Собранія и вызвалъ Ламета изъ залы засѣданій, напомнилъ о случаѣ въ Сенли, заявилъ, что едва не сдѣлался вмѣстѣ съ другими офицерами жертвою возмущенія отряда подстрекательствами Ламета,—и потребовалъ удовлетворенія. „Шарль де-Ламетъ, говоритъ Бертранъ де-Моллевиль,—тщетно пытался оправдаться. Противникъ, порѣшившій драться, требуетъ, чтобы было назначено мѣсто и время встрѣчи“. „Такъ какъ вы до сегодняшняго дня ждали, чтобы обвинить меня въ томъ, въ чемъ обвиняете, то можете подождать до конца сессіи; тогда я дамъ вамъ удовлетвореніе, но не прежде“.—„Я стану всюду говорить, что вы трусъ“. — „Я не новичекъ: вамъ не повѣрятъ“. — „Новичекъ вы или нѣтъ, но отвѣтъ вашъ — отвѣтъ

труса, и я буду всюду это говорить“. — „Ну, такъ я посовѣтуюсь съ друзьями и поступлю по ихъ совѣту“. Друзья, какъ онъ сказывалъ, во всемъ одобрили его поведеніе. Но къ несчастью, онъ имѣлъ неосторожность сказать, что столкновеніе возбуждено гг. де-Кастри, которые, не рѣшаясь выступить открыто, выпустили г. де-Шовиньи. Герцогъ де-Кастри, членъ Собранія, узналъ объ этихъ словахъ, и на другой же день при выходѣ изъ собранія потребовалъ отъ Шарля Ламета удовлетворенія. Оскорбленіе было слишкомъ серьезно и ново, чтобы можно было отложить удовлетвореніе. Дуэль произошла въ тотъ же день на Марсовомъ Полѣ, и окончилась въ одну минуту небольшимъ ударомъ въ лѣвую руку, полученнымъ Ламетомъ, и исторгнувшимъ пронзительные крики боли“. Эти крики подали поводъ распустить нелѣпый слухъ, будто шпага де-Кастри была отравлена. „Дѣянія Апостоловъ“ отвѣтили четверостишіемъ, оканчивавшимся словами: да, она отравлена, но послѣ дуэли. „J'affirme qu'elle l'est, mais depuis le combat“.

Черезъ день, 13 ноября, когда открылось утреннее засѣданіе Собранія, пришло тревожное извѣстіе, что домъ герцога де-Кастри осажденъ мятущеюся толпою. Членъ Собранія, Дюваль, проситъ слова, чтобы „сообщить, что домъ *герцога* де-Кастри“.. Раздаются крики: „къ порядку!“ (титулы были отмѣнены и воспрещены въ Собраніи). „Толпа, продолжаетъ Дюваль, — окружила домъ *господина* де-Кастри, и повидимому проникла въ него. Сказываютъ, что выбрасываютъ мебель изъ оконъ“. Публика въ ложахъ Собранія апплодируетъ. Члены правой соскакиваютъ съ мѣстъ и толпятся въ великомъ волненіи посреди залы. „Напоминаю публикѣ въ ложахъ“, начинаетъ президентъ Собранія. — „Да члены Собранія сами подали примѣръ рукоплесканій“, прерываетъ депутатъ Мюринэ. „Неправда .. ложь... клевета!“, раздается съ разныхъ мѣстъ Собранія. Президентъ увѣщаетъ публику. Мори, со словъ очевидца, сообщаетъ какъ толпа, по однимъ въ сорокъ, по другимъ въ двѣсти тысячъ (?), окружаетъ домъ де-Кастри и грозитъ возмущеніемъ. Начинаются дебаты, но наконецъ приходитъ извѣстіе, что уличное волненіе улеглось. Такъ описано утреннее засѣданіе 13 ноября въ „Монитёрѣ“.

Уличное событіе „Révolutions de Paris“ изображаютъ въ слѣдующемъ видѣ, сопровождая описаніе помѣщеннымъ здѣсь рисункомъ: „Обстоятельства этой дуэли такъ раздражили народъ, уже утомленный нападеніями на депутатовъ-патріотовъ, что онъ немедленно пришелъ въ движеніе, дабы учинить свое праведное возмездіе надъ этимъ де-Кастри. Потокомъ бѣжалъ онъ, чтобы разрушить домъ де-Кастри до основанія. „Домъ не принадлежитъ ему“, сказалъ одинъ изъ сосѣдей. При этихъ словахъ народъ измѣнилъ намѣреніе, желая наказать только Кастри. Онъ проникнулъ въ домъ; все разбилъ и

EVÉNEMENT QUI A SUIVI LE DUEL, ENTRE MM. CHARLES LAMETH, ET CASTRIES, LE 13. 9.bre 1790

сломалъ: мебель, зеркала, постели, сервизы, серебро, изорвалъ билеты, бывшіе въ кассѣ, и все побросалъ въ окна. Среди смятенія одинъ изъ народныхъ ораторовъ сказалъ: „мы честные люди, мы защищаемъ нашихъ друзей; первый, кто между нами украдетъ хоть гвоздь, будетъ повѣшенъ“. Всѣ закричали на это энергическое предложеніе: „браво! повѣсимъ всякаго, кто имѣетъ дурныя намѣренія“. Когда народъ выходилъ, надо было его видѣть! У всѣхъ верхнее платье было разстегнуто, воротники открыты, карманы выворочены (tous avaient la veste déboutonnée, le col ouvert, et les poches renversées“)“. По истинѣ курьезное зрѣлище!

Нельзя сказать, чтобы власти отсутствовали.

„Явилась, продолжаетъ газета, — національная гвардія, и заняла окрестности дома. Но народъ не панесъ ей оскорбленія боязнью. Г. Лафайетъ прибылъ поздно на своей бѣлой лошади, очень милостиво всѣхъ привѣтствовалъ и велѣлъ завинтить штыки. Одинъ гражданинъ приблизился къ нему и сказалъ дословно слѣдующее: „не забудьте, пріятель, что мы не въ Нанси; не противьтесь правосудію народа“.—„Мщеніе его справедливо, отвѣчалъ генералъ,—но не надо, чтобы пострадали сосѣди“.—„Это уже наше дѣло“, отвѣчалъ гражданинъ съ довѣренностью къ дѣлу и его защитникамъ. Прикатила подъ прикрытіемъ коннаго отряда коляска съ г. меромъ (Бальи) и тремя муниципальными совѣтниками въ тарфахъ. Не лишнее замѣтить, что рукоплесканій на этотъ разъ не было.

„Въ тотъ же вечеръ въ Пале-Роялѣ какой-то горячій аристократъ вздумалъ, тономъ свойственнымъ этимъ господамъ, защищать Кастри. Его поняли, и онъ чуть не попалъ въ бассейнъ. Въ тотъ же почти моментъ другая какая-то фигура вздумала сдѣлать то же, и подверглась той же участи; подъ охраною шестидесяти штыковъ ее свели въ мэрію. Все спокойно. У аристократовъ лица вытянулись“.

Бертранъ де-Моллевиль замѣчаетъ, что уличное волненіе 13 ноября не отличалось такою буйностью и безпорядочностью, какъ волненія, ему предшествовавшія. Волненіе это, очевидно, было подстроено и шло какъ по командѣ. Въ рядахъ вожаковъ видѣли нѣкоего Клермона, довѣреннаго революціоннаго агента Ламетовъ (дѣйствовавшаго, конечно, безъ вѣдома самихъ Ламетовъ, прибавляетъ Моллевиль). Когда, въ эпоху Законодательнаго Собранія, Бертранъ де-Моллевиль былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ имѣлъ въ числѣ полицейскихъ агентовъ нѣкоего Жиля, очень ловкаго, очень, казалось, преданнаго королю,—но не зналъ, что Жиль и Клермонъ одно и тоже лицо.

Уличныя безчинства нашли защитниковъ въ Собраніи. Вечернее засѣданіе 13-го ноября открылось депутаціей отъ батальона Bonne Nouvelle, представившею ходатайство батальона о томъ, чтобы выданъ

былъ декретъ, воспрещающій вызовъ на дуэль членовъ Собранія. Ораторъ делутаціи призывалъ месть на голову Кастри (ни титула герцога, ни частицы „де“, понятно, не употреблялось). Раздались рукоплесканія. Одинъ изъ членовъ правой, г. Руа, не выдержалъ и воскликнулъ: „только злодѣи могутъ аплодировать“. Въ Собраніи поднялась буря. Требовали, чтобы Руа былъ подвергнутъ тюремному заключенію. По этому вопросу начались продолжительные дебаты. Барнавъ говорилъ объ ежедневныхъ скандалахъ въ Собраніи и грозилъ правой сторонѣ. Съ своей стороны Вирьё обличалъ вмѣшательство публики въ пренія, и требовалъ преслѣдованія тѣхъ, „кто рукоплесканіями и свистками оскорбляютъ членовъ Собранія и затрудняютъ свободу преній. Кто долженъ быть судьями нашими: группа зрителей, или нація? говорилъ онъ. Какая же несчастная участь провинціи, если она зависитъ отъ давленія какой-то кучки людей на Собраніе“. Порѣшили отправить Руа на нѣсколько дней въ тюрьму.

Къ концу произошелъ интересный случай, разсказанный Малуэ въ его „Мемуарахъ“ (Paris, 1874, II, 99). Возмущенный защитою мятежа въ Собраніи, Малуэ попросилъ слова и взошелъ на трибуну. Мирабо (который, надо замѣтить, въ это время сознавалъ уже пагубу склона, по какому шла революція, и былъ уже въ тайныхъ сношеніяхъ съ правительствомъ и дворомъ) направлялся туда же. „Но я, — пишетъ Малуэ, — уже занялъ мѣсто, и ждалъ, пока шумъ успокоится, чтобы начать говорить. Мирабо говоритъ мнѣ: „я буду говорить въ томъ же смыслѣ, какъ вы, я тоже возмущенъ; но я пользуюсь бо́льшимъ расположеніемъ собранія, чѣмъ вы; уступите мнѣ ваше мѣсто“. Прежде чѣмъ уступить, я вступилъ съ нимъ въ переговоры, вновь заставилъ его повторить, что онъ будетъ требовать возмездія мятежникамъ. Онъ обѣщалъ. Во время нашего разговора правая сторона, видѣвшая только претензію Мирабо говорить прежде меня и споръ между нами, сочла своимъ долгомъ меня защитить. Поднялся крикъ негодованія противъ Мирабо; послышались слова: „вонъ, вонъ злодѣя!“ Мирабо пришелъ въ ярость. Забывъ всѣ обѣщанія, онъ грозно обращается къ правой и ее обвиняетъ въ мятежѣ, скользитъ по событію съ домомъ де-Кастри, и предлагаетъ перейти къ очереднымъ дѣламъ, что и было принято. Я оставался на трибунѣ. Когда Мирабо кончилъ, я сказалъ ему: „то, что вы сдѣлали, отвратительно: вы нарушили ваше слово“.—„Вы правы, отвѣчалъ онъ,—мнѣ стыдно, но жалуйтесь на этихъ господъ: вы ихъ слышали“.

Бертранъ де-Моллевиль въ своей „Исторіи революціи“ разсказываетъ эпизодъ совершенно такъ же, какъ самъ Малуэ. (См. выше на стр. 481).

Не прошло четырехъ мѣсяцевъ, и 2 апрѣля 1791 года Мирабо

скончался. Его всегдашній противникъ, аббатъ Мори, посѣтилъ его передъ смертью. „Это приноситъ ему,—сказалъ умирающій о своемъ соперникѣ,—болѣе чести, чѣмъ лучшія изъ его рѣчей“. Ламеты умирающаго Мирабо не навѣстили. „Друзья, говорилъ Мирабо передъ кончиною,—не обо мнѣ плачьте, а о монархіи: она сходитъ въ могилу“. И онъ былъ правъ, прибавляетъ Бертранъ де-Моллевиль. Послѣднимъ словомъ неудержимаго оратора было: „уснуть“.

III.

На страницѣ 484 мы упоминали о эпизодѣ Мори съ разноцикомъ газетъ. Передадимъ его подробнѣе *. Эпизодъ этотъ разсказанъ въ „Парижскихъ Революціяхъ“, повидимому, съ цѣлью обличенія, чтобы усилить ненависть къ краснорѣчивому представителю противо-революціоннаго меньшинства Собранія, но производитъ впечатлѣніе невольной дани, принесенной отвагѣ, ошеломляюще дѣйствующей на толпу, и доставившей неудержимому аббату своего рода популярность. Повѣствованіе сопровождено рисункомъ, снимокъ съ котораго здѣсь прилагаемъ. Въ „Монитёрѣ“ и въ „Mercure de France“— органѣ первенствующаго по таланту и убѣжденіямъ журналиста эпохи, либеральнаго противника революціоннаго деспотизма, Малле-дю-Пана,— объ эпизодѣ упоминается въ отчетахъ о засѣданіяхъ Національнаго Собранія, по поводу заявленія, сдѣланнаго самимъ Мори и встрѣченнаго ироническимъ отзывомъ Мирабо. Въ обширной біографіи аббата Мори, написанной Пужула, объ эпизодѣ этомъ не упоминается.

Дѣло было такъ. Взаимное озлобленіе партій въ Собраніи дошло до высшаго предѣла. Революціонное большинство побѣждало меньшинство на всѣхъ пунктахъ, но побѣждало давленіемъ голосованій въ Собраніи и криками науськанной, ежеминутно грозившей мятежемъ, толпы, волновавшейся вокругъ его и аплодировавшей въ зрительскихъ ложахъ. Побѣда покупалась дорогою цѣною. Меньшинство боролось въ силу монархическихъ, аристократическихъ, религіозныхъ инстинктовъ, еще глубоко коренившихся въ націи, и отбивалось аргументами и рѣчами своихъ краснорѣчивыхъ ораторовъ. На упрекъ большинству, что за нимъ толпа, Мирабо раздраженно отвѣтилъ: „если мы имѣемъ фаланги въ своемъ распоряженіи, тогда какъ у васъ однѣ книжонки, то значитъ, велико наше терпѣніе“. Но на сторонѣ меньшинства была еще большая, хотя и косная сила—при-

* Эпизодъ этотъ, какъ и предыдущій эпизодъ о дуеляхъ, были описаны нами въ журналѣ *Художникъ* (№ 1 и № 3 1891 года).

вычки, преданія, вѣрованія народа, всѣ историческія государственныя наслоенія, лишь на поверхности тронутыя революціею. Это

особенно сказалось, когда Собраніе вступило въ фазу борьбы съ католическою церковью. „Надо раскатоличить Францію“ (décatholiser

la France), выражался Мирабо. Но раскатоличить ее было не легко. Большинство въ собраніи было незначительнымъ меньшинствомъ въ странѣ. Несмотря на естественную косность массы, во многихъ провинціяхъ стало обнаруживаться движеніе противъ потока, направлявшагося къ разрушенію господствующей церкви. Мори, одинъ изъ главныхъ представителей меньшинства, зналъ, что не можетъ имѣть успѣха въ Собраніи, но говорилъ, какъ пояснялъ своимъ друзьямъ, для Франціи, для Европы, для потомства, поддерживая то, что считалъ истиною. Все это крайне обострило отношенія и приводило въ эпоху, о которой ведемъ рѣчь, къ самымъ бурнымъ сценамъ въ Собраніи.

6 ноября 1790 года было вечернее засѣданіе Собранія. Малле-дю-Панъ, во „Французскомъ Меркуріи“, называетъ ужаснымъ этотъ вечеръ, когда „угнетеніе, подъ какимъ страдаетъ меньшинство Собранія, обнаружило себя безъ удержу“. Къ рѣшеткѣ Собранія была допущена какая-то самозванная депутація съ острова Корсики, выпущенная, очевидно, двигателями большинства. Воздавъ гиперболическую хвалу Собранію, между прочимъ за уроки королямъ, ораторъ депутаціи приступилъ къ исполненію задачи, для которой подстроена была вся депутація. Одобривъ дѣйствія двухъ изъ корсиканскихъ представителей въ Собраніи, онъ началъ обличеніе двухъ другихъ словами: „тогда какъ два другихъ“... Далѣе ему говорить не дали. Часть депутатовъ правой стороны, вскочивъ съ своихъ мѣстъ, громко требовала, чтобы корсиканская депутація выгнана была изъ залы. Въ отвѣтъ, съ лѣвой стороны раздались рукоплесканія. Одинъ изъ депутатовъ правой требуетъ ареста предводителя депутаціи. Въ залѣ раздается смѣхъ. Депутатъ Ревбель (Rewbell) проситъ предсѣдателя внушить корсиканской депутаціи, что она не въ правѣ разбирать дѣйствія членовъ Собранія. Мори входитъ на трибуну и заставляетъ себя выслушать. „Собранію, говоритъ онъ,— предстоятъ три способа дѣйствій: или оно само разсудитъ возникшее столкновеніе, или назначитъ для того особыхъ судей, или уполномочитъ оскорбленныхъ гражданъ самимъ раздѣлаться съ оскорбителями. (Сильный ропотъ). Послѣдній способъ не согласенъ съ вашими принципами, но объявляю, что будь я оскорбленъ, я бы прибѣгъ къ послѣднему способу“. (Слышны требованія, чтобы ораторъ былъ призванъ къ порядку; онъ продолжаетъ). Но шумъ усиливается, значительное число депутатовъ окружаютъ трибуну, прерываютъ оратора. Одинъ хочетъ говорить вмѣсто него. Аббатъ Мори сильною рукою сталкиваетъ его съ трибуны. Предсѣдатель велитъ двумъ приставамъ охранять каѳедру. Мори оканчиваетъ требованіемъ наказанія клеветникамъ. Но въ защиту депутаціи выступаетъ представитель Корсики, изъ числа заслужившихъ похвалу депутаціи, и обличаетъ своего товарища, аб-

бата Перетти, въ томъ, что тотъ посылалъ въ Корсику обвинительныя на Собраніе письма. „Я прочту вамъ письмо аббата, оно переведено съ итальянскаго. Оригиналъ"...—„У меня", вмѣшивается Мирабо, и захватываетъ дѣло обвиненія въ свои руки. Въ письмѣ своемъ аббатъ Перетти говорилъ: „Не могу хранить молчаніе, когда новые законы направлены къ тому, чтобы разрушить вѣру, благочестіе, религію"... Мирабо предъявляетъ еще другое письмо аббата, совершенно частное, писанное къ старому пріятелю, и въ которомъ онъ описываетъ засѣданіе тринадцатаго апрѣля, когда пренія шли о томъ, слѣдуетъ-ли признавать католическую религію господствующею въ странѣ. „Большинство собранія, писалъ Перетти,—сдѣлало кличъ къ толпѣ, и она собралась вокругъ Собранія, чтобы устрашать насъ и убить въ случаѣ сопротивленія. Улицы наполнены были обманутымъ народомъ, шумно намъ грозившимъ. Кричали даже въ Собраніи, что надо перевѣшать аристократовъ, иначе дѣло не пойдетъ. Публично выставлялись фигуры, изображавшія аристократовъ съ петлею на шеѣ. Всюду воздвигались висѣлицы (это мѣсто, произведшее впечатлѣніе, оказалось искаженнымъ въ переводѣ, въ подлинникѣ было сказано: всюду готовы фонари—(lanternes, а не potences). Повсюду встрѣчались палачи. Партія, благопріятствовавшая религіи, была побѣждена. Ей не давали даже говорить: на каждомъ словѣ ее прерювали завыванія толпы и гамъ партіи, господствовавшей въ Собраніи. Роковой декретъ принятъ огромнымъ большинствомъ".

Послѣ прочтенія такого письма, дѣло корсиканской депутаціи, понятно, восторжествовало. Несмотря на сцены страшнаго раздраженія, когда нѣкоторые депутаты правой съ угрозами бросались къ трибунѣ, а другіе кричали: „подлецъ Мирабо! хочетъ. чтобы насъ перебили"—значительнымъ большинствомъ было рѣшено выслушать корсиканскую депутацію и пригласить ее принять участіе въ засѣданіи. Ораторъ депутаціи сказалъ нѣсколько фразъ, и депутація помѣстилась на самомъ краѣ лѣвой стороны, при рукоплесканіяхъ Собранія и публики.

Черезъ день послѣ описаннаго эпизода, на улицахъ Парижа продавались уже отпечатанные листки, гдѣ разсказывалось происходившее въ Собраніи, и обличался Мори. Приглашая покупать листки, газетные разносчики выкрикивали: „скандалъ, учиненный въ Собраніи аббатомъ Мори".

Надо замѣтить, что никогда еще не было на улицахъ Парижа такого кипучаго движенія листковъ, брошюръ, газетъ, памфлетовъ, карикатуръ, какъ въ эту эпоху. „Революція, говоритъ Луи Бланъ въ своей „Исторіи",—принесла съ собою журналистику. Въ нѣсколько мѣсяцевъ совершился безпримѣрный взрывъ листковъ—мѣсячныхъ, еженедѣльныхъ, ежедневныхъ, роялистскихъ и народническихъ, элегическихъ и сатирическихъ, сдержанныхъ и разнузданныхъ". Уже на слѣдующій годъ послѣ описываемаго времени, въ 1791 году, движеніе это замѣтно ослабло, но въ описываемую эпоху оно было въ разгарѣ. Газетный разносчикъ сдѣлался видною фигурою на улицахъ. „Только-что разсвѣло, пишутъ братья Гонкуръ въ своей „Исторіи французскаго общества во время революціи", въ главѣ о журналистикѣ,—а они уже тутъ, въ узкой улицѣ Персея, при дверяхъ книгопродавца Шевалье. Жмутся, дрожатъ отъ холода. Тутъ и бродячіе нищіе, и женщины безъ званія, лакеи, потерявшіе мѣста, работники безъ работы, всякій сбродъ изъ Парижа и окрестностей, питающійся грошовыми побѣгушками. Они тутъ, ждутъ раздачи журнальнаго добра. Лавку наконецъ открыли, листки расхвачены. Гдѣ можно пристроиться, образуется контора, и болѣе крупные пріобрѣтатели раздаютъ товаръ по рукамъ мелкотѣ. И вся вопіющая компанія разбѣгается по улицамъ, наполняя ихъ тысячью голосовъ. Не малый тюкъ сложенъ на Новомъ мосту (Pont Neuf) рядомъ съ осломъ, навьюченнымъ апельсинами, а тысячеголовый звѣрь выкликаетъ, ревя, трубя и воя, ежедневныя побѣды революціи".

Нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, Мерсье, въ своей многотомной и подробной „Картинѣ Парижа" (1782—1788), такъ описывалъ дѣятельность разносчика газеты при старомъ порядкѣ. „Шпіоны въ особенности воюютъ съ разносчиками (colporteurs), особою породою людей, торгующею единственно хорошими книгами, какія еще можно читать во Франціи, а слѣдовательно, запрещенными. Съ ними обращаются ужасно дурно, полиція преслѣдуетъ несчастныхъ, не знающихъ что они продаютъ. Ихъ сажаютъ въ Бастилію (свидѣтельство очень сомнительное: едва ли сажали въ Бастилію разносчиковъ, такъ какъ тюрьма эта была назначена для высшихъ классовъ) за листки и брошюры, которые завтра же позабудутся. Часто полицейскіе чины, заарестовывавшіе памфлеты, производили ими крупную торговлю, доставляя ихъ избраннымъ людямъ и наживаясь болѣе, чѣмъ десятки разносчиковъ". Въ городѣ было, впрочемъ, 300 призванныхъ разносчиковъ, снабженныхъ бляхами, и которые считались прирожденными шпіонами. Въ революціонную эпоху, когда разносчиковъ развелось безъ числа, городское управленіе думало было вновь ограничить число ихъ тремя стами. Разносчики подали коллективную жалобу меру Парижа, Бальи, и были поддержаны журналистами. Никакихъ мѣръ, понятно, принято не было, хотя въ массѣ листковъ и брошюръ было множество противо-революціонныхъ, что и заставило Мирабо выразиться, что на сторонѣ меньшинства „книжонки". Уличное происшествіе, изображенное на гравюрѣ, описано въ „Révolutions de Paris" слѣдующимъ образомъ: „Аббатъ Мори имѣетъ обыкновеніе самъ расправляться. Всегда съ пистолетами, этотъ бурный

депутатъ предъявляетъ ихъ всякому, кто ему не по нраву. На другой день послѣ того какъ онъ декламировалъ свои проклятія въ Собраніи противъ корсиканскихъ депутатовъ, онъ встрѣтилъ въ переулкѣ Дофина разносчика, который кричалъ: „гвалтъ, учиненный аббатомъ Мори въ Національномъ Собраніи“ („Grand tumulte causé par l'abbé Maury à l'Assemblée Nationale). Онъ схватилъ разносчика за воротъ и отвелъ въ участокъ. По какому праву останавливаетъ аббатъ Мори разносчиковъ? Если бы этотъ почтенный гражданинъ (brave citoyen), пользуясь правомъ естественной защиты, бросился на аббата и убилъ его, онъ бы сдѣлалъ законное дѣло, и въ то же время освободилъ бы націю отъ злодѣя“. Курьезно, что на гравюрѣ, для большаго вѣроятно эффекта, Мори представленъ чуть не великаномъ, тогда какъ мужественный аббатъ, сынъ сельскаго саложника, былъ небольшаго роста, хотя плечистъ и крѣпко сложенъ (Poujoulat, „Le Cardinal Maury“, Paris, 1885, p. 88).

Самъ аббатъ Мори сообщилъ Собранію въ засѣданіи 8 ноября 1790 г. о случившемся на площадкѣ Дофина такимъ образомъ („Moniteur“, № 312):

„Позвольте, сказалъ онъ,—прервать прения (о государственныхъ имуществахъ), чтобы передать фактъ, лично меня касающійся. Я проходилъ по улицѣ Жакобъ, направляясь къ Собранію; газетный разносчикъ, слѣдуя за мною, кричитъ: „неистовство аббата Мори, нанесшаго въ Національномъ Собраніи ударъ кулакомъ одному корсиканскому депутату“. Я смолчалъ разъ, смолчалъ два, но когда разносчикъ сталъ выкликать третій разъ, я схватилъ его и отвелъ въ участокъ. Тамъ онъ сталъ говорить, въ свое оправданіе, что выкрикивалъ точное заглавіе печатнаго листка, который продавалъ. Я просилъ, чтобы его задержали, и сказалъ, что буду жаловаться на авторовъ листка. Могу только похвалить усердіе и внимательность національной гвардіи. Но когда я выходилъ изъ участка, я встрѣтилъ человѣкъ 30 или 40 изъ тѣхъ, что каждодневно видимъ у дверей этой залы. Они свистали и дѣлали мнѣ угрожающіе жесты. Проту Собраніе принять мѣры, чтобы члены его не были подвергаемы подобнымъ оскорбленіямъ на улицахъ, и даже при входѣ въ это августѣйшее Собраніе. Разносчики позволяютъ себѣ возгласы, являющіеся призывомъ, скликающимъ народъ противъ намѣченныхъ ему жертвъ. Не знаю, что произошло бы, если бы я не обнаружилъ хладнокровіе, приличествующее вашему сочлену. Я не заслужилъ обвиненій, возводимыхъ на меня листками. Никому кулака подъ носъ я не совалъ, ни на какого корсиканскаго депутата не нападалъ, и не заслуживаю, слѣдовательно, клеветы. Это новый примѣръ заблужденій, отъ которыхъ народъ сталъ было исправляться. Обращаюсь къ вашей справедливости, столько же какъ и къ вашей мудрости, и прошу принять мѣры, чтобы подобные непріятные случаи не повторялись“.

Всегдашній противникъ аббата Мори, Мирабо (Рекетти старшій, какъ стали его именовать въ отчетахъ „Монитёра“ съ тѣхъ поръ, какъ титулы были уничтожены) и на этотъ разъ выступилъ противъ своего соперника. Не безъ ироніи отозвался онъ объ обнаруженномъ аббатомъ,—въ происшествіи, „картину котораго онъ изобразилъ“ — хладнокровіи, „дающемъ можетъ быть поводъ попросить его соблюдать таковое же и на трибунѣ“, и предложилъ перейти къ очереднымъ дѣламъ, такъ какъ Собраніе не можетъ заниматься разборомъ всѣхъ подобныхъ случаевъ. „Странно, прибавилъ онъ, — что насъ хотятъ занимать вопросомъ о свисткахъ, какъ будто законъ можетъ запретить свистки на улицахъ, и какъ будто тотъ, кто былъ ими покрытъ, не становится еще презрительнѣе, когда на нихъ жалуется“...

IV.

Пополнимъ сдѣланное выше заимствованіе изъ путешествія Кобебу въ Парижѣ въ концѣ 1790 года его интересными наблюденіями наружной жизни, особенно въ театрахъ.

„19 декабря (1790). О свободѣ и обо всемъ, что къ ней относится, болтаютъ здѣсь всюду до отвращенія. Нашъ парикмахеръ, членъ національной гвардіи и ревностный демократъ, называетъ короля не иначе какъ le pauvre homme, а королеву la coquine, la miserable femme du roi; когда въ добромъ расположеніи духа—la femme de Louis XVI, если же въ насмѣшливомъ, la femme de pouvoir executif. Вообще позволяютъ себѣ громко говорить: жаль и вредно, что королеву не убили 6 октября, когда къ тому было такъ близко. Народъ въ безпокойствѣ, что императоръ Леопольдъ двинетъ свои войска во Францію. Разсказываютъ, что королева нашла подъ салфеткой записку, заключающую угрозу, что ея голова будетъ на пикѣ поднесена ея брату, если онъ осмѣлится коснуться французской свободы.

„Нѣсколько дней тому назадъ въ Оперѣ былъ поразительный случай. Играли *Ифигенію*. Послѣ хора: „воспоемъ, прославимъ нашу королеву (chantons, célébrons notre reine) герцогиня Бирон и нѣкоторые въ сосѣднихъ ложахъ зааплодировали, закричали bis! bis! что обыкновенно не принято въ Оперѣ. И когда актеръ осмѣлился заставить хоръ повторить, герцогиня бросила ему на сцену лавровый вѣнокъ. Этого было довольно и слишкомъ, чтобы привести публику въ ярость. Закричали, затопали, обозвали герцогиню catin; все бросилось наружу, накупили и нахватали апельсиновъ, яблоковъ, грушъ, и мягкихъ и жесткихъ. Вся ложа во мгновеніе была покрыта плодами, а бѣдная

герцогиня синяками. И еще счастье, что брошенный вмѣстѣ ножикъ не попалъ въ нее. Кучка болѣе озарная чѣмъ злодѣйская притащила лучки розогъ, чтобы раздѣлаться съ ней предъ всею публикой. Герцогиня имѣла настолько присутствія духа, что дала въ волю накричаться и оставалась спокойною. Выдь она изъ ложи, ее разорвали бы въ фойе; позволь себѣ оскорбительное слово или жестъ, ее разорвали бы въ ложѣ. Наконецъ все поуспокоилось. Герцогиня собрала всѣ яблоки, груши и апельсины, не забыла и ножикъ, и послала все къ маркизу Лафаейту, приказавъ сказать ему: „вотъ нагляднѣйшія доказательства французской свободы“ (des preuves frappantes de la liberté française). Актеръ Энне долженъ былъ на другой день смиренно просить у публики прощенія и полученный вѣнокъ публично растоптать ногами. Герцогиня, говорятъ, выѣхала изъ Парижа.

„Доказательства распущенности можно встрѣтить на каждомъ шагу. Кучеръ фіакра везшаго насъ вчера въ Hôtel d'Angleterre et de Russie, гдѣ мы остановились, называлъ моего товарища mon ami. Тотъ спросилъ смѣясь: „серіозно ты думаешь, что я твой другъ“?—Ah, ba, отвѣчалъ кучеръ,—мы всѣ равны (nous sommes tous egaux). Нашъ лонлакей, приведя экипажъ, чтобы намъ ѣхать въ оперу, безъ церемоніи попросилъ позволеніе сѣсть вмѣстѣ съ нами, такъ какъ де не хороша погода“.

Кодебу былъ въ Италіянскомъ театрѣ. Играли піесу *Sargines*. Слова: il faut vaincre ou mourir pour son roi! вызвали громъ рукоплесканій. „Еслибы судить по этому громкому одобренію, можно бы подумать, что каждый Парижанинъ горитъ желаніемъ умереть за того самаго короля котораго зоветъ pauvre homme“.

Особенно заслуживаетъ вниманія сдѣланное Коцебу описаніе спектакля 24 декабря въ Національномъ Театрѣ (théatre de la Nation). Давали трагедію *Брутъ* и піесу пользовавшуюся большимъ успѣхомъ и касавшуюся современныхъ событій *Пробужденіе Эпименида въ Парижѣ*. Въ трагедіи съ увлеченіемъ „доходившимъ до безумія“ хлопали стихамъ:

Destructeurs des tyrans, vous qui n'avez pour rois
Que les dieux de Numa, vos vertus et nos lois...
...Je porte en mon coeur
La liberté gravée et les rois en horreur! и т. д.

За то нѣкоторые стихи произвели волненіе въ противоположномъ смыслѣ. Актеру почти не дали кончить монологъ заключавшійся словами:

Les droits des souverains sont ils moins précieux?
Nous sommes leurs enfants, leur juges sont les dieux!

Не меньшая вспышка была при стихахъ:

Rome a changé de fers et sous le joug grands
Pour un roi qu'elle avait a trouvé cent tyrans.

„При этихъ словахъ какой-то дерзновенный, монархически настроенный, сидѣвшій въ ложѣ втораго ряда, вздумалъ захлопать. Весь партеръ пришелъ въ движеніе, поднялись съ мѣстъ. Тотъ шикаетъ, другой кричитъ: „ахъ какъ это глупо“. Образуются угрожающія группы, стонъ стоитъ отъ криковъ, стука, толанья. Всѣ глядятъ въ сторону откуда раздалось хлопанье. Актеры остановились и ждутъ чѣмъ кончится. Наконецъ, бурныя волны улеглись мало-помалу. Хлопавшаго не нашли. Покажи его сосѣди, висѣть бы ему безъ милости на фонарѣ.

„Смѣшно мнѣ было смотрѣть какъ эти бѣдные, маленькіе Французы все, что говорили и дѣлали великіе Римляне, прилагали къ себѣ .. При словахъ

Sois toujours héros, sois plus, sois citoyen!

у каждаго портнаго высоко поднималось сердце въ груди. Пріятно было слышать какъ легко сдѣлаться болѣе чѣмъ героемъ“!

Въ піесѣ *Пробужденіе Эпименида* выражается какъ долженъ былъ думать революціонный, но благомысленно по тому моменту настроенный Парижанинъ. Театръ представлялъ Тюильрійскій садъ. Аристъ разсказываетъ своей дочери Жозефинѣ, что Эпименидъ, проживъ нѣкоторое время, засыпаетъ на сто лѣтъ и потомъ пробуждается къ новой жизни. Онъ долженъ сегодня проснуться. Что онъ увидитъ? Найдетъ „меньше блеску и больше правды, суетность и глупость въ траурѣ и народъ за что-нибудь почитаемый“ (compté pour quelque chose). Является Эпименидъ. Радъ вновь увидѣть садъ насаженный для Лудовика Великаго; сожалѣетъ, что государь этотъ предпочиталъ печальный Версаль этому веселому мѣстопребыванію. Аристъ отвѣчаетъ, что „потомокъ Лудовика Великаго, кумиръ Франціи, предпочелъ жить здѣсь среди народа, принося съ собою покой и счастіе. Его не окружаетъ уже чужеземная стража“ и пр. Все это мѣсто нельзя было почти разслышать отъ восторженныхъ восклицаній публики. Всѣ кричали bis! bis! и актеръ долженъ былъ повторить.

Эпименидъ. Уничтожены ли всѣ злоупотребленія?

Аристъ (пожимая плечами). Многія.

Эпименидъ. У придворныхъ теперь значитъ другая система? (*въ партеръ крики: non! non!*) Не обманываешь ли меня?

© ГПБ СПбГУ

Аристъ. Мудрый монархъ не спрашиваетъ болѣе совѣта отъ придворныхъ.

Эпименидъ. Спрашиваетъ, значитъ, парламенты?

Аристъ. Ни мало.

Эпименидъ. Кого же?

Аристъ Каждый честный человѣкъ его совѣтникъ. Каждая провинція шлетъ своихъ ко двору. Нельзя все сдѣлать въ одинъ день. Нѣкоторые разыграли печальныя роли, но это прошло. Небо очищается, кто будетъ теперь уще думать о бурях. Все идетъ хорошо, свободный народъ любитъ своего короля, повинуется королю, а монархъ законамъ (*Громкое одобреніе*).

Въ седьмой сценѣ Эпименидъ удивляется, что журналистъ Горги позволилъ себѣ распространять невѣрныя извѣстія и выражаетъ опасеніе не посадили бы дерзновеннаго въ Бастилію. Съ удивленіемъ слышитъ, что Бастиліи нѣтъ болѣе. „Какъ, укрѣпленіе противъ котораго тщетно воевалъ великій Конде три мѣсяца“?

Жозефина (*шутливо*). Теперь люди искуснѣе. На это требуется часъ или два.

Д'Аркуръ (Одно изъ дѣйствующихъ лицъ). Нѣсколько храбрыхъ гражданъ взяли трудъ освободить городъ и разрушить стѣны служившія мстительности тирановъ, подозрительности министровъ. прихотямъ любовницъ

Mme Brochure покупаетъ летучіе листки: ни одной пѣсенки, все политика. Эпименидъ освѣдомляется о великихъ поэтахъ своего времени.

Эпименидъ. Мольеръ?

Mme Brochure. Его время прошло.

Эпименидъ. Какъ, болѣе не слыхать его прекрасныхъ стиховъ?

Mme Brochure. Иногда въ театрѣ, но это постные дни.

Эпименидъ. Но Корнель?

Mme Brochure. Боже оборони!

Эпименидъ. Расинъ?

Mme Brochure. Стиховъ больше не читаютъ. Каждый вѣкъ имѣетъ собственныя глупости. Цѣлыхъ десять лѣтъ стучала энциклопедія въ головахъ.

Жозефина. Потомъ пошла химія, наконецъ при дворѣ появилось не мало экономистовъ, но ни одного эконома. Теперь политика на очереди. Каждый мастеритъ государство, и даже у кокетки на туалетѣ лежитъ книга о правахъ человѣка.

Является Monsieur Roture, бывшій королевскій цензоръ. лишившійся мѣста и не получившій пенсіона. Очень недоволенъ новыми порядками. Ему совѣтуютъ найти какое-нибудь мѣсто. Онъ сознается что хотя можетъ цензуровать Руссо и Вольтера, но самъ писать не можетъ.—Что же вы можете дѣлать?—Цензуровать.—И убѣгаетъ.

Арендаторъ говоритъ: Теперь не то. Мы уважаемъ храбраго дворянина, дерущагося за насъ на войнѣ, и работаемъ на него, но не хотимъ, чтобы какая-нибудь шельма насъ притѣсняла. Мы знаемъ права человѣка.

Дворянинъ: Послушать этого малаго, можно подумать, что мы равны, Да было прежде хорошее времячко во Франціи! Маркизъ кланялся предъ герцогомъ, купецъ предъ маркизомъ, крестьянинъ предъ купцомъ и т. д. Заключаетъ ложеланіемъ найти на широкомъ свѣтѣ уголокъ, гдѣ было бы хотя немножко вкусу къ рабству и если найдетъ все только свободу, бросится въ ближайшую рѣку.

Аббатъ. Отнимаютъ у насъ деньги и оставляютъ намъ обязанности. Надо бы наоборотъ, сложить обязанности и оставить деньги.

Танцмейстеръ жалуется на паденіе искусства. „Не танцуютъ болѣе. Между аристократами были лучшіе мои ученики.“ Заключаетъ извѣщеніемъ о предстоящемъ устраиваемомъ имъ праздникѣ по модѣ: національномъ балетѣ.

Являются офицеръ и два солдата національной гвардіи.

Эпименидъ. Чего хотятъ эти люди?

Аристъ. Вы требовали ихъ.

Эпименидъ. Я? Боже сохрани! Я просилъ портнаго.

Портной. Онъ предъ вами: я, рядовой.

Эпименидъ. И прокурора.

Прокуроръ. Сдѣлался гренадеромъ.

Эпименидъ. Нотаріуса.

Нотаріусъ. Вы видите его офицеромъ.

Д'Аркуръ. Мы всѣ солдаты. У короля столько воиновъ, сколько подданныхъ.

Начинается круговая пѣсня.

J'aime la vertu guerrière
Des nos braves defenseurs;
Mais d'un peuple sanguinare
Je deteste les fureurs.
A l'Europe redoutables,
Soyons libres à jamais,
Mais soyons toujours aimables
Et gardons l'esprit français!

Увы! и эта любезность и этотъ духъ уже отлетѣли.

Начался балетъ. Національгарды гордо танцовали съ красивыми дѣвушками, украшавшими ихъ шляпы національными кокардами. Весь отрядъ проходилъ предъ публикой, отдавая честь. Развертываютъ бѣлое знамя съ надписью: свобода. Занавѣсъ падаетъ.

„А не малая, надо признаться, заключаетъ Кодебу, непослѣдовательность Французовъ въ *Брутѣ* прилагать къ ихъ королю, что говорилось о Тарквиніи, а во второй піесѣ радостно хлопать тому, что этотъ самый король больше не въ Версалѣ, а живетъ среди ихъ.“ Явное свидѣтельство колебанія чувствъ толпы и ея отзывчивости на всяческія возбужденія. Піеса интересна, именно какъ характеризующая переходное время. Все аристократическое исчезаетъ, но кабакъ еще не наступилъ.

ОЧЕРКЪ ДЕВЯТЫЙ.

РЕВОЛЮЦІЯ ВЪ МЕЧТАНІЯХЪ И НА ФАКТѢ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Одинъ изъ источниковъ революціоннаго ученія.

I. Руссо и его трактатъ. — II. Революція и картезіанство.

I.

Доктринеры революціи вѣрили и ждали, что она будетъ имѣть „философскій“ характеръ. Мирнымъ путемъ правильно организованнаго законодательства свершится, во имя природы и разума, великій государственный переворотъ и наступитъ новая эра для Франціи и для человѣчества.

Переворотъ свершится при свѣтѣ двухъ руководящихъ идей: идеи первоначальной доброкачественности человѣческой природы, заключающей въ себѣ источникъ „естественнаго права“, въ силу котораго каждый человѣкъ есть равноправная единица въ государственномъ союзѣ, къ которому принадлежитъ и идеи Разума, истребителя предразсудковъ, естественнаго руководителя и устроителя человѣческаго бытія. Идеи эти имѣли краснорѣчивѣйшаго проповѣдника и популяризатора въ Руссо. Его ученіе имѣло огромное вліяніе на законодателей революціи. Дижонская Академія Наукъ предложила въ 1750 г. на премію вопросъ: „Какъ произошло неравенство между людьми и уполномочиваетъ ли къ нему естественный законъ?“ (Quelle est l'origine de l'inégalité parmi les hommes et si elle est autorisée par la loi naturelle). Руссо отвѣчалъ *Разсужденіемъ о происхожденіи и основаніяхъ неравенства между людьми* (Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes).

Дѣло идетъ о происхожденіи явленія; казалось бы авторъ прежде всего обратится къ исторіи, къ фактамъ прошедшаго. Ничуть не бывало. Исторія и факты совершенно устраняются. „Начнемъ съ того, говоритъ Руссо, что устранимъ всѣ факты, такъ какъ они не касаются вопроса. Не надо принимать изслѣдованія въ какія вой-

© ГПНТБ СО РАН

демъ относительно занимающаго насъ вопроса за историческія истины, ихъ надлежитъ разсматривать только какъ разсужденія гипотетическія и условныя, болѣе способныя освѣтить природу вещей, чѣмъ показать ихъ дѣйствительное происхожденіе; совершенно подобныя тѣмъ какія физики ежедневно дѣлаютъ относительно образованія міра."

Послѣдняя фраза явственно показываетъ, что Руссо хотѣлъ по отношенію къ исторіи человѣчества явиться тѣмъ чѣмъ явилъ себя Декартъ по отношенію къ исторіи мірозданія. Въ пятой части *Разсужденія о методѣ* Декартъ, передавая содержаніе составленнаго имъ, но тогда не напечатаннаго еще сочиненія „О мірѣ", и упоминая о томъ, что въ сочиненіи этомъ онъ указываетъ „какъ естественнымъ путемъ могли образоваться горы, моря, ключи, рѣки, появиться металлы въ рудникахъ, растенія возрасти на поляхъ и вообще находиться всѣ тѣла", прибавляетъ: „Я не хотѣлъ, однако, дать мысль, что этотъ міръ созданъ именно такъ какъ и допускали, ибо болѣе вѣроятно, что Богъ съ самаго начала сдѣлалъ его такимъ какъ онъ есть. Но достовѣрно — и это мнѣніе общепринято между богословами, — что дѣйствіе, какимъ Онъ сохраняетъ теперь міръ, то же, какимъ Онъ его создалъ, такъ что еслибы Онъ далъ міру первоначально форму хаоса и, установивъ законы природы, оказалъ свое обыкновенное содѣйствіе, то можно полагать, не нанося ущерба тайнѣ созданія, что всѣ чисто матеріальныя вещи могли бы съ теченіемъ времени сдѣлаться такими, какъ видимъ ихъ теперь; но природа ихъ гораздо легче познается, когда видимъ ихъ образующимися мало-помалу, чѣмъ когда разсматриваемъ ихъ какъ вполнѣ уже образовавшимися". Въ *Началахъ философіи* Декартъ возвращается къ этой мысли и въ четвертой части, посвященной исторіи земли и объясненію явленій на ней происходящихъ, оговаривается, что предлагаемая имъ исторія происхожденія міра не есть дѣйствительная исторія творенія,—міръ созданъ разомъ въ законченномъ видѣ,—а лишь исторія гипотетическая, возможная, которая имѣла бы мѣсто еслибы Высшею Волею былъ избранъ путь постепенности, и польза которой именно въ томъ, что она способна освѣтить натуру вещей.

Строки Декарта, очевидно, были подъ глазами Руссо, который въ свою очередь говоритъ: „Религія предписываетъ намъ вѣрить, что Богъ непосредственно послѣ созданія вывелъ уже людей изъ естественнаго состоянія и они не равны потому, что такова Его воля; но религія не воспрещаетъ намъ дѣлать предположенія выведенныя единственно изъ природы человѣка и существъ его окружающихъ, относительно того, чѣмъ могъ бы сдѣлаться родъ человѣческій, еслибы былъ предоставленъ самому себѣ". Предметъ свой, „интересующій человѣка вообще", авторъ сбирается изложить „забывая о мѣстѣ и

времени" и какъ бы имѣя „слушателемъ родъ человѣческій". „О человѣкъ, восклицаетъ онъ, къ какой бы странѣ ты ни принадлежалъ, какія бы ни были твои мнѣнія, — слушай! Вотъ твоя исторія какъ мнилъ я ее читать не въ книгахъ писанныхъ подобными тебѣ,— онѣ лжецы, а въ природѣ, никогда не лгущей". Итакъ, исторія отброшена, разбирается нѣкоторый отвлеченный *человѣкъ* въ его естественномъ состояніи, которое получается если отъ современнаго человѣка отвлечь все что можно считать въ немъ искусственно порожденнымъ общественною жизнью и тою же отброшенною исторіей. Требуется, выходя отъ основныхъ, якобы естественныхъ качествъ этого отвлеченнаго *человѣка*, построить общественную и государственную жизнь на началахъ разума.

Построеніемъ этимъ Руссо занимается въ *Общественномъ Контрактѣ* (*Du Contrat social ou principes du droit politique*, par J. J. Rousseau, citoyen de Genève). Трактатъ этотъ долженъ былъ составить часть еще обширнѣйшаго сочиненія, отъ исполненія котораго авторъ отказался. Прочтемъ нѣкоторыя мѣста *Контракта*. Вотъ напримѣръ начало первой главы: „Человѣкъ рожденъ свободнымъ, и повсюду находится въ цѣляхъ. Кто мнитъ себя быть господиномъ другихъ, тотъ бываетъ столько же рабомъ какъ и они. Какъ сдѣлалась такая перемѣна? Не знаю. Что можетъ сдѣлать ее законною? Полагаю, могу разрѣшить этотъ вопросъ. Еслибъ я разсматривалъ только силу и производимое ею дѣйствіе, я сказалъ бы: когда народъ вынужденъ повиноваться и повинуется, онъ поступаетъ хорошо. Какъ скоро можетъ стряхнуть съ себя иго и сбрасываетъ его—поступаетъ еще лучше. Ибо возвращая себѣ свободу тѣмъ же правомъ какимъ она у него отнята, онъ имѣетъ основаніе возвратить ее себѣ, или не было основанія ее отнять у него. Но общественный порядокъ есть святое право, служащее основаніемъ всѣмъ другимъ. Между тѣмъ право это не проистекаетъ изъ природы; оно основано на условіяхъ. Требуется знать какія это условія"...

„Повинуйтесь властямъ (obéissez au puissances). „Если это значитъ уступайте силѣ, предписаніе хорошо, но излишне: можно ручаться, что оно нарушено не будетъ. Всякая власть исходитъ отъ Бога. Согласенъ, но и всякая болѣзнь оттуда же исходитъ. Значитъ ли, что запрещено призывать врача? Разбойникъ нападаетъ на меня въ лѣсу; мало что я вынужденъ силою отдать кошелекъ, но если могу его укрыть, обязанъ ли я по совѣсти его отдать? Ибо и пистолетъ, наконецъ, есть власть. (Ch. III).

„Требуется найти такую форму ассоціаціи которая бы защищала и охраняла всею общею силой личность и имущество каждаго ея члена, и чрезъ которую каждый, соединясь со всѣми, повиновался бы между тѣмъ только самому себѣ и оставался бы столько же свободенъ какъ прежде. (Ch. VI).

Когда *прежде?* Авторъ о томъ не говоритъ. Очевидно не въ историческомъ прошедшемъ. Требовалось почувствовать себя примитивно свободнымъ человѣкомъ, а для этого отказаться отъ всего, что̀ наложила исторія и затѣмъ, выходя отъ такого естественно свободнаго состоянія ставить конституцію, удовлетворяющую сказанному условію. Такую то именно задачу приняли на себя составители конституціи 1789 года.

Въ ассоціаціи есть государь, и государь неограниченный. Онъ называется *Souverain*. Кто же это? Это общая воля гражданъ. „Актъ союза, вмѣсто отдѣльной личности каждаго участника, производитъ нравственное, коллективное тѣло составленное изъ стольких членовъ сколько голосовъ имѣетъ собраніе (заключающее ассоціацію) и которое отъ этого самаго акта получаетъ свое единство, свое общее *я*, свою жизнь и волю.“ Это „политическое тѣло“ именуется его членами, *государствомъ* (état), когда оно пассивно, *государемъ* (souverain), когда оно активно. Этотъ-то государь и разумѣется подъ наименованіемъ націи въ клятвѣ 4 февраля 1790 г. гласившей: „Клянусь быть вѣрнымъ націи, закону и королю, и поддерживать всѣми силами моими конституцію декретированную Національнымъ Собраніемъ и принятую королемъ“ (прямо употребить, какъ Руссо, терминъ — *souverain* при наличности *roi*, очевидно считалъ неудобнымъ). Это *peuple souverain* * во имя котораго управляется Франція.

---

* Достойно замѣчанія, что поклоненіе этому царю обыкновенно соединяется съ крайнимъ презрѣніемъ къ его качествамъ. Его все сбираются воспитывать, но не смущаются вопросомъ какъ же онъ будетъ править лока не воспитанъ: управимся, говорятъ, за него. Одинъ изъ самыхъ замѣтныхъ политическихъ дѣятелей во Франціи, новѣйшаго времени, членъ палаты, профессоръ физіологіи, Поль Бэръ, въ отчетѣ о предполагаемомъ устройствѣ народнаго образованія въ странѣ на самыхъ широкихъ основаніяхъ (но съ полнымъ устраненіемъ религіознаго обученія), говоритъ, что нынѣшнее состояніе народнаго образованія во Франціи самое жалкое, народъ невѣжественъ; внушительно поясняетъ какое де правленіе можетъ быть въ странѣ, гдѣ монархъ не знаетъ ни своихъ правъ, ни обязанностей, и не замѣчаетъ, что тѣмъ высказываетъ самую ѣдкую критику на современную конституцію Франціи, управляемой въ имя этого неграмотнаго peuple-souverain. И наши благодѣтели народа въ концѣ семидесятыхъ годовъ надѣлѣ были весьма невысокаго о немъ мнѣнія, особенно послѣ неудачи „хожденія“ въ народную массу. Судившаяся Колѣнкина, сопротивляясь аресту и встрѣтя полицейскихъ градомъ брани, съ особеннымъ уязвленіемъ обзывала ихъ „мужиками“. Газета *Страна* подсмѣивались надъ „мужичкомъ“, „простодушнымъ, вѣрующимъ, преданнымъ“ и поясняетъ, что „народный вопросъ“ заботящій газету, „былъ и есть у насъ вопросъ интеллигенціи, вопросъ о всеоружіи правъ и свободной мысли свободной интеллигенціи.“ Вотъ сколько свободы! „Вѣдь не изъ *деревни* же, прибавляетъ газета, мы получимъ раз-

Это принципъ народнаго верховенства чрезъ общую подачу голосовъ.

Государь этотъ не только неограниченный, но и деспотическій. „Противно природѣ политическаго тѣла, чтобы государь наложилъ на себя законъ, который никогда не могъ бы нарушить“... „Право измѣнять (формы конституціи) есть первая гарантія всѣхъ другихъ правъ... Нѣтъ никакого обязательнаго закона для народнаго тѣла.“ Что̀ сегодня хочетъ Нація, то есть законъ на сегодня, что̀ захочетъ завтра, будетъ завтра закономъ. Вопросъ лишь въ томъ какъ эту волю узнать.

Злоупотреблять властію государь чудеснымъ образомъ не можетъ. „Великую услугу, какую гражданинъ можетъ оказать государству, онъ обязанъ оказать какъ скоро государь того потребуетъ. Но государь съ своей стороны не можетъ обременять своихъ подданныхъ никакою цѣлью безполезною для всей общины (à la communauté). Онъ не можетъ даже желать этого, ибо подъ закономъ разума ничто не можетъ дѣлаться безъ причины, какъ и подъ закономъ природы.“

Король, при монархической формѣ, и вообще государственныя власти суть не болѣе какъ слуги государя. Отъ времени до времени народъ — т.-е. члены союза, — имѣетъ собранія. Когда народъ собрался, всякая юрисдикція правительства прекращается, исполнительная власть пріостановлена“. На собраніи рѣшается „угодно ли государю сохранить настоящую форму правленія“ и „угодно ли оставить администрацію въ рукахъ тѣхъ, кому теперь она поручена“. Подробности устройства такихъ народныхъ собраній Руссо не указываетъ. Противъ „представительства“ онъ высказывается съ рѣзкостію. „Идея представительства, говоритъ онъ, новая; она пришла отъ феодальнаго правительства, этого несправедливаго и нелѣпаго правительства, въ которомъ униженъ родъ человѣческій и имя человѣка въ поношеніи“. Несравненно болѣе привлекательными кажутся Руссо политическія формы древней Греціи. Тамъ народъ все, что̀ имѣлъ дѣлать, дѣлалъ чрезъ самого себя (ce que le peuple avait à faire il le faisait par lui-même); онъ всегда былъ собранъ на площади; обиталъ въ мягкомъ климатѣ, не былъ жаденъ, рабы исполняли его работы, а его великимъ дѣломъ была свобода“. Какъ устроить нѣчто подобное въ новомъ, притомъ обширномъ государствѣ, Руссо обѣщаетъ разъяснить въ продолженіи сочиненій, „когда говоря о внѣшнихъ сношеніяхъ дойдетъ до конфедерацій“. Но продолженія такъ и не послѣдовало.

Таковъ знаменитый *Контрактъ*. Исполненное претензій сочиненіе утомляетъ читателя господствомъ фразы надъ мыслію, антитезами

рѣшеніе вопроса о свободной интеллигенціи и добудемъ для нея всеоружіе правъ.“ По крайней мѣрѣ твердо сказано. Интеллигенція свободная и во всеоружіи. А народъ-то? Народъ *быдло*, какъ говорили паны.

въ родѣ нынѣшнихъ Виктора Гюго. Если такое сочиненіе могло казаться кодексомъ политической мудрости, то это лучшій признакъ на какой невысокой ступени стояла эта мудрость.

Основная идея оказалась тѣмъ не менѣе весьма живучею. Идея народнаго верховенства, народной воли—въ смыслѣ воли живущяго поколѣнія какъ источника всякаго закона и всякой власти многими считается и нынѣ какъ основная политическая истина. Въ самомъ дѣлѣ, если строить общественное тѣло исключительно по разуму, то какое можетъ быть болѣе простое и очевидное начало?

Когда событія французской революціи обозрѣваются съ высоты историческаго наблюденія какъ моментъ всемірной исторіи, разматриваемой въ видѣ восходящей лѣстницы, то нерѣдко въ нихъ видятъ переломъ отдѣляющій эпоху *авторитета* отъ эпохи *свободы*, если и не наступившей еще, то имѣющей наступить. Подъ признаніемъ авторитета разумѣется признаніе нѣкоторыхъ нормъ высшаго порядка, не добытыхъ работой сознанія, но данныхъ сознанію, имѣющихъ, какъ говорится, откровенное, божественное происхожденіе, возникшихъ не по условію, держащихся не соглашеніемъ живущаго поколѣнія, но для живущаго поколѣнія обязательныхъ. Начало авторитета въ государственной жизни знаменательно выражается формулой: „Божіею милостію“. Подъ свободой, какъ еще только имѣющею наступить, разумѣется нѣчто значительно менѣе опредѣленное. Въ событіяхъ революціоннаго движенія отражается общее движеніе человѣческаго разумѣнія къ установленію единовластія разума съ исключеніемъ идеи авторитета.

Идея этого единовластія состоитъ въ томъ что разумъ, то-есть человѣческое размышленіе, будучи источникомъ научныхъ раскрытій, есть источникъ, и притомъ исключительный, истины вообще. Онъ не только орудіе приращенія знаній,—вся человѣческая дѣйствительность, общественная и государственная жизнь, исторія, должны быть его приложеніемъ, развитіемъ указываемыхъ имъ началъ. Царство человѣка должно быть царствомъ разума. Тогда оно будетъ и царствомъ счастія.

Такое признаніе единовластія разума въ теоретической области мышленія есть только односторонній выводъ изъ великаго начала свободнаго исканія истины лежащаго въ основѣ новой философіи. Основатель новой философіи (говорю о Декартѣ) поставилъ задачей искать истину помощью естественнаго свѣта разума направляемаго правильною методой. При этомъ, онъ поставилъ *очевидность* критеріемъ разума. Если положеніе не представляетъ для здраваго ума никакого повода къ сомнѣнію, имѣетъ степень очевидности геометрической аксіомы—его надлежитъ признать истиннымъ. Выходя изъ него можно строить науку, какъ строится геометрія изъ ея аксіомъ, Первымъ

такимъ положеніемъ для Декарта было знаменитое: *я мыслю, слѣдовательно я есмь, cogito ergo sum.* Разумъ становится не орудіемъ только пониманія, но орудіемъ открытія истины, ея источникомъ. Декартъ признавалъ и другой источникъ, откровенный, и въ согласіи своихъ выводовъ съ истинами откровенія видѣлъ оправданіе своей методы. Онъ допускалъ такимъ образомъ двоевластіе—разумъ и откровеніе. Успѣхи положительнаго знанія, свободная критика данныхъ религіи склонили затѣмъ многіе умы, считавшіе себя свободными отъ предразсудковъ, къ единовластію, а именно единовластію разума. Но какимъ образомъ разумъ становится источникомъ истины? Когда Декартъ сталъ прилагать методъ очевидности, на первыхъ же шагахъ методъ этотъ оказался недостаточнымъ, и чтобы двинуться впередъ философъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ идеѣ Бога какъ готовой, найденной въ сознаніи, а не доставленной философскою очевидностью. Столь же мало имѣли успѣха новые философы замѣнившіе методу Декарта новою методой и ласкавшіе себя надеждой вывести все существующее діалектическимъ путемъ изъ первыхъ началъ. Теоретическія системы построенныя на „началахъ разума“ оказались односторонними и шаткими, именно потому что безконечно далеки отъ полноты дѣйствительности. Забывалось что движеніе разума внѣ готоваго, даннаго, въ обширномъ смыслѣ эмпирическаго матеріала, невозможно какъ полетъ въ пустотѣ. Когда въ отдѣльномъ человѣкѣ пробуждается размышляющая дѣятельность, которую можно назвать научнымъ сознаніемъ (главная форма его доказательство чрезъ приведеніе къ очевидности), когда пробудилась она и во всемъ человѣчествѣ, разумъ уже находитъ и находилъ предъ собою и въ себѣ безконечную массу данныхъ, доставленныхъ природою, окружающимъ бытомъ, преданіями, наслѣдственными предрасположеніями, наконецъ, прирожденною творческою дѣятельностію, необъяснимою и чудесною. Въ этомъ смыслѣ откровеніе предшествуетъ сознанію. Не даромъ въ новѣйшихъ системахъ такое значеніе приписывается „безсознательному“. Если такъ въ теоріи, то что же сказать о построеніяхъ такого рода въ жизни, долженствующей болѣзненною операціей быть втиснутою въ рамки неполныя и произвольныя?

Размышляя для себя о вопросахъ этого рода, я прибѣгаю къ сравненію, которое для меня по крайней мѣрѣ кажется довольно наглядным выраженіемъ состоянія человѣческаго разумѣнія. Ньютонъ сравнивалъ ученаго познающаго природу съ человѣкомъ стоящимъ на берегу безграничнаго моря, собирающимъ и разсматривающимъ ракушки выбрасываемыя волной и по этимъ скуднымъ даннымъ судящаго о раскинутой предъ нимъ неизмѣримости. Что такое всѣ наши знанія? Ихъ совокупность можно математически выразить формулой $X+a$, гдѣ a извѣстная величина, X неизвѣстная, въ сущ-

ности равная безконечности. Мы стараемся болѣе и болѣе увеличивать величину a, то есть сумму нашихъ положительныхъ знаній. Въ выкладкахъ и соображеніяхъ служащихъ для этой цѣли мы всѣми силами должны обѣгать величину X, ибо ея введеніе сейчасъ нарушитъ всѣ наши вычисленія. Предъ безконечностію X всякая конечная величина a, какъ бы велика она ни была, равна нулю. Въ этомъ смыслѣ говоритъ Ньютонъ: физика бойся метафизики. Методою изслѣдованія оказавшеюся по преимуществу плодовитою, увеличившею a, обнаружила себя именно та гдѣ X устраняется изъ вычисленія. Но нѣтъ ошибки грубѣе той которая признала бы что X не существуетъ, равенъ нулю. Именно въ этой ошибкѣ и есть сущность такъ-называемой позитивной философіи. Если въ точной наукѣ X устраняется, то это есть пріемъ изслѣдованія, ибо введеніе этого X, повторяю, своею безконечностію нарушаетъ всѣ формулы. Но это не значитъ что X не существуетъ или не имѣетъ значенія. Въ положительной наукѣ великія открытія не разъ дѣлались чрезъ геніальное обращеніе къ X. По философіи очевидности казалось нелѣпостію допустить какую-либо иную причину приводящую тѣло въ движеніе кромѣ толчка сосѣдняго тѣла. Таинственное тяготѣніе матеріальныхъ частицъ, дѣйствіе на разстояніи, составляющее основу современной механики,— допускается ли оно между тѣлами или только между частицами, какъ центрами силъ,—есть въ сущности приписаніе матеріальнымъ частицамъ свойства не матеріальнаго порядка, введеніе X въ истолкованіе физическихъ явленій. X устраняемъ мы лишь тѣмъ, что признавая притяженіе какъ фактъ считаемъ его необъясненнымъ со стороны причины.

Если, говорю опять, въ работѣ пріобрѣтенія точныхъ знаній надлежитъ оставаться исключительно въ области a, то это никакъ не значитъ не признавать X. Мыслить X непремѣнная потребность и великая задача разумѣнія. Это область философскихъ и религіозныхъ идей.

Если отъ теоріи перейдемъ къ практикѣ жизни, гдѣ имѣемъ дѣло съ вещами, а не съ понятіями и отвлеченіями, то здѣсь окажемся со всѣхъ сторонъ облеченными таинственнымъ X, и забвеніе этого фактора можетъ вести только къ пагубнымъ послѣдствіямъ. Жизнь не можетъ быть иначе какъ въ своей полнотѣ. Фантазію можно населить отвлеченіями, но въ городахъ живутъ люди. На бумагѣ можно по произволу устранять тотъ или другой факторъ, составить тысячу проектовъ летать по воздуху, съ забвеніемъ тѣхъ или другихъ условій, но на практикѣ забвеніе одного необходимо поведетъ къ тому что свалишься и поломаешь себѣ ребра. Вотъ почему такъ трудна практическая мудрость.

II.

Указанная нами связь ученія Руссо а слѣдовательно и всей революціонной доктрины съ философіею Декарта не есть только внѣшняя и случайная, связь эта весьма глубокая. Политическія сужденія самого Декарта, менѣе всего занимавшагося политикой и предостерегавшаго отъ перенесенія принятой имъ научной методы въ міръ сложныхъ практическихъ отношеній, не имѣютъ никакой связи съ революціонными ученіями. „Никоимъ образомъ, писалъ Декартъ въ *Разсужденіи о методѣ* *, не одобряю я безпокойный и волнующійся нравъ тѣхъ кто ни по рожденію, ни по богатству не будучи призваны къ веденію общественныхъ дѣлъ, имѣютъ всегда въ мысли какое-либо преобразованіе; и еслибъ я могъ подумать, что въ этомъ сочиненіи есть хотя что-нибудь по чему могли бы подозрѣвать во мнѣ такую глупость, я очень огорчился бы, что его издалъ". Предпринявъ, хотя и со скромною оговоркой, что дѣло идетъ лично о немъ самомъ, перестройку въ своемъ умѣ всего зданія человѣческихъ знаній, Декартъ первымъ правиломъ своей практической морали поставилъ: „повиноваться законамъ и обычаямъ страны, сохраняя религію, въ которой по благости Божіей воспитанъ и слѣдуя во всемъ остальномъ мнѣніямъ наиболѣе умѣреннымъ, удаленнымъ ото всякихъ крайностей и общепринятымъ благоразумными людьми въ кругу гдѣ буду жить". Рекомендуя сомнѣніе какъ первый шагъ къ истинѣ, въ научной области, въ дѣлахъ практическаго міра онъ указывалъ: „принявъ какое-либо воззрѣніе, хотя бы сомнительное, но на которое разъ рѣшился, — слѣдовать ему какъ еслибъ оно было вполнѣ истинное. Такъ заблудившійся въ лѣсу путникъ не долженъ бродить изъ стороны въ сторону, а выбравъ путь который кажется вѣроятнѣйшимъ, слѣдовать неуклонно ему, не сходя безъ поводовъ особенной развѣ важности: если онъ и не придетъ къ своей цѣли, то все-таки выйдетъ куда-нибудь, гдѣ ему вѣроятно будетъ лучше чѣмъ среди лѣса". Тѣмъ не менѣе научная революція произведенная въ понятіяхъ эпохи картезіанскою философіей не осталась безъ сильнѣйшаго вліянія и въ области политическихъ понятій. Ученый міръ естествоиспытателей прошлаго вѣка долго раздѣлялся на два лагеря— картезіанцевъ и ньютоніанцевъ. Характеристическія черты того направленія которое можно назвать ньютоніанскимъ—системой ньютоніанство не было—особенно способны, какъ противоположность, освѣ-

---

* См. мое сочиненіе *Философія Декарта* 1886 г., стр. 43.

тить существенныя стороны картезіанскихъ воззрѣній, возбудившихъ столько увлеченій и надеждъ. Противоположность эта имѣетъ значеніе не въ области только естествознанія. Это есть противоположность двухъ способовъ изысканія истины, почти двухъ міровоззрѣній, сказывающаяся во всемъ кругѣ нашихъ знаній. Въ области точной науки ньютоніанство одержало верхъ, и современная механика природы — ньютоніанская; но не исчезло и картезіанское направленіе: оно оживаетъ въ новѣйшихъ теріяхъ, и періодъ исторіи науки знаменующійся борьбой этихъ направленій еще не заключился. Мы остаемся еще въ кругѣ тѣхъ самыхъ понятій и противорѣчій которыя порождали борьбу. Въ общемъ кругѣ знаній борьба указываемыхъ направленій еще менѣе можетъ считаться конченною. Чѣмъ же различаются эти направленія?

Въ революціонную эпоху было въ великомъ употребленіи слово *разумъ*. Требовались установленія и законы продиктованные указаніями разума. Въ разгаръ революціи разумъ былъ возведенъ на степень божества и „богиню разума“ съ пѣніемъ носили во храмѣ Парижской Богоматери. Въ этомъ поражающемъ маскарадѣ лодъ сводомъ стараго храма съ наглядным цинизмомъ выразилось поклоненіе тому началу которое „философами“ (такъ принято было именовать политическихъ теоретиковъ), вліявшими на умы, поставлялось какъ верховное въ области духа. Подъ наименованіемъ *разума* понималась та сила логическаго размышленія которая можетъ быть названа научнымъ сознаніемъ. Характеристическая черта разсматриваемыхъ нами направленій есть именно отношеніе въ какомъ стоятъ они къ этому началу. Разумъ какъ *орудіе* раскрытія истины и разумъ какъ творческій ея *источникъ*, вотъ два воззрѣнія ведущія къ весьма различнымъ послѣдствіямъ.

Картезіанская философія разграничила все существующее на двѣ совершенно разнородныя области: природу и духъ, и аттрибутомъ, въ которомъ выражается сущность духа, признала то, что нынѣ принято именовать *сознаніемъ*. По картезіанской системѣ, какъ матерія есть нѣчто протяженное и ничто болѣе, такъ духъ есть нѣчто себя сознающее и ничто болѣе. Нѣтъ протяженія—нѣтъ и матеріи; есть протяженіе, это и есть матерія. Нѣтъ сознанія—нѣтъ духа; есть сознаніе — это духъ. Ученіе поставлено рѣзко и ясно. Чтобы сохранить его потребовалось животныхъ считать автоматами, допустить что „душа мыслитъ всегда“, „что мы не можемъ хотѣть какой-нибудь вещи безъ того, чтобы тѣмъ самымъ не усматривать, что мы ее хотимъ“. Все безсознательное пришлось исключить изъ области духа и трактовать о мысляхъ зародыша въ утробѣ матери. Сознаніе есть то что просится къ выраженію въ словѣ; бытіе свое оно получаетъ чрезъ логическія формы, разрѣшающіяся словеснымъ выраженіемъ

Работа этихъ формъ есть то, что мы именуемъ размышленіемъ, что можно назвать научнымъ сознаніемъ. Односторонность пониманія матеріи исключительно какъ протяженія породила картезіанскую физику съ ея заблужденіями. Односторонность пониманія духа какъ сознанія повела къ своимъ послѣдствіямъ. Если разумъ въ смыслѣ размышленія, научнаго сознанія, есть тотъ аттрибутъ, въ которомъ выражается сущность духа, то онъ есть и источникъ духовнаго творчества. Истина пріобрѣтается работой размышленія; ея источникъ— естественный свѣтъ разума. Ключъ къ истинѣ въ достаточно могущественной методѣ размышленія. Если найти таковую, то истина раскроется сама собою; она выйдетъ готовою изъ умственнаго тигля если подогрѣвать его и мѣшать въ немъ надлежащимъ образомъ. Декартъ не разъ высказывалъ, что не считаетъ свой умъ превышающимъ умы большинства людей и что тѣмъ не менѣе ему удалось указать нѣсколько сотъ новыхъ истинъ и правильныхъ объясненій, добытыхъ благодаря именно тому что онъ нашелъ методу правильнаго размышленія. Первое знаменитое сочиненіе свое Декартъ назвалъ *О методѣ*; одно изъ послѣднихъ, неоконченное, наименовалъ: *Исканіе истины естественнымъ свѣтомъ разума исключительно изъ себя, безъ помощи религіи и* (школьной) *философіи*. Первымъ пріемомъ своей методы онъ поставилъ научное сомнѣніе сносящее все зданіе пріобрѣтенныхъ познаній, чтобы возвести его на началахъ разума, выходя отъ положеній истинныхъ въ ихъ очевидности и дѣйствуя по образцу математика строящаго цѣлую научную систему на основанія нѣсколькихъ аксіомъ. Смѣлый порывъ духа строящаго системы, но чувствующаго себя какъ бы творящимъ изъ себя истину, характеризующій направленіе, данное Декартомъ, есть фактъ великой важности въ исторіи науки. Онъ имѣлъ обширное возбуждающее и возвышающее дѣйствіе, породилъ изслѣдованія, открылъ эпоху новой философіи, былъ прародителемъ претендовавшихъ на всеобъемлемость системъ германской философіи нынѣшняго столѣтія. Однако, истинное накопленіе научнаго капитала, даже въ области естествознанія, гдѣ картезіанское направленіе было по преимуществу у себя дома, сдѣлано было инымъ путемъ, сравнительно скромнымъ, но вмѣстѣ и особенно плодовитымъ. Путь этотъ тотъ который мы видимъ въ трудахъ англійскаго соперника Декарта, Ньютона и его послѣдователей.

Научное направленіе, представителемъ котораго въ области естествознанія былъ Ньютонъ и которое называется иногда эмпирическою философіей, не ведетъ къ философской системѣ въ строгомъ смыслѣ. Въ основѣ направленія скрыто лежитъ идея *, что дѣйстви-

* Оговоримся, что характеризуемъ направленія такъ, какъ истолковы-

тельность не можетъ быть выражена въ сознаніи во всей ея полнотѣ. Потому всѣ построенія a priori необходимо грѣшатъ односторонностію. Такъ, никакой аттрибутъ доступный разумѣнію не можетъ выразить матеріи во всей ея полнотѣ. Научному сознанію доступна лишь доля дѣйствительности. Доля эта измѣняется (получаетъ приращеніе) процессомъ, въ которомъ къ научному сознанію присоединяется дѣйствіе духовное, но неуловимое для сознанія, усматривающаго только результатъ. Это и есть творчество. Одной сознательной работы логическихъ формъ для шага впередъ недостаточно. Между тѣмъ, по представленію, которое можно назвать картезіанскимъ, въ этой работѣ исключительный источникъ раскрытій. Извѣстно сдѣланное Ньютономъ сравненіе ученаго испытателя съ человѣкомъ стоящимъ на берегу моря и собирающимъ обломки выброшенныхъ раковинъ, по которымъ долженъ судить о лежащей предъ нимъ безграничности. Сравненіе это характеризуетъ осторожный пріемъ, въ основѣ котораго лежитъ признаніе, съ одной стороны, непостижимой безконечности, отъ времени дѣлающей раскрытія внимательному наблюдателю; съ другой—служебнаго значенія разума въ смыслѣ сознанія, усматривающаго, различающаго и раздѣляющаго въ области даннаго раскрытія, но самое раскрытіе получающаго чрезъ неуловимый для сознанія процессъ творческаго откровенія. Роль разума, въ смыслѣ научнаго сознанія, есть такимъ образомъ не столько творческая, сколько служебная. Эта черта выразилась, между прочимъ, въ весьма характеристическомъ фактѣ. Извѣстно, что изъ-подъ пера Ньютона, кромѣ его главныхъ научныхъ трудовъ, вышли обширные трактаты богословскаго содержанія. Великій астрономъ занимался усердно толкованіемъ пророчествъ и Апокалипсиса. Фактъ этотъ французскимъ біографамъ славнаго естествоиспытателя представлялся совершенно непонятною аномаліей. Нѣкоторые объясняли его умственнымъ уладкомъ генія, послѣдовавшимъ за усиленною работой ума, чуть не сумасшествіемъ. Между тѣмъ это было явленіемъ совершенно нормальнымъ средневѣковой девизъ: философія есть рабыня ѳеологіи, въ Ньютонѣ совмѣщался съ напряженнѣйшею самостоятельною работой разума въ дѣлѣ открытія научныхъ истинъ. Но у Ньютона и тутъ господствовало сознаніе грани, переходъ чрезъ которую долженъ вести размышленіе въ область безплодной дѣятельности, не обѣщающей пріобрѣтенія. Онъ остановилъ свою философію природы на открытіи законовъ явленій безъ разъясненія ихъ причинъ, и прозрѣвъ величайшій изъ нихъ—законъ тяготѣнія, въ ка-

ваемъ ихъ себѣ съ точки зрѣнія современнаго пониманія и слѣдовательно дополняя то, что было явно высказано ихъ основателями. Потому мы и употребили выраженіе *скрыто*.

литальномъ сочиненіи своемъ, не высказалъ даже предположенія о причинѣ физическаго чуда, какимъ представляется стремленіе чрезъ разстояніе двухъ матеріальныхъ частицъ одной къ другой.

Если съ научныхъ высотъ вступимъ въ область практическаго разума, въ міръ практическихъ отношеній государственной, общественной и личной жизни, то противоположность направленій, изъ коихъ одно источникъ истины всецѣло полагаетъ въ разумѣ, другое даетъ разуму и сознанію значеніе средства раскрытія, а не источника творчества, получаетъ особое значеніе. Здѣсь сомнѣніе, первый шагъ къ философской самостоятельности, можетъ сдѣлаться разрушеніемъ; односторонность—пагубой. Здѣсь безусловно требуется разсмотрѣніе дѣйствительности во всей полнотѣ, отступленіе ведетъ къ гибельнымъ послѣдствіямъ. Ученый математикъ можетъ составить стройную, глубоко обработанную систему механики, отвлекаясь отъ явленія тренія, какъ бы его не было, и разсматривая твердое тѣло какъ неизмѣняемую механическую систему, лишенную упругости, но если бы на основаніи такой теоріи мы вздумали строить дороги и мосты, то немедленно сломали бы на нихъ себѣ шею. Тѣ теоретическія построенія политическаго зданія „по разуму“ откуда вытекла революціонная доктрина суть именно такого рода отвлеченныя теоріи, которыхъ пагуба въ ихъ односторонности.

Доктрина разсматривала *отвлеченнаго человѣка*, устранивъ при разсмотрѣніи, какъ будто ихъ нѣтъ, два элемента капитальной важности. Элементы эти: во первыхъ, *религія* въ смыслѣ фактора общественной жизни и, во вторыхъ, *исторія* въ смыслѣ преемства связывающаго гражданъ государства съ его прошедшимъ. Религія какъ общественная связь людей, въ смыслѣ церкви, какъ факторъ государственной жизни не признается. Не забудемъ что доктрину хотѣли приложить къ обществу гдѣ католическая церковь была первенствующею силой, гдѣ духовенство держало въ рукахъ своихъ все воспитаніе страны и совѣсть милліоновъ гражданъ, гдѣ столкновеніе разрушительнаго потока революціи съ невидимою невнимательному глазу, но великою силой католицизма главнымъ образомъ опредѣлило всѣ дальнѣйшія событія, гдѣ борьба съ этою силой продолжается донынѣ, Исторія отброшена какъ литнее бремя мѣшающее правильному переустройству человѣческаго муравейника по началамъ разума съ его заключеніями, независимыми, въ качествѣ вѣчной истины, отъ условій времени. Человѣкъ изъ лѣсовъ прямо переносится, не останавливаясь во Франціи въ нѣкоторое имѣющее устроиться идеальное общество.

Какъ же, спрашивается, должно быть устроено это общество? Картезіанская школа высоко ставила пріемы употребляемые въ математическихъ наукахъ. Нѣкоторые философы этой школы излагали свои

философскія ученія въ математической формѣ. Обычный математическій пріемъ въ томъ чтобы, принявъ въ основаніе нѣсколько аксіомъ, строить научное зданіе, выводя изъ нихъ возможныя послѣдствія. И построеніе политическаго зданія должно имѣть въ своемъ основаніи политическія аксіомы какъ нѣкоторыя очевидныя истины, долженствующія получить силу руководящихъ началъ. „Объявленіе“, правъ человѣка и гражданина, по замыслу его составителей, должно было именно представлять сводъ политическихъ аксіомъ по отношенію къ которымъ государственная конституція и законодательство должны быть выводомъ и послѣдствіемъ. Эти аксіомы для законодателей должны быть указаніемъ и руководствомъ, для гражданъ критеріемъ достоинства законоположеній. Хотя странная идея вырабатывать философскія положенія собраніемъ изъ тысячи человѣкъ не могла, конечно, не повести къ несообразнымъ результатамъ, главныя изъ этихъ аксіомъ были до того ходячими въ ту эпоху что не могли не найти мѣста въ „Объявленіи“, несмотря на многочисленность и разнообразіе предложенныхъ редакцій.

Остановимся на этомъ знаменательномъ актѣ, поставленномъ во главѣ конституціи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Осуществленіе революціоннаго ученія въ законодательствѣ: „Объявленіе правъ человѣка“.

I. Какъ составлено было „Объявленіе“.—II. Текстъ „Объявленія“ въ нѣсколькихъ его изданіяхъ. — III, IV, V. Основныя идеи „Объявленія“: идея народнаго самодержавшія въ связи съ ученіемъ Руссо.—VI. Идея общаго счастія. — VII. Замѣчанія Бентама касательно „Объявленія“. Ближайшія практическія послѣдствія „Объявленія“.

I.

Въ краткій періодъ преобладанія теоретиковъ революціи еще сохраняла силу иллюзія, что желанный переворотъ будетъ имѣть, *философскій* характеръ. Происходившее предъ глазами обращеніе Собранія въ шумное сборище встревоженныхъ и раздраженныхъ людей охотно готовы: были приписать вторженію внѣшнихъ событій, и надѣялись, что Собраніе явитъ себя тѣмъ чѣмъ по теоріи должно было быть: законодательною академіей, гдѣ въ мудромъ совѣщаніи выработается „конституція“ имѣющая открыть на вѣка эру государственнаго благоденствія Франціи. Въ извѣстной мѣрѣ этотъ поучительный промежутокъ времени дѣйствительно можетъ быть названъ философскимъ періодомъ революціи. Тутъ сказались идеи составляющія „духъ революціи“, выражены начала которыя потомъ получили наименованіе „великихъ началъ 1789 года“. Тутъ можемъ мы войти въ самую

глубь революціонной мысли, разъяснить то что̀ являлось теоретическою основой революціоннаго опыта.

Въ эту эпоху выработано „Объявленіе правъ человѣка и гражданина“, на которое составители его смотрѣли какъ на возвѣщеніе аксіомъ политической мудрости выработанныхъ „философами“ вѣка. Какъ стройное зданіе геометрической науки есть логическое развитіе послѣдствій вытекающихъ изъ нѣсколькихъ основныхъ истинъ именуемыхъ аксіомами, такъ и разумная государственная конституція, учили теоретики революціи, должна быть развитіемъ нѣсколькихъ простыхъ и безспорныхъ началъ. Эти начала, изложенныя во всенародномъ объявленіи, должны служить и руководящею нитью для оцѣнки постановленій этого законодательнаго акта. Идея такого объявленія представлялась въ высшей степени привлекательною. Еще въ засѣданіи 11 іюля 1789 года, когда едва начались работы конституціонной коммиссіи, падкій на популярность Лафайетъ послѣшилъ выступить съ первымъ проектомъ „объявленія“. Наказъ его округа, обязывавшій его подавать голосъ не иначе какъ по сословіямъ, лишалъ его возможности участвовать въ голосованіяхъ, но для него было невыносимо оставаться въ тѣни. Проектъ, понятно, былъ составленъ въ духѣ ходячихъ идей. Предложенный Лафайетомъ проектъ *Объявленія* гласилъ такъ:

„Природа сдѣлала людей свободными и равными; необходимыя для общественнаго порядка различія основываются единственно на общей пользѣ.

„Каждый человѣкъ родится съ правами не отчуждаемыми и не предписуемыми. Таковы суть: свобода всѣхъ его мнѣній; забота о своей чести и жизни; право собственности; право полнаго распоряженія самимъ собою, своимъ ремесломъ, всѣми своими способностями; сообщеніе мыслей всѣми возможными средствами; исканіе благосостоянія и сопротивленіе угнетенію.

„Пользованіе естественными правами не имѣетъ другихъ границъ кромѣ тѣхъ, которыя обезпечиваютъ другимъ членамъ общества пользованіе таковыми же.

„Никто не можетъ быть подчиненъ инымъ законамъ, кромѣ тѣхъ на кои согласился самъ или чрезъ своихъ представителей и кои были предварительно обнародованы и законно приложены.

„Начало верховенства пребываетъ въ націи.

„Никакая корпорація, никакой отдѣльный человѣкъ не могутъ имѣть власти, которая опредѣлительно не истекала бы отъ націи (qui n'en émane expressement).

„Каждое правительство единственною цѣлью имѣетъ общее благосостояніе (le bien commun). Это требуетъ, чтобы власти законодательная, исполнительная и судебная были различены и опредѣлены и чтобъ

устройство ихъ обезпечивало свободное представительство гражданъ, отвѣтственность агентовъ власти и безпристрастіе судей.

„Законы должны быть ясны, точны, однообразны для всѣхъ гражданъ.

„Налоги (subsides) должны быть послѣдствіемъ свободнаго согласія и распредѣлены пропорціонально

„А такъ какъ прокрадывающіяся злоупотребленія и право послѣдующихъ поколѣній дѣлаютъ необходимымъ пересмотръ каждаго человѣческаго учрежденія, то нація должна въ извѣстныхъ случаяхъ имѣть возможность дѣлать экстраординарныя собранія депутатовъ съ единственно цѣлью разсмотрѣть и исправить, буде необходимо, недостатки конституціи."

Въ числѣ правъ поставлено между прочимъ „сопротивленіе угнетенію", способное, конечно, оправдать всякій мятежъ. Лалли-Толандаль, при общихъ рукоплесканіяхъ, привѣтствовалъ героя Американской войны словами: „авторъ предложенія говоритъ такъ о свободѣ какъ умѣлъ ее защищать", но вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ отклонить такое отдѣленное отъ основаній конституціи объявленіе правъ. „Оно легко можетъ, заявилъ онъ, повести къ злономѣренному истолкованію нашихъ мыслей и чувствъ. Что если нѣкоторые извращенные умы, не понявъ нашихъ принциповъ предадутся безпорядкамъ которые намъ пришлось бы оплакивать?" 11 іюля предложеніе Лафайета было отклонено, и проектъ его препровожденъ въ отдѣленія Собранія.

Событія послѣдовавшія за 14 іюля (взятіе Бастиліи) отвлекли Собраніе отъ конституціонныхъ вопросовъ, но конституціонная коммиссія продолжала свои труды и въ засѣданіи 27 іюля представила свои первыя работы. Предсѣдатель коммиссіи, архіепископъ Бордосскій, въ своей рѣчи указалъ что коммиссія прежде всего остановилась на изученіи наказовъ съ цѣлью извлечь изъ нихъ волю націи и поручила одному изъ членовъ (графу Клермонъ-Тоннеру) сдѣлать сводъ высказанныхъ въ нихъ желаній избирателей; затѣмъ преступлено де было къ составленію проекта объявленія правъ и составлены два: одинъ аббатомъ Сіесомъ (имъ напечатанный), другой Мунье, составившимъ кромѣ того проектъ первой главы конституціи — о принципахъ Французскаго правительства. Архіепископъ присовокупилъ, что вопросъ долженъ ли законодательный корпусъ быть періодическимъ или постояннымъ рѣшенъ коммиссіей въ пользу постоянства, но что относительно вопроса долженъ ли онъ состоять изъ одной палаты или изъ двухъ палатъ мнѣнія раздѣлись. Послѣ рѣчи архіепископа, графъ Клермонъ-Тоннеръ сообщилъ свой „результатъ изученія наказовъ", раздѣливъ его на двѣ части: начала общепринятыя и вопросы относительно коихъ мнѣнія различны. Оказалось что всѣ наказы единогласны въ признаніи Французскаго правительства наслѣдственнымъ монархическимъ и въ признаніи необ-

ходимости королевской санкціи, дабы законъ получилъ силу (право *veto*, вопросъ о которомъ чрезъ два мѣсяца былъ порѣшенъ Собраніемъ вопреки наказамъ).

Приведемъ сводъ Клермонъ-Тоннера

Общепринятыя начала:

1. Французское правленіе есть правленіе монархическое.
2. Лицо короля священно и неприкосновенно.
3. Корона его наслѣдственна въ мужскомъ колѣнѣ.
4. Король есть хранитель depositaire) исполнительной власти
5. Агенты власти отвѣтственны
6. Санкція короля необходима для обнародованія (promulgation) законовъ.
7. Нація составляетъ (fait) законы при санкціи короля.
8. Согласіе націи необходимо для заключенія займовъ и установленія налоговъ
9. Согласіе на налогъ можетъ быть изъявлено лишь на промежутокъ отъ одной сессіи собранія народныхъ представителей до другой.
10. Собственность священна.
11. Личная свобода священна.

Вопросы относительно которыхъ наказы высказались не одинаково:

1. Имѣетъ ли король законодательную власть ограниченную конституціонными законами королевства?
2. Можетъ ли король одинъ издавать временные (provisoires) полицейскіе и административные законы въ промежуткѣ сессій собранія сословныхъ представителей?
3. Должны ли эти законы быть представляемы высшимъ судебнымъ учрежденіямъ для занесенія въ сводъ?
4. Собранія сословныхъ представителей могутъ ли быть распускаемы иначе какъ сами собою (les Gtats-généraux ne peuvent ils être dissous que par eux-mêmes)?
5. Можетъ ли король созывать, продлять и распускать собранія сословныхъ представителей?
6. Въ случая распущенія обязанъ ли король немедленно дѣлать новый созывъ?
7. Будутъ ли собранія представителей постоянныя или періодическія?
8. Если будутъ періодическія, то будетъ ли промежуточная коммиссія (commission intermédiaire)?

9. Два первыя сословія будутъ ли соединены въ одну палату?

10. Двѣ палаты будутъ ли образованы безъ различія сословій?

11. Члены духовенства будутъ ли распредѣлены между двумя другими сословіями?

12. Представители духовенства, дворянства и общинъ будутъ ли между собой въ пропорціи одного къ двумъ и къ тремъ?

13. Будетъ ли установлено еще сословіе подъ наименованіемъ деревенскаго (sera-ta-il établi un troisième ordre sous le titre d'ordre des campagnes)?

14. Лица имѣющія служебныя должности (charges, emplois) или мѣста при дворѣ могутъ ли быть депутатами въ собраніи представителей?

15. Двѣ трети голосовъ будутъ ли необходимы для постановленія рѣшенія?

16. Налоги имѣющіе назначеніемъ покрытіе государственнаго долга будутъ ли собираться до окончательнаго его погашенія?

17. Именныя повелѣнія именуемыя lettres de cachet будутъ ли уничтожены или измѣнены (les lettres de cachet seront elles abolies ou modifiées)?

18. Свобода печали будетъ ли неограниченная или условная (indéfinie ou modifiée)?

Затѣмъ Мунье прочелъ проектъ объявленія правъ и принятую коммиссіей редакцію главы о началахъ Французскаго правительства.

Пренія въ Собраніи о представленныхъ коммиссіей проектахъ открылись 1 августа обсужденіемъ вопроса „ставить ли во главѣ конституціи объявленіе правъ“ и какое должно быть его содержаніе. Множество ораторовъ потребовали слова: записалось немедленно пятьдесятъ шесть человѣкъ. Начались длинные сужденія, рядъ послѣдовательныхъ диссертацій, въ которыхъ ораторы изливали накопившійся жаръ говоренія. Устрашенный нескончаемымъ потокомъ краснорѣчія, одинъ депутатъ, по имени Бушъ (Bouche — ротъ: имя подало поводъ къ остротамъ) въ засѣданіи 3 августа предложилъ ограничить рѣчь каждаго аратора пятью минутами, и для этой цѣли поставить предъ предсѣдателемъ песочные часы высыпающіеся ровно въ пять минутъ. Предложеніе, впрочемъ, принято не было и свобода говоренія осталась неприкосновенною. Приведемъ, безъ особаго выбора, нѣсколько отрывковъ изъ рѣчей произнесенныхъ 1 августа чтобы дать понятіе о господствовавшемъ въ засѣданіи тонѣ краснорѣчія.

Дюранъ де-Мальянъ (Durand de Maillane), депутатъ изъ Арля. Наказъ моего округа обязуетъ меня требовать объявленія правъ человѣка, имѣющаго служить основой конституціи и путеводною нитью трудовъ Собранія. Объявленіе должно быть выставлено въ городахъ, въ судахъ, въ церквахъ. Да послужитъ оно первою дверью для входа въ

зданіе національной конституціи. Народъ утратившій свои права и требующій ихъ обратно долженъ знать начала на коихъ права сіи зиждутся. Онъ долженъ объявить ихъ во всеуслышаніе и т. д.

Де-Креньеръ. Я представлю то, что обдумалъ въ тиши уединенія и незамѣтнаго существованія. Руководителемъ имѣю только разумъ, движущею силой только любовь къ человѣчеству... Человѣкъ въ состояніи природы ни рабъ, ни свободный; у него нѣтъ ни правъ, коими могъ бы пользоваться, ни обязанностей, кои бы исполнялъ. Входя въ общество, онъ принимаетъ обязанности. Но онъ не могъ возложить на себя обязанности, не пріобрѣтя эквивалентнаго количества правъ; не могъ пожертвовать своею естественною независимостію, не получивъ въ обмѣнъ политической свободы. Посему пріобрѣтаемыя имъ актомъ ассоціаціи права суть права естественныя, по сему самому неотъемлемыя; въ нихъ основа самой ассоціаціи и т. д., и т. д.

Тарже. Истины, кои намъ предстоитъ обнародывать, не достаточно извѣстны. Были ли онѣ вѣдомы народамъ Азіи?. Знали ли ихъ тираны заставлявшіе міръ стенать подъ гнетомъ ихъ гордости и притѣсненія? Познали ли ихъ окружающіе насъ народы Европы. изъ коихъ свободнѣйшіе сохраняютъ еще развалины памятниковъ деспотизма? Извѣстны ли они народу одичавшему въ рабствѣ, не знающему даже о своемъ званіи человѣка и т. д.

Графъ Кастелланъ. Бросьте взоры ваши на поверхность земнаго шара. Вы содрогнетесь, конечно, вмѣстѣ со мною, видя сколь малая часть сохранила, не говорю, полноту своихъ правъ, но хоть какой-нибудь остатокъ свободы. Не стану уже приводить всю Азію и несчастныхъ Африканцевъ, находящихъ на островахъ еще сильнѣйшее рабство чѣмъ какому подчинены въ отечествѣ Но не выходя изъ Европы, развѣ не видимъ мы цѣлые народы почитающіе себя собственностію нѣсколькихъ властителей? Развѣ не воображаютъ почти всѣ они, что обязаны повиновеніемъ законамъ составленнымъ деспотами, кои сами онымъ не подчиняются? Даже въ Англіи, на семъ счастливомъ островѣ, сохранившемъ священный огонь свободы, развѣ мало злоупотребленій кои исчезли бы еслибы права человѣка были лучше извѣстны...

Выписки можно бы продлить по произволу. Многословныя упражненія эти въ краснорѣчіи, возбуждавшія улыбку практическихъ людей какъ Мирабо, длились, оставаясь въ области отвлеченныхъ сужденій о правахъ человѣка и гражданина, почти цѣлый мѣсяцъ, прерываемая текущими событіями и эпизодомъ неожиданныхъ рѣшеній знаменитой ночи 4 августа. Въ виду возрастающаго количества проектовъ „Объявленія“, Собраніе въ засѣданіи 13 августа составило коммиссію изъ пяти членовъ для редакціи окончательнаго проекта.

Въ коммиссію вошли: Демёнье, епископъ Лангрскій, Тронше, Мирабо и Редонъ (*Monit.* I, 355). 17 августа Мирабо какъ докладчикъ коммиссіи внесъ составленный въ ней проектъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отъ себя предложилъ Собранію отложить окончательную редакцію „Объявленія“ до того времени когда будутъ установлены всѣ части конституціи. И въ этомъ случаѣ Мирабо обнаружилъ сдерживающее вліяніе на какое мы не разъ указывали. На „Объявленіе“ въ качествѣ изложенія теоріи государственнаго устройства онъ смотрѣлъ какъ на дѣло безплодное. „Объявленіе“ какъ оправдательный и поощряющій революціонный манифестъ ему казалось несвоевременнымъ и опаснымъ. Онъ понималъ какъ легко такое объявленіе правъ, подъ видомъ свободы, разнуздывающее инстинкты произвола, могло обратиться въ орудіе мятежа. „Философъ работающій для будущаго и обращающійся не къ толпѣ (читаемъ въ журналѣ Мирабо *Courr. de Prov.* отъ 18 августа) долженъ являться, ничѣмъ не смущаясь, отстителемъ человѣчества. Оглядка (circonspection) съ его стороны была бы слабостію, уступка низостію, терпимость вѣроломствомъ. Но государственный человѣкъ не даетъ въ руки народа оружія, не научивъ предварительно имъ пользоваться, не даетъ изъ опасенія, не обратилъ бы народъ, въ чаду перваго опьяненія, это оружіе противъ себя самого, чтобъ отбросить затѣмъ въ раскаяніи и ужасѣ“.

Опасенія шли также и со стороны партіи теоретиковъ революціи, хотя самая затѣя сдѣлать изложеніе правъ человѣка принадлежитъ ея представителямъ. Мунье первый настойчиво указывалъ на такое изложеніе какъ на существенную главу конституціи и составилъ планъ таковаго. Произошло то, что такъ нерѣдко случается съ доктринерами. Безконечно расходясь въ теоріи съ лагеремъ враждебныхъ мнѣній, доктринеры не рѣдко на практикѣ оказываются въ неожиданномъ союзѣ и согласіи именно съ тѣми противъ кого готовы, повидимому, всячески ратовать. Понятно, что приверженцы продолженія революціи желали „Объявленія“; что Барнавъ хотѣлъ чтобъ оно сдѣлалось національнымъ катихизисомъ, что Дюпоръ восклицалъ: „мы работаемъ не для Франціи только, но для всѣхъ націй. Всѣ народы внимаютъ намъ. Мы мстители и учители рода человѣческаго“ *. Но туманъ застилалъ глаза Мунье когда онъ слагалъ свое „Объявленіе“ какъ главу революціонной метафизики имѣющую просвѣтить умы и законодателей, и народа. Скоро наученные событіями, представители умѣренной партіи поняли опасность и стали

* Слова приведены въ книгѣ Бентама *Tactique des assemblées législatives*, II, 351, Paris 1816. (Перевозъ).

противодѣйствовать провозглашенію правъ отдѣльно отъ конституціи. „Съ безпокойствомъ, говорилъ Малуэ въ одномъ изъ засѣданій начала августа, съ сожалѣніемъ о текущемъ времени, съ соболѣзнованіемъ о накопляющихся безпорядкахъ начинаю рѣчь. Минута въ какую находимся требуетъ болѣе дѣйствія и размышленія чѣмъ рѣчей. Насъ ждетъ народъ. Онъ требуетъ отъ насъ порядка, мира, охранительныхъ законовъ... Права человѣка и гражданина должны быть постоянно предъ глазами у всѣхъ. Они и свѣтъ и цѣль законодателя. Поэтому я никакъ не смотрю на трудъ представленный комитетомъ какъ на безполезный. Въ немногихъ словахъ онъ соединяетъ глубочайшія размышленія, свѣтлыя идеи, необходимѣйшія истины. Но обратимъ ли мы въ законодательные акты это метафизическое изложеніе или представимъ эти принципы, въ ихъ переработкѣ, въ конституціи какую имѣемъ сдѣлать? Я знаю, что Американцы не прибѣгли къ этой предосторожности. Они взяли человѣка въ нѣдрахъ природы и представили его міру въ его первоначальномъ самодержавіи (dans sa souveraineté primitive). Но американское общество, новообразованное цѣликомъ состоитъ изъ собственниковъ привыкшихъ уже къ равенству, чуждыхъ и роскоши и нищеты, почти не знающихъ бремени налоговъ и предразсудковъ, не нашедшихъ на обрабатываемой ими землѣ никакого слѣда „феодализма“. Малуэ предлагалъ, чтобъ „Объявленіе правъ“ было поставлено въ заключеніе и чтобы въ немъ избѣгнуты были отвлеченныя опредѣленія и метафизическое изложеніе. „Зачѣмъ представлять людямъ права въ ихъ полнотѣ, тогда какъ пользоваться этими правами они могутъ только со справедливыми ограниченіями? Въ предполагаемомъ изложеніи правъ, думаю, имѣется въ виду вовсе не принимать во вниманіе то, что есть (je suppose que dans cette conception des droits, nous n'avons aucun égard à ce qui est): всѣ формы правленія являются намъ какъ свободныя орудія въ нашихъ рукахъ. Но какъ только выберемъ одну изъ нихъ—тотчасъ уже измѣняются естественный человѣкъ и его права. Зачѣмъ возводить его на вершину горы и показывать ему царство безпредѣльное, если онъ долженъ спуститься и встрѣтить границы на каждомъ шагу?... Прибавлю послѣднее замѣчаніе. Метафизическія пренія нескончаемы. Коль скоро предадимся имъ, эпоха конституціи удалится. Между тѣмъ насъ окружаютъ явныя опасности. Правительство безъ силы и средствъ, власть унижена, суды бездѣйствуютъ, одинъ народъ въ движеніи. Сборъ налоговъ прекратился; всѣ расходы увеличились, всѣ доходы уменьшились, каждое сколько-нибудь обременительное обязательство кажется несправедливымъ.“ „Національное Собраніе, говорилъ Лалли-Толандаль въ засѣданіи 19 августа, опредѣлило, что объявленіе правъ должно предшествовать конституціи. Но предстоящія къ исполненію этого опредѣленія труд-

ности поистинѣ внушаютъ опасенія. Если оказывается невозможнымъ установить согласіе по этому предмету между тысячью двумя стами членовъ Собранія, то какъ надѣяться привести двадцать четыре милліона людей къ соглашенію въ пониманіи. Устраните всѣ метафизическіе вопросы, замѣните ихъ фактическими истинами. Изберите объявленіе самое простое, ясное и короткое. Вы видите человѣка въ лѣсахъ, послѣтите вывести его оттуда и помѣстите среди Франціи. Англичане, которымъ политика обязана столькими раскрытіями, а общество столь мудрымъ правительствомъ, всегда изгоняли метафизику изъ своихъ законовъ".

Совѣты благоразумія, какъ водится, оказали мало дѣйствія. Объявленіе, улыбавшееся партіи дѣйствія болѣе всего именно какъ революціонный манифестъ, состоялось. Собраніемъ была избрана редакція предложенная шестымъ бюро (ее приписывали епископу Нансійскому). За нее было подано 620 голосовъ: редакція аббата Сіеса получила 240, Лафайета 40 голосовъ (*Merc. de Fr.*, августа 1789, стр. 352). Обсужденіе отдѣльныхъ параграфовъ „Объявленія" окончилось 26 августа въ семнадцатую недѣлю сессіи Собранія. „Бросивъ взглядъ назадъ, говоритъ редакторъ *Меркурія*, Малле дю-Панъ (septembre, 31), на протяженіе четырехъ мѣсяцевъ протекшихъ съ открытія Національнаго Собранія и въ теченіе которыхъ не рѣшено вполнѣ ни одного еще параграфа конституціи, не состоялось ни одного постановленія касательно печальнаго положенія финансоваго управленія, не порѣшено ни одного пункта государственной и провинціальной экономіи (un seul point d'économie publique ou provinciale),—нельзя не дивиться силѣ инерціи какую большое государство противополагаетъ самымъ сильнымъ потрясеніемъ и игрѣ событій, дающей дѣламъ то или другое рѣшительное направленіе прежде чѣмъ оно опредѣлилось какимъ-либо закономъ. Нельзя также не удивляться могущественному вліянію событій на политическія дѣла. Истекшая недѣля имѣла тотъ по крайней мѣрѣ интересъ, что окончилась наконецъ длинная прелюдія конституціи". Малле дю-Панъ былъ вообще противъ объявленія правъ. „Когда въ 1688 году, говоритъ онъ (*Merc. de Fr.*, août, 172), былъ составленъ (въ Англіи) знаменитый билль о правахъ, составители его очень хорошо знали права человѣка вообще. Въ теченіе десяти лѣтъ, въ царствованіе Карла I, трактовалось объ этомъ; въ сотнѣ парламентскихъ рѣчей, въ сотнѣ писаній проводились эти метафизическія начала. Они всѣ встрѣчаются въ знаменитомъ сочиненіи Марчмонта Нидгама (Marchmont Needham), въ оригинальной книгѣ изданной въ 1655 году и озаглавленной: *Excellence of Free State, or the right constitution of a common wealth. Общественный договоръ* Руссо есть какъ бы робкое извлеченіе изъ этого сочиненія, хотя Руссо не имѣлъ о немъ понятія. И между тѣмъ парламентъ ограничился объявленіемъ законовъ".

II.

Приводимъ цѣликомъ „Объявленіе правъ" въ томъ видѣ какъ оно окончательно было принято Собраніемъ и составило первую главу первой французской конституціи, въ полномъ составѣ принятой въ сентябрѣ 1791 года.

„Представители Французскаго народа, составляющіе Національное Собраніе, принимая во вниманіе, что незнаніе и забвеніе правъ человѣка и презрѣніе къ нимъ суть единственныя причины общественныхъ несчастій и порчи правительствъ, постановили изложить въ торжественномъ объявленіи естественныя права человѣка, неотъемлемыя и священныя, дабы объявленіе сіе, постоянно находясь предъ глазами всѣхъ членовъ общественнаго тѣла, непрестанно напоминало имъ права и обязанности; дабы дѣйствія и законодательной и исполнительной власти, при постоянной возможности сравнивать ихъ съ цѣлью всякаго политическаго установленія, были тѣмъ болѣе уважаемы; дабы сѣтованія и требованія гражданъ, отнынѣ основываясь на простыхъ и неослоримыхъ началахъ, всегда обращались къ поддержанію конституціи и къ счастію всѣхъ.

„Посему, Собраніе признаетъ и объявляетъ, въ присутствіи и подъ покровительствомъ Верховнаго Существа, слѣдующія права человѣка и гражданина.

„§ 1. Люди родятся и остаются свободными и равными въ правахъ. Общественныя различія могутъ основываться только на общей пользѣ.

„§ 2. Цѣль всякаго политическаго союза есть охраненіе естественныхъ и неотъемлемыхъ правъ человѣка. Права эти суть: свобода, собственность, безопасность и сопротивленіе угнетенію.

„§ 3. Начало всякаго верховенства (le principe de toute souveraineté) пребываетъ существенно въ націи: никакая корпорація, никакой отдѣльный человѣкъ не можетъ имѣть власти кромѣ той которая опредѣлительно истекаетъ отъ націи (ne peut exercer d'autorité qui n'en émane expressément).

„§ 4. Свобода состоитъ въ возможности дѣлать все, что не вредитъ другому. Такимъ образомъ пользованіе каждаго человѣка его естественными правами имѣетъ своими предѣлами только тѣ предѣлы, кои обезпечиваютъ другимъ членамъ общества пользованіе такими же правами.

„§ 5. Законъ имѣетъ право запрещать только тѣ дѣйствія, кои вредятъ обществу. Что не запрещено закономъ, то не должно встрѣчать препятствій. Никто не можетъ быть принуждаемъ дѣлать то, что не повелѣно закономъ.

„§ 6. Законъ есть выраженіе общей воли. Всѣ граждане имѣютъ право лично или чрезъ представителей своихъ соучаствовать въ его составленіи. Онъ долженъ быть одинаковъ для всѣхъ, какъ въ случаяхъ, когда ограждаетъ, такъ и въ случаяхъ, когда караетъ. Всѣ граждане равны въ его глазахъ; имѣютъ одинаковый доступъ ко всѣмъ положеніямъ, мѣстамъ и общественнымъ должностямъ, согласно своимъ способностямъ и безъ другаго различія кромѣ поставляемаго ихъ доблестями и талантами.

„§ 7. Никто не можетъ быть осужденъ, арестованъ или задержанъ кромѣ какъ въ случаяхъ, указанныхъ закономъ и иначе какъ съ соблюденіемъ предписываемыхъ закономъ формъ. Кто испрашиваетъ, препровождаетъ, исполняетъ или заставляетъ исполнять произвольныя велѣнія, подлежитъ наказанію. Но каждый гражданинъ, призываемый или задерживаемый въ силу закона, долженъ немедленно повиноваться. Сопротивляясь, онъ становится виновнымъ.

„§ 8. Законъ должно устанавливать только строго и явно необходимый; и никто не можетъ быть наказанъ иначе какъ въ силу закона, установленнаго и обнародованнаго прежде совершенія проступка и законно приложеннаго.

„§ 9. Каждый человѣкъ предполагается невиннымъ пока не объявленъ виновнымъ, и потому въ случаѣ когда признано необходимымъ его арестовать, всякая строгость, кромѣ необходимой для обезпеченія задержанія, должна быть строго преслѣдуема закономъ.

„§ 10. Никто не долженъ быть притѣсняемъ за свои мнѣнія, даже религіозныя, если только обнаруженіе ихъ не нарушаетъ общественнаго порядка, установленнаго закономъ.

„§ 11. Свободное сообщеніе мыслей и мнѣній есть одно изъ драгоцѣннѣйшихъ правъ человѣка. Посему каждый гражданинъ можетъ говорить, писать, печатать свободно, подъ условіемъ отвѣчать въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ, за злоупотребленія этой свободы.

„§ 12. Огражденіе права человѣка и гражданина требуетъ общественной силы (force publique); сила эта устанавливается посему для выгоды всѣхъ, а не на частную пользу тѣхъ кому она ввѣряется.

„§ 13. Для содержанія общественной силы и для издержекъ администраціи необходимъ общій налогъ (une contribution commune). Онъ долженъ быть равномѣрно распредѣленъ между гражданами въ мѣру ихъ силъ (en raison de leurs facultés).

„§ 14. Всѣ граждане имѣютъ право сами или чрезъ своихъ представителей утверждать необходимость (constater la nécessité) общественнаго налога, свободно на него соглашаться, слѣдить за его употребленіемъ, опредѣлять его размѣръ, раскладку, покрытіе и продолжительность.

„§ 15. Общество имѣетъ право требовать отчета отъ каждаго офиціальнаго агента (agent public) его администраціи.

„§ 16. Общество, въ которомъ гарантія правъ не обезпечена и раздѣленіе властей не установлено—не имѣетъ конституціи.

„§ 17. Собственность есть священное и ненарушимое право. Никто не можетъ быть лишенъ своей собственности кромѣ какъ въ случаяхъ требованій общественной необходимости, законно признанной и подъ условіемъ справедливаго и предварительнаго вознагражденія".

Таково „Объявленіе" 1789 года. Аксіомы революціонной доктрины нашли въ немъ свое выраженіе, но далеко не полное. Конституція 1791 года, Сохраняла монархію. Этотъ компромиссъ не могъ не повліять и на „Объявленіе" 1789 года. „Объявленіе правъ", поставленное во главѣ конституціи 1793 года, есть болѣе цѣльное и болѣе логическое развитіе доктрины. Чтобъ яснѣе понимать „Объявленіе" 1789 года, его необходимо сопоставлять съ „Объявленіемъ" 1793 года, гдѣ основная доктрина явилась въ исправленномъ, очищенномъ и дополненномъ изданіи.

Вотъ текстъ „Объявленія правъ человѣка и гражданина" ломѣщенный во главѣ конституціи 1793 года.

„Французскій народъ (не представители какъ въ первомъ „Объявленіи"), убѣжденный, что забвеніе и презрѣніе правъ человѣка есть единственная причина несчастій въ мірѣ, постановилъ изложить въ торжественномъ „Объявленіи" эти священныя и неотъемлемыя права, дабы всѣ граждане, имѣя возможность непрерывно сравнивать дѣйствія правительства съ цѣлью каждаго общественнаго учрежденія, никогда не допустили бы себя до угнетенія и униженія тираніей дабы народъ имѣлъ всегда предъ глазами основанія своей свободы и своего счастія, судія правила своего долга, законодатель цѣли своей миссіи.

„По сему онъ провозглашаетъ, въ присутствіи Высшаго Существа (въ „Объявленіи" 1789 года было: и подъ покровительствомъ), слѣдующія права человѣка и гражданина:

„1. Цѣль общества есть общее счастіе.

„Правительство установлено дабы гарантировать человѣку пользованіе его естественными и безусловными правами.

„2. Права сіи суть: равенство, свобода, безопасность, собственность.

„3. Всѣ люди равны по природѣ и предъ закономъ.

„4. Законъ есть свободное и торжественное выраженіе общей воли; онъ одинаковъ для всѣхъ какъ въ случаяхъ, когда ограждаетъ, такъ и въ случаяхъ, когда караетъ. Онъ можетъ предписывать лишь то, что справедливо и полезно обществу; онъ можетъ запрещать лишь то что обществу вредно.

„5. Всѣ граждане имѣютъ одинакій доступъ къ государственнымъ

должностямъ. Свободные народы не знаютъ другихъ мотивовъ предпочтенія въ ихъ избраніяхъ, какъ доблести и таланты.

„6. Свобода есть каждому человѣку принадлежащая мощь дѣлать то, что не вредитъ правамъ другаго. Она имѣетъ началомъ природу, правиломъ справедливость, охраною законъ. Ея нравственный предѣлъ заключается въ правилѣ: не дѣлай другому того, чего не хочешь чтобы было сдѣлано тебѣ.

„7. Право выражать свою мысль и свои мнѣнія путемъ ли печати или другимъ какимъ способомъ, право мирно собираться, свободно отправлять свое богослуженіе, не могутъ быть отняты (ne peuvent être interdits). Необходимость возвѣщать эти права предполагаетъ или присутствіе деспотизма, или недавнее о немъ воспоминаніе.

„8. Безопасность состоитъ въ покровительствѣ оказываемомъ обществомъ каждому изъ его членовъ относительно охраненія его личности, правъ и собственности.

„9. Законъ долженъ защищать общественную и личную свободу отъ угнетенія тѣхъ кто правятъ.

„10. Никто не можетъ быть осужденъ, арестованъ или задержанъ, кромѣ какъ въ случаяхъ указанныхъ закономъ и иначе какъ съ соблюденіемъ предписываемыхъ закономъ формъ. Каждый гражданинъ призываемый или задерживаемый въ силу закона долженъ немедленно повиноваться. Сопротивляясь, онъ становится виновнымъ

„11. Каждое дѣйствіе противъ человѣка внѣ случаевъ и безъ формъ опредѣленныхъ закономъ произвольно и тиранично. Тотъ, противъ кого пожелали бы исполнить таковыя дѣйствія насиліемъ, имѣетъ право и отразить его силой.

„12. Тѣ, кто стали бы испрашивать, препровождать, подписывать, исполнять или заставлять исполнять акты произвола (actes arbitraires) виновны и должны быть наказаны.

„13. Каждый человѣкъ предполагается невиннымъ пока не объявленъ виновнымъ и потому въ случаѣ когда признано необходимымъ его арестовать, всякая строгость, кромѣ необходимой для обезпеченія задержанія, должна быть строго преслѣдуема закономъ.

„14. Никто не можетъ быть судимъ и наказанъ не будучи предварительно выслушанъ или законно вызванъ и притомъ не иначе какъ въ силу закона обнародованнаго прежде свершенія проступка. Законъ который наказывалъ бы проступки совершенные прежде чѣмъ онъ существовалъ былъ бы тираніей. Обратное дѣйствіе данное закону было бы преступленіемъ.

„15. Законъ долженъ присуждать наказаніе только строго и очевидно необходимыя. Наказанія должны быть пропорціональны винѣ и полезны обществу.

„16. Право собственности есть принадлежащее каждому гражданину право пользоваться и располагать по своему усмотрѣнію своими доходами, плодомъ своего труда и предпріимчивости.

„17. Никакой родъ труда, промышленности, торговли не можетъ быть воспрещенъ предпріимчивости гражданъ.

„18. Каждый человѣкъ можетъ вступить въ обязательство относительно своихъ услугъ и своего времени; но не можетъ продать себя или быть проданнымъ. Его личность не есть отчуждаемая собственность. Законъ не знаетъ званія слуги (domesticité). Можетъ быть только обязательство услугъ и признательности между человѣкомъ который работаетъ, и тѣмъ, кто имъ пользуется.

„19. Никто не можетъ быть лишенъ малѣйшей части собственности безъ согласія и кромѣ какъ въ случаяхъ требованій общественной необходимости, законно признанной и подъ условіемъ справедливаго и предварительнаго вознагражденія.

„20. Никакой налогъ не можетъ быть установленъ иначе какъ для общей пользы. Всѣ граждане имѣютъ право содѣйствовать установленію налоговъ, наблюдать за ихъ употребленіемъ и требовать въ томъ себѣ отчета.

„21. Общественная помощь есть священный долгъ. Общество обязано дать содержаніе несчастнымъ гражданамъ, или доставляя имъ работу или обезпечивъ средства существованія немогущимъ работать.

„22. Образованіе есть общая потребность. Общество обязано всею своею силой благопріятствовать успѣхамъ общественнаго разума и сдѣлать образованіе доступнымъ всѣмъ гражданамъ.

„23. Общественная гарантія состоитъ въ дѣйствіи всѣхъ, направленномъ къ тому, чтобы каждому обезпечить пользованіе его правами и ихъ сохраненіе. Гарантія эта покоится на національномъ верховенствѣ.

„24. Она не можетъ имѣть мѣста, если предѣлы государственныхъ должностей не опредѣлены ясно закономъ и если не обозначена отвѣтственность должностныхъ лицъ.

„25. Самодержавіе (souveraineté) пребываетъ въ народѣ. Оно едино, недѣлимо, неотмѣнимо, неотчуждаемо.

„26. Никакая часть народа не можетъ проявлять власть цѣлаго народа. Но каждая часть самодержца, образуя собраніе, должна пользоваться правомъ выражать свою волю съ полной свободой.

„27. Каждый индивидъ, который присвоилъ бы себѣ самодержаніе, да будетъ въ ту же минуту преданъ смерти свободными людьми.

„28. Народъ всегда имѣетъ право пересмотрѣть, преобразовать и измѣнить свою конституцію. Одно поколѣніе не можетъ подчинить своимъ законамъ послѣдующія.

„29. Каждый гражданинъ имѣетъ равное съ другими право участвовать въ составленіи закона и въ назначеніи своихъ уполномоченныхъ и агентовъ.

„30. Государственныя должности по существу суть временныя; онѣ не могутъ разсматриваться какъ отличія или награжденія, но какъ обязанности.

„31. Преступныя дѣянія уполномоченныхъ народа и его агентовъ не должны никогда оставаться безнаказанными. Никто не имѣетъ права претендовать быть болѣе неприкосновеннымъ чѣмъ другіе граждане.

„32. Право представлять петиціи хранителямъ государственной власти (dépositaires de l'autorité publique) ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть пересѣчено, пріостановлено или ограничено.

„33. Сопротивленіе угнетенію есть слѣдствіе другихъ правъ человѣка.

„34. Все общественное тѣло угнетено, если угнетенъ хотя одинъ его членъ; каждый членъ угнетенъ, если угнетено тѣло.

„35. Когда правительство насилуетъ права народа возстаніе есть для народа священнѣйшее право и неотложнѣйшій долгъ.

Третье изданіе „Объявленія" было сдѣлано въ 1795 году въ конституціи, установившей правленіе Директоріи. Для полноты сравненія приведемъ текстуально и это третье „Объявленіе".

Французскій народъ провозглашаетъ, въ присутствіи Высшаго Существа, слѣдующее объявленіе правъ и обязанностей человѣка и гражданина.

Права:

„1. Права человѣка въ обществѣ суть: свобода, равенство, безопасность, собственность.

„2. Свобода состоитъ въ томъ, чтобы мочь дѣлать то, что не вредитъ правамъ другихъ.

„3. Равенство состоитъ въ томъ, что законъ тотъ же для всѣхъ какъ въ случаяхъ, когда ограждаетъ, такъ и въ случаяхъ, когда караетъ. Равенство не допускаетъ никакого различія по рожденію и никакой наслѣдственности власти.

„4. Безопасность состоитъ въ содѣйствіи всѣхъ для обезпеченія правъ каждаго.

„5. Собственность есть право пользоваться и располагать своимъ имуществомъ и своими доходами, плодомъ своего труда и своею предпріимчивостью.

„6. Законъ есть общая воля, выраженная большинствомъ гражданъ или ихъ представителей.

„7. Что не запрещено закономъ не можетъ быть препятствуемо. Никто не обязанъ дѣлать то, чего законъ не повелѣваетъ.

„8. Никто не можетъ быть позванъ въ судъ, обвиненъ, арестованъ или задержанъ кромѣ какъ въ случаяхъ опредѣленныхъ закономъ и не иначе какъ съ соблюденіемъ предписываемыхъ имъ формъ.

„9. Тѣ, кто испрашиваютъ, препровождаютъ, исполняютъ или заставляютъ исполнять акты произвола, виновны и должны быть наказаны.

„10. Всякая строгость, кромѣ необходимой для обезпеченія задержанія подозрѣваемаго лица, должна быть строго преслѣдуема закономъ.

„11. Никто не можетъ быть судимъ, не будучи предварительно выслушанъ или законно вызванъ.

„12. Законъ долженъ присуждать наказанія только строго необходимыя и пропорціональныя винѣ.

„13. Обращеніе, отягчающее опредѣленное закономъ наказаніе, есть преступленіе.

„14. Никакой законъ ни уголовный, ни гражданскій не можетъ имѣть обратнаго дѣйствія.

„15. Каждый человѣкъ можетъ вступить въ обязательство относительно своихъ услугъ и своего времени, но не можетъ продать себя, ни быть проданнымъ. Его личность не есть отчуждаемая собственность.

„16. Каждый налогъ устанавливается для общей пользы. Онъ долженъ быть распредѣленъ между платящими сообразно ихъ силамъ.

„17. Верховенство существенно пребываетъ въ совокупности гражданъ.

„18. Никакое отдѣльное лицо, никакое частное соединеніе гражданъ не могутъ присвоивать себѣ верховную власть.

„19. Никто безъ законнаго уполномочія не можетъ имѣть власть или исполнять государственную должность.

„20. Каждый гражданинъ имѣетъ право непосредственно или посредственно участвовать въ составленіи законовъ, выборѣ представителей народа и государственныхъ чиновниковъ.

„21. Государственныя должности не могутъ быть собственностію ихъ отправляющихъ.

„22. Общественной гарантіи нѣтъ, если не установлено раздѣленіе властей, не опредѣлены ихъ границы и если не обезпечена отвѣтственность должностныхъ лицъ.

Обязанности:

„1. Объявленіе правъ содержитъ въ себѣ обязанности законодателей. Прочность общества требуетъ, чтобы тѣ, кто его составляютъ, знали и исполняли свои обязанности.

„2. Всѣ обязанности человѣка и гражданина вытекаютъ изъ двухъ началъ залечатлѣнныхъ природой во всѣхъ сердцахъ. Не дѣлайте другому, чего не желаете, что бы было сдѣлано вамъ. Дѣлайте постоянно другимъ то добро, какое желали бы получить отъ нихъ.

„3. Обязанности каждаго относительно общества состоятъ въ томъ, чтобы защищать его, служить ему, жить подчиняясь законамъ и уважать ихъ органы.

„4. Никто не можетъ быть добрымъ гражданиномъ, если онъ не добрый сынъ, добрый отецъ, добрый братъ, добрый другъ, добрый супругъ.

„5. Никто не можетъ быть признанъ хорошимъ человѣкомъ, если онъ не есть чистосердечно и религіозно исполнитель законовъ.

„6. Кто, явно нарушаетъ законъ, тотъ объявляетъ себя въ войнѣ съ обществомъ.

„7. Кто, не нарушая явно законъ, обходитъ его хитростью или ловкостью, тотъ ранитъ интересы всѣхъ и недостоинъ расположенія и уваженія.

„8. На поддержаніи собственности покоятся обработка земли, ея производительность, средства труда и общественный порядокъ.

„9. Каждый гражданинъ обязанъ служить отечеству для поддержанія свободы, равенства и собственности каждый разъ, какъ законъ призоветъ его къ ихъ защитѣ.

„Объявленіе“ это, сдѣланное въ эпоху республики, — послѣ тяжелыхъ, правда, уроковъ, — несравненно консервативнѣе манифеста 1789 года, выданнаго при монархіи. Тутъ уже не говорится о естественныхъ правахъ, неотъемлемыхъ и священныхъ, а о правахъ *человѣка въ обществѣ*. Первый параграфъ гласитъ: „права человѣка въ обществѣ суть: свобода, равенство, безопасность и собственность“. Право сопротивленія улетучилось. Затѣмъ идутъ отвлеченныя опредѣленія этихъ правъ. Въ заключеніе встрѣчаемъ совсѣмъ новый отдѣлъ. Появляются доселѣ забытыя *обязанности*. Чувствительно указывается, что „никто не можетъ быть добрымъ гражданиномъ, если онъ не добрый сынъ, добрый отецъ, добрый братъ, добрый другъ, добрый супругъ!“ и прочее въ томъ же родѣ.

Третье изданіе „Объявленія“ было послѣднимъ. Въ конституціи 1799 года, составленной не въ собраніи, а въ коммиссіи подъ непосредственнымъ вліяніемъ Наполеона и затѣмъ „одобренной націей“, законодатель прямо входитъ въ матерію и первую главу посвящаетъ условіямъ пользованія правомъ гражданства.

III.

Первая основная идея „Объявленія“, его первая политическая аксіома есть идея *народнаго верховенства* или *самодержавія народа*. Она выражена въ § 3 „Объявленія“: „начало всякаго верховенства пребываетъ существенно въ *націи*. Никакая корпорація, никакой отдѣльный человѣкъ не можетъ имѣть власти кромѣ той, которая опредѣлительно истекаетъ отъ націи“. Терминъ *нація* употребленъ вмѣсто болѣе опредѣленнаго термина *народъ*. Въ „Объявленіи“ 1793 года аксіома выражена яснѣе и полнѣе. „§ 25. Самодержавіе * пребываетъ въ *народѣ*. Оно едино, недѣлимо, неотъемлемо, неотчуждаемо. § 26. Никакая часть народа не можетъ проявлять власть цѣлаго народа. Но каждая часть самодержца, образуя собраніе, должна пользоваться правомъ выражать свою волю съ полною свободой.“

Идея самодержавія народа, какъ оно понимается въ революціонной доктринѣ, ведетъ начало отъ Руссо. *Общественный договоръ* (*Du contract social*, principes du droit politique. Amsterdam, 1762) имѣлъ огромное вліяніе на законодателей революціонной эпохи. *Договоръ* получилъ значеніе глубокомысленнаго текста и сдѣлался предметомъ безчисленныхъ толкованій, вносившихъ смуту въ умы. За годъ до революціи, Марата видѣли изъясняющимъ трактатъ Руссо подъ открытымъ небомъ въ Тюильрійскомъ саду. Въ эпоху революціи аббатъ Фоше собиралъ аудиторію отъ четырехъ до шести тысячъ человѣкъ и объяснялъ знаменитый *Договоръ*, имѣя, какъ свидѣтельствуетъ авторъ *Писемъ изъ Парижа* въ журналѣ *Minerva* (августъ 1792 года, 342 стр.), особенный успѣхъ у женщинъ. Нѣкто г-жа Нере (Nerais) такъ воодушевилась, что бросилась въ середину собранія и стала восклицать: „смотрите, смотрите, божественный мужъ, пророкъ, апостолъ; онъ осчастливилъ меня, сдѣлавъ мнѣ ребенка“. На другой день аббатъ оправдывался въ газетахъ, что былъ лишь въ платоническихъ отношеніяхъ съ фанатическою дамой. По свидѣтельству Лакретеля (*Dix ans d'épreuves*, Paris, 1842, стр. 7), Барреръ, будущій членъ Конвента, наканунѣ революціи „ходилъ на поклоненіе могилѣ Руссо на островъ Тополей“ (faisait avec dévotion des pélérinages au tombeau de J. J. Rousseau dans l'île des Peupliers). Таковъ былъ сентиментальный обычай.

Въ *Общественномъ Договорѣ* есть глава о самодержцѣ (du souverain) въ которой Руссо изображаетъ черты верховной власти необходимой въ правильно устроенномъ обществѣ. Власть эта изображается какъ неограниченная.

Ея природѣ противно, „чтобы самодержецъ налагалъ на себя какой-

---

* Выраженіе „de toute souveraineté“ „Объявленія“ 1789 года мы перевели „всякаго верховенства“, но слово souveraineté, какъ оно является въ „Объявленіи“ 1793 года, предпочли перевести терминомъ „самодержавіе“, какъ точнѣе выражающимъ мысль. Souverain надлежитъ переводить самодержецъ. Это слѣдуетъ между прочимъ изъ того что въ Наказѣ Екатерины слово *souverain* французскаго текста въ русскомъ передается *самодержецъ*.

либо законъ, который не могъ бы нарушить (que le souverain s'impose une loi qu'il ne puisse enfreindre)... Для самодержца нѣтъ такого коренного закона, который былъ бы обязателенъ, даже съ общественнымъ договоромъ включительно (33)...

„Отъ власти самодержца не требуется никакой гарантіи относительно подданныхъ. Не то въ отношеніяхъ подданныхъ къ самодержцу. Несмотря на общій интересъ, ничто не ручалось бы ему за исполненіе ими своихъ обязанностей еслибъ онъ не нашелъ средствъ обезпечить себѣ ихъ вѣрность (35).

„Наши политики (51), не имѣя возможности раздѣлить самодержавія въ его принципѣ, дѣлятъ его въ его предметѣ; раздѣляютъ на силу и волю, на власть законодательную и власть исполнительную, на право налога, суда и войны, на внутреннюю администрацію и право иностранныхъ сношеній... Но это то же какъ еслибы сложить человѣка изъ нѣсколькихъ тѣлъ, изъ которыхъ одно имѣло бы только глаза, другое только руки, третье ноги и болѣе ничего... Ошибка происходитъ отъ того, что не дѣлаютъ точнаго представленія о самодержавной власти и принимаютъ за раздѣльныя части этой власти то что есть ея истеченіе (d'avoir pris pour les partis de cette autorité ce qui n'en était que des émanations)... Права, кои принимаются за части самодержавія, всѣ ему подчинены и предполагаютъ всегда высшую волю, которая чрезъ права эти только приводится въ исполненіе (53)...

„Право милости принадлежитъ только тому кто выше суда и закона, то-есть самодержцу".

Такъ высоко поставляетъ Руссо верховную власть въ государствѣ. Изображаемыя черты въ дѣйствительности могутъ принадлежать, очевидно, только живому лицу — самодержавному монарху. Но не живое лицо имѣлъ въ виду парадоксальный философъ. Его самодержецъ оказывается фикціей. Это коллективное лицо: совокупность *всѣхъ* гражданъ. Говорится *всѣхъ*, но подразумѣваются далеко не всѣ. Изъ общаго числа природныя условія исключаютъ дѣтей и немощныхъ разнаго рода; исключены также женщины. Относительно прочихъ Руссо не указываетъ точныхъ условій, какія его ученіемъ требуются отъ гражданина, чтобъ онъ былъ частію самодержца. Авторъ не могъ не сознавать внутренно какъ далека его теорія отъ какой-либо практики. Дѣло шло объ отвлеченномъ человѣкѣ и выдуманномъ обществѣ. Потому стѣсняться условіями дѣйствительности не было надобности и не чувствовалось никакой потребности.

Автору едва ли могло придти въ голову, что найдутся люди, которые помощію положительныхъ законовъ, надъ живыми людьми вздумаютъ дѣлать опытъ осуществленія фантастическихъ идей, при созданіи которыхъ самого автора болѣе всего прельщали софистическая игра мыслей и наслажденіе фразой неожиданно перегоняющею мысль и выражающею нѣчто бо́льшее и иное чѣмъ что́ было въ голой мысли въ нее облекшейся, — родъ краснорѣчія особенно способный вносить смуту и которымъ отличался Руссо. „Еслибы былъ народъ боговъ, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, то такой народъ управлялся бы демократически". Такъ какъ такого народа не имѣется, то идеально-демократическая форма остается въ звонкой фразѣ. Фразой покончено и съ англійскою конституціей. Англійскій народъ, оказывается, имѣетъ свободу только въ тѣ дни, когда выбираетъ членовъ парламента и „пользуется ею такъ, что заслуживаетъ ее потерять".

Вся декламація литется, повидимому, для Франціи, но оказывается, что отъ народа съ вѣковыми учрежденіями и старыми преданіями, какъ Французскій, нельзя ждать обновленія. „Народы, провозглашаетъ Руссо (93), какъ и люди, гибки и воспріимчивы только въ ихъ молодости, они становятся неисправимыми въ старости. Разъ обычаи установились, предразсудки пустили корни, опасное и тщетное предпріятіе хотѣть ихъ реформировать; народъ не можетъ даже терпѣть, чтобы касались его ранъ, дабы ихъ уничтожить, подобно тѣмъ тупоголовымъ и трусливымъ больнымъ, которые дрожатъ при видѣ врача." На возрожденіе чрезъ переворотъ Руссо возлагаетъ мало надежды: такіе случаи чрезвычайно рѣдки. „Они даже не повторяются для того же народа, ибо онъ можетъ стать свободнымъ, если недостатокъ его только въ варварствѣ, не въ состояніи — когда гражданская пружина обветшала. Смятеніе его погубитъ, революція не возстановитъ. Какъ только развалятся оковы, онъ разсыпается въ прахъ и не существуетъ болѣе. Для него тогда требуется повелитель, а не освободитель. Свободные народы! Помните это правило: можно пріобрѣсти свободу, но утраченную возвратить нельзя * (on peut

---

* Куріозна декламація о Русскихъ. „Русскіе никогда не будутъ истинно цивилизованы, ибо стали таковыми слишкомъ рано. Петръ имѣлъ подражательный геній, но не имѣлъ генія истиннаго, творящаго все изъ ничего. Кое-что изъ сдѣланнаго имъ хорошо, бо́льшая часть неумѣстна. Онъ видѣлъ, что народъ его находится въ состояніи варварства, но не видалъ, что онъ не созрѣлъ еще для цивилизаціи. Онъ хотѣлъ цивилизовать его, когда требовалось только сдѣлать его болѣе воинственнымъ. Онъ хотѣлъ прежде всего сдѣлать Нѣмцевъ, Англичанъ, тогда какъ слѣдовало сначала — сдѣлать Русскихъ. Онъ ломѣшалъ своимъ подданнымъ стать тѣмъ, чѣмъ могли они сдѣлаться, увѣривъ ихъ, что они стали тѣмъ чѣмъ не сдѣлались. Такъ французскій учитель образуетъ своего ученика, чтобъ онъ поблисталъ въ дѣтствѣ и потомъ остался навсегда ничѣмъ. Русская имперія захочетъ покорить Европу и будетъ сама покорена. Татары, ея подданные и сосѣди, сдѣлаются ея и нашими повелителями. Такая катастрофа кажется мнѣ неизбѣжною. Короли Европы работаютъ согласно, дабы ускорить ее" (96).

acquérir la liberté, mais on ne la recouvre jamais).“ Таково наставленіе учителя. Онъ не подозрѣвалъ, что ученики именно къ Франціи приложатъ доктрину, которая, по искреннему или неискреннему заявленію Руссо, въ странахъ подобныхъ Франціи должна вести къ ловелителю, а не къ свободѣ.

IV.

Итакъ государство есть сумма равноцѣнныхъ и равноправныхъ единицъ именуемыхъ гражданами. Ихъ совокупность образуетъ коллективное лицо, именуемое самодержцемъ; каждый есть доля самодержца. Коллективная воля есть законъ. Власть самодержца едина, недѣлима, неотчуждаема. Она неумолимо абсолютна, ибо коллективнаго самодержца ни убѣдить, ни умолить нельзя. Между тѣмъ соединеніе человѣческихъ единицъ, въ такую совокупность имѣетъ назначеніемъ достигнуть слѣдующей цѣли: „найти такую форму общественнаго союза, которая всею совокупною силой защищала и охраняла бы личность и имущество каждаго члена союза и помощію которой каждый, соединяясь со всѣми, между тѣмъ повиновался бы только самому себѣ и оставался бы столь же свободнымъ какъ прежде.“ Какъ же осуществить такую, поистинѣ, нелегкую задачу? Каждый для этого долженъ пожертвовать частію своей свободы, стать слѣдовательно въ извѣстной степени не свободнымъ. Какимъ же образомъ достигнуть, чтобъ и по исключеніи этой доли полнота свободы лица осталась неприкосновенною?.. „Принимается * что доля, какую каждый отчуждаетъ отъ своей силы, отъ своего имущества и своей свободы, вслѣдствіе общественнаго договора, входитъ въ составъ того цѣлаго, пользованіе которымъ *необходимо* для всей общины. Но слѣдуетъ сознаться, что государь есть единственный судья этой необходимости.“ Можетъ слѣдовательно отдѣлить сколько хочетъ. Въ идеальномъ осуществленіи, по ученію Руссо, долженъ отдѣлить даже *все*. „Хорошія общественныя учрежденія, пишетъ Руссо въ *Эмилѣ*

Зато Руссо очень доволенъ островомъ Корсикой. „Сила и настойчивость съ какимъ этотъ бравый народъ сумѣлъ возвратить и защитить свою свободу, заслуживаетъ, чтобы какой-нибудь мудрый человѣкъ научилъ его ее сохранить. У меня есть какое-то предчувствіе, что малый островъ этотъ удивитъ Европу“ (110). Онъ удивилъ, но не тѣмъ, чего ожидалъ Руссо.

* „On convient que tout ce que chacun aliéne par le pacte social de sa puissance, de ces biens, de sa liberté, c'est seulement la partie de tout cela donc l'usage importe á la communauté, mais il faut convenir aussi que le souverain seul est juge de cette importance“ (стр. 61).

(цитата у Тэна, I, 324), тѣ, кои умѣютъ наилучше исказить (dénaturer) человѣка, лишить его абсолютнаго существованія, чтобы дать ему относительное и перенести его *я* въ общую единицу, такъ чтобы каждый отдѣльно не ощущалъ себя единицей, но частію единицы и былъ чувствителенъ только въ цѣломъ. Ребенокъ, раскрывая глаза, долженъ видѣть отечество и до смерти видѣть только его. Должно пріучить его смотрѣть на свою личность только въ отношеніяхъ ея къ тѣлу государства.“ И собственность есть только пользованіе, допускаемое государемъ, который „законно можетъ отобрать имущество всѣхъ“. Но какъ же, при такихъ условіяхъ, свобода останется въ полнотѣ? Задача, кажется, совершенно неисполнима. Но Руссо разрѣшаетъ ее весьма просто. Будетъ ли, нѣтъ ли полнота — надо обязательно *чувствовать* себя ея обладателемъ. Требуется *воображать* себя свободнымъ и притомъ подъ страхомъ строгой кары. По крайней мѣрѣ трудно иначе истолковать слѣдующія слова въ главѣ VII (стр. 36): „Общественный договоръ скрыто заключаетъ въ себѣ обязательство: если кто откажется повиноваться общей волѣ, то будетъ къ тому принужденъ всѣмъ корпусомъ. Это значитъ, что его *принудятъ быть свободнымъ*“. Оригинальная свобода подъ палкой!

Указывается, впрочемъ, и другое не менѣе странное обезпеченіе обѣщаемой свободы. Власть коллективнаго самодержца неограничена. „Какъ природа даетъ человѣку абсолютную власть надо всѣми его членами, такъ общественный договоръ даетъ политическому тѣлу власть абсолютную надъ его членами, и эта-то власть, направляемая общею волей, именуется, какъ я сказалъ, верховною властью... Каждая служба, какую гражданинъ можетъ сослужить государству (tous les services qu'un citoyen peut rendre à l'état) должна быть имъ немедленно исполнена, если верховный властитель того требуетъ. Но властитель и со своей стороны не можетъ обременять гражданъ никакою цѣлью безполезною для всей общины. Онъ *не можетъ даже желать этого*, ибо подъ закономъ разума ничто не дѣлается безъ причины, также какъ подъ закономъ природы“ (61). Требуется слѣдовательно утѣшать себя теоретическою невозможностію, хотя бы практическая дѣйствительность прямо тому противорѣчила.

Какимъ образомъ можетъ обнаружиться эта неограниченная коллективная воля? Какъ узнать чего хочетъ и что повелѣваетъ коллективный государь? Вопросъ очевидно капитальный для теоріи. Живой монархъ имѣетъ и разумъ, и чувство, и милость. Но посредствомъ какого оракула этотъ безличный, невидимый, въ дѣйствительности не существующій властитель дастъ свои повелѣнія? Сколько-нибудь удовлетворительнаго отвѣта на эти вопросы у Руссо не находимъ. Народное представительство онъ отвергаетъ, какъ противорѣчащее основной идеѣ коллективнаго властителя, состоящаго изо *всѣхъ* граж-

данъ. Затѣя отбирать голоса отъ знающаго и не знающаго, понимающаго и не понимающаго и рѣшать дѣло по ихъ случайному большинству, настолько нелѣпа, что и Руссо, въ своемъ воздушномъ построеніи, изобразилъ планъ поголовнаго законодательства при посредствѣ одиночнаго заключенія только какъ недостижимый идеалъ. „Еслибы въ эпоху, говоритъ онъ (51), когда народъ, достаточно ознакомленный съ дѣломъ, постановляетъ рѣшеніе, граждане *не имѣли никакого сообщенія между собою*, то изъ большаго числа малыхъ различій всегда въ результатѣ вышла бы общая воля и рѣшеніе всегда было бы хорошо.“ Составители конституціи 1791 года на этотъ разъ не послѣдовали за Руссо и поступили прямо противно его ученію. Принявъ, въ пріятномъ ощущеніи свергнутаго правительственнаго ига (воображаемаго, такъ какъ дѣйствительнаго не было), начало самодержавія націи—не народа еще — составители этой конституціи остановились предъ послѣдовательными выводами изъ начала и пошли на компромиссъ; смѣшали воедино народное самодержавіе Руссо, англійскій парламентаризмъ и послѣдніе слѣды монархическихъ преданій страны: вышла конституція 1791 года съ палатой-господиномъ, королевскимъ правительствомъ-слугой и подразумѣваемымъ правомъ уличной толпы прогнать и слугу и господина.

Въ текстѣ ея читаемъ: „Глава III. О государственныхъ властяхъ (Titre III. Des pouvoirs publics). § 1. Самодержавіе едино, недѣлимо, безусловно. Оно принадлежитъ націи: никакая часть народа, никакое отдѣльное лицо не могутъ присвоивать себѣ его функцію (s'en attribuer l'exercice). § 2. Нація, единственный источникъ всякой власти, *проявлять оную можетъ лишь посредствомъ делегаціи* (La nation de qui seule émanent tous les pouvoirs ne peut les exercer que par délégation). Французская конституція *представительная*. Представители суть: законодательный корпусъ и король.“

Такимъ образомъ, избранная для осуществленія идеи народнаго верховновластія форма есть представительная монархія съ двумя властями—парламентомъ и королемъ, поставленнымъ на второй планъ. Умаленіе королевской власти было главною задачей составителей конституціи 1791 года, воздвигнувшихъ зданіе замѣчательно уродливое. Оно продержалось едва годъ, но сдѣлало свое дѣло. Оно завѣщало міру „представительное правленіе“ въ континентальномъ смыслѣ и сочинительство бумажныхъ конституцій для наилучшаго осуществленія этой формы.

Между тѣмъ представительство, повторяемъ, было совершенно противно идеямъ Руссо. „Народные депутаты, говоритъ онъ (214), не суть и не могутъ быть представителями народа, они только его коммиссары: они ничего не могутъ заключать окончательно. Каждый законъ, который не ратификованъ народомъ лично (que la peuple en

personne n'a pas ratifiée) равенъ нулю; это не законъ. Англійскій народъ мнитъ себя свободнымъ, онъ сильно ошибается. Онъ свободенъ только во время выборовъ въ члены парламента. Какъ только они выбраны, онъ рабъ, онъ ничто. Въ краткія минуты своей свободы онъ дѣлаетъ изъ нея такое употребленіе, что заслуживаетъ ее потерять. Идея представительства новая, она пришла отъ феодальнаго правленія, отъ этого несправедливаго и нелѣпаго правленія, при которомъ родъ человѣческій униженъ, имя человѣка есть позоръ.“

Составители конституціи 1793 года возымѣли мысль осуществить идеи Руссо въ болѣе чистомъ видѣ. Книга Руссо была ихъ Кораномъ. Несвѣдущіе, не стоявшіе выше уровня умственной посредственности, они черпали мудрость изъ смутнаго трактата софиста и напряженно старались перенести въ государственную практику фантастическія положенія, которымъ самъ творецъ ихъ не могъ давать значенія серіознаго проекта. Предъ планомъ одиночнаго заключенія законодателей и они впрочемъ остановились. Представителей сохранили, но значительно понизили въ роли сравнительно съ конституціей 1791 года, по которой собственно они были частями коллективнаго властителя. „Преступныя дѣянія *уполномоченныхъ народа* и его агентовъ, читаемъ въ „Объявленіи“ 1793 года (§ 31), не должны никогда оставаться безнаказанными. Никто не имѣетъ права претендовать быть болѣе неприкосновеннымъ чѣмъ другіе граждане“ (депутаты 1789 года объявили себя, какъ извѣстно, неприкосновенными). Процедура составленія законовъ придумана такая. Предлагаемый законъ, по обсужденіи въ палатѣ, печатается въ принятомъ ею видѣ (§ 58) и разсылается во всѣ общины республики подъ наименованіемъ „предложенный законъ“. „§ 59. Сорокъ дней спустя, послѣ разсылки предложеннаго закона, если въ половинѣ департаментовъ плюсъ одинъ десятая доля первичныхъ собраній (assemblées primaires) каждаго изъ нихъ не возражаетъ, проектъ закона считается принятымъ и становится *закономъ*. § 60. Буде есть возраженія, законодательный корпусъ созываетъ первичныя собранія. Каждый членъ собранія подаетъ голосъ словами *да* или *нѣтъ*, и законъ считается принятымъ или отвергнутымъ, смотря по тому, на какой сторонѣ большинство“. Этотъ фантастическій планъ общенароднаго голосованія такъ и остался на бумагѣ, ибо конституція 1793 года не была приведена въ исполненіе *.

---

* Конституція въ іюлѣ 1793 года была предложена на утвержденіе „народа“ въ первичныхъ собраніяхъ. Оказалось 1.801. 918 голосовъ *да* противъ 11.610 *нѣтъ* (Hélie, *Les Constitutions de la France*, Paris, 1880; p. 392). Но если принять во вниманіе общее число имѣвшихъ право участвовать въ первичныхъ собраніяхъ, то окажется, что въ голосованіи принимали, участіе много менѣе половины (по разсчету 1791 года общее число чле-

Приложеніе идеи народнаго самодержавія къ законодательству въ декретахъ собраній и параграфахъ конституціи 1791 и 1793 года повело къ одному: къ государственной анархіи и самозванству всяческихъ общественныхъ группъ, провозглашавшихъ себя, въ качествѣ части коллективнаго властителя, народомъ - самодержцемъ и дѣйствовавшихъ, какъ только представлялась возможность, въ силу такого неожиданнаго самодержавія. Въ объявленіи правъ 1793 года есть любопытный параграфъ (§ 26— онъ былъ уже приведенъ выше) указывающій на эту могущественную пружину революціонныхъ событій. Въ немъ читаемъ: „Никакая часть народа не можетъ проявлять власти цѣлаго народа. Но каждая *часть самодержца*, образуя собраніе, должна пользоваться правомъ выражать *свою волю* съ полной свободой“ Замѣтимъ *свою волю*, sa volonté, то-есть не желаніе и совѣтъ, а велѣніе. По видимости, параграфъ предупреждаетъ, что часть самодержца не имѣетъ права выдавать себя за цѣлаго самодержца, но въ дѣйствительности параграфъ этотъ есть только свидѣтельство о фактѣ такого самозванства, ежедневно свершавшагося, и косвенное къ нему поощреніе. Знаменателенъ и слѣдующій параграфъ: „Каждый индивидуумъ, который бы присвоилъ себѣ верховную власть (qui usurpeait la souveraineté) да будетъ въ ту же минуту преданъ смерти свободными людьми.“ Такое нервное отношеніе къ явленію только еще предполагаемому свидѣтельствуетъ о не безосновательномъ подозрѣніи, что за каждымъ коллективнымъ оракуломъ, клубомъ, собраніемъ сидитъ обыкновенно живой жрецъ, и что анархическая борьба группъ претендующихъ каждая быть верховнымъ властителемъ есть борьба кандидатовъ на тирана, въ которой побѣдителю важно устранить подозрѣніе въ томъ, что онъ тиранъ, а его соперникамъ важно выставить его таковымъ. Подъ разсматриваемымъ параграфомъ скрывается цѣлая судьба Робеспьера.

Вообще изучаемое нами „Объявленіе правъ“ въ двухъ его редакціяхъ, любопытное для насъ особенно какъ раскрытіе революціонныхъ доктринъ, на практикѣ главное значеніе имѣло въ томъ, что было манифестомъ оправдывавшимъ революцію и поощрявшимъ къ ея продолженію. Вотъ почему „Объявленіе“ 1789 года имѣло столько защитниковъ и принято было Собраніемъ. Барнавъ желалъ, чтобъ оно сдѣлалось національнымъ катихизисомъ. По словамъ Монлозье, оно сдѣлалось катихизисомъ злодѣяній. Право сопротивленія угне-

---

новъ собранія должно бы быть 4.298.360, а въ 1793 году, при пониженіи политическаго совершеннолѣтія, много значительнѣе). 9 августа 1793 года конституція была обнародована, но чрезъ два мѣсяца приведеніе ея въ исполненіе было остановлено до возстановленія мира, а еще прежде этого возстановленія подослѣла новая конституція 22 августа 1795 года, учреждавшая директорію и приведенная въ исполненіе.

тенію; указаніе (§ 5) что законъ имѣетъ право запрещать только тѣ дѣйствія, кои вредятъ обществу; право общества „требовать отчета отъ каждаго агента администраціи“—все это приглашеніе къ революціоннымъ дѣйствіямъ. Оно еще болѣе развито въ конституціи 1793 года. Тамъ читаемъ: „§ 33. Сопротивленіе угнетенію есть слѣдствіе другихъ правъ человѣка. § 34. Все общественное тѣло угнетено, если угнетенъ хоть одинъ его членъ; каждый членъ угнетенъ, если угнетено тѣло. § 35. Когда правительство насилуетъ права народа, возстаніе есть для народа и каждой части народа священнѣйшее право и неотложнѣйшій долгъ.“

Связь мятежа съ революціоннымъ началомъ народнаго самодержавія такова, что чрезъ полстолѣтіе послѣ событій 1789 года, въ эпоху іюльской монархіи, легитимистская печать имѣла обыкновеніе поставлять ихъ рядомъ. Такъ, напримѣръ, *Gazette de France* въ статьѣ отъ 25 іюня 1836 года, подвергшейся преслѣдованію правительства (см. рѣчь знаменитаго Берье бывшаго защитникомъ газеты на судѣ: *Oeuvr. de Berryer*, plaidoyers, Paris 1876, т. II, 34), говорила о дняхъ іюльской революціи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „*Мятежъ, самодержавіе народа*, возстаніе массъ противъ государственнаго порядка, баррикады, междуусобная война, анархія—вотъ что представлялъ Парижъ въ эти три дня!“ Въ той же рѣчи Берье краснорѣчиво громилъ Лафайета за его слова: „возстаніе есть святѣйшій долгъ“.

V.

Революціонные послѣдователи Руссо видѣли въ его сочиненіи лучшую политической мудрости. Со своей стороны многіе ученые, имѣя въ виду всемірно историческое значеніе, какое имѣла Французская революція, старались отыскать въ книгѣ имѣвшей такое вліяніе на ходъ событій какое-либо *новое слово*, которое можно бы было счесть вкладомъ въ духовный капиталъ человѣчества. Такъ, авторъ *Исторіи философіи права*, Сталь (Stahl, *Geschichte der Rechtsphilosophie*, Heildelberg, 1870, 300), усиливался отыскать какое-либо существенное и оригинальное начало въ смутѣ понятій высказанныхъ въ *Общественномъ договорѣ*. Онъ указываетъ на Unveräusserlichkeit der Freiheit (неотчуждаемость свободы), какъ на основную мысль Руссо и туманно старается объяснить ея значеніе. Блунчли * замѣчаетъ, что въ ученіяхъ Руссо „едва ли найдется одно положеніе въ коемъ не заклю-

---

* *Исторія общаго государственнаго права*, 265. Цитую по русскому переводу 1864 года.

чалось бы извращенія истины“ и соглашается, что „воззрѣнія политическаго ребенка не могутъ служить руководствомъ для зрѣлаго человѣчества“; тѣмъ не менѣе усматриваетъ въ сочиненіяхъ ребенка „геніальную черту имѣющую всемірное историческое значеніе“, а именно ту, что Руссо „съ огненною рѣчью выступилъ за переходъ отъ Среднихъ Вѣковъ къ новому времени“. Блунчи прибавляетъ: „его рѣчи стали дѣломъ во Французской революціи“. Но это очевидно есть скорѣе осужденіе революціи, чѣмъ возвышеніе Руссо.

На дѣлѣ чего-либо новаго, оригинальнаго въ области государственныхъ понятій у Руссо не встрѣчается вовсе.

Мысль о первоначальномъ договорѣ была послѣ Гроція и Пуфендорфа изъ числа распространеннѣйшихъ. Въ русскомъ переводѣ, сдѣланномъ въ 1780 году по повелѣнію Екатерины II. книги *Истолкованія англійскихъ законовъ г. Блакстона* (самое сочиненіе относится къ 1758 году; *Договоръ* Руссо вышелъ въ 1762 году) можемъ прочитать на страницѣ 119: „Страхъ и недостатки всякаго частнаго человѣка были настоящими основаніями первоначальныхъ обществъ народныхъ, и сіе мы принять должны за основаніе не для того, чтобы могли вѣрить съ нѣкоторыми писателями теоретическими бывшему когда-нибудь и такому времени въ которое и вовсе не бывало никакого общества народнаго; и что якобы напослѣдокъ единожительствовавшіе люди, по навожденію разума и по чувствованію нуждъ и слабостей своихъ, собрались отвсюду на пространнѣйшее поле, и обязавшись тамъ такъ-называемымъ *первобытнымъ договоромъ* избрали единаго изъ всѣхъ дебелоплотнѣйшаго человѣка повелителемъ надъ собою. Всякое мнѣніе о бывшемъ когда-нибудь дѣйствительно толь несоюзномъ натуральномъ состояніи есть весьма странное и такое не можетъ быть и принятымъ за подлинное... Но хотя мы и не видимъ въ исторіяхъ, чтобы какое-нибудь первоначальное общество при соединеніи своемъ имѣло торжественный между собою договоръ, однако заподлинно чувствованіе слабостей и недостатковъ соединяетъ и удерживаетъ родъ человѣческій въ общежитіи... Чрезъ такое чувствованіе ощущаемое всякимъ человѣкомъ разумѣется и оный *первобытный договоръ* народныхъ обществъ, который хотя можетъ быть и ни въ единомъ случаѣ не бывалъ торжественно заключаемъ, однако въ натурѣ и въ разумѣ человѣческомъ оный всегда долженъ быть подразумѣваемъ“.

Идея народнаго верховенства въ смыслѣ „народныхъ правъ“ противополагаемыхъ правамъ властителей высказывалась многократно въ Англіи (Мильтонъ, Локкъ), съ тою разницей, что высказывалась болѣе практически, по поводу свершившихся событій, какъ ихъ оправданіе и объясненіе. Да наконецъ и самая идея если не о народномъ верховенствѣ, то о народѣ какъ источникѣ власти получаетъ революціонный смыслъ лишь вслѣдствіе того какъ понимается *. Она нисколько не становится революціонною, если обозначаетъ простую истину, что правительство выходитъ изъ народа и силу свою черпаетъ въ единеніи съ народомъ, что оно есть правительство національное, законное (то-есть имѣющее корень въ историческомъ развитіи народа) и воплощающее въ себѣ государственный интересъ народа. Государственная власть въ странѣ, идущей впередъ на пути исторіи, по принципу народна и самодержавна. Вопросъ въ формѣ въ какой эта власть воплощается. Форма опредѣляется исторіей. Люди сознающіе интересъ своей страны умѣютъ дорожить создавшеюся формой, если она есть дѣйствительный завѣтъ исторіи. Такъ, исторія въ Россіи привела къ самодержавію монарха какъ живаго лица. Создать гдѣ-нибудь искуственно такую форму невозможно. Она могла сложиться только труднымъ историческимъ путемъ. Но безумно не дорожить пріобрѣтеніемъ купленнымъ такою цѣной; безумно съ дѣтскимъ легкомысліемъ не замѣчать, что въ немъ воплотилась вся сила историческаго потока насъ несущаго; что, въ современныхъ историческихъ условіяхъ, паденіе и даже умаленіе этого пріобрѣтенія было бы нашимъ общимъ крушеніемъ, о которомъ только и помышляютъ наши враги. Нельзя искусственно создать и англійскую конституцію, которой и нѣтъ на бумагѣ, но которая есть произведеніе многовѣковой правительственной практики. Она образовалась не чрезъ предшествующее дѣлу препирательство о раздѣлѣ власти и о правахъ, а среди самаго дѣла, въ общемъ трудѣ политическихъ элементовъ страны, пріобрѣтавшихъ вѣсъ соотвѣтственно дѣйствительному участію въ движеніи впередъ государственнаго корабля. Англійская конституція есть итогъ, заключеніе, выводъ прошедшаго, а не форма будущаго, не имѣющаго обыкновенно и свершиться, какъ конституціи по французскому образцу.

Есть впрочемъ нѣчто оригинальное въ революціонномъ ученіи Руссо и слѣдовавшихъ его идеямъ революціонныхъ законодателей. Мы уже указывали на эту особенность. Идея народныхъ правъ, народнаго верховенства рѣзче, сильнѣе высказана англійскими писателями оправдывавшими и разъяснявшими революціонныя событія сво-

* То же относительно мысли о соединеніи свободныхъ существъ въ государственный союзъ съ пожертвованіемъ части своей свободы. „Что есть государство?“ спрашиваетъ покойный митрополитъ Филаретъ въ разсужденіи объ успѣхахъ нашихъ въ 1812 году (см. *Московскія Вѣдомости* 1883, № 9). „Союзъ свободныхъ нравственныхъ существъ соединившихся между собою, съ пожертвованіемъ части своей свободы, для охраненія и утвержденія общими силами закона нравственнаго, который составляетъ необходимость ихъ бытія“.

его отечества. Но была громадная разница въ основномъ пріемѣ. Писатели эти имѣли прежде всего въ виду дѣйствительность и къ ней относились со своими теоріями. Малуэ въ своей рѣчи по поводу составленія „Объявленія правъ“ въ нѣсколькихъ словахъ выразилъ весьма точно (слова приведены выше, но могли не остановить на себѣ вниманія читателя) обратный пріемъ французскихъ революціонеровъ. При изложеніи правъ, говорилъ онъ, прежде всего „имѣется въ виду *вовсе не принимать во вниманіе того что есть*. Всѣ формы правленія являются намъ какъ свободныя орудія въ нашихъ рукахъ“. Итакъ наличная дѣйствительность предполагается не существующею. Будущая идеальная, какъ пребывающая въ области воображенія, очевидно, не можетъ быть населена ничѣмъ другимъ какъ отвлеченностями. Ея задачи теоретическія, безконечно отстоящія отъ практическихъ, волнующихъ живыхъ людей. Чтобы теорія сошла на землю надлежитъ начать съ разрушенія существующихъ учрежденій. Это не трудно. Затѣмъ живыхъ людей слѣдуетъ передѣлывать въ отвлеченности. Это уже неисполнимо. Въ результатѣ получилась насильственная передѣлка строя монархическаго и аристократическаго въ демократическій и революціонный разгромъ.

VI.

Кромѣ народнаго самодержавія, въ основѣ „Объявленія“ есть еще другая политическая аксіома. Выраженная мимоходомъ въ „Объявленіи“ 1789 года, она ясно высказана въ конституціи 1793 года. Аксіома эта: *государственный союзъ имѣетъ своею цѣлью счастіе его членовъ*. Въ параграфѣ *первомъ* конституціи Французской республики 24 іюня 1793 года, въ „Объявленіи правъ человѣка и гражданина“, значится: „Цѣль общества есть общее счастіе“ (le but de la société est le bonheur commun). Въ „Объявленіи правъ“ 1789 года аксіома прямо не выражена. Сказано только, что цѣль каждаго политическаго союза (§ 2) доставить его членамъ пользованіе благами естественныхъ правъ и что выраженныя въ „Объявленіи“ положенія должны направлять обращенныя къ государству требованія гражданъ къ поддержанію конституціи и „счастію всѣхъ“ (bonheur de tous). Можно спросить какимъ образомъ такое существенное положеніе, стоявшее на первомъ мѣстѣ во многихъ проектахъ объявленія, не вошло прямо въ его окончательный текстъ. Дѣло объясняется тѣмъ способомъ какъ составлялось „Объявленіе“ 1789 года среди многолюднаго и шумнаго собранія.

Въ проектѣ „Объявленія“ Мунье первые параграфы гласили такъ: „§ I. Всѣ люди имѣютъ неодолѣимую склонность искать счастія. Чтобы достичь его соединенными усиліями они образовали общества и установили правительства. Посему каждое правительство должно имѣть цѣлью общественное благополучіе (félicité publique).

„§ II. Изъ сей неопровержимой истины вытекаетъ, что правительства существуютъ для интереса управляемыхъ, а не управляемые для интереса правящихъ; что никакая общественная должность не можетъ быть понимаема какъ собственность исполняющихъ ее; что принципъ всякаго верховенства пребываетъ въ націи и что никакая корпорація, никакое отдѣльное лицо не могутъ имѣть власти если таковая не истекаетъ опредѣлительно отъ націи“.

Въ проектѣ шестаго бюро, который былъ принятъ текстомъ окончательнаго обсужденія, основная мысль этихъ параграфовъ была выражена такъ: „§ 1. Каждый человѣкъ получилъ отъ природы право бдѣть надъ самосохраненіемъ (veiller à sa conservation) и желаніе быть счастливымъ § 2. Дабы обезпечить себѣ безопасность и пріобрѣсти благополучіе человѣкъ имѣетъ отъ природы способности. Въ полномъ и цѣльномъ употребленіи сихъ способностей состоитъ *свобода* (c'est dans le plein et entier exercice de ces facultés que consiste la *liberté*)“. Эти два параграфа и восемь послѣдующихъ * разбирались въ засѣданіи 20 августа. Начались нескончаемыя предложенія новыхъ редакцій. Время шло, утомленіе росло, десять разбиравшихся параграфовъ то соединяли, то раздробляли. „Трибуны и галлереи, читаемъ въ *Монитерѣ* (I, 366). стали пустѣть. Г. Монтемаръ замѣтилъ, что засѣданіе неправильно. Оно должно быть публично, а галлереи пусты. Часъ былъ уже поздній, въ Собраніи все еще ни на чемъ не остановились. Мунье вывелъ его изъ летаргіи, предложивъ редакцію ко-

---

* Эти восемь были: „§ 3. Отъ употребленія этихъ способностей происходитъ право собственности. § 4. Каждый имѣетъ равное съ другимъ право на свою свободу и свою собственность. § 5. Но каждый человѣкъ получилъ отъ природы не одинакія съ другими средства, чтобы пользоваться своими правами. Отсюда рождается неравенство между людьми. Такимъ образомъ неравенство коренится въ самой природѣ (l'inégalité est donc dans la nature même). § 6. Общество образовалось вслѣдствіе потребности удержать равенство правъ среди неравенства средствъ. § 7. Въ состояніи общества, человѣкъ дабы получить свободное и законное пользованіе своими способностями, долженъ признавать таковое же въ себѣ подобныхъ, уважать его и облегчать. § 8. Отъ сей необходимой взаимности выходитъ, между соединенными людьми, двойное отношеніе правъ и обязанностей. § 9. Цѣль всякаго общества поддержать это двойное отношеніе. Отсюда установленіе законовъ. § 10. Цѣль закона есть посему гарантировать всѣ права и обезпечить исполненіе всѣхъ обязанностей“. О такой политической метафизикѣ препирались по цѣлымъ часамъ и принимали случайныя рѣшенія.

торая и была принята". Мунье соединилъ десять предложенныхъ параграфовъ въ три находящіеся въ „Объявленіи".

Вотъ какъ составлялось „Объявленіе"!

Положеніе, что цѣль государственнаго союза есть счастіе его членовъ кажется непререкаемою очевидностію. Что̀ какъ не общее благо, какъ не *счастіе* всѣхъ и каждаго,—выражаясь опредѣлительнѣе,—можетъ быть цѣлью хорошо устроеннаго государства? Но сколько идея эта ни кажется неподлежащею спору, на самомъ дѣлѣ она односторонняя и даже невѣрна. Цѣль государственнаго союза есть нѣчто большее и иное чѣмъ общее счастіе, то-есть личное довольство и наслажденіе его членовъ. Такое довольство недостижимо, а исканіе его, если поставлено цѣлью—разрушительно. ибо должно вести не къ накопленію, а къ проживанію духовнаго капитала. Если наслажденіе есть верховная цѣль, то надлежитъ согласиться съ Гартманомъ и лессимистами, кои, опредѣляя наслажденіе какъ прекращенное страданіе, доказываютъ, что небытіе предпочтительнѣе, лучше бытія. Стремленіе къ общему счастію, къ тому чтобъ уменьшилась сумма страданій и увеличилась сумма радостей въ мірѣ—великая и благая цѣль, но не верховная цѣль земнаго бытія, а привходящая сопровождающая другія, притомъ высшія цѣли. Такъ вообще, такъ въ особенности въ государственномъ союзѣ. Великій англійскій поэтъ Байронъ въ трагедіи *Сарданапалъ* изобразилъ судьбу властителя поставившаго своею цѣлію наслажденіе не свое только, но и своихъ подданныхъ. Сарданапалъ Байрона не слабый человѣкъ съ низкими страстями и чувственными инстинктами, а царственный мужъ съ возвышеннымъ умомъ, благородствомъ чувствъ, отвагой души. Онъ гибнетъ потому что онъ царь забывшій интересъ, который выше требованій наслажденія, довольства и счастія – интересъ государственный. Онъ хотѣлъ, чтобы всѣ были довольны и породилъ общее недовольство.

Чего еще имъ надо?
Я далъ имъ миръ, я далъ имъ изобилье...
Я помышлялъ, какъ изъ моихъ владѣній
Устроить рай, какъ сдѣлать, чтобъ луна
Свѣтила въ нихъ затѣмъ лишь, чтобъ эпохи
Различныхъ наслажденій измѣрять...
Я сдѣлалъ все для подданныхъ что̀ могъ:
Не велъ войны, не возвышалъ налоговъ,
Не проникалъ въ дома ихъ; дозволялъ
Жить всякому, какъ онъ умѣлъ, какъ могъ,
Какъ жилъ я самъ.

Селименъ.

Они же говорятъ
Что ты забылъ права свои, что быть
Поэтому монархомъ ты не создань.

Сарданапалъ.

Неблагодарные! роптать за то
Что я не лилъ ихъ крови, не водилъ
Ихъ умирать мирьядами въ пустыни...
Что не писалъ имъ кровію законовъ,
Не воздвигалъ ни гордыхъ пирамидъ,
Ни башенъ вавилонскихъ ихъ руками!..
Я мягкосердъ—меня лишь ненавидятъ,
Я милосердъ - мнѣ угрожаютъ бунтомъ.

Рядомъ съ мечтательнымъ, презрѣвшимъ свой долгъ, царемъ поэтъ поставилъ крѣпкую и цѣльную фигуру Селимена (брата жены Сарданапала) проникнутаго государственнымъ интересомъ.

Дѣло тутъ
Не чувствъ однихъ коснется, хотя
И этого ужь много, но вопросъ
Тутъ *государственный*,

говорилъ Селименъ въ минуту, когда въ Сарданапалѣ пробудился любящій мужъ и любящій отецъ.

Власть сурово вырвана изъ рукъ царя, поставлявшаго цѣлью „общее счастіе", и онъ воздвигъ царственный костеръ на поученіе земнымъ властителямъ:

Онъ разгорится
Свѣтиломъ поучающимъ вѣка,
Мятежные народы и безпечныхъ
Владыкъ земныхъ *.

Всѣ революціонныя утопіи, увѣнчанныя розами въ теоріи, политыя кровью на практикѣ, трактуютъ объ общемъ счастіи. Идеаломъ кажется обезпечить человѣку блаженное существованіе. Когда удастся достигнуть этого, для цѣлаго человѣчества наступитъ золотой вѣкъ.

---

* Цитую по переводу г. Зарина въ изданіи Гербеля.

Исторія очевидно прекратится. Что же будетъ дальше? По наивнымъ мечтаніямъ покойнаго Щапова, когда Русская земля раздробится на малыя волости,—каждая какъ особое государствице, связанное федеративно съ другими,—русскіе люди, парни и дѣвки, какъ выражается авторъ, будутъ заниматься исключительно естествознаніемъ, трудиться въ лабораторіяхъ и издавать результаты своихъ трудовъ. Картина комическая, но она есть только аляповатое выраженіе мысли раздѣляемой революціонерами значительно высшаго полета. Человѣчество имѣетъ быть раздѣлено на малые круги въ согласіи живущихъ гражданъ, обезпеченныхъ въ своемъ спокойствіи, наслаждающихся жизнію и для собственнаго удовольствія работающихъ, съ цѣлью увеличенія благосостоянія чрезъ прогрессъ науки. Благодѣтели и наивные люди, умиляющіеся картиной будущаго блаженства, не замѣчаютъ, что осуществленіе ихъ плана было бы насильственнымъ устраненіемъ множества элементовъ, только совокупностью которыхъ достигается полнота жизни. Музыка хорошая вещь. Но что если цѣлое государство обратить въ государство музыкантовъ, обязавъ каждаго играть на какомъ-нибудь инструментѣ и кромѣ музыки ничѣмъ не заниматься! Научная дѣятельность есть великая дѣятельность, но не всякій къ ней способенъ. Элементъ религіозный, художественный, область многоразличныхъ психическихъ отношеній, инстинктовъ духа не поддающихся научному сознанію, можетъ ли все это быть вычеркнуто изъ жизненнаго потока и замѣнено научнымъ размышленіемъ въ соединеніи съ условіями пріятнаго жизнепровожденія на трактирномъ положеніи или въ аракчеевскихъ поселеніяхъ либеральнаго устройства?

Не наслажденіе, увы! а трудъ и *служба* основныя понятія государственной жизни. Цѣль государства *исполненіе завѣтовъ исторіи и путей провидѣнія*. Государственная жизнь* есть служба въ великомъ предпріятіи именуемомъ исторіей народовъ и человѣчества. Конечныя цѣли сокрыты отъ нашего разумѣнія; пониманіе ближайшихъ есть задача государственныхъ людей. Пониманіе это характеризуетъ государственный умъ. „Прогрессъ для общества, говорилъ Гизо (рѣчь приведена въ изложеніи процесса *Gazette de France*, въ сочиненіяхъ Берье, II 39), подвигаться къ тому въ чемъ оно имѣетъ нужду, получить то чего ему недостаетъ Такимъ образомъ, если общество впало въ состояніе разнузданности (tombée dans la licence), то прогрессъ въ томъ, чтобы вернуться къ порядку Когда общество злоупотребило нѣкоторыми идеями, прогрессъ въ томъ, чтобъ прекратить это злоупотребленіе. Прогрессъ всегда въ томъ, чтобы войти въ путь истины, въ вѣчныя условія общества, удовлетворить его истиннымъ нуждамъ, реальнымъ нуждамъ настоящей минуты“. Революція была крушеніемъ государства именно потому, что не было этого ближайшаго пониманія *. Въ революціонномъ движеніи, между задачами теоріи и задачами дѣйствительности было такое разстояніе, что для удовлетворенія первыхъ требовалось разрушеніе дѣйствительности. Революція родилась отъ союза правительственной бездарности со смутой общественныхъ понятій. Какъ государственное преобразованіе, она имѣетъ значеніе великаго историческаго урока; какъ событіе, этотъ „философскій переворотъ“ пріобрѣлъ всемірно историческое значеніе, по ироніи судьбы, кровавымъ путемъ войнъ республики и имперіи.

Когда являются люди,— или одинъ человѣкъ,—которымъ удалось уяснить въ своемъ сознаніи ближайшую историческую задачу народа въ данную минуту и подвинуть страну на ея разрѣшеніе—совершается историческое движеніе впередъ. Государство растетъ и возвышается, если это соотвѣтствуетъ тому недоступному для сознанія плану какой исполняется историческимъ существованіемъ народовъ. Естествоиспытатели, при изученіи живой природы, усматриваютъ несомнѣнное присутствіе плана развивающагося и въ отдѣльныхъ существованіяхъ, и въ существованіи поколѣній. То же въ человѣчествѣ. Планъ развивается при посредствѣ сознанія, чрезъ мысли и волю людей, выходящихъ на историческій призывъ, при наслѣдственномъ преемствѣ въ смѣнѣ поколѣній.

Императрица Екатерина, составляя *Наказъ* подъ вліяніемъ французскихъ „философовъ“ XVIII вѣка, инстинктивно обошла идею общаго счастія, какъ цѣль государства, и указала какъ таковую нѣчто иное „Самодержавнаго правленія, пишетъ она, намѣреніе и конецъ есть *слава* гражданъ, государства и государя“ (во французскомъ текстѣ: „La fin et le but d'un gouvernement monarchique est *la gloire* de ses citoyens, de l'état et du prince)“. *Слава*, то-есть доблестное исполненіе задачъ указываемыхъ народу его исторіей.

Союзъ людей, удовлетворяющій требованіямъ началъ, положенныхъ въ основу „Объявленія“, не есть государство. Но есть форма человѣческой ассоціаціи подходящая подъ эти требованія. Ассоціація эта—*клубъ*. Равные люди свободно соединяются въ союзъ, цѣль котораго провести время въ удовольствіи. Коллективная воля членовъ

---

* О государствѣ ср. въ моей книгѣ: *М. Н. Катковъ и его историческія заслуги* глава VII, „Экскурсія въ область государственной теоріи“; стр. 163.

* „Мы знаемъ нынѣ, говоритъ Гизо въ той же рѣчи, что идеи, привычки страсти этого времени (1791) были анархическія, посвященныя дѣлу разрушенія“.

есть основное начало клуба Коллективная воля его создала, имъ управляетъ, его можетъ разрушить Правленіе выборное. Старшины суть лица, заботящіяся о томъ, чтобы члены были довольны. Правда. клубу принадлежитъ не весь человѣкъ, и членъ можетъ оставить его во всякую минуту. Государство по революціонному ученію есть неумолимый клубъ, поглощающій всего человѣка и отъ котораго уйти некуда

Ни въ комъ государственное начало не сказалось съ такою силой какъ въ нашемъ великомъ преобразователѣ.

Покойный историкъ С. М. Соловьевъ (*Исторія Россіи*, т. XIV, 103) усматриваетъ въ преобразованіи Петра „характеръ революціонный". Если слово революціонный употребимъ не въ точномъ его смыслѣ (революція въ точномъ смыслѣ обозначаетъ насильственное перемѣщеніе власти), а вообще въ значеніи большой государственной перемѣны, то безъ сомнѣнія можно выразиться такимъ образомъ. Но историкъ не останавливается на этомъ и находитъ параллель между двумя переворотами—преобразованіемъ Петра и Французскою революціей и полагаетъ даже, что „наша революція начала XVIII в., уясняется чрезъ сравненіе ея съ политическою революціей во Франціи въ концѣ этого вѣка". Съ этимъ трудно согласиться. Нѣтъ событій болѣе разнородныхъ чѣмъ эти двѣ „резолюціи". Уясняющую параллель историкъ усматриваетъ въ слѣдующемъ. „Какъ здѣсь, такъ и тамъ, говоритъ онъ, болѣзни накоплялись вслѣдствіе застоя, односторонности, исключительности одного извѣстнаго направленія; новыя начала не были переработаны народомъ на практической почвѣ, необходимость ихъ чувствовалась всѣми, но переработалась она теоретически въ головахъ передовыхъ людей, и вдругъ приступлено было къ преобразованіямъ. Разумѣется, слѣдствіемъ было страшное потрясеніе. Во Франціи слабое правительство не устояло, и произошли извѣстныя печальныя явленія, которыя до сихъ поръ отзываются въ странѣ. Въ Россіи одинъ человѣкъ, одаренный небывалою силой, взялъ въ свои руки направленіе революціоннаго движенія, и этотъ человѣкъ былъ прирожденный глава государства. Французскіе историки считаютъ себя вправѣ плакаться на такой ходъ дѣлъ у себя... Но пусть же они плачутся на весь предшествовавшій ходъ французской исторіи котораго революція была необходимымъ слѣдствіемъ. Что не было сдѣлано исподволь, постепенно, и потому легко и спокойно, то приходится дѣлать потомъ вдругъ, съ болѣзненными напряженіями которыя мы называемъ революціями. И мы имѣемъ право плакаться на нашу революцію, но опять съ обязанностію плакаться также на всю предшествовавшую исторію, которая привела къ такой революціи, ибо условія здоровья не производятъ болѣзни". Параллель очевидно искусственная. Можно подумать, что не явись

Петръ „взявшій движеніе въ свои руки", намъ грозило бы нѣчто въ родѣ Французской революціи и что во Франціи революція произошла оттого что проведеніе въ жизнь необходимыхъ началъ произошло вопреки правительству, которое при слабости своей и не устояло. Если начала были необходимыя и потребность ихъ чувствовалась *всѣми*, то какъ же было не приступить къ преобразованіямъ? Мы видѣли отчасти каковы были эти „необходимыя новыя начала". Все дѣло было именно въ томъ, что во Франціи эти начала не были выраженіемъ дѣйствительныхъ государственныхъ потребностей, а были взяты въ отвлеченной области на безконечно далекомъ разстояніи отъ дѣйствительности. Движеніе было не государственное, а противо-государственное. Чтобъ удовлетворить „началамъ", требовалось разрушить дѣйствительность; и она была разрушена. Окончился періодъ крушенія, на мѣстѣ разрушеннаго воздвиглось новое зданіе изъ обломковъ стараго крѣпкаго матеріала съ прибавкомъ новаго, примѣнительно „къ началамъ", но непрочной архитектурѣ, держащееся благодаря природному запасу матеріальныхъ и нравственныхъ силъ въ странѣ. Новое зданіе находятъ лучше запущеннаго дореволюціоннаго строенія. Успѣхъ приписываютъ крушенію, по философіи полковника Скалозуба: „пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью"!

Сколь не точно именовать Петровскій переворотъ революціей, столь же не вѣрно называть Петра деспотомъ. Для деспота власть есть цѣль, а не средство. Произволъ деспота есть упоеніе властію, какъ таковою. Деспотизмъ можетъ быть при всякой формѣ правленія. Возьмемъ манифестъ Петра (февр. 3, 1718 года) объ отрѣченіи царевича Алексѣя и о присягѣ на вѣрность тому лицу кому царь пожелаетъ оставить царство (самое лицо не указано). Деспота ли слова то что̀ читаемъ въ манифестѣ? „Мы лучше чужаго достойнаго учинимъ наслѣдникомъ нежели своего непотребнаго. Ибо не могу такого наслѣдника оставить, который бы растерялъ то что̀ чрезъ помощь Божію отецъ получилъ и ниспровергъ бы славу и честь народа Россійскаго, для котораго я здоровье свое потратилъ, не жалѣя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и живота своего; къ тому и боясь суда Божія вручить такое правленіе, знавъ непотребнаго къ тому... Властію отеческою, по которой по правамъ государства нашего и каждый подданный нашъ сына своего наслѣдства лишить и другому сыну которому хочетъ отдать воленъ, и яко самодержавный государь для пользы государственной, лишаемъ его, сына своего Алексѣя, за тѣ всѣ вины и преступленія наслѣдства по насъ престола нашего Всероссійскаго".

Когда по совершеніи великихъ дѣлъ, Петру въ 1721 году поднесли титулъ императора (*Полн. Собр.*, VI, 446) онъ отвѣчалъ краткою и

скромною рѣчью, совѣтуя, вопервыхъ, соблюдать силу государственную: „надѣясь на миръ не ослабѣвать въ военномъ дѣлѣ“, и вовторыхъ, „трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ, которой Богъ намъ предъ очами кладетъ, какъ внутрь такъ и внѣ, отчего облегченъ будетъ народъ“.

Во всей дѣятельности Петра есть оригинальная черта особенной важности. Онъ чувствовалъ себя самодержцемъ, считалъ себя въ правѣ отказать свое царство, по собственному произволенію, тому кого изберетъ достойнѣйшимъ, но самодержавіе его было иного характора чѣмъ, напримѣръ, самодержавіе Лудовика XIV. Слова блестящаго короля: „государство это я“, были бы неумѣстны въ устахъ Петра. Правда, въ нашемъ народномъ сознаніи понятія *государство* и *государь* не дѣлились между собою и всегда вмѣсто слова *государственный* употреблялось слово *государевъ*. Самъ Петръ въ регламентѣ коллегіи предписывалъ рѣшать „перво публичныя государственныя дѣла, касающіяся его царскаго величества интереса, потомъ приватныя дѣла“ (*Полн. Собр. Зак.*, т. VI, 144). Но вмѣстѣ съ тѣмъ на свою самодержавную дѣятельность онъ постоянно смотрѣлъ какъ на службу „Онъ царствуя служилъ“. по выраженію Ломоносова, проходя всѣ ступени служебной лѣстницы. Не по капризу властителя, не въ примѣръ только подданнымъ дѣлалъ онъ это, не въ силу инстинктивнаго, но имѣющаго глубокій смыслъ раздѣленія въ себѣ самодержца, носителя судебъ своей страны, и обыкновеннаго человѣка служащаго отечеству какъ и его подданные. Въ 1703 году ему поднесенъ орденъ *Андрея Первозваннаго* при словахъ: (*Полн. Собр.* IV, № 1.931). „Капитану бомбардирскому за взятіе непріятельскихъ двухъ кораблей данъ воинскій орденъ *Св. Апостола Андрея*. Тотъ орденъ положилъ на него господина капитана великій адмиралъ и канцлеръ Головинъ. яко первый того ордена кавалеръ. За *ту же службу* таковымъ же образомъ и генералъ-губернаторъ Александра Даниловичъ Меньшиковъ учиненъ кавалеромъ того же ордена“.

VII.

Люди родятся и остаются свободными и равными въ правахъ.

Такъ гласитъ первый параграфъ „Объявленія“ 1789 года.

Люди родятся равными. „Положеніе это, замѣчаетъ Бентамъ *, за-

* Въ сочиненіи *Tactique des assemblées législatives, suivie d'un traité des sophismes politiques*, ouvrage extrait des manuscripts de M. Jérémie Bentham, jurisconsulte anglais, par Et. Dumont, membre du conseil représentatif du canton de Genève, Paris, 1816. T. II, 271.

ключаетъ въ себѣ очевидную ложь Стоитъ обратиться къ фактамъ. Всѣ люди родятся въ состояніи подчиненія и даже самаго абсолютнаго. Ребенокъ жить не можетъ безъ сторонней помощи“.

Люди остаются свободными. „Напротивъ, дѣйствительные люди, рождающіеся подъ правительствомъ, всѣ фактически подчинены законамъ. хорошимъ или дурнымъ. Недостатокъ свободы постоянный текстъ жалобъ и декламацій“.

Всѣ люди остаются равными въ правахъ. „То-есть всѣ существа человѣческаго рода? спрашиваетъ Бентамъ. Значитъ, ученикъ мастера равенъ въ правахъ мастеру, имѣетъ такое же право управлять учителемъ и наказывать его, какое учитель имѣетъ по отношенію къ ученику? То же относительно отца и ребенка, опекуна и опекаемаго, жены и мужа, солдата и офицера Сумасшедшій имѣетъ такое же право заключить своего привратника, какимъ привратникъ имѣетъ пользуется относительно сумасшедшаго. Идіотъ имѣетъ такое же право управлять своимъ семействомъ, какимъ семейство пользуется относительно идіота. Если все это не заключается цѣликомъ въ разсматриваемомъ параграфѣ, то параграфъ этотъ не значитъ ничего, абсолютно ничего. Я знаю, что составители „Объявленія“, не будучи ни помѣшанными, ни идіотами, не помышляли установить такое абсолютное равенство Но чего же они хотятъ? Невѣжественная толпа должна ли была понимать ихъ лучше чѣмъ они сами себя понимали?“

Мунье (*Exposé de la conduite*, éd. exacte, Paris, 1789, chez Cuchet, 37) припоминаетъ. что при обсужденіи перваго параграфа „Объявленія“ онъ тщетно противился выраженію *остаются* (demeurent) равными. „Многіе сочли замѣчаніе мое, прибавляетъ онъ, противнымъ свободѣ“. Ропотомъ было также встрѣчено его настояніе, чтобы говоря о безразличномъ допущеніи всѣхъ къ должностямъ (§ 6) было прибавлено: „сообразно способностямъ“. „Вчера рѣшено, что мы всѣ равны, а сегодня хотятъ возстановить неравенство“, говорили вокругъ него. На этотъ разъ пришлось однако уступить.

Съ *равенствомъ*, впрочемъ, въ „Объявленіи“ произошелъ казусъ. Въ первомъ параграфѣ свобода и равенство признаются, очевидно, первыми естественными правами человѣка. Ихъ оказывается два. Но въ промежуткѣ между первымъ и вторымъ параграфами (второй гласитъ: права сіи суть—свобода, собственность, безопасность и сопротивленіе угнетенію) родились три новые: собственность, безопасность и сопротивленіе угнетенію. „Но эти три новые, замѣчаетъ Бентамъ, прибавленные къ двумъ прежнимъ не составили однако пяти. Оказалось только четыре: какой-то случай приключился съ *равенствомъ* и оно исчезло. Въ промежуткѣ отъ 1791 до 1795 года оно нашлось и занимаетъ (въ третьемъ изданіи „Объявленія“) важное мѣсто тотчасъ послѣ *свободы*“ (Bentham. II, 362). Нашлось впрочемъ

прежде. Оно стоитъ, и притомъ на первомъ даже мѣстѣ, въ § 2 „Объявленія“ 1793 года, гдѣ читаемъ: „естественныя права суть— *равенство*, свобода, безопасность и собственность“. Исчезновеніе равенства въ „Объявленіи“ 1789 года объясняется тѣмъ способомъ, какимъ были редактированы первые его параграфы. Объ этомъ мы уже говорили выше

Установленіе общественнаго равенства тѣмъ не менѣе было капитальною задачей конституціи 1791 года. Можно сказать, что конституціей этой имѣлось въ виду монархическій строй старой Франціи съ его сословнымъ раздѣленіемъ превратить насильственно въ демократическій, хотя и съ королемъ во хвостѣ: „королевская демократія“, какъ выражались. Разрушительная работа эта, провозглашенная въ началѣ текста конституціи, легкая какъ всякая работа разрушенія, удалась сравнительно болѣе чѣмъ другія постановленія конституціи. Тамъ читаемъ: „Національное Собраніе, желая установить французскую конституцію на началахъ, какія оно (въ вышеизложенномъ „Объявленіи“) только что признало и объявило, *уничтожаетъ безповоротно* всѣ учрежденія, оскорблявшія свободу и равенство правъ. Нѣтъ болѣе ни дворянства, ни перства, ни наслѣдственныхъ различій, ни различія по сословіямъ, ни феодальнаго управленія, ни вотчинной юстиціи (justices patrimoniales), никакихъ титуловъ, именованій и преимуществъ изъ того истекающихъ, ни кавалерскихъ орденовъ, никакихъ корпорацій и отличій, для коихъ требовались доказательства дворянства или кои предполагали различіе происхожденія, и вообще никакихъ преимуществъ кромѣ принадлежащихъ государственнымъ чиновникамъ при исполненіи должности. Нѣтъ болѣе ни продажи, ни перехода по наслѣдству какихъ-либо общественныхъ должностей. Нѣтъ болѣе ни для какой части націи, ни для какого отдѣльнаго лица никакой привилегіи или исключенія изъ общаго всѣмъ Французамъ права. Нѣтъ болѣе цеховъ (jurandes) и всякихъ промышленныхъ и ремесленныхъ корпорацій. Законъ не признаетъ болѣе ни религіозныхъ обѣтовъ, ни какихъ-либо другихъ обязательствъ противныхъ естественнымъ правамъ и конституціи“.

Никакая корпорація, никакой отдѣльный человѣкъ не могутъ имѣть власти кромѣ той, которая опредѣлительно истекаетъ отъ націи.

„То-есть, говоритъ Бентамъ, каждая власть, не основанная на народномъ выборѣ, на непосредственномъ вручении полномочія отъ націи, есть власть самозванная, противная естественному праву и потому равняющаяся нулю. Еслибъ это объявленіе касалось только Франціи, можно бы смотрѣть на него какъ на основаніе ея будущаго конституціоннаго права. Но оно составлено въ выраженіяхъ самыхъ общихъ, прилагается ко всѣмъ правительствамъ за исключеніемъ нѣсколькихъ республикъ, всѣмъ имъ придаетъ характеръ самозванства и приравниваетъ ихъ нулю. Это правило есть орудіе революціи Сопротивленіе и мятежъ законны и даже похвальны по отношенію ко властителямъ, получившимъ власть не отъ народнаго избранія. Если правило не имѣетъ этого смысла то не имѣетъ никакого“.

Намъ случалось уже говорить о томъ значеніи, какое придавалось выбору какъ единственному способу врученія власти въ революціонную эпоху. Стремились всѣ должности замѣщать по народному выбору. Администраторы (родъ губернаторовъ) департаментовъ, судьи были по конституціи 1791 года выборные. „Администраторы (§ 2 Chap. IV. Sect. 2) суть агенты, выбираемые на срокъ народомъ, чтобъ исполнять административныя функціи подъ надзоромъ короля“ „Судъ творится даромъ судьями, выбранными на срокъ народомъ“. (Chap. V. § 2). Источникъ этой исключительной приверженности къ выборной формѣ заключался въ той разгоряченной ненависти ко всему исходящему отъ правительства, которая побудила самому „Объявленію“ дать характеръ грамоты, возвращающей „народу“ то, что ему де принадлежитъ, но хищнически было отнято правительствомъ вслѣдствіе чего говорится только о правахъ, но не согласились уломянуть объ обязанностяхъ. Выборный значитъ одаренный всѣми доблестями: назначенный значитъ всякихъ доблестей лишенный. Въ январѣ 1791 года на Національномъ театрѣ представлена была драма въ пяти дѣйствіяхъ (авторъ нѣкто г. Гарни) *Завоеванная свобода или свергнутый деспотизмъ* (*Merc. de Fr.* 1791, № 4). Драма имѣла значительный успѣхъ. Въ ней весьма характеристически высказалось указываемое настроеніе. Представлено вымышленное событіе, но оно имѣетъ изобразить побѣду народа надъ правительствомъ въ іюлѣ 1789 года. Выставлены двѣ стороны: правительственная — губернаторъ пограничнаго города, органъ деспотизма, соединяющій въ себѣ всяческія дурныя качества, умышленно доводящій народъ до возстанія, сдающій фортъ Англичанамъ, призывающій отрядъ иностранныхъ войскъ, имѣющій въ виду идти на Парижъ и захватить національное собраніе: народная—*выборный* меръ образецъ честности, патріотизма, излюбленный народу. Свѣтлая сторона понятно торжествуетъ. Губернаторъ выводитъ войско противъ народа: солдаты бросаются въ объятія гражданъ. Происходитъ нѣчто въ родѣ взятія Бастиліи. Публика наэлектризована. Когда на сценѣ приносится клятва, она немедленно повторяется всею залой, „такъ же какъ похвала, воздаваемая нашему доброму королю, великодушному возстановителю французской свободы“. Актеръ, игравшій губернатора, похваляется особенно во вниманіе къ усилію, которое онъ долженъ былъ сдѣлать надъ собою, чтобы побѣдить отвращеніе отъ ненавистной роли губернатора.

Стремленіе оградить народъ отъ его правительства встрѣчаемъ во многихъ параграфахъ „Объявленія“.

Всѣ граждане имѣютъ право сами или чрезъ своихъ представителей утверждать необходимость общественнаго налога, свободно на него соглашаться, слѣдить за его употребленіемъ, опредѣлять его размѣръ, разложеніе, покрытіе и продолжительность.

„Вообразите, говоритъ Бентамъ, что авторъ этого параграфа былъ бы врагъ государства, положившій себѣ цѣлью замутить ходъ общественныхъ дѣлъ и внести раздоръ. Ничего не могъ бы онъ лучше приладить къ подобной цѣли. Если же онъ другъ государства и имѣлъ цѣлью установить спасительный контроль надъ государственными расходами, то ничего не могъ бы онъ придумать болѣе ребяческаго. Что̀ понимается подъ словами *всѣ граждане?* Понимаются ли граждане коллективно дѣйствующіе всѣмъ корпусомъ, или отдѣльно каждый гражданинъ? Этимъ правомъ моимъ могу ли я пользоваться самъ, когда пожелаю, ни къ чьему содѣйствію не обращаясь или долженъ ждать пока приглашу всѣхъ другихъ и по крайней мѣрѣ большую часть присоединиться ко мнѣ въ общемъ пользованіи. Разница громадная. Но редакторы, употребляя, повидимому, безразлично и соединительныя и раздѣлительныя слова, этого кажется и не подозрѣвали. Если я могу пользоваться правомъ самолично, то значитъ по усмотрѣнію моему могу отправиться въ кассы государственнаго прихода, спросить отчетъ у чиновниковъ, велѣть принести книги, разспрашивать, остановить дѣла. То же можете сдѣлать и вы, такъ какъ вы тоже гражданинъ. А если вы пожелаете сдѣлать это въ одно время со мною? Кому будетъ преимущество, кто рѣшитъ между нами и тысячью другихъ?.. Это не установленіе, а разложеніе правительства. Если граждане могутъ пользоваться упомянутымъ правомъ только коллективно, дѣйствуя in corpore, то надо же разъяснить, какъ такія коллективныя тѣла должны образоваться. Именно это и долженъ былъ указать законъ, и именно этого онъ не указываетъ. *Право соглашаться* (le droit de consentir). Куріозный способъ выраженія, чтобъ обозначить право принять или отвергнуть. Право подавать голосъ ясно. Но право соглашаться порождаетъ комическую идею, напоминаетъ насмѣшника, говорившаго о сенатѣ при деспотическомъ правленіи: „эти господа имѣютъ право одобрить все, что̀ имъ предлагаютъ или отправляться въ ссылку“. Маленькія китайскія статуетки, которыя продавали въ Парижѣ подъ именемъ нотаблей, имѣли только одно движеніе — наклонять голову. Вотъ изображеніе права соглашаться. Не придаю важности этому замѣчанію. Но удивительно какъ собраніе, претендовавшее установить слова, идеи, законы, и все это навсегда, употребило въ такомъ существенномъ случаѣ терминъ двусмысленный и не точный, какъ будто французскій языкъ состоитъ въ такомъ безсмысленномъ запасѣ“.

Не много политической мудрости, — можно сказать въ заключеніе, — почерпнулъ Французскій народъ изъ „Объявленія его правъ“, по практическія послѣдствія революціоннаго манифеста, „выставленнаго, какъ говоритъ Малле дю-Панъ, на дверяхъ кабаковъ“ (*Merc de Fr.*, 1879, № 36) и твердившаго: „ты самодержецъ“ толпѣ, которую въ іюлѣ 1789 года легко можно было увѣрить, что правительство намѣрено „сжечь Парижъ раскаленными ядрами и перерѣзать дѣтей“, были, повторяемъ, огромныя. Есть масса свидѣтельствъ какъ „Объявленіе“ содѣйствовало революціонной смутѣ. „Въ день мятежа 5 октября, пишетъ Брандесъ, подонки парижскаго народа, проникнувъ въ собраніе (въ Версалѣ), показали, какъ поняли они права человѣка и право равенства, громко давая членамъ законодательнаго корпуса извѣстный отвѣтъ: „„что „вы тамъ ни болтайте, мы всѣ братья““ (Brandes, secrétaire intime de la chancellerie de Hanovre, *Considérations politiques sur la révol. franç.*, Paris, 1791, стр. 97).

„Вскорѣ послѣ того, говоритъ Бентамъ (II, 312), какъ „Объявленіе правъ“ получило утвержденіе, школьники одного изъ большихъ французскихъ коллежей (если не ошибаюсь въ Ла-Флешъ) оказались достаточно сообразительными логиками, чтобъ усмотрѣть въ „Объявленіи“ начала независимости. Вооружившись этимъ манифестомъ, они отказали въ повиновеніи начальству и приступили къ возстанію по формѣ, чтобъ охранить свои неотъемлемыя и неотчуждаемыя права. Эта сцена въ школѣ была прелюдіей того безвластія и того духа неповиновенія, который покрылъ Францію потокомъ крови и грязи“.

„Объявленіе“, добавимъ мимоходомъ, пришлось по вкусу... публичнымъ женщинамъ. По крайней мѣрѣ докторъ Прива-Дюшатле, авторъ извѣстнаго сочиненія *De la Prostitution dans la ville de Paris*, многократно упоминаетъ въ своей книгѣ, какъ сильно способствовала развитію разврата свобода, возвѣщенная „Объявленіемъ правъ“, освободившимъ между прочимъ и ремесло проституціи отъ тѣхъ стѣсненій, какимъ оно подвергалось при старомъ порядкѣ. Онъ приводитъ между прочимъ любопытный документъ: прокламацію общаго совѣта Парижской коммуны отъ 4 октября 1793 года (I, 617) (Commune de Paris. Extrait du registre des délibérations du conseil général). „Городской совѣтъ съ прискорбіемъ видитъ, что многіе кварталы Парижа отравлены развратомъ до такой степени, что честная мать боится пройти тамъ въ сопровожденіи дочери, что республиканецъ-отецъ дрожитъ за своего сына, когда тотъ вынужденъ проходить по этимъ кварталамъ, гдѣ ядъ носится въ воздухѣ, наглый порокъ ждетъ юность, поражаетъ ее и разрушаетъ ее вмѣстѣ съ доблестями, какія начинали зарождаться въ ея сердцѣ. Поистинѣ приходится скорбѣть о судьбѣ республики среди развращенія, возбуждаемаго непрерывно

этими чудовищами. Они или предлагаютъ взглядамъ республиканцевъ порокъ, увѣнчанный цвѣтами, умерщвляющій нечистыми руками нравы гражданъ на алтаряхъ деспотизма и монархизма (?) (assassinant de ses mains immondes les moeurs des citoyens sur les autels de despotisme et de la royauté); или устилаютъ улицы и площади гравюрами, книгами, барельефами, гдѣ священныя изображенія свободы смѣшаны съ кучей нечистотъ, почти всюду изображающихъ картины порока въ дѣйствіи и самыя скандалёзныя сцены.“ Республика не принесла, повидимому, чистоты нравовъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Осуществленіе революціоннаго ученія на фактѣ.

I. II. Революціонныя начала: равенство и свобода.—III, IV. Свобода религіозная.—V, VI. Свобода политическая: клубы. — VII. Королевское правительство и Мирабо.—VIII. Клубъ Якобинцевъ.

I.

Изъ трехъ девизовъ революціи: свобода, равенство и братство, первые два были выставлены на ея знамени съ самаго ея начала. Братство было пристегнуто позже. „Братство“ не упоминается ни въ *Объявленіи правъ*, ни въ конституціи 1791 года. Оно не упоминается и въ конституціи 1793 года. Яснаго смысла съ нимъ не соединялось. Но свобода и равенство, равенство и свобода выставлялись всюду и на всѣ лады. Революціонная роль этихъ двухъ „началъ“ была однако далеко не одинакова. Равенство въ смыслѣ общественной нивеллировки, прошедшей какъ коса по всему выдающемуся, можетъ по справедливости назваться девизомъ революціи. Противореволюціонный журналъ *Actes des Apôtres*, усердно пользовавшійся орудіемъ насмѣшки, рекомендовалъ Національному Собранію выдать декретъ который предписалъ бы, что „съ 14 іюля будущаго года день будетъ равенъ ночи на всемъ протяженіи земнаго шара“ и „отъ полюса до полюса будетъ одинаковая умѣренная температура“ (*Mém. de Rivarol*, 352. Paris, 1824). Насильственное обращеніе монархическаго, крайне сословнаго строя въ демократическій увѣнчалось значительнымъ успѣхомъ. Высшіе классы не только были лишены политическаго преобладанія, но вынуждены бѣжать и скрываться, разсѣяны, истреблены. Складъ жизни измѣнился. Суетная пестрота блестящей дореволюціонной столицы въ два года смѣнилась сѣрымъ покровомъ революціоннаго Парижа. Уменьшалось число жителей, и по статистикѣ 1791 года изъ 600 тысячъ оставшихся было болѣе 120 тысячъ бѣдняковъ (*Merc. de France*, 1791, № X, 77). Прошло немного еще времени — и столица модъ представила собой одинъ громадный кабакъ

съ его отвратительными ужасами и безумнымъ опьянѣненіемъ; съ казнями на площадяхъ и маскарадными процессіями пьяныхъ бабъ и мущинъ одѣтыхъ въ церковную утварь и дефилирующихъ предъ лицомъ правительствующаго конвента, при его рукоплесканіяхъ, послѣ подачи прошенія о сборѣ на „святую гильотину“ (D'Héricault, *La Révol. de thermidor*, Paris, 1876, 61). „Я не узналъ Парижа“, пишетъ объ этой эпохѣ французскій романистъ начала нынѣшняго столѣтія, Пиго Лебрёнъ, влагая слова въ уста главнаго дѣйствующаго лица своего повѣствованія (Pigault Lebrun *L'Enfant du carnaval*, II, 239, Paris, 1815). „Не видно болѣе экипажей, не видно позолоты; нѣтъ торговли, нѣтъ веселья. Мастерскія пусты, опустѣли и отели; дворы заросли крапивой и репейникомъ; безпокойство во всѣхъ взорахъ, уныніе во всѣхъ сердцахъ. Герцоги бродятъ по улицамъ въ карманьйолкахъ, герцогини въ шерстяныхъ платьяхъ, биржевики (agioteurs) катаются въ *виски*. Моего лортнаго я нашелъ ремонтнымъ инспекторомъ (inspecteur de remontes), моего парикмахера поставщикомъ на армію, моего ливовара генераломъ, а мясника законодателемъ. Вся Франція играла въ барынинъ туалетъ (à la toilette de madame). Всюду я читалъ большими литерами начертанныя слова: „равенство или смерть“, и никто не хотѣлъ быть равнымъ съ сосѣдомъ. На дверяхъ всяческихъ конторъ была надпись: „ici on se *tutoie*, fermez la porte s'il *vous* plait“ (здѣсь разговоръ на ты; затворяйте, сдѣлайте милость, дверь)“.

Отъ ежедневной проповѣди равенства политическаго не далеко было и до проповѣди равенства имущественнаго. Передовые органы печати уже начали было ее „съ благородною дерзостію“, avec une noble hardiesse, какъ славитъ самого себя популярнѣйшій изъ революціонныхъ журналовъ эпохи *. Но почва оказалась не довольно еще вспаханною для соціалистской идеи, и идея эта мелькнула не встрѣтивъ сочувствія. Переворотъ, сопровождавшійся разореніемъ имущества аристократовъ, продажею громаднаго количества земель духовенства, обращенныхъ въ государственную собственность, напротивъ, въ сильнѣйшей степени возбуждалъ инстинкты собственности,—претерпѣвшей громадное перемѣщеніе изъ однѣхъ рукъ въ другія,—пріобрѣтенія и хищенія. Собственность провозглашена неприкосновенною, наименована естественнымъ правомъ, какъ свобода и равенство, не только въ конституціи 1791 года, но и въ конституціи 1793 года. Тѣмъ не менѣе, идею дѣлежа, какъ логическое послѣдствіе

---

* *Journal des Révolutions de Paris* devenu un monument cher aux honnêtes gens par la bonté des principes qu'il a toujours professés avec une noble hardiesse“. (*Révolutions de Paris*, 1791, № XCVI, 250, отвѣтъ Лагарпу).

начала равенства, можно встрѣтить съ первыхъ лѣтъ революціи. Въ концѣ января 1791 года появилась въ *Révol. de Paris* статья озаглавленная „Des pauvres et des riches“ (№ LXXXII, 169), начинавшаяся словами: „Революцію сдѣлали бѣдняки, но сдѣлали не въ свою пользу, ибо послѣ 14 іюля остались почти тѣмъ же чѣмъ были до 14 іюля 1789 года... Истинный другъ человѣчества долженъ воспользоваться этою превзошедшею надежды революціей, дабы сокрушить мало-помалу высокую бронзовую стѣну раздѣляющую бѣднаго отъ богатаго .. Пусть тѣ кто владѣютъ почти всѣмъ и тѣ кто не имѣютъ почти ничего обратятся къ посредничеству тѣхъ кто владѣютъ ни многимъ, ни малымъ. Ихъ третейскій судъ не можетъ быть заподозрѣнъ. Есть классъ гражданъ стоящихъ между богатыми и бѣдными (интеллигентное разночинство само себя предлагающее!), въ которомъ сосредоточены всѣ знанія наукой развитаго развитаго разума (toutes les lumières de la raison cultivée). Эти мирные люди подготовили революцію. Это они собрали угли на главѣ виновныхъ. Пришла минута приблизить пламя, и взрывъ совершился. Пусть эти скромные люди, столь долго хранившіе въ тиши своихъ очаговъ священный огнь естественной философіи, выйдутъ нынѣ разомъ изъ своихъ убѣжищъ и образуютъ изъ себя легіонъ столь же страшный злонамѣреннымъ, какъ легіонъ тираноубійцъ вооруженныхъ кинжалами*. И тогда какъ сіи послѣдніе прокрадутся во дворцы деспотовъ, подъ шатры вождей противореволюціонной арміи и даже въ будуары заговорщицъ, наши „„филантропы““ пусть раздѣлятся по соглашенію на два отряда, чтобы придти къ одной цѣли разными дорогами. Первый отрядъ направится къ богатымъ. Ему предстоитъ быть-можетъ труднѣйшая задача: убѣдить богатыхъ, что ихъ собственный интересъ требуетъ предотвратить, рѣшившись на пожертвованія, аграрный законъ, о которомъ уже поговариваютъ“. Отрядъ, направленный къ бѣднымъ, долженъ былъ прежде всего предостеречь ихъ отъ сѣтей, закидываемыхъ аристократами подъ видомъ благотворительности. Надо замѣтить, что статья писана въ эпоху когда образовавшійся клубъ монархистовъ, ставившій своею цѣлью примирить революцію съ монархіей, оказывалъ благотворенія въ большихъ размѣрахъ. Это обстоятельство, повидимому, и вызвало приводимое нами произведеніе одного изъ членовъ бойкой своры молодыхъ писакъ, которую ловкій издатель *Révolut. de Paris* завелъ при своемъ журналѣ по смерти Лустало, перегорѣвшаго въ лихорадкѣ журнальнаго возбужденія. Брошенный соціалистскій

* Идея такого общества убійцъ изъ разночинныхъ обладателей des lumières de la raison cultivée выдвигалась въ то время революціонными журналами.

брандеръ встрѣтилъ сильнѣйшее опроверженіе со стороны Лагарпа, хотя и ухаживавшаго за революціей. „Нелѣпая идея равенства имуществъ можетъ войти только въ голову сумашедшаго, писалъ Лагарпъ въ *Mercure de France*... Я не знаю, что это за „„филантропъ““ говорящій такимъ образомъ, скрывая свое имя. Но я, называя себя, объявляю ему, что на мои глаза и на глаза каждаго, кто не отказался еще ото всякаго подобія здраваго смысла, отъ всякой тѣни справедливости, онъ смертельный врагъ отечества, свободы, законовъ, всякаго общественнаго и государственнаго порядка... *Поговариваютъ объ аграрномъ законѣ?* Да кто же это поговариваютъ? Какой бѣшеный безумецъ заводилъ объ этомъ рѣчь?“ Вотъ какъ была встрѣчена соціалистская идея на первыхъ порахъ ея появленія въ эпоху революціи. Лагарпъ былъ правъ: объ аграрномъ законѣ и рѣчи не было. Упоминаніе будто о немъ „поговариваютъ“ было простымъ пріемомъ журнальной пропаганды помощію выдумки, — тогда еще довольно оригинальнымъ, потомъ ставшимъ весьма обычнымъ.

II.

Между тѣмъ что подразумѣвалось и славилось подъ именемъ свободы въ революціонную эпоху и точнымъ значеніемъ понятія свободы не много общаго. Въ исторіи цивилизованныхъ государствъ, эпоха когда количество свободы въ точномъ смыслѣ слова было наименьшимъ, есть безъ сомнѣнія эпоха французской революціи во дни ея окончательной побѣды, во дни конвента и террора. Побѣду революціи требовалось понимать, какъ бы ни душило ея ярмо, какъ побѣду свободы, подъ страхомъ смерти въ случаѣ малѣйшаго сомнѣнія. Да и предъ тѣмъ прельстительное слово произносилось уже неискренно, болѣе какъ украшеніе рѣчи или какъ нѣкоторое обѣщаніе, исполненіе котораго требуется заслужить суровымъ воспитаніемъ революціонныхъ добродѣтелей. Малле-дю-Панъ оставилъ яркое изображеніе угнетеннаго состоянія страны въ началѣ 1794 года, когда терроръ былъ еще въ разгарѣ (Mallet du Pan, *Mém.* II, 14, „De l'état politique etc. de la France 1 février 1794“). „Издали, говоритъ онъ, нельзя составить себѣ настоящаго понятія о крайнемъ подчиненіи и террорѣ, порожденныхъ новою организаціей тиранніи. Ни единый человѣкъ не смѣетъ сослаться на какой-нибудь законъ, на какое-нибудь право, принципъ, владѣніе. Казни столь же часты въ провинціяхъ какъ въ Парижѣ, въ селеніяхъ какъ въ городахъ.

Ни одно слово, ни одинъ шагъ, ни одно положеніе не ускользаютъ отъ арміи доносчиковъ, одушевленныхъ соревнованіемъ превзойти одинъ другаго въ жестокосердіи. Въ послѣдній мѣсяцъ одинъ восьмидесятилѣтній зажиточный крестьянинъ, видя нѣсколькихъ молодыхъ людей послѣдняго набора направляемыхъ въ Эльзасъ, воскликнулъ: „„бѣдные дѣти, это телята, которыхъ везутъ на бойню““. Въ тотъ же вечеръ онъ былъ арестованъ, а чрезъ восемь дней казненъ. Можно бы привести тысячу подобныхъ примѣровъ“ (Валлонъ въ сочиненіи своемъ о революціонномъ трибуналѣ приводитъ по документамъ, множество случаевъ казни за неосторожное слово, произнесенное гдѣ-нибудь въ минуту раздраженія или въ льяномъ видѣ). „Революціонная власть не церемонится съ „„мнѣніемъ““ и не боится нарушать начала провозглашенныя революціей. Департаментскіе коммиссары приняли формы, пріемы, языкъ пашей. Они катаются въ колясках шестерикомъ, съ конвоемъ стражи, обѣдаютъ за льянымъ столомъ на тридцать кувертовъ, при звукахъ музыки, окруженные толпой лизоблюдовъ, публичныхъ женщинъ, преторіанцевъ: говорятъ всегда тономъ повелѣнія и энтузіазма и наводятъ ужасъ на народъ *. Тотъ же духъ, тѣ же формы, въ соотвѣтственной пропорціи отличаютъ и исполнителей ихъ велѣній. Словомъ, прежде представители власти всячески старались выказывать по отношенію къ народу тонъ равенства, смиренія, почтенія; приказывая, казались повинующимися. Теперь говорятъ, какъ повелители, малѣйшее непослушаніе есть преступленіе непрощаемое .. Нельзя болѣе ни говорить, ни писать. Пале-Рояль, старое мѣсто свиданія революціонеровъ, нынѣ представляетъ собой совершенную пустыню: очистили и садъ, и дома, и даже кофейни. Не позволяютъ собираться малѣйшей группѣ. Къ ночи каждый уходитъ къ себѣ. Это называютъ: уложить въ постель свою свободу (aller coucher sa liberté). Всѣ лавки закрываются ранѣе восьми часовъ вечера. Все опасно: и соединеніе, и уединеніе, невиннѣйшій разговоръ, всякое частное дѣло, всякая переписка. Каждый участокъ въ городѣ имѣетъ свой наблюдательный комитетъ. Ускользнулъ отъ него,

---

* Въ другомъ мѣстѣ Малле дю-Панъ приводитъ такой характеристическій разсказъ. Колло д'Эрбуа, членъ Комитета государственнаго блага, творилъ судъ и расправу въ качествѣ правительственнаго коммиссара въ одной изъ провинцій. Во время роскошнаго пира докладываютъ, что судья настойчиво проситъ аудіенціи. Допускаютъ. Приблизившись къ потревоженному амфитріону, судья говоритъ ему на ухо: „молодой человѣкъ, котораго арестовали, оказывается невиннымъ, нѣтъ ни малѣйшихъ уликъ“. — „Я приказалъ, грозно возражаетъ коммиссаръ, — наказать этого человѣка, онъ долженъ быть казненъ до конца дня. Если щадить невинныхъ, слишкомъ много ускользало бы виновныхъ“. Арестованный былъ казненъ.

лодадаешься агентамъ городской общины, или комитета государственнаго блага, выростающимъ изъ земли. Всѣ, кто могли сохранить какое-нибудь вліяніе по состоянію, прежнему значенію, заслугамъ, даже такимъ, которыя оказаны революціи; всякій, чье имя могло бы вызвать обращеніе къ нему недовольныхъ, дать имъ какую-нибудь надежду—арестуются, изгоняются, умерщвляются. Въ тюрьмахъ и мѣстахъ заключенія Парижа такихъ лицъ до 18.000“. И возстаніе, прибавляетъ Малле-дю-Панъ, стало невозможнымъ. Народъ совершенно обезоруженъ. „Ружья не осталось ни въ городахъ, ни въ селахъ“. Легкость съ какою совершилось обезоруженіе, по замѣчанію Малле, еще болѣе удивительна, чѣмъ легкость съ какою произошло вооруженіе въ іюлѣ 1789 года. Вотъ, напримѣръ, какъ произошло обезоруженіе Бордо. Послѣ паденія жирондистовъ бордосскіе недовольные куражились; хотѣли идти на Парижъ, громко ругали Конвентъ. Въ октябрѣ 1793 года были посланы въ Бордо четыре коммиссара. За ними слѣдовало 1.800 человѣкъ революціонной сволочи изъ крестьянъ и разбойниковъ. Было объявлено, чтобы храбрецы бордосской національной гвардіи вышли баталіономъ изъ Бордо и построились у воротъ города. „Всѣ знали, что за коммиссарами слѣдовали палачи, тюремщики и всякіе бандиты. Тѣмъ не менѣе 12.000 національ-гардовъ повиновались. Коммиссарамъ былъ поднесенъ вѣнокъ Тальянъ, глава комитета, сказалъ громкую рѣчь и приказалъ отряду своихъ бандитовъ сорвать съ позолоченнаго баталіона украшавшія ихъ мундиръ дубовыя вѣтки, эполеты, кокарды“. Приказаніе было исполнено безъ сопротивленія. Затѣмъ изданъ приказъ, подъ страхомъ смертной казни сложить въ продолженіе 36 часовъ все какое есть въ городѣ оружіе на гласисѣ мѣстной крѣпости. Повиновались, и сто тысячъ жителей покорно сложили 30.000 ружей и массу шпагъ, пистолетовъ; принесли даже перочинные ножи. Узнали повиновеніе, отъ котораго было отвыкли. Подчинились непрерывнымъ рекрутскимъ наборамъ, отдали и деньги. Финансы пополнялись героическими средствами. Изо всѣхъ церквей отобраны всѣ сколько-нибудь цѣнныя металлическія вещи. Имѣнія эмигрантовъ конфискованы. Во многихъ мѣстностяхъ прямо производили реквизицію всѣхъ золотыхъ и серебряныхъ вещей. Наложили огромныя контрибуціи на возмутившіеся города Ліонъ, Бордо, Страсбургъ, Марсель. Въ Ліонѣ прибѣгли къ обману. Обнадежили успокоеніемъ, а какъ только началась торговля, открылись лавки, вынулись вещи, которыя были скрыты — все было захвачено. Наложенъ былъ налогъ на доходъ и не платить не осмѣливались

Комитетъ государственнаго блага, съ неограниченною властію правившій страной, показалъ, что коллективный самодержецъ провозглашенный революціей можетъ въ деспотизмѣ и тиранніи превзойти

всякаго единоличнаго властителя. Когда на смѣну разрушаемой наличной власти призывался желанный коллективный самодержецъ въ неуловимомъ и неопредѣленномъ образѣ *націи*—былъ періодъ анархіи. Она смѣнилась ужасающимъ деспотизмомъ, когда въ эпоху Конвента власть сосредоточилась въ рукахъ нѣсколькихъ лицъ и коллективный самодержецъ явился въ чудовищномъ образѣ терзаемаго страхомъ тирана о нѣсколькихъ головахъ, проявляющаго энергію отчаянія. Одна часть его не довѣряетъ другой. Впереди не видѣлось ничего кромѣ гибели. Еще когда терроръ не достигъ высшей точки, когда Робеспьеръ и Дантонъ дѣйствовали вмѣстѣ, они оба говорили (по разсказу Малле-дю-Пана) одной дамѣ, собиравшейся оставить Францію: „бѣгите, бѣгите скорѣе. Какъ хотѣли бы мы послѣдовать за вами! Скоро мы всѣ перерѣжемся (ne tarderons pas à nous entre-égorger) и Франція обратится въ арену громадной рѣзни".

При такихъ условіяхъ какая можетъ быть рѣчь о свободѣ? Свободы, очевидно, не было и признака въ эпоху Конвента. Но въ періодъ изучаемый нами слово свобода было еще постоянно на устахъ, и революція чествовалась, какъ даровавшая это благо странѣ. „Утромъ 12 іюля 1789 г., читаемъ въ *Révol. de Paris* (№ LXXVI, 1790; т. VI, 559), мы еще были рабами. Вечеромъ 14 іюля мы ими уже не были. Чувство свободы разомъ проснулось во всѣхъ душахъ. Мы всѣ поднялись въ тотъ же часъ, общимъ усиліемъ разбили наши цѣпи и немедля обломками ихъ поразили нашихъ спящихъ тирановъ, которые наканунѣ еще ложились въ постель въ жестокомъ упованіи силой заставить насъ протянуть шею подъ позорнѣйшее ярмо. Въ то же время мы возобладали всею полнотой власти, отнятой было у насъ постепенно. При видѣ національнаго знамени развѣвающагося на стѣнахъ Бастиліи, завоеванной въ теченіе трехъ часовъ, виновные принцы (princes coupables) обращаются въ бѣгство, ихъ наемные герои слѣдуютъ за ними; весьма небольшое число измѣнниковъ несутъ заслуженную казнь отъ народнаго суда. Темницы открываются, чтобы не закрываться болѣе (?) и возвращаютъ свои жертвы. Скипетръ склонился предъ народною сѣкирой, и французская нація, ставъ на ноги во всемъ своемъ величіи, сама себя облагаетъ налогами, сама себя судитъ, сама собой устраивается и самодержавно повелѣваетъ своими управляющими (ses agents), которыхъ слишкомъ долго чтила, какъ своихъ повелителей". Вотъ какъ рекомендуетъ понимать завоеванную свободу революціонная газета. Очевидно, дѣло идетъ не о свободѣ, а о власти вырванной изъ однѣхъ рукъ и имѣющей быть переданною въ другія. Но въ чьи? Рабы, разсказывается, перебили обломками цѣпей и перевязали своихъ спящихъ господъ, затѣмъ засѣли на ихъ мѣста и заставили себѣ служить. Всѣ стали повелителями. Одинъ остался повинующійся — правительство. Оно должно

работать, заботиться обо всемъ, отвѣчать за все, а мы — нація, его критики, даемъ приказы, увольняемъ его, въ случаѣ, если оно не годится. Пока не разрушены еще были правительственныя формы, управленіе могло кое-какъ держаться старыми законами: надъ правительствомъ можно было тѣшиться сколько угодно, на него возлагая отвѣтственность и не принимая ее на себя. Но когда старое зданіе рухнуло, правительственная задача перешла въ руки разрушителей,—наступило кровавое владычество торжествующей революціонной пугачевщины. Тутъ завершился переходъ власти: а до того времени мы видимъ только процессъ ея вырыванія, съ ликованіями по поводу каждаго новаго отторженія. Этотъ періодъ безвластія, анархіи. Свобода состояла исключительно въ безнаказанности. Ни на что нѣтъ запрета. Возглашается повиновеніе закону, но всѣ наличные законы отвергаются; новыхъ нѣтъ, исполненіе выдаваемыхъ ничѣмъ не ограждено. Чему же повиноваться? При безнаказанности каждому приходится дѣйствовать на свой страхъ, верхъ беретъ оказывающійся сильнѣйшимъ. Безнаказанность движеній революціоннаго характера— вотъ что разумѣлось подъ словомъ свобода.

Какъ ни безумна была кровавая тиранія Комитета государственнаго блага,—то обстоятельство, что въ странѣ обнаружилась неограниченная государственная власть и страхъ вызвалъ повиновеніе имѣло огромныя послѣдствія. Это дало возможность двинуть оборванныя, плохо вооруженныя толпы умирать за Францію, разлагавшемуся организму коей грозило иностранное нашествіе. Пробудился свойственный французской націи инстинктъ воинственный и вмѣстѣ патріотическій. „Солдаты армій, говоритъ Малле-дю-Панъ, указывая что Франція подъ дикимъ владычествомъ Конвента хранитъ въ себѣ еще большія силы,—не роялисты, не реслубликанцы, а Французы". Въ результатѣ „философской" революціи, имѣвшей покорять умы и сердца человѣчества, явилась грозная военная сила, естественно вызвавшая военную диктатуру, завоеваніями удивившую міръ.

Наиболѣе приниженное въ политическомъ мірѣ положеніе Франціи—когда съ ней перестали считаться въ международныхъ сношеніяхъ—было въ эпоху когда ея представители, которымъ нельзя отказать въ блескѣ ума, талантовъ, краснорѣчія, сочиняли государственную конституцію на образецъ всему человѣчеству, но на крушеніе историческаго строя своей страны. Едва полгода прошло со времени революціоннаго взрыва—и Боркъ въ засѣданіи англійской палаты общинъ 9 февраля 1790 года счелъ себя въ правѣ дать міру слѣдующую картину состоянія Франціи. „На картѣ Европы, сказалъ онъ, которую я только-что обозрѣлъ, замѣчаю огромный проломъ, громадную пустоту, прежде занятую Франціей, нынѣ ставшую призракомъ.

Caput nil timendum et
Corpus inutile.

Одинъ почтенный членъ очень хорошо выразился, что легко было разрушать и очень трудно возсоздавать. Франція испытаетъ это, и пока она будетъ подыматься изъ развалинъ, она не будетъ въ состояніи внушать намъ никакого страха... Послѣ того какъ я имѣлъ честь послѣдній разъ говорить предъ вами, Франція все опрокинула: законы, религію, обычаи, государственный порядокъ. Неразумные зодчіе! Развѣ не знали они, что силы тяжести достаточно, чтобы спустить внизъ огромные грузы; но что требуются большія машины, долгій и тяжкій трудъ, чтобъ ихъ опять поднять. Кровавая, звѣрская и тираническая демократія все ниспровергла предъ собою. Свершила дѣянія дикаго варварства. Я вижу тамъ армію безъ генераловъ; офицеры командуютъ съ веревкой на шеѣ; всякая дисциплина исчезла, важнѣйшія совѣщанія законодательнаго корпуса безнаказанно подвергаются насиліямъ. Своевольная толпа кровью отмѣчаетъ свои шаги и поселяетъ ужасъ даже въ нѣдрахъ Собранія. Религію обращаютъ въ атеизмъ. *Аристократъ* есть военный кличъ; произнося его ниспровергаютъ все, сжигаютъ хартіи, дома, собственность Преслѣдуютъ повидимому одну цѣль—все подвести къ одному уровню; навсегда отдѣлить повиновеніе закону отъ охраны закономъ, солдата вывести изъ повиновенія офицеру, сына изъ повиновенія отцу, подданнаго изъ повиновенія государю... Въ теченіе менѣе вѣка мы видимъ ихъ въ двухъ крайностяхъ: то приниженныхъ подъ деспотизмомъ Лудовика XIV, то согбенныхъ подъ тираніей своевольства".

III.

Возвратимся къ вопросу о свободѣ въ революціонную эпоху. Разсмотримъ ее, вопервыхъ какъ свободу религіозную, вовторыхъ, какъ свободу политическую, и именно какъ свободу сходокъ, собраній и печати.

Большинство Собранія состояло изъ людей равнодушныхъ къ религіи, значительная доля была прямо враждебна католицизму и вообще къ христіанству, питая ненависть переданную энциклопедистами. Искренно вѣрующихъ было немного даже между духовенствомъ. Собраніе провозгласило полную свободу вѣроисповѣданій, и когда отъ времени до времени возникали вопросы о какихъ-либо правахъ иновѣрцевъ, разрѣшало такіе вопросы въ ихъ пользу. Но отношеніе къ господствующей церкви было иное, это было отношеніе борьбы и разрушенія.

Замѣтимъ по этому поводу, что ни въ чемъ такъ рѣзко не выразилась фальшь основнаго начала, во имя котораго дѣлалась революція, какъ въ отношеніяхъ ея къ религіи и монархіи. Провозглашалось, какъ основное и новое начало, что законъ есть воля большинства, что народъ есть самодержецъ и воля „націи" есть державное, для всѣхъ обязательное повелѣніе. Но при томъ глубокомъ проникновеніи вліянія духовенства во всѣ отправленія народной жизни громаднаго большинства страны, какое было въ дореволюціонной Франціи, не могло быть никакого сомнѣнія что еслибы въ самомъ дѣлѣ сообразоваться съ волей большинства, то декреты Собранія относительно духовенства нельзя было бы разсматривать иначе какъ самое рѣзкое нарушеніе народной воли. Нація, понимаемая въ смыслѣ народныхъ массъ, была еще глубоко католическою, какъ была и глубоко монархическою. Это не помѣшало *ея именемъ*, похѣривъ церковные каноны, отказаться отъ Рима и папы, завести выборы вмѣсто правильнаго рукоположенія, обратить священниковъ въ государственныхъ чиновниковъ; какъ, съ другой стороны, не помѣшало сокрушить монархію, провозгласить республикy, возведя короля на эшафотъ. Дѣло было, значитъ, не въ волѣ большинства, и мнимое ей поклоненіе было только пріемомъ обмана и прельщенія. Епископъ Нансійскій попробовалъ въ апрѣлѣ 1790 года сказать, что въ дѣлѣ такой важности какъ законы о духовенствѣ надо спросить провинціи, гдѣ пребываетъ нація" (où réside la nation), но на слова его не обратили ни малѣйшаго вниманія (*Mercure de Fr. 1790,* Avril, 267 стр.). Истинное дѣйствующее начало было значитъ то же какъ и въ ненавистномъ прежнемъ строѣ, противъ котораго поднялось возстаніе: велѣнія власти и повинующаяся имъ масса. Обманъ требовался, чтобы скрывать грубую незаконность велѣній меньшинства захватившаго власть. Разладъ между дѣйствительнымъ чувствомъ массъ и тѣмъ, что предписывалось имъ велѣніями самозванныхъ распорядителей судебъ страны,—далеко вышедшихъ за предѣлы своихъ полномочій и устами Мирабо заявившихъ свои права на захватъ власти такъ какъ „спасли отечество",—сказался мятежемъ противъ мятежа. Но властвовавшій мятежъ дѣйствовалъ противъ своихъ противниковъ не такъ какъ дѣйствовало противъ него самого законное правительство, и подавлялъ ихъ безпощадною рукой.

Въ области религіозныхъ отношеній, какъ выше сказано, мы встрѣчаемся въ революціонный періодъ не съ явленіями свободы вѣрованій, а съ явленіями борьбы и преслѣдованія по отношенію къ католическому духовенству. Свобода въ религіозномъ отношеніи была свободой оскорбленія и осмѣянія вѣрованій большинства. Когда въ маѣ 1790, архіепископъ города Э (Aix) сказалъ въ Собраніи объ установленіяхъ церкви: „никакая человѣческая власть не въ правѣ

ихъ касаться", слова эти были встрѣчены громкимъ смѣхомъ, éclat de rire, какъ отмѣчено въ *Меркуріи* (1790, № XXIII, 53).

Постановленія объ отнятіи огромныхъ имѣній какими владѣло духовенство и обращеніи ихъ въ государственную собственность, съ цѣлью продажи въ частныя руки для поправленія финансовъ, не встрѣтили съ его стороны энергическаго сопротивленія. Духовенство не могло по этому вопросу встрѣтить поддержки въ народной массѣ. Плательщики видѣли въ новыхъ мѣрахъ облегченіе, пріобрѣтатели усматривали выгоду; паденіе благотворенія могло обнаружиться только съ теченіемъ времени. Сопротивленіе обнаружилось, когда Собраніе, не задумываясь, коснулось положенія духовенства и самой католической церкви въ государствѣ. Собраніе сочло себя въ правѣ измѣнить дѣйствующія церковныя постановленія, не прибѣгая къ собору, не сносясь съ главой католической церкви, а прямымъ государственнымъ распоряженіемъ. Такое коренное измѣненіе въ положеніи церкви на практикѣ оказалось не столь легкимъ какъ представлялось равнодушному къ религіозной сторонѣ дѣла большинству. Противникъ оказался сильнѣе чѣмъ ожидали. Противникъ этотъ былъ религіозное чувство еще неугаснее въ массахъ, пораженное, оскорбленное принятыми мѣрами. Законодатели предприняли организовать церковь по образцу мѣстнаго управленія и въ связи съ нимъ и положить въ основу церковной организаціи то же начало какое было ими положено въ основу полицейской, административной и вообще всякой государственной организаціи. Это начало — выборъ. Равенство какъ насильственная нивеллировка и выборъ какъ единственный источникъ власти и исключительный способъ ея врученія (то-есть въ громадномъ большинствѣ случаевъ интрига) — вотъ истинные принципы 1789 года, обнаружившіеся не въ отвлеченностяхъ и фразѣ, а въ практическомъ дѣлѣ революціоннаго погрома. Свобода же была не иное что какъ свобода интриги направленной къ исторженію власти изъ рукъ тѣхъ у кого она въ данную минуту находится — для передачи жадно ждущимъ преемникамъ.

Новыя постановленія относительно организаціи духовенства были намѣчены съ обычною революціонными постановленіямъ математическою простотой. Въ каждомъ департаментѣ, на какіе только что раздѣлили Францію, полагается епископъ; при немъ мѣстный духовный совѣтъ, родъ консисторіи. Съ помощію этого совѣта епископъ творитъ духовный судъ въ своей епархіи, или, какъ сказано въ постановленіяхъ, безъ согласія совѣта не можетъ предпринять никакого акта судебнаго свойства касательно управленія епархіи,—ne peut faire aucun acte de juridiction en ce qui concerne le gouvernement du diocèse. Епископъ выбирается пожизненно изъ мѣстныхъ священниковъ, служившихъ не менѣе пятнадцати лѣтъ въ епархіи, тѣми самыми

избирателями которые выбираютъ депутатовъ въ Собраніе. Выборъ при очистившейся вакансіи происходитъ во храмѣ въ одно изъ воскресеній, послѣ обѣдни, на которой должны присутствовать всѣ избиратели. Прямо не сказано даже, чтобъ избиратели были непремѣнно католики. Это, повидимому, подразумѣвалось въ постановленіи о присутствіи при обѣднѣ. Но по буквѣ закона могли, какъ потомъ и указывалось, участвовать всѣ, хотя бы некрещеные Евреи. Выбранный епископъ отъ одного изъ старшихъ епископовъ (именованныхъ митрополитами — évêque métropolitain) получалъ „institution canonique". Посвящающій не въ правѣ былъ требовать никакого обѣта кромѣ заявленія, что избранный исповѣдуетъ римскую апостольскую католическую вѣру. Еслибы посвящающій отказалъ, избранный имѣетъ право аппеллировать (не сказано куда). Затѣмъ епископъ принимаетъ гражданскую присягу „быть вѣрнымъ націи, закону, королю и всею мощію поддерживать конституцію установленную Національнымъ Собраніемъ и принятую королемъ". Никакого утвержденія отъ папы новый епископъ не получаетъ, но (§ 19) онъ „долженъ написать къ папѣ какъ видимому главѣ всемірной церкви (église universelle), во свидѣтельство единства вѣры и общенія какое обязанъ съ нимъ имѣть (en témoignage de l'unité de foi et de la communion qu'il doit entretenir avec lui)". Священники подобнымъ порядкомъ выбираются изъ викаріевъ (назначаемыхъ епископомъ съ его совѣтомъ) мѣстными избирателями; получаютъ institution canonique отъ епископа, въ случаѣ неутвержденія могутъ аппеллировать къ гражданской власти: приносятъ гражданскую присягу. Священникъ отказавшійся дать гражданскую присягу лишался прихода и положеннаго содержанія. Таковы постановленія закона 12 іюля 1790 года, поведшія къ безчисленнымъ послѣдствіямъ. Священники раздѣлились на присягнувшихъ и отказавшихся присягать (prêtres assermentés et non assermentés). Не присягнувшіе отвергались гражданскою властію, но вѣрующими одни признавались за истинныхъ пастырей. Раздѣленіе внесло религіозную распрю и безпокойство въ нѣдра каждаго прихода, каждаго семейства. Мѣры вызвали проклятіе милліоновъ, съ ними не могла примириться совѣсть короля, какъ ни былъ онъ уступчивъ. Массами впервые почувствовалось ярмо революціоннаго насилія, дотолѣ направлявшагося единственно къ сбрасыванію всякихъ тяготъ. Борьба съ католицизмомъ оказалась не столь легкою какъ съ аристократіей и монархіей. Духовенство, такъ легко предавшее свѣтское государство на революціонный разгромъ, обнаружило великую силу въ защитѣ того всемірнаго государства въ государствахъ, правитель котораго находится въ Римѣ.

Духовенство не давало присяги не потому, чтобъ отказывало въ повиновеніи правительству, но чтобы не санкціонировать весь за-

конъ, противный церковнымъ установленіямъ. Папа издалъ весной 1791 года посланіе, въ которомъ объявилъ всѣ выборы во епископы и священники, сдѣланные на основаніи закона 12 іюля, незаконными и не имѣющими силы и воспретилъ выбраннымъ подъ страхомъ отлученія совершать таинства. Понятно какой соблазнъ должно было вносить это въ сердца вѣрующихъ католиковъ, вынужденныхъ свѣтскою властью признавать священниковъ и епископовъ отлученныхъ папой. Революціонеры отвѣтили кощунственною выходкой. „Въ среду 4 мая (1791), на другой день по полученіи папскаго посланія, читаемъ въ *Révolutions de Paris* (т. VIII, 186), одно патріотическое общество заказало манекенъ изображающій папу и принесло его въ Пале-Рояль. Одинъ изъ членовъ прочелъ обвинительный актъ, въ которомъ обнаружилъ преступныя намѣренія Іосифа-Анжело Браски, Пія VI (Joseph-Ange Braschi, Pie VI) и заключилъ тѣмъ, что манекенъ этого папу изображающій долженъ быть сожженъ и пепелъ развѣянъ по вѣтру, по предварительномъ, впрочемъ, снятіи креста и кольца". Это и было исполнено при рукоплесканіяхъ зрителей. Такъ какъ посланіе было скрѣплено аббатомъ Рою (Royou), то тутъ же была сожжена связка его сочиненій, „предварительно пропитанная грязью". Къ одному изъ слѣдующихъ нумеровъ *Révol. de Paris* приложена гравюра изображающая сожженіе.

Каковы были нѣкоторые изъ епископовъ назначенныхъ по выбору, можно судить по слѣдующимъ фактамъ. Въ *Монитерѣ* 1791 г., № 234, читаемъ, что муниципалитъ города Байё (Bayeux) жаловался Національному Собранію на новоизбраннаго епископа департамента Кальвадосъ, Клода Фоше. Явившись на паству, епископъ этотъ немедленно сталъ во главѣ мѣстнаго якобинскаго клуба, и предсѣдая въ его собраніяхъ, дотолѣ весьма спокойныхъ, обратилъ ихъ въ бурныя засѣданія. „Онъ не хочетъ, жалуются мѣстныя власти, никакого правительства. Національное Собраніе установило монархическую конституцію: монархія ему ненавистна". Онъ проповѣдуетъ возстаніе. Предложилъ сбить статую Лудовика XIV въ Канѣ. Въ пастырскихъ посланіяхъ своихъ „тщательно внушаетъ народу, что въ немъ, народѣ, вся сила, и распространяется въ декламаціяхъ противъ всякой власти". Многіе чиновники обличаемые имъ бѣжали; да и всѣ администраторы хотятъ бросить свои мѣста.

IV.

Дѣло не ограничивалось оскорбленіями совѣсти вѣрующихъ. Чинились насилія. Въ *Rév. de Paris* (VIII, 377) читаемъ:

„Въ четвергъ 2 іюня (1791) многіе не принявшіе присяги священники собрались въ большомъ числѣ въ церкви бывшей Театинцевъ (des ci-devant Théatins) по случаю праздника Вознесенія. Значительное число ханжей (de dévotes) слупали обѣдню. Слухъ объ этой церемоніи распространился. Народъ собрался у церкви, заставилъ отворить двери. Входитъ въ минуту когда многія изъ неофитокъ (?) пріобщались. Нѣкоторыя принимали причастіе даже два, три раза сряду(?). Процедура длилась съ четырехъ часовъ утра. Зрители, возмущенные подобными безобразіями (indignés de pareils abus), ждали однако до конца обѣдни прежде чѣмъ разразиться; но когда произнесено было *ite missa est*, алтарь и всѣ принадлежности были ниспровергнуты, стулья и скамейки переломаны и паства разогнана. Національ-гарды, увѣдомленные немножко поздно для благочестиваго кружка, явились когда экспедиція уже кончилась. Вечеромъ, согласно постановленію департамента, парижскій меръ въ сопровожденіи отряда гардовъ, съ такъ-называемымъ ихъ генераломъ во главѣ, явился благочестиво охранять вечернее лѣснолѣніе въ этой церкви и успокоить бѣдныхъ преслѣдуемыхъ. Народъ, видя въ этомъ вызовъ, вновь собрался, и тогда какъ администрапія, по своимъ правиламъ, покровительствовала нашимъ схизматикамъ(!), толпы внѣ стоявшія сорвали и сожгли вывѣшенныя объявленія. Все впрочемъ прошло безъ столкновенія и смуты. Скажемъ даже, что національ-гарды вели себя хорошо" (Не потому ли что, какъ писали въ *l'Orateur du peuple*, дверь отперъ какой-то офицеръ національной гвардіи? *Buchez et Roux*, X, 217).

Мы привели описаніе дикаго нападенія на мирно молившихся женщинъ согласно революціонной газетѣ, старающейся, понятно, смягчать краски. Газета, по обычаю, беретъ мятежъ подъ свою защиту. Какая разница, разсуждаетъ она, въ поведеніи народа относительно „непокорныхъ" католиковъ и относительно протестантовъ! Протестантамъ „народъ" де покровительствуетъ, присутствуетъ при ихъ богослуженіи, присоединяетъ свои молитвы къ ихъ молитвамъ и даже проливаетъ слезы. „Протестантскій проповѣдникъ, г. Марронъ, въ воскресенье произнесъ патріотическую рѣчь исторгнувшую слезы радости изо всѣхъ глазъ". Это ли нетерпимость? спрашиваетъ газета. Народъ „согласенъ терпѣть всѣ религіи, но онъ не хочетъ двухъ римско-католическихъ вѣръ: и одной, думаетъ онъ, довольно"! Какъ однако согласить ничѣмъ не вызванныя нападенія на мирно молящихся съ объявленною свободой совѣсти и исповѣданія? „Свобода, поясняетъ газета, состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать, то что не вредитъ другому. Но эти собранія *вредятъ* (?) народу. Религіозныя вѣрованія свободны лишь настолько насколько ихъ оказательство не нарушаетъ общественнаго порядка (Объявл. правъ, ст. 10). Но настоящій случай именно таковъ какъ указывается въ законѣ. Онъ очевидно нарушаетъ общественный порядокъ". Такимъ образомъ ока-

зывается, что въ буйствѣ толпы ворвавшейся въ закрытое убѣжище виноваты не буйствующіе, а тѣ которые къ буйству со своей стороны никакого повода не подавали. Пусть эти „добрые пастыри", насмѣхается далѣе газета, „если ихъ намѣренія дѣйствительно мирны, отрясутъ прахъ отъ ногъ и выйдутъ изъ непризнающаго ихъ города, говоря: горе тебѣ Виѳсаида, горе тебѣ Капернаумъ! Но пусть этимъ и ограничатся: иначе упорство будетъ имъ гибелью". Оно гибелью и оказалось.

Еще прежде безчинства 2 іюня, „въ воскресенье. 17 апрѣля (*Révol de Paris*, VIII, 59), патріоты съ утра собрались предъ аристократическимъ синедріономъ (церковь б. Театинцевъ) и чтобы спасительнымъ предувѣдомленіемъ остановить замышляемое зло, прибили надъ главнымъ входомъ пучокъ розогъ и подъ нимъ объявленіе: *„къ свѣдѣнію набожнымъ аристократкамъ, чистительное лѣкарство, раздаваемое даромъ"*. Нѣкто по имени Дофини, надзиратель надъ парижскою грязью (inspecteur des boues de Paris) затѣялъ сорвать объявленіе и розги. Ихъ возстановили, сдѣлавъ ему приличное внушеніе за наглость. Это былъ часъ, когда караулъ шелъ на смѣну къ королю. Проходившій отрядъ былъ остановленъ г. Бальи, потребовавшимъ чтобы солдаты сорвали то что народъ только что возстановилъ. Какой-то музыкантъ изъ отряда исполнилъ порученіе. Но послѣ отъѣзда г. Бальи все было возстановлено съ прибавленіемъ на объявленіи словъ: *снятое по велѣнію г. Бальи, возстановлено по велѣнію гражданъ*. Такъ шапка свободы (le bonnet de liberté) восторжествовала надъ муниципальнымъ шарфомъ".

Въ іюнѣ 1791 г. епископъ Парижскій пріобщалъ дѣтей каѳедральнаго прихода (paroisse métropolitaine). Вмѣсто того, — восхищается *Révolutions de Paris*, — чтобы по старому обычаю „водить ихъ по церквамъ, читать oremus", онъ повелъ ихъ въ долговую тюрьму освобождать заключенныхъ (не прибавлено, многихъ ли освободили). На другой день пріобщенные во храмѣ приняли въ храмѣ же гражданскую присягу при большомъ стеченіи народа (*Rév. de Paris*, VIII, 512). 16 іюня вечеромъ тѣ же дѣти были представлены въ Собраніе. Наканунѣ ихъ водили въ клубъ Якобинцевъ, гдѣ въ уста дѣтской депутаціи была вложена привѣтственная рѣчь, въ которой юный ораторъ говорилъ между прочимъ: „свѣту вашей философіи католическая Франція обязана счастіемъ признавать брата во Французѣ другаго исповѣданія. Несмотря на мятежныя усилія тѣхъ кто заинтересованы въ увѣковѣченіи заблужденій, вы вывели на свѣтъ возвышенную истину, которую столько разъ тщетно повторялъ Вольтеръ подъ королевскимъ деспотизмомъ: добродѣтель людей не въ ихъ вѣрованіяхъ".

Заимствуемъ изъ сборника *Buchez et Roux*, съ нѣкоторыми сокращеніями, описаніе сцены появленія дѣтской депутаціи въ Собраніи (X, 107).

Трельяръ (замѣщавшій президента). Депутація дѣтей каѳедральнаго прихода города Парижа, сопровождаемая отрядомъ ветерановъ и питомцами парижской національной гвардіи, допущена къ рѣшеткѣ собранія.

Ораторъ депутаціи. Только-что выйдя изъ рукъ религіи, мы поспѣшили къ вамъ принести дань религіознаго патріотизма, коимъ исполнена наша душа. Какую признательность должна возбуждать въ насъ эта дивная революція! Мы только-что выходили изъ того счастливаго возраста который не знаетъ ни отличій, ни почестей, ни богатства; брошенные въ міръ мы осуждены были на позоръ рабства и могли возвышаться лишь усиліями низости. Но вы смѣнили тѣхъ гордыхъ и злыхъ людей, чье честолюбіе придумывало всяческія средства унизить совершеннѣйшее изъ созданій божества. Мы свободны, мы можемъ быть добродѣтельными! Хвала вамъ, отцы отечества, создатели свободы! Предъ лицомъ неба и земли и предъ вами, мудрые и безсмертные законодатели, клянемся нашею святою религіей проповѣдующею гуманность, равенство, терпимость, клянемся сими безстрашными ветеранами, кои поведутъ насъ къ побѣдѣ, въ присутствіи сихъ питомцевъ, „надежды отечества", кои предварили насъ на пути патріотизма *(многократныя рукоплесканія съ лѣвой стороны)*, клянемся быть вѣрными націи, закону, королю. *(Всѣ дѣти допущенныя къ рѣшеткѣ кричатъ: клянемся).*

Президентъ (отвѣчаетъ). Наступилъ наконецъ день когда долгъ воспитывать добрыхъ гражданъ почитается изъ числа важнѣйшихъ, день когда первый урокъ юношеству есть урокъ повиновенія законнымъ властямъ. Хулители религіи, будьте свидѣтелями ея дѣла!... Юные граждане, никогда не забывайте того что произнесли вы сегодня. Гуманность, равенство, терпимость, покорность властямъ законнымъ, вотъ истинный духъ религіи... Вы заслуживаете раздѣлять славу основателей свободы, ибо вы готовы пролить свою кровь за нее. Собраніе приглашаетъ васъ къ присутствію при засѣданіи (vous accorde les honnes de la séance). *(Лѣвая сторона апплодируетъ, требуетъ напечатанія рѣчи дѣтей и отвѣта президента).*

Г. Фоллевиль. Всѣмъ извѣстно, что дѣтская церемонія которой мы только что были свидѣтелями... *(На лѣвой сторонѣ ропотъ, требуютъ перехода къ очереднымъ дѣламъ).* Я читалъ, что въ знаменитомъ клубѣ, который я безконечно уважаю, была репетиція піесы разыгранной предъ нами. Для большаго сходства, вмѣсто печатанія рѣчи президента этого собранія, предлагаю, чтобы было постановлено напечатать рѣчь президента Якобинскаго клуба. *(Волненіе во всѣхъ частяхъ залы, многіе члены лѣвой требуютъ слова; правая смѣется).*

Аббатъ Мори. Противлюсь предложенію г. Фоллевиля. Онъ употребилъ выраженіе, съ которымъ я несогласенъ. Ce n'est point une cérémonie enfantine dont nous venons d'être les témoins; s'est une cérémonie puérile. (Оставляемъ въ подлинникѣ выраженіе заключающее въ себѣ игру словъ). *(Смѣхъ справа продолжается).*

Г. Шабру. Не знаю поражаетъ ли Собраніе, какъ поражаетъ меня тонъ наглости вотъ уже нѣсколько дней... *(Рукоплесканія слѣва; пятьдесятъ членовъ правой стороны стремятся въ средину залы и грозятъ жестами лѣвой сторонѣ).*

Г. Вертамонъ (во время шума произноситъ ругательства). Ah, c'est que ce j.... f.. là qui...

Послѣ шумнаго перерыва рѣшено наконецъ заключить пренія.

Г. Фуко. Прошу поставить предварительный вопросъ (question préalable) относительно печатанія рѣчей. То что мы видѣли есть плодъ интриги. Печально, что соблазняютъ дѣтей. Мнѣ хорошо извѣстно какъ все произошло. Ихъ смутили въ день ихъ перваго причащенія! *(Движенія негодованія на лѣвой сторонѣ).* Для чести Собранія прошу не заносить случившагося въ протоколъ. Вѣдь это кощунство. *(Общее возстаніе лѣвой прерываетъ Фуко. Рѣшено печатать).*

Издатель *Collect. parlem.* прибавляетъ, что епископъ и особенно его викарій, возившій дѣтей по Парижу 13, 14 и 15 іюня, получили деньги за устроенную комедію.

V.

Перейдемъ къ свободѣ политической, какъ она выражалась въ правѣ сходокъ и петицій и въ свободной печати.

О правѣ гражданъ свободно собираться для обсужденія политическихъ и государственныхъ волросовъ не упоминается въ Объявленіи правъ человѣка и гражданина*. Занятые политическою „метафизикой", какъ тогда нерѣдко принято было выражаться, составители Объявленія оставляли въ великой неопредѣленности всѣ сколько-нибудь практическіе вопросы. Право сборищъ и петицій, очевидно, подразумѣвалось. На практикѣ собранія гражданъ по участкамъ не только обсуждали всяческіе вопросы, но и выдавали обязательныя постановленія. Но это были собранія офиціальныя назначенныя для выборовъ и, во имя свободы, немедленно вышедшія изъ предѣловъ своего полномочія. Частныя собранія въ родѣ англійскихъ митинговъ, для выраженія сужденія по какому-нибудь волросу, съ цѣлью дѣйствовать давленіемъ общественнаго мнѣнія, оказались не въ характерѣ Франдузовъ и не привились на французской почвѣ. Всякое собраніе здѣсь стремилось обратиться въ постоянное, организованное учрежденіе, властное и дѣйствующее не силою аргументовъ, а давленіемъ интриги и, когда представится случай, мятежомъ. Такія собранія не замедлили явиться, надѣлали хлопотъ близорукимъ революціоннымъ законодателямъ и правителямъ и быстро возросли, въ видѣ сѣти якобинскихъ клубовъ, до значенія громадной, господствующей силы, подавлявшей, во имя свободы, всѣ другія силы.

По переѣздѣ собранія и двора въ Парижъ, послѣ событій 5 октября 1789 года, въ Якобинскомъ подворьѣ (maison des Jacobins) на улицѣ Сентъ-Оноре стали происходить частныя собранія депутатовъ-патріотовъ или *бѣшеныхъ* (enragés), какъ ихъ тогда именовали въ противореволюціонныхъ кружкахъ. Депутаты собирались, какъ увѣряетъ революціонная газета (*Rév. de Paris,* 1790. № XXVIII, 11), затѣмъ чтобъ они могли мирно „заготовлять мнѣнія, не будучи смущаемы возгласами подкупленныхъ ораторовъ, неприличными выходками пьяныхъ и дикими угрозами буйныхъ забіякъ". Нелестное изображеніе это относится, повидимому, къ засѣданіямъ Національнаго Собранія. Можно сильно однако усомниться въ справедливости утвержденія будто описанныя выходки служили къ смущенію „патріотовъ". Бы-

---

* Въ текстѣ конституціи 3 сентября 1791 года право сходокъ и собраній выражено въ первомъ отдѣлѣ (озаглавленномъ „dispositions fondamentales garanties par la constitution", гдѣ говорится, что конституціей гарантируется: „свобода собираться мирно и безъ оружія, соблюдая требованіе законовъ полицейскихъ (la liberté aux citoyens de s'assembler paisiblement et sans armes, en satisfaisant aux lois de police); а также свобода подавать петиціи конституціоннымъ властямъ, подписанныя отдѣльными лицами (la liberté d'adresser aux autorités constituées des pétitions signées individuellement)". Ограничительное постановленіе о личномъ, а не коллективномъ характерѣ петицій, воспрещавшее подавать ихъ, какъ многократно дѣлалось, отъ цѣлыхъ корпорацій, участковъ и особенно клубовъ, введено было закономъ

18 мая 1791 г., состоявшимся по предложенію Шапелье, отъ имени Комитета конституціи. Въ томъ же законѣ указывается, чтобы собранія по участкамъ и общинамъ созывались для обсужденія только „предметовъ муниципальнаго интереса" и съ соблюденіемъ всѣхъ требуемыхъ формальностей, и устанавливаются правила относительно вывѣшиванія объявленій. Указывается, что для объявленій офиціальныхъ должны быть отведены особыя мѣста, частныя же объявленія могутъ дѣлаться только отъ отдѣльныхъ лицъ съ подписью, отнюдь не отъ имени обществъ или клубовъ и отнюдь не въ формѣ постановленій. За нарушеніе закона назначенъ штрафъ налагаемый полицейскою властію (par voie de police). Всѣ эти предписанія однако остались на бумагѣ. Якобинскій клубъ не обратилъ на нихъ вниманія.

ОТТЕРСПАС

вали, правда, сцены презрительной брани и буйныхъ угрозъ „аристократовъ“, но что значили онѣ въ сравненіи съ гамомъ „патріотовъ“ и шумомъ давленія трибунъ, когда поддерживались революціонныя предложенія? Собраніе на Якобинскомъ подворьѣ было зерномъ могущественнаго клуба Якобинцевъ, именовавшихъ себя Обществомъ друзей конституціи (Société des amis de la constitution). Депутаты противной стороны возымѣли было въ свою очередь мысль устроить въ своемъ лагерѣ подобныя собранія. Исторія этихъ неудачныхъ попытокъ организовать, на почвѣ провозглашенной свободы, партію порядка, остановить работу разрушенія и водворить государственный миръ помощію уступокъ и соглашеній, весьма поучительна

Въ декабрѣ 1789 года значительное число членовъ духовенства, дворянства и третьяго сословія сошлись на подворьѣ Августинцевъ (aux Grands Augustins), дабы посудить о современномъ состояніи дѣлъ и средствахъ къ возстановленію порядка и спокойствія въ государствѣ. Но возстановленіе порядка, очевидно, могло произойти только съ возстановленіемъ власти. Всякое другое средство было иллюзіей. А въ какомъ положеніи была власть, раздѣленная между униженнымъ правительствомъ, между Собраніемъ которое провозглашало себя властнымъ, но не управляло событіями, а увлекалось ихъ потокомъ неизвѣстно куда, между Думой, городскими участками, уличною толпой? Былъ быть-можетъ единственный человѣкъ который могъ бы дать событіямъ другой ходъ, еслибы въ его руки было отдано то, что оставалось еще силы у правительства (оставалось еще не мало). То былъ Мирабо. Онъ искалъ сближенія съ дворомъ, желая быть министромъ; имѣлъ планъ дѣйствія. „Если вы имѣете, говорилъ онъ графу Ламарку *(Mém. de Malouet*, II, 27) средство дѣйствовать на короля и королеву, убѣдите ихъ, что Франція и они погибнутъ если королевская фамилія останется въ Парижѣ. Я занятъ планомъ какъ ихъ отсюда вывести“. Близорукій Неккеръ отклонилъ предложеніе Мирабо, а Собраніе провѣдавшее о существованіи переговоровъ, постановило по предложенію Ланжюине (Lanjuinais, député de la sénéchaussée de Rennes), что депутатъ не можетъ принимать никакихъ мѣстъ отъ двора. „Мѣра достойная сожалѣнія, замѣчаетъ Малуэ, такъ какъ оставляла честолюбію одинъ выходъ – въ демагогію“.

При отсутствіи всякой способности къ дѣйствію въ правительствѣ, противореволюціонная партія въ Собраніи оказалась предоставленною самой себѣ. Болѣе ста депутатовъ послѣ октябрьскихъ событій удалились изъ Собранія; между оставшимися многіе вовсе уклонялись отъ участія въ преніяхъ; другіе, смотря на ходъ революціи, почти радовались его быстротѣ, въ надеждѣ, что накопленіемъ нелѣпостей и несправедливостей революція сама себѣ сломитъ голову,

и неминуемо послѣдуетъ возвращеніе къ старому порядку. Чистые аристократы, какъ ихъ называли, не могли идти ни на какіе компромиссы; духовенство было въ тревогѣ за собственную участь. Все такимъ образомъ шло въ разбродъ. Но и эти разрозненные элементы, еслибы могли сгруппироваться вокругъ одного центра, еще составили бы значительную силу. Этимъ центромъ могло быть только правительство, но оно, повторяю, отсутствовало. Потребность соединиться, организоваться въ партію была. Она и привела къ попыткѣ образовать клубъ безпристрастныхъ, Club des Impartiaux, объ исторіи которой лучше всего узнаемъ изъ мемуаровъ Малуэ, игравшаго главную роль въ неудавшейся затѣѣ.

Собравшіеся въ зданіи des Grands Augustins члены правой стороны дабы порѣшить вопросъ о томъ, что слѣдуетъ предпринять, выбрали пятнадцать коммиссаровъ. Малуэ, отсутствовавшій въ собраніи, былъ въ числѣ выбранныхъ, но отказался отъ роли коммиссара и предложилъ собственный планъ. Чтобы уразумѣть этотъ планъ надлежитъ помнить, что Малуэ былъ типомъ „умѣреннаго“ и былъ способенъ предаваться иллюзіи относительно исполнимости самыхъ искусственныхъ комбинацій. Онъ полагалъ, что „единственнымъ средствомъ спасенія государства, какое тогда оставалось, было въ искреннемъ соединеніи всѣхъ или большинства депутатовъ“. Но, замѣчаетъ онъ, „еслибы во главѣ коалиціи увидали членовъ духовенства и дворянства, считаемыхъ противниками народнической партіи, то не замедлили бы распустить, что наши планы и усилія направлены противъ конституціи, противъ свободы и интересовъ народа“. Какъ же поступить? По мнѣнію Малуэ, надлежало начать манифестомъ съ изложеніемъ принциповъ, который могъ бы стать центромъ коалиціи. Это изложеніе, составившее 15 параграфовъ, должно было удалить мысль о противленіи революціи въ достигнутыхъ ею результатахъ. Оно содержало въ себѣ заявленіе искренняго подчиненія конституціи и вмѣстѣ съ тѣмъ указаніе неотложной, на почвѣ конституціи, необходимости возстановить миръ и порядокъ. „Соблюденіе конституціи, говорилось въ § 4, и сохраненіе свободы существенно зависитъ отъ исполненія законовъ. Исполненіе же законовъ гарантируется только помощью дѣятельной власти, охраняющей всѣ права. Надлежитъ потому поспѣшить возвратить королю полноту пользованія высшею властью, согласно торжественно выраженному желанію націи и монархическому началу признанному и освященному конституціей“. Далѣе указывалось, что при допущеніи полной свободы вѣрованій, „религія католическая должна одна, въ качествѣ религіи національной, пользоваться правомъ торжественности государственнаго исповѣданія (solennité du culte public)“; за церквами необходимо сохранить пользованіе земельною собственностію. Нетрудно догадаться, что

этотъ проектъ мирнаго трактата съ революціей не могъ удовлетворить ни друзей ея, ни противниковъ. Ни тѣ, ни другіе въ сущности не вѣрили въ прочность составленной конституціи. „Народническая партія, свидѣтельствуетъ самъ Малуэ, смотрѣла на Французское правительство какъ на вещь которую предстоитъ создать, а не реформировать. Большинство дворянства и духовенства не могло привыкнуть видѣть въ декретахъ Собранія изданныхъ до того дня что-нибудь окончательное; оно находило ихъ чудовищными, да и надо сказать были нѣкоторые въ этомъ родѣ". Податливый король, впрочемъ, вполнѣ одобрилъ программу безпристрастныхъ. Это передавала Малуэ, тогда еще не бывшему въ прямыхъ сношеніяхъ съ Лудовикомъ XVI, принцесса Аделаида. Въ Лафайетѣ, соединявшемъ исканіе популярности съ преданностію королю и служеніемъ свободѣ, дамѣ сердца этого рыцаря революціи, планъ Малуэ не встрѣтилъ живой поддержки. Были переговоры между „безпристрастными", съ одной стороны, и Лафайетомъ, герцогами Ларошфуко и Ліанкуромъ, съ другой. Лафайетъ и его товарищи соглашались съ необходимостію возстановить порядокъ и для этого поддержать полномочіе королевской власти, но уклончиво указывали, что главою о королевской власти надлежитъ завѣнчать зданіе конституціи. Это было равносильно отклоненію плана. Ларошфуко въ письмѣ въ редакцію *Mercure de France* (10 марта 1790) объясняетъ впрочемъ это отклоненіе тѣмъ, что предложеніе „безпристрастныхъ" не заключало въ себѣ ничего опредѣленнаго и не предлагало никакого плана практическихъ дѣйствій.

VI.

Въ мемуарахъ Малуэ есть мѣсто свидѣтельствующее, въ какой иллюзіи онъ находился, стремясь соединить несоединимое и надѣясь достичь умиренія путемъ уступокъ и сдѣлки съ революціей. Онъ дѣлаетъ весьма мѣткое замѣчаніе. „Я болѣе чѣмъ когда-либо сомнѣваюсь (II, 38), говоритъ онъ, чтобы Французы могли выдержать бури свободы и чтобы могли устоять противъ порчи растлѣнія столь свойственной представительному правленію (qu'ils rèsistent à la trop facile corruption d'nn gouvernement représentatif). Сомнѣваюсь основываясь на обстоятельствѣ которое не было довольно замѣчено, но которое произвело на меня глубокое впечатлѣніе еще со времени уѣздныхъ собраній (assemblées des bailliages) и открытія собранія государственныхъ сословій. Обстоятельство это—малое число собственниковъ достаточныхъ и независимыхъ, которые могли бы *безъ жалованья* занимать государственныя должности. Говорю: безъ жалованья,

ибо это единственное условіе, по которому можно узнать независимаго человѣка. Какъ скоро выборная должность соединяется съ жалованьемъ, избранное лицо, нуждающееся въ такомъ вознагражденіи, по необходимости должно подчиняться предразсудкамъ и страстямъ тѣхъ кто могутъ повысить его въ должностяхъ или удержать на занимаемомъ мѣстѣ. Съ другой стороны, когда преобладаетъ кредитъ двора, двору особенно легко подчинить себѣ людей недостаточныхъ. Вообще господствующая власть, какая бы ни была, имѣетъ въ своемъ распоряженіи людей нуждающихся въ наживѣ или къ ней стремящихся (qui ont besoin ou envie de faire fortune). Это самый вѣрный философскій и политическій принцилъ. Уже того способа, какимъ составилось народное представительство, было лотому достаточно, чтобъ его испортить и разрушить свободу, еслибы въ новой системѣ даже не было другихъ комбинацій, столь же пагубныхъ. Да и независимо отъ этого соображенія, я думаю что если взвѣсить выгоды и невыгоды представительнаго правленія для обширной націи, то найдутся вѣскіе мотивы предпочтенія монархіи умѣряемой нравами и основными законами. Какъ частное лицо, я бы считалъ себя болѣе огражденнымъ лодъ такимъ правительствомъ, чѣмъ среди того, что нынѣ осмѣливаются называть свободною страной". Трудно понять какъ можно было при такихъ убѣжденіяхъ идти на компромиссъ съ революціей и добросовѣстно принимать конституцію основанную на иныхъ совсѣмъ началахъ. Малуэ тѣмъ не менѣе совершенно искренно считалъ это возможнымъ. Высказавъ свои убѣжденія, онъ продолжаетъ: „Но представитель народа, получившій спеціальное порученіе обезпечить ему свободную конституцію не, можетъ ни лодъ какимъ предлогомъ, не говорю уже вызывать установленіе неограниченнаго правленія, но даже принять таковое". Онъ обязанъ слѣдовательно, по ученію Малуэ, побѣдить себя. Но и этого насилованія самого себя недостаточно. Отъ идеальнаго депутата требуется еще нѣчто большее. Вопреки тѣмъ, которые съ разныхъ концовъ твердили: никакой средины, никакихъ уступокъ быть не можетъ, Малуэ говоритъ: „я же съ самаго начала революціи всегда думалъ, что мой долгъ какъ депутата—съ твердостію противиться явно дурному, какими бы опасностями это ни грозило и сколь бы ни были усилія безплодны. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я былъ убѣжденъ, что надлежитъ уступать власти общественнаго мнѣнія во всемъ, что представляло надежду, хотя бы невѣрную, на что-нибудь доброе (ce qui présentait l'espoir même incertain de quelque bien)". Мириться съ тѣмъ, что признаемъ вреднымъ и уступать тому изъ чего, увѣрены, толку не будетъ,—вотъ удивительное правило политической мудрости рекомендуемое Малуэ, согласное съ его уступчивымъ, примирительнымъ характеромъ и которому онъ слѣдовалъ вполнѣ добросовѣстно. Но

было великою иллюзіей считать возможнымъ сгруппировать людей ломощію такой искусственной комбинаціи идей. Несчастіе Франціи 1789 года было въ томъ, что она, обладая множествомъ людей образованныхъ, способныхъ къ тонкостямъ пониманія, владѣющихъ литературною формой и къ ней чувствительныхъ, съ познаніями разнообразными (съ большимъ невѣдѣніемъ впрочемъ всего нефранцузскаго), не имѣла людей съ истиннымъ государственнымъ смысломъ. Немногіе не страдали политическимъ недомысліемъ и легкомысліемъ. Эти немногіе не играли видной роли. Ничтожное правительство ихъ и замѣтить не умѣло, какъ не сумѣло привлечь Мирабо и воспользоваться его услугами.

VII.

Клубъ безпристрастныхъ не осуществился. Но попытка къ соглашенію и умиротворенію не осталась безъ нѣкотораго вліянія. Внушенію идей партіи безпристрастныхъ приписывали шагъ сдѣланный королемъ 4 февраля 1790 года, когда онъ, безъ сдѣланнаго заранѣе извѣщенія, явился въ Собраніе, свидѣтельствуя о своей преданности новой конституціи и призывая всѣхъ содѣйствовать общими силами возстановленію мира и порядка въ странѣ. Великодушное движеніе произвело дѣйствіе, отозвавшееся въ празднествахъ федераціи, но скоро парализованное революціоннымъ настроеніемъ.

Какъ принята была попытка „безпристрастныхъ“ въ революціонномъ лагерѣ, объ этомъ можно судить по статьямъ *Révolutions de Paris*. „Безпристрастнымъ“ посвящены двѣ статьи. Одна трактуетъ о письмѣ къ друзьямъ мира (Lettre aux amis de la paix) опубликованномъ 2 января, другая о пятнадцати параграфахъ, въ которыхъ сформулировано ученіе безпристрастныхъ. Письмо, какъ видно изъ статей *Révolutions de Paris*, появилось прежде чѣмъ были опубликованы параграфы, хотя, какъ явствуетъ изъ мемуаровъ Малуэ, составлено оно было позже параграфовъ. Въ письмѣ говорилось между прочимъ: „друзья мира, покажите честнымъ людямъ ваши принципы, ваши условія и скажите имъ: вотъ въ чемъ миръ, вотъ въ чемъ справедливость и истина. Соединитесь подъ этимъ знаменемъ“! „Честные люди! восклицаетъ на это революціонная газета (*Révolutions de Paris*, № XXX, 16), не слушайте, это ложь, лукавство, лицемѣріе. Уступаютъ на время силѣ національной воли. Смотрите: требуется сохранить корпоративное устройство духовенства. Это затѣмъ, чтобъ оно возродилось изъ пепла и вновь стало оплотомъ деспотизма. А еще говорятъ, что не желаютъ воскресенія сословій! Хотятъ спасти обломки феодализма, затѣваютъ надѣть ошейникъ писателямъ, съ низкимъ лицемѣріемъ изливаютъ ядъ клеветы на депутатовъ-патріотовъ. По виду оставляютъ аристократическую систему, но это съ цѣлью, чтобъ она тѣмъ вѣрнѣе восторжествовала! Граждане! не поддадимся этимъ вѣроломнымъ прельщеніямъ. Революцію не надо дѣлать наполовину. Если останется хоть одна голова гидры аристократіи, она тотчасъ воспроизведетъ всѣ остальныя. Останемся при нашихъ великодушныхъ рѣшеніяхъ и мы восторжествуемъ надъ *малутизмомъ*, какъ восторжествовали надъ *аристократіей*“. А Малуэ находился въ иллюзіи, что заявленіе примирительныхъ началъ примется съ тою же искренностію какъ имъ дѣлалось, и честные люди потекутъ подъ знамя мира и справедливости!

„Мы только-что получили извѣстіе, продолжаетъ революціонная газета, которое должно исполнить радостію всѣхъ патріотовъ. Подворье Августинцевъ гдѣ держали свои совѣты аристократы находится въ участкѣ Сенъ-Жерменскаго аббатства, отличавшемся во время революціи честностію принциповъ и своею бдительностію. Участокъ этотъ полагаетъ, что такъ какъ собраніе въ подворьѣ Августинцевъ не имѣетъ законнаго характера (?), то должно разсматриваться какъ сходбище, которое надлежитъ разсѣять въ случаѣ если сошедшіеся и заговоръ творящіе аристократы не допустятъ четырехъ коммиссаровъ, которые наблюдали бы за тѣмъ, что происходитъ въ собраніи. Ничто не можетъ быть болѣе разумно и болѣе согласно съ началами (?) какъ эта предосторожность. Если намѣренія аристократовъ чисты, то эти четыре коммиссара доставятъ имъ только удовольствіе. Но буде затѣваютъ они посѣять раздѣленіе въ Національномъ Собраніи, то должностныя лица коимъ поручено полицейское наблюденіе обязаны ихъ разсѣять“. Вотъ и свобода собраній мирныхъ гражданъ для обсужденія государственныхъ вопросовъ! Если собраніе не имѣетъ революціоннаго характера, то-есть не подкапывается подъ монархію, признанную конституціей, то требуется чтобы, во имя конечно свободы, оно было разогнано полиціей.

Послѣ неудачи клуба безпристрастныхъ, къ лѣту 1790 года образовался другой клубъ, подъ наименованіемъ клуба 1789 года. Его основатели были умѣренные революціонеры. Его цѣль была затмить клубъ Якобинцевъ возраставшій въ силѣ. Многіе члены клуба Якобинцевъ дѣйствительно перешли въ новый клубъ. „Онъ пышно, описываетъ революціонная газета (*Révol. de Paris*, V, 21), расположился въ Пале-Роялѣ, въ великолѣпномъ помѣщеніи, съ шумомъ и трескомъ способными привлечь и поразить толпу. Клубъ старательно выставлялъ, что имѣетъ ту же цѣль какъ и клубъ Якобинцевъ—политическія пренія; но прибавилъ другія приманки и развлеченія—хорошіе обѣды, на которые былъ сильный разсчетъ“. Провинціальные депутаты, по словамъ газеты, принимались въ качествѣ посѣтителей и ничего не вносили, но пользовались обѣдомъ, стоившимъ, по ея увѣ-

ренію, луидоръ съ персоны и приманившимъ будто бы болѣе сотни депутатовъ. „Хотѣлъ бы я знать, прибавляетъ авторъ статьи, имена этой сотни обжоръ сманенныхъ обѣдомъ. Я бы обличилъ ихъ предъ ихъ департаментами. Не могутъ они развѣ жить восемнадцатью франками, не компрометтируя своихъ мнѣній за обѣдъ? Для людей желающихъ обсуждать политическіе вопросы не имѣетъ значенія сидѣть въ залѣ нанятой за тысячу луидоровъ. Для нихъ конечно удобнѣе быть въ мѣстѣ спокойномъ и уединенномъ. Но для министерскихъ видовъ чрезвычайно важно, чтобы публика посѣщающая Пале-Рояль видѣла въ окнахъ клуба Лафайета, Бальи, Мирабо, Шапелье, на которыхъ она привыкла смотрѣть, и будетъ еще смотрѣть нѣсколько мѣсяцевъ, какъ на своихъ защитниковъ. Требовалось, дабы сбить съ толку общественное мнѣніе и заставить его принимать рѣшенія продиктованныя этому клубу дворомъ, сдѣлать такъ чтобы неразсуждающей толпѣ казалось будто клубъ этотъ не иное что какъ тотъ же Якобинскій клубъ, только очищенный отъ мнимыхъ заговорщиковъ, о которыхъ распускаютъ будто они враги монархіи и приверженцы республики... Если эта министерская нора не будетъ разорена патріотами, то придетъ день когда дворъ найдетъ тамъ вволю депутатовъ для будущаго законодательнаго корпуса, который въ слѣдующихъ законодательныхъ сессіяхъ продастъ ему на наличныя и общественную и частную свободу. Нѣтъ! война, вѣчная война съ низкими рабами двора, съ честолюбцами и фальшивыми патріотами“! Разорять впрочемъ не пришлось. Клубъ составленный изъ слишкомъ разнородныхъ элементовъ распался самъ собою.

Осенью 1790 года была послѣдняя попытка образовать клубъ на монархической основѣ. Новый клубъ былъ возобновленіемъ клуба безпристрастныхъ и именовался клубомъ друзей монархической конституціи (club des amis de la constitution monarchique, въ отличіе отъ Якобинцевъ именовавшихъ свое общество club des amis de la constitution безъ прибавленія слова монархическій). Революціонная печать отнеслась къ попыткѣ съ крайнею враждебностію. „Это подогрѣтый клубъ 89 года, писали въ *Rév. de Paris* (VI, 581)... Гіероглифъ общества—вѣсы въ равновѣсіи: на одной чашкѣ шапка свободы, то-есть нація, на другой—корона Франціи, то-есть король“. Газета называетъ это политическою ересью. „Значитъ, одинъ равенъ двадцати милліонамъ“? спрашиваетъ она и поучаетъ: „нація самодержавна, король нѣтъ; нація даетъ и отмѣняетъ законы, король не можетъ дѣлать ни того, ни другаго; нація можетъ отмѣнить королевскую власть, король не можетъ отмѣнить націю“.

Газета описываетъ, со своей точки зрѣнія, дѣйствія клуба „Они прежде всего разослали въ восемьдесятъ три департамента манифестъ въ формѣ объявленія (prospectus), въ которомъ выставляютъ себя защитниками покинутыхъ, по ихъ словамъ, принциповъ умирающей монархіи. Объявляютъ войну обществу Якобинцевъ, которыхъ патріоты всегда будутъ считать истинными друзьями монархической конституціи, такой какъ она установлена Національнымъ Собраніемъ, а не такой какою хотятъ ее понимать монархисты. Если они дѣйствительные друзья французской конституціи, то почему же не соединяются они съ Якобинцами“? Другое преступленіе клуба, по указанію газеты, въ томъ что члены его, „подобно миссіонерамъ всяческихъ сектъ, стараются чинить соблазнъ ничтожными благотвореніями, лишно раздаваемыми. Они имѣютъ эмиссаровъ въ 48 участкахъ Парижа: этимъ эмиссарамъ поручено войти въ соглашеніе съ полицейскимъ коммиссаромъ, чтобы раздавать еженедѣльно 100 фунтовъ хлѣба бѣднымъ каждаго участка, по су за фунтъ. Участки увидѣли западню, поняли опасность продажи хлѣба по одному су у однихъ булочниковъ, тогда какъ другіе продаютъ по два су. Они отвергли обидную щедрость монархистовъ“ (*Rév. de Paris*, VI, 629).

Въ началѣ Общество друзей монархической конституціи имѣло было успѣхъ. „Оно уже насчитывало (*Merc. de Fr.*, 1791, VII, 143) 300 членовъ; большое число гражданъ имѣло въ виду къ нему присоединиться. Клубъ не выставлялъ другаго принципа кромѣ лежащаго въ основѣ конституціи, согласно коей правленіе во Франціи объявлено монархическимъ“. „Чтобъ оставаться строго на законной почвѣ, управленіе общества сообщило объ его учрежденіи меру Парижа и командующему національной гвардіей. Но въ революціонномъ лагерѣ тотчасъ забили тревогу. По сигналу писакъ (scriblers. какъ выражается *Merc. de Fr.*) Пале-Рояль взволновался; стали толковать, что общество должно быть разогнано силой. Опасаясь волненій, Бальи, отъ имени парижскаго муниципалитета, выдалъ полицейскій приказъ о закрытіи клуба. Революціонныя газеты, увѣренныя, что толпа еще лучше разгонитъ общество чѣмъ приказъ муниципалитета и опасаясь не послужило бы это прецедентомъ къ закрытію якобинскихъ клубовъ, забили тревогу о муниципальной тиранніи (tyrannie municipale, какъ озаглавлена статейка *Rév. de Paris*, въ которой увѣряется, что закрытіе это есть „парадъ условленный между членами клуба и лицами стоящими во главѣ администраціи“). Къ поджигающимъ нападкамъ журналистовъ присоединилось возбужденіе шедшее изъ самого Собранія. Въ засѣданіи 25 января 1791 года Барнавъ, выступивъ противъ клуба монархистовъ *(Moniteur)*, сказалъ:

„Зорко надлежитъ смотрѣть отъ края до края королевства за мятежною кучкой жалѣющею о своихъ привилегіяхъ и утѣснительныхъ правахъ (руколесканія лѣвой заглушаютъ крики правой)... При каждомъ великомъ декретѣ Собранія стараются злоупотреблять названіемъ вещей священнѣйшихъ для людей. Не призывалось ли, когда

вы выдавали законы противъ тиранніи, имя *монархіи*, столь дорогое всѣмъ Французамъ (сильнѣйшее волненіе на правой сторонѣ, рукоплесканія съ лѣвой)? Не призывалось ли слово *собственность* всякій разъ когда вы выдавали декреты противъ злоупотребленій обращавшихъ въ ничто государственное достояніе, дабы изъ обломковъ его создать частныя состоянія? (Рукоплесканія). Нынѣ мятежная кучка взываетъ къ монархической конституціи и подъ этою лукавою эгидой стремится породить раздѣленіе, привлечь гражданъ въ западню, давая народу *отравленный хлѣбъ* (Правая приходитъ въ сильное волненіе Мурине, Малуэ и другіе добиваются, чтобъ ихъ выслушали, но не могутъ этого достичь. Здѣсь не мѣсто говорить о томъ, что касается этого коварнаго, вѣроломнаго, возмутительнаго общества (Волненіе и крики на правой сторонѣ усиливаются; лѣвая отвѣчаетъ рукоплесканіями. Всякій разъ какъ Мурине, Малуэ и другіе члены хотятъ говорить, рукоплесканія усиливаются. Малуэ встаетъ съ мѣста и направляется къ трибунѣ; говоритъ обращаясь къ Барнаву, сильно жестикулируя).

Шарль Ламетъ. Призовите къ порядку интенданта Малуэ.

Барнавъ. Еще не пришла минута говорить вамъ объ этомъ обществѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что офиціальныя лица бдящія за общественнымъ спокойствіемъ примутъ предосторожности имъ требуемыя... (Многіе голоса справа: „это не на очереди — стулайте къ Якобинцамъ“). Нѣтъ сомнѣнія, сыскной комитетъ (comité de recherches) скоро донесетъ Собранію объ этихъ мятежныхъ дѣйствіяхъ, объ этой раздачѣ хлѣба, по половинной цѣнѣ, съ цѣлью внести смуту въ народъ...

Малуэ, Мурине такъ и не добились слова. „Вы призываете ярость народа на наши головы, восклицалъ Малуэ,—дайте же мнѣ отвѣтить на обвиненія“. Усилія были тщетны. Собраніе постановило перейти къ очереднымъ дѣламъ. Зажигательное слово произвело дѣйствіе. Черезъ день Якобинскій клубъ далъ клятву исключить изъ своей среды всѣхъ кто будутъ признаны принадлежащими къ новому обществу и, кромѣ того, чрезъ своихъ членовъ, предложилъ участкамъ чтобы изъ числа національ-гардовъ были немедленно исключены тѣ кто будутъ признаны монархистами (qui seront reconnus pour être monarchistes; *Rev. de P.*, VII, 115). Собранія друзей монархической конституціи сдѣлались невозможными. Общество прекратило свое существованіе. Да и такъ оно едва его влачило. Общихъ собраній было только два: „первое, говоритъ Малуэ (II, 56), на которое посыпались доносы и угрозы въ журналахъ, какъ на противо революціонное, и второе оскорбительно разогнанное чернью“.

Вотъ какова была свобода собраній въ эпоху когда на словахъ свобода провозглашалась во всѣхъ формахъ и видахъ!

VIII.

Судьба монархическаго клуба обнаружила всю тщету надежды бороться съ революціей на почвѣ политической свободы. Надо было имѣть значительную дозу наивности, чтобы не видѣть, что свобода революціонерами понималась исключительно какъ безпрепятственность революціонной пропаганды, съ искорененіемъ всего ей противящагося. Разныя прекрасныя слова въ адвокатскихъ устахъ революціонеровъ были не иное, что̀ какъ орудія адвокатскаго обмана. Мы только-что привели отрывокъ рѣчи Барнава. Тутъ есть и монархія дорогая для всякаго Француза, и священнѣйшія для людей вещи, и неприкосновенность собственности. Послушать—истинные монархисты сидятъ на лѣвой сторонѣ, а люди дѣйствительно искренно и честно преданные монархіи—мятежники, сѣятели междуусобія.

Люди проницательные, какъ напримѣръ Монлозье, хорошо понимали, что не на почвѣ убѣжденій и аргументовъ можно бороться съ революціей и остановить крушеніе. Требовалось дѣйствіе. Но откуда могло оно придти? Королевское правительство было въ самомъ униженномъ состояніи и внушало презрѣніе, къ сожалѣнію, заслуженное.

Въ Императорской Публичной Библіотекѣ хранится любопытная рукопись эпохи революціи. Рукопись эта принадлежала нѣкогда одной изъ варшавскихъ библіотекъ и оттуда перешла въ Публичную. Это длинный рядъ писемъ начиная съ 1777 года и до 1792 года, съ перерывомъ нѣсколькихъ лѣтъ въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Неизвѣстный авторъ, — Французъ вращающійся въ высшемъ кругѣ и, можно думать, въ дипломатической средѣ,—сообщаетъ другому неизвѣстному лицу, вѣроятно высокопоставленному, о томъ что̀ дѣлается и въ особенности, что̀ говорится въ Парижѣ. Это нѣчто въ родѣ корреспонденціи Гримма и Метра, но болѣе политическаго и интимно придворнаго характера. Большаго историческаго значенія письма эти не имѣютъ, но они весьма интересны для характеристики настроеній минуты. Любопытныя письма эти, съ разрѣшенія и при содѣйствіи начальства Библіотеки, изданы въ 1876 году французскимъ историкомъ Лескюромъ (Lescure), въ двухъ большихъ томахъ, подъ заглавіемъ *Correspondance secrète inédite*. Г. Лескюръ дѣлаетъ нѣкоторыя догадки кто бы могъ быть авторомъ писемъ, и приписываетъ ихъ двумъ лицамъ изъ числа второстепенныхъ писателей эпохи, но догадки эти трудно не признать совершенно произвольными. Кто бы ни былъ авторъ писемъ, они заслуживаютъ вниманія. Приведемъ нѣсколько характерныхъ отрывковъ касательно эпохи когда происходила попытка клуба монархи-

стовъ. Король въ концѣ 1790 года вынужденъ былъ перемѣнить нѣсколькихъ министровъ и выбрать новыхъ изъ не аристократической среды, въ разсчетѣ, что такіе будутъ популярнѣе. Что говорили въ городѣ по этому поводу? Вотъ что читаемъ въ письмахъ.

Парижъ, 26 ноября 1790 года. Вотъ мало извѣстная причина отставки хранителя печатей, упорствовавшаго, вопреки волѣ народа и желанію короля, остаться въ министерствѣ. Въ послѣднюю пятницу, около одиннадцати съ половиной часовъ вечера, король, ложась въ постель, слышитъ шумъ. Зоветъ караульнаго офицера и спрашиваетъ что это значитъ. Офицеръ что-то бормочетъ. Король встаетъ и въ шлафрокѣ, сопровождаемый капитаномъ стражи, котораго позвалъ, направляется къ комнатамъ королевы. Королева, заслышавъ шаги, бросилась къ двери и загородила проходъ. Но король оттолкнулъ ее и, несмотря на сопротивленіе, вошелъ, энергически ругая эти ночныя собранія. Самымъ положительнымъ образомъ высказываетъ свою волю собранной компаніи, которая состояла изъ Клермонтскаго епископа аббата Мори, Казалеса и хранителя печатей. Пускаетъ въ ходъ свой обычный лексиконъ, обращаясь къ хранителю печатей въ томъ же тонѣ какъ къ женѣ, и говоритъ, что еще будетъ съ нимъ имѣть объясненіе. На другой день онъ просилъ Лафайета указать ему лицо на должность хранителя печатей. Лафайетъ назвалъ своего протеже дю-Поръ дю-Тертра, адвоката мало извѣстнаго до революціи. Король назначилъ его хранителемъ печатей, говоря: „ну ужь если народъ и теперь будетъ недоволенъ, не знаю, что же еще надо сдѣлать“. Въ вѣнцѣ добраго короля недостаетъ впрочемъ еще одного шипа—поступить въ Якобинскій клубъ. Тогда аристократы, уже называющіе его демократомъ, кончатъ тѣмъ, что будутъ именовать его бѣшенымъ (enragé). Госпожа хранительница печатей съ ума сошла отъ возвышенія ея мужа, такъ что когда знакомыя дамы приходятъ ее поздравить, она начинаетъ хохотать и говоритъ только три слова: „ахъ, какое счастіе“! Разсказываютъ еще, что когда г. дю-Поръ дю-Тертръ получилъ первое извѣстіе о своемъ назначеніи у него былъ его водовозъ, который сходя сказалъ: „il peut garder les sceaux de roi, mais il ne gardera pas les miens, ils seraient bientôt à vau-l'eau“. Когда въ первое время революціи г. дю-Тертръ началъ быть замѣтнымъ, его жена разъ поссорилась съ женой сапожника своего мужа, требовавшею уплаты за нѣсколько паръ башмаковъ, и назвала ее сапожницей. Та отвѣчала съ гнѣвомъ: „жена сапожника стоитъ жены лакея“. Должна бы сказать сына лакея, ибо дю-Тертръ сынъ нѣкоего дю-Тертра по прозванію Сенъ-Луи, лакея г-жи д'Этіоль, побочной дочери Людовика XV. Жена же этого дю-Тертра была при гардеробѣ дѣвицы Этіоль. Но что за дѣло до рожденія, если онъ обладаетъ дѣйствительнымъ достоинствомъ. Революція сломила гербъ Монморанси, она можетъ возвысить сына лакея.

„*Парижъ, 3 декабря 1790 года.* Замѣчено, что новый военный министръ живетъ въ меблированныхъ комнатахъ и до назначенія не имѣлъ даже лакея. Его фамилія де-Бегъ (de Begue). Сестра его замужемъ за нѣкіимъ Бономъ, адвокатомъ бывшаго парламента. Этого Бона братъ маркиза де-Фавраса преслѣдовалъ по какому-то уголовному дѣлу. Назначеніе такихъ плебейскихъ министровъ доставляетъ большое удовольствіе народу. Но нѣкоторые насмѣшники увѣряютъ, что это маленькіе голодные ястреба посаженные въ курятникъ, чтобы раздобрѣть. Утверждаютъ также, что новое министерство простая замазка, которою король хочетъ приманить народъ. Увѣряютъ также, что ссора короля съ королевой по-русски простая комедія, что король посвященъ въ тайну контръ-революціи и что онъ бываетъ добрымъ патріотомъ только когда боится; королева ни въ какое время патріоткой не бываетъ.

„*Парижъ, 1 ноября 1791 года.* ...Маратъ, этотъ неистовый писака, котораго зажигательное перо не знаетъ никакой сдержки, осмѣлился написать королю письмо въ которомъ называетъ его или тупымъ автоматомъ, или вѣроломнымъ заговорщикомъ. На Рождествѣ одинъ членъ Якобинскаго клуба сдѣлалъ публичное предложеніе, чтобъ отнынѣ не было болѣе короля. Или уже если непремѣнно хотите, прибавилъ онъ, то назначьте его на два года, и если хоть однимъ днемъ останется долѣе, предайте его смерти. Предложеніе удостоилось одобренія и рукоплесканій.

„*14 января 1791.* Есть признаки, заставляющіе думать объ обращеніи королевы; причиною говорятъ самъ Леопольдъ. Король вѣритъ этому болѣе чѣмъ кто-либо. Онъ теперь очень веселъ и блаженъ какъ король. На этихъ дняхъ онъ отвѣтилъ на какое-то аристократическое замѣчаніе, напѣвая: „я демократъ, я демократъ“!

„*19 января 1791.* Аристократы поняли наконецъ, но ужь поздно, вліяніе литераторовъ на народъ. Они не только поддерживаютъ писателей своей партіи, но стараются подкупить нѣкоторыхъ журналистовъ-патріотовъ и повидимому успѣваютъ въ этомъ. Марата, Камиля Демулена, Фрерона подозрѣваютъ въ продажности. Монархическій клубъ оплатилъ цѣлый нумеръ *Ami du peuple*, направленный исключительно противъ клуба Якобинцевъ и оправдывающій воскресеніе монархическаго клуба. *L'Orateur du peuple* также объявилъ себя его защитникомъ, а сыскной комитетъ далъ приказъ арестовать Марата и Фрерона“.

Все это, безъ сомнѣнія, сплетни, но ярко характеризующія положеніе дѣлъ.

Несмотря на все униженіе королевской власти, Мирабо считалъ еще возможнымъ остановить ходъ революціи, и его плану, предпола-

гая энергическое исполненіе, едва ли можно отказать въ исполнимости. Дворъ уразумѣлъ наконецъ важность поддержки Мирабо и вступилъ съ нимъ въ сношенія, подробности коихъ переданы въ мемуарахъ Малуэ, на глазахъ и при участіи котораго они велись. Мирабо получилъ значительныя суммы, и была готова расписка въ два милліона ливровъ, которые Мирабо долженъ былъ получить по исполненіи плана. Онъ получалъ деньги, но въ сущности оставался вѣренъ себѣ и не продалъ убѣжденій, такъ какъ искренно былъ монархистомъ. Онъ скорѣе продавалъ себя за популярность, когда дѣйствовалъ въ ущербъ правъ и достоинства короля. Мирабо представилъ королю любопытный мемуаръ, къ сожалѣнію потерянный для исторіи, но о содержаніи котораго даетъ нѣкоторое понятіе Малуэ. „Въ первой части мемуара, говоритъ Малуэ, меня поразила въ особенности строгость съ какою Мирабо отнесся ко всѣмъ партіямъ кромѣ нашей (умѣренной), которую обвинялъ лишь въ неумѣлости. Дворъ, духовенство, дворянство, народническая партія преданы были анаѳемѣ. Интриги, ложныя начала, преступленія и преступники были изображены, безъ спеціальнаго обозначенія, самыми сильными красками. Онъ далъ волю своему рѣзкому краснорѣчію, говоря объ этомъ чудовищномъ накопленіи глупостей, преступленій, безпорядковъ, которое представилъ въ ужасающей картинѣ... Онъ настаивалъ въ особенности на глупости, суетности, невѣжествѣ всѣхъ классовъ націи и ея представителей, которые конечно не отдали бы ему столько почестей по смерти, еслибы знали какъ трактовалъ онъ ихъ и вкупѣ и въ отдѣльности". Малуэ имѣлъ совѣщаніе съ Мирабо и высказалъ какой ужасъ внушаетъ ему деморализація партій, отсутствіе дисциплины въ арміи, господство самой негодной сволочи въ народныхъ собраніяхъ, несогласія въ палатѣ. „Я высказалъ это Мирабо, пишетъ Малуэ. Бесѣда наша длилась съ десяти часовъ вечера до двухъ часовъ утра. Мирабо глядѣлъ страшно утомленнымъ. Въ немъ уже былъ зародышъ болѣзни отъ которой онъ умеръ. Глаза его горѣли и налитые кровью выходили изъ орбитъ; онъ былъ ужасенъ, но никогда я не видалъ въ немъ столько энергіи и столько краснорѣчія. „„Нечего, сказалъ онъ мнѣ, высчитывать неудобства. Если находите „ихъ въ моемъ планѣ, сдѣлайте лучше, но дѣлайте скорѣе Мы не „можемъ такъ жить долѣе. Погибнемъ отъ истощенія или отъ на„сильственной смерти. Чѣмъ сильнѣе сознаете вы существующее „зло, тѣмъ необходимѣе его исцѣленіе. Вы сомнѣваетесь въ пред„лагаемыхъ средствахъ. Позовите же того кто, при такой же доброй „волѣ какъ моя, былъ бы въ лучшемъ чѣмъ я положеніи, чтобы „дѣйствовать. Вся здоровая часть народа и даже часть сволочи на „моей сторонѣ. Пусть подозрѣваютъ меня, обвиняютъ, что я про„дался двору—не бѣда! Никто не повѣритъ, чтобъ я продалъ своболу моей страны, чтобы готовилъ ей цѣпи. Я скажу имъ, да, скажу: „вы видѣли меня въ рядахъ вашихъ бьющимся противъ тиранніи; „я бьюсь противъ нея и теперь; но законная власть, конституціонная монархія, охранительная власть монарха—я всегда сохранялъ „за собою право и обязанность ихъ защищать. Не забудьте, что я „одинъ въ этой патріотической ордѣ (dans cette horde patriotique) ко„торой могу такъ говорить, не дѣлая поворота (volte-face). Я никогда „не раздѣлялъ ни ихъ романа, ни ихъ метафизики, ни ихъ безпо„лезныхъ преступленій"". Его голосъ гремѣлъ какъ съ трибуны, жесты были оживлены; обиліе и вѣрность идей порадовали и меня. Я сбросилъ предубѣжденіе и, раздѣляя его волненіе, хвалилъ его проекты, его мужество, преувеличивалъ средства. Но конецъ моей рѣчи разсердилъ его. „„Да, сказалъ я, вы лучше чѣмъ кто-либо можете „поправить зло которое дѣлали"".—„„Нѣтъ"", отвѣтилъ онъ подымая голову, „„я не дѣлалъ вольнаго зла. Я подчинялся игу обстоя„тельствъ въ которыя былъ поставленъ не по своей волѣ. Великое „содѣланное зло есть общее дѣло, за исключеніемъ преступленій, въ „которыхъ виновны нѣкоторые Вы умѣренные: вы не были тако„выми достаточно, чтобъ оцѣнить меня; вы, министры, шага не дѣ„лавшіе, который не былъ бы ошибкой; и ты, глупое Собраніе, не „знавшее ни что говоришь, ни что дѣлаешь—вотъ творцы зла"" (*Mém. de Malouet*, II. 109).

Замѣчательное осужденіе революціи въ устахъ одного изъ главныхъ ея двигателей! Рѣчь была искренняя. Достаточно со вниманіемъ прослѣдить всю дѣятельность Мирабо, чтобъ убѣдиться въ этомъ. По ироніи судьбы, ему отъ убѣжденія пришлось говорить за деньги двора, а по разсчету съ народной трибуны.

Планъ Мирабо состоялъ въ слѣдующемъ. Распустить Національное Собраніе, возбудивъ предварительно адресы изъ провинцій, въ которыхъ бы высказывалось требованіе распущенія. Мирабо былъ увѣренъ, что при тогдашнемъ общественномъ настроеніи возбудить такіе адресы было легко. Въ подобныхъ дѣлахъ Мирабо былъ вполнѣ компетентенъ. Затѣмъ произвести выборы новыхъ депутатовъ, позаботившись, чтобы въ число ихъ попали наиболѣе разумные люди въ столицѣ и въ провинціяхъ. Заняться вновь составленіемъ конституціи, принявъ въ основаніе, что Національное Собраніе должно состоять изъ двухъ палатъ, король пользоваться абсолютнымъ veto и правомъ распускать Собраніе и что проекты законовъ могутъ быть предлагаемы или правительствомъ или Собраніемъ; клубы уничтожить, муниципалитеты и національ-гардовъ подчинить непосредственно королю, пользующемуся державно и во всей ширинѣ исполнительною властью; допустить въ Собраніе исключительно собственниковъ безъ жалованья. Въ главныхъ чертахъ это было устройство правленія по образцу англійской конституціи.

Плану Мирабо не суждено было осуществиться. Смерть настигла его 2 апрѣля 1791 года *. Могъ ли удасться его отважный замыселъ? Кто знаетъ? Говоря объ эпохѣ волненія предшествовавшей революціонному взрыву 14 іюля 1789 года, писатель Ривароль (*Mém.* Paris, 1824 стр. 78) замѣчаетъ: „Всѣ согласны, что еслибы король сѣлъ на лошадь и явился предъ арміей, она осталась бы вѣрна и Парижъ

---

* Смерть Мирабо обнаружила степень популярности, какою онъ еще пользовался. Вслѣдствіе этой популярности, а также въ силу развившейся въ эпоху революціи страсти къ процессіямъ и всякимъ уличнымъ оказательствамъ и демонстраціямъ, были устроены пышныя похороны. Національное Собраніе рѣшило обратить церковь Св. Женевьевы въ усыпальницу великихъ людей съ эпохи „французской свободы“ и немедленно перенести туда тѣло Мирабо. Распоряженіе похоронами принадлежало, сколько можно замѣтить, городской администраціи. Но распоряжался кто хотѣлъ. Въ день смерти кучка молодыхъ патріотовъ вышла изъ Пале-Рояля и отправилась по театрамъ запретить на этотъ день спектакли (*Rév. de Paris*, VII, 644). Улица Шоссе д'Антенъ тотчасъ перемѣнила имя; съ воскресенья (3 апрѣля) была прибита доска съ надписью: „улица Мирабо, патріота умершаго 2 апрѣля“. Въ воскресенье и понедѣльникъ и вплоть до похоронъ на обоихъ концахъ улицы Мирабо можно было видѣть группы мущинъ, женщинъ, дѣтей обратившихся лицомъ къ человѣку стоявшему на возвышеніи у угольнаго дома. Это говорились надгробныя рѣчи, приноровленныя къ понятію аудиторіи. Царствовала почти религіозная тишина, и горе неосторожному кучеру который не замедлилъ бы шагъ своихъ лошадей, проѣзжая мимо группы! Произносились рѣчи и на площадяхъ; часъ выноса назначенъ былъ къ вечеру, но уже съ трехъ часовъ путь шествія наполнился народомъ. Народъ самъ взялъ на себя полицейскую часть, и распорядительность его могла, де служить урокомъ городскимъ властямъ. Похоронная процессія тянулась на протяженіе лье, и требовался часъ времени чтобъ она вся прошла предъ глазами. Въ процессіи участвовало множество войска и національ-гардовъ; за музыкой слѣдовало духовенство, затѣмъ гробъ, сердце покойнаго въ урнѣ прикрытой графскою короной (*Rév. de Paris* съ негодованіемъ обличаетъ это обстоятельство); гробъ окружали граждане-солдаты участка гдѣ жилъ Мирабо и „баталіонъ старцевъ и дѣтей“. Далѣе траурные провожатые, между которыми были министры и Національное Собраніе почти въ полномъ составѣ предшествуемое президентомъ. „Герцога Орлеанскаго привѣтствовали рукоплесканіями, но двоюродный братъ Булье (маркиза Булье усмирившаго возстаніе въ Нанси,—то-есть Лафайетъ, къ которому уже не благоволила революціонная печать) обошелся безъ нихъ; правда, онъ былъ не на бѣлой лошади и въ шляпѣ“ (Лафайетъ появлялся обыкновенно на бѣлой лошади и раскланивался съ народомъ). Слѣдовали, по описанію *Rev. de Paris*, какое-то братское общество (société fraternelle) раздѣленное на два отряда—мущины и женщины въ бѣломъ съ черными лентами; и какое-то общество неимущихъ друзей конституціи (société des indigens, amis de la constitution).

былъ бы спокоенъ. Но не подумали ни о чемъ. Потомство не повѣритъ тому, что дѣлало правительство и чего оно не дѣлало. Это былъ какой-то концертъ глупостей въ королевскомъ совѣтѣ“. Положеніе дѣлъ въ эпоху, когда Мирабо дѣлалъ свои предложенія, было уже иное. Но многіе признаки свидѣтельствуютъ, что общественное настроеніе въ неотравленной части націи могло еще быть, при энергическомъ и искусномъ образѣ дѣйствій, привлечено на сторону правительственной власти.

IX.

Возвратимся къ клубамъ. Мы разсказали объ участи клуба монархистскаго. Иная судьба была клуба Якобинскаго и его безчисленныхъ развѣтвленій по Франціи Не свобода политическаго обсужденія была ихъ дѣлью, а политическое господство. Ихъ несложною задачей было революціонное разрушеніе во всѣхъ видахъ; ихъ орудія дѣйствія—выборная и всяческая интрига, злостное натравливаніе, не стѣсняющееся въ средствахъ, истребленіе всего, что могло съ ними соперничать и подстроенный мятежъ. Были деньги, не малою долей изъ кармана герцога Орлеанскаго. Упорно утверждалось, что было и англійское золото. Особенно большихъ средствъ впрочемъ не требовалось. Что ихъ и не было, о томъ свидѣтельствуютъ частыя объявленія отъ разныхъ отдѣловъ клуба, что нефранкированныя письма и посылки не принимаются, кромѣ какъ отъ société-mère въ Парижѣ. Главную составную часть якобинскихъ обществъ составляли тѣ кого Мирабо называлъ сволочью (canaille) и кто стали потомъ могущественнымъ голоштанствомъ (sans-culottes). Эпоха Національнаго Собранія была эпохой постепеннаго роста Якобинскаго клуба съ его развѣтвленіями. Эпоха его господства началась позже, со времени втораго, низкопробнаго собранія (Законодательнаго).

Якобинскія общества, сдѣлавшіяся потомъ главнымъ врагомъ Національнаго Собранія, возросли подъ его покровительствомъ. Когда возникали эти общества съ ихъ интригами и насиліемъ, они во многихъ мѣстахъ возбудили негодованіе и сопротивленіе спокойной и болѣе трезвой части гражданъ. Во многихъ городахъ мѣстные муниципалитеты явились выразителями неудовольствія жителей и слали жалобы въ Собраніе, прося оградить ихъ отъ непрошеныхъ политическихъ руководителей. Но жалобы эти оставлялись безъ послѣдствій, и „патріоты“ Собранія ссылались на свободу общественныхъ собраній.

Граждане Безансона осенью 1790 года дважды обращались къ мѣстному городскому управленію, прося освободить ихъ отъ клуба Друзей

Конституціи. „Какъ, говорятъ они между прочимъ въ своемъ прошеніи, согласить режимъ свободы съ существованіемъ корпораціи въ которой экзальтированныя головы, опьяняясь фантастическими идеями, замѣняютъ краснорѣчіе декламаторствомъ, энергію яростью, земскій миръ мятежомъ? Не значитъ ли это возвращать обманутый народъ къ царству инквизиціи и ставить гражданъ подъ гнетъ деспотизма, тѣмъ болѣе возмутительнаго, что агенты его укрыты неизвѣстностію. Друзья конституціи! Наименованіе прекрасное, конечно. Но слова не имѣютъ болѣе магической силы, разумные люди ищутъ дѣла. Развѣ слова: *свобода, патріотизмъ* не служатъ предлогомъ насилій и преступленій? Не подъ названіемъ ли *друзей народа* Маратъ и его сотоварищи произвели своими возмутительными писаніями эту массу безпорядковъ, осквернившихъ города? Не въ подобныхъ ли обществахъ источникъ бѣдствій Нима и Нанси? Не подобныя ли общества послѣдовательно возбуждали и останавливали волненія въ Брестѣ? Не изъ подобныхъ ли обществъ вышли Ліонскіе безпорядки? Ліонъ имѣлъ слабость дать образоваться среди его двадцати четыремъ клубамъ; ихъ взаимныя столкновенія ускоряютъ гибель гражданъ. Неужели Безансонъ долженъ остаться глухъ къ этимъ примѣрамъ и въ свою очередь явить глазамъ мятущейся Франціи новое кровавое зрѣлище? Эти общества суть не иное, что̀ какъ очаги возмутительныхъ писаній, обманывающихъ народъ и вовлекающихъ гражданъ въ бѣдствія, какія влекутъ за собою неповиновеніе законамъ и своеволіе. Эти общества суть школы интриги и происковъ. Въ нихъ люди у которыхъ самомнѣніе замѣняетъ заслугу и талантъ, располагаютъ заранѣе всѣми мѣстами въ странѣ, скромно дѣлятъ ихъ между собою, все во благо конституціи, друзьями которой они себя именуютъ. По заговору разъѣзжаютъ по деревнямъ, сманивая народъ лицемѣрнымъ шарлатанствомъ; по заговору являются въ общественныя собранія, всяческими прельщеніями устраивая такъ чтобы голоса честныхъ людей подавались въ пользу того, кого намѣтила интрига... Подобныя общества суть истинные трибуналы инквизиціи. Тутъ раздолье личнымъ ненависти и счетамъ и все подъ маской общественнаго служенія. Честные люди отдаются на жертву гнуснѣйшей клеветѣ и поражаются безъ защиты. Сосѣдъ возстаетъ на сосѣда, братъ на брата, сынъ на отца. Отмѣчаются жертвы для ближайшихъ мятежей, кои суть неизбѣжное послѣдствіе подобныхъ обществъ... Честнымъ администраторамъ претитъ ихъ положеніе, и они покидаютъ свои должности; достаточные люди бѣгутъ, ища спокойствія, котораго здѣсь нѣтъ; кто можетъ, слѣпитъ укрыться въ деревняхъ“. (*Mercure de Fr.* 1791, № I, 65).

Въ Ліонѣ (*Merc. de Fr.*, 1791. № I, 68) „общество Друзей конституціи захватило всѣ выборы въ свои руки, такъ, что законное избирательное собраніе обратилось въ пустую формальность. Одинъ журналистъ, считающій такую систему согласною съ независимостію мнѣній, недавно повѣдалъ публикѣ, что въ Ліонѣ нынѣ 28 патріотическихъ клубовъ, образующихъ какъ бы 28 отдѣленій. Коммиссары ихъ образуютъ центральный клубъ. Выборы производятся во всѣхъ отдѣльныхъ клубахъ. Центральный клубъ получаетъ и считаетъ голоса. Результатъ рѣшаетъ судьбу выборовъ. И это зовется желаніемъ народа, большинствомъ, волей націи! Помощію такихъ-то пріемовъ, достойныхъ тирапскаго заговора, эти друзья конституціи и свободы управляютъ страной, диктуютъ выборы и раздаютъ мѣста своимъ заправиламъ“.

Въ декабрѣ 1790 г. священникъ мѣстечка Вето (Vetaux) и пятьдесятъ человѣкъ мѣстныхъ жителей жаловались управленію, что меръ мѣстечка и нѣкто г. Бертенъ силой завладѣли помѣщеніемъ священника для устройства клуба. Управленіе вняло жалобѣ и возстановило нарушенное право собственности. Виновные уступили, но затаили злобу и чрезъ семь мѣсяцевъ, когда представился случай, нажаловались на управленіе окрѣпшему въ этотъ промежутокъ Якобинскому клубу. Клубъ, какъ власть имѣющій, составилъ на имя управленія грозное посланіе и отрядилъ съ нимъ двухъ своихъ членовъ. „Общественное мнѣніе, сказано было между прочимъ въ посланіи, давно уже очень недовольно вами... Сознайте свои заблужденія. Посылаемъ къ вамъ гг. Ребекки и Вантури. Они лично изложатъ вамъ наши намѣренія. Если не удовлетворите нашимъ требованіямъ, то опубликуемъ наше къ вамъ обращеніе во всеобщее свѣдѣніе и пригласимъ гражданъ собрать воедино все, что̀ есть противъ васъ. Послѣдуетъ примѣрное наказаніе. Имѣяй уши слышать да слышитъ. Qui aures habet, audiat“. Когда выслушана была Собраніемъ жалоба управленія, министръ юстиціи далъ поясненіе со своей стороны. „Еслибы, сказалъ онъ, въ обладаніи правительства были средства противъ подобныхъ злоупотребленій, я не сталъ бы говорить о нихъ въ Собраніи. Но въ виду того, что всѣ власти затруднены, связаны въ своихъ движеніяхъ. суды и администрація лишены мужества, унижены, залуганы, благодаря именно духу обнаруживаемому нѣкоторыми изъ этихъ обществъ,—необходимо привлечь на подобные факты вниманіе Собранія, Надо же чтобы наконецъ шла правительственная машина нынѣ. когда конституція завершена; надо чтобы суды могли судить, администрація могла управлять. Но это невозможно, пока ассоціаціи частныхъ лицъ (associations d'individus), кои не могутъ и не должны представлять собою ничего кромѣ силы мнѣнія,—безконечно полезной (?)—будутъ возводить себя въ политическія организованныя кор-

порацiи, являющiяся не только надзирателями и цензорами по отношенiю къ судьямъ и администраторамъ, но и ихъ начальниками и господами". Министръ указывалъ, что на его глазахъ „по настоянiю Общества друзей конституцiи высшiй национальный судъ (haute cour nationale) отвелъ на судилищѣ два мѣста, посреди судей, для двухъ депутатовъ Общества, присланныхъ наблюдать за дѣйствiями судей". Министръ внутреннихъ дѣлъ, со своей стороны, подтвердилъ, что „общества эти не только не признаютъ власти административныхъ учрежденiй, но противятся имъ, поставляютъ препятствiя исполненiю ихъ предписанiй, возбуждаютъ противъ нихъ волненiя". Министръ присовокупилъ, что имѣетъ множество жалобъ въ этомъ смыслѣ. Бывали случаи, что Якобинцы силой отнимали изъ судовъ бумаги и уничтожали цѣлыя дѣлопроизводства.

Парижское общество Якобинцевъ, société-mère, имѣло отдѣленiя во множествѣ городовъ, развѣтвленiями покрыло всю Францiю. Всѣ эти отдѣлы сносились, переписывались, пересылались между собой.

Въ началѣ лѣта 1791 года попробовалъ было образоваться въ Бордо клубъ монархическаго характера. Не медленно сдѣлался предметомъ грубой клеветы и былъ разогнанъ. Управленiемъ департамента „выдана была прокламацiя, воспрещающая на будущее время собираться какому-либо обществу кромѣ Общества друзей конституцiи (то-есть Якобинцевъ)". (*Rév. de Paris*, VIII, 441).

Наконецъ Собранiе нашлось вынужденнымъ что-нибудь предпринять въ виду беззаконнаго самовластiя клубовъ. Въ конституцiонномъ комитетѣ, въ послѣдне дни существованiя Собранiя, обсуждался вопросъ о принятiи какихъ-либо мѣръ къ обузданiю скандальнаго своевольства „друзей конституцiи". 29 сентября 1791 года Шапелье представилъ свой докладъ (*Moniteur*, № 275, dimanche 2 octobre 1791). Съ оговорками и осторожностiю приступаетъ онъ къ обличенiю уже могущественнаго учрежденiя. „Мы будемъ говорить, читаемъ въ докладѣ, объ обществахъ порожденныхъ энтузiазмомъ свободы и въ дни бурь оказывавшихъ благотворное дѣйствiе, соединяя умы, образуя центры мнѣнiя, указывая противившемуся меньшинству какъ громадное большинство желающее уничтоженiя злоупотребленiй, разрушенiя предразсудковъ и установленiя правъ человѣка... Но народныя общества эти получили родъ политическаго существованiя какого не должны имѣть. Пока длилась революцiя, такой порядокъ вещей былъ болѣе полезенъ, чѣмъ вреденъ. Когда нацiя мѣняетъ форму своего правленiя, каждый гражданинъ есть официальное лицо (magistrat), всѣ совѣщаются и должны совѣщаться о государственныхъ дѣлахъ. Все что подвигаетъ, укрѣпляетъ, ускоряетъ революцiю должно быть пущено въ ходъ. Требуется поддер-

живать и даже усиливать броженiе, дабы революцiя, не оставляя болѣе о себѣ сомнѣнiя, испытывала наименѣе препятствiй и пришла скорѣе къ концу. Но, — продолжаетъ авторъ такой оригинальной теорiи мятежа, придуманной на случай,—когда революцiя кончилась (?), конституцiя государства завершена, всѣ государственныя власти получили свои полномочiя, тогда для блага самой этой конституцiи требуется чтобы все пришло въ порядокъ, и ничто не затрудняло дѣйствiя установленныхъ властей. Общества друзей конституцiи въ большинствѣ состоятъ изъ достойныхъ уваженiя гражданъ, истинныхъ друзей отечества, ревностныхъ защитниковъ конституцiи. Они легко поймутъ насъ, когда мы скажемъ имъ, что если революцiя иногда заставляла ихъ выходить за предѣлы внутренней ихъ дѣятельности, то установившаяся конституцiя воспрещаетъ это; что они не могутъ образовать развѣтвленiя, имѣть родъ столицы, если не хотятъ уподобиться уничтоженнымъ корпорацiямъ и даже явить собою, простираясь по всей Францiи, нѣчто болѣе опасное чѣмъ прежнiя корпорацiи. Они легко поймутъ, что всѣ эти соглашенiя. эта политическая переписка ведутъ къ пагубнымъ результатамъ; что этимъ устанавливается родъ привилегiи патрiотизма, порождающей обвиненiя противъ всѣхъ не принадлежащихъ къ сектѣ и ненависть противъ обществъ не входящихъ въ сѣть; что адресы подъ коллективными именами, присутствiе при церемонiяхъ, свидѣтельства и рекомендацiи выдаваемыя протежируемымъ, похвалы и порицанiя раздаваемыя гражданамъ — все это нарушенiя конституцiи и способы захватываемые дурными людьми въ свои руки; что журналы преній, наполненныя трибуны, залы для пріема просителей — все это противно конституцiи. Они ясно поймутъ, что совершаютъ преступленiя, когда стремятся захватить вліяніе на судебныя и административныя дѣла; что даже революцiей нельзя извинить эти повелѣнiя даваемыя должностнымъ лицамъ—явиться дать отчетъ въ ихъ дѣйствiяхъ, эти насильственныя дѣйствiя съ цѣлью уничтожить дѣла, начатыя противъ какихъ-либо мнимыхъ патрiотовъ, эти мѣста отводимыя въ судахъ депутатамъ клубовъ, чтобы наблюдать за уголовнымъ дѣлопроизводствомъ, этихъ коммиссаровъ съ порученiями, каковыя могутъ быть даваемы только установленными властями и только должностнымъ лицамъ". Такова замѣчательная картина дѣятельности клубовъ, составленная съ желанiемъ смягчить краски, чтобы не раздразнить могущественную уже силу. „Петицiи подъ коллективными именами воспрещены, а ихъ подаютъ самому Собранiю; вывѣшиваютъ на улицахъ, ими замучиваютъ административныя учрежденiя и должностныхъ лицъ". Вину исчисленныхъ беззаконiй докладчикъ складываетъ на „нѣсколькихъ людей вводящихъ большинство въ заблужденiе,... людей, которые стараются клеветать на установленныя

власти и унижать ихъ и захватываютъ въ свои руки Общества, чтобы помощію ихъ пріобрѣсти роль въ государственномъ управленіи и явиться произвольными цензорами, бурливыми хулителями и можетъ быть деспотами должностныхъ лицъ".

Докладчику отвѣчалъ Робеспьеръ, который въ правѣ былъ принять на свой счетъ то, что говорилъ Шапелье о заправителяхъ общества. Робеспьеръ доказывалъ, конечно, что собранія невооруженныхъ гражданъ не противны конституціи и что существованіе клубовъ вполнѣ законно Затѣмъ, по своему обычаю, перетелъ въ личное нападеніе, прозрачными намеками старался поразить Шапелье. Все это, говорилъ онъ, „идетъ отъ нѣкоторыхъ лицъ пріобрѣтшихъ было слишкомъ большое вліяніе на общественное мнѣніе, нынѣ ихъ отвергающее... Развѣ уже такое большое несчастіе, среди нынѣшнихъ обстоятельствъ, что общественное мнѣніе, общественный духъ развиваются насчетъ репутаціи нѣкоторыхъ лицъ, которые послуживъ съ виду дѣлу отечества измѣнили ему тѣмъ съ большею дерзостію".

Революціонная печать въ свою очередь напала на Шапелье и на Собраніе. Фактовъ отрицать было нельзя, о фактахъ молчали; чинилось личное нападеніе. Въ *Révol. de Paris* (X, 25) читаемъ: „Думали мы, что уже нечего болѣе сказать о позорныхъ подвигахъ ознаменовавшихъ послѣдніе дни Національнаго Собранія, но донесеніе Шапелье о клубахъ и декретъ затѣмъ послѣдовавшій слишкомъ обращаютъ на себя вниманіе, чтобъ умолчать о нихъ. Ясно, что донесеніе есть плодъ отчаянія фёльянскаго раскола которому не удалось отбить у якобинцевъ ихъ многочисленныя развѣтвленія. Собраніе имѣло безстыдство велѣть напечатать докладъ Шапелье".

Декретъ, принятый 29 сентября былъ робкою попыткой бороться съ Якобинцами, оставшеюся безо всякихъ послѣдствій. Декретомъ этимъ постановлено было: „Если какое-либо общество позволитъ себѣ звать къ отвѣту должностныхъ лицъ или простыхъ гражданъ, или будетъ ставить препятствіе какой-либо законной власти въ исполненіи обязанностей, то предсѣдавшіе при преніяхъ и тѣ, кто какимъ-либо образомъ содѣйствовали исполненію рѣшенія, исключаются на два года изъ гражданскаго списка (tableau civique) и въ продолженіе этого срока не могутъ занимать никакой государственной должности" (aucune fonction publique). Въ случаѣ подачи петиціи подъ коллективнымъ именемъ, представившіе таковую, а также предсѣдатели собранія въ коемъ она составлялась и члены согласившіеся принять участіе въ депутаціи для ея представленія, подвергаются тому же наказанію на срокъ шести мѣсяцевъ.

Приведенные факты достаточно свидѣтельствуютъ, какъ подъ сѣнью Національнаго Собранія организовалась новая политическая сила,

грубая, невѣжественная, нахально разрушительная, которая глумилась надъ Собраніемъ съ его конституціей и скоро стала первенствующею силой въ странѣ. Начался Якобинскій періодъ, который Тэнъ именовалъ эпохой политической бѣлой горячки.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Изъ міра революціонной журналистики.

I. Издатель революціоннаго журнала—II, III. Журналистъ наканунѣ революціи: Бриссо. — IV. Журналистъ народившійся съ революціей: Лустало.

I.

Отъ клубовъ и собраній перейдемъ къ печати.

Для сужденія о значеніи и характерѣ политической печати въ первую эпоху революціи, лучшимъ матеріаломъ можетъ служить еженедѣльная газета *Révolutions de Paris*, народившаяся вмѣстѣ съ революціей. Первый нумеръ газеты вышелъ 17 іюля 1789 года. Она скоро сдѣлалась распространеннѣйшимъ изъ революціонныхъ изданій. Газета выходившая брошюрами страницъ въ 50, ведена была весьма искусно. Первые нумера обратили на себя вниманіе подробнымъ изложеніемъ революціонныхъ событій изо дня въ день. Затѣмъ прибавились революціонныя разсужденія, въ родѣ пылкихъ передовыхъ статей, бойкія, исполненныя нападеній, поддерживавшія состояніе раздраженія и тѣмъ явно попадавшія въ тонъ революціонныхъ читателей, служа преобладающему направленію, — отчасти его угадывая, отчасти возбуждая. Газета не имѣла ни рѣзкости листка Марата, ни однообразія изданія Камиля Демулена *Révolutions de France et de Brabant*, державшагося почти исключительно трудами самого издателя. Авторъ *Исторіи печати*, Гатэнъ (Hatin), называетъ даже *Révolutions de Paris* безпристрастною газетой, вѣроятно потому, что ея бойкія революціонныя проповѣди имѣютъ видъ не личныхъ нападеній, а разсужденій, опирающихся на аргументы и идущихъ отъ убѣжденія. Въ библіотекѣ Московскаго Университета есть прекрасно сохранившійся полный экземпляръ *Révolutions de Paris*, принадлежавшій нѣкогда библіотекарю герцога Пантьевра (на переплетѣ помѣчено: à l'abbé Pascal, bibliothécaire de S. A. S. Monseigneur le duc Penthiévre). Экземпляръ переплетенъ съ большою тщательностію, со всѣми объявленіями, съ гравюрами интересными по содержанію, хотя грубо исполненными, изображавшими разныя событія революціи, съ картами новыхъ департаментовъ, замѣнявшими гравюры въ нѣкоторыхъ нумерахъ. Къ первому тому, въ началѣ какъ аллигатъ, при-

соединены *Lettres à Mr. le comte B. sur la révolution arrivée en 1789 sous le régne de Louis XVI*, очеркъ въ 96 страницъ „о министрахъ и другихъ чиновныхъ лицахъ, кои хищеніями своими и злоупотребленіемъ власти вызвали сію незабвенную революцію“. Аббатъ Паскаль въ помѣткѣ, ссылаясь на *Actes des apôtres* № 112, приписываетъ *Письма* журналисту Лустало „который продалъ Прюдому (издателю *Révol. de Paris*) свой умъ за тысячу ливровъ въ мѣсяцъ“. Полное заглавіе *Парижскихъ Революцій* таково: *Révolutions de Paris, dédiées à la nation et au discrict des Petits Augustins, publiées par le sieur Prudhomme à l'époque du 12 juillet 1789, avec gravures et cartes des départements du royaume.* Эпиграфъ: „Les grands ne nous paraissent grands que parceque nous sommes à genoux... Levons nous“. Первые нумера *Революцій* были изданы при сотрудничествѣ третьестепеннаго литератора Турнона, и № 1 подписанъ: Prudhomme, Tournon, rue Jacob, Faubourg Saint-Germain. Имя Турнона исчезаетъ уже со втораго нумера, въ слѣдующихъ начинается участіе Лустало (всѣ статьи газеты впрочемъ безъ подписи). Съ появленіемъ № 7 вышло въ свѣтъ новое изданіе, родъ контрафакціи, озаглавленное *Supplément aux Révolutions de Paris*, par les rédacteurs des prémiers numeros, того же внѣшняго вида какъ и *Революціи*. Экземпляръ *Supplément* № VII въ коллекціи Московскаго Университета переплетенъ вмѣстѣ съ нумерами газеты. Очевидно между Прюдомомъ и Турноном произошла ссора. Въ № VIII *Революцій* помѣщено объявленіе предупреждающее публику о контрафакціи и заявляющее, что между двумя изданіями нѣтъ ничего общаго. „Надѣемся, заключаетъ Прюдомъ, что продолженіе благосклонности публики вознаградитъ насъ за послѣдствія этого подлога“. Со своей стороны Турнонъ выдалъ объявленіе (оно присоединено, въ университетскомъ экземплярѣ, въ № XVIII *Революцій*) такого содержанія: „Такъ какъ именуемый Прюдомъ (le sieur Prudhomme), живущій въ улицѣ Іакова, № 28, и у котораго первоначально помѣщалась контора изданія озаглавленнаго *Révolutions de Paris* позволилъ себѣ безъ вѣдома автора, помѣщать въ оном изданіи бранныя выходки и дерзкія заявленія, противныя общественному порядку, и въ надеждѣ присвоить себѣ изданіе въ ущербъ истинному владѣльцу, сфабриковалъ послѣдніе нумера съ помощію какого-то неизвѣстнаго лица“, то авторъ предупреждаетъ публику, что отнынѣ *Революціи*, начиная со 2 ноября, „будутъ раздаваться (seront distribuées) у книгопродавца Фулье, на набережной Августинцевъ, а не у Прюдома въ улицѣ Іакова“. Дѣло доходило до думскаго полицейскаго комитета. Комитетъ постановилъ такое рѣшеніе (*Hatin*, VI, 397): „Комитетъ полиціи, вслѣдствіе возникшаго спора между гг. Турномъ и Прюдомомъ, объявляетъ что Прюдомъ какъ глава предпріятія (chef de l'entreprise) журнала озаглавленнаго *Révolutions de Paris* можетъ продолжать сіе изданіе; что

г. Турнонъ, какъ изобрѣтатель (inventeur) и авторъ сочиненія, можетъ со своей стороны продолжать, буде желаетъ, подъ тѣмъ же заглавіемъ, подобное же изданіе, такъ какъ ни тотъ, ни другой не имѣютъ какой-либо исключительной относительно его привилегіи, и имена авторовъ полагаютъ достаточное различіе между сочиненіями“. Подписали: аббатъ Фоше, Манюель, Торильйонъ, Иснаръ де-Бонёиль (Isnard de Bouneuil), де-ла-Бастидъ, Дюлюкъ. Прюдомъ въ № XVIII напечаталъ первую половину рѣшенія, присоединивъ нѣсколько словъ, такъ что рѣшеніе получило такую форму: „Комитетъ полиціи, вслѣдствіе возникшаго спора между гг. Прюдомомъ и Турномъ, объявляетъ, что г. Прюдомъ, какъ глава предпріятія журнала озаглавленнаго *Révolutions de Paris*, можетъ продолжать это изданіе и *есть собственникъ подписки* и пр....“ Въ слѣдующихъ нумерахъ повторяется то же объявленіе, но къ имени Турнонъ сдѣлана ремарка: „Этотъ человѣкъ (ce particulier), членъ якобы многихъ академій, въ обиліи распространяетъ бранныя выходки, именуя себя авторомъ настоящаго сочиненія. Глубокое невѣжество его достаточное для меня оправданіе“. Въ № XXII имя Tournon замѣнено буквою T.. очевидно съ цѣлью, чтобы не рекламировать имя Турнона. Въ № XXV исключена и буква T.; осталось только признаніе полицейскимъ комитетомъ Прюдома собственникомъ *Революцій*. Турнонъ въ свою очередь отзывался о Прюдомѣ (*Hatin*, VI), что это „бумажный торговецъ (marchand papetier) не знающій даже орѳографіи“.

Управлявшій предъ революціей дѣлами печати въ Парижѣ Мессеме (Maissemé) сдѣлалъ такой отзывъ о Прюдомѣ, какъ книгопродавцѣ: „онъ имѣетъ въ обычаѣ продавать что только есть самаго предосудительнаго“. Книгопродавецъ оказался однако ловкимъ издателемъ и умѣлъ сдѣлать изъ *Революцій* первенствующую, по распространенности, революціонную газету. Чутко избравъ девизомъ, что революція должна безостановочно идти впередъ, Прюдомъ обнаружилъ большое искусство находить бойкія перья на служеніе пропагандѣ. Устранивъ Турнона, онъ открылъ Лустало, которому *Революціи* и обязаны первыми успѣхами. Турнонъ оказался неподходящимъ по умѣренности и отсутствію бойкости. Онъ обѣщалъ комитету „не помѣщать статей способныхъ огорчить (alarmer) добрыхъ гражданъ, а также поджигательныхъ разсужденій и дерзкихъ обличеній“. Но именно поджигательныя разсужденія и дерзкія обличенія и требовались на рынкѣ. Пріемы журнальнаго шарлатанства ловкій издатель довелъ до высокой степени. Онъ заявляетъ, напримѣръ, въ началѣ № XIII, въ объявленіи отъ издателя, что онъ врагъ проспектусовъ (prospectus) и объявленій и только желаетъ „пожертвованіями и стараніями своими доказать согражданамъ, что единственнымъ средствомъ выразить имъ свою признательность онъ считаетъ беззавѣтное служеніе

общественному дѣлу". Повтореніе этого объявленія въ рядѣ нумеровъ дѣлаетъ его не очень далекимъ отъ рекламы, врагомъ которой рекомендовалъ себя Прюдомъ. На обертк̀ѣ № XXIV (въ концѣ 1789 г.) появилось новое объявленіе Прюдома, „единственнаго собственника *Журнала Парижскихъ Революцій*". Объявленіе такъ характеристично, что его стоитъ привести вполнѣ, тѣмъ болѣе, что оно находится лишь при тѣхъ экземплярахъ *Революцій*, при которыхъ сохранилась обертка.

„Несмотря, говоритъ Прюдомъ, на всѣ происки моихъ ожесточенно меня преслѣдующихъ враговъ, я чувствую, что успѣхъ болѣе чѣмъ когда-либо возбуждаетъ меня къ дѣйствію. Голосъ общества относительно послѣднихъ моихъ нумеровъ возлагаетъ на меня обязанность войти въ подробности, сообщеніемъ коихъ я медлилъ до сей минуты, дабы не прерывать своего служенія. Перенесемся воспоминаніемъ къ роковой эпохѣ 12 іюля. Неистовыя усилія министерскаго деспотизма заглушить драгоцѣнные ростки нашей нарождающейся свободы оказались тщетны. Бастилія обращена въ пепелъ (réduite en cendres?), министры выгнаны и патріотизмъ Парижанъ торжествуетъ надо всѣми препятствіями. Припомните это, и легко поймете мотивы долженствовавшіе побудить меня передать оные моимъ согражданамъ (*les motifs* qui durent m'engager à *les* transmettre à mes concitoyens). Съ этой минуты я возымѣлъ мысль о журналѣ революцій. Конечно это было предпріятіе во многихъ отношеніяхъ опасное. Я долженъ былъ всего бояться отъ агентовъ исполнительной власти. Но это было послѣднее соображеніе представившееся моему уму. Любовь къ отчизнѣ и къ истинѣ, коей долженъ былъ проникнуть каждый Французъ, придала мнѣ силы. Я пожертвовалъ моимъ состояніемъ и плодомъ первыхъ моихъ трудовъ и не прибѣгая къ этимъ обманчивымъ и соблазнительнымъ проспектусамъ*, выдалъ первые нумера подъ покровомъ нации и участка коему посвятилъ изданіе. Благосклонный пріемъ побудилъ меня къ продолженію изданія. Твердый въ рѣшеніи говорить правду, могъ ли я думать, что патріотизмъ мой возбудитъ противъ меня столько враговъ. Не только подкупили мнимыхъ ака-

* Извѣстно, что prospectus есть не иное что какъ снадобье которое шарлатанъ старается сбыть, обманывая публику громкими фразами: бальзамъ тѣмъ не менѣе не имѣетъ дѣйствія. Я остерегся потому объявлять пышнымъ тономъ, что журналъ мой будетъ редижировать тотъ или другой членъ Французской Академіи, ибо, думалъ я, можно выражаться съ силой и живостью и не будучи академикомъ. Объявляю, что въ моемъ журналѣ не принимаетъ участія ни одинъ членъ Академіи, ни одинъ профессоръ литературы въ Лицеѣ (намекъ на Мармонтеля и Лагарпа), не такъ какъ объявляетъ г. Панкукъ въ своемъ *Меркуріи* отъ субботы 7 текущаго мѣсяца 1787. *Примѣчаніе Прюдома.*

демиковъ объявить себя авторами и собственниками *Революцій*, но, кромѣ того, выпустили объявленія обзывающія журналъ мой поджигательнымъ. Если съ энергіей обличать умножающіеся заговоры, коихъ мы должны бы быть жертвами; если разрушать планы ночныхъ совѣщаній, оглашая ихъ, значитъ быть новымъ Эростратомъ (Erostrate), я согласенъ слыть поджигателемъ. Словомъ, нѣтъ средства къ какому не прибѣгали, чтобы меня погубить. Но я хранилъ молчаніе. Честь требуетъ, чтобъ я прервалъ его нынѣ не для оправданія, но дабы раскрыть происки моихъ враговъ. Четыре мѣсяца преслѣдуемый нападеніями бѣшеной аристократіи, непрерывно подвергая жизнь свою опасности, я долженъ былъ вооружиться мужествомъ дабы не пасть подъ напоромъ моихъ многочисленныхъ враговъ. Любовь къ отечеству и правда, руководившія мною и имѣющія впредь руководить, возбудили противъ меня ненависть враговъ порядка и общественнаго блага. Множество анонимныхъ писемъ требовали, чтобъ я оставилъ изданіе *Революцій*, ибо де *дѣло идетъ о моей жизни*, если буду упорствовать въ его продолженіи. Я презрѣлъ угрозы и продолжалъ обличать предъ моими согражданами ужасные планы замышлявшіеся противъ столицы. Умолчалъ ли я имена заговорщиковъ? Нѣтъ, я начерталъ ихъ съ мужествомъ историка-философа, чуждаго всякимъ соображеніямъ интереса, суетности и денегъ (à toutes les considérations de l'intérêt, de vanité et de fortune). То что я долженъ былъ сдѣлать и—горжусь—сдѣлалъ для столицы, спѣшу предложить провинціямъ. Съ увѣренностью буду всегда печатать ихъ жалобы, особенно идущія со стороны угнетаемыхъ противъ всякаго рода оскорбленій, коихъ они могутъ быть жертвами. Только желаю, чтобы жалобы эти были съ подписью, въ твердомъ убѣжденіи, что онѣ будутъ продиктованы соображеніями общаго интереса. Нынѣ, когда аристократія преспокойно (à son aise) подкупаетъ мнѣ противника, чтобъ обезславить меня, отнять у меня уваженіе, на которое я мню себя пріобрѣтшимъ неоспоримое право; когда клевета точитъ свои кинжалы, готовитъ свои яды, я есмь апостолъ свободы и всегда имъ останусь. Съ радостью готовъ сдѣлаться ея мученикомъ лишь бы въ послѣднюю минуту унести надежду на близкое возрожденіе моего отечества".

Излишне говорить, что драгоцѣннымъ днямъ Прюдома не грозило ни малѣйшей опасности. Подкупленный аристократами академикъ,— очевидно, тотъ же Турнонъ, вмѣстѣ съ которымъ Прюдомъ началъ изданіе, предпочелъ затѣмъ прибѣгнуть къ болѣе бойкому перу молодаго Лустало. Объявленіе повторялось въ слѣдующихъ пяти нумерахъ съ присоединеніемъ въ началѣ нѣсколькихъ строкъ о картахъ новыхъ департаментовъ, которыя редакція вознамѣрилась прила-

гать къ нумерамъ изданія, что поведетъ де къ значительнымъ издержкамъ, „безъ увеличенія цѣны для подписчиковъ“ и должно служить новымъ доказательствомъ, что единственная цѣль издателя есть „содѣйствовать всѣми средствами общественному благу“. Потомъ послѣдовалъ перерывъ до № XXXIII (20—27 февраля 1790), гдѣ издатель счелъ нужнымъ четыре мѣсяца преслѣдованій и опасностей замѣнить шестью. Въ слѣдующемъ № XXXIV найдено приличнымъ послѣднія семь строкъ, о кинжалахъ, ядѣ и мученичествѣ, выкинуть. Но за то въ № XXXVII читаемъ новое куріозное объявленіе „врага рекламы“: „Когда свобода печати разрушила непереходимую преграду предъ которою останавливались дотолѣ всѣ усилія разума, всѣ предпріятія свободы противъ деспотизма и тиранніи предразсудковъ, я основалъ типографію посвященную истинѣ и патріотизму. Не разъ, дерзну сознаться, имѣлъ я нужду въ храбрости,—скажу въ неустрашимости, чтобы противостоять кликамъ клеветы и тайнымъ происканъ враговъ революціи“. Храбрость, не трудно догадаться, состояла въ коммерческомъ рискѣ, оказавшемся удачнымъ. Объявленіе гласитъ о предпринимаемомъ изданіи исторіи Франціи, и въ слѣдующемъ № XXXVIII переставлено съ обертки въ текстъ газеты. „*Histoire de France impartiale,* en 12 volumes in 8°, de 500 pages, papier fin, caractères de Firmin Didot“. Въ № XLII, на томъ мѣстѣ гдѣ помѣщалось патріотическое объявленіе Прюдома, находимъ рекламу о желудочной жидкости г. Рея (Mémoire abrégé des vertus et effets du stomachique liquide du sieur Ray). И эта реклама, помѣщенная конечно за деньги, не обошлась безъ политики, хотя и не совсѣмъ въ духѣ *Революціи*. Она начинается такъ: „Весьма желательно, дорогіе соотечественники, чтобъ уничтоженіе привилегій и свобода печати имѣли границы. Наши мудрые законодатели займутся конечно этимъ предметомъ, какъ только дозволитъ время. Нѣтъ ничего необходимѣе для безопасности людей какъ исключить изъ общества это огромное количество эмпириковъ причиняющихъ великія несчастія. Но надлежитъ облегчать путь людямъ кои, не будучи руководимы прельщеніемъ выгоды, уже давно предложили публикѣ средства, дѣйствительность которыхъ не оставляетъ сомнѣнія“ и т. д.

Журнальная изворотливость Прюдома въ полномъ блескѣ обнаружилась въ тѣ трудныя для журнала минуты, когда умеръ въ сентябрѣ 1790 года главный его писатель Лустало. Надо было найти новыя перья, которыя продолжали бы журналъ въ тонѣ, доставившемъ ему успѣхъ. Это удалось Прюдому. Именно въ это время сталъ онъ давать въ каждомъ нумерѣ цѣлый рядъ статеекъ задирательнаго свойства, стараясь дерзостью и требовательностью тона возмѣстить недостатки литературной формы. Интересна статья отъ имени издателя по случаю смерти Лустало. Въ самыхъ, конечно, пышныхъ выраже-

ніяхъ говорится о потерѣ друга и великаго патріота. Но умыселъ просвѣчиваетъ иной. Въ преувеличенномъ изліяніи скорби, среди фальшивыхъ нотъ слышится одна нефальшивая—опасеніе не уменьшалась бы подписка. Рѣчь идетъ о Лустало, но издатель говоритъ исключительно о себѣ. И это лодъ тѣмъ предлогомъ, что похвальное слово патріоту должно де быть иначе составлено, чѣмъ похвальныя слова королямъ, „посвящавшіяся исключительно восхваленію отошедшаго въ вѣчность и забывавшія о народѣ и людяхъ, прославившихъ царствованіе.“ *Парижскія Революціи,* продолжалъ Прюдомъ „были гимназіей (gymnase), гдѣ Лустало достойно сражался противъ враговъ общественнаго блага. Но я имѣю благородную гордость наименовать здѣсь и себя. Моими руками, съ патріотическою дерзостію, построены были стѣны этой гимназіи, воздвигнутъ былъ охранительный оплотъ свободы моего отечества. Тогда какъ Лустало внутри безъ устали готовилъ стрѣлы, дабы поражать нечестивыхъ, я одинъ показывался внѣ зданія; мое имя обозначалось на его стѣнахъ, я былъ единственнымъ талисманомъ заклинавшимъ, мужественно встрѣчавшимъ и отгонявшимъ бури. Надлежитъ ли сказать, что участь сихъ стѣнъ связана неразрывно съ преждевременною потерей моего несчастнаго друга, что онѣ рушатся, дабы служить ему гробницей? Со смертію патріота потухаетъ ли свѣточъ патріотизма? Лустало есть доказательство, что я умѣлъ распознавать солдатъ свободы и выбирать собратовъ по оружію. Я живъ еще и облекаюсь въ трауръ. Перестатъ ли я быть прежнимъ?.. О Лустало! смерть твоя не породитъ недовѣрія къ изданію, которое ты помогалъ мнѣ украшать“. Прюдомъ старается далѣе доказать, что онъ сумѣетъ найти преемниковъ Лустало. „Я дамъ тебѣ, о Лустало, преемниковъ достойныхъ тебя, преемниковъ, которыхъ не буду искать на этихъ фабрикахъ куреній и благоуханій, коими такъ гордилась прежде литературная республика! Не буду искать тебѣ преемниковъ между литераторами, коихъ не видно нынѣ на колѣнахъ предъ отечествомъ потому только, что пурпуръ королей, священниковъ и великихъ міра сего сталъ нынѣ слишкомъ коротокъ, дабы рабскій ротъ могъ цѣловать его на полу дворцевъ. Преемниковъ тебѣ возьму изъ людей, геній коихъ закалился какъ сталь подъ молотомъ деспотизма; кои знали Сеяновъ лишь по ихъ несправедливостямъ, великихъ міра по ихъ небреженію, народъ по его слезамъ, а потребность писать по чувству человѣчности: людей кои народились со свободой Франціи и нашли академическія титла свои начертанными на ступеняхъ алтаря федераціи“. Весь этотъ пышный наборъ словъ обозначалъ, что ловкій книгопродавецъ сумѣетъ въ рядахъ журнальной молодежи, „народившейся вмѣстѣ со свободой Франціи“, найти бойкія перья способныя замѣнить Лустало. Литературныя качества писаній новоиспеченныхъ журналистовъ не могли быть высоки. Прюдомъ предупреждаетъ: „ос-

тавимъ падающимъ падіямъ обезцвѣчиваться подъ блестящимъ лакомъ слога... Да удалится навсегда отъ литературы эта аристократія ума, смертельная для успѣха знаній, пагубная для народовъ".

Демократія ума скоро показала себя. Поджигательный характеръ сдѣлался преобладающимъ. Въ началѣ декабря 1790 года появилась, между прочимъ, статейка о „тираноубійцахъ" (tyrannicides). Рекомендовалось составить легіонъ молодыхъ людей, которые бы взяли свое миссіей убивать иностранныхъ государей, враговъ революціи. „Ставъ образцомъ для удивленной Европы, сказано въ статейкѣ (*Rév. de Paris*, VI, 447), сдѣлаемся ея освободителями, изведемъ изъ нѣдръ своихъ отрядъ молодыхъ героевъ-тираноубійцъ, кои, слѣдуя законнымъ инструкціямъ, разсѣялись бы по нашимъ границамъ и пошли бы на встрѣчу мутителей рода человѣческаго, готовые обрушиться на нихъ... Римъ по протяженіи многихъ вѣковъ произвелъ только трехъ людей этого закала: Сцеволу и двухъ Брутовъ". Нѣкоторымъ подпищикамъ показалось, что газета хватила уже черезъ край. Помѣщается объясненіе, что нѣтъ де ничего общаго между цареубійцами (régicides), какихъ выпускали іезуиты, и предполагаемыми тираноубійцами. Чтобы поправить впечатлѣніе, Прюдомъ пользуется случаемъ высказать „sa profession de foi politique et littéraire" и рекламировать кстати газету. „Въ толпѣ журналовъ, говоритъ онъ, есть одинъ, коего издатель постоянно не желалъ имѣть ничего общаго съ другими"! Особенность, по словамъ Прюдома, состояла въ томъ, что журналъ его никогда де не отступалъ отъ строгости принциповъ, выражая ихъ иногда въ рѣзкой формѣ подобно тѣмъ непреклоннымъ друзьямъ, кои всегда говорятъ правду, хотя бы съ опасностію не понравиться и даже утратить дружбу... „Пока будутъ свободные люди на землѣ, хотя бы составляли они крайнее меньшинство человѣческаго рода, издатель *Революцій* тѣмъ не менѣе будетъ продолжать свою почтенную задачу (sa tache honorable); у него болѣе на сердцѣ хорошее качество принциповъ, чѣмъ количество подпищиковъ". Въ послѣднемъ заявленіи позволительно сильно усомниться. Истинный принципъ не стѣснявшагося въ похвалахъ себѣ издателя былъ именно успѣхъ подписки и розничной продажи. Служеніе этому принципу увѣнчалось для него удачей. Когда журналисты сами являлись издателями, дѣло обыкновенно успѣха не имѣло. Камиль Демуленъ, издававшій *Révolutions de France et de Brabant* на свой страхъ, не былъ въ состояніи довести до конца седьмой триместръ своего журнала, истративъ что имѣлъ.

Демуленъ помѣстилъ въ *Революціяхъ* Прюдома объявленіе къ своимъ подпищикамъ, гдѣ говоритъ: „Неисправность почты, моя неопытность и недостатокъ досуга, чтобы вести журналъ, сдѣлали изданіе его столь для меня обременительнымъ, что бывшее имущество мое исчезло въ рукахъ типографщика, гравера и переплетчицъ. И

несмотря на флорины Пруссіи, гинеи Англіи и дукаты Голландіи, которые получалъ я, чтобы злословить бѣлую лошадь (Лафайета), я шелъ столь же быстро какъ Людовикъ XVI къ несостоятельности и потерѣ избирательнаго права". (№ XCI *Révolutions de Paris* отъ 20—27 августа 1791 года). Демуленъ вошелъ въ сдѣлку съ Прюдомомъ, обязавшимся доставлять свой журналъ взамѣнъ недоданныхъ нумеровъ *Революцій Франціи и Брабанта*. „Хотя цѣна моего журнала, прибавляетъ Прюдомъ, на 30 су, въ три мѣсяца, превышаетъ цѣну журнала Демулена, надѣюсь разница эта не лишитъ меня продолженія подписки со стороны его абонентовъ". Вслѣдъ за объявленіемъ помѣщено довольно длинное письмо Демулена къ Прюдому, въ которомъ Демуленъ жалуется, что по прекращеніи имъ изданія были кѣмъ-то выданы два подложные номера *Révolutions de France et de Brabant*, одинъ съ обозначеніемъ ci-devant par Camille Demoulins, причемъ слово ci-devant было отпечатано самымъ мелкимъ шрифтомъ, а другой безъ церемоніи подъ именемъ К. Демулена. „Что дѣлать? спрашиваетъ Демуленъ. Начать процессъ?.. Обереги меня Богъ приближаться къ судамъ... И то великое счастіе патріота, если не онъ повѣшенъ (trop heureux le patriote qui n'est pas pendu)." Въ виду матеріальнаго неуспѣха, объясняющагося издательскою неумѣлостію остроумнаго, но безшабашнаго журналиста, Демуленъ рѣшилъ совсѣмъ прекратить журнальную дѣятельность. „Я не видѣлъ Бога, какъ пророкъ, пишетъ онъ. Богъ не сказалъ мнѣ: дунь на этихъ мертвецовъ, *insufla super infectos istos*; не завѣрялъ меня, что дыханіе мое оживитъ ихъ и что по голосу моему кости пойдутъ. Зачѣмъ же буду я періодически трубить въ рогъ и дуть на парижскіе трупы? Я вышелъ потому изъ этого обиталища мертвецовъ, изъ толпы безчисленнаго народа безъ глазъ и ушей. Я сказалъ: прощай, на неопредѣленное время этому городу лавочниковъ и биржевиковъ, ротозѣевъ и рабовъ, эполетчиковъ (épauletiers) и шпіоновъ, попрошаекъ казеннаго жалованья (de mendians de la liste civile, шулеровъ, мѣнялъ, женщинъ и декретовъ. Я бѣжалъ домой отъ этого Національнаго Собранія, которое нѣкогда было достойно удивленія вселенной и благословенія вѣковъ, но которое нынѣ обратилось въ семь комитетовъ (или, лучше сказать, въ семь язвъ египетскихъ) и въ притоны еще болѣе срамные, чѣмъ тѣ, какіе посѣщали его Шапелье и Боме. На защиту себя оно призвало теперь изъ за морей прожорливѣйшаго брошюрщика, наиболѣе опозореннаго во всей Европѣ, нѣкоего Моранда, котораго одно имя возбуждаетъ такое представленіе какъ телѣга, наполненная всяческими нечистотами и лакостями рода человѣческаго".

Болѣе искусный въ издательскихъ дѣлахъ Прюдомъ съ большою выгодой продолжалъ изданіе *Революцій* до эпохи Робеспьеровскаго террора, когда счелъ полезнѣе его прекратить.

Отъ издателя обратимся къ журналистамъ.

II.

Мемуары Бриссо, изданные его сыномъ въ 1830 году (*Mémoires de Brissot, membre de l'assemblée législative et de la convention nationale*, publiés par son fils, avec des notes par Montrol. Paris. 1830), даютъ довольно обильный матеріалъ какъ для того, чтобъ ознакомиться съ типомъ журналиста наканунѣ революціи и первыхъ ея дней, такъ и для общей характеристики кружковъ молодежи, изъ которыхъ вышли Робеспьеръ, Дантонъ Демуленъ и другіе революціонные дѣятели. Бриссо родился въ Шартрѣ въ 1754 году (былъ слѣдовательно ровесникъ Людовика XVI) Отецъ его былъ трактирщикъ, обремененный большою семьей; Бриссо былъ его тринадцатый ребенокъ. Когда ему минуло девять лѣтъ. мать возымѣла честолюбивую мысль отдать его и братьевъ въ мѣстный коллежъ. Отецъ колебался, говоря: „они будутъ презирать меня“. Но мать настояла. Въ эту эпоху значительно уже было развито стремленіе въ низшихъ классахъ выводить дѣтей, путемъ ученія въ коллежахъ, въ „благородные“, если сказать по нашему, или въ ряды духовенства. На это указывалъ, между прочимъ, de la Chalotais (procureur général du roi au parlement de Bretagne) въ своемъ извѣстномъ *Essai sur l'éducation nationale*, 1763 годъ. „Никогда еще, пишетъ онъ (стр 25), не было столько учащихся. Земледѣльцы (laboureurs), ремесленники посылаютъ дѣтей въ коллежи маленькихъ городовъ, гдѣ жизнь дешева. Послѣ плохаго ученья, изъ котораго они выносятъ только презрѣніе къ занятіямъ своихъ отцовъ. они бросаются въ монастыри, въ духовное званіе или въ должности по судебному вѣдомству (offices de justice) и часто становятся членами вредными для общества“. Шартрскій коллежъ, какъ и всѣ школы того времени, былъ въ рукахъ духовенства. Но это уже не была крѣпкая школа предшедшаго вѣка. Внутреннее развитіе юнаго Бриссо шло путемъ весьма обыкновеннымъ въ то время. Въ началѣ онъ былъ искренно вѣрующимъ, но скоро нашелся товарищъ, разрушившій юныя вѣрованія, нѣкто Гильяръ (Guillard), пріобрѣвшій потомъ извѣстность какъ авторъ оперныхъ либретто. „Однажды, говоритъ Бриссо (I, 49), Гильяръ отнесся съ ироническимъ поздравленіемъ и съ высока къ моему обыкновенію пріобщаться. Я возразилъ какъ добрый католикъ. Но насмѣшки эти возбудили мой умъ. Скоро чтеніе раскрыло мнѣ глаза“. Книги „раскрывшія глаза“ Бриссо были главнымъ образомъ сочиненія Дидро и Руссо. „*La profession de foi du Vicaire Sovoyard* Руссо было первое сочиненіе, благодаря которому слала повязка съ моихъ глазъ“, разсказываетъ Бриссо. Перемѣна не скрылась отъ любящаго глаза его набожной старшей сестры.

„Сколько разъ. говоритъ Брюссо, въ тайныхъ бесѣдахъ нашихъ старалась она отвлечь меня отъ философіи. Ахъ, еслибы священники походили на мою дорогую достойную уваженія сестру! Можетъ-быть я бы дольше остался въ религіи, которая до того времени не дѣлала меня несчастнымъ“. Виноваты или невиноваты священники, Бриссо пошелъ по пути „философіи“ вѣка и въ послѣдствіи колебался между идеями матеріалистическаго атеизма и деизма, склоняясь болѣе къ послѣднему. Бриссо разсказываетъ далѣе, что онъ съ ранней юности ненавидѣлъ королей, и идея революціи уже носилась въ его головѣ. „Особенное впечатлѣніе, говоритъ онъ, произвела на меня исторія Карла I и Кромвеля. Я безпрерывно вспоминалъ какъ Кромвель, будучи ребенкомъ, разорвалъ портретъ короля и какъ потомъ, къ концу своего поприща, обезглавилъ его, обязанный своему генію ролью, которую игралъ въ англійской революціи. Мнѣ не казалось невозможнымъ возобновить эту революцію. Но признаюсь, — и эта черта не привлечетъ мнѣ дружбы людей, лолагающихъ патріотизмъ въ каннибализмѣ—въ романѣ моемъ я не обезглавливалъ моего плѣнника. Послѣ суроваго урока я изгонялъ его навсегда съ Французской земли“. Если и допустить, что Бриссо перемѣщаетъ въ болѣе раннія годы юности свои позднѣйшія чувствованія, то нельзя во всякомъ случаѣ не замѣтить, что разрушительныя вѣянія уже сильно проникали въ школу еще за двадцать лѣтъ до революціи, и мечты молодаго честолюбія рано начинали уже направляться на удачи и успѣхи, обусловливаемые государственными переворотами. Бриссо вышелъ изъ коллежа ло шестнадцатому году, вынеся изъ школы способность къ труду: о ней свидѣтельствуютъ разнообразныя успѣшныя занятія, какимъ предавался онъ одинъ безъ учителей въ первые годы, послѣдовавшіе за школьнымъ ученьемъ. Вынесъ также большое говорильное искусство, доказанное между прочимъ въ классѣ логики четырехчасовымъ диспутомъ, который выдержалъ Бриссо на тему о врожденныхъ идеяхъ, и знаменитомъ споръ томистовъ и скотистовъ (ridicules querelles des thomistes et des scotistes, какъ выражается онъ въ мемуарахъ). Предстояло выбрать карьеру. „Что было предпринять выйдя изъ коллежа? спрашиваетъ Бриссо. Ремесло? Къ чему тогда были бы мои знанія? Коммерцію? Но ея не было въ Шартрѣ, гдѣ были только мелочные торговцы. Духовное званіе (le petit collet)? Сестра очень меня къ тому склоняла, но я не хотѣлъ быть сознательно шарлатаномъ. Оставалась судебная часть. Ее я и предпочелъ. Но тутъ предстояло пройти лабиринтъ судебной ябеды (chicane). Пришлось послѣдовать обычаю. Я поступилъ къ прокурору, самому извѣстному въ Шартрѣ, г. Горо (Horeau).“ У прокурора былъ сынъ, любившій естественныя науки. Молодые люди образовали маленькій кружокъ, родъ общества, въ которомъ дѣлились идеями и трудами.

Изъ кружка вышли два члена конвента Буве и Сержанъ. (О революціонной карьерѣ послѣдняго сохранились весьма противорѣчивыя показанія. По однимъ, онъ былъ изъ числа главныхъ руководителей нападенія на Тюильри 10 августа 1792 года, участвовалъ въ разграбленіи и потомъ носилъ на рукѣ похищенный агатъ, почему его прозвали Сержанъ-агатъ По другимъ, многіе монархисты въ разное время ему обязаны были спасеніемъ. Бриссо намекаетъ на воровство 10 августа и прибавляетъ, что имя Сержана, вмѣстѣ съ именемъ Марата, позорно стоитъ „неизгладимыми буквами подъ апоѳеозомъ сентябрьскихъ убійствъ“)

Въ эту эпоху жизни Бриссо можно отмѣтить обстоятельство чрезвычайно характеристичное, которое самъ Бриссо объясняетъ не съ полною, очевидно, искренностію. Онъ сталъ именовать себя не просто Бриссо, а Бриссо Варвиль (Brissot Warville). Хотя Бриссо говоритъ, что дѣлалъ это, чтобъ отличаться отъ братьевъ, по распространенному тогда въ среднемъ сословіи обычаю; что *Ouarville* есть имя деревни, куда онъ былъ отданъ къ кормилицѣ и гдѣ отецъ его имѣлъ небольшую земельную собственность; что *Ou* онъ замѣнилъ буквою *W*, возымѣвъ фантазію придать имени англійскій оттѣнокъ, такъ какъ усердно тогда занимался англійскимъ языкомъ,—однако скорѣе должно думать, что честолюбивый юноша увлекся желаніемъ дать своей фамиліи дворянскій оттѣнокъ. Эта слабость была чрезвычайно распространена среди интеллигентнаго разночинства того времени и объясняется общественнымъ настроеніемъ эпохи. Общество, за исключеніемъ духовенства, дѣлилось на двѣ части: дворянство и все остальное. Дворянство, не имѣя какого-либо государственнаго значенія (оно не имѣло даже своихъ собраній), имѣло, однако, какъ титулъ огромное общественное значеніе. Оно составляло родъ касты, рѣзко отличавшей себя отъ простаго человѣчества. Не быть дворяниномъ, значило быть „roturier“, разночинцемъ, изъ податнаго состоянія, еслибъ употребить нашу терминологію. Интеллигентное разночинство, то-есть люди по образованію, образу и привычкамъ жизни не отличавшіеся отъ дворянъ, но не имѣвшіе права на титулъ, были постоянно въ фальшивомъ положеніи. Они брали и костюмы и пріемы дворянъ, но чувствовали себя постоянно уязвленными своимъ положеніемъ самозванства. Это вынуждало хвататься за каждую нить способную ввести въ заколдованный кругъ и вмѣстѣ съ тѣмъ копило ненависть. „Не налоги, говоритъ остроумный Ривароль (*Mém. de Rivarol*, Paris, 1824, стр. 93), не lettres de cachet, не другія злоупотребленія власти, не притѣсненія интендантовъ, не разорительная медленность юстиціи — наиболѣе раздражали націю, а предразсудокъ дворянства. Къ нему обнаружилось наиболѣе ненависти. Кто поднялъ простой людъ въ городахъ и крестьянъ въ деревняхъ? Буржуа, литераторы, биржевики... Люди ума и люди богатства (les gens d'esprit et les gens riches) находили дворянство невыносимымъ, столь невыносимымъ, что большинство кончало тѣмъ, что его покупало. Но тогда начиналась новая пытка. Они были облагороженные, благородные (des anoblis, des gens nobles), но они не были дворяне (gentilshommes), ибо французскіе короли, продавая дворянство, не подумали продать также и время, всегда недостающее выскочкамъ... Винить ли дворянъ въ томъ, что безуміе дворянства сдѣлалось у насъ эпидемическимъ? Можно ли ставить въ вину дворянину, что весь міръ твердитъ ему, что онъ дворянинъ; ставитъ ему въ заслугу, что носитъ онъ имя отца; требуетъ, чтобъ онъ сохранилъ старыя грамоты, ничего не дѣлая... Разночинцы болѣе дворянъ самихъ заражены болѣзнью дворянства. Дворянство въ глазахъ народа есть родъ религіи, а дворяне ея жрецы. Среди буржуазіи относительно дворянства болѣе почтивыхъ чѣмъ невѣрующихъ“. Чтобы показать, что сдѣланная имъ прибавка къ имени была самымъ обычнымъ явленіемъ. Бриссо говоритъ: „Такъ мой третій братъ назывался Тиваръ (Thivard), мой сородичъ и несчастный другъ Петіонъ — Вильнёвъ (Villeneuve); сотня членовъ изъ средняго сословія въ Національномъ Собраніи носили двойныя имена, столь же мало какъ и мы претендуя на дворянскій титулъ. Но это можетъ быть выставить когда-нибудь какъ доказательство моего аристократизма. Да что говорю! Роялизма. Забавно будетъ видѣть себя призываемымъ къ суду республиканцемъ Лантономъ, который два года тому назадъ звалъ себя Д'Антонъ (D'Anton), и республиканцемъ Робеспьеромъ, который въ ту же эпоху прислалъ къ Камиль Демулену письмо, подписанное *de*-Robespierre“. Эпизодъ съ этимъ письмомъ настолько интересенъ, что стоитъ быть разсказаннымъ. Когда состоялся декретъ 22 мая 1791 года о правѣ войны и мира, еще умалившій королевскую власть, сформулированный Мирабо, но который крайніе члены собранія, какъ Робеспьеръ, находили недостаточнымъ, К. Демуленъ писалъ въ своемъ журналѣ: „Въ субботу, 22 мая, маленькій дофинъ апплодировалъ декрету Мирабо со смысломъ, превышающимъ его возрастъ. Народъ апплодировалъ со своей стороны и провожалъ съ тріумфомъ Барнава, Петіона, Ламета, д'Эгильйона, Дюпора и всѣхъ знаменитыхъ якобинцевъ. Народъ воображалъ, что одержалъ великую побѣду, а депутаты имѣли слабость поддерживать его въ этой ошибкѣ, которая была имъ на пользу. Робеспьеръ былъ болѣе откровененъ. Онъ сказалъ окружавшей толпѣ, оглушавшей его хлопаньемъ: „Э, господа, съ чѣмъ вы себя поздравляете; декретъ скверный, прескверный. Предоставьте этой мартышкѣ бить въ ладошки у окошка (дѣло было въ Тюильрійскомъ саду подъ окнами дворца); онъ лучше насъ знаетъ что дѣлаетъ“. Надо сказать, что К Демуленъ выдумалъ эти слова и вложилъ ихъ безъ церемоніи

въ уста своего бывшаго школьнаго товарища. Робеспьеръ обезпокоился разсказомъ и прислалъ Демулену письмо, въ которомъ, приводя текстуально сказанное журналистомъ, прибавилъ: „Я долженъ, милостивый государь, указать ошибку въ какую вы впали въ приведенномъ мной вашемъ разсказѣ, касающемся меня. Я высказалъ въ Національномъ Собраніи мое мнѣніе о принципѣ и послѣдствіяхъ декрета касательно правъ мира и войны; но этимъ и ограничился. Я не говорилъ въ Тюильрійскомъ саду словъ, которыя вы привели. Я даже вовсе ничего не говорилъ толпѣ гражданъ, собравшихся на моемъ пути, когда я проходилъ садомъ. Считаю обязанностію опровергнуть приведенный фактъ: 1) потому что онъ ложенъ; 2) потому что, сколь бы я ни былъ расположенъ держаться въ Собраніи характера откровенности, какая должна отличать представителей націи, я знаю однакоже, что имъ приличествуетъ извѣстная сдержанность. Надѣюсь, милостивый государь, что вы помѣстите заявленіе мое въ вашемъ журналѣ, тѣмъ болѣе что великодушное рвеніе ваше къ дѣлу свободы не позволитъ вамъ дать дурнымъ гражданамъ хотя бы малый поводъ клеветать на энергію защитниковъ народа. *Де-Робеспьеръ.*“ Робеспьеръ, желая распространить свое письмо, копію съ него принесъ Бриссо для напечатанія и въ его журналѣ. Бриссо прежде чѣмъ печатать предупредилъ Демулена. Тотъ со своей стороны поспѣшилъ принести отвѣтъ, но Бриссо предпочелъ не печатать ни того, ни другаго письма. Вотъ какъ хотѣлъ отвѣтить Демуленъ въ насмѣшливомъ тонѣ: „Если я ломѣщаю это *errata*, мой любезный Робеспьеръ, то единственно, чтобы показать твою подпись моимъ сотоварищамъ журналистамъ и научить ихъ не искажать болѣе имя прославленное патріотизмомъ. Въ твоемъ письмѣ есть достоинство, сенаторская важность, оскорбляющая школьную дружбу. Ты справедливо гордишься тогой члена Національнаго Собранія. Эта благородная гордость мнѣ нравится, и я сержусь, что не всѣ чувствуютъ какъ ты свое достоинство. Но ты долженъ былъ хоть легкимъ наклоненіемъ головы привѣтствовать стараго товарища. И для чего требовать отъ меня этого опроверженія? Если я слегка (?) и измѣнилъ истину въ анекдотѣ, который разсказалъ, то, такъ какъ фактъ дѣлаетъ тебѣ честь и я выразилъ безъ сомнѣнія твою мысль, если не слова, ты долженъ бы, вмѣсто того чтобы сухо опровергать журналиста, сказать какъ кузина въ милой комедіи *Mort supposé*:

Ah! monsieur, vous brodez!

„Ты не изъ тѣхъ слабыхъ людей, о коихъ говоритъ Ж. Ж. Руссо, которые не хотятъ, чтобы повторяли ихъ слова и говорятъ правду лишь по домашнему и въ халатѣ, а не въ Собраніи или въ Тюильри“.

Куріозно это легкомысленное отношеніе Камиля Демулена къ истинѣ въ печатномъ словѣ. Бриссо объяснялъ посланіе Робеспьера еще и тѣмъ, между прочимъ, что мѣсто гувернера дофина не было занято. Таковы были эти „титаны революціи“.

Достойно замѣчанія, что Маратъ, по свидѣтельству Бриссо (I, 360), глубоко презиралъ Робеспьера и Дантона. Съ Маратомъ Бриссо былъ еще до революціи въ очень близкихъ сношеніяхъ, даже въ дружбѣ. Въ мемуарахъ своихъ Бриссо свидѣтельствуетъ, что „въ теченіе всей жизни всѣ дѣйствія и писанія Марата направляло шарлатанство“. Въ Англіи онъ увѣрялъ Бриссо, что имѣетъ громадную практику, въ Парижѣ торговалъ стклянками и какими то секретными медикаментами и даже почти насильно сорвалъ съ пріятеля двѣнадцать франковъ за какую то бутылочку. „Его господствующая страсть была уничтожать репутацію знаменитыхъ людей“. Для этого онъ прибѣгалъ къ самымъ обманнымъ средствамъ: къ фальшивымъ опытамъ, къ фальшивымъ переводамъ. Онъ взялъ своею задачей между прочимъ разрушить систему Ньютона относительно разложенія цвѣтовъ призмой и утверждалъ, что можетъ приготовить такой бѣлый лучъ который не разлагается призмой. Араго разсказываетъ какъ Шарль поймалъ Марата въ фальшивомъ опытѣ съ магнетизмомъ: у экспериментатора оказалась скрытая въ карманѣ намагниченная иголка. Бриссо передаетъ, что Маратъ сдѣлалъ переводъ *Оптики* Ньютона, нарочно исказивъ различныя положенія этого сочиненія, и представилъ переводъ въ Академію Наукъ подъ именемъ своего пріятеля Бозе, слабаго человѣка, уступившаго его настояніямъ. Коммиссары Академіи, не прочтя внимательно, дали одобреніе научной фальсификаціи. „Всѣ движенія Марата, говоритъ Бриссо, были движеніями акробата; казалось видишь полишинеля, у котораго дергаютъ то голову, то руки. Все было разрѣзано и расшито въ его рѣчахъ и жестахъ. Ни что не выходило изъ души, все шло отъ головы, было искусственно. Маратъ не любилъ никого, не вѣрилъ ничему. Обожалъ только себя“. Бриссо разсказываетъ любопытный случай. Мѣсяца черезъ три послѣ взятія Бастиліи Маратъ сочинилъ исторію о томъ, какъ онъ остановилъ будто бы драгунскаго полковника съ отрядомъ на Новомъ мостѣ (Pont Neuf). Маратъ требовалъ, чтобы Бриссо напечаталъ этотъ разсказъ во *Французскомъ Патріотѣ*. Бриссо уступилъ настояніямъ пріятеля, но вычеркнулъ преувеличенныя похвалы Марата самому себѣ. Маратъ никогда не могъ простить ему этого. Въ напечатанной статейкѣ передавалось, что въ день взятія Бастиліи отрядъ гусаръ и драгунъ направлялся въ Парижъ подъ предлогомъ соединиться съ храбрыми его защитниками, но на дѣлѣ замышляя измѣну. Мужественный Маратъ, „извѣстный замѣчательными трудами по предмету физики“, остановилъ ихъ на Новомъ

Мосту, сказалъ рѣчь, смутилъ полковника, принудилъ отрядъ отправиться къ Думѣ, откуда его выпроводили подъ конвоемъ за заставу. Въ рукописи Маратъ сравнивался съ Гораціемъ Коклесомъ, „подобно Марату остановившему цѣлую армію на мосту“; говорилось, что „мужественное чело Марата заставило поблѣднѣть гусаръ и драгунъ, подобно тому какъ геній его въ области физики нѣкогда заставилъ поблѣднѣть Академію“. Продѣлка не лишенная интереса. Въ добавокъ ко всему Маратъ былъ трусъ, и когда въ 1787 году Бриссо говорилъ ему, что „время сокрушить деспотизмъ“, онъ отвѣчалъ, что желаетъ лучше продолжать физическіе опыты чѣмъ попасть въ Бастилію. „Французскій народъ, замѣтилъ онъ, не достаточно еще созрѣлъ и не довольно мужественъ, чтобы вынести революцію“.

IX.

Тишина и однообразіе провинціальной жизни не удовлетворяютъ молодаго Бриссо. Разные планы проходятъ въ его головѣ. Знакомство съ бенедектинцемъ, по имени домъ-Мюле (dom Mulet), и посѣщеніе обширныхъ библіотекъ ордена рождаетъ у Бриссо мысль вступить въ орденъ, чтобы сдѣлаться ученымъ. Домъ-Мюле посмѣялся надъ намѣреніемъ молодаго человѣка и представилъ ему картину монастырской жизни, которая отвадила его отъ задуманнаго плана. Этотъ монахъ самъ, впрочемъ, былъ невѣрующій. „Я считалъ его деистомъ, пишетъ Бриссо. Таково же мнѣніе было и въ городѣ послѣ проповѣди, въ которой онъ ни разу не произнесъ имени Христа, что сильно скандализовало нашихъ богомольныхъ посѣтительницъ храма. Онъ мнѣ смѣясь говорилъ потомъ о ловкости, съ какою съумѣлъ поднести такую рѣчь толпѣ ханжей“. Мечталъ Бриссо о любви; встрѣтилъ семнадцатилѣтнюю дѣвушку, удовлетворявшую его идеямъ, но дѣвушка эта лишила себя жизни, „утомленная свѣтомъ (fatiguée du monde), глупостью однихъ, низостію другихъ, гнетомъ деспотизма царствовавшаго повсюду“. Случаи самоубійства молодыхъ людей, заѣденныхъ, — сказать по нашему, — средой, невыносящихъ семейнаго и иного гнета, бывали значитъ и въ дореволюціонной Франціи. Но Бриссо не говоритъ, онъ ли „развивалъ“ эту дѣвицу. Жизнь въ Шартрѣ становилась ему невыносимою, онъ рвался въ Парижъ, на болѣе широкое поприще. Случай представился. Въ Шартръ пріѣхалъ жениться прокуроръ парижскаго парламента, Ноло (Nolleau). Бриссо обратился къ нему съ просьбой принять его въ помощники, и чтобы дать понятіе о своемъ слогѣ и искусствѣ изложенія препроводилъ къ Ноло родъ предисловія къ трактату о кражѣ и собственности. Въ этомъ отрывкѣ Бриссо развивалъ, какъ говоритъ онъ, парадоксъ. что „собственность не имѣетъ основанія въ природѣ, что въ естественномъ состояніи нѣтъ воровства и что въ этомъ состояніи людоѣдство не есть преступленіе“. Софистическая ловкость понравилась прокурору. Бриссо былъ принятъ и перебрался въ Парижъ. Здѣсь онъ надѣлъ шпагу и облекся въ трауръ, который тогда носили по Людовикѣ XV. „Мнѣ сказали, пишетъ Бриссо, что безъ этого этикета нигдѣ нельзя быть принятымъ“. Скоро вступилъ Бриссо въ водоворотъ парижскаго журнальнаго, театральнаго, литературнаго міра, сошелся съ извѣстнымъ журналистомъ Ленге (Linguet), участвовалъ въ журналахъ; а въ кабинетѣ прокурора дѣлилъ труды съ товарищемъ своимъ по судебнымъ занятіямъ, Робеспьеромъ. „Невѣжественный, чуждый всякой наукѣ, не способный мыслить, не любившій писать, Робеспьеръ былъ за то какъ нельзя болѣе пригоденъ къ ремеслу ябеды. Годы не измѣнили его, и не могу понять какъ подобный человѣкъ можетъ оказывать такое огромное и роковое вліяніе на судьбу нашей свободы“. Такъ глава жирондистовъ характеризуетъ двигателя террора. Для молодаго журналиста началась двойная жизнь. Съ одной стороны, какъ принадлежащій къ литературному кругу, онъ имѣлъ доступъ въ міръ роскошной жизни съ ея золотомъ и бархатомъ, салонами, обѣдами, тонкими ужинами, закулисными происшествіями, родовымъ чванствомъ и нахальствомъ выскочекъ. Съ другой стороны, у себя дома, въ скромной квартирѣ приходилось влачить самое бѣдное существованіе, тщательно скрывая недостатки. „Бѣдность, пишетъ Бриссо (I, 212), не была еще главнымъ несчастіемъ. Приходилось занимать, и чтобы выманить, что-либо у друзей — внушать кредитъ къ своимъ надеждамъ на будущее. Эта унизительная роль часто разрывала мою душу. О, сколько разъ сожалѣлъ я, что не знаю какого-нибудь ремесла, которое сдѣлало бы меня достаточно независимымъ, при томъ запасѣ идей и знаній какими обладалъ. Воспоминаніе объ этой эпохѣ особенно для меня огорчительно; вижу въ ней только бѣдность, скрытую подъ внѣшностью достатка, опасныя связи, нелозволительные поступки“. Бриссо жилъ съ Гильяромъ, который былъ на содержаніи у актрисы и свелъ Бриссо съ ея пріятельницей, можно догадываться на такихъ же условіяхъ. „Нѣтъ ремесла“, пишетъ Бриссо въ завѣщаніи дѣтямъ, какимъ начинаетъ свои мемуары, „презрѣннѣе ремесла книжонщика, de livrier, по выраженію Руссо. На вѣкъ завѣщаю дѣтямъ и внукамъ беречься отъ этой болѣзни. Хорото говорить, что нѣтъ безчестья жить своимъ перомъ. Конечно, нѣтъ. Но когда человѣкъ привыкаетъ торговать мыслію, онъ прикидывается философомъ не для того чтобы быть таковымъ, но чтобъ имѣть деньги. Такимъ образомъ унижается высокое призваніе“. О писаніяхъ своихъ Бриссо говоритъ такъ: „Безъ сомнѣнія, я выступилъ на писательское поприще слишкомъ

молодымъ. Я никогда не отдѣлывалъ моихъ сочиненій и не давалъ созрѣть моимъ идеямъ. Въ пожиравшей меня страсти низвергнуть деспотизмъ, я думалъ, что надо наносить ударъ кстати, часто и сильно, а поводъ могъ уйти, еслибы заниматься выдѣлкой слога". Кромѣ того, прибавляетъ онъ, „часто надо было писать для того чтобы жить". „Надо было жить", повторяетъ онъ въ другомъ мѣстѣ (*Мém.* I, 165). „Мать, къ которой я обратился, прислала мнѣ тайкомъ помощь на три, четыре мѣсяца, но нужды становились все настоятельнѣе. Мнѣ казалось, что маленькія брошюры о предметахъ занимавшихъ тогда умы доставятъ мнѣ нѣсколько денегъ. Я обратился къ книгопродавцу, онъ обѣщалъ, но не сдержалъ слова; продавалъ и все оставлялъ у себя". Одна изъ такихъ брошюръ была *О независимости адвоката*, другая называлась *Pot pourri*, „посредственная, плоская", по словамъ самого автора и причинившая ему не мало горя. Это былъ грязный пасквиль на жену одного прокурора. „Она была повинна въ нѣкоторомъ кокетствѣ, откровенно говоритъ Бриссо, но я былъ страшно виноватъ, оклеветавъ ее какъ проститутку. У нея былъ литературный салонъ (bureau de bel esprit) какихъ тогда много развелось въ Парижѣ. За ея роскошнымъ столомъ обѣдали поэты, журналисты и толпа паразитовъ плативщихъ за яства и вина наушничествомъ". Бриссо не говоритъ, что побудило его написать пасквиль; можно догадываться, что уязвленное чѣмъ-нибудь самолюбіе. Пасквиль не остался безнаказаннымъ. Состоялось предписаніе о заключеніи Бриссо въ Бастилію. Но одинъ полицейскій чиновникъ, до того времени даже неизвѣстный Бриссо, успѣлъ его предупредить. Бриссо временно скрылся изъ Парижа и дѣло было забыто.

Мы не имѣемъ въ виду пересказывать біографію Бриссо. Мы желали только въ собственномъ его изображеніи уловить нѣкоторыя характеристическія черты начинающаго журналиста предреволюціонной эпохи. Извѣстность писателя Бриссо пріобрѣлъ сочиненіями *Теорія уголовныхъ законовъ* (1780 года, два тома) и *Уголовная библіотека*. Вскорѣ затѣмъ онъ перенесъ свою дѣятельность въ Англію. Въ то время многіе французскіе журналисты, избѣгая цензуры, основывали за границей, въ Голландіи, въ Англіи, изданія на французскомъ языкѣ, легко проникавшія во Францію. Изданіе основанное Бриссо въ Лондонѣ не было политическимъ. Оно должно было служить органомъ общества, названнаго Лицеемъ и имѣвшаго цѣлью литературное и научное сближеніе Франціи и Англіи. И общество, и изданіе успѣха не имѣли. Когда Бриссо вернулся во Францію, его посадили въ Бастилію по подозрѣнію въ составленіи брошюры содержавшей пасквиль на королеву. Освободился благодаря покровительству герцога Орлеанскаго. При основаніи Общества Друзей

Негровъ, Бриссо былъ въ числѣ главныхъ его дѣятелей. Ѣздилъ въ Америку; но когда распространилась вѣсть о первыхъ событіяхъ революціи, поспѣшно вернулся во Францію. Онъ основалъ журналъ *Французскій Патріотъ*, былъ виднымъ членомъ законодательнаго собранія, главою жирондистовъ и погибъ съ ними на эшафотѣ въ 1793 году.

IV.

Мы упоминали выше о главномъ сотрудникѣ Прюдома, Лустало. Въ предреволюціонную эпоху, при „старомъ порядкѣ", во Франціи люди становились журналистами обыкновенно послѣ довольно долгаго искуса, переходя отъ пера писателя и „философа"—какъ тогда звали теоретиковъ государственной мудрости—къ перу публициста. Но съ наступленіемъ переворота два наиболѣе типичныхъ представителей революціонной журналистики, Лустало и Камиллъ Демуленъ, сдѣлались вліятельными публицистами въ нѣсколько недѣль. Эти два журналиста, не имѣвшіе за собою прошлаго, рождены революціей. Чрезъ четыре дня послѣ взятія Бастиліи появился первый номеръ *Парижскихъ Революцій* книгопродавца Прюдома. Ловкій издатель, послѣ нѣсколькихъ попытокъ и ссоры съ первоначальными сотрудниками, оказавшимися слабыми, съумѣлъ найти въ двадцативосьмилѣтнемъ адвокатѣ Лустало, никому дотолѣ неизвѣстномъ, журналиста минуты.

Новый публицистъ бросился въ потокъ съ лихорадочнымъ энтузіазмомъ и доставилъ журналу быстрый успѣхъ. Силы и нервнаго раздраженія хватило только, впрочемъ, на одинъ годъ. Перегорѣвъ въ волненіяхъ журнальной работы, онъ умеръ горячкою въ октябрѣ 1790 года. Громкаго имени среди современниковъ Лустало себѣ не составилъ и не могъ составить: всѣ статьи его были безъ подписи. Его зналъ и своимъ считалъ лишь кружекъ журналистовъ. Минута не требовала отъ журналиста ни знанія, ни серіозной мысли, ни правильности сужденія. Потокъ уже шелъ. Требовался, подъ видомъ свободнаго слова, крикъ негодованія и обличенія противъ всего, что противостояло побѣдѣ разрушенія. Лустало удовлетворялъ этому требованію. По выраженію Ламартина, „онъ вооружался противъ всякой силы, какъ будто всякая сила есть тиранія" Революція должна идти впередъ—вотъ девизъ минуты. Его собственная сила заключалась въ искренности его энтузіазма. Онъ вѣрилъ, что статьями своими исполняетъ нѣкоторое высшее призваніе журналиста, вознесеннаго революціей на важный постъ въ управленіи дѣлами міра. По словамъ Камилла Демулена,—журналисты, въ глазахъ Лустало,

„были герольдами націи, Стенторами мнѣнія, трибунами народа, въ ихъ рукахъ истинный починъ народнаго *Veto*; они неустрашимые провозвѣстники общей воли, дающей велѣнія и творящей неотмѣняемые законы; ихъ голосъ наполняетъ не только форумы и площади, но все государство, всѣ націи". Лустало, по увѣренію Демулена, оставлялъ нераспечатанными приходившія привѣтственныя письма, „кутаясь въ свою добродѣтель", и журнальную расправу чинилъ съ достоинствомъ и важностью судебнаго сановника. Къ чести Лустало онъ не былъ падокъ, какъ его собраты, на личныя оскорбленія и циническія выходки и старался держать революціонное негодованіе на высотѣ общихъ принциповъ. Депутатъ Лежандръ въ рѣчи произнесенной на могилѣ Лустало приписываетъ смерть его огорченію, какое произвело въ немъ въ августѣ 1790 года кровавое столкновеніе въ Нанси. Наглый мятежъ въ войскѣ съ его расшатанною дисциплиною, былъ умѣло и энергически подавленъ маркизомъ Булье, заслужившимъ одобреніе короля и даже Національнаго Собранія. Этому событію посвящены были послѣднія статьи Лустало. „Кровь Французовъ пролита, восклицалъ онъ. Факелъ междуусобной брани зажженъ. Печальная истина эта убила бы наше мужество и наши силы, еслибы перспектива грозящихъ отечеству опасностей не обязывала насъ заставить молчать нашу глубокую скорбь. Что сказать вамъ. Французы? Какой совѣтъ дать?... Какъ повѣствовать со стѣсненною грудью? Вѣдь они, вотъ, предъ нами эти трупы, устилающіе улицы Нанси". Журналистъ, понятно, принималъ сторону мятежа и обвинялъ Булье, но воздерживался отъ грубости, опозоренія и клеветъ, свойственной перу Марата или Демулена. Лагарпъ, по поводу смерти Лустало, выразился съ ироніей: „Лустало умеръ горячкою. Онъ давно имѣлъ ее когда писалъ, особенно со дней федераціи (въ іюлѣ 1790). Онъ не могъ понять отчего такъ много кричали да здраствуетъ король! а не кричали: да здраствуетъ авторъ *Революціи*! Онъ выпечаталъ это на трехъ страницахъ упрековъ націи за ея неблагодарность по отношенію къ писателямъ-патріотамъ".

Лустало видѣлъ въ печати главное орудіе революціи и приводилъ мнѣніе англійскаго писателя (Шеридана) сказавшаго: если бы свобода печати могла существовать въ странѣ гдѣ власть соединена въ рукахъ самого абсолютнаго деспотизма, то ея одной было бы достаточно чтобы составить противовѣсъ. Въ іюнѣ 1790 г., когда въ Собраніи готово было образоваться сильное большинство, вызвавшееся, казалось, примирить революцію съ правительствомъ и „свободѣ печати", въ смыслѣ пропаганды мятежа и безнаказанности клеветъ и оскорбленій, грозила опасность, Лустало приглашалъ писателей къ сопротивленію. „Если останется говорилъ онъ (*Rév. de Paris* IV, 564)

хотя одинъ писатель, вполнѣ безстрашный и непоколебимый, не боящійся ни ударовъ администраціи, ни меча закона, ни ярости народа, стоящій выше и почестей и слабостей, презирающій тумную извѣстность, чтобы когда понадобится, законно защищать свои писанія, — да не перестанетъ онъ наполнять общество духомъ истинныхъ и добрыхъ началъ! Ему будемъ мы обязаны революціей и свободой Посмотримъ, писатели-патріоты, кто изъ насъ сорветъ лальму. И какъ будетъ славно остаться лобѣжденнымъ"! Его собратъ по оружію Камиля Демуленъ принялъ вызовъ и писалъ: „мнѣ нравится этотъ благородный вызовъ Лустало. Посмотримъ кто изъ насъ сорветъ лальму и будетъ увѣнчанъ какъ лучшій гражданъ".

Лустало прошелъ метеоромъ Продолжительнѣе и извѣстнѣе дѣятельность Камиля Демулена. Она требуетъ особаго разсмотрѣнія, которое отлагаемъ до другаго времени.

ОЧЕРКЪ ДЕСЯТЫЙ.

СВѢТЛЫЙ ДЕНЬ РЕВОЛЮЦІИ: ПРАЗДНИКЪ ФЕДЕРАЦІИ 14 ІЮЛЯ 1790 ГОДА.

I. Наканунѣ праздника федерацiи. — II. Работы на Марсовомъ Полѣ. — III. Распоряженія Собранія.—IV. Описаніе праздника.—V. Революціонная журналистика о праздникѣ 14 іюля. — VI. Торжество журнальной разнузданности.

I.

Въ ноябрѣ 1789 года, на берегахъ Роны, близь Валанса, двѣнадцать тысячъ національ-гардовъ дали клятву „остаться навсегда соединенными и поддерживать законы выходящіе отъ Національнаго Собранія“. Въ январѣ 1790 года около шести тысячъ національ-гардовъ принесли федеральную присягу въ Бретани; 7-го марта была федерація гардистовъ и гарнизона въ Элиналѣ. То же повторялось во множествѣ другихъ мѣстъ. 30-го мая въ Ліонѣ до полутораста тысячъ человѣкъ съ оружіемъ въ рукахъ принесли гражданскую присягу предъ громадною искусственною скалой, на которой воздвигнутъ былъ „храмъ согласія“ и поставлена колоссальная статуя Свободы. За мѣсяцъ до Парижской федерацiи была въ Страсбургѣ федерація Рейнскаго департамента. Праздникъ начался богослуженіемъ которое совершалось на „алтарѣ отечества“ послѣдовательно католическимъ священникомъ, лютеранскимъ пасторомъ и реформатскимъ пасторомъ, каждымъ по обряду своего исповѣданія; а чрезъ три дня послѣ праздника, на алтарѣ отечества, въ присутствіи всей арміи, были крещены ребенокъ католическій и ребенокъ протестантскій. Послѣ церемоніи священникъ и пасторъ бросились въ объятія одинъ другому и горячо разцѣловались. Въ другихъ мѣстахъ вѣнчались на алтарѣ отечества. Пасторъ присутствовалъ на почетномъ мѣстѣ при католическомъ богослуженіи, священникъ при протестантскомъ. Религія мирилась съ философіей, и въ Мандрѣ, въ Изерскомъ департаментѣ, священникъ съ церковной каѳедры произнесъ восторженное похвальное слово Жанъ-Жаку Руссо.

Вызываемыя отчасти страстію Французовъ къ публичнымъ демонстраціямъ, празднества федерацiи имѣли впрочемъ и дѣйствительно важное значеніе. Есть черта рѣзко отдѣляющая французское революціонное движеніе отъ попытокъ нашихъ доморощенныхъ революціонеровъ. Черта эта спасла Францію въ критическое время ея существованія. Черта эта патріотизмъ. Революціонный французскій кличъ былъ къ единству Франціи. Кличъ этотъ: *отечество, la partie*, то-есть единое и могущественное политическое тѣло. Движеніе поднималось во имя правъ *человѣка* вообще, должно казалось бы имѣть космополитическій характеръ, но на дѣлѣ оно было тѣсно французскимъ. Для каждаго Француза внѣ спора стояло, что его страна первая и самая образованная нація въ мірѣ. Что въ ней совершается, то совершается въ человѣчествѣ. Революціонное движеніе стерло еще значительныя при старомъ порядкѣ мѣстныя особенности разныхъ провинцій. На школьномъ праздникѣ (la Fête des Ecoles), въ залѣ Трокадеро, 13-го іюля 1880 года (наканунѣ празднества 14-го іюля), г. Рамбо, профессоръ въ Нанси, исправляющій должность директора департамента министерства просвѣщенія (chef du cabinet du ministre), такъ говорилъ въ своей рѣчи о значеніи федерацій въ эпоху революціи: „На сѣверѣ еще были Фламандцы, на югѣ Испанцы, Бретонцы въ Бретани; въ пограничныхъ мѣстностяхъ говорили на иностранныхъ языкахъ, и когда изъ этихъ провинцій отправлялись къ центру говорили: ѣду во Францію. Сдѣлать изъ всѣхъ этихъ соперничающихъ Францій, часто враждебныхъ между собою по преданіямъ и воспоминаніямъ, единую Францію, соединенную на свѣтлый и черный день, нераздѣльную, неразрушимую, вотъ въ чемъ дѣло федерацій. Онѣ, по выраженію Анри Мартена, въ его рѣчи къ Сенату, раскрыли для Франціи ея собственную душу“.

Вотъ почему праздникъ федерацiи 14 іюля 1790 года можно назвать свѣтлымъ днемъ революціи.

Патріотизмъ можетъ вывести страну и изъ революціонной бури. Революція, исключающая патріотизмъ, можетъ принести только гибель. А именно такова была бы — если отъ Франціи обратимся къ нашему отечеству,—русская революція, какую обѣщали намъ въ періодъ нигилистическихъ движеній. При прологѣ ея мы даже присутствовали въ шестидесятыхъ годахъ. Эта русская революція есть попросту русское разложеніе. О чемъ была забота въ эпоху смуты ознаменованной польскимъ возстаніемъ 1863 года, такъ привѣтствованномъ нашими революціонерами, какъ не о раздробленіи Россіи, искорененіи русскаго патріотизма и всяческомъ противодѣйствіи на

ціональной политикѣ? Русская революція по существу своему оказывается *центробѣжною*, затѣвалъ ли она разбить всю страну на мелкія независимыя волости или задается болѣе близкимъ вопросомъ о всеоружіи правъ и конституціонномъ устройствѣ страны. Возвратимся къ Франціи.

Не отставать же было Парижу отъ провинцій. Надо было устроить что-нибудь грандіозное. Починъ приняла на себя Парижская Община. Особому комитету было поручено озаботиться надлежащими приготовленіями, и былъ составленъ „адресъ гражданъ Парижа ко всѣмъ Французамъ". 5 іюня депутація Общины была представлена Парижскимъ меромъ Бальи Собранію. Въ прочитанномъ предъ Собраніемъ адресѣ говорилось между прочимъ:

„Протекло только десять мѣсяцевъ съ той достопамятной эпохи когда со стѣнъ завоеванной Бастиліи пронесся внезапный крикъ: *Французы! вы свободны!* Пусть въ тотъ же день нынѣ раздастся крикъ еще болѣе трогательный: *Французы, мы братья!*

„Мы не Бретонцы, не Анжуйцы, сказали наши братья въ Бретани и Анжу. Какъ они, говоримъ и мы: „мы болѣе не Парижане, мы всѣ Французы".

„Вы клялись соединиться неразрывными узами святаго братства, защищать до послѣдняго издыханія конституцію государства, декреты Національнаго Собранія и законный авторитетъ нашихъ королей. Какъ вы и мы принесли эту возвышенную присягу. Сдѣлаемъ,—пришло къ тому время,—изъ этихъ федерацій общую конфедерацію.

„Какъ прекрасенъ будетъ этотъ день союза Французовъ! Народъ братьевъ, возродители государства, и король-гражданинъ, соединенные общею клятвой, предъ алтаремъ отечества, какое величественное и невиданное донынѣ зрѣлище для прочихъ націй!

„14 іюля мы завоевали свободу, и 14 же іюля мы принесемъ клятву ее охранять; пусть въ одинъ и тотъ же день, въ одинъ и тотъ же часъ, общій единогласный крикъ раздастся во всѣхъ частяхъ страны: *Да здравствуютъ нація, законъ и король!* Пусть эти слова навсегда останутся соединительнымъ кликомъ друзей отечества, и ужасомъ его враговъ".

Депутація просила, чтобы Собраніе, назначило число лицъ которыя должны быть присланы изъ департаментовъ для участія въ праздникѣ. Собраніе, одобривъ предложеніе города Парижа, поручило выработку подробностей призыва конституціонному комитету. Немедленно составленный въ коммиссіи проектъ былъ доложенъ въ засѣданіе 7 іюня. Докладчикомъ былъ епископъ Отёнскій. Это знаменитый въ послѣдствіи Талейранъ, всегда принаравливавшійся къ обстоятельствамъ и въ эту эпоху являвшій собою либеральнѣйшаго

изъ представителей высшаго духовенства. Не задолго предъ тѣмъ онъ не присоединился къ протесту епископовъ и нѣкоторыхъ членовъ Собранія по вопросу о признаніи католической религіи государственною или національною. Отёнскій капитулъ прислалъ къ нему по этому поводу укорительное письмо, гдѣ иронически высказываетъ, что епископъ не присоединилъ своего имени къ подписавшимся для того, чтобы сдѣлать заявленіе свое еще болѣе торжественнымъ, представивъ его отъ лица всего духовенства своей паствы, которое его о томъ и проситъ. Талейранъ отвѣчалъ письмомъ въ которомъ со свойственною ему сдержанностію тонко доказывалъ, что Собраніе признало католическую религію національною, дѣло было только въ редакціи, и протестъ части законодателей противъ принятаго декрета былъ совершенно несвоевременнымъ; отъ передачи заявленій отказался (*Монитеръ*. 1790, 11 іюня, № 162).

Въ проектѣ декрета значились три статьи. Въ первой указывался порядокъ выбора по округамъ національ-гардами своихъ представителей для участія въ торжествѣ федераціи, имѣющемъ произойти въ Парижѣ 14 іюля.

„II. Управленія округовъ, или гдѣ еще нѣтъ ихъ, муниципалитета корпуса опредѣлятъ самымъ экономическимъ образомъ трату на означенную поѣздку, издержка коей имѣетъ пасть на округъ.

„III. Почтительнѣйше просить короля дать необходимое приказаніе, чтобы всѣ полки арміи назначили изъ среды своей по офицеру, унтеръ-офицеру и солдату для таковаго же участія въ федераціи".

Послѣднее предложеніе о выборѣ депутатовъ полками, вызванное стремленіемъ все приводить къ выборамъ, встрѣтило сильное возраженіе въ депутатѣ де-Мюрине, указавшемъ, что праздникъ можетъ въ такомъ случаѣ сдѣлаться источникомъ нарушеній дисциплины: полки не совѣщательныя собранія и не могутъ посылать депутатовъ. Вызваны должны быть старшіе по службѣ. Собраніе въ слѣдующемъ засѣданіи имѣло благоразуміе согласиться съ этимъ предложеніемъ.

Засѣданіе 7 іюня ознаменовалось выходкой Лафайета. Начальникъ Парижской національной гвардіи, онъ былъ въ эту эпоху на верху своей популярности. Распускали слухи, что на празднествѣ 14 іюля онъ будетъ избранъ командиромъ всей національной гвардіи во Франціи и явится такимъ образомъ во главѣ значительной силы, которою можетъ де злоупотребить. Опасеніе было пустое, можетъ-быть, даже нарочно распущенное приверженцами генерала, чтобъ усилить его значеніе. Лафайетъ воспользовался случаемъ показать себя рыцаремъ революціи, какимъ желалъ постоянно являться въ глазахъ толпы. Онъ предложилъ собранію издать декретъ предписывавшій,

что никто не можетъ быть начальникомъ національной гвардіи болѣе какъ въ одномъ департаментѣ и даже округѣ. Это не помѣшало ему быть героемъ дня 14-го іюля, стоять во главѣ прибывшихъ депутацій и принять командованіе на праздникѣ.

II.

Мѣстомъ празднества 14 іюля 1790 года было назначено Марсово Поле. Опредѣлено было обратить Поле въ обширный циркъ, окруженный громаднымъ амфитеатромъ. Амфитеатръ рѣшено сдѣлать ступенями въ насыпи образованной землей снесенною со средины Поля. Издержка работъ высчитана городскимъ архитекторомъ въ 550.000 ливровъ. Въ городѣ ходили слухи, что издержки будутъ простираться до шести милліоновъ ливровъ. Архитекторъ счелъ нужнымъ опровергнуть этотъ слухъ въ *Монитерѣ*. Мѣстъ опредѣлено въ амфитеатрѣ на 160.000 сидящихъ и 100.000 стоящихъ. Въ срединѣ устраивалась арена для помѣщенія 50.000 военныхъ участниковъ федераціи.

На сторонѣ зданій Военной Школы устроена была обширная крытая, украшенная голубою драпировкой съ золотомъ, галлерея, въ срединѣ которой былъ особый павильйонъ для помѣщенія короля. Въ павильйонѣ стоялъ тронъ и рядомъ съ трономъ кресло для президента Національнаго Собранія. Позади трона особая трибуна для королевскаго семейства. По срединѣ цирка возвышался *алтарь отечества* на эстрадѣ въ 25 футовъ вышины, къ нему восходили по четыремъ лѣстницамъ оканчивавшимися каждая платформою. На платформахъ были поставлены античныя курильницы. Чрезъ Сену былъ перекинутъ барочный мостъ, который велъ къ тріумфальной аркѣ при входѣ на Марсово Поле. Въ аркѣ трое воротъ. На фасадѣ арки и по бокамъ эстрады гдѣ помѣщался алтарь отечества были многочисленныя надписи въ родѣ: „Только отечество и законъ могутъ вложить въ наши руки оружіе, умремъ для ихъ защиты, будемъ жить чтобъ ихъ любить“; „не будемъ болѣе страшиться васъ, мелкіе тираны, угнетавшіе насъ подъ разными наименованіями“; „дорожите свободой, вы обладаете ею теперь“ и т. д.

Заслуживаетъ вниманія надпись на сѣверномъ фасадѣ эстрады: „Нація, законъ, король. Нація — это вы, *законъ — опять вы*, ваша воля; король—стражъ закона“. Такъ передана надпись въ *Монитерѣ;* нѣкоторые историки, приводя надписи, выкидываютъ выраженіе *опять вы*, вѣроятно, для приличія (напримѣръ. *Mémoires pour servir à la vie du général Lafayette*, par Regnault-Warin, 1824, стр. 142).

На сторонѣ эстрады обращенной къ Сенѣ красовалось изображеніе Свободы съ аттрибутами изобилія и земледѣлія, на противоположной сторонѣ геній парящій въ воздухѣ и надпись *конституція.*

Во время приготовительныхъ работъ случился любопытный эпизодъ, сдѣлавшій хожденіе для работъ на Марсовомъ Поле модною прогулкой Парижанъ. *Монитеръ* отъ 8 іюля такъ описываетъ событіе.

„На прошлой недѣлѣ одинъ изъ распорядителей работами на Марсовомъ Полѣ предложилъ рабочимъ продлить занятія долѣе семи часовъ вечера. Рабочіе отказались съ неудовольствіемъ, хотя имъ было предложено увеличеніе платы. Такъ какъ чрезвычайно важно, чтобъ эти работы были окончены къ назначенному сроку, граждане всѣхъ званій и всѣхъ возрастовъ предложили свои услуги, чтобы продолжать работы. Усердіе съ какимъ эти добрые патріоты работаютъ заступомъ, лопатой и тачкой достойны удивленія. Вчера число ихъ было несмѣтно, и они выказывали живое нетерпѣніе смѣнить трудящихся за плату. Когда грянулъ выстрѣлъ изъ пушки возвѣщающій конецъ рабочаго дня, раздались общія рукоплесканія. Тотчасъ граждане набросились на инструменты, и работы продолжались съ такою дѣятельностью и съ такимъ умѣньемъ, что зрители въ числѣ болѣе ста тысячъ громко выражали свое сочувствіе. Распространившійся слухъ, что работы на Марсовомъ Полѣ не будутъ окончены къ сроку, возбуждалъ общее рвеніе. Не можетъ быть ничего трогательнѣе какъ усердіе этихъ работниковъ послѣдняго часа. Сегодня граждане направляются туда толпами, дѣти слѣдуютъ за родителями и родными. Вотъ нѣжная женщина работаетъ рядомъ со здоровеннымъ лоденщикомъ; вотъ копаетъ землю заступомъ національ-гардъ, лока другой національ-гардъ лопатой накладываетъ эту землю на тачку, которую сейчасъ повезетъ на себѣ священникъ. Ночью работы продолжаются при свѣтѣ фонарей которые дѣти держатъ предъ рабочими. Среди этихъ кучъ земли долженствующихъ образовать амфитеатръ вокругъ арены федераціи, каждый съ величайшею радостью выбивается изъ силъ, и никто не почитаетъ себя утомленнымъ. Враги республики, свободы, равенства, не ходите на это зрѣлище! или нѣтъ, лучше идите, чтобъ убѣдиться какъ мужество патріотизма усугубляетъ силы истинныхъ гражданъ и можетъ-быть при видѣ его вы сами будете таковыми. Рвеніе этихъ безплатныхъ тружениковъ такъ велико, что его принуждены сдерживать; число ихъ безконечно, и въ самый проливной дождь работы продолжались безостановочно. Иностранцы изумляются и спрашиваютъ себя: что это за нація? какая энергія! какой патріотизмъ! Это ли представленіе имѣли мы о французскомъ народѣ по невѣрнымъ описаніямъ?“

Пріѣзжалъ на работы и Лафайетъ со штабомъ; былъ и король въ сопровожденіи дофина. Изъ подгородныхъ мѣстъ приходили поселяне съ мерами и священниками. Корпораціи городскихъ ремесленниковъ являлись, имѣя во главѣ музыкантовъ или барабанщиковъ:

у каждой было знамя съ надписью: *для отечества ничто мнѣ не трудно! жить свободнымъ или умереть!* Появился и красный якобинскій колпакъ. Нѣкоторыя группы являлись неся его на шестѣ. Въ *Монитерѣ* помѣщались трогательныя описанія въ родѣ слѣдующаго „письма къ издателю“:

„Милостивый государь.—Въ воскресенье я прогуливался съ однимъ изъ самыхъ рѣшительныхъ порицателей революціи. Наши споры по этому поводу не только не вразумляли его, но еще болѣе раздражали. Приходимъ на Марсово Поле. Граждане всѣхъ классовъ съ горячностью трудились надъ приготовленіями къ трогательной церемоніи, которой предстоитъ сдѣлать изъ великаго народа великое семейство. „Вотъ, говорю я, взгляните! ужели это рвеніе не доказываетъ вамъ на чьей сторонѣ истина“? Въ это время женщины молодыя, прекрасныя, нѣжныя, нарядно одѣтыя проходили мимо насъ, толкая тачки полныя земли... Мой товарищъ вглядывается въ нихъ, черты его лица проясняются, слезы текутъ изъ его глазъ. Онъ бросается на тачку, я дѣлаю то же. Послѣ нѣкотораго молчанія: „А! „говоритъ онъ, вотъ первая минута счастія во весь этотъ годъ! „Прочь безумная гордость! клянусь, и я хочу принадлежать этой „большой семьѣ“. О, восхитительный полъ! эта побѣда есть ваше дѣло... Пусть ваше рвеніе просвѣтитъ, умягчитъ, увлечетъ тѣхъ изъ Французовъ, которымъ самолюбіе внушаетъ опасные замыслы и возвратитъ ихъ въ нѣдра братьевъ сожалѣющихъ ихъ и любящихъ“.

И школьный міръ не остался внѣ общаго потока. Въ коллежѣ Лудовика Великаго (нынѣ Licée Louis le Grand) послѣ рекреаціи когда зазвонили къ ученью *, ученики бросились толпою по лѣстницѣ для экстерновъ съ криками „au Champ Mars“. Надзиратели вынуждены были послѣдовать за ними. Школьники по пути заходили въ другія заведенія, увлекая учащихся. Кортежъ направляется на Марсово Поле и школьники смѣшиваются съ работавшими. Директоръ лицея (principal) ждетъ между тѣмъ въ безпокойствѣ. Становится темно. Послѣ десяти часовъ компанія наконецъ вернулась, голодная, усталая, одежда въ безпорядкѣ; большіе несли маленькихъ на рукахъ. Примѣръ въ слѣдующіе дни нашелъ подражаніе и въ другихъ школахъ. Въ Наваррскомъ коллежѣ (Collège de Navarre) ученики были задержаны годичнымъ сочиненіемъ, опоздали и въ маломъ лишь числѣ явились на Марсово Поле.

---

* Кстати. Во Франціи до революціи къ классамъ призывали звонкомъ, а затѣмъ звонокъ былъ замѣненъ барабаномъ. Такъ было при Наполеонѣ I. Послѣ реставраціи звонокъ возстановленъ. Во вторую имперію опять били въ барабанъ; не знаю какъ теперь.

Это произвело цѣлое возмущеніе въ школьномъ мірѣ. Въ тотъ же вечеръ ученики разныхъ заведеній съ лопатами и шпагами въ рукахъ (armés de pelles et d'épées) направились къ Наварскому коллежу, съ криками требовали директора, ругая его и обвиняя въ аристократизмѣ. На другой день въ околоточное управленіе мѣстности явились уполномоченные отъ разныхъ учебныхъ заведеній округа съ заявленіемъ, что считаютъ и учениковъ и начальство Наваррскаго коллежа добрыми гражданами.

Въ коллежѣ Св. Варвары (Sainte Barbe) инспекторъ классовъ, г. Николь (Nicolle) хотѣлъ было наказать учениковъ отправившихся, несмотря на запрещеніе, на Марсово Поле. Произошло школьное волненіе. Ученики другой школы подбивали Барбистовъ „подвергнуть ихъ тирана позорящему наказанію“. Чтобъ усмирить возстаніе вынуждены были четырехъ воспитанниковъ исключить. Но волненіе все продолжалось, и чтобъ умиротворить воспитанниковъ директоръ уговорилъ ретиваго инспектора выйти въ отставку *.

---

* Есть весьма основательныя исторіи Парижскихъ коллежей: Quicherat—*Hist. du Coll. Sainte-Barbe;* Emond—*Hist. du Coll. Louis le Grand;* Chapotin *Hist. du Coll. Dormans-Beauvoir*

Когда на всѣхъ путяхъ водворяется анархія и всюду гдѣ должна проявляться власть никто во власть не вѣритъ и сама она въ себя не вѣритъ, нечего удивляться паденію и школьной дисциплины. Тѣмъ не менѣе вопросъ о роли школы въ революціи заслуживаетъ большаго вниманія. Замѣчательно, что школа во французской революціи далеко не играетъ той роли какую у насъ готовы были дать ей ждущіе нашего революціоннаго движенія. Извѣстно, что на школу возлагались у насъ всѣ надежды таковыхъ; овладѣть школой ими справедливо считалось главною цѣлью. У историковъ французской революціи вы не встрѣтите ничего о вліяніи школьнаго воспитанія на разныхъ его ступеняхъ на революціонное направленіе умовъ поколѣнія произведшаго революцію. Тамъ главнѣйшее вліяніе принадлежало литературѣ, и вопервыхъ, въ произведеніяхъ философскаго и политическаго содержанія доступныхъ „свѣтскимъ людямъ“, gens du monde, и затѣмъ въ ея журнальномъ элементѣ, получившемъ въ революціонную эпоху чрезвычайное развитіе,—газетахъ, брошюрахъ и т. п. Политическое легкомысліе, въ изящныхъ формахъ съ тонкостями ума играющаго серіознымъ содержаніемъ, выходило главнымъ образомъ изъ салоновъ высшаго круга и какъ мода распространялось въ странѣ. Честолюбіе интеллигентнаго, но не привилегированнаго класса дѣлало игру опасною.

О положеніи науки и ученыхъ въ эпоху революціи есть любопытная книжка знаменитаго ученаго Біо, изданная въ 1803 году, подъ заглавіемъ *Essai sur l'histoire générale des sciences pendant la révolution française,* par J. B. Biot.

„Когда началась революція, читаемъ тамъ, всѣ умы обратились къ политикѣ. Науки были внезапно оставлены; онѣ не могли имѣть никакого

Крайнія республиканскія газеты неособенно привѣтствовали празднество 14 іюля. Такъ или иначе, это былъ праздникъ согласія, а таковое желательно не было. Въ журналѣ Камиля Демулена, *Révolutions de France et de Brabant*, говорится впрочемъ о работахъ на Марсовомъ Полѣ. „Народу“ конечно подносится лесть, растворенная сожалѣніемъ. „Какъ обманываютъ эту націю, восклицаетъ журналистъ, какъ заблуждается этотъ превосходный народъ думающій, что онъ свободенъ! Но прекрасно быть обманутымъ, прекрасно судить о своихъ представителяхъ, министрахъ, судьяхъ по своей собственной

вѣса въ начавшейся борьбѣ, занимавшей всѣ головы. Скоро совсѣмъ забыли о ихъ существованіи. Свобода сдѣлалась темой всѣхъ писаній и рѣчей. Казалось одни ораторы могутъ ей служить, и эта ошибка была отчасти причиной нашихъ золъ. Большинство ученыхъ остались простыми зрителями подготовляемыхъ событій; ни одинъ открыто не выступилъ противъ революціи, нѣкоторые приняли ея сторону. Именно тѣ кого волновали обширные взгляды и кто видѣли въ общественномъ обновленіи средство приложить и осуществить свои теоріи. Они хотѣли господствовать надъ революціей и были увлечены ею. Но тогда еще были полны надежды... Общее броженіе, порожденное революціей, простерлось и на учебный міръ. Набатъ раздался и въ этихъ тихихъ убѣжищахъ; каждую минуту мятежныя шайки изъ женщинъ, дѣтей, людей всякаго званія, нарушали ученье и принуждали юношество становиться подъ ихъ грязныя знамена, являя ему зрѣлище всякаго рода неистовствъ... Коллежи опустѣли, большая часть закрылась. Пустота грозившая наступить въ дѣлѣ общественнаго образованія, съ пагубными послѣдствіями долженствовавшими отъ того произойти поразила Національное Собраніе. Оно опредѣлило, что преподаваніе не должно ни на минуту быть прервано и просило короля повелѣть возобновить ученье въ коллежахъ какъ всегда. Но было уже поздно. Толчокъ былъ данъ. Никто не въ силахъ былъ его остановить. Повсюду ученье или прекратилось или тянулось кое-какъ. Скоро стали считать его безполезнымъ.

„Среди общаго потрясенія, паденіе университетовъ прошло незамѣченнымъ. Но вліяніе этого событія на воспитывающееся поколѣніе отъ того не сдѣлалось менѣе чувствительнымъ. Нынѣшнее устройство общества основано на прогрессѣ цивилизаціи. Общее образованіе одна изъ его основъ. Причиняя ему ущербъ, разрываемъ часть пружинъ движущихъ общественное тѣло. Зло въ началѣ нечувствительно, жизнь не разрушена, но поражены органы воспроизведенія. Когда новое поколѣніе современемъ вступитъ въ политическую систему, люди окажутся малыми и слабыми; государство, которое они не въ силахъ поддержать, опустится въ ихъ рукахъ. Да охранятъ возстановительныя мѣры страну нашу отъ этой печальной участи“.

Сколько правды въ этихъ словахъ, и какъ должны были бы и мы ихъ ламятовать!

добродѣтели и неподкупности!“ Затѣмъ лесть обращается къ молодежи, подбиваемой въ желательномъ направленіи. Разсказывается трогательная исторія.

„Мальчикъ изъ одного пансіона въ Венсеннѣ тоже работалъ; его спрашиваютъ: нравится ли ему этотъ трудъ? и онъ отвѣчаетъ: *пока могу предложить отечеству только мой потъ, но отдаю его съ великимъ удовольствіемъ*. Вотъ поколѣніе которое обѣщаетъ намъ лучшее законодательное сословіе и лучшіе клубы нежели въ 1789 году... Я замѣтилъ между дѣтьми—дѣти всегда друзья равенства—что ни одинъ изъ нихъ не прокричалъ: „да здравствуетъ король“, не прокричавъ прежде девяносто девять разъ: „да здравствуетъ нація“, т.-е. уже охрипши и когда голосъ уже не былъ достаточно звученъ, чтобы славить французскій народъ“...

Къ анекдоту о краснорѣчивомъ ребенкѣ присоединяется анекдотъ о довѣрчивомъ молодомъ человѣкѣ. „Является молодой человѣкъ сбрасываетъ съ себя верхнее платье, кидаетъ на него двое своихъ часовъ, беретъ застулъ и удаляется съ нимъ на мѣсто работы.—Но ваши часы? кричатъ ему.—О! можно ли подозрѣвать братьевъ! — И часы на пескѣ и на щебнѣ остаются такъ же неприкосновенными какъ депутатъ въ Національномъ Собраніи“.

Въ дни ликованій была и оборотная сторона. Распускались тревожные слухи побуждавшіе многихъ выѣзжать изъ Парижа. Утверждали, что во всю недѣлю федераціи ни одинъ возъ съ провизіей не будетъ пропущенъ на рынокъ, толковали будто подъ зданіемъ Военной Школы и подъ всѣмъ Марсовымъ Полемъ сдѣланъ обширный подкопъ и будетъ взрывъ. Меръ города Парижа, Бальи, получалъ угрожающія анонимныя письма. По настоянію Лафайета, отъ городскаго управленія была издана успокоительная прокламація гдѣ было между прочимъ сказано: „Пусть предающіеся страху удаляются: значитъ они этого хотятъ; пусть бѣгутъ праздника свободы подъ предлогомъ химерической опасности; но друзья революціи да останутся. Пусть подумаютъ, что такого дня дважды не увидимъ“.

III.

И Собраніе заботилось о предстоящемъ торжествѣ. За нѣсколько дней до праздника въ засѣданіи 9-го іюля, въ Собраніи обсуждался церемоніалъ принесенія присяги. Конституціонный комитетъ представилъ проектъ декрета изъ слѣдующихъ четырехъ статей:

Статья I. Король благоволитъ принять на себя начальствованіе надъ національными гвардейцами и войсками имѣющими прибыть

на общую конфедерацію 14 іюля, и назначить офицеровъ для командованія его именемъ и по его приказаніямъ.

Статья II. Во всѣхъ публичныхъ церемоніяхъ предсѣдатель Національнаго Собранія будетъ занимать мѣсто, помѣщаясь непосредственно рядомъ съ королемъ по правую сторону. Депутаты будутъ помѣщаться частію по лѣвую сторону отъ короля и частію по правую отъ предсѣдателя.

Статья III. Послѣ того какъ принесутъ присягу депутаты отъ національной гвардіи и другихъ частей войскъ королевства, предсѣдатель Національнаго Собранія повторитъ присягу принесенную имъ минувшаго 4-го февраля, послѣ чего каждый изъ членовъ Собранія, стоя, и съ поднятою рукой, произнесетъ: *клянусь.*

Статья IV. Затѣмъ принесетъ присягу король, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Я, первый гражданинъ и король Французовъ, клянусь націи употреблять всю власть ввѣренную мнѣ конституціоннымъ закономъ государства, на соблюденіе конституціи установленной Національнымъ Собраніемъ и мною принятой, и блюсти за исполненіемъ законовъ".

Эти подробности церемоніала имѣли важное значеніе какъ указаніе на новое положеніе королевской власти во Франціи. И по новой конституціи Франція оставалась монархіей, но Собраніе ревниво заботилось не дать королю какого-либо шага предъ собою и стремилось поставить его въ положеніе перваго чиновника государства, исполнителя декретовъ Націи, имѣющей Собраніе истиннымъ органомъ своихъ велѣній. Роялисты, которыхъ было еще довольно въ Собраніи и для которыхъ идея монархіи являлась еще въ прежнемъ обаяніи, не могли не видѣть въ новомъ положеніи какое давалось королю великое униженіе королевской власти. Въ настоящемъ случаѣ наибольшее впечатлѣніе произвело порученіе королю,—естественному вождю военныхъ силъ страны, признанному такимъ и конституціей,— начальствованія надъ собранными представителями арміи и національной гвардіи, особымъ декретомъ Собранія. Въ рядахъ монархистовъ послышался ропотъ. Когда же водворилось молчаніе, аббатъ Мори потребовалъ слова.

Онъ сказалъ: „Какъ ни опасно высказывать свое мнѣніе въ конституціонныхъ вопросахъ, столь щекотливыхъ по своей сущности и еще болѣе щекотливыхъ по обстоятельствамъ, и которые невозможно было вполнѣ и строго обдумать, я полагаю, что достоинство представителя французскаго народа требуетъ отъ него сообщенія Собранію размышленій внушенныхъ ему хотя бы и бѣглымъ прочтеніемъ декрета подобной важности. Въ природѣ нашего правленія и особенно нашихъ сердецъ лежитъ основаніемъ убѣжденіе, что Франція есть монархія: главный же принципъ монархіи состоитъ въ томъ,

что вождь государства есть единственный распорядитель общественной силы. Еслибы во Франціи явилась вооруженная сила независимая отъ короля, Франція перестала бы быть монархіей. Поэтому меня чувствительно огорчило, когда я услышалъ сдѣланное вамъ комитетомъ конституціи предложеніе просить короля принять командованіе надъ войсками и національною гвардіей. Подобное предложеніе показалось мнѣ несовмѣстнымъ съ величіемъ короля Французовъ. Фактомъ этого предложенія какъ будто дается понять, что было бы возможно, подъ глазами короля, предложить другому гражданину принять командованіе надъ 50 или 60 тысячами людей. Въ минуту когда бы такое полномочіе состоялось, у насъ было бы два короля, какъ въ Спартѣ. Это политическое манихейство, двуначаліе, опрокинуло бы монархію. Поэтому, въ исправленіе статьи I я требую, чтобы Собраніе объявило, что всѣ войска собранныя на Марсовомъ Полѣ не будутъ имѣть иного вождя, кромѣ верховнаго вождя націи, объявленнаго конституціей верховнымъ вождемъ арміи".

Аббату Мори, съ увертками, отвѣчалъ адвокатъ Барнавъ. „Я полагаю, сказалъ онъ, какъ и говорившій прежде меня, что никто кромѣ короля не можетъ быть главою федераціи, но раздѣляю мнѣніе комитета конституціи, что король долженъ быть признанъ таковымъ особымъ актомъ законодательнаго корпуса имъ утвержденнымъ. Первая тому причина въ томъ, что нѣтъ никакого отношенія между этимъ качествомъ главы конфедераціи и качествомъ главы исполнительной власти; это одинъ изъ тѣхъ актовъ которые имѣютъ мѣсто только въ моментъ когда конституція составляется и слѣдовательно не могли быть ею предусмотрѣны. Это одинъ изъ тѣхъ актовъ когда всѣ власти восходятъ къ своему источнику, и когда власть націи есть единственная могущая предписывать законы и правила Значитъ рѣшеніе, кому предоставить начальствованіе, подлежитъ верховенству властей (à la souveraineté des pouvoirs). Слѣдовательно необходимъ спеціальный актъ. Вы признали декретомъ, что король непосредственный глава арміи; но конституція еще не объявила, что онъ непосредственный глава національной гвардіи *(Поднимается ропотъ).* Я не говорю, что король не долженъ быть главою конфедераціи, я говорю, что нельзя въ настоящую минуту признать его таковымъ вслѣдствіе несуществованія декрета, и что необходимъ предварительный декретъ".

Аргументація Барнава вызвала горячее возраженіе со стороны молодаго Казалеса (Cazalès). „Не безъ удивленія услышалъ я, произнесъ онъ, что верховный глава исполнительной власти, что правитель націи, что король, власть котораго предшествовала вашей *(Сильный ропотъ: раздаются требованія, чтобы ораторъ былъ призванъ къ порядку)...* Я не понимаю такой немилости къ словамъ столь простымъ и прав-

дивымъ. Повторяю, не безъ удивленія услышалъ я что верховный глава исполнительной власти, что правитель націи, что король, чья власть предшествовала вашей *(опять ропотъ)*... Конечно, я не хочу этимъ сказать, что власть короля предшествовала власти націи, отъ которой истекаетъ всякая власть; но я сказалъ, и это несомнѣнная истина, что власть короля предшествовала власти представителей націи; онъ далъ вамъ движеніе и жизнь, безъ него вы бы не существовали: и потому, говорю я, непостижимо, чтобы вашъ король, тотъ кто васъ создалъ, наслѣдственный представитель французскаго народа, нуждался въ декретѣ отъ васъ, чтобы быть верховнымъ главою военныхъ силъ королевства! Трудно представить себѣ монархію, гдѣ король не былъ бы главою арміи; онъ глава ея по закону королевства, а не по вашему произволенію, онъ глава ея по волѣ націи, а вы не нація; онъ глава ея по праву короны, какъ наслѣдственный вождь страны; онъ глава ея по нашей конституціи, потому что вы приняли верховное указаніе націи выразившей свою волю, чтобы онъ былъ признаваемъ таковымъ".

Другой пунктъ, возбудившій возраженія, былъ пропускъ въ декретѣ какого-либо упоминанія о мѣстѣ для королевскаго семейства „Я принимаю, сказалъ аббатъ Мори, что предсѣдатель Національнаго Собранія долженъ помѣщаться по правую сторону короля непосредственно, а депутаты по правую и по лѣвую предсѣдателя и короля, который конечно не можетъ имѣть болѣе благороднаго кортежа. Но въ монархіи наслѣдственной, гдѣ по конституціонному принципу королевская власть должна переходить преемственно въ мужскомъ потомствѣ по праву первородства, не подобаетъ ли питать особое почтеніе къ принцамъ, могущимъ наслѣдовать корону? Не слѣдуетъ ли удѣлить почетное мѣсто принцамъ крови, которые будутъ сопутствовать его величеству *(Слышенъ ропотъ)*? Я очень дурно выразился, если изъ словъ моихъ заключаютъ, что я требую посредника между королемъ и націей: его не можетъ быть... Еслибы рѣчь шла о томъ, чтобъ установить іерархію власти, я конечно сказалъ бы, что ничто не стоитъ и не должно стоять между королемъ и націей Но рѣчь о томъ, чтобы почтить націю и короля воздаяніемъ почтенія семейству короля, рѣчь идетъ о церемоніи, на которую король явится не для проявленія своей власти. Онъ въ первый разъ будетъ находиться въ нѣдрахъ своего великаго семейства. Къ ощущеніямъ, которыхъ онъ будетъ исполненъ, присоедините отраду быть въ средѣ и своей собственной семьи, которая есть также семья государства. Патріотизмъ призываетъ насъ преисполнить душу нашего короля тѣми чудными волненіями, которыя онъ самъ такъ способенъ внушать. Умножимъ его радость и утѣшенія; не будемъ отдѣлять его отъ сына, отъ подруги, въ минуту когда онъ будетъ ощущать такое высокое благо и приметъ на себя столько обязательствъ. Великодушные представители народа, свободнаго народа, прославившагося любовью къ своимъ королямъ! не подражайте тѣмъ деспотамъ Востока, которые содержатъ въ заключеніи свое семейство, которые наслѣдника трона подвергаютъ рабству, и выпускаютъ изъ заключенія лишь наканунѣ того дня, когда ему предстоитъ превратиться въ самаго неограниченнаго деспота. Тронъ объявленъ наслѣдственнымъ, это основное правило государства, и нація не можетъ достаточно оказать почета тѣмъ, кто имѣютъ на него права; преизбыткомъ почтенія вы можете только наградить короля за возстановленіе націи во всѣхъ ея правахъ. Вы не захотите, чтобы въ этотъ, на вѣки памятный день, изъ всѣхъ присутствующихъ только королевское семейство чувствовало себя неудовлетвореннымъ въ своихъ желаніяхъ".

Собраніе въ заключеніе приняло первую статью въ редакціи коммиссіи безъ измѣненія; ко второй прибавлены были слова: „къ его величеству обратятся съ просьбой отдать приказаніе, чтобы королевское семейство было ломѣщено приличнымъ образомъ". Третья принята безъ возраженій. Въ четвертой выпущены слова *первый гражданинъ*.

Около 10 іюля депутаты изъ провинцій собрались уже въ Парижѣ. Въ этотъ день Лафайетъ избранъ былъ стать во главѣ всей депутаціи отъ національной гвардіи во Франціи. Въ сопровожденіи представителей депутаціи онъ явился съ адресомъ въ Собраніе и затѣмъ къ королю. Адресъ къ Собранію значительно полнѣе и знаменательнѣе адреса къ королю. Вотъ изъ него отрывокъ.

„Нація, пожелавъ стать свободною, вамъ поручила дать ей конституцію... Да, милостивые государи, вы познали нужды и желанія Французовъ, когда *разрушили* готическое зданіе нашего правительства и нашихъ законовъ, пощадивъ лишь монархическій принципъ, и внимательная Европа узнала, что добрый король можетъ быть опорой свободнаго народа, какъ онъ былъ утѣшителемъ народа угнетеннаго. Окончите ваше дѣло!...

„Пусть торжество этого дня будетъ сигналомъ примиренія партій, забвенія неудовольствій, мира и общественнаго благополучія! И не бойтись, чтобы сей святой энтузіазмъ увлекъ насъ за предѣлы, предписываемые общественнымъ порядкомъ. Подъ покровомъ закона знамя свободы никогда не сдѣлается знаменемъ своеволія. Клянемся честью свободныхъ людей: Французы не даютъ тщетныхъ обѣщаній".

Гораздо короче, со значительно меньшею торжественностію составленъ адресъ королю. „Въ потокѣ памятныхъ событій, возвратившихъ намъ неотъемлемыя права, когда энергія народа и добродѣтели короля дали другимъ народамъ и ихъ вождямъ такіе великіе примѣры, намъ пріятно почтить въ вашемъ величествѣ прекраснѣйшій изъ

всѣхъ титуловъ—титулъ главы Французовъ и короля свободнаго народа... Французскіе національ-гарды клянутся вашему величеству въ повиновеніи, которое не знаетъ другихъ границъ кромѣ закона, и въ любви, которая кончится лишь съ нашею жизнію".

Король отвѣчалъ: „Передайте вашимъ согражданамъ то, что я хотѣлъ бы сказать имъ всѣмъ, какъ скажу вамъ. Передайте, что ихъ король есть ихъ отецъ, братъ, другъ, что онъ можетъ быть счастливъ только ихъ счастіемъ, великъ только ихъ славой, могущественъ только ихъ свободою, страждетъ только ихъ несчастіями".

IV.

Наступилъ день празднества. Въ изданіи *Mémoires pour servir à la vie du gen. Lafayette* въ числѣ *pièces justificatives* помѣщено описаніе этого дня, сдѣланное очевидцемъ, членомъ Національнаго Собранія, и весьма живо рисующее событія праздника, которому сильно мѣшалъ проливной дождь. Не будетъ, думаю, лишнимъ привести это описаніе вполнѣ. Оно весьма характеристично и по изложенію, и по мыслямъ, и переноситъ насъ въ эту странную эпоху сбитыхъ мыслей и раздраженной чувствительности. Описаніе составлено въ формѣ письма къ пріятелю.

„Какое обязательство я принялъ на себя! Я обѣщалъ написать тебѣ тотчасъ послѣ окончанія праздника, который столица дала націи. Но знаешь ли ты, въ какомъ положеніи я былъ послѣ этого великолѣпнаго торжества? Я умиралъ отъ голода и холода, я падалъ отъ изнеможенія.

„Великія впечатлѣнія, воспринятыя мною, какъ всегда бываетъ, еще болѣе меня подавили и лишили меня силы, необходимой, чтобы ихъ достойно передать.

„Около Національнаго Собранія назначено было собираться его членамъ, что и было ими исполнено около девяти часовъ. Полтора часа спустя, главнымъ начальникомъ парижской гвардіи г. де-Лафайетомъ былъ данъ сигналъ къ началію шествія. Для этого выбранъ былъ тотъ моментъ, когда войска, тронувшіяся отъ городской ратуши, передовыми рядами приближались къ площади Людовика XIV, гдѣ должно было къ нимъ присоединиться Національное Собраніе. Г. де-Бонней, по своей рѣдкой способности къ предсѣдательству столь достойный стоять во главѣ Національнаго Собранія въ подобный день, вручилъ намъ распредѣленіе шествія.

„Выступивъ изъ залы нашихъ засѣданій, мы направились къ самой большой аллеѣ въ Тюилери. Мы должны были идти двумя линіями, по двое въ каждой, и слѣдовательно всего по четыре въ рядъ,

что очень затруднилось слѣдующимъ обстоятельствомъ: нѣсколько дней шелъ дождь; сегодня, въ день—столь достойный самой великолѣпной погоды, дождь лилъ ливнемъ. Еще не установившись для шествія, еще не сдѣлавъ ни шагу, представители націи были всѣ мокрые: однимъ зонтикомъ часто прикрывались трое и четверо,— слѣдовательно никто. Мы были буквально въ водѣ, было отъ чего прійти въ отчаяніе: но мы поступили лучше; когда на душѣ радостно, все легко обращается въ радость: рѣшились смѣяться надъ своимъ злополучіемъ.

„На всемъ протяженіи дороги мы встрѣтили то же настроеніе въ рядахъ зрителей, стоявшихъ шпалерами съ обѣихъ сторонъ; они насквозь промокли и пѣли. Въ Куръ-ла-Ренъ нельзя сказать, гдѣ больше было любопытныхъ: подъ деревьями или на деревьяхъ.

„Около моста Pont-Tournant, насъ привѣтствовалъ Лафайетъ; возлѣ этого генерала, такъ прекрасно оправдывающаго надежды, которыя подавала его первая юность, мы видѣли цѣлый баталіонъ героевъ не выше ихъ сабель и ихъ гренадерскихъ шапокъ; это двѣнадцати и тринадцатилѣтніе солдаты; ихъ баталіонъ носилъ названіе *Надежды Отечества*. Недалеко отъ нихъ стоялъ баталіонъ ветерановъ. Такимъ образомъ, мы переходили отъ сладкаго волненія къ волненію глубокому, и можно было однимъ взглядомъ окинуть конецъ жизни и ея начало, посвященные отечеству.

„Ты знаешь, мой другъ, сколько разъ мы были тронуты до слезъ, восхищаясь въ Плутархѣ картинами, которыя, быть-можетъ, служили образцомъ и для этой, но которыя до нынѣ можно было встрѣтить только въ исторіи древности; ты увидишь сколь правдоподобною сдѣлали мы эту исторію древнихъ.

„Отъ конца Куръ-ла-Ренъ до заставы Конферансъ на одной сторонѣ, какъ тебѣ извѣстно, всюду дома: вообрази, что мы почти ни одного не видали; они всѣ сверху до низу были скрыты подъ любопытными, которые, такъ-сказать, выпирались изъ оконъ. Крыши всѣ были покрыты людьми.

„Очень широкій и очень прочный мостъ былъ въ нѣсколько дней установленъ на баркахъ противъ Марсова Поля, — постройка его была совершена такъ скоро, что казалась волшебствомъ. Переходя черезъ этотъ мостъ, мы имѣли предъ глазами тріумфальную арку, съ тремя большими проходами подъ ней. Барельефы, надписи этой тріумфальной арки, гласили ни о побѣдахъ и кровавыхъ битвахъ, но о свободѣ, о конституціи, о правахъ народа

„Когда мы прошли подъ этими сводами арки, мы казалось вступили въ иной міръ, а не на знакомое намъ Поле. Вообрази себѣ огромное пространство, окруженное земляным возвышеніемъ, на ко-

торомъ въ тридцать рядовъ были поставлены скамейки, между ними тамъ и сямъ оставлены проходы для свободнаго движенія и выхода.

„Напротивъ тріумфальной арки и на противоположной оконечности Марсова Поля, возвышалась крытая галлерея изящнаго рисунка; въ серединѣ ея и приблизительно на половинѣ ея высоты, являлся глазамъ тронъ короля Французовъ, тронъ Лудовика XVI; направо и налѣво отъ трона поднимались ряды скамеекъ, предназначенные, верхніе для представителей народа, прочіе—членамъ муниципалитета, избирателямъ Парижа и чрезвычайнымъ депутатамъ всего королевства.

„Надъ тропомъ, въ самой возвышенной части галлереи, было устроено особое помѣщеніе для королевы, дофина, королевской фамиліи и ихъ свиты. Посреди Марсова Поля, казавшагося еще несравненно обширнѣе, съ тѣхъ поръ какъ столько предметовъ дѣлали эту обширность еще замѣтнѣе, возвышался алтарь отечества. Съ четырехъ сторонъ его спускались отлогіе скаты по своей ширинѣ какъ будто предназначенныя для шествія цѣлаго народа. На ступеняхъ ихъ были разсѣяны священники, одѣтые всѣ въ бѣломъ и въ этомъ одѣяніи напоминавшіе воображенію левитовъ и гіерофантовъ.

„Когда это зрѣлище предстало глазамъ Національнаго Собранія, ступени алтаря были покрыты національ-гардами подъ ружьемъ, и мирные служители религіи, предъ алтаремъ, самымъ возвышеннымъ быть-можетъ изо всѣхъ когда-либо воздвигнутыхъ человѣкомъ, казалось стояли на этой высотѣ уже не для того, чтобы возвыситься надъ остальными смертными, но чтобы быть ближе къ небу.

„Дождь въ это время лошелъ еще сильнѣе, зрители на террасахъ раскрыли свои зонтики и надъ ихъ головами образовалась какъ бы разноцвѣтная крыша. Но вскорѣ дождь пересталъ, зонтики сложены и глазамъ является болѣе ста тысячъ зрителей.

„Внутри цирка, на своихъ мѣстахъ уже строились рядами прибывавшіе національ-гарды.

„Скамейки нижней части галлереи уже были заняты лицами, которымъ предназначались; въ помѣщеніи для королевской фамиліи еще были видны только нѣсколько министровъ его величества и нѣсколько особъ его свиты.

„Когда мы помѣстились на своихъ мѣстахъ, пришлось ждать еще болѣе трехъ часовъ прежде нежели всѣ федераты собрались, и прежде нежели были принесены на Марсово Поле всѣ знамена отъ департаментовъ.

„Дождь былъ точно въ заговорѣ противъ праздника, ливень возобновлялся поминутно, словно нарочно, чтобъ опечалить всѣхъ; но это ему не удалось: въ самый разгаръ проливнаго дождя нѣкоторые изъ федератовъ взялись за руки и начали танцовать образуя кругъ;

они нашли подражателей; круги соединялись, раздѣлялись, ихъ было то больше, то меньше; воздухъ огласился кликами радости и пѣснями; видны были только солдаты и гренадеры, бѣгущіе и прыгающіе держа другъ друга за руку; никогда не было зрѣлища болѣе пріятнаго и въ то же время болѣе внушительнаго какъ видъ этой арміи, которая за нѣсколько минутъ до того, какъ ей предстояло присягнуть, что она, когда понадобится, прольетъ всю свою кровь до послѣдней капли за свободу, танцовала вокругъ алтаря отечества подъ глазами своихъ законодателей.

„Другое чувство, которое эти солдаты націи проявляли каждую минуту, было нетерпѣніе увидать короля: было мгновеніе, когда тронъ прикрыли, чтобъ обезопасить его отъ дождя. При этомъ движеніи, о которомъ нельзя было судить на далекомъ разстояніи, тысячи голосовъ огласили воздухъ кликомъ: *да здравствуетъ король!* и тысячи рукъ и сабель поднялись кверху, влекомые неудержимымъ порывомъ радости.

„Присутствіе королевы вызвало тѣ же восторги; и они еще удвоились, когда нѣсколько разъ поднявъ на рукахъ своихъ юнаго наслѣдника трона, она словно призывала на него любовь и священное чувство націи. Въ этихъ неумолкавшихъ кликахъ, наполнявшихъ все обширное пространство, слышно было волненіе, которымъ переполнены были груди этихъ представителей защитниковъ націи столь же крѣпкой, сколь доблестной. Въ этомъ случаѣ ты увидалъ бы, мой другъ, то, чему душа твоя должна вѣрить, что величіе никогда не можетъ быть болѣе могущественнымъ и особенно болѣе священнымъ, какъ когда оно озарено нѣжными чувствами природы.

„Когда показался монархъ и сѣлъ на свой тронъ, не скрываемый болѣе въ глубинѣ дворца, ты увидѣлъ бы какъ со всѣхъ концовъ Марсова Поля сбѣжались національ-гарды и солдаты, ты увидѣлъ бы ихъ тѣснящимися толпами вокругъ ступеней галлереи, почти спрятанными другъ за другомъ, изъ всего тѣла выказывавшими только лицо, на которомъ выражалось все ихъ душевное волненіе. Гдѣ эти низкіе рабы, гдѣ эти обманщики, которые заставляли королей бояться свободы народа какъ разрушительницы монархіи? Какой король когда воспринялъ выраженія болѣе искренней и нѣжной любви? Какой тронъ когда-либо слышалъ болѣе высокія, болѣе блестящія привѣтствія? Видѣлъ ли когда Лудовикъ XIV въ своихъ азіятскихъ галлереяхъ или въ унылыхъ садахъ Версаля свой тронъ почтеннымъ такимъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ?

„Когда всѣ знамена были собраны, ихъ всѣ обнесли вокругъ алтаря для благословенія во имя Всевышняго Существа. Да! нѣтъ сомнѣнія, благословеніе неба должно низойти на знамена народа поистинѣ доблестнаго, и который въ своихъ законахъ далъ обѣщаніе

никогда не пятнать себя преступною славой завоеваній. Послѣ благословенія, департаменты пронесли свои знамена мимо его величества, и тогда изъ этихъ гражданъ-воиновъ образовались два ряда, изъ коихъ одинъ съ одного конца касался ступеней трона, съ другаго ступеней алтаря

„Г. де-Лафайетъ, которому и делегатами Національнаго Собранія и королемъ было ввѣрено соблюденіе порядка въ этотъ великій день, появился между этихъ двухъ рядовъ и на нѣкоторомъ разстояніи отъ галлереи, сойдя съ своего бѣлаго коня, приблизился къ трону его величества, чтобы принять его приказанія. Не знаю, кажется Тацитъ сказалъ насчетъ Агриколы, что ничто не можетъ придать столько блеска трону какъ видъ склоненнаго предъ нимъ чела человѣка гордаго и благороднаго, который, не старый годами, уже считаетъ въ своемъ прошедшемъ тріумфы. Я не увѣренъ, что это сказалъ Тацитъ, но я это почувствовалъ сегодня".

Любопытное описаніе! Какъ характерна эта кадриль цѣлой арміи, отплясывающей подъ проливнымъ дождемъ. Подобныя явленія французской веселости бывали и на провинціальныхъ федераціяхъ. Въ Турѣ, передаетъ Тэнъ (II, 289), основываясь на документахъ Національнаго архива, во время празднованія федераціи подъ вечеръ „офицеры, унтеръ офицеры, солдаты бросились въ разсыпную по улицамъ, одни съ саблею въ рукахъ, другіе устраивая танцы, крича: да здравствуетъ король, да здравствуетъ нація, бросая шляпы вверхъ, принуждая танцовать всякаго кого встрѣчали на пути. Проходилъ спокойно каѳедральный каноникъ, на него нахлобучили гренадерскую шапку и увлекли въ кадриль; за нимъ двухъ монаховъ. Обнимаютъ, отпускаютъ. Ѣдутъ кареты мера и маркиза Монтозье: влѣзаютъ внутрь, садятся на козла, вспрыгиваютъ на запятки, заставляютъ кучеровъ такимъ парадомъ ѣхать по главнымъ улицамъ. Никто, впрочемъ, не былъ обиженъ или оскорбленъ; хотя почти всѣ были пьяны". Обычны были также упоминаемые въ описаніи батальйоны дѣтей и ветерановъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно на югѣ, бывали батальйоны дѣвицъ и молодыхъ женщинъ, въ фантастически военномъ одѣяніи съ обнаженными шпагами въ рукахъ.

Увеселенія въ Парижѣ продолжались нѣсколько дней. Были публичные балы на Хлѣбномъ рынкѣ, на площади Бастиліи, гдѣ была выставлена надпись: „здѣсь танцуютъ".

Въ прочтенномъ описаніи нѣтъ подробностей о произнесеніи присяги. Лафайетъ произнесъ свою у алтаря отечества, возложивъ на него конецъ своей шпаги, при громѣ пушекъ и военной музыки. Король присягнулъ съ своего мѣста. Въ толпѣ слышались восклицанія: „къ алтарю". Между освященными знаменами было одно именованное *орифламмою*.

Послѣ праздника поднялся вопросъ о ней въ Національномъ Собраніи. Спрашивалось куда ее поставить. Аббатъ Мори объяснилъ историческое значеніе этого знамени. Это бѣлое священное знамя старыхъ королей, хранившееся въ храмѣ. Начиная съ Лудовика Толстаго и до Карла VII короли не выступали въ походъ не поднявъ орифламму. Знамя которое, подъ именемъ орифламмы, освящалось на праздникѣ 14 іюля не было это историческое знамя. То было новое знамя, на одной сторонѣ котораго написано было слово *конституція*, а на другой *французская армія*. Предсѣдатель Собранія и многіе члены полагали, что оно должно быть отнесено къ королю. Предсѣдателю это казалось такъ естественнымъ, что онъ сдѣлалъ было даже соотвѣтствующее распоряженіе. Собраніе, примѣняясь къ желанію Парижскаго муниципалитета, рѣшило что знамя будетъ повѣшено подъ сводами залы Собранія.

V.

Какъ отнеслась къ празднику 14 іюля революціонная журналистика? Прочтемъ нѣсколько отрывковъ. Они дадутъ объ этомъ понятіе.

Въ *Révolutions de Paris*, читаемъ: „День взятія Бастиліи никогда не будетъ имѣть себѣ равнаго въ исторіи Французской націи. Самоотверженіе, мужество, горячность, увлеченіе всѣхъ гражданъ, ихъ согласіе, ихъ совершенное равенство, уваженіе всѣхъ правъ, народная справедливость, порядокъ въ нѣдрахъ безпорядка, веселость въ нѣдрахъ тревоги и повсюду величіе, геній народа разбивающаго свои цѣпи и возвращающаго свои права. Вотъ чѣмъ характеризуется этотъ восхитительный день. Достойно ли послѣднее 14 іюля быть названо годовщиной такого дня? Можетъ-быть было бы достойно, еслибы не было этихъ разныхъ *обожаній*...

„Народъ идолопоклонный, который въ нашемъ праздникѣ видитъ только г. де-Лафайета, потомъ короля, а самого себя не видитъ; депутаты которые танцуютъ, чтобы не чувствовать дождя: другіе на улицѣ закалывающіе своими шпагами собакъ бѣгающихъ по улицѣ; Французы получающіе бѣлые флаги и терпящіе бѣлое знамя надъ тономъ; король который на охотѣ можетъ выносить самые проливные дожди и не участвуетъ въ шествіи среди вооруженнаго народа, потому что идетъ дождь; который не беретъ труда пройти отъ трона до алтаря чтобы принести присягу и этимъ удовлетворить народъ, платящій ему ежегодно 25 милліоновъ, не взирая на свою крайнюю нищету; науки, искусства, ремесла, гражданское мужество, добродѣтели, — не почтенныя, не награжденныя въ этотъ

---

* Выписки изъ революціонныхъ газетъ находятся въ *Histoire parlementaire de la Révolution Française*, par Buchez et Roux, Paris, 1834, т. VI, 387 и слѣд.

© ЛИТРЕС

великій день; побѣдители Бастиліи забытые, и ни слова, ни единаго слова почтенія памяти тѣхъ, кто въ этотъ день погибъ подъ стѣнами этой ужасной крѣпости; президентомъ Національнаго Собранія—царедворецъ (Бонней), дозволяющій другому царедворду презрѣнное и мелкое удовольствіе стать предъ нимъ и скрыть его отъ глазъ публики... тысяча маленькихъ хитростей чтобы возбудить подобострастные возгласы и заставить забыть Націю въ ту минуту, когда она была все: вотъ нынѣшній праздникъ.

„Депутаты департаментовъ отправились вечеромъ прохлаждаться въ Мюэту (à la Muette), гдѣ чуть не былъ задушенъ подъ поцѣлуями г. де-Лафайетъ, потомъ они пошли подъ окна Тюилери кричать: *да здравствуетъ король! Да здравствуетъ королева* кричали меньше. Между тѣмъ на льедесталахъ статуй въ Тюилери, были всюду приклеены печатные листы, просившіе, умолявшіе о милости къ ней федератовъ: „Французы, гласили они, что̀ стало съ нами? Ужели мы потерпимъ, чтобы королева, прекраснѣйшее украшеніе Франціи, не участвовала въ готовящемся праздникѣ? ужели мы допустимъ чтобы, клеветы распространяемыя противъ этой добродѣтельной, женщины продолжали насъ ослѣплять?“.. Въ четвергъ 15-го числа, громко выразилось обще неудовольствіе тому, что король не пошелъ къ алтарю... Въ эти дни *равенства* соблюдалось отличіе между народомъ въ мундирахъ и народомъ безъ мундировъ.... На смотру 18-го числа, какъ и послѣ присяги, они цѣловала руки, лятки, салоги Лафайета. Будь въ этотъ день назначены какіе-нибудь выборы, можно было бы опасаться чтобы народное сумазбродство не оказало его лошади тѣхъ же почестей которыя нѣкогда Калигула воздалъ своему коню... Рабы, да, рабы въ мундирахъ различныхъ департаментовъ собрались подъ окнами покоевъ королевы чтобы пѣть пѣснь, и въ концѣ каждаго куплета намѣренно протяжно кричали: *да здравствуетъ королева!* Да, конечно, *да здравствуетъ королева!* Но ужь если это былъ великій день примиренія и всепрощенія, не слѣдовало ли уже тоже кричать: *да здравствуютъ Полиньяки! да здравствуетъ красная книга! да здравствуетъ Тріанонъ! да здравствуетъ Бретёль! да здравствуетъ Ламберъ! да здравствуютъ покровители заговора противъ Парижа! да здравствуютъ авторы проекта увести короля въ Мецъ! да здравствуетъ письмо о двадцати пяти милліонахъ!* Предательское равнодушіе выказанное нашими общественными дѣятелями къ побѣдителямъ Бастиліи доказало ясно, что гражданскіе и военные начальники города Парижа не принимали никакого участія въ днѣ 14 іюля 1789“.

Вотъ какъ говоритъ въ свою очередь Маратъ въ своей газетѣ, *L'Ami du Peuple:* „Я не буду распространяться въ описаніи этихъ празднествъ; это былъ бы потерянный трудъ... Что администраторы города въ родѣ Бальи и всѣ мошенники распоряжающіеся большими дѣлами мечтаютъ только о благоденствіи и счастіи, въ этомъ

нѣтъ ничего удивительнаго: они утопаютъ въ роскоши; но чтобы послѣ оскудѣнія мануфактуръ и промышленности, послѣ остановки всѣхъ работъ, послѣ прекращенія платежей по общественнымъ рентамъ, послѣ семимѣсячнаго голода, хватило наглости говорить объ этомъ разоренному народу, несчастнымъ умирающимъ съ голоду—для этого конечно нуженъ мѣдный лобъ“.

„Среди этой общей нищеты, продолжаетъ Маратъ, цѣлыхъ восемь дней, говорятъ, должны быть посвящены празднествамъ, пирамъ, играмъ и увеселеніямъ всякаго рода, а ночи иллюминаціямъ.

„Ужели хотятъ они ввести въ заблужденіе ложнымъ видомъ общественнаго благоденствія людей, у которыхъ постоянно подъ глазами масса нищенствующихъ? Ужели надѣются они извинить свою скандалезную расточительность разглагольствомъ объ общественномъ благѣ?

„Надо было видѣть ольяненіе Французовъ во время приготовленій къ федеративному празднику, ихъ опасенія чтобы медленность въ работахъ не помѣшала ему, горячность съ которою они сами брались за трудъ, ихъ энтузіазмъ когда тронулось тріумфальное шествіе, чтобы составить себѣ понятіе не о любви ихъ къ отечеству, нѣтъ, но о ихъ бѣшеномъ пристрастіи къ зрѣлищамъ и новостямъ...

„Среди криковъ восторга, какое могло быть для націи болѣе унизительное зрѣлище, какъ видѣть президента сената, представителя націи, на убогомъ стулѣ, и тутъ же короля, въ сущности только перваго слугу народа, на великолѣпномъ тронѣ, со всѣми внѣшними отличіями тріумфатора! Что̀ можетъ быть возмутительнѣе отказа короля принести присягу въ вѣрности націи на алтарѣ отечества!...“

Въ *Révolutions de France et de Brabant* Камиля Демулена сказано: „Ежели бы я имѣлъ честь быть депутатомъ, я бы потребовалъ чтобы тронъ, на которомъ такъ безстрѣшно возсѣдалъ г. Капетъ оставался пустымъ, на возвышенномъ мѣстѣ, какъ представитель народнаго верховенства; я хотѣлъ бы чтобы подъ нимъ обѣ власти помѣщались на сѣдалищахъ по крайней мѣрѣ равныхъ. Вся досада, которую намъ причинили и наглость кресла власти исполнительной, и униженіе, пресмыканіе кресла законодательной власти, и отвратительный видъ мундировъ гвардейцевъ, и униженные поклоны г. Мотье, и такъ-сказать бѣгство короля, у котораго ноги сейчасъ перестали болѣть когда дѣло дошло до желанія удрать, какъ только раздались крики: *къ алтарю!*—вся эта досада наша не помѣшала намъ замѣтить въ поведеніи нашихъ согражданъ множество чертъ дѣлающихъ имъ величайшую честь...

„Когда выстрѣлъ изъ пушки и звукъ барабановъ возвѣстили принесеніе присяги, Парижане, оставшіеся въ городѣ, мущины, женщины и дѣти, съ восторгомъ воздѣвали руки и восклицали: *да кля-*

пусь! Они счастливы, что оставались въ городѣ: ихъ радость осталась чистою и безъ примѣси горечи. Они не слыхали криковъ. правда рѣдкихъ, стыдливыхъ, сдавленныхъ и тотчасъ заглушенныхъ: *Да здравствуетъ королева! Да здравствуютъ гвардейцы!* Имъ не кололи глаза ни наглость кресла исполнительной власти, ни униженіе націи, ни преступное сообщничество подлаго президента Боннея".

VI.

Задачею революціонной журналистики въ ту эпоху было всячески дескредитировать ту сравнительно умѣренную часть Собранія, въ рукахъ которой была революція при первыхъ ея шагахъ и которая стремясь къ конституціонному порядку искренно не желала крушенія монархіи. Потокъ разрушенія ушелъ впередъ. Она сдѣлалась отсталой. Вчерашніе кумиры—какъ Лафайетъ, Бальи — стали предметомъ поруганія. Недавнее благоговѣніе къ Національному Собранію исчезло. Оно сдѣлалось предметомъ нападеній. Отдѣльныхъ членовъ, державшихся монархическаго начала революціонная журналистика, открыто призывавшая къ мятежу, предавала всяческому поруганію.

Въ засѣданіи 31 іюля 1790 г. депутатъ Малуэ попросилъ слова для обличенія журналистовъ. „Я имѣю сдѣлать важное обличеніе", сказалъ онъ. Многіе члены лѣвой стороны, зная въ чемъ дѣло, кричатъ: „обратитесь съ нимъ въ полицію". Требуютъ перехода къ очереднымъ дѣламъ. „Нѣтъ очереднаго дѣла болѣе настоятельнаго, восклицаетъ Малуэ. Я хочу сдѣлать вамъ извѣстными гнусные умыслы и призвать кару на тѣхъ кто ихъ измышляетъ. Я приведу васъ въ трепетъ, сказавъ вамъ что существуетъ заговоръ задержать короля, ввергнуть въ темницу королеву, королевское семейство и главныхъ сановниковъ, и предать смерти отъ ляти до шести сотъ человѣкъ. Да, на вашихъ глазахъ, у вашихъ дверей, злодѣи обдумываютъ и распространяютъ эти гнусности, возбуждаютъ народъ къ бѣшенству, къ пролитію крови, развращаютъ его нравы, нападаютъ на основы конституціи и свободы. Останутся ли равнодушны и глухи къ этому представители народа? Я изобличаю предъ вами гг. Марата и Камиля Демулена (*ропотъ и смѣхъ съ лѣвой стороны*). Я не смѣю полагать чтобъ изъ среды Національнаго Собранія раздавался смѣхъ, когда я открываю преступленіе противъ общества."

Г. Малуэ читаетъ затѣмъ выдержки изъ листка *Другъ народа*, подъ заглавіемъ *Мы пропали* (C'en est fait de nous). Вотъ одинъ изъ параграфовъ.

„Граждане всѣхъ возрастовъ и всѣхъ положеній! мѣры принятыя Собраніемъ не помѣшаютъ вамъ погибнуть: вы безвозвратно пропали если не возьметесь за оружіе, и не обрѣтете въ себѣ ту геройскую доблесть которая 14 іюля и 5 октября дважды спасла Францію. Спѣшите въ Сенъ-Клу, пока есть время, приведите въ наши стѣны короля и дофина, стерегите ихъ бдительно, и пусть они будутъ вамъ порукой въ событіяхъ. Заприте Австріячку и шурина ея, чтобъ имъ нельзя было ковать свои заговоры, схватите и заключите въ оковы всѣхъ министровъ и чиновниковъ, держите подъ стражей главу муниципалитета, помощниковъ мера, генерала, генеральный штабъ; возьмите артиллерійскій паркъ въ улицѣ Вертъ, завладѣйте всѣми пороховыми заводами и магазинами, пусть будутъ розданы пушки по округамъ, пусть соберутся окружныя управленія въ постоянное засѣданіе, заставятъ отмѣнить пагубные декреты. Бѣгите, спѣшите, если еще не упущено время, или скоро увидите безчисленные враждебные легіоны которые ринутся на васъ. увидите какъ подымутся привилегированные классы, и деспотизмъ, ужасный деспотизмъ, возстанетъ болѣе подавляющій чѣмъ когда бы то ни было. Пяти, шести сотъ головъ достаточно чтобы закрѣпить ваше спокойствіе, вашу свободу, ваше счастіе; ложная гуманность удержала вашу руки и остановила ваши удары: она будетъ стоить милліоновъ жизней вашихъ братьевъ. Если ваши враги восторжествуютъ, кровь польется рѣкой, они зарѣжутъ васъ безъ милосердія, распорютъ животъ вашимъ женамъ, и чтобы навсегда погасить среди васъ любовь къ свободѣ, ихъ кровожадныя руки вырвутъ сердца изъ груди вашихъ дѣтей."

Обращаясь затѣмъ къ Камилю Демулену, „я не мщу, сказалъ Малуэ, за частное оскорбленіе. Но послѣ года молчанія и презрѣнія я долженъ явиться мстителемъ за общество. Прочтите послѣдній нумеръ *Революцій во Франціи и въ Брабантѣ*. Какъ тутъ сомнѣваться? Могутъ ли быть болѣе жестокіе враги конституціи какъ тѣ кто желаютъ низвести короля до предмета презрѣнія и посмѣшища, кто по поводу достопамятнаго празднества, гдѣ король со всѣхъ концовъ государства былъ привѣтствуемъ выраженіями любви и преданности, говорятъ намъ наглости о тронѣ или какъ они выражаются: *кресло исполнительной власти*.

„Національнымъ праздникомъ Камиль Демуленъ называетъ тріумфъ Павла Эмилія, на которомъ государь, съ руками связанными за спиной, въ униженіи, слѣдовалъ за колесницей тріумфатора; онъ пользуется этимъ историческимъ фактомъ для преступнаго намека на праздникъ федерацій... Прежде нежели изобличить предъ вами эти преступленія, я пытался возбудить бдительность министерства; замѣшательство сановника, почти признавшагося мнѣ въ безсиліи законовъ, удвоило мой ужасъ. Какъ, сказалъ я себѣ, если законы безсильны, то кто предупредитъ насъ о томъ, какъ не сами суды? Ихъ обязанность обратить вниманіе націи на угрожающія ей опасности;

иначе лусть они завѣсять траурнымъ креломъ свѣтилище правосудія, лусть скажутъ они намъ что законы безвластны и логибнутъ съ ними; ихъ обязанность пасть первыми подъ кинжалами тиранніи. Изобличить предъ вами опасность, въ которой находится свобода и общественное дѣло,—будетъ шагомъ къ спасенію, будетъ вызовомъ къ наказанію преступленій: не потерпите чтобъ Европа насъ заклеймила лозоромъ, повѣривъ что наши убѣжденія и наши права тождественны съ убѣжденіями и правами гг. Марата и Камиля Демулена. Они настоящіе враги общественнаго дѣла, а не тѣ кто страдаютъ отъ вашихъ реформъ. Человѣка страшно любящаго свободу возмущаетъ разнузданность своеволія, котому онъ предпочелъ бы всѣ ужасы деспотизма. Я требую чтобы королевскій прокуроръ при судѣ Шателе былъ призванъ сюда и получилъ приказъ преслѣдовать какъ преступниковъ противъ націи писателей, призывающихъ народъ къ пролитію крови и неповиновенію законамъ. (*Въ части собранія раздаются аплодисменты, въ другой части слышится ропотъ.*)

Малуэ предложилъ слѣдующій проектъ декрета: „Національное Собраніе, въ виду сдѣланнаго однимъ изъ его членовъ доноса противъ статьи *Мы пропали* и противъ послѣдняго нумера газеты *Революціи во Франціи и въ Брабантѣ*, издалъ декретъ о вызовѣ въ Собраніе королевскаго прокурора при Шателе, для предписанія ему преслѣдовать, какъ преступниковъ противъ націи, авторовъ, типографщиковъ и разносщиковъ статей призывающихъ народъ къ возстанію, къ пролитію крови и ниспроверженію конституціи.“

Декретъ, увы! не имѣлъ никакихъ послѣдствій и былъ даже потомъ отмѣненъ.

Маратъ насмѣялся надъ Собраніемъ. „Я не умѣю пресмыкаться, писалъ онъ: впредь я не только не воздамъ никакого знака уваженія Собранію, но я буду относиться къ нему со справедливою строгостью; я не принесу ему никакой хвалы. Еслибы случайно изъ нѣдръ его возникъ хорошій декретъ, это будетъ только исполненіемъ долга; но я буду на стражѣ съ кнутомъ цензуры въ рукахъ при всякомъ его дурномъ декретѣ, а ихъ можетъ оказаться страшное число, потому что Собраніе поработили враги народа.“

„Ничто, пишетъ Камиль Демуленъ, не насмѣшило меня такъ какъ это объявленіе Маратомъ войны Національному Собранію. Вотъ по истинѣ заблудшее чадо журналистовъ-патріотовъ. Право начинаю думать что у Марата есть кольцо Гигеса. Очевидно онъ увѣренъ что проведетъ всѣхъ шпіоновъ старой полиціи и наблюдателей новой и проскочитъ чрезъ баталіонъ г. Карля, ибо отвѣчаетъ войной на войну и въ слѣдующемъ же нумерѣ обвиняетъ Собраніе въ государственной измѣнѣ.“

Какой отвѣтственности можно было бояться, когда на другой день

засѣданія выдавшаго декретъ предложенный Малуэ, предсѣдатель прочелъ Собранію письмо отъ „побѣдителей Бастиліи“, сообщавшихъ что они приглашаютъ писателей посвятившихъ себя защитѣ свободы, Камиля Демулена, Лустало, Карра и пр. и пр. присутствовать при богослуженіи для помина души логибшихъ при осадѣ этой крѣпости. „Собраніе не получило даже особаго приглашенія. Мы узнаемъ о приглашеніи только изъ афишъ,“ сказалъ одинъ изъ членовъ. Боясь отказаться отъ участія въ поминкахъ, но и не рѣшаясь послѣдовать такому приглашенію, Собраніе рѣшило само назначить „торжественное служеніе въ память лавшихъ за свободу“.

Камиль Демуленъ со своей стороны прислалъ въ Собраніе оправдательный адресъ. Адресъ былъ прочтенъ въ засѣданіи 2 августа.

„Я желалъ бы знать, спрашивалъ по поводу его Малуэ, какое правительство, какое варварское общество дозволило бы то, что запрещается вашимъ декретомъ? Если Камиль Демуленъ невиненъ, пусть онъ оправдывается. Или онъ виновенъ? Я буду обвинителемъ его и всякаго кто выступитъ его защитникомъ. Пусть оправдывается если смѣетъ“.

Въ эту минуту въ одной изъ трибунъ раздается голосъ: *да, я смѣю.* Часть Собранія поднимается въ изумленіи: проносится слухъ, что это сказалъ Камиль Демуленъ; президентъ отдаетъ приказаніе арестовать лицо произнесшее эти слова.

Вкрадчиво выступаетъ Робеспьеръ. „Я полагаю, говоритъ онъ, что приказаніе отданное г. президентомъ было вызвано необходимостью: но слѣдуетъ ли смѣшивать необдуманность и неосторожность съ преступленіемъ? Онъ слышалъ какъ его обвиняли въ преступленіи противъ націи: въ такомъ случаѣ человѣку трудно удержаться. Нельзя предполагать въ немъ намѣреніе оскорбить Собраніе. Гуманность и справедливость говорятъ въ его пользу. Я требую, чтобъ его оставили на свободѣ и чтобы Собраніе перешло къ очереднымъ дѣламъ“.

Предсѣдатель объявляетъ, что Камиль Демуленъ исчезъ, и что его не могли арестовать.

Собраніе переходитъ къ очереднымъ дѣламъ...

Не безъ основанія писала Екатерина въ этомъ же 1790 году въ Парижъ: „Во Франціи теперь тысяча двѣсти законодателей, которыхъ не слушается никто кромѣ короля“.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе I

Вмѣсто введенія: **Противъ теченія**, разговоръ двухъ пріятелей лѣтомъ 1880 года VII

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ. Черты предреволюціонной Франціи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. *Послѣдніе дни блеска французской монархіи. Жизнь для наслажденія* 1

ГЛАВА ВТОРАЯ. *Въ круговоротѣ общественной жизни* 15

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. *Парижъ сто лѣтъ тому назадъ* 28

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. *Подвиги шарлатанства на почвѣ общественнаго легковѣрія* 41

ГЛАВА ПЯТАЯ. *Правительство и правящіе классы въ предреволюціонную эпоху* 56

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ. Роковой шагъ: собраніе нотаблей въ 1787 году.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. *Правительственное рѣшеніе собрать нотаблей.* 84

I. Кому принадлежитъ починъ собранія нотаблей.—II. Какъ было встрѣчено правительственное рѣшеніе.—III. Почему собраніе нотаблей стало роковымъ событіемъ. — IV. Отступленіе: важный моментъ въ нашей новѣйшей исторіи.

ГЛАВА ВТОРАЯ. *Крушеніе правительственныхъ разсчетовъ и надеждъ* 104

I. Открытіе собранія нотаблей. Рѣчь Калона и ея послѣдствія. — II. Оппозиція духовенства. — III. Неосторожный шагъ и паденіе Калона. — IV. Еще о роковомъ значеніи собранія нотаблей.—V. Новый министръ Бріенъ.

© ГПНТБ СО РАН

Стр.

ОЧЕРКЪ ТРЕТІЙ. Починъ революціи. Борьба высшихъ классовъ съ правительствомъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. *Увлеченія Парижскаго парламента*..... 131

I. Кѣмъ поднято первое знамя мятежа. — II. Парламентская молодежь. — III Представленіе Парижскаго парламента и отвѣтъ правительства.—IV. Дѣятельность Мирабо въ эту эпоху. — V. Мѣропріятія противъ парламента.

ГЛАВА ВТОРАЯ. *Увлеченія провинцій и сословій. Уступка правительства*..... 154

ОЧЕРКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ. Наканунѣ собранія сословныхъ представителей.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. *Правительственныя распоряженія* 164

I. Неприготовленность правительства. — II. Обращеніе къ печати. — III. Нѣсколько замѣчаній о значеніи свободы печати вообще. — IV. Брошюра Сіеса. — V. Собраніе нотаблей.—VI. Письмо Калона.—VII. Роль Неккера.

ГЛАВА ВТОРАЯ. *Выборы въ Собраніе въ Парижѣ и въ провинціяхъ*..... 198

I. Бальи и Мармонтель о выборахъ въ Парижѣ. — II. Разговоръ Мармонтеля съ Шамфоромъ.—III. Разграбленіе фабрикъ Ревельйона.— IV. Выборы въ провинціяхъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. *Наказы выборнымъ*..... 222

I. Общій характеръ наказовъ —II. Наказы по вопросамъ о воспитаніи.

ОЧЕРКЪ ПЯТЫЙ. Собраніе сословныхъ представителей и дни предшествовавшіе уличной революціи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. *Открытіе Собранія и первыя столкновенія*. . 239

I. Открытіе Собранія представителей.—II. Отсутствіе плана у правительства —III. Притязанія третьяго сословія.—IV. Неудача примирительныхъ попытокъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ. *Провозглашеніе Національнаго Собранія*... ... 258

I. Планъ Неккера и предложеніе Сіеса. — II. Организація Національнаго Собранія. — III. Роль Мирабо. Засѣданія 16 и 17 іюня — IV. Новые планы Неккера.—V. Декларація 23 іюня.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. *Дни предшествовавшіе уличной революціи*.... 279

I. Уступки и колебанія. — II Участіе вожаковъ Собранія въ возбужденіи волненій.

Стр.

ОЧЕРКЪ ШЕСТОЙ. Первые дни революціи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. *Событія въ іюлѣ 1789 года*.. 295

I. Послѣдніе дни предъ взятіемъ Бастиліи. — II. Событія утромъ 14 іюля.—III. Взятіе Бастиліи —IV, V. Первыя жертвы революціи.

ГЛАВА ВТОРАЯ. *Неизданное повѣствованіе очевидца о первыхъ дняхъ революціи*..... 318

I. Неизданное сочиненіе о революціи кавалера д'Агила. — II. Повѣствованіе д'Агила о первыхъ дняхъ революціи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. *Нѣсколько замѣчаній по поводу повѣствованія кавалера д'Агила*..... 351

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. *Продолженіе повѣствованія кавалера д'Агила*. 362

ОЧЕРКЪ СЕДЬМОЙ. Франція въ первые мѣсяцы крушенія стараго порядка.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. *Состояніе страны въ первую эпоху революціоннаго „возрожденія“*. 379

I. Свидѣтельство очевидца-иностранца о состояніи страны въ первую эпоху революціоннаго „возрожденія“. — II. Кампе въ театрѣ.— III. Кампе въ Національномъ Собраніи. — IV. Продолжающіяся неистовства. — V. Неурядица въ провинціяхъ.—VI Оффиціальная газета о революціонныхъ событіяхъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ. *Великодушная ночь четвертаго августа*..... 410

I. Засѣданіе четвертаго августа. — II. Мирабо о засѣданіи четвертаго августа.—III. Первыя послѣдствія рѣшеній Собранія.— IV, V. Явленія анархіи.

ОЧЕРКЪ ВОСЬМОЙ. Дѣятели національнаго собранія и его законодательная работа.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. *Составъ Собранія*..... 440

I. Боркъ и Тэнъ о составѣ Собранія.—II. Нѣсколько замѣчаній о выборномъ началѣ.—III. Характеристика засѣданій по Тэну.

ГЛАВА ВТОРАЯ. *Революціонеры-теоретики, ихъ иллюзіи и разочарованія*.... 454

I. Первые труды по составленію конституціи.—II. Усилія доктринеровъ.—III. Ихъ паденіе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. *Партіи и вожаки Собранія*..... 468

I, II. Классификація членовъ Собранія.—III. Мирабо.—IV. Мори.— V. Казалесъ —VI. Робеспьеръ.

ОТНТВОЕН

Стр.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. *Краснорѣчіе въ Собраніи и аргументы улицы* 494

I. Впечатлѣнія иностранцевъ въ Собраніи: Карамзинъ, Коцебу. — II. Аргументъ уличнаго мятежа. Дуэли между членами Собранія.— III. Эпизодъ Морп съ разнощикомъ газетъ.—IV. Парижскія впечатлѣнія Коцебу, въ 1790 году.

ОЧЕРКЪ ДЕВЯТЫЙ. Революція въ мечтаніяхъ и на фактѣ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. *Одинъ изъ источниковъ революціоннаго ученія.*. 517

I. Руссо и его трактатъ —II. Революція и картезіанство.

ГЛАВА ВТОРАЯ *Осуществленіе революціоннаго ученія въ законодательствѣ: „Объявленіе правъ человѣка“* 530

I. Какъ составлено было „Объявленіе“.—II. Текстъ „Объявленія“ въ нѣсколькихъ его изданіяхъ — III, IV, V. Основныя идеи „Объявленія: идея народнаго самодержавія въ связи съ ученіемъ Руссо.— VI. Идея общаго счастія.— VII. Замѣчанія Бентама касательно „Объявленія“. Ближайшія практическія послѣдствія „Объявленія“.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. *Осуществленіе революціоннаго ученія на фактѣ.* 572

I, II. Революціонныя начала: равенство и свобода. — III, IV. Свобода религіозная —V, VI. Свобода политическая: клубы.—VII. Королевское правительство и Мирабо.— VIII. Клубъ Якобинцевъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. *Изъ міра революціонной журналистики.* . 611

I. Издатель революціоннаго журнала: Прюдомъ. II, III. Журналистъ наканунѣ революціи: Бриссо. — IV. Журналистъ народившійся съ революціей: Лустало.

ОЧЕРКЪ ДЕСЯТЫЙ. Свѣтлый день революціи: праздникъ федераціи 14 іюля 1890 года.

I. Наканунѣ праздника федераціи. – II. Работы на Марсовомъ полѣ.—III. Распоряженія Собранія.—IV. Описаніе праздника —V. Революціонная журналистика о праздникѣ 14 іюля.—V. Торжество журнальной разнузданности.

© ГПИБ СО РАН